Священное Писание

в толкованиях святителя

Иоанна Златоуста

Том I

Книга Бытия

*Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й*

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Златоу́сте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.

Священное Писание
в толкованиях святителя
Иоанна Златоуста

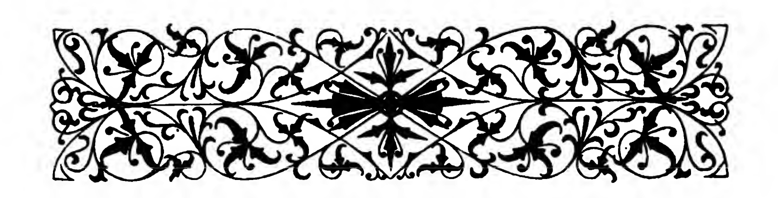
Том I

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

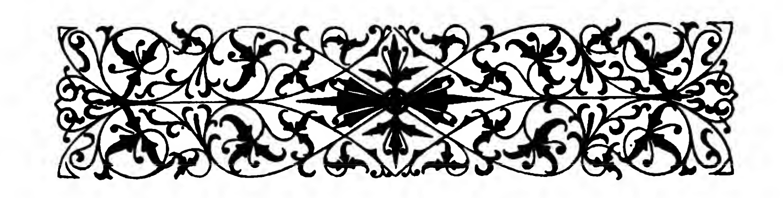
Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том I. Беседы на книгу Бытия. — М.: «Ковчег», 2006. — 912 с.

ISBN 5-98317-082-1



СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА КНИГУ БЫТИЯ



БЕСЕДЫ НА КНИГУ БЫТИЯ

БЕСЕДА I
Увещательное слово при наступлении святой Четыредесятницы

Радуюсь и веселюсь, видя ныне, что Церковь Божия красуется множеством своих чад и все вы стеклись с великой радостью. Когда смотрю на светлые лица ваши, то нахожу в них яснейшее доказательство вашего душевного веселья, как и премудрый сказал: *сердцу веселящуся, лице цветет* (Притч. XV, 13). Поэтому – и я встал сегодня с большим рвением, имея в виду и участвовать с вами в этой духовной радости и вместе с тем желая быть для вас провозвестником наступления святой четыредесятницы, как врачевства душ наших. А общий всех нас Господь, как чадолюбивый отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачевство в святом посте. Итак, никто не скорби, никто не являйся печальным, но ликуй, радуйся и прославляй Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим весельем принимай его наступление! Да постыдятся эллины, да посрамятся иудеи, видя, с какой радостной готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают самим делом, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство,

всякого рода необузданность и бесстыдства, которые обыкновенно при этом они производят. Церковь же Божия — вопреки им — да называет праздником пост, презрение (удовольствий) чрева, и следующие затем всякого рода добродетели. И это есть истинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания животных, но вместо всего этого господствует совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага.

Вот об этом-то, говорю, празднике побеседуем несколько с вашей любовью, наперед прося вас выслушать слова наши с полным спокойствием, чтобы вы могли уйти отсюда домой, принеся добрый плод. Мы собираемся сюда не просто и не напрасно для того только, чтобы один говорил, а другой рукоплескал словам первого, и затем все расходились отсюда, но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное к вашему спасению, и вы получили плод и великую пользу от слов наших, и с тем вышли отсюда. Церковь есть духовная лечебница, и приходящие сюда должны получать соответствующие врачевства, прилагать их к своим ранам, и с этим уходить отсюда. А что одно слушание, без исполнения на деле, не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного Павла, который говорит: *не слышателие бо закона праведнъı пред Богом, но творцъı закона оправдятся* (Рим. II, 13). И Христос, в Своей проповеди, сказал: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное: но творяй волю Отца моего, иже есть на небесех* (Мф. VII, 21). Итак, возлюбленные, зная, что нам не будет никакой пользы от слушания, если не последует за ним исполнение на деле, будем не только слушателями, но и исполнителями, чтобы дела, соответствующие словам, послужили основанием одушевленного слова. Отверзите же недра души вашей и примите сло-

во о посте. Как готовящиеся принять целомудренную и прекрасную невесту украшают брачную горницу со всех сторон покровами, очищают весь дом, не впускают в него ни одной негодной служанки, и потом уже вводят невесту в брачный покой, — подобно этому желаю, чтобы и вы, очистив свою душу и распростившись с забавами и всяким невоздержанием, приняли с распростертыми объятиями матерь всех благ и учительницу целомудрия и всякой добродетели, то есть пост, — так, чтобы и вы наслаждались большим удовольствием, и он (пост) доставил вам надлежащее и соответственное вам врачевство. И врачи, когда намереваются дать лекарство желающим очистить у себя гнилые и испортившиеся соки, приказывают воздерживаться от обыкновенной пищи, дабы она не помешала лекарству подействовать и оказать свою силу; тем более мы, готовясь принять это духовное врачевство, то есть пользу, происходящую от поста, должны воздержанием очистить свой ум и облегчить душу, дабы она, погрязнув в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным.

2. Вижу, что многим кажутся странными слова наши; но, прошу вас, не будем безрассудно раболепствовать привычке, а станем устроять свою жизнь согласно с разумом. В самом деле, разве будет нам какая-либо польза от того, что целый день проведем в объедении и пьянстве? Что говорю: польза? Напротив, (от этого произойдет) великий вред и неисправимое зло. Как скоро ум помрачился от неумеренного употребления вина, то сейчас же, в самом начале и на первом шагу, прекращается польза от поста. Что неприятнее, скажи мне, что гнуснее тех людей, которые, упиваясь вином до полуночи, под утро, при восхождении солнца, испускают такой запах, как нагруженные свежим вином? Они оказываются неприятными встречающимся, и презренными в глазах рабов, и смешными для всех, сколько-

нибудь знающих приличие, а что всего важнее, таким невоздержанием и безвременной и гибельной неумеренностью навлекают на себя гнев Божий. *Пияницы*, сказано, *царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 10). Что же может быть жалче этих людей, которые за краткое и гибельное удовольствие извергаются из преддверий царствия? Но да не будет, чтобы кто-либо из собравшихся здесь увлекся этой страстью; напротив, чтобы все мы, проведя и настоящий день со всяким любомудрием и целомудрием и освободившись от бури и волнения, которые обыкновенно производит пьянство, вошли в пристань душ наших, то есть в пост, и могли в изобилии получить даруемые им блага. Как невоздержность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так пост и презрение (удовольствий) чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Сотворив в начале человека и зная, что это врачевство весьма нужно ему для душевного спасения, Бог тотчас же и в самом начале дал первозданному следующую заповедь: *от всякого древа, еже в рай, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него* (Быт. II, 16, 17). Слова: «это вкушай, а этого не вкушай», заключали некоторый вид поста. Но человек, вместо того, чтобы соблюсти заповедь, преступил ее; поддавшись чревоугодию, он оказал преслушание и осужден был на смерть. Лукавый демон и враг рода нашего, как увидел, что первозданный проводит в раю беспечальную жизнь, и, облеченный плотью, живет на земле как ангел, решился соблазнить и увлечь его к падению обещанием еще больших благ, и таким образом лишил его и того, чем он уже обладал. Вот что значит не оставаться в своих пределах, но домогаться большего. На это-то указывая, премудрый сказал: *завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. II, 24). Видел ты, возлюбленный, как смерть и вначале пришла от невоздержания? Посмотри, как и впоследствии

Божественное Писание постоянно осуждает увеселения, и говорит — в одном месте: *и седоша людие ясти и пиши, и восташа играми* (Исх. XXXII, 6), а в другом: *и яде и* пияше, *уты, утолсте и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). И жители Содома этим же, сверх прочих преступлений, навлекли на себя неумолимый гнев Божий. Послушай, что говорит пророк: *сие беззаконие Содомы, яко в сытости хлеба сластолюбствоваша* (Иез. XVI, 49). (Этот порок) есть как бы источник и корень всего худого.

3. Видишь вред от невоздержания? Посмотри теперь на благотворные действия поста. Проведя сорок дней в посте, великий Моисей удостоился получить скрижали закона; когда же, сошедши с горы, увидел он беззаконие народа, то бросил эти скрижали, полученные с таким усилием, и разбил, почитая несообразным сообщить заповеди Господни народу, пьянствующему и поступающему беззаконно. Поэтому чудный этот пророк должен был поститься еще сорок дней, чтобы удостоиться опять получить свыше и принести (к народу) скрижали, разбитые за его беззаконие (см.: Исх. XXIV, 32, 34). И великий Илия постился столько же дней, и избег владычества смерти, вознесся на огненной колеснице как бы на небо и доныне не испытал смерти (см.: 4 Цар. II, 1, 11). И муж желаний, много дней проведя в посте, удостоился чудного того видения (см.: Дан. 10, 3); он же укротил ярость львов и обратил ее в кротость овец, не переменив природы, но изменив расположение, между тем как зверскость их оставалась та же. И ниневитяне постом отклонили определение Господне, заставив поститься, вместе с людьми, и бессловесных животных, и таким образом, отстав все от злых дел, расположили к человеколюбию Владыку вселенной (см.: Ин. III, 7). Но для чего мне еще обращаться к рабам (можем ведь насчитать множество и других, которые прославились постом и в Ветхом и в

Новом Завете), когда нужно указать на всеобщего нашего Владыку? И Сам Господь наш Иисус Христос, после сорокадневного поста, вступил в борьбу с диаволом и подал всем нам пример того, чтобы и мы тем же постом вооружались и, приобретя через это силу, вступали в борьбу с диаволом (см.: Мф. IV, 2). Но здесь, может быть, кто-либо с острым и живым умом спросит: почему Владыка постится столько же дней, сколько и рабы, а не больше их? Так сделано не просто и не напрасно, но премудро и по неизреченному Его человеколюбию. Чтобы не подумали, будто Он явился призрачно, и не принял на себя плоти, или не имел природы человеческой, для этого Он постился столько же дней, а не больше, и таким образом заграждает бесстыдные уста охотникам до споров. Если и теперь, когда уже так произошло, еще осмеливаются говорить это, то чего бы не осмелились сказать, когда бы (Господь) по Своему предведению не отнял у них повода (к спорам)? Поэтому Он благоволил поститься не больше, но столько же дней, сколько и рабы, чтобы самым делом научить нас, что Он облечен был такой же (как мы) плотью и не был чужд нашей природы.

4. Итак, ясно стало нам, и из примера рабов, и из примера Самого Господа, что велика сила поста и много пользы от него бывает душе. Поэтому прошу любовь вашу, чтобы, зная пользу от поста, вы не лишились ее по нерадению, и при его наступлении не печалились, но радовались и веселились, согласно со словами блаженного Павла: *аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется* (2 Кор. IV, 16). В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей легкий полет, делает ее способной подниматься на высоту и помышлять о горнем, и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни. Как легкие суда скорее пе-

реплывают моря, а обремененные большим грузом затопают, так и пост, делая ум наш более легким, способствует быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным, не дорожить настоящим, а считать его ничтожнее тени и сонных грез. Напротив, пьянство и объедение, обременяя ум и утучняя тело, делают душу пленницей, обуревая ее со всех сторон, и не позволяя ей иметь твердую основу в суждении, заставляют ее носиться по утесам и делать все ко вреду собственного своего спасения. Не будем же, возлюбленные, беспечны в устроении нашего спасения, но зная, сколько зол проистекает от невоздержности, постараемся избегать вредных от нее последствий. Роскошь воспрещена не только в Новом Завете, где больше уже требуется любомудрия, большие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялась и в Ветхом, когда находились еще под тенью, пользовались светильником и вразумляемы были понемногу, как дети, питаемые молоком. И чтобы не думалось вам, будто мы так осуждаем увеселения без основания, послушайте пророка, который говорит: *люте приходящим в день зол, спящим на одрех от костей слоновых и ласкосердствующим на постелях своих, ядущим козлища от паств, и тельцы, млеком питаеми от среды стад, пиющим procеженое вино и первыми вонями мажущимся, яко стояща мнеша, а не яко бежаща** (Ам. VI, 3–6). Видите, как обличает пророк роскошь, и притом говоря иудеям, бесчувственным, неразумным, ежедневно предававшимся чревоугодию? И заметьте точность выражений: обличив их неумеренность в пище и употреблении вина, он потом присовокупил: *яко стояща мнеша, а не яко бежаща*, показывая этим, что

* В таком порядке, отступающем от обычного греческого текста, читается это место по изданию Миня.

наслаждение (пищей и вином) ограничивается только гортанью и устами, а дальше не простирается.

Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна. И это, говорит, зная по опыту, они все *яко стояща мнеша*, то есть считали постоянным, *а не яко бежаща*, то есть улетающим и ни на минуту не останавливающимся. Таково ведь все человеческое и плотское: не успеет появиться — и улетит. Таково веселье, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков, и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этому. Напротив, духовное не таково: оно твердо и непоколебимо, не подлежит переменам и пребывает вечно. Как же было бы безрассудно менять непоколебимое на колеблющееся, вечное на временное, постоянно пребывающее на скоропреходящее, доставляющее великую радость в будущем веке на то, что уготовляет нам там великое мучение? Размышляя обо всем этом, возлюбленные, и дорожа своим спасением, презрим бесплодные и гибельные увеселения; возлюбим пост и всякое другое любомудрие, покажем великую перемену в жизни и каждый день будем спешить к совершению добрых дел, чтобы, в течение всей святой четыредесятницы, совершив духовную куплю и собрав великое богатство добродетели, нам таким образом удостоиться достигнуть и дня Господня, с дерзновением приступить к страшной и духовной трапезе, с чистой совестью быть причастниками неизреченных и бессмертных благ и исполниться небесной благодати, по молитвам и ходатайству благоугодивших Самому Христу, человеколюбивому Богу нашему, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

На начало творения: В начале сотвори Бог небо и землю (Быт. I, 1)

1. Великой радости исполняюсь сегодня, видя ваши любезные лица. И подлинно, не столько радуются и веселятся чадолюбивые родители, когда окружают их дети со всех сторон и доставляют им великое удовольствие своим благообразием и своей услужливостью, сколько я ныне веселюсь и радуюсь, когда вижу, как ваш этот духовный собор стекся сюда с таким благочинием и с живым желанием слушать слово Божие, и как вы, презрев плотскую пищу, спешите к духовному пиршеству и самым делом оправдываете слова Господни: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем изо уст Божиих* (Мф. IV, 4). Поступим же и мы подобно земледельцам: как они, когда видят, что земля уже очищена и освобождена от вредных растений, бросают семена в великом изобилии, так и мы, когда у нас, по благодати Божией, эта духовная нива очистилась от тягостных страстей, когда прекратились увеселения и ни у кого нет смятения и бури в помыслах, но настала великая тишина и спокойствие в умах, взлетающих и воспаряющих к самому, так сказать, небу, и созерцающих предметы духовные вместо плотских, побеседуем несколько с вашей любовью и отважимся сегодня на более тонкие размышления, предложив вам учение из Божественного Писания. Если мы не сделаем этого теперь, когда пост, презрение (удовольствий) чрева и такое надлежащее настроение помыслов, то когда будем в состоянии предложить это любви вашей? Тогда ли, когда бывают увеселения, неумеренность в пище и великая беспечность? Но тогда и мы не можем сделать это надлежащим образом, и вы, затопляемые волнами помыслов, как бы какой тучей, не будете в состоянии принять что-либо из предлагаемого поучения.

Но если когда время для таких поучений, так это теперь, когда раба уже не восстает против госпожи, но, сделавшись тихой, оказывает великое повиновение и послушание, укрощая порывы плоти и оставаясь в своих пределах. А пост есть успокоение наших душ, украшение старцев, наставник юношей, учитель целомудренных; он всякий возраст и пол украшает как бы какой диадемой. Нигде нет сегодня ни шума, ни крика, ни разрезывания мяс, ни беганья поваров; все это прекратилось, и наш город походит теперь на честную, скромную и целомудренную жену. Когда подумаю о внезапной перемене, происшедшей сегодня, и вспомню о беспорядках вчерашнего дня, то изумляюсь и удивляюсь силе поста, как он, вошедши в совесть каждого, изменил мысли, очистил ум не только у начальствующих, но и у простых людей, не только у свободных, но и у рабов, не только у мужчин, но и у женщин, не только у богатых, но и у бедных, не только у знающих греческий язык, но и у варваров. Да что говорить о начальствующих и простых людях? Пост склонил даже совесть того, кто облечен диадемой, к одинаковому с прочими послушанию. Сегодня не увидишь различия между трапезой богатого и бедного, но везде пища простая, чуждая изысканности и причуд; и к простой трапезе приступают с большим удовольствием, нежели как когда предлагалось множество изысканных яств и вина.

2. Видите ли, возлюбленные, из сказанного силу поста? Поэтому и я сегодня с большим усердием, чем прежде, решаюсь говорить с вами, зная, что бросаю семена в тучную и глубокую почву, которая может скоро принести нам обильные плоды от посева. Рассмотрим же, если угодно, смысл слов, прочитанных нам сегодня из блаженного Моисея. Но слушайте, прошу вас, со вниманием слова наши, потому что мы будем говорить не от себя, но что благодать Божия внушит нам к вашей пользе. Что же это? *В начале сотвори Бог*

небо и землю. Здесь (прежде всего) уместен вопрос о том, для чего излагает нам это блаженный пророк, живший спустя много поколений после (события)? Не без причины и не без цели. В начале Бог, создавший человека, сам беседовал с людьми, сколько люди могли слышать Его. Так Он приходил к Адаму; так обличал Каина; так беседовал с Ноем; так посещал Авраама. Когда же весь род человеческий впал в великое нечестие, и тогда совершенно не отвратился Создатель от всего рода человеческого; но так как люди сделались недостойными беседы с Ним, то желая возобновить общение с ними, посылает к людям, как будто к находящимся вдали, писание, чтобы привлечь к себе весь род человеческий. Это писание послал Бог, а принес Моисей. О чем же говорит писание? *В начале сотвори Бог небо и землю.* Усматривай, возлюбленный, и в этом особенное превосходство этого чудного пророка. Все другие пророки говорили или о том, что имело быть спустя долгое время, или о том, чему надлежало случиться тогда же, а он, блаженный, живший спустя уже много поколений (после сотворения мира), удостоился, водительством вышней Десницы, изречь то, что сотворено Господом всего еще до его рождения. Поэтому-то он и начал говорить так: *в начале сотвори Бог небо и землю,* как бы взывая ко всем нам громким голосом: не по научению людей говорю это; Кто призвал эти (небо и землю) из небытия в бытие, Тот подвиг и мой язык к повествованию об них. Итак, прошу вас, будем внимать этим словам так, как будто бы мы слушали не Моисея, но Самого Господа вселенной, говорящего устами Моисея, и распростимся надолго с собственными рассуждениями: *помышления бо* человеческие *боязлива и погрешительна у мышления* их (Прем. IX, 14). С великой благодарностью будем принимать сказанное (Моисеем), не выступая из своих границ, и не испытуя того, что выше нас, как поступили враги истины, которые захотели все постигнуть своим

умом, не подумав, что природа человеческая не может постигнуть творения Божия. И что говорю — творения Божия? Мы не можем даже постигнуть искусство и подобного нам человека. В самом деле, скажи мне, как плавильным искусством составляется естество золота или как из песка добывается чистота стекла? Ты не можешь этого сказать. А если невозможно постигнуть того, что лежит перед глазами и что, по человеколюбию Божию, производит мудрость человеческая, то как ты, человек, постигнешь созданное Богом?

И какое ты можешь иметь оправдание, какое извинение, когда так безумствуешь и мечтаешь о том, что выше твоей природы? Говорить, что все произошло из готового уже вещества, и не признавать, что Творец вселенной произвел все из ничего, было бы знаком крайнего безумия. Итак, заграждая уста безумных, блаженный пророк в самом начале книги сказал так: *в начале сотвори Бог небо и землю*. Когда же слышишь: *сотвори*, то не выдумывай ничего другого, но смиренно веруй сказанному. Это Бог — все творит и преобразует, и все устрояет по Своей воле. Заметь здесь и крайнее снисхождение: (Моисей) не говорит о силах невидимых, не говорит: в начале сотворил Бог ангелов или архангелов; не напрасно и не без цели избрал он нам такой путь учения. Так как он говорит иудеям, которые были привязаны к настоящему и не могли созерцать ничего постигаемого умом, то возводит их прежде от предметов чувственных к Создателю вселенной, дабы они, познав Художника из дел, воздали поклонение Творцу, и не остановились на тварях. Если и после этого они не переставали обоготворять твари и воздавать почтение самым низким животным, то до какого не дошли бы безумия, если бы Он не оказал такого снисхождения?

3. Не удивляйся же, возлюбленный, что Моисей идет этим путем, прежде всего обращая свою речь к грубым иудеям, когда и Павел во времена благодати, после та-

кого уже распространения проповеди, начав беседовать с афинянами, преподает им наставление от предметов видимых, говоря так: *Бог, сотворивый мир и вся, яже в нем, Сей небесе и земли Господь сый, не в рукотворенных храмех живет, ни от рук человеческих угождения приемлет* (Деян. XVII, 24, 25). Поелику он знал, что такое наставление соответствует им, то и избрал этот путь. Сообразуясь с тем, кто были приемлющие от него наставление, он, руководимый Духом Святым, и преподал учение. И дабы увериться тебе, что причиной этого разность лиц и грубость слушателей, послушай, как он, в послании к Колоссянам, идет уже не этим путем, но беседует с ними иначе и говорит: *яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася* (Кол. I, 16). И Иоанн, сын Громов, возглашал так: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. I, 3). Но Моисей (учил) не так, и — справедливо, потому что не благоразумно было бы давать твердую пищу тем, которых нужно еще питать молоком. Как учителя принимающие детей от родителей, преподают им первые начатки учения, а принимающие детей от этих учителей сообщают им более уже совершенные познания, так поступили и блаженный Моисей, и учитель языков, и сын Громов. Тот, приняв род человеческий в самом начале, научил слушателей первым начаткам; а эти, приняв его от Моисея, передали уже совершеннейшее учение. Теперь мы узнали причину снисхождения (Моисеева) и то, что он, по внушению Духа, излагал все, приспособляясь к слушателям. Но вместе с тем он и все ереси, появляющиеся в Церкви подобно плевелам, исторгает этими же словами: *в начале сотвори Бог небо и землю.* Подойдет ли к тебе Манихей, утверждающий, что прежде существовала материя, или Маркион, или Валентин, или кто из язычников, говори им: *в начале сотвори Бог небо и землю.* — Но он не верит

Писанию? Так отвратись от него, как от неистового и безумного. Кто не верит Создателю вселенной и как бы обвиняет истину во лжи, тот какое может заслужить когда-либо прощение? Эти люди имеют притворный вид, и, надевая личину кротости, под овечьей кожей скрывают волка. Но ты не обольщайся, а еще более возненавидь такого по тому самому, что он перед тобой, таким же, как и он, рабом, притворяется кротким, а против Владыки всего — Бога воздвиг брань, и не чувствует, что идет против собственного своего спасения. Мы же будем держаться несокрушимого основания, и обратимся опять к началу: *в начале сотвори Бог небо и землю.* Смотри, как и в самом образе творения открывается Божественная природа: как она творит вопреки человеческому обычаю, — сперва распростирает небо, а потом уже подстилает землю, прежде (делает) кровлю, а потом основание. Кто видел, кто слышал (подобное)? В созданиях человеческих никогда не бывает этого, но когда повелевает Бог, тогда все уступает и повинуется воле Его. Не станем же своим человеческим умом испытывать дела Божия, но, смотря на сотворенное, будем удивляться Художнику. *Невидимая бо Его,* говорит Писание, *от создания мира твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 10).

4. Если же враги истины будут настаивать на том, что невозможно произвести что-нибудь из несуществующего, то мы спросим их: первый человек создан из земли, или из чего-либо другого? Без сомнения, они согласятся с нами и скажут, что из земли. Так пусть же они скажут нам, как из земли образовалась плоть? Из земли может быть грязь, кирпич, глина, черепица: но как произошла плоть? Как кости, нервы, жилы, жир, кожа, ногти, волосы? Как из одного наличного вещества столько разнокачественных вещей? На это они и уст открыть не могут. Да что говорить о нашем теле? Пусть они скажут нам о хлебе, которым мы ежедневно

питаемся, как он, будучи однообразен, превращается в кровь, мокроту, желчь, и в различные соки? Хлеб по большей части имеет цвет пшеницы, а кровь бывает красная или черная. Таким образом, если не могут сказать нам о том, что у нас ежедневно перед глазами, тем менее могут сказать о прочих созданиях Божиих. Но если они, и после такого множества доказательств, станут упорно поддерживать свое совопросничество, мы, и несмотря на это, не перестанем говорить им одно и то же: *в начале сотвори Бог небо и землю.* Это одно изречение может ниспровергнуть все опоры противников, и разрушить до самых оснований все человеческие умствования, и их самих привести на путь истины, если только они захотят когда отстать от споров. *Земля же,* говорит, *бе невидима и неустроена.* Почему, скажи мне, (Бог) небо произвел светлым и совершенным, а землю — безобразной? И это сделал Он не напрасно, но для того, чтобы ты, познав Его творчество в лучшей части творения, оставил прочие, недоумения и не думал, будто это произошло от недостатка могущества. Кроме того, Он создал землю безообразной и по другой причине. Так как она есть наша и кормилица, и мать, от нее мы и произошли, и питаемся, она для нас и отчизна, и общий гроб, в нее мы опять возвращаемся, и через нее получаем бесчисленные блага, — то, чтобы люди за полезное и необходимое не стали почитать ее сверх надлежащего, показывает тебе ее наперед безобразной и неустроенной, так чтобы получаемые от земли благодеяния ты приписывал не природе земли, но Тому, Кто привел ее из небытия в бытие. Поэтому и говорит: *земля же бе невидима и неустроена.* Может быть, мы слишком скоро и рано привели ваш ум в напряженное состояние, отвлеченными рассуждениями; поэтому считаем нужным остановить на этом слово, прося вашу любовь запомнить сказанное, да и всегда иметь это в свежей памяти, а как выйдете отсюда, то, вместе с

чувственной трапезой, предлагайте и духовную трапезу: муж пусть передает нечто из сказанного здесь, а жена пусть слушает, дети пусть поучаются, да и слуги пусть получают урок, и таким образом дом пусть будет церковью, чтобы убежал оттуда диавол и скрылся этот лукавый демон и враг нашего спасения, почивала же бы там благодать Святого Духа, совершенный мир и единодушие ограждали живущих. Помня сказанное прежде, вы с большей готовностью станете принимать и то, что будет после предлагаемо; и мы также с большим усердием и обилием будем излагать то, что подаст Божественная благодать, когда увидим, что посеянное произрастает. Так и земледелец, когда увидит, что семена произрастают, тогда с великим усердием смотрит за нивами и с охотой принимается засевать и другие места.

5. Итак, чтобы возбудить в нас больше усердия, покажите точное сохранение уже сказанного, и с истинными догматами соедините великое попечение о жизни. *Да просветится*, говорит (Господь), *свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Пусть жизнь соответствует догматам, и догматы будут глашатаями жизни. *Вера без дел мертва есть* (Иак. II, 26), и дела без веры мертвы. Если мы содержим здравые догматы, но нерадим о жизни, нам не будет никакой пользы от догматов; и опять, если мы заботимся о жизни, но хромаем в догматах, и в этом случае также не будет пользы. Поэтому необходимо, чтобы наш духовный дом был прочен с обеих сторон. *Всяк*, говорит Господь, *иже слышит словеса Моя сия, и творит я, уподобится мужу мудру* (Мф. VII, 24). Видишь, как Он желает, чтобы мы не только слушали, но и исполняли и показывали делами то, что слушаем, называя мудрым того, кто поступает сообразно со словами, а глупым того, кто не идет далее слов. И это справедливо, потому что последний, говорит Господь, *созда храмину свою на песце*, от чего она не могла вынести

напора ветров, но тотчас упала (см.: Мф. VII, 26, 27). Таковы души беспечные, не утвердившиеся на духовном камне. (В словах Господа) речь не о постройке и доме, но о душах, которые приходят в колебание и от малого искушения. Под именем ветра, дождя и рек Господь показал действие на нас искушений. Человек твердый, бодрый и трезвенный от этого еще более укрепляется, и, чем более умножаются скорби, тем более возрастает его мужество; а нерадивый и беспечный, лишь подует на него легкий ветерок искушения, тотчас колеблется и падает, не от свойства искушений, но от слабости своей воли. Поэтому нужно трезвиться, бодрствовать и быть готовым ко всему, чтобы и в счастье быть нам сдержанными, и в скорбях не унывать, а сохранять великое благоразумие, непрестанно воссылая благодарность человеколюбивому Богу. Если мы так будем устроять нашу жизнь, то получим великую благодать свыше, и будем в состоянии и настоящую жизнь проводить в безопасности, и в будущей жизни приготовить себе великое дерзновение, коего да достигнем все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Продолжение на слова: В начале сотвори Бог небо и землю, до слов: и бысть вечер, и бысть утро, день един (Быт. I, 1—5)

1. Чтение Божественного Писания подобно сокровищу. Как получивший из сокровища и малую частицу приобретает себе великое богатство, так и в Божественном Писании даже в кратком речении можно найти великую духовную силу и неизреченное богатство мыслей. И не только сокровищу подобно слово Божие, но

и источнику, источающему обильные потоки и имеющему много воды: это все мы узнали на самом деле вчера. Начав с первых слов книги творения, мы все поучение посвятили словам: *в начале сотвори Бог небо и землю*, и однако не могли обнять всего, потому что велико богатство этого сокровища и обильны потоки этого духовного источника. Не удивляйся, что так случилось с нами: и наши предки по своим силам черпали из этих потоков, и наши потомки будут делать то же самое, и однако не будут в состоянии исчерпать все; напротив, воды будут прибывать и потоки умножаться. Таково свойство потоков духовных: чем более будут черпать из них, тем более начнет прибывать и умножаться благодать духовная. Поэтому и Христос сказал: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. VII, 37, 38), — показывая нам обилие этих потоков. Если же таково свойство духовных потоков, то пусть каждый из нас в обилии принесет сосуды ума, чтобы наполнив их, возвратиться домой, потому что благодать Духа, как усмотрит пламенное желание и возбужденный ум, сообщает дары свои в обилии. Итак, оставив все житейское и вырвав из себя заботы, могущие подобно терпию заглушать ум наш, сосредоточим нашу мысль на духовных стремлениях, чтобы выйти нам отсюда с многой пользой, с великим и славным приобретением. Но чтобы (наша) речь была для вас яснее, напомним вашей любви нечто из сказанного вчера: таким образом и то, что будет сказано сегодня, соединим со вчерашним как бы в одно тело. Вчера, как помните, мы показали, как блаженный Моисей, повествуя нам о творении этих видимых стихий, сказал: *в начале сотвори Бог небо и землю: земля же бе невидима и неустроена*, и объяснили вам то, почему и для чего Бог создал землю безобразной и неустроенной, — думаю, что все это вы хорошо помните. Затем сегодня нужно рассмотреть последующие слова.

Сказав: *земля же бе невидима и неустроена*, Моисей с точностью объясняет нам, отчего она была невидима и неустроена, и говорит: *и тма верху бездны, и Дух Божий ношашеся верху воды*. Смотри, как здесь блаженный пророк не говорит ничего лишнего и как не описывает, по частям, все сотворенное, но сказав нам о главнейших стихиях и упомянув о небе и земле, все прочее оставляет. Так он, не сказав о сотворении вод, говорит: *и тма верху бездны, и Дух Божий ношашеся верху воды*. Они-то и покрывали лицо земли, то есть тма и бездна вод. Отсюда мы узнаем, что все видимое было бездной вод, покрытой мраком, и нужен был премудрый Творец, чтобы прекратить все это нестроение и привести все в благообразный вид. *И тма*, говорит, *верху бездны, и Дух Божий ношашеся верху воды*. Что означают слова: *Дух Божий ношашеся верху воды?* Мне кажется, означают то, что водам была присуща некоторая жизненная деятельность и что это была не просто стоячая и неподвижная вода, но движущаяся и имевшая некоторую жизненную силу. Неподвижное ни к чему негодно, а движущееся пригодно на многое.

2. Итак, чтобы научить нас, что эта вода, великая и необычайная, имела некоторую жизненную силу, Моисей сказал: *и Дух Божий ношашеся верху воды*. А Божественное Писание наперед говорит об этом не без причины, но так как оно имеет в виду показать нам, что из этих вод, по повелению Создателя вселенной, произошли и животные, то и дает здесь уже знать слушателю, что вода не была просто стоячая, но двигалась, разбегалась и все заливала. Итак, когда все видимое не имело надлежащего вида, высочайший Художник Бог повелел — и безвидность изчезла, явилась необычайная красота видимого света, прогнала чувственный мрак и осветила все. *И рече Бог*, говорит (Писание), *да будет свет, и бысть свет*. Сказал — и совершилось; повелел — мрак исчез, явился свет. Видишь неизреченную силу (Божию)? Но

люди, преданные заблуждению, не обращая внимания на ход речи и не слушая слов блаженного Моисея: *в начале сотвори Бог небо и землю*, и потом: *земля же бе невидима и неустроена*, потому что была покрыта тьмой и водами, — а так угодно было Господу вначале произвести ее, — эти люди говорят, что прежде существовала материя, предшествовала тьма. Может ли быть что хуже такого безумия? Слышишь, что *в начале сотвори Бог небо и землю* и что из несуществующего произошло существующее, и говоришь, что прежде была материя? Кто из разумных может допустить такое безумие? Не человек тот, Кто творит, чтобы Ему нужно было какое-либо готовое вещество для произведения своего искусства, — Бог, Которому повинуется все, творит словом и повелением. Смотри, Он только сказал — и явился свет, и исчезла тьма. *И разлучи Бог между светом и между тмою.* Что значит: *разлучи*? — Каждому назначил свое место и определил соответственное время. А потом, когда это совершилось, Он уже дает каждому и соответственное название. *И нарече*, говорит, *Бог свет день, а тму нарече нощь.* Видишь, как это прекрасное разделение и чудное создание, превышающее всякий ум, совершается одним словом и повелением? Видишь, какое показал снисхождение блаженный пророк, или — лучше — человеколюбивый Бог, устами пророка научающий род человеческий тому, чтобы он знал порядок творения, — кто Творец всего и как каждая вещь произошла? Так как род человеческий был тогда еще слаб и не мог понять совершеннейшего (учения), то поэтому Дух Святый, двигавший устами пророка, говорит нам обо всем приспособительно к слабости слушающих. И чтобы увериться тебе, что Он употребил такое снисхождение в этом повествовании действительно по несовершенству нашего ума, смотри на сына Громова, как он, когда род человеческий сделал успехи в совершенствовании, уже идет не этим путем, а другим, ведущим слушателей к высше-

му учению. Сказав: *в начале бе слово, и слово бе к Богу, и Бог бе слово*, он присовокупил: *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир* (Ин. I, 1, 9). Как здесь этот чувственный свет, произведенный повелением Господа, прогнал видимую тьму, так и духовный свет прогнал тьму заблуждения и заблуждающих привел к истине.

3. Примем же с великой благодарностью наставления Божественного Писания, и не будем противиться истине и оставаться во мраке, но поспешим к свету и будем творить дела достойные света и дня, как и Павел увещевает, говоря: *яко во дни, благообразно да ходим, и отложим дела темная* (Рим. XIII, 13, 12). *И нарече*, говорит, (Писание), *Бо свет день, а тму нарече нощъ.* Но мы едва не опустили нечто; нужно обратиться назад. После слов: *да будет свет, и бысть свет*, прибавлено: *и виде Бог свет, яко добро.* Смотри, возлюбленный, какое и здесь снисхождение речи. Неужели до появления света Бог не знал, что он добро, а только уже после его появления воззрение на него показало Создателю красоту сотворенного? Какой умный человек может сказать это? Если и человек, занимающийся каким-нибудь искусством, прежде, чем окончит свое произведение, прежде, чем обработает его, знает употребление, для коего полезно это произведение, то тем более Создатель вселенной, приведший словом все из небытия в бытие, знал, еще прежде сотворения света, что он добро. Для чего же (Моисей) употребил такое выражение? Снисходя к обычаю человеческому, блаженный пророк говорит так, как люди, делая что-либо с великой тщательностью и окончив труды свои, уже по испытании произносят похвалу своим произведениям; таким же образом и Божественное Писание, снисходя здесь к слабости слуха нашего, говорит: *и виде Бог свет, яко добро.* А потом продолжает: *и разлучи Бог между светом и между тмою, и нарече Бог свет день, и тму нарече нощъ*; каж-

дому назначил свое место, каждому с самого начала поставил пределы, которые они должны навсегда соблюдать ненарушимо. И всякий здравомыслящий может видеть, как с того времени доныне ни свет не преступил своих пределов, ни тьма не вышла из своего места и не произвела какого-либо смешения и нестроения. Уже и это одно достаточно для не желающих оставаться неразумными, чтобы прийти к повиновению и послушанию словам Божественного Писания, — пусть они подражают хотя порядку стихий, неуклонно соблюдающих свое течение, и не преступают своих пределов, но знают собственную природу. Потом, так как каждому (свету и тьме дано) было особое имя, то, совокупив то и другое в одно, говорит: *и бысть вечер, и бысть утро, день един.* Конец дня — и конец ночи ясно назвал одним (днем), чтобы установить некоторый порядок и последовательность в видимом, и не было бы никакого смешения.

Научаемые от Святого Духа устами блаженного пророка, мы можем видеть, что сотворено в первый день, и что — в последующие. И это также дело снисхождения человеколюбивого Бога. Всесильная десница Его и беспредельная премудрость не затруднилась бы создать все и в один день. И что говорю в один день? Даже в одно мгновение. Но так как Он создал все сущее не для Своей пользы, потому что не нуждается ни в чем, будучи вседоволен, — напротив, создал все по человеколюбию и благости Своей, то и творит по частям, и преподает нам устами блаженного пророка ясное учение о творимом, чтобы мы, обстоятельно узнав о том, не подпадали тем, которые увлекаются человеческими умствованиями. Если уже и после этого есть люди, которые утверждают, будто все произошло само собой, то на что бы ни отважились охотники говорить и делать все ко вреду собственного спасения, если бы (Бог) не явил такого снисхождения и вразумления?

4. Что может быть жалче и безумнее людей, которые дерзают утверждать, будто все сущее произошло само собой, и все творение лишают промышления Божия? Как возможно, скажи мне, чтобы столько стихий и такое благоустройство (существующего) управлялось без правителя и повелителя вселенной? И корабль не может плыть по морским волнам без кормчего, и воин — делать что-либо доблестное без военачальника, и дом — стоять без управляющего: а этот беспредельный мир и это благоустройство стихий могут разве существовать сами собой, случайно, если нет управляющего всем и своей премудростью поддерживающего и соразмеряющего все видимое?! Но для чего мы слишком усиливаемся доказывать этим людям то, что, по пословице, видно и слепым? Впрочем, мы не перестанем предлагать им наставления от Писания и употреблять всевозможное старание, чтобы отклонить их от заблуждения и привести к истине. Хотя они еще и порабощены заблуждению, но одной с нами природы, и потому нужно иметь великое о них попечение, никогда не ослабевать, но с великой тщательностью делать зависящее от нас и доставлять им приличное врачевство, чтобы они, хотя и поздно, достигли истинного здравия. Богу ничто так не вожделенно, как спасение души. Вот и Павел взывает: *иже всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. II, 4); и Сам Бог говорит: *хотением не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Поэтому Он и всю эту природу создал, и нас сотворил, не для того, чтобы нас погубить или подвергнуть наказанию, но чтобы спасти и, избавив от заблуждения, даровать нам блаженство в царстве (небесном). Его уготовал нам, не теперь, по сотворении, но еще прежде создания мира, как Сам говорит: *приидите, благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34). Смотри, как человеколюбив Господь, как Он еще прежде творения и преж-

де появления человека приготовил для него бесчисленные блага, и этим показал, какое попечение имеет Он о нашем роде, и что всем желает спастись.

Имея такого Владыку – столь человеколюбивого, столь благого и столь милосердого, будем заботиться о спасении и собственном, и братьев наших. К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины. А чтобы видел ты, какое великое благо, содевая свое спасение, доставлять пользу и другому, послушай, что пророк говорит от лица Божия: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста моя будеши* (Иер. XV, 19). Что значит это? Кто руководит ближнего от заблуждения к истине, или от зла приводит к добру, тот, говорит (Господь), уподобляется Мне, сколько это возможно человеку. И сам Он, будучи Богом, облекся в нашу плоть и соделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого. И что говорю: облекся в нашу плоть и испытал все, что бывает с людьми, когда Он взял на себя даже крест, чтобы нас, плененных грехами, освободить от проклятия? Об этом взывает Павел, говоря: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. III, 13). Итак, если Он – Бог и существо непостижимое, по неизреченному человеколюбию, принял на Себя все это ради нас и нашего спасения, то чего не должны мы сделать для наших братьев и сочленов, чтобы исхитить их из челюстей диавола и привести на путь добродетели? Насколько душа лучше тела, настолько высших – перед подающими бедным деньги – наград удостоятся те, кто увещаниями и частыми внушениями ведут нерадивых и заблуждающихся на прямой путь, показывая им безобразие порока и великую красоту Божественной добродетели.

5. Итак, зная все это, будем говорить с ближними, прежде всего житейского, о спасении души, возбуждая

в них заботу об этом. Желательно, да, желательно, чтобы душа, постоянно слыша такое внушение, могла воспрянуть из пропасти зол, нас окружающих, и преодолеть нападение страстей, которые беспрестанно ее осаждают. Поэтому нужна нам великая бдительность, так как и брань у нас непрерывная и никогда не знает перемирия. Оттого и Павел к Эфесянам пишет: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, к мироделжителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. VI, 12). Не думайте, говорит, будто нам предстоит случайная борьба: брань у нас не с подобными нам людьми и бой не равносильный, — потому что мы, связанные телом, должны бороться с бестелесными силами. Однако не бойтесь: пусть бой и не равен, но велика сила оружия нашего. Вы знаете, кто ваши враги, — как бы так продолжает апостол, — не падайте же духом и не ослабевайте в брани, но *сего ради восприимите вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским* (Еф. VI, 11). Много у него (диавола) козней, то есть способов, которыми он старается уловлять беспечных; поэтому надобно тщательно узнавать их, чтобы избегнуть сетей его и не дать ему никакого (к нам) доступа; нужно тщательно оберегать и язык, и охранять глаза, и соблюдать мысль в чистоте, и постоянно быть готовыми к борьбе, как будто бы нападал на нас какой-нибудь дикий зверь и угрожал нам погибелью. Поэтому-то и небошественная та душа, учитель языков, уста вселенной, делавший все для спасения своих учеников, после слов: *восприимите вся оружия Божия,* — ограждая нас со всех сторон и делая неодолимыми, говорит: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня* веры, *и обувше нозе во уготование благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити, и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. VI, 14—17). Видишь, как он оградил все члены! Как бы намереваясь

вывести нас на какую-либо брань, он сначала опоясал нас поясом, чтобы нам легко было делать движения, потом облек в броню, чтобы не поразили нас стрелы, обул и ноги наши, и со всех сторон оградил нас верой. Она, именно она, говорит, возможет *и стрелы лукаваго разжженныя угасити*. Что же это за стрелы лукавого? Злые похоти, нечистые помыслы, пагубные страсти, гнев, клевета, зависть, раздражительность, вражда, корыстолюбие, и все прочие худые наклонности. Все эти стрелы, говорит, возможет погасить меч духовный. Что говорю: погасить стрелы? Возможет отсечь у врага и самую голову. Видишь, как (апостол) укрепил учеников? Как бывших мягче воска сделал тверже железа? Так как у нас брань не с кровью и плотью, но с бестелесными силами, то он и облек нас не в телесные оружия, но в духовные, и столь светлые, что злой тот демон не может вынести и блеска их.

6. Итак, облекшись в такие оружия, не станем бояться брани и бегать борьбы, но не будем и беспечны, потому что как при нашей бдительности злой тот демон не может одолеть силы наших оружий, если только мы захотим разрушить козни его, так, напротив, если мы будем беспечны, то не будет нам никакой пользы: враг нашего спасения постоянно бодрствует и все предпринимает против нашего спасения. Итак, вооружим себя со всех сторон, будем остерегаться и слов и удерживаться от дел, могущих вредить нам, и, вместе с воздержанием в пище и другими добродетелями, станем подавать и щедрую милостыню бедным, зная, какое уготовано нам воздаяние за попечение о них. *Милуяй нища*, говорит (Писание), *взаим дает Богови* (Притч. XIX, 17). Смотри, какой новый и необыкновенный род займа: один получает, а другой становится должником. Но, кроме того, здесь необычайно и то, что, дав взаймы, не испытаешь неблагодарности и никакого другого вреда. Нет, Бог обещает дать не сотую только

часть прибыли, как это бывает здесь, но во сто крат больше данного взаймы: не довольствуется даже и этим, но, воздавая так в настоящем веке, в будущем (даст) жизнь вечную. В настоящей жизни, если бы кто обещал нам уплатить только вдвое больше того, что получит от нас, мы с охотой отдали бы ему все наше имущество, между тем сколько здесь бывает неблагодарности и сколько обманов со стороны корыстолюбцев! Многие и из самых порядочных людей не отдают самого долга или по безрассудству, или часто даже по бедности. Но о Владыке вселенной ничего этого подумать нельзя; напротив, и данная сумма остается в сохранности, и за одолжение Он обещает заплатить во сто крат, а в будущем веке уготовляет нам жизнь (вечную). Какое же будет нам оправдание, когда мы не стараемся и не спешим получить за малое во сто крат больше, за настоящее — будущее, за временное — вечное, но с наслаждением запираем деньги дверями и затворами, и этих денег, которые лежат без пользы и напрасно, не хотим теперь дать нуждающимся, чтобы в будущем веке найти нам в них своих заступников? *Сотворите себе други от мамоны неправды*, да, *егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы* (Лк. XVI, 9). Знаю, что многие не только не принимают слов наших, но и не придают им значения, считая их пустословием и басней. Поэтому-то я терзаюсь и скорблю, что ни самый опыт, ни столь великое обетование Божие, ни страх будущего, ни ежедневные наши увещания не могли тронуть этих людей; впрочем, несмотря на это, не перестану повторять им такой совет, доколе своей настойчивостью не успею победить их, возбудить к внимательности и вывести из состояния пресыщения и опьянения, в которое ввергла их страсть к деньгам, омрачившая ум их. Знаю я, знаю, что, после благодати Божией, и наши постоянные поучения и врачевство поста успеют, хотя и не скоро, исцелить их от этой тяжкой болезни и возвратить им совершенное здо-

ровье, дабы и они освободились от угрожающего им наказания, и мы избавились от скорби, и за все воссылали славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И рече Бог: да будет твердь посреде воды: и да будет разлучающи посреде воды и воды: и бысть тако (ст. 6)

1. Видя ваше, возлюбленные, усердное ежедневное стечение сюда, я чувствую великое удовольствие и не перестаю прославлять человеколюбивого Бога за ваше преспеяние. Как голод есть признак телесного здоровья, так и усердие к слушанию слова Божия можно считать самым лучшим признаком душевного здоровья. Поэтому и Господь наш Иисус Христос в нагорной проповеди о блаженствах сказал: *блажени алчущии и жаждущии правды: яко тии насытятся* (Мф. V, 6). Кто же будет в состоянии достойно восхвалить вас, которые уже получили от Владыки вселенной наименование блаженных и ожидаете от Него еще бесчисленных благ? Наш Владыка таков: когда увидит, что душа стремится к предметам духовным с сильным желанием и напряженным усердием, то подает благодать и богатые Свои дары. Поэтому надеюсь, что и нам, для вашей пользы, подаст Он обильнейшее учительное слово к назиданию любви вашей. Ведь для вас и вашего преспеяния мы предпринимаем весь этот труд, чтобы и вам скорее достигнуть самой вершины добродетели и быть учителями богоугодной жизни для всех, взирающих на вас, и нам получить большее дерзновение, видя, что мы трудимся не тщетно и не напрасно, что это духовное семя ежедневно возрастает, и с нами не случилось того, что было с сеятелем, упоминаемым в Евангелии

(см.: Мф. XIII, 4–7). Там одна только часть сохранилась, а три погибли: иное семя пало при дороге – и осталось бесплодным; иное было подавлено тернием, а иное, упав на камни и оставшись на поверхности, не могло принести никакого плода. Но здесь, по благодати Божией, мы надеемся, что все семя брошено на добрую землю, и одни принесут плод его во сто крат, другие – в шестьдесят, а иные – в тридцать. Это-то умножает нашу ревность, это-то возбуждает наш ум, – именно уверенность, что мы не тщетно и не напрасно предлагаем поучение, что вы принимаете слова наши внимательным слухом и бодрым умом. Говорю это, не льстя любви вашей, но заключая о вашем усердии из вчерашней нашей беседы. Я видел, как все вы внимательно слушали и всячески старались, чтобы не опустить ни одного слова. Кроме того, и частые рукоплескания были весьма ясным доказательством, что вы слушали поучение с удовольствием. А кто слушает что-нибудь с удовольствием, тот, очевидно, внедряет это в ум и, слагая в глубине души, делает неизгладимым. Кто же может достойно и вас восхвалить, и нас ублажить за то, что говорим вслух слушающих? *Блажен,* говорит (Писание), *поведаяй во уши послушающих* (Сир. XXV, 12). Это следствие поста; это врачевство послужило во спасение душам нашим. Если же (пост) показал такую силу в самом начале своем, то какой надобно ожидать от него пользы в последующие дни? Только вы, прошу, *со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Флп. II, 12), и не давайте никакого к себе доступа врагу вашего спасения. Он, видя теперь ваше духовное богатство, беснуется и свирепствует, и *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. V, 8). Но если будем только бдительны, то, по милости Божией, он никого не одолеет.

2. Таковы наши духовные оружия, которыми облекла нас благодать Духа, как это объяснили мы вчера любви вашей. Итак, если мы будем постоянно ограж-

дать этими оружиями все члены свои, то ни одна из стрел, бросаемых врагом, не коснется нас, но все возвратятся к нему без всякого действия: благодать Божия сделала бы нас тверже алмаза и совершенно непобедимыми, если бы мы пожелали. Как тот, кто бьет по алмазу, не причиняет ему никакого вреда, а только изнуряет собственные силы, и кто наступает на рожны, только ранит до крови собственные ноги, так будет и с нами, и с врагом нашего спасения, если будем постоянно ограждать себя оружиями, данными нам благодатью Духа. Сила их такова, что даже блеска их враг не может выносить, напротив, глаза его ослепляются исходящим от них сиянием. Постоянно ограждая себя этими оружиями, будем и на площадь выходить, и друзей посещать, и делами заниматься. И что я говорю: на площадь выходить? Надев их на себя, будем и в церковь приходить, и домой возвращаться, и спать, и вставать от сна, словом: никогда во всю жизнь свою не будем снимать их с себя; пусть с нами они пойдут (и в будущую жизнь) и там доставят нам величайшее дерзновение. Они не обременяют тела, подобно чувственному оружию, напротив, еще облегчают, возвышают и укрепляют, если только мы каждый день очищаем их, чтобы, светло сияя, они блеском своим ослепляли взоры лукавого демона, который изобретает всякие козни против нашего спасения. Впрочем, так как мы довольно уже вооружили вас, предложим вам обычную трапезу, и изложим любви вашей, что следует за сказанным нами вчера, взяв в руководители этого полезного поучения опять чудного гостеприимного хозяина, блаженного Моисея, великого пророка. Посмотрим же, чему он хочет научить нас и сегодня, и будем внимательно слушать слова: он говорит не от себя, но что внушила ему благодать Духа, то и произносит своим языком, для научения рода человеческого. Окончив речь о первом дне и, после сотворения света, сказав: *бысть вечер, и бысть утро, день един,* он да-

лее говорит: *и рече Бог: да будет твердь посреде воды, и да будет разлучающи посреде воды, и воды.* Обрати здесь, возлюбленный, внимание на последовательность учения. Сказав нам наперед, по сотворении неба и земли, что — *земля же бе невидима и неустроена,* присоединил и причину, почему она была *невидима,* именно потому, что была покрыта тьмой и водами: все было — вода и тьма, и больше ничего. Затем, по повелению Господа, явился свет и произошло разделение между светом и тьмой, и один получил название дня, а другая — ночи. Потом хочет научить нас, что Бог, как тьму разделил, произведя свет, и дал тому и другой соответственное название, так и множество вод разделяет повелением Своим.

3. Смотри, как сила Его неизреченна и превышает всякое человеческое понятие. Он только повелевает — и одна стихия приходит, другая удаляется. *И рече Бог: да будет твердь посреде воды, и да будет разлучающи посреди воды и воды.* Что значит: *да будет твердь?* Это то же, как если бы кто сказал на языке человеческом: да будет некая стена и ограда, которая бы, находясь посреди, делала собой разделение. И дабы ты понял великую покорность стихий и превосходную силу Создателя, говорит: *и бысть тако.* Только сказал — и последовало исполнение. *И сотвори,* говорит, *Бог твердь: и разлучи Бог между водою, яже бе под твердию, и между водою, яже бе над твердию.* По сотворении, говорит, тверди, Бог повелел одним водам находиться под твердью, а другим над поверхностью тверди. Но, спросит кто-либо, что же такое твердь? Отвердевшая вода, или сгустившийся воздух, или какое-нибудь другое вещество? Никто из благоразумных прямо решать это не станет. Надобно с великой благодарностью принимать слова (Писания) и, не выступая за пределы нашей природы, не испытывать того, что выше нас, а только знать и держать у себя (в уме), что по повелению Господа произошла твердь, которая *разделяет воды, и одну часть их содержит под собой,*

а *другую* вышележащую может носить на своей поверхности. *И нарече*, говорит, *Бог твердь небо*. Смотри, как и здесь Божественное Писание употребляет тот же порядок. Как вчера (Бог) сказал: *да будет свет*, и когда он явился, то присовокупил: *да будет разлучающи между светом и между тмой*, и потом свет назвал днем, – так и сегодня сказал: *да будет твердь посреде воды*; потом, как о свете, так и здесь объяснил нам назначение тверди: *да будет*, говорит, *разлучающи посреде воды и воды*. А когда объяснил нам ее назначение, то уже, как свету дал наименование, так дает имя и тверди. *И нарече*, говорит, *твердь небо*, – это видимое небо. Как же, скажешь, некоторые утверждают, что создано много небес? Они учат так не из Божественного Писания, но по собственным соображениям. Блаженный Моисей ничему больше этого не учит нас. Сказав: *в начале сотвори Бог небо и землю*, потом показав причину, по которой земля была невидима, то есть что покрыта была тьмой и бездной вод, (Моисей) после сотворения света, соблюдая известный порядок и последовательность, говорит: *и рече Бог: да будет твердь*. Далее, объяснив с точностью назначение этой тверди и сказав: *да будет разлучающи посреде воды и воды*, эту самую твердь, производящую разделение между водами, он назвал небом. Кто же, после такого объяснения, может согласиться с теми, которые говорят решительно от своего ума, и осмеливаются, вопреки Божественному Писанию, утверждать, будто много небес? Но вот, скажут, блаженный Давид, воссылая хвалу Богу, сказал: *хвалите Его небеса небес* (Пс. CXLVIII, 4). Не смущайся, возлюбленный, и не подумай, будто святое Писание в чем-нибудь противоречит себе; но познай истину сказанного и, тщательно сохраняя учение его, загради слух от говорящих противное ему.

4. А что я хочу сказать, то выслушайте с полным вниманием, чтобы вас не приводили тотчас в колебание те, которые любят говорить, что только им вздумается.

Все Божественные книги Ветхого Завета вначале написаны были на еврейском языке; в этом, конечно, все согласятся с нами. Не за много лет до рождества Христова, царь Птоломей, весьма ревностно старавшийся собирать книги, и собравший много других разного рода книг, счел нужным приобрести и эти (священные) книги. Итак, пригласив к себе некоторых из иерусалимских иудеев, приказал им перевести (эти книги) на греческий язык, что и было ими исполнено. Это было делом домостроительства Божия, чтобы то есть этими книгами воспользовались не только знавшие еврейский язык, но и все обитатели вселенной. Особенно чудно и удивительно то, что такое усердие показал не кто-нибудь из последователей иудейской религии, но человек, преданный идолопоклонству и враждебный (истинному) богопочтению. Таковы все дела нашего Владыки: Он всегда через противников распространяет повеления истины. Об этом я рассказал вашей любви не без цели, но чтобы вы знали, что (книги Ветхого Завета) написаны не на нашем языке, а на еврейском. Хорошо знакомые с этим языком говорят, что слово *небо* у евреев употребляется во множественном числе; согласно с этим показывают и знающие сирский язык. Никто, говорят, на их языке не скажет: *небо*, но – *небеса*. Вот почему и блаженный Давид сказал так: *небеса небес*, не потому, будто много небес, – этого не преподал нам блаженный Моисей, – а потому, что в еврейском языке часто имя одного предмета употребляется во множественном числе. Иначе, если бы было много небес, Дух Святый не приминул бы сообщить нам устами того же блаженного пророка и о сотворении других небес. Прошу вас твердо помнить это, чтобы быть вам в состоянии заграждать уста желающим вводить учение, противное Церкви, и чтобы верно знать смысл слов Божественного Писания. Для того вы часто и собираетесь сюда, и мы постоянно преподаем вам учение, чтобы вы

были *готови ко ответу всякому сопрошающему вы словесе* (1 Пет. III, 15). Но, если угодно, обратимся к дальнейшему. *И нарече*, говорит Писание, *Бог твердь небо. И виде Бог, яко добро.* Смотри, какое в этих словах снисхождение к слабости человеческой. Как о свете он сказал: *и виде, яко добро*, так и теперь о небе, то есть о тверди, говорит: *и виде Бог, яко добро*, показывая этим нам неподражаемую красоту ее. Кто может не изумляться и не удивляться тому, что она в течение столь долгого времени сохранила цветущую красоту, и чем более проходит времени, тем более увеличивается и красота ее? И что может быть прекраснее того, что удостоилось похвалы от Самого Создателя? Если мы, смотря на совершенное произведение человека, удивляемся его виду, постановке, красоте, соразмерности, стройности и всему прочему, то кто может достойно восхвалить Божие создание, особенно когда оно удостоилось похвалы от Самого Господа? Это *(Бог виде, яко добро)* сказано из снисхождения к нам, и Бог, ты видишь, о каждом из Своих созданий произносит это (одобрение) и через это предупреждает дерзость тех, которые потом решатся изощрять язык свой против создания Божия и говорить: для чего сотворено то и то? Заранее обуздывая отваживающихся на такие речи, Моисей говорит: *и виде Бог, яко добро.* Когда услышишь, что Бог увидел и похвалил, то понимай эти слова богоприлично и как следует о Боге. Создатель, еще прежде сотворения, знал красоту сотворенного; но так как мы, люди, обложенные такой немощью, не в состоянии были узнать это иначе, то Он и расположил блаженного пророка употребить эти грубые выражения для научения рода человеческого.

5. Итак, когда ты поднимешь глаза и увидишь красоту, величие и благотворность неба, то устремись отсюда к Создателю, как сказал премудрый: *от величества бо красоты, созданий сравнительно рододелатель их познавается* (Прем. XIII, 5), и из самого создания этих стихий

усматривай, какова сила твоего Господа. Действительно, человек с благомыслящей душой, если захочет исследовать каждый из видимых предметов — и что говорю: каждый из видимых предметов? — если захочет внимательно рассмотреть только собственный состав, то и из этого малого увидит неизреченную и непостижимую силу Божию. Если же видимые предметы достаточно показывают величие могущества Создателя, то как обратишься еще к силам невидимым и возведешь мысль к воинствам ангелов, архангелов, высших сил, престолов, господств, начал, властей, херувимов и серафимов, — какой ум, какое слово будет в состоянии выразить неизреченное Его величие? Если блаженный пророк Давид, рассмотрев устройство видимого, восклицал: *яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси* (Пс. CIII, 24), если (так восклицал) муж, в такой степени удостоенный Духа, которому дано было познать *безвестная и тайная премудрости Его* (Пс. L, 8), то что скажем мы, земля и пепел, — мы, которые должны постоянно опускать голову вниз и изумляться неизреченному человеколюбию Господа вселенной? Но что говорить о пророке? Блаженный Павел, эта небошественная душа, облеченный телом и уподоблявшийся бестелесным силам, ходивший по земле и ревностью обтекавший небо, он, вникнув только в одну часть домостроительства Божия (об иудеях и язычниках, из которых первые отвергнуты, а вторые приняты), недоумевая и смущаясь, громогласно воскликнул: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его* (Рим. XI, 33). Здесь охотно я спрошу дерзающих исследовать рождение Сына Божия и осмеливающихся унижать достоинство Святого Духа (имеются в виду еретики аномеи и македониане): откуда у вас, скажите мне, такая дерзкая отвага? От какого упоения дошли вы до такого безумия? Если уже Павел, такой и столь великий муж, говорит, что суды Его, то есть

домоправление, решения по управлению неиспытуемы, — не назвал непостижимыми, но неиспытуемыми, такими, которые не допускают испытания, и пути его, то есть повеления о добродетели и заповеди, неисследимыми опять в том же смысле, то как вы осмеливаетесь исследовать самую сущность Единородного и унижать, сколько от вас зависит, достоинство Святого Духа? Видите, возлюбленные, какое зло не следовать в точности тому, что содержится в Божественном Писании! Вот эти люди, если бы с благоразумием принимали учение Божественного Писания и не привносили бы чего-либо из своих умствований, не дошли бы до такого безумия. Мы, однако, не перестанем оглашать их словами Божественного Писания, ограждая свой слух от их гибельного учения.

6. Не знаю, как это мы опять так далеко увлеклись течением слова и уклонились от порядка: поэтому нужно опять обратить слово к прежнему. *И нарече,* говорит (Моисей), *Бог твердь небо, и виде Бог, яко добро. И бысть вечер, и бысть утро, день вторый.* Дав имя тверди и похвалив сотворенное, положил конец второму дню, и продолжает: *и бысть вечер, и бысть утро, день вторый.* Видишь, с какой тщательностью он учит нас, называя окончание света — вечером, а конец ночи — утром, а все вместе именуя днем, чтобы мы не думали ошибочно, будто вечер есть конец дня, но знали ясно, что продолжительность того и другого составляет один день. Справедливо поэтому может быть назван вечер окончанием света, а утро, то есть конец ночи, — довершением дня. Это и хочет показать Божественное Писание, когда говорит: *и бысть вечер, и бысть утро, день вторый.* Может быть, мы очень распространились в слове, но это не намеренно, а, так сказать, увлеченные самим течением речи, как бы каким-либо сильнейшим потоком. Служите причиной этого и вы, с удовольствием слушающие слова наши. Ничто не может так возбуждать говоряще-

го и внушать ему такое обилие мыслей, как усердие слушателей. Невнимательные и нерадивые слушатели отнимают охоту и у того, кто мог бы говорить; напротив, вы, по благодати Божией, в состоянии, если бы мы были безгласнее и самых камней, разбудить нашу недеятельность, прогнать сон и заставить нас сказать что-нибудь вам полезное и назидательное. Так как вы столько научены Богом, что можете, по словам блаженного Павла, *и иныя научити* (Рим. XV, 14), то вот мы попросим вас, если когда, то особенно во время поста, усердно позаботиться о богоугодной добродетельной жизни, и да не будет слово наше обременительным для вас, если мы каждый день станем говорить вам об одном и том же. Говорить одно и то же, скажу словами блаженного Павла, *мне убо неленостно, вам же твердо* (Флп. III, 1). Наша душа, будучи беспечной, имеет нужду в постоянном напоминании. И как тело ежедневно нуждается в телесной пище, чтобы не впасть в совершенное расслабление и бездеятельность, так и душа требует духовной пищи и наилучшего управления, чтобы, утвердившись в навыке к добру, ей быть наконец неуловимой кознями лукавого.

7. Итак, будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя; будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного, и какое произнесли слово праздное, а также, что полезного ввели в душу через слух, и что внесли в нее могущее повредить ей. Языку назначим некоторые правила и пределы, так чтобы наперед взвешивать выражения и потом уже произносить слова, а мысль приучим не вымышлять ничего вредного, а если что-нибудь подобное превзойдет и извне, отвергать это, как излишнее и могущее повредить; если же зародится внутри (худая мысль), тотчас прогонять ее благочестивым размышлением. Не будем думать, будто одного неядения до

вечера достаточно нам для спасения. Если человеколюбивый Господь неблагодарным иудеям говорил через пророка: *се семьдесят лет, постом ли постистеся ми? И аще ясте или пиете, не вы ли ясте и пиете? Сице глаголет Господь Вседержитель: суд праведен судите, и милость и щедроты творите кийждо к брату своему, а вдовицы, и сира, и пришельца, и убога не насильствуйте, и злобы кийждо брата своего да не помнит в сердцах своих* (Зах. VII, 5, 6, 9, 10), — если им, сидевшим в тени и окруженным тьмой заблуждения, не было никакой пользы от одного поста, когда они не исполняли этого и не исторгали из сердца злобы к ближнему, то какое оправдание будем иметь мы, от которых требуется гораздо больше, которым поведено не только это делать, но даже любить врагов и благодетельствовать им? И что говорю: благодетельствовать? — даже молиться за них, просить и умолять Господа, чтобы Он имел попечение о них (см.: Лк. VI, 27, 28). Такое расположение к врагам более всего поможет нам и будет величайшим выкупом грехов наших в тот страшный день (суда). Правда, эта заповедь очень трудна, но, если подумаешь о награде, уготованной исполняющим ее, то она, хоть и весьма трудна, отнюдь не покажется такой. Какая же это награда? Если это будете делать, говорит (Писание), то будете подобны Отцу вашему, *иже есть на небесех* (Мф. V, 45). И чтобы сделать эту мысль для нас яснее, присовокупляет: *яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя.* Ты, говорит, подражаешь тогда Богу, сколько это возможно человеку. Как Он велит восходить солнцу не только над добрыми, но и над делающими злое, и ежегодно посылает дожди не только праведным, но и неправедным, — так и ты, если любишь не только любящих, но и враждующих против тебя, подражаешь по силе своей твоему Господу. Видишь, как (Писание) на самую горнюю высоту возвело того, кто может исполнять эту добродетель? Так не о трудности только дела

помышляй, возлюбленный, но прежде всего рассуждай с самим собой о том, какой можешь ты удостоиться чести, и мысль об этой чести сделает для тебя легким тяжкое и трудное. В самом деле, не должен ли ты считать за милость, что своими благодеяниями врагу можешь отворить себе двери дерзновения перед Богом и достигнуть прощения своих грехов? Но, может быть, тебе сильно хочется отомстить врагу, и сделавшего тебе зло ввергнуть в такую же или еще и большую беду? Что же доброго выйдет из этого, когда ты, не получив себе никакой пользы, должен будешь еще дать в этом отчет на страшном суде, как нарушитель предписанных Богом законов? Скажи мне: если бы земной царь издал такой закон, чтобы мы делали добро врагам, а в противном случае были наказываемы смертью, не все ли бы, из страха телесной смерти, поспешили исполнить этот закон? Какого же осуждения достойно то, чтобы из страха смерти телесной, которую и без того неизбежно наводит на нас долг природы, делать все, а ради той смерти, в которой нельзя найти утешения, менее заботиться о законе, предписанном Владыкой вселенной?

8. Но я забыл, что говорю людям, которые и к любящим их не показывают равной любви. Кто же после этого избавит нас от упомянутого наказания, когда мы не только далеки от той заповеди (о любви к врагам), но не делаем даже и того, что делают мытари? *Аще бо любите любящих вас,* говорит (Христос), *кую мзду имате; не и мытари ли тожде творят* (Мф. V, 46)? Так, когда мы и этого не делаем, то какая у нас надежда на спасение? Поэтому прошу, не будем жестокосердны, но укротим помыслы наши, и прежде всего научимся побеждать ближнего любовью и, по словам блаженного Павла, *друг друга честию болша себе творяще* (Флп. II, 3), научимся не уступать и быть побежденными в этом, но побеждать (других), и любящим нас показывать большее и пламеннейшее благорасположение. Это всего более поддерживает и

веселит жизнь нашу, этим мы отличаемся от бессловесных и от зверей, тем то есть, что можем, если захотим, сохранять соответствующий нам порядок и иметь совершенное согласие с ближними. Потом (научимся) укрощать наши помыслы и усмирять этого неукротимого зверя, то есть гнев, представляя ему зрелище страшного судилища и внушая, что, если он решится примириться с врагами, то получит великие блага, если же будет продолжать вражду, то подвергнется тяжкому осуждению. Мы не должны, ведь, тратить время напрасно и без цели, но каждый день и час иметь перед глазами суд Господень и то, что может или доставить нам великое дерзновение, или навлечь наказание. Имея это в мыслях наших, мы победим страсти, обуздаем порывы нашей плоти и умертвим, по словам блаженного Павла, *уды наша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, гнев* (Кол. III, 5, 8), любостяжание, тщеславие, ненависть. Если мы сделаем себя мертвыми для этих страстей так, чтобы они не могли действовать в нас, то получим плоды Духа, каковы суть: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. V, 22, 23). В этом должно состоять различие христианина от неверного; в этом должны заключаться наши отличительные признаки, чтобы мы не красовались только именем и не превозносились наружным видом, напротив, если бы даже обладали всеми исчисленными плодами (Духа), и тогда не гордились, но еще более смирялись. *Егда,* говорит (Христос), *сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимы есмы* (Лк. XVII, 10). Если так будем пещись и заботиться о своем спасении, то можем и себе принести величайшую пользу и избавиться от будущего наказания, и для тех, кто смотрит на нас, быть учителями полезного, чтобы, проведя настоящую жизнь в строгости, в будущей удостоиться нам милости (Божией), которую да получим все мы по благодати и человеколю-

бию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, честь во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша (Быт. I, 9)

1. Вот и сегодня предложим вашей любви трапезу из слов блаженного Моисея и рассмотрим тщательно, что создал Господь в третий день. Если выкапывающие золотоносную землю, как увидят где жилы с частицами золота, не прекращают это занятие до тех пор, пока, поднимая (землю) и спускаясь в самую глубь, не достанут оттуда большого количества золота, то тем более нам, ищущим не золота, но надеющимся найти несказанное сокровище, нужно каждодневно разыскивать его, чтобы, получив таким образом великое духовное богатство, с ним возвратиться домой. Там чувственное богатство часто подвергает своих владельцев опасностям, а еще прежде опасностей, доставив им малое удовольствие, вдруг улетает от них, потому что или нападают обманщики, воры и разбойники, или слуги – сторожа похищают его и убегают. Но здесь ничего такого не может случиться: это духовное сокровище не может быть похищено, и когда будет положено в кладовых нашего ума, то недоступно для всяких козней, если только мы, по своей беспечности, не допустим к себе того, кому сильно хочется похитить его у нас. Враг наш, злой диавол, когда видит собранное духовное богатство, приходит в ярость, скрежещет зубами и неусыпно старается, как бы найти удобное время и похитить что-либо из сокрытого внутри нас. А никакое время так не удобно для него, как то, когда мы беспечны; поэтому мы должны непрестанно бодрствовать и заграждать ему доступ к нам. Если он увидит, что мы

бдительны и соблюдаем великую осторожность, и после одного или двух нападений заметит, что напрасно он усиливается, то наконец отступает со стыдом, зная, что не будет ему никакого успеха, потому что мы весьма осторожны. Итак, зная, что мы всю настоящую жизнь должны проводить в войне, будем вооружать себя так, как будто враг стоит перед нами и непрестанно наблюдает, не задремали ли мы немного и не открыли ли ему возможности нападения.

Не видишь ли, что имеющие много денег, когда ожидают нападения неприятелей, прилагают великую заботу о их сохранении? Иные скрывают их за дверями и запорами и всячески обезопасивают; другие закапывают даже в землю так, чтобы никто не мог найти их. Таким же образом следует и нам, собрав богатство добродетели, беречь его с великой тщательностью и не выкладывать на глаза всем, но скрывать его в самом надежном хранилище ума, и награждать все входы пытающемуся похитить его, чтобы, сохранив это богатство в целости, могли мы, при перемене здешней жизни, иметь некоторые запасы на этот путь. Проживающие на чужой стороне, когда хотят возвратиться в свое отечество, задолго стараются исподволь собрать столько запасов, сколько достало бы им на всю дорогу, чтобы не подвергнуться голоду. Точно так и нам, живущим здесь, как в чужой стороне (все мы, действительно, странники и пришельцы), надобно здесь уже заботиться и заготовлять себе духовные запасы, состоящие в добродетели, чтобы, когда Господь повелит нам возвратиться в свое отечество, мы были готовы, и часть этих запасов взяли с собой, а другую отправили наперед. Свойство этих запасов таково: что мы приготовим себе совершением добрых дел, то предупредит нас там, отворит двери дерзновения перед Господом и откроет вход, так что мы войдем совершенно безбоязненно и найдем великое благоволение у Судьи.

2. И чтобы знал ты, возлюбленный, что это точно так, подумай только, что подающий щедрую милостыню и здесь живет с доброй совестью, и, когда переселится отсюда, находит великую милость у Судьи и услышит вместе с прочими эти блаженные слова: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте ми ясти* (Мф. XXV, 34, 35). Такую же награду получит каждый и за другие добродетели; так будет за исповедание грехов и за усердные молитвы. Если мы в настоящей жизни успеем омыть грехи исповедью и получить прощение от Господа, то отойдем туда чистыми от грехов и найдем себе великое дерзновение. Но невозможно найти на том свете какое-либо утешение тому, кто в настоящей жизни не омыл грехов, потому что *во аде*, сказано, *кто исповестся тебе* (Пс. VI, 6)? И справедливо: здешняя жизнь есть время подвигов, трудов и борьбы, а та – время венцов, наград и воздаяний. Будем же подвизаться, пока еще находимся на ристалище, чтобы в то время, когда должно получить венец и награду за труды, быть нам в числе не осуждаемых, а тех, которые с дерзновением получат венец на голову. Это сказал я вашей любви недаром и не напрасно, но потому, что желаю каждый день напоминать вам о добрых делах, чтобы, делаясь лучшими и совершенными и сияя добродетельной жизнью, вы стали безукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными, и светили, как светильники, в мире, уча словом жизни в похвалу нам в день Христов, – чтобы одним видом своим приносили вы пользу тем, кто бывает с вами, и чтобы вступающие в беседу с вами получали общение в присущем вам духовном благоухании и добродетельной жизни. Как сообщество злых вредит имеющим сношение с ними, по слову блаженного Павла: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33), так и сообщество добрых весьма полезно сближающимся с ними. Поэтому человеколюбивый

Господь наш и попустил жить добрым вместе со злыми, чтобы эти получили пользу от сообщества тех, и не оставались навсегда в грехе, но, имея постоянно перед глазами пример их, извлекали из него себе назидание. Сила добродетели такова, что и не делающие ее весьма уважают ее и относятся к ней с великой похвалой. Равномерно и порок постоянно осуждается даже теми, кто предан ему: так он для всех ясен и очевиден, и едва ли кто станет когда хвалиться им, но — удивительная вещь! — что замышляют на деле выполнить, то часто порочат словами и стараются скрыть от народа. И этим Бог показал Свою любовь к роду человеческому, что в каждом из нас поставил нелицеприятное судилище — совесть, которая делает строгое различие между добром и злом; а это-то особенно и лишит нас всякого оправдания, что мы впадаем в грехи не по неведению, но по беспечности душевной и по нерадению о добродетели.

3. Имея это в уме своем ежечасно, будем усердно заботиться о своем спасении, чтобы, между тем как время проходит, мы незаметно не причинили себе величайшего вреда. Но для вступления довольно. Послушаем, если угодно, что это такое, чему и сегодня хочет научить нас благодать Духа устами Моисея. И *рече*, сказано, *Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино и да явится суша: и бысть тако* (Быт. I, 9). Смотри, возлюбленный, какой здесь прекрасный порядок и последовательность. В начале (Моисей) сказал, что *земля бе невидима и неустроена* от того, что покрыта была тьмой и водами; потом (показал, что Бог) во второй день, повелев быть тверди, сделал разделение между водами, и твердь назвал небом; а теперь снова преподает нам учение, что в третий день (Бог) повелел, чтобы находившаяся под небом или твердью вода, соединившись *в собрание едино*, открыла (свободное) место, и явилась суша: *и бысть тако*. Так как доселе все наполнено было водой, то Бог повелевает этому множеству воды со-

браться в одно место, чтобы таким образом открылась суша. Замечай, как Он мало-помалу выказывает нам благоустройство и красоту земли. *И бысть*, сказано, *тако*. Как же? Так, как повелел Господь. Он сказал только — и последовало исполнение. Это-то и свойственно Богу — распоряжаться тварями по Своей воле. *И собрася*, сказано, *вода, яже под небесем, в собрания своя, и явися суша* (ст. 3). Как по отношению к свету Бог, когда повсюду была тьма, повелел явиться свету, и сделал разделение между светом и тьмой, и назначил первый для дня, а последнюю для ночи; и как опять по отношению к водам, когда произвел Он твердь, то одним (водам) повелел занимать место выше, а другим быть ниже тверди, — так и теперь этим самым водам, которые под твердью, повелевает собраться в одно место, чтобы открылась суша, и чтобы потом и ей дать свое имя, как это было со светом и тьмой. *Собрася*, сказано, *вода в собрания своя, и явися суша. И нарече Бог сушу землю* (ст. 10). Видишь ли, возлюбленный, как невидимую и неустроенную землю, скрывавшуюся под водами, как бы под каким-либо покровом, Бог разоблачил, так сказать, и теперь показал нам лицо ее, назвав ее собственным именем? *И собрания вод*, сказано, *нарече моря* (ст. 10). Вот, и воды получили свое имя. Как отличный художник, когда намеревается устроить, по правилам своего искусства, какой-либо сосуд, не прежде дает ему название, как окончит его совсем, — так и человеколюбивый Владыка дотоле не дает названий стихиям, пока Своим повелением не поставит каждую из них на свое место. Затем, когда земля получила свое имя и пришла в надлежащий вид, удостоились своего названия и воды, собравшиеся вместе. *Нарече*, говорит, *собрания вод моря*, и прибавил опять: и *виде Бог, яко добро*. Так как немощная природа человеческая была не в состоянии достойно восхвалить создания Божии, то Божественное Писание наперед показывает нам, как они похвалены Самим Создателем.

4. Когда знаешь, что твари оказались прекрасными перед Самим Творцом, то тем более будешь удивляться им, однако не будешь в состоянии прибавить что-либо к их похвале и прославлению. Такого ты имеешь Владыку, совершающего такие дела, что они не могут принять от нас похвалы. И подлинно, как может человеческая природа достойно восхвалить или прославить дела Божии? Усматривай и из последующего неизреченную мудрость великого Художника – Бога. Как открыл Он нам лицо земли, то уже дает ей Своим повелением надлежащее благолепие, украшая лицо ее разнообразными семенами. *И рече*, сказано, *Бог: да произрастит земля былие травное, сеющее семя по роду и по подобию, и древо плодовитое, творящее плод, емуже семя его в нем* по подобию, *по роду на земли: и бысть тако* (ст. 11). Что значит: *и бысть тако*? Повелел, то есть, Господь, и земля тотчас почувствовала болезни рождения и приготовилась к произращению семян. *И изнесе*, сказано, *земля былие травное, сеющее семя по роду и по подобию, и древо плодовитое, творящее плод, ему же семя его в нем по роду на земли* (ст. 12). Подумай здесь, возлюбленный, как земля все произвела только по слову Господа. Еще не было ни человека – делателя, ни плуга, ни рабочих волов, ни другого попечения о ней, но лишь услышала (земля) повеление – и тотчас исполнила свою обязанность. Из этого познаем, что и теперь приносит нам плоды не рачительность земледельцев, не труд и вообще не изнурительная работа по возделыванию земли, но прежде всего этого слово Божие, сказанное ей в начале. С другой стороны, исправляя и впоследствии неразумие людей, Божественное Писание обстоятельно излагает нам все по порядку, как что было, дабы устранить пустые толки тех, кои по своим соображениям утверждают, будто для спелости плодов требуется только действие солнца. Есть и такие, которые осмеливаются приписывать это даже некоторым звездам. Поэтому Святой Дух научает

нас, что до сотворения этих стихий земля, повинуясь слову и повелению Его, произращает всякие семена, не нуждаясь ни в каком другом содействии. Для нее вместо всего довольно было одного этого слова Божия: *да произрастит земля былие травное.* Итак, будем следовать руководству Божественного Писания, и никогда не станем слушать тех, которые без разбора говорят все, что только им вздумается. Пусть возделывают люди землю, пусть пользуются содействием животных и прилагают большую заботливость, пусть в воздухе будет благорастворение и соединятся все прочие обстоятельства, если не будет соизволения Владыки, все тщетно и напрасно, и от множества трудов и усилий не последует никакого успеха, если рука Вышнего не поможет и не даст зрелости посеянному. Кто не изумится и не удивится при мысли о том, как слово Господне: *да произрастит земля былие травное,* сошедши в самые ущелья земли, украсило лице ее, как бы чудной какой мантией, разнообразными цветами? И вот, прежде безобразная и неустроенная, она вдруг получила такую красоту, что почти может состязаться с небом. Как это, спустя немного, имеет украситься разнообразными звездами, так и она красовалась теперь таким разнообразием цветов, что и Самого Творца побудила к похвале: *виде,* сказано, *Бог, яко добро* (ст. 12).

Видишь, как (Моисей), при создании каждой твари, представляет Создателя похваляющим ее, чтобы впоследствии люди, зная это, от тварей восходили к Творцу. Если твари таковы, что превышают природу человеческую и никто не может достойно восхвалить их, то что сказать о самом Творце? *И виде,* сказано, *Бог, яко добро. И бысть вечер, и бысть утро, день третий* (ст. 13). Видишь, как (Моисей) частым повторением учения хочет вкоренить в нашем уме значение того, о чем говорится? Надлежало бы сказать: и был день третий. Но вот он о каждом дне говорит так же, как и здесь: *и бысть вечер, и бысть утро, день третий,* – и это не без причины и не без

цели, но чтобы мы не нарушали порядка и не думали, будто с наступлением вечера оканчивается уже день, но знали бы, что вечер есть конец света и начало ночи, а утро конец ночи и полнота дня. Это именно хочет внушить нам блаженный Моисей словами: и *бысть вечер, и бысть утро, день третий.* И не удивляйся, возлюбленный, что Божественное Писание многократно повторяет это. Если и после такого повторения, объятые еще заблуждением и ожесточенные сердцем иудеи пытаются спорить и считают вечер началом наступающего дня, обольщая и обманывая сами себя, продолжают сидеть в тени, когда истина сделалась столь ясной для всех, и пользуются свечой, когда Солнце правды повсюду разливает лучи свои, то кто мог бы вынести упорство неблагодарных, если бы (Моисей) предложил это учение не с такой точностью?*

Но они пусть ожидают воздаяния за свое безумие, а мы, удостоившиеся принять лучи Солнца правды, будем следовать учению Божественного Писания и, руководствуясь правилом его, сложим здравые догматы в сокровищнице нашего сердца, а с их соблюдением соединим великую заботливость о своем спасении и будем избегать того, что вредно для душевного нашего здоровья, воздерживаясь от всего такого, как от смертоносных ядов. Этот вред гораздо более значит, и во столько более, во сколько душа лучше тела. Те яды причиняют телесную смерть, а вредное для душевного здоровья наносит нам смерть вечную. Что же так вредно нам? Многое и разнородное, но более всего пристрастие к человеческой славе и неуменье пренебрегать ею. Эта страсть причиняет нам много зла, и, если мы имеем сколько-нибудь духовного богатства, она истощает его и лишает

* Это обличение Златоуста падает и на тех толкователей, которые при объяснении истории творения начинают, подобно иудеям, счет дней или суток с вечера.

нас проистекающей отсюда пользы. Что может быть гибельнее этой заразы, когда она отнимает у нас и то, чем мы, кажется, обладаем? Так, фарисей тот сделался хуже мытаря, потому что не мог удержать своего языка, но через него, как через какое-нибудь отверстие, просыпал все свое богатство. Таково зло — тщеславие.

6. Скажи мне, почему и для чего ты ищешь похвалы от людей? Разве не знаешь, что эта похвала так же, как тень или что-либо еще более ничтожное, разливается по воздуху и исчезает? Притом, и люди так непостоянны и изменчивы: одни и те же одного и того же человека сегодня хвалят, а завтра порицают. С Божественным судом этого никогда не может быть. Не будем же безрассудны, не станем напрасно и всуе обманывать сами себя. Если мы делаем что-либо доброе, но делаем это не для того только, чтобы исполнить заповедь нашего Господа и быть известными Ему одному, то мы напрасно трудимся, лишая сами себя плода от этого доброго дела. Делающий что-либо доброе для получения славы от людей, получит ли ее, или нет, — а часто бывает, что при всех усилиях не может получить ее, — так получит ли или нет, пользуется уже здесь достаточной наградой, а там не получит никакого воздаяния за это дело. Почему? Потому что сам наперед лишил себя награды от Судьи, оказав предпочтение настоящему перед будущим, славе человеческой перед приговором праведного Судьи. Напротив, если мы делаем что-либо духовное для того собственно, чтобы только угодить тому неусыпающему оку, перед которым все обнажено и открыто, тогда и сокровище у нас остается неприкосновенно, и (будущая) награда несомненна, и доброе ожидание этого само по себе уже доставляет нам великое утешение, и кроме того, что эта награда соблюдается нам в безопасном хранилище, может явиться вместе с тем и слава человеческая. Ведь тогда мы и пользуемся ею в большей мере, когда пренебрегаем ею, когда не

ищем ее, когда не гоняемся за ней. И что дивишься, что так бывает у ведущих духовную жизнь, когда очень многие и из миролюбцев более всего гнушаются и презирают тех, кто домогается славы от людей; найдешь даже, что над такими людьми все издеваются за их тщеславие. Что же будет жалче нас, если мы, посвящая себя духовной жизни, станем, подобно этим людям, домогаться славы от людей и не довольствоваться похвалой от Бога? Так и Павел говорит: *его похвала не от человек, но от Бога* (Рим. II, 29). Не видишь ли, возлюбленный, как и на конских ристалищах погоняющие коней не обращают внимания на то, что весь сидящий тут народ рассыпает бездну похвал, и не чувствуют удовольствия от этих похвал, но смотрят на одного только царя, сидящего посреди, и, внимая его мановению, презирают всю толпу, и тогда только величаются, когда он возложит на них венки? Им-то подражая, и ты не дорожи людской славой, и не ради ее твори добродетель, но ожидай приговора от праведного Судьи, и, внимая Его мановению, так устрояй всю свою жизнь, чтобы тебе и здесь постоянно питать добрые надежды, и там наслаждаться вечными благами, которые да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

И рече Бог: да будут светила на тверди небесней, освещати землю, и разлучати между днем и между нощию: и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета (Быт. I, 14)

1. Хочу обратиться к обычному учению, но останавливаюсь и медлю; облако уныния нашло на ум мой, возмутило и расстроило его; а лучше сказать, облако не

только уныния, но и гнева, и я не знаю, что мне делать, — такое смущение овладело моей душой. В самом деле, как подумаю, что лишь только диавол немного дунул, вы, забыв наше непрерывное учение и каждодневное увещание, все побежали на сатанинское то позорище, когда случились конские скачки, то могу ли с ревностью опять предлагать вам учение, когда все прежнее так скоро исчезло? Особенно увеличивает мою скорбь и усиливает мой гнев то, что вы, вместе с нашим увещанием, выбросили из души своей и благоговение к святой четыредесятнице и таким образом сами отдались в сети диавола. Как может кто-либо, хотя бы у него была каменная душа, легко перенести такую небрежность вашу? Стыжусь, поверьте, и краснею, когда вижу, что мы напрасно трудимся и бросаем семя на камни. Но слушаете ли вы слова мои или не слушаете, назначенная награда будет мне, потому что я исполнил весь долг свой, отдал серебро, сделал внушение. Только боюсь и беспокоюсь, чтобы через это самое мне не сделаться виновником большего вашего осуждения. *Раб той*, сказано, *ведевый волю господина своего, и не сотворивый, биен будет много* (Лк. XII, 47). Никто из вас не может уже сослаться на незнание, когда мы ежедневно так внушаем вам одно и то же, и показываем диавольские сети и великую легкость добродетели, если только захотим быть бдительными. Или не знаете, что тех, которые так нерадят о своем спасении, и иногда приходят сюда, а в другое время сами отдаются в сети диавола, Божественное Писание сравнивает с псами? Человек, говорит оно, отвращающийся от греха своего и опять возвращающийся к нему, подобен псу, возвращающемуся *на своя блевотины* (Притч. XXVI, 11). Вот, кому стали подобны убежавшие на нечестивое то зрелище. Не слышали ли вы, что сказал Христос: *всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце: и приидоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине*

той, и падеся: и бе разрушение ея велие (Мф. VII, 26, 27)? А убежавшие на конское ристалище сделались хуже и этого человека. У него дом упал, по крайней мере, уже после сильного напора (рек и ветров); а под именем рек и ветров (Христос) дает нам разуметь не множество воды и стремительность ветров, но сильное действие искушений, и разрушение храмины мы должны относить не к чувственному дому, а к душе, падающей от напора несчастий и не могущей противостать им. А на вас и ветер не устремился и реки не обрушились, но только подуло легкое дьявольское веяние — и всех вас увлекло. Что может быть хуже этого безрассудства? Какая, скажи мне, польза от поста? Какой плод от хождения сюда? Кто не восплачется о вас и не пожалеет нас? О вас потому, что вы вдруг рассыпали все, что только собрали, и отворили двери сердца своего злому демону, так что он вошел и весьма легко унес у вас все духовное богатство. А мы заслуживаем сожаления потому, что так проповедуем в мертвые уши и терпим такой ущерб, каждый день сея и не имея возможности собрать какой-либо плод. Разве мы для того стараемся говорить, чтобы только тешить ваш слух, или заслужить похвалу от вас? Если вы не намерены извлекать для себя пользу из наших слов, то лучше нам уже замолчать: я не хочу подвергать вас большему осуждению. Купец, который собрал большой груз товаров и наполнил свой корабль великим богатством, представляет собой жалкое зрелище, когда внезапно поднявшаяся буря и сильный напор ветра затопит корабль его и с людьми: он вдруг является нагим, после великого и неисчислимого богатства оказывается в крайней бедности. Точно то же сделал теперь с вами диавол: нашедши духовный ваш корабль наполненным великого богатства и увидев неисчислимое сокровище, которое вы успели собрать от поста и непрерывных поучений, он навел, как бурю какую, это бесплодное и

гибельное позорище, и через него лишил вас всего богатства.

2. Знаю, что я употребил сильное обличение; но простите, прошу: такова уж огорченная душа. Не по вражде говорю это вам, но по заботливости, от души, любящей вас. Поэтому, смягчив несколько строгость свою, так как я остановил самое расширение раны, хочу обратить вашу любовь и к добрым надеждам, чтобы вы не упали духом и не пришли в отчаяние. Здесь не так бывает, как в делах чувственных. Там богачу, дошедшему до крайней бедности, нельзя вдруг опять разбогатеть; а здесь, по милости Божией, если только захотим признать виновность дел своих и не простирать далее свою беспечность, можем скоро сделаться по-прежнему богатыми. Таков наш Владыка, так Он щедр и милостив; вот Он через пророка вопиет: *хотением не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Знаю, что вы, как добросовестные, сознаете свой грех; а сознание тяжести грехов немало способствует обращению к добродетели. Только никто не говори мне опять этих дьявольски обольстительных слов: что это за грех — посмотреть на конские ристалища? Если захочешь тщательно смотреть все, что бывает там, то найдешь все исполненным сатанинской силы. Там можно видеть не только бегающих коней, но и слышать крики, богохульства и бездну неприличных слов; там являются перед всеми и непотребные женщины, и женоподобные юноши. Или этого кажется тебе мало для того, чтобы душу твою сделать пленницей? Если и случайные встречи часто служат для невнимательного преткновением, низвергают его и увлекают в самую бездну погибели, то что должно быть с теми, которые затем именно и приходят туда, питают глаза свои этими преступными зрелищами, и выходят оттуда совершенными любодеями? Человеколюбивый Господь наш знал, как легко наша природа поддается искушениям

и как хитра и лукава злоба диавола, и потому, чтобы оградить нас от многих опасностей и сделать неуловимыми для его сетей, постановил такой закон: *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. V, 28), называя нескромный взгляд прелюбодеянием. Так никто уже не говори мне: какой вред от пребывания там? Уже одно (смотрение на) состязания коней может причинить душе немало вреда. Когда мы тратим время на бесполезное, не только не приносящее ничего доброго нашей душе, но и оскверняющее ее, когда мы перебраниваемся и произносим тысячу неприличных слов, то чем можем извиниться в этом, чем оправдаться? Вот здесь, если мы несколько распространим поучение, многие негодуют, скучают и жалуются на усталость и утомление, хотя этот чудный кров (храма) достаточно защищает их и от холода, и от дождя, и от жестоких ветров. А там, пусть и сильный дождь льет, и жестокие ветры дуют, и солнце палит, однако проводят не один и не два часа, но большую часть дня; старец не стыдится своих седин, и юноша не совестится идти на то, что разжигает стариков: нет, обольщение таково, что эту отраву душ принимают даже с удовольствием, и не думают ни о кратковременности гибельного удовольствия, ни о продолжительности скорби, ни об упреках совести. Вот и теперь, смотрю я на лица некоторых, и догадываюсь, каково состояние души их, и в какое приходят они раскаяние. Но чтобы вы опять не впали в тот же грех и после такого нашего увещания не пошли опять на сатанинские те сборища, необходимо употребить. Не всегда хорошо давать легкие лекарства; когда рана упорна, тогда должно прилагать сильные лекарства, причиняющие боль, чтобы скорее последовало выздоровление.

3. Итак, пусть все виновные знают, что, если они, и после этого нашего увещания, будут вести себя так же небрежно, мы не потерпим более, но, на основании

законов церковных, с великой строгостью научим их не делать таких проступков и не с таким небрежением слушать слово Божие. Это относится, конечно, не ко всем. Каждый из слушателей принимай соответственное лекарство: виновный в этом грехе, чтобы остановить свою беспечность и не простирать ее далее, но с усердием после этого обратиться и исправиться в прежних грехах; а невиновный пусть будет осторожнее, чтобы не увлечься и не сделаться когда-либо виновным. Но чтобы самым делом убедить вашу любовь в том, что мы, по внушению любви и великой заботливости и по сильному опасению относительно вашего спасения, вынуждены были сказать это, вот опять, питая себя доброй надеждой, предложим вам обычное учение, и тем покажем вам свое отеческое расположение, какое имеем к вам. Только, прошу, слушайте слова мои внимательно, чтобы вам получить больше плодов и с тем возвратиться домой. Следует сказать вашей любви о том, что ныне читалось. *И рече Бог: да будут светила на тверди небесней, освещати* на земли *и разлучати между днем и между нощию: и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета* (Быт. I, 14). *И да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по земли: и бысть тако* (ст. 15). Вчера блаженный Моисей показал нам, как Создатель вселенной украсил безвидность земли травами, разнообразными цветами и произрастанием семян, сегодня он обратил слово к украшению неба. Как земля украшается тем, что из нее возникло, так и это видимое небо (Бог) сделал светлее и блистательнее, усеяв его разнообразными звездами и создав два великие светила, то есть солнце и луну. *И сотвори,* сказано, *Бог два светила великая: светило великое в начала дне, и светило меншее в начала нощи, и звезды* (ст. 16). Видишь премудрость Творца? Сказал только — и явилась эта чудная стихия, то есть солнце. Его-то (Моисей) называет великим светилом, и говорит, что оно создано для управления днем.

Оно делает день яснейшим, бросая лучи свои, как какие-либо молнии, ежедневно показывая во всем блеске свою красоту, появляясь вместе с утром и пробуждая всех людей к исполнению своих дел. Его-то красоту изображая, блаженный пророк говорит: *и той, яко жених, исходяй от чертога своего, возрадуется яко исполин тещи путь свой. От края небесе исход его, и сретение его до края небесе* (Пс. XVIII, 6, 7). Видишь, как (Давид) изобразил и красоту и быстроту движения (солнца)? Словами: *от края небесе исход его, и сретение его до края небесе* (Давид) показал нам, как (солнце) мгновенно обтекает всю вселенную и от края до края разливает лучи свои, через то доставляя великую пользу. Оно не только греет, но и сушит; и не только сушит, но жжет, доставляя нам многую и разнообразную пользу; это весьма удивительная стихия, и едва ли кто в состоянии по достоинству все выразить. Говорю так и превозношу эту стихию не для того, чтобы ты, возлюбленный, останавливался на ней, но чтобы от нее восходил выше, и перенес свое удивление на Творца этой стихии. Чем большей представляется стихия, тем более дивным является Создатель.

4. Но ученики эллинов, приходя в удивление и изумление перед этой стихией, не могли прозреть далее и прославить Творца, а остановились на стихии и обоготворили ее. Поэтому блаженный Павел и говорит: *и почтоша и послужиша твари паче Творца* (Рим. I, 25). Что может быть безумнее этих людей, которые не могли из создания познать Создателя, но впали в такое заблуждение, что тварь и создание возвели на степень Творца? Поэтому Божественное Писание, предвидя удобопреклонность беспечных людей к заблуждению, учит нас, что эта стихия сотворена спустя три дня, после того, как произросли на земле все семена и земля получила свое украшение: пусть после этого никто не посмеет сказать, будто без содействия солнца не могут созревать произрастения земли. Поэтому (Моисей) показывает

тебе, что все было совершено до создания солнца, чтобы ты созревание плодов приписывал не ему, но Творцу вселенной, Который вначале сказал: *да произрастит земля былие травное.* Если же будут говорить, что и действие солнца способствует спелости плодов, то этому не стану противоречить. Как говоря о земледельце, что он содействует плодоносности, я не приписываю всего земледельцу, но (высказываю то, что) сколько бы ни трудился земледелец, труды его не будут успешны, если не благоволит подвигнуть землю к плодоносности Тот, Кто вначале возбудил ее к этому, — таким же образом говорю, что, пусть к трудам земледельца присоединится и действие солнца и луны и благорастворение воздуха, — и тогда не будет успеха, если не поможет десница Вышнего; когда же соизволит эта державная рука, тогда и действие стихий принесет весьма великую пользу. Помня это твердо, заграждайте уста коснеющим в заблуждении и не позволяйте должное Творцу почтение воздавать тварям. Поэтому и Божественное Писание изображает нам не только красоту, величие и благотворность солнца словами: *яко жених,* и: *возрадуется яко исполин тещи путь,* но также слабость и ничтожество. Послушай, что говорит оно в другом месте: *что светлее солнца? И то исчезает* (Сир. XVII, 30). Да не обольщает тебя вид (солнца); если захочет повелеть Создатель, оно исчезнет, как будто бы и не было его. Если бы знали это ученики эллинов, то не впали бы в такое заблуждение, но видели бы ясно, что от рассмотрения тварей должно возноситься к Творцу. Поэтому и создал солнце в четвертый день, чтобы не подумал ты, будто оно производит день. Что сказали мы о семенах, то же скажем и о дне, именно, что прошло три дня до сотворения солнца. Но Господь восхотел через эту стихию сделать свет дня еще более ясным. То же самое можем сказать и о меньшем светиле, то есть луне: прошло три ночи и до ее сотворения; однако и она, будучи создана, приносит

свою пользу, рассеивая мрак ночи и почти так же, как солнце, содействуя всему прочему. То назначено *в начала дне,* а эта *в начала нощи.* Что значит: в *начала дне* и *в начала нощи?* То, что солнце получило власть над днем, а луна над ночью, чтобы то своими лучами делало день светлее, а эта разгоняла мрак и своим светом доставляла людям удобство исправлять дела свои, так как и путешественник тогда смело отправляется в путь, и пловец спускает судно и плывет по морю, и каждый ремесленник весьма свободно занимается своим делом. Показав нам пользу этих светил, Моисей говорит и о звездах. *И положи я Бог на тверди небесней, яко светити на землю, и владети днем и нощию, и разлучати между светом и между тмою* (ст. 17 и 18).

5. Подумай, какую пользу (Моисей) указал нам и в звездах. *Положи я,* говорит, *на тверди небесней.* Что значит *положи?* Не то же ли, что *водрузил?* Нет; мы видим, что они часто в одно мгновение пробегают великое пространство и никогда не стоят на одном месте, но совершают свое течение, какое назначено им от Господа. Что же значит *положи?* Значит: повелел быть им на небе. Писание, как увидим впоследствии, говорит в другом месте, что Бог *положи Адама* в раю (Быт. II, 8), не в том смысле, что водрузил его в раю, а в том, что повелел ему быть в раю. Таким же образом можем и о звездах сказать, что Бог повелел им быть на тверди небесной и изливать свой свет на землю. Подумай, возлюбленный, не приятнее ли всяких лугов и садов смотреть ночью на звездное небо, — как оно украшено разнообразными звездами, будто какими цветами, и как эти звезды льют на землю множество света? Они к тому и назначены, чтобы светить на землю и управлять днем и ночью, что сказано вообще и о великих светилах. Сообщив нам о сотворении двух светил и звезд, Моисей обо всех вообще говорит: *и владети днем и нощию, и разлучати между светом и между тмою.* Как днем не видно

звезд, бегущих по небу, совершающих свой путь (потому что их действие скрывает, вследствие своей яркости, свет солнца), так и солнце никогда не видно ночью, потому что луна своим светом достаточно озаряет мрак ночи. Каждая из стихий, оставаясь в собственных пределах, никогда не переходит за свою черту, но, соблюдая повеление Владыки, исполняет свое дело. Кто может исчислить все прочие благодеяния, которые эти светила и звезды доставляют роду человеческому? *Да будут,* сказано, *в знамения, и во времена, и во дни, и в лета.* Что значит: *в знамения, и во времена, и во дни, и в лета?* Божественное Писание хочет показать нам, что течение их дает нам знание времен и поворотов, счет дней, продолжение года и все мы можем распознавать по ним. Наблюдая их течение, смотря на небо и тщательно все замечая, кормчий пускается в плавание и часто среди самой темной ночи бывает в состоянии, по наблюдению звезд, направить судно и своим искусством спасти плывущих. По ним же и земледелец узнает, когда надобно посеять семена, когда вспахать землю плугом, когда навострить серп и пожать ниву. И вообще, знание времен, счет дней и годичный круг доставляют нам немало пособий к благоустройству жизни. И на многое можно бы указать, производимое этими созданиями для человеческого благоустройства, но перечислить все с точностью едва ли кто в состоянии. Поэтому, заключая из немногого, нужно видеть, как велика польза их, и, удивляясь созданиям, поклоняться их Создателю, прославлять Его и изумляться неизреченной любви, какую Он показал роду человеческому, сотворив все это не для чего иного, как только для человека, которого Он намеревался, спустя немного, поставить над всеми своими тварями, как какого-либо царя и властителя. *И виде Бог,* сказано, *яко добро.* Видишь, как Божественное Писание, после каждого дня, показывает, что твари угодны Богу, дабы отнять всякое оправдание

у тех, которые осмеливаются порицать Его создания. А что точно с этой целью Божественное Писание замечает это о каждой твари, видно из частого повторения. Довольно было, конечно, по сотворении всего однажды сказать, что *вся, елика сотвори* Бог, *добра зело* (ст. 31); но Писание, зная большую слабость нашего разума, делает это и по частям, дабы внушить нам, что все создано высочайшей мудростью и неизреченной любовью. *И бысть*, говорит, *вечер, и бысть утро, день четвертый* (ст. 19). Когда окончил (Бог) украшение неба, усеяв его звездами и сотворив два светила великие, то положил конец дню и говорит: *бысть вечер и бысть утро, день четвертый.* Смотри, как Он говорит это о каждом дне, чтобы частым повторением учения укрепить в нашем уме Божественные догматы.

6. Начертав все это на широте нашего сердца и изгнав из него всю беспечность, будем тщательно содержать здравые догматы и порабощенных эллинскому заблуждению учить со всей кротостью, чтобы не нарушали порядка и, оставив Создателя, не поклонялись тварям, созданным для нашего блага и спасения. Пусть эллины повторяют (свое лжеучение) хоть до истощения сил, я громко взываю, что все это создано для человеческого рода, потому что, будучи вседоволен, Творец не имел нужды ни в одной из этих тварей, но, чтобы показать свою любовь к нам, Он создал все это, показывая нам то, как Он ценит род человеческий, и (научая тому), чтобы мы, руководясь этим, воздавали подобающее Ему поклонение. И какое было бы безумие, увлекаясь красотой тварей, останавливаться на них, и не поднимать умственного взора к Творцу, не внимать блаженному Павлу, который говорит: *невидимая Его от создания мира твореньми помышляема, видима суть* (Рим. I, 20)? Что говоришь, человек? Посмотрев на небо, удивляешься его красоте, разнообразию звезд, чрезмерному блеску? Не останавливайся на этом, но прострись умом своим

к их Создателю. Тебя поражает также свет солнца: видя великую благотворность его, ты приходишь в удивление, и, как увидишь, что лучи его озаряют твои взоры, изумляешься красоте этой стихии? Но и на этом также не останавливайся, но подумай, что, если тварь так чудна и удивительна и превышает всякое человеческое понятие, то каков Тот, Кто создал ее одним словом и повелением? Так же рассуждай и о земле: когда видишь землю украшенную цветами, покрытую всюду растениями, подобно разноцветной одежде, не приписывай этих произведений земли ее силе, ни содействию солнца или луны, но благоговейно подумай, что, еще прежде создания их, Бог сказал только: *да произрастит земля былие травное* — и тотчас украсилось все лицо земли. Если мы каждодневно будем размышлять об этом, то и сами будем благоразумнее, и Господу воздадим подобающее, или — лучше сказать — соразмерное нашим силам славословие. А прославим Его не только этим, но и доброй жизнью, если не будем впадать в те же грехи, напротив, если, совсем отринув диавольские обольщения, привлечем на себя небесное благоволение последующей внимательностью, великим усердием и постоянным исповеданием. Для Него, по великому Его человеколюбию, довольно, чтобы мы отстали только от греха. Если решимся на это, то легко уже устремимся и на добрые дела. Так никто впредь, прошу вас, не показывайся на конских ристалищах; никто даже не проводи дня в неприличных собраниях; не предавайся игре в кости и происходящему из-за нее крику, и прочим гибельным удовольствиям. Какая, скажи мне, польза от поста, когда ты целый день воздерживаешься от пищи, а между тем предаешься игре в кости, и тратишь весь день в пустословии, а нередко даже в клятвах и богохульстве? Нет, прошу, не будем так беспечны о своем спасении; напротив, пусть всегда будет у нас разговор о духовном, и каждый, взяв в руки Божественную книгу

и созвав ближних, да питает словом Божиим душу и свою и собеседников своих, чтобы таким образом нам и избегнуть козней лукавого, и получить от поста великие блага, и насладиться любовью Бога, по благодати и человеколюбию Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

И рече Бог: да изведут воды гады душ живых, и птицы летающия по земли по тверди небесней: и бысть тако. И сотвори Бог киты великия, и всяку душу животных гадов, яже изведоша воды по родом их (Быт. I, 20, 21)

1. Вчера мы достаточно обличили ходивших на конские ристалища, показали им великий вред, какой они потерпели, расточив вдруг духовное богатство, собранное ими от поста, и из великого обилия внезапно повергнув себя в крайнюю нищету. Сегодня же употребим более легкий способ врачевания, и обвяжем душевные раны так, как бы это были наши члены: ведь и вчера мы приложили более острые лекарства не для того, чтобы только опечалить их и увеличить боль, но чтобы сильным средством достигнуть раны. Так обыкновенно делают и врачи, и отцы: первые прикладывают более сильные лекарства, а как рана прорвется, тогда уже употребляют успокоительные; а отцы, когда видят своих детей бесчинствующими, употребляют сперва сильные обличения, а потом внушения и увещания. Таким же образом и мы вчера сказали сильное обличение, а сегодня побеседуем кротко, и будем врачевать их, как свои члены. Как ваше преспеяние сообщает нам более дерзновения, и наше духовное богатство – видеть вас возрастающими в духовном, сияющими добродетелью

и воздерживающимися от вредного, так, когда замечаем, что вы претыкаетесь и увлекаетесь диавольскими обольщениями, исполняемся скорби, и стыд, так сказать, разливается у нас по душе. Подобно блаженному Павлу, *мы* тогда *живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8). Итак, как совершенные и разумные, заднее забывайте, а простирайтесь вперед, и возобновив заветы, которые вы поставили со Христом, храните их впредь твердо; здравым рассуждением заключив всякий вход диавольским козням, последующим усердием смойте нечистоту, приставшую к вам от беспечности; победите неуместную и вредную привычку, размыслив, что зло не в том только, что ходящие туда (на конские ристалища) причиняют самим себе великий вред, но и в том, что служат соблазном для многих других. В самом деле, когда увидят язычники и иудеи, что тот, кто каждодневно бывает в церкви и постоянно слушает поучение, вдруг является там и смешивается с ними, то не сочтут ли нашего (учения) обманом и не возымеют ли такого же мнения обо всем, что есть у нас? Разве не слышишь, как блаженный Павел громогласно убеждает и советует: *безпреткновени бывайте* (1 Кор. X, 32)? А чтобы не подумал ты, будто такое внушение его касается только своих, принадлежащих вместе с нами к одному обществу, он прибавил: *и иудеем и еллином*, и потом уже сказал: *и Церкви Божией*. Ничто столько не вредит нашей вере, как то, когда мы подаем соблазн неверующим. Когда они видят, что некоторые у нас сияют добродетелью и показывают великое презрение к мирскому, то одни из них досадуют, а другие нередко приходят в удивление и изумляются, что люди, одинаковые с ними по природе, живут неодинаково с ними. Напротив, когда заметят в ком-либо из нас хотя малую небрежность, тотчас изощряют язык против всех нас вообще, и из-за беспечности одного произносят общий приговор обо всем христианском народе. И даже

не останавливаются и на этом, но, на погибель себе, из-за небрежности рабов осмеливаются хулить всеобщего Владыку, и чужую беспечность считают покровом своего собственного заблуждения.

2. А что это подвергает величайшей опасности тех, которые подают повод к богохульству, послушай пророка, который вопиет и говорит от лица Божия: *горе вам, яко вас ради имя мое хулится во языцех* (Ис. LII, 5). Страшное, ужасающее слово! Это *горе* есть как бы вопль плачущего о людях, имеющих подвергнуться неизбежному наказанию. Но как подающих своей беспечностью повод неверным к богохульству ожидает столь великое наказание, так, напротив, заботящихся о добродетели ожидают бесчисленные венцы. Это самое внушая, Христос сказал: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Как неверные, соблазняясь беспечностью некоторых (христиан), изощряют язык против Господа нашего, так, когда вы, говорит (Христос), живете добродетельно, люди, вас видящие, не останавливаются на прославлении вас, но видя, что ваши дела сияют и озаряют лица ваши, возбуждаются к прославлению небесного Отца вашего. А между тем, как это делается ими, награда нам же умножается; за прославление от них Господь нам дарует бесчисленные блага: *прославляющих Мя*, говорит Он, *прославлю* (1 Цар. II, 30). Итак, возлюбленные, будем все делать так, чтобы славился Господь наш, и не подадим никому повода к соблазну. Этому постоянно учит нас вселенский учитель, блаженный Павел; в одном месте он говорит: *аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки* (1 Кор. VIII, 13), а в другом: *такожде согрешающе в братию, и биюще их совесть немощну сущу, во Христа согрешаете* (ст. 12). Угроза сильная, подвергающая тяжкому осуждению! Не подумай, говорит он, будто вред касается только того, кто тобой соблазняется; нет, он переходит

на Самого Христа, распятого за того человека. Если же Господь твой не отрекся быть распятым за него, то ты ужели не решишься сделать все, чтобы только не подать ему никакого повода к соблазну? И везде, как ты найдешь, он внушает это ученикам своим, потому что от этого зависит благосостояние жизни нашей. Поэтому и в другом послании говорит: *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте* (Флп. II, 4); и еще в другом месте: *вся ми лет суть, но не вся назидают* (1 Кор. X, 23). Видишь ли апостольскую мудрость? Хотя и можно бы мне, говорит он, что-нибудь сделать, и нисколько это не вредит мне, однако я не позволю себе это сделать, так как это не способствует назиданию ближнего. Вот любящая душа! Вот как она заботится не о себе только, но во всем показывает величайшую добродетель, состоящую в том, чтобы заботиться о назидании ближнего. Зная все это, будем, прошу, беречься и воздерживаться от того, что может причинить вред богатству нашей добродетели; никогда также не будем делать ничего такого, что как-нибудь вредит ближнему. Это и увеличивает грех, и более тяжкое приготовляет нам наказание. Не будем пренебрегать и самым незначительным человеком и говорить такие жесткие слова: «какое мне дело, если он соблазняется». Что говоришь? — скажи мне. Какое тебе дело? Христос повелел тебе вести такую чистую жизнь, чтобы видящие тебя не только удивлялись тебе, но и прославляли твоего Господа, а ты делаешь противное, заставляешь, вместо славословия, произносить хулы на Него, и — нисколько не беспокоишься? Есть ли это признак души благочестивой и верно знающей законы Божии?

3. Но если кто прежде, по привычке, безразлично, и говорил так, то теперь, приняв наше внушение, отвыкнет от этих неприличных слов, и постарается делать все так, чтобы ему и не подвергнуться осуждению от неусыпного того ока, и не испытывать упреков своей

совести, и чтобы видящие его не произносили хулы на Господа. Если мы будем с такой осторожностью располагать своими поступками, то получим и от Господа великую милость, и избегнем козней диавольских. Когда (диавол) увидит, что мы так бдительны и осторожны, то зная, что его покушения будут бесполезны, удалится со стыдом. Но для вступления довольно. Теперь, предложив вашей любви нынешнее чтение (из Писания), приготовим вам духовное угощение, и рассмотрим, чему и сегодня хочет научить нас блаженный Моисей, или — лучше сказать — Святой Дух его устами. Что же он говорит? *И рече Бог: да изведут воды гады душ живых, и птицы летающия по земли, по тверди небесней. И бысть тако* (Быт. I, 20). Смотри на человеколюбие Господа, как Он учит нас о всяком творении Своем в порядке и последовательности! Сперва Он показал нам, как Своим повелением возбудил Он землю к произращению плодов; потом, дав знать о сотворении двух светил, сказал и о разнообразных звездах, средством которых сделал красоту неба блистательнейшей. Сегодня переходит уже к водам и показывает нам, что из них словом и повелением Его произошли одушевленные животные. *Да изведут*, говорит, *воды гады душ живых, и птицы летающия по земли, по тверди небесней.* Какой ум, скажи мне, может постигнуть это чудо? Какой язык будет в состоянии достойно прославить Создателя? Сказал только: *да произрастит земля* — и тотчас возбудил ее к плодоношению; и теперь говорит: *да изведут воды.* Смотри, как согласны между собой Его повеления! Там говорит: *да произрастит,* здесь: *да изведут воды гады душ живых.* Как о земле сказал только: *да произрастит,* — и явилось великое разнообразие цветов, трав и семян, и все произошло по одному слову, так и здесь сказал: *да изведут воды гады душ живых, и птицы, летающия по земли, по тверди небесней* — и вдруг произошло столько родов пресмыкающих, такое разнообразие птиц, что и исчислить

словами невозможно. Слово кратко, речение одно, а роды животных многочисленны и разнообразны. Но не изумляйся, возлюбленный: это слово Божие, а слово Божие даровало бытие (всему) существующему. Видишь, как Он все приводит из небытия в бытие? Видишь обстоятельность учения? Видишь, снисхождение Господа к роду нашему? Откуда бы мы могли узнать это так обстоятельно, если бы Он, по великому и неизреченному человеколюбию Своему, не благоволил устами пророка научить род человеческий, чтобы мы знали и порядок создания тварей, и силу Творца, и то, как слово Его стало делом, и повеление Его дало тварям состав и (указало) способ происхождения.

4. Но есть такие неблагодарные, которые и после такого научения осмеливаются не верить и не допускают даже, чтобы был Создатель видимого, но одни из них говорят, что все произошло само собой, а другие — что создано из какого-то готового вещества. Смотри, какое обольщение от диавола, как он воспользовался легковерием поддающихся заблуждению! Поэтому-то блаженный Моисей, наставляемый Духом Божиим, и учит нас с такой обстоятельностью, чтобы мы не впали в одинаковое с этими людьми заблуждение, но могли ясно знать и порядок и способ сотворения каждой вещи. Если бы Бог не позаботился о нашем спасении и не поруководил языком пророка, то довольно было бы сказать, что Бог сотворил небо, и землю, и море, и животных, не показывая ни порядка дней, ни того, что создано прежде и что после. Но чтобы неблагодарным не оставалось никакого предлога к извинению, (Моисей) так ясно различает и порядок творения, и число дней, и обо всем учит нас с великим снисхождением, чтобы мы, узнав всю истину, уже не внимали ложному учению тех, которые обо всем говорят по собственным умозаключениям, но могли бы постигнуть неизреченную силу нашего Создателя. *И бысть*, сказано, *тако*.

Сказал: *да изведут воды гады душ живых, и птицы летающия по земли, по тверди небесней* – и послушалась стихия, и повеление исполнилось. *И бысть*, сказано, *тако*, как повелел Господь: *и сотвори Бог киты, великие, и всяку душу животных гадов, яже изведоша воды по родом их, и всяку птицу пернату по роду: и виде Бог, яко добра* (ст. 21). *И благослови я Бог, глаголя: раститеся, и множитеся, и наполните воды, яже в морях: и птицы, да умножатся на земли* (ст. 22). Смотри и здесь, какова премудрость Духа! Сказав вообще, что *бысть тако*, блаженный Моисей учит нас и подробно, когда говорит далее: *и сотвори Бог киты великие, и всяку душу животных гадов, яже изведоша воды по родом их и всяку птицу пернату по роду: и виде Бог, яко добра.* Здесь опять обуздывает дерзость тех, которые обо всем говорят необдуманно. Чтобы не вздумал кто-либо говорить: для чего это созданы киты? Какую они доставляют нам услугу? Какая польза от их сотворения? – Моисей, сказав: *сотвори Бог киты великие, и всяку душу животных гадов, и птицы,* тотчас присовокупил *и виде Бог, яко добра.* Не дерзай, говорит, поносить творения (Божии) потому только, что тебе неизвестна цель их. Слышал ты, как Господь произнес приговор и сказал, *яко добра*? Как же безрассудно отваживаешься говорить: для чего это сделано и поносить создание этих тварей, как будто ненужных? Если будешь благоразумен, то можешь и из создания этих тварей познать и могущество и неизреченное человеколюбие Господа: могущество в том, что Он словом и повелением произвел таких животных, а человеколюбие в том, что, произведя их, назначил им свое место в неизмеримом море, чтобы и они никому не вредили, но жили бы в водах и видом своим возвещали о высочайшем могуществе Творца, не причиняя никакого вреда человеческому роду. Ужели ты считаешь это маловажным благодеянием, что от них бывает тебе двоякая польза? Они благомыслящих приводят к познанию Бога и располагают изумляться вели-

кому Его человеколюбию в том, что освободил человеческий род от вреда с их стороны. Ведь не все же создано только для нашего употребления, но, по великой Его щедродательности, иное сотворено для нашего употребления, а другое для того, чтобы возвещалось могущество Создавшего это. Итак слыша, что *виде Бог, яко добра*, не дерзай противоречить Божественному Писанию, ни задаваться праздными и излишними вопросами и говорить: почему то и то создано? *И благослови я Бог*, сказано, и рече: *раститеся, и множитеся, и наполняйте воды, яже в морях: и птицы да умножатся на земли.*

5. Благословение состоит в том, чтобы эти животные размножались. Так как созданы были одушевленные твари, и (Творцу) угодно было, чтобы они существовали постоянно, то (Моисей) и присовокупил: *и благослови я Бог* и рече: *раститеся и множитеся.* И это слово (Божие) доселе сохраняет их; протекло столько времени, и ни одна порода их не уменьшилась. Благословение Божие и это слово: *раститеся и множитеся*, даровало им способность продолжать бытие свое непрерывно. *И бысть*, сказано, *вечер, и бысть утро, день пятый* (ст. 23). Видел ты, как Божественное Писание преподало нам учение и о том, что сотворено в пятый день? Но подожди несколько, и опять увидишь человеколюбие Господа. Он не только возбудил воды к порождению животных, но повелел и из земли произойти животным суши. Не неуместно сегодня коснутся несколько и того, что сотворено было в шестой день. *И рече*, сказано, *Бог: да изведет земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звери* на *земли, и скоты, и вся гады земли по роду: и бысть тако* (ст. 24). Видишь, как и земля, повинуясь Божию повелению, приносит двойной плод. Тогда произвела она растения, а теперь одушевленные животные, четвероногие, пресмыкающиеся, зверей и скотов. Вот и теперь оказывается то же, о чем я прежде говорил, то есть, что Бог создал все не для нашего только

употребления, но и для того, чтобы мы, видя великое богатство созданий Его, изумлялись могуществу Создателя, и могли понять, что все это с премудростью и несказанной благостью создано для чести имеющего явиться человека.

И сотвори, сказано, *Бог звери земли по роду* их, *и скоты, по роду их, и вся гады земли по роду их: и виде Бог, яко добра* (ст. 25). Где теперь осмеливающиеся говорить: для чего звери? для чего пресмыкающиеся? Пусть они послушают слов Божественного Писания: *и виде Бог, яко добра.* Скажи мне, Сам Творец одобряет творимое, а ты осмеливаешься поносить? Какое же это безумие! Ведь, что касается до семян и растений, земля произвела не только плодовые деревья, но и бесплодные, не только бесполезные для нас травы, но и неизвестные и даже вредные нам; однако поэтому никто не осмелится хулить эти создания, так как ничего не создано напрасно и без цели; да и похвалы не получило бы от Творца, если бы не было создано для какого-либо полезного употребления. Как и между деревьями не все плодоносные, но много и бесплодных, а между тем и эти последние не меньше плодоносных доставляют нам удивительную пользу, способствуя нашему покою, потому что из них мы приготавливаем дома и многие другие удобства, способствующие нашему покою, да и вообще нет ничего, что бы создано было без цели, хотя человеческая природа и не в состоянии, наверно, узнать цель всякой вещи, — и так как между деревьями, так и между животными одни годны нам в пищу, а другие для работы. Да и звери и гады доставляют нам немалую услугу, и если кто захочет рассмотреть дело добросовестно, найдет, что и теперь, когда мы, за преслушание первого человека, лишились власти над ними, много бывает нам от них пользы. Врачи, например, и из них берут много такого, из чего составляют лекарства, полезные для здоровья нашего тела. А с другой стороны, какой вред

от сотворения зверей, когда и они, подобно кротким животным, должны были находиться под властью имеющего вскоре быть созданным человека? Этого теперь пока довольно.

6. А чтобы тебе понять безмерную любовь, какую Владыка вселенной являет нашему роду, (подумай, что) Он после того, как распростер небо, разостлал землю, создал твердь, которая образовала собой как бы стену, разделяющую воды; потом, повелев водам собраться, их назвал морями, а сушу землей, которую после украсил растениями и травами; затем перешел к созданию двух великих светил и многоразличных звезд, которыми украсил небо; потом, произведя из вод одушевленных животных и птиц, летающих по земле по тверди небесной, и в пятый день, поелику надлежало создать и земных животных, повелев явиться и этим, как годным в пищу, так и полезным для работ, равно и зверям и пресмыкающимся, наконец, когда все уже устроил и всему видимому дал надлежащий порядок и красоту, когда приготовил роскошную трапезу, полную разных и всякого рода яств и показывающую во всем изобилие и богатство, когда, так сказать, царский чертог блистательно украсил от верха до низу, тогда-то наконец создает того, кто имеет наслаждаться всем этим, дает ему власть над всем видимым и показывает, во сколько крат это, имеющее быть созданным, животное превосходнее всего сотворенного, когда Он повелевает всем тварям быть под его властью и управлением. Но, чтобы нам не слишком распространять слово, удовольствуемся и тем, что уже сказано, а беседу о создании этого удивительного, разумного и одушевленного животного, то есть человека, отложим до следующего дня. Впрочем, и ныне предложим вам обычное увещание, чтобы вы и сказанное хранили в памяти, и всем видимым возбуждали себя к славословию Господа. И то самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворенного,

пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию. Когда рассудок твой окажется бессильным и ум не будет в состоянии понять, тогда заключай о величии твоего Господа из того самого, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже цели созданного Им. Это свойственно благомыслящему уму, трезвенной душе. Ведь и язычники заблудились так потому, что во всем доверились собственным умствованиям и не хотели обратить внимания на слабость своей природы; возмечтав о себе свыше меры и выступив за свои границы, они лишились принадлежащей им чести. Те, которые одарены разумом, получили от Создателя честь первенства и были превосходнее всех видимых тварей, — эти самые дошли до такого неразумия, что стали поклоняться собакам, обезьянам, крокодилам и другим еще низшим тварям. И что говорить о неразумных животных? Многие из этих людей впали в такое безрассудство и безумие, что воздавали почтение чесноку и другим ничтожнейшим вещам. Указывая на таких людей, пророк сказал: *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. XLVIII, 21). Одаренный, говорит, разумом и удостоившийся такой мудрости стал похож на бессловесных, а может быть, и хуже их. Те (бессловесные), как существа неразумные, не подвергнутся наказанию; а одаренный разумом, если унизится до их неразумности, потерпит тяжкое наказание за то, что оказался непризнательным к такому благодеянию. От этого, наконец, (язычники) назвали богами и камни и деревья и обоготворили эти видимые стихии: раз уклонившись с прямого пути, они пошли по стремнинам и низринулись в самую бездну порока.

7. Но мы, и после всего этого, не будем отчаиваться в их спасении, но сделаем, что зависит от нас: будем говорить им со всей ревностью и терпением, объясняя им и нелепость их заблуждения, и великий вред от него; только никогда не будем терять надежды на их спасе-

ние. Можно полагать, что они со временем убедятся, особенно если мы будем жить так, чтобы не подавать им никакого соблазна. Многие из них, как видят, что некоторые из наших, принадлежащих к нам и носящих имя христиан, подобно тем, похищают чужое, предаются любостяжанию, завидуют, злоумышляют, строят ковы, любят пресыщаться и веселиться, и делают все прочее, — уже не слушают словесных наставлений наших, думая, что наше учение — обман, и что все одинаково виновны. Подумай же, какие наказания постигнут таких (христиан), когда они не только себе приготовляют неугасимый огонь, но и другим подают повод упорствовать в заблуждении и затыкать уши для наставлений в добродетели, и сверх того поносить и живущих добродетельно, и, что всего хуже, когда из-за них хулится Господь? Видишь, сколько вреда от греха? Видишь, что живущие порочно подвергают себя не малому, но самому тяжкому, наказанию, когда они будут отвечать за все, не только за свою собственную погибель, но и за соблазн заблудших, и за бесчестие живущих добродетельно, и за хулу на Бога? Размыслив обо всем этом, не будем беспечны о своем спасении, но станем усердно заботиться о богоугодной жизни, зная, что за это особенно мы или осуждаемся, или удостаиваемся Его милости. Будем же все делать так, чтобы нам и самим жить с доброй совестью, и коснеющих в заблуждении приводить нашей богоугодной жизнью к истине, — чтобы из-за нас и все наши единоверцы пользовались доброй славой, а прежде всего славился бы Господь наш и тем большее имел о нас попечение. Когда, смотря на нас, люди назидаются и прославляют Бога, тогда и мы удостоимся от Него большего благоволения. В самом деле, что может быть блаженнее человека, когда он живет так, что видящие его изумляются и говорят: «слава тебе, Боже! Каковы Христиане! Какое выказывают любомудрие! Как пренебрегают настоящим! Как все

считают тенью и сновидением, и не привязаны ни к чему видимому, но все делают так, как будто живут на чужой стороне, и каждый день готовятся переселиться отсюда!» Эти слова какую, думаешь, награду от Бога приносят уже и здесь тем, которые так живут? Особенно же важно и дивно то, что и говорящие это о нас скоро оставят заблуждение и обратятся к истине. А это сколь великое доставит таким людям дерзновение там (в будущей жизни), известно всякому. Итак, зная, что нам должно отвечать и за спасение и за погибель ближних, будем так устроять свою жизнь, чтобы не нам только было достаточно, но и другим было назидание, так чтобы и здесь привлечь к себе великое благоволение Божие, и в будущем веке обильно насладиться Божией милостью, по благодати и человеколюбию Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

И рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию: и да обладают рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и зверьми, и всею землею, и всеми гады, пресмыкающимися по земли (Быт. I, 26)

1. Так как вы вчера с великим усердием выслушали слова наши, то вот и сегодня мы предложим любви вашей вновь прочитанное, наперед прося вас прилежно внимать тому, что будет говориться, да и прежнее слагать в уме своем, чтобы нам не тщетно и не напрасно предпринимать такой труд. Мы заботимся о том, чтобы вы в точности узнали силу Писания и таким образом не только сами понимали это, но и других учили, чтобы могли вы, по блаженному Павлу, *созидать* один другого (1 Сол. V, 11). Если вы будете преспевать

о Господе и показывать успехи в изучении духовного, то и нам доставите великое веселье, так как в этом все наше счастье и величайшее торжество. *Кто бо нам*, говорит Павел, *упование, радость, венец похваления? Не и вы, ли* (II, 19) и ваше преспеяние о Боге? И каждый учитель, когда видит, что учащийся твердо держит в памяти прежние уроки и на деле показывает плод (от них), с большим усердием преподает ему и дальнейшие сведения. Так и мы, чем более видим, как возбуждается ваш ум, как возрастает расположение и окрыляется мысль, тем более становимся усердными к более полному изложению вам учения. И чем более проливаем на вас этих духовных струй, тем более и у нас умножаются их токи к вашему назиданию, к пользе ваших душ: здесь, ведь, не может случиться того, что обыкновенно бывает с деньгами. Там, кто дает ближнему серебро, тот уменьшает свое имение, и чем более он дает, тем более уменьшается его имение. Но здесь напротив: тогда-то более и умножается у нас имение, тогда-то более и возрастает это духовное богатство, когда мы обильно проливаем учение для тех, кто желает черпать его. Итак, если это нам служит к умножению богатства и достояния, и вы ненасытно желаете этой духовной пищи, то посмотрим, чему в сегодняшнем чтении учит нас блаженный Моисей, или – лучше – что устами его говорит ко всем нам благодать Святого Духа. *И рече*, говорит, *Бог; сотворим человека по образу нашему и по подобию.* Не опустим этих слов, возлюбленные, без внимания, но рассмотрим каждое речение и, низойдя во глубину, исследуем сокрытую в этих кратких словах силу. Хотя слов и не много, но велико сокрытое (в них) сокровище, а внимательным и рассудительным не следует останавливаться на поверхности. Ведь, и желающие выкопать чувственное сокровище не на поверхности только копают и разыскивают, но, спустившись на большую глубину, исследуют самые недра земли и таким

образом, с помощью своего искусства, отделяют от земли золото, и часто с большим трудом и усердием едва успевают найти малые крупицы. А здесь нет ничего такого; напротив, и труд меньше, и богатство неизреченное: таково все духовное.

2. Не будем же хуже тех, которые домогаются чувственного; но поищем и мы духовного сокровища, заключенного в этих словах. И во-первых, посмотрим, что нового и особенного сказано здесь, и для чего блаженный этот пророк, или – лучше – человеколюбивый Бог, говоривший через пророка, употребил такой новый образ речи. Он говорит: *сотворим человека по образу нашему и по подобию.* Недавно мы слышали, как Он, по сотворении неба и земли, говорил: *да будет свет;* и: *да будет твердь посреде воды;* и еще: *да соберется вода в собрание едино, и да явится суша;* и: *да будут светила;* и: *да изведут воды гады душ живых.* Видел ты, что вся тварь в течение пяти дней созидаема была одним словом и повелением? Смотри теперь, какая перемена в словах. Уже не говорит: *да будет человек;* но что? *Сотворим человека по образу нашему и по подобию.* Что это за новость? Что за особенность? Кто это созидается, что для создания его Создателю понадобился такой совет и рассуждение? Не изумляйся, возлюбленный. Человек есть превосходнейшее из всех видимых животных; для него-то и создано все это: небо, земля, море, солнце, луна, звезды, гады, скоты, все бессловесные животные. Почему же, скажешь, он создан после, если превосходнее всех этих тварей? По справедливой причине. Когда царь намеревается вступить в город, то нужно оруженосцам и всем прочим идти вперед, чтобы царю войти в чертоги уже по приготовлении их: так точно и теперь Бог, намереваясь поставить как бы царя и владыку над всем земным, сперва устроил все это украшение, а потом уже создал и владыку, и таким образом на самом деле показал, какой чести Он удостаивает это животное. Но спросим иудея

и посмотрим, что он скажет относительно того, к кому сказано: *сотворим человека по образу нашему*? Это писание Моисея, которому они, говорят, веруют, а (на самом деле) не веруют, как и Христос сказал: *аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне* (Ин. V, 46). Так, письмена – у них, а смысл – у нас. К кому же сказано: *сотворим человека,* и кому Господь предлагает такой совет? Это не потому, чтобы Он нуждался в совете и рассуждении; нет, этим образом речи Он хочет показать нам чрезвычайную честь, какую являет созидаемому человеку. Что же говорят эти (иудеи), которые доселе имеют покрывало на сердцах своих и не хотят понять смысла этих слов? Они говорят, что (Бог) сказал это ангелу или архангелу. О, безумие! О, великое бесстыдство! Как это возможно, чтоб ангел вступал в совещание с Господом, создание с Создателем? Дело ангелов состоит не в том, чтобы вступать в совещание (с Богом), а в том, чтобы предстоять и служить. И чтобы тебе увериться в этом, послушай, как велегласнейший Исаия о высших ангельских силах говорит, что видел херувимов, стоящих одесную Бога, и серафимов, покрывавших крыльями лица свои и ноги (см.: Ис. VI, 2). Это потому, что они не могли сносить исходящего оттуда сияния, но стояли с великим страхом и трепетом. Так прилично тварям предстоять Господу.

3. Но иудеи, не понимая значения слов, говорят без разбора что ни придется. Поэтому, отвергнув их пустословие, надобно показать чадам Церкви истинный смысл этого изречения. Итак, кто это такой, кому говорит Бог: *сотворим человека?* Кто же другой, если не *велика совета Ангел, чудный советник, крепкий, князь мира, отец будущего века* (Ис. IX, 6), Единородный Сын Божий, равный Отцу по существу, *имже вся быта*! Ему говорит (Отец): *сотворим человека по образу нашему и по подобию.* Здесь наносит Он смертельный удар и мыслящим по-ариански. Сказал не повелительно: *сотвори*, как низшему или меньшему

по существу, но как к равночестному: *сотворим.* И последующие слова показывают нам также единосущие: *сотворим*, говорит, *человека по образу нашему и по подобию.* Но здесь опять восстают другие еретики, искажающие догматы Церкви, и говорят: «вот Он говорит: *по образцу нашему*», — и вследствие этого хотят называть Бога человекообразным. Но было бы крайне безумно — Того, Кто не имеет образа, ни вида, и Кто неизменяем, низводить в человеческий образ, и бестелесному придавать черты и члены (телесные). Что может сравниться с этим безумием, когда (еретики) не только не хотят пользоваться учением богодухновенного Писания, но и обращают его в величайший себе вред? Они похожи на больных, и на тех, у кого слабо телесное зрение. Как эти последние по слабости своего зрения, не переносят и солнечного света, и как больные удаляются и самой здоровой пищи, так и эти люди, больные душой и потерявшие очи ума, не могут пользоваться светом истины. Поэтому мы исполним свой долг и подадим им руку, беседуя с ними с великой кротостью. И блаженный Павел так увещевал, говоря: с *кротостию наказующу противныя, еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети, живи уловлени от него в свою его волю* (2 Тим. II, 25, 26). Видишь, как он показал этими словами, что они как будто погрузились в какое-то опьянение; словом: *возникнут* дал заметить, что они были погружены в какой-то глубине. И опять, *уловлени*, говорит, от диавола, то есть как бы опутаны сетями. Поэтому от нас требуется большая кротость и долготерпение, чтобы можно было их исхитить и извлечь из сетей диавольских. Итак, скажем им: образумьтесь немного, взгляните на свет правды, размыслите об истинном значении слов. Сказав: *сотворим человека по образу нашему и по подобию,* (Бог) не остановился на этом, но последующими словами объяснил нам, в каком смысле употребил слово *образ.* Что говорит? — *И да обладают*

рыбами морскими, и птицами небесными, и всеми гады, пресмыкающимися по земли. Итак, *образ* Он поставляет в господстве, а не в другом чем. И в самом деле, Бог сотворил человека властителем всего существующего на земле, и нет на земле ничего выше его, но все находится под его властью.

4. Если же и после такого раскрытия слов, любящие спорить будут говорить, что разумеется образ наружного вида, мы скажем им: так (Бог) значит, похож не только на мужа, но и на жену, потому что тот и другая имеют один и тот же образ? Но это было бы нелепо. Послушай, что говорит Павел: *муж убо не должен есть покрывати главу, образ и слава Божия сый: жена же слава мужу есть* (1 Кор. XI, 7). Тот обладает, а эта поставлена в подчинение, как и Бог изначала сказал ей: *к мужу твоему обращение твое, и той, тобою обладати будет* (Быт. III, 16). Так как (человек) получил образ (Божий) в праве на господство, а не во (внешнем) виде, а господствует над всем муж, жена же поставлена в подчинение, то поэтому Павел говорит о муже, что он есть *образ и слава Божия, жена же слава мужу есть.* А если бы он говорил о (внешнем) виде, то не сделал бы такого различия (между мужем и женой), потому что одинаков вид и у мужа и у жены. Видишь полноту истины, как она не оставляет никакого предлога к оправданию любящим пустые споры? Но, однако, и при всем этом мы не перестанем оказывать им великое долготерпение, *еда како даст им Бог покаяние в разум истины* (2 Тим. II, 25). Не перестанем же употреблять все меры кротости; может быть, успеем извлечь их из диавольского обольщения. И, если угодно, опять представим им блаженного Павла, который так говорил жителям афинским: *не должны есмы непщевати злату или сребру, или камени художне начертану и смышлению человечу божество быти подобно* (Деян. XVII, 29). Видишь, с какой тщательностью мудрый учитель искоренил их заблуждение? Он сказал, что не только божество

не имеет телесного образа, но что и вымысл человеческий не в состоянии изобрести ничего такого (чему подобно было бы божество). Постоянно говоря это им, не переставайте делать, что только от вас зависит: может быть, они послушают вас; может быть, захотят открыть глаза для истины. Но так говоря им с великой кротостью и осмотрительностью, сами вы, молю, твердо держите догматы Церкви, не нарушая последовательности сказанного. С иудеями говорите соответственно, объясняя, что эти слова (*Сотворим человека* и прочее) сказаны не кому-либо из служебных духов, но Самому Единородному Сыну Божию; умствующим поариански отсюда же доказывайте равночестие Сына с Отцом; а представляющим Божество человекообразно приводите слова блаженного Павла, истребляя пагубные недуги, возникающие подобно плевелам, догматами Церкви, а в себе старайтесь укоренять благочестивое учение. Желаю и молю, чтобы все вы исполняли обязанности учителей, чтобы не только сами слушали слова наши, но и передавали их другим, и заблуждающихся обращали на путь истины, как и Павел говорит: *созидайте кийждо ближняго* (1 Сол. V, 11); и: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Флп. II, 12). Таким образом и Церковь наша возрастет в числе, и вы получите свыше великую милость за свою великую заботливость о ваших сочленах.

5. Богу угодно, чтобы христианин не о себе только заботился, но и назидал других, не только учением, но и жизнью и обхождением. Ничто так не приводит на путь истины, как непорочная жизнь, потому что люди смотрят не столько на слова, сколько на дела наши. И чтобы тебе увериться, что это так (ведь сколько бы мы ни любомудрствовали на словах и разглагольствовали о терпении, но если, когда наступит время, не покажем терпения на деле, не столько принесет пользы слово, сколько повредит дело; напротив, если и прежде

и после слов представим доказательство на деле, то явимся достойными веры, внушая другим то, что сами исполняем на деле, — как и Христос таковых ублажил, говоря (Мф. V, 19): *блажен, иже сотворит и научит),* — смотри, как Он поставил наперед дело, а потом — учение. Если предшествует дело, то хотя за ним и не следует учение, самые дела гораздо яснее слов поучают тех, кто смотрит на нас. Итак, будем всегда стараться учить прежде делами, а потом уже словами, чтобы и нам не услышать от Павла: *научая другаго, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? И когда желаем внушить кому, чтобы он сделал что-либо необходимое, прежде постараемся сами сделать это, чтобы нам смелее было преподавать учение; и все наше попечение да будет о спасении души и о том, как бы нам, обуздав телесные похоти, совершить истинный пост, то есть воздержание от зла, потому что в этом и состоит пост. И воздержание от пищи принято для того, чтобы ослабить силу плоти и этого коня сделать нам покорным. Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности, иметь сокрушенное сердце, изгонять нечистые пожелания, представлением того неусыпающего огня и нелицеприятного суда, быть выше денежных расчетов, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего. Вот это истинный пост, как и Исаия говорит от лица Божия: не *сицеваго поста аз избрах, глаголет Господь, ниже аще слячеши яко серп выю твою, и вретище и пепел постелеши, ниже тако наречете пост приятен* (Ис. LVIII, 5). Какой же, скажи? *Разрушай,* говорит, *обдолжения насилных писаний, раздробляй* алчущему хлеб твой; нищего бескровного *введи в дом твой.* И когда это сделаешь, говорит, *тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют* (ст. 6—8).

6. Видишь, возлюбленный, в чем состоит истинный пост. Такой-то пост будем совершать, не полагая

его подобно многим, в том только, чтобы пробыть без пищи до вечера. Не это главное, но то, чтобы с воздержанием от брашен соединили мы и воздержание от вредного (для души) и показали великое попечение о совершении духовных дел. Постящемуся надлежит быть спокойным, тихим, кротким, смиренным, презирающим славу настоящей жизни. Как презрел он душу свою, так должен презреть и суетную славу, и взирать только на Того, Кто испытует сердца и утробы, с великим усердием творить молитвы и исповедания перед Богом, и, сколько возможно, помогать себе милостыней. Эта, эта именно добродетель особенно может изгладить наши грехи и исхитить нас из геенского огня, если мы будем исполнять ее щедро, а не напоказ людям. И что говорю: не напоказ? Если рассудить хорошо, то нам надлежало бы творить милостыню уже по тому одному, что она – прекрасное дело, и из сострадания к нашим братиям, а не ради обещанных Владыкой наград. Но так как мы не в состоянии мыслить возвышенно, то будем творить милостыню хотя из-за награды, отнюдь, впрочем, не ища славы от людей, чтобы нам, сверх растраты денег, не лишиться и награды. И это будем соблюдать не только относительно милостыни, но и во всяком духовном деле; ничего не станем делать из-за людской славы, потому что нет нам никакой пользы ни от поста, ни от молитвы, ни от милостыни, ни от других дел, если делаем это не ради Того Единого, Который знает и тайное и скрытое во глубине души нашей. Если от Него ожидаешь ты, человек, воздаяния, то для чего ищешь похвалы от ближнего? И что говорю – похвалы? Часто он не (только не) хвалит, но еще порицает тебя. Многие так злонравны, что и добрые дела наши толкуют превратно. Итак для чего, скажи мне, высоко ценишь превратный суд этих людей? От неусыпающего же того ока никакое действие наше не сокрыто; и помышляя об этом, мы должны устроять свою жизнь с

такой тщательностью, как те, кому скоро предстоит дать отчет и в словах, и в делах, и в самых помышлениях своих. Итак, не станем пренебрегать своим спасением. Ничего нет равного добродетели, возлюбленный! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в царство небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всуе и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, то есть диавола. Итак, что может сравниться с ней, когда она исполнителей своих делает выше не только злокозненных людей, но и демонов? А добродетель состоит в том, чтобы презирать все людское, ежечасно помышлять о будущем, не прилепляться ни к чему настоящему, но знать, что все человеческое есть тень и сон, и даже ничтожнее этого. Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, также и по отношению к вредному для спасения души быть бездейственным, как бы мертвым, но жить и действовать только для духовного, как и Павел сказал: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. IX, 20). Поэтому и мы, возлюбленные, станем делать все так, как прилично облекшимся во Христа, и не будем оскорблять Духа Святого. Когда возмутит нас страсть, или нечистая похоть, или гнев, или ярость, или зависть, тогда подумаем, кто живет в нас, и прогоним далеко всякий такой помысл. Устыдимся преизобильной благодати, данной нам от Бога, и обуздаем все плотские страсти, чтобы, после надлежащих подвигов в краткой и скоротечной этой жизни, удостоиться нам великих венцов в тот грядущий день, страшный для грешников и вожделенный для облекшихся добродетелью, и получить неизреченные те блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

На следующее за словами: сотворим человека по образу нашему, и против тех, которые говорят: для чего созданы звери, и какая польза от создания их; также о том, что из этого особенно открывается честь, оказанная человеку, и неизреченное человеколюбие Божие

1. Трудолюбивые земледельцы, как увидят, что земля тучна и плодородна, бросают в нее обильные семена, прилагают к ней великое и постоянное старание и каждый день смотрят, как бы не явилось чего вредного для семян и не обратило в ничто подъятый ими труд. Таким же образом и мы, видя ваше душевное расположение и великое усердие к слушанию, каждый день стараемся посевать в уме вашем мысли из Божественного Писания, показывая вам и то, что может вредить этому духовному сеянию, чтобы вы не увлеклись и здравое учение догматов не исказилось пагубным учением тех, которые дерзают привносить в догматы Церкви свои собственные мысли. Ваше уже будет дело — тщательно хранить вверенное вам и крепко содержать в памяти, чтобы легко можно было вам следовать и за дальнейшим. А если и мы не сойдем до наибольшей глубины мыслей (Писания), и вы не напряжете своего ума теперь, когда время поста, когда члены у нас легки для плавания, и око ума острее, не омрачаемое злым влиянием сластолюбия, и дух способнее не терять бодрости, то когда же мы будем в состоянии сделать это? Ужели тогда, когда (наступит) время увеселений, и пьянство, и объедение, и порождаемые ими пороки? Не видите ли, что и желающие сыскать в море (драгоценные) камни ищут их, не сидя на берегу и считая волны, но спускаются в самую глубину и сходят в самые, так сказать, недра бездны, и таким образом находят искомое? Между тем какую важную пользу приносит нашей жизни нахождение таких камней? Хо-

рошо уже, если бы оно не приносило важного ущерба и большого вреда! Ведь отсюда, от безумной любви и пристрастия к деньгам, рождается бесчисленное множество зол. И однако, несмотря на такой вред от них, любящие их не утомляются ничем, но подвергают себя великим опасностям, предпринимают тяжкие труды, только бы найти искомое. А что касается Божественных Писаний, этих духовных и драгоценных камней, то здесь и опасности нельзя подозревать, и труд невелик, и польза несказанна, только бы мы с усердием сделали, что от нас требуется. Благодать (Божия) готова, и ищет, кто бы принял ее с усердием. Таков наш Владыка: когда видит бодрую душу и пламенное желание, то, по Своему щедролюбию, подает Свое богатство обильно, свыше прошения.

2. Зная это, возлюбленные, очистите ум ваш от житейских дел и, расширив кругозор вашего ума, с великим усердием принимайте преподанное Духом, чтобы вам, подобно тучной и плодоносной земле, умножить посеянное и принести плоды, кому сто, кому шестьдесят, кому тридцать. Слышали вы в предшедшие дни о неизреченной мудрости Создавшего все видимое, и как Он произвел все одним словом и хотением; сказал: *да будет — и бысть*, тотчас явились все стихии; достаточно было слова для произведения вещей, не потому, что это было слово вообще, но потому, что было слово Божие. Помните, что тогда (слово) направлено было против тех, которые говорят, что существующее произошло из готового вещества, и которые в церковные догматы вносят свое пустословие. Узнали вы, для чего небо сотворил Он совершенным, а землю безобразной и безвидной. Две показали мы тогда причины: одну в том, чтобы мы, познав силу Владыки в лучшей стихии, не колебались мыслью, будто это произошло от недостатка силы; а другую в том, что земля есть наша мать и питательница, из нее мы получаем и пищу и все прочее, в нее и опять возвращаемся; она для нас и ро-

дина и могила. И вот, чтобы такая необходимая польза не расположила нас думать об ней высоко, Бог являет ее вначале безобразной, дабы из самых дел научились приписывать все прежде сказанное не природе земли, но силе Создателя. Узнали вы еще, как сделал Он разделение вод, повелев явиться этой видимой тверди; видели, как одушевленные животные явились и из вод, и из земли. Об этом вынуждаюсь теперь припоминать и повторять любви вашей не напрасно, но для того, чтобы слушавшие (предыдущие беседы) имели случай еще тверже запечатлеть их в уме, а не бывшие тогда получили достаточное наставление и не понесли никакого ущерба от того, что не были. И чадолюбивый отец сберегает для отсутствующих детей остатки трапезы, чтобы они, придя, нашли в сохранении этих остатков утешение своего отсутствия. Поэтому и мы, заботясь о всех собирающихся сюда, как о своих членах, и ваше преуспевание считая похвалой для себя, желаем, чтобы все вы явились совершенными во славу Божию, в похвалу Церкви, и в честь нам. И если вам не тягостно, вот мы вкратце напомним любви вашей и о сказанном вчера. Видели вы различие между созданием (прочих) тварей и образованием человека; слышали, какой чести (Бог) удостоил нашего родоначальника, и как, при создании его, указал на достоинство создаваемого самыми словами и выразительностью речи, сказав: *сотворим человека по образу нашему и по подобию.* Узнали вы, что значит *по образу*, то есть что им означается не достоинство природы, но подобие господства, и что слово «образ» Бог отнес не к виду (человека внешнему), а к господству; потому и прибавил: *и да обладают рыбами морскими, и птицами небесными, и зверми, и пресмыкающимися по земли.*

3. Но здесь восстают на нас эллины и говорят, что это слово оказывается неистинным, потому что не мы обладаем зверями, как обещает (слово), но они обладают нами. Это однако совершенно несправедливо. Где

только человек покажется, звери тотчас обращаются в бегство. А если иногда, когда нудит их голод, или мы раздражаем, нам случается терпеть вред от них, это уже происходит не от того, чтобы они имели власть над нами, но от нашей вины. Так, если и при нападении на нас разбойников, мы не остаемся праздными, но вооружаемся, то это означает не власть нашу над ними, но попечение о нашем спасении. Но выслушаем, между тем, что сказано. *Сотворим,* говорит Бог, *человека по образу нашему и по подобию.* Как *образом* назвал Он образ владычества, так *подобием* то, чтобы мы, сколько возможно человеку, делались подобными Богу кротостью, смирением и вообще добродетелью, по слову Христову: *будите подобни Отцу вашему, иже на небесех* (Мф. V, 45). Как на этой обширной и пространной земле одни животные более кротки, другие более свирепы, так и в душе нашей одни помыслы — неразумные и скотские, другие — зверские и дикие; их нужно побеждать, одолевать и покорять власти разума. Но как, скажешь, можно преодолеть зверский помысл? Что ты говоришь, человек? Львов мы побеждаем и души их усмиряем, а ты сомневаешься, можно ли тебе переменить зверский помысл на кроткий? Между тем в звере лютость — по природе, а кротость — против природы; а в тебе, напротив, кротость — по природе, а зверскость и лютость — против природы. Так ты ли, который истребляешь в звере то, что есть в нем по природе, и сообщаешь ему то, что против природы, сам не в состоянии соблюсти то, что есть в тебе по природе? Какого же заслуживает это осуждения! Но что еще удивительнее и страннее: в природе львов есть еще, кроме этого, и другие неудобные свойства. Эти звери не имеют разума, и, однако, мы часто видим, что по площадям водят кротких львов. А многие из сидящих в лавках дают хозяину (льва) и деньги в награду за искусство и умение, с каким он укротил зверя. А в твоей душе есть и разум, и страх

Божий, и многоразличные пособия: так не представляй же извинений и отговорок. Можно тебе, если захочешь, быть кротким, тихим и покорным. *Сотворим,* сказано, *человека по образу нашему и по подобию.*

4. Но возвратимся к подлежащему вопросу. Из сказанного ясно, что человек вначале имел полную власть над животными, так как сказано: *да обладают рыбами морскими и птицами небесными, и зверми, и гады пресмыкающимися по земли.* А что теперь мы боимся и пугаемся зверей, и не имеем власти над ними, этого я не отвергаю; только это не делает ложным обещания Божии. Вначале не так было, но боялись звери и трепетали, и повиновались своему владыке. Когда же он преслушанием потерял дерзновение, то и власть его умалилась. Что все животные подчинены были человеку, послушай, как говорит Писание: *приведе* зверей и всех бессловесных *ко Адаму видети, что наречет я* (Быт. II, 19). И он, видя близ себя зверей, не побежал прочь, но как иной господин дает имена подчиненным ему рабам, так дал имена всем животным. *И всяко, еже нарече Адам, сие имя ему*; это уже знак власти. Потому и Бог, желая и через это показать ему достоинство его власти, поручил ему дать имена животным. Итак, этого уже довольно бы для доказательства, что звери вначале не страшны были человеку. Но есть еще и другое доказательство, не менее сильное и даже более ясное. Какое же? Разговор змия с женой. Если бы звери страшны были человеку, то, увидев змия, жена не остановилась бы, не приняла бы совета, не разговаривала бы с ним с такой безбоязненностью, но тотчас бы при виде его ужаснулась и удалилась. А вот она разговаривает, и не страшится; страха тогда еще не было. Когда же вошел грех, отнята была и честь и власть. И как между рабами исправнейшие бывают страшны и товарищам, а неисправные боятся товарищей, так стало и с человеком. Пока имел он дерзновение перед Богом, дотоле страшен был и зверям; а когда пал, то сам стал бояться

и последних из сорабов своих. Если же ты не принимаешь слов наших, то докажи мне, что звери были страшны человеку до падения. Но доказать это не можешь. А если впоследствии явился этот страх, то и это служит важнейшим доказательством человеколюбия Божия. Если бы, и по преступлении человеком заповеди, дарованная ему честь осталась неприкосновенной, ему нелегко было бы восстать от падения. Когда непослушные люди пользуются одинаковой честью с послушными, тогда они скорее приучаются к злу и нелегко отстают от него. Если уже и теперь, когда есть и страх, и наказания, и мучения, люди не сохраняют любомудрия, то какими бы они были, если бы не терпели никаких тяжелых последствий за свои преступления? Значит, Бог отнял у нас власть по Своей о нас заботливости и промышлению.

5. А ты, возлюбленный, и в том усматривай неизреченное человеколюбие Божие, что Адам всецело нарушил заповедь и преступил закон, а Бог, человеколюбивый и побеждающий благостью наши прегрешения, не всю честь отнял (у него) и не совсем лишил его владычества, но тех только животных изъял из-под власти его, которые не особенно полезны ему для жизни, а тех, которые необходимы и полезны и много способствуют нашему благоденствию, оставил в подчинении и покорности. Так Он оставил стада волов, дабы могли мы тащить плуг, орать землю, и сеять семена; оставил и виды подъяремных, дабы они помогали нам в трудах при перенесении тяжестей; оставил стада овец, дабы иметь нам достаточные средства к одеянию; оставил и другие роды животных, приносящих нам великую пользу. Так как Он, определяя человеку наказание за преслушание, сказал: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III, 19), то, чтобы этот труд и пот не был невыносим, (Бог) облегчил тягость и обременительность его множеством бессловесных, помогающих нам в труде и работе. Он поступил точно так, как милостивый и попечительный

господин, который, наказав своего раба, прикладывает врачевство к ранам. Так и Бог, наказав согрешившего, всячески хочет облегчить это наказание: осудил нас на постоянный труд и пот, но для облегчения труда дал нам множество бессловесных. Значит, и то, что Он дал честь, и то, что опять отнял ее у нас, и то, что навел на нас страх зверей, и все прочее, если только рассматривать тщательно и добросовестно, свидетельствует о великой мудрости, о великой заботливости, о великом человеколюбии Божием. Возблагодарим же Его за все это и будем признательны Тому, Кто столько облагодетельствовал нас. Он не требует от нас чего-нибудь тяжелого и трудного, но только того, чтобы мы исповедовали такие Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом — Он ни в чем не имеет нужды — а для того, чтобы мы научались через это привлекать к себе Подателя благ и не были непритязательны, но являли добродетель, достойную благодеяний и такого попечения Его о нас. Этим мы и расположим Его еще к большему о нас попечению. Убеждаю вас, не будем же беспечны, но каждый из вас ежечасно, по возможности, пусть размышляет не только об общих благодеяниях, но и об особенных, ему самому оказанных (Богом), не только об известных и явных всем, но и об известных ему одному и неизвестных другим: через это он в состоянии будет возносить Господу непрестанное благодарение. Это самая великая жертва, это совершенное приношение; это будет для нас основанием дерзновения перед Богом, — каким образом, объясню. Кто постоянно держит это в своем уме, вполне сознавая свое ничтожество, а с другой стороны помышляя о неизреченном и безмерном человеколюбии Божием, — о том, как Он устрояет дела наши, взирая не на то, чего заслуживают наши грехи, но на Свою благость, тот умеряет свой ум, сокрушает помысл, укрощает всякую гордость и надмен-

ность, научается вести себя скромно, презирать славу настоящей жизни, не дорожить всем видимым, мыслить о будущих благах, о жизни бессмертной и бесконечной. Кто так настраивает душу, тот приносит Богу истинную и приятную жертву, как говорит пророк: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Благомыслящих рабов исправляют не столько наказания и муки, сколько благодеяния и сознание того, что они потерпели меньшее наказание, нежели какого заслуживали за свои грехи.

6. Итак, молю, сокрушим дух наш, смирим ум, и особенно теперь, когда время поста подает нам великое в этом пособие. Если мы приведем себя в такое расположение, то в состоянии будем и молитвы совершать с великой бодростью, и снискать себе свыше великую благодать исповеданием грехов. А дабы увериться, что такие души угодны Владыке, послушай, как Сам Он говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес моих* (Ис. LX, 2). Поэтому и Христос, беседуя (с учениками), сказал: *научитеся от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. XI, 29). Кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и занята тем, что касается ее самой. Что может быть блаженнее души, настроенной таким образом! Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасный от всякой бури и наслаждаясь тишиной мыслей. Поэтому и Христос сказал: *и обрящете покой душам вашим.* Но как укротивший эти страсти наслаждается великим спокойствием, так, напротив, ленивый и беспечный, не умеющий надлежащим образом обуздывать рождающиеся в нем страсти, находится в постоянном волнении, ведет домашнюю брань, и, хотя нет никого, возмущается и терпит великую бурю; когда же поднимутся волны и наступит буря злых духов, часто погружается в бездну,

потому что корабль его тонет от неопытности кормчего. Поэтому нужно бодрствовать, трезвиться, и иметь непрестанное и неусыпное попечение о спасении души. Христианину всегда следует воевать со страстями плоти, живо помнить заповеди, данные нам общим всех Владыкой, ими ограждаться и надлежащим образом пользоваться Его великим долготерпением к нам, не ожидать того, что совершится самым делом, и тогда уже смиряться, дабы и о нас не было сказано: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его* (Пс. LXXVII, 34). Итак, возлюбленные, имея себе помощника в настоящем времени поста, поспешим все к исповеданию грехов, уклонимся от всякого зла и сотворим всякую добродетель. Так научает и блаженный пророк Давид, говоря: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. XXXVI, 27). Если так устроим мы себя и с воздержанием от пищи соединим и воздержание от зла, то получим большее дерзновение и сподобимся обильнейших милостей от Бога, как в настоящей жизни, так и в тот страшный день, молитвами и предстательством благоугодивших Ему, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Увещание к тем, которые стыдятся после обеда приходить к вечернему богослужению, и продолжение объяснения на слова: сотворим человека по образу нашему и по подобию; также изъяснение слов: и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их (Быт. I, 27)

1. Меньше у нас сегодня собрание и немногочисленно стечение пришедших. Отчего же и почему это? Может быть, иные постыдились прийти к духовному этому

пиршеству после чувственной трапезы, и это стало для них причиной отсутствия. Но пусть они послушают некоего мудреца, который говорит: *есть стыд наводяй грех, и есть стыд слава и благодать* (Сир. IV, 25). Не стыдно, приняв телесную пищу, прийти к этому духовному пиршеству. Духовные дела не приурочены, как дела человеческие, к определенным временам; для беседы о духовном всякое время дня удобно. И что я говорю о дневном времени! Пусть наступит ночь, и она не послужит препятствием для духовного поучения. Поэтому и Павел говорил, пиша Тимофею: *настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). Послушай еще, что говорит блаженный Лука: *хотя изыти наутрие Павел из Троады, беседова с ними и простре слово до полунощи* (Деян. XX, 7). Препятствовало ли сколько-нибудь время, скажи мне, или прервало оно слово поучения? Внимательный слушатель, и после обеда, может (с пользой) быть в этом духовном собрании, тогда как нерадивый и беспечный, хотя бы оставался и без пищи, не вынесет отсюда никакой пользы. И это говорю я не с тем, чтобы ослабить строгость поста, — да не будет! — напротив, я весьма хвалю и одобряю постящихся, только хочу внушить вам, чтобы вы совершали духовные дела со здравым рассуждением, а не следуя только обычаю. Постыдно не то, чтобы прийти к этому духовному поучению по принятии пищи, а (приходить сюда) с беспечной душой, подчиняться страстям и не укрощать плотских вожделений. Не ядение худо, — да не будет! — а вредно объедение и пресыщение до обременения чрева; через это уничтожается и удовольствие от пищи. Равно как и не то худо, чтобы употреблять вино в меру, но предаваться пьянству и вследствие неумеренности утрачивать здравый смысл. Если же ты, возлюбленный, не можешь оставаться (целый) день без пищи по телесной немощи, никто из благомыслящих не станет винить тебя за это: Владыка у нас — кроткий и человеко-

любивый, не требует от нас ничего свыше силы. Он и поста и воздержания требует от нас не просто для того только, чтобы мы пребывали в неядении, но для того, чтобы, удаляясь от житейских дел, употребляли все свободное от них время на занятия духовные. Если бы мы устрояли жизнь свою внимательно и всякую свободную минуту посвящали духовным занятиям, если бы пищу принимали только для удовлетворения потребности, и всю жизнь проводили в добрых делах, то не было бы нам нужды и в пособии от поста. Но так как человеческая природа нерадива и более склонна к невоздержанию и роскоши, поэтому человеколюбивый Господь, как любящий отец, изобрел для нас врачевство в посте, дабы и отвлечь нас от (мирских) удовольствий, и обратить от забот житейских к делам духовным. Итак, если некоторые из приходящих сюда чувствуют телесную слабость и не могут оставаться без пищи, таким советую, чтобы они и телесную слабость свою подкрепляли, и не лишали себя этого духовного поучения, а о нем тем более заботились.

2. Кроме воздержания от пищи, есть много путей, могущих отворить нам двери дерзновения перед Богом. Кто вкушает пищу и не может поститься, тот пусть подает обильнейшую милостыню, пусть творит усердные молитвы, пусть оказывает напряженную ревность к слушанию слова Божия; здесь нисколько не препятствует нам телесная слабость; пусть примиряется с врагами, пусть изгоняет из души своей всякое памятозлобие. Если он будет исполнять это, то совершит истинный пост, такой, какого именно и требует от нас Господь. Ведь и самое воздержание от пищи Он заповедует для того, чтобы мы, обуздывая вожделения плоти, делали ее послушной в исполнении заповедей. А если мы решимся не принимать помощи от поста ради слабости телесной и будем предаваться большей беспечности, то, сами не ведая того, причиним себе величайший вред.

Если и при посте оказывается у нас недостаток вышесказанных добрых дел, то тем более покажем мы нерадения (о них), когда не будем пользоваться врачевством поста. Узнав это от нас, вы, могущие поститься, сами по возможности усиливайте, прошу вас, это доброе и похвальное свое усердие. *Аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется* (2 Кор. IV, 16). Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения, душу же просветляет, окрыляет, делает легкой и парящей горе. А что касается до братий ваших, которые не в состоянии поститься ради телесной немощи, их увещевайте не оставлять этой духовной пищи, поучая их, передавая им слышанное от нас и показывая, что внимать этим наставлениям недостоин не тот, кто ест и пьет умеренно, а человек беспечный, преданный удовольствиям. Напоминайте им и об апостольском изречении: *и ядый, Господеви яст: и не ядый, Господеви не яст, и благодарит Бога* (Рим. XIV, 6). Итак, и постящийся благодарит Бога за то, что имел довольно сил понести постный труд; и ядущий также благодарит Бога, потому что это нисколько не повредит ему в спасении души, если он захочет. Человеколюбивый Бог открыл нам неисчислимое множество путей, которыми мы, если только захотим, можем достигнуть самого высокого дерзновения (перед Богом). Об этом мы достаточно побеседовали ради отсутствующих, отняв у них повод к стыду и показав, что этого (принятия пищи в пост до вечернего богослужения) не должно стыдиться, так как подвергает нас стыду не ядение, по делание зла. Великий стыд — это грех! Если мы сделаем его, то должны не только стыдиться, но и закрывать лицо свое и называть себя несчастными, как погрешившие. А вернее — и тогда не нужно унывать, но спешить к покаянию и исправлению. Наш Владыка таков, что, если мы, по беспечности, сделаем грех, Он не требует от нас ничего другого, как только того, чтобы мы исповедали свои

согрешения, остановились на этом и не впадали в те же грехи. Если употребляем пищу с умеренностью, не будем стыдиться, потому что Господь соединил нас с таким телом, которое не может существовать иначе, как принимая пищу; только пусть не будет неумеренности; это весьма много способствует здоровью и крепости нашего тела. Не видите ли каждый день, что от роскошных столов и неумеренного насыщения происходят бесчисленные болезни? Откуда болезни в ногах? Откуда болезни головные? Откуда умножение испорченных мокрот? Откуда бесчисленное множество других болезней? Не от неумеренности ли, не от того ли, что мы вливаем в себя вина больше надлежащего? Как судно переполненное скоро погружается и тонет, так и человек, предавшись объедению и пьянству, несется в бездну, потопляет свой разум и лежит наконец, как живой труп, часто могущий еще сделать что-либо худое, а на добро способный не более мертвых.

3. Поэтому молю, подобно блаженному Павлу, *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14), но укрепитесь и умножьте ревность и заботу о совершении духовных дел. Говоря обо всем этом со своими братьями, убеждайте их отнюдь не лишать себя этой духовной пищи; пусть они, и после обеда, приходят сюда со всем усердием, дабы, приняв здесь наставление, могли крепко стать против козней диавола. Теперь предложим вам обычную трапезу и наградим и любовь вашу за усердие к слушанию, а равно и уплатим долг, какой должны вам. Вы, конечно, знаете и помните, что мы, начав говорить о сотворении человека, по краткости времени не могли рассмотреть все чтение, но окончили поучение рассуждением о зверях, показав, что человек вначале имел над ними власть, но лишился ее за грех преслушания. Поэтому сегодня хотим сообщить вам и остальное, и с тем отпустить вас отсюда. А чтобы слово наше было для вас ясно, нужно напомнить вам, на чем мы тогда

остановили поучение, дабы, начав с того места, нам таким образом докончить и остальное. На чем же мы тогда остановились? При объяснении слов: *сотворим человека по образу нашему и подобию: и да обладают рыбами морскими и птицами небесными*, — так как беседа наша значительно распространилась и у нас родилось великое море мыслей, — нам уже нельзя было идти далее, и мы, остановившись на этом, не коснулись последующего. Поэтому нужно теперь прочесть вашей любви, что следует далее, дабы вы могли знать, о чем мы намерены говорить вам. Божественное Писание вслед (за вышеприведенными словами) прибавляет: и *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их. И благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по земли* (Быт. I, 27, 28). Немного слов, но великое сокровище заключено в этих кратких словах. Блаженный пророк, говорящий по внушению Святого Духа, хочет теперь научить нас чему-то таинственному. Сказав: *сотворим человека* и употребив, так сказать, совещание и рассуждение, Создатель всего этим образом речи указал уже на достоинство того, кого намеревался создать, и еще до создания его показал нам, какую великую власть хотел Он вручить этому будущему творению. Сказав: *сотворим человека по образу нашему и по подобию*, (Бог) присовокупил: *и да обладают рыбами морскими*. Смотри, как в самом начале открывает нам скрытое сокровище. Говоря Духом Божиим, пророк видит несуществующее, как существующее и совершившееся. Для чего же, скажи мне, Бог, сказав: *сотворим человека*, говорит теперь: *и да обладают!* Он открывает нам некоторое сокровенное таинство. Кто такие *да обладают?* Не ясно ли, что это сказал Он, намекая на создание жены? Видишь, что в Божественном Писании ничего не сказано просто

и напрасно, но и незначительное слово заключает в себе скрытое сокровище.

4. И не изумляйся, возлюбленный, сказанному. Таков у всех пророков обычай – говорить о не бывшем еще, как уже о совершившемся. Они духовными глазами видели уже то, что имело совершиться спустя много лет; поэтому и говорили обо всем так, как будто бы созерцали то перед глазами. И чтобы тебе ясно было это, послушай, как блаженный Давид, за столько поколений, пророчествует и вопиет о крестных страданиях Христовых: *ископаша руце мои и нозе мои* (Пс. XXI, 17), и еще: *разделиша ризы моя себе* (ст. 19). Видишь, как о том, что имело быть спустя много времени, он предсказал, как уже о сбывшемся? Так и этот блаженный пророк (Моисей), намекая нам уже на создание жены, говорит загадочно: *и да́ обладают рыбами морскими*. Далее затем говорит яснее: *и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их*. Смотри, какую употребляет он тщательность, и неоднократно повторяет одно и то же, чтобы слова его укоренились в уме слушателей. Если бы не это было у него в виду, то довольно было бы сказать: *и сотвори Бог человека*. Но он еще прибавляет: *по образу Божию сотвори его*. Уже и прежде он показал нам, что значит: *по образу;* так вот и теперь повторяет то же слово, и говорит: *по образу Божию сотвори его*. Чтобы не оставить и самого ничтожного предлога к оправданию тем, которые захотели бы противоречить церковным догматам, он, простершись несколько далее, опять учит тому же, то есть что выражение: *по образу* употреблено им для означения власти и господства (человека) над всеми тварями. Теперь посмотрим, что он говорит: *и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их*. На что выше намекнул словами: *и да обладают*, о том здесь говорит яснее. Впрочем, и это открыл нам еще не вполне, потому что еще не сказал нам о создании (мужа и жены), еще не

показал, откуда произошла жена, а уже говорит: *мужа и жену сотвори их.* Видишь, как о небывшем еще он повествует как о совершившемся? Таковы-то духовные очи! Не столько могут эти телесные глаза видеть видимое, сколько духовные (видят) невидимое и несуществующее. Итак, сказав: *мужа и жену сотвори их,* (Моисей) к обоим уже относит (Божие) благословение, и говорит: и *благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими* (Быт. I, 28). Какое высокое благословение! Слова: *раститеся и множитеся и наполните землю* сказаны, как всякий знает, и к бессловесным животным и к пресмыкающимся; а слова: *господствуйте ею и обладайте* только к мужу и жене. Примечай человеколюбие Божие: еще прежде создания жены, Бог делает ее участницей владычества (над тварями) и удостаивает благословения. И *обладайте,* говорит, *рыбами морскими и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по земли.* Видишь власть несказанную? Видишь начальство великое? Видишь, что все твари подчинены человеку? Не думай же низко об этом разумном животном, но помышляя о величии его чести и о благоволении к нему Господа, дивись Его неизреченному человеколюбию.

5. *И рече Бог: се дах вам всякую траву семенную, сеющую семя, еже есть верху земли всея: и всякое древо, еже имать в себе плод семене семенного, вам будет в снедь: и всем зверем земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, иже имать в себе душу живота, и всяку траву зеленую в снедь: и бысть тако* (Быт. I, 29, 30). Обрати внимание, возлюбленный, на точность выражений и неизреченное человеколюбие Божие, и не пропусти ни одного слова без рассмотрения. *И рече,* говорит, *Бог: се дах вам всякую траву семенную,* — как будто речь обращена к двоим, и это тогда, как жена еще не была создана. Потом, чтобы понять тебе безмерную благость Господа,

смотри, как Он являет свое милосердие и преизобильную щедрость не только относительно мужа и жены, которая еще не была создана, но и самых бессловесных. Сказав: *вам будет в снедь*, прибавил: *и всем зверем земным*. А вот еще и другая бездна милосердия: Он позаботился не только о бессловесных кротких и годных нам в пищу и на службу, но и о зверях. Но кто в состоянии вполне постигнуть эту беспредельную благость? *Вам*, говорит, *будет в снедь: и всем зверем земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, иже имать в себе душу живота, и всяку траву зеленую в снедь*. Велико промышление Господа о созданном им человеке! Когда Он создал его и дал ему всю власть над тварями, то чтобы, видя такое множество бессловесных, тотчас же и в самом начале не стал тяготиться тем, что он не в состоянии прокормить столько животных, — благий Владыка, прежде чем человек еще пришел к такой мысли, желая, так сказать, утешить его и показать, что как он сам, так и все бессловесные будут иметь полное довольство, потому что земля, по повелению Господню, будет служить к пропитанию их, к словам: *вам да будет в снедь*, тотчас присовокупил: *и всем зверем земным и всем птицам небесным, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, иже имать в себе душу живота, и всяку траву зеленую в снедь: и бысть тако*. Все, то есть что ни повелел Создатель, осуществилось, все пришло в надлежащий порядок. И потому (Моисей) тотчас присовокупил: *и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело* (ст. 31).

6. Кто может достойно восхвалить точность Божественного Писания? Вот оно и здесь словами: *и виде Бог вся, елика сотвори*, заграждает уста всем, кто только впоследствии решился бы противоречить. *И виде*, говорит, *Бог вся, елика сотвори: и се добра зело. И бысть вечер, и бысть утро, день шестый*. Как о каждой из созидаемых вещей (Писание) говорило: *и виде Бог, яко добро*, так и теперь, когда совершилось все и окончены дела шестого дня,

когда уже создан и тот, кто долженствовал пользоваться всеми тварями, говорит оно: *и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело.* Смотри, как оно, обняв все твари в одном этом слове: *вся,* каждой из них сообщает похвалу. Даже не удовольствовалось словом *вся,* но прибавило: *елика сотвори*; да и здесь еще не остановилось, но говорит: *и се добра,* и: *зело добра,* то есть совершенно хорошо. Итак, когда Господь, приведший из небытия в бытие, назвал Свои создания добрыми, то кто дерзнет, хотя бы преисполнен был безумного самомнения, раскрыть уста и противоречить сказанному Богом? Так как в видимой природе создан не только свет, но и тьма, противоположная свету, не только день, но и ночь, противоположная дню, а между произрастаниями земли не только полезные травы, но и вредные, и деревья не только плодоносные, но и бесплодные, и животные не только кроткие, но и дикие и лютые, и между (животными), порожденными водой, не только рыбы, но и киты и другие морские звери, и на земле не только обитаемые места, но и необитаемые, не только ровные поля, но горы и дебри, и между птицами не только ручные и годные нам в пищу, но хищные и нечистые, например ястребы и коршуны и многие другие подобные, также между происшедшими из земли животными не только кроткие, но змеи, ехидны, драконы, львы и рыси, да и в воздухе не только ветры и дожди полезные, но град и снег, и вообще, если подробно рассмотреть все, в каждом роде тварей найдешь не только полезное нам, но и кажущееся вредным, — то, чтобы впоследствии никто, смотря на творения Божии, не смел осуждать их и говорить: зачем то? на что это? или: это хорошо сделано, а это не хорошо, — Священное Писание, заграждая, так сказать, уста всем дерзающим судить неблагонамеренно, по создании всего в шестой день говорит: *и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело.* Что может сравниться с таким удостоверением, когда Сам

Творец всего объявляет и говорит, что все созданное хорошо, весьма хорошо? Поэтому когда увидишь, что кто-нибудь, увлекаясь собственными соображениями, станет противоречить Божественному Писанию, устранись от него, как от безумного, или — лучше сказать — не устранись, но, сожалея о его невежестве, приведи то, что говорит Божественное Писание, и скажи, что *виде Бог вся, елика сотвори, и рече: се добра зело*; может быть, ты успеешь сдержать необузданный язык его. Если мы и в человеческих делах, когда видим, что об них дают свое мнение люди высокие по сану, не прекословим, но соглашаемся и их приговор предпочитаем собственному суждению, то тем более должны поступать так по отношению к Богу всяческих, Творцу всего видимого: зная Его приговор, должно подавлять собственные помыслы и не отваживаться на дальнейшие изыскания, но знать и твердо верить, что все создано разумно и человеколюбиво, и ничего не сделано без цели и напрасно. Хотя мы, по слабости нашего ума, и не знаем употребления (некоторых) тварей, однако (должны веровать, что) Бог все произвел по Своей премудрости и высокому человеколюбию.

7. *И бысть*, говорит (Моисей), *вечер, и бысть утро, день шестый*. С концом шестого дня положил Он конец и созданию всех тварей; потому и прибавил: *и совершишася небо и земля, и все украшение их* (Быт. II, 2). Смотри, как Божественное Писание избегает ненужного и излишнего. Упомянув о главнейших стихиях, оно уже не говорит, в частности, о прочем; сказав: *совершишася небо и земля*, говорит: *и все украшение их*, и этим обозначает все, что на земле и что на небе. Украшение земли есть то, что произошло из нее — произрастание трав, произведение плодов, плоды деревьев, и все прочее, чем Творец украсил ее. Равно и украшение неба составляют: солнце, луна, разнообразные звезды, и все находящиеся среди (их) создания. Поэтому Божественное Писа-

ние, упомянув о небе и о земле, этими стихиями обняло все творение. *И соверши*, говорит, *Бог в день шестый дела своя, яже сотвори* (ст. 2). Смотри, как оно и раз и другой повторяет одно и то же, чтобы мы знали, что все дела творения продолжались до шестого дня: *соверши*, говорит, *Бог в день шестый дела своя, яже сотвори: и почи в день седьмый от всех дел своих, яже сотвори*. Что значит: *и почи в день седьмый от всех дел своих, яже сотвори*? Замечай, как по-человечески и с каким снисхождением к нам говорит о всем Божественное Писание: иначе бы нам не понять ни одного слова его, если бы оно не удостоило нас такого снисхождения. *И почи*, говорит, *в день седьмый от всех дел своих, яже сотвори*, то есть перестал творить и приводить из небытия в бытие. Все, что нужно было, уже произвел; создал и того, кто имел пользоваться этими тварями. *И благослови*, говорит, *Бог день седьмый и освяти его: яко в той почи от всех дел своих, яже начат Бог творити* (ст. 3). Так как Он уже не стал более творить, и все, что только восхотел, по Своему человеколюбию произвел Своим повелением и в шестой день положил конец творению, в седьмой же не хотел произвести ничего другого, потому что уже совершилось все, что только Он хотел, то, дабы и этот день имел некоторое преимущество и не казался менее важным из-за того, что в течение его ничего не создано, (Бог) удостаивает его благословения: *и благослови*, говорит, *Бог день седьмый и освяти его*. Что же? Ужели прочие (дни) не были благословлены? Конечно, говорит; но для них вместо всякого благословения довольно было того, что в каждый из них созданы твари. Потому (Писание) и не сказало об них: *благослови*, а сказало это только о седьмом дне, и присовокупило еще: *и освяти его*. Что значит: *и освяти его*? Отделил его. Потом, чтобы показать нам и причину, по которой сказано: *и освяти его*, Божественное Писание прибавляет: *яко в той почи от всех дел своих, яже начат Бог творити*. Вот уже здесь, в самом начале

(бытия мира), Бог гадательно предлагает нам учение о том, чтобы мы один день в круге седмицы весь посвящали и отделяли на дела духовные. Для этого Господь, совершив все дела Свои в шесть дней, удостоил седьмой день благословения и освятил, *яко почи в той от всех дел своих, яже начат творити*. Но здесь, вижу я, опять открывается нам беспредельное море мыслей, и желаю не пройти его без внимания, но — сделать и вас участниками этого духовного богатства. Какой же здесь возникает у нас вопрос? (Вот какой): Божественное Писание здесь показывает, что Бог почил от дел Своих, а в Евангелии Христос говорит: *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. V, 2): при снесении этих изречений не представляется ли какого-нибудь противоречия в них? Да не будет: в словах Божественного Писания нет никакого противоречия. Когда Писание здесь говорит: *яко почи Бог от дел своих*, то этим научает нас, что Он перестал в седьмой день творить и производить из небытия в бытие; а когда Христос говорит: *Отец мой доселе делает, и Аз делаю*, то этим указывает нам на непрерывный Его промысл, и деланием называет сохранение существующего, дарование ему продолжения (в бытии) и управление им во все время. В противном случае, как могла бы существовать вселенная, когда бы верховная рука не управляла и не распоряжалась всем видимым и человеческим родом? И если кто захочет благонамеренно рассмотреть в подробности все, что каждый день совершается на нашу пользу Творцом вселенной, тот откроет бездну человеколюбия. В самом деле, какое соображение, какой ум в состоянии постигнуть неизреченную благость, которую (Бог) являет человеческому роду, повелевая *солнцу сиять на злыя и благия, и посылая дождь на праведныя и неправедныя* (Мф. V, 45), и подавая нам обилие во всем прочем? Может быть, мы простерли слово далее надлежащего; сделали это, однако, не напрасно и не без цели, но для того, чтобы непришедшие

сюда узнали через вас, какой ущерб причинили они себе, из-за телесной пищи лишив себя духовного наставления. Впрочем, чтобы не увеличить их скорби, вы покажите к ним братскую любовь, передав им наши слова: это действительно послужит свидетельством искренней любви. Если поступающие так с чувственными яствами и сберегающие для своих знаемых то, что было подано на стол, показывают этим весьма великую любовь, тем более такой образ действия относительно духовных предметов доставит нам большую похвалу; да и польза нам будет от этого. Кто старается научить ближнего, тот не столько благодетельствует ему, сколько приготовляет себе самому великую награду и приобретает двоякий плод: получает от Бога большее воздаяние, и сам вспоминает и возобновляет в памяти сказанное, когда старается передать это ближнему.

8. Размышляя о такой пользе вашей, не откажите вашим братьям, но пусть ныне же они узнают от вас то, что нами сказано. А чтобы им впредь не быть вам обязанными таким наставлением, влеките их к нам, внушая им, что принятие телесной пищи нисколько не препятствует духовному наставлению, что всякое время нужно считать удобным для духовного собеседования. Если тщательно рассмотреть, то мы можем, и оставаясь дома, как после так, и прежде обеда, взяв в руки Божественные книги, получать от них пользу, и доставлять душе духовную пищу. Как тело нуждается в чувственной пище, так и душа требует ежедневного наставления и пищи духовной, дабы, укрепляясь ею, могла противиться восстаниям плоти и выдерживать постоянную брань, которая нам угрожает и делает душу нашу пленницей, если мы, хотя на короткое время, захотим предаться беспечности. Поэтому и пророк Давид назвал блаженным того, кто *в законе* Господнем *поучается день и нощь* (Пс. I, 2). И блаженный Моисей, наставляя народ иудейский, говорит: когда *ясти*

будеши и пити, *и насытишися, помяни Господа Бога твоего* (Втор. VIII, 10). Видишь, как тогда особенно, то есть по принятии пищи, должны мы предлагать себе духовную снедь, чтобы душа после насыщения телесной пищей, вознерадев, не впала в погибель и не дала места козням диавола, который во всякое время старается нанести нам смертельный удар. Тот же пророк в другом месте сказал: *лежа и востая*, поминайте Господа Бога вашего (Втор. VI, 7). Видишь, что ни в какое время не следует нам изгонять из своей души это памятование (о Боге), но твердо хранить в совести, быть в постоянной бдительности и никогда не давать себе покоя, но, зная ярость врага нашего, трезвиться и бодрствовать, заграждать ему все входы, и никогда не пренебрегать духовной пищей. В этом наше спасение, в этом духовное богатство, в этом безопасность. Если так станем каждовременно ограждать себя и чтением, и слушанием, и духовным собеседованием, то в состоянии будем и сами сделаться неодолимыми, и козни лукавого демона сделать безуспешными, и получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

О том, что нужно прилагать великое старание о добродетели и подражать святым, которые, будучи одного с нами естества, с усердием творили ее, и что, если станем нерадеть, то не будем иметь никакого извинения

1. Знаю, что в предшествовавшие дни я занимал ваш ум глубокими размышлениями; поэтому сегодня хочу предложить вам более легкое поучение. Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы

могло потом с живой ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей; но иногда делать одно, а иногда другое, и таким образом управлять и состоянием души, и вожделениями плоти. Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает, как всякому известно, и с душой и с телом. Поэтому мера во всем — прекрасное дело. Этому-то научает нас Бог всяческих и самыми творениями, которые Он создал для нашего существования. Чтобы в этом увериться вам, возьмем в рассмотрение день и ночь, то есть свет и мрак. Назначив человеку день для делания, а мрак ночи для успокоения и отдохновения от трудов, (Бог) обоим им положил меру и пределы, чтобы все мы могли получать от них пользу. А что свет дневной есть время делания, послушай Давида, который говорит: *изыдет человек на дело свое, и на делание свое до вечера* (Пс. CIII, 23). И хорошо сказал: *до вечера,* потому что с наступлением вечера свет удаляется, а приходит темнота и усыпляет человеческую природу, успокаивает утрудившееся тело, утишает все чувства и, как добрая кормилица, своей заботливостью всем членам дает свободу от трудов и изнурительных занятий. Когда же мера ночи исполнится, появляется свет, и, пробудив человека, делает его способным свежими чувствами воспринимать солнечные лучи, и с новым и горячим усердием приступать к обычным делам. То же можно видеть и в последовательности времен года: после зимы наступает весна, а за летом следует осень, чтобы переменой в растворении воздуха тела наши освежались, чтобы и не расстраивались чрезмерно сжимаемые холодом, и не ослабевали сильно согреваемые зноем; поэтому (Бог) заставляет нас к зиме приучаться осенью, а к лету весной. Вообще кто захочет смотреть на все рассудительно, тот во всех творениях

найдет порядок и соразмерность и убедится, что ничего не создано без причины и без цели. То же можно видеть и на растениях, произрастающих из земли. Земля не все производит в одно время, и не всякое время удобно к возделыванию ее произрастаний: наученный данной Богом мудростью, земледелец знает удобное время и понимает, когда посеять семена, когда посадить в землю деревья и виноград, когда острить серп для жатвы, когда собирать виноград и срезывать кисти, и в какое время собирать плод с маслины. Словом, если захочешь рассматривать все это подробно, то найдешь, что и у земледельцев много мудрости. И это можно видеть не на земле только, но и на море. Здесь увидишь другого рода дивную мудрость: кормчий знает, когда спустить корабль на воду, когда вывести его из пристани, когда плыть по морю. У этих-то особенно людей можно видеть, сколько смысла вложила в человеческую природу премудрость Божия. Не так хорошо знают повороты путешествующие по большим дорогам, как эти (мореходы) умеют верно держать путь по водам. Потому и Писание, изумляясь чрезмерной премудрости Божией, говорит: *давший в мори путь и* в воде *стезю крепкую* (Прем. XIV, 3). Какой человеческий ум в состоянии постигнуть это? Такое же разумное устроение найдешь и в том, что касается принятия людьми пищи: на каждое время и на каждую пору года Господь дал нам различную пищу, и земля, как добрая кормилица, приносит нам дары свои, повинуясь велению Создателя.

2. Но чтобы не слишком распространять это слово, вы, как разумные люди, можете сами сообразить и все прочее: *даждь*, сказано, *премудрому вину, и премудрейший будет* (Притч. IX, 9). Не на нашей только пище это можно видеть, но и на пище бессловесных. И из других многих вещей можете, если захотите, узнать через исследование неизреченную премудрость и безмерную благость высочайшего Художника — Бога, узнать то, что

все твари созданы с некоторой разумной целью. Таково же найдем мы и установление для нас святой четыредесятницы. Как на больших дорогах есть постоялые дворы и гостиницы, в которых утомившиеся путники могут отдохнуть и успокоиться от трудов, чтобы потом опять продолжать путь; как на море есть берега и пристани, где мореходы, переплыв много волн и выдержав напоры ветров, могут несколько отдохнуть, чтобы потом опять начать плавание, — так и в настоящее время святой четыредесятницы вступившим на путь поста Господь даровал эти два дня в седмице (субботние и воскресные дни святой четыредесятницы, в которые церковь облегчает строгость поста), как бы постоялые дома и гостиницы, как бы берега и пристани, для краткого отдохновения, чтобы совершающие это доброе и спасительное путешествие, и тело успокоив несколько от трудов поста, и душу ободрив, опять, по прошествии этих двух дней, с усердием вступали на тот же путь. Вот и мы, так как ныне день отдохновения, попросим вашу любовь заботливо хранить приобретенные вами от поста плоды, дабы, отдохнув несколько, (вам прибавить новые плоды к прежним, и таким образом мало-помалу собрав великую прибыль, сретить день Господень)*, и ввести в пристань святого праздника полным духовный свой корабль. Если все создания Господни, как показало наше слово и как свидетельствует опыт, совершены с разумной целью, для удовлетворения необходимой потребности, то и наши дела должны быть совершаемы не просто и не напрасно, но с пользой для нашего спасения. И занимающиеся мирскими делами никогда не решатся приступить к делу, пока не увидят выгоды от этого; тем более нам нужно поступать так и не проводить постные седмицы небрежно, но вопрошать свою совесть, испытывать ум и смотреть, что хорошо

---

* День пасхи или воскресения Христова.

сделано нами в ту, что в другую неделю, какое приобретение мы получили в следующую, какую из своих страстей исправили. Если мы не будем так устроять себя и прилагать такое попечение о своей душе, то не будет нам никакой пользы от поста и неядения, особенно когда окажемся хуже и тех, которые прилагают такое старание о собрании денег. Смотри, каждый из этих людей употребляет всю бдительность, как бы всякий день прибавить что-либо к прежнему, и никогда не насыщается, но чем более умножается у него имение, тем более усиливается и рвение и усердие. Итак, если люди выказывают такую бдительность там, где часто и старания бывают бесплодны, и богатство причиняет великий вред спасению души, то не гораздо ли более должно поступать так здесь, где от усердия великая польза, несказанная награда, и безмерный прибыток? Там, кроме всего сказанного, большая неизвестность: приобретение имущества не прочно, не только потому, что при наступлении смерти оно остается здесь и не приносит никакой пользы собиравшему его, но и потому, что он, за имущество остающееся здесь, должен (там) дать самый строгий отчет. Часто случается еще и то, что человек, собравший великое богатство, после многочисленных трудов, тяжких усилий и беспокойств, с наступлением, как бы бури какой, неблагоприятных обстоятельств, еще прежде смерти своей вдруг делается беднее самых бедных людей — и это приходится видеть каждый день. Но касательно духовного богатства ничего такого никогда не должно опасаться: оно твердо и неподвижно, и там, где особенно нуждаемся в нем, подает нам великую помощь.

3. Итак, пока имеем время, умоляю, употребим на приобретение этого духовного богатства хотя столько же старания, сколько эти люди, и никогда не прекратим заботы о том, сделали ли мы что-нибудь доброе, прогнали ли от себя своей бдительностью какую-либо

возмущавшую нас страсть, дабы, чувствуя одобрение своей совести, вкусить нам великое удовольствие. Дело не в том только, чтобы мы каждый день приходили сюда, постоянно слушали об одном и том же и во всю четыредесятницу постились. Если от постоянного хождения сюда и увещания не приобретем ничего, и из постного времени не извлечем чего полезного для своей души, — все это не только не доставит нам никакой пользы, но и послужит к большему осуждению нашему, когда, при такой (о нас) заботливости (со стороны Церкви), мы останемся все такими же, — когда гневливый не сделается тихим, вспыльчивый не обратится к кротости, завистливый не перейдет к доброжелательству, сребролюбец не оставит своей страсти и не расположит себя к подаянию милостыни и питанию бедных, распутный не сделается целомудренным, гоняющийся за суетной славой не научится презирать ее и искать истинной славы, не заботящийся о любви к ближнему не воспрянет и не приучит себя не только к тому, чтобы быть не хуже мытарей (*аще бо,* сказано, *любите любящих вас, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творят!* (Мф. V, 46), но и к такому состоянию души, чтобы кротко смотреть и на врагов и показывать к ним великую любовь. Если приходя сюда каждый день, и постоянно слушая и пользуясь такими наставлениями и получая от поста помощь, не победим вышесказанных и других возникающих в нас страстей, то какое будет нам прощение, какое оправдание? Скажи мне, пожалуйста, если бы ты видел, что сын твой каждый день ходит в училище, и, хотя времени проходит много, но он ничего не приобретает там, снес ли бы ты это терпеливо? Не наказал ли бы и отрока, не упрекнул ли бы и учителя? А потом, если бы узнал, что со стороны учителя сделано все и ничего не опущено, и что причиной всего была леность отрока, не обратил ли бы ты весь гнев свой на отрока, перестав винить учителя? То же самое

должно быть и здесь. Мы, как поставленные (на степень учителей) благодатью Божией, каждый день созываем вас, как духовных детей, в это училище, и предлагаем вам спасительное наставление, причем не свои вымыслы сообщаем, но излагаем учение, дарованное нам от Господа в Божественном Писании, — его мы открыто излагаем и постоянно внушаем. Итак, когда мы употребляем все старание и заботливость, и ежедневно ведем вас на путь добродетели, вы же будете оставаться в том же состоянии, то подумайте, какая будет и нам скорбь, какое и вам осуждение, чтобы не сказать больше? Конечно, нас освобождает от всякой ответственности то, что мы не опустили ничего потребного к вашему назиданию; однако, так как мы заботимся о вашем спасении, то и не можем легко переносить (вашей беспечности). И учитель, когда не замечает в ученике никакого плода от своего старания, немало скорбит и болезнует, видя, что напрасно трудится.

4. Это говорю теперь не для того, чтобы опечалить вашу любовь, но — чтобы возбудить и расположить вас не изнурять только тело постом и не проводить дни святой четыредесятницы напрасно и без пользы. И что говорю — дни святой четыредесятницы, когда нам нельзя ни одного дня, по возможности во всю нашу жизнь, проводить так, чтобы в течение его не приобрести себе духовного плода — или молитвой, или исповеданием, или милостыней, или каким-нибудь другим духовным делом? Если Павел, такой великий муж, слышавший те неизреченные слова, коих никто не слыхал до сегодня, взывал о себе: *по вся́к день умира́ю, тако ми ваша похвала* (1 Кор. XV, 31), научая нас, что он так часто подвергался опасностям за благочестие, что каждый день был близок к смерти и, чего не допускала природа (потому что мы все подлежим одной только смерти), то совершала ревность его воли, хотя человеколюбивый Бог и хранил его надолго для спасения других, —

и так, если он, славный такими подвигами и являвшийся на земле подобным ангелу, каждый день старался приобретать что-нибудь, ополчаться против опасностей за истину, собирать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, — то какое оправдание будем иметь мы, которые не только не совершили никаких подвигов, но обременены такими недостатками, из коих и каждый в отдельности может низринуть нас в бездну погибели, и не прилагаем никакого старания даже и о том, чтобы исправить эти недостатки? А если часто оказывается, что один и тот же имеет не один только недостаток, но весьма многие, когда он и гневлив, и необуздан, и сребролюбив, и завистлив, и жесток, и однако не старается ни исправить эти недостатки, ни обратиться к делам добродетели, то какая остается надежда на спасение? Это говорю и не перестану говорить, чтобы каждый из слушающих, взяв из слов наших приличное ему врачевство, постарался, освободившись от обременяющих его страстей, возвратить себе здоровье, и сделать себя способным к добродетели. И с больным телом бывает, что если врач многократно прикладывает лекарство, а больной не хочет выждать действия его, но сердясь и не терпя боли от приложенного врачом лекарства, отрывает его и не получает от него пользы, в таком случае никто из благомыслящих не станет упрекать врача, который со своей стороны сделал все. Так и здесь, мы, составив из духовного поучения врачевство, предлагаем его вам; а затем будет уже ваше дело и потерпеть боль, и воспользоваться врачевством, и, освободясь от болезни, возвратиться к истинному здоровью. Тогда и сами вы получите великую пользу, и мы почувствуем немалую радость, видя, что бывшие прежде больными так скоро сделались здоровыми.

Итак, каждый из вас, молю, если не хотел раньше, по крайней мере с этого времени старайся удалить из души своей ту страсть, о которой знает, что она

тяготит его более других страстей, и действуя благочестивым размышлением, как бы духовным мечом, освобождай себя от этой страсти. Бог дал нам столько разума, что при нем можем, если захотим быть сколько-нибудь внимательными, одолеть каждую из возникающих в нас страстей. Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых в Божественном Писании, чтобы, узнав, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, мы не ленились подвизаться в ней.

5. Не одного ли с нами естества был блаженный Павел? Пламенею любовью к этому мужу; поэтому непрестанно обращаюсь к нему и, взирая на его душу, как на некий первообраз, удивляюсь в нем господству над страстями, высокому мужеству, пламенной любви к Богу и размышляю, как один человек по своему усердию приобрел всю совокупность добродетелей, а из нас никто не хочет сделать и малого доброго дела. Кто же спасет нас от неизбежного наказания, когда он был одной с нами природы, не чужд был тех же страстей и находился в таких трудных обстоятельствах, каждый день, так сказать, будучи влачим, терзаем и всенародно мучим противниками (евангельской) проповеди, которые часто, почитая его уже мертвым, тогда только, наконец, оставляли его, как бы приведя в исполнение убийственный свой замысел? А между нами, слабыми и столь нерадивыми, найдется ли кто такой, который бы являл такое величие добродетели? Но чтобы вам не из наших уст слышать о подвигах этого блаженного и о мужестве, какое он ежедневно показывал (в борьбе) за проповедь благочестия, надобно послушать, что он сам говорит. Когда он, по причине ложного о нем отзыва лжеапостолов, поставлен был в необходимость рассказывать о своих делах (а это для него было так тягостно и неприятно, что он отказывался и никогда не хотел объявлять о своих подвигах, напротив, открыто называл

себя хульником и гонителем), так, когда он увидел совершенную необходимость заградить уста обманщиков и несколько успокоить учеников, то, после многого другого, вот как начал говорить: о *немже аще дерзает кто, несмысленно глаголю, дерзаю и аз* (2 Кор. XI, 21). Смотри, какая боголюбивая душа: не только дерзостью, но и безрассудством называет это дело, научая нас никогда не разглашать о своих делах без необходимости, когда никто не принуждает нас к тому, хотя бы и нашлись между нами сделавшие что-нибудь доброе. О *немже,* говорит он, *аще дерзает кто, несмысленно глаголю, дерзаю и аз,* то есть, так как я вижу совершенную необходимость, то и решаюсь осмелиться и сделать безрассудное дело. *Евреи ли суть? и аз. Израильте ли суть? и аз. Семя Авраамле ли суть? и аз* (ст. 22). Этим, говорит он, превозносятся: пусть же не думают, что нам недостает этого; и мы участвуем в тех же самых (преимуществах). Потом прибавил: *служителие ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз* (ст. 23).

6. Смотри здесь, возлюбленный, как добродетельна душа этого блаженного. Он уже назвал дерзостью и безумием совершенное им, — хотя был поставлен в необходимость, однако не удовольствовался сказанным. Но когда решился объявить, что он весьма многим превышает тех, то чтобы не подумал кто, будто он говорит это по самолюбию, опять называет свои слова безумием, как бы так говоря: разве я не знаю, что делаю дело, многим неприятное и мне неприличное? Но меня вынуждает к тому настоятельная необходимость; потому простите мне, что говорю безумные слова. Будем подражать хотя тени его мы, отягощенные таким бременем грехов, — мы, которые, если иногда и сделаем что-нибудь доброе, то не можем и это хранить в сокровищницах сердца, но разглашаем и обнаруживаем из любви к человеческой славе, и такой неуместной говорливостью лишаем себя награды от Бога. С блаженным

Павлом ничего такого не было. А что же? *Служителие ли Христовы, суть?* говорит он, *не в мудрости глаголю, паче аз.* Затем он уже открывает и те подвиги свои, коих лжеапостолы не совершили. Да и как могли совершить их люди, которые враждовали против истины, всячески старались воспрепятствовать проповеди благочестия и возмущали умы простых людей? Итак, сказав: *паче аз,* он уже перечисляет подвиги своего мужества и говорит: *в трудех множае, в ранах преболе, в смертех многащи.* Что говоришь? Слова твои что-то странны и необычайны. Возможно ли умереть несколько раз? Да, говорит, возможно, если не самым делом, то намерением. Этим он научает нас, что он постоянно подвергался за проповедь таким опасностям, которые угрожали ему смертью, но благодать Божия среди самых опасностей хранила подвижника, чтобы от него ученики получили великую пользу. *В смертех,* говорит, *многащи. От иудей пятькраты четыредесять разве единыя приях. Трищи палицами биен бых, единой каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубине сотворих. В путных шествиих множицею: беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во лжебратии, беды во граде, беды в пустыни, беды в мори* (2 Кор. XI, 24–26). Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания: каждое из них в отдельности представляет нам море испытаний. Не сказал он об одном путешествии, но *в путных шествиих,* говорит, *множицею;* не (одну) претерпел беду в реках, но многие и различные *беды,* и все (претерпел) с великой твердостью. И после всего этого еще говорит: *в труде и подвизе, во бдениих множицей, во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и наготе, кроме внешних* (ст. 27, 28).

7. Вот открывается перед нами еще другое море испытаний. Словами: *кроме внешних* (или *кроме прочаго*) он дал понять, что им гораздо более опущено, чем сказано. И на этом не остановился, но указывает нам на испытанные им беспокойства от стекавшегося к нему

во множестве народа, говоря так: *нападение, еже по вся дни, и попечение всех церквей* (ст. 28). Вот опять, и этого подвига, хотя бы он был и один, достаточно, чтобы вознести его на самый верх добродетели. *Попечение,* говорит, *всех церквей* — не одной, не двух и трех, но всех, какие только были во вселенной. Сколь обширна земля, которую освещает солнце своими лучами, столь же велико было попечение и заботливость этого блаженного. Вот, какая широта сердца! Вот, какое величие духа! Но то, что следует далее, закрывает, так сказать, собой все сказанное. *Кто изнемогает,* говорит он, *и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (ст. 29). Вот, какая нежная любовь этого мужа! Вот, какова бдительность! Вот, какова заботливость! Какая мать так терзается внутренне о чаде своем, палимом горячкой и лежащем на одре, как этот блаженный немоществовал за немощных, где бы они ни были, и волновался за соблазнявшихся? Смотри, как сильно он выразился. Не сказал: *кто соблазняется и аз* не печалюся; но — *разжизаюся,* говорит, являя нам великую силу скорби, и давая знать о себе, что он как бы воспламеняется и внутренне горит за подвергающихся соблазнам. Знаю, что я очень распространил свое поучение, хотя и имел намерение быть сегодня кратким, дабы вы могли несколько отдохнуть от труда постнического. Но не знаю, как я, коснувшись богатства добродетелей этого святого, увлечен этим как бы сильным потоком вод. Потому, остановив слово здесь, прошу любовь вашу постоянно содержать его в уме и непрестанно помышлять о том, что бывший одной с нами природы, подверженный тем же страстям, занимавшийся простым и неважным ремеслом — сшиванием кож и пребывавший в мастерской, когда захотел и решился предаться подвигам добродетели и сделать себя достойным принятия Святого Духа, получил свыше обильнейшие щедроты. Так и нам, если захотим сделать, что следует с нашей стороны, ничто

не воспрепятствует получить те же щедроты, потому что Господь щедр и *хощет всем человеком спастися, и в разум истины приити* (1 Тим. II, 4). Сделаем же себя достойными, и с пламенным усердием, хотя и поздно, обратимся к добродетели, и, подавив свои страсти, сотворим себя способными к принятию Духа, — чего да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

На следующие за сказанием о творении слова: сия книга бытия небесе и земли, егда бысть, в оньже день сотвори Бог небо и землю (Быт. II, 4)

1. Вот сегодня исполним свое обещание, предложим обычное учение и к прежде сказанному присоединим то, о чем следует теперь говорить. Вы знаете, что раз и другой старались мы и хотели сделать это, но забота о братиях наших увлекала язык наш к увещанию их. То убеждали мы немощных братий, которые, водясь обычаем, удалялись от этого духовного собрания и тем расстраивали нашу радость о святом празднике; им сильно внушали мы и советовали не отлучаться впредь от стада Христова и не блуждать вне этого духовного двора, не соединяться с нами только по имени и названию, на самом же деле следуя иудеям, которые сидят во тьме при светильнике, когда уже воссияло Солнце правды. То приходивших сюда, но еще не просветившихся, увещевали мы последовать духовному призванию и, отряся сон и леность, с пламенным расположением и напряженным усердием сделать себя готовыми к принятию царского дара, и поспешить к Дарующему отпущение грехов и щедро Подающему бесчисленные бла-

га. Так как и о заблуждающихся касательно праздника Пасхи и соблюдением этого, по-видимому, неважного обычая* причиняющих себе великий вред мы позаботились, как следует, приложив к ране их приличное врачевство, и непросвещенным** дали надлежащее наставление, то, устроив необходимое для (врачевания) болезней и исполнив свое дело, следует наконец и всем вам вообще предложить сегодня духовное пиршество. Как в том случае, если бы мы прежде, чем позаботиться о братиях наших, оставив увещание к ним, стали продолжать (изъяснение книги Бытия) по порядку, а этих немощных (братий) презрели, нас справедливо упрекнул бы кто-либо за опущение потребного времени, — так теперь, когда мы ничего зависящего от нас не оставили, а сделали наставление, раздали добро и посеяли семена на духовной этой земле, — теперь следует опять предложить чтение из блаженного Моисея, чтобы нам, получив отсюда назидание, с ним возвратиться домой. Что же было читано, послушаем. *Сия книга,* говорит (Моисей), *бытия небесе и земли, егда бысть, в оньже день сотвори Бог небо и землю, и всяк злак селный, прежде даже быти на земли, и всяку траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Бог на землю, и человек не бяше делати ю: источник же исхождаше из земли и напаяше все лице земли* (Быт. II, 4–5). Обрати и здесь внимание на мудрость этого чудного пророка, а лучше сказать, на учение Святого Духа, рассказав нам о каждой твари в отдельности, изложив дела шести дней, и создание человека, и данную ему власть над всем видимым, теперь он опять представляет все уже в совокупности и говорит: *сия книга бытия небесе и земли, егда бысть.* Здесь стоит рассмотреть,

* Здесь имеются в виду те из антиохийских христиан, которые праздновали Пасху с иудеями и которых святой Златоуст обличал в своих *Беседах против иудеев.*

** То есть *оглашенным,* которые в святую четыредесятницу готовились к *просвещению* таинством крещения.

почему Моисей эту книгу называет книгой *небесе и земли*, когда она содержит много и другого, учит нас о многом другом, о добродетели праведников, о человеколюбии Божием, о снисхождении, какое Господь показал и к первозданному и ко всему роду человеческому, и о многом другом, чего не нужно исчислять в настоящее время. Не удивляйся этому, возлюбленный: таков обычай у Святого Писания — не всегда рассказывать нам обо всем подробно, но, начав с того, что всего важнее по содержанию, прочее предоставлять рассмотрению тех, которые имеют доброе расположение воспринимать возвещаемое. И дабы тебе увериться, что это так, объясню тебе это из того, что теперь прочитано. Показав в предыдущих словах создание всего в отдельности, Божественное Писание уже не упоминает обо всех тварях, но говорит: *сия книга бытия небесе и земли, егда бысть, в оньже день сотвори Бог небо и землю*, и прочее.

2. Видишь, как (Писание) всецело речь обращает к небу и земле, предоставляя нам из этого доразумевать обо всем прочем? Когда оно говорит о небе и земле, то разумеет все в совокупности, что есть на земле и на небе. Поэтому, как при повествовании о тварях оно не говорит обо всех их по порядку, но упомянув о главнейших, затем не повествует нам о каждой в отдельности, так и всю эту книгу, хотя она содержит в себе много другого, называет книгой *бытия небесе и земли*, предоставляя нам из упоминания об них заключать, что в этой книге должно содержаться все видимое, что только есть и на небе, и на земле. В *оньже день*, говорит, *сотвори Бог небо и землю, и всяк злак селный, прежде даже быти на земли, и всяку траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Бог на землю, и человек не бяше делати ю. Источник же исхождаше из земли и напаяше все лице земли.* Великое сокровище заключается в этих немногих словах. Поэтому следует нам, при руководстве благодати Божией, раскрыть эти слова с надлежащей вразумительностью и

сделать вас участниками этого духовного богатства. Дух Святой, предведущий будущее, дабы никто впоследствии не мог спорить и вопреки Божественному Писанию вносить в церковные догматы собственные соображения, и теперь, показав то, в каком порядке сотворены вещи, — что́ произошло прежде, что́ потом, равно и то, что земля произрастила семена свои по слову и велению Господа и стала рождать, не имея нужды ни в содействии солнца (да и могло ли это быть, когда оно еще не было создано?), ни в дождевой влаге, ни в возделывании со стороны человека, который еще не был сотворен, опять напоминает обо всем подробно для того именно, чтобы обуздать невоздержный язык дерзких суесловов. Что же говорит (Писание)? В *оньже день сотвори Господь Бог небо и землю, и всяк злак селный, прежде даже быти на земли, и всяку траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Бог на землю, и человек не бяше делами ю. Источник же исхождаше из земли и напаяше все лице земли* (Быт. II, 4—7). Это значит, что несуществовавшее дотоле получило бытие и небывшее явилось вдруг по слову и велению Его. Трава произрастает* из земли; а когда (Писание) говорит о траве, то разумеет все семена. И о дождях научая нас, Божественное Писание заметило: *не бо одожди Бог на землю,* то есть: дожди еще не падали сверху. После этого наконец оно показывает нам, что (земля) не нуждалась и в возделывании со стороны человека: *человек,* говорит, *не бяше делати землю.* Как бы так вопиет и говорит оно всем последующим (родам): слыша это, знайте, как вначале произведено все, произращаемое землей, и не относите все к заботливости земледельцев, не им приписывайте ее плодородие, но слову и повелению, вначале данному ей ее Создате-

---

* Буквально: «трава, произрастающая из земли». Здесь недостает нескольких слов для полноты смысла; нужно полагать, что в издании допущен пропуск.

лем. А все это для того, чтобы мы знали, что земля, для произращения своих семян, не нуждалась в содействии других стихий, но ей довольно было повеления Создателя. И вот, что особенно дивно и чудно: Тот, Кто теперь словом Своим возбудил землю к произращению столь многочисленных семян и в этом показал Свое могущество, превосходящее ум человеческий, эту самую землю, тяжелую и носящую на своем хребте такой мир, основал на водах, как говорит пророк: *утвердивший землю на водах* (Быт. CXXXV, 6). Какой человеческий ум в состоянии постигнуть это? Когда люди строят дома и хотят положить основание, то сперва копают землю, и если, опустившись в глубину, увидят хотя немного воды, стараются всю ее вычерпать и потом уже полагают основание; но Творец всего создает все не так, как люди, дабы ты и из этого познал неизреченную Его силу и то, что, если Ему благоугодно, то и самые стихии, повинуясь велению Создателя, производят противное их естественному действию.

3. И чтобы слова мои были для вас яснее, побеседуем еще несколько об этом предмете, а потом уже перейдем и к другому. В самом деле, природе воды противно носить на себе столь тяжелое тело; равно и земле неестественно лежать на таком основании. Однако земля лежит на водах. И чему дивиться! Если захочешь рассмотреть каждое из созданий, откроешь в нем беспредельную силу Создателя и то, что всем видимым Он управляет по Своей воле. Это можно видеть и на огне. Он имеет разрушительную силу, все превозмогает и легко истребляет всякое вещество — и камни, и деревья, и тела, и железо; но когда повелел Творец, то не коснулся и нежных и тленных тел, а сохранил отроков невредимыми посреди печи (см.: Дан. III). И не дивись, что огонь не коснулся тел их: неразумная стихия показала такую покорность, что и сказать невозможно; она не повредила и волос их. Огонь окружал их и проникал

внутрь; однако, оказывая послушание и повинуясь велению Господа, сохранил целыми и невредимыми этих чудных отроков, и они в печи чувствовали себя столь же безопасными, как будто ходили по лугу и в саду. И чтобы кто не подумал, что в этом явлении не было действия огня, человеколюбивый Бог не связал его деятельности; оставив при нем его сожигательную силу, Он только рабов Своих избавил от вредного его влияния. Чтобы ввергнувшие (отроков в печь) познали, как велико могущество Бога всяческих, огонь над ними-то и показал свое действие: тот самый огонь, который покрывал собой отроков, сжег и истребил стоявших вне. Видишь, как Господь, когда захочет, каждую стихию заставляет действовать и против своей природы? Он — Творец и Владыка, и все устраивает по Своей воле. Желаете ли видеть то же и по отношению к воде? Как здесь огонь не коснулся вверженных в него и не оказал над ними своего действия, а над стоявшими вне обнаружил свою силу, — так и вода, увидим, одних потопляет, а перед другими отступает так, что они проходят безопасно. Вспомните теперь о фараоне и египтянах, и о народе еврейском: евреи, по повелению Господа, предводимые Моисеем, прошли по Чермному морю как по суху, а египтяне с фараоном, решившиеся идти тем же путем, покрыты были водой и потонули. Так и стихии покорствуют служащим Господу и задерживают внутри себя свою стремительность. Послушаем этого мы, которые губим свое спасение, увлекаясь, по небрежению, раздражительностью, гневом, и другими страстями, и будем подражать такой покорности этих неразумных стихий — мы, одаренные разумом. Если огонь, столь разрушительный, столь сильный, не коснулся тленных и столь нежных тел, то какое получит прощение человек, не желающий обуздать, по заповеди Господней, свою раздражительность и изгнать из себя гнев на ближнего? И что особенно важно: огонь, имеющий

такое свойство, то есть сжигать, не оказал своего действия, а человек, существо кроткое, разумное и тихое, делает противное своей природе и по беспечности уподобляет себя зверям. Потому и Божественное Писание людям, одаренным разумом, за столь возмутительные страсти их, дает имена бессловесных, часто даже и зверей. Так оно называет их – иногда псами, за бесстыдство и наглость: *псы немые, не могущии лаять* (Ис. LVI, 10); иногда конями за похоть: *кони женонеистовни сотвориша-ся, кийждо к жене искреннего ржаше* (Иер. V, 8); иногда ослами за безумие и глупость: *приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (Пс. XLVIII, 13); иногда львами и рысями за хищничество и жадность; иногда аспидами за коварство: *яд*, говорит, *аспидов под устнами их* (Пс. CXXXIX, 4); иногда змеями и ехиднами за ядовитость и злобу, как и блаженный Иоанн вопиял, говоря: *змеи, рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущаго гнева* (Мф. III, 7)? Дает оно людям и другие еще, соответственные страстям их, имена, чтобы, устыдившись хотя этого, обратились когда-либо к свойственному (людям) благородству, примирились со своими братиями, и законы Божии предпочли страстям, которым предались по беспечности.

4. Не знаю, как мы течением слова увлеклись сюда. Возвратимся же, наконец, к предмету, и посмотрим, чему и еще хочет научить нас сегодня этот блаженный пророк. Сказав: *сия книга бытия небесе и земли*, он далее опять повествует нам, с большей обстоятельностью, о создании человека. Выше он сказал кратко: *и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. I, 27); а теперь говорит: *и созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу* (Быт. II, 7). Многозначительны эти слова; много содержат они поразительного и превышающего ум человеческий. *И созда*, сказано, *Бог человека, персть взем от земли*. Как относительно всех видимых тварей я пока-

зал, что Творец всяческих все делает не так, как люди, дабы и в этом открылась Его неизреченная сила, так теперь и в создании человека оказывается то же. Смотри: Он землю основал на водах, чего ум человеческий понять не в состоянии без веры; Он, показали мы, когда захочет, заставляет все существа делать противное их свойствам. То же самое, как показывает нам теперь Божественное Писание, было и при создании человека. *Созда*, говорит оно, *Бог человека, персть взем от земли.* Что говоришь: взяв персть от земли, создал Он человека? Так точно, говорит. И сказано не просто: взял *землю,* но — *персть,* то, что, так сказать, в самой земле всего легче и ничтожнее. Это кажется тебе необычайным и странным? Но если помыслишь, кто — Творец, то уже не будешь не верить событию, а подивишься и преклонишься перед могуществом Создателя. Если же вздумаешь судить об этом по соображениям слабого ума твоего, то, верно, придешь к такой мысли, что из земли никогда не может быть тела (человеческого), но будет или кирпич или черепица, только не такое тело. Видишь ли, что если мы не примем во внимание могущество Создателя и не умерим своих, столь слабых, умозаключений, то не сможем постигнуть высоты сказанного. Слова эти требуют очей веры и сказаны так по великому снисхождению к нашей немощи, потому что и самое выражение: *созда Бог человека и вдуну,* недостойно Бога, но Божественное Писание так повествует об этом ради нас и нашей немощи, снисходя к нам, чтобы мы, удостоившись такого снисхождения, могли взойти на высоту (истинного понятия). *И созда*, говорит, *Бог человека, персть взем от земли.* Отсюда вытекает, если будем внимательны, немаловажный урок смирения. Когда подумаем, из чего первоначально образовано наше тело, то сколько бы мы ни насупливали бровей — должны принизиться, смириться; размышляя о природе своей, мы научаемся скромности. Поэтому-то Бог,

пекущийся о нашем спасении, так и направил язык пророка к нашему вразумлению. Так как Божественное Писание прежде сказало: *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его, и* дал *ему* всю *власть* над видимым, то, чтобы человек, не зная состава своей природы, не возмечтал о себе высоко и не преступил за свои пределы, — оно, начав опять говорить (о создании человека), показывает и способ его образования и начало бытия, — из чего то есть и как создан первый человек. Если и после этого наставления, показавшего (человеку), что он первоначально составлен из той же земли, из которой (произошли) растения и бессловесные животные (хотя образ создания и бестелесное существо души дали ему, по человеколюбию Божию, великое преимущество, потому что вследствие этого он получил разумность и владычество над всем), — так если, узнав это, человек, по обольщению змия, возмечтал о равенстве с Богом, — он, созданный из земли, — то до какого бы не дошли мы безумия, если бы блаженный пророк удовольствовался первым сказанием (о сотворении человека по образу Божию, Быт. I, 27), и в новом повествовании не изложил нам все в подробности?

5. Таким образом, весьма полезным вразумлением служит познание о том, из чего первоначально мы получили состав нашего существа. *И сотвори*, сказано, *Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни.* Такой грубый образ речи употребил (Моисей) потому, что говорил людям, которые не могли слышать его иначе, как это возможно нам; и для того еще, чтобы показать нам, что человеколюбию Божию угодно было — этого, созданного из земли, сделать причастным разумного существа души, через что животное это явилось превосходным и совершенным. *И вдуну*, говорит, *в лице его дыхание жизни.* То есть вдуновение сообщило созданному из земли жизненную силу и так образовалось существо души. Потому (Моисей) и прибавил: *и бысть человек*

в душу живу; созданный из персти, приняв вдуновение, дыхание жизни, *бысть в душу живу*. Что значит: *в душу живу*? В душу действующую, которая имеет члены тела, как орудия своих действий, покорные ее воле. Не знаю, как мы извратили порядок и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти, и ту, которая, как госпожа, должна и председательствовать и повелевать, низведя с престола, принуждаем повиноваться прихотям плоти, забывая ее благородство и преимущество (перед плотью). В самом деле, подумай о порядке создания (человека) и размысли, что такое был он прежде вдуновения Господня, которое стало для него дыханием жизни, — *и бысть в душу живу*? Он был просто истуканом бездушным, бездейственным и ни к чему негодным, так что все столько возвышающее его преимущество состоит в том Божием в него дуновении. И чтобы ты уразумел это не из того, что совершилось тогда, а из того, что и ныне происходит каждый день, подумай, каким некрасивым и неприятным является это тело по исходе из него души. И что говорю: некрасивым и неприятным? Как оно страшно, зловонно и безобразно, между тем как прежде, когда управляла им душа, было светло, приятно, весьма благообразно, проникнуто было разумом и обладало большой способностью к деланию добрых дел. Размышляя обо всем этом и представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, недостойного ее, не будем осквернять ее непристойными делами, порабощая ее плоти и оказываясь столь бесчувственными и несправедливыми в отношении к той, которая имеет такое благородство и удостоена такого преимущества. Через ее существо мы, облеченные плотью, если захотим, можем, при содействии Божией благодати, соревновать бестелесным силам и, находясь на земле, жить и действовать как бы на небе, и достигнуть не меньшего сравнительно с ними, а, может быть, в чем-либо и большего. Как же это? Скажу. Если найдется кто

такой, что, будучи облечен плотью, поступает также, как и вышние силы, то как ему не сподобиться большей милости от Бога за то, что, подлежа и телесным нуждам, сохранил благородство души неповрежденным?

Можно ли, скажет кто-либо, найти такого человека? Конечно, это признается делом невозможным для нас по причине великой скудости в добродетели. Но если хочешь знать, что это не невозможно, подумай о тех, которые от начала и до настоящего времени угождали Господу, — о великом Иоанне, сыне неплодной, обитателе пустыни, о Павле, учителе вселенной, и о всем сонме святых, которые имели общую с нами природу, подлежали таким же телесным нуждам, — и не считай более этого дела невозможным, не будь более нерачителен к добродетели, получив от Господа столько средств, чтобы легко к ней прилепиться. Зная слабость нашей воли и непостоянство, человеколюбивый Господь наш оставил нам важные врачевства в чтении Писаний, чтобы мы, постоянно пользуясь ими и размышляя о жизни чудных тех и великих мужей, располагали себя к подражанию им, чтобы не были беспечны к добродетели, но избегали греха и делали все, чтобы не явиться недостойными неизреченных тех благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

И насади Господь Бог рай во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда (Быт. II, 8)

1. Видя, как ненасытно у вас желание, велико усердие и напряжен ум, как все вы охотно внимательно слушаете духовное поучение, я, хотя и сознаю свою

великую бедность, стараюсь, однако, постоянно и всякий день предлагать вам эту убогую и скудную трапезу, в уверенности, что, воспламеняемые усердием, вы с охотой примете слова (наши), как это бывает и с чувственными снедями, — что всякий знает. Когда гости имеют хороший аппетит, то хотя и убога трапеза и не богат хозяин, они с большим удовольствием кушают предлагаемое; а если гости имеют слабый аппетит, то, хотя трапеза будет и роскошная и обильная разными яствами, пользы нет никакой вследствие того, что (гости) не могут употребить приготовленное. А здесь, так как вы, по благодати Божией, воспламенены усердием к духовной трапезе, мы говорим с большой ревностью, зная, что предлагаем это Божественное учение внимательным слушателям. И земледелец, когда найдет тучную и плодовитую ниву, прилагает к ней все свое старание, — проводит борозды, пашет сохой, вырывает терние, щедро бросает семена и, питаясь уже добрыми надеждами, всякий день ожидает, как возрастет посеянное; следя за производительностью земли, он готовится пожать гораздо более, чем сколько посеял. Подобным образом и мы, видя, как с каждым днем умножается ваше усердие, возрастает желание, ревность усиливается, возлагаем на вас добрые надежды, и сами с большим усердием и ревностью стараемся делать все, что можем, к назиданию вашей любви, во славу Божию, в похвалу святой Церкви. Итак, если угодно, повторим нечто из прежней беседы, а затем по порядку рассмотрим нынешнее чтение. О чем же мы рассуждали в последний раз, как далеко простерли слово, и на чем остановили его, — об этом надобно сказать. *И созда*, говорит (Моисей), *Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу* (Быт. II, 7). Что я тогда сказал, то и теперь повторю и всегда буду говорить, именно то, что любовь общего всех Владыки к роду нашему велика и несказанна. Подлинно, ради

нашего спасения Он сделал великое снисхождение, великой чести удостоил это животное, то есть человека; и словами и делами доказал, что о нем печется более, чем о всем видимом. Ничто не препятствует нам и сегодня рассмотреть перед вашей любовью тот же предмет. Как благовонные вещества, чем более растираются нашими пальцами, тем большее издают благовоние, так бывает и с Писанием: чем больше кто старается вникать в него, тем больше может усматривать заключающееся в нем сокровище и приобретать из него великое и несказанное богатство. *И созда*, сказано, *Бог человека, персть взем от земли.* Усматривай различие из самого уже начала речи. Блаженный Моисей, когда хотел показать нам, каким образом созданы все прочие твари, сказал: *рече Бог: да будет свет, и бысть свет; да будет твердь*; и: *да соберется вода;* и: *да будут светила; да произрастит земля былие травное;* и: *да изведут воды гады душ живых;* и: *да изведет земля душу живу.* Видишь, как все было создано словом? Посмотрим же теперь, что говорит он о создании человека: *и созда Бог человека.* Смотри, как этой приспособительностью в словах, которые употребил ради нашей немощи, показывает и способ создания (человека), и особенность, то есть что он, говоря по-человечески, как бы, образован руками Божиими, о чем и другой пророк говорит: *руце твои сотвористе мя и создасте мя* (Иов. X, 8). Ведь, если бы Бог просто повелел человеку явиться из земли, ужели бы, скажи мне, не исполнилось это повеление? Но, чтобы в самом образе сотворения преподать нам всегдашний урок — не мечтать о себе свыше меры, для этого (Моисей) повествует обо всем с такой тщательностью и говорит: *созда Бог человека, персть взем от земли.*

2. В этом самом усматривай и честь (оказанную человеку). Бог берет не просто землю, но *персть*, тончайшую, так сказать, часть земли, и эту самую *персть от земли* Своим повелением превращает в тело. Как самую

сущность земли произвел Он из небытия, так и теперь, когда восхотел, *персть от земли* превратил в тело. Здесь прилично воскликнуть словами блаженного Давида: *кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его* (Пс. CV, 2), потому что Он из праха произвел такое животное, возвел (его) в такую честь, и столько благодеяний в самом начале уже оказывает ему, во всем являя свое человеколюбие. *И вдуну,* говорит, *в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу.*

Здесь некоторые неразумные, увлекаясь собственными соображениями, ни о чем не мысля богоприлично, не обращая внимания и на приспособительность выражений (Писания), дерзают говорить, что душа произошла из существа Божия. О, неистовство! О, безумие! Сколько путей погибели открыл диавол тем, кто хотят служить ему! И чтобы понять это, посмотри, какими противоположными путями идут эти люди. Одни из них, ухватившись за выражение: *вдуну,* говорят, что души происходят из существа Божия; другие, напротив, утверждают, что они превращаются даже в сущность самых низких бессловесных. Что может быть хуже такого безумия? Так как ум их омрачился и они не познали истинного смысла Писания, то и несутся, как потерявшие духовное око, в противоположные друг другу пропасти, одни возносят душу выше того, чего она заслуживает, а другие низводят ниже надлежащего. Если из-за того, что Писание говорит: *вдуну в лице его,* захотят приписать Богу и уста, в таком случае надобно будет дать Ему и руки, потому что сказано: *сотвори человека.* Но, чтобы нам, желая выставить на вид пустословие их, самим не быть вынужденными говорить неприличное, оставим их безумное и крайне безрассудное учение и последуем указанию Божественного Писания, которое само себя поясняет, если только мы не будем придавать значения грубости выражений, но будем иметь в виду то, что причиной такой грубости слов наша немощь.

А иначе, то есть без такого приспособления слов, человеческому слуху невозможно было бы и принять их. Итак, размышляя и о немощи нашей, и о том, что слова (Писания) относятся к Богу, будем принимать эти последние слова так, как прилично говорить о Боге, не приписывая Божеству телесного вида и совокупности членов, но мысля о всем богоприлично. Божество просто, несложно, не имеет вида (внешнего); поэтому, если мы вознамеримся, судя по себе самим, приписать Богу и совокупность членов, то незаметно впадем в эллинское нечестие. Итак, когда слышишь, что Писание говорит: *сотвори Бог человека*, понимай эти слова в том смысле, как и выражение: *да будет*; также, когда слышишь, что Бог *вдуну в лице его дыхание жизни*, разумей, что Он, как произвел бестелесные силы, так благоволил, чтобы и тело человека, созданное из персти, имело разумную душу, которая могла бы пользоваться телесными членами. Это тело, будучи создано по повелению Господа, лежало, как орудие, которое нуждается в двигателе, или — лучше сказать — как лира, нуждающаяся в том, кто, при помощи своего искусства и ума, умел бы при помощи своих членов, как струн, возносить ко Господу приличную песнь. *Вдуну*, говорит, *в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу*. Что значит: *вдуну дыхание жизни*? То, что Он восхотел и повелел, чтобы это созданное тело имело жизненную силу, которая у этого животного *бысть в душу живу*, то есть действующую и могущую выказывать свое искусство посредством движения членов.

3. Усматривай и в этом различие между созданием этого чудного разумного животного и созданием бессловесных. О них Бог говорит: *да изведут воды гады душ живых* — и тотчас произошли из вод одушевленные животные. И относительно земли опять таким же образом: *да произведет земля душу живу*. С человеком было не так, но прежде созидается тело из персти, а потом дает-

ся ему жизненная сила, которая и составляет существо души. Поэтому и относительно бессловесных сказал Моисей, что *кровь его душа его есть* (Лев. XVII, 11). А в человеке есть бестелесная и бессмертная сущность, имеющая великое преимущество перед телом, и именно такое, какое прилично (иметь) бестелесному перед телом. Но, может быть, скажет кто: для чего же, если душа выше тела, низшее созидается прежде, а потом уже высшее и важнейшее? Не видишь ли, возлюбленный, что и с (прочим) созданием было то же самое? Небо и земля, солнце и луна, и все прочее, а также неразумные животные были уже сотворены, и после всех их – человек, которому надлежало владычествовать над всеми этими тварями. Подобным образом и при сотворении самого человека прежде является тело, а потом уже, что драгоценнее (его) – душа. Как бессловесные, предназначенные и на пользу и на службу ему, создаются прежде человека, чтобы тот, кому надлежало пользоваться ими, имел уже готовую услугу, так и тело создается прежде души, чтобы, когда, по неизреченной мудрости Божией, создана будет душа, можно ей было показать свою деятельность движением тела. *И насади*, говорит, *Бог рай во Едеме на востоцех и* постави *тамо человека, егоже созда.* Показав уже Свое человеколюбие и дав бытие тому, для которого создал все видимое, Господь всего тотчас начинает изливать на него Свои благодеяния. *И насади Бог,* говорит, *рай во Едеме на востоцех.* Смотри и здесь, возлюбленный, что если не станем понимать слова (Писания) богоприлично, то неизбежно низринемся в глубокую пропасть. Что сказали бы и о настоящем изречении те, которые все, что ни говорится о Боге, дерзают понимать по-человечески? *И насади,* говорит, *Бог рай.* Что же, скажи мне, не понадобились ли ему и заступ, и земледелие, и другая работа, чтобы украсить рай? Да не будет. И здесь опять слово: *насади* должно понимать так, что (Бог) повелел быть на земле

раю, чтобы в нем жить созданному человеку. А что точно для него Бог создал рай, об этом послушай, как говорит само Писание: и *насади Бог рай во Едеме на востоцех, и* постави *тамо человека, егоже созда.*

Для этого блаженный Моисей записал и имя этого места, чтобы любящие пустословить не могли обольщать простых слушателей и говорить, что рай был не на земле, а на небе, и бредить подобными мифологиями. Если уже, и при такой тщательности (в словах) Божественного Писания, некоторые из надмевающихся своим красноречием и внешней мудростью не отказались говорить вопреки Писанию, что рай не на земле, и вводя многое другое стали мудрствовать не как написано, но идти другой дорогой, и сказанное о земле относить к небу, то до чего бы они ни дошли, если бы блаженный Моисей, руководимый Святым Духом, не употребил такого снисхождения в словах, хотя Святое Писание, когда хочет научить нас чему-либо такому, само себя изъясняет и не дает слушателю заблуждаться. Но так как многие слушают предлагаемое не для того, чтобы получить пользу от Божественного Писания, но ради удовольствия, то поэтому они устремляются не к тем, которые могут доставить пользу, а к тем, которые могут нравиться. Поэтому молю, заградим слух свой от всех таких (лжеучителей) и последуем правилу Святого Писания. И как услышишь, возлюбленный, что *насади Бог рай во Едеме на востоцех,* то слово: *насади* понимай о Боге богоприлично, то есть что Он повелел; а касательно последующих слов веруй, что рай точно был сотворен и на том самом месте, где назначило Писание. Не верить содержащемуся в Божественном Писании, но вводить другое из своего ума, это, думаю, подвергает великой опасности отваживающихся на такое дело. *И* постави *тамо человека, его же созда.*

4. Смотри, какую честь тотчас же оказывает Бог человеку! Создав вне рая, тотчас его вводит, чтобы самым

делом дать ему почувствовать Свое благодеяние; чтобы на деле видно было, какую ему оказывает Он честь, ввел его в рай: *и постави тамо человека, егоже созда.* И слово: *постави* опять будем разуметь так, как бы сказано было: повелел человеку жить там, чтобы и взгляд (на рай) и пребывание в нем доставляли ему великое удовольствие и возбуждали его к чувству благодарности, при мысли, сколько он облагодетельствован, хотя сам еще не сделал ничего. Пусть не изумляет тебя это слово: *постави,* так как Писание имеет всегда обычай, ради нас и нашей пользы, употреблять человеческие выражения. И чтобы тебе увериться в этом, смотри, как и прежде касательно сотворения звезд оно употребило то же самое выражение: *и положи я на тверди небесней* (Быт. 1, 17), не для того, чтобы мы думали, будто они водружены на небе (ведь каждая из них совершает свое течение, переходя с места на место), но чтобы показать, что Бог повелел им быть на небе, как и человеку жить в раю. *И произрасти,* говорит, *Бог еще от земли всяко древо красное в видение и доброе в снедь: и древо жизни посреде рая и древо, еже ведети разуметельное добраго и лукаваго* (II, 9). Вот еще и другое благодеяние, которым Бог почтил созданного. Восхотев, чтобы человек жил в раю, Бог повелел произрасти из земли разным деревьям, которые могли бы и увеселять его своим видом и быть годными в пищу. *Всяко древо,* говорит, *красное в видение,* то есть на вид, *и доброе в снедь,* то есть могущие и веселить взор, и услаждать вкус, и своим множеством и обилием доставлять великое удовольствие тому, кто будет ими пользоваться. Словом: Бог произрастил *всяко древо,* какое только можешь представить. Видишь, какое беспечальное местопребывание! Видишь, какая чудная жизнь! Человек жил на земле, как ангел какой, — был в теле, но не имел телесных нужд; как царь, украшенный багряницей и диадемой и облеченный в порфиру, свободно наслаждался

он райским жилищем, имея во всем изобилие. *И древо,* говорит, *жизни посреде рая и древо, еже ведети разуметельное добраго и лукаваго.* Показав нам, что земля, по повелению Господа, произвела всякое дерево, и *красное в видение,* и *доброе в снедь,* (Писание) говорит потом: *и древо жизни посреде рая, и древо, еже ведети разуметельное добраго и лукаваго.* Человеколюбивый Господь, как Творец, предвидя, какой вред может с течением времени произойти от большой свободы, произрастил и *древо жизни посреде рая, и древо, еже ведети разуметельное добраго и лукаваго,* от которого (древа), немного спустя, и повелит человеку воздерживаться, дабы знал (человек), что он всем наслаждается по благодати и человеколюбию (Божию), и что есть Господь и Творец как его естества, так и всего видимого. Поэтому-то (Моисей) и упомянул здесь об этом дереве, и повествует нам далее о названиях рек и их, так сказать, разделении, и о том, что от реки, напаявшей рай, отделившиеся другие и образовавшие четыре начала, разграничили таким образом страны земные. Может быть, любящие, говорит, от своей мудрости, и здесь не допускают ни того, что реки – действительно реки, ни того, что, воды – точно воды, но внушают решающимся слушать их, чтобы они (под именем рек и вод) представляли нечто другое. Но мы, прошу, не станем внимать этим людям, заградим для них слух наш, а будем верить Божественному Писанию, и следуя тому, что в нем сказано, будем стараться хранить в душах своих здравые догматы, а вместе с тем и вести правильную жизнь, чтобы и жизнь свидетельствовала о догматах, и догматы сообщали жизни твердость. Как в том случае, если мы, содержа правые догматы, станем жить небрежно, не будет нам пользы, так и тогда, когда, живя хорошо, будем нерадеть о правых догматах, не можем ничего приобрести для своего спасения. Если хотим мы избавиться и геенны, и получить царство, то должны ук-

рашаться тем и другим — и правотой догматов, и строгостью жизни. В самом деле, что пользы, скажи мне, если дерево и поднялось высоко, и покрылось листьями, но плода не приносит? Так и христианину не принесут никакой пользы правые догматы, если он небрежет о своей жизни. Поэтому-то и Христос ублажал таких людей: *блажен сотворивший и научивший* (Мф. V, 19). Учение делами гораздо убедительнее и достовернее, чем учение словами. Таковой и молча, и оставаясь невидимым, может учить, одних тем, что смотрят на него, других тем, что слышат об нем, и великое будет иметь он благоволение от Бога за то, прославляя Господа не только сам по себе, но и через взирающих на него. Таковой тысячью языков и многими устами будет возносить благодарения и песнословия Богу всяческих, потому что не только близкие к нему и свидетели его жизни будут дивиться ему и его Господу, но и не знающие его лично, а только слышавшие об нем от других и живущие весьма далеко, не только друзья, но и враги будут чтить высокую его добродетель. Сила добродетели в том, что она и врагам своим заграждает уста и обуздывает язык. И как слабые глазами не осмеливаются взглянуть на солнечные лучи, так и порок никогда не может воззреть на добродетель, но удалится, предастся бегству и признает себя побежденным. Убедившись в этом, будем следовать добродетели, правильно устроять свою жизнь, и воздерживаться от грехов — как в словах, так и в делах, хотя бы они казались малыми и незначительными. Если будем воздерживаться от малых грехов, то никогда уже не впадем в большие; а с течением времени, при помощи небесной, достигнем и высшей добродетели, избегнем будущего мучения и получим вечные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

И взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости, делати его и хранити (Быт. II, 15)

1. Опять и сегодня, если хотите, обратившись к тому, что следует за сказанным вчера, постараемся извлечь для вас отсюда духовное поучение. И в нынешнем чтении (из книги Бытия) скрывается великая сила: поэтому должны мы углубиться и, тщательно все рассмотрев, извлечь из этого пользу. Если желающие искать в море (дорогих) камней переносят столько трудов и неприятностей, предавая себя стремительности вод, только бы найти искомое, тем более нам следует напрячь внимание и разыскать, что скрывается в глубине слов (Писания), чтобы таким образом найти эти драгоценные камни. Но не устрашись, возлюбленный, слыша о глубине. Здесь не беспорядочное стремление воды, но благодать Духа; она освещает наш ум, помогает нам скорее найти искомое, и облегчает весь этот труд. Приобретение тех камней не много приносит пользы владельцу, часто даже вредит и бывает для него причиной бесчисленных бед; не столько радости он чувствует находя их, сколько неприятностей терпит, найдя, от того, что возбудил против себя глаза завистливых и вооружил жадных корыстолюбцев. Таким образом, нахождение этих камней не только не доставляет нам никакой пользы в жизни, но бывает еще причиной большой вражды. Это — предмет алчного любостяжания, разжигает печь сребролюбия и мучит душу преданных (этой страсти). Ничего подобного нельзя опасаться от духовных драгоценных камней; нет, и богатство, ими доставляемое, неисчислимо, и радость неувядаема и несравненно выше того удовольствия, которое люди получают от тех (вещественных) камней. Послушай, что говорит Давид: *вожделенны словеса твоя паче злата и каме-*

не честна многа (Пс. XVIII, 11). Видишь, как он, выставив на вид вещества, почитаемые самыми драгоценными, не только не удовольствовался таким сравнением, но еще прибавил: *многа*, и этим показал нам превосходство слова Божия; *паче злата*, говорит, *и камене честна многа*. Это не значит, впрочем, что только в такой степени и вожделенны слова Божии; но, так как видел, что этим особенно веществам люди дают самую высокую цену, то их и выставил на вид, чтобы показать превосходство и высочайшую драгоценность слов Духа. А чтобы видеть, что Божественное Писание всегда имеет обычай сравнивать пользу, им доставляемую, с чувственными предметами и таким образом показывать превосходство свое, слушай, что следует далее. *И слаждша паче меда и сота*. И здесь также не то, чтобы (слова Божии) были сладки только в такой степени или могли доставлять только такое удовольствие, но так как Давид в чувственных предметах не находил ничего другого для сравнения с сладостью слов Божиих, то и упомянул именно об этих вещах (меде и соте) и таким образом показал превосходство и высочайшую сладость духовных наставлений. Этим же правилом пользовался и Христос в Евангелии. Когда беседовал с учениками, и они захотели узнать смысл притчи о посеявшем доброе семя на поле, и о враге, посеявшем плевелы между пшеницей, то, изъяснив всю притчу подробно, сказав, кто был посеявший доброе семя, что — поле, что — плевелы, кто посеял их, кто — жнецы и что — жатва, — раскрыв им все это ясно (см.: Мф. XIII, 37—42), Он сказал; *тогда праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца их* (ст. 43). Не то, что праведники будут иметь только такое (как солнце) сияние, — нет, они будут иметь гораздо большее; но Христос сказал так потому, что в видимых предметах невозможно найти лучшего образа. Итак, когда мы услышим что-либо подобное этому, не будем останавливаться на словах, но от чувственных

и видимых вещей станем заключать об особенном превосходстве духовных предметов. А если таким образом здесь можно найти и большую приятность и высшее наслаждение, так как это слова Божественные и духовные и могут доставлять душе великую духовную радость, то будем слушать предлагаемое с великим усердием и пламенным расположением, чтобы, получив здесь истинное богатство и собрав много семян для богоугодного любомудрия, с ними возвратиться нам домой.

2. Послушаем же, что сегодня читалось. Только напрягите свой ум, отриньте рассеянность и житейские заботы, и таким образом внимайте словам (Писания). Это Божественные законы, ниспосланные с неба для нашего спасения. Если при чтении царской грамоты бывает великая тишина и прекращается всякий шум и беспорядок, потому что все стоят с напряженным вниманием и желают услышать то, о чем возвещает царская грамота, а тот, кто хотя немного зашумит и прервет последовательность чтения, подвергается великой опасности, то тем более здесь нужно стоять со страхом и трепетом, наблюдать глубокое молчание и избегать волнения мыслей, чтобы и понимать предлагаемое, и удостоиться за послушание еще больших даров от Царя небесного. Посмотрим же, чему и теперь учит нас блаженный Моисей, который говорит это не сам от себя, но по внушению благодати Духа. *И взя*, говорит он, *Господь Бог человека, его же созда.* Прекрасно он в самом начале поставил эти два имени; сказав: *Господь*, он не замолчал, но прибавил: *Бог*, научая нас этим чему-то тайному и сокровенному, дабы мы знали, что, услышим ли имя *Господь*, или *Бог*, в этих именах нет никакой разницы. Об этом я упомянул теперь не без цели, но для того, чтобы, когда услышишь слова Павла: *един Бог Отец, из негоже вся, и един Господь Иисус Христос, имже вся* (1 Кор. VIII, 6), не подумал ты, будто есть разница в

этих названиях, и будто одно значит больше, а другое меньше. Писание для того и употребляет эти имена безразлично, чтобы любящие состязаться не могли примешивать своих измышлений к правильным догматам. А для удостоверения, что Божественное Писание ни которого из этих имен не употребляет в нарочитом и отдельном значении, обрати внимание на то самое, что говорит оно теперь. *И взя*, говорит, *Господь Бог.* О ком, думает еретик, сказано это? Об одном Отце? Хорошо. Послушай же, что говорит Павел: *един Бог Отец, из негоже вся, и един Господь Иисус Христос, имже вся.* Видишь ли, как имя *Господь* он усвоил Сыну? Да и почему можно говорить, будто наименование *Господь* важнее имени Бог? Видите, какая нелепость, какое страшное богохульство! Кто не хочет следовать правилу Божественного Писания, а дает место собственным умозаключениям, тот возмущает и ум свой, и в здравое учение о православных догматах вносит бесконечные споры и словопрения. *И взя*, говорит, *Господь Бог человека, егоже созда, и* постави *его в раи сладости, делати его и хранити.* Вот как он заботится о созданном человеке! Вчера блаженный Моисей показал нам, что *насади Бог рай и* постави *тамо человека* (Быт. II, 8), то есть благоволил, чтобы человек имел там жилище и наслаждался раем. Сегодня он опять показывает нам неизреченную любовь Божию к человеку, и повторяет то же сказание: *и взя Господь Бог человека, его же созда, и* постави *его в раи сладости* (ст. 15). Не сказал только: *в раи,* но прибавил: *сладости,* чтобы показать нам то высокое наслаждение, которое человек вкушал, живя там. Но сказав: постави *его в раи сладости,* Моисей говорит: *делати его и хранити.* Великую попечительность показывает и это. Так как жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания и приятность от вкушения, то, чтобы человек от чрезмерного покоя не развратился (*множей бо злобе,* сказано,

научила праздность) (Сир. XXXIII, 28), (Бог) повелел ему *делати и хранити* рай. Что же, скажут, рай нуждался в возделывании со стороны человека? Не говорю этого, но Бог хотел, чтобы человек имел, хотя малое и умеренное, попечение о хранении и возделывании его. Если бы он был совершенно свободен от труда, то, пользуясь совершенным покоем, тотчас бы предался беспечности; но теперь, занимаясь трудом безболезненным, чуждым страданий, мог быть целомудреннее. Притом, слово *хранити* употреблено не без причины, но по приспособлении речи, чтобы он, то есть знал о себе ясно, что подчинен Владыке, Который дал ему такое наслаждение, но, вместе с наслаждением, поручил и хранение рая. Бог все предпринимает и делает для нашей пользы, но, вместе с тем, дает нам и наслаждение и покой. Если Он, по безмерному человеколюбию Своему, уготовал неизреченные те блага еще прежде создания нас, как Сам говорит: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие прежде сложения мира* (Мф. XXV, 34), то тем более подаст в изобилии все здешние блага.

3. Итак, сообщив созданному (человеку) столько благодеяний, и во-первых, изведя его из небытия в бытие, и благоволив образовать тело его из персти, а потом, через вдуновение, даровав ему и важнейшее — бестелесную душу, затем повелев быть раю и поселив его там, после этого Господь Бог, подобно нежно любящему отцу, который для юного сына своего, пользующегося полным довольством и покоем, придумывает какую-нибудь легкую и умеренную заботу, чтобы он не испортился, повелел Адаму возделывать и хранить рай, чтобы в этих двух занятиях, при таком большом довольстве, безопасности и покое, он имел некоторую преграду, сдерживающую слишком большие его порывы. Таковы блага, которые уже были даны первозданному, а присоединенные к ним впоследствии другие

показывают опять великую и необычайную любовь и снисхождение, которые (Бог) явил ему по Своей благости. Что говорит Писание? *И заповеда Господь Бог Адаму* (Быт. II, 16).

Вот опять и здесь (Писание) поступило по своему обычаю, чтобы от частого повторения слов мы приобрели точное познание и не соглашались с теми, которые дерзают полагать различие между этими наименованиями (Господь и Бог), и одно приписывать Отцу, а другое Сыну. Так как у обоих их (у Отца и Сына) одно существо, то Божественное Писание усвояет одно и то же наименование безразлично – иногда Отцу, иногда Сыну. *И заповеда,* сказано, *Господь Бог Адаму, глаголя.* Здесь надобно изумляться необычайному человеколюбию Божию, которое открывается нам в этом кратком речении: *и заповеда,* сказано. Смотри, какую честь Бог оказал человеку в самом начале. Не сказано: приказал, или повелел, но что? – *заповеда.* Как друг беседует с другом, заповедуя о чем-либо необходимом, так и Бог обращается с Адамом, как бы желая такой честью расположить его к исполнению заповедуемого им. *И заповеда Господь Бог Адаму, глаголя: от всякаго древа, еже в раи, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а в оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. II, 16, 17). Заповедь очень нетрудная, но беспечность – вот тяжкое зло, возлюбленный! Как она делает легкое для нас трудным, так старание и внимание делает легким для нас и трудное. Что, скажи мне, легче этой заповеди? Что выше этой чести? (Бог) дозволил Адаму жить в раю, наслаждаться красотой видимого, увеселять этим зрение, и от вкушения (плодов) получать великое удовольствие. Подумай, какое наслаждение было видеть деревья, отягченные плодами, разнообразные цветы, травы, листья, и все прочее, что только может быть в раю, и притом в раю, насажденном от Бога. Поэтому выше Божественное Писание

говорит: *прозябе Бог еще от земли всякое древо красное в видение, и доброе в снедь* (Быт. II, 9), чтобы знали мы, каким обилием пользуясь, человек, по великому своему невоздержанию и беспечности, высокомерно отнесся к данной ему заповеди. Представь себе, возлюбленный, какой высокой чести Бог удостоил его: даровал ему особенную, для него предназначенную трапезу в раю, чтобы он не думал, будто пища у него одинаковая с бессловесными, но живя в раю, как царь, наслаждался бы его удовольствиями, и, как владыка, был отличен от подвластных ему и вел особую жизнь. *И заповеда*, говорит, *Господь Бог Адаму, глаголя: от всякаго древа, еже в раи снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а в оньже аще день снесте от него, смертию умрете.* Как бы так Бог говорил Адаму: «Я не требую от тебя чего-либо трудного и тяжкого: позволяю пользоваться всеми деревьями, и заповедаю не касаться только одного этого; но и наказание определяю большое, чтобы ты, хотя вразумляемый страхом, соблюл данную мной тебе заповедь». Как какой-нибудь щедрый хозяин вверяет кому-либо свой огромный дом и, чтобы владение этим домом оставить вполне за собой, назначает с того человека малое количество денег, так и человеколюбивый Господь наш, позволив Адаму пользоваться всем в раю, повелел воздерживаться только от одного, чтобы знал он, что находится под Господом, Которому должен повиноваться и исполнять Его повеления.

4. Кто может достойно надивиться щедродательности общего всех Владыки? Еще человек ничего не сделал, а Он каких благодеяний удостаивает его! Не половиной (райских деревьев) позволил ему наслаждаться, не повелел воздерживаться от большей части их и пользоваться только остальными; позволив ему пользоваться всеми деревьями, какие есть в раю, повелел воздерживаться от одного, показывая самим делом, что сделал это не для чего-либо другого, как только для

того, чтобы человек знал виновника столь великих благодеяний. Вместе со всем прочим усматривай здесь благость Божию и в том, какую честь Он оказал и жене, которая имела быть создана из Адама. Когда она еще не была сотворена, Бог дает заповедь как бы двоим: *не снесте от него, а в онъже аще день снесте, смертию умрете;* таким образом заранее и сначала уже показывает, что муж и жена составляют одно, как и Павел говорит: *глава жене муж* (Еф. V, 23). Поэтому говорит как бы к двоим для того, чтобы, создав потом из него жену, дать ему побуждение сообщить и ей данную Им заповедь. Знаю при этом, что вопрос о (запрещенном) дереве занимает очень многих; многие из безрассудных говорунов осмеливаются слагать вину с человека на Бога, и говорят: для чего (Бог) дал ему такую заповедь, когда знал, что он нарушит ее? Или: для чего повелел этому дереву быть в раю? — и многое другое. Но чтобы нам не входить в объяснение этого теперь — прежде времени преступления (заповеди о дереве), — надобно подождать повествования о том блаженного Моисея; достигнув до этого места, мы благовременно скажем об этом, что подаст благодать Божия, и изъясним вашей любви истинный смысл Писания, чтобы вы, правильно уразумев написанное, и Господу воздали подобающее славословие, и, оставив согрешившего (человека), не слагали вины на невиновного Бога. Теперь же пока рассмотрим, если угодно, дальнейшие слова нынешнего чтения. *И рече Господь Бог: не добро быти человеку единому* (ст. 18). Вот опять Моисей сказал так же, как и прежде: *Господь Бог,* чтобы мы, вкоренив эти слова в своем уме, не ставили человеческих соображений выше Божественного Писания. *И рече,* говорит, *Господь Бог: не добро человеку быти единому.* Смотри, как благой Бог не останавливается, но прилагает благодеяния к благодеяниям, и, богатый благостью, хочет облечь это разумное существо всякой честью, а вместе с честью даровать ему и удобство

жизни. *Рече*, сказано, *Господь Бог: не добро быти человеку единому: сотворим ему помощника по нему.*

Вот опять и здесь слово: *сотворим.* Как вначале, при создании человека, Бог говорил: *сотворим человека по образу нашему и по подобию*, так и теперь, намереваясь создать жену, употребляет то же слово, и говорит: *сотворим.* Кому говорит? Не какой-либо сотворенной силе, но рожденному от Него, чудному Советнику, Властителю, Начальнику мира, Единородному Своему Сыну. Чтобы Адам знал, что созидаемое существо будет равно ему по достоинству, для этого Бог, как об нем самом сказал: *сотворим*, так и теперь говорит: *сотворим ему помощника по нему.* Два эти выражения: *помощника* и: *по нему*, многозначительны. Не хочу, говорит, чтобы он был один, но — чтобы имел некоторое утешение от сообщества, и не это только, но нужно создать для него соответствующего ему помощника, то есть жену. Вот для чего Бог, сказав: *сотворим ему помощника*, прибавил еще: *по нему*, чтобы ты, когда увидишь сейчас, как приводятся (к Адаму) все звери и птицы небесные, не подумал, что об них сказаны эти слова. Хотя многие из бессловесных помогают человеку в трудах его, однако ни одно из них не равняется разумной жене. Поэтому после слов: *помощника по нему*, прибавил: *и созда Бог еще от земли вся звери селные, и вся птицы небесные, и приведе я ко Адаму, видети, что наречет я: и всяко, еже нарече Адам душу живу, сие имя ему* (ст. 19). Это делается не просто и не напрасно, но ввиду имеющих вскоре последовать событий, предвидя которые Бог показывает нам, сколь великой мудростью Он одарил созданного Им, чтобы, когда совершится преступление данной от Бога заповеди, не подумал ты, будто человек преступил ее по неведению, но знал бы, что падение есть (следствие) беспечности.

5. Что он одарен был великой мудростью, можешь удостовериться из того, что было теперь. И *приведе я*, сказано, *ко Адаму, видети, что наречет я.* Это делает Бог,

чтобы показать нам великую мудрость Адама. И опять: *еже нарече Адам, сие имя ему.*

Впрочем, это делается не для того только, чтобы мы видели мудрость его, но и для того еще, чтобы в наречении имен виден был знак владычества. И у людей есть обычай полагать знак своей власти в том, что они, купив себе рабов, переменяют им имена. Так и Бог заставляет Адама, как владыку, дать имена всем бессловесным. Не пропускай же, возлюбленный, слов этих без внимания, но подумай о том, какая нужна была мудрость, чтобы дать имена стольким породам птиц, гадов, зверей, скотов и прочих бессловесных, ручных, диких, живущих в водах, происшедших из земли, — всем им дать имена, и притом имена собственные и соответствующие каждой породе. *Всяко*, сказано, *еже нарече Адам, сие имя ему*. Видишь полноту власти? Видишь силу господства? Подумай между прочим и о том, что и львы, и леопарды, ехидны, и скорпионы, и змеи, и все другие, еще более свирепые, животные, пришли к Адаму, как к господину, со всей покорностью, чтобы получить от него имена, и Адам ни одного из этих зверей не устрашился. Итак, никто не поноси сотворенного Господом, не изощряй языка на Создателя, или — лучше сказать — на свою голову, и не говори этих безумных слов: «для чего созданы звери?» Наречение имен ясно показывает нам, что и звери, подобно домашним животным, признавали и свое рабство и господство человека. Имена те, которые нарек им Адам, остаются доселе: Бог так утвердил их для того, чтобы мы и помнили постоянно о чести, которую человек получил от Господа всяческих, приняв под свой власть животных, и причину отнятия (этой чести) приписывали самому человеку, который через грех утратил власть свою. И *нарече Адам имена всем скотом, и всем птицам небесным, и всем зверем земным* (Еф. V, 20). Отсюда уже усматривай, возлюбленный, свободу воли и превосходство разума его, и не

говори, будто он не знал, что хорошо и что худо. Кто был в состоянии дать соответствующие имена скотам, и птицам, и зверям, не нарушил при этом порядка, и не дал диким животным имен, приличных кротким, а свойственных диким не назначил кротким, но всем дал соответственные названия, тот не исполнен ли был мудрости и разума? Заключай же отсюда, как велика сила того вдохновения, и как велика мудрость, которой Господь одарил бестелесную душу, составив из двух сущностей столь чудное и разумное животное и бестелесную сущность души, как прекрасного художника, соединив с телом, как орудием. Поэтому, когда подумаешь о столь великой мудрости этого животного, изумляйся могуществу Создателя. Если взгляд на красоту неба возбуждает благомыслящего созерцателя к славословию Творца, то тем более разумное это животное, человек, размышляя о своем устройстве, о высокой чести, данной ему, о великих дарах и несказанных благодеяниях, может постоянно восхвалять Виновника и возносить посильное славословию Господу.

Хотел я рассмотреть и дальнейшее, но, чтобы множеством изложенного не обременить вашей памяти, надобно прекратить здесь слово. У нас не та цель, чтобы только сказать много; мы говорим для того, чтобы вы, постоянно сохраняя это в своем уме, не только сами знали содержащееся в Божественном Писании, но и для других были учителями, могущими вразумлять их. Поэтому каждый из вас, по выходе отсюда, вместе с ближним возобновляй в памяти то, что здесь сказано, и сообщая другому свое, принимай и от него, что тот припомнит. И таким образом собирая все и сохраняя в свежей памяти, уходите домой и там, каждый сам по себе, опять продумывайте эти Божественные уроки, чтобы, им посвящая все заботы и ими занимая свой ум, вы легко могли и победить возмущающие вас страсти, и избегнуть козней диавола. Ведь когда злой тот демон

видит, что душа заботится о предметах Божественных, и об них только непрестанно помышляет, ими занимается, то он не смеет и приблизиться, но тотчас удаляется, гонимый силой Духа, будто огнем каким. Итак, чтобы нам и себе доставить возможно более пользы, и победить этого врага, и получить большую милость от Бога, будем занимать ум свой этими предметами. Тогда благоуспешны будут все дела наши — трудное сделается легким, кажущееся прискорбным будет иметь счастливый конец, и ничто здешнее не в состоянии будет печалить нас. Если мы будем заботиться о Божественном, то Сам (Бог) позаботится о нашем, и мы переплывем море настоящей жизни с совершенной безопасностью и, путеводимые великим Кормчим — Богом всяческих, войдем в пристань Его человеколюбия. Ему слава и держава, ныне и присно, и в бесконечные веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Адаму же не обретеся помощник, подобный ему. И наложи Бог исступление на Адама, и успе: ж взя едино от ребр его, и исполни плотню вместо его. И созда Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену (Быт. II, 20—22)

1. Много благодарен вам, что вы вчера приняли наше увещание с большой готовностью, и не только не тяготились продолжительностью слова, но были до конца так внимательны, что сохранили живое расположение слушать; этим вы подаете нам добрые надежды на то, что исполните наш совет самым делом. Кто слушает с таким удовольствием, тот, очевидно, расположен и к исполнению (выслушанного) на деле. С другой стороны, и нынешнее стечение ваше служит доказательством вашего душевного здоровья. Как позыв к пище есть знак телесного здоровья, так любовь к слову

Божию служит наилучшим свидетельством благосостояния душевного. Так как плод вашего усердия проявляется в исполнении вами слышанного, то вот и мы отдадим вашей любви награду, которую обещали вчера. Наградой называю это духовное учение, которое и у меня, дающего, может увеличить достояние, и вас, приемлющих, сделать богатыми. Таково все духовное; а в чувственных вещах этого не бывает. Там дающий уменьшает свое имущество, а получающего делает более богатым; здесь же не так – напротив, и дающий, этим самым, еще более увеличивает собственное богатство, и у приемлющих умножается достояние. Итак, поелику и мы готовы сообщить, и у вас недра ума приготовлены принять это духовное богатство, то и исполним свое обещание и, принявшись за дальнейшее объяснение того, что было читано из блаженного Моисея, через это отдадим вам награду. Нужно объяснить то, что прочтено сегодня, чтобы таким образом, с точностью раскрыв заключающееся в речениях богатство мыслей, сообщить его вашей любви. Вы слышали недавно слова Божественного Писания: *Адаму же не обретеся помощник, подобный ему*. Что значит это краткое речение: *Адаму же*? Зачем прибавлен союз (же)? Не довольно ли было сказать: *Адаму*? Исследовать это хотим мы не просто по излишней пытливости, но чтобы, тщательно истолковывая вам все, научить вас не пропускать в Божественном Писании, без внимания и краткого речения, ни даже одного слога. Ведь это не простые слова, но слова Духа Святого; потому можно найти великое сокровище и в одном слоге. Внимайте же, прошу, усердно: никто (не будь) ленив, никто – сонлив, все имейте бодрый ум; никто пусть не блуждает мыслью на стороне и, стоя здесь, пусть не развлекается житейскими попечениями. Напротив, помышляя о достоинстве этого духовного собрания и о том, что мы слышим (здесь) Бога, говорящего к нам устами пророков, сообразно с этим пусть

всякий отверзает слух и напрягает ум свой, чтобы ни одно из бросаемых нами семян не пало на камень, или при пути, или в терния, но чтобы все семя, упав на добрую землю, то есть на широту великого ума, могло принести вам обильный плод и умножилось сеемое нами. Посмотрим же, что значит прибавление союза. *Адаму же*, говорит, *не обретеся помощник, подобный ему.* Заметь точность Божественного Писания. Сказав: *Адаму же не обретеся помощник*, оно не остановилось на этом, но прибавило: *подобный ему*, объясняя нам этим прибавлением причину, по которой оно употребило союз. Думаю, что более быстрые в соображениях сами уже предвидят, что будет нами сказано. Но так как мы, предлагая поучение всем вообще, должны стараться, чтобы слова наши были ясны для всех, то вот и покажем вам, почему (Писание) так (*же*) сказало; только потерпите немного. Прежде, как помните, в Божественном Писании сказано: *сотворим помощника по нему*, вслед за тем сообщено нам о сотворении зверей, и пресмыкающихся, и всех бессловесных: *и созда*, сказано, *Бог от земли вся звери, и вся птицы небесные, и приведе я ко Адаму, видети, что наречет я*; и (Адам), как господин, *всем нарече имена* (Быт. II, 18, 20), каждой породе зверей и птиц и всем бессловесным назначил, по дарованной ему мудрости, свойственное наименование. А чтобы мы видели, что все эти твари, хотя и исполняют некоторую службу и содействуют человеку в трудах, однако неразумные твари и весьма далеко отстоят от человека, чтобы мы не думали, будто о них сказал (Бог): *сотворим ему помощника.* Ведь если они и помогают человеку и службой своей доставляют ему много пользы, все же неразумны. Что они помогают (ему), это показывает самый опыт: одни из них пригодны к перенесению тяжестей, другие — к обработке земли; вол влачит плуг, прорезывает борозды и много других услуг оказывает нам при земледелии; осел также много помогает при перенесении тяжестей;

да и многие другие из бессловесных служат и нам к удовлетворению телесных наших нужд: овцы служат нам своей шерстью для устройства одежды; козы — и волосом и молоком, и другим, что пригодно в пищу нам. Итак, чтобы не к этим животным относили мы сказанное выше: *сотворим ему помощника,* для этого блаженный Моисей, начиная теперь слово, говорит: *Адаму же не обретеся помощник подобный ему.* Как бы так он учит нас и говорит: все эти (животные) созданы (Богом для человека) и получили себе названия от Адама, однако ни одно из них не оказалось достойным быть ему помощником. Потому и хочет (Моисей) внушить нам, что имеет быть создано новое животное и что это готовое явиться животное и есть то самое, о котором сказано: *сотворим ему помощника по нему*, подобного, то есть, ему, одной с ним природы, достойного его, ничем не ниже его. Поэтому этот блаженный и сказал: *Адаму же не обретеся помощник, подобный ему*, показывая нам, что, сколько бы бессловесные ни были нам полезны своими услугами, но помощь, оказываемая Адаму женой, другого рода и гораздо превосходнее.

2. Итак, когда все животные были уже сотворены и получили имена от первозданного, человеколюбивый Господь, устрояя все для созданного Им, искал подобного ему помощника; создав для него всю эту видимую тварь, сверх всего прочего творит и жену. И смотри, с какой точностью (Писание) учит нас о создании этого творения. Так как оно сообщило уже нам, что (Бог) хочет создать Адаму помощника, подобного ему, и выше сказано: *сотворим ему помощника по нему*, и здесь говорит: *не обретеся помощник подобный ему,* то поэтому создание жены совершается из существа Адама, как сказано: *и наложи Бог изступление на Адама, и успе: и взя едино от ребр его, и исполни плотию вместо его. И созда Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену, и приведе ю ко Адаму* (Быт. II, 21—22). Велика сила этих слов; она превосхо-

дит всякий разум человеческий: не иначе можно понять величие их, как только рассмотрев их очами веры. *И наложи,* сказано, *Бог изступление на Адама, и успе.* Обрати внимание на точность учения. Оба эти обстоятельства (исступление и сон) указал блаженный пророк, или – лучше – Дух Святой его устами, раскрывая нам сообразность события. *Наложи,* сказано, *изступление на Адама, и успе.* Это было не простое исступление и не обыкновенный сон; но так как премудрый и благоискусный Создатель нашей природы хотел взять у Адама одно из ребр его, то чтобы он не почувствовал боли и затем враждебного расположения к созидаемой из его ребра, чтобы, помня боль, не возненавидел создаваемое животное, для этого (Бог), погрузив (Адама) в исступление и как бы повелев ему быть объятым некоторого рода оцепенением, навел на него такой сон, что он совсем не чувствовал, что происходило (с ним). Как совершеннейший Художник, взял, что считал нужным, и восполнил то, чего недоставало, и взятое устроил по Своему человеколюбию. *Наложи,* сказано, *изступление на Адама, и успе: и взя едино от ребр его, и исполни плотию вместо его,* – это для того, чтобы Адам, по прекращении сна, не мог знать о случившемся по недостатку (ребра). Ведь если он не узнал о том во время отнятия (ребра), так мог узнать после. Итак, чтобы и самое отнятие ребра не причинило ему боли, и потом недостаток его не возбудил (в нем) скорби, Бог то и другое устроил так: и (ребро) взял безболезненно, и оказавшийся затем недостаток восполнил, и через это не дал Адаму узнать, что с ним было. Итак, взяв ребро, Господь Бог, сказано, *созда в жену.* Чудное дело, безмерно превышающее наш ум! Таковы и все дела Господни. В самом деле, (создание жены из ребра Адамова) не меньше создания человека из персти. При этом обрати внимание и на снисхождение Божественного Писания – какие слова употребляет оно ради нашей немощи. *И взя,* сказано, *едино от ребр его.*

Не разумей слова эти по-человечески, но знай, что употреблены грубые речения приспособительно к немощи человеческой. Ведь если бы (Писание) не употребило этих слов, то как бы могли мы узнать неизглаголанные тайны? Не будем же останавливаться только на словах, но станем понимать все благоприлично, как относящееся к Богу. Это выражение: *взя*, и все ему подобные употреблены ради нашей немощи. Смотри еще, как и здесь (Писание) употребило то же выражение, что и говоря об Адаме. Как там оно и раз, и два, и многократно говорило: *и взя Господь Бог человека, егоже созда*, и еще: *и заповеда Господь Бог Адаму*, и опять: *и рече Господь Бог; сотворим ему помощника по нему*, — так и теперь говорит: *и созда Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену*, и выше: *и наложи Господь Бог изступление на Адама*; это для того, чтобы ты знал, что в употреблении этих слов (Бог и Господь) Писание не делает никакого различия между Отцом и Сыном, но так как оба Они имеют одну сущность, то и употребляет оно имена безразлично. Так вот, и повествуя о создании жены, оно поступает так же, и говорит: *созда Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену*. Что скажут здесь еретики, которые хотят все подвергать исследованию и думают, что они постигли рождение Содетеля всяческих (предвечное рождение Бога Слова, *Имже вся быша*). Какое слово может выразить это? Какой ум — постигнуть? Одно ребро, сказано, взял (Бог): как же из этого одного ребра (Он) образовал целое животное? И что говорю: как из этого одного ребра Бог образовал животное? Скажи мне, как совершилось отнятие (ребра)? Как (Адам) не чувствовал этого отнятия? Но ты ничего такого не можешь сказать: знает (это) один Тот, Кто совершил создание. Если мы не понимаем и того, что у нас под руками, — образования однородного нам животного, то как же бессмысленно и безумно исследовать то, что касается Творца, и говорить, будто мы понимаем то, о

чем не имеют точного понятия и высшие, бестелесные силы и что они только постоянно прославляют со страхом и трепетом?

3. *И созда*, сказано, *Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену*. Обрати внимание на точность Писания. Оно не сказало: *сотвори*, но: *созда* (устроил). Поелику Бог взял часть от сотворенного уже и, так сказать, дал только, чего недоставало, — поэтому и говорит Писание: *и созда* — не другое творение произвел, но, взяв уже от готового творения некоторую малую часть, из этой части построил целое животное. Какова сила высочайшего Художника Бога, чтобы из этой малой части (ребра) произвести состав стольких членов, устроить столько органов чувств и образовать целое, совершенное и полное существо, которое могло бы и беседовать и, по единству природы, доставлять мужу великое утешение! Ведь для его утешения создано это существо. Потому и Павел сказал: *не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. XI, 9). Видишь, как все создано для него? Уже создана была (вся) тварь, уже явились бессловесные, годные в пищу и способные служить человеку; но первозданный не имел, с кем бы ему беседовать и кто бы, по единству природы, мог доставлять ему великое утешение. Поэтому (Бог) создает из ребра его это разумное животное и, по великой Своей премудрости, делает его совершенным, во всем подобным мужу, то есть разумным, способным оказывать ему помощь в необходимых потребностях и обстоятельствах жизни. Так все Бог устроил мудро и искусно. Если же мы, по немощи разума, не в состоянии понимать, как созданы вещи, то веруем однако, что все повинуется воле Творца и что повелит Он, то и совершается. *И созда*, сказано, *Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену, и приведе ю ко Адаму*, показывая, что для него произвел ее: *приведе ю, говорит, ко Адаму*. То есть, так как между всеми бессловесными не нашлось подобного тебе помощника, то

вот, что обещал Я (а Я обещал создать помощника, подобного тебе), то и исполнил, и вручаю тебе: *приведе ю ко Адаму. И рече Адам: се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моея* (1 Кор. XI, 23).

Смотри здесь, возлюбленный, как (Адам) вместе с несказанной, данной ему от Бога, мудростью, которую он показал нам в наречении имен стольким породам бессловесных животных, удостоился еще и дара пророческого. Для того блаженный пророк (Моисей) и показал нам выше, что, вместе со сном, объяло Адама и исступление, так что он совсем не чувствовал происходившего с ним, — чтобы, узнав теперь, что Адам, при взгляде на жену, точно объясняет происшедшее, ты совершенно убедился, что он говорит это по дару пророчества, руководимый наставлением Святого Духа. Ведь он ничего не знал о происшедшем, и однако, когда (Бог) привел к нему жену, сказал: *се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моея.* А другой переводчик вместо: *ныне* говорит: *се единожды*, давая разуметь, что это было только теперь, а после не таково уже будет происхождение жены. Ныне, говорит, от мужа произошла жена, а после не так, а от жены (будет происходить) муж, или — лучше — не от жены, а от соучастия обоих их, как и Павел говорит: *несть муж от жены, но жена от мужа: ибо не создан бысть муж жены, ради, но жена мужа ради* (1 Кор. XI, 8, 9). Так, скажешь; но эти слова показывают, что жена произошла от мужа. Потерпи, и из последующего увидишь истинное учение. Апостол говорит: *обаче ни муж без жены, ни жена без мужа* (ст. 11), научая нас, что после (создания первой жены) рождение мужа и жены бывает от соучастия того и другой. Потому-то и Адам сказал: *се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моея.*

4. Затем, чтобы увериться тебе в точности Адамова пророчества, — в том, что сказанное им сбывается доселе и (будет сбываться) до самого конца (мира), послу-

шай, что следует еще далее. *Сия*, говорит, *наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия: сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (1 Кор. XI, 23, 24). Видишь, как (Адам) открыл нам все, с точностью объяснив своим пророческим духом каждое (обстоятельство). *Сия*, говорит, *наречется жена, яко от мужа своего взята бысть:* здесь он намекает на взятие ребра. Потом, раскрывая будущее, говорит: *сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину.* Откуда, скажи мне, пришло ему на ум сказать это? Откуда узнал он будущее, и — то, что род человеческий размножится? Откуда известно ему стало, что будет совокупление между мужем и женой? Ведь оно произошло после падения; а до того люди жили в раю, как ангелы, не разжигались похотью, не распалялись и другими страстями, не обременялись нуждами телесными, но, будучи созданы вполне нетленными и бессмертными, не нуждались даже в прикрытии одеждой: *беста бо*, сказано, *оба нага, и не стыдястася* (1 Кор. 25). Доколе не превзошел грех и преслушание, они были облечены вышней славой, потому и не стыдились; после же нарушения заповеди превзошел и стыд, и сознание наготы. Так откуда же, скажи мне, пришло ему на мысль говорить это? Не явно ли, что он, будучи прежде преслушания причастен пророческой благодати, видел все это духовными очами? Изъясняюсь теперь об этом не без цели, но для того, чтобы вы и отсюда могли познать преизбыточествующую любовь, которую явил Бог человеку, даровав ему в самом начале жизнь ангельскую и излив на него бесчисленные благодеяния, а сверх всего другого, удостоив его и дара пророческого; и чтобы вы, увидя беспечность человека после стольких благодеяний, не слагали уже вины на Бога, но во всем винили бы самого человека. Он сам для себя был причиной всех зол, как вы после и узнаете, то есть и лишения столь

многих благ, и того осуждения, которому подвергся за преслушание. Когда подумаю о том устроении жизни, какое даровал Адаму Господь, оказав ему столь великие благодеяния, и во-первых, то, что прежде его создания создал для него весь тварный мир, и потом уже сотворил его, так, чтобы он, явившись, мог пользоваться всем видимым, потом — то, что, повелев быть раю, там благоволил поселить человека, отдельно от бессловесных животных и, дав ему власть над всеми (ими), повелел ему, как господину какому, дать всем им, как рабам и подвластным, имена, далее — то, что, так как он, будучи одинок, нуждался в помощнике, который бы имел одну с ним природу, (Бог) не отказал и в этом, но создав, как Ему было угодно, жену, вручил ее ему, а сверх всего этого даровал ему и достоинство пророческое, и после несказанных этих благодеяний дал и самое главное — освободил его от всех забот о теле, не допустил его нуждаться ни в одежде и ни в чем другом нужном, но, как было сказано, благоволил, чтобы он жил на земле, как земной ангел, — когда подумаю обо всем этом, то изумляюсь и любви Господа к нашему роду, и беспечности человека, и злобе диавола: злому демону невыносимо было видеть ангельскую жизнь в плоти человеческой.

5. Но чтобы нам не слишком продолжить слово, оставим, если угодно, речь о последствиях навета лукавого демона до следующего дня и прекратим здесь поучение, попросив любовь вашу тщательно запомнить сказанное и самим обдумать все, чтобы укоренилось в умах ваших. Если мы постоянно будем помнить о благодеяниях Божиих, какие он излил на природу нашу, то и сами будем благодарны и это послужит для нас сильнейшим побуждением (идти) по пути добродетели. Кто памятует о благодеяниях Божиих, тот, без сомнения, постарается не оказаться недостойным (их), но покажет такую ревность и такую признательность, что бу-

дет достоин еще и других. Господь наш щедр, и как видит, что мы благодарны за оказанные уже нам благодеяния Его, умножает милость Свою и удостаивает нас еще больших даров, только бы мы, заботясь о своем спасении, не проводили время безрассудно, и думали не о том, прошла ли уже половина святой четыредесятницы, но о том, сделано ли нами в это время что-нибудь доброе, исправились ли мы хоть от одной из обуревающих нас страстей. Если мы, и каждый день слушая духовные наставления, будем оставаться такими же, не будем преуспевать в добродетели и исторгать из своей души различные пороки, то это не только не послужит нам в пользу, но и еще к большему вреду, потому что кто, и при таком попечении о нем, не приносит никакого плода, тот собирает себе больше огня геенского. Поэтому, прошу, воспользуемся хотя остальным временем поста, как должно, и каждую неделю, или даже и каждый день, будем осматривать себя и исторгать из своей души пороки, а сокровище добродетелей приумножать, уклонимся, как увещевает пророк, *от зла, и сотворим благо* (Пс. XXXIII, 15): это и есть истинный пост. Гневливый пусть исторгнет из души благочестивым размышлением обладающую (им) страсть и да возлюбит кротость и смирение. Беспечный и необузданный, с пристрастием взирающий на красоту телесную, обуздав свой помысл и напечатлев в недре души своей закон Христов, который говорит: *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. V, 28), пусть убегает страсти невоздержания и упражняется в целомудрии.

Невоздержный языком и без рассуждения говорящий обо всем, что ни случится, пусть подражает блаженному пророку и говорит *положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих* (Пс. CXL, 3); — пусть никогда не произносит слов без размышления и как случилось, но внимает Павлу, который говорит:

всякий крик, *и гнев,* и злословие, и сквернословие, и хуление *да возмется от вас, со всякой злобой* (Еф. 4, 31), — и еще: если (есть) какое-либо доброе слово к полезному назиданию, *да даст благодать слышащим* (там же, ст. 29). Пусть избегает всячески и клятв, слыша повеление Христово: *речено бысть древним: не во лжу кленешися; аз же глаголю вам не клятися всяко* (Мф. V, 33, 31). Никто не говори мне: я клянусь в правде; не следует клясться ни в правде, ни в неправде. Так будем хранить уста свои чистыми от клятвы и от всего этого ограждать, и язык и уста, и ум наш, чтобы не рождалось в нас какого-либо злого помысла, и не выражалось языком. Будем крепко затыкать и уши, чтобы не принимать и пустого слуха, как заповедал блаженный Моисей: *да не приимеши слуха суетна* (Исх. XXIII, 1), и как еще сказал блаженный Давид: *оклеветающего тай искреннего своего, сего изгонях* (Пс. C, 5). Видишь, возлюбленный, сколько нам нужно бдительности, сколько труда для добродетели, как самая малая небрежность губит нас всецело? Поэтому-то блаженный Давид и восклицал в другом месте, обличая делающего это: *седя, на брата твоего клеветал еси, и на сына матери твоея полагал еси соблазн* (Пс. XLIX, 20). Если мы так оградим все члены свои, то в состоянии будем бодро устремиться к делам добрым, язык упражнять в славословии и песнопениях Богу всяческих, слух — в слушании и изучении слова Божия, ум — в размышлении о духовных предметах, руки — не в хищении и мнотостяжании, а в милостыне и делании добрых дел, ноги — (в хождении) не в театры, ипподромы и вредные зрелища, а в церковь, молитвенные дома и к гробницам святых мучеников, чтобы, получив их благословение, сделать нам себя неуловимыми для сетей диавола. Если так будем мы озабочены и заняты своим спасением, то можем и от поста получить пользу, избегнуть козней диавола и привлечь свыше великое благоволение, которого да удостоимся все мы благодатью и человеколюби-

ем Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

О падении первозданных. И беста оба нага, Адам же и жена его, и не стыдятся (Быт. II, 25)

1. Сегодня хочу открыть вам, возлюбленные, духовное сокровище, которое, будучи и разделяемо, никогда не истощается, всех обогащает, и нисколько не уменьшается, напротив, еще умножается. И из чувственного сокровища если кто успеет взять хоть малую частицу, то составляет себе великое богатство; так и в Божественном Писании, даже в кратком речении можно найти великую силу и несказанное богатство мыслей. Таково свойство этого сокровища: делая богатыми приемлющих его, само оно никогда не оскудевает, потому что его изливает обильно источник Духа Святого. А ваше дело тщательно блюсти предлагаемое и твердо хранить в памяти, чтобы быть вам в состоянии легко следить за тем, что говорится. Лишь бы только мы с усердием делали зависящее от нас, а благодать готова и ищет, кто бы принял ее в изобилии. Выслушаем же и сегодняшнее чтение, чтобы познать нам неизреченное человеколюбие Божие, и то, какое снисхождение Он явил ради нашего спасения. *И беста оба нага, Адам же и жена его, и не стыдястася.* Подумай о великом блаженстве (прародителей), как они были выше всего телесного, как жили на земле, будто на небе, и, будучи в теле, не терпели нужд телесных: не нуждались ни в крове, ни в доме, ни в одежде, и ни в чем другом подобном. Об этом сообщило нам Божественное Писание не просто и не без намерения, но для того, чтобы мы, узнав о такой их беспечальной и безболезненной жизни,

и об ангельском, так сказать, состоянии, когда увидим потом, что они всего этого лишились и из великого обилия ниспали в самую крайнюю бедность, приписывали это их беспечности. Впрочем, надобно выслушать самое чтение. Блаженный Моисей, сказав, что (прародители) *нага беста, и не стыдястася* (так как они не знали, что были наги, потому что их облекала и украшала, лучше всякой одежды, неизреченная слава), говорит: *змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли, ихже сотвори Господь Бог. И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго* (Быт. III, 1). Смотри, какая зависть и многосплетенная хитрость лукавого демона. Видя, что созданный человек находится в высочайшей чести и почти ничем не меньше ангелов, как и блаженный Давид говорит: *умалил еси его малым чим от ангел* (Пс. VIII, 6), да и это *малое* ввел грех преслушания, потому что пророк сказал это уже после преслушания, — так видя на земле земного ангела и снедаемый завистью, виновник зла демон, который сам пребывал между вышними силами, но по развращению воли и безмерности злости ниспал с той высоты, употребил великую хитрость, чтобы лишить человека благоволения Божия и, сделав его неблагодарным, лишить его всех благ, дарованных ему человеколюбием Божиим. И что же делает? Найдя этого зверя, то есть змия, который превосходил смыслом других зверей, что засвидетельствовал и Моисей словами: *змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли, ихже сотвори Господь Бог*, — им воспользовавшись, как орудием, диавол через него вступает в беседу с женой, и увлекает в свой обман этот простейший и немощнейший сосуд. *И рече*, сказано, *змий жене.* Из этого заключай, возлюбленный, что вначале ни один зверь не был страшен ни мужу, ни жене; напротив, признавая свою подчиненность и власть (человека), и дикие и неукротимые животные были тогда ручными, как ныне кроткие.

2. Но, может быть, здесь кто-нибудь придет в недоумение и захочет знать, не имело ли это животное и дара слова? Нет, не должно так думать, но всегда следуя Писанию, надобно рассуждать так, что слова принадлежали диаволу, который возбужден был к этому обману своей завистью, а этим животным воспользовался, как удобным орудием к тому, чтобы, прикрыв обман свой приманкой, обольстить сначала жену, как всегда более способную к обольщению, а потом через нее и первосозданного. Итак, воспользовавшись этим бессловесным для устроения кова, (диавол) вступает через него в разговор с женой и говорит: *что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?* Смотрите, какая здесь чрезвычайно тонкая хитрость! То, чего Бог не говорил, диавол предлагает в виде совета и вопроса, как будто заботясь о них, потому что такое расположение выказывают эти слова: *что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?* Как бы так говорил лукавый тот демон: для чего (Бог) лишил вас такого наслаждения? Зачем не дозволяет вполне пользоваться райскими благами, предоставив наслаждаться созерцанием (их), не позволяет вкушать и от этого чувствовать тем большее удовольствие? *Что яко рече Бог?* Для чего это? Что пользы жить в раю, коль скоро нельзя пользоваться тем, что есть в нем, а приходится испытывать тем большую скорбь, что смотреть можно, а удовольствия, происходящего от пользования, не получат? Видишь, как он через эти слова, точно через приманку, впускает яд? Жене надлежало бы из самого этого начала догадаться о крайней дерзости диавола, — что он умышленно говорит о том, чего нет, и еще как будто заботясь об них, (говорит) для того, чтобы узнать, что заповедал им Бог, и таким образом увлечь их к преступлению. Итак, жена могла тотчас узнать хитрость диавола, уклониться от беседы с ним, как говорящим пустое, и не довести себя до такого унижения; но она не захотела (этого).

Ей следовало бы даже и не вступать в беседу с ним, а беседовать только с тем, для кого она сотворена, кому равна была по достоинству и создана помощницей. Когда же она, не знаю как увлекшись, вступила уже в разговор со змием и через него, как через орудие, приняла гибельные слова диавола, и тогда, поняв несообразность слов его, и видя, что иное заповедал Создатель, а другое, противное словам Творца, говорил диавол, тотчас должна была отвратить слух, бежать от беседы с ним, и презреть дерзнувшего изощрять свой язык против данной им заповеди. Но по крайней невнимательности она не только не уклонилась, но и вполне открыла ему заповедь Божию, повергла бисер перед свиньей, и исполнилось слово Христово: *не пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими, и вращшеся расторгнут вы* (Мф. VII, 6). Это и было теперь: (жена) повергла Божественные бисеры перед свиньей, перед этим злым зверем, или демоном, действовавшим через него, и он не только попрал их и воспротивился сказанному (от Бога), но обратившись увлек в бездну преслушания не только жену, но вместе с ней и первозданного. Так опасно открывать, без рассуждения, как пришлось, Божественные тайны! Да слышат (это) те, которые разглагольствуют со всеми без различия и без рассуждения. И Христос там говорит не о чувственной свинье, но разумеет людей, подобных этим животным, валяющихся, подобно бессловесным, в нечистоте греха; а этим Он вразумляет нас и обращать внимание на различие лиц, и тщательно рассматривать обстоятельства, при которых нужно открывать что-либо из слова Божия, чтобы не сделать вреда ни другим, ни себе. Таковые не только сами не получают пользы от предлагаемых им слов, но часто увлекают в одну с собой бездну погибели и тех, которые безрассудно отдают им эти драгоценные жемчужины. Поэтому должны мы тщательно наблюдать за тем, чтобы и нам не потер-

петь того же, что (потерпели) обольщенные ныне (прародители). Ведь, если бы и в данном случае жена захотела не повергать Божественных жемчужин перед свиньей, то и сама бы не низринулась в ту бездну, и мужа бы не увлекла.

3. Но послушаем, что она отвечает диаволу. Когда змей сказал: *что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго*? то жена говорит ему: *от всякаго древа райскаго ясти будем: от плода же древа, сущего посреде рая, рече Бог, да не ясте, ниже прикоснетеся ему, да не умрете* (ст. 2, 3). Видишь, какое коварство? (Диавол) сказал то, чего не было, чтобы, вызвав ее на разговор, узнать, что было (на самом деле сказано). Жена, доверившись ему, как благорасположенному к ней, открывает всю заповедь, рассказывает обо всем подробно, и своим ответом отнимает у себя всякое оправдание. В самом деле, что можешь ты, жена, сказать (в свое оправдание). *Рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго.* Надлежало бы тебе отвернуться от него (диавола), как сказавшего противное (истине), и сказать ему: поди прочь, ты — обманщик, не знаешь ни силы данной нам заповеди, ни величия того, чем мы пользуемся, ни обилия даров (Божиих). Ты говоришь, будто Бог сказал, чтобы мы не вкушали ни от какого древа райского; а Владыка и Создатель, по великой благости, дозволив нам пользоваться и владеть всеми (деревьями), повелел воздерживаться от одного, это вследствие своей попечительности о нас, чтобы мы, через вкушение от него, не подверглись смерти. Ей нужно было, если бы она была благоразумна, сказав ему эти слова, совсем отвернуться и более уже не говорить с ним и не слушать слов его. Но она, открыв заповедь и сказав, что говорил им Бог, принимает от диавола новое внушение, гибельное и смертоносное. Когда жена сказала, что *от всякаго древа райскаго ясти будем, от плода же древа, сущего посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетеся ему, да не умрете*, тогда

лукавый враг нашего спасения предлагает свое внушение, противное (слову) Господа. Тогда как человеколюбивый Бог, по великой попечительности, запретил вкушать для того, чтоб они не сделались смертными через преслушание, этот говорит жене: *не смертию умрете* (ст. 4). Какого же заслуживает жена оправдания в том, что так охотно слушала того, кто говорил так дерзко? Бог сказал: *ниже прикоснетеся, да не умрете,* а этот говорит: *не смертию умрете.* Потом, не удовольствовавшись противоречием Божественным словам, он еще представляет Создателя завистливым, чтобы таким образом удобнее ввести в обман и, обольстив жену, достигнуть своей цели. *Не смертию,* говорит, *умрете. Ведяше бо Бог, яко, в оньже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете, яко бози, ведяще доброе и лукавое* (ст. 5). Вот, вся приманка! Наполнив чашу гибельным ядом, (диавол) подал ее жене, а та, не обратив внимание на смертоносное действие (если бы захотела, она могла бы узнать это с самого начала), но услышав от того, будто Бог потому запретил вкушать (от древа), *яко отверзутся очи ваши, и будете, яко бози, ведяще доброе и лукавое,* увлекшись надеждой на равенство с Богом, возмечтала наконец о себе много. Таковы-то ухищрения врага: он возводит лестью на большую высоту, низвергает затем в глубокую бездну. Возмечтав о равенстве с Богом, она спешила вкусить (плода) и туда устремляла и ум и мысль и ничего больше не видела, как то, чтобы испить чашу, растворенную лукавым демоном. А чтобы увериться тебе, что она заботилась об этом, лишь только приняла гибельный яд по совету змия, послушай, что говорит Писание: *и виде жена, яко добро древо в снедь, и яко угодно очима видети, и красно есть еже разумети,* и взя *от плода его и яде* (ст. 6). Поистине, *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33). В самом деле, отчего до внушения этого лукавого демона ничего такого не испытывала (Ева), не подумала о дереве и не видела красоты его?

Оттого что боялась заповеди Божией и будущего наказания за вкушение. А теперь, когда она была обольщена этим лукавым животным, будто они не только не потерпят этого (наказания), но и сделаются равными Богу, надежда на это обещание побудила ее вкусить от древа, и она, не захотев остаться в своих границах, но признав врага и противника нашего спасения более достойным доверия, нежели слова Божии, немного спустя на самом опыте узнала гибельность внушения (диавольского) и несчастье, имевшее постигнуть их за вкушение. Увидев, как сказано, *яко добро древо в снедь, и яко угодно очима видети, и красно еже разумети*, жена, по обольщению, конечно, диавола, в которое он ввел ее через змия, подумала сама про себя: если дерево и хорошо на вкус, и может так услаждать взор, и есть в нем некоторая невыразимая красота, да и вкушение от него доставит нам высочайшую честь, так что мы будем иметь одинаковое достоинство с Создателем, то почему же нам не вкусить от него?

4. Видишь ли, как диавол увел жену в плен, увлек ее ум и заставил мечтать о себе выше своего достоинства, чтобы она, увлекшись пустыми надеждами, потеряла и то, что уже было ей даровано. *И взя*, сказано, *от плода его, и яде: и даде мужу своему и ядоста. И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша* (ст. 7). Что ты сделала, жена? Приняв этот гибельный совет, ты не только попрала данный от Бога закон и нарушила заповедь, и до такой дошла несытости, что не удовольствовалась столь многочисленными плодами, но еще дерзнула вкусить и от того одного дерева, которого Владыка повелел не касаться, поверила словам змия, сочла совет его более достойным доверия, чем данную Создателем заповедь, и допустила себя до такого обмана, что не заслуживает и извинения. Разве давший совет был одной с тобой природы? Это был из числа подчиненных, из числа рабов, состоящих под твоей властью. Зачем ты так

посрамила себя и, оставив того, для кого ты создана, кому в помощь произведена, кому равна по достоинству, по существу и дару слова, решилась войти в разговор с змеем и через этого зверя принять внушение от диавола, и несмотря на то, что (это внушение) явно противоречило заповеди Создателя, не уклонилась, но в надежде на обещание дерзнула вкусить? Пусть так, — пусть ты саму себя ввергла в такую бездну и лишилась высочайшей чести: зачем же делаешь и мужа участником этого ужасного падения, и кому ты назначена быть помощницей, тому сделалась наветницей и через вкушение малой снеди лишила его, вместе с собой, благоволения Божия? Какое крайнее безумие довело тебя до такой дерзости? Тебе не довольно было вести беспечальную жизнь, быть облеченной телом и не нуждаться ни в чем телесном, пользоваться всеми райскими плодами, кроме одного дерева? Тебе не довольно было, что все видимое находилось в вашей власти и вы имели господство над всем? Обольщенная надеждами, ты хотела подняться на самую крайнюю высоту? Так вот ты на самом опыте узнаешь, что не только не приобретешь того (чего ты надеялась), но и всего, уже дарованного вам, лишишь и себя, и мужа, и оба придете в такое раскаяние, что признаете бесполезным (сделанное), а лукавый демон, давший гибельный совет, будет смеяться и торжествовать над вами, как уже павшими и испытавшими подобное ему. Как он, возмечтав о себе более надлежащего, ниспал из усвоенного ему достоинства и низвергнут с неба на землю, то же самое захотел он сделать и с вами — через преступление заповеди подвергнуть вас наказанию смертью и удовлетворить своей зависти, как и премудрый сказал: *завистью же диавола смерть вниде в мир* (Прем. II, 24). *И даде*, сказано, *мужу своему, и ядоста. И отверзошася очи обема.* Велика беспечность и мужа. Хотя (предлагавшая плод) была и одной с ним природы, и жена его, но ему, как живо помнив-

шему заповедь Божию, нужно было предпочесть ее неуместному желанию жены, не принимать участия в преступлении, для кратковременного удовольствия не лишать себя стольких благ и не оскорблять такого Благодетеля, который явил ему столько любви и даровал такую безболезненную и безбедную жизнь. Разве не позволено было тебе в избытке наслаждаться всеми другими плодами райскими? Зачем же и ты не захотел соблюсти такую легкую заповедь? Но ты, конечно, услышал от жены об обещании лукавого советника, и тотчас, сам увлекшись надеждой, принял участие с снеди. Поэтому и наказание простирается на обоих вас, и самый опыт научит вас – не верить внушению злого демона более, нежели Богу.

5. *И даде мужу своему, и ядоста. И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша.* Здесь рождается у нас весьма важный вопрос, (решить) который мы еще прежде обещали вашей любви. Справедливо спросит иной, какую силу имело это дерево, что вкушение от него открыло им глаза, и почему оно называется деревом *познания добра и зла*! Потерпите, если угодно, я хочу несколько поговорить с вами и об этом и научить вашу любовь, что, если мы захотим принимать с рассуждением то, что говорится в Божественном Писании, то ни одно слово не покажется нам трудным. Не вкушение от дерева открыло им глаза: они видели и до вкушения. Но так как это вкушение служило выражением преслушания и нарушения данной от Бога заповеди, а за эту вину они лишились потом облекавшей их славы, сделавшись недостойными столь великой чести, то поэтому Писание, следуя своему обыкновению, говорит: *ядоста, и отверзошася очи* их, *и разумеша, яко нази беша.* Лишившись за преступление заповеди высшей благодати, они ощущают и чувственную наготу, чтобы из охватившего их стыда вполне поняли, в какую бездну низвело их преступление Владычней заповеди. В самом деле,

доселе они наслаждались такой свободой, и даже не знали, что были наги (они и не были наги, потому что их лучше всякой одежды покрывала вышняя слава), после же вкушения, то есть после преступления заповеди, они дошли до такого унижения, что, не перенося стыда, стали уже искать покрывала. Учиненное ими преступление заповеди сняло (с них) ту чудную и необыкновенную одежду, то есть, (одежду) славы и вышнего благоволения, которой они были облечены, и в то же время возбудило в них чувство наготы, и покрыло их невыразимым стыдом. *И сшиста*, сказано, *листвие смоковное, и сотвориста себе препоясания* (ст. 7). Подумай, возлюбленный, с какой высоты в какую глубокую пропасть низвергло их диавольское внушение. Облеченные доселе такой славой, они теперь сшивают листья смоковные и делают себе препоясание. Таков плод диавольского обольщения; такова хитрость этого внушения, что оно не только не доставило людям больших благ, но лишило их и тех, которые они имели. Так как такая причина — вкушение — произвела преслушание, поэтому Писание говорит: *и ядоста, и отверзошася очи* их, разумея не телесные глаза, но умственное зрение. Так как они преступили заповедь, то (Господь) и дал им почувствовать то, чего прежде, по благоволению, какое Он оказывал им, они не чувствовали. Когда слышишь, что *отверзошася очи их*, понимай это так, что (Бог) дал им почувствовать наготу и лишение той славы, какой они пользовались до вкушения. А что таков обычай Писания, послушай, как оно говорит и в другом месте. Когда служанка Сарры, убежав от госпожи, блуждала и, повергнув *отроча под елию единой, издалече* ожидала смерти его, (об ней Писание) говорит: *отверзе Бог очи Агари* (Быт. XXI, 19), не потому, чтобы она дотоле не видела, но потому, что Бог (в это время) возбудил ее ум. Видишь ли, что слово — *отверзе* относится не к телесным глазам, но к умственному зрению?

То же самое можем сказать и касательно другого, возникающего здесь, вопроса. Говорят: для чего это дерево называется древом познания добра и зла? Многие любители споров дерзают говорить, что Адам после уже вкушения от древа получил способность различать добро и зло. Думать так было бы крайне безумно. Чтобы никто не мог говорить так, для этого мы, предвидя это, недавно столько рассуждали о данной Богом человеку мудрости, доказывая ее наречением имен, какие дал он всем зверям, и птицам, и бессловесным (животным), и — тем, что сверх этой высокой мудрости он удостоился еще и пророческого дара. Как тот, кто дал имена и изрек такое чудное пророчество о жене, мог не знать, что хорошо и что худо? Если мы допустим это (чего да не будет!), то произнесем опять хулу на Создателя. Как Он давал и заповедь тому, кто не знал, что преступление (ее) зло? Это не так; напротив, он ясно знал это. Поэтому изначала (Бог) создал это животное (человека) самовластным: иначе не следовало бы его и наказывать за преступление заповеди, и награждать за ее соблюдение. Что он сделался смертным за преступление, это видно и из самой заповеди, и из последующих событий. Послушай, что сама жена говорила змею: *от плода древа, еже посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, да не умрете.* Значит, до вкушения они были бессмертны: иначе Бог, и после вкушения, не навел бы на них смерть в виде наказания.

6. Кто же потерпит тех, которые хотят утверждать, что человек получил познание добра и зла после вкушения от древа, тогда как он и до вкушения был исполнен такой мудрости, и сверх мудрости удостоился еще благодати пророческой? И как можно согласить с разумом то, что козы и овцы, и все бессловесные знают, какая трава годна им в пищу, какая вредна, от каких нужно особенно воздерживаться, и к каким обращаться, а человек — разумное животное, не знал, что́ — добро и

что́ – зло? Но вот, скажут, Писание назвало это дерево древом познания добра и зла. Знаю это и я. Если постараешься узнать особенности Божественного Писания, то поймешь, почему оно дало этому дереву такое название. Так названо оно не потому, что сообщало такое познание; но так как у него совершилось преступление заповеди и от него потом уже явилось познание греха и стыд, поэтому оно так названо. Божественное Писание имеет обычай по совершившимся событиям называть те места, где эти события случились. Потому Божественное Писание назвало это дерево древом познания добра и зла, что у него должно было совершиться преступление или соблюдение заповеди. Человеколюбивый Господь, искони и изначала желая вразумить и внушить человеку, что у него есть Создатель и Творец, произведший все видимое и сотворивший его самого, благоволил показать ему Свою власть в этой малой заповеди. Как щедрый владетель, отдав кому-нибудь для пользования большой и прекрасный дом, берет за это не всю плату, но какую-нибудь малую часть, чтобы и для себя сохранить (право) господства, и того человека заставить хорошо помнить, что он не владелец строения, но пользуется им по доброте и щедрости, так и Господь наш, вверив человеку все видимое и предоставив ему жить в раю и пользоваться в нем всем, чтобы он, мало-помалу увлекшись мыслью, не счел всего видимого самобытным и не возмечтал слишком много о своем достоинстве, повелевает ему воздерживаться от одного дерева, а за нарушение этого повеления определяет тяжкое наказание, дабы он знал, что находится под Владыкой и всем прочим пользуется по благости Владыки. Но так как (Адам) по крайней невнимательности, вместе с женой, впал в несчастье через преступление данной заповеди и вкушение от древа, то поэтому (Писание) и назвало его древом познания добра и зла. Не то, чтобы человек дотоле не знал, что добро и что зло; он

так не знал, что и жена, разговаривая со змием, сказала: *рече Бог: да не ясте от него, да не умрете*; значит, она знала, что смерть будет наказанием, если они преступят заповедь. Но — так как после вкушения от этого дерева они лишились и вышней славы, и почувствовали телесную наготу, поэтому (Писание) назвало его древом познания добра и зла: у него было, так сказать, упражнение в послушании или непослушании.

Узнали вы, почему (Писание) сказало: *отверзошася очи* их, *и разумеша, яко нази беша.* Узнали, почему дерево называется древом познания добра и зла. Подумай же, какой стыд наконец охватил их, когда они, вкусив от древа, преступили заповедь Господню: *сшиста листвие смоковное и сотвориста себе препоясания.* Смотри, из какой славы в какое унижение низверглись они. Те, которые доселе жили, как земные ангелы, изобретают себе одежду из листьев. Таково зло — грех. Он не только лишает нас вышнего благоволения, но и ввергает в великий стыд и унижение, похищает у нас и те блага, которыми обладаем, отнимает всякое дерзновение. Но чтобы, рассматривая грех, совершенный человеком через вкушение от древа и преслушание, не сделать нам все слово печальным, переведем речь, если угодно, от этого древа к другому, к древу креста, и посмотрим, какие бедствия причинило то и какие блага принесло это. Впрочем, бедствия произошли не собственно от древа, но от беспечного произволения и презрения, какое (он) показал в отношении к заповеди. То древо ввело смерть, потому что за преслушанием последовала смерть; это даровало бессмертие. То изгнало из рая; это возвело нас на небо. То за одно преступление подвергло Адама такому наказанию; это освободило нас от бесчисленных тяжестей греховных и дало нам дерзновение перед Господом нашим. Видите вы разность между древом и деревом? Видите злобу диавола, беспечность человека и человеколюбие Владыки? Итак, вооружим-

ся, прошу любовь вашу, этим животворящим древом, силой его умертвим губящие душу страсти, как и апостол Павел говорит: *иже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24). А это значит: те, которые всецело предали себя Христу, умертвили всякую нечистую похоть, возникающую в теле ко вреду всех сил души. Им подражая, и мы сделаем свои члены бездейственными для утверждения в нас владычества диавола, чтобы нам и в настоящей жизни спокойно переплыть это бурное и опасное море, и, войдя в тихую пристань человеколюбия Божия, получить блага, обещанные любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

И услышаста глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни (Быт. III, 8)

1. Довольно, кажется, изъяснились мы недавно, по мере сил своих, о дереве, показав вашей любви причину, по которой Божественное Писание назвало его древом познания добра и зла. Поэтому сегодня хочу обратиться к последующему, чтобы вы познали несказанное человеколюбие Божие и то, какое Он показал снисхождение вследствие попечения о нашем роде. Подлинно, Он сделал и направил все так, чтобы созданное Им разумное животное пользовалось всей честью и ни в чем не уступало по жизни ангелам, но и в теле приобрело бы их бесстрастие. А когда увидел, что оба они (прародители), по беспечности, нарушили Его заповедь, несмотря на то, что Он предварил и обезопасил их угрозой, то и после этого не прекратил Своего человеколюбия, но (остался) верен Своей благости. Как чадолюбивый отец, видя, что сын его, по беспечности,

ведет себя недостойно своего благородства и с высоты чести ниспал в крайнее унижение, по чувству горячей родительской любви, не оставляет его и в этом положении, но снова исполняет свой (долг), стараясь мало-помалу освободить его из этого унижения и возвести в прежнюю честь, точно так и всеблагий Бог, сжалившись над человеком, по причине злого умысла, которому он подвергся, соблазненный женой и приняв через змея совет диавола, тотчас приходит к нему, как врач к больному и страждущему, который лежит и нуждается в многоразличном лечении и помощи врача. Но чтобы вам познать несказанное снисхождение Божие и из самых слов (Писания), надобно выслушать то, что было прочитано. *И услышаста,* сказано, *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни, и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа посреде древа райскаго* (Быт. III, 8). Не пройдем, возлюбленные, без внимания сказанного Божественным Писанием, и не будем останавливаться на словах, но подумаем, что столь простые слова употребляются ради нашей немощи, и все совершается благоприлично для нашего спасения. Ведь, скажи мне, если захотим принимать слова в буквальном значении, а не будем понимать сообщаемого богоприлично, то не покажется ли многое странным? Вот посмотрим на самое начало нынешнего чтения. *И услышаста*, сказано, *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни*, и убоястася. Что говоришь? Бог ходит? Неужели и ноги припишем Ему? И не будем под этим разуметь ничего высшего? Нет, не ходит Бог, — да не будет! Как, в самом деле, ужели Тот, Кто везде есть и все наполняет, чей престол небо, а земля подножие ног, ходит по раю? Какой разумный человек скажет это? Что же значит: *услышаста глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни*? Он восхотел возбудить в них такое чувство (близости Божией), чтобы повергнуть их в беспокойство, что и было на самом деле: они почувствовали это, попытались скрыться

от приближавшегося (к ним) Бога. Произошел грех – и преступление, и напал на них стыд.

Нелицеприятный судья, то есть совесть, восстав, взывала громким голосом, упрекала их, показывала и как бы выставляла перед глазами тяжесть преступления. Для того человеколюбивый Владыка, созидая вначале человека, и вложил в него совесть, как неумолкающего обличителя, который не может быть обманут или обольщен. Хотя бы учинивший грех и совершивший беззаконное дело успел укрыться от всех людей, – от этого судьи он скрыться не может, напротив, всегда носит внутри себя этого обличителя, который беспокоит его, мучит, карает, никогда не утихает, но нападает на него и дома, и на площади, и в собраниях, и за столом, и во время сна, и при пробуждении, требует отчета в проступках, и поставляет на вид и тяжесть грехов, и угрожающее ему наказание, и, как усердный врач, не перестает прилагать свои врачевства, хотя и видит, что его не послушают, не отступает, но продолжает постоянно заботиться.

2. Именно в том ее и дело, чтобы непрерывно напоминать (о грехе) и не давать ему (грешнику) дойти когда-либо до забвения о проступках его, но выставлять их на вид ему, чтобы хотя через это сделать нас не столь склонными к повторению прежних грехов. Если многие из нас не преодолевают беспечности и при таком содействии и помощи совести, имея в себе такого сильного обличителя и карателя – совесть, которая терзает сердце и поражает сильнее всякого палача, то без этой помощи мы не тотчас ли бы погибли? Потому теперь и первозданный, ощутив в себе это чувство и возымев мысль о присутствии Божием, в ту же минуту скрывается. Отчего (это), скажи мне? Оттого, что увидел он, что на него восстал сильный обличитель, то есть совесть. Не было у него другого обличителя и свидетеля греха, кроме того, которого он носил внутри себя. А с другой

стороны, вместе с обличением совести, и потеря славы, доселе облекавшей их подобно светлой одежде, давала им, через (ощущение) наготы, понять тяжесть сделанного греха. Когда поэтому они после тяжкого того греха покрылись стыдом, то и пытались скрыться. *Услышаста*, сказано, *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни, и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога посреде древа райскаго.*

Нет ничего, возлюбленный, хуже греха: придя, он не только покрывает нас стыдом, но и делает безумными тех, которые прежде были разумны и исполнены великой мудрости. Подумай, до какого безумия дошел наконец тот, который перед этим обладал такой мудростью, который на деле показал нам дарованную ему премудрость, кто произнес такое пророчество. Услышав, как сказано, *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни*, он, вместе с женой, скрылся *от лица Господа Бога посреде древа райскаго.* Какое безумие — хотеть скрыться от Бога, вездесущего, от Творца, призвавшего все из небытия к бытию, знающего сокровенное, создавшего в отдельности сердца людей, ведающего все дела их, испытующего сердца и утробы и видящего самые движения сердца нашего? Но не удивляйся, возлюбленный! Таков обычай у грешников: они хотя и не могут укрыться, однако стараются укрыться. Что они сделали это, не перенося стыда, которым покрылись они после греха, лишившись той нетленной славы, подумай о том, где они скрываются? *Посреде рая.* Как негодные и неблагодарные слуги, не имея возможности скрыться от своего господина, бросаются из одного угла дома в другой, потому что страх смущает их душу, так точно и эти (прародители), не находя никакого убежища, укрываются в самом доме, то есть в раю. Не без намерения обозначается и время (пришествия Божия): *услышаста глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни*, а для того, чтобы ты познал человеколюбие Владыки, как Он нимало не

замедлил, но лишь только увидел случившееся и тяжесть раны, тотчас поспешил врачеванием, дабы рана, воспалившись, не сделалась неисцельной. Поэтому Он спешит предупредить и тотчас останавливает увеличение раны, и, следуя влечению Своей благости, ни на минуту не оставил ее без попечения. Враг нашего спасения, всегда завидующий нашему блаженству, показал такую злобу, что в самом начале устроил козни и через гибельный совет свой лишил их того чудного состояния. Но премудрый Бог, устрояющий нашу (жизнь) по Своей мудрости, видя и злобу диавола, и беспечность человека, по которой он, будучи обольщен вместе с женой, поверг себя в такой стыд, является и, как кроткий и человеколюбивый судья, открывает суд полный страха и трепета, производит точное исследование, внушая нам через это произносить суд о ближних не прежде, как сделав точное исследование.

3. Итак послушаем, если угодно, о чем спрашивает Судья, что отвечают подсудимые, какое наказание им определяется, и какому осуждению подвергается тот, кто устроил им такой навет. Но напрягите, прошу, ум ваш и внимайте тому, что говорится, с великим страхом, потому что, если мы, видя земного судью, сидящего на возвышенном месте и выводящего на середину подсудимых, бьющего и наказывающего их, стоим с немалым страхом, желая услышать, что говорит судья, и что отвечает виновный, то тем более должны поступить так теперь, когда видим Творца природы, производящего суд над своими созданиями. Но если будете слушать внимательно, то увидите, какая разность между человеколюбием Божиим и жестокостью людей в отношении к ближним. *И призва Господь Бог Адама, и рече ему: Адаме, где еси* (ст. 9)? Самый вопрос уже заставляет подивиться безмерному человеколюбию Божию, не в том только отношении, что Он позвал, но и в том, что Он позвал Сам, чего не делают люди в отношении к

другим себе подобным, имеющим одну с ними природу. Вы знаете что, когда судьи, сев на высокое седалище, производят суд над преступниками, то не удостаивают их (личного) своего ответа, показывая им и через это, какому бесчестью они подвергли себя совершением худых дел; судья хотя и отвечает, его ответы передает подсудимому и потом слова подсудимого сообщает судье кто-либо другой, стоя между ними. Таков, как всякий знает, обычай у судей везде. Но Бог (поступил) не так, — как же? Он Сам зовет. *И призва*, сказано, *Господь Бог Адама, и рече ему: Адаме, где еси?* Смотри, какая сила заключается в этом кратком речении. Позвать виновного — это самое уже есть дело великого и несказанного человеколюбия; покрытому стыдом и не смеющему открыть уста и двинуть языком дать — вопросом — повод (к оправданию), есть дело великой благости. Но слова: *где еси?* имеют большое значение и кроме (указания на) человеколюбие. Бог как бы так говорил Адаму: что это случилось? Иным Я тебя оставил, и иным нахожу ныне; оставив облеченным славой, теперь нахожу тебя в наготе. *Где еси?* Как это случилось с тобой? Кто довел тебя до такой перемены? Какой разбойник и тать, похитив так внезапно все богатство, оставил тебя в такой нищете? Откуда явилось у тебя чувство наготы? Кто виновник того, что ты лишился той чудной одежды, которой был облечен? Что за внезапная перемена? Какая буря так скоро потопила весь твой груз? Что такое случилось, что ты пытаешься скрыться от Того, Кто столько облагодетельствовал тебя и возвел в такую честь? Боясь кого, ты стараешься теперь скрыться? Разве явился обвинитель? Разве выступили свидетели? Откуда появились в тебе такая робость и страх? *Глас* Твой *услышах ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся.* Откуда у тебя сознание наготы? Скажи Мне, что это за новость и странность? Кто мог бы когда-либо сказать тебе это, если бы ты сам себе не причинил такого стыда, если

бы не вкусил от того одного дерева, от которого Я заповедал тебе не вкушать? Обрати внимание на человеколюбие и крайнее незлобие Господа. Он мог тотчас, даже не удостоив ответом сделавшего такой грех, подвергнуть его наказанию, которое Он наперед уже определил за преступление, однако долго терпит, медлит, вопрошает и выслушивает ответ, и опять спрашивает, как бы вызывая виновного к оправданию, чтобы, при открывшемся случае, показать ему Свое человеколюбие и после такого преступления. Через это Он внушает нам, чтобы мы, судя виновных, не обращались с ними грубо и не выказывали в отношении к ним зверской жестокости; но проявляли бы свое великодушие и снисходительность, как бы производя суд над своими членами, и памятуя, что они одной с нами природы, растворяли бы наказание человеколюбием. Не без намерения Божественное Писание употребило такую снисходительность (в словах); грубостью речи оно учит нас человеколюбию Божию и возбуждает ревность к тому, чтобы подражать благости Господа по мере сил человеческих. *И рече ему: кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси* (ст. 11)? Откуда бы ты, говорит, мог узнать это и покрыться таким стыдом, если бы не предался крайней невоздержности и не пренебрег Моей заповедью?

4. Обрати, возлюбленный, внимание на преизбыток благости Божией: Он ведет с ним (Адамом) речь, как друг с другом, и упрекает его за нарушение Своей заповеди. *Кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* Немало силы заключается и в словах: *сего единаго*. Разве, говорит, Я стеснил тебя в наслаждении (удовольствиями райскими)? Разве не дал Я тебе полной свободы и не отдал во власть всего, что есть в раю, заповедав воздерживаться от одного только дерева, чтобы ты видел, что находишься под Владыкой и должен оказывать некото-

рое послушание? Что же за беспечность такая, что ты, имея столько наслаждений, не мог воздержаться от одного этого (дерева), но так скоро нарушил данную Мной заповедь и подверг себя стольким бедствиям? Какую получил ты пользу? Не говорил ли Я об этом наперед? Не удерживал ли и не предохранял ли страхом наказания? Не сказал ли, что произойдет с вами? Не для того ли запретил вам вкушать (от древа), чтобы вы не подверглись этим (бедствиям)? Кто даст тебе прощение, когда ты после стольких предостережений оказался столь невнимательным? Не заповедал ли Я обо всем, как отец возлюбленному чаду, и не внушил ли — от других деревьев вкушать, а от того удерживаться, дабы не потерять тебе всех своих благ? Но ты признал, конечно, совет другого добрым и даже более достойным доверия, чем Мою заповедь, и сделал это, надеясь достигнуть большего; презрев Мои повеления, дерзнул вкусить от дерева. Вот ты собственным опытом дознал, как пагубен этот совет. Видите человеколюбие Судьи? Видите несказанную Его кротость и незлобие? Видите снисхождение, превосходящее всякое слово и мысль? Видите, как вопросом и словами: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* — (Бог) хочет открыть ему двери к оправданию, чтобы явить такому грешнику Свое человеколюбие. Послушаем же и виновного, что он отвечает на это? *И рече*, сказано, *Адам: жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох* (ст. 12). Несчастные слова, возбуждающие великую жалость и способные подвигнуть к человеколюбию Господа, столь кроткого и благостью побеждающего наши беззакония. Так как (Бог) великим Своим долготерпением потряс его душу и показал ему тяжесть греха его, то Адам, в свое оправдание, говорит Ему: *жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох.* Признаю себя, говорит, грешником; но *жена, юже дал еси со мною*, о которой Сам Ты сказал:

сотворим ему помощника по нему, – она была виной моей погибели. *Жена, юже дал еси со мною.* Мог ли я ожидать, что подвергнет меня такому стыду та, которая для того и создана, чтобы доставлять мне собой утешение? Ты дал ее мне; Ты привел ее ко мне. Она-то, не знаю по какому побуждению, *даде ми от древа, и ядох.* Это имеет некоторый вид оправдания, но оно не приносит прощения. Какого в самом деле прощения, говорит (Бог Адаму), можешь ты заслуживать, забывший Мои заповеди, и предпочевший данное женой Моим словам? Пусть и жена дала, но довольно было Моей заповеди и страха наказания, чтобы заставить тебя бежать от вкушения. Разве ты не знал? Разве не ведал? Заботясь о вас, Я для того и сказал наперед, чтобы вы не подверглись этому. Итак, хотя и жена подала тебе повод к преступлению заповеди, ты от этого не будешь безвинным. Тебе надлежало бы показать к Моей заповеди более доверия, и не только самому удержаться от вкушения, но и жене показать важность греха. Ты – глава жены; она для тебя создана; а ты извратил порядок, и не только не исправил ее, но и сам увлекся; тело должно повиноваться голове, а вышло наоборот: голова последовала за телом и высшее сделалось низшим. Так как ты извратил весь порядок, то и находишься теперь в таком состоянии, ты, который доселе был облечен такой славой. Кто достойно оплачет тебя за потерю стольких благ? И во всем том, что с тобой произошло, не вини никого другого, кроме самого себя и своей беспечности. Если бы ты не захотел, жена не могла бы довести тебя до этой погибели. Она тебя не упрашивала, не уговаривала, не соблазняла. Она только подала, и ты тотчас с такой легкостью решился вкусить, нисколько не вспомнив о Моей заповеди, но подумав, будто Я обманул тебя и не позволил вкушать для того, чтобы ты не приобрел больших благ. И с какой целью ты мог быть обманут Мной, Который излил на тебя столько

благодеяний? И то самое, что Я предварил вас и заповедал воздержание, чтобы вы не подверглись настоящему бедствию, и это какое было благодеяние! Но ты, вменив все это ни во что, вот на опыте узнал тяжесть своего греха. Итак, не приписывай вины одной жене, но – и своей беспечности.

5. После того, как всеблагий Господь довольно побеседовал с Адамом и тот сделал признание во грехе, сложив, как он думал, вину на жену, – смотри, какое опять употребляет (Господь) снисхождение, как удостаивает и жену ответа перед Собой. *И рече*, сказано, *Бог жене: что сие сотворила еси* (ст. 13)? Ты слышала, говорит, что муж слагает вину на тебя и все приписывает тебе, которая дана ему в помощь и для того создана, чтобы доставлять ему утешение, какое только можешь, как подобная ему и имеющая общую с ним природу. Зачем же ты это сделала, жена? Для чего стала и для себя и для мужа виновницей такого стыда? Какая вышла тебе польза от такого невоздержания? Какая тебе прибыль от обольщения, которому ты поддалась добровольно и в котором сделала участником и мужа? Что же жена? *Змий прельсти мя*, отвечала она, *и ядох*. Смотри, и она объята великим страхом и оправдывается в совершенном грехе. Как муж думал сложить вину на свою жену, говоря: жена принесла и дала мне, и я ел, – так и она, не находя никакого убежища, признается в сделанном и говорит: *змий прельсти мя, и ядох*. Это злое, говорит, животное причинило нам такую погибель; его пагубный совет поверг нас в такой стыд, оно обольстило меня, и я ела. Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания, но рассмотрим тщательно, чтобы получить нам отсюда великую пользу. Суд здесь страшный и полный ужаса, и надобно выслушать внимательно все, что ни говорится, собрать из этого великое сокровище для ума. Смотри, и муж говорит: *жена, юже дал еси со мною, та ми даде, и ядох*. Нет никакого принуждения, никако-

го насилия, видно произволение и решимость: только *даде*, не принудила, не заставила насильно. И жена опять в свое оправдание не сказала: змий принудил меня, *и ядох*, – но что? *Змий прельсти мя;* а уступить или не уступить обольщению было в ее власти. *Змий*, говорит, *прельсти мя*. И точно, враг нашего спасения, действовавший и давший совет посредством этого лукавого животного, обольстил (жену), то есть не принудил и не заставил насильно, но привел в дело обман свой через гибельный совет, так как нашел, что жена легко может принять обман, не заслуживающий никакого извинения. *Змий прельсти мя, и ядох*. Смотри же, как всеблагий Господь довольствуется их словами и ничего более не принуждает их говорить. Ведь и об этом Он спрашивал не потому что не знал: Он знал, и совершенно знал, но для того, чтобы показать Свое человеколюбие, Он снисходит к их немощи и призывает их к исповеданию греха. Поэтому Он больше ни о чем и не спрашивает. Надлежало знать и вид обмана; но чтобы нам показать, что вопрос (жене и мужу) сделан не по незнанию, Бог удовлетворяется тем, что сказано ими. Сказав: *змий прельсти мя, и ядох*, жена этим указала на то гибельное внушение, которое она приняла от диавола через змия, то есть что после вкушения *будете яко боги*. Видели вы, с какой тщательностью был вопрошаем Адам? С каким снисхождением введена в судилище и жена? Как оба они оправдывались? Посмотрите теперь и на преизбыток несказанного человеколюбия Судьи. Когда жена сказала: *змий прельсти мя, и ядох*, то (Бог) уже не удостоивает змия и ответа, не дозволяет ему оправдываться и не спрашивает его, как (спрашивал) мужа и жену; но, приняв от них оправдание, устремляется на него, как на виновника всех зол. И поелику Он, как Бог, ведущий и сокровенное, знал, что змий служил орудием козней и злобы диавола против человека, то чтобы ты познал Его благость к людям, по кото-

рой Он, хотя и знал это, говорил, однако, одному: *где еси? кто возвести тебе, яко наг еси?* — другой: *что сие сотворила еси?* — не так поступает в отношении к лукавому этому зверю, но как? *И рече Господь Бог змию: яко сотворил еси сие.* Видишь различие? Жене сказал: *что сие сотворила еси?* — а змию: *яко сотворил еси сие.* Так как ты, говорит, сделал это зло — подал этот гибельный совет, послужил орудием столь великой злобы, до того изострил (жало) зависти против созданного Мной, то *проклят ты, от всех скотов и от всех зверей земных; на персех и чреве ходити будеши и землю снеси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем тоя. Той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будеши его пяту* (ст. 14, 15).

6. Обрати здесь внимание на порядок и последовательность, вполне обнаруживающие человеколюбие (Господа). Делая допрос, Он начал с мужа, потом перешел к жене. И когда она указала на виновника, Он, приступив к змию и не потребовав уже от него ответа, налагает (на него) наказание, и притом такое, которое бы продолжалось всегда и, будучи на виду, постоянно учило все последующие (роды) — не принимать подобного гибельного совета и не обольщаться его хитростями. Но, может быть, скажет кто: если совет дал диавол, употребив змия в орудие, то за что же это животное подверглось такому наказанию? И это было делом неизреченного человеколюбия Божия. Как чадолюбивый отец, наказывая убийцу своего сына, ломает и нож и меч, которым тот совершил убийство, и разбивает их на мелкие части, — подобным образом и всеблагий Бог, когда это животное, как меч какой, послужило орудием злобы диавола, подвергает его постоянному наказанию, чтобы мы из этого чувственного и видимого явления заключали, в каком находится он бесчестии. Если послуживший орудием подвергся такому гневу, то какое наказание должен понести тот? Это особенно показал

нам Христос, говоря в Божественном Евангелии к стоящим ошуюю: *отыдите от мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. XXV, 41). Ему уготован издревле, его ожидает тот неугасимый огонь. Что же может быть несчастнее тех людей, которые, по небрежению о своем спасении, делают себя повинными той же казни, которая уготована диаволу? Что нам, если захотим творить добродетель и исполнять постановленные Иисусом Христом законы, уготовано царство, — об этом послушай, что Он (Христос) говорит: *приидите, благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (ст. 34). Видишь, тому уготован неугасающий огонь, а нам, если не будем беспечны, царство? Помышляя об этом, позаботимся о жизни, будем избегать зла и никогда не будем обольщаться хитростями диавола. Если хотите и не чувствуете себя утомленными, еще подвергнем рассмотрению наказание, наложенное на змея, чтобы таким образом, мало-помалу обозрев суд до конца, мы могли видеть величие человеколюбия Божия. Если люди часто проводят по целому дню, смотря на судью, сидящего на всенародном судилище и произносящего приговор над подсудимыми, и не уходят, доколе не увидят, что судья встал, тем с большим усердием следует нам теперь взирать на всеблагого Бога, — как Он, с одной стороны, определяет змею тяжкое наказание, чтобы наказанием этого чувствами постигаемого животного, которым, как орудием, воспользовался лукавый демон, дать нам понятие о том наказании, какое его постигнет, и как, с другой стороны, милостиво налагает и на жену и на мужа соразмерное наказание, служащее больше к исправлению, чем к мучению, чтобы мы, внимательно рассмотрев все это, подивились попечению человеколюбивого Бога, какое Он показал в отношении к нашему роду. Что же Он говорит? *И рече Господь Бог змию: яко сотворил еси сие, проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных. На пер-*

сех и чреве ходити будеши, и землю снеси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем тоя. Той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будеши его пяту.

7. Велик и силен гнев, потому что чрезмерно велик и обман, который лукавый диавол сделал через змия. *И рече Господь Бог змию: яко сотворил еси сие.* Так как ты, говорит, послужил орудием такой злобе и таким образом привел в исполнение обман, подав гибельный совет и растворив для (прародителей) смертоносную чашу; так как ты сделал это и захотел лишить Моего благоволения тех, которые созданы Мной, послужив орудием воле лукавого демона, падшего, по злобе и безмерной гордости, с неба на землю, — то за это, что он употребил тебя в орудие, Я налагаю на тебя всегдашнюю казнь, чтобы из совершившегося с тобой и он мог знать, какое наказание постигнет его, и последующие люди научились не увлекаться внушениями его и не внимать его обольщению, дабы не подвергнуться тому же: за это *проклят ты от всех зверей*, так как своей мудростью воспользовался не по-надлежащему; напротив, преимущество, какое имел ты перед всеми животными, сделалось для тебя причиной всех зол. *Змий,* сказано, *бе мудрейший всех* скотов и *зверей* земных. За это ты будешь *проклят от всех скотов и зверей земных.* Но так как предмет проклятия не подлежал чувствам и не был видим для глаз, поэтому-то (Бог) налагает на него и чувственное наказание, чтобы мы могли постоянно иметь перед глазами следы его казни. *На персех и чреве ходити будеши и землю снеси вся дни живота твоего,* — за то, говорит, что ты воспользовался (своим) устройством не по-надлежащему, но дерзнул вступить в беседу с созданным Мной разумным животным. Как действовавший через тебя и употребивший тебя в орудие диавол за то, что возмечтал (о себе) выше своего достоинства, низвергнут с неба, таким же образом и тебе повелеваю

принять другой образ устройства – пресмыкаться по земле и ею питаться, так что тебе уже невозможно будет смотреть вверх, но постоянно должно находиться в таком положении и одному между всеми зверями питаться землей. И не это только, но *и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем тоя*. Не удовольствуюсь и этим, чтобы ты ползал по земле, но сделаю еще и жену непримиримым врагом тебе; да и не ее одну, но и семя ее сделаю также постоянно враждебным твоему семени. *Той твою блюсти будет главу, ти же блюсти будеши его пяту*. Я дам ему (семени жены) такую силу, что оно всегда будет наступать на твою голову, а ты будешь под его ногами. Смотри, возлюбленный, как и в наказание этого животного Бог показывает нам Свою попечительность о роде человеческом! И это относится только к чувственному змию; но желающий может после вникнуть в смысл написанного и понять, что, если это сказано о чувственном (змие), то еще более нужно прилагать сказанное к мысленному змию. И его, уничтожив, поверг под наши ноги и дал нам власть наступать на его голову. Не на это ли Он указывает, когда говорит: наступайте *на змию и на скорпию* (Лк. X, 19)? Чтобы мы не подумали, будто это сказано о чувственных животных, Он прибавил: *и на всю силу вражию*. Видели вы безмерное человеколюбие Божие и из наказания, наложенного на орудие диавола? Перейдем, если угодно, опять к жене. Так как он (змей) ввел в обман, то первый и получил наказание; и так как он первую соблазнил жену, и потом она уже увлекла и мужа, то ее первую и подвергает (Бог) наказанию, которое, впрочем, имело целью исправление. *И жене рече: умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада: и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (ст. 16). Смотри на благость Господа, какую показывает Он кротость после такого преступления. *Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя.*

Я, говорит, хотел, чтобы ты проводила беспечальную и безболезненную жизнь, свободную от всякой скорби и горести, и исполненную всякого удовольствия, (хотел, чтобы ты), будучи облечена телом, не чувствовала ничего телесного. Но как ты не воспользовалась по-надлежащему таким счастьем, но избыток благ довел тебя до столь великой неблагодарности, то чтобы ты не предалась еще большему своеволию, Я налагаю на тебя узду, и осуждаю тебя на печали и воздыхания. *Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада.* Я, говорит, сделаю, что у тебя рождение детей — источник великого утешения — будет начинаться печалью, чтобы ты сама в повседневных скорбях и печалях при деторождении имела постоянное напоминание о том, как велик этот грех и преслушание, чтобы с течением времени не предала ты забвению случившегося теперь, но знала бы, что причиной этого был для тебя обман. Поэтому *умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада.* Здесь разумеются болезни рождения и тот великий труд, какой должна терпеть (жена), и нося плод, как бремя, в продолжение стольких месяцев, — также некоторые особенные, происходящие отсюда, боли, растяжение членов и те нестерпимые страдания, которые знают только те (жены), которые испытали (их).

8. Однако человеколюбивый Бог даровал, вместе с скорбями, и столь великое утешение, что радость о рождении младенца равняется тем болезням, которые, в продолжение стольких месяцев, терзают утробу матери. Переносящие такой труд, столько терзаемые болезнями и, так сказать, отчаивающиеся в самой жизни, после того как родят и насладятся радостью за (свои) страдания, опять, как бы забыв все, что было, предаются деторождению: так устроил Бог для непрерывного сохранения людей! Надежда будущих благ всегда облегчает перенесение настоящих скорбей. Это всякий

может видеть на предприимчивых купцах, которые переплывают обширные моря, переносят кораблекрушения и (нападения) морских разбойников и часто, после многих таких опасностей, обманываются в своих надеждах, и несмотря на это, не останавливаются, но снова принимаются за то же. Это же можно сказать и о земледельцах: и они, после того, как прорежут глубокие борозды, употребят на обработку земли много трудов и щедро посеют семена, часто обманываются в надежде, вследствие засухи, или безведрия, или напавшей ржавчины при самом конце (созревания) колосьев, несмотря однако на это, они не отстают, но опять, когда придет время, берутся за земледелие. Это можно приметить и во всяком занятии. Так точно и жена: часто и она, после многих тех месяцев (чревоношения), после нестерпимых болей, после бессонных ночей, после растяжения членов, вследствие какого-либо незначительного неблагоприятного обстоятельства, выкинув прежде времени младенца, еще не образовавшегося и не получившего определенного вида, или хотя и образовавшегося, но не вполне, нездорового, или часто даже мертвого, едва только избежит опасности, как бы забыв все это, опять начинает то же, опять терпит то же. И что говорю: то же? Часто случается, что и умирает вместе с дитятей, однако и это не вразумляет прочих и не удерживает от этого дела: такое-то Бог соединил со скорбью удовольствие и радость! Поэтому сказал (Он): *умножая умножу печали твоя: в болезнех родиши чада.* Это же сказал и Христос, беседуя с учениками и показывая вместе и тяжесть скорби, и обилие радости: *жена, егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея*; потом, желая представить нам, как чувства скорби скоро проходят, и сменяются радостью и весельем, говорит: *егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (Ин. XVI, 21). Видишь безмерное попечение (Божие)? Видишь, что наказание преисполнено вразум-

ления? *В болезнех родиши чада.* Потом: *к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет.* Как бы оправдываясь перед женой, человеколюбивый Бог говорит: вначале Я создал тебя равночестной (мужу) и хотел, чтобы ты, будучи одного (с ним) достоинства, во всем имела общение с ним, и как мужу, так и тебе вверил власть над всеми тварями; но поелику ты не воспользовалась равночестием, как должно, за это подчиняю тебя мужу: *и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет.* Так как ты, оставив равночестного и имеющего общую с тобой природу, того, для кого ты создана, решилась вступить в беседу с лукавым животным — змеем, и принять от него совет, то затем Я уже подчиняю тебя ему и объявляю его твоим господином, чтобы ты признавала власть его; так как ты не умела начальствовать, то научись быть хорошей подчиненной. К *мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет.* Лучше тебе быть под его начальством и состоять под его управлением, чем, пользуясь свободой и властью, носиться по стремнинам. И для коня полезнее иметь на себе узду и ходить под управлением, чем без этого носиться по стремнинам. Итак, имея в виду твою пользу, Я хочу, чтобы ты *к мужу* имела *обращение*, повиновалась ему, как тело голове, и с радостью признавала его господство. Вижу, что вы утомились продолжительностью слова; но, прошу вас, ободритесь несколько, чтобы нам не оставить суда недоконченным и не уйти, оставив Судью еще сидящим (на суде): ведь мы уже приблизились к самому концу.

9. Посмотрим же, что, после жены, Бог говорит мужу и какое налагает и на него наказание. *Адаму же рече: яко послушал еси гласа жены твоея, и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси: проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе и снеси траву селную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже*

возвратишися в землю, от неяже взят еси, яко земля еси, и в землю отъидеши (ст. 17, 18, 19). И отсюда открывается великое и несказанное попечение Господне о человеке; но выслушаем внимательно каждое слово. *Адаму же рече: яко послушал еси гласа жены твоея, и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси.* Так как ты, говорит, послушал жены своей и вкусил от дерева, ее совет предпочел Моей заповеди, и не захотел воздержаться от одного только этого дерева, от которого Я заповедал тебе не есть (Я повелел тебе воздерживаться не от многих деревьев, а от одного только, а ты не воздержался и от него, но, забыв Мои заповеди, послушал жены), то за это на самом деле узнаешь, какое ты сделал зло.

Слушайте, мужья; слушайте, жены! Одни, чтобы не слушаться жен, когда они советуют худое, другие, чтобы не предлагать таких советов. Если он (Адам), хотя и сложил вину на жену, однако не удостоился никакого извинения, то какое оправдание будет иметь тот, кто станет говорить: «ради жены согрешил я в том и в том, сделал то и то?» Жена для того и подчинена твоей власти, ты для того и поставлен ее господином, чтоб она повиновалась тебе, чтобы голова не следовала за ногами. Но часто можно видеть противное: тот, кто должен быть в чине головы, не удерживается даже и в чине ног; поставленная же в чине ног, становится в чине головы. Поэтому и блаженный Павел, учитель вселенной, предвидя все это, вопиял: *что веси, жено, аще мужа спасеши? или что веси, мужу, аще жену спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Однако, и муж должен с великой осторожностью отвергать гибельные советы жены, и жена, живо помня наказание, какому подверглась Ева, давшая мужу гибельный совет, пусть не дерзает советовать мужу что-либо подобное и пусть не подражает Еве, но, вразумляясь ее примером, пусть советует то, что и ее и мужа не подвергнет никакому осуждению и наказанию. Но возвратимся к

предмету. *Адаму же рече Бог: яко послушал еси гласа жены твоея, и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси.* Так как ты, говорит, показал такую беспечность касательно соблюдения данной Мной заповеди и не воспользовался ни страхом, ни предварительным Моим объявлением того, что должно произойти с вами за вкушение, но дошел до такого нечестия, что, при таком (обилии) наслаждений, не мог удержаться от одного дерева, то поэтому *проклята будет земля в делех твоих.* Смотри на человеколюбие Господа, как (неодинаково) Он наказывает змия и это разумное животное (человека). Тому говорит: *проклят ты от земли;* а этому не так; как же? — *Проклята земля в делех твоих.* И справедливо. Так как земля создана для человека, чтобы он мог наслаждаться плодами ее, поэтому теперь Бог, за человека же, так согрешившего, налагает на нее проклятие; и так как наложенное на землю проклятие лишило человека покоя и благополучия, то *проклята,* говорит, *земля в делех твоих.* Потом, чтобы ты знал, что значит: *проклята,* прибавил: *в печалех снеси тую вся дни живота твоего.* Смотри, каждое наказание распространяется на весь век, чтобы не только они (прародители) получили от этого пользу, но и последующие роды познавали из этого, за что постигло их это наказание. *В печалех,* говорит, *снеси тую вся дни живота твоего.* Потом, еще точнее определяя вид проклятия и причину печали, прибавил: *терния и волчцы возрастит тебе.* Вот памятники проклятия! Терния, говорит, произрастит и волчцы. Я сделаю, что ты будешь переносить тяжкий труд и заботу, и в печали проводить всю жизнь, чтобы это было для тебя уздой, чтобы ты не мечтал о себе свыше своего достоинства, но постоянно помнил бы о своей природе, и впредь никогда не допустил себя до подобного обольщения. *И снеси траву селную. В поте лица твоего снеси хлеб твой.* Смотри, как после преслушания у него все стало не так, как в прежней его жизни!

Я, говорит, вводя тебя в этот мир, хотел, чтобы ты жил без скорби, без труда, без забот, без печалей, чтобы ты был в довольстве и благоденствии и не подлежал телесным нуждам, но был чужд всего этого и пользовался совершенной свободой. Но так как тебе не была полезна такая свобода, то Я и прокляну землю так, что она впредь уже не будет, как прежде, давать плодов без посева и возделания, а только при большом труде, усилии и заботах; подвергну тебя постоянным скорбям и печалям, заставлю все делать с изнурительным напряжением, чтобы эти мучительные труды были для тебя всегдашним вразумлением вести себя скромно и знать свою природу. И это будет не на малое или краткое время, но продолжится во всю жизнь твою. *В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси, яко земля еси и в землю отыдеши*. Ты будешь терпеть это, доколе не наступит конец твоей жизни, когда ты разрешишься в землю, из которой и был образован. Хотя Я дал тебе природу телесную, по Моему человеколюбию, но это тело (произошло) из земли и будет опять землей: *земля еси и в землю отыдеши*. Чтобы этого не было, Я повелел вам не касаться того древа, присовокупив: *в оньже аще день снесте от него, смертию умрете*. Я не хотел этого, но так как с Моей стороны сделано все, а ты сам устроил себе это, то не вини никого другого, но приписывай все своей беспечности. Здесь рождается у нас еще другой вопрос, который, если вам угодно, мы решим вкратце, и затем окончим слово. *Рече*, сказано, *Бог: в оньже аще день снесте от него, смертию умрете*; а оказывается, что они после преслушания и вкушения жили еще много лет. Это представляется недоумением только для тех, которые поверхностно относятся к приведенным словам. Но кто слушает с добрым размышлением, для того ясно сказанное, и для внимательного не представляет никакого недоумения. Хотя они (Адам и Ева) прожили много лет, но с той уже

минуты, как услышали: *земля еси, и в землю отъидеши*, они получили смертный приговор, сделались смертными и, можно сказать, умерли. Указывая на это, Писание и сказало: *в оньже аще день снесте, смертию умрете* — вместо того, чтобы сказать: получите приговор — быть уже смертными. Как в человеческих судах, человек, приговоренный к отсечению головы, будучи затем посажен в темницу, хотя бы и долго пробыл там, будет проводить жизнь не лучше мертвых, так как уже предан смерти приговором, — так подобным же образом и прародители с того самого дня, в который услышали смертный приговор, хотя и долго еще прожили, но по приговору уже умерли. Знаю, что сказано уже много и наше поучение простерлось очень далеко. Поэтому, при помощи Божией, по мере сил наших, изъяснив вам до конца нынешнее чтение из Писания, здесь и прекратим свое слово.

10. Можно бы, правда, предложить и другое и показать, что это самое наложенное наказание и то, что люди стали смертны, заключает в себе бездну человеколюбия; но чтобы не обременить вашего ума многочисленностью (мыслей), попросим только вас — по выходе отсюда не вдаваться в праздные беседы и в бесполезную болтливость, но размышлять с собой и беседовать с другими о том, что сказано, и приводить себе на память то, что говорил Судья, чем оправдывались виновные, также то, как один слагал вину на другую, а эта — на змея, и как (Бог) наказал и последнего, наложив на него казнь постоянную, простирающуюся на все время, и, выразив сильный гнев на него, этим показал Свое попечение об обольщенных. Из того самого, что Он так воздал обольстителю, видно, что этот обольститель соблазнил особенно Ему дорогих. Потом, припоминайте наказание, какому подверглась жена, или — лучше — исправление; припомнив сказанное Адаму и представляя в уме приговор: *яко земля еси, и в землю отъидеши*, подивитесь притом несказанному человеколюбию

Господа, по которому Он, если только мы решимся делать добро и убегать зла, обещал нас, происшедших из земли и в землю разрешающихся, удостоить неизреченных тех благ, уготованных любящим Его, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Итак, мы должны воздавать великую благодарность Господу нашему за такие благодеяния и никогда не выпускать их из памяти: напротив, добрыми делами и совершенным удалением от зла будем умилостивлять Его и приобретать Его благоволение к нам. Если Он, будучи Богом бессмертным, не отказался принять на Себя наше смертное и земное естество, освободить от древней мертвенности, вознести превыше неба, почтить соседством Отцу и удостоить поклонения от всего небесного воинства, то не было ли бы крайне неблагодарно, если бы мы не устыдились воздать Ему противным, и бессмертную душу пригвоздив, так сказать, к плоти, сделали земной, мертвой и бездейственной? Нет, умоляю вас, не будем так неблагодарны к Тому, Кто оказал нам столько благодеяний, но, следуя Его законам, будем делать угодное и приятное Ему, чтобы и Он признал нас достойными вечных благ, коих да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

И нарече Адам имя жене своей Жизнь, яко та мати всех живущих. И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны: и облече их. И рече Бог: се Адам бысть яко един от Нас (Быт. III, 20–22)

1. Видели вы вчера человеколюбие Судьи? Видели исследование, исполненное благости? Видели разность наказаний – как наказан коварный обольститель, как

наказание, наложенное на обольщенных, показывает великое человеколюбие Божие? Видели, как полезно было нам присутствовать в судилище и видеть, как производилось исследование? Мы узнали, сколь многих и великих благ лишили себя Адам и Ева преступлением данной им заповеди, лишившись той неизреченной славы и жизни, которая была почти ничем не хуже ангельской. Мы увидели снисходительность Владыки, узнали, какое великое зло — беспечность, как она лишает нас и тех благ, которыми мы уже пользовались, и подвергает великому стыду. Поэтому, умоляю, будем бдительны, и пусть падение их (первых людей) послужит для нас врачевством, и их беспечность пусть будет для нас побуждением к осторожности, потому что совершающие после этого те же грехи подлежат большему наказанию, так как они не захотели вразумиться примерами. И действительно, потомки, согрешающие подобно первым людям, подвергаются неодинаковому с ними наказанию. В этом можно тотчас удостовериться из слов мудрого учителя вселенной, то есть блаженного Павла, который говорит: *елицы, бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут; и елицы, в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 12). Эти слова значат: жившие до закона и живущие после закона не одинаково будут судимы; согрешающие после дарования закона подвергнутся тягчайшим наказаниям. *Елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут*, то есть наказание облегчается тем, что они не пользовались наставлением и помощью закона. *И елицы в законе согрешиша, законом суд приимут.* А эти, говорит (апостол), так как имели наставником закон и, несмотря на это, не вразумились, но грешили подобно тем, наказание понесут большее. Но выслушаем и то, что прочтено сегодня. *И нарече*, говорит (Моисей), *Адам имя жене своей* Ева, то есть *жизнь, яко та мати всех живущих.* Смотри, какая обстоятельность (в словах) Божественного Писания, как

оно не умолчало и об этом, но сообщило нам, что Адам дал имя и жене. *Нарече*, говорит, *имя жене своей* Ева, что значит — *жизнь, яко та мати всех живущих*, то есть она есть начало всех, имевших произойти от нее людей, корень и основание последующего рода. Потом, сообщив нам о наречении имени жене, опять показывает нам благость Божию, как Он не оставляет без внимания созданных Им, когда они были в таком стыде и наготе. *И сотвори*, говорит, *Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны: и облече их*. Как сердобольный отец, имеющий благородного сына, воспитываемого со всей заботливостью, наслаждающегося всей роскошью, живущего в прекрасном доме, облеченного в шелковые одежды и свободно пользующегося отцовским имением и богатством, видя впоследствии, что от такой счастливой жизни он впал в бездну разврата, лишает его всего этого, подчиняет своей власти, и сняв с него (богатую) одежду, одевает его в бедное, часто даже в рабское платье, чтобы не оставить в совершенной наготе и стыде, — так и человеколюбивый Бог, когда (Адам и Ева) сделались недостойными того славного и блестящего одеяния, которое облекало их и избавляло от телесных нужд, лишил их всей этой славы и счастья, каким они пользовались до этого тяжкого падения, но вместе с тем являя им великое милосердие и сожалея об них в самом падении, и видя, что они покрыты великим стыдом и не знают, что и делать, чтобы не оставить их в совершенной наготе и посрамлении, делает для них кожаные ризы и одевает их. Таковы козни диавола: когда он найдет послушных себе, то обольстив их кратковременным удовольствием, низвергнув в самую глубину зла и покрыв стыдом и бесчестьем, оставляет их в этом низком положении на жалкий позор зрителям. Но Попечитель душ наших, видя их в совершенной беспомощности, не оставляет их в этом положении, но придумывает для них покров, и бедностью одежды показывает им,

какого одеяния они заслужили. *И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны: и облече их.* Смотри, как Божественное Писание снисходит (к человеческим понятиям). Но я и теперь повторяю то же, что неоднократно говорил: мы должны все понимать богоприлично, и под словом *сотвори* должны понимать: повелел. Он повелел им облечься в кожаные ризы для непрестанного памятования о преслушании.

2. Пусть об этом послушают богатые, которые украшаются тканями червей и одеваются в шелк, и пусть знают они, как человеколюбивый Владыка с самого начала вразумлял человеческую природу. Так как первозданный преступлением заповеди заслужил осуждение на смерть, между тем нужно было облечь его одеждой, которая бы прикрывала его стыд, то (Бог) сотворил им кожаные ризы, научая этим нас избегать изнеженной и роскошной жизни, не искать жизни праздной и беспечной, но более любить суровую. Но, может быть, богатые, негодуя на эти слова, скажут: так что же? Ты велишь нам одеваться в кожаные одежды? Не говорю этого, потому что и первые люди не навсегда получили те ризы; человеколюбивый Владыка к прежним благодеяниям всегда прибавляет другие. Так как первые люди, лишившись того бесстрастия и ангельской жизни, подвергли себя телесным нуждам, то Бог впоследствии устроил так, чтобы одежда для людей была приготовляема из овечьей шерсти, впрочем не для чего иного, как только для того, чтобы она служила покровом и чтобы это разумное существо не жило, подобно бессловесным, в наготе и бесстыдстве. Итак, употребление одежд пусть непрестанно напоминает нам о потерянных благах и о том наказании, которое постигло человеческий род за преслушание. После этого пусть отвечают нам те, которые так увлеклись блеском, что даже и понятия не имеют об одеждах из овечьей шерсти, но облекаются в шелковые и дошли до такого безумия, что вплетают еще

и золото в одежды, — особенно же такую роскошь видим мы у женского пола: для чего ты, скажи мне, украшаешь тело и любуешься такой одеждой, а о том не думаешь, что этот покров изобретен вместо величайшего наказания за преступление? Почему не слушаешь блаженного Павла, который говорит: *имеюще пищу и одеяние, сими довольна будем* (Тим. VI, 8)? Видишь, что надобно заботиться о том только, чтобы тело не было нагим, чтобы оно было только прикрыто, и отнюдь не заботиться о разнообразии одеяния. Но перейдем к тому, что следует далее. *И рече Бог: се Адам бысть яко един от нас, еже разумети доброе и лукавое, и ныне да не когда прострет руку свою, и возмет от древа жизни, и снест, и жив будет во век. И изгна его Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть* (Быт. III, 22, 23). Смотри опять на Божие снисхождение. *И рече,* говорит Писание, Господь *Бог: се Адам бысть яко един от нас, еже разумети доброе и лукавое.* Видишь, какие простые слова? Все это будем понимать богоприлично. Этими словами (Писание) хочет напомнить нам о том обмане, которым диавол через змия обольстил (первых людей). Диавол сказал им, что *аще снесте, будете яко бози* (ст. 5), и они, надеясь сравняться с Богом, дерзнули вкусить; поэтому и Бог, желая вразумить их, привести в сознание греха и показать, как велико их преслушание и чрезмерно обольщение, говорит: *се Адам бысть, яко един от нас.* Эти слова выражают большое посрамление, могущее поразить преступника. Потому ты, говорит Бог, пренебрег моей заповедью, что возмечтал быть равным Богу? Вот ты сделался тем, чем надеялся быть, или — лучше — не тем, чем надеялся быть, а чем заслужил быть. *Се Адам бысть яко един от нас, еже разумети доброе и лукавое.* Это и говорил им через змея диавол-обольститель, — что *отверзутся очи ваши и будете, яко бози, ведяще доброе и лукавое* (ст. 5). *И ныне да не когда прострет руку и коснется древа жизни, и снест, и жив будет во век.* Усматривай отсюда

человеколюбие Господа. Нужно тщательно исследовать эти слова, чтобы не могло утаиться от нас ничего, что сокрыто в этой глубине. Когда Бог давал Адаму заповедь, то повелел ему воздерживаться от одного только дерева, вкусив от которого он подвергся наказанию смерти; давая заповедь, это определил ему, если нарушит, ничего не постановив касательно дерева жизни. Поелику Бог, как я думаю и как надобно понимать, создал человека бессмертным, то он мог, если хотел, вместе с другими вкушать плоды и этого древа (жизни), которое могло постоянно поддерживать его жизнь: поэтому он не получил никакой (особенной) заповеди касательно этого дерева.

3. Если же кто из любопытных захочет доискиваться, почему оно названо древом жизни, то пусть знает, что человек, следуя своим умозаключениям, не может понимать ясно все дела Божии. Чтобы созданный Им человек, живя в раю, имел упражнение в послушании или непослушании, Господу угодно было насадить там и эти два дерева: одно дерево жизни, а другое, так сказать, смерти, потому что вкушение от этого последнего и преступление заповеди навлекло на человека смерть. Так как человек, вкусив от этого дерева, сделался смертным и подлежал уже телесным нуждам, так как впервые явился грех, за который Господом благодетельно установлена смерть, то Он и не оставляет Адама в раю, но повелевает ему выйти из него, показывая тем, что делает это не по чему-либо другому, как только по любви к нему. Чтобы точно уразуметь это, необходимо опять прочитать слова Божественного Писания: *и ныне*, говорит, *да не когда прострет руку, и возмет от древа жизни, и снест, и жив будет во век.* Так как, говорит, человек обнаружил великую невоздержность по отношению к данной заповеди и сделался смертным, то чтобы он не осмелился прикасаться и к этому дереву, постоянно поддерживающему жизнь, и не грешил бесконечно, лучше

ему быть изгнанным отсюда. Так изгнание из рая есть дело скорее попечительности Божией о человеке, нежели гнева. Таков Господь наш: и наказаниями не меньше, чем и благодеяниями, Он показывает Свое промышление о нас; и наказание посылает нам для нашего же вразумления. Так, если Он знает, что мы, греша безнаказанно, не делаемся худшими, то и не наказывает; чтобы предупредить наше поступательное движение к худшему и пресечь дальнейшее распространение греха, Он, по Своему человеколюбию, наказывает. Так поступил Он и теперь: заботясь о первозданном, повелел ему удалиться из рая. *Изгна его,* сказано, *Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть.* Опять и здесь обрати внимание на тщательность (в словах) Божественного Писания. *Изгна его,* говорит, *Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть.* Вот Он приводит в исполнение Свой приговор и, выведя (человека) из рая сладости, заставляет его возделывать землю, из которой он взят. И эти слова: от *неяже взят бысть,* сказаны не без цели, но чтобы (человек) в работе имел постоянное напоминание о своем смирении и знал, что отсюда его состав, что существо тела его в начале произошло из земли: *делати,* говорит, ту *землю,* из которой он и составлен. Что выразил Бог в Своем приговоре: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (ст. 19), то же самое и теперь выражает словами: *делати землю, от неяже взят бысть.* Далее, чтобы нам знать, на какое расстояние Бог удалил человека от рая, Божественное Писание научает нас и этому, говоря: *и изрину* Господь Бог *Адама, и всели его прямо рая сладости* (ст. 24).

Смотри, как в каждом обстоятельстве выразилось человеколюбие всеобщего Владыки и каждый вид наказания свидетельствует о великой благости. Не только изгнание было делом человеколюбия и благости, но и то, что (Бог) поселил его против рая, дабы он постоянно скорбел, размышляя ежедневно о том, чего он ли-

шился и до какого состояния довел себя. Но вид (рая), если и возбуждал в Адаме нестерпимую скорбь, в то же время однако доставлял и немалую пользу: постоянное созерцание (рая) служило для скорбящего предостережением на будущее время, чтобы он снова не впал в то же (преступление). Вот как, по большей части, бывает с людьми: пока мы обладаем благами, дотоле не умеем надлежащим образом пользоваться ими; лишившись же их, делаемся умнее, и тогда, наученные опытом, начинаем сознавать свою беспечность, и таким образом перемена обстоятельств дает нам понять то, чего мы лишились и какому злу подвергли себя. Так и повеление изгнанному из рая поселиться вблизи и против него было знаком величайшей заботливости (Божией о человеке), чтобы это воззрение напоминало ему и он отсюда извлекал для себя пользу, и имея сильное желание жить, не дерзнул, как находившийся вне рая, вкусить от древа. Божественное Писание все излагает нам, снисходя к человеческой немощи. *И пристави херувима, и пламенное оружие обращаемое, хранити путь древа жизни* (ст. 25). Беспечность, какую они (первые люди) показали по отношению к данной заповеди, была причиной того, что так крепко загражден им вход в рай. Подумай, — Человеколюбец не удовольствовался тем, что поселил против рая, но повелел тем силам — херувимам и пламенному *обращаемому* оружию стеречь путь, ведущий туда. Не без цели же (Моисей) присовокупил: *обращаемое,* но для того, чтобы научить нас, что совершенно загражден был ему вход в рай, так как то оружие, обращаясь, заграждало все, ведущие туда, пути и непрестанно возбуждало в нем страх и воспоминание.

4. *Адам же позна Еву жену свою* (IV, 1). Замечай, когда это случилось. После преслушания, после изгнания из рая, — тогда начинается супружеское житие. До преслушания (первые люди) жили, как ангелы, и не было (речи о) сожитии. И как это могло быть, когда они

свободны были от телесных потребностей? Таким образом вначале жизнь была девственная; когда же по беспечности (первых людей) явилось преслушание и вошел (в мир) грех, девство отлетело от них, так как они сделались недостойными столь великого блага, а вместо того вступил в силу закон супружества. Подумай же, возлюбленный, как велико достоинство девства, как высоко и важно это состояние, как оно превышает человеческую природу и требует помощи свыше. Что решившиеся избрать девство, и будучи в теле, живут подобно бестелесным силам, послушай слов Христа, сказанных саддукеям. Возбудив вопрос о воскресении и желая знать (мнение Иисуса Христа), они сказали: «Учитель! Было у нас семь братьев: первый, женившись, умер бездетным и оставил жену свою брату своему; и второй умер и, не имея семени, оставил жену свою брату своему; подобно и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и седьмой. Итак, в воскресении, которого из семи будет она женой? Ведь все имели ее» (Мф. XXII, 24–28. Мк. XII, 19–23. Лк. XX, 28–33)? Что же отвечал им Христос? *Прельщаетеся, не ведуще писания, ни силы Божия. В воскресение бо ни женятся, ни посягают, но яко ангели суть.* Видишь, как избравшие, из любви ко Христу, жребий девства, и живя на земле, и будучи облечены телом, подражают ангельской жизни? Поэтому, сколько велик и высок этот подвиг, столько же велики и даже еще более велики венцы и награды, и блага, обещанные тем, кто, вместе с девством, подвизается и в прочих добродетелях. *Адам же,* сказано, *позна Еву жену свою, и заченши, роди Каина* (Быт. IV, 1). Так как через преслушание вошел грех и приговор сделал первых людей смертными, то всемогущий Бог, устрояя, по Своей премудрости, продолжение человеческого рода, соизволил уже ему умножаться через супружество. *И рече (Ева): стяжах человека Богом.* Смотри, как наказание сделало жену благоразумнее: рождение дитяти она

приписывает не природе, но Богу, и (этим) обнаруживает в себе чувство признательности. Видишь, как наказание послужило для них побуждением к исправлению? *Стяжах*, говорит Ева, *человека Богом;* не природа дала мне дитя; его даровала вышняя благодать. *И приложи родити брата его, Авеля* (ст. 2). Так как она была благодарна за рождение (первого сына) и признательна за первое благодеяние, то получила и второе. Таков наш Владыка: если мы обнаружим свою благодарность за полученные дары и исповедаем Благодетеля, Он ущедряет Свои к нам милости. Так и Ева за то, что рождение (Каина) приписала Богу, получает и другое дитя. Рождение детей сделалось уже величайшим утешением для людей, когда они стали смертными. Поэтому-то и человеколюбивый Бог, чтобы немедленно, в самом начале, смягчить строгость наказания и отнять у смерти страшный вид, даровал рождение детей, являя в нем, так сказать, образ воскресения и устрояя так, чтобы на место падающих (умирающих) восставали другие. *И бысть*, сказано, *Авель пастырь овец: Каин же бе делаяй землю* (Быт. IV, 2). Божественное Писание сообщает нам о занятиях каждого из родившихся, (а именно), что один из них вел жизнь пастушескую, а другой возделывал землю. *И бысть по днех, принесе Каин от плодов земли жертву* Господу. Смотри, как Создатель природы вложил в совесть познание. Кто, скажи мне, привел его (Каина) к этой мысли (о принесении жертвы Богу)? Никто другой, как только познание, положенное в совести. *Принесе*, говорит, *от плодов земли жертву Господу.* Он знал и понимал, что надлежит из своего имения приносить (Богу), как Владыке, какой-нибудь плод; не потому, что Бог нуждается в этом, но для того, чтобы, наслаждаясь столь великим благодеянием (Божиим), показать свою признательность. Бог не имеет ни в чем нужды и ничего не требует от нас; но, снисходя к нам, по Своему неизреченному человеколюбию, дозволяет это

(принесение Ему жертв) ради нашего спасения, чтобы познание Господа служило для человеческой природы училищем добродетели. *И Авель принесе и той от первородных овец своих* (ст. 4). Не без цели и не напрасно я в самом начале беседы говорил вашей любви, что Господь наш не смотрит на различие лиц, но награждает намерение, испытывая душевное расположение. Так, вот смотри, было и теперь.

Поэтому, возлюбленные, тщательно выслушаем сказанное и посмотрим, что Писание повествует о Каине и что об Авеле; не пройдем этого рассказа без внимания, потому что Божественное Писание ничего не говорит просто и как случится; каждый слог, каждая даже черта заключает в себе некоторое скрытое сокровище; таково свойство всего духовного. Итак, что говорит Писание? *И бысть по днех, принесе Каин от плодов земли жертву* Господу: *и Авель принесе и той от первородных овец своих, и от туков их* (ст. 3, 4).

5. Более проницательные уже из самого чтения понимают сказанное. Но так как мы должны заботиться о всех вообще, — потому что духовное учение не знает различия, — то вот яснее раскроем вам эти слова, и для этого снова повторим их. *Каин*, сказано, *принесе от плодов земли жертву Господу*; потом, желая сообщить нам и об Авеле, Божественное Писание говорит, что и он принес жертву от своего, пастушеского занятия: *принесе и той от первородных овец своих и от туков их*. Смотри, как Писание показывает нам боголюбивое его намерение и то, что он принес не просто от овец, но *первородных*, то есть дорогих, отборных, далее, что от этих первородных (принес) самое драгоценнейшее: *и от туков*, сказано, *их*, из самого приятного, наилучшего. О Каине ничего такого Писание не замечает, а говорит только, что он принес *от плодов земли жертву*, что, так сказать, попалось, без всякого старания и разбора. Опять говорю и не перестану говорить: Бог принимает наши при-

ношения не потому, что нуждается в них, но потому, что хочет, чтобы и через них выражалась наша благодарность. Тому, кто приносит Богу и притом Ему принадлежащее, кто понимает различие природы (божеской и человеческой) и то, что человек удостаивается такой чести, надлежало, по возможности, исполнять свой долг и приносить Богу драгоценнейшее. Но смотри, возлюбленный: кто отсюда имел средства познать свой долг, тот справедливо наказывается, теряя свое спасение по беспечности. Ведь и тот не имел какого-либо наставника и этот – руководителя и советника, но каждый приступил к такому жертвоприношению по внушению совести и мудрости, свыше данной человеческому роду; но различие в намерениях и беспечность воли были причиной того, что приношение одного было принято, а другого отвергнуто Богом. *И призре Бог на Авеля и на дары его* (ст. 4). Смотри, как исполняется здесь сказанное в Евангелии, что *будут первии последнии, и последнии первии* (Мф. XIX, 30). Вот и имеющий преимущество по первородству и прежде принесший (жертву) оказался хуже брата, потому что принес не так, как следовало. Когда оба они принесли жертву, *и призре*, говорит Божественное Писание, *Бог на Авеля и на дары его*. Что значит: *и призре*? Значит: принял, похвалил намерение, увенчал расположение, был, так сказать, доволен тем, что совершено. Мы, если говорим о Боге и осмеливаемся раскрывать уста о бессмертной той Природе, то, будучи людьми, не иначе можем представлять это, как только при помощи языка. Но вот, что (здесь) удивительно: *призре*, говорит, *Бог на Авеля и на дары его*. Принесение овец Писание назвало дарами, потому что принесено было драгоценное, отборное, непорочное. Итак, Бог призрел на Авеля за то, что он сделал приношение с чистым расположением; призрел и на принесенные дары не за то только, что они были чисты, но за то, что во всех отношениях оказывались

драгоценными, как по расположению приносящего, так и потому, что (овцы) были первородные, и притом избранные, *и от туков их,* и из этих самых наилучшие. *И призре Бог,* сказано, *на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят* (ст. 5). Так как Авель принес с надлежащим расположением и от искреннего сердца, то *призре,* сказано, *Бог,* — то есть принял, одобрил, похвалил; принесенное же назвал дарами, чтобы этим почтить расположение принесшего. *На Каина же и на жертвы его не внят.* Замечай точность (в словах) Писания. Словом *не внят* оно показало отвержение принесенного, а названием принесенных плодов земли жертвой внушает нам еще нечто другое. Смотри, в самом деле, как Писание и самыми событиями и словами дает знать, что Господь желает от нас всего этого (жертв и приношений) для того, чтобы наши внутренние расположения обнаруживались в делах наших и мы знали бы, что находимся под владычеством Господа и Творца, Который привел нас из небытия в бытие. Назвав овец дарами и плоды земные — жертвой, Божественное Писание этим научает нас, что Господь ищет не приведения бессловесных и не приношения плодов земных, но только душевного расположения. Поэтому и теперь, в зависимости от расположения, один был принят с даром, а другой по тому же отвергнут с жертвой. Слова же: *призре на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят* — будем понимать богоприлично. Этими словами Писание хочет сказать, что Бог сообщил им познание о том, что Он расположением одного был доволен, а безрассудство другого отринул. Это совершено было со стороны Бога; посмотрим, что следует далее. *И опечали,* сказано, *Каина зело, и испаде лице его* (ст. 5). Что значит: *и опечали Каина зело?* Его печаль происходила от двух причин: не только от того, что сам он был отвергнут, но и от того, что принят был дар брата его. *И опечали,* сказано, *Каина зело, и испаде лице его.* Что опе-

чалило его? Два эти обстоятельства опечалили его: и то, что Господь не принял его жертвы, и то, что дар брата был благоприятен Ему. Следовало, узнав причину из того, что произошло, исправить погрешность, потому что человеколюбивый Владыка наш не столько отвращается от нас, когда мы согрешим, сколько в таком случае, когда мы коснеем в грехе; но он (Каин) нисколько не заботился об этом (исправлении).

6. И чтобы тебе вполне убедиться в этом и увидеть неизреченное величие Божия человеколюбия, замечай в настоящих событиях обилие благости и величие милосердия Божия. Когда Он увидел, что Каин чрезмерно опечалился и готов, так сказать, утонуть в волнах печали, то не презрел его, но то же человеколюбие, какое показал Он к отцу его, после тяжкого греха его, когда дал ему случай к оправданию и отверз двери к дерзновению, словами: *где еси?* — такое человеколюбие являет и теперь к (Каину), оказавшемуся столь неразумным и готовому как бы низринуться в пропасть; простирая руку (помощи) и желая дать ему случай исправить свой проступок, говорит ему: *вскую прискорбен был еси и вскую испаде лице твое. Еда, аще право принесл еси, право же не разделил еси, не согрешил ли еси! Умолкни. К тебе обращение его, и ты тем обладаеши* (ст. 6. 7). Смотри, возлюбленный, какое несказанное снисхождение попечения! Бог видел, что Каин объят, так сказать, страстью зависти: смотри же, как Он, по благости Своей, прилагает соответствующее ему врачевство, чтобы тотчас поднять его и не дать ему утонуть. *Вскую прискорбен был еси и вскую испаде лице твое* — отчего, то есть, ты одержим такой печалью, что и на лице своем выказываешь глубину скорби? *Вскую испаде лице твое!* Отчего совершившееся так тронуло тебя? Для чего ты не исполнил своего долга? Ты приносил жертву не человеку, которого можно обмануть. Разве не знаешь, что Я желаю не приношений, но искреннего расположения приносящих?

Вскую прискорбен был еси и вскую испаде лице твое? Еда, аще право принесл еси, право же не разделил еси, не согрешил ли еси? Что тебе пришло на мысль сделать приношение, это похвально; а то, что ты несправедливо разделил (избрал плоды на жертву), это послужило причиной того, что принесенное тобой отвергнуто. Приносящий Богу должен соблюдать большую тщательность при разделении; и сколь велико различие между Приемлющим и приносящим, столько же должно делать различия и при избрании (жертвы). Но ты нисколько не подумал об этом, и принес просто что случилось: поэтому принесенное и не могло быть принято. Но, как твое, расположение, с каким ты сделал приношение, нисколько не подумав о различии (между Приемлющим и приносящим), было причиной того, что принесенная тобой жертва отвергнута, так надлежащее расположение брата, показавшего великую старательность в избрании (жертвы), сделало дары его благоприятными. Однако и при этом Я не хочу тебя наказывать за проступок, но только указываю на грех и даю тебе совет, который если захочешь принять, то и грех свой исправишь и не впадешь в худшее зло. Что же? Ты сделал грех, и великий грех, но Я не наказываю за него, потому что Я человеколюбив и *не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Так как ты согрешил, то *умолкни,* успокой свои помыслы, освободись от напора волн, осаждающих твой душу, укроти волнение, чтобы к прежнему греху не прибавить тебе другого тягчайшего, чтобы не решиться тебе на какое-нибудь неисправимое зло. Не отдайся в плен лукавому демону. *Согрешил еси, умолкни.* Бог уже наперед знал, что (Каин) восстанет на брата, и этими словами предупреждает его. Как Бог, ведущий тайны душевные, Он знал сердечные движения Каина: поэтому в продолжительном увещании и милостивых словах предлагает ему приличное врачевство и делает со Своей стороны все, хотя (Каин) и от-

верг лекарство и низринулся в бездну братоубийства. *Согрешил еси, умолкни.* Не думай, говорит Бог, будто Я, отринув твою жертву за ненадлежащее расположение и приняв дар брата за его истинное расположение, лишаю тебя первенства и отнимаю у тебя права первородства. *Умолкни:* хотя он и удостоился от Меня чести и дар его принят, но *к тебе обращение* его, *и ты тем обладаеши,* – так что, и после этого греха, Я за тобой оставляю преимущества первородства, и ему повелеваю быть у тебя под властью и начальством. Смотри на человеколюбие Господа, как Он этими словами желает укротить ярость и неистовство Каина, и удержать его от восстания на брата. Видя движение его мысли и зная жестокость его убийственного намерения, Бог наперед хочет смягчить его сердце и успокоить его ум, и для того подчиняет ему брата и не отнимает у него власти над ним. Но и после такой заботливости и после такого врачевания Каин не получил никакой пользы. Таково различие во внутреннем расположении (Каина и Авеля), такова сила зла!

7. Но чтобы, простирая далее слово, нам не быть в тягость вашей любви, и беседа наша, поражая ваш слух, не показалась скучной, мы, остановив здесь слово, попросим вас, усердные слушатели, возненавидеть подобные (Каиновым) поступки и, отвратившись совершенно от греха, с великим усердием и от всего сердца обратиться к заповедям Господним, особенно же после стольких и таких примеров. Никто из нас (в свое оправдание) не может уже прибегнуть к неведению. Если он, разумею Каина, хотя и не мог указать ни на кого из предков своих, кто бы сделал подобное ему преступление, подвергся однако, как вы после узнаете, невыносимому и тяжкому наказанию, то что же должны потерпеть мы, когда так же, или еще и хуже, грешим после такого обилия благодати? Не постигнет ли нас вечный огонь, червь неумирающий, скрежет зубов, кромешная

тьма, огненная геенна и прочие неотвратимые казни? Для нас уже не остается никакого оправдания, когда мы живем так беспечно и нерадиво. Не все ли мы знаем, что должно делать и чего не должно, что делающие первое (добро) получат победные венцы, а впавшие в последнее (грех) подвергнутся крайним мучениям? Поэтому прошу, умоляю и заклинаю, да не будет бесплодным наше собрание в этом месте, но да последуют за слушанием слов самые дела, чтобы, имея совершенно спокойную совесть и от этого питаясь благими надеждами, могли мы, легко переплыв опасное море настоящей жизни, войти в пристань Божия человеколюбия и получить те неизреченные блага, которые Господь обещал любящим Его, благодатью и милосердием Единородного Его Сына, с Которым святому и поклоняемому Его Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

И рече Каин ко Авелю брату своему: пойдем на поле (Быт. IV, 8)

1. Как неизлечимые раны не поддаются ни острым, ни смягчающим лекарствам, так и душа, раз сделавшись пленницей и предавшись какому-нибудь греху, если не хочет сама подумать о собственной пользе, не исправляется, сколько бы кто ни внушал ей; она, как будто бы совсем не имея слуха, не получает от увещания никакой пользы, не потому, что не может, но потому, что не хочет. Впрочем, с волей (человека) не то, что бывает с телесными ранами. В телесной природе недуги часто бывают неизлечимы, но с волей не так: напротив, нередко и злой человек, если захочет, может перемениться и сделаться добрым, и добрый если не будет бдителен, может развратиться. Господь всяческих, создав

нашу природу свободной, хотя со Своей стороны делает все, и следуя Своему человеколюбию, и зная тайны, сокрытые в глубине души, увещевает, советует и предостерегает от злого дела, но не принуждает, а предложив соответствующие врачевства, предоставляет все на волю больного. Так произошло теперь и с Каином. После такой (Божией) заботливости о нем, смотри, в какое он впал неистовство. Ему надлежало, сознав свой грех, позаботиться об исправлении; а он, как пьяный, к первой болезни и ране прибавляет другую язву и, не приняв лекарства, предложенного ему с таким усердием, напротив, спеша привести в исполнение задуманное убийство, начинает дело хитростью и лукавством и льстивыми словами обольщает брата. Так звероподобен бывает человек, предавшийся злу. Насколько велико и почтенно (по своей природе) это разумное существо, особенно когда устремляется на делание добра, настолько же оно походит по жестокости на лютых зверей, когда уклоняется к злу. Впав в дикость их, это кроткое и разумное существо далеко даже превосходит и их лютостью. Посмотрим, что произошло и в настоящем случае. *И рече Каин*, сказано, *ко Авелю брату своему: пойдем на поле*. Слова брата, а намерение убийцы. Что ты делаешь, Каин? Разве не знаешь, кому говоришь? Не думаешь, что речь у тебя с братом? Не думаешь, что он родился от одной с тобой матери? Не понимаешь гнусности своего предприятия? Не страшишься Судьи, Которого обмануть нельзя? Не трепещешь при мысли о злодеянии? Зачем увлекаешь брата в поле и уводишь его из отеческих объятий? Для чего лишаешь его отеческой помощи? Что за странность, что ты теперь влечешь брата в поле, — теперь пытаешься делать то, чего не делал прежде, и, заменяя братскую любовь личиной дружбы, хочешь поступить с ним враждебски? Какое неистовство! Какая свирепость! Положим, что ты, в ослеплении ума, нисколько не обращаешь внимания на

братское расположение, не познаешь и самой природы; но за что так вооружился ты против того, кто ничем не оскорбил тебя? За какую вину и со стороны родителей хочешь причинить им такое огорчение и быть первым совершителем этого ужасного дела, хочешь первый показать им эту насильственную смерть? Так ли платишь им за воспитание? Какая дьявольская хитрость возбудила тебя к этому делу? Разве можешь ты сказать, что благоволение к нему (Авелю) общего всех Владыки заставило его гордиться перед тобой? Не для отвращения ли тебя от этого убийственного намерения Бог подчинил тебе брата и поставил под твою власть, сказав: *к тебе обращение его, и ты тем обладаеши*? Действительно, эти слова нужно разуметь о подчинении брата (Каину). А некоторые говорят, будто это сказал ему Бог о принесенной им жертве: *к тебе обращение его,* то есть дара, *и ты тем обладаеши*, то есть ты сам воспользуешься им. Итак, предложив то и другое (объяснение), я предоставляю вашему благоразумию – принять то, которое покажется вам более сообразным. А мне кажется, что это сказано о брате. *И бысть, внегда быти им на поли, воста Каин на Авеля брата своего и уби его* (ст. 8). Ужасный поступок, пагубная дерзость, ненавистное дело, непростительный грех, замысл души зверской! *Воста*, говорит, *на Авеля брата своего и уби его.* О, мерзкая рука! О, жалкая десница! Впрочем, не руку надобно называть мерзкой и жалкой, но намерение, которому послужил этот член. Поэтому скажем так: о, дерзкое, гнусное и жалкое намерение! И чтобы мы ни сказали, не скажем всего, чего оно заслуживает. Как не оцепенела его рука! Как она могла поднять меч и нанести удар? Как душа его не вылетела из тела? Как она возмогла исполнить это беззаконное предприятие? Как не поколебалась и не изменила намерения? Как не подумала о природе? Как не размыслила, прежде совершения дела, о его конце? Как он мог, по совершении убийства, смотреть

на тело брата, трепещущее на земле? Как мог видеть труп, поверженный на землю, и не впал тотчас в изнеможение от этого зрелища? Если мы, по прошествии стольких лет, каждый день видя умирающих, умирающих притом естественной смертью, и нисколько не близких нам людей, сокрушаемся и, хотя бы умерший был наш враг, прекращаем вражду, — тем более Каину следовало бы содрогнуться и тотчас же испустить дух, когда он видел, что тот, с кем он недавно беседовал, — брат от одной матери и от одного отца, родившийся из одной с ним утробы, привлекший на себя Божие благоволение, вдруг лежит бездыханный и неподвижный и трепещет на земле.

2. Но посмотрим, какое и после этого безбожного поступка и после такого преступления, не заслуживающего никакого извинения, — посмотрим, какое снисхождение и человеколюбие являет Бог всяческих. *И рече Бог к Каину* (ст. 9). Это одно уже, что Он удостоил Своей беседы совершившего такое преступление, какую показывает благость? Если мы часто гнушаемся и подобными нам людьми, когда увидим их совершившими подобное преступление, то тем более должно удивляться благому Богу, явившему столько терпения, и — совершенно справедливо. Он — врач и отец любвеобильный. Как врач, Он употребляет все меры и средства, чтобы страждущим лютыми болезнями возвратить здоровье; а как отец любвеобильный, Он желает, силой отеческой любви, привести в прежнее благополучное состояние (детей) по беспечности утративших свое благородство. Так как благость Его безмерно велика, то Он хочет и дерзнувшему на такое беззаконие явить великое Свое человеколюбие, говорит ему: *где есть Авель, брат твой* (ст. 9)? Велико и безмерно снисхождение Божие. Спрашивает (Бог) не потому, чтобы не знал; нет, Он и с ним (Каином) поступил так же, как с отцом его: ничто не мешает нам снова рассказать об этом. В самом деле, как

того (Адама), видя скрывающимся от стыда наготы, Бог спрашивал: *где еси?* (Быт. III, 9), не по незнанию, но желая ободрить его, чтобы он через исповедание своего падения омыл грех свой (Ему издревле и изначала обычно требовать от нас исповедания во грехах и даровать прощение), – так и теперь Он спрашивает Каина и говорит: *где есть Авель, брат твой?* Человеколюбивый Владыка принимает вид незнания для того, чтобы учинившего такое преступление вопросом побудить к исповеданию греха и чтобы он мог получить некоторое прощение и (воспользоваться) человеколюбием. *Где есть брат твой Авель?* Что же безрассудный, бесчувственный, упорный и бесстыдный? Ему надлежало бы подумать, что (Бог) вопрошает не по неведению, но чтобы услышать от него исповедание, и нас вразумить не произносить до рассмотрения дела приговора над нашими братьями; надлежало бы помыслить о попечительности Господа, – как Он, желая удержать его от предприятия, и зная замысел души его еще до приведения его в дело, употребил предохранительные средства; надлежало бы ему, размыслив обо всем этом, остановить свое неистовство, рассказать, что было, показать язву врачу и принять от него лекарство; а он еще увеличивает рану, усиливает затвердение язвы. *И рече*, сказано, *не вем*. Смотри, какой бесстыдный ответ! Разве ты говоришь с человеком, которого можно и обмануть? Или не знаешь, жалкий и несчастный, кто беседует с тобой? Не понимаешь, что Он вопрошает по великой Своей благости, желая только найти повод, чтобы показать Свое человеколюбие и чтобы ты, после того и как Он с Своей стороны сделает все, не заслуживал уже никакого извинения, так как сам подвел себя под наказание?

И рече: не вем. Еда страж брату моему есмь аз? Примечай здесь, как обличает совесть, как он (Каин), понуждаемый, так сказать, совестью, не остановился на этом слове: *не вем*, но прибавил: *еда страж брату моему есмь аз?*

Только что не обличил сам себя. Да если бы у тебя все делалось по (естественному) порядку и по закону природы, то тебе следовало бы быть и стражем братнего счастья, потому что это внушала (тебе) природа, и рожденным от одной матери надлежало быть стражами друг друга. А если ты не захотел этого и отказался быть стражем брата, то для чего сделался и убийцей, умертвил того, кто ничем не оскорбил тебя, и еще подумал будто некому и обличить тебя? Но подожди, и увидишь, что сам убитый будет твоим обличителем, лежащий мертвым станет громогласно обвинять тебя, живого и ходящего. *И рече Бог: что сотворил еси сие* (ст. 10)? Многозначительны и эти слова. Для чего, говорит, сделал ты это? Для чего учинил эту безбожную дерзость, мерзкий поступок, непростительное дело, невыносимое безумие, новое и небывалое убийство, в первый раз твоей рукой введенное в общество человеческое? Для чего совершил это великое и ужасное дело, тяжелее которого нет между грехами? *Глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли.* Разве Я — человек, и слышу только голос, который издается устами? Я — Бог, и могу слышать и вопиющего посредством крови и лежащего на земле. Вот как далеко несется голос этой крови, что от земли восходит на небо и, минуя небо небес и высшие силы, достигает самого престола Царя и жалуется на твое убийство, обличает нечестивое дело. *Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли.* Разве чуждому и стороннему нанес ты такую обиду? Нет, собственному своему брату, который ничем не оскорбил тебя. Но, может быть, Мое благоволение навлекло на него это убийство, и ты, не имея сил противоборствовать Мне, на него излил свою неукротимую ярость? Поэтому Я наложу на тебя такое наказание, чтобы и твое преступление и наложенное на тебя за него наказание не могли быть преданы забвению, но чтобы случившееся с тобой было уроком для всех последующих. И вот за то, что ты

сделал это и привел в исполнение свой злой замысел и от сильной зависти решился на убийство, *проклят ты на земли* (ст. 11).

3. Примечаешь ли, возлюбленный, разность в проклятии? Не пропусти этого без внимания, но по тяжести проклятия суди о тяжести преступления. Насколько этот грех (Каина) больше преступления первозданного (Адама), это желающему можно видеть из различия в проклятии. Там (Господь) сказал: *проклята земля в делех твоих* (Быт. III, 17), и излил проклятие на землю, оказывая попечение именно о человеке; а здесь, так как дело гибельное, дерзость вопиющая, преступление непростительное, то сам (совершитель его) подвергается проклятью: *проклят ты*, говорит, на *земли*. Он поступил почти так же, как змей, послуживший орудием диавольского замысла; как тот посредством обмана ввел смерть, так и этот, обольстив брата и выведя в поле, вооружил против него свою руку и совершил убийство. Поэтому, как змею сказал Господь: *проклят ты от всех зверей земных* (Быт. III, 14), так и этому, потому что он поступил подобно тому. Как диавол, движимый завистью и злобой и не перенося неизреченных благодеяний, дарованных человеку с самого начала, вследствие этой зависти решился на обман, который ввел смерть, так и этот, увидев, что Господь благоволит к его брату, от зависти подвигся на убийство. Поэтому Бог и говорит ему: *проклят ты от земли*. Проклят, то есть, будешь от той самой земли, *яже разверзе уста своя прияти кровь брата твоего от руки твоея* (ст. 11). Проклят будешь той самой землей, которая обагрилась кровью, пролитой так злодейски и такой нечестивой рукой. Затем Божественное Писание, яснее определяя проклятие, говорит: *егда делаеши землю, и не приложит силы своея дати тебе* (ст. 2). Велико наказание, тяжко бремя негодования. Трудиться, говорит, ты будешь, станешь прилагать с своей стороны все старание о возделывании земли,

напитанной такой кровью, но не получишь плодов от этих великих трудов; какие ни употребишь усилия, все они будут для тебя бесплодны. Да и на этом наказание еще не остановится, но *и стеня и трясыйся будеши на земли*. Вот и еще величайшее наказание — беспрестанно стенать и трястись. Так как ты, говорит, во зло употребил телесную силу и крепость членов, за это обрекаю тебя на всегдашнее стенание и трясение, чтобы не только ты сам имел непрестанный урок и напоминание о своем беззаконном поступке, но и все, видящие тебя, самым видом твоим, как бы громким каким голосом, вразумлялись не отваживаться на подобные дела, чтобы наложенное на тебя наказание внушало всем не обагрять земли такой кровью. Для этого не подвергаю тебя и скорой смерти, чтобы твой поступок не был предан забвению; Я заставлю тебя влачить жизнь, тягчайшую смерти, чтобы ты самым опытом дознал, какое совершил ты преступление. *И рече Каин ко Господу: вящшая вина моя, еже оставитися ми* (ст. 13). Многому и очень полезному для нашего спасения можно научиться отселе, если только захотим быть внимательными. *И рече Каин ко Господу: вящшая вина моя, еже оставитися ми*. Вот полная исповедь! Так велик, говорит, грех, учиненный мной, что не могу получить прощения. Вот, скажет и (кто-либо), он исповедал (грех) и исповедал с большой точностью. Но пользы от этого никакой, возлюбленный, потому что исповедь неблаговременна. Надлежало бы сделать это в свое время, когда можно было преклонить Судью на милость. Припомните теперь то, о чем я недавно говорил, что в тот страшный день и на том нелицеприятном судилище каждый и из нас сознается в своих грехах, имея перед своими глазами те ужасные наказания и неизбежные муки, но не получит от того никакой пользы, пропустив время.

Покаяние имеет место и несказанную силу, пока еще не определено наказание (на последнем суде). Поэтому

умоляю, доколе это дивное лекарство может быть действительным, воспользуемся им, и пока мы еще в настоящей жизни, примем врачевство покаяния, зная наверное, что нам не будет никакой пользы от раскаяния тогда, как закроется зрелище и окончится время подвигов.

4. Но возвратимся к предмету. Каину необходимо было тогда же, когда он был спрошен Господом: *где Авель брат твой,* исповедать свой грех, пасть (перед Богом), умолять и просить о прощении; но он в то время отверг врачевство, а теперь, после приговора, когда все уже кончено, когда громогласно обвинила его кровь лежащего на земле (брата), он сознается и не получает от этого никакой пользы. Почему и пророк сказал: *праведный себе самого оглагольник в первословии* (Притч. XVIII, 17). Так и этот, если бы предварил обличение Господа, может быть, удостоился бы некоторого человеколюбия по бесконечной благости Господа. Нет греха, как бы он ни был велик, побеждающего человеколюбие Божие, если мы в надлежащее время приносим покаяние и просим прощения. *И рече Каин: вящшая вина моя, еже оставитися ми.* Исповедание достаточно, но не благовременно. *И рече: аще* изгоняеши *мя днесь от лица земли, и от лица твоего скрыюся, и буду стеня и трясыйся на земли: и будет, всяк обретаяй мя, убиет мя* (ст. 14). Смотри, какие трогательные слова, но, сказанные неуместно и неблаговременно, не возымели никакой силы (перед Богом). *И рече: аще* изгоняеши *мя днесь от лица земли, и от лица твоего скрыюся, и буду стеня и трясыйся на земли: и будет, всяк обретаяй мя, убиет мя.* Если Ты, говорит, сделал меня проклятым землей, если Сам Ты отвратился от меня и подверг меня такому наказанию, чтобы мне стенать и трястись, то ничто уже не помешает, кому бы то ни было, убить (меня) находящегося в таком состоянии и лишенного Твоего благословения. Я буду беззащитен против всякого, кто ни захочет убить меня, потому что сам не могу защищаться своими расслабленными дро-

жащими членами; притом, когда узнают, что я лишен Твоего покровительства, то всякий, кто только захочет, смело уже умертвит меня. Что же человеколюбивый и благий Господь? *И рече ему Господь Бог: не тако* (ст. 15). Не думай, говорит, чтобы это так случилось. Нет, нельзя всякому, кто бы ни захотел, убить тебя, но продолжением твоей жизни Я и увеличу твою скорбь, и преподам урок последующим родам, чтобы вид твой служил для них вразумлением и никто не следовал твоему примеру. *И рече ему Господь Бог: не тако; всяк убивый Каина седмижды отмстится.* Может быть, много уже сказано нами и мы привели в немалую усталость (ваше) тело? Но что делать? Видя вашу вмешательность и пламенное усердие к слушанию, хочу я и остальное рассмотреть и объяснить по возможности. Что же значит: *седмижды отмстится?* Но я опять боюсь, чтобы обилием слов и не помешать вам удержать в памяти сказанное, и не показаться вам в тягость. Если не утомились, то потерпите; объяснив предлежащее место, мы окончим слово. *И рече ему Господь Бог: не тако; всяк убивый Каина седмижды отмстится. И положи Господь Бог знамение на Каине, еже не убити его всякому обретающему его* (ст. 15). Ты боишься, говорит, того, чтобы тебя не убили? Не бойся: этого не будет, потому что, кто сделает это, тот подвергнет себя наказанию, в семь крат большему; для этого Я полагаю на тебе и знамение, чтобы никто не убил тебя по незнанию и не подвергся столь тяжкому наказанию.

5. Но надобно яснее показать вам, как убийца Каина подвергается семикратному наказанию. Будьте же, прошу вас, внимательны. Если теперь, когда, как мы в предшествующие дни часто говорили вашей любви, время поста и мы наслаждаемся такой тишиной и свободны от помыслов, возмущающих ум наш, если теперь не рассмотрим тщательно предлагаемого в Божественном Писании, то в какое другое время можем узнать это?

Итак советую, прошу и молю, и только что не обнимаю у вас колена, — будем внимать тому, что говорится, с напряженным умом, чтобы нам возвратиться домой с благородным и высоким приобретением. Что же значит: *седмижды отмстится*! Во-первых, число семь в Божественном Писании принимается в значении множества, и это можно найти во многих местах, например, *неплоды роди седмь* (1 Цар. II, 5) и тому подобное. А здесь нам указывается на тяжесть греха, на то, что им (Каином) сделан не один грех, но семь грехов, и за каждый грех надлежало понести великое наказание. Как же нам перечислить их? Если расчесть, то первый грех тот, что он позавидовал брату за Божие к нему благоволение: и этого одного греха уже достаточно было, чтобы наказать его смертью; второй — что он (позавидовал) собственному брату; третий — что употребил хитрость; четвертый — что совершил убийство; пятый — что убил брата; шестой — что первый совершил убийство; седьмой — что солгал Богу. Успели ли вы запомнить сказанное, или, если хотите, мы снова перечислим эти грехи, чтобы видеть вам, как каждого из них и одного достаточно было, чтобы подвергнуть его (Каина) величайшему наказанию? Кто простит человека, завидующего другому в том, что он пользуется благоволением Божиим? Вот и один, но величайший и непростительный грех. Потом этот грех является еще большим, когда зависти подвергается брат, и такой, который ничем не оскорбил: вот и это опять немаловажный грех. Третий грех тот, что (Каин) употребил хитрость, обманул брата, вывел его в поле, и не постыдился самой природы. Четвертый — самое убийство, которое он совершил. Пятый, что умертвил брата единоутробного; шестой, что первый ввел этот вид убийства; седьмой, что, будучи вопрошаем Богом, дерзнул солгать. Итак, говорит Бог Каину, кто покусится убить тебя, тот подвергнется семикратному наказанию. Поэтому

не бойся этого. Вот Я полагаю на тебе и знамение, по которому всякий, кто ни встретится с тобой, узнает тебя. Твое расслабление на всю жизнь будет полезно для последующих родов, и то, что ты сделал один без свидетелей, узнают все, видя тебя стенящим и трясущимся, и этим трепетанием тела как бы говорящим и взывающим ко всем так: «никто не отваживайся на подобное дело, какое я совершил, чтобы не понести такого же наказания».

6. Слыша это, возлюбленные, не просто будем внимать сказанному и не на то только смотреть, чтобы, ежедневно собираясь сюда, наслаждаться духовной трапезой, потому что нет пользы от одного слушания без исполнения на деле (слышанного). Нет, помышляя о том, отчего Каин довел себя до такого непростительного и тяжкого греха, – о том, что он от зависти к своему брату, ничем его не оскорбившему, отважился на такое жестокое дело, то есть на убийство собственного брата, будем остерегаться не столько того, чтобы самим нам не потерпеть зла, сколько того, чтобы не причинить зла другим. Тот действительно терпит зло, кто хочет нанести вред ближнему. И чтобы тебе увериться в справедливости этого, посмотри и здесь, кто потерпел зло – убивший или убитый? Очевидно, что убивший. Почему? Потому что убитый, даже доныне воспевается устами всех, ублажается и венчается, как первомученик за истину, о чем говорит и блаженный Павел: *умерый* Авель *еще глаголет* (Евр. XI, 4). А убийца и тогда вел жизнь несчастнее всех людей, и в последующие времена подвергается всеобщему осуждению и представляется в Божественном Писании, как отверженный и проклятый Богом. И это еще в настоящей, конечной жизни. А что должно последовать с тем и другим в будущем веке, и что каждый из них, сообразно своему делу, получит от праведного Судьи, блаженство, или противное этому, какое слово в состоянии изобразить?

Никто не может изобразить ни этих радостей, ни скорбей. Одного примут царство небесное и вечные обители, и лики патриархов, пророков и апостолов, и собор всех святых, где будет он царствовать в нескончаемые веки с Царем Иисусом Христом, Единородным Сыном Божиим и Богом; а другого обымут геенна огненная и все прочие вечные мучения, и будет он страдать бесконечные веки, а вместе с ним и все подобные ему преступники, особенно же те, которые в последующие времена предавались самым гнусным страстям, за что тем большее и наказание определяется от общего Владыки. Послушай, что говорит блаженный Павел: *елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут* (Рим. II, 12), то есть понесут более легкое наказание, потому что не получили от закона обличения, ни угрозы, ни исправления. *И елицы в законе согрешиша, законом суд приимут.* Эти, то есть, как поступавшие и при помощи закона подобно тем, подвергнутся тягчайшим и невыносимым наказаниям. И совершенно справедливо, – потому что ни закон, ни примеры других, подвергшихся такому несчастью, не сделали их более благоразумными и скромными. Поэтому умоляю, хотя отныне вразумимся примерами других и направим жизнь свою к послушанию Господу и повиновению законам Его. Пусть ни зависть, ни ненависть, ни любовь плотская, ни мирское славолюбие и властолюбие, ни чревоугодие, ни другая какая нечистая страсть не обладает душевными нашими стремлениями; но очистив себя от всякой нечистоты временных наслаждений и оставив все постыдные и низкие страсти, поспешим к блаженной той жизни и к тем неизреченным благам, которые уготовал Бог любящим Его и которых да удостоимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

И изыде Каин от лица Божия, и вселися в землю Наид прямо Едему и прочее (Быт. IV, 16)

1. Вот и сегодня, обратившись к последующему из прочитанного, предложим вам отсюда поучение, и составим для вас обычную беседу из книг блаженного Моисея, или — лучше сказать — из слов Духа, которые сообщила нам благодать Божия устами его. Но чтобы слово было для вас яснее, необходимо напомнить вашей любви о том, о чем было уже сказано, и на чем мы остановили поучение, чтобы ныне, начав с этого беседу, нам таким образом коснуться начала прочитанного. Итак, вы знаете, что мы, рассуждая об Авеле, как самыми событиями, так и тем, какую каждый из них принес жертву Господу, показали, что в нашу природу вложено познание того, что должны мы делать и чего не должны, что Творец всех создал нас свободными, что Он всегда или осуждает или увенчивает нас, смотря по нашему расположению (за это именно расположение жертва одного отвергнута, а дары другого приняты), и что Каин, будучи подвигнут завистью, устремился на убиение брата, и после этого нечестивого дела, хотя Бог хотел вызвать его на исповедание грехов, он однако не принял этого целительного врачевства, но, прибавив к гнусному убийству еще ложь, навлек на себя тяжкое наказание и сам лишил себя высшего благоволения, служа поучительным примером для всех последующих людей, и самым осуждением, которому он подвергся, всему роду человеческому как бы вопиет и взывает так: никто из вас не отваживайся на это, чтобы не подпасть тому же. Видели вы человеколюбие Господа, как Он наложенным на Каина наказанием хотел не только вразумить его самого, но научить и всех последующих людей — всячески избегать столь дерзкого поступка?

Теперь перейдем к дальнейшему и посмотрим, о чем и сегодня повествует нам блаженный тот пророк, вдохновляемый силой Духа. Когда Каин выслушал приговор, то *изыде*, говорит Моисей, *от лица Божия* (Быт. IV, 16). Что значит: *изыде от лица Божия*? Значит то, что он лишился покровительства Божия за свое гнусное дело. *И вселися в землю Наид прямо Едему*. Писание говорит нам и о месте, где Каин после поселился, – показывает, что и он поселился недалеко от рая, для того, чтобы, живя против него, непрестанно памятовал как о том, что случилось с отцом его за нарушение (заповеди), так и о важности собственного преступления; такому наказанию он подвергся, не вразумившись наказанием отца. И самое место, на котором он жил, непрестанно напоминало не только ему, но и всем последующим людям, о трясении и трепете: имя *Наид* есть еврейское слово, и означает: трепетание*. Итак, Господь поселил его там для того, чтобы ему в самом названии места видеть обличение, как бы начертанное на медном столбе. Далее говорится: *и позна Каин жену свою, и зачении роди Еноха* (ст. 17). Сделавшись уже смертными, люди, естественно, всячески заботились о рождении детей. Но, может быть, спросит кто: как это, когда Писание нигде не упоминает о другой женщине, Каин имел жену? Не удивляйся этому, возлюбленный: Божественное Писание нигде не делает точного исчисления женского пола, но, избегая всего излишнего, вкратце упоминает о мужах, и то не о всех; да и о них очень кратко повествует нам, например, что такой-то родил сыновей и дочерей, и умер. И в настоящем случае можно полагать, что Ева после Каина и Авеля родила дочь, которую Каин и взял себе в жену. Так как это было вначале, а между тем роду человеческому нужно было размножаться, то и позво-

---

* Еврейский глагол «нуд» значит *колебаться*; существительное «нод» значит *«изгнание»*.

лено было жениться на сестрах. Поэтому Писание, представляя нам самим дополнять остальное, говорит только: *и позна Каин жену свою, и заченши роди Еноха; и бе зиждяй град во имя сына своего, Енох* (ст. 17). Смотри, как (люди) уже умудряются мало-помалу. Так как они сделались смертными, то хотят навсегда сохранить память о себе посредством детей, через наименование мест, которым давали прозвища детей. Но по всей справедливости можно сказать, что все это памятники их грехов и потери той славы, которой пользуясь Адам и Ева ни в чем этом не нуждались, но были выше всего. *Родися же Еноху*, сказано, *Гаидад: и Гаидад роди Малелеила: и Малелеил роди Мафусала: Мафусал же роди Ламеха* (ст. 18). Видишь, как сокращенно представил родословие блаженный Моисей, упомянув только о мужах и не вспомнив ни об одной женщине. Но, как о Каине сказал, что он познал жену свою, не показав однако нам, откуда он взял жену, так точно и здесь опять говорит: *и взя себе Ламех две жены; имя единой Ада: и имя втофей Селла. И роди,* говорит, *Ада Иовила: сей бяше отец живущих в селениих скотопитателей. И имя брату его, Иувал: сей бяше показавый певницу и гусли* (ст. 19–21).

2. Обрати внимание на точность Писания. Оно передало нам, как имена сыновей, родившихся от жены Ламеха, так и то, какие они имели занятия, именно, что один из них занялся скотоводством, а другой изобрел певницу и гусли. *Селла же*, говорит, *и тая роди Фовела: сей бяше млатобиец, ковач меди и железа* (ст. 22). Опять (Писание) показало занятие и рожденного от Селлы, сказав, что он избрал ремесло кузнечное. Смотри, как мало-помалу устроялось благосостояние рода человеческого. И во-первых, Каин построил город, который и назвал по имени своего сына. Потом, из сыновей Ламеха, один занялся скотоводством, другой взял кузнечное ремесло, третий изобрел певницу и гусли. *Сестра же Фовелова*, говорит, Ноеман (там же). Что это за новость

и странность! Вот теперь Писание в первый раз упоминает отдельно о женщине. Не просто и не без причины поступил так блаженный пророк, но чтобы показать нам отсюда нечто сокровенное, что однако мы отложим до другого времени, а теперь будем продолжать по порядку; это замечание (о Ноеме) немаловажно, но требует значительного исследования и тщательнейшего истолкования для того, чтобы, изъяснив все удовлетворительно, нам возможно было извлечь отсюда многую пользу. *Рече же,* сказано, *Ламех своим женам: Ада и Селла, услышите глас мой жены Ламеховы, внушите моя словеса: яко мужа убих в язву мне и юношу в струп мне. Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же седмьдесят седмицею* (ст. 23, 24). Напрягите, прошу, ум ваш и, отложив всякое житейское помышление, исследуем слова с точностью, чтобы ничто не могло укрыться от нас, но чтобы, спустившись, сколько это нам возможно, в самую глубину, могли мы уловить сокровище, сокрытое в этих кратких словах. *Рече же,* говорит, *Ламех своим женам: Ада и Селла, услышите глас мой жены Ламеховы, внушите моя словеса.* Смотри, как скоро послужило в пользу ему наказание, наложенное на Каина. Ламех не только не выжидает от другого обличения в том, что он впал в такой же или еще тягчайший грех, но хотя никто не обвинял и не изобличал его, сам открывает о себе, рассказывает о своем поступке, излагает женам тяжесть греха, как бы исполняя сказанное пророком: *праведный себе самого оглагольник в первословии* (Притч. XVIII, 17). Признание в грехах весьма много способствует их исправлению, равно отрицание греха, после совершения его, составляет тягчайший из грехов, что испытал братоубийца, когда он, будучи вопрошаем от человеколюбивого Бога, не только не исповедал перед Ним своего преступления, но даже дерзнул солгать Богу, и этим заставил продлить (в наказание) жизнь свою. Итак, Ламех, впав в подобный грех и размыслив, что запирательство навлечет на него тягчай-

шее наказание, призывает своих жен, и тогда, как никто не принуждал его к этому, никто не обличал, сам собственными устами и исповедует свой грех, и, сравнивая свой поступок с преступлением Каина, определяет себе наказание.

Видишь промыслительность Господа, как и самые наказания Его служат выражением Его любви, и как эта любовь не ограничивается тем, кто несет наказание, но приготовляет спасительное врачевство и для прочих, если они захотят воспользоваться им? Иначе, скажи мне, чем другим мог быть понужден Ламех к такому признанию, если не воспоминанием о судьбе Каина, которое постоянно тревожило его душу? *Рече*, сказано, *услышите глас мой, внушите моя словеса*. Смотри, как он, открыв суд против самого себя, увещевает их (своих жен), чтобы они не без внимания слушали слова его, потому что слова: *услышите глас мой*, и *внушите моя словеса*, означают вот что: напрягите ваш ум и слушайте со вниманием, что я хочу сказать; не о маловажных вещах буду вам говорить, но открою вам сокровенные дела, которых никто другой не знает, а только я и то недремлющее Око, которого убоявшись спешу и вынуждаюсь открыть вам о том, что мной сделано, и какие наказания заслужил я своими нечестивыми делами. *Яко мужа убих в язву мне, и юношу в струп мне. Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же седмьдесят седмицею*. Значительны, весьма значительны эти слова и доказывают великую добросовестность (этого) человека: он не только признается в своем проступке и объявляет об убийствах, которые совершил, но даже назначает сам себе наказание, сравнивая свой грех со грехом Каина. Какого извинения, говорит он, заслуживает тот, кто не вразумился и наказанием другого, но имея живую память об этом, все же совершил двоякое убийство? *Яко мужа*, говорит, *убих в язву мне, и юношу в струп мне*. Не столько зла, говорит он, сделал я тем, которых умертвил, сколько самому

себе, потому что подверг себя неизбежному наказанию, совершив непростительные грехи. Если тот (Каин) за одно убийство подвергся седмикратному наказанию, то я должен понести наказание в семьдесят семь раз большее. За что и почему? Тот, хотя и совершил убийство, и притом над братом, но не видел, чтобы другой кто прежде его сделал это, не видел другого, наказанного за такое дело и подвергшегося такому гневу (Божию): эти два обстоятельства и увеличат мое наказание, потому что я имел перед глазами преступление Каина, видел и ужасное наказание его, и однако не вразумился ничем этим. Поэтому, хотя бы я подвергся наказанию в семьдесят семь раз большему, нежели он, и тогда не получил бы достойного возмездия.

3. Видишь, возлюбленный, что Бог сотворил волю нашу свободной и что мы, как предаваясь беспечности, претыкаемся, так и решившись быть бодрыми, познаем свой долг. Кто, скажи мне, понудил этого человека (Ламеха) к такому признанию? Никто другой, как совесть и тот нелицеприятный Судья. Так как он, предавшись беспечности, привел в исполнение злое предприятие, то совесть тотчас восстала на него, взывая и о тяжести греха и о том, какие он заслужил наказания. Таков грех: доколе он еще не совершен и не приведен в дело, он помрачает мысль и обольщает разум; а когда будет совершен, то открывает нам свою гнусность, и вот кратковременное и безрассудное удовольствие причиняет нам постоянную скорбь, лишает спокойствия совести и покрывает своего пленника стыдом. Человеколюбивый Господь поставил над нами такого судью с тем, чтобы он никогда не молчал, но будучи неразлучен с нами, непрестанно вопиял и наказывал за преступления. В этом всякий может убедиться самым опытом. Так блудник, или прелюбодей, или другой подобный грешник, не может быть спокойным, хотя бы от всех скрыл (свое преступление); имея такого строгого судью, пугается и

намеков, трепещет самой тени, боится и знающих и незнающих (о его поступке), и таким образом носит у себя в душе постоянную бурю и непрерывное волнение. У такого человека и сон не сладок, но полон страха и боязни; ему и пища не вкусна, и сообщество друзей не может развлечь его и освободить от внутренней борьбы; нося в себе как будто палача, который терзает и бичует его непрестанно, так он ходит после такого худого дела, терпя, хотя этого никто не знает, невыносимые муки, и будучи сам своим судьей и обвинителем.

Но если сделавший такой грех решится, как следует, воспользоваться помощью совести, принести раскаяние в своих делах и показать рану Врачу, который исцеляет не укоряя, принять от него врачевство, и наедине, без всяких свидетелей, открыть Ему и исповедать все подробно, то он скоро исправит грехи свои, потому что признание во грехах заглаждает их. Если этот Ламех не отказался объявить о совершенных им убийствах своим женам, то мы какого заслуживаем прощения, когда не хотим открыть грехи Тому, Кто знает подробно все наши беззакония? Разве Он потому требует от нас исповеди, что не знает наших грехов? Знающий все вещи еще до их появления требует от нас признания не потому, чтобы не знал, но потому, что желает, чтобы мы при исповеди и почувствовали свои грехи, и показали свою добросовестность. Разве нужно здесь тратить деньги, предпринимать далекий путь? Разве это лечение причиняет боль и мучения? Нет, оно и не требует траты денег, и безболезненно, и скоро исцеляет. Сообразно с расположением приходящего, Господь дарует и врачевство от ран. Итак, желающий скорее возвратить себе здоровье и уврачевать душевные раны, пусть приступает с усердием, отрешась от всего житейского, пусть проливает горячие слезы, показывает великое усердие, приносит твердую веру, полагается на искусство Врача — и тотчас получит исцеление. Не видишь ли,

что щедрость Врача превышает любовь всякого отца? Разве Он требует от нас чего-либо трудного и тягостного? Требует сокрушения сердца, смирения ума, признания во грехе, усердного прошения (о прощении), и (за это) дарует не только исцеление от ран и очищение от грехов, но и делает праведным того, кто доселе обременен был бесчисленными тяжестями грехов. О, великое человеколюбие! О, безмерная благость! Грешника, если только он исповедует свои грехи, помолится о прощении и покажет решимость впредь (жить хорошо), вдруг соделывает (Бог) праведным! И чтобы тебе вполне убедиться в этом, послушай, что говорит пророк: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Не сказал только: *глаголи ты беззакония твоя,* но прибавил: *прежде,* то есть не выжидай обличителя, не жди обвинителя; сам предупреди и начни говорить, чтобы заградить уста обличителю.

4. Видишь человеколюбие Судьи? В судах человеческих, когда кто решится сделать так и, предваривши доносчиков, сам признается в своем поступке, то хотя, может быть, и избавится от пыток и продолжительных истязаний, если, впрочем, только найдет кроткого судью, но уже непременно подвергнется смертному приговору; благость же человеколюбивого Бога и Врача душ наших неизреченна и щедродательность превыше всякого слова. Если мы предупредим своего обвинителя, то есть диавола, который в тот день (последнего суда) восстанет против нас, и уже в настоящей жизни, прежде входа в судилище, исповедаем свои грехи, восхитим первое слово и сами сделаемся своими обвинителями, то преклоним Господа на такую милость, что Он не только сделает нас свободными от грехов, но и причислит нас к сонму праведных. Если уже этот Ламех, и не имея закона, который мог научить его, и не слышав пророков, или другое какое наставление, а только по действию вложенного в (нашу) природу суда, сознав

свое преступление, открыл его и сам себя осудил, то как мы можем получить прощение, когда не показываем со всей заботливостью ран своих Господу и не принимаем от Него врачевства для них? Если не сделаем этого теперь, когда время поста, когда такое успокоение помыслов, когда изгнаны все увеселения, то в какое другое время можем подумать о своих делах? Поэтому прошу вас всегда трезвиться и бодрствовать, и всю настоящую жизнь употреблять на то, чтобы усердным обращением к (Богу) избегнуть того невыносимого мучения и избавиться геенского огня. С большой ревностью нужно делать это особенно теперь, когда, ради поста, вы пользуетесь большим и постоянным наставлением.

Позна же Адам Еву жену свою, и зачении роди сына: и именова имя ему Сиф, глаголющи: воскреси бо ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин (ст. 25). Доведя родословие до Ламеха, Божественное Писание снова возвращается к Адаму и жене его и говорит: *позна же Адам Еву жену свою, и зачении роди сына: и именова имя ему Сиф, глаголющи: воскреси бо ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин. Роди,* говорит, *сына и именова имя ему Сиф.* Не удовольствовавшись наречением имени сыну, мать говорит: *воскреси бо ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин.* Смотри, как и мать названием новорожденного сына увековечивает память о злом том деле, и, чтобы и последующие роды могли знать о преступлении Каина, говорит: *вместо Авеля, егоже уби Каин.* Это слова души скорбящей, возмущаемой воспоминанием о совершившемся злодеянии и в то же время приносящей благодарность за родившегося и в имени его, как бы на столбе, изображающей преступление Каина. И подлинно, он причинил родителям немалую скорбь, поднял руку свою на брата, и этого любезного и дорогого им сына дал им увидеть поверженным на землю, мертвым и бездыханным. Если Адам уже получил себе приговор:

земля еси и в землю отыдеши, и: *в оньже аще день снесте от него, смертью умрете*, — то этот приговор пока выражался только словами, и (первые люди) еще не знали, что такое смерть. Но этот, по ненависти к брату и снедаемый внутренней злобой, решился умертвить Авеля и — первый представил родителям ужасное зрелище (смерти). Вот почему мать, лишь только несколько ободрилась и нашла облегчение своей невыносимой печали в новорожденном сыне, приносит благодарение Господу и увековечивает поступок братоубийцы, налагая и сама на него величайшее наказание тем, что предает вечной памяти его поступок.

Видите, сколь великое зло грех? В какой стыд и бесславие повергает он тех, кто сделает его? Видите, как за него (Каин) лишился небесной милости и сделался позорищем для всех? Видите, как он за свое злое дело стал ненавистным даже родителям, побуждаемым самой природой любить своих детей? Итак, умоляю, будем избегать греха, причиняющего нам столько зол, и поревнуем о добродетели, чтобы и заслужить благоволение свыше и избежать наказания. *И Сифу*, говорит, *бысть сын: именова же имя ему Энос: сей упова призывати имя Господа Бога* (ст. 26). Смотри, как люди мало-помалу уже приучаются в именах детей своих выражать благодарность (Богу). И сей, говорит, то есть Сиф, родивши сына, дал ему имя Энос. Потом Божественное Писание, желая нам изъяснить значение сего имени, прибавляет: *сей упова призывати имя Господа Бога.* С него-то уже блаженный пророк намерен начать родословие, предавая забвению Каина и его потомков до Ламеха. Так как Каин своей злой волей унизил данное ему от природы первенство, то есть право первородства, то и сам он и его потомство исключается из (родословного) списка; а Сиф, правотой воли, приобретает то, чего не имел от природы; на него переходит право первородства, если не по природе, то за направление воли, и дети его удо-

стаиваются быть включенными в родословие. И как этот Энос назван (так) за то, что призывал имя Господа Бога, так и ведущие от него свой род удостаиваются этого же наименования. Поэтому и блаженный пророк, остановив здесь повествование, вновь начинает другое.

5. Но чтобы нам, взявшись за это повествование, не слишком продолжить поучение, здесь же, вместе с блаженным пророком, и мы прекратим беседу, оставляя истолкование дальнейшего, если Богу будет угодно, на последующее время. Теперь же пока хочу попросить вашу любовь о том, чтобы вы извлекали больше пользы из наших слов и каждодневно испытывали самих себя, относительно того, какое назидание получили от того, какое от другого поучения, и чтобы не только слухом принимали наши слова, но и внедряли это в свой ум, и постоянным размышлением укрепляли в памяти. Желательно, чтобы вы не только сами были достаточно наставлены, но и для других стали наставниками, могли вразумлять и других, и притом учить ближних добродетельной жизни не только словами, но и делами. Подумай в самом деле: если бы вы, здесь собираясь, захотели каждодневно приобретать хотя малую частицу (добра) и исподволь ослаблять возмущающие вас страсти, то как в недолгое время вы взошли бы на самую высокую степень добродетели! Для того мы всякий день и беседуем с вами и проповедуем вам о совершеннейшей жизни (христианской), чтобы искоренять эти гибельные страсти, то есть гнев, зависть, недоброжелательство. Когда эти страсти будут истреблены, тогда легче будет обуздать и страсть к деньгам, а когда ослабеет эта страсть, то с большей легкостью будут устранены суетные помыслы и постыдные пожелания: *корень бо всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. VI, 10). Когда посечем корень и исторгнем его из самой глубины, то нам легче будет совладеть с ветвями. Жадность к деньгам есть, так сказать, твердыня зла и верх пороков: поэтому, если

мы решимся овладеть ею, то ничто уже не помешает нам освободиться от этой безумной страсти, а вместе с нею исторгнуть и истребить все гибельные страсти. И не думайте, будто презирать деньги тяжкое и трудное дело. Когда я подумаю, что многие, по пустому и суетному честолюбию, без нужды тратят множество золота, для того только, чтобы заслужить от низких и ничтожных людей одобрение, которое продолжается не далее вечера, а часто не доживает и до вечера, но еще прежде, чем окончится день, сменяется для них множеством неприятностей, а другие, обольщенные эллинским заблуждением, также по страсти к людской славе и высокому мнению об ней, бросают все, что имеют, и оставив себе только плащ и палку, так и проводят всю жизнь, решаясь переносить все трудности и бедствия такой жизни из-за одной похвалы людской, – так, когда подумаю об этом, то не знаю, какое будем иметь оправдание или извинение мы, которые не хотим, ради данной от Бога заповеди, ради вечной и нескончаемой славы, пожертвовать малейшую часть (своего имения), но становимся хуже и тех людей, не думая, как велико здесь различие. Они тратят столько (имущества) для получения пустой похвалы от подобных им людей, а мы ради своего Господа, давшего нам и то, что имеем, и обещающего те неизреченные блага, часто не хотим поделиться малостью с нуждающимися. Какими же глазами мы будем смотреть на Судью, пренебрегши столь легкую заповедь? Разве я советую бросить все имение? Наслаждайся полным довольством, но, когда удовлетворишь собственным потребностям, прочее, что останется в избытке и будет лежать без употребления, обрати на удовлетворение чужих нужд, раздели это томимым голодом и изнемогающим от холода, и препроводи через их руки в свое отечество, в которое и сам ты через непродолжительное время переселишься. Эти (бедные) люди более всех помогут тебе перенести туда (твои со-

кровища, так что ты, когда переселишься туда, все найдешь готовым и будешь там наслаждаться еще большим изобилием, видя, что эти (твои сокровища) увеличены перенесшими их туда, или — лучше сказать — благостью Божией. Трудное ли это дело? Разве оно требует забот и беспокойств? Для такого перенесения не нужно тебе ни подъяремных животных, ни стражи, ни чего-либо другого подобного, потому что этим путем не ходит ни вор, ни разбойник, который бы мог похитить посланные тобой сокровища; что ни положишь в руки бедных, все то положишь в надежное хранилище — в руку Божию. Она и сохранит их в целости, и когда возвратишься в свое отечество, возвратит тебе, прославит и увенчает тебя, и поселит в месте пространном и спокойном. Итак, умоляю, отдадим избыток бедным, будем сеять, пока есть еще время: чтобы пожать нам во время благопотребно, и чтобы, пропустив настоящее удобное время, не раскаиваться уже понапрасну. Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял недостатки других (см.: 2 Кор. VIII, 14). Ты, может быть, пользуешься сверх надобности, тратишь много денег на увеселения, на одежду и на другие предметы роскоши, частью же и на рабов, и на животных, а бедный просит у тебя не на что-либо излишнее, но на то только, чтобы утолить свой голод и удовлетворить необходимой потребности — иметь насущный хлеб, чтобы поддержать свою жизнь и не умереть. А ты не хочешь сделать и этого и не думаешь, что тебя может внезапно похитить смерть, и тогда все, тобой собранное, останется здесь и, может быть, перейдет в руки твоих врагов и неприятелей, а сам ты отойдешь, взяв с собой только все грехи, с которыми собирал ты это. И что скажешь тогда в тот страшный день? Чем станешь оправдываться; так

нерадевший о своем спасении? Так послушай меня и, пока есть еще время, раздай излишние деньги, чтобы таким образом приготовить себе там спасение и обрести воздаяние тех вечных благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Сия книга бытия человека, в оньже день сотвори Бог Адама: по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их: и нарече имя их Адам, в оньже день сотвори их (Быт. V, 1, 2)

1. Великое и неизреченное сокровище, возлюбленные, (заключается) в нынешнем чтении. Знаю, что многие, слушая перечисление имен и поверхностно смотря на прочтенное (из Писания), думают, будто эти слова не содержат в себе ничего больше, кроме простого названия имен; но я прошу всех вас не проходить без внимания предлагаемое в Божественном Писании, — потому что все, здесь написанное, заключает в себе великое богатство мыслей. Так как блаженные пророки говорили по внушению Божественного Духа, то поэтому написанные Духом (священные книги) содержат в себе скрытое (в них) сокровище. И не дивись, что я в перечислении имен обещаю вам теперь показать великое сокровенное богатство мыслей: в Писании нет ни одного слога, ни одной черты, в глубине которой не заключалось бы великого сокровища. Поэтому мы должны приступать к Божественным словам не иначе, как будучи руководимы благодатью свыше и получив просвещение от Святого Духа. Для уразумения содержащегося в Божественном Писании нужна не человеческая мудрость, но откровение Духа, дабы мы, узнав истин-

ный смысл написанного, могли получить оттуда великую пользу. Если и в житейских делах, писания, составленные людьми, будучи повреждены временем, получают великое значение от означения времени в начале этого письменного памятника и от одного даже его слога, — то тем более можно найти это в Божественном Писании, сложенном Духом Святым, если только мы будем внимательны и не станем пробегать его поверхностно, но, напрягши ум свой, будем все рассматривать тщательно и не уступим в этом тем, которые выказывают столько усердия о предметах чувственных. Вот и копающие руду не останавливаются на поверхности, но, спустившись весьма глубоко и найдя песчинки золота, с великим трудом и усилием отделяют их от земли, и после такого великого труда получают однако малое вознаграждение за свои труды. Хотя они и знают, что получают пользу, не соответствующую их трудам, а часто даже, после великих бдений и усилий, и совсем обманываются в своем ожидании, однако и этим не останавливаются, но, питаясь надеждой, не чувствуют трудов. Так если они выказывают столько усердия о предметах тленных, преходящих, и весьма ненадежных, то нам, которым (предлагается) и богатство неотъемлемое, и сокровище неистощимое, и обмануться в ожиданиях невозможно, тем более нужно иметь такую же и даже большую ревность, чтобы могли мы достигнуть желаемого и, получив отсюда пользу и познав неизреченное Божие человеколюбие, были благодарны своему Господу, а привлекая этим к себе Его благоволение, сделались неуловимыми для сетей диавола. Итак, предложив вам ныне читанные слова, тщательно исследуем каждое из них, дабы вы могли возвратиться домой, получив обычное наставление. *Сия книга,* сказано, *бытия человека, в оньже день сотвори Бог Адама: по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их: и нарече имя* их *Адам, в оньже день сотвори их.* Обрати внимание

на мудрость этого дивного пророка, или — лучше — на учение Святого Духа, потому что по Его (Святого Духа) внушению он говорит нам обо всем; он дал свой язык, а через него уже благодать Духа ясно научает всему род наш. Итак, смотри, как (Моисей) обратил слово свое к началу, и как бы снова хочет начинать повествование. Для чего же и почему? Он видел, что уже жившие тогда показывали великую неблагодарность (перед Богом) и, не умудрившись судьбой первосозданного, низринулись в самую бездну зла: сын (Адама) тотчас, по зависти, устремился на братоубийство, за что и подвергся тому страшному наказанию, о котором мы прежде сообщили вашей любви; а его (Каина) потомки, не вразумившись и его наказанием, впали еще в большие грехи, как вы слышали вчера о Ламехе, рассказывающем свой грех своим женам и определяющем себе наказание. И так, как он видел, что их развращение постепенно увеличивается, подобно вредной влаге, готовой разлиться по всему телу, то и останавливает стремление зла и не удостоивает даже упомянуть о поколениях, бывших от Каина до Ламеха, но как бы делая некоторое начало (своей книги) и желая утешить Адама и Еву в скорби, которую дерзнул причинить им братоубийца, вооружив руку свою против Авеля, так начинает повествование и говорит: *сия книга бытия человека, в оньже день сотвори Бог Адама: по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их: и нарече имя* их *Адам, в оньже день сотвори их.*

2. Смотри, как он употребил те же самые слова, которые (употребил) и вначале, дабы внушить нам, что о тех поколениях, как о непотребных, он не удостаивает и упомянуть, но начинает родословие с родившегося теперь, то есть с Сифа, дабы ты и отсюда познал, сколько Бог печется о человеческом роде и как отвращается людей кровожадных. Моисей молчит об них, как будто они даже и не жили, и этим дает нам понять, сколь великое зло грех и как любящие его причиняют себе

величайший вред. Вот эти люди исключаются и из (родословного) списка, и если упоминаются, то только для того, чтобы их нечестие выставлено было на позор и послужило вразумлением для будущих родов; а беззаконно умерщвленный и убитый братней рукой с тех пор и доныне воспевается всеми, и время не истребило памяти об этом (Авеле), ни позора того (Каина) не прекратило, но как этот каждодневно всеми восхваляется, так и тот непрестанно осуждается.

Видите, каков вред нечестия и сколь велика сила добродетели, как первое хотя и нападает и одолевает, однако гибнет и исчезает, и как вторая хотя подвергается нападениям и терпит бесчисленные бедствия, но от этого становится еще славнее и блистательнее? Можно бы доказать это теперь вашей любви и другими подобными событиями, но чтобы нам не отступить от надлежащего порядка, обратимся к приведенным словам. *Сия книга,* сказано, *бытия человека, в оньже день сотвори Бог Адама: по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их: и нарече имя* их *Адам, в оньже день сотвори их.* Смотри, как Божественное Писание, опять начав повествование сверху, напоминает нам, какой чести удостоился созданный (Богом) человек. В *оньже день,* сказано, *сотвори Адама, по образу Божию сотвори его,* то есть поставил его начальником всего видимого. Выражение: *по образу,* указывает именно на власть и господство. Бог всяческих, как Сам имел власть над всем и видимым и невидимым, будучи Создателем всего, так и, создав это разумное существо (человека), восхотел, чтобы оно имело власть над всем видимым. Потому Он даровал ему и душу, чтобы он был и бессмертным навсегда. Когда же (человек) по беспечности пал и преступил данную ему заповедь, (Бог) по Своему человеколюбию и тогда не отвратился совершенно от него, но, лишив его бессмертия и осудив на смерть, оставил его с той же почти самой властью. Когда потом сын его впал в столь великое неистов-

ство и первый совершил убийство, причинил [брату] насильственную смерть и обнаружил в себе великую испорченность, присоединив к убийству ложь, то (Бог) восхотел вразумить его продолжительным наказанием, дабы не только он сам получил пользу от постигшего его наказания, но и потомкам показал, как велико его преступление и чрезмерно беззаконие. Но так как и потомки его, по великой беспечности, впадали постепенно в большие беззакония, то (Бог), желая как бы утешить Адама, бывшего в столь великой печали не только из-за собственного своего преступления, но и по причине беззакония Каинова и того невыносимого несчастья (смерть Авеля), которое он видел собственными своими глазами [ведь они (первые люди) еще не знали, как умирают, хотя и подверглись уже приговору смерти, и скорбь Адамова была двойная и тройная от того, что они увидели смерть, в первый раз явившуюся в мире, смерть насильственную и совершенную их сыном, притом нанесенную брату, рожденному от одной матери и одного отца, и не сделавшему никакого зла], так желая подать ему соразмерное скорби его утешение, человеколюбивый Бог дарует ему другого сына Сифа, и, этим достаточно утешив его, от этого сына уже ведет начало рода. Поэтому и блаженный пророк начал так: *сия книга бытия человека*. Потом, так как он обещал повествовать о потомстве людей, смотри, какой соблюдает порядок. *Поживе,* говорит, *Адам лет двести тридесять, и роди по виду своему, и по образу своему, и нарече имя ему Сиф. Быша же дние его** *лет седмьсот, и роди сыны и дщери. И быша еси дние Адамовы (яже поживе) лет девять сот и тридесять, и умре* (ст. 3, 4, 5).

---

* Здесь Златоуст приводит слова Писания, очевидно, в сокращении, заменяя слово «Адам» местоимением «его» и опуская слова: *яже поживе, по еже родити ему Сифа,* читаемые обыкновенно в Лукиановском и других греческих списках.

3. Не правду ли я говорил вначале, что в Божественном Писании нельзя найти ничего, написанного просто и напрасно? Вот и теперь с какой точностью выразился этот блаженный пророк. *Роди*, говорит, *Адам по виду своему, и по образу своему, и нарече имя ему Сиф*. А о рожденном прежде, то есть о Каине, ничего такого не сказал, наперед уже давая знать о наклонности его к злу; и справедливо: Каин не сохранил отеческих нравов, но тотчас уклонился к злу. Здесь же Моисей говорит: *по образу своему и по подобию своему*, то есть (Адам родил сына) однородного родившему, с теми же добродетельными свойствами, являющего в себе посредством дел своих образ отеческий, могущего своей добродетелью вознаградить за преступление старшего (сына). Здесь Писание, говоря: *по образу своему и по подобию своему*, сообщает нам не о телесных чертах, но о состоянии душевном, дабы мы знали, что этот сын (Сиф) не будет таким же (как Каин). Потому и мать, давая имя этому сыну, дает его с благодарностью, и рождение дитяти приписывает не природе и собственной способности рождать, но силе Божией, которая и возбудила природу к рождению, и говорит: *нарече имя ему Сиф, глаголющи: воскреси бо ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин* (Быт. IV, 25). Смотри, какая точность в словах. Не сказала: дал мне Бог, но *воскреси ми*. Замечай, как этим выражением уже с тех пор, хотя и неясно, указываются начатки воскресения. Она как бы так говорила: вместо умершего воскресил мне этого. Хотя тот, говорит, от братней руки пал на землю и подвергся смерти, но сила Божия вместо падшего восставила этого. Так как не настало еще время воскресения, то Бог восставил не падшего, но другого вместо его, — потому и говорит Ева: *воскреси бо ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин*. Видел ты благодарность жены? Видел человеколюбие Господа, — как скоро Он подал им (Адаму и Еве) утешение? Будем же все мы подражать Еве и все приписывать

высшей благодати, потому что хотя и природа действует, но не своей силой, а повинуясь повелению Создателя. И пусть никогда не сетуют жены, если не рождают, но с благодарным сердцем пусть прибегают к Творцу природы и от Него, Господа природы, просят (чадородия): пусть рождение детей не приписывают ни сожитию супружескому, ни чему-либо другому, но — Создателю всяческих, Который, как воззвал из небытия в бытие естество наше, так может и исправить недостатки его. Вот и Ева то самое, что было для нее причиной скорби, обратила в побуждение к славословию и все приписывает Господу, говоря: *воскреси ми Бог семя другое вместо Авеля, егоже уби Каин.* Видишь, как она не только не возроптала и не сказала ни одного печального слова (Божественное Писание не пропустило бы, если бы что-нибудь такое было сказано ею), напротив, перенеся великодушно несчастье, удостаивается скорого утешения и обнаруживает еще большую благодарность, возвещая благодеяние Господне? Смотри же, с какой щедростью и Господь подает Свои дары. Не только даровал другого сына, но еще заранее показывает, что этот сын будет и добродетелен. *Роди бо*, говорит Писание, *по виду своему и по образу своему.* И чтобы мы тотчас же убедились в добродетели этого сына, смотри, как и сам он в имени собственного своего сына высказывает боголюбивую свою душу. *И Сифу*, сказано, *бысть сын, и нарече имя ему Енос. Сей упова призывати имя Господа Бога* (Быт. IV, 26). Вот имя, которое светлее диадемы, блистательнее порфиры! Что может быть блаженнее человека, который украшается призыванием Бога и это самое (призывание) носит вместо имени?

Видишь, как и в самых простых названиях, как я говорил вначале, скрывается великое богатство мыслей? Здесь (в названии детей) выказывается не только благочестие родителей, но и великая заботливость их о детях, — как они с самого начала учили рождавшихся у

них детей теми самыми именами, какие давали им, прилепляться к добродетели, а не так, как ныне дают имена — просто и как случится. По имени, говорят, деда или прадеда пусть называется дитя; но древние не так: они всячески старались давать детям такие имена, которые бы не только возбуждали к добродетели самих получающих эти имена, но и для всех других и для последующих родов служили наставлением во всяком любомудрии. Это увидим мы и далее в течение слова. Не станем же и мы назначать детям названия случайные, не станем давать им имена отцов, дедов, прадедов и людей, знаменитых родом, но — имена мужей святых, просиявших добродетелью, стяжавших великое дерзновение у Бога. Впрочем, и на эти имена пусть не надеются ни родители, ни дети, получающие имена, потому что имя без добродетели не приносит никакой пользы. Надежду спасения нужно полагать в совершении добродетели, и не величаться ни именем, ни сродством со святыми мужами, ни чем-либо другим, но правотой своих дел; а лучше сказать, не величаться и этим, но тогда-то особенно и смирять и уничижать себя, когда успеем собрать великое богатство добродетели, так как при этом мы и собранное нами богатство сбережем верно, и привлечем к себе благоволение Божие. Поэтому и Христос говорил ученикам Своим: *егда вся сотворите, глаголите, яко непотребни рабы есмы* (Лк. XVII, 10). Так Он смиряет их умы и внушает им быть скромными и не превозноситься добрыми делами, но знать, что величайшая из всех добродетелей состоит в том, чтобы добродетельный человек сохранял смирение.

4. Но возвратимся опять к предмету слова, и посмотрим на родившихся в последующее время. Можно надеяться, что мы, мало-помалу поступая вперед, найдем еще большее сокровище, великое и невыразимое богатство. *И поживе*, сказано, *Енос*, этот Сын Сифов, *лет сто девятьдесят, и роди Каинана, и Каинан роди Малелеила,*

и Малелеил роди Иареда; Иаред роди Еноха. И пожив Енох лет сто шестьдесят пять, и роди Мафусала: угоди же, говорит Писание, *Богу Енох, и поживе Енох, по еже родити ему Мафусала, лет двесте, и роди сыны и дщери: и быша дние Еноховы лет триста шестьдесят пять, и угоди Енох Богу, и не обреташеся, зане преложи его Бог* (Быт. V, 9 и сл.). Не правду ли я говорил, что, идя далее, мы найдем в этих именах великое и неизреченное духовное богатство? Замечай здесь, возлюбленный, и добродетель праведника, и чрезмерное человеколюбие благого Бога, и точность Божественного Писания. *Поживе,* говорит оно, *Енох лет сто шестьдесят пять, и роди Мафусала, и угоди,* говорит, *Енох Богу, по еже родити ему Мафусала.*

Слушайте это, и мужи и жены, поучитесь добродетели праведника, и не думайте, будто брак препятствует угождать Богу. Божественное Писание для того и указало на это неоднократно, сказав, что (Енох) родил Мафусала и тогда угодил (Богу), и опять повторив то же самое: *и угоди, по еже родити ему,* для того, чтобы не подумал кто, будто брак препятствует благоугождать Богу. Если мы бодрственны, то ни брак, ни воспитание (детей), ни другое что не может воспрепятствовать нам в угождении Богу. Вот и он (Енох), будучи одной с нами природы и (живя тогда), когда еще не дан был закон, не поучало Писание, и ничто другое не руководило к любомудрию, сам собой и по своему произволению так благоугодил (Богу), что доселе еще жив и не вкусил смерти. Если бы, возлюбленный, брак и воспитание детей были препятствием на пути добродетели, то Создатель всяческих не ввел бы брака в жизнь нашу, дабы мы не терпели вреда в вещах нужных и самых необходимых. Но так как (брак) не только не препятствует нам в богоугодной жизни, если мы хотим бодрствовать, но и доставляет нам великое пособие к укрощению пылкой природы, не позволяя волноваться морю, но непрестанно побуждая ладью плыть в пристань, то поэтому

Бог и даровал такое утешение человеческому роду. А что слова мои справедливы, доказывает этот праведник. *По еже родити,* говорит Писание, *Мафусала, угоди Енох Богу;* притом, он подвизался в добродетели немалое число лет, но, как говорит Писание, *двесте лет.* И так как после преступления первозданного нашелся человек, который взошел на самую высоту добродетели, и своим благоугождением Богу вознаградил за грех прародителя, то смотри чрезмерное человеколюбие благого Бога. Как Он нашел человека, который мог вознаградить за грех Адама, то и преселяет его живым, показывая самым делом, что Он принявшего заповедь (Адама) осудил за ее нарушение, а не по желанию подвергнуть смерти род наш. *И угоди,* говорит Писание, *Енох Богу, и не обреташеся, зане преложи его Бог.* Видишь премудрость Господа? Преложил (или переселил) живым, а не даровал бессмертие, дабы не ослабить в роде человеческом страха к греху; Он оставил (этот страх) во всей силе между людьми. Поэтому Он хочет неясно и тайно, так сказать, отменить приговор, произнесенный Адаму. Но не делает этого явно, дабы страх служил вразумлением. Поэтому Он преложил благоугодившего Еноха. А если кто захочет любопытствовать и спросит: куда же его переселил, и неужели он доселе жив, — то пусть научится не увлекаться человеческими соображениями и не исследовать с любопытством дел Божиих, но верить тому, что говорится (в Писании). Когда Бог возвещает что-либо, то не должно противоречить словам Его, но возвещаемое от Бога, хотя бы и не было видимо для глаз, нужно считать достовернее того, что подлежит нашим взорам. Что Бог переселил Еноха, переселил живым и не вкусившим смерти, так что за свое благоугождение (Богу) он стал выше произнесенного над родом человеческим приговора, об этом Божественное Писание сказало; а куда переселил его, и как он ныне живет, этого не присовокупило.

5. Видел ты благость Господа, как Он, найдя мужа добродетельного, не лишил его того достоинства, которое даровал первому человеку до преступления заповеди, и этим дал нам разуметь, что и тот, если бы не предпочел обольщения данной заповеди, удостоился бы тех же, или еще и больших благ? *И поживе,* говорит Писание, *Мафусал лет сто осмьдесят седьмь и роди Ламеха; и поживе Ламех лет сто осмьдесят, и роди сына, и нарече имя ему Ной, глаголя:* воистину *сей упокоит нас от дел наших, и от печали рук наших, и от земли, юже прокля Господь Бог.* Усматривай опять и в наименовании родившегося теперь от Ламеха величие тайн, высокое пророчество и неизреченное человеколюбие благого Бога. Так как по своему предвидению он провидел будущее, то усматривая, что нечестие людей умножается, наименованием сына предсказывает бедствия, имеющие постигнуть весь род человеческий, дабы люди, вразумившись хотя страхом, удержались от греха и обратились к добродетели. Замечай и долготерпение Господа: за сколько лет Он дает предсказание, чтобы таким образом и показать Свое человеколюбие, и отнять всякое извинение у тех, которые подвергнутся наказанию!

Но, может быть, кто-нибудь скажет: откуда у Ламеха столь великий дар предсказания? Ведь Писание не упоминает, чтобы он был муж добродетельный и чудный. Не удивляйся, возлюбленный: Господь, премудрый и благоискусный, часто и недостойным людям попускает предсказывать чудные и великие дела, и это не только в Ветхом, но и в Новом Завете. Послушай, что говорит евангелист о Каиафе, иудейском первосвященнике: *сего же о себе не рече, но архиерей сый лету тому прорече, яко Иисус хотяше умрети не токмо за люди, но и да языки расточеная соберет во едино* (Ин. XI, 51). Найдешь опять, что не что подобное было и с Валаамом. Будучи призван для проклятия (еврейского) народа, он не только не проклял, но и предсказал великие и чудные вещи,

не только об этом народе, но и о пришествии Спасителя (Числ. XXIV). Не удивляйся же, что и теперь Ламех, давая имя своему сыну, дает ему такое имя (Ной); но все приписывай Богу, Который все устрояет Своей благоискусной мудростью. *И нарече имя ему Ной*, а это имя значит: успокоение. Итак (Ламех) называет успокоением ту всемирную гибель, которая должна была совершиться спустя столько лет, подобно тому как и Иов говорит: *смерть мужу покой* (Иов. III, 23). В самом деле, так как нечестие причиняет много и весьма большого труда, то его прекращение и уничтожение, имевшее совершиться посредством потопа, называет успокоением. *И нарече*, говорит, *имя ему Ной;* потом, объясняя нам значение этого имени, говорит: *сей же упокоит нас от дел наших*, то есть отвратит от нечестия, *и от печали рук наших*, — опять то же самое, то есть от злых дел. Писание так говорит об этом не потому, чтобы руки печалились, но потому, что через их деятельность и злые дела умножались скорби людей. *И от земли, юже прокля Господь Бог*, то есть освободит нас от всех тяготеющих над нами бедствий, от трудов и скорбей, неразлучных с возделыванием земли, подвергшейся проклятию за преступление первого человека. Подумай же теперь, возлюбленный, как это дитя, мало-помалу возрастая, для всех видевших его служило уроком. Лишь только кто спрашивал об имени этого дитяти, значение имени тотчас же говорило ему о предстоявшей людям гибели. Если бы кто, по вдохновению, просто сказал только, что это будет, такое предсказание предано было бы забвению, и не все бы знали о тяжком наказании; а теперь этот человек, живший перед глазами всех, благовременно и безвременно всем напоминал о гневе Божием. И дабы мы с точностью знали, сколько времени этот сын (Ламеха) своим именем увещевал всех оставить нечестие, прилепиться к добродетели и через то избежать столь великого гнева Божия, (Писание) говорит: *и бе Ное лет пятисот и роди Ное три сына.* Вот

и другой праведник, с женой и детьми, весьма благоугодил Богу, избрав, вопреки всем (современникам), путь добродетели, и не встретил никакого препятствия ни от брака, ни от воспитания детей. Но при этом нельзя не изумиться и неизреченному долготерпению Божию, и крайней неблагодарности тогдашних людей. Вот в течение пятисот лет этот праведник вопиял и свидетельствовал своим именем о потопе, имевшем быть по всей вселенной за умножение нечестия, и при этом они не захотели однако отстать от нечестия. Но человеколюбивый Бог и после такого пророчества, и по истечении столь многих лет, еще не подвергает наказанию, но, желая показать большее долготерпение, к мере Своего снисхождения прилагает и еще немалое число лет. Он создал человеческий род не для того, чтобы наказывать его, но совсем напротив, чтобы даровать ему наслаждение бесчисленными благами. Поэтому и видишь, как Он везде замедляет и откладывает наказания. Но чтобы множеством предметов не обременить вашей памяти, здесь остановим слово, остальное отложив до следующего дня.

6. Будем же это слушать, возлюбленные, не просто, но научимся заботиться о добродетели и ставить высоко угождение Богу; не станем ссылаться ни на управление домом, ни на заботу о жене, ни на попечение о детях, ни на что-либо другое, и думать, будто этим мы можем достаточно оправдать себя в нерадивой и беспечной жизни; не будем произносить пустых и бессмысленных слов: я мирянин, имею жену и озабочен детьми. Очень у многих есть обычай говорить это, когда мы убеждаем их подвизаться в добродетели, или прилежно упражняться в чтении Писания. Не мое это дело, говорят; разве я отрекся от мира, разве я монах? Что говоришь, человек? Разве одним монахам предназначено угождать Богу? Бог *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. II, 4), а не желает, чтобы кто-

либо пренебрегал добродетелью. Послушай, что Сам Он говорит через пророка: *не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Скажи мне, разве этому праведнику сколько-нибудь препятствовало сожительство с женой или попечение о детях? Так не станем же и мы, прошу вас, обманывать самих себя, но чем более обременяемся этими заботами, тем более будем принимать врачевств от чтения Божественного Писания. Ведь и эти люди были одной с нами природы; притом у них не было столько побуждений, располагающих к добродетели. Итак, какого извинения будем заслуживать мы, и наслаждающиеся таким учением, и удостоенные столь великой благодати, и пользующиеся вышней помощью, и получившие обетование неизреченных благ, если не достигнем в меру добродетели древних мужей? Если только мы захотим быть внимательными, то и сообщенного нам сегодня достаточно, чтобы заставить нас полюбить добродетель и отнюдь не думать, будто для нас что-либо может служить препятствием к пути добродетели. Если жившие до закона, по внушению только природы, достигли столь высокой добродетели, то что можем сказать мы, которые, при таких пособиях, после пришествия Христова и после бесчисленных чудес, так далеки от добродетели? Поэтому, прошу, будем не поверхностно проходить, но со вниманием читать содержащееся в Божественном Писании, дабы, пользуясь им, могли мы когда-нибудь, хоть и поздно, прилепиться к богоугодной добродетели. Если мы и каждый день станем оглашать вас этим духовным учением, а вы будете оставаться все при той же беспечности, то какая вам будет польза от непрерывного наставления? Да и нам какое будет утешение, когда видим, что столь великий труд наш остается бесполезным и нет истинного успеха от нашего старания? Ведь, скажи мне, не из двух ли состоим естеств мы, то есть из души и тела? Почему же не одинаковое прилагаем

попечение о той и о другом, но телу всячески стараемся служить — и врачам деньги даем, и сами весьма заботимся о нем, и одеваем его дорогой одеждой, и питаем больше, чем нужно, и хотим, чтобы оно было в постоянном покое и чтобы отнюдь никакая болезнь не тревожила его, а если что-либо потревожит его, то употребляем все средства к отвращению неприятностей? Такова заботливость о теле, которое ниже по существу своему: но как же, скажи мне, равнять душу и тело? Если хочешь видеть различие между ними, то посмотри, как ничтожным становится тело, когда оставляет его душа. Итак ты, прилагающий столь великое попечение о теле, для чего и почему так мало печешься о душе, и не хочешь ни давать ей свойственную ей пищу, то есть наставление из Божественного Писания, ни прилагать полезных лекарств к ее ранам и язвам, которые разрушают ее силу и ослабляют бодрость, напротив, оставляешь ее в небрежении, когда она и истаевает от голода, и от язв истлевает, и служит добычей, как бы псам, злым и нечистым помыслам, которые терзают ее и сокрушают всю ее крепость?

Для чего не столько же, как о теле видимом, заботимся и о душе бестелесной и невидимой, тогда как попечение о ней не только удобно и легко, но и не требует издержек и никакого труда? Так, что касается попечений о теле и врачевания болезней телесных, то здесь необходимо тратить много и денег — частью на врачей, частью на все другие потребности, то есть на пищу и одежду, — не говорю уже о том, что очень многие с великой неумеренностью издерживают их и сверх нужды. А по отношению к душе ничего такого не нужно, но, если подобно тому, как телу каждый день доставляешь пищу и тратишь на него деньги, захочешь не попускать и душе гибнуть от голода, а будешь давать ей соответствующую пищу, то есть наставление из Писания и из духовного поучения (*не о хлебе едином,* говорит

Писание, *жив будет человек, но о всяком глаголе исходящем из уст Божиих* (Мф. IV, 4), — то распорядишься наилучшим образом и окажешь должное внимание к тому, что есть у нас драгоценнейшего. Поэтому как телу ты доставляешь различные одежды, соображаясь с различными временами года и разнообразием одежд, так не попускай и душе ходить нагой без добрых дел, одень и ее приличной одеждой: через это тотчас восстановишь ее и приведешь опять в естественное состояние здоровья. Чтó же это за одежда души? Милостыня и щедрость к бедным: вот прекраснейшее одеяние души, вот светлая одежда ее. А если хочешь не только доставить ей одеяние, но и украсить ее, подобно телу, то присоедини пособие, состоящее в молитве и исповедании грехов, и не переставай омывать лицо ее непрерывными слезами. Как лицо телесное ты каждодневно омываешь со всем тщанием, чтобы не видно было на нем никакой, обезображивающей его, нечистоты, так же старайся поступать и с душой, и ее каждый день омывай, проливая горячие слезы. Этой (слезной) водой смывая с себя нечистоту, душа становится все светлее. И так как весьма многие жены, по великой изнеженности, пренебрегая заповедь апостольскую, повелевающую не украшать себя ни плетением (волос), ни золотом, ни жемчугом, ни многоценной одеждой (см.: 1 Тим. II, 9), украшаются с великой роскошью, да и не одни жены, но и изнеженные мужи доводят себя до слабости жен, надевая на руки перстни и украшаясь множеством дорогих каменьев, чего надлежало бы им стыдиться и краснеть, то пусть и эти, и те, послушав наших слов, обратят лучше эти драгоценности, приносящие много вреда и мужам и женам, на украшение души и ее ими украсят. Надетые на тело, даже красивое, они делают его безобразным; напротив, возложенные на душу, даже безобразную, доставляют ей великую красоту. Но как, скажешь, возможно возложить эти драгоценности на душу? Опять

руками бедных: они, принимая (подаяния), сообщают душе (подающего) красоту. Им отдай свои драгоценности и рассыпь в их утробы, а они доставят такую красоту твоей душе, что ты видом своим привлечешь к себе Самого истинного Жениха и приобретешь бесчисленные блага: привлекши к себе Господа этой красотой, будешь иметь источник всех благ и обладать несказанным богатством. Итак, если мы хотим быть любезными Господу, то, оставив попечение об украшении тела, будем каждый день заботиться о красоте души, дабы нам привлечь себе и благоволение человеколюбивого Бога и получить неизреченные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

И бе Ное лет пятисот, и роди Ное три сына, Сима, Хама и Иафета. И бысть, егда начаша человецы мнози бывати на земли, и дщери родишася им (Быт. V, 31; VI, 1)

1. Хочу предложить вам сегодня остатки вчерашней трапезы; но не огорчайся, возлюбленный, слушая оставшееся. Конечно, чувственные снеди, спустя день или два, часто портятся и становятся неприятными и негодными в пищу, а относительно духовной трапезы нельзя бояться этого; напротив, чем больше проходит времени, тем большую они приобретают приятность и тем становятся свежее и вкуснее. Так исполним же самым делом данное нами вчера обещание, уплатим долг поучения и покажем честность. Это доставляет пользу не получающим только, как это бывает в (обыкновенных) долгах, но и мне, уплачивающему долг. И что говорю: мне, уплачивающему? Свойство этого долга духовного

таково, что чем более он уплачивается, тем более возрастает и тем большее доставляет изобилие и несказанное богатство и отдающему, и получающим. Видишь необычайное свойство долга и особенный род уплаты? Таково духовное: будучи раздаваемо, оно еще более умножается, и чем большему числу сообщается, тем более оно увеличивается, так что и отдающий не чувствует никакой утраты, напротив, еще у него умножается имущество, и получающие становятся более богатыми. А если таково свойство духовных предметов, то со всем усердием и мы поспешим к уплате и вы приготовьте слух к принятию этого, дабы каждый из вас принял слова наши в отверстые недра души и с тем возвратился домой. Предметом рассуждения будет служить для нас опять праведный Ной, чтобы вы узнали великую его добродетель и неизреченное Божие человеколюбие и долготерпение, превышающее всякое понятие. Вы узнали вчера, как этот праведник, получив от отца свое имя, с самого рождения своего был для всех тогдашних людей провозвестником несчастий, и своим именем как бы вопиял и говорил так: оставьте нечестие, творите добродетель, убойтесь угрожающей казни; всеобщий потоп постигнет всю вселенную. Весьма силен гнев (Божий), потому что весьма усилилось и нечестие. И так он увещевал не два или три года, но пятьсот лет. Видели вы долготерпение Господа? Видели безмерную благость? Видели несказанное снисхождение? Видели умножение нечестия? Видели великое их безрассудство? На этом, как вы знаете, вчера остановилось наше поучение. Сегодня следует узнать, как человеколюбивый Господь, по Своей благости, не ограничился и пятьюстами лет, но и еще явил новый опыт попечения о столь великих грешниках. *И бе Ное*, говорит Писание, *лет пяти сот.* Намеренно Божественное Писание обозначило число лет праведника, чтобы мы видели, сколько времени он увещевал своих современников, и как они,

избрав путь нечестия, погибли на нем, а праведник, идя путем совершенно противоположным, явил столь высокую добродетель, что привлек к себе благоволение Божие и, тогда как все прочие подверглись наказанию, один он с своим семейством избежал его. Отсюда мы узнаем, что если мы бдительны и не беспечны, то жизнь посреди злых людей не только не вредит нам, но и делает нас более тщательными в добродетели. Для того человеколюбивый Бог и устроил так, чтобы жили вместе и злые и добрые, чтобы от этого и нечестие злых ослаблялось, а добродетель добрых выказывалась блистательнее, и беспечные от обращения с ревностными (о добродетели) получали, если пожелают, величайшую пользу. Представь же себе, как был предан добродетели этот праведник, когда, среди такого множества людей, с великой силой стремившихся к нечестию, один он шел противоположным путем, предпочитая добродетель нечестию, и ни единодушие, ни столь великое множество (злых) не остановило его на пути добра, но он уже наперед исполнил то, что впоследствии имел сказать блаженный Моисей: *да не будеши со многими на злобу* (Исх. XXIII, 2). И что особенно удивительно и чудно: в то время, как многие, или – лучше сказать – все склонялись к нечестию и к злым делам, и никто не располагал к добродетели, он сам собой устремился к ней с такой силой, что пошел против такого множества; не убоялся и не устрашился единодушия злых; не поступил так, как обыкновенно делают нерадивые, которые, когда увидят, что многие показывают в чем-нибудь единодушие, пользуются этим случаем для прикрытия своего нерадения и говорят: для чего мне, вопреки всем этим людям, предпринимать что-нибудь новое и особенное, противоречить такому множеству и вступать в борьбу с таким многолюдством? Разве я праведнее всех их? Какая мне польза от такой вражды? Какая выгода от такой ненависти? Но (праведник) не делал столь бес-

плодных соображений, да и не подумал делать; он опять наперед исполнил сказанное пророком, что *лучший есть един творяй волю Господню, нежели тмы беззаконных* (Сир. XVI, 3). Разве общение, думал он, и согласие с многолюдством, стремящимся к злу, может избавить меня от наказания? Знал он, верно знал, что каждый ответит за собственное свое спасение и что другому невозможно ни потерпеть наказание за согрешающего, ни получить чужую награду. Поэтому праведник, как искра посреди моря, не только не угасал, но и с каждым днем издавал яснейший свет, поучая всех своими делами.

Видишь, как Господь сотворил свободной природу нашу? Отчего, скажи мне, те (современники Ноя) стремились к нечестию и навлекали на себя наказание, а этот (Ной), избрав добродетель и убежав от сообщества с ними, не потерпел наказания? Не очевидно ли, что каждый по своей воле избирает нечестие или добродетель? Если бы было не так, если бы нашей природе не была присуща власть, то не следовало бы ни тем терпеть наказание, ни этим получать награду за добродетель. Но так как все, после вышней благодати, зависит от нашего произволения, поэтому и согрешающим уготованы наказания, и живущим добродетельно воздаяния и награды. *И бе*, говорит Писание, *Ное лет пяти сот, и роди три сына, Сима, Хама и Иафефа.* Замечай точность Божественного Писания. Сказав нам о числе лет праведника, чтобы показать великость долготерпения Господа, оно хочет еще изъяснить нам и приумножение снисхождения Господня, и усиление нечестия человеческого.

2. Но послушаем самых слов Моисея, который, говоря по внушению Духа, хочет с точностью научить нас всему. *И бысть*, говорит, *егда начаша человецы мнози бывати на земли, и дщери родишася им.* Не без причины присовокупил он: *и дщери родишася им*, но для того, чтобы дать нам понятие о великом размножении людей. Где

столь великое множество корней, там по необходимости рождается и много ветвей. *Видевше же,* говорит, *сынове Божии дщери человечи, яко добры, суть, пояша себе жены, от всех, яже избраша.* Каждое из этих слов рассмотрим внимательно, дабы не укрылось от нас ничто из сокрытого во глубине. Да и нужно тщательно исследовать это место, и опровергнуть пустословие тех, которые обо всем говорят необдуманно. И во-первых, надобно показать, что эти люди осмеливаются говорить, и обнаружив нелепость их слов, объяснить потом вашей любви истинный смысл Писания, дабы вы простодушно не слушали тех, которые произносят хульные речи и дерзают говорить на свою голову. Они говорят, будто это сказано не о людях, но об ангелах; их-то будто бы (Писание) назвало сынами Божиими. Но, во-первых, пусть они покажут, где ангелы названы сынами Божиими: этого они не могут нигде показать. Люди называются сынами Божиими, а ангелы — никогда. Об ангелах (Писание) говорит: *творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящ* (Пс. CIII, 4), а о людях: *Аз рех: бози есте* (Пс. LXXXI, 6); и опять: *сыны, родих и вознесох* (Ис. I, 2); и опять: *первенец мой сын Израиль* (Исх. IV, 22); а ангел нигде не назван ни сыном, ни сыном Божиим. Но что они говорят? Подлинно, то были ангелы, но так как они сошли (с неба на землю) для беззаконного дела, то лишились своего достоинства. Другое еще большее пустословие! Так что же? Теперь они лишились (своего достоинства) и это именно было причиной их падения? Но Писание учит нас иначе, именно, что еще прежде создания первого человека они лишились того своего достоинства — и диавол и те (духи), которые вместе с ним домогались высшего достоинства, как и говорит премудрый: *завистию же диавола смерть вниде в мир* (Прем. II, 24). В самом деле, скажи мне, если бы диавол не пал еще до создания человека, то как он, оставаясь в своем достоинстве, позавидовал человеку? Какой имеет

смысл то, что ангел позавидовал человеку, бестелесный и находившийся в такой чести — обложенному телом? Но так как (диавол) ниспал с высочайшей славы в крайнее бесчестие, и ниспал, будучи бестелесным, а между тем видел, что человек создан и, будучи в теле, удостоен, по человеколюбию Создателя, столь великой чести, то разгорелся завистью и посредством обмана, совершенного им через змия, подверг человека наказанию смертью. Таково свойство злобы: не может она равнодушно переносить счастья других. Для всех очевидно, что диавол и все его полчище искони уже лишились небесной славы и сделались бесчестными. А с другой стороны, и не безумно ли говорить, будто ангелы низошли до сожительства с женами и бестелесная природа унизилась до совокупления с телами? Разве не слышишь, что говорит Христос об естестве ангельском: *в воскресении бо ни женятся, ни посягают, но яко ангели Божии суть* (Мф. XXII, 30)? Да и не свойственно этой бестелесной природе иметь такое (плотское) вожделение. А сверх того, нужно подумать и о том, что принять такое мнение и по разуму было бы величайшей нелепостью. Если святые, удостоенные Духа Святого мужи, не в силах были переносить даже явления ангелов, если и муж желаний, узрев присутствие ангела, не самое существо (потому что, как можно видеть бестелесное существо?), но воспринятый им образ, лишился сил и едва не самой жизни, если и столь великий и высокий муж упал почти бездыханным, — то кто, и самый безрассудный, согласится с этим богохульным и крайне безумным мнением, будто бестелесная и духовная природа имела совокупление с телами?

3. Но чтобы не показалось, что и мы сами, много говоря об этом, напрасно теряем время, для этого, самым делом доказав вашей любви невозможность такого события, раскроем теперь вам истинный смысл предложенных слов, снова прочитав сказанное Божественным

Писанием. *И бысть, егда начаша человецы мнози бывати на земли, и дщери родишася им: видевше же сынове Божии дщери человечи, яко добры суть, пояша себе жены от всех, яже избраша.* Мы уже прежде сказали вам, что Писание имеет обычай и людей называть сынами Божиими. Так как они (те, которые названы сынами Божиими) вели род свой от Сифа и от сына его, названного Еносом (*сей бо*, говорит Писание, *улова призывати имя Господа Бога*), то его дальнейшие потомки в Божественном Писании названы сынами Божиими, потому что они до тех пор подражали добродетели предков; а сынами человеческими названы те, которые родились прежде Сифа, от Каина, и от него вели свой род. *И бысть*, говорит Писание, *егда начаша человецы мнози бывати на земли, и дщери родишася им: видевше же сынове Божии* (потомки Сифа и Еноса) *дщери человечи* (дочери, родившиеся от тех, о которых [Писание] сказало, что *и дщери родишася им*), *яко добры суть*. Смотри, как этим выражением Писание показало нам всю их необузданность. Они устремились к этому делу, не по желанию чадородия, но по неумеренной похоти. *Видевше же*, говорит Писание, *дщери человечи, яко добры суть*. Вожделение красоты увлекло их в эту погибель; красота лица была для них причиной блудодеяния и необузданности. Но Писание не ограничилось и этим, а присовокупило: *пояша себе жены от всех, яже избраша.* И это опять указывает на их великую необузданность, что они, то есть, побеждены были красотой и не хотели обуздать беспорядочное вожделение, но, увлекшись видом (жен), погрязли (в нечистоте), и этим беззаконием сделали себя недостойными вышнего промышления. И чтобы мы знали, что они это сделали не по закону брака и не для чадородия, для этого (Писание) говорит: *видевше же, яко добры суть, пояша себе жены от всех, яже избраша.* Что же? Ужели кто будет винить глаза за то, что они видят? Отнюдь: не глаз был причиной погибели этих людей, но их беспечная воля и не-

обузданное вожделение. Глаз для того и создан, чтобы мы, видя им творения Божии, прославляли их Создателя. Следовательно, дело глаза – видеть; а видеть худо зависит от управляющего им разума. Господь устроил члены (нашего тела) так, чтобы они были полезны нам к деланию добра, а управление ими предоставил бестелесному существу, то есть душе. Итак, когда душа предается нерадению и ослабит бразды, то, как возница, не умеющий сдерживать беспорядочные порывы коней, опустив бразды, подвергает опасности и коней, везущих колесницу, и самого себя, так и воля наша, когда не умеет по-надлежащему пользоваться членами, дав свободу беспорядочным вожделениям, губит сама себя. Поэтому-то Господь наш Иисус Христос, зная слабость нашей природы и беспечность воли, дал закон, запрещающий и возбраняющий излишние взгляды, дабы издали еще погасить загорающийся в нас пламень, и сказал: *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. V, 28). Для того, говорит, запрещаю необузданный взгляд, чтобы предохранить от беззаконного дела. Не думай, что только совокупление составляет грех; осуждению подлежит самая мысль. Так и эти люди, увидев красоту, пленились зрением. *Видевше же,* говорит (Писание), *яко добры суть и пояша себе от всех, яже избраша.* Но посмотрим, какую благость Господь явил и после этого беззаконного дела и беспорядочного расположения их. *И рече*, говорит Писание, *Господь Бог: не имать дух мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть, будут же дние их лет сто двадесять.* В этих немногих словах можно увидеть бездну человеколюбия. *И рече*, сказано, *Господь Бог: не имать дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть.* (Господь) назвал здесь духом промыслительную Свою силу, предуказывая уже их погибель. И дабы ты знал, что речь идет именно об этом, смотри, что прибавлено: *зане суть плоть,* то есть потому что они совершенно предались плотским делам

и не пользовались по-надлежащему способностями души, но вели такую жизнь, как будто бы облечены были только плотью и не имели души. Божественное Писание всегда имеет обычай называть плотских людей плотью, а добродетельных бесплотными, как говорит Павел: *вы же несте во плоти* (Рим. VIII, 9), не потому, чтобы они не были облечены плотью, но потому, что, будучи облечены плотью, они были выше плотских помыслов. И как этим за презрение плотского Павел сказал: *вы же несте во плоти*, так и тех за то, что они постоянно занимались плотскими делами, (Бог) назвал плотью. *Зане суть плоть*, поэтому больше не попущу им оскверняться грехами.

4. Видел ты великость гнева (Божия)? Видел чрезмерную силу угрозы? Смотри же, как (Бог) угрозу и гнев растворил человеколюбием. Таков Господь наш: часто угрожает Он не для того, чтобы исполнить угрозу, но чтобы, исправив людей, уже не приводить угрозу в исполнение. Ведь, если Он хотел (только) наказать, то для чего и предсказывал? Но так как Он не хочет (только наказывать), то всегда медлит и отлагает, и предсказывает, внушая (через это) виновным побуждение уклониться от нечестия, избрать добродетель и избежать наказания. Поэтому уже после того, как изрек угрозу предать их совершенной погибели (а это и значат слова: не *имать дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть*, то есть не попущу им более жить), Он, не довольствуясь пятисотлетним долготерпением, по которому люди во всю жизнь Ноеву вразумляемы были его именем, теперь, опять удерживая гнев Свой, назначает им другой срок и говорит: Я уже сделал угрозу, и сказал, и объявил Мой гнев, которому вам следовало подвергнуться за множество сделанных вами грехов; но так как Я хочу, чтобы и неисцельно согрешившие спаслись и никто не погиб, то еще прибавляю вам сто двадцать лет, дабы вы могли, если захотите, и омыть грехи через

обращение к лучшему, и, избрав добродетель, избавиться от наказания. *Будут дние их лет сто двадесять. Исполини же,* говорит (Писание), *бяху на земли во дни оны: и потом егда вхождаху сынове Божии к дщерем человеческим и раждаху себе, тии бяху исполини, иже от века, человецы именитии* (Быт. VI, 3, 4). Исполинами, думаю, называет здесь Божественное Писание людей, сильных телом. От них, говорит, размножился род их. Об этом говорится и в другом месте: *исполини,* сказано, *идут исполнити ярость мою* (Ис. XIII, 3). Число же: сто двадцать лет некоторые признают за предел жизни; но это не значит, а (Писание) хочет этим показать долготерпение, которое (Господь) являет людям и после столь многих грехов их. Итак, чтобы мы знали, что люди и после (обнаруженных Богом) гнева и угрозы, и после продолжительного долготерпения, которое Он дал им на покаяние, не только не исправились, но и продолжали грешить, Писание говорит: *егда вхождаху сынове Божии к дщерем человеческим и раждаху себе, тии бяху исполини, иже от века, человецы именитии.* Видишь, какое чрезмерное безрассудство? Какая бесчувственность души? Ни страх наказания, ни продолжительность (Божия) долготерпения не отклонили их от злых дел; раз низринувшись в пропасть и потеряв душевное зрение, они, объятые нечистой похотью, как бы каким опьянением, не захотели уже исправиться, как и Премудрый говорит: *егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит* (Притч. XVIII, 3). Страшно, страшно, возлюбленный, быть уловлену кознями диавола. Тогда душа уже запутывается как бы в сетях, и как нечистое животное, валяясь в грязи, услаждается этим, так и она, предавшись греховной привычке, уже не чувствует зловония грехов. Поэтому нужно трезвиться и бодрствовать, чтобы с самого начала не дать лукавому демону никакого доступа (к нам), чтобы он, омрачив наш ум и ослепив душевное око, не заставил нас, не могущих взирать на свет Солнца правды,

подобно лишенным солнечного света, стремиться в пропасть, что и случилось с этими людьми. Послушай и еще о долготерпении благого Бога. *Видев же,* говорит Писание, *Господь Бог, яко умножишася злобы, человеков на земли* (VI, 5). Что значат слова: *видев же?* Не то, чтобы не знал Господь; нет: Божественное Писание повествует обо всем приспособительно к нашей немощи: чтобы вразумить нас, что эти люди, и после столь великого долготерпения Божия, оставались в тех же грехах или впадали вновь еще в большие, оно говорит: *видев же, яко умножишася злобы человеков на земли.* От этого злого дела (от смешения сынов Божиих с дочерями человеческими), как от источника, рождались у них и многие другие грехи; поэтому и говорится: *злобы человеков.* Где блуд, невоздержная и нечистая жизнь, там естественно рождается и пьянство, и бесчинство, и великая несправедливость, и лихоимство, и множество зла. *Видев же,* сказано, *Господь Бог, яко умножишася злобы человеков на земли, и всяк помышляет в сердце своем прилежно на злая во вся дни.*

5. Смотри, как здесь каждое слово указывает на множество грехов. Сказав вообще: *яко умножишася злобы человеков на земли,* Писание присовокупило: *и всяк.* Многозначительно это слово. Не только юноша (грешит), но и старец делает подобное ему; не только муж, но и жена; не только раб, но и свободный; не только богатый, но и бедный. И слово *помышляет* также многозначительно. Они, то есть, делают это, не урывками, но размышляя в сердце, каждый час стремясь к этому и нарочито заботясь об этом, — не то, что раз или два, просто и случайно, увлекшись грехом, оставляют потом нечестие, но прилежно упражняются в нем и делают злое; то есть грех совершается ими с большим тщанием, не мимоходом, не небрежно и не в короткое время, но все дни, в течение всей их жизни. Видел ты усиление нечестия? Видел, как они сделали это своим занятием, прилежно совершая всякого рода

зло, и как всякий возраст охотно стремился к деланию зла? *Всяк,* говорит (Писание); не было незрелого и непричастного злу возраста, но все тотчас и с самого начала соревновали в этом злом подвиге, стараясь превзойти друг друга в беззаконных делах. Представь же теперь необычайную мудрость праведника, когда он, среди такого единомыслия злых людей, мог избежать заразы и не потерпеть от них никакого вреда, но как бы имея другую природу, сохранил твердость духа и, по собственному изволению устремившись к деланию добра, уклонился от греховного единомыслия с ними, и избавился от постигшей всех погибели. *И помысли,* говорит Писание, Господь *Бог, яко сотвори человека на земли* (ст. 6). Заметь и здесь грубость и приспособительность выражения. *Помысли,* сказано, вместо: раскаялся, не потому, что Бог раскаивается, — да не будет, — но Божественное Писание говорит с нами по-человечески, чтобы научить нас, что чрезмерное множество грехов человеческих привело человеколюбивого Бога в столь великий гнев. *И помысли Господь Бог, яко сотвори человека на земли.* Для того ли, говорит Бог, Я создал его, чтобы он, вдавшись в столь великое нечестие, сделался виновником своей погибели? Для того Я с самого начала удостоил его такой чести и явил столько попечения о нем, чтобы он, избрав добродетель, был безопасен от погибели. Но так как он злоупотребил Моим человеколюбием, то лучше уже прервать его злые предначинания. *И размысли, и рече* Господь *Бог: потреблю человека, егоже сотворих, от лица земли, от человека даже до скота, и от гад даже до птиц небесных: зане размыслих, яко сотворих я.* Со своей стороны, говорит Бог, Я сделал все: привел (людей) из небытия в бытие, вложил в (их) природу знание того, что должно делать и чего не делать, даровал им свободную волю, оказал неизреченное (к ним) долготерпение, и даже после уже того продолжительного времени, после обнаруженного Мной гнева и угрозы, назначил еще

и другой срок, желая, чтобы они, сознав свои грехи, отвратили Мой гнев; но так как и от этого не произошло никакой пользы, то необходимо уже привести угрозу в исполнение, вконец истребить их и уничтожить весь род их, как негодную закваску, дабы они и для последующих родов не сделались учителями нечестия. *И рече Господь Бог: потреблю человека, егоже сотворих, от лица земли, от человека даже до скота.* Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего за уклонение человека к нечестию подвергаются одинаковому с ним наказанию и животные? Так следует. Разве животные созданы сами для себя? Они сотворены для человека; поэтому, когда он истребляется, то какая и в них нужда? Затем и они разделяют (с человеком) наказание, чтобы вы знали, как силен гнев (Божий на грешника). Как в начале за грех прародителя подпала проклятию земля, так и теперь, когда угрожает погибель человеку, делаются участниками наказания и бессловесные. Как при благочестивой жизни человека и тварь участвует в человеческом благоденствии, по слову Павла: *и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. VIII, 21), — так и теперь, когда человек за множество грехов своих должен понести наказание и подвергнуться конечной погибели, вместе с ним и скоты, и гады, и птицы подвергаются потопу, имеющему покрыть всю вселенную. И как в доме, когда главный служитель подпадает гневу господина, обыкновенно и все сослужители его разделяют с ним скорбь, — точно так и здесь, когда, как в доме, люди гибнут, по необходимости и все, находящееся в доме и подвластное им, подвергается тому же наказанию. *И размыслих*, говорит Писание, *яко сотворих я.* Сколько снисхождения в этом слове! Разве Я хотел, говорит (Бог), подвергнуть их такому наказанию? Сами они великими своими беззакониями привели Меня в столь сильный гнев. Впрочем, чтобы мы не подумали, будто род человеческий совершенно уничтожается и ес-

тество наше истребляется с корнем, напротив, знали бы, сколь великое зло грех, и сколь великое благо добродетель, и что *лучше един праведник, нежели тысяща грешник* (Сир. XVI, 3), Писание говорит: *Ное же обрете благодать пред Господом Богом* (ст. 8). Если, говорит, все множество (людей) впало в столь великое нечестие, то этот праведник сохранил искру добродетели, а вместе с тем и всем этим людям в течение всего этого времени проповедовал и внушал отстать от нечестия, и себя соблюл свободным от их скверны. И как они злыми своими делами подвигли на гнев человеколюбивого Бога, так и этот, возлюбив добродетель, *обрете благодать пред Господом Богом. Бог бо несть лицеприятен* (Деян. X, 34); если в таком множестве Он найдет хотя одного делающего угодное Ему, то не оставляет его без внимания, но удостаивает Своего попечения и тем большую выказывает заботливость о нем, чем он сам ревностнее, при столь многих, влекущих его к нечестию, идет путем добродетели.

6. Зная это, будем иметь в виду одно то, что угодно Ему (Богу) и что может привлечь на нас Его благоволение; и ни из угождения дружбе, ни из покорности какому-либо обычаю, не станем пренебрегать добродетелью, но будем пользоваться, как должно, долготерпением Божиим и, пока есть еще время, отложив всякую леность, возлюбим добродетель и возненавидим порок. Если мы не будем и к добродетели стремиться с любовью и охотой, и к пороку не будем питать великой ненависти, то не в состоянии будем ни избежать вреда от этого, ни достигнуть той. А что добродетель заслуживает того, чтобы мы желали ее и горели к ней любовью, — послушай, что говорит пророк: *судьбы Господни истинны, оправданы вкупе, вожделенны паче злата и камене честна многа* (Пс. XVIII, 10). Сказал так не потому, чтобы это одно (то, с чем сравниваются суды Господни, — золото, драгоценные камни, мед) было самое вожделен-

ное, но потому, что у нас нельзя найти чего-либо другого, драгоценнее этих предметов. Потому он и присовокупил: *и сладчайша паче меда и сота.* И здесь опять он употребил это сравнение потому, что не мог найти вещества слаще меда. А те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы, и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство; и как пьяные, чем больше вливают в себя вина, тем большей распаляются жаждой, так и эти (сребролюбцы) никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более видят возрастание своего имущества, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой злой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла. Если же эти люди проявляют с таким напряжением эту пагубную страсть, виновницу всех зол, то тем более должно нам судьбы Господни, которые *выше злата и камене честна многа,* всегда иметь в своих мыслях и ничего не предпочитать добродетели, а эти пагубные страсти искоренять из своей души и знать, что это временное удовольствие обыкновенно рождает непрестанную скорбь и нескончаемое мучение, а не обманывать самих себя и не думать, будто настоящей жизнью оканчивается наше существование. Правда, большая часть людей не выражают этого словами, напротив, даже говорят, что они веруют учению о воскресении и будущему воздаянию; но я обращаю внимание не на слова, а на то, что каждый день делается. Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздаяния, то для чего так заботишься о житейской славе? Для чего, скажи мне, мучишь себя каждый день, собирая денег больше, чем песка, покупая села, и дома, и бани, часто приобретая это даже грабежом и лихоимством и исполняя на себе пророческое слово: *горе совокупляющим дом к дому, и село к селу приближающим, да ближнему отьмут что* (Ис. V, 8)? Не это ли видим мы каждый день? Один говорит: «дом

такого-то отнимает у меня свет», и выдумывает тысячу предлогов, чтобы отнять его; а другой, взяв поле у бедного, присоединяет к своему. А что особенно замечательного, необыкновенно, странно, и непростительно — иной сам живет в одном месте, часто даже не имеет возможности, если бы и хотел, перейти в другое место, или по слабости телесной, или по другим обстоятельствам, а между тем хочет всюду и во всех, так сказать, городах иметь памятники своего лихоимства, везде поставить вечные столпы своего нечестия, и грехи, которыми все это собрано, возлагает на свою голову, и — неся это тяжкое и неудобоносимое бремя, не чувствует его, а наслаждение собранными им сокровищами предоставляет другим, не только уже после переселения из этой жизни, но еще и прежде исхода отсюда. Если он и не лишится их против воли, то все они расточаются и, так сказать, разрываются по частям его домашними, а сам он не наслаждается и незначительной их частью. И что говорю: не наслаждается? Если бы он и хотел, то как достанет его, когда у него одно чрево при таком большом богатстве?

7. Причина всех зол — тщеславие и желание дать свое имя полям, баням, домам. Что тебе пользы, человек, когда спустя немного, от постигшей тебя горячки, душа твоя, внезапно отлетев, оставит тебя без всего и нагим, или — лучше — лишенным добродетели, а облеченным в неправды, хищения, лихоимство, стоны, воздыхания, слезы сирот, козни, обманы? Как ты, имея на себе столь великое бремя грехов, в состоянии будешь пройти сквозь те узкие врата, которые не могут вместить столь великой ноши? По необходимости ты останешься вне (царствия) и, под тяжестью этой ноши, напрасно будешь каяться, видя уже перед глазами у себя приготовленные наказания, тот страшный и никогда несгорающий огонь и неумирающий червь. Но если мы сколько-нибудь заботимся о своем спасении, то, пока

есть еще время, отступим от греха, обратимся к добродетели, отринем тщеславие. Оттого оно и называется тщетным, что пусто и не имеет в себе ничего твердого и постоянного; это только обман очей, исчезающий прежде, чем явится. Не видим ли, как часто тот, кому сегодня предшествуют ликторы, и кого окружают копьеносцы, завтра оказывается в темнице, вместе с преступниками? Что обманчивее этой пустой и суетной славы? Если же в настоящей жизни и не случится с ним такой перемены, так смерть непременно постигнет его и прервет его благополучие, и тот, кто сегодня важно выступал на площади, сажал (других) в тюрьму, сидел на возвышенном месте, вел себя весьма гордо и на всех людей смотрел как на тени, завтра вдруг лежит мертвый, бездыханный, полный зловония, осыпаемый тысячью укоризн и от обиженных им, и от не обиженных, но соболезнующих обиженным. Что может быть несчастнее такого человека? И все, что им собрано, часто делят между собой его враги и неприятели; а грехи, от этого накопившиеся у него, он уносит с собой, и подвергается за них весьма строгому отчету. Поэтому, умоляю: убегая этой суетной славы, возлюбим славу истинную и пребывающую вовеки, и пусть ни страсть к богатству не обольщает нас, ни пламя похоти не сжигает, ни зависть и ненависть не сушат, ни гнев не воспламеняет, но все эти злые и пагубные страсти угасив росой духа, презрим настоящее, возжелаем будущего, подумаем о будущем дне (суда) и покажем великую тщательность в жизни. Не для того мы явились в эту жизнь, чтобы только есть и пить.

Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка и не будем так угождать чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы; но, размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения, станем укрощать движения плоти, не поленимся и

не попустим ей восставать на душу. Если Павел, столь великий и высокий муж, как бы на крыльях облетевший всю вселенную, ставший выше телесных нужд и удостоившийся слышать неизреченные глаголы, которых доселе никто другой не слышал, говорил в своем послании: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим явлюся* (1 Кор. IX, 27), – так если он, удостоившийся такой благодати, после столь многих и высоких подвигов, имел нужду усмирять и порабощать, покорять под власть души и подчинять ее господству сильные порывы плоти (усмиряют же то, что восстает, и порабощают то, что сбрасывает с себя узду), то что скажем мы, не имеющие ничего доброго, обремененные тяжкими грехами, и при всем том преданные великой беспечности? Разве в этой брани есть перемирие? Разве есть определенное время для нападения? Всегда нужно трезвиться и бодрствовать, и никогда не считать себя в безопасности, потому что не назначено время, когда враг и противник напáдет на нас. Итак, будем всегда помышлять, всегда заботиться о своем спасении, дабы таким образом могли мы и быть непобежденными и, избежав козней врага, получить милость от Бога, благодатью и щедротами Его Единородного, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Ное же обрете благодать пред Господем Богом. Сия же *роды Ноевы* Ное человек праведен, совершен сый в роде своем: Богу угоди Ное (Быт. VI, 8)

1. Видели вы из того, что уже сказано, как велико человеколюбие и как чрезмерно долготерпение Божие? Видели, как усилилось нечестие тогдашних (современных Ною) людей? Узнали, какова была добродетель

праведника среди такого множества (нечестивых), и как не повредило ему ничто — ни единомыслие этих людей, наклонное к нечестию, ни то, что он остался один среди их и шел противоположным путем? Он, как отличный кормчий, держа кормило ума с великой бдительностью, не попустил своей ладье потонуть от напора волн нечестия, но, став выше бури и будучи обуреваем волнами, находился, как бы в пристани, и так управляя кормилом добродетели, спас себя от потопа, имевшего постигнуть всех во вселенной. Такова добродетель: она бессмертна и непобедима, не подчиняется превратностям настоящей жизни, но воздетая выше сетей нечестия, на все человеческое смотрит как бы с какой высокой башни и не чувствует ничего, что для других бывает тягостным. Напротив, как стоящий на высокой скале смеется над волнами, когда видит, что они с шумом ударяются о скалу и тотчас обращаются в пену, — так и подвизающийся в добродетели, пребывая в безопасном месте, не испытывает никакой неприятности от житейского волнения, но живет спокойно, наслаждаясь тишиной своих помыслов и представляя себе то, что дела настоящей жизни, проходящие так скоро и быстро, ничем не различаются от течений речных. Как бывает с волнами морскими, что они то поднимаются на несказанную высоту, то вдруг опять падают, так точно мы видим, что люди, нерадящие о добродетели и преданные пороку, то высоко умствуют, поднимают брови и успевают в делах настоящей жизни, то вдруг уничижаются и приходят в крайнюю бедность. На них-то указывая, и блаженный пророк Давид говорил: *не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его: яко, егда умрет он, не возмет вся* (Пс. XLVIII, 18). И хорошо сказал: *не убойся*. Пусть, говорит, не смущает тебя избыток его богатства и блеск славы. Спустя немного, ты увидишь его лежащим на земле, неподвижным, мертвым трупом, сделавшимся пищей червей, лишенным

всего этого (богатства и славы) и не могущим ничего взять с собой, но все оставившим здесь. Не смущайся же, смотря на настоящее, и не ублажай того, кто в скором времени должен лишиться всего этого. Таково ведь настоящее счастье и таково свойство богатства: оно не сопутствует отходящим отсюда; оставив здесь все свое богатство, отходят они нагими и ничего неимущими, неся с собой одно нечестие и скопленное ими из-за богатства бремя грехов. А в деле добродетели ничего такого нет: она и здесь ставит (нас) выше наших зложелателей и делает непобедимыми, доставляет нам непрестанное удовольствие и не дает чувствовать превратность (житейских) дел; сопутствует нам и во время исхода отсюда, и тогда особенно, когда мы нуждаемся в ее пособии, в тот страшный день подает нам великую помощь, преклоняя на милость к нам Судью; и как здесь, во время бедствий, возвышает над бедствиями, так и в будущем (веке) избавляет обладающих ею от вечных мучений. Мало этого; она еще доставляет нам и наслаждение неизреченными благами. И дабы увериться вам, что это действительно так, и что мы говорим это не просто и напрасно увлекая вас, я постараюсь доказать это вашей любви предметом нынешней беседы. Смотри, как этот чудный, разумею Ноя, в то время, как весь род человеческий навлек на себя гнев человеколюбивого Господа, своей добродетелью возмог и гнева (Божия) избегнуть, и заслужить от Него великое благоволение. Но, если угодно, поговорим пока о событиях настоящей жизни, — потому что некоторые, может быть, не верят будущему и невидимому. Итак, из здешних событий посмотрим, какая судьба постигла предавшихся нечестью и чего удостоился возлюбивший добродетель. Так как благой Бог определил наказать род человеческий за усилившееся нечестие всеобщей гибелью, сказав: *потреблю человека, его же сотворих, от лица земли,* и, показывая силу Своего гнева, произнес

этот приговор не на человеческий только род, но и на всех скотов, и гадов, и птиц (потому что, когда должны были погибнуть в потопе люди, для которых созданы эти твари, то естественно и им разделить с людьми наказание), так как, говорю, приговор был неограничен и не полагал никакого различия, то, чтобы ты знал, что Бог нелицеприятен и что, проникая в сердца наши, Он не презирает никого, но, если найдет с нашей стороны хотя малый повод, являет Свое неизреченное человеколюбие, и чтобы мы не подумали, что будет всецелое истребление рода человеческого, но знали, что Он, по Своей благости, соизволяет сохранить роду человеческому искру и корень, от которого бы он разросся в длинные ветви, Писание говорит: *Ное же обрете благодать пред Господем Богом.*

2. Замечай точность Писания, как и одного даже слога нельзя найти (в нем) без значения. Сообщив нам о чрезмерном усилении нечестия человеческого и о великом наказании, которому должны были подвергнуться виновники этого, Писание показывает нам и того, кто среди такого множества мог сохранить чистоту добродетели. Конечно, добродетель и сама по себе достойна удивления; но если еще кто творит ее окруженный препятствиями, то она является гораздо более дивной. Поэтому Божественное Писание, как бы удивляясь праведнику, говорит, что среди такого множества людей, имевших подвергнуться за свое нечестие гневу Божию, *Ное обрете благодать пред Господем Богом. Обрете благодать,* но — *пред Богом;* не сказано просто *обрете благодать,* но перед *Господем Богом,* дабы показать нам, что единственной целью его было — заслужить одобрение от того недремлющего Ока и что он нисколько не заботился ни о славе, ни о бесчестии, ни о насмешках людских. Естественно, что он, за свою решимость, вопреки всем, подвизаться в добродетели, терпел великое поношение и осмеяние, так как все нечестивые обыкновен-

но всегда издеваются над решившимися удаляться нечестия и прилепляющимися к добродетели, что и ныне часто бывает. И мы видим, что многие беспечные люди, не перенося насмешек и поношения и предпочитая славу человеческую славе истинной и вечной, увлекаются и приобщаются нечестью других людей. Только душа доблестная и твердая умом может противостоять силящимся совратить ее и ничего не делать в угодность людям, но устремлять взор к тому недремлющему Оку и от него только ожидать благоволения, а на людей не смотреть и не дорожить их похвалой и порицанием, но оставлять их без внимания, как тень и сновидение. И теперь часто многие, не перенося насмешек со стороны десяти, двадцати или меньше лиц, претыкаются и падают: *есть бо стыд наводяй грех* (Сир. IV, 25). Немаловажное дело — не обращать внимания на тех, которые злословят, насмехаются и издеваются. Но этот праведник поступил не так: он пренебрег не только десятью и двадцатью и ста человеками, но всей их совокупностью, столькими тьмами людей. Вероятно, что все насмехались над ним, издевались, ругались, причиняли ему много оскорблений; может быть, хотели даже растерзать его, если бы было можно. Нечестие всегда проявляет большую злобу против добродетели; и не только нимало не вредит ей, но, нападая на нее, делает ее только сильнее. Такова-то сила добродетели, что она, и страдая, побеждает причиняющих (страдания), и, подвергаясь нападениям, бывает выше нападающих. И это можно видеть из многих (примеров). Но чтобы представить вам средство к убеждению в этом, — ведь сказано: *даждь премудрому вину и премудрейший будет* (Притч. IX, 9), — нужно представить вам примеры и из Ветхого и из Нового Завета. Вспомни Авеля: не был ли он убит Каином? Не был ли повержен на землю? Но ты смотри не на то, что (Каин) одолел, и победил, и умертвил брата, которому завидовал и который ничем не обидел его,

но рассуждай о последствиях, – о том, что умерщвленный с тех пор и доныне прославляется и ублажается, и что столь продолжительное время не истребило памяти об нем; а убивший и одолевший и тогда влачил жизнь тяжелее смерти, и с того времени доныне выставляется на позор и всеми осуждается, между тем как тот каждый день воспевается устами всех. И это в настоящей жизни; а что последует в будущем веке – какое слово, какой ум может это представить? Я уверен, что вы, как люди разумные, найдете в Писании много и других подобных примеров: они для того и описаны к нашей пользе, чтобы мы, узнавая их, удалялись нечестия и прилеплялись к добродетели. Хочешь ли и в Новом Завете видеть то же самое? Послушай, как блаженный Лука то же самое повествует об апостолах, именно – что они, вытерпев удары, пошли из синедриона радуясь, что за имя Христово удостоились принять поругание (см.: Деян. V, 41). Хотя удары причиняли не радость, а боль и бесчестье, но ради Бога удары и причина, по которой (апостолы) подверглись ударам, доставляли им радость. Между тем наносившие (апостолам) удары, были в великом недоумении и затруднении, не зная, что им делать. Послушай, в самом деле, как они, и по нанесении ударов, недоумевают и говорят: *что сотворим человеком сим* (Деян. IV, 16; ср. ст. 3)? Что говоришь? Вы нанесли побои, сделали множество зла, и еще недоумеваете? Так сильна и непобедима добродетель: она и в самом страдании побеждает причиняющих страдания.

3. Но, чтобы не сделать слово продолжительным, нужно опять обратиться к этому праведнику (Ною), и подивиться высокой его добродетели, – тому, как он возмог пренебречь и стать выше столь великого множества насмехавшихся над ним, нападавших, поносивших, бесславивших его (опять то же говорю и говорить не перестану). Как это? Вот как. Он непрестанно взирал на недремлющее Око и к нему устремлял взор души

своей; поэтому уже и не заботился обо всех этих (ругателях), как будто бы их и не было. Так и должно быть: кто уязвлен этой любовью и стремится сердцем к Богу, тот уже не обращает внимания на видимое, но постоянно созерцает предмет своих стремлений — и ночью и днем, и когда ложится, и когда встает. Пусть же не удивляет тебя, если и этот праведник, единственно устремив туда свою мысль, не помышлял уже ни о ком из тех, которые старались его совратить. Исполняя свой долг и стяжав вышнюю благодать, он стал выше всех их. *Ное*, сказано, *обрете благодать пред Господем Богом.* Пусть он не был, приятен и любезен всем тогдашним людям, потому что не хотел идти одним с ними путем; зато обрел благодать у Испытующего сердца, Который одобрил его душевное расположение. А какой, скажи мне, вред человеку от поношения и насмешек со стороны подобных ему людей, когда создавший сердца наши и разумеющий все дела наши прославляет и венчает его? Какая польза человеку, если вся вселенная удивляется ему и восхваляет его, а Создатель всяческих и непогрешимый Судья осудит его в тот страшный день? А потому, зная это, возлюбленные, не будем дорожить похвалой человеческой и не будем всячески добиваться славы от людей, но ради Того Единого, Который испытует сердца и утробы, будем совершать дела добрые и убегать нечестия.

Потому и Христос, научая нас не гоняться за славой человеческой, после многого другого, сказал наконец и следующее: *горе вам, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. VI, 26). Смотри, как Он словом *горе* показал нам, какое готовится таким людям наказание. Это *горе* есть плачевное восклицание; как бы оплакивая их, (Христос) говорит: *горе вам, егда добре рекут вам вси человецы.* Заметь точность выражения: не сказал просто человецы, но *вси человецы.* Добродетельному человеку, идущему тесным и скробным путем и исполняющему заповеди Христовы,

невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Поэтому Господь, зная, что человеку, строго подвизающемуся в добродетели и от Него одного ожидающему похвалы, невозможно пользоваться похвалой и доброй славой от всех людей, называет несчастными тех, которые из-за похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить величайшим доказательством того, что (хвалимые) немного заботятся о добродетели. Да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло? Опять, если он захочет исправлять согрешающих и хвалить живущих добродетельно, то не естественно ли, что одни будут его хвалить, а другие — порицать? Поэтому (Господь) говорит: *горе вам, егда добре рекут вам вси человецы.* После этого не должно ли удивляться и изумляться этому праведнику (Ною), когда он, наставляемый законом естественным, с великой точностью наперед исполнил то, чему учил Христос по пришествии (на землю), и, пренебрегая похвалой человеческой, старался добродетельной жизнью приобрести благодать от Бога? *Ное,* говорит, *обрете благодать пред Господем Богом.* О том, что за свою добродетель он обрел благодать перед Господом Богом, рассказал нам этот дивный пророк, вдохновенный Духом Святым; нужно узнать и то, что сказано далее, — видеть то, как судил о нем Сам Бог. *Сия же,* сказано, *роды Ноевы. Ное человек праведен, совершен сый в роде своем: Богу угоди Ное* (ст. 9). Необыкновенный способ родословия. Сказав: *сия же роды Ноевы* и возбудив наше внимание, намереваясь как будто рассказывать родословную Ноя — кто был его отец, откуда он вел свой род, как явился на свет, и все прочее, о чем обыкновенно повествуют излагающие родословные, Божественное Писание оставляет все это и, вопреки обычаю, говорит: *Ное человек праведен, совершен сый в роде своем: Богу*

угоди Ное. Видел ты чудное родословие? *Ное,* говорит, *человек.* Смотри, и общее имя природы обращается в похвалу праведнику. В то время, как другие, погрузившись в плотские удовольствия, перестали даже быть людьми, Ной, сказано, среди такого множества (развращенных) сохранил образ человека, потому что именно человек тот, кто упражняется в добродетели. Не то, что мы имеем вид человеческий — и глаза, и нос, и уста, и ланиты, и прочие члены, не это отличает человека: это члены телесные. Человеком мы назовем того, кто сохраняет образ человека. В чем же состоит образ человека? В том, чтобы быть разумным. Что же, скажут, разве те (нечестивые современники Ноя) не были разумными? Но и этого мало: чтоб быть человеком, надобно еще быть добродетельным, убегать пороков, побеждать нечистые страсти и исполнять заповеди Господни.

4. А чтобы тебе увериться, что Писание преданных нечестью и нерадящих о добродетели обыкновенно не удостаивает и имени человека, послушай тех слов Божиих, о которых мы вчера сказали: *не имать Дух мой пребывати в человецех сих: зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Я, говорит (Бог), дал им, вместе с плотью, и власть (или: существо души; а они, как бы обложенные только плотью, так вознерадели о доблести души, что сделались наконец совершенно плотью. Видишь, как Бог называет их за нечестие плотью, а не человеками! И далее, как вы тотчас узнаете, Святое Писание называет их землей за то, что они совершенно предались земным помыслам; именно говорит: *растлеся же земля пред Богом* (VI, 11), разумея здесь не чувственную землю, но землей называя живущих на ней. А в другом месте не называет их даже плотью, ни землею, не считает их даже существующими в настоящей жизни, за то, что они не творят добродетели. Послушай, что пророк вопиет и говорит среди главного города, Иерусалима, где столько тысяч, где бесчисленное множество народа: *приидох,*

и не бяше человека: звах, и не бе послушающего (Ис. L, 2), не потому, чтобы никого не было, но потому, что бывшие были не лучше небывших. И опять в другом месте: *обыдите,* говорит, *и видите, аще есть един творяй суд и* правду, *и милосерд буду* (Иер. V, 1).

Видел ли ты, как Божественное Писание называет человеком того только, кто творит добродетель, а прочих не считает даже существующими, называя их то плотью, то землей? Поэтому и теперь, обещая изобразить родословие праведника, Божественное Писание говорит: *Ное человек;* он только человек, а прочие не человеки, но, имея вид человеческий, злой волей погубили благородство своей природы, и из человеков ниспали до неразумия животных. А что и людям, существам разумным, когда они уклоняются в нечестие и становятся пленниками неразумных страстей, Божественное Писание дает названия зверей, послушай, как оно говорит в одном месте: *кони женонеистовни сотворишася* (Иер. V, 8). Смотри, как оно, за чрезмерное сладострастие, дает (человеку) наименование бессловесного. А в другом месте: *яд аспиден под устнами их* (Пс. CXXXIX, 3). Здесь оно разумеет тех, которые подражают коварству и хитрости этого зверя (аспида). И опять иных называет псами немыми (см.: Ис. LVI, 10, 11). И опять говорит: *яко аспида глуха и затыкающего уши свои* (Пс. LVII, 5), разумея тех, которые закрывают уши для учения о добродетели. И много можно найти имен, которые Божественное Писание дает людям, по нерадению вдающимся в скотские страсти. Видеть это можно не только в Ветхом Завете, но и в Новом. Послушай, что говорит Иоанн Креститель иудеям: *порождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущаго гнева* (Мф. III, 7). Видишь, как и здесь лукавство воли их он обозначил именем зверя? Что же может быть несчастнее людей, преданных нечестью, когда они лишаются и самого имени человека и подвергаются тем большему наказанию за то, что, получив от

природы многие средства (к добродетели), не воспользовались ими, по своей воле ниспав (с высоты) и обратившись к нечестью? Таким образом, когда современники (Ноя) явились недостойными имени (человека), а этот праведник, при таком оскудении добродетели, явил в себе столь великую добродетель, то Божественное Писание, начав родословие этого мужа, говорит: *Ное же человек*. Можно встретить и другого праведника, которому это имя дано вместо величайшей похвалы и который этим именем прославляется преимущественно перед всеми другими, как ревностно подвизавшийся в добродетели. Кто же он? Блаженный Иов и подвижник благочестия, герой вселенной, который один вытерпел те невыносимые беды и, приняв бесчисленные стрелы от лукавого демона, остался неуязвленным, и, как некоторый адамант, мог перенести все напасти и не только не погрузился в столь великих волнах, но и стал выше их, — испытав на теле своем все страдания вселенной, от этого явился еще светлее. Непрерывность бедствий, следовавших одно за другим, не только не поразила его, но и возбудила еще к большей благодарности, и он вполне выказал свое благомыслие, нанеся диаволу смертельную рану и доказав, что он напрасно усиливается и идет против рожна. Этого святого хваля и прославляя еще до борьбы и столь великих подвигов, человеколюбец Бог сказал диаволу: *внял ли еси мыслию твоею на раба моего Иова, зане несть на земли, яко он, человек непорочен, праведен, истинен, благочестив, удаляяйся от всякие лукавыя вещи* (Иов. I, 8)? Видишь, и он прежде всего прославляется общим именем человека? *Внял ли*, говорит, *на раба моего Иова, зане несть* подобного ему человека? Хотя и все подобны, однако не по добродетели, а только по виду; но не в этом — человек, а в том, когда кто, уклоняясь от нечестия, подвизается в добродетели.

5. Видел ты, кого Божественное Писание обыкновенно называет человеком? Поэтому и в начале Господь

всяческих, приступая к созданию человека, сказал: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 28), то есть чтобы он был господином и над всем видимым и над возникающими в нем страстями, чтобы начальствовал, а не был под начальством. А если он, оставив начальство, захочет лучше быть под начальством, чем начальствовать, то уже перестает быть и человеком и навлекает на себя имя бессловесного животного. Поэтому-то и теперь Божественное Писание, желая восхвалить добродетель праведника, говорит: *сия роды Ноевы: Ное человек праведен.* Вот и другой весьма важный вид похвалы: *праведен.* Этим наименованием (Писание) означает все вообще добродетели Ноя; имя *праведник* мы обыкновенно даем тем людям, которые упражняются во всякой добродетели. Потом, дабы ты знал, что Ной достиг самой высоты добродетели, что и тогда требовалось от нашего естества, Писание говорит: *праведен, совершен сый в роде своем.* Все, говорит, исполнил, что следовало выполнить человеку добродетельному (это и значит *совершен*), ничего не опустив, ни в чем не преткнувшись. Не то, чтобы одно исполнил, а в другом погрешил; но во всякой добродетели был совершен; это и надлежало ему выполнить. Далее, чтобы представить нам праведника еще в большем свете указанием на время и через сравнение с другими, Писание говорит: *совершен сый в роде своем*, в то время, в развращенном роде своем, который предался такому нечестию и не хотел показать и следа добродетели. В таком-то роде, в такие-то времена праведник этот не только явил добродетель, но и достиг самой высоты добродетелей, явился совершенным и без всякого недостатка. Как я и прежде сказал, жить добродетельно между восстающими на добродетель и выказывать постоянную ревность о ней среди препятствующих тому, это всегда свидетельствует об особенном достоинстве добродетели. Потому и этот праведник удостаивается особенных похвал. Но Боже-

ственное Писание и здесь не останавливается в прославлении его, но показывая нам превосходство его добродетели и то, что он получил одобрение свыше, после слов: *совершен сый в роде своем*, говорит: *Богу угоди Ное*. Так велика была его добродетель, что он заслужил похвалу от Бога. *Богу*, говорит, *угоди Ное*; это значит, что он одобрен был Богом, своими богоугодными делами угодил тому недремлющему Оку, своей жизнью привлек к себе Его благоволение, так что (Господь) не только избавил его от имевшего над всеми разразиться гнева, но и сделал заступником других. *Богу*, говорит, *угоди Ное*. Кто может быть блаженнее человека, который возмог выказать такую добродетель, что его похвалил Господь всяческих?

Из того, что сделано им, это (достигнутое Ноем Божие благоволение) для человека разумного дороже всякого богатства, всякой славы, власти, и всякого другого человеческого благополучия; для человека, искренне любящего Бога – это вожделеннее царства, потому что истинное царство состоит в том, чтобы доброй жизнью приобрести себе благоволение и милость Господа. Ведь, и геенны мы должны бояться и страшиться не ради того неугасимого огня, страшных наказаний и нескончаемых мучений, но потому, что оскорбляем столь благого Господа и становимся недостойными Его благоволения, как и в царство спешить надобно нам из любви к Нему, дабы наслаждаться Его благодатью. Как благоволение к нам человеколюбивого нашего Господа вожделеннее царства, так лишение Его благоволения страшнее геенны.

Видели вы, сколько нам пользы доставило одно наименование праведника и какое сокровище мыслей открыло нам родословие этого дивного мужа? Последуем же и мы правилам Божественного Писания и, если хотим рассказывать чье-либо родословие, не станем выставлять на вид ни отцов, ни дедов, ни прадедов,

но будем раскрывать добродетель того, чье рассказываем родословие. Это самый лучший способ родословия. Что пользы происходить от знаменитых и добродетельных отцов, а самому не иметь добродетельной жизни? Или опять – какой будет вред от того, если происходишь от отцов и предков неизвестных и незнатных, а сам украшаешься добродетелью? Вот и этот праведник, сделавшийся столь великим и стяжавший благоволение Божие, не от таких же произошел родителей, – Божественное Писание не упоминает о них, как о людях особенно добродетельных, – и однако он, несмотря на столь многие препятствия и затруднения, возмог взойти на самую высоту добродетели, чтобы ты знал, что кто решится быть внимательным и бодрым и усердно заботиться о своем спасении, тому ничто не воспрепятствует. Как, предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей, так если захотим быть бдительными, то, хотя бы тысячи людей влекли нас к нечестью, ничто не может ослабить нашей ревности, как и этого праведника не могли столь многие сделать менее усердным к добродетели. Итак, никто не обвиняй другого и не складывай вины на других, но все приписывай своему нерадению. И что говорю на других? Никто не думай и о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь, ведущий к добродетели; он прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает. Это показывает и самый опыт; именно, когда мы решаемся быть бдительными, то выказываем такую твердость, что хотя бы многие склоняли нас на путь нечестия, мы не следуем их внушению, но бываем крепче адаманта и затыкаем уши от советующих злое. А когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами собой стремимся к нечестью. Если бы это было не в нашей воле и не во власти нашей души, если бы Господь создал нашу природу не свободной, то всем людям, как имеющим одинаковую

природу и одинаковые страсти, надлежало бы быть или злыми, или добродетельными. А когда мы видим, что имеющие одну с нами природу и обуреваемые такими же страстями испытывают однако не одно и то же, но твердым умом направляют свою природу, преодолевают беспорядочные движения, обуздывают вожделения, побеждают гнев, избегают зависти, истребляют ненависть, презирают страсть к богатству, меньше заботятся о (земной) славе, не дорожат благополучием настоящей жизни, но твердо стремятся к истинной славе и похвалу от Бога предпочитают всему видимому, — то не ясно ли, что они своими усилиями могут совершать это при помощи вышней благодати, и что мы по своей беспечности губим свое спасение, сами себя лишая небесного благоволения?

6. Итак, прошу вас, непрестанно размышляя и памятуя об этом, не будем никогда винить диавола, но всегда — свою беспечную волю. И это я говорю не с тем, чтобы его освободить от вины, — да не будет: он ходит как хищный лев, рыкая и ища *кого поглотить* (1 Пет. V, 8); я хочу только, чтобы мы вели себя осторожнее, чтобы не считали себя невиновными, когда так легко склоняемся к греху, и не говорили этих пустых слов: для чего Бог оставил этого лукавого (диавола), чтобы он обольщал и губил нас? Это — слова величайшего неразумия. А ты рассуждай так: Бог оставил его для того особенно, чтобы мы, побуждаемые страхом и ожидая нападения врага, непрестанно бдели и бодрствовали, облегчая труд добродетели надеждой наград и ожиданием вечных и неизреченных благ. И чему дивишься, что Он оставил диавола по Своей попечительности о нашем спасении, для того, чтобы пробуждать нашу беспечность и доставлять нам повод к получению венцов? Он самую геенну уготовал для того, чтобы страх наказания и нестерпимая тяжесть мучений побуждали нас (стремиться) к царствию. Видишь премудрое

человеколюбие Господа? (Видишь), как Он употребляет все меры к тому, чтобы не только спасти созданных Им, но и удостоить неизреченных благ? Для того Он и даровал нам свободную волю и вложил в природу и в совесть нашу познание зла и добродетели, и попустил быть диаволу, и угрожает геенной, чтобы мы не испытали геенны, но получили царствие. И что дивишься, что Он употребил все эти и весьма многие другие меры для этой цели? *Сый в лоне Отчи* благоизволил принять *зрак раба* (Флп. II, 7) и испытать все прочее, относящееся до тела, – родился от жены и произошел от Девы, девять месяцев был носим во чреве, повит пеленами, почитал отцом своим Иосифа – обрученника Марии, возрастал мало-помалу, был обрезан и принес жертву, алкал, жаждал и утомлялся, а наконец претерпел и смерть, смерть не обыкновенную, но почитавшуюся самой позорной, то есть смерть крестную; и все это для нас и нашего спасения потерпел Творец всяческих, неизменяемый, все приведший из небытия в бытие, *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32), блеск славы Которого не могут зреть и херувимы – эти бесплотные силы, но, отвращая лица свои и закрывая их крыльями, свидетельствуют нам о чуде, – Которого непрестанно хвалят ангелы, архангелы, и тмы тем (духов). Он ради нас и нашего спасения благоволил соделаться человеком, и открыл нам путь доброй жизни и преподал достаточное наставление тем, что Сам прошел (этим путем), восприяв одинаковое с нами естество. Какое же останется нам оправдание, если мы, после того, как столько уже совершено для нашего спасения, сами сделаем все это бесполезным для нас, и своим нерадением о том лишимся спасения? Поэтому, прошу, будем бдительны и не станем безрассудно следовать обычаю других, но каждый день будем испытывать свою жизнь и смотреть, в чем мы согрешили и что сделали доброго, и таким образом исправлять свои согрешения,

дабы нам стяжать и вышнюю милость и быть угодными Богу, как этот праведник (Ной), и получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Роди же Ное три сыны, Сима, Хама, Иафефа. Растлеся же земля пред Богом, и наполнися земля неправды (Быт. VI, 10, 11)

1. Немалую пользу принесло вчера нам родословие праведного Ноя. Мы узнали чудный способ родословия и увидели, что праведник прославляется не за знатность предков, но за доброту собственных своих нравов. За нее-то он и получил столь высокое свидетельство от Божественного Писания: *Ное*, говорит оно, *человек праведен, совершен сый в роде своем, Богу угоди Ное* (Быт. VI, 9). На эти краткие слова мы вчера употребили все поучение. Таково свойство Божественных словес, что они в немногих речениях являют великое богатство мыслей и даруют несказанное сокровище тем, кто хочет тщательно их исследовать. Поэтому, прошу, не будем поверхностно пробегать ничего, содержащегося в Божественном Писании, но, будет ли то перечисление имен, или рассказ о происшествии, станем доискиваться заключенного в них сокровища. Потому-то и Христос сказал: *испытайте писаний* (Ин. V, 39), так как не везде можно тотчас найти смысл написанного, но требуется от нас и глубокое исследование, чтобы не укрылось от нас ничто лежащее во глубине. Ведь, если уже одно название породы, то есть имя: *человек,* доставило вчера нам столь полезный предмет (для собеседования), то какую получим мы пользу, если будем внимательно и бодрым умом рассматривать все, что ни говорится в Писании?

Владыка у нас человеколюбивый: как видит, что мы стараемся и весьма усердствуем об уразумении Божественных словес, то не попускает нам нуждаться в чем-либо, но тотчас просвещает наш ум, дарует нам Свое озарение, и по великой премудрости Своей сообщает душе нашей истинное учение. Вот почему, желая побудить нас к этому и сделать более усердными, Он признал достойными ублажения являющих такое усердие, говоря: *блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся* (Мф. V, 6). Заметь премудрость Учителя: Он не только возбудил (к ревности) ублажением, но словами: *алчущии и жаждущии правды,* научил еще слушателей, с каким усердием надлежит стремиться к исследованию духовных словес. Подобно тому как, говорит Он, чувствующие голод с невыразимой поспешностью кидаются на пищу, и палимые сильной жаждой быстро бегут к питью, точно так же, как эти алчущие и жаждущие, надлежит притекать и к духовному учению. Такие люди не только достойны ублажения, но и получают искомое: они, сказано, *насытятся,* то есть будут удовлетворены, исполнят свое душевное желание. Итак, имея такого Владыку, столь благого, столь щедрого, прибегнем и мы к Нему и постараемся заслужить Его благоволение, чтобы и Он, по Своему человеколюбию, просветил наш ум к уразумению силы Божественного Писания, и вы с великой готовностью, подобно алчущим и жаждущим, приняли духовное учение. А может быть, благой и премудрый Владыка, несмотря на наше недостоинство и ничтожество, для вас и вашей пользы *даст* нам *слово во отверзение уст* наших (Еф. VI, 19), во славу Его и ваше назидание. Итак, возложив всю надежду на вышнюю благодать, и призвав на помощь Того, Кто *умудряет слепцы* (Пс. CXLV, 8), и ясным делает *язык гугнивых* (Ис. XXXV, 6), приступим к рассмотрению того, что недавно прочтено (из Писания), и, что подаст Он по Своему человеколюбию, то и предложим вашей люб-

ви. Только, прошу, напрягите свой ум, и, удалив от себя все житейские помыслы, внимательно слушайте предлагаемое, чтобы мы могли бросить духовное семя как бы в тучную и плодородную землю, очищенную от сорных трав и терний. *Сия же,* говорится, *бытия Ноева: Ное человек праведен, совершен в роде своем, Богу угоди Ное.* Этим окончилось вчерашнее поучение; потому надобно предложить, что следует далее. *Роди же,* сказано, *Ное три сына, Сима, Хама, Иафефа.* Не без причины Божественное Писание указало нам и время и число сыновей праведника; нет, и в этом оно хотело показать нам, хоть и не прямо, необыкновенное величие его добродетели. Выше оно сказало, что *бе Ное лет пяти сот,* и тут же присовокупило: *и роди сына три* (Быт. V, 32), научая нас, как необычайно велико было его воздержание, и притом в такое время, когда все тогдашние люди преданы были такой невоздержности и такому разврату, и всякий, так сказать, возраст устремился на зло. Вы ведь слышали, как Божественное Писание говорит: *видев же Господь, яко умножишася злобы, человеков на земли, и всяк помышляет злая прилежно в сердце своем* от юности (Быт. VI, 5), и этим ясно показывает нам, что и юноши старались превзойти (в нечестии) старших по возрасту, и старцы безумствовали не менее юношей, и что даже самый невинный возраст сильно увлекался к пороку.

2. Итак, чтобы мы знали, как, несмотря на то, что все эти люди предавались такому неистовству и разврату, праведник один подвизался, при других добродетелях, в целомудрии до пятисотлетнего возраста, Писание, сказав: *бе Ное лет пяти сот,* говорит уже: *и роди Ное сына три.* Видишь, возлюбленный, необычайное воздержание праведника? Не пробежим же этого без внимания, но, размыслив и о том времени, и о нечестии, разлившемся по всему роду человеческому от великой его беспечности, подумаем, какая доблесть и боголюбивая воля требовалась для того, чтобы в течение столь

долгого времени, обуздывать порывы похоти, идти наперекор всем другим, и воздержаться не только от беззаконного совокупления, но и от законного и невинного. *И роди*, сказано, *Ное сына три, Сима, Хама, Иафефа. Растлеся же земля пред Богом, и наполнися земля неправды.* Мне кажется, что этот праведник и теперь разрешил свое воздержание и родил этих сыновей, повинуясь Божию домостроительству. Так как вследствие увеличившегося разврата и крайне усилившегося нечестия, вселенной угрожала совершенная погибель, то человеколюбец Бог благоволил оставить этого праведника, как некий корень и закваску, чтобы он, по истреблении тех (нечестивых современников), был начатком будущих поколений. По этой-то причине он, родив после пятисот лет этих трех сыновей, на них и останавливается, показывая самым делом, что он поступил таким образом, повинуясь Божией благости, имеющей открыться по отношению к роду человеческому. И чтобы увериться тебе, что это говорю я не по одной догадке, посмотри на точность в словах Писания. Сказав, что праведник *роди сыны три*, оно тут же присовокупило: *растлеся же земля пред Богом, и наполнися земля неправды.* Видишь, какое великое и невыразимое различие в одной и той же природе? О праведнике Писание сказало: *Ное человек праведен, совершен в роде своем*, а о всех прочих говорит: *растлеся же земля пред Богом, и наполнися земля неправды.* Именем земли оно называет всю совокупность людей. Так как все дела их были земные, то Писание именем земли означает их унижение и крайнюю степень нечестия. Как о первом человеке, когда он преступил заповедь и лишился славы, прежде облекавшей его, Бог, подвергнув его наказанию смертью, сказал: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), так и здесь, когда весьма усилилось зло, Писание говорит: *растлеся земля.* Да и не просто сказало: *растлеся земля*, но — *пред Богом, и наполнися земля неправды.* Словом *растлеся* оно означило все по-

роки их, потому что нельзя сказать, чтобы они были виновны в одном, или двух грехах; нет, они совершали все беззакония в великом множестве. Поэтому Писание и присовокупило: *наполнися земля неправды.* Не просто и не случайно они предавались нечестью; нет, они делали каждый грех с великим напряжением. И смотри, как Писание уже не хочет удостоить их и простого наименования, но называет их просто землей, показывая и чрезмерность разврата их, и великость гнева Божия. *Растлеся же,* говорит, *земля пред Богом,* то есть они все делали вопреки повелений Божиих, попирая заповеди Божии, и отвергнув, по своей беспечности, вложенного в природу человеческую наставника (совесть). *И наполнися,* говорит, *земля неправды.* Видишь, возлюбленный, какое зло грех, — как он делает людей недостойными и самого имени — *человек*? Слушай же, что еще далее. *И виде Господь Бог землю, и бе растленна* (Быт. VI, 12). Смотри, они опять называются землей. Потом, когда Писание и раз, и другой, и третий назвало их землей, чтобы не подумал кто, будто это сказано о чувственной земле, оно говорит: *яко растли всяка плоть путь свой на земли.* И теперь не удостоило назвать их человеками, но именем плоти хочет только показать нам, что говорит это не о земле, но о людях, обложенных плотью и предавшихся земным делам. Писание, как мы часто уже замечали вашей любви, имеет обычай называть плотью людей, питающих плотские расположения и не помышляющих ни о чем возвышенном, как и блаженный Павел говорит: *сущии во плоти Богу угодити* не *могут* (Рим. VIII, 8). Чтó же? Сказавший это не был ли и сам облечен плотью? Так. Но он не то говорит, что не могут угодить Богу облеченные плотью, но — те, которые нисколько не заботятся о добродетели, а пекутся только о плотском, гоняются за удовольствиями плоти, и нисколько не заботятся о душе, бестелесной и разумной. Итак, когда Божественное Писание этими

словами указало нам на множество грехов и крайнюю степень нечестия, на великость гнева Божия и на то, что оно за совершение беззаконных дел назвало людей и раз, и другой, и третий — землей, а также плотью, лишив их имени общей природы (человек), то последующими словами показывает уже нам неизреченное человеколюбие и безмерное снисхождение Божие. Что же говорит оно? *И рече Бог Ною* (ст. 13).

3. Смотри, какая безмерная благость! Как друг с другом, так (Бог) беседует с праведником о наказании, которому Он хочет подвергнуть род человеческий, и говорит: *время всякаго человека прииде пред Мя, яко исполнися земля неправды от них: и се Аз погублю их и землю.* Что значит — *время всякаго человека прииде пред Мя*? Великое, говорит, показал Я долготерпение, великое снисхождение, не желая наводить этой казни, которую навести намерен; но так как чрезмерное усиление их грехов продолжалось до этого самого времени, то надобно уже положить конец и пресечь их нечестие, чтобы оно не простерлось далее: *время всякаго человека прииде пред Мя.* Смотри и здесь, что Бог, как выше сказал: *всяк помышляет* (ст. 5), так и теперь говорит: *всякаго человека.* Все, говорит, одинаково настроены, все устремились к беззаконию, и невозможно в таком множестве найти и одного пекущегося о добродетели. *Время,* говорит, *всякаго человека прииде пред Мя.* Время настало, то есть время, в которое надобно употребить нож, чтобы остановить увеличение раны. *Время всякаго человека прииде пред Мя*: как будто бы никто не назирал за ними и не имел потребовать у них отчета в грехах, так они предались беззаконным делам, не помышляя, что невозможно укрыться от Меня, Который поддерживаю самую жизнь их, даровал им душу и тело, и сообщил такое обилие благ. Итак, *время всякаго человека прииде пред Мя.* Потом, как бы защищаясь перед праведником, и показывая, что на такой гнев вызывает Его чрезмерность грехов их,

говорит: *яко исполнися земля неправды от них.* Разве, говорит, ими опущено что-либо такое, что относится к нечестию? Они сделали так много зла, что нечестие уже разлилось и покрыло всю землю. Поэтому Я погублю и их и землю: *и се аз погублю их и землю.* Так как они сами уже наперед погубили себя беззаконными делами, то Я навожу совершенную погибель и истребляю и их и землю, чтобы земля подверглась очищению и освободилась от скверны столь многих грехов. Подумай же, какую душу надлежало иметь этому праведнику, когда он слышал это от Господа. Ведь если он и сознавал себя добродетельным, то все же не мог слышать эти слова без прискорбия. Праведники любвеобильны и за спасение других готовы охотно претерпеть все. Как же должен был этот чудный муж тронуться этими словами, представляя уже в уме своем погибель всех людей и разрушение всей твари, может быть, не ожидая и для себя ничего доброго? Ему ведь это еще не было известно. Итак, чтобы он не смущался умом, но мог в этой великой скорби иметь хотя какое-нибудь небольшое утешение, Бог, показав ему безмерность нечестия его современников и то, что наступило наконец время подвергнуть их глубокому сечению, говорит ему: всех этих людей постигнет гибель, *ты же сотвори себе ковчег* (ст. 14). Что значит — *ты же*? Так как ты не был сообщником их нечестия, но всю жизнь провел в добродетели, то Я повелеваю тебе устроить ковчег *от древ четвероугольных, негниющих: гнезда сотвориши в ковчеге, и посмолиши его вне уду и внутрь уду смолою. Трех сот лактей* да будет *долгота, и пятидесяти широта, и тридесяти высота. Собирая сводом сотвориши ковчег, и в лакоть свершиши его свыше: дверь же ковчега сотвориши от страны: обиталища двокровна и трекровна сотвориши в нем* (ст. 14, 15, 16). Примечай Божие снисхождение, и силу неизреченную, и любовь, превышающую всякое слово. В одно и то же время Он и являет Свое попечение о праведнике

повелевая ему устроить ковчег и начертывая и образ постройки, и широту, и высоту ковчега, – и дарует ему величайшее утешение, самим построением ковчега возбуждая в нем надежду спасения, да и тех столь великих грешников хочет этим же построением привести к мысли о делах их, чтобы, покаявшись, они не испытали (угрожающего им) гнева. Немало, в самом деле, времени для покаяния дано было им постройкой ковчега, но даже очень много и достаточно для того, чтобы они, если бы не были крайне бесчувственны, могли прийти в сокрушение и исправиться от грехов. Каждый из них, видя, что праведник строит ковчег, должен бы был спросить о причине постройки, и, узнав о гневе Божием, прийти в сознание своих грехов, если бы только захотел. Но они не воспользовались и этим, не потому, чтобы не могли, но потому, что не захотели.

И вот Бог, дав праведнику повеление о построении ковчега, сообщает ему о роде самого наказания, которое Он хотел навести, и говорит: ты устрой этот ковчег, как Я повелел, а Я, когда окончишь постройку, благоустрою и твою судьбу. *Аз же се наведу потоп, воду на землю, погубити всяку плоть, в нейже есть дух жизни под небесем: и елика суть на земли, скончаются* (ст. 17). Смотри, как Бог самой угрозой показывает великость грехов их, и говорит: одному и тому же наказанию подвергну и разумные, и неразумные твари. Так как люди изменили своему высокому достоинству и ниспали до злобы неразумных, то и в наказании не будет никакого различия. *Наведу потоп* водный, *погубити всяку плоть, в нейже есть дух жизни под небесем.* И скоты, говорит, и птицы, и звери, и четвероногие, и все твари, какие только есть под небом, погибнут. И чтобы ты знал, что ничего не останется, говорит: *и елика суть на земли, скончаются.* Вселенная уже нуждается в очищении, но это да не смущает тебя, и да не устрашает сердца твоего, потому что Я, видя неисцельность язвы их, хочу остановить поток

нечестия, чтобы они не сделались повинными еще большим наказаниям. Потому и теперь, следуя Своему человеколюбию и умеряя гнев благостью, Я налагаю на них такое наказание, которое будет для них безболезненно и нечувствительно. Не по великости грехов их судя, ни по тому, чего они заслуживают, но предвидя будущее, Я хочу и на этих людей навести соответственное наказание, и последующих избавить от их заразы. Не скорби же и не смущайся, слыша это. Пусть даже постигнет их соразмерное грехам их наказание, но *с тобой поставлю завет Мой* (ст. 18). Так как все, доселе жившие, сделались недостойными и не были благопокорны Моим заповедям, то *с тобою* наконец *поставлю завет Мой*. Так и первый человек, после стольких благодеяний поддавшись обольщению, преступил Мои заповеди; потом, и сын его низринулся в ту же бездну зла, за что и подвергся, с проклятием, наказанию на всю жизнь. Но его потомки не вразумились и его наказанием, напротив, еще умножили нечестие, так что за это исключены и из родословия. Потом, найдя Еноха хранящим закон добродетели, Я, как весьма угодного Мне, преложил его живым, показывая и творящим добродетель, каких они удостоиваются наград, и желая живших после него сделать ревнителями его, идущими по одному с ним пути. Но вот, все уклонились к нечестью, и в таком множестве Я нашел одного тебя способным вознаградить за преступление прародителя: поэтому с *тобою поставлю завет Мой*, так как прошедшая жизнь твоя ручается за то, что ты (и впредь) будешь верно соблюдать Мои заповеди. Потом, чтобы, и слыша это, праведник еще не печалился, при мысли, что он останется один, Бог, так сказать, утешая его, говорит еще: *внидеши же в ковчег ты, и сытее твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою.* Хотя они и далеко уступали праведнику в добродетели, однако чужды были и чрезмерного нечестия развращенных современников. Впрочем, они спасаются и по

следующим двум причинам. Во-первых, в честь праведника. Человеколюбцу Богу обычно чествовать Своих рабов и даровать им нередко спасение других, что Он сделал и с блаженным Павлом, учителем вселенной, повсюду разлившим лучи своего учения. Когда он плыл в Рим, на море поднялась сильная буря; и когда все бывшие на корабле, по причине великого волнения, опасались за самую жизнь свою и потеряли всякую надежду, он, созвав всех, говорит: *благодушествуйте, мужие, погибель бо ни единой души от вас будет, разве корабля. Предста бо ми в сию нощь ангел Бога, егоже аз есть, (ему же) и служу, глаголя: не бойся Павле... дарова тебе Бог вся плавающие с тобою* (Деян. XXVII, 22–24). Видишь, как добродетель этого мужа приобрела тем спасение? Впрочем, не одна добродетель его, но и человеколюбие Господа. Точно так же и теперь было по этой первой причине. Вторая же причина та, что Бог хотел оставить как бы закваску и корень для имевшего образоваться впоследствии рода (человеческого), не потому, чтобы Богу невозможно было вновь создать человека и от одного распространить род человеческий, но потому, что так соизволил Он по Своей благости.

5. Усматривай благость Божию и в последующем. Так как Он, угрожая наказанием, сказал, что вместе с людьми погибнут и скоты, и гады, и птицы, и звери, то, опять ради праведника, повелевает и из этих животных ввести в ковчег по одной паре каждой породы, чтобы эти пары были семенем и начатком для размножения животных впоследствии. *И от всех скотов и от всех зверей, и от всякие плоти, два два от всех введши в ковчег, да питаеши с собою: мужеский пол и женский будут. От всех птиц пернатых по роду, и от скотов по роду, и от гадов ползающих по земли по роду, два два от всех внидут к тебе, питатися с тобой, мужеский пол и женский* (ст. 19, 20). Не пробегай этого, возлюбленный, без внимания: подумай, в какое смущение приводила праведника мысль, что на

нем лежит забота обо всем этом. Мало было ему забот о жене, о сыновьях и их женах: нет, на него возлагалось еще попечение о столь многих животных и их пропитании. Но подожди немного, и увидишь благость Божию, — как Он облегчает заботу, лежавшую на праведнике. *Ты же возми себе,* говорит Бог, *от всех брашен, яже ясте, и собереши к себе, и будут тебе и оным брашно* (ст. 21). Не подумай, говорит, будто ты оставляешься без моего промышления. Вот Я повелеваю внести в ковчег все, что потребно и для вашей пищи, и для пропитания животных, так, чтобы и вы не испытали голода и недостатка, и животные не погибли за неимением свойственной им пищи. *И сотвори,* сказано, *Ное вся, елика заповеда ему Господь Бог, тако сотвори* (ст. 22). Вот, опять и здесь великая похвала (праведнику). *Сотвори,* говорится, *Ное вся, елика заповеда ему Господь Бог.* Не то, чтобы он одно повеление исполнил, а другое оставил без внимания; нет, сделал все, что было повелено, и *тако сотвори,* как было поведено ему. Ничего не опустил он, но выполнил все, и доказал самим делом, что справедливо удостоился благоволения Господня. С какими венцами не сравняется это свидетельство, которое праведник получил от Божественного Писания? Кто может быть блаженнее того, кто исполнил все, повеленное ему от Бога, и показал такое повиновение Повелевшему? И, чтобы ты знал, какого он за это удостаивается предсказания от Создателя всей твари, послушай, что следует далее. *И рече,* сказано, *Господь Бог к Ною: вниди ты, и весь дом твой в ковчег* (Быт. VII, 1). Потом, чтобы мы знали, что Он не только спасает праведника благодатью, но и дает награду за труды и мзду за добродетель, (Бог) говорит (Ною): Я потому повелеваю тебе войти в ковчег вместе с домом твоим, *яко тя видех праведна предо Мною в роде сем.* Важное и достоверное свидетельство! Что, в самом деле, может быть важнее этого свидетельства, когда Сам Творец и Создатель

произносит такой суд о праведнике? *Яко тя*, говорит, *видех праведна предо Мною.* Вот истинная добродетель, когда человек совершает ее перед Богом, когда суд о ней произносит то неподкупное Око. Затем, человеколюбец Бог, желая показать нам меру добродетели, которой Он тогда требовал от праведника (а Он требует добродетели не от каждого в равной мере, но — в различной, судя по различию времени), говорит: *яко тя видех праведна предо Мною в роде сем*, уклонившемся в столь великое нечестие, в этом развращенном роде, обнаружившем такую бесчувственность. *Тя видех праведна*; тебя одного Я нашел благопризнательным; тебя увидел усердно заботящимся о добродетели; ты один явился праведным предо Мной, между тем как все эти губили себя; тебе повелеваю войти, со всем домом твоим, в ковчег; *от скотов же чистых* повелеваю тебе ввести *седмь седмь* (ст. 2). Так как Он прежде повелел ввести по одной паре всех животных без различия, то теперь говорит: *от чистых же седмь седмь, от нечистых же два два, мужеский пол и женский.* Далее, чтобы показать причину этого, присовокупил: *препитати семя по всей земли* (ст. 4). Прилично здесь спросить и рассмотреть, откуда праведник узнал, которые из животных были чистые, и которые нечистые? Тогда еще не было того разделения, которое Моисей впоследствии узаконил иудеям. Как же узнал Ной? Сам собой, руководясь вложенным в природу наставлением; а вместе с тем решил и его рассудок. Конечно, между созданиями Божиими нет ни одного нечистого. В самом деле, как мы можем какую-либо тварь назвать нечистой, когда о них однажды произнесено вышнее определение и Божественное Писание сказало, что *виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. I, 31)? Но уже природа (человеческая) сама по себе сделала это различие. И что это справедливо, подумай, как еще и ныне в некоторых местах иные воздерживаются от некоторых вещей, как от нечистых и зап-

рещенных, а другие, напротив, употребляют эти вещи, следуя в этом обычаю. Так и тогда само врожденное праведнику знание учило его, какие животные были годны в пищу и какие нечисты, — впрочем, не на самом деле были, но только считались такими. Почему, скажи мне, осла мы почитаем нечистым, хотя он питается только семенами, а других четвероногих признаем годными в пищу, тогда как они питаются нечистыми веществами? Так учителем нашим в этом было знание, данное Богом нашей природе. Но с другой стороны, можно сказать, что Бог, давший Ною такое повеление, Сам сообщил ему познание об этом различии. Впрочем, довольно сказали мы о чистых и нечистых животных.

6. Но вот представляется нам еще другой вопрос: почему это (повелено было ввести в ковчег) *от нечистых два два*, а *от чистых седмь седмь*? И потом: почему не шесть, не восемь, но *седмь*? Может быть, слово наше становится уже весьма продолжительным; но, если вы не утомились, и если вам угодно, мы вкратце разрешим этот вопрос вашей любви, как поможет нам благодать Божия. Многие ведь многое баснословят об этом, и по этому поводу делают наблюдение над числами. Но что это не наблюдение, а выдумка неуместной пытливости людской, от которой и произошло весьма много ересей, это сейчас вы узнаете. Действительно, мы замечаем (и этим замечанием надеемся совершенно заградить уста любителям вымыслов), что в Писании весьма часто употребляется число пары. Так, когда Иисус Христос посылал учеников Своих на проповедь, то послал их *два два* (Мк. VI, 7), да и всех их было двенадцать (III, 14), и Евангелий числом четыре. Впрочем, нет нужды рассуждать об этом перед вашей любовью, так как вы довольно уже наставлены заграждать слух для таких (пустословов). А надобно уже сказать, почему Бог повелел ввести в ковчег *от чистых седмь седмь*? Больше чистых животных ввести повелел Бог для того, чтобы имел

некое утешение и праведник, и те, которые вместе с ним будут пользоваться этими животными; а что касается до того, чтобы введены были *седмъ седмъ*, то и это, если узнаете причину, будет сильнейшим доказательством боголюбивого расположения праведника. Так как человеколюбец Бог знал доброту этого мужа, знал, что он, будучи праведен, и испытав такую любовь Господа, и избегнув погибели от потопа, вознамерится, по освобождении от бедствия и по выходе из ковчега, показать свою благопризнательность, и в благодарность за свое спасение захочет принести жертву, то, чтобы этим (Ной) не испортил пары, (Господь), предвидя такую благопризнательность его, повелевает ввести в ковчег *седмъ седмъ* от каждой породы птиц, чтобы, по прекращении потопа, праведник мог и выказать свое расположение, и не повредить пар птиц и прочих животных. Это, впрочем, вы узнаете и из последующего поучения, когда дойдем до этого самого места, где вы увидите, что праведник точно так и поступил. Вот вы узнали причину, по которой поведено ввести в ковчег *седмъ седмъ* (от чистых животных). Не внимайте же после этого баснословам, которые, вопреки Божественному Писанию, вносят в Божественное учение вымыслы своего ума. Итак, когда Бог дал ясное повеление обо всем – и о птицах, и о чистых, и нечистых животных, и об их пропитании, Он говорит праведнику: *еще бо дней седмь, и* вот *аз наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять нощей; и потреблю всякое востание, еже сотворих, от лица земли,* от человека до скота (Быт. VII, 4). Усматривай и из этих слов безмерную благость Господа, как Он, после столь великого долготерпения, и теперь еще предсказывает за семь дней, желая вразумить тогдашних людей страхом и привести в раскаяние. А для удостоверения, что Он предсказывает для того, чтобы не привести в исполнение слова Своего, подумай о ниневитянах, и смотри, какое различие между этими и теми. Эти (современни-

ки Ноя) спустя столько лет услышали, что несчастье уже при дверях, и однако не отстали от греха. Мы, конечно, бываем беспечны и не спешим исправиться, когда наказание угрожает еще издали; но когда несчастье близко к нам, тогда мы смиряемся и выказываем в себе большую перемену. Так было и с ниневитянами. Когда они услышали, что *еще три дни, и Ниневиа превратится* (Иона III, 4), то не пришли от этих слов в отчаяние, напротив, воспрянули, и так решительно воздержались от греха, такое сильное показали раскаяние, что участниками его сделали и бессловесных, не для того, чтобы бессловесные принесли исповедь — потому что, как это возможно, когда они не имеют дара слова? — но чтобы через них привлечь к себе милосердие благого Господа. Объявив, говорится, пост, царь приказал, чтобы и овцы, и волы, и все бессловесные не употребляли ни пищи, ни воды (ст. 5, 7); потом, все люди, даже сам царь, сидящий на престоле, облекшись во вретища, принесли (Богу) глубокое и усердное исповедание, хотя и не знали, избегнут ли они наказания. *Кто весть*, говорили они, *аще раскается Бог о зле, еже глаголаше сотворити* нам (ст. 8—10)?

7. Видишь благопризнательность варваров? Видишь, как и такая краткость времени не отняла у них бодрости, и не привела их в отчаяние? Смотри и на этих (современников Ноя), как они, спустя столько лет, услышав, что *еще седмь дней* — и наведется потоп, все-таки не обратились, но остались нераскаянными, что и служит доказательству, что причина всех зол наше произволение. Ведь вот, эти — люди, и те — люди: природа дана им та же, но не одинаково произволение. Потому и участь их была не одинакова, но одни избежали погибели, потому что благой Бог по Своему человеколюбию принял их покаяние, а другие погибли в водах потопа. *Еще бо*, сказано, *седмь дней, наведу дождь на землю*. Потом, желая усилить страх, Бог говорит: *четыредесять дней*

и четыредесять нощей. Для чего так? Разве Он не мог, если бы восхотел, навести весь дождь в один день? Что говорю – в один день? В одно мгновение (Он мог). Но Он делает это с намерением, желая в одно и то же время и усилить страх, и дать им возможность избегнуть наказания, хотя оно и было уже при самых дверях. *И потреблю,* говорит, *всякое востание, еже сотворих, от лица земли,* от человека до скота. Смотри, как Бог предсказывает и раз, и другой, и они, несмотря на это, не трогаются. А сделал Он все это, чтобы показать нам, что Он справедливо навел на них такое наказание, и чтобы никто из безрассудных не мог порицать (Бога) и говорить, что, если бы Он показал долготерпение, они, может быть, и раскаялись бы, может быть, воздержались бы от греха, и обратились бы к добродетели. Вот для чего Он и возвещает нам о числе лет и повелевает (Ной) строить ковчег. После же всего этого, еще и за семь дней предсказывает, чтобы заградить бесстыдные уста всем тем, которые отваживаются говорить безрассудные речи. *И сотвори,* говорится, *Ное вся, елика заповеда ему Господь Бог* (ст. 5). Смотри, как и теперь Божественное Писание возвещает о благопризнательности и послушании праведника, показывая, что он не оставил без внимания ни одного повеления, но исполнил все, и в этом представил доказательство своей добродетели.

8. Этому-то праведнику будем и мы подражать; постараемся исполнить данные нам от Бога заповеди и не будем невнимательны к сообщенным нам от Бога законам, но, постоянно сохраняя их в памяти, поревнуем об исполнении их; не станем делать небрежно то, от чего зависит наше спасение, особенно когда от нас теперь требуется тем высшая степень добродетели, чем высшие получили мы блага. Потому и Христос сказал: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20). Осмотримся же, и не пропустим этих слов без внимания, но подумаем, какое

наказание угрожает тем, которые не только не стараются превзойти этих (книжников и фарисеев), но стоят даже гораздо ниже их, – которые не хотят ни перестать гневаться на ближнего, ни удерживать язык свой от клятв, ни воспрещать оку своему гибельное воззрение, тогда как Господь повелевает не только благодушно переносить обиды, но и отдавать больше, чем сколько хотят взять у нас. *Хотящему судитися с тобою,* говорит Он, *и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (ст. 40). А мы нередко и обижаем ближнего, или мстим ему за обиду, – мы, которым повелевается не только любить любящих нас *(и мытари,* говорит Господь, *тожде творят* (ст. 46), но и питать доброе расположение к врагам, не платим равной любовью и любящим нас. Поэтому я скорблю и болезную, видя, как редка стала между нами добродетель, и как, напротив, порок со дня на день усиливается, как ни страх геенны не останавливает нашего стремления к злу, ни любовь к царствию не увлекает нас на путь добродетели, но все мы, так сказать, влечемся, как животные, нисколько не думаем ни о страшном том часе, ни о данных нам от Бога законах, напротив, сообразуясь только с мнениями людей и гоняясь за их похвалами, не хотим и слышать, что говорит Евангелие: *како вы можете веровати, славу от человек приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищуще* (Ин. V, 44)? Как домогающиеся человеческой славы совсем теряют славу небесную, так, напротив, ищущие последней славы не лишаются и той. И Сам Господь, еще прежде того, сказал: *ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 35), то есть кто ищет царствия, за тем следует все прочее. Действительно, кто туда воспарил умом своим, тот с пренебрежением смотрит на настоящее благополучие, как будто бы и не было его. Очи веры, когда видят неизреченные его блага, уже и не примечают благ видимых: таково-то расстояние между теми и другими благами! Но я не вижу, кто бы

невидимые блага предпочитал видимым. Потому скорблю и непрестанно болезную сердцем, что ни самый опыт не научил нас, ни обетования Божии, ни великие дары не расположили обратиться с любовью к царствию; напротив, влачась еще долу, мы предпочитаем земное небесному, временное будущему, исчезающее прежде своего появления постоянному, преходящее удовольствие не престающей радости, кратковременное это счастье настоящей жизни блаженству бесконечной вечности. Знаю, что вам неприятно слышать это; но простите. Говорю это, заботясь о вашем спасении, и желая, чтобы вы лучше здесь потерпели малую неприятность и избавились от вечного наказания, нежели, порадовавшись немного здесь, подвергнулись вечному мучению. Если ведь вы послушаете моих слов и отложите прежнюю беспечность, особенно теперь, когда уже немного осталось вам этого времени святой четыредесятницы, то будете в состоянии и омыть грехи свои, и заслужить великую милость от Бога. Для Господа не нужны многие дни и (продолжительное) время; нет, если мы захотим, то и в эти две седмицы успеем исправиться от многих грехов. Если Он оказал такое человеколюбие ниневитянам за то, что они совершили трехдневное покаяние, тем более не презрит нас, если только мы покажем искреннее раскаяние, и, отстав от греха, вступим на путь добродетели. Так и о них, то есть ниневитянах, Божественное Писание свидетельствует: увидел Бог, что обратился всякий от пути своего лукавого (см.: Иона III, 10). Итак, если Он увидит, что и мы обратились к добродетели и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет и наше обращение, и, освободив нас от бремени грехов, подаст нам дары Свои. Не столько мы сами желаем освобождения от грехов и ищем спасения, сколько Он спешит и ускоряет даровать нам и избавление от грехов, и блаженство спасения. Поэтому, прошу, возбудим свой ум, и

каждый пусть испытает себя, сделал ли он что доброго в прошедшее время, получил ли какую пользу от этих непрерывных наставлений, устроил ли что ко благу ближнего, исправил ли какие-либо из своих недостатков, извлек ли из ежедневных наших увещаний какое-либо поощрение к любомудрию; и если совершил какие добрые дела, пусть заботится об их приращении, и никогда пусть не прекращает этой прекрасной заботы. Если же кто видит себя еще во власти (греховной) привычки и все в тех же грехах, таковой сделай насилие своей душе, потребуй отчета в такой беспечности, и не попускай ей продолжиться далее, но, перестав повиноваться греховной привычке, останавливай ее стремление, обуздывай помысл, приводи себе на ум ужасный тот день, размышляй о приобщении этой страшной трапезы, о блеске исходящего отсюда огня и опаляющей силе его, и о том, какая требуется от приступающего душа, чистая от всякой скверны и нечистоты, и изгнавшая из себя беззаконные помыслы, чтобы таким образом, приготовив и по возможности очистив себя в течение этих дней, могли мы и быть участниками в этом наслаждении (святыми тайнами), и удостоиться тех неизреченных благ, которые Бог обещал любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Ное же бе лет шести сот, и потоп водный бысть на земли (Быт. VII, 6)

1. Хочу опять заняться тем же предметом, о котором недавно беседовал я с вашей любовью, и рассматривать опять повествование о праведном Ное. Велико в самом деле богатство добродетелей этого праведника,

и мы должны, по возможности, исследовать все подробно, чтобы таким образом доставить вам наиболее пользы. Только напрягите, прошу, внимание, чтобы не укрылась от вас ни одна мысль, содержащаяся (в этом повествовании). Но прежде надобно напомнить вашей любви, на чем остановилось прежнее наше поучение, чтобы, с того начав сегодня слово, соединить нам с предыдущим и последующее. Таким образом будет ясно для вас и нынешнее слово. На чем же остановилось наше поучение? *Рече*, сказано, *Господь Бог Ною: вниди ты и весь дом твой в ковчег, яко тя видех праведна предо Мною в роде сем. От скотов же чистых введи к себе седмь седмь, и от скотов нечистых два два... Еще бо дней седмь, Аз наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять нощей, и потреблю всякое востание, еже сотворих, от лица земли*, от человека до скота. *И сотвори Ное вся, елика заповеда ему Господь Бог* (Быт. VII, 1–5). На этом остановили мы слово, и прекратили поучение. Вы и сами, может быть, помните, когда мы сказали вашей любви о причине, по которой Бог повелел Ною ввести *от чистых седмь седмь, от нечистых же два два*. Рассмотрим же сегодня дальнейшее чтение, и посмотрим, о чем Божественное Писание повествует нам после входа Ноева в ковчег. Если когда в другое время, то особенно теперь должны мы показывать великое усердие – теперь, когда мы, ради времени постного, и так часто наслаждаемся приятнейшим собеседованием с вами, и свободны от пресыщения удовольствиями, и, при возбужденном уме, можем внимательно слушать предлагаемое учение. Итак, надобно сказать, с чего у нас началось сегодняшнее чтение. *Ное же бе лет шести сот*, сказано, *и потоп водный бысть на земли*. Будьте внимательны, прошу, и не пробегайте этих слов поверхностно. В этих кратких словах скрывается некое богатство, и, если мы напряжем свой ум, то можем познать из них и необычайную высоту человеколюбия Господня, и великое усиление злобы тогдашних

людей. *Ное бе,* сказано, *лет шести сот.* Божественное Писание не без причины сказало нам здесь о числе лет праведника, и не для того только, чтобы мы знали, сколько лет было праведнику, но потому, что оно прежде уже сообщило нам, что *Ное бе лет пяти сот* (Быт. V, 31). Известив же нас о таком числе лет, (Писание) рассказало потом о сильном стремлении людей к пороку, как *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности* (VIII, 21), почему и сказал Бог: *не иматъ Дух мой пребывати в человецех сих, зане сутъ плотъ* (VI, 3), предвозвещая им этими словами о великом Своем гневе. Далее, чтобы дать им довольно времени для того, чтобы покаяться и избежать гнева, (Бог) говорит: *будут же дние их лет сто двадесятъ,* то есть потерплю еще и после пятисот лет, потому что праведник этот не переставал, в течение пятисот лет, вразумлять всех их собственным своим именем, и, если бы только хотели они слушать, внушал им отстать от греха и обратиться к добродетели. При всем том, говорит Бог, и теперь обещаю потерпеть еще сто двадцать лет, чтобы они, воспользовавшись, как должно, этим временем, уклонились от нечестия и начали делать добро. Впрочем, (Бог) не удовольствовался этим обещанием ста двадцати лет, но еще повелевает праведнику построить ковчег, чтобы и самый вид ковчега давал им достаточное вразумление, и никто из них не остался в неведении о великости угрожающего наказания. То самое, что этот праведник, достигший самого высокого совершенства, столько заботится о построении ковчега, могло уже всех рассудительных привести в страх и опасение, и заставить умилостивлять столь кроткого и человеколюбивого Господа. Если, в самом деле, те варвары, то есть ниневитяне... Опять их же надобно представить в пример, чтобы таким образом яснее обнаружилось и чрезмерное нечестие этих (современников Ноя), и великая благопризнательность тех (ниневитян). И Сам Господь наш в тот страшный день

суда поставит одних рабов против других, и потом произнесет осуждение (над грешниками), обличив их, что они, получив одинаковые (с праведниками) средства и благодеяния, не подвизались подобно им в добродетели. Часто делает Он сравнение и неравных сторон, чтобы тем большему осуждению подвергнуть беспечных. Поэтому и сказал в Евангелии: *мужие ниневитстии востанут на суде с родом сим, и осудят его: яко покаяшася проповедью Иониною: и се боле Ионы зде* (Мф. XII, 41). Как бы так сказал Он: варвары, не пользовавшиеся никаким особенным руководством, не слышавшие пророческих поучений, не созерцавшие знамений, не видевшие чудес, а услышавшие от одного человека, спасшегося от кораблекрушения, такие слова, которые могли повергнуть их в совершенное отчаяние и довести до крайности, до презрения самых слов его, – эти варвары не только не пренебрегли словами пророка, но и, получив краткий, трехдневный срок, показали столь сильное и усердное раскаяние, что отклонили Божие определение. Они-то, говорит, осудят род сей, пользовавшийся столь великим Моим попечением, воспитанный в книгах пророческих, каждодневно видевший знамения и чудеса. Далее, чтобы показать и крайнее неверие иудеев, и невыразимую благопокорность ниневитян, Господь присовокупил: *яко покаяшася проповедью Иониною, и се боле Ионы зде.* Те, говорит, увидевши бедного человека – Иону, и проповедь его приняли, и принесли самое строгое покаяние; а эти, видя гораздо большего Ионы, Самого Создателя всей твари, Который обращался среди их, каждый день совершал столь многие и великие чудеса, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, исправлял природные недостатки, изгонял демонов, исцелял болезни, с полной властью даровал отпущение грехов, – не показали и одинаковой с варварами веры.

2. Но возвратимся к порядку слова, чтобы ты узнал и крайнюю бесчувственность современников Ноя, и ве-

ликую благопризнательность ниневитян, узнал, как эти, будучи ограничены трехдневным сроком, не отчаялись в своем спасении, но, поспешив покаяться, и грехи свои омыли, и удостоились милосердия Господня, а те, и получив стодвадцатилетнюю отсрочку на покаяние, не воспользовались ею к добру. Потому и Господь, видя их крайнее развращение и совершенное закоснение в пороке, наводит на них скорую погибель, и таким образом уничтожает и искореняет злую закваску их нечестия. Вот почему сказано: *Ное же бе лет шести сот, и потоп водный бысть на земли*. Теперь мы знаем, что, когда сделана была угроза и предсказание Божие, Ною было пятьсот лет, а когда наступил потоп, ему было шестьсот лет. Значит, в промежутке прошло сто лет; но и этими стами годами они не воспользовались, хотя сама постройка Ноем ковчега так сильно вразумляла их. Но, может быть, кто захочет узнать, почему Господь, сказав: *будут дние их лет сто двадесять*, и обещав потерпеть столько лет, навел потоп до истечения этих лет. И это служит величайшим доказательством Его человеколюбия. Видел Он, что люди каждый день грешат неисправимо, и не только не пользуются неизреченным Его долготерпением во благо себе, но и умножают раны свои; поэтому и сократил срок, чтобы они не сделались достойными еще большого наказания. А какое бы было, спросишь, еще больше этого наказание? Есть, возлюбленный, наказание и большее, и ужаснейшее, и нескончаемое, — наказание в будущем веке. Некоторые, потерпев наказание здесь, хотя и не избегнут тамошнего мучения, однако ж потерпят наказание более легкое, уменьшив великость тамошних мучений здешними страданиями. Послушай, как говорит об этом Христос, предрекая горе Вифсаиде. *Горе тебе, Хоразине*, говорит Он, *горе тебе, Вифсаидо, яко аще в* Содоме *быша силы были бывшия в вас, древле убо во вретище и пепеле покаялися быша. Обаче глаголю вам: земли Содомстей и Гоморрстей отраднее*

будет в день судный, неже вам (Мф. XI, 21–24; X, 15). Видишь, возлюбленный, как словом *отраднее* Господь показал, что подвергшиеся здесь столь великому наказанию, потерпевшие такое необычайное и странное сожжение, хотя и понесут там наказание, но — легчайшее, потому что здесь уже испытали такой гнев? Итак, чтобы и современники Ноя, умножая беззакония, не заслужили большего наказания, благой и человеколюбивый Господь, видя их нераскаянность, сократил время, которое обещал Он потерпеть. Как по отношению к тем, которые показывают себя благопокорными, Он, по свойственной Ему благости, отменяет свои приговоры, приемлет обращающихся и избавляет от угрожающего наказания, так, напротив, когда Он обещает даровать или какие-нибудь блага, или время для покаяния, но видит, что люди сделались недостойными, тогда отменяет Свои обетования. Поэтому Он и сказал через пророка: *наконец возглаголю на языки и на царства, да искореню (их), и разорю: и аще обратятся, раскаюся и аз, о них же глаголах сотворити им* (Иер. XVIII, 7, 8), и далее: *наконец реку на* языки и царства, *да возсозижду (я): и аще сотворят лукавая, раскаюся и аз о благих, яже глаголах сотворити им* (ст. 9, 10). Видишь, как Он берет от нас повод к тому, чтобы явить нам или милость или гнев? Поэтому-то и теперь, так как (современники Ноя) не воспользовались по надлежащему прибавкой времени, Он сокращает срок. Вот почему и блаженный Павел бесчувственным людям, отвергавшим спасение, даруемое нам через покаяние, говорил: *или о богатстве благости его, и кротости и долготерпении нерадиши, неведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия* (Рим. II, 4, 5). Видишь, как и этот чудный учитель вселенной ясно показал нам, что не пользующиеся, как надлежит, долготерпением Божиим, даруемым нам для покаяния, заслуживают большее

осуждение и наказание? Вот почему и теперь человеколюбивый Бог, как бы оправдываясь и показывая причину, по которой навел Он потоп до истечения срока, указывает нам на число лет праведника, и говорит: *Ное же бе лет шести сот.* В самом деле, те, которые в течение ста лет не захотели перемениться, какую бы прибыль получили от двадцати лет, разве ту, что еще более прибавили бы грехов? Со Своей стороны Бог, желая показать безмерное величие несказанного человеколюбия и благости Своей, не приминул еще и за семь дней возвестить им о приближении потопа, чтобы они, поразившись хоть этой краткостью срока, обнаружили какуюлибо перемену.

3. Усматривай человеколюбие Господа и из того, какими различными способами Он, подобно искусному врачу, врачевал болезнь этих людей. Так как раны их были неудобоисцелимы, то Он дал им столь продолжительную отсрочку, желая, чтобы они, хоть продолжительностью времени приведенные в чувство, отклонили от себя гневный приговор Его. Так как Бог заботится о нашем спасении, то обыкновенно он всегда предсказывает, какие хочет навести казни, для того только, чтобы не навести их. Если бы Он хотел навести, то и не сказал бы; но Он предсказывает с намерением, чтобы мы, узнав о том и вразумившись страхом, отклонили гнев и отменили приговоры Его. Ничто так не радует Его, как наше обращение и переход от греха к добродетели. Смотри же, как Он врачевал и болезнь этих людей. Сперва Он дал им такую долговременную отсрочку для покаяния, потом, когда увидел их бесчувственность, по которой они не воспользовались столь долгим временем, уже перед самыми, так сказать, дверями потопа, предсказывает, впрочем, не за три дня, как ниневитянам, но за семь. Зная безмерное человеколюбие Господа нашего, смело скажу, что они и в семь дней, если бы захотели искренне покаяться, отвратили бы

от себя бедствие потопа. Когда же ни прежняя продолжительная отсрочка, ни последний краткий срок не могли отклонить их от греха, Бог и навел на них потоп, когда Ною было шестьсот лет: *Ное же бе лет шести сот, и потоп водный бысть на земли.* Видите, возлюбленные, как было полезно узнать число лет праведника, сколько лет было ему, когда наступил потоп? Теперь же рассмотрим и то, что говорится далее. Когда наступил потоп, *вниде*, сказано, *Ное, и сынове его, и жена его, и жены сынов его в ковчег, воды ради потопа* (Быт. VII, 7). *И от птиц чистых, и от птиц нечистых, и от пресмыкающихся два два. От всех вниде к Ною в ковчег, мужский пол и женский, якоже заповеда Господь Ною* (ст. 8, 9). Не без причины прибавлено: *якоже заповеда Господь Ною,* но для того, чтобы опять воздать хвалу праведнику за то, что он все исполнил так, как повелел Господь, и не опустил ничего, что ему было сказано от Него. *И бысть по седми днех*, как, то есть, обещал Господь, *и вода потопная бысть на земли, в шестьсотное лето в житии Ноеве, второго месяца, в двадесять седмый день месяца* (ст. 10, 11). Замечай точность Писания, как оно показывает нам не только год, но и месяц, и даже день, в который случился потоп. Потом, чтобы своим повествованием сильнее вразумить последующих людей и представить событие более ужасным, оно говорит: *в день той разверзошася вся источницы бездны, и хляби небесныя отверзошася. И бысть дождь на земли четыредесять дний и четыредесять нощей* (ст. 11, 12). Смотри, какое снисхождение употребляет Святое Писание и здесь, как обо всем оно говорит по-человечески. Не то чтобы были хляби на небе, но Писание выражается обычными у нас словами, как бы так говоря: Господь только повелел – и вода тотчас повиновалась велению Создателя, и, стекаясь со всех сторон, потопила весь мир. А что Бог навел потоп в сорок дней и ночей, и это опять служит величайшим свидетельством Его человеколюбия. По великой Своей благости, Он хотел,

чтобы хотя некоторые из них вразумились и избегнули всеконечной погибели, видя перед глазами у себя и смерть своих ближних и угрожающее им самим бедствие. Можно, в самом деле, думать, что в первый день потонула уже значительная часть людей, во второй еще более; точно так же и в третий и в остальные дни. Вот почему Бог и назначил продолжаться потопу сорок дней и сорок ночей, чтобы отнять у них всякий повод к оправданию. Если бы Он восхотел и повелел, то мог бы потопить все в одно мгновение; но, так как Он внимал Своему человеколюбию, то и назначил такую продолжительность времени. Далее говорится: *в день той вниде Ное в ковчег, и Сим, и Хам, и Иафеф, и жена Ноева, и три жены сынов его, и вси звери** *по роду, якоже заповеда Господь Бог Ною* (ст. 13–15). Когда, то есть, начался потоп по повелению Господню, Ной вошел в ковчег со своими сыновьями и женой, и с женами сыновей своих, вошли с ним и звери всех пород. *И затвори Господь Бог ковчег отвне, его* (ст. 16).

4. Замечай и здесь снисхождение в слове. *Затвори Бог ковчег отвне его,* – чтобы показать нам, что Он поставил праведника в совершенной безопасности. *Затвори,* и притом *отвне,* так, чтобы праведник не мог видеть, как все погибало, и от этого – чувствовать тем сильнейшую скорбь. Он уже скорбел и возмущался, когда только представлял в уме это страшное наводнение и воображал себе погибель рода человеческого, совокупное истребление всех животных, и людей, и скотов, и, так сказать, уничтожение самой земли. Пусть погибавшие были злые люди, но души праведников, обыкновенно, чувствуют сильную скорбь, когда видят людей в несчастье. Поэтому найдешь, что все праведники

* Далее Златоуст, очевидно, сокращает библейский текст, опуская подробное перечисление различных видов животных, вошедших в ковчег.

и пророки ходатайствовали за виновных, например, патриарх (Авраам) за содомлян (см.: Быт. XVIII, 25). А из пророков один, например, говорил: *о, люте мне, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Иез. IX, 8), а другой: *сотвориши ли человеки яко рыбы морские, не имущия старейшины* (Авв. I, 14)? Если, таким образом, праведник и без того уже смущался духом и скорбел сердцем, то, чтобы самое зрелище (всеобщей гибели) не повергло его в еще большее сокрушение, Бог заключил его в ковчеге, как бы в темнице, так что он не мог видеть своими глазами происходившего и от этого приходить в робость. Естественно, что он, видя чрезвычайное усиление воды, стал бы беспокоиться о том, как бы не потонуть и ему самому. Так, щадя его, человеколюбец Бог не позволяет ему видеть ни стремительности вод, ни того, как происходила погибель (людей) и опустошение вселенной. Когда я подумаю о пребывании этого праведника в ковчеге, то дивлюсь и изумляюсь, и все приписываю тому же человеколюбию Божию. В самом деле, если бы оно не укрепляло его душу и не делало трудного легким, то как бы он, скажи мне, мог вынести свое положение, будучи заключен в ковчеге, как в тюрьме и узилище страшном? Как бы мог он устоять против такого напора волн? Если плывущие на корабле, пользуясь и пособием парусов, и имея кормчего, который сидит на корме и своим искусством противодействует напору ветра, умирают от страха и отчаиваются, так сказать, в своем спасении, когда видят, что волнение крайне усилилось, то что мы скажем об этом праведнике? Заключенный, как выше сказал я, в ковчеге, как в темнице, он носился туда и сюда, не мог ни видеть неба, ни устремить глаза в другое какое-либо место, словом, не видел ничего, что могло бы доставить ему некоторое утешение. Плывущие по морю, если и усилится волнение, могут взирать на небо, видеть вершины гор и отдаленный город, и от

этого получать хотя малое облегчение. Если же буря и усилится и рассвирепеет до крайности, то все же они, дней через десять, или несколько более, после многих опасностей и бурь, будучи выброшены на землю и несколько успокоившись, забывают все эти несчастья. Но здесь совсем не так; напротив, Ной целый год прожил в этой необыкновенной и странной темнице, не будучи в состоянии и подышать воздухом. Как в самом деле он мог это, когда ковчег был крепко затворен со всех сторон? Как он выдержал, скажи мне, как вынес? Если бы даже тела у них были из железа и адаманта, то и тогда как бы они могли (жить), не пользуясь ни воздухом, ни ветром, который, обыкновенно, не меньше воздуха освежает наше тело, и не имея возможности питать взоры зрелищем неба, или разнообразием цветов, украшающих землю? Как же они, столько времени живя так, и не ослепли совсем? И если бы мы захотели судить об этом по человеческим соображениям, то надобно бы подумать и о том, откуда они получали, в достаточном количестве, воду для питья, пока жили в ковчеге? Но оставляя это, (спрашиваю), как мог этот праведник, равно как сыновья и жены, выдержать совместное пребывание с скотами, зверями и птицами? Как он вынес зловоние? Как вытерпел жизнь с ними? И что говорить об этом? Как самые животные могли выдержать и не погибнуть в течение столь долгого времени, не имея возможности ни привлекать к себе воздух, ни двигаться, но запертые в одном месте? Вы, конечно, знаете, что и мы, равно как и животные, если даже пользуемся и воздухом и прочими удобствами, но постоянно заключены в одном месте, неизбежно расстраиваемся и погибаем. Как же этот праведник, со всеми бывшими в ковчеге, мог выдержать столько времени? Не иначе, как при помощи вышней, всемогущей силы. Уже то самое не было ли делом высшей силы, что ковчег носился туда и сюда, без кормчего — и не погиб

от такого напора волн? Нельзя ведь сказать и того, чтобы ковчег был (построен) наподобие корабля, и от того можно было, с помощью искусства, направить ход его. Ковчег был со всех сторон крепко огражден, и, в силу повеления Господня, стремительность воды не вредила ему; напротив, став выше ее, он своих обитателей хранил в совершенной безопасности.

Итак, возлюбленный, когда что делает Бог, не решайся исследовать дела Его по соображениям человеческим: они превышают наше понятие, и ум человеческий никогда не в состоянии постигнуть и уразуметь совершенного Им.

5. Поэтому, услышав повеление Бога, мы должны верить и повиноваться Его словам. Как Творец природы, Он по воле Своей все преобразует и изменяет. *И затвори Господь Бог ковчег отвне его.* Велика и добродетель, сильна и вера этого праведника. Она, ведь, она помогла ему и построить ковчег, и благодушно перенести тесную жизнь в таком жилище, вместе с зверями и всеми другими животными. Поэтому-то и блаженный Павел, вспомянув о нем, в похвалу его, восклицал так: *верою ответ приим Ное о сих, яже не у виде, убояся, сотвори ковчег во спасение дому своего: еюже осуди мир, и правды, яже по вере, бысть наследник* (Евр. XI, 7). Видишь, как вера в Бога, подобно крепкому якорю, поддержала его в том, что он и ковчег построил и мог прожить в нем? Она послужила для него и средством к спасению: *еюже*, сказано, *осуди мир, и правды, яже по вере, бысть наследник.* Не то, чтобы сам Ной осудил (своих современников); нет, осудил их Господь сравнением (их с Ноем), потому что они, имея все то же, что и праведник, не пошли по одному с ним пути добродетели. Итак, Ной верой, которую показал, осудил этих людей, которые показали совершенное неверие: не поверили предсказанию (о потопе). А я, при всем этом, особенно изумляюсь и добродетели праведника, и неизреченной благости и человеколюбию Гос-

пода, когда подумаю, как он мог жить между зверями, то есть львами, рысями, медведями, и прочими дикими и неукротимыми животными.

Вспомни здесь, возлюбленный, о высокой власти, какой пользовался первый человек до преступления, и размысли о благости Божией. Так как преслушание первого человека уменьшило дарованную ему власть, а потом Бог нашел другого человека, который старался восстановить в себе древний образ, хранил чистоту добродетели и являл глубокое повиновение заповедям, то и возводит его в прежнее достоинство, как бы на опыте показывая нам великость власти, которую Адам имел до преслушания. Таким образом, добродетель праведника, вспомоществуемая милостью Божией, восстановила прежнюю власть, и звери опять признали свою подчиненность. В самом деле, звери, как увидят праведника, тотчас забывают свою природу, а лучше сказать, не природу, а свою лютость, и, оставаясь тем же по природе, из лютых превращаются в кротких. И вот, это самое случилось с Даниилом. Будучи окружен львами, он пребывал бесстрашным, как бы находясь среди овец: дерзновение праведника обуздывало природу зверей и не позволяло им выказывать свою зверскость. Точно так же и чудный Ной легко прожил вместе с зверями, и ни теснота места, ни продолжительность времени, ни такая заключенность, ни лишение воздуха, не могли привести его в оцепенение, но все ему было облегчаемо верой в Бога, и он в этой ужасной темнице жил так, как мы среди лугов и рощей. Повеление Господа сделало для него легким и трудное. Таково свойство праведных: когда они терпят для Бога, то не смотрят на то, что делается, но размышляют о причине — и легко переносят все. Так и Павел, учитель языков, называл легкими темницы, нападения, ежедневные опасности, многоразличные и невыносимые скорби, не потому, чтобы они были таковы сами по себе, но потому, что причина, для

которой они были попускаемы, поставляла его в такое расположение, что он не обращал и внимания на приключающиеся бедствия. Послушай, что он говорит: *еже бо ныне легкое печали нашея по преумножению тяготу вечныя славы соделовает нам* (2 Кор. IV, 17). Надежда, говорит он, на будущую славу и вечное блаженство помогает нам благодушно переносить эти непрерывные скорби и считать их легкими. Видишь, как любовь к Богу отнимает силу у несчастий и не дает (верующим) даже чувствовать тяжесть их? Вот почему и блаженный Ной все переносил благодушно: он питался верой и надеждой на Бога. *И затвори*, сказано, *Господь Бог ковчег отвне его. И бысть потоп четыредесять дний и четыредесять нощей на земли, и ношашеся ковчег* (Быт. VII, 17, 18). Смотри опять, как (Писание) своим рассказом усиливает страх и увеличивает событие. *Бысть*, говорит оно, *потоп четыредесять дний и четыредесять нощей, и умножися вода, и взя ковчег, и возвысися от земли. И возмогаше вода, и умножашеся зело на земли, и ношашеся ковчег верху воды. Вода же возмогаше зело зело на земли* (ст. 18. 19).

6. Смотри, как подробно повествует нам (Писание) о сильном напоре вод, — о том, как они с каждым днем более и более прибывали. *Возмогаше*, сказано, *вода зело зело, и покры вся горы высокия, яже бяху под небесем: пятьнадесять лактей горе возвысися вода, и покры вся горы* (ст. 19, 20). Премудро устроил человеколюбец Господь, заключив ковчег, чтобы праведник не видел, что делается. В самом деле, если мы, спустя столько лет и столько поколений, слушая только рассказ Писания, чувствуем ужас и приходим в изумление, то что должен был бы чувствовать праведник, если бы он своими глазами видел эту страшную бездну? Как бы он мог вынести это зрелище хоть на краткое время? Не тотчас ли бы с первого же взгляда вышел из него дух, не будучи в силах выдержать зрелища стольких бедствий? Подумай, возлюбленный, как мы теперь, и при небольшом на-

воднении, предаемся страху, боимся за все, и отчаиваемся за самую жизнь. Что же потерпел бы тогда праведник, если бы он видел, как вода поднималась на такую высоту? Выше гор, сказано, *пятьнадесять лактей возвысися вода.* Вспомни здесь, возлюбленный, о словах, сказанных Господом: *не имать Дух мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. VI, 3), также: *растлеся земля и наполнися земля неправды* (ст. 11), далее: *виде Господь землю, и бе растленна: яко растли всяка плоть путь свой* (ст. 12). Итак, поелику вселенная имела нужду в полном очищении, и надлежало омыть ее от всякой нечистоты, и уничтожить всю закваску прежнего развращения, так, чтобы не осталось и следа нечестия, но произошло как бы обновление стихий, то Господь поступил подобно искусному художнику, который, взяв сосуд, обветшавший от времени и изъеденный, так сказать, ржавчиной, бросает его в огонь, и согнав с него всю ржавчину, переделывает его, преобразует и приводит в прежнее благообразие. Так и Господь наш, очистив всю вселенную этим потопом, и, так сказать, освободив от человеческого нечестия, скверны крайнего растления, сделал ее прекраснейшей и снова явил нам лицо ее светлым, не позволив остаться и следу прежнего безобразия. *Возвысися* выше гор *пятьнадесять лактей вода.* Не без причины Писание рассказывает нам об этом, но — дабы мы знали, что потонули не только люди, и скоты, и четвероногие, и гады, но и птицы небесные, и все звери и другие бессловесные животные, какие только обитали на горах. Для того говорит оно: *возвысися* выше гор *пятьнадесять лактей,* чтобы ты удостоверился, что определение Господне вполне совершилось. Он сказал: *еще седмь дней, и наведу* потоп *на землю, и потреблю всякое востание, еже сотворих, от лица земли,* от человека до скота, и от гадов до птиц небесных (Быт. VII, 4). Следовательно, Божественное Писание повествует об этом не для того, чтобы только

показать нам, на какую высоту поднялась вода, но — чтобы мы могли, вместе с этим, знать и то, что вовсе не осталось ни одного — ни зверя, ни скота, ни другого животного, но что все они истреблены вместе с родом человеческим. Так как все они созданы для человека, то когда должен был погибнуть последний, естественно, разделяют с ним гибель и они. Далее, сообщив нам, на какую высоту поднялась вода, именно, что она взошла на пятнадцать лактей выше горных вершин, Писание, соблюдая свойственную ему точность, говорит еще: *и умре всяка плоть движущаяся по земли и птиц, и зверей, и всякий гад движущийся на земли, и всякий человек, и вся елика имут дыхание жизни, и* всякий, кто был *на суше, умре* (ст. 21, 22). Не без причины Писание заметило, что всякий, кто был на суше, умер, но — чтобы тебе дать знать, что все погибли, спасся же только один праведник, со всеми бывшими в ковчеге, — так как они еще заранее, оставив сушу, вошли в ковчег, согласно Божию повелению. *И истребися всякое востание, еже бяше на лице всея земли, от человека даже до скота, и гадов, и птиц небесных, и потребишася от земли* (ст. 23). Смотри, как Писание и раз, и два, и многократно, сообщает, что произошла всеобщая погибель, и что ни одно существо не спаслось, но все потонули в воде — и люди и животные. *И оста Ное един, и иже с ним в ковчезе. И возвысися вода над землею дней сто пятьдесят* (ст. 23, 24). Столько-то дней вода все поднималась. Здесь опять подумай о необычайном великодушии и мужестве праведника. Чего не вытерпел он, представляя себе и, так сказать, видя умом, как тела человеческие, и тела скотов, чистых и нечистых, все погибли одинаковой смертью, и смешались вместе, без всякого различия? Чего он не вытерпел, когда размышлял сам с собой об одиночестве, об этой пустынной и печальной жизни, не обещавшей никакого утешения ни от беседы, ни от видения; когда верно не

знал и того, сколько времени должно было ему прожить в этой темнице? Пока вода продолжала шуметь и свирепствовать, с каждым днем увеличивался у него и страх. В самом деле, чего приятного мог ожидать он, когда видел, что вода в течение ста пятидесяти дней оставалась в одинаковом положении, поднявшись высоко и нимало не спадая? Однако ж он благодушно переносил свое положение, зная, что Господь всемогущ, и, как Творец природы, все творит и преобразует по Своему изволению. Не тяготился пребыванием в ковчеге, потому что благодатная помощь Божия укрепляла силы его, и подавала ему достаточное утешение, не попуская ему пасть духом и предаться чувствам неблагородным и низким. Так как он наперед со своей стороны явил неослабную добродетель, высокую праведность и сильную веру, то и от Господа уже было даровано ему в изобилии терпение, мужество, благодушие во всем, способность прожить в ковчеге, не потерпев от того никакого вреда и расстройства, и не тяготясь сообществом животных.

7. Этому-то праведнику будем и мы подражать, и постараемся делать все, что требуется с нашей стороны, чтобы явиться нам достойными даров Божиих. Он ожидает от нас повода, чтобы показать великую Свою щедродательность. Не лишим же сами себя, по лености, даров Его, но поспешим и поревнуем сделать начало и вступить на путь добродетели, чтобы, получив высшую помощь, могли мы достигнуть и конца. Без помощи высшей силы мы не можем сделать ничего доброго. Итак, взявшись за надежду на Него, как бы за якорь верный и твердый (см.: Евр. VI, 19), будем держаться за него, и не станем смотреть на труд добродетели, но — размышлять о награде за труд, и таким образом все переносить благодушно. И купец, когда оставит пристань и выйдет в открытое море, не думает только о морских разбойниках и кораблекрушениях, морских

чудовищах и напоре ветров, о непрерывных бурях и несчастных случаях, но и о выгодах, предстоящих после этих опасностей, и, питаясь надеждой, благодушно переносит все встречающиеся неприятности, только чтобы получить больше денег, и с ними возвратиться домой. И земледелец также не думает только о трудах при обработке земли, о сильных дождях, и бесплодии земли, о нападении изгары, и об опустошениях от саранчи, но представляет в уме своем и гумно, и снопы хлебные, и потому благодушно переносит все, от надежды на прибыль не чувствуя тягости трудов; и хотя успех не известен, однако он, утешаясь приятными надеждами, не отчаивается в своих трудах, но делает со своей стороны все, что надобно, в ожидании получить награду за свои труды. Опять, и воин, вооружаясь в доспехи свои, и готовясь идти на войну, не думает только о ранах, поражениях, нападениях врагов, и о других бедствиях войны, но воображает себе и победу и трофеи, и таким образом облекается во все оружие; хотя исход войны и неизвестен, однако он, отринув всякую мысль об этом, и живописуя себе приятные надежды, отлагает всякую робость, и, взяв оружие, устремляется против неприятельского ополчения. Если же, возлюбленные, и купец, и земледелец, и воин, несмотря ни на неверность успеха, ни на большую вероятность неудачи, ни на множество различных, как вы слышали, препятствий, не отчаиваются и не оставляют трудов, утешаясь надеждой, то мы как оправдаемся в том, что небрежем о добродетели и не подъемлем с охотой всякий труд ради ее, тогда как у нас надежда несомненна, обещано нам столько благ, и награда бесконечно превышает все труды наши? Послушай блаженного Павла, что́ он говорит после столь многих и тяжких скорбей, нападений, уз и ежедневных смертей: *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. VIII, 18). Хотя бы мы,

говорит, каждый день предавали себя на смерть, — чего, впрочем, природа не приемлет, хотя воля, побеждающая природу, по благости Господа, чтится, — все же и тогда наши страдания не равнялись бы тем благам, которые нас ожидают, и той славе, которая в нас откроется. Смотри, как велика слава, которую получают творящие добродетель: она превыше всех подвигов, какие бы кто ни совершал; пусть он достигнет самой высоты, но и тогда будет еще ниже ее. В самом деле, что может человек совершить такое, чем бы он вполне заслуживал щедродательность Господа? И если Павел, столь великий и высокий муж, говорил: *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас*, если так говорил тот, который сказывает о себе: *всякий день умираю* (Кор. XV, 31), и: *паче всех потрудихся* (ст. 10), то что́ скажем мы, которые не хотим подъять и мало́го труда ради добродетели, но всегда ищем покоя, только и смотрим, как бы избегнуть всякой неприятности, а между тем знаем, что невозможно достигнуть тамошнего (вечного) покоя, если здесь не возлюбим жизнь подвижническую? В самом деле, здешние скорби располагают нас благоугождать Богу, и малые подвиги, здесь совершаемые, даруют нам великое дерзновение там, лишь бы только мы решились поступать по совету этого учителя вселенной (апостола Павла). Подумай, возлюбленный: то, что случается с нами здесь, хотя прискорбно, однако кратковременно; а блага, ожидающие нас там, бесконечны и вечны. *Видимая бо*, говорит (апостол), *временна, невидимая же, вечна* (2 Кор. IV, 18). Перенесем же благодушно временное и не уклонимся от подвигов добродетели, чтобы насладиться вечными и неизменяемыми благами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

И помяну Бог Ноя, и вся звери, и вся скоты, и вся птицы, и вся гады, елика беху с ним в ковчезе: и наведе Бог дух на землю, и преста вода (Быт. VIII, 1)

1. В прочитанных теперь словах открывается великая и несказанная любовь и безмерная благость, которую Бог являет не только этому разумному животному, то есть человеку, но и всем бессловесным животным. Будучи Создателем всего, Он и благость Свою простирает на все Свои создания, всячески показывая нам, сколь великое имеет Он попечение о человеческом роде, и что искони и изначала все делал для нашего спасения. Итак, бьет ли Он, наказует ли, то и другое делает по одной и той же благости. Наказания насылает Он не по страсти и гневу, но из желания пресечь нечестие, чтобы оно не распространилось очень далеко. Вот и теперь, как слышите, Он навел потоп не почему-либо другому, как по заботливости о предавшихся столь великому нечестию. Какая же, скажешь, заботливость в том, что все погибли под водой? Не говори необдуманно, человек, но благопокорным умом принимай содеваемое Господом, и тогда познаешь, сколько попечительности даже и в этом. Отторгнуть от греха неисправимых грешников, каждодневно причиняющих себе новые раны и делающих язвы свои неисцельными, — не значило ли это показать величайшую попечительность? Да и самый образ наказания не преисполнен ли человеколюбия? В самом деле, люди, которым и без того надлежало бы отдать долг природе, лишаются жизни в наказание, но так легко, что и не чувствуют этого, и наказание терпят без боли и мук: какую это обнаруживает мудрость и благость! Притом, если мы благочестивым умом рассмотрим самые последствия события, то есть что оно не только было благодетельно для нака-

занных, но и последующим поколениям принесло два величайших блага (внушив им не предаваться тем же беззакониям и, смотря на такой пример, сделаться целомудреннее), то какую благодарность мы должны воздавать Богу за то, что и потомки вразумлены наказанием этих людей и опасением подвергнуться той же участи, и закваска всякого нечестия и порока истреблена, и не осталось им (потомкам) ни одного учителя на грех и зло? Видишь, как и самые наказания, Богом насылаемые, являются более благодеяниями и особенно доказывают Его попечительность о роде человеческом? И если кто захочет проследить этот предмет с самого начала (бытие человеческого), то найдет, что Бог с этой самой целью насылал на грешников все наказания. Так и Адама, когда он преступил, Бог изгнал из рая, не для того только, чтобы наказать, но — и чтобы сделать ему благодеяние. Какое же, скажешь, благодеяние — лишиться жизни райской? Не поверхностно смотри на событие, возлюбленный, и не спешно суди о делах Божиих, но проникай в глубину великой благости Его, и найдешь, что все делается Им для этой цели. Скажи мне, до чего не дошел бы Адам, если бы и по преступлении наслаждался теми же благами? Если уже он после столь многих обетований дозволил себе увлечься обманом змия и принял злой совет диавола, который надмил его надеждой быть равным Богу и повергнул в грех преслушания, то, когда бы он, и по совершении этого греха, остался в том же достоинстве и жилище, не тем ли более почел бы злого этого демона заслуживающим большей веры, нежели Создателя всяческих, и еще не более ли надлежащего возмечтал бы о себе самом? Такова уж человеческая природа: когда она, содевая грехи, не бывает обуздываема, но пользуется свободой, то идет все далее и низвергается в пропасть. Впрочем, могу и иначе доказать, что Бог и повелел Адаму выйти из рая и подвергнул его наказанию смерти,

желая показать Свое человеколюбие: изгнанием из рая и поселением вблизи его Он сделал его благоразумнее и осторожнее на будущее время, самым опытом убедив его в коварстве обольстителя. А наказанию смерти подвергнул его для того, чтобы он, сделавшись через преслушание повинным греху, не грешил в бесконечность. Итак, не ясно ли для тебя, что все это – и изгнание из рая и наказание смертью – было делом величайшего человеколюбия? Могу присовокупить и еще нечто. Что же именно? То, что, подвергая Адама этому наказанию, Бог не остановил на нем одном благодетельные последствия его, но хотел, чтобы его судьбой вразумились потомки. В самом деле, если уже, и после этого, сын Адама, Каин, хотя имел перед глазами у себя изгнание отца из рая, потерю несказанной той славы, и страшное то проклятие, изрекшее: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), и несмотря на это, не вразумился, но впал в тягчайший грех, то до какого неистовства он не дошел бы, когда бы не знал случившегося с отцом его? И вот, что особенно удивительно, – наказывая и этого столь великого грешника, осквернившего руку свою гнусным убийством, Господь наказание соединил с человеколюбием.

2. А чтобы ты познал величие благости Божией из того, что было с Каином, Господь, когда Каин согрешил против Него, и, решившись принести жертву, показал при этом великую небрежность, то есть не сделал надлежащего выбора, но принес просто, что случилось, (Господь) не сказал ему за это ничего неприятного и укорительного, хотя это был не маловажный грех, а очень великий. В самом деле, если желающие почтить подобных себе людей уступают им первое и лучшее и стараются представить то, что почитают дороже всего, то как же Каину, который был человеком и приносил жертву Богу, не следовало принести самое лучшее и драгоценное? Но, хотя он и так тяжко согрешил и пока-

зал такую небрежность, однако Бог не взыскал с него и не наказал его за это, но весьма кротко беседует с ним, как друг с другом, говоря ему: *согрешил еси, умолкни* (Быт. IV, 7). Он только указал ему на грех его и посоветовал не простираться далее. Видишь, какая необычайная благость! Мало того, когда он не только не воспользовался таким снисхождением, но к прежнему присовокупил еще больший грех и покусился на убиение брата, то Бог и тут еще оказывает ему великое долготерпение, потому-то наперед спрашивает его и дает ему случай к оправданию; когда же он остался упорным, тогда-то уже, для его вразумления, подвергает его наказанию, впрочем такому, которое растворено было любовью.

Видишь, как Бог простил Каину, когда он совершил против Него грех, и грех немаловажный; когда же он поднял руку на своего брата, тогда подверг его осуждению и проклятию? Так теперь будем поступать и мы, подражая Господу нашему: грехи, сделанные против нас, будем прощать и оказывать снисхождение оскорбившим нас; когда же грех делается против Бога, тогда будем взыскательны. Но не знаю, как это мы делаем все напротив, — по отношению к грехам, чинимым против Бога, нисколько не взыскательны, а когда сделано будет хотя малое оскорбление нам, тогда строго взыскиваем и порицаем, не думая о том, что таким образом мы еще более раздражаем против себя милосердного Господа. А что Богу обычно оставлять наши грехи против Него, а за грехи против ближнего строго взыскивать, послушай блаженного Павла, который говорит: *аще кто жену иматъ неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея: и жена аще иматъ мужа неверна, и той благоволит жити с нею, да не оставляет его* (Кор. VII, 12, 13). Видишь, какое снисхождение! Пусть муж твой будет язычник, неверующий, но, если хочет жить с тобой, не оставляй его. И опять, пусть, говорит, жена твоя будет язычница, неверующая, но, если она хочет жить с тобой, не отвергай ее. *Что бо,*

говорит, *веси, жено, аще мужа спасеши? Или что веси, мужу, аще жену спасеши* (ст. 16)? Смотри, как Бог не препятствует принимать в законное сожитие мужа, или жену, неверующих в Него. Послушай же теперь, что Сам Христос говорит ученикам: *Аз же глаголю вам, яко всяк отпущаяй жену свою, кроме словесе любодейного, творит и прелюбодействовати* (Мф. V, 32). Благость необычайная! Пусть, говорит, жена твоя будет язычница, или неверующая, — если только хочет жить с тобой, не разлучайся с ней; но, если она согрешит против тебя, и, забыв супружеские обеты, предпочтет тебе других, тебе дозволяется отвергнуть и прогнать ее. Помышляя об этом, постараемся и мы воздавать Господу за Его благоволение к нам, и, как Он охотно прощает грехи, содеваемые против Него, а за грехи против нас взыскивает, и с великой строгостью, так точно будем поступать и мы: в чем ни согрешат против нас ближние, все будем прощать; напротив, за грехи против Бога постараемся строго взыскивать. Это и нам принесет величайшую пользу, и принимающим исправление сделает немало добра. Может быть, вступление у нас сегодня стало очень пространно. Что же мне делать? Это допустил я не намеренно, но увлекшись течением слова.

Так как вся наша речь о потопе, то мы и должны были доказать вашей любви, что и наказания, посылаемые от Бога, суть скорее действия Его человеколюбия, чем наказания; так точно и этот потоп. Господь, как чадолюбивый отец, все делает по заботливости о нашем роде. Но чтобы величие любви Его познать и из предложенного нам сегодня чтения, послушаем самых слов Божественного Писания. Вчера блаженный Моисей сообщил нам, что *возвысися вода над землею дней сто пятьдесят* (Быт. VII, 24); здесь остановилось наше поучение; сего дня он говорит: *и помяну Бог Ноя, и вся звери, и вся скоты, и вся птицы, и вся гады пресмыкающыяся, елика беху с ним в ковчезе* (VIII, 1).

3. Смотри и здесь, какое снисхождение Божественного Писания! *И помяну*, говорит, *Бог*. Будем, возлюбленные, понимать эти слова богоприлично, а не в том грубом смысле, в каком свойственно понимать их немощной нашей природе. Это выражение – *помяну*, по отношению к неизреченному существу Божию, недостойно, но в рассуждении нашей немощи употреблено прилично. *Помяну*, говорит, *Бог Ноя*. Выше Писание рассказало нам, как мы уже изъяснили вашей любви, что в продолжение сорока дней и стольких же ночей шел дождь, а в течение ста пятидесяти дней вода, поднявшаяся на пятнадцать лактей выше гор, стояла на одной и той же высоте, и что в то время, как это происходило, праведник находился в ковчеге, не будучи в состоянии даже дышать (свежим) воздухом, потому что с ним были и все бессловесные животные. Поэтому оно теперь говорит: *и помяну Бог Ноя*. Что значит – *помяну?* Умилосердился, то есть, Бог над праведником, жившим в ковчеге; сжалился над ним, когда он был в столь тесном и трудном положении, и не знал, чем окончатся его бедствия. В самом деле, подумай, какими мыслями он волновался после сорока дней и сорока ночей, в которые вода сильно увеличивалась, когда видел, что она в продолжение ста пятидесяти дней стоит на одной и той же высоте и нисколько не спадает; и что еще тягостнее – он не мог даже, будучи заключен в ковчеге, своими глазами посмотреть на то, что сделалось, и от этой невозможности самому видеть постигшие его бедствия, терпел еще бо́льшую скорбь, и с каждым днем опасался бо́льших несчастий. Что до меня, я удивляюсь, как он еще не пал под бременем уныния, помышляя и о погибели человеческого рода, и о собственном одиночестве, и о трудной жизни в ковчеге. Но причиной всего доброго была для него вера в Бога, по которой он выдержал и перенес все благодушно, и, питаемый надеждой, не чувствовал никакой неприятности. Итак,

поелику Ной сделал со своей стороны все — явил великую веру и показал крепкое мужество и терпение, то смотри, как велика к нему любовь всеблагого Бога. *И помяну Бог Ноя.* Не без причины Божественное Писание сказало: *и помяну;* но так как оно выше показало нам свидетельство о праведнике Самого Бога, сказавшего: *вниди в ковчег, яко тя видех праведна в роде сем* (Быт. VII, 1), поэтому теперь говорит: *и помяну Бог Ноя,* то есть вспомнил о свидетельстве, которое Сам сделал об нем, и не оставил надолго праведника без внимания, но помедлив дотоле, пока тот мог вынести, наконец дарует ему Свою благодать. Так, зная немощь нашей природы, Господь, если когда попустит нам впасть в какое-либо искушение, то дает ему продолжаться только дотоле, пока мы, как Он знает, можем вынести, чтобы после того и нам даровать соответственную награду за терпение, и явить собственное человеколюбие, как об этом и Павел говорит: *верен же Бог, иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести* (1 Кор. X, 13). Так как и этот праведник показал твердость и терпение, по вере в Бога вынести пребывание в ковчеге, то *и помяну,* сказано, *Бог Ноя.* Потом, чтобы ты познал бездну любви Его, Божественное Писание присовокупило: *и вся звери, и вся скоты, и вся птицы, и вся гады пресмыкающияся, елика беху с ним в ковчезе.*

Смотри, как Он все делает в честь человеку! Когда люди гибли от потопа, Он вместе с ними погубил и всех бессловесных животных: так и теперь, желая показать Свою любовь к праведнику, в честь его, простирает Свою благость и на бессловесных животных, и на зверей, и на птиц, и на гадов. *И помяну,* говорит, *Бог Ноя, и вся звери, и вся скоты, и гады, и елика беху с ним в ковчезе: и наведе Бог дух на землю, и преста вода.* Вспомнив, говорит, о Ное и о бывших с ним в ковчеге, Бог повелел остановиться стремлению воды, чтобы Ему посте-

пенно проявлять Свое человеколюбие, и праведнику дать наконец облегчение, успокоить его, избавив от волнения помыслов и позволив ему и наслаждаться светом, и дышать воздухом. *И наведе Бог,* говорит, *дух на землю, и преста вода. И заключишася источницы бездны и хляби небесныя* (Быт. VIII, 2). Смотри, как (Писание) обо всем говорит с нами по-человечески. *Заключишася,* говорит, *источницы бездны и хляби небесныя, удержася дождь (от) небесе.* Как бы так оно сказало: восхотел Господь, и вода опять стала на своем месте; уже она не умножалась, но постепенно убывала. *И вспять пойде вода идущая от земли: и умаляшеся вода по сте пятидесятих днех* (ст. 3). Какой ум может когда-либо постигнуть это? Пусть так, — дождь прекратился, источники больше не изливали воды и хляби небесные заключились, но как сбыла столь великая вода? Все было бездной: как же столь великое обилие воды стало вдруг уменьшаться? Кто может объяснить это человеческим умом? Что же сказать? Все совершалось по Божию повелению.

4. Не станем же и мы исследовать, как это было, но будем только верить, что повелел (Бог), и бездна поднялась высоко; повелел, и она остановилась в своем стремлении и возвратилась в свое место, которое ведомо только Самому Господу, создавшему ее. *И седе,* говорится, *ковчег в месяц седмый, в двадесять седмый день месяца на горах арáратских. Вода же умаляшеся даже до десятого месяца: и явишася верхи гор в десятый месяц, в первый день месяца* (ст. 4, 5). Смотри, как вдруг произошла перемена, и сколько убыло воды, так что ковчег сел на горах. Выше Писание сказало, что вода поднялась на пятнадцать локтей выше гор, а теперь говорит, что *седе ковчег на горах араратских,* что вода после этого мало-помалу убывала до десятого месяца, а в десятый месяц уже показались вершины гор. Подумай при этом, какова твердость праведника, что он мог выдержать столько месяцев, как бы заключенный во мраке. *И бысть по четыреде-*

сятих днех, отверзе Ное оконце ковчега, еже сотвори, и посла врана, видети, аще уступила вода (ст. 6). Смотри, праведник еще не осмеливается посмотреть сам, но выслал ворона, чтобы через него узнать, можно ли ожидать какой-либо благоприятной перемены. *И изшед*, сказано, (ворон) *не возвратися, дондеже изсяче вода от земли* (ст. 7). Божественное Писание прибавило здесь — *дондеже* не потому, чтобы ворон впоследствии возвратился в ковчег, но потому, что ему свойственно такое употребление этого выражения. Действительно, это употребление можем найти во многих местах (Писания), на которые мог бы я и указать вам теперь; но, чтобы вы не сделались беспечными, узнавая все от нас, предоставляем вам самим исследовать Писание и отыскать, где оно употребляет такие особенности. А теперь надобно нам показать причину, по которой эта птица не возвратилась в ковчег. Быть может, нечистая эта птица осталась (вне ковчега) потому, что, за сбытием воды, усмотрела трупы людей и животных, и в них нашла сродную себе пищу, — а это самое служило для праведника немаловажным основанием к надежде на благоприятную перемену. Если бы не так было, если бы ворон не нашел себе никакой пищи, что он возвратился бы в ковчег. А что это так, видно из того, что праведник, возымев после этого добрую надежду, выпускает голубя, птицу кроткую и любообщительную, которая выказывает особенное незлобие и не любит питаться ничем другим, как только семенами, потому что принадлежит к породе чистых птиц. *И посла*, сказано, *голубицу* от себе *видети, аще уступила вода от лица земли* (ст. 8). *И необретиши голубица покоя ногама своима, возвратися к нему в ковчег, яко вода бяше по всему лицу земли* (ст. 9). Здесь представляется вопрос, почему Святое Писание, выше сказав, что *явишася верси гор* (ст. 5), теперь говорит, что голубица, не найдя покоя, возвратилась к Ною в ковчег, *яко вода бяше по всему лицу земли.* Прочтем внимательно эти сло-

ва — и узнаем причину. Писание не сказало только: *не обретиши покоя*, но прибавило: *ногама своима*, дабы показать нам, что, хотя вода и убыла отчасти и показались вершины гор, однако и эти самые вершины, от наводнения, были еще покрыты грязью, или наполнены жидким илом. Вот почему голубица не могла ни сесть гделибо, ни найти сродной себе пищи, и возвратилась в ковчег, давая этим понять праведнику, что воды еще много на земле. *И простер руку прият ю, и внесе ю к себе в ковчег.* Видишь, как признательна эта птица, как она своим возвращением в ковчег и присутствием там внушала праведнику потерпеть еще несколько? Потому, *и промедлив,* сказано, *еще седмь дней, посла голубицу из ковчега* (ст. 10). *И возвратися к нему голубица к вечеру, и имеяше сучец масличен во устех своих* (ст. 11). Слово — *к вечеру* — употреблено здесь не просто и не без цели, но дабы мы знали, что голубица провела (вне ковчега) весь день, и, найдя сродную себе пищу, возвратилась уже вечером, с масличной веткой во рту. Таково это животное, — кроткое, любящее всегда быть в сообществе: поэтому-то оно и возвратилось в ковчег и в масличной ветке принесло праведнику великое утешение. Но, может быть, ктолибо скажет: где же голубица нашла масличную ветку? Все было делом промысла Божия, и то, что нашлась ветка, и то, что голубица взяла ее в рот, и с ней возвратилась к праведнику; а с другой стороны, известно, что это (масличное) дерево всегда зелено, и, вероятно, по спадении воды, имело еще на себе листья. *И промедлив,* сказано, *еще седмь дней других, посла голубицу, и не приложи возвратитися к нему потом* (ст. 12). Смотри, как праведник от всего получает достаточное утешение. Как по возвращении голубицы с масличной ветвью в устах он возымел приятную надежду, так и теперь невозвращение выпущенной голубицы послужило для него самым убедительным доказательством того, что она нашла себе полное успокоение, и что вода совсем скрылась.

А для убеждения в справедливости этого, выслушай, что следует далее. *И бысть*, сказано, *в первое и шестьсотное лето жития Ноева, перваго месяца, изсяче вода от лица земли: и откры Ное покров ковчега, егоже сотвори, и виде, яко изсяче вода от лица земли* (ст. 13).

5. Вот и здесь я невольно удивляюсь и изумляюсь как добродетели праведника, так и человеколюбию Господа. Как, в самом деле, скажи мне, спустя столь долгое время вышедши на воздух и возведя взор на небо, он не ослеп и не лишился зрения? Вы хорошо знаете, что так именно случается обычно с людьми, которые, пробыв хоть недолго в темных и мрачных местах, захотят вдруг взглянуть на яркий свет (солнца). А этот праведник, целый год и столько месяцев пробыв в ковчеге, как в темнице, и теперь, вдруг вышедши на полный свет, не потерпел ничего подобного. Это потому, что благодать Божия, в награду за его терпение, укрепила телесные чувства его и сделала их недоступными для немощей телесных. В *месяц же вторый, в двадесять седмый день месяца изше земля* (ст. 14). Не без причины Божественное Писание показывает такую обстоятельность, но для того, чтобы мы знали, что исполнился, даже до единого дня, тот год, в который обнаружилось терпение праведника и совершилось очищение всей земли. Потом, когда вся тварь как бы омылась от нечистоты, сбросив с себя всю скверну, которую произвело на ней злочестие людей, и светлым сделалось лицо ее, тогда-то уже Бог повелевает праведнику выйти из ковчега и освобождает его из этой страшной темницы. *Рече*, говорится, *Господь Бог Ною: изыди ты, и сынове твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. И вся звери, елицы суть с тобою, и всяку плоть от птиц даже до скотов, и всяк гад, движущийся по земли, изведи с собою: и раститеся и множитеся на земли* (ст. 16, 17). Смотри на благость Божию, как Он всячески утешает праведника. Так как Господь повелел выйти из ковчега Ною, и сыновьям, и жене, и женам

сыновей его, и всем зверям, то, чтобы и это самое не навело опять на него великого уныния и не обеспокоило его мыслью о том, как он будет жить на такой обширной земле, как в пустыне, один, без других людей, (Бог), сказав: *изыди* из ковчега *и вся изведи с собою*, присовокупил: *и раститеся и множитеся на земли.*

Смотри, как этот праведник снова получает то благословение, которое получил Адам до преступления. Как тот, тотчас по сотворении своем, услышал: *и благослови я Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и господствуйте землею* (Быт. I, 28), так и этот теперь: *раститеся и множитеся на земли,* потому что как Адам был началом и корнем всех живших до потопа, так и этот праведник становится как бы закваской, началом и корнем всех после потопа. Отсюда-то уже начинается устройство общества человеческого, и восприемлет свою красоту вся природа, — земля, которая возбуждается к плодоношению, и все прочие твари, которые созданы на службу человеку. *И изыде Ной,* говорится, *и жена его, и сынове его, и жены сынов его с ним: и вси зверие, и вси скоты, и вся птицы, и вся гады, движущияся по роду своему на земли, изыдоша из ковчега* (ст. 18, 19). По повелению, то есть, Господа, Ной, приняв благословение, вещавшее: *раститеся и множитеся,* вышел из ковчега со всеми там бывшими. И вот на всей земле один был житель — праведник с женой, сыновьями и их женами. Но тотчас же по выходе из ковчега, он выказывает свою признательность, и возносит к Господу своему благодарение как за прошедшее, так и за будущее. Но, если угодно, чтобы не распространять слова, отложим рассуждение о благопризнательности праведника до следующего дня; нынешнее же слово остановим на этом, и попросим вашу любовь постоянно иметь в уме своем этого блаженного (Ноя), тщательно изучать красоту его добродетели, и быть его подражателями. Смотрите, в самом деле, как велико богатство его добродетели: сколько уже дней мы рассматривали

повествование об нем, – и сегодня еще не могли окончить этого рассмотрения. И что говорю – окончить? Сколько мы ни будем говорить, не можем сказать все; нет, пусть многое скажем мы и даже наши потомки, но конца еще не будет: такова добродетель. Если мы захотим, то праведник этот может научить весь род наш и руководить к добродетели. В самом деле, когда он, и живя среди такого множества злых людей, и не могши найти ни одного человека, подобного ему по нравам, достиг до такой высокой добродетели, то чем оправдаемся мы, которые, не имея таких препятствий, нерадим о добрых делах? Не говори мне о том только, как он прожил пятьсот лет, терпя насмешки и ругательства от нечестивых, но подумай и об его жизни в ковчеге. Год этой жизни, мне кажется, стоит целой жизни: столько-то скорби он должен был перенести там, находясь в такой тесноте, не могши и дышать (свежим воздухом), и принужденный жить вместе с зверями и другими бессловесными тварями. И однако, среди всех этих обстоятельств, он сохранил твердость духа и непреклонность воли, и показал веру в Бога, по которой и перенес все благодушно и легко. Вот почему он, так как сделал все со своей стороны, получил и от Бога щедрое воздаяние. Если он и терпел великую тесноту, живя в ковчеге, за то спасся от страшного потопа и всемирной гибели, за то, после такой тесноты и тяжкого заключения, получил свободу и покой, удостоился благословения Божия. Потом он опять обнаружил свою благопризнательность на деле; словом, везде он сам начинал делать доброе. Как в первую половину своей жизни (до потопа) он ревновал о добродетели и уклонялся от нечестия злых, за что и не подвергся вместе с ними наказанию, но, когда все погибли от потопа, один он был спасен, так и после явил он великую веру и с благодарностью перенес жизнь в ковчеге, а за это опять получил и от Бога щедрую награду, тотчас, по выходе из ковчега и по воз-

вращении в прежнее состояние, удостоился Божия благословения. Потом он и опять показал со своей стороны признательность и принес, по силам своим, благодарность Богу, и за это удостоился от человеколюбивого Бога еще больших милостей. Таков обычай у Бога. Если мы со своей стороны сделаем что-либо, хотя малое и незначительное, но лишь только сделаем, Он всегда дарует нам богатые милости. А чтобы тебе удостовериться и в крайней скудости (приношений) человеческих и в щедродательности Господа твоего, подумай вот о чем. Пусть мы решимся что-либо принести Ему, но что можем представить более, кроме словесной благодарности? А Его милости к нам совершаются на деле. Как же сравнивать дела со словами? Господь наш, не имея ни в чем нужды, не требует ничего нашего, кроме только слов; да и словесной благодарности требует не потому, чтобы Сам нуждался в ней, но чтобы научить нас быть признательными к Подателю благ. Вот почему и Павел, пиша (к Колоссянам), говорил: *благодарни бывайте* (Кол. III, 15). Ничего, в самом деле, так не требует от нас Господь, как этой добродетели. Не будем же непризнательны, и, получая благодеяния на деле, не поленимся возносить Господу благодарение на словах, потому что польза от этого обращается к нам же. Если мы бываем благодарны за прежние (милости Божии), то этим приобретаем себе надежное средство получить еще большие. Только, прошу, будем, если возможно, каждый день и час размышлять не об общих только благодеяниях, которые Создатель всяческих явил всему роду человеческому, но и о частных, оказываемых каждому из нас.

И что говорю — о частных и оказываемых каждому из нас? Мы должны благодарить и за те благодеяния, которые получаем, сами того не ведая. Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, — часто избавляет

нас и от опасностей, и другие оказывает нам милости. Он — источник человеколюбия, никогда не перестающий изливать Свои потоки на род человеческий. Итак, если мы будем размышлять об этом, и постараемся и возносить к Господу благодарения за прежние милости, и располагать себя к признательности за последующие, чтобы не оказаться недостойными благодеяний Его, — то будем в состоянии и жизнь вести лучшую, и уберечься от греха. Память о милостях Божиих будет для нас достаточным наставником добродетельной жизни, и не позволит нам впасть в беспечность и самозабвение, и предаться греху. Действительно, внимательная и бдительная душа выказывает признательность, не тогда только, когда дела текут благоприятно; нет, пусть последует и неблагоприятная перемена обстоятельств, и тогда она возносит к Богу такую же благодарность. От этой перемены она не ослабевает, но тем более укрепляется, помышляя о неизреченной попечительности Господа, и о том, что Он, будучи пребогат и всесилен, может явить Свою (о нас) заботливость даже и в неблагоприятных обстоятельствах, хотя мы и не в состоянии ясно понять это.

6. Итак, предоставляя всем обстоятельствам, касающимся нас, идти как угодно, станем со своей стороны заботиться только о том, чтобы непрестанно благодарить Бога за все. Мы для того ведь и созданы разумными и столько возвышены над бессловесными, чтобы возносили к Создателю всяческих непрестанные хвалы и славословия. Он для того вдохнул в нас душу и даровал нам язык, чтобы мы, чувствуя Его благодеяния к нам, и признавали власть Его над нами, и выказывали свою признательность, и, по силам своим, возносили к Господу благодарность. Если подобные нам люди, оказав нам какое-нибудь часто и маловажное благодеяние, требуют за это от нас благодарности, не ради нашей, впрочем, признательности, но чтобы и самим просла-

виться через это, то тем более мы должны так поступать по отношению к человеколюбивому Богу, Который хочет этого единственно для нашей пользы. Благодарность, приносимая людям за их благодеяния, умножает славу самих благодетелей; но, когда мы возносим благодарность к человеколюбивому Богу, то умножаем свою собственную славу, потому что Он требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся польза обратилась на нас же, и мы сделались достойными больших милостей Его. Правда, мы не в состоянии достойно возблагодарить Его: да и как бы мы могли, имея такую слабую природу? И что я говорю о человеческой природе? Даже бестелесные и невидимые силы — и начала, и власти, и херувимы, и серафимы не могут достойно возблагодарить и прославить Его. Однако наш долг приносить посильную благодарность, и непрестанно прославлять Господа нашего и словами и добродетельной жизнью. Это-то и есть самое лучшее прославление, когда мы возносим славословие бесчисленными устами. Добродетельный всех, кто ни смотрит на него, заставляет хвалить Своего Господа; а славословие их привлекает великую и неизреченную милость от Господа на того, кто побудил их к нему. Что же будет блаженнее нас, если мы решимся не только сами собственными устами прославлять благого Бога, но и всех ближних возбуждать к совокупному с нами славословию? А такова сила добродетели (и у одного человека), что может прославлять создателя бесчисленными устами. Так, возлюбленный, ничто не может сравняться с добродетельной жизнью. Потому-то и Господь говорил: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Видал ты, как свет, лишь явится, прогоняет тьму? Так и добродетель своим появлением обращает в бегство грех, и, рассеяв мрак заблуждения, возбуждает души взирающих

на нее к славословию. Постараемся же, да светят дела наши так, чтобы прославлялся Господь наш. И Христос сказал так не для того, чтобы мы делали что-либо напоказ; нет, но чтобы, живя честно и согласно с волей Божией, никому не подавали повода к богохульству, и своими добрыми делами располагали всякого, кто только видит нас, к прославлению Господа всей твари. Тогда-то мы и заслужим от Него особенное благоволение, и возможем избегнуть наказания, и получить неизреченные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

И созда Ное жертвенник Господеви: и взя от всех скотов чистых и от всех птиц чистых, и вознесе во всесожжение на жертвенник (Быт. VIII, 20)

1. Вчера мы видели благость человеколюбивого Господа, как Он вывел праведника из ковчега, освободил его от пребывания в нем, избавил от этого тяжкого и страшного заключения, и наградил за терпение, сказав: *раститеся и множится* (Быт. VIII, 17). Сегодня посмотрим на признательность и благодарность Ноя, которой он приобрел себе еще большее и высшее благоволение Божие. Так всегда поступает Бог: когда увидит кого благодарным за прежнее, то ниспосылает ему еще большие дары. Постараемся же и мы возносить ко Господу посильную благодарность за блага, нам дарованные от Него, чтобы нам удостоиться еще и больших; и не будем никогда забывать оказанных нам благодеяний Божиих, но всегда будем содержать их в уме нашем, дабы памятование о них побуждало нас к постоянной благодарности, хотя они так многочисленны, что ум наш не

в состоянии и исчислить Божии щедроты к нам. В самом деле, кто может и представить себе все, что уже нам даровано (от Бога), что обещано, что подается каждый день? Он привел нас из небытия в бытие, даровал нам и тело и душу, сотворил нас (существами) разумными, дал нам этот воздух для дыхания, устроил всю тварь для рода человеческого и восхотел сначала, чтобы человек наслаждался пребыванием в раю, проводил жизнь без печали и без всякого труда, и, будучи в теле, ни в чем не уступал ангелам и бестелесным силам, но был выше нужд телесных. Потом, когда (человек), по беспечности, был уловлен лестью диавола посредством змия, (Бог) и тогда не перестал благодетельствовать преступному грешнику, но в самых наказаниях, как я сказал уже вчера, явил избыток Своего человеколюбия и оказал ему многоразличные и бесчисленные благодеяния. Наконец, когда, по умножении в последующее время рода человеческого и уклонении его к нечестию, Бог увидел, что раны неизлечимы, то истребил творящих зло, как бы некую вредную закваску, оставив этого праведника (Ноя) с тем, чтобы он стал корнем и начатком рода человеческого. И смотри опять, какое являет ему благоволение. От этого праведника и от сыновей его Он благоволил размножить род человеческий до такого великого числа, постепенно избирал праведников, то есть: патриархов, и поставил их для прочих людей учителями, которые могли всех назидать своими добродетелями и, подобно врачам, врачевать болевших. Он ведет их то в Палестину, то в Египет, упражняя этим и терпение рабов своих, и вместе яснее открывая собственную силу; и постоянно потом продолжал заботиться о спасении людей, посылая пророков, и через них совершая знамения и чудеса. Кратко сказать, как морских волн мы никогда не можем перечислить, хотя бы тысячу раз принимались за это, так (не можем исчислить) и разнообразных благодеяний Божиих, которые

Он явил роду нашему. Наконец, когда (Бог) увидел, что, и после такого промышления, естество человеческое имеет еще нужду в великом и неизреченном человеколюбии, и что нисколько не помогают ни патриархи, ни пророки, ни те изумительные чудеса, ни наказания и внушения, так часто повторяемые, ни те пленения, непрерывно следовавшие одно за другим, – тогда, как бы сжалившись над нашим родом, послал к нам врача душ и телес, воздвигнув, так сказать, от отеческих недр Единородного Сына Своего, Который благоволил принять образ раба (см.: Флп. II, 7) и родиться от Девы, жить вместе с нами и претерпеть все наши (нужды), дабы нашу природу, лежащую долу от множества грехов, возвести от земли на небо. Этому-то удивляясь и представляя чрезмерность любви Божией к роду человеческому, сын громов восклицал: *тако бо возлюби Бог мир* (Ин. III, 16). Смотри, какое удивление выражается в этом изречении! Словом *тако* указывает на важность того, о чем хочет он сказать; вот почему он начал так. Скажи же нам, блаженный Иоанн, как *тако*? Укажи нам меру, покажи величие, открой превосходство (любви Божией). *Тако бо возлюби Бог мир, яко Сына своего единороднаго дал есть, да всяк веруяй в он не погибнет, но имать живот вечный.*

Видишь, причина пришествия Сына (Божия) та, чтобы люди, которым угрожала погибель, получили спасение через веру в Него? Кто может обнять мыслью великое, дивное и непостижимое для ума благоволение, которое Бог явил нашей природе в даре крещения, даровав нам отпущение всех наших грехов? Но что и говорить? Ни мысль не в состоянии, ни слово не в силах исчислить прочих (благодеяний Божиих). Сколько бы я ни сказал, остальное все еще будет таково, что своей чрезмерностью превзойдет то, что уже сказано. Так, кто может постигнуть умом тот путь покаяния, который (Бог) по неизреченному Своему человеколюбию открыл роду нашему, и, после дара крещения, те чу́дные запове-

ди, посредством (исполнения) которых мы, если захотим, можем снискать Его благоволение?

2. Видишь, возлюбленный, бездну (Божиих) благодеяний? Видишь, сколько их мы перечислили, и однако не могли пересказать и малой части их? Как, в самом деле, может человеческий язык изобразить словом то, что сделано для нас Богом? И между тем, как столь многочисленны и велики эти (благодеяния), еще гораздо больше и неизъяснимее те блага, которые Он обещал, после здешней жизни, в будущем веке, идущим по пути добродетели. Блаженный Павел, желая в немногих словах представить нам чрезмерное их величие, говорит: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1 Кор. II, 9). Видишь чрезмерность даров? Видишь, что Его благодеяния превышают всякое понятие человеческое? *На сердце,* говорит, *человеку не взыдоша.* Итак, если мы захотим размышлять о них и воздавать по силам нашим благодарность (Богу), то можем и снискать еще большее Его благоволение, и возбудить в себе сильнейшее расположение к добродетели. В самом деле, памятование о благодеяниях сильно возбуждает к подвигам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому Благодетелю и ежедневно выказывать живую любовь к Нему. Вот почему, и этот праведник (Ной) удостоился такого благоволения и почести от Бога за то, что показал великую признательность за прежние благодеяния. Но чтобы слово наше было для вас яснее, надобно предложить вашей любви самое начало сегодняшнего чтения. После того, как Ной, по повелению Господа, вышел из ковчега вместе с сыновьями, со своей женой и с женами сыновей, со всеми зверями и птицами, и по выходе принял от Бога весьма утешительное для него благословение: *раститеся и множитеся,* – Божественное Писание, показывая нам признательность праведника, говорит: *и созда Ное*

жертвенник Господеви, и взя от всех скотов чистых и от всех птиц чистых, и вознесе во всесожжение на жертвенник (Быт. VIII, 20). Усматривай тщательно, возлюбленный, и из этих слов, как Создатель всяческих в самую природу нашу вложил точное понятие о добродетели. Откуда, в самом деле, скажи мне, пришло это (на ум) праведнику? Ни в ком другом он не видел примера для себя. Но как в начале сын первого человека, то есть Авель, по собственному внутреннему побуждению принес жертву (Богу) с великой разборчивостью, так и теперь этот праведник возносит, посредством жертв, благодарность к Господу по собственному произволению и здравому рассуждению, как только мог и как судил по-человечески. И посмотри, с какой великой мудростью он все делает. Ему не понадобилось ни великолепное здание, ни храм, ни какой-нибудь чудный дом, ни другое что: он знал, хорошо знал, что Господь ищет только (доброго) расположения; и вот, устроив наскоро жертвенник и взяв некоторых из чистых животных и из чистых птиц, он принес жертву всесожжения, и этим, сколько мог, выразил искреннюю свою признательность; а человеколюбивый Бог, приняв эту благодарность, увенчал его усердие и вновь явил ему Свое благоволение. *И обоня*, говорит Писание, *Господь воню благоухания* (ст. 21). Видишь, как расположение приносящего сделало благовонным дым, и смрад, и все, что ни было неприятного при этом (сожжении животных). Вот почему и Павел сказал в послании своем: *яко Христово благоухание есмы в спасаемых и в погибающих: овем убо воня смертная в смерть: овем же воня животная в живот* (2 Кор. II, 15, 16). *Воню благоухания (обоня Господь).*

Не соблазняйся грубостью выражения, но, причиной такого снисхождения в словах признав собственную твою слабость, уразумей отсюда, что приношение праведника было приятно (Богу). А чтобы мы из самого опыта могли знать, что Сам Господь не нуждается ни в

чем, и жертву (Ноеву) благоволил принять не для чего другого, как для возбуждения людей к благодарности, для этого Он попускает все истреблять огню, дабы и сами приносящие познавали отсюда, что все делается для их же пользы. Для чего же, скажи мне, Он и вообще попускает приносить Ему жертвы? Опять по снисхождению к слабости человеческой. Так как люди, мало-помалу предавшись беспечности, имели впоследствии изобрести себе богов и им приносить жертвы, то Бог предварительно благоволил, чтобы жертвы приносились Ему, дабы, по крайней мере, через это отклонить от гибельного заблуждения имевших предаться нечестию. А что все это допущено Им действительно по снисхождению, смотри, как впоследствии времени Он благоволил установить и обрезание, не потому, чтобы оно могло сколько-нибудь содействовать спасению души, но для того, чтобы иудеи носили его на себе, как бы какой знак и печать, в доказательство своей благодарности, и чтобы не могли смешиваться с язычниками.

3. Вот почему блаженный Павел называет обрезание знамением, говоря: *и знамение* дал *обрезания, печать* (Рим. IV, 11). А что оно нисколько не служит к оправданию, доказательством тому вот и этот праведник (Ной), который достиг до такой (высокой) добродетели, когда еще не было установлено обрезание. И что говорю? Сам патриарх Авраам, еще до принятия обрезания, был оправдан одной верой. Еще до обрезания, говорит Писание, *верова Авраам Богу, и вменися ему в правду* (Рим. IV, 3). Что же ты, иудей, гордишься обрезанием? Знай, что и до него много было праведников. Вот Авель по вере принес жертву, как и Павел говорит о нем: *верою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (Евр. XI, 4); и Енох преложен, и Ной избавлен от страшного потопа за свою великую праведность; и Авраам, еще до обрезания, прославлен за веру в Бога. Так издревле и изначала род человеческий получал спасение

от веры. Потому и человеколюбивый Господь попустил приносить Себе жертвы, чтобы посредством их люди, тогда еще менее совершенные*, могли и выразить (Богу) свою благодарность, и избегнуть заразы идолослужения. Если, в самом деле, и после такого снисхождения многие не избегли падения, то кто мог бы избегнуть гибельного заблуждения, когда бы не было употреблено такого снисхождения? *И обоня Господь Бог воню благоухания.* Но не так (поступил Он) с неблагодарными иудеями. Как же? Послушай пророка, который говорит: *кадило мерзость ми есть* (Ис. I, 13), указывая на нечистоту внутреннего расположения приносящих. Как там добродетель праведника сделала дым и смрад воней благоухания, так здесь порочность приносящих сделала и благовонный фимиам отвратительным для обоняния. Итак, прошу, постараемся во всем показывать чистое расположение. Оно бывает причиной всех благ. Благой Господь, обыкновенно, обращает внимание не столько на наши жертвы, сколько на внутреннее расположение, с каким мы их совершаем, и судя по нему, или приемлет, или отвергает наши жертвы. Итак, молимся ли мы, постимся ли, подаем ли милостыню (потому что это — наши духовные жертвы), или совершаем какое-либо другое духовное дело, будем делать все это от чистого расположения, чтобы получить и достойный венец за труды. Весьма ведь странно будет, если мы труды станем переносить, а награды лишимся, когда, то есть, будем совершать добродетель не по законам, данным от Бога. А можно, по неизреченному человеколюбию Божию, и не совершив дела, получить венец за одно только расположение; чтобы убедиться в этом, посмотри на милостыню. Когда ты увидишь человека, лежащего на торжище и одержимого крайней бедностью, и поболез-

* То есть в сравнении с христианами, просвещенными чистейшим учением Господа Иисуса.

нуешь об нем, и тут же, устремив ум свой к небу, возблагодаришь Господа и за свое собственное положение, и за терпение этого бедняка, то, хотя и не будешь в состоянии удовлетворить и утолить его голод, получишь однако полную награду за свое доброе расположение. Потому-то и Господь сказал: *иже аще напоит чашею студены воды токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея* (Мф. X, 42). Что маловажнее стакана холодной воды? Но (доброе) расположение и за это получает награду. То же самое найдем и в противном случае. Долгом считаю говорить об этом вашей любви для того, чтобы вы, узнав это с точностью, укоренили в себе чистое (сердечное) расположение. Послушай, что говорит Христос: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. V, 28). Видишь, и здесь опять нечистое расположение подвергается осуждению, и за нескромный взгляд полагается наказание, как будто бы уже блуд совершен был на самом деле? Итак, зная это, будем всячески охранять чистоту нашего расположения, чтобы оно соделало наши приношения благоугодными (Богу). Если оно (у Ноя) сделало дым и смрад воней благоухания, то чего не сделает с нашими духовными жертвами, и какого не приобретет нам благоволения свыше? *И обоня*, сказано, *Господь Бог воню благоухания.* Видишь, какова жертва праведника, — как она по внешности незначительна, но по чистоте его расположения является весьма великой? Смотри же теперь на беспредельную благость человеколюбивого Господа. *И рече Господь Бог, размыслив: не приложу ктому прокляти землю за дела человеческая: зане прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности: не приложу убо ктому поразити всякую плоть живущую, якоже сотворих,* ктому *во вся дни земли* (Быт. VIII, 21, 22).

4. Какая необычайная важность благодеяния, какое величие человеколюбия, какой неизреченный избыток снисхождения! *И рече Господь Бог, размыслив.* И это выра-

жение — *размыслив* — употреблено человекообразно и приспособительно к нашей природе. *Не приложу ктому прокляти землю за дела человеческая.* Бог проклял ее за первого человека, сказав: *терния и волчцы возрастит* (Быт. III, 18), и потом также за Каина. И вот, так как Он и теперь навел (на землю) такую всеобщую гибель, то, чтобы утешить праведника и ободрить его, — чтобы, то есть, он не подумал про себя: что за польза от данного (Богом) благословения и от слов: *раститеся и множитеся*, если мы, и размножившись, должны будем опять погибнуть, ведь Он и Адаму сказал: *раститеся и множитеся*, и однако навел потоп, — чтобы, говорю, Ной не подумал так и от этой мысли не чувствовал в душе своей постоянного беспокойства, смотри, какое Господь являет человеколюбие! *Не приложу*, говорит, *ктому прокляти землю за дела человеческая.* Смотри, как ясно показал (Бог), что Он наложил проклятие на землю за нечестие людей. Потом, чтобы мы не подумали, будто Он теперь дал такое обещание потому, что они сделались лучше, говорит: *зане прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности.* Необыкновенный вид человеколюбия! Так как *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности*, поэтому, говорит, *не приложу ктому прокляти землю.* Я, говорит, сделал Свое дело, и раз и два; но так как вижу, что зло растет, то обещаю более уже не проклинать землю. Затем, желая показать великость Своего человеколюбия, присовокупил: не *приложу убо ктому поразити всякую плоть живущую, якоже сотворих, во вся дни.* Смотри, как Бог всем этим подает праведнику величайшее утешение, а лучше сказать, не одному праведнику, но, по Своей благости, и всему имевшему произойти от него роду человеческому. Слова: *не приложу убо ктому поразити всякую плоть живущую*, и: *якоже сотворих*, и: *во вся дни*, означают то, что никогда уже не будет такого потопа и не постигнет вселенную такое всеобщее истребление. Вместе с тем (Бог) показывает

и непрерывность Своего благодеяния; *во вся*, говорит, *дни*, то есть обещаю вовеки не являть уже такого гнева и не производить такого расстройства в порядке времен года и в состоянии стихий. Потому и присовокупил: *сятва и жатва, зима и зной, лето и весна, день и нощь не престанут* (ст. 22). Этот порядок, говорит, будет неизменен, земля никогда не перестанет давать свои произрастения роду человеческому и вознаграждать за труды земледелия; и времена года не будут перемешиваться, но холод и зной, лето и весна будут в свое время года. Так как во время потопа произошло нарушение всего этого порядка и праведник в ковчеге провел все это время, как бы одну (непрерывную) ночь, то (Бог) говорит: теперь уже ни день, ни ночь не оставят своего течения, но их служение будет неизменно до скончания века. Видишь утешение, достаточно сильное, чтобы ободрить душу праведника? Видишь, какую он получил награду за свою признательность? Послушай же и в последующих словах, какую неизреченную благость явил ему Бог. *И благослови*, сказано, *Бог Ноя и сыны его, и рече им: раститеся и множитеся и наполните землю, и обладайте ею. И страх ваш и трепет будет на всех зверех земных, и на всех птицах небесных, и на всех движущихся по земли, и на всех рыбах морских. В руце ваши вдах* все. *И всякое движущееся, еже есть живо, вам будет в снедь: яко зелие травное, дах вам все. Точию мяса в крови души да не снесте* (Быт. IX, 1–4). Нельзя здесь не подивиться безмерной благости Господа. Смотри, в самом деле, праведник этот удостаивается того же самого благословения, какого (удостоился) Адам, и утраченное Адамом владычество возвращает себе своей добродетелью, или — лучше сказать — по неизреченному человеколюбию Господа. Как тому (Бог) сказал: *раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и пресмыкающимися и птицами небесными и зверями земными* (Быт. I, 28) так говорит и теперь: *и страх и трепет ваш будет на всех*

зверех земных и на всех птицах. И всякое движущееся, еже есть живо, вам будет в снедь: яко зелие травное, дах вам все. Точию мяса в крови души да не снесте. Смотри, здесь соблюдается, только в другом виде, то же самое правило, как и в отношении к первому человеку. Как там Бог, даровав (Адаму) власть над всем, и, дозволив наслаждаться райскими плодами, повелел только воздерживаться от одного дерева, так и здесь, преподав (Ною) благословение и сделав его страшным для зверей и подчинив ему всех пресмыкающихся и птиц, говорит: *всякое движущееся, (еже есть) живо, вам будет в снедь: яко зелие травное, дах вам все.* С этого-то времени начинается употребление в пищу мяса, не для того, чтобы через это возбудить людей к чревоугодию, но, так как они должны были животных приносить в жертву и через это воздавать благодарность Господу, то, чтобы они не вздумали воздерживаться от употребления их, как посвященных Богу, Он дает людям позволение употреблять животных в пищу, и через это освобождает их от всякого недоумения. *Яко зелие травное,* говорит, *дах вам все.* Потом, как Адаму, дозволив пользоваться всем, Бог повелел воздерживаться от одного дерева, так и здесь, дозволив свободно употреблять в пищу все, говорит: *точию мяса в крови души да не снесте.* Что же означают эти слова? Что такое: *мясо в крови души?* Это значит — удавленина, — потому что кровь есть душа животного.

5. Так, ввиду того, что люди должны были со временем приносить животных в жертву Богу, Он как бы дает им такое наставление: кровь назначена Мне, а мясо вам. А это делает Он для того, чтобы с самого начала остановить в них наклонность к человекоубийству. А что это правда, и что Бог дает эту заповедь людям с намерением сделать их более кроткими, слушай следующие слова: *крови бо вашей,* говорит, *душ ваших, изыщу ея от руки всякаго зверя и от руки человека брата изыщу* душу человека (ст. 5). Что же? Душа человека в крови? Нет,

не это хочет сказать Бог, но выразился так по обычаю человеческому, как если бы один человек сказал другому: я держу в руках моих твою кровь, вместо: имею власть умертвить тебя. А что душа человеческая не заключается в крови, об этом послушай Христа, Который говорит: *не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити* (Мф. XVIII, 28). Смотри еще, какое (Бог) употребил особенное выражение. *Проливаяй,* говорит, *кровь человечу, в место крови его пролиется его: яко во образ Божий сотворих человека* (ст. 6). Подумай, как этим изречением Он усилил страх. Если, говорит, ни одинаковость происхождения не останавливает тебя, ни единство природы не удерживает от злого предприятия, если ты, отвергнув братское сочувствие, весь предаешься этому гнусному замыслу, то подумай, что он (человек) создан по образу Божию, удостоен от Бога столь высокого преимущества и получил власть над всей природой, и оставь злое намерение. Что же, скажешь, если кто совершит бесчисленные убийства, и прольет множество крови, — такой человек будет ли достойно наказан, когда будет пролита только кровь его одного? Не рассуждай так, любезный, но подумай о том, что этот человек, недолго спустя, получит нетленное тело, которое будет в состоянии терпеть непрестанное и вечное мучение. Заметь и то, с какой точностью Бог изрек заповедь. О человеке говорит: не проливай крови, а о бессловесных не сказал: не проливай, но: *точию мяса в крови души да не снесте.* Там — не проливай; здесь — не вкушай.

Видишь, как не тяжки законы Его? Как легки и удобоисполнимы заповеди Его? Как Он не требует от нашей природы ничего трудного и невыносимого? Иные, конечно, говорят, что кровь животных тяжела, землиста и вредна для здоровья; но мы должны воздерживаться от нее не по этому умствованию, но ради заповеди Господней. Далее, чтобы мы верно узнали, для чего

Бог изрек эту заповедь с такой точностью, для обуздания, то есть, наклонности людей к убийству, Он говорит: *вы, же раститеся и множитеся, и наполните землю, и одладайте ею* (ст. 7). Не без цели сказал: *вы же,* но как бы так говоря: вы, немногие, малочисленные, наполните всю землю и обладайте ею, то есть имейте над ней господство и власть, и пользуйтесь ею. Смотри на человеколюбие Божие, как Он наперед оказывает великие благодеяния, а потом уже дает и закон и заповедь. И как Адама Он наперед поселил в раю и даровал ему столько наслаждений, а потом уже повелел воздерживаться от древа, так и здесь. Сперва Бог обещал, что Он более не наведет такого всеобщего истребления, и не покажет такого гнева, но оставит все стихии неизменно совершающими до скончания века свое течение и сохраняющими свой порядок; сперва удостоил их (Ноя и сыновей его) благословения, даровал им прежнюю власть над всеми животными и разрешил употреблять их в пищу; потом уже говорит: *точию мяса в крови души не снесте.* Видишь, как Он наперед благодетельствует и являет неизреченные щедроты, а потом уже дает и заповеди? А у людей бывает не так. Люди наперед хотят, чтобы их приказания были исполнены, и чтобы принимающие и исполняющие их приказания показали при этом полное усердие, а потом уже думают и о вознаграждении тех, которые оказали совершенную покорность. Но общий всех Владыка поступает напротив: наперед благодетельствует и множеством благодеяний привлекает к себе нашу природу, а потом уже дает легкие и удобоисполнимые заповеди, чтобы мы, побуждаясь и легкостью заповедей, и полученными благодеяниями, ревностно старались об их исполнении.

Итак, возлюбленные, не будем беспечны и нерадивы касательно исполнения заповедей, размышляя и о прежних благодеяниях (Божиих), и о легкости заповедей, и о великости наград, уготованных нам за их ис-

полнение; будем бдительны и усердны в исполнении данных нам от Бога заповедей, и не оставим тех путей, которые Он указал нашей природе для спасения душ наших, но, воспользовавшись, как должно, остальным временем нашей жизни, очистимся от грехов и постараемся заблаговременно приобрести себе великое дерзновение, особенно же теперь, когда еще остается часть святой четыредесятницы.

6. В самом деле, и оставшегося числа дней будет для нас немало, если только мы захотим, хотя несколько, быть усерднее. Говорю это не потому, будто для исправления нашего от грехов требуется только это недолгое время, но потому, что Господь наш человеколюбив и милостив, и что для Него не нужно много времени; только бы мы приступили к Нему с великим усердием и готовностью, отрешившись от всего житейского и предавшись горнему влечению. Так ниневитяне, обремененные таким множеством грехов, как только показали полное и искреннее раскаяние, то не больше, как в три дня, успели умилостивить Бога и отменить произнесенный против них приговор (см.: Иона III, 10). И что говорить о ниневитянах? Разбойнику на кресте не нужно было и одного дня. Что говорю – одного дня? Даже и краткого часа. Таково Божие к нам милосердие! Когда Он видит, что наша решимость (исправиться) тверда, и что мы приступаем с пламенным усердием, то не медлит и не отлагает, но скоро являет нам свою благость, и говорит: *еще глаголющу ти, реку: се, приидох* (Ис. LVIII, 9).

Итак, решимся и мы в эти немногие дни показать сколько-нибудь ревности и по надлежащему воспользоваться пособием поста. Оставив беспечность, будем возносить усердные молитвы ко Господу, проливать горячие слезы, постоянно осуждать грехи свои, показывать Ему, как врачу, наши раны и открывать язвы души, испрашивать у Него врачевания и делать все прочее,

что следует нам — сокрушение сердца, глубокое смирение, щедрую милостыню, а страсти, возмущающие наш ум, обуздывать и изгонять из души нашей, не предаваться корыстолюбию, не злопамятствовать на ближних и не питать враждебного расположения к собратьям. Бог ничего, ничего так не ненавидит и (ни от чего так) не отвращается, как от человека злопамятного и постоянно питающего в душе своей вражду к ближним. Так-то гибелен этот грех, что отвращает от нас и Божие человеколюбие! А чтобы вы убедились в этом, хочу я напомнить вам о притче евангельской, как один (должник) получил от господина прощение десяти тысяч талантов, потому что припал к ногам господина, просил и умолял его. *Милосердовав же,* сказано, *Господь* его, *прости его и долг отпусти ему* (Мф. XVIII, 27). Видишь ли милосердие господина? Тот, припав, просил только дать ему отсрочку: *потерпи,* говорил он, *на мне и вся ти воздам* (ст. 26). Но добрый, снисходительный и человеколюбивый господин, сжалившись над рабом, дал ему не столько, сколько он просил, но сколько он и не ожидал. Господь, обыкновенно, любит, всегда превышать и предупреждать наши прошения. Так, когда тот умолял дать ему отсрочку и обещал выплатить весь долг, Господь, препобеждающий благостью согрешения наши, сжалившись, отпустил его и долг простил ему. Видишь, чего просил раб, и сколько даровал ему господин? Посмотри теперь на безумие этого раба. После такого снисхождения и неизреченного благодеяния, оказанного ему, надлежало бы и ему самому сделаться весьма сострадательным к собратиям, а он поступает совсем напротив. *Изшед же,* говорится, этот самый (раб), которому прощено десять тысяч талантов... Слушайте, прошу вас, с вниманием: то, что случилось с этим рабом, может проникнуть до глубины души нашей и заставить нас исторгнуть этот тяжкий недуг из нашего сердца. Итак, *изшед раб той, обрете единаго от клеврет своих, иже бе*

должен ему стом пенязь (ст. 28). Смотри, какое различие. Здесь товарищ, должный сотню динариев; там господин, требующий долга, состоявшего из десяти тысяч талантов. И однако (господин), когда увидел, что раб просит и умоляет, простил ему; а этот (раб), *емъ его* (своего товарища), *давляше, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси должен.* Что же далее? *Пад убо,* говорится, *клеврет его* (ст. 29). Замечай, как часто Евангелист повторяет слово: *клеврет его;* это не без цели, но для того, чтобы мы знали, что между ними не было никакого различия. И однако (должник – товарищ) обращается к своему заимодавцу с такой же униженной просьбой, с какой и этот сам обращался к господину. *Потерпи,* говорит, *на мне, и вся воздам ти. Он же* пошел *всади его в темницу, дондеже воздаст должное* (ст. 30). О крайняя неблагодарность! Имея еще в свежей памяти оказанную самому ему милость, он и после того не захотел быть сострадательным, но сначала душил (товарища), а потом посадил его в тюрьму.

7. Смотри же, что далее. *Видевше же,* говорит Писание, *клеврети его, сжалишася и пришедше сказаша господину своему вся бывшая* (ст. 31). Не сам пострадавший (да и как он мог, будучи заключен в темницу?), но товарищи его, хотя лично не были оскорблены, однако так огорчились, как будто бы сами потерпели обиду, и придя рассказали обо всем (господину). И смотри, как наконец разгневался господин. *Тогда призвав его,* говорит Писание, *господин его* говорит: *рабе лукавый* (ст. 32). Поистине отсюда можно усмотреть, сколь пагубно злопамятство. Когда господин требовал (от раба уплаты) десяти тысяч талантов, то не называл его лукавым; теперь же, когда этот раб оказался жестоким к своему товарищу, господин говорит: *рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси* (ст. 32). Смотри, как господин обличает раба в крайней злости. Разве ты, говорит, представил мне что-нибудь больше, кроме одних только слов?

И однако не принял ли я твою просьбу, и не простил ли тебе весь этот, огромный и неисчислимый, долг? *Не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего, якоже и аз тя помиловах* (ст. 33)? Какого же ты можешь заслуживать прощения, если я, господин твой, простил тебе такой большой долг из-за одних тех слов твоих (ст. 26), а ты не сжалился даже над своим товарищем и собратом, не преклонился на милость и не показал к нему сострадания, вспомнив об оказанном мной тебе снисхождении, но явился безжалостным и жестоким, и не захотел помиловать своего товарища? Так вот теперь ты узнаешь на самом деле, сколько зол причинил ты сам себе. *И прогневався господь его, предаде его мучителем* (ст. 34). Смотри, и теперь (господин) гневается на раба и предает его мучителям именно за его жестокость к товарищу: чего не сделал прежде, когда тот был должен такую сумму, то приказывает сделать теперь. *Предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой* пока, то есть, раб не возвратит те десять тысяч талантов, в которых он уже получил было прощение. Весьма велико и неизреченно человеколюбие Божие: когда Он потребовал Своего долга и должник попросил (отсрочки), то простил ему; а когда увидел, что тот поступил жестоко и бесчеловечно с товарищем, тогда уже полагает предел и своему благоснисхождению, давая знать должнику самым делом, что он не столько повредил товарищу, сколько себе самому. Как тот (раб) бросил (товарища) в тюрьму, пока он не уплатит долга, так и господин предал его мучителям, пока он не отдаст всего долга. Это (Господь) сказал не просто о талантах и динариях, но разумел здесь грехи и тяжесть беззаконий (наших), дабы мы знали, что мы, и будучи виновны перед Господом в бесчисленных прегрешениях, однако по неизреченному Его человеколюбию получаем от Него прощение; если же сами будем жестоки и бесчеловечны к нашим ближним и братьям, имеющим одну с нами природу, и не

простим согрешений их против нас, но станем питать к ним злобу и за эти маловажные согрешения (что значат сто динариев в сравнении с десятью тысячами талантов, то же самое и прегрешения наших ближних против нас в сравнении с нашими грехами против Господа), то навлечем на себя гнев Господа, и, в чем прежде получили уже прощение, то опять должны будем заплатить с муками. В самом деле, дабы мы знали наверное, что эту притчу Господь предложил для нашей душевной пользы, послушай, что присовокупил Он: *тако и Отец небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их* (Мф. XVIII, 35). И точно, много пользы (может быть, для нас) от этой притчи, если только мы захотим быть внимательными. Имеем ли мы, в самом деле, возможность простить (ближним нашим) столько, сколько прощает нам Господь? Притом мы, если и захотим простить, прощаем подобным нам рабам, а сами получаем прощение от Господа. Смотри еще, какая точность в словах Господа. Сказал не просто: если не отпустите людям их прегрешения, но как? — *аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их.* Замечай, как Он желает, чтобы самое сердце наше было мирно и спокойно, чтобы дух наш был безмятежен и свободен от всякой страсти, и — чтобы мы показывали совершенную расположенность к ближним. И в другом еще месте, послушай, что Он говорит: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный* (Мф. VI, 14). Не будем же думать, будто мы, прощая ближнего, ему оказываем благодеяние, или великую милость; нет, мы сами тогда получаем благодеяние, сами для себя извлекаем отсюда великую пользу. Равным образом, если мы не простим ближних, то через это им нисколько не сделаем вреда, а себе приготовим невыносимую геенскую муку. Поэтому, прошу, зная это, не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам

неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим (примириться с врагами), и размышляя о происходящей от того пользе, покажем такое расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями. Если мы будем бдительны, то не столько пользы нам принесут люди, искренне к нам расположенные и всячески старающиеся угождать нам, сколько наша расположенность к врагам: она сделает нас достойными небесного благоволения и облегчит бремя грехов наших.

8. В самом деле, возлюбленный, посуди, каково величие этой добродетели в отношении тех наград, которые Бог всячески обещал совершающим ее. Он сказал: *любите враги ваша, благословите* гонящих *вы, молитеся за творящих вам напасть;* и, так как заповедуемое было важно и весьма возвышенно, то присовокупляет: *яко да будете подобни Отцу вашему, иже есть на небесех: яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя* (Мф. V, 44, 45). Видишь, кому уподобляется, сколько это возможно для человека, тот, кто не только не мстит оскорбившим его, но и усердно молится за них? Итак, не лишим себя, по нерадению, столь великих даров и наград, превосходящих всякое слово, но всячески будем стараться об исполнении этого (повеления), и употребив даже принуждение себе, приучим свою душу покориться заповеди Божией. Для того ведь я и сделал сегодня это увещание, предложил притчу и показал величие этой добродетели (прощения обид) и обилие происходящей от нее для нас пользы, чтобы, пока еще время, каждый из нас, у кого только есть враг, постарался ласковым своим обращением примирить его с собой. И никто не говори мне: я и раз и два просил его (врага), но он не согласился (помириться). Нет,

если мы искренне хотим примириться, то не отступим (от врага), пока не победим его своими усиленными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Разве ему через это мы оказываем какую-либо милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела: мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение перед Господом. Если мы сделаем так, то будем в состоянии с чистой совестью приступить к этой священной и страшной трапезе, и с дерзновением произнести те слова, содержащиеся в молитве (Господней) *(и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим)*. Посвященные (верные) знают, о чем я говорю. Поэтому предоставляю совести каждого знать, с каким дерзновением мы, исполнив эту заповедь, можем произносить эти слова в то страшное время (литургии). Если же пренебрежем эту заповедь, то какому подвергнемся осуждению, поступая вопреки словам своим, дерзая произносить слова молитвы безрассудно и легкомысленно, скопляя для себя более и более огня (геенского) и возбуждая против себя гнев Господа? Радуюсь и восхищаюсь, видя, что вы с удовольствием слушаете меня и своими рукоплесканиями показываете, что вы стараетесь расположить себя (к примирению с врагами) и привести в исполнение эту заповедь Господню. В этом-то и состоит врачевство душ наших, в этом — исцеление ран наших, в этом — самый лучший путь угождения Богу, в этом — самое верное отличие боголюбивой души, когда, то есть, мы все исполняем ради закона Господня и не поддаемся неблагородным мыслям, но становимся выше страстей, представляя себе благодеяния, ежедневно оказываемые нам Богом. И в самом деле, сколько бы мы ни старались, мы не можем однако изобразить и малейшей части ни тех благ, которые нам уже дарованы (от Бога), ни тех, которые ежедневно ниспосылаются, ни тех,

которые еще уготованы нам (в будущей жизни), если мы захотим исполнить Его заповеди. Итак, каждый, выйдя отсюда, сделай это дело, поспешай к нему, как к величайшему сокровищу, и не медли нисколько. Хотя бы пришлось потрудиться, или поискать, или совершить длинный путь, или преодолеть какие-либо затруднения, устраним эти препятствия. Об одном только позаботимся, как бы нам исполнить заповедь Господню и получить награду за послушание. Знаю, что нелегко и неприятно пойти к тому, кто враждует и злобствует против нас, стать и начать разговаривать с ним. Но, если ты размыслишь о высоком достоинстве этой заповеди, о великости награды и о том, что польза от этого доброго дела обращается не на него, а на тебя, то все покажется тебе легким и удобным. Итак, содержа это в своих мыслях, будем побеждать (худую) привычку и с благоговейным расположением исполнять заповеди Иисуса Христа, чтобы нам и от Него удостоиться наград, благодатью и человеколюбием благости Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

И рече Бог Ноеви и сыном его с ним, глаголя: се аз поставляю завет мой вам, и семени вашему по вас, и всякой души живущей с вами от птиц и от скот, и всем зверем земным (Быт. IX, 8—10)

1. Предложив вчера о благословении, которого Ной удостоился от Господа за то, что он по выходе из ковчега создал жертвенник, принес благодарственные жертвы и тем выразил свою признательность к Богу, мы не могли простираться далее, объяснить все чтение и показать снисхождение и попечительность, которые человеколюбивый Бог явил об этом праведнике. Так как

слово наше сделалось весьма продолжительным, то мы поспешили его окончить, *чтобы* множеством (предметов) не обременить вашей памяти и тем, что можно было бы еще сказать, не повредить тому, что уже было сказано. Мы ведь и заботимся не о том только, чтобы сказать много, но о том, чтобы сказать столько, сколько вы можете удержать в памяти и таким образом выйти отсюда с пользой для себя. В самом деле, если и мы станем говорить больше надлежащего, и вы не будете получать никакого плода от слов наших, то какая от этого польза? Итак, зная, что мы приняли на себя этот труд (проповедания) для вашей пользы и считаем достаточной для себя наградой, если увидим, что вы, тщательно удерживая слова наши (в памяти), преуспеваете (в познании), – и вы слагайте их в недрах души вашей, постоянно размышляя об них и оживляя их в памяти. Помня прежде сказанное, вы можете с большей удобностью принимать и то, что имеет быть сказано, и таким образом со временем сделаетесь учителями и для других. Вся наша забота, все старание о том, чтобы все вы сделались вполне совершенными и не было для вас неизвестным ничто из содержащегося в Божественном Писании. Знание этого последнего, если только мы захотим быть внимательными и бдительными, весьма много поможет нам в улучшении нашей жизни и сделает более ревностными к подвигам добродетели. Когда мы увидим, что каждый из праведников, приобретших великое дерзновение перед Богом, удостоился наград за то, что всю жизнь провел в искушениях и скорбях и показал великое терпение и благодарность (к Богу), – то не постараемся ли и мы идти одинаковым с ними путем, чтобы получить и одинаковые с ними награды? Поэтому прошу вас каждый день делать какое-либо преспеяние (в добре) и увеличивать ваше духовное назидание, сделанное уже добро сохранять тщательно и с великой бдительностью, а чего еще недостает, то

дополнять, дабы таким образом достигнуть вам до самой высоты добродетелей, в похвалу нам, на созидание церкви, во славу Христову. Вот и я, видя ваше неутомимое желание духовного наставления, не перестаю ежедневно, хотя и сознаю великую скудость свою, предлагать вам пиршество из Божественного Писания, и, что подаст мне благодать Божия по своему человеколюбию и для вашей пользы, то передавать вашему слуху. Так покажем же и сегодня любви вашей преизбыток любви, какую Бог явил человеческому роду, и для того предложим самые слова, сказанные Богом Ною. *И рече Бог Ноеви и сыном его* (ст. 8). После того, как благословил Ноя и сыновей его и сказал: *раститеся и множитеся,* дал им власть над всеми животными и позволил употреблять их в пищу так же, как и *зелие травное,* запретив только есть мясо в крови, Бог, продолжая Свою попечительность и о праведнике, и о потомках его, и всегда ущедряя благодеяниями нашу природу, присовокупляет еще большие благодеяния. *И рече,* говорится, *Бог Ноеви и сыном его с ним, глаголя: се аз поставляю завет мой вам, и семени вашему по вас, и всякой души, живущей с вами от птиц, и от скот, и всем зверем земным, елика с вами, от всех изшедших из ковчега. И поставлю завет мой с вами: и не умрет всяка плоть ктому от воды потопныя, и ктому не будет потоп водный, еже истлити всю землю* (ст. 8–11). Так как праведник мог еще подвергаться беспокойству и возмущаться духом от опасения, как бы, если когда случится и небольшой дождь, опять не постиг вселенную такой же потоп, то, чтобы и он и все потомки его были спокойны касательно этого, благой Господь, зная, что и малейшая неприятность будет в состоянии возмутить его (опыт прошлых несчастий может сделать человека весьма робким), — так как этот праведник мог и от малого дождя прийти в смятение и страх, то благой Бог, желая ободрить его, избавить от всякого страха и привести в совершенное спокойствие

и благодушие, обещает ему более не наводить такого наказания.

2. Правда, Он уже обещал это еще прежде благословения, когда говорил, как вы слышали: *не приложу ктому проклятии землю* (Быт. VIII, 21); пусть, то есть, люди будут делать много зла, однако я не подвергну род человеческий такому наказанию. Но вот, являя свое неизреченное человеколюбие, Он опять обещает то же самое, чтобы праведник был спокоен и не рассуждал сам с собой так: Бог и прежде удостоил род наш благословения и дозволил ему размножиться, и однако навел такое всеобщее истребление. Итак, чтобы исторгнуть всякое беспокойство из его ума и удостоверить, что этого более уже не будет, Бог говорит: как потоп Я навел по человеколюбию, чтобы пресечь зло и остановить дальнейшее его распространение, так и теперь по человеколюбию же Моему обещаю впредь не делать этого, дабы вы проводили настоящую жизнь без всякого опасения. Вот для чего Он и говорит: *се поставляю завет мой*, то есть заключаю договор. Как в делах человеческих, когда кто обещает что-нибудь, то заключает договор и тем доставляет надлежащее удостоверение, так и благой Господь говорит: *се поставляю завет мой*. Премудро сказал: *поставляю*, то есть вот Я возобновляю то, что было совершенно разрушено за грехи людей, и *поставляю* (восстановляю) *завет мой вам и семени вашему по вас*. Заметь человеколюбие Господа: простираю, говорит, завет не до вас только, но объявляю, что он будет ненарушим и с вашими потомками. Потом, чтобы показать Свою щедрую благость, говорит: *и всякой души, живущей с вами от птиц, и от скот, и всем зверем земным, елика с вами, от всех изшедших из ковчега. И поставлю завет мой с вами: и не умрет всяка плоть ктому от воды потопныя, и ктому не будет потоп водный, еже истлити всю землю*. Видишь величие завета? Видишь несказанную важность обетований? Смотри, как Он простирает

Свою благость и на бессловесных и на зверей, и – не без причины. Что прежде я часто говорил, то же повторю и теперь. Так как эти животные сотворены для человека, то теперь и они участвуют в благодеянии, оказываемом человеку. Правда, завет кажется равно общим и для него и для бессловесных; но на самом деле не так. И это делается для утешения человека, чтобы он знал, какой он удостоен чести, когда благодеяние не останавливается на нем одном, но из-за него и все эти (животные) участвуют в благости Господа. *И не умрет,* говорит, *всяка плоть ктому от воды потопные, и ктому не будет потоп водный, еже истлити всю землю.* Видишь, как Он и раз, и два, и многократно обещает не наводить более такого всеобщего истребления, чтобы изгнать смущение из мыслей праведника и сделать его спокойным касательно будущего? Далее, взирая не на собственную природу, но на нашу немощь, Бог не довольствуется одним словесным обещанием, но, являя Свое снисхождение к нам, дает и знак, который бы мог, продолжаясь во все века, избавлять род человеческий от опасения подобного несчастья, так что, хотя бы пошел и сильный дождь, хотя бы случилась и необычайная буря, хотя бы приключилось весьма великое наводнение, мы и тогда могли бы не бояться, но быть спокойными, смотря на данный знак. *И рече Господь Бог Ноеви: сие знамение завета, еже аз даю между мною и* тобою (ст. 12). Смотри, какой чести удостоился праведник. Как человек разговаривает с человеком, так и Бог заключает завет с ним, и говорит: *сие знамение завета, еже аз даю между мною и* тобою, *и между всякою душею живою, яже есть с вами в роды вечныя.* Видишь, знамение, обещаемое всем живым существам, простирается на роды вечные? Бог дает знамение не только всем вообще живым существам, но и навсегда, навеки, до скончания мира. Какое же это знамение? *Дугу мою,* говорит, *полагаю во облаце, и будет в* знамении *завета между мною и землею* (ст. 13). Так

вот, после словесного обещания, даю (говорит Бог) и это знамение, то есть радугу, которую некоторые производят от лучей солнечных, падающих на облака. Если, говорит, недостаточно слова Моего, то вот Я даю и знак того, что впредь уже не наведу такого наказания. Смотря на этот знак, будьте уже свободны от страха. *И будет,* говорит, *егда наведу облаки на землю, явится дуга моя во облаце: и помяну завет мой, иже есть между мною и вами и между всякою душою, живущею во всякой плоти* (ст. 14 и 15). Что говоришь ты, блаженный пророк? *Помяну,* говорит, *завет мой,* то есть мой договор, условие, обещание; и это не потому, чтобы Бог сам имел нужду в припоминании, но — чтобы мы, взирая на этот данный знак, не страшились никакой опасности, но тотчас, припомнив обетование Божие, были уверены, что не потерпим подобного несчастья.

3. Видишь, как велико снисхождение Божие, какое прилагает Он попечение о нашем роде, какое оказывает человеколюбие, не потому, чтобы уже видел перемену (к добру) в людях, но — чтобы всем этим внушить нам мысль о безмерном величии Своей благости? *И не будет ктому,* говорит, *вода в потоп, яко потребити всяку плоть*; такого наводнения больше уже не будет. Так как Бог знает, что человеческая природа боится этого, то смотри, как часто Он повторяет обещание, как бы так говоря: если вы когда увидите и сильное пролитие дождей, и тогда не опасайтесь никакого несчастья, потому что *не будет ктому вода в потоп, яко потребити всяку плоть,* такого наводнения уже не будет, такого гнева (Моего) более уже не испытает человеческая природа. *И будет,* говорит, *дуга моя во облаце: и узрю, еже помянути завет вечный между* Богом *и между всякою душею, живущею во всякой плоти* (ст. 16). Смотри, какие употребляет Он смиренные выражения, чтобы внушить людям спокойствие и полную уверенность. *И узрю,* говорит, *еже помянути завет мой.* Так ужели воззрение пробуждает в Нем

память? Нет, не так должны мы думать, но так, что, когда мы увидим этот знак, то можем спокойно полагаться на обетование Божие, (зная, что) обетования Божии не могут не исполняться. *И рече*, сказано, *Бог Ноеви, сие знамение завета, егоже положих между мной и между всякою плотью, яже есть на земли* (ст. 17). Ты получил, говорит, знак, который Я дал (в завет) между мной и всякой плотью, какая только есть на земле; не смущайся же душой и не колеблись умом, но, взирая на этот знак, и сам пребывай благонадежен, и все потомки твои да получают от него успокоение; вид этого знака пусть доставляет уверенность, что такой потоп уже не постигнет вселенную. Пусть умножаются грехи человеческие, но Я исполню Свое обещание, и вперед уже не покажу такого гнева на всех. Видите преизбыток благости Божией? Видите величие снисхождения? Видите силу попечительности? Видите щедрость обетования? Бог не простер Свое благодеяние только на два, на три, или на десять поколений, но обещал соблюсти его до скончания мира, чтобы мы вразумлялись и тем, и другим — и тем то есть, что современники Ноя за множество грехов своих подверглись такому наказанию, и тем, что мы, по неизреченному человеколюбию Божию, удостоились такого обетования. Здравомыслящих ведь к исполнению заповедей Божиих сильнее располагают благодеяния, чем наказания.

Не будем же неблагодарны. Если Бог удостоил вас такого благодеяния еще прежде, нежели мы сделали что-нибудь доброе, а лучше сказать — когда сделали много достойного наказания, то каких еще щедрот Он не удостоит нас, когда мы будем признательны, когда выкажем свою благодарность за прежние (благодеяния) и обнаружим в себе перемену на лучшее? Если Он благодетельствует недостойным и оказывает человеколюбие к согрешившим, то чего мы не получим, когда отстанем от греха и будем творить добродетель. Он для

того и оказывает нам многие благодеяния, прежде нежели мы сделаем что-либо доброе, и удостаивает нас прощения, когда мы согрешим, и наказания (за грехи) насылает не вдруг, — для того, чтобы всем привлечь нас к себе — и благодеяниями и долготерпением. Часто также, наказывая одних, Он хочет внушить другим, чтобы они, вразумясь чужим несчастьем, сами не потерпели наказания. Видишь, как благоизобретательно человеколюбие Его, как все, Им совершаемое, совершается единственно для нашего спасения? Итак, помышляя об этом, не будем безразличны, не будем пренебрегать добродетелью и преступать данные Им законы. Если Он увидит, что мы обращаемся (к добру), делаемся скромны и вообще полагаем хотя некоторое начало (добродетельной жизни), то и с Своей стороны окажет нам помощь, соделывая для нас все легким и удобным и не давая нам даже и почувствовать (тяжесть) подвигов добродетели. И в самом деле, когда душа устремляет мысли свои к Богу, то уже не может обольщаться видом предметов чувственных, но, проходя мимо всего чувственного, вернее этих, находящихся перед нашими глазами предметов, созерцает предметы, невидимые для телесных глаз и не подвергающиеся переменам, но постоянно пребывающие, неизменные и непоколебимые. Таковы умственные очи: они постоянно устремлены к созерцанию небесных предметов, и, озаряемые их блеском, на предметы настоящей жизни смотрят как на тень и сновидение, нисколько не обольщаясь и не увлекаясь ими. Напротив, увидят ли богатство, тотчас посмеиваются ему, зная, что оно непостояннее всякого беглого раба, переходит от одного к другому и никогда не остается на одном месте, да еще причиняет множество зол своим обладателям и низвергает их, так сказать, в самую бездну порока. Увидят ли красоту телесную, — и ею не обольщаются, представляя непрочность ее и изменяемость, — как, например, иногда болезнь уничтожает

всю красоту, даже и без болезни, старость делает прежде благообразное лицо некрасивым и безобразным, а смерть наконец разрушает всю красоту телесную. Увидят ли кого облеченным славой, или властью, достигшим самой высокой степени почестей и наслаждающимся полным благоденствием, – и на него взирают как на человека, который не имеет у себя ничего прочного и неизменного, но гордится тем, что утекает быстрее речных потоков. И в самом деле, может ли что быть ничтожнее всей славы настоящей жизни, когда она сравнивается с цветом травы? *Всяка слава человеча*, говорит Писание, *яко цвет травный* (Ис. XL, 6. 1 Пет. I, 24).

4. Видите, возлюбленные, как верно видят очи веры, когда душа устремлена к Богу? Видите, как они не могут быть обмануты ничем видимым, но имеют правильное суждение о предметах и не подвергаются никакому обольщению? Впрочем, если угодно, опять перейдем к предмету слова, и, предложив еще немногое, прекратим поучение, чтобы сказанное осталось у вас в памяти. Божественное Писание, окончив повествование о Божественном знамении, хочет еще сообщить нам сведение о праведнике и сыновьях его, и говорит: *быша же сынове Ноевы изшедшии из ковчега, Сим, Хам, Иафеф: Хам же бяше отец Ханаань. Трие сии суть сынове Ноевы: от сих рассеяшася по всей земли* (ст. 18 и 19). Здесь можно спросить, для чего Божественное Писание, упомянув о трех сыновьях Ноевых, присовокупило: *Хам же бяше отец Ханаань*? Не подумайте, прошу вас, чтобы это прибавлено было без цели: в Божественном Писании нет ничего такого, что было бы сказано без всякой цели и не заключало бы в себе великой пользы. Так для чего же означено и прибавлено: *Хам же бяше отец Ханаань?* Писание хочет этим указать нам на крайнее невоздержание Хама, на то, что ни столь великое бедствие (потоп), ни такая тесная жизнь в ковчеге, не могли обуздать его, но между тем, как и старший брат его доселе еще не имел

детей, он во время такого гнева (Божия), когда погибала вся вселенная, предался невоздержанию и не удержал необузданной своей похоти, но уже и тогда и так рано обнаружил свои порочные наклонности. И вот, так как спустя немного, за нанесенное им оскорбление отцу, сын его Ханаан должен подвергнуться проклятью, Божественное Писание предварительно уже показывает и делает нам известным и имя сына и невоздержность отца, дабы ты, когда впоследствии увидишь, что он окажет великую непочтительность к родителю, знал, что он давно уже и прежде был таков и не вразумился даже и несчастьем. В самом деле, подобное бедствие могло бы совершенно обуздать сладострастную похоть, да и вообще ничто так не способно потушить этот пламень и это неистовство, как сильная скорбь и великое несчастье. Следовательно, кто и во время столь великого бедствия обнаружил такую необузданную похотливость, тот какого может заслуживать прощения?

Но здесь представляется нам еще другой, столь известный и всюду повторяемый, вопрос: почему за грех отца подвергается проклятью сын? Впрочем, чтобы нам теперь не слишком продолжить слово, отложим этот вопрос до другого времени, и, когда дойдем до того самого места (в котором говорится об этом), тогда предложим и решение, какое внушит Бог. В Божественном Писании, как я выше сказал, нет ничего такого, что было бы написано без какого-либо основания и причины. Итак, мы пока знаем, что Моисей не напрасно и не без цели упомянул об имени сына (Хамова), сказав: *Хам же бяше отец Ханаанъ.* Далее он говорит: *трие сии суть сынове Ноевы, и от сих рассеяшася по всей земли.* Не пройдем без внимания, возлюбленные, и этих слов, но и из них уразумеем величие силы Божией. *Трие,* сказано, *сии суть сынове Ноевы, и от сих рассеяшася по всей земли.* Как это от троих произошло такое множество людей? Как они могли быть способными к этому? Как

от столь немногих образовался весь мир? Как сохранились самые тела их? Тогда не было врача, который бы лечил, не было никаких и других пособий (к сохранению здоровья). Еще не были построены города, а после такого бедствия (потопа) и пребывания в ковчеге, они вышли изнуренными и истомленными. Как же, оставаясь в таком одиночестве и в такой ужасной пустыне, не умерли? Как не погибли? Ведь страх и трепет, скажи мне, разве не потрясал их души и не возмущал их мыслей? Не удивляйся, возлюбленный: все это сделал Бог; все эти препятствия устранил Создатель природы; Его-то повеление, изрекшее: *раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. I, 22), даровало и им (сыновьям Ноя) силу размножения. Так и израильтяне в Египте, хотя и были обременяемы *брением* и *плинфоделанием* (Исх. I, 14), однако, и несмотря на это, размножались еще сильнее, и ни жестокое и бесчеловечное повеление фараона, приказавшего бросать в воду детей мужского пола, ни притеснение, какое они терпели от смотрителей за работами, не могло уменьшить их числа, напротив, они размножались более и более, потому что высшая сила действовала здесь вопреки (желаниям гонителей).

5. Итак, когда повелевает Бог, то не старайся объяснять события по человеческому порядку. Будучи выше природы, Он не подчиняется порядку ее, но устрояет так, что самые препятствия содействуют успеху дела. Так точно и теперь от этих троих (сыновей Ноя) Он населил всю вселенную. *От сих* троих, говорит Писание, (люди) *рассеяшася по всей земли.* Видишь силу Божию, видишь, как, несмотря на множество препятствий, ничто не останавливает Его хотения? То же самое можно видеть и на (христианской) вере. Столько было врагов, столько было гонителей: и цари, и тираны, и народы восставали и употребляли все средства, чтобы погасить искру веры; но вот от самих гонителей, хотевших препятствовать, возгорелся такой пламень благочестия,

что объял все страны, обитаемые и необитаемые. Пойдешь ли ты к индийцам, или к скифам, или на самые пределы вселенной, или даже на океан — везде найдешь учение Христово, просвещающее души всех. То удивительно и необычайно, что вера православная преобразовала и самые варварские народы; и они научились любомудрствовать и, оставив прежние привычки, обратились к благочестию. Как от тех троих (сыновей Ноя) Создатель всяческих произвел такое множество людей, точно так и к вере, посредством одиннадцати рыбарей, неученых, простых, не смевших даже открыть и уста, Он обратил всю вселенную. Эти неученые и простые рыбари заградили уста философам и как бы на крыльях обтекли всю вселенную, посевая в ней слово благочестия, исторгая терния, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малочисленность и простота их, ни строгость (возвещаемых ими) повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям, не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности. Так, однажды, претерпев побои, они пошли из синедриона радуясь, не просто о побоях, но о том, *яко за имя Христово сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41); другой раз, будучи заключены в темницу и выведены оттуда ангелом, они опять стали делать то же, что делали прежде, и придя в храм, сеяли слово учения, уловляя множество людей к благочестию; а потом, будучи опять задержаны, не только не стали от того недеятельнее, но показали еще большее дерзновение, став среди беснующегося и скрежещущего зубами народа, и сказав: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. V, 19–29). Видишь величие дерзновения? Видишь, как простые рыбари презирают такое множество людей, беснующихся и готовых совершить убийство и предать их смерти?

Но, слыша об этом, возлюбленный, приписывай случившееся не самим апостолам, а вышней благодати, которая укрепляла и оживляла их ревность. Вот и сам блаженный Петр, когда исцелил хромого от рождения, и когда все изумлялись и удивлялись ему, с свойственной ему искренностью говорит: *мужие, что на ны взираете, яко своею ли силой или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Отчего, говорит, вы так изумились и удивились этому событию? Разве мы сами сделали это, разве своей силой возвратили ему здоровье и дали способность ходить? *Что на ны взираете?* Мы, со своей стороны, ничего не сделали, а только употребили свой язык (для произнесения слов); все устроил Господь и Создатель природы. Он, *Бог Авраама и Исаака и Иакова,* которых вы почитаете патриархами, Он, *егоже вы предасте и отвергостеся его перед лицом Пилатовым, суждшу оному пустити,* Он сделал это, Он, Его же *вы, святаго и праведнаго, отвергостеся, и испросисте мужа убийцу дати вам. Начальника же жизни убисте, егоже Бог воскреси от мертвых, емуже мы свидетели есмы. И о вере имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вера, яже его ради, даде ему всю целость сию перед всеми вами* (Деян. III, 13–16).

6. Велико дерзновение (апостолов); велика и неизреченна сила благодати, дарованной им свыше! Дерзновение этого блаженного (Петра) может служить очевиднейшим доказательством воскресения. В самом деле, какого еще большего можно требовать знамения, когда тот, кто прежде креста не мог перенести угрозы и от простой служанки, теперь так противостоит иудейскому народу, и один с таким дерзновением является перед такой толпой, столь беспорядочно мятущейся, и говорит ей такие слова, которыми может еще более возбудить ее неистовство? Видишь, возлюбленный, как и теперь оказывается то же, о чем я сказал вначале? Когда кто воспламенится любовью к Богу, то уже не хочет более смотреть на предметы, подлежащие зрению те-

лесному, но имея у себя другие очи, то есть очи веры, постоянно устремляет ум свой к небесным предметам, их созерцает, и, ходя по земле, делает все так, как будто живет на небе, не встречая ни в чем человеческом препятствия к подвигам добродетели. Такой человек не смотрит уже ни на приятности жизни, ни на противные и тяжкие обстоятельства, но, проходя мимо всего этого, поспешает в свое отечество. Как бегущий с великим напряжением по чувственному поприщу не видит встречающихся, хотя бы они тысячу раз сталкивались с ним, но, устремив мысли свои к поприщу и быстро пробегая все, стремится к предположенной цели, так точно и старающийся идти поприщем добродетели и взойти от земли на небо оставляет все видимое внизу, все свое внимание обращает на поприще, и не останавливается, не удерживается ничем видимым, пока не достигнет самого верха (добродетели). Для человека с таким настроением ничего не значит и то, что́ кажется страшным в настоящей жизни: он не боится ни меча, ни пропасти, ни зубов зверей, ни пыток, ни рук палачей, ни другой какой-либо неприятности житейской; нет, пусть положат перед ним горячие уголья, он пойдет по ним, как бы по лугу и саду; пусть угрожают ему другим каким-либо родом мучений, он не цепенеет при виде их и не уклоняется, потому что его душой овладело желание благ будущих, и он, как бы находясь вне тела, становится выше страданий и, будучи подкрепляем высшей благодатью, даже и не чувствует телесных мучений.

Поэтому, прошу, чтобы нам быть в состоянии легко выносить труды добродетели, покажем великую любовь к Богу, и, к Нему устремив наши мысли, не будем никаким предметом настоящей жизни останавливаться на этом поприще, но, помышляя о непрерывном наслаждении будущими благами, станем благодушно переносить все скорби настоящей жизни. Пусть ни бесчестье

не печалит нас, ни бедность не стесняет, ни болезнь телесная не ослабляет бодрости душевной, ни людское презрение и унижение не делает нас менее усердными к подвигам добродетели; но, все это стряся с себя, как пыль, и, приняв бодрое и возвышенное настроение духа, будем таким образом во всем обнаруживать великое мужество и, как я вчера просил любовь вашу, постараемся примириться с врагами и все прочие страсти исторгнем из души нашей. Возмущает ли нас нечистая похоть — изгони ее. Разжигает ли гневливость — утолим этот жар пением духовных наставлений, показывающих гибельность этой страсти. *Муж ярый,* говорит Писание, *не благообразен* (Притч. XI, 25); и в другом месте: *гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). Возмущает ли нашу душу сребролюбие — постараемся бежать от этой губительной заразы, и исторгнем ее, как корень всех зол. Да и каждую из возмущающих нас страстей постараемся исправить, чтобы, воздерживаясь от злых и совершая добрые дела, могли мы в тот страшный день удостоиться человеколюбия Божия, благодатью и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

И начат Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися (Быт. IX, 20, 21)

1. Мы дошли теперь до конца повествования о праведнике (Ное): поэтому, прошу, напрягите ум и тщательно внимайте тому, что говорится. И от сегодняшнего чтения можно получить немалую и не незначительную пользу, потому что все, случившееся с древними (мужами), если только мы захотим быть внимательными,

может доставить нам величайшее назидание. Для того и описаны не только добродетели святых, но и прегрешения их, чтобы мы последних избегали, а первым подражали. Мало этого: Божественное Писание показывает тебе, что и праведники часто падали, и грешники являли великое исправление, чтобы от того и другого мы получали достаточное вразумление, чтобы стоящий (в добре) не предавался беспечности, видя, что и праведники падали, и пребывающий во грехах не отчаивался, зная, как многие (грешники) раскаялись и успели достигнуть самой высокой степени (добродетели). Итак, прошу, никто не гордись, хотя бы и сознавал за собой много добрых дел, но будь осторожен и внимай увещеванию блаженного Павла, который говорит: *темже мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12). И нисшедший до самой глубины зол не отчаивайся в своем спасении, но, помышляя о неизреченном человеколюбии Божием, внимай также Богу, говорящему через пророка: *еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится* (Иер. VIII, 4), и в другом месте: не хочу *смерти грешника,* но чтобы *обратитися, и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Видишь, возлюбленный, что каждое обстоятельство, описанное в Божественном Писании, предано памяти не для чего другого, как только для нашей пользы и для спасения рода человеческого? Помышляя об этом, каждый из нас пусть извлекает оттуда приличное для себя врачевство. Вот почему оно и предлагается всем беспрепятственно, и всякий желающий может извлекать из него свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачевства, но принимал с признательностью. Действительно, из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одного — ни душевного, ни телесного, который не мог бы получить врачевства из Писания. Так, например, приходит ли кто сюда удручаемый печальными обстоятельствами

житейскими, от которых он предается унынию? Придя и тотчас услышав слова пророка: *вскую прискорбна еси душе моя; и вскую смущаеши мя; уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой* (Пс. XLI, 6, 7) – он получает достаточное утешение, и уходит отсюда, совершенно свободный от уныния. Другой скорбит и печалится, будучи обременяем крайней бедностью и видя, как другие окружены богатством, пышностью и великолепием; но и он слышит опять слова того же пророка: *возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитает* (Пс. LIV, 23), и еще: *не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его: яко внегда умрети ему, не возмет вся* (Пс. XLVIII, 17, 18). Иной унывает, претерпевая от других оскорбления и клеветы, и считает жизнь свою невыносимой, потому что не может ниоткуда получить человеческой помощи; но и этот научается тем же блаженным пророком не прибегать в подобных обстоятельствах к человеческой помощи, слыша слова его: они *оболгаху мя, аз же моляхея* (Пс. CVIII, 4).

Видишь, где он ищет помощи? Другие, говорит, строят козни, клеветы и наветы; а я прибегаю к несокрушимой стене, к благонадежному якорю, к безмятежной пристани, – к молитве, посредством которой все трудное для меня делается легким и удобным. Иной опять терпит пренебрежение и презрение от тех, которые прежде угождали ему, оставляется друзьями, и это крайне огорчает и возмущает душу его; но и он, если захочет прийти сюда, услышит слова того же блаженного (Давида): *друзи мои и искреннии мои прямо мне приближишася и сташа, и ближнии мои отдалече сташа, и нуждахуся ищущии душу мой, и ищущии злая мне, глаголаху суетная и льстивным весь день поучахуся* (Пс. XXXVII, 12, 13). Видишь ли, враги Давида простирали козни свои до самой смерти и объявили ему непрерывную войну, – слова: *весь день*, означают то же, что во всю жизнь. Что же делал Давид, когда они строили такие козни против него? *Аз же*, го-

ворит он, *яко глух не слышах, и яко нем, не отверзаяй уст своих: и бых яко человек не слышай, и не имый во устех своих обличения* (ст. 14 и 15). Видишь великую силу любомудрия, как он побеждал (врагов) противными средствами? Враги строили козни, а он заграждал и слух свой, чтобы вовсе и не слышать; те ни на минуту не переставали и изощрять язык и говорить напраслину и лесть, а он молчанием укрощал их неистовство. Почему же он так вел себя? Почему в то время, когда враги столько ухитрялись против него, он поступал так, как будто бы был глух и безгласен, не имел ни слуха, ни языка? Послушай, какую он сам представляет причину такого любомудрия своего: *яко на тя Господи, уповах* (ст. 26). Так как я, говорит, на Тебя возложил всю свою надежду, то нисколько не забочусь о том, что делают эти (враги). Твоя сила может рассеять все, уничтожить все их козни и хитрости и не попустить замыслам их прийти в исполнение.

2. Видите, как можно здесь (в Писании) получить врачевство, соответственное каждому несчастью, постигающему человеческую природу, отринуть всякую скорбь житейскую и не сокрушаться ни от каких обстоятельств? Поэтому, прошу вас, чаще приходите сюда, внимательно слушайте чтение Божественного Писания, и не только когда бываете здесь, но и дома берите в руки священные книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя. Велика действительно польза, которая от них происходит: во-первых, от чтения их образуется язык; потом, и душа окрыляется и делается возвышенной, будучи озаряема светом Солнца правды, освобождаясь в это самое время (чтения) от нечистоты порочных помыслов, и наслаждаясь великим миром и спокойствием. Что телесная пища для поддержания наших сил, то же — и чтение (Писания) для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильной, твердой и мудрой, не позволяя ей увлекаться

неразумными страстями, напротив, еще облегчая полет ее и вознося ее, так сказать, на самое небо. Не будем же, прошу, нерадеть о такой пользе, но станем и дома заниматься внимательным чтением Божественного Писания, и придя сюда (в церковь), не тратить время на пустые и бесполезные разговоры, но для чего пришли, на то и обращать все наше внимание и слушать читаемое, чтобы выйти отсюда с каким-нибудь приобретением. Если же вы, придя сюда, будете проводить время в неуместных и пустых разговорах и возвращаться домой без всякого приобретения, то что пользы от этого? Не странно ли будет, что тогда как приходящие на житейское торжище стараются принести оттуда домой все, что только можно получить на этом торжище, хотя и с тратой денег, приходящие сюда, на это духовное торжище, не станут употреблять всех усилий, чтобы возвратиться отсюда, получив что-нибудь полезное и сложив это в свою душу, особенно когда для этого не нужно тратить и деньги, а следует только показать усердие и душевную готовность? Итак, чтобы нам не быть хуже посещающих житейские торжища, постараемся выказывать великую заботливость и неусыпную внимательность, чтобы выходить нам отсюда с запасом, которого было бы достаточно не только для нас самих, но и для снабжения других, — чтобы могли мы исправлять и жену, и рабов, и соседей, и друга, и даже врага. А таково духовное учение, что оно предлагается всем вообще и без всякого различия, разве только кто превзойдет ближнего напряженной внимательностью и пламенным усердием. Итак, если такова польза от предлагаемого здесь учения, то изъясним сегодняшнее чтение, и извлекши из него пользу, возвратимся таким образом домой.

И начат, говорит Писание, *Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися* (Быт. X, 20, 21). Смотри, какую пользу может доставить

нам самое начало этого чтения. В самом деле, когда услышим, что муж праведный, совершенный, получивший небесное о себе свидетельство, испил вина и упился, то как же мы, погрязнувшие в столь многих и различных грехах, не постараемся со всем усилием избегать гибельного пьянства? Ведь неодинакова вина в том, что этот праведник подвергся этому пороку, и что мы впадаем в него же. Есть много обстоятельств, которые делают его (праведника) достойным извинения. Говорю это, впрочем, не в защиту пьянства, но для объяснения, что праведник согрешил не по невоздержанию, но по неведению. И что он не вдруг дошел до употребления вина, слушай, как само Писание говорит об этом и защищает его следующими словами: *и начат Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися.* Это самое выражение, *начат,* уже показывает, что он положил начало употреблению вина, и подвергся опьянению по совершенному неведению и по незнанию меры употребления вина. Кроме того, (можно сказать) и то, что он, чувствуя великую скорбь, хотел получить от того утешение, как говорит и премудрый: *дадите сикера сущим в печалех, и вино в болезнех* (Притч. XXXI, 6), показывая этим, что ничто не может быть столь полезным врачевством против печали, как употребление вина, только бы неумеренность не уничтожала происходящей от него пользы. А что этот праведник находился в печали и унынии, видя себя в такой пустыне и имея перед своими глазами поверженные трупы и людей, и скотов, и зверей, и землю, соделавшуюся общим для всех гробом, – кто будет спорить против этого? Пророкам и всем праведникам свойственно скорбеть не только о близких к ним, но и о прочих людях. Кто захочет припомнить, тот найдет, что все они оказывали такое сострадание. Так он услышит, что Исаия говорит: *не належите утешати мя о сокрушении дщере рода моего* (Ис. XXII, 4); Иеремия: *кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез*

(Иер. IX, 1); Иезекииль: *о, люте мне, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Иез. IX, 8); что Даниил плачет и говорит: ничтожными сделал нас у всех народов; Амос: *раскайся о сем Господи* (Ам. VII, 3); Аввакум: *вскую мне показал еси труды и болезни,* и в другом месте: *и сотвориши человеки, яко рыбы морские* (Авв. I, 3, 14); он услышит также, что и самый блаженный Моисей говорит: *аще убо оставиши им грех, остави, аще же ни, изглади и мя* (Исх. XXXII, 32); он же, когда Бог обещал сделать его властителем многочисленнейшего народа и сказал: *остави мя, и потреблю* этих людей *и сотворю тя в язык велик* (ст. 10), не согласился и на это, но захотел лучше остаться вождем евреев. И учитель вселенной, блаженный Павел, говорит: *молихбыхся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти* (Рим. IX, 3).

3. Видите, как каждый из праведников показывал великое сострадание к ближним? Представьте же себе положение этого праведника (Ноя), и судите, сколько он должен был страдать и удручаться скорбью, смотря на такую безмерную пустыню, видя, как та самая земля, которая прежде покрыта была столь многими растениями и украшалась цветами, вдруг была как бы острижена и сделалась обнаженной и пустынной. Итак, когда его обременяла великая скорбь, он, желая доставить себе хотя малое утешение, обращается к земледелию, как и говорит Писание: *и начат Ное человек делатель быти земли, и насади виноград.*

Но здесь уместно спросить: теперь ли только он изобрел это растение (виноград), или оно произведено было еще в самом начале? Надобно думать, что оно сотворено еще в самом начале, в шестой день, когда *виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. I, 31), так как Бог, сказано, *почи в день седмый от всех дел своих, яже сотвори* (II, 2), только не было известно употребление этого растения. Если бы это растение и плод его были известны людям в самом начале, то, конечно, и Авель,

принося жертвы, возливал бы и вино. Но так как тогда еще не знали употребления этого плода, то и не пользовались этим растением. А (Ной), предавшись искусству земледелия и занимаясь им с великим усердием, может быть, вкусил и плода виноградного, выжал гроздья и, сделав вино, употребил его. Но так как он и сам не вкушал его прежде и никого другого не видал вкушавшим, то не зная, в какой мере надобно употреблять и как принимать его, по неведенью и впал в опьянение. С другой стороны, так как уже введено было между людьми употребление мяса, то следовало (ввести) и употребление вина. Смотри же, возлюбленный, как мир, мало-помалу, устрояется, и каждый, по вложенной Богом в природу его премудрости, делается еще в начале изобретателем какого-либо искусства, и таким образом вводятся в жизнь искусственные изобретения. Так, один изобрел земледелие, другой после него пастушество, иной — скотоводство, иной — музыку, иной — искусство ковать медь, а этот праведник изобрел искусство возделывать виноград, по внушению врожденной ему мудрости. *И начат,* говорит Писание, *Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися.* Смотри, как это врачевство против скорби, пособие к поддержанию здоровья, когда преступило за пределы умеренности по неведению, не только не принесло никакой пользы, но и повредило его состоянию.

Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же это растение, производящее столько зла, введено в употребление между людьми? Не говори, возлюбленный, так необдуманно. Не растение зло и не вино худо, но злоупотребление им. А что не от вина происходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и что происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность, это показывает тебе (Писание), когда говорит о начале употребления вина уже после потопа, дабы ты знал, что природа человеческая еще прежде употребления вина,

дошла до крайнего развращения, и совершила великое множество грехов, когда еще и вино не было известно. Итак, видя употребление вина, не вину приписывай все зло, но воле, развращенной и уклонившейся к нечестью. С другой стороны, помысли, человек, и о том, на какое употребление сделалось полезным вино, и вострепещи. При его помощи совершается благодатное таинство нашего спасения. Посвященные знают, о чем говорю. *И начат,* сказано, *Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися, и обнажися в дому своем* (ст. 21). Дурное, возлюбленный, дурное дело пьянство; оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем оно делает как бы мертвым и бездейственным и заставляет лежать, как бы связанного какими неразрешимыми узами; или лучше сказать, — делает его хуже и мертвого. В самом деле, последний бывает равно бездействен и по отношению к добру и по отношению к злу, а первый по отношению к добру бездействен, но по отношению к злу более прежнего деятелен, и становится предметом посмеяния для всех — для жены, для детей и для самих рабов. Друзья, видя унижение его, закрываются и стыдятся, а враги радуются, смеются и ругаются над ним, как бы так говоря: неужели он достоин дышать воздухом? Называют его скотиной, нечистым животным, и другими еще презреннейшими именами. И точно, пьяные бывают хуже людей, возвращающихся с войны, у которых руки обагрены кровью, и которые тянутся беспорядочной толпой. Этих, может быть, иные еще прославляют за трофеи, за победы, за раны и поражение (врагов); но тех все презирают, называют несчастными и желают им бесчисленных зол. В самом деле, может ли быть что несчастнее человека, преданного пьянству, каждый день наполняющего себя вином и теряющего рассудок? Потому-то премудрый и дает такое наставление: *начало жития человеча вода, и*

хлеб, и риза, и дом, покрываяй студ (Сир. XXIX, 24), чтобы, если случится кому впасть в опьянение, такой не выходил из дома и не показывался никому, но был укрываем своими домашними и не сделался предметом посмеяния и презрения для всех. *И начат,* сказано, *Ное человек делатель быти земли, и насади виноград: и испи от вина, и упися.*

4. Название упоения, возлюбленный, в Священном Писании не всегда означает опьянение, но и насыщение. Потому и об этом праведнике можно сказать, что не по невоздержанию он впал в упоение, но случилось это с ним от насыщения. Так Давид говорит: *упиются от тука дому твоего* (Пс. XXXV, 9), то есть насытятся. Между тем предающиеся пьянству никогда не чувствуют сытости, но чем более вливают в себя вина, тем более разжигаются жаждой, так что употребление (вина) служит у них к увеличению жажды, и, хотя чувство удовольствия в них уже пропадает, но жажда к (вину), сделавшись неутолимой, повергает в самую бездну опьянения этих пленников пьянства. *И насади,* говорит Писание, *виноград, и испи от вина, и упися и обнажися в дому своем.* Заметь, это случилось с ним не где-нибудь вне, но в своем доме. Священное Писание для того и означило, что (это случилось) *в дому своем,* чтобы из последующего ты усмотрел крайность нечестия того, кто открыл наготу (Ноя). *И виде,* сказано, *Хам, отец Ханаань, наготу отца своего, и изшед вон поведа обема братома своима* (ст. 22). Если бы были еще и другие (люди), он, может быть, и им открыл бы срамоту отца: таково было злонравие этого сына. Поэтому-то, дабы ты знал, что он уже прежде и с самой ранней поры был развращен душой, Писание не сказало просто, что *виде Хам наготу отца своего,* но как? *И виде Хам, отец Ханаань.* Для чего, скажи мне, оно и здесь упоминает об имени его сына? Для того, чтобы ты знал, что он был человек похотливый и невоздержный, и по той же (развращенной) воле,

по которой он не воздержался от деторождения при таких обстоятельствах (во время потопа), и теперь оскорбил родителя. *И изшед вон,* сказано, *поведа обема братома своима.* Заметь здесь, возлюбленный, что начало греха лежит не в природе, но в душевном расположении и в свободной воле. Вот, ведь все сыновья Ноевы одной и той же природы и братья между собой, имели одного отца, родились от одной матери, воспитаны были с одинаковой заботливостью, и несмотря на то, обнаружили неодинаковые расположения — один уклонился к злу, а другие оказали отцу должное почтение. Он, может быть, рассказывая о случившемся, еще издевался и насмехался над посрамлением отца, не внимая премудрому, который говорит: *не славися в безчестии отца твоего* (Сир. III, 12). Но братья его не так поступили, а как? Услышав об этом, сказано, *веземши Сим и Иафеф ризу, возложиша ю на обе раме свои, и идоша вспять зряще, и покрыта наготу отца своего: и лице их вспять зря, и наготы отца своего не видеша* (ст. 23). Видишь ли скромность этих сыновей? Тот разгласил, а они не хотят даже и видеть, но идут с обращенным назад лицом, чтобы, подойдя ближе, прикрыть наготу отца. Смотри также, как они, при великой скромности, были еще кротки. Они не упрекают и не поражают брата, но услышав (рассказ его), об одном только заботятся, как бы скорее исправить случившееся и сделать, что требовалось для чести родителя. *И лице их,* сказано, *вспять зря, и наготы отца своего не видеша.* Велика почтительность этих сыновей к отцу своему: они, как показывает Писание, не только прикрыли (наготу отца), но не хотели и видеть ее. Вразумимся же этими (двумя) примерами, и из того и другого извлечем для себя пользу: последним (Симу и Иафету) будем подражать, а от подражания первому (Хаму) воздерживаться. Если, в самом деле, открывший чувственную наготу подверг себя проклятию и, лишившись одинаковой с братьями части, осужден служить

им, хотя не он сам, так все потомки его, то чему подвергнутся те, которые обнаруживают грехи братьев и не только не прикрывают их, но стараются еще сделать более известными, и через это размножают грехи? Ведь, когда ты обнаружишь грех брата, то не только его сделаешь, может быть, более бесстыдным, и нерасположенным к возвращению на путь добродетели, но и тех, кто будет слушать тебя, более укоренишь в беспечности и расположишь к упорству во зле; мало этого, ты подашь повод и к хуле на Бога. А какое наказание ожидает подающих повод (к этому греху), всякому известно. Будем же, прошу, избегать бесстыдства Хамова, а станем подражать целомудрию этих скромных сыновей, которое они обнаружили по отношению к наготе отца, и таким образом будем прикрывать грехи братьев, не для того, чтобы располагать их к нерадению, но чтобы, напротив, этим сильнее побудить их к скорейшему освобождению от заразы греховной и возвращенью на путь добродетели. Действительно, для человека внимательного неимение свидетелей грехов его облегчает исправление; напротив, когда душа потеряет стыд и увидит, что ее преступления известны всем, то не скоро решится исправиться, но, как бы упав в глубокое болото и увлекаясь множеством волн все ниже и ниже, будет уже не в состоянии всплыть наверх, впадет, наконец, в отчаяние и потеряет надежду на исправление.

5. Поэтому, прошу, не будем ни сами открывать прегрешений наших ближних, ни, когда узнаем об них от других, домогаться увидеть наготу их, но, подобно упомянутым добрым сыновьям, прикроем ее, и постараемся исправить падшую душу увещаниями и советами, напоминая ей о величии человеколюбия Божия, о беспредельной благости и безмерном милосердии Его, чтобы нам удостоиться большего, нежели те (сыновья Ноя), благословения от Бога всяческих, *иже*

всем человеком хощет спастися и в разум истины приити (1 Тим. II, 4), и не хочет *смерти грешника, по еже обратитися и живу бити ему* (Иез. XVIII, 23). *И наготы отца своего,* сказано, *не видеша.* Смотри, как они в такое древнее время, руководствуясь только естественным законом, исполнили уже то, что после установлено в законе писанном для научения рода человеческого. Закон говорил: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет* (Исх. XX, 12), и еще: *иже злословит отца своего, или матерь свою, смертью да умрет* (XXI, 17); а они это самое уже исполнили на деле. Видишь, как природа еще раньше (закона) имеет достаточного учителя (добродетели)?

Истрезвися же, говорит Писание, *Ное от вина, и разуме, елика сотвори ему сын его юнейший* (ст. 24). *Истрезвися,* сказано. Пусть слышат проводящие все время в пиршествах, сколь велик вред от упоения, и пусть бегут от этой заразы. *Истрезвися,* сказано. Что значит: *истрезвися?* Что мы обыкновенно говорим о беснующихся, когда они приходят в себя, именно, что такой-то очувствовался и освободился от власти демона, то же и здесь сказало Писание. Действительно, пьянство есть своевольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность. Видя бесноватого, мы часто жалеем об нем, соболезнуем и обнаруживаем к нему глубокое сострадание; но при виде пьяного поступаем напротив: негодуем, сердимся, произносим тысячу укоризн. Почему и за что? Потому, что одержимый злым демоном, что ни делает, делает невольно: бьется ли он, рвет ли одежду, или произносит какие-либо срамные слова, все это ему прощается; но пьяный, что ни сделает, ни в чем не заслуживает извинения, напротив — и домашние, и друзья, и соседи, и все строго осуждают его, потому что он сам по своей воле дошел до этого несчастного положения, сам предал себя во власть пьянству. И это говорю не с тем, чтобы осудить праведника. Много было обстоятельств,

которые оправдывают его, и между прочим то, что после он уже не впадал в подобное состояние, а это служит несомненным доказательством, что и прежнее прегрешение он допустил не по беспечности, а по неведению. В самом деле, если бы он допустил это по беспечности, то, конечно, и в другой раз увлекся бы той же страстью; но этого с ним уже не случилось. Если бы он еще раз впал в то же состояние, Писание не умолчало бы об этом, но сообщило бы нам, потому что единственный предмет и единственная цель Божественного Писания состоит в том, чтобы не опускать ни одного события (из жизни праведников), но сообщать нам истинное понятие обо всем. Оно не умалчивает и о добродетелях праведников по зависти, и не прикрывает их прегрешений по пристрастию, но все представляет нам на вид, чтобы мы имели перед собой образец и урок, и, если когда по беспечности впадем в какой-либо грех, то чтобы береглись, как бы опять не сделать того же греха. Не так ведь преступно грешить, как закосневать во грехе. Итак, смотри не на то, что праведник (Ной) упился, но на то, что он более уже не подвергался этому. А вот о чем подумай, как иные ежедневно истощают себя и почти, можно сказать, умирают в пьянстве; и если когда придут в чувство, то и тогда не убегают от этой заразы, но опять принимаются за то же, как бы за какое важное дело. Подумай еще и о том, что этот праведник, если, по неопытности и по незнанию меры употребления, выпив вина, и упился, то, как праведник, имевший много добродетелей, он мог прикрыть (своими добродетелями) случайное прегрешение; а мы, если при множестве других, обладающих нами страстей, будем еще предаваться пьянству, в чем, скажи мне, найдем себе извинение? Кто окажет нам снисхождение, когда мы не вразумляемся и самим опытом? *Истрезвися же,* сказано, *Ное от вина и разуме, елика сотвори ему сын его юнейший.* Откуда он узнал это? Может быть, братья рассказали,

не с тем, чтобы обвинить брата, но чтобы объяснить дело, как оно происходило, дабы Хам получил соответственное своей болезни врачевство. *И разуме,* сказано, *Ное, елика сотвори ему сын его юнейший.* Что значит: *елика сотвори?* То есть, сколь великий и непростительный грех (Хам сделал). В самом деле, подумай, что он, как увидел внутри дома срамоту (отца), вместо того, чтобы прикрыть ее, выйдя из дома, разгласил об ней, подверг отца, сколько мог, посмеянию и поруганию, хотел и братьев сделать сообщниками своего гнусного поступка; и тогда как следовало ему, если уже он решился объявить братьям, позвать их в дом и там сказать им о наготе (отца), он вышел вон и объявил о наготе его так, что, если бы случилось тут множество других людей, он и их сделал бы свидетелями срамоты отца. Вот почему сказано: *елика сотвори,* то есть нанес оскорбление отцу, забыл о почтении, какое дети обязаны воздавать родителям, обнаружил прегрешение (отца), хотел и братьев увлечь и сделать сообщниками в своей дерзости. *Елика сотвори ему,* сказано, *сын его юнейший.* Хам, конечно, не был самым младшим; он был второй и старше Иафета. Но, если Он и был старше его по возрасту, за то по душе оказался моложе, и дерзость поставила его ниже (младшего брата). Так как он не хотел остаться в своих пределах, то и потерял честь, предоставленную ему природой, и как он злой своей волей потерял то, что имел от природы, так Иафет, чего не имел от природы, то приобрел доброй волей.

6. Видишь, как в Божественном Писании нет ничего, что было бы сказано без цели и случайно? *Елика сотвори ему,* сказано, *сын его юнейший. И рече: проклят Ханаан отрок: раб будет братиям своим* (ст. 25). Вот мы дошли до вопроса, который везде повторяется. От многих можно слышать следующие слова: почему это, когда отец согрешил и открыл наготу, подвергается проклятию сын? Так, прошу, со вниманием выслушайте и при-

мите от меня разрешение этого (вопроса). Я скажу то, что внушит мне благодать Божия для вашей пользы. *И рече: проклят Ханаан отрок: раб будет братиям своим.* Не без цели и не напрасно упомянуло Писание о сыне (Хама), но по некоторой сокровенной причине. Ной хотел и наказать Хама за его преступление и нанесенное ему оскорбление, и вместе не нарушить благословения, данного уже Богом: *благослови,* сказано, *Бог Ноя и сыны его,* когда они вышли из ковчега (Быт. IX, 1). Итак, чтобы не показалось, что он проклинает того, кто уже получил благословение от Бога, Ной оставляет пока самого оскорбителя, а налагает проклятие на его сына. Правда, скажет иной, из этого видно, что Ной потому не проклял Хама, что этот получил благословение от Бога: но почему за грех отца подвергается наказанию сын? И это не без причины. В самом деле, Хам не меньше сына потерпел наказание и чувствовал мучение. Вы, конечно, знаете, как часто отцы готовы бывают вытерпеть наказание за детей своих, и как для них гораздо мучительнее видеть детей страдающими, нежели самим страдать. Итак, сделано это (то есть вместо Хама наказан сын его) для того, чтобы и отец по естественной любви к сыну потерпел тягчайшую скорбь, и благословение Божие осталось ненарушимым, и сын, подвергшийся проклятью, понес наказание за собственные грехи, потому что, хотя он теперь подвергается проклятью за грех отца, но, вероятно, был наказан и за собственные грехи. Он подвергся проклятью не только за грех отца, но без сомнения и для того, чтобы в нем (сыне) отец понес тем большее наказание. Что ни отцы за детей, ни дети за отцов не подвергаются наказанию, но каждый наказывается за свои грехи, об этом говорят пророки во многих местах. Так, например, они говорят: *ядшему кислая оскоменятся зубы* (Иер. XXXI, 29); еще: *душа согрешающая, та умрет* (Иез. XVIII, 20), и еще: *да не умрут отцы за сыны, и сынове да не умрут*

за отцы (Втор. XXIV, 16). Итак, прошу, никто из вас, не зная цели Божественного Писания, не дерзай порицать написанного в нем, но с благодарностью принимай слова его, удивляйся точности Божественного Писания и размышляй о том, какое великое зло грех. Вот, в самом деле, брата, рожденного одной и той же матерью, происшедшего из одной и той же утробы, грех сделал рабом и, лишив свободы, привел в подчинение. Отсюда-то началось рабство. До того времени между людьми не было такой изнеженности и такой роскоши, чтобы один нуждался в услужении других, но каждый служил сам себе, все были в равной чести и не было никакого неравенства. А как явился грех, то и нарушил свободу, и уничижил достоинство, дарованное людям от природы, и ввел рабство, дабы это было постоянным уроком и внушением роду человеческому – убегать рабства греха и стремиться к свободе добродетели. Поэтому если раб и господин хотят постоянно получать от этого пользу, то пусть раб помышляет о том, что он сделался рабом, потому что Хам оказал такую дерзость, а господин, с своей стороны, пусть представляет, что подчинение и рабство произошли не от чего другого, как от того, что он же (Хам) обнаружил злую волю и лишился равной с братьями чести.

7. Впрочем, если мы будем внимательны, то все это, появившееся в жизни за грехи наших прародителей, нисколько не сможет повредить нам, а останется одним только названием. Так, первый человек за преступление подвергся осуждению смерти и положил начало жизни в печалях и трудах, а Хам ввел рабство. Но пришедший (на землю) Господь Христос сделал, что все это будет только одним названием, если мы захотим того. В самом деле, и теперь уже смерть не смерть, но только носит название смерти, а лучше сказать, и самое название ее уничтожено: мы уже не называем ее и смертью, но спокоением и сном. Так Сам Христос ска-

зал: *Лазарь друг наш успе* (Ин. XI, 11); и Павел в послании к Солунянам говорит: *не хощу вас, братие, неведети о умерших* (об усопших – 1 Сол. IV, 13). Подобным образом и рабство теперь одно имя: раб тот, кто делает грех. А что Христос, придя на землю, уничтожил и это (рабство) и оставил одно только имя его, или – лучше сказать – уничтожил и самое имя, об этом послушай Павла, который говорит: *имущии же верных господий, да не нерадят о них, понеже братия суть* (1 Тим. VI, 2). Видишь, как добродетель лишь только явилась, то и привела в братское сродство тех, которые дотоле связаны были именем рабства. *И будет,* сказано, *Ханаан отрок раб братиям своим.* Ты не воспользовался, говорит, по надлежащему честью, не вынес счастья – быть равным по достоинству (с братьями), – потому хочу, чтобы ты вразумился подчинением. То же случилось и в начале с женой. И она имела равную честь с мужем, но так как нехорошо воспользовалась дарованной ей честью, то и лишилась власти и услышала: *к мужу твоему обращение твое, и той тобой обладати будет* (Быт. III, 16). Ты не умела, говорит, хорошо пользоваться властью, так научись лучше хорошо повиноваться, нежели худо управлять. Подобным образом и Хам теперь подвергается осуждению для своего вразумления, и терпит наказание в своем сыне, дабы известно было тебе, что, если сам он был уже и стар, за то наказание перейдет на его сына; а это сделало жизнь его скорбной и мучительной, от мысли, что, и после его смерти, сын его должен нести наказание за его проступок. Впрочем, и сын его был сам по себе порочен, и все потомки его были развращенны и уклонились к нечестью; об этом послушай, что говорит Писание с проклятием: *отец твой Аморреанин, и мати твоя Хеттеяныня* (Иез. XVI, 3); и в другом месте с укоризной: *племя Ханаане, а не Иудино* (Дан. XIII, 56). Но узнав, какому наказанию подвергся открывший наготу отца, надобно уже выслушать и то,

каких наград удостаиваются оказавшие такое уважение и почтение к отцу. *И рече*, сказано, (Ной): *благословен Господь Бог Симов: и будет Ханаан отрок* его (ст. 26). Это, может быть, скажет кто, не значит благословить Сима. Напротив, здесь Ной преподал ему самое высокое благословение. В самом деле, когда Бог прославляется и благословляется людьми, тогда Он, обыкновенно, подает обильнейшее благословение Свое тем, ради которых Сам благословляется. Поэтому Ной, благословив Бога, как бы обязал Его к большему благословению и приобрел Симу большее воздаяние, нежели когда бы он сам от себя благословил его. Как в том случае, когда Бог за нас благословляется, Он удостаивает нас великого Своего благословения, так, напротив, когда другие из-за нас хулят Его, тогда мы подвергаемся тем большему осуждению за то, что подали повод к этому. Постараемся же, прошу, жить так и являть такое преспеяние в добродетели, чтобы взирающие на нас возносили к Господу Богу песни благословения. Он, благой и человеколюбивый, желает прославляться через нас, не потому, чтобы Сам получал от того какое-либо приращение собственной славы, — Он не имеет ни в чем недостатка, — но для того, чтобы мы подавали Ему случай удостаивать нас больших милостей. *Благословен Господь Бог Симов, и будет Ханаан отрок ему.* Видишь, как он (Ной) налагает (на Хама) отеческое наказание, которое скорее есть вразумление, нежели наказание? Он был ведь отец, и отец чадолюбивый; и хотел не столько наложить достойное наказание, сколько пресечь дальнейшее распространение зла. Для того, говорит, я осуждаю тебя на рабство, чтобы ты имел постоянное и неизгладимое напоминание (о своем грехе). Далее говорит: *да распространит Бог Иафефа, и да вселится в селениих Симовых, и да будет Ханаан отрок* его (ст. 27). И это опять есть величайшее благословение, в котором, может быть, заключается некоторое прикровенное сокро-

вище. *Да распространит,* говорит, *Бог Иафефа.* Не ошибется, кто скажет, что благословения этого праведника суть пророчество. В самом деле, если отец его дал ему такое имя (Ноя), не без цели и не напрасно, но чтобы этим именем предвозвестить будущий потоп, то тем более сам этот праведник не без цели и не напрасно изрек свои благословения. Посредством этих благословений, изреченных Симу и Иафету, он, кажется мне, предвозвестил призвание двух народов, именно: через Сима – иудеев, так как от него произошел патриарх Авраам и народ иудейский, а через Иафета – призвание язычников. Так, вот какое предсказание заключается в этом благословении: *да распространит Бог Иафефа, и да вселится в селениих Симовых.* Это и в самом деле, как мы видим, исполнилось над язычниками. Словом *да распространит* он указал на всех язычников, а словами: *да вселится в селениих Симовых* (дал разуметь), что язычники воспользовались всем, что было предназначено и уготовано для иудеев. *И да будет Ханаан отрок* его.

8. Видишь, какие награды получили Сим и Иафет за свою скромность, и какое бесчестье навлек на себя Хам своей дерзостью. Будем же постоянно содержать это в нашем уме, чтобы могли мы быть подражателями и ревнителями первых и избегать злой воли и крайней дерзости последнего. *Поживе же,* сказано, *Ное по потопе лет триста пятдесят: и быша вси дние Ноевы, лет девятьсот пятдесят, и умре* (ст. 28 и 29). Не подумай, будто Божественное Писание заметило это без цели, но и отсюда усматривай воздержание праведника, как он, хотя и наслаждался спокойствием и изобилием, и прожил еще столько лет по выходе из ковчега, однако во все это время воздерживался от деторождения. Писание не упоминает, чтобы он имел еще других детей, кроме этих троих. Из этого опять заключай о великом невоздержании Хама, который не вразумлялся и примером отца, показавшего такое воздержание, но поступал во

всем противно отцу. Потому и справедливо все потомство его осуждалось на рабство, чтобы этим обуздывались его злые наклонности. Затем Божественное Писание повествует о детях сыновей (Ноевых), и говорит: Хам же родил Хуса; далее: *Хус же роди Неврода: сей начат быти исполин на земли: сей бе исполин ловец пред Господем* (Быт. X, 6, 8). Некоторые говорят, что слова: *пред Господем*, значат – *против Господа*, но я не думаю, чтобы Божественное Писание хотело выразить это, но – то, что Неврод был человек сильный и мужественный. Выражение *пред Господом Богом* может еще означать или то, что этот человек был воздвигнут Богом, от Него получил благословение, или то, что через него должен был прославляться Бог, произведший и явивший на земле такого мужа. Но и этот человек, подражая своему прародителю и не по надлежащему воспользовавшись естественными преимуществами, изобрел другой род рабства и сам замыслил сделаться начальником и властителем; а таким он не был бы, если бы не было подвластных. Впрочем, это состояние подчиненных кажется мне скорее свободой. А вот самое тяжкое рабство, когда хвалящиеся свободой раболепствуют! Смотри еще, что делает любостяжание; смотри, как телесная сила не остается в собственных пределах, но всегда гонится за большим и ищет славы. (Неврод) подчинил себе людей не для того, чтобы заботиться о их безопасности; нет, он строил еще и города для того, чтобы господствовать над врагами. *Оттуда, от земли тоя,* сказано, *изыде Ассур, и созда Ниневию* (ст. 11). Заметь здесь, между прочим, что нечестие предков не расстраивает вовсе нашу природу. Вот эти ниневитяне, которые своим покаянием заслужили милосердие Божие и отклонили (произнесенный на них) приговор Господа, имели прародителем сперва Хама, этого оскорбителя своего отца, а потом Неврода, человека жестокого и гордого, от которого произошел Ассур. Может быть,

между ними были и другие, изнеженные и сластолюбивые люди, проводившие жизнь порочную и невоздержную, и преданные пьянству, смехотворству, шуткам и насмешкам. Но так как ниневитяне захотели показать искреннее раскаяние, то нечестие предков и не повредило им; напротив, они приобрели такое благоволение свыше, что даже доныне прославляются за свой подвиг покаяния.

Итак, им-то будем и мы подражать, и зная, что ни пороки предков не повредят нам, если только сами захотим быть внимательны, ни добродетели предков не принесут нам никакой пользы, если сами мы будем беспечны, — употребим все старание о добродетели и покажем во всем добрую свою волю, чтобы нам получить то же благословение, какое (получили) Сим и Иафет, и избавиться от проклятия и рабства, которому подвергся Ханаан, чтобы не быть нам рабами греха, но приобрести истинную свободу, и достигнуть неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

И бе вся земля устне едине, и глас един всем (Быт. XI, 1)

1. Вот уже мы пришли и к концу святой четыредесятницы, совершили плавание поста, и, по милости Божией, достигли наконец пристани. Но не предадимся от этого беспечности, а покажем тем более усердия и бдительности. И кормчие, когда, переплыв бесчисленные бездны морские, готовятся уже, с распущенными парусами и выложенным наверх грузом, войти в пристань, тогда-то и показывают особенную внимательность и заботливость, чтобы как-нибудь не удариться

кораблем о скалу или камень, и не потерять плодов прежнего труда своего. Таким же образом поступают и состязающиеся в бегах: когда они уже приближаются к концу своего поприща, тогда-то особенно и стараются бежать, как можно скорее, чтобы достигнуть конца и удостоиться награды. Равно и борцы, когда, после множества подвигов и побед, вступают в окончательную борьбу о венце, тем большие выказывают усилия, чтобы сойти (с места борьбы) с венцом победным. Итак, как кормчие, как состязающиеся в бегах и борцы тогда особенно все напрягают свое усердие и бдительность, когда приближаются к концу (своих трудов), — таким же образом и мы теперь, достигнув, по благости Божией, этой великой седмицы (то есть страстной), должны особенно усилить подвиг поста, совершать усерднейшие молитвы, принести полное и искреннее исповедание грехов, и творить добрые дела, (подавать) щедрую милостыню, (являть) тихость, кротость и всякую другую добродетель, чтобы с этими добрыми делами достигнуть нам дня воскресения Господня и насладиться щедротами Владыки. Великой же называем эту седмицу не потому, чтобы дни ее были длиннее, — есть другие (недели), которых дни гораздо продолжительнее, — и не потому, чтобы в ней было больше дней, — их число у ней то же, как и у всех других. Почему же называем ее великой? Потому, что в продолжение ее совершились для нас великие и неизреченные благодеяния. В эту седмицу окончена долговременная брань, уничтожена смерть, истреблена клятва, разрушена власть диавола, расхищены снаряды его, Бог примирился с человеками, небо сделалось (для них) доступным, люди соединились с ангелами, разделенное сблизилось, разрушена стена, разорена преграда, Бог мира умиротворил небесное и земное. Потому-то и называем эту седмицу великой, что в ней Господь даровал нам такое множество благ. Поэтому-то многие (в эту седмицу) и усерд-

ствуют более и к посту и к священным бдениям и всенощным молитвам, более подают и милостыни, желая этими своими делами выразить то почтение, какое они питают к этой седмице. Если Господь даровал нам в ней столько благ, то не должны ли и мы, чем только можем, показывать свое к ней уважение и почтение?

Вот и цари своими делами показывают, какое благоговение питают они к этим досточтимым дням: они повелели, чтобы (в эти дни) пользовались отдыхом занимающиеся гражданскими делами, заперты были двери судилищ, прекращались всякого рода споры и тяжбы, чтобы все могли с великой тишиной и спокойствием приступить к совершению дел духовных. Но кроме этого, они показывают еще и другую милость: освобождают от оков содержащихся в темнице, и, сколько возможно для людей, подражают своему Господу. В самом деле, как Он освобождает нас из тяжкой темницы грехов, и дает нам насладиться множеством благ, — так точно и мы, говорят цари, должны, в чем только можем, быть подражателями человеколюбия Господня. Видите, как каждый из нас всячески выказывает уважение и почтение, какое питает к этим дням, сделавшимся для нас виновниками многих благ. Поэтому, прошу, теперь более, чем в другое какое время, будем приходить сюда, отложив всякое житейское помышление, с чистым и добрым оком ума. Входя в церковь, никто не вноси сюда с собой житейских забот, чтобы возвратиться отсюда домой с достойной за труды наградой. Итак, вот, мы опять предложим вам обычную трапезу и угостим любовь вашу нынешним чтением из блаженного Моисея, изъяснив вам это чтение и вместе показав точность Божественного Писания. Окончив повествование о Ное, оно начало уже излагать родословие Сима и говорит: *и Симу, родися, и тому, отцу всех сынов Еверовых, брату Иафефа, старейшего* сына (Быт. X, 21). Потом, перечислив имена, говорит: *и Еверу родистася два сына:*

имя единому Фалек, во дни бо его разделися земля (ст. 25). Смотри, как самым именем этого сына (Писание) предвозвестило об имевшем вскоре последовать чуде, чтобы ты, когда увидишь самое событие, уже не удивлялся, зная, что это заранее предвозвещено именем сына. А перечислив тех, которые родились после от этих (детей Евера), оно говорит: *и бе вся земля устне едине и глас един всем* (Быт. XI, 1), разумея здесь не землю, но человеческий род, дабы научить нас, что все человечество имело один язык. *И бе,* говорит, *вся земля устне едине и глас един всем.* Под *едиными устами* разумеется речь, тоже значит *и глас:* все равно, как если бы сказано было, что все люди говорили одними звуками (словами) и одним языком. А что именно о речи сказано это: *и бе вся земля устне едине,* слушай, как Писание говорит в другом месте: *яд аспидов под устнами их* (Пс. CXXXIX, 3). Так-то Писание словом *уста* обыкновенно означает речь. *И бысть, внегда поити им от восток, обретоша поле в земли Сеннаарстей и вселишася тамо* (Быт. XI, 2).

2. Смотри, как человеческая природа не любит оставаться в своих границах, но всегда ищет большего и стремится к высшему. Это-то особенно и губит людей, что они не хотят знать границ своей природы, но всегда желают большего и мечтают о том, что выше их. Оттого-то пристрастившиеся к мирским благам, даже и тогда, когда обладают великим богатством и властью, как бы забыв свою природу, усиливаются подняться все выше и выше, до тех пор, пока не низринутся в самую бездну. Это, как мы видим, бывает каждый день, и однако прочие не вразумляются этим. А если на малое время и удерживаются, то скоро, забыв все, опять идут той же дорогой и падают в ту же бездну. То же случилось теперь и с этими людьми. *И бысть внегда поити им от восток, обретоша поле в земли Сеннаарстей и вселишася тамо.* Смотри, как Писание мало-помалу открывает нам непостоянство их воли. Так как, говорит, они увидели

поле, то, оставив прежнее жилище, перешли и *вселишася тамо*. Потом говорит: *и рече* каждый *ближнему своему: приидите, сотворим плинфы и испечем их огнем, и бысть им плинфа в камень, и брение* бысть им *вместо мела. И рекоша: приидите и созиждем себе град и столп, егоже верх будет даже до небесе: и сотворим себе имя, прежде нежели рассеятися нам по* всей земле (ст. 3, 4). Смотри, как они не по надлежащему воспользовались единством своего языка, и как суетный замысел житейский стал причиной несчастья. *Приидите,* говорят, *сотворим плинфы, и испечем их огнем, и бысть им плинфа в камень, и брение* было им *вместо мела.* Смотри, чем они думают обезопасить свое строение, не зная, что *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии его* (Пс. CXXVI, 1). *И созиждем,* говорят, *себе град,* не Богу, а себе. Смотри, как нечестье уже усилилось! Имея еще в свежей памяти всеобщую погибель (всемирный потоп), они уже дошли вот до какого безумия: *и созиждем,* говорят, *себе град и столп, егоже верх будет даже до небесе.* Словом *небесе* Божественное Писание хотело изобразить нам необычайность их дерзости. *И сотворим,* говорят, *себе имя.* Видишь, где корень зла? Да заслужим, говорят, вечную память; пусть всегда помнят о нас; наше дело и создание будет таково, что никогда не забудется! И это сделаем *прежде, неже рассеятися нам по лицу всея земли.* Пока, говорят, мы еще вместе, выполним наше намерение, чтобы оставить нам в последующих родах вечное о себе воспоминание. Много и теперь есть таких, которые подражают этим людям и хотят такими же делами оставить по себе память: они строят великолепные дома, бани, портики, гульбища. И если спросишь кого бы то ни было из них, для чего он так трудится и беспокоится, и тратит много денег по пустому, то не услышишь ничего, кроме следующих слов: чтобы всегда помнили о нас, чтобы говорили: это дом такого-то, это поле такого-то. Но это значит заслужить себе не (добрую) память, а скорее осуждение,

потому что к этим словам тотчас же прибавляются еще и другие, самые укоризненные, слова: (это дом, или поле) такого-то лихоимца, хищника, притеснителя вдов и сирот. Итак, это значит не приобретать себе память, но подвергать себя вечным нареканиям, носить и после смерти клеймо бесславия, изощрять язык всех, кто ни увидит (эти дома и поля), на осуждение и порицание их владельца. Если же ты подлинно ищешь вечной памяти, так я покажу тебе путь, которым можешь ты и достигнуть всегдашнего о тебе воспоминания (на земле), и приобрести с великой славой великое дерзновение в будущем веке. Как же можешь ты сделать, чтобы каждый день вспоминали о тебе и превозносили тебя похвалами даже и по смерти? Если богатство свое раздашь в руки нищих, и оставишь таким образом после себя (драгоценные) камни и огромные дома, и поля, и бани. Такая память бессмертна, такая память будет для тебя виновницей тысячи сокровищ, такая память облегчит тебя от тяжких грехов, и даст тебе великое дерзновение перед Господом. Подумай только о тех словах, которые каждый будет говорить, (называя тебя) милостивым, человеколюбивым, добрым, кротким и весьма щедрым. *Расточи,* сказано, *даде убогим, правда его пребывает во век* (Пс. CXI, 9). Так-то бывает с богатством: когда его расточаешь, оно тем вернее сохраняется; когда же удерживаешь и запираешь, губит даже своих обладателей. *Расточи,* сказано, *даде убогим*; послушай, что следует и далее: *правда его пребывает во век.* Он в один день *расточил* богатство, а *правда его пребывает* во все веки, и бессмертной соделывает память о нем.

3. Видишь, какая память продолжается через все века? Видишь, какая память доставляет великие и неизреченные блага? Такими-то зданиями постараемся оставить по себе память. Здания, построенные из камней, не только не могут принести нам пользы, но еще, подобно (позорному) столпу, будут непрестанно вопиять

против нас громким голосом. Когда отходим мы отсюда, то сделанные нами из-за этих зданий грехи уносим с собой, самые же здания оставляем здесь, и таким образом не только не достигаем через них даже и пустой и бесполезной памяти, но еще подвергаемся осуждениям, а самое имя (владельца) тотчас переходит к другому. И действительно это имя от одного переходит к другому, и от этого опять к иному. Сегодня говорят: этот дом такого-то, завтра – другого, а послезавтра – еще иного. Таким образом мы добровольно сами себя обманываем, думая, будто имеем власть над какой-нибудь вещью, и не рассуждая, что можем только пользоваться ею, и, волей или неволей, уступаем эти вещи другим; не говорю еще, что оставляем их даже таким людям, которым бы мы и не хотели. Но если ты непременно желаешь, чтобы о тебе помнили, если это тебе вожделенно, то послушай, как вдовицы вспоминали о Тавифе, и как они обступили Петра, проливая слезы и показывая ему платья и одежды, какие делала Серна, живя с ними. Вот живые здания, которые издавали голос и имели такую силу, что даже возвратили умершую к жизни. В самом деле, когда они обступили Петра, проливая горячие слезы и изъясняя свою нужду в пище и (других) средствах к жизни, Петр, сказано, *изгнав вон вся, приклонь колена помолися,* и восставив ее, *призва святыя и вдовицы и постави ю живу* (Деян. IX, 40–41). Так и ты, если хочешь, чтобы о тебе помнили, если ищешь истинной славы, подражай этой жене, и такие же строй здания; не траться на мертвое вещество, но показывай великую щедрость к подобным тебе. Такая память достохвальна и приносит великий плод. Но возвратимся к нашему предмету и посмотрим на дерзость тогдашних людей. Их грех послужит для нас, если только захотим быть внимательными, вразумлением. *И созиждем*, сказано, *себе град и столп, егоже верх будет даже до небесе: и сотворим себе имя, прежде неже рассеятися нам*,по

земле. Видишь ли, как эти люди во всем показывают развращение своей воли? *И созиждем*, говорят, *себе град*; и еще: *сотворим себе имя*. Смотри, как они и после такой всеобщей погибели (после потопа) отваживаются на не меньшие пороки. Чему же надлежало быть? Как удержать их от безумия? Бог по Своему человеколюбию обещал, что никогда уже не наведет потопа, а они ни наказаниями не вразумились, ни от благодеяний не сделались лучше.

Потому слушай, что следует далее, и познай величие неизреченного человеколюбия Божия. *И сниде*, сказано, *Господь* Бог (в сравнении с пороками живших перед потопом) *видети град и столп, егоже созидаша сынове человечестии* (Быт. XI, 5). Смотри, как Писание выражается по-человечески. *Сниде*, говорит оно, *Господь Бог*, – не для того, чтобы мы понимали это по-человечески, но чтобы через это научились никогда не осуждать неосмотрительно братьев наших, и не судить о них по слуху, пока не получим полного удостоверения. Да и все, что ни делает Бог, делает для этого; и всегда такое снисхождение употребляет Он для научения рода человеческого. *И сниде Господь Бог видети град и столп*. Смотри, Он не с самого начала останавливает их неистовство, но показывает великое долготерпение, и выжидает, чтобы они привели в исполнение весь злой замысел свой, и чтобы тогда уже расстроить Ему их предприятие. Дабы никто не мог сказать, что они и решились было, но не привели в исполнение свои замыслы, Бог выжидает, чтобы они исполнили свои предприятия, и потом уже показывает, как бесполезны их замыслы. *И сниде*, сказано, *Господь видети град и столп, егоже создаша сынове человечестии*. Смотри, какое великое человеколюбие! Попустил им понести труды и тягости, чтобы самый опыт сделался для них учителем. И как увидел, что зло усиливается и болезнь распространяется, то уже не оставляет их вконец, но, являя Свою благость, как наилучший

врач, заметивший, что болезнь усиливается и рана оказывается неисцелимой, производит скорое сечение, чтобы совершенно уничтожить самую причину болезни. *И рече,* сказано, *Господь* Бог: *се род един и устне едине всем,* то есть одна речь и один язык, *и сие начаша творити: и ныне не оскудеют от них вся, елика аще восхотят творити* (Быт. XI, 6).

4. Видишь человеколюбие Господа? Так как Он хочет расстроить их замысел, то предварительно составляет оправдание (этого своего намерения), указывает на великость греха их, на чрезвычайность злонравия, на то, что они не по-надлежащему воспользовались единством языка. *Се,* говорит, *род един и устне едине всем, и сие начата творити: и ныне не оскудеют от них вся, елика аще восхотят творити.* Бог, обыкновенно, поступает так: когда намеревается послать наказание, то прежде показывает великость грехов и как бы представляет оправдание, а потом уже и наказывает. Так и во время потопа, когда Он восхотел сделать страшную ту угрозу, Писание говорит: *видев же Господь Бог, яко умножишася злобы человеков, и всяк помышляет в сердце своем прилежно на злая от юности* (Быт. VI, 5). Видишь, как сперва Он показал крайность их развращения, а потом уже сказал: *потреблю человека* (ст. 7)? Так и теперь: *се род един и устне едине всем, и сие начаша творити.* Если они теперь, пользуясь таким единством мыслей и языка, впали в такое неистовство, то не сделают ли с течением времени еще худшего? *Не оскудеют от них,* говорит, *вся, елика аще восхотят творити.* Ничто уже не в силах будет удержать их стремления, напротив, они постараются привести в исполнение все свои замыслы, если не понесут тотчас же наказания за свои дерзкие предприятия. Точно так было и с первым человеком. И там Бог, когда положил изгнать (Адама) из райского жилища, говорит ему: *кто возвести тебе, яко наг еси?* И еще: *се Адам бысть, яко един от нас, еже разумети доброе и лукавое. И ныне да*

не когда прострет руку свою, и возмет от древа жизни, и снест, и жив будет во век. И изгна его Господь Бог из рая (Быт. III, 11, 22, 23). И теперь говорит: *се род един и устне едине всем, и сие начаша творити: и ныне не оскудеют от них вся, елика аще восхотят творити. Приидите, и сошедше, смесим тамо язык их, да не услышат кийждо гласа ближняго* (Быт. XI, 7). Смотри опять, какое снисхождение в словах. *Приидите*, говорит, *и сошедше.* Что значат эти слова? Не требует ли Господь у кого содействия к исправлению, или помощи к рассеянию этих людей? Нет; напротив, как выше уже сказало Писание: *сниде Господь*, чтобы этим показать нам, что Он ясно видел чрезмерность греха их, так и здесь (Бог) говорит: *приидите, и сошедше.* Без сомнения, к равночестным (Богом Отцом сказано это Богу Сыну и Богу Духу Святому) сказаны эти слова: *приидите, и сошедше, смесим язык их, да не услышат кийждо гласа ближняго.* Такое наказание, говорит, налагаю на них, как какой-нибудь вечный памятник, чтобы оно продолжалось весь век, и ни в какое время не забыли о нем. Так как они не по-надлежащему воспользовались единством языка, то хочу вразумить их — разноязычием. Так и везде поступает Господь. Так поступил вначале и с женой: она не по-надлежащему воспользовалась данной ей честью; поэтому Бог и подчинил ее мужу. То же и с Адамом: он не воспользовался великим счастьем райской жизни, но через преступление сделал себя достойным наказания; поэтому Бог изгнал его из рая и наложил на него всегдашнюю казнь, сказав: *терния и волчцы возрастит тебе земля* (Быт. III, 18). Итак, когда и эти люди, пользовавшиеся одним языком, употребили во зло данное им преимущество, Бог останавливает стремление их нечестия разноязычием. *И смесим*, говорит, *язык их, да не услышат кийждо гласа ближняго*, — чтобы, как единство языка совокупляло их в одном месте жительства, так разность языка заставила их рассеяться. Не имея одного языка и образа речи, как бы они

могли жить вместе? *И рассея их*, сказано, *оттуду Господь Бог по лицу всея земли, и престаша зиждуще град и столп* (Быт. XI, 8). Смотри на человеколюбие Господа, в какое Он привел их затруднение! Они стали после этого похожи на безумных: один требовал того, а другой подавал иное, так что все их усилия наконец сделались бесплодными. Потому и *престаша зиждуще град и столп. Сего ради наречеся имя его смешение, яко тамо смеси Господь* Бог *устна всея земли: и оттуду рассея их Господь* Бог по всей земле (ст. 8 и 9). Смотри, сколько сделано, чтобы память об этом сохранилась во все века. Во-первых, разделение языков, но еще более и прежде этого, самое наречение имени, потому что имя *Фалек*, которое Евер дал своему сыну, значит *разделение*. Потом название места – место названо *смешением*, что и значит Вавилон. Наконец сам Евер остался с тем же языком, чтобы и это служило ясным знаком разделения. Видишь, какими мерами Бог восхотел это событие сохранить навсегда в памяти (у людей) и спасти от забвения? С тех пор уже отец должен был рассказывать сыну о причине разности языков, и сын старался узнать от отца, почему так названо то место. Вавилоном названо то место потому, что оно означает смешение, что *тамо смеси Господь* Бог *устна всей земли, и оттуду разсея их*. Это название места, мне кажется, равно означает и то, что Бог смесил языки, и то, что от этого люди рассеялись.

5. Слышали вы, возлюбленные, отчего произошло рассеяние этих людей и разделение языков. Не станем же, прошу, подражать им; будем пользоваться, как должно, тем, что дано нам от Бога, и помня природу человеческую, будем предпринимать только то, что прилично предпринимать людям смертным. Размышляя о тленности настоящего и о кратковременности нашей жизни, будем предуготовлять себе великое дерзновение совершением добрых дел, и в эти дни не только покажем особенное усердие к посту, но и подадим щедрую

милостыню и принесем прилежные молитвы. С постом всегда должна быть соединена молитва. И что это правда, послушай, как говорит Христос: *сей род не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. XVII, 21). И об апостолах также сказано: *помолившеся* и постившеся, *предаша их Господеви, в него же увероваша* (Деян. XIV, 21). И еще говорит апостол: *не лишайте себе друг друга, точию в молитве и посте* (1 Кор. VII, 7). Видишь, как пост нуждается в содействии молитвы? Да и молитвы совершаются со вниманием особенно во время поста, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягчается, и не подавляется гибельным бременем удовольствий. Молитва — великое оружие, великая защита, великое сокровище, великая пристань, безопасное убежище: только бы мы приступали к Господу с бодрой душой и сосредоточенными мыслями, не давая никакого доступа врагу нашего спасения. Так как он знает, что в это время, беседуя о необходимом для нас (ко спасению), и исповедуя свои грехи и показывая раны врачу, мы можем получить совершенное исцеление, то особенно в это время и нападает и употребляет все усилия, чтобы низложить нас и повергнуть в беспечность. Поэтому, молю вас, будем бодрствовать, и, зная коварство диавола, постараемся особенно в это время отгонять его так, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим перед нашими глазами, постараемся удалять от себя всякий помысл, смущающий душу нашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву, так чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила (к Богу). Если язык произносит слова, а душа скитается вне, помышляя о домашних делах, мечтая о том, что бывает на торжище, то нам не будет никакой пользы (от молитвы), а скорее будет еще и большее осуждение. Если мы, придя и к человеку, показываем такое к нему внимание, что часто не видим даже людей, стоящих поблизости, но сосредотачиваем мысль свою,

и видим того только, к кому пришли, то тем более должны мы так поступать в отношении к Богу, всегда и непрестанно пребывая в молитвах. Поэтому и Павел писал: *молящееся на всякое время*, молитеся и *духом* (Еф. VI, 18), то есть не языком только и с постоянным бдением (телесным), но и самой душой: *духом*. Ваши прошения, говорит, да будут духовны; да бодрствует ваш ум, ваша душа да внимает словам. Просите того, что прилично просить от Бога, чтобы получить вам и просимое. И при этом ведите себя внимательно, трезвясь и бодрствуя душой, не выказывая небрежности, не носясь умом туда и сюда, но *свое спасение со страхом и трепетом соделывайте*, потому что сказано: *блажен, иже боится всех за благоговение* (Притч. XVIII, 14). Великое благо — молитва. Если кто, разговаривая с добродетельным человеком, получает от того немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом? Молитва есть беседа с Богом. И чтобы тебе удостовериться в этом, послушай, что говорит пророк: *да усладится* Богу *беседа моя* (Пс. CIII, 34), то есть да будет приятна Богу беседа моя. Разве не может Он, и прежде нашего прошения, подать нам? Но Он потому ожидает (нашего прошения), чтобы иметь случай праведно удостоить нас своего промышления. Итак, получим ли просимое, или не получим, будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем, но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божией, не менее благотворно, как и получение. Мы ведь и не знаем, что нам полезно, в той мере, в какой Он это знает. Следовательно, получим ли, или не получим, мы должны благодарить. И что удивляешься, (когда говорю), что мы не знаем, что полезно для нас? И Павел, муж столь великий и высокий, удостоившийся таких неизреченных (откровений), не знал, что он просил неполезного ему. Видя себя окруженным бедствиями и непрестанными искушениями, он молился об из-

бавлении от них, и не однажды, не дважды, но многократно; *трикраты*, говорит, *Господа молих. Трикраты*, то есть многократно, он молил, и не получил. Посмотрим же, как он это перенес. Возроптал ли? Впал ли в уныние? Отчаялся ли? Нет; но что говорит? *Рече: довлеет ти благодать Моя, сила бо в немощех совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Бог не только не освободил его от постигших его бед, но и попустил ему оставаться в них. Пусть так. Но откуда известно, что он не роптал на это? Слушай, что сам Павел говорил, когда узнал, что таки угодно Богу. *Сладце убо похвалюся в немощех моих;* не только, говорит, не ищу уже освободиться от этих бед, но еще с великим удовольствием хвалюсь ими. Видишь, какая признательная душа? Видишь, какая любовь к Богу? Послушай, что еще говорит он: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. VIII, 26), — то есть мы, как люди, не можем знать все обстоятельно. Итак, должно все предоставить Создателю естества нашего и принимать с весельем и великой радостью все, что ни определит Он, и смотреть не на то, чем кажутся нам происшествия, а на то, что угодно Богу. Он, лучше нас зная, что нам полезно, знает и то, как устроить наше спасение.

6. Итак, единственным делом с нашей стороны да будет постоянно пребывать в молитве и не роптать на нескорое исполнение (наших прошений), но показывать великое терпение. Бог медлит исполнить наши прошения не потому, чтобы отверг их, но потому, что хочет научить нас усердию (к молитве) и постоянно привлекать нас к Себе. Так и чадолюбивый отец; будучи и часто упрашиваем сыном, не исполняет просьбы его не потому, чтобы не хотел дать, но чтобы через это побудить сына к усерднейшему прошению. Зная это, не будем никогда отчаиваться, и не перестанем приступать (к Богу) и возносить к Нему усердные молитвы. В самом деле, если усердная просьба женщины подейст-

вовала на того жестокого, бесчеловечного и не боявшегося Бога судью, и заставила его оказать ей защиту (см.: Лк. XVIII, 2 и след.), то мы ли, если только захотим подражать этой женщине, не расположим оказать нам помощь нашего милосердого и человеколюбивого Господа, Который по благоутробию Своему хочет устроить наше спасение? Итак, научимся неотступно и постоянно прилежать к молитве, и днем и ночью, и особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, никто не препятствует нам заняться молитвой и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ. Если блаженный Давид, царь и пророк, хотя был отягощен многочисленными делами, и облечен в порфиру и диадему, говорил, однако, о себе: *в полунощи востах исповедатися тебе о судьбах правды твоея* (Пс. CXVIII, 62), то что скажем мы, которые, хотя и проводим частную и свободную от дел жизнь, однако не делаем и того, что он делал? Так как днем у него было множество забот, дел и беспокойств, и он не находил времени, удобного для молитвы, то время покоя, которое другие проводят во сне, возлежа на мягких постелях и ворочаясь туда и сюда, он — царь, связанный такими заботами, употреблял на (молитву), беседовал наедине с Богом, и вознося искренние и усердные моления, получал то, чего желал. При содействии этих молитв он счастливо вел войны, воздвигал трофеи, одерживал победу за победой, потому что у него было непобедимое оружие — сила вышняя, которая может выдержать борьбу не только с людьми, но и с демонскими полчищами. Итак, ему-то будем подражать и мы, частные люди — царю, ведущие жизнь легкую и спокойную тому, кто, облеченный порфирой и венцом, превзошел монахов в (строгой) жизни. Послушай, в самом деле, как он же говорит в другом месте: *быша слезы, моя мне хлеб день и нощь* (Пс. XLI, 4). Видишь, как душа его была

в непрестанном сокрушении? Пищей для меня, говорит он, хлебом, пиршеством было не другое что, как слезы мои ночью и днем. И еще: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое* (Пс. VI, 7). Что скажем, или чем извинимся мы, которые не хотим показать и такого сокрушения, какое показывал царь, обремененный столькими делами? А что, скажи мне, прекраснее этих глаз, которые непрестанными слезами украшались, как бы перлами? Ты видел царя, который и ночью и днем проливал слезы и пребывал в молитве: посмотри и на учителя вселенной, как он, заключенный вместе с Силой в темницу, имея ноги, забитые в колоду, молился всю ночь, не удерживаясь от этого ее болью, ни узами, но тем большую и пламеннейшую показывая любовь к Господу. *Павел и Сила,* говорится, *в полунощи молящеся, хваляху Бога* (Деян. XV, 28). Давид, облеченный царским достоинством и диадемой, всю жизнь пребывал в слезах и молитве; апостол, восхищенный до третьего неба, удостоенный (откровения) неизреченных тайн, находясь в узах, в полночь возносил молитвы и хвалы ко Господу. И царь, вставая в полночь исповедывался, и апостолы также в полночь совершали усердные молитвы и хвалы. Им-то будем подражать и мы, будем ограждать жизнь нашу непрестанными молитвами, и пусть ничто не будет для нас препятствием к этому, — ведь действительно ничто и не может воспрепятствовать нам, если только мы сами бдительны. Разве для этого мы нуждаемся в (особом) месте, или времени? Всякое место и всякое время удобно для нас к молитве. Послушай, в самом деле, того же учителя вселенной, что он говорит: *на всяком месте воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8). Если сердце твое свободно от нечистых страстей, то, где бы ты ни был, на торжище ли, дома ли, на пути ли, в суде, на море, в гостинице, или в мастерской, везде можешь помолиться Богу и получить просимое. Зная это, прошу вас, вме-

сте с постом покажем усердие и к молитве, и в ней приобретем себе помощницу, чтобы, удостоившись благодати Божией, провести нам и настоящую жизнь благоугодно Ему, и в будущей сподобиться Его человеколюбия, благодатью и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

И поят Фарра Аврама и Нахора, сынов своих, и Лота сына Арраня сына своего, и Сару сноху свою, жену Аврама сына своего: и изведе я из земли халдейския, ити на землю ханаанску, и прииде даже до Харрана, и вселися тамо (Быт. XI, 31)

1. Много благодарю вас за то, что вы и вчера с радостью приняли поучение о молитве, и (сегодня) с таким усердием стекаетесь к слушанию. Это и нас делает более усердными и побуждает предлагать вам обильнейшее духовное пиршество. Так и земледелец, когда видит, что его нива произращает в изобилии брошенные в нее семена и представляет богатую жатву, не перестает каждодневно употреблять все свои усилия, прилагать надлежащее попечение и смотреть днем и ночью, как бы труды его от чего-нибудь не пропали. Точно так же и я, видя, что эта духовная нива ваша так зеленеет и это духовное семя укоренилось в недрах вашей души, радуюсь и веселюсь, но в то же время и сильно беспокоюсь, зная лукавство врага и наветника нашего спасения. Подобно тому, как морские разбойники, когда увидят корабль, наполненный многими товарами и везущий несказанное богатство, тогда-то особенно и употребляют всю хитрость, чтобы потопить весь груз и лишить пловцов всего и сделать нищими, так точно и диавол, когда увидит, что (человеком) собрано много духовного

богатства, что (у него) усердие пламенно, ум бодр, и богатство увеличивается с каждым днем, мучится и скрежещет зубами, и, подобно разбойнику, ходит взад и вперед, выдумывая тысячу хитростей, чтобы как-нибудь подступить к нам, обнажить и ограбить нас, и похитить все наше духовное богатство. Поэтому, прошу, будем бодрствовать, и в какой мере станет умножаться наше духовное стяжание, в такой же постараемся усиливать и нашу бдительность, отвсюду заграждать диаволу доступ (к нам), и, доброй жизнью привлекши к себе благоволение Божие, поставим себя выше стрел диавольских. Это — лукавое существо и употребляет многоразличные козни: когда не может (диавол) прямо увлечь нас к злу и уловить обманом, он не делает насилия, не принуждает, нет, а только обольщает, и как увидит, что мы беспечны, то и полагает нам преткновение, — так, когда не успеет он явно грехами повредить нашему спасению, тогда часто самими добродетелями, какие мы совершаем, тайно обольстив нас, губит все наше богатство.

Что значат эти слова мои? Надобно выразиться об этом яснее, чтобы нам, узнав козни его, избежать вреда от них. Итак, когда увидит он, что нас нелегко склонить к явному греху, что мы, например, убегаем невоздержания и любим целомудрие, также отвращаемся корыстолюбия, ненавидим неправду, пренебрегаем удовольствиями, а посвятили себя посту и молитвам, и заботимся о милостыне, тогда уже вымышляет другую хитрость, посредством которой он мог бы погубить все наше богатство и сделать бесплодными столь многочисленные добродетели наши. Тем, которые с великим трудом успели уже преодолеть его козни, он внушает высоко думать о своих добродетелях и искать славы у людей, чтобы через это лишить их истинной славы. В самом деле, кто совершает духовные подвиги и (за них) ищет человеческой славы, тот здесь уже получает

себе награду и в Боге уже не имеет должника. Получив похвалу от тех, от кого искал он славы, он лишил уже себя похвалы, обещанной Господом, так как предпочел временную славу от подобных ему людей похвале от Творца вселенной. И Сам Господь, прежде всего, так учил и о молитве, и о милостыне, и о посте: когда ты постишься, говорит Он, *помажи главу твою, и лице твое умый: яко да не явишися человеком постяся, но Отцу твоему, иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе* (Мф. VI, 17–18). И еще: *егда твориши милостыню, не вострруби,* говорит, *перед собой, якоже лицемери творят в сонмищах и в стогнах, яко да прославятся от человек: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою* (ст. 2). Видишь, как ищущий здешней славы лишается тамошней, и как, напротив, творящий добродетель по этой заповеди и старающийся скрывать ее от людей, явно получит от Господа награду в тот страшный день. *Отец твой,* сказано, *видяй в тайне, воздаст тебе яве;* то есть не думай о том, что ни один человек не похвалил тебя и что так тайно творишь добродетель; нет, размышляй о том, что, немного спустя, щедрость Господа будет так велика, что Он прославит, и увенчает, и наградит тебя за подвиги добродетели, не тайно, не сокровенно, но перед всем человеческим родом, начиная от Адама до скончания мира. Какого же извинения будут заслуживать те, которые, хотя и подъяли труд добродетели, но, из-за временной, ничтожной и суетной славы от подобных себе людей, лишили себя славы небесной?

2. Итак, будем, прошу, осторожны, и если успеем совершить какое-либо духовное дело, постараемся всячески скрывать его от всех в тайниках души нашей, чтобы получить нам похвалу от неусыпающего ока (Божия), и чтобы из-за славы человеческой и из-за похвал часто льстивых не сделаться недостойными славы от Господа. Одинаково пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой,

так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях. Поэтому надобно быть бдительным и осторожным, и постоянно пользоваться пособиями Божественного Писания, чтобы не отдаться в плен этим пагубным страстям (славолюбию и высокомерию). Пусть кто-нибудь совершит бесчисленные подвиги и сотворит всякую добродетель; но если он станет высоко думать о себе, то будет самый жалкий и несчастный человек. Это известно нам из того, что случилось с фарисеем, который так величался перед мытарем – и вдруг стал ниже мытаря; который, своим языком рассыпав все богатство своих добродетелей, сам обнажил себя и лишил всего, и потерпел странное и необычайное кораблекрушение: войдя уже в самую пристань, он потопил весь груз свой. Подлинно потерпеть это от молитвы, совершенной неправильно, значит то же, что потерпеть кораблекрушение в самой пристани. Вот почему и Христос такую дал заповедь ученикам Своим: *егда вся сотворите, глаголите, яко раби неключимы есмы* (Лк. XVII, 10), чтобы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти. Видите, возлюбленные, что как гоняющийся за человеческой славой и только из-за нее творящий добрые дела не получает никакой пользы, так и совершивший все добродетели, если возмечтает о них, теряет все и остается ни с чем? Будем же, прошу, избегать гибельных страстей и взирать только на то неусыпающее Око; не станем ничего домогаться у людей, не станем искать похвалы от них, но удовольствуемся похвалой от Господа. (Верующему), сказано, *похвала не от человек, но от Бога* (Рим. II, 29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирять себя и, быть скромными. Хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божиими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом. Вот этим-то

(смирением и скромностью) и прославился каждый из святых. А чтобы тебе увериться в этом, послушай учителя вселенной, эту небошественную душу, как он, по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше — *сосуд бо*, сказано, *избран ми есть он* (Деян. IX, 15) — не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: *мний есмь апостолов и несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. XV, 9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренномудрия, присовокупил: *зане гоних Церковь Божию.* Что делаешь, Павел? Господь, по Своему милосердию, простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов); но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь, что (только) благодатью и человеколюбием Его я то, что есмь. Сказав: *несмь достоин нарещися апостол, зане гоних Церковь Божию,* он присовокупил: *благодатью же Божиею есмь, еже есмь* (1 Кор. XV, 10). То есть, хотя я с своей стороны выказал так много злости, но Его неизреченная благость и милосердие даровали мне прощение. Видишь душу, сокрушенную и постоянно памятующую о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то (апостолу) станем и мы подражать, и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем постоянно содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть об них. Это будет для нас довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные (праведники) более всего прославились этим же самым, тем то есть, что, по совершении бесчисленных подвигов и имея уже неизреченное дерзновение (перед Богом), они смирялись?

Послушай, как патриарх, уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования, говорил о себе: *аз же есмъ земля и пепел* (Быт. XVIII, 27).

3. Но так как я упомянул о патриархе, то, если угодно, предложим любви вашей сегодняшнее чтение, чтобы, изъяснив его, увидеть нам необычайное величие добродетели этого праведника. *И поят,* сказано, *Фарра Аврама* и Нахора, сынов своих, *и Лота сына сына своего, и Сару, сноху свою, жену Аврама сына своего, и изведе я из земли халдейские ити на землю ханаанску, и прииде даже до Харрана, и вселися тамо. И быша еси дние Фаррины в Харране лет двести пять, и умре в Харране* (Быт. XI, 31, 32). Будем, прошу, внимательно слушать эти слова, чтобы нам постигнуть смысл написанного. Вот, в самом начале уже представляется в этих словах недоумение. Этот блаженный пророк, то есть Моисей, сказал, что *поят Фарра Аврама* и Нахора, *изведе из земли халдейские ити на землю ханаанску, и прииде до Харрана и вселися тамо.* А блаженный Стефан, в своей речи к иудеям, говорит: *Бог славы явися отцу нашему Аврааму сущу в Месопотамии, прежде даже не вселитися ему в Харранъ: и оттуду, по умертвии отца его, пресели его* (Деян. VII, 2, 4). Что же? Божественное Писание противоречит само себе? Да не будет; но должно из этого заключить, что, так как сын (Авраам) был боголюбив, то Бог, явившись ему, повелел переселиться из Месопотамии. Узнав об этом, Фарра, отец его, хотя был и неверующий, по любви к сыну решился пойти вместе с ним, пришел в Харран, пожил там и скончался. Тогда-то уже патриарх, по повелению Божию, переселился в землю Ханаанскую. И точно, Бог вывел его из Харрана не прежде, как по кончине Фарры. Тогда-то, после смерти Фарры, *и рече,* сказано, *Господь Авраму: изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и иди в землю, юже ти покажу. И сотворю тя в язык велий, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословен. И благословлю благословящия тя, и*

кленущия тя проклену: и благословятся о тебе вся племена земная (Быт. XII, 1, 2, 3). Рассмотрим тщательно каждое из этих слов, чтобы увидеть нам боголюбивую душу патриарха.

Не пройдем эти слова без внимания, но размыслим, какое тяжкое дается повеление. *Изыди*, говорит, *от земли твоея и от рода твоего, и от дому отца твоего, и иди в землю, юже ти покажу*. Оставь, говорит, известное и достоверное, и предпочти неизвестное и невиданное. Смотри, как с самого начала праведник был приучаем предпочитать невидимое видимому и будущее тому, что уже находилось в руках. Ему повелевалось сделать не что-либо маловажное; (повелевалось) оставить землю, где он жил столько времени, оставить все родство и весь отеческий дом, и идти, куда он не знал и не ведал. (Бог) ведь не сказал, в какую страну хочет переселить его, но неопределенностью Своего повеления испытывал благочестие патриарха: *иди*, говорит, *в землю, юже ти покажу*. Подумай, возлюбленный, какой возвышенный, необладаемый никакой страстью или привычкой, дух потребен был для исполнения этого повеления. В самом деле, если и теперь, когда уже распространилась благочестивая вера, многие так крепко держатся привычки, что скорее решаются все перенести, нежели оставить, хотя бы и нужно было, то место, в котором они доселе жили, и это бывает не только с обыкновенными людьми, но и с удалившимися от житейского шума, избравшими жизнь монашескую, — то тем более естественно было этому праведнику огорчиться таким повелением и медлить с исполнением его. *Изыди*, говорит, оставь сродников и отеческий дом, и *иди в землю, юже ти покажу*. Кого бы не смутили такие слова? Не объявляя ему ни места, ни страны, такой неопределенностью (Бог) испытывает душу праведника. Если бы такое повеление давалось кому-нибудь другому, обыкновенному человеку, то он сказал бы: пусть

так; ты повелеваешь мне оставить землю, где я теперь живу, родство, отцовский дом; но почему не объявляешь мне и места, куда я должен идти, чтобы мне знать, по крайней мере, как велико расстояние? Откуда мне знать, что та земля будет гораздо лучше и плодоноснее этой, которую я оставлю? Но праведник ничего такого не сказал и не подумал, а, взирая на важность повеления, неизвестное предпочел тому, что было у него в руках. Притом, если бы он не имел возвышенного духа и любомудрого ума, если бы не навык повиноваться во всем Богу, то встретил бы и другое немаловажное препятствие — это смерть отца. Вы знаете, как часто многие из-за гробов своих родственников желали умереть в тех местах, где окончили жизнь их родители.

4. Так и этому праведнику, если бы он не был весьма боголюбив, естественно было бы подумать и об этом, что вот отец, по любви ко мне, оставил родину, бросил старые привычки, и, победив все (препятствия), пришел даже сюда, и почти можно сказать, из-за меня умер в чужой земле; а я, и по смерти его, не стараюсь заплатить ему тем же, но удаляюсь, оставляя, вместе с родством отца, и гроб его? Однако ничто такое не могло остановить его решимость; любовь к Богу сделала то, что все казалось ему легким и удобным. В самом деле, если бы он захотел располагаться по человеческим соображениям, то мог бы подумать и вот что: я уже в таком возрасте и приближаюсь к глубокой старости: куда же пойду? Не взял я с собой брата, не имею при себе ни одного сродника, но отделился от всех единокровных своих: как же пойду одиноким и странником в чужую сторону, не зная и того, где будет конец моего странствования? А если еще среди этой дороги придется мне и умереть, что будет пользы от всех этих тревог? Кто похоронит меня старика, странника, безродного, бездомного? Разве жена моя упросит соседей оказать мне какое-либо сострадание, и исполнит последний

долг при помощи доброхотного сбора и приношения. Не гораздо ли лучше здесь провести это краткое время, какое еще осталось нам прожить, нежели на старости лет скитаться туда и сюда, и от всех переносить насмешки, за то, что и в таком уже возрасте я не могу жить спокойно, но меняю место за местом и нигде не останавливаюсь? Ничего такого не подумал этот праведник, а поспешил исполнить Божие повеление. Но, может быть, кто скажет, что для побуждения его к этому достаточно было слов (Божиих): *иди в землю, юже ти покажу, и сотворю тя в язык велий, и благословлю тя* (ст. 2). Но эти-то особенно слова и могли, если бы он не был боголюбив, сделать его более холодным к исполнению повеления. Он мог бы сказать, если бы был из числа людей обыкновенных: для чего посылаешь меня на чужбину и велишь мне идти в чужую землю? Для чего, если хочешь сделать меня великим, не делаешь таким здесь? Почему не даешь мне Своего благословения, когда я живу в отеческом доме? Что, если прежде, чем я дойду до места, куда повелеваешь мне идти, придется мне, от изнурения трудностями путешествия, расстроиться и умереть? Какая будет польза мне от этого обещания? Ничего такого однако не захотел он и подумать, но, как благопокорный раб, только и заботился о том, чтобы исполнить повеление; не любопытствовал, не расспрашивал, но повиновался и был вполне уверен, что обетования Божии не ложны. *И сотворю тя в язык велий, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословен.* Великое обетование! *Сотворю тя,* говорит, *в язык велий и благословлю тя и возвеличу имя твое.* Не только поставлю тебя над великим народом и сделаю имя твое великим, но и благословлю тебя, и ты будешь благословен. Не подумай, возлюбленный, что есть тождесловие в этих словах: *и благословлю тя, и будеши благословен.* Это значит: Я удостою тебя такого благословения, что оно продлится во все века. Ты будешь благословен так, что каждый

сочтет за величайшую честь вступить в родство с тобой. Смотри, с какого раннего времени (Бог) предрек ему ту знаменитость, в которой хотел Он поставить его. *Сотворю тя,* говорит, *в язык велий, и возвеличу имя твое, и благословлю тя, и будеши благословен.* Вот почему и иудеи, хвалясь патриархом, старались выказать свое родство с ним, и говорили о себе: *чада Араамля есмы.* Но дабы они знали, что по своим злым нравам они недостойны этого родства, Христос говорит им: *аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили* (Ин. VIII, 39). И Иоанн, сын Захариин, когда стекались на Иордан желавшие креститься, говорил им: *рождения ехидновы, кто сказа вам бежати от грядущего гнева? Сотворите убо плод достоин покаяния. И не начинайте глаголати отца имамы Авраама: глаголю бо вам, яко может Бог и от камений сих воздвигнути чада Аврааму* (Мф. III, 7, 8, 9). Видишь, как велико было для всех имя этого патриарха? Но теперь, пока это еще не сбылось, показывается только благочестие праведника, как, то есть, он поверил словам Божиим, и все, казавшееся тяжким, принял легко. *И благословлю,* говорит, *благословящия тя, и кленущия тя проклену: и благословятся о тебе вся племена земная.* Смотри и на Божие снисхождение, на то, какое благоволение (Господь) являет патриарху. Тех, говорит, признаю моими друзьями, которые будут к тебе искренне расположены, а врагами — тех, которые будут враждовать против тебя. А едва ли и дети стараются сделать так, чтобы у них были те же самые и друзья и враги, какие у их отцов. Итак весьма велико, возлюбленный, благоволение Божие к патриарху! Тех, говорит, благословлю, которые благословят тебя; и тех прокляну, которые проклянут тебя. *И благословятся о тебе вся племена земная.* Вот еще и другой дар! Все, говорит, племена земные будут стараться о том, чтобы благословиться именем твоим, и лучшую славу свою будут поставлять в том, чтобы носить имя твое.

5. Слышали вы, возлюбленные, какие повеления Господь дал халдеянину, старцу, который не знал и закона, не читал и пророков, и не получил никакого другого наставления? Видите, как важны эти повеления? Какая высокая и доблестная душа требовалась для исполнения их? Посмотрите же и на благопокорность патриарха, как ее изображает нам Писание. *И иде,* говорит, *Аврам, якоже глагола ему Господь* Бог, *и идяше с ним Лот.* Сказано не просто: *иде Аврам,* но: *якоже глагола ему Господь* Бог, — то есть он исполнил все, что заключалось в повелении. Бог сказал, чтобы он оставил все, и родство, и дом — и он оставил. Сказал, чтобы он шел в землю, которой не знал — он послушался. Обещал *сотворить* его *в язык велий* и благословить — он поверил, что сбудется и это. Словом, как *глаголал ему Господь* Бог, так он *и иде,* то есть поверил словам Божиим, нисколько не колеблясь и не сомневаясь, и пошел с твердым духом и решимостью: за то и удостоился великого благоволения от Господа. *И идяше,* сказано, *и Лот с ним.* Почему, когда Бог сказал: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего,* почему он взял Лота? Не по ослушанию против Господа, но, конечно, потому, что (Лот) был молод и (Авраам) заступал ему место отца; да и тот, по любви к нему и кроткому нраву (Авраама), не хотел разлучиться с праведником: по этой-то причине Авраам и не хочет его оставить. К тому же, он смотрел уже на него, как на сына, потому что, и дожив до такого возраста, не имел еще своих детей по причине неплодства Сарры. Да и нрав этого юноши не много разнился от (нрава) праведника. Уже то самое, что он (Лот), имея в виду двух братьев, присоединился именно к праведнику, показывает, что у него довольно было ума, чтобы рассудить и решить, которому из дядей вверить судьбу свою. И решимость отправиться в путь представляет новое доказательство доброй нравственности (Лота): хотя впоследствии он несколько и погрешил, когда взял

себе лучшую часть земли (см.: Быт. XIII, 11), однако старался идти по следам праведника. Вот почему и праведник взял его в спутники себе, и он с готовностью променял жизнь домашнюю на странническую. Далее, дабы мы знали, что Господь повелел это патриарху не в юности его, но тогда, как он уже пришел в старость, когда люди большей частью бывают довольно нерасположены к путешествиям, Писание говорит: *Авраам же бе лет седмидесяти пяти, егда изыде от (земли) Харран* (ст. 4). Видишь, как ни возраст, ни другое что-либо, способное привязать его к домашней жизни, не послужило ему препятствием, напротив, любовь к Богу победила все. Так, когда душа бодра и внимательна, то преодолевает все препятствия, вся устремляется к любимому предмету, и какие бы ни представились ей затруднения, не задерживается ими, но все пробегает мимо, и останавливается не прежде, как достигнув желаемого. Вот почему и этот праведник, хотя мог быть удерживаем и старостью, и многими другими препятствиями, разорвал однако все узы, и, как юноша, бодрый и ничем не задерживаемый, поспешил и ускорил исполнить повеление Господа. Да и невозможно кому бы то ни было, кто только решится совершить что-нибудь славное и доблестное, невозможно исполнить это, не вооружившись заблаговременно против всего, что может препятствовать такому предприятию. Хорошо знал это и праведник, и оставив все без внимания, не задумавшись ни о привычке, ни о родстве, ни об отцовском доме, ни о гробе (отца), ни даже о своей старости, все свои мысли направил к тому только, как бы ему исполнить повеление Господа. И вот представилось чудное зрелище: человек в самой глубокой старости, с женой, также престарелой, и с множеством рабов переселяется, не зная даже и того, где окончится его странствование. А если еще подумать, кстати, и о том, как трудны были в то время дороги (тогда нельзя было, как теперь, свободно приставать к

кому угодно, и таким образом совершать путь с удобством, потому что по всем местам были разные начальства, и путешествующие должны были от одних владельцев отправляться к другим и почти каждый день переходить из царства в царство), то и это обстоятельство было бы для праведника достаточным препятствием, если бы он не питал великой любви (к Богу) и готовности исполнить Его заповедь. Но он все эти препятствия разорвал как паутину и, укрепив ум верой и покорясь величию Обещавшего, отправился в путь. *И поят,* сказано, *Аврам Сару, жену свою, и Лота сына брата своего, и вся имения своя, елика стяжаша* в Харране; и изыдоша пойти в землю Ханааню* (Быт. XII, 5).

6. Замечай обстоятельность Писания, с какой оно рассказывает нам обо всем, чтобы мы из всего узнали благочестие праведника. *И поят,* говорит, *Сару, жену свою, и Лота, сына брата своего, и вся, елика стяжаша в Харране.* Не без причины сказано: *вся, елика стяжаша в Харране,* — чтобы мы знали, что патриарх ничего не взял с собой из Халдеи, но все это отцовское имение оставив брату, вышел с тем только, что мог приобрести в Харране. Да и это взял с собой чудный этот муж не потому, чтобы дорожил имением, или был любостяжателен, но для того, чтобы можно ему было своей собственностью доказать всем Божие о нем попечение. Тот, Кто извел его из земли халдейской и потом повелел переселиться и оттуда, Сам и умножал с каждым днем имение его и устранял всякую неприятность. Таким образом и то самое, что Авраам взял с собой это имущество и нес во всю дорогу, служило доказательством его душевного благочестия. Всякий, кто только видел его, вероятно, желал знать причину такого путешествия праведника. Потом, узнав, что он переселялся

---

* Слова: *и всякую душу, юже стяжаша,* в тексте Златоуста у Миня опущены.

в чужую землю, оставив свою собственность (на родине), по повелению Божию, самым делом удостоверялся и в том, как было благочестиво послушание праведника, и в том, как велико Божие о нем промышление. *И изыде*, сказано, *поити в землю Ханааню.* Откуда он узнал, что его странствование кончится в земле ханаанской, когда повеление говорило: *иди в землю, юже ти покажу?* Может быть, Бог открыл ему и это, показав духу его землю, в которой хотел поселить его. В самом деле, Бог, когда давал ему повеление, сказал так неопределенно: *иди в землю, юже ти покажу*, для того, чтобы открыть нам добродетель праведника. Потом, так как Авраам с полной готовностью сделали все, что от него требовалось, тотчас и Бог сообщил ему сведение о той земле, в которой хотел устроить ему жилище. Предвидя величие добродетели праведника, Бог потому и вызвал его из дома (отеческого) и не повелел взять с собой даже брата, что хотел сделать его учителем теперь для всех жителей Палестины, а вскоре потом — и для египтян.

Видишь, что и добродетель и порок зависят не от природы, но от свободной воли нашей? Вот и патриарх, и Нахор, по природе были братья, а по сердечному расположению уже не то. Напротив, Нахор, несмотря на то, что брат его дошел до такой добродетели, все еще оставался в заблуждении, а этот каждодневно на самом деле показывал всем свое преспеяние в богоугодной добродетели. И прииде, сказано, в землю ханаанскую, *и пройде Аврам землю в долготу ея даже до места Сихем, до дуба высокаго* (ст. 6). Писание указывает нам то самое место в стране (ханаанской), в котором теперь поселяется праведник. Потом, чтобы мы знали, в каком положении была эта страна, говорит: *Хананеи же тогда живяху на земли.* Это замечание сделал блаженный Моисей не без цели, но чтобы мы узнали любомудрую душу патриарха и из того, что он, так как эти места еще заня-

ты были хананеями, должен был жить подобно скитальцу и страннику, подобно какому-нибудь отверженному бедняку, как пришлось, не имея, может быть, и пристанища. И однако он не возроптал и на это, и не сказал: что это? Я, который в Харране жил в таком почете и уважении, теперь должен, как безродный, как странник и пришлец, жить там и здесь из милости, искать себе успокоения в бедном пристанище, — да и этого не могу получить, но принужден жить в палатках и шалашах и терпеть все другие бедствия! Это ли значат слова: *иди, и сотворю тя в язык велий*? Пока прекрасное для меня начало! Чего же доброго ожидать дальше? Нет, праведник и в этом положении не позволял себе сказать что-либо подобное, или прийти в сомнение; напротив, положившись на обетования Божии всем сердцем и с полной верой; остался непоколебим духом, за что вскоре и удостоился утешения свыше.

7. Но чтобы нам не слишком продолжить поучение, остановимся здесь и окончим слово, попросив любовь вашу о том, чтобы вы подражали душевному расположению этого праведника. Подлинно, крайне странно будет, если, тогда как этот праведник, будучи вызываем из (своей) земли в (чужую) землю, показал такое послушание, что ни старость, ни другие, исчисленные нами препятствия, ни неудобства (тогдашнего) времени, ни иные затруднения, могущие остановить его, не в состоянии были удержать его от повиновения, но, разорвав все узы, он — старец бежал и спешил, как бодрый юноша, с женой, племянником и рабами, исполнить повеление Божие, мы, напротив, призываемые не из земли в землю, но с земли на небо, не покажем и такого же, как праведник, усердия в послушании, но будем представлять пустые и ничтожные причины, и не увлечет нас ни величие (Божиих) обетований, ни маловажность видимого, как земного и временного, ни достоинство Призывающего, — напротив, обнаружим такую

невнимательность, что временное предпочтем всегда пребывающему, землю — небу, и никогда не могущее кончиться поставим ниже того, что улетает прежде, чем появится. Доколе, скажи мне, будем мы, например, показывать такую жадность к собиранию денег? Что это за умоисступление — каждый день увлекаться этой мучительной страстью и никогда не чувствовать сытости, но быть едва ли не хуже и пьяных? Как пьяные, чем больше пьют вина, тем более распаляют в себе жажду и тем сильнейший разжигают огонь, так и предавшиеся сильной страсти к деньгам никогда не успокаиваются, но чем более получают, тем более в них поднимается пламень (страсти) и сильнее разгорается печь. Разве мы не видим, что было с жившими прежде нас, как они, завладев, так сказать, всей вселенной, восхищены были отсюда нагие и без всего, с тем только, чтобы там подвергнуться отчету и наказанию за все? Имение (сребролюбца) нередко разделяют между собой многие, а грехи, сделанные им из-за этого имения, уносит с собой он один, подвергается за них мучительному наказанию и ни в чем не находит никакого утешения. Для чего же мы, скажи мне, так нерадим о своем спасении, и о своей душе думаем, как о чужой? Не слышишь ли, как говорит Христос: *что даст человек измену за душу свою?* И еще: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит* (Мф. XVI, 26)? Что можешь сравнить с душой? Назови всю вселенную — и тогда ничего не скажешь. В самом деле, *кая польза*, как сказал Христос, приобресть *весь мир*, и повредить душе своей, которой ближе к нам нет ничего? И ее-то, столь драгоценную, ее-то, о которой нам надлежало бы столько заботиться, мы оставим в таком небрежении, чтобы она мучилась каждый день, то осаждаемая сребролюбием, то терзаемая невоздержанием, то унижаемая гневом, и различно каждой страстью возмущаемая, — и не приложим об ней, хотя и поздно, никакого попечения? Кто же, нако-

нец, удостоит нас прощения, или избавит от угрожающего нам наказания? Прошу поэтому, доколе еще есть у нас время, омоем скверну ее обильной милостыней и угасим ею же пламя грехов наших. Сказано: *огнь горящ угасит вода, и* милостынями очищаются *грехи* (Сир. III, 30). И действительно, ничто другое так не может избавить нас от огня геенского, как щедрая (милостыня). Если мы будем подавать ее по предписанной заповеди, то есть не из хвастовства, но по любви к Богу, то в состоянии будем и омыть скверну грехов наших, и сподобиться Божия человеколюбия, благодатью и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

И явися Господь Авраму, и рече ему: семени твоему дам землю сию: и созда тамо* жертвенник Господу, явльшемуся ему (Быт. XII, 7)

1. Великое и неизреченное сокровище, возлюбленные, в нынешнем чтении, и потребен внимательный ум, трезвенная и бодрая мысль, чтобы ничто из содержащегося в этих кратких словах не ускользнуло от нас. Для того ведь человеколюбивый Бог и не соблаговолил всему содержащемуся в Писании быть для нас удобопонятным и ясным вдруг и при простом чтении, чтобы возбудить нас от сонливости, и чтобы мы, показав великую бдительность, получили из него (Писания) пользу. Обыкновенно, что обретается с трудом и изыс-

* Имя: «Аврам» здесь у Златоуста не читается согласно с некоторыми греческими списками (Коислиан. Минускульным у Holmes 15 cod. и др.), согласующимися с еврейским текстом; в Лукиановском оно читается.

канием, то глубже внедряется в нашем уме, а что — легко, то скорее и улетает из нашего сердца. Не будем же, прошу, беспечны, но, возбудив свою мысль, со всей внимательностью проникнем в самую глубину Писания, чтобы извлечь нам из него какую-либо пользу, и с ней возвратиться домой. Церковь Божия есть духовное торжище и вместе врачебница душ: следовательно, мы должны, подобно пришедшим на торжище, собрать в ней много добра, и с ним-то возвратиться домой; должны, подобно входящим в лечебницу, взять здесь приличные болезням нашим врачевства, и с ними уже выйти отсюда. Не для того каждый день собираемся мы сюда, чтобы только повидаться друг с другом и потом всем разойтись, но — чтобы каждый из нас узнал здесь что-нибудь полезное, получил врачевство против возмущающей его страсти, и затем ушел отсюда домой. Не крайне ли странно будет, если мы, посылая детей своих в школу, всякий день требуем от них какого-нибудь успеха в учении и никак не позволим ходить им туда попусту и напрасно, когда увидим, что они уже не приобретают там ничего полезного; а сами, уже достигшие полного возраста, приходя в это духовное училище, не покажем и равного им усердия, и притом в таком деле, от которого зависит спасение души? Итак, каждый из нас, прошу, пусть испытывает сам себя ежедневно, что пользы он получит от сегодняшнего чтения, и что от следующего, дабы не оказалось, что и мы собираемся сюда попусту и напрасно. Мы, со своей стороны, нисколько не будем виновны в этом (потому что делаем все, зависящее от нас, и не опускаем ничего, что только можем сделать), вящшему же осуждению подлежат те, которые негодуют на нас, не внимают усердно и не хотят воспользоваться наставлениями. Послушай, что говорит Христос закопавшему свой талант: *лукавый рабе, подобаше тебе серебро мое вдати торжником, и аз пришед взял бых оное с лихвой* (Мф. XXIII, 26, 27); и об иудеях: *аще не бых пришел и*

глаголал им, греха не быша имели: ныне же извинения не имут (Ин. XV, 22). Впрочем, мы теперь не о том заботимся, свободны ли мы сами от вины, но желаем вашего успеха, и думаем, что, при всей нашей невинности, радость наша уменьшится, если вы не покажете усердия, соответственного нашим трудам. Мы ведь радуемся именно тогда, когда видим ваше преуспевание в делах духовных. Правда, знаю я, что вы, по благодати Божией будучи исполнены познания, можете наставлять и других; однако, подобно блаженному Павлу (см.: Рим. XV, 15), и я, напоминая вам и возбуждая вашу ревность и усердие, постоянно увещеваю вас к этому, чтобы вы сделались совершенными во всем. Немалым, в самом деле, доказательством вашего преуспевания в угождении Богу считаю я и то самое, что вы каждый день с таким усердием приходите сюда и выказываете неутомимое желание духовного наставления. И точно, как желание телесной пищи есть знак самого хорошего здоровья (телесного), так и желание духовного наставления есть самое ясное свидетельство здоровья душевного. Потому-то и я, зная ваше усердие, по которому, сколько бы я ни распространялся в поучениях, не могу однако удовлетворить вашему желанию и насытить вас этой духовной пищей, не перестану все, что только мне возможно и что подаст благодать Божия, предлагать вам каждодневно на пользу вашу и преподавать уму вашему учение Божественного Писания.

2. Так вот и теперь, помолившись человеколюбивому Господу, чтобы Он направил язык наш к обретению искомого, предложим вам обычное поучение, предварительно же изъясним вашей любви самое чтение. *И явися*, сказано, *Господь Авраму, и рече ему* (Быт. XII, 7). Не правду ли я сказал в начале, что великое сокровище заключается в этих кратких словах? Вот сейчас (представляется) странным и новым самое начало этих слов: *и явися Господь* Бог *Авраму*. В первый раз мы находим,

что Писание употребило это слово: *явися*. Такого выражения Божественное Писание не употребило ни в истории Авеля, Ноя, или другого кого бы то ни было. Что же значит это слово: *явися*? Не само ли Писание в другом месте говорит: *никто же узрит* Бога, *и жив будет* (Исх. XXXIII, 25)? Что же скажем теперь, когда оно говорит, что Бог явился? Как Он явился праведнику? Ужели он видел самое существо Божие? Нет, да не будет! Но что? Бог явился так, как Он только один знает, и как тот (праведник) мог только видеть Его. Будучи благоизобретателен, премудр и человеколюбив, и снисходя к человеческой природе, Господь наш являет Себя тем, которые достойно приготовлены к этому. И это Он показывает через пророка, говоря: *Аз видения умножих, и в руках пророческих уподобихся* (Ос. XII, 10). Так, например, Исаия видел Его сидящим, а такое положение не прилично Богу, потому что Бог не сидит; да и как это возможно для существа бестелесного и не подлежащего утомлению? Опять Даниил видел Его, как *Ветхого денъми* (Дан. VII, 21); Захария видел Его иначе (гл. I); Иезекииль опять иначе (гл. I, 2). Вот почему Бог и сказал: *Аз видения умножих*, то есть являлся так или иначе, судя по достоинству каждого. Так и теперь, благой Господь, так как сам вызвал праведника из дома его и повелел ему идти в чужую землю, а тот, придя, ходил там с места на место, как скиталец и странник (потому что там жили еще хананеи), и искал, где бы ему поселиться, — благой Господь, желая утешить его и подкрепить его усердие, чтобы он не изнемог и не усомнился в данном ему обетовании: *иди, и сотворю тя в язык велий* (ведь праведник видел, что с ним происходит противное обетованию, и он скитался, как какой-нибудь отверженный и беспомощный бедняк, не зная, где найти себе пристанище), — итак, чтобы ободрить его душу, *явися*, сказано, *Господь Авраму, и рече ему: семени твоему дам земли сию.* Велико и это обещание, и соответствует тому обетованию, каким

(Бог) вызвал его из родной земли. Тогда сказал: *возвеличу имя твое*; и теперь говорит также: *семени твоему дам землю сию.* Так как, будучи уже в старости, праведник оставался еще бездетным по причине неплодства Сарры, то (Бог) обещает дать землю сыну, имевшему еще от него родиться. И смотри на человеколюбие Божие, как Он, провидя добродетель праведника, хочет сделать его известным и видимым для всех, как какую-нибудь сокровенную жемчужину. Присоединив обетования к обетованиям, дав притом обетования великие, Бог однако несколько медлит (исполнением их), чтобы через это особенно открылось благочестие праведника, так как этот блаженный, хотя и видел пока, что сбывается противное обетованиям, не беспокоился, впрочем, и не возмущался, но пребыл непоколебим в духе, веруя, что однажды обещанное ему от Бога — твердо и непреложно. Но рассмотрим все порознь, чтобы таким образом узнать нам и благоизобретательную премудрость благого Бога, и попечительность, какую Он показал о праведнике, и любовь патриарха к Господу. *И явися*, сказано, *Господь* Бог *Авраму*. Как явился? Так, как Сам Бог один знает, и как тот (праведник) мог видеть. Не перестану повторять это, хотя и не знаю самого образа (явления), а только слышу, что говорит Писание: *явися Господь* Бог *Авраму, и рече ему: семени твоему дам землю сию.*

Твердо помните о делаемых Богом обещаниях, чтобы, когда увидите праведника впавшим в различные злоключения, могли вы познать его великое любомудрие, крепкое мужество, твердую и непоколебимую любовь к Богу, и из судьбы этого праведника научились никогда не считать за оставление Божие то, если кто-нибудь из добродетельных впадает в искушение или в какие другие житейские скорби, но, представляя себе разнообразие Божиих распоряжений, все предоставят Его непостижимому промыслу. В самом деле, если Он попустил, чтобы и этот праведник, столь благочестивый

и показавший такое послушание, подвергся тем испытаниям, о которых вы скоро узнаете, если Бог попустил это, не потому, впрочем, что небрег о рабе Своем, но чтобы всем прочим открыть его добродетель (так Он, обыкновенно, поступает и с каждым праведником, и те из вас, которые любят читать Божественное Писание, могут, лишь начнут это чтение, сейчас узнать, что Он точно так устраивает жизнь рабов Своих), то не крайне ли неразумно будет считать такое попущение оставлением, а не признавать за самое ясное свидетельство великого попечения и неизреченного человеколюбия Божия? Итак, Бог, являя чрезвычайную силу Свою, через это устрояет две вещи: открывает всем как терпение и мужество рабов Своих, так и благоизобретательность Своего промысла, который и среди самых бедствий и почти уже в отчаянном положении дела направляет его туда, куда Ему благоугодно, нисколько не затрудняясь встретившимися препятствиями. *И явися*, сказано, *Господь* Бог *Авраму, и рече ему: семени твоему дам землю сию.* Обещание великое и особенно вожделенное для праведника! Вы знаете, как желают детей достигшие старости, и особенно те, которые всю жизнь были бездетны. Итак, Господь, желая наградить праведника за послушание Ему, — за то, что он, услышав: *изыди из земли твоей,* не замедлил, не стал откладывать, но повиновался велению и исполнил заповедь, — говорит: *семени твоему дам землю сию.*

3. Смотри, как этим словом (Бог) ободрил душу праведника и дал ему достаточную награду за подвиги. Поэтому и праведник, чтобы показать свою признательность, тотчас же обращается к благодарению. *И созда,* сказано, *тамо жертвенник Господу, явльшемуся ему.* Вот тебе свидетельство души боголюбивой! Самое даже место, где удостоился он беседы с Богом, (праведник) посвятил (Богу), и тем обнаружил, сколько мог, свою благодарность. Выражение — *созда жертвенник* — значит,

что он возблагодарил (Бога) за Его обетования. Подобно тому как люди, движимые любовью, часто строят и дома там, где встречаются с искренними друзьями своими, а многие воздвигли даже города и дали им названия от встречи с друзьями, — так точно и этот праведник, где удостоился увидеть Бога, там создал *жертвенник Господу, явльшемуся ему. И отступи,* сказано, *оттуду* (ст. 8.) Что значит: *и отступи оттуду*? Значит — когда место было уже освящено и посвящено Богу, (Авраам) отошел оттуда и перешел в другое место: *в гору,* сказано, *на восток* от Вефиля *и постави тамо кущу свою,* то есть наскоро устроил себе жилище. Вот, как он был чужд всего излишнего, как был на все готов, что мог, с женой и рабами, так скоро переселяться! Пусть слушают это мужья, пусть слушают и жены. Часто мы, имея надобность отправиться в село, придумываем тысячу распоряжений, беспокоимся о множестве разных вещей, чтобы, набрав много не только ненужного, но и излишнего и бесполезного, заготовленного нами для одного блеска, все это нести и возить с собой. Но праведник этот не так, а как же? Сподобившись беседы с Богом, он освятил место, создал жертвенник, и потом со всей скоростью переселился в иное место. *И постави тамо кущу свою в Вефили при мори, и Агге к востоком: и созда тамо жертвенник Господу, и призва во имя Господа* (ст. 8). Смотри, как он во всем выказывает свое благочестивое расположение. Там, ради данного ему Богом обетования, он создал жертвенник, и освятив место, отошел; а здесь, так как водрузил кущу, то опять, сказано, *созда жертвенник Господу и призва во имя Господа.* Видишь любомудрую душу? Видишь, как то, о чем (впоследствии) писал и увещевал чудный учитель вселенной, блаженный Павел, говоря: *на всяком месте воздеюще преподобныя руки* (1 Тим. II, 8), — как это наперед уже исполнил патриарх самым делом, *на всяком месте* созидая жертвенник и вознося благодарения Господу? Знал он, хорошо

знал, что Бог ничего столько не требует от человека за Свои бесчисленные и неизреченные благодеяния, как души благодарной и признательной за полученные благодеяния. Но посмотрим еще, как праведник переселяется и отсюда. *И воздвижеся*, сказано, *Аврам, и шед ополчися в пустыни* (ст. 9). Смотри опять на боголюбивую душу его и на великое любомудрие. Опять, говорится, он отошел отсюда, и *ополчися в пустыни.* Почему же он ушел оттуда? Может быть, видел он, что некоторые из жителей недовольны его присутствием. Поэтому, чтобы показать свою необычайную кротость и то, как дорого он ценит спокойствие, и ни с кем не имеет ничего общего, он удалился в пустыню: *и шед*, сказано, *ополчися в пустыни.* Странное выражение употребило здесь Божественное Писание. Как обыкновенно говорят о воюющих, так и оно теперь сказало о праведнике, что он *ополчился.* Это для того, чтобы показать готовность праведника на все. Как воины с легкостью переносят стан свой сегодня сюда, а завтра туда, так и этот праведник, хотя вел с собой жену и племянника и такое множество рабов, переселялся однако весьма легко. Видишь, как он легко переменял место и образ жизни в старости и имея при себе жену и столько рабов? А мне особенно удивительным представляется мужество жены его. Как подумаю я о немощи женского пола, и тут же помыслю, как легко (Сарра) переселялась вместе с праведником, и ни сама не тяготилась, ни праведнику не делала препятствия, то изумляюсь и заключаю, что и она, подобно самому праведнику, имела душу возвышенную и мужественную. Это лучше всего мы узнаем, когда будем рассматривать последующие слова нынешнего чтения. Видишь, как праведник, услышав слова: *семени твоему дам землю сию,* не успокоился (на одном месте), но отсюда перешел туда, а оттуда, опять в другое место? Но вот, он и из пустыни опять изгоняется, не людьми, а крайностью и голодом. *И бысть глад на земли* (ст. 10). Пусть

услышат это те, которые необдуманно и неосмотрительно говорят и изъясняют, что, так как такой-то пришел, то и сделался голод, и лишь только такой-то явился, тотчас это и случилось. Вот, и при праведнике (случился) голод, и голод великий, однако праведник не смущается, не поддается немощи человеческой, и не приписывает голода своему присутствию. Но как увидел он, что природа изнемогает (не произрастает обычных плодов) и голод усилился, то *сниде*, сказано, *во Египет Аврам вселитися тамо, яко одоле глад на земли.*

4. Смотри, как расширялось поприще праведника. Господь устроил так, чтобы он сделался наставником не только для живших в Палестине, но и для египтян, и чтобы всем явил свет своей добродетели. Как некое светило, сокровенное и таившееся в земле халдейской, (Бог) воздвиг его оттуда, чтобы сидящих во тьме заблуждения наставить на путь истины. Но, может быть, кто скажет: почему (Бог) не сделал праведника руководителем к благочестью для жителей земли халдейской? Можно думать, что и о их спасении (Бог) явил Свое попечение через других: однако послушай, что говорит Христос: *несть пророк безчестен токмо во отечествии своем* (Мф. XIII, 57). Итак, Бог, чтобы исполнить Свое обетование, какое дал Он праведнику, сказав: *и возвеличу имя твое,* — попускает быть голоду и от этой крайности идти ему в Египет, чтобы и тамошние жители узнали, как велика добродетель этого мужа. Голод как бы какой палач, оковав его узами, насильно увлек из пустыни в Египет. Но посмотрим наконец, что произошло отсюда и в какое несчастье впал праведник, чтобы познать нам и его мужество, и любомудрие жены его. Когда они прошли много пути и были уже близко Египта, то праведник почувствовал робость, и страшась и трепеща за самую, так сказать, жизнь, начинает говорить с женой. *Бысть*, сказано, *егда приближися Аврам внити во Египет, рече* Саре жене своей: вем аз, яко жена добролична еси. Будет*

убо, егда увидят тя Египтяне, рекут, яко жена его сия: и убиют мя, тебе же снабдят. Рцы, убо, яко сестра ему есть, да добро мне будет тебе ради, и будет жива душа моя тебе ради (ст. 11, 12, 13), Видишь из этих слов, в какое беспокойство и робость пришел праведник? И однако он не упал духом, не поколебался в своей решимости, не думал сам с собой и не говорил: что это? Ужели мы оставлены? Ужели обмануты? Ужели Господь оставил нас без Своего попечения? Сказавший: *возвеличу* тебя *и семени твоему дам землю сию*, ужели попускает нам подвергнуться крайней опасности и впасть в явную беду? Ничего такого праведник не позволял себе и подумать, но заботился теперь только об одном: какое бы изобрести средство и к спасению от голода, и к избежанию от рук египтят. *Вем,* говорит он, *яко жена добролична еси.* Смотри, какова была красота жены его; достигнув уже старости и прожив столько лет, она еще была цветущей, и сохранила красоту лица своего, несмотря на то, что перенесла столько трудов и страданий во время путешествий, переселялась с места на место, переходя из Халдеи в Харран, оттуда в Ханаан, потом в Ханаане отсюда туда и оттуда сюда, а теперь вот еще и в Египет. Кого и из крепких мужей не изнурили бы столь частые переходы? Но эта чудная, и после стольких бедствий, еще блистает красотой лица, и этим внушает праведнику великое и сильное опасение. Потому и говорил он: *вем аз, яко жена добролична еси. Будет убо, егда увидят тя Египтяне, рекут, яко жена его сия; и убиют мя, тебе же снабдят.* Смотри, как он твердо полагался на нрав своей жены и не побоялся, что она обольстится похвалами, но дает еще вот какой совет: чтобы меня не убили, а тебя снабдили, *рцы, убо, яко сестра ему есмь, да добро мне будет, и будет жива душа моя тебе ради.* Так как это требование его было немаловажное, то он захотел последующими словами привлечь ее (на свою сторону) так, чтобы и склонить ее к сожалению, и убедить к усердному содействию в

его предприятии. *Будет убо,* говорит, *егда увидят тя Египтяне, рекут, яко жена его сия: и убиют мя, тебе же снабдят.* Не сказал: тебя обесчестят; он пока еще не хочет устрашить ее такими словами, а притом боится и за обетование Божие. Потому говорит: *тебе же снабдят; рцы убо, яко сестра ему есмь.* Подумай, в каком состоянии должна была находиться душа праведника, когда он советовал это жене своей? Вы знаете, конечно, что для мужей нет ничего тяжелее, если жена подвергнется даже только подозрению, а праведник старается между тем сделать все, чтобы любодеяние совершилось на самом деле. Но, возлюбленный, не осуди необдуманно праведника, а из этого-то особенно познай и великое благоразумие и мужество его. Мужество в том, что он так доблестно укротил и преодолел волнение помыслов, что мог даже предложить такой совет жене своей. Нет ведь ничего тяжелее подобного состояния; об этом послушай, что говорит Соломон: *исполнена бо ревности ярость мужа ея: не пощадит в день суда, не изменит многими дарми вражды* (Притч. VI, 34—35); и еще: *жестока, яко ад, ревность* (Песн. VIII, 6).

5. Мы видим, как многие (в подобном положении) доходили до такого неистовства, что не только не щадили жен своих, но часто умерщвляли, вместе с обольстителем, и самих себя. Таково неистовство этой страсти, и так неукротима ревность, что доводит даже до небрежения о собственной жизни того, кто однажды увлекся этой страстью. Итак, из этого можно узнать мужество праведника; великое же благоразумие его видно в том, что, находясь в таком затруднительном положении и как бы опутан будучи сетями, он умел найти средство, по крайней мере, к тому, чтобы зло было меньше. В самом деле, если бы он сказал, что она была ему жена, если бы, вместо того, не назвал ее сестрой, то и ее отняли бы у праведника из-за красоты, которая увлекла бы невоздержных египтян, и праведника убили бы,

чтобы не было обличителя их беззакония. Итак, поелику надлежало ожидать, что эти два несчастья непременно случатся – по невоздержности египтян и жестокости их правителя, то, чтобы можно было им (Аврааму и Сарре) найти хотя малое облегчение в таком затруднительном положении, он говорит: *рцы, яко сестра ему есмь*: это, может быть, избавит меня от опасности. Что до тебя касается, то, назовешь ли себя сестрой или женой, нельзя сомневаться в том, что тебя тотчас отнимут у меня из-за телесной красоты; а что до меня, то можно полагать, что я избегну опасности, если ты назовешь себя моей сестрой. Видишь благоразумие праведника, как он, застигнутый опасностью, успел найти средство, которым и решился победить коварство египтян? Опять, посуди здесь и о терпении праведника, и о благонравии жены его. О терпении праведника: он не возроптал и не сказал: зачем я вожу ее с собой, когда она причиняет еще столько беспокойства? Что за польза мне жить с ней, когда из-за нее я должен подвергаться крайней опасности? Что за прибыль, когда она не только не доставляет мне никакого утешения, но причиняет даже смерть своей красотой? Ничего такого он и не сказал, и не подумал, но, отринув всякую подобную мысль и нимало не усомнившись в обетовании Божием, об одном только и заботился, как бы ему избегнуть угрожавшей опасности. Помысли здесь, возлюбленный, и о неизреченном долготерпении Божием, как Он доселе не приходит на помощь праведнику и не утешает его, но выжидает, пока бедствия увеличатся и умножатся до самой крайней степени, и тогда-то Он явит Свое попечение (о праведнике). *Рцы убо*, говорит, *яко сестра ему есмь, да добро мне будет тебе ради, и будет жива душа моя тебе ради.* Это говорит праведник не потому, что будто бы душа его могла умереть (*не убойтеся*, сказано, *от убивающих тело, души же не могущих убити* (Мф. X, 28); нет, он сказал это жене просто по обычаю.

Да добро, говорит, *мне будет тебе ради, и жива будет душа моя тебе ради,* как бы так он говорил к ней: скажи, что я сестра ему, для того, чтобы мне, убежав от голода в Ханаане, не умереть от рук египтян. Будь же для меня виновницей спасения – *да добро мне будет тебе ради.* Жалостные слова! В великом был он страхе и от невоздержности египтян, и от того, что еще не было разрушено владычество смерти. Вот почему праведник соглашается на прелюбодеяние жены и как бы содействует прелюбодею обесчестить, чтобы избежать смерти. Да, лицо смерти было еще страшно: еще не были сокрушены медные врата, еще не было притуплено ее жало. Видишь союз любви между мужем и женой? Видишь, что осмелился муж предложить жене, и какой совет принимает жена? Она не противоречит, и не ропщет, но делает все по мысли мужа. Да слышат это мужья и жены, и да подражают единомыслию, крепкой любви и великому благочестию этих супругов. Да поревнуем целомудрию Сарры, которая, и в старости цветя такой красотой, продолжала состязаться в добродетелях с праведником, за что и сподобилась такого попечения Божия и небесной награды. Итак, никто не обвиняй красоту лица и не говори этих неосновательных слов: такую-то погубила красота, и для такой-то красота была причиной гибели. Не красота виновна в этом, – нет, потому что и она дело Божие, – но развращенная воля: вот причина всех зол! Видишь, как эта чудная жена сияла и красотой души и красотой лица, и однако шла по следам праведника. Ей-то пусть подражают жены. Здесь вот и красота лица, и неплодство, и такие лета, и великое богатство, и столько переселений и путешествий, и частые и непрерывные искушения, – однако ничто не поколебало ее сердца, она осталась неизменно твердой. Поэтому и получила достойную награду за свое терпение, и в глубокой старости родила (сына) из бесплодной, омертвевшей утробы. *Да добро,* говорит, *мне*

будет тебе ради, и жива будет душа моя тебе ради, то есть ничего другого не осталось мне для спасения, как то, чтобы ты согласилась сказать: *яко сестра ему есмь.* Может быть, я избегну ожидаемой опасности, и ради тебя останусь жив, тебе обязан буду сохранением моей жизни. Этих слов довольно было, чтобы привлечь и склонить жену к состраданию.

6. Вот истинное супружество, когда (муж и жена) разделяют друг с другом не только счастье, но и опасности; это знак искренней любви, это доказательство самой верной дружбы. Не так прославляет царя лежащая на главе его диадема, как эту блаженную (Сарру) прославило и возвеличило то послушание, с каким приняла она совет мужа. Кто не изумится, размышляя о такой покорности ее? Это в состоянии достойно восхвалить ее, когда она, будучи столь целомудренна и в таком уже возрасте, готова была со своей стороны допустить прелюбодеяние, претерпеть сожительство с варварами, чтобы спасти праведника? Но подожди немного, и увидишь премудрость Божия промысла. Он для того и терпел так долго, чтобы и праведника более прославить, и событиями, совершившимися в Египте, показать не только египтянам, но и жителям Палестины, каким благоволением пользуется патриарх у Господа всех. *Бысть же,* сказано, *егда вниде Аврам во Египет, видевше Египтяне жену, яко добра бяше зело. И видеша ю князи Фараони, и похвалиша ю перед Фараоном и введоша ю в дом Фараонов. И Авраму добре бяше ее ради: и быша ему и овцы, и тельцы, и ослы, и рабы, и рабыни, и мски и велблюды* (ст. 14, 15, 16). Смотри, как на самом деле сбылось то, чего прежде боялся праведник. Как только он взошел в Египет, *видевше Египтяне жену, яко добра бяше зело,* — не просто *добра,* но чрезвычайно привлекательна для всех, кто только видел ее, *видевше ю князи Фараони, похвалиша ю перед Фараоном.* Не пройди этих слов, возлюбленный, без внимания, но подивись тому, как это египтяне не

напали на жену, как на странницу, пришедшую из чужой земли, не поступили оскорбительно и с мужем, но пошли к царю и объявили. Это было так для того, чтобы самое дело стало известнее и разгласилось повсюду, когда мщение (Божие) совершится не над простым лицом, но над самим царем. *И введоша ю к Фараону.* Тотчас разлучили праведника с женой, и она вводится к Фараону. Смотри, как долготерпелив Бог, — как Он не тотчас, не в самом начале являет Свой промысл, но попускает совершиться всему, и жене впасть в самые почти челюсти зверя, а потом уже открывает всем и Свою силу. *И введоша ю в дом Фараонов.* В каком состоянии была в то время душа жены! Как возмущался ум ее! Какие поднимались волны! Как она не потерпела кораблекрушения, но пребыла неподвижна, как некая скала, полагаясь на помощь свыше! Но что я говорю о жене? Каково было на душе у праведника, когда жену его повели в дом Фараона! *И Авраму добре бяше ради ея*, то есть как брату; *и быша ему овцы, и тельцы, и ослы, и рабы, и рабыни, и велблюды, и мски.* Но эти самые вещи, которые даны были ему для удобной и приятной жизни, какой разжигали в нем пламень! Мысль о причине этих даров как не опалила его души и не сожгла его ума? Видишь, как несчастья дошли почти до крайности? Видишь, как уже не оставалось, по человеческим расчетам, никакой надежды на лучшее? Видишь, как по человеческому суждению, дела были в отчаянном положении? Видишь, как жена впала в самые челюсти зверя? Посмотри же теперь на неизреченное человеколюбие Божие, и подивись безмерному величию силы Его. *И мучи*, сказано, *Господь казньми великими и лютыми Фараона, и дом его, Сары ради жены Аврамли* (ст. 17). Что значит: *мучи*? Значит — наказал за дерзость и злое покушение. *Казнми великими*; не просто *мучи* царя, но *казнми великими.* Так как преступление было не маловажное, напротив, даже весьма великое,

то и наказание велико. *И дом его,* сказано; (наказал) не его только, но и дом его. А почему, когда согрешил один царь, наказание разделяли с ним все домашние его? Это делается не без цели, но чтобы этим сильнее поразить царя: нужен был очень тяжкий удар, чтобы пораженный им отстал от беззакония. Но справедливо ли, скажешь, за него наказывать и тех? Не за него одного они терпели наказание, но, вероятно, за то, что и сами содействовали и помогали преступному замыслу. Ты слышал, как выше Писание сказало, что *видевше ю князи Фараони, похвалиша, и введоша ю в дом Фараонов.* Видишь, что сделали они с женой праведника из угождения царю? Поэтому не он один (наказывается), но и все близкие к нему участвуют с ним в наказании, дабы познали, что причинили обиду не простому страннику, не обыкновенному человеку, но мужу, возлюбленному Богом и пользующемуся таким покровительством Его. Так вот, почему (Бог) столь тяжким наказанием поразил душу царя, отвлек его от гнусного порока, удержал его неразумное стремление, остановил невоздержную волю, связал неукротимую похоть, обуздал неистовую страсть!

7. После этого, смотри, с какой уже кротостью царь разговаривает с странником, властитель — с тем бесприютным пришельцем, у которого он дерзнул отнять даже жену. И хорошо сказано, что *мучи Фараона и дом его Сары ради жены Аврамли.* Наказание вразумляет (Фараона), что это была жена праведника, и действительно, она, хотя и была введена в дом Фараона, но пребыла женой праведника. *Призвав же,* сказано, *Фараон Аврама, рече ему: что сие сотворил еси мне* (ст. 18)? Смотри, какие слова произносит царь: *что сие сотворил еси мне,* — говорит он. Я тебе сделал, я — странник, никому неизвестный, приведенный сюда голодом, тебе — царю, властителю, правителю Египта? Что я сделал тебе? Ты отнял у меня жену, как у странника, презрел меня, пренебрег,

поставил ни во что; ты совершенно предался влечению страсти, и хотел исполнить свое желание. Что же я сделал тебе? Великое, говорит (царь), и ужасное зло сделал ты мне. Смотри, какая перемена: царь говорит простому человеку: *что сотворил еси мне?* Ты, говорит, вооружил против меня Бога, подвергнул меня гневу Его, сделал достойным наказания, заставил меня, со всем моим домом, пострадать за нанесенное тебе оскорбление. *Что сие сотворил еси мне, яко не поведал ми еси, яко жена твоя есть? Вскую рекл еси, яко сестра ми есть, и поях ю себе в жену* (ст. 19)? Я, говорит, хотел взять ее, как сестру твою. Но откуда ты узнал, что она жена праведника? Отмститель этого беззакония, — Он возвестил мне это. *Что убо сотворил еси мне, и не возвестил еси мне, яко жена твоя есть, и поях ю себе в жену,* готовясь совершить грех. Считая ее сестрой твоей, я решился сделать это. Смотри, как тяжкое наказание потрясло душу его: он даже извиняется перед праведником и оказывает ему всякое почтение. Конечно, если бы сила Божия не смягчила душу его и не внушила ему страха, то надлежало бы ожидать, что он предастся еще сильнейшему гневу, накажет праведника, как обманщика, жестоко отомстит ему за себя, и подвергнет его крайним бедствиям. Но ничего такого он не сделал: страх наказания утишил ярость его, и он об одном только старался, как бы сделать угодное праведнику. Он узнал, наконец, что не может быть, чтобы пользующийся таким небесным благоволением был простой человек: *и ныне се жена твоя перед тобой, поем ю, отъиди.* Теперь, говорит, так как я узнал, что она тебе не сестра, а жена, то вот возьми ее: я нисколько не повредил вашей супружеской чести и не лишил тебя жены твоей, но *се жена твоя перед тобой, поем ю, отъиди.* Какой ум будет в состоянии достойно надивиться этому событию? Или какой язык может изречь это чудо? Жена, блистающая красотой, отданная в жертву египтянину,

царю, властителю, человеку страстному и необузданному, выходит неприкосновенной, сохраняет свою чистоту. Таковы-то всегда, как я и прежде говорил, Божии распоряжения, – они чудны и необычайны! Когда люди начинают уже отчаиваться в своих делах, – тогда-то Бог и являет непреоборимую во всем силу Свою. В самом деле, чудно и необычайно было видеть *мужа желаний*, как он окружен зверями, и ничего не терпит от них, но как будто бы был среди овец, и исходит невредим изо рва (см.: Дан. XIV, 31–42); видеть и трех отроков, как они в печи ходят как по лугу и в саду, и нисколько не терпят вреда от огня, но исходят из него целы и неприкосновенны (там же, гл. III). Точно так же удивления достойно нынешнее событие, то есть что жена праведника не потерпела никакого бесчестья и спаслась от египетского царя, необузданного властителя. Все это сделал Бог, Который и в непроходимых местах открывает путь, и среди самого отчаянного положения всегда может подать благую надежду. *И ныне се жена твоя перед тобой, поем отыди.* То есть не подумай, что ты нами обижен; хотя по неведению и сделано нами это покушение, но вот теперь мы узнали, какой у тебя защитник; постигший нас гнев (Божий) научил нас, каким пользуешься ты благоволением у Бога всяческих: *поем* убо жену твою, *отыди*. Страшен, наконец, стал им праведник, почему они и стараются скорее проводить его со всеми знаками уважения, желая своим уважением к праведнику умилостивить его Господа.

8. Видишь, возлюбленный, какое благо терпение? Вспомни же здесь те слова, которые произнес патриарх, приближаясь к Египту: *вем, яко жена добролична еси. Будет убо, егда увидят тя Египтяне, меня убиют, тебе же снабдят.* Итак, вспомнив эти слова, посмотри, что теперь делается, и подивись терпению праведника и силе человеколюбивого Бога, с какой славой Он изводит (из Египта) праведника, пришедшего туда с таким страхом

и боязнью. *И заповеда,* сказано, *Фараон мужем о Авраме, проводити его, и жену его, и вся, елика быша его, и Лота с ним* (ст. 20). Праведник удаляется со всякой честью и с великим богатством, и делается, по случившимся с ним событиям, учителем не только для египтян, но и для всех живущих при пути и в Палестине. В самом деле, кто видел, как он прежде, побуждаемый голодом, шел в Египет со страхом и трепетом, а теперь возвращался оттуда с такой славой, обилием и богатством, — познавал из этого силу Божия о нем промышления. Кто видел когда, кто слышал (что-либо подобное)? Пошел он (в Египет), чтобы избавиться от голода, а возвращается оттуда с богатством и несказанной славой! Не удивляйся, возлюбленный, и не изумляйся этому, а лучше и подивись, и изумись, и прославь могущество общего всем нам Господа. Смотри еще, как и потомки этого патриарха точно так же сошли в Египет побуждаемые голодом, а возвратились оттуда, после долгого рабства и бедствования, с великим богатством. Таков премудрый Владыка наш: сперва Он попустил бедствиям увеличиться до крайности, потом уже разгоняет бурю, производит тишину и великую перемену во всем, желая через это показать нам величие силы Своей. *Изыде же Аврам от Египта сам, и жена его, и вся, елика его, и Лот с ним в пустыню* (Быт. XIII, 1). Кстати будет применить к этому праведнику те слова, которые блаженный Давид произнес о возвратившихся из вавилонского плена: *сеющии слезами радостью пожнут. Ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостью, вземлюще рукояти своя* (Пс. CXXV, 5, 6). Видишь, как вхождение было исполнено беспокойства и боязни, и сопровождалось даже страхом смерти? Смотрите же теперь, как возвращение исполнено великой чести и славы, как праведник сделался наконец почтенным для всех — и для египтян, и для жителей Палестины. Да и кто не почтил бы

человека, так хранимого Богом и пользовавшегося таким Его попечением? Ни от кого, вероятно, не скрылось то, что случилось с царем и домом его. Так, все это было допущено, и искушения праведника дошли до такой степени — для того, чтобы и его терпение открылось яснее, и дела его разнеслись по всей вселенной, и никто не остался в неведении о добродетели праведника.

9. Видите, возлюбленные, сколько пользы от искушений! Видите, как велика награда за терпение! Видите мужа и жену, старца и старицу, какое показали они любомудрие, какое мужество, какую привязанность друг к другу, какой союз любви! Им-то будем все подражать, и никогда не станем роптать и думать, будто Бог оставляет нас и небрежет о нас, когда посылает на нас искушения, напротив, будем считать это за величайший знак Божия о нас попечения. В самом деле, если на нас лежит бремя грехов, то, показав (во время искушений) великое терпение и признательность, мы можем это бремя сделать легким; а если грехи наши не многочисленны, то и в таком случае, когда перенесем с благодарением, заслужим бóльшее благоволение свыше. Щедролюбивый и пекущийся о нашем спасении Владыка наш, посылая искушения, предлагает нам в них как бы некое училище и поприще борьбы для того, чтобы и мы сделали все, что только можем, и за это удостоились милостивого Его промышления. Зная это, не будем ослабевать в искушениях и роптать в скорбях, напротив, станем еще радоваться, подобно блаженному Павлу, который говорит: *ныне радуюся во страданиях моих* (Кол. I, 24). Видишь благопризнательную душу? Если он радовался в скорбях, то когда же мог быть в печали? Если то, что других печалит, в нем порождало радость, то подумай, каково было состояние души его? И чтобы тебе увериться, что мы не можем получить обещанных нам благ и сподобиться царства небесного, если не

пройдем настоящую жизнь путем скорбей, послушай, что апостолы говорят новообратившимся к вере. *И научивше многи*, сказано, *возвратишася в Листру и Иконию и Антиохию: утверждающе души учеников, и моляще пребыти в вере, и яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. XIV, 21, 22). Чем же мы извинимся в том, что не хотим великодушно, мужественно и с благодарностью переносить все постигающие нас бедствия, когда знаем, что нам невозможно и получить спасение иначе, как пройдя этим путем? Да и что в этом странного и нового, когда все праведники прошли настоящую жизнь путем скорби? Послушай Христа, Который говорит: *в мире скорбни будете, но дерзайте* (Ин. XVI, 33). Чтобы слышавшие это не упали духом, Он тотчас ободрил их и обещал им свою помощь: *но дерзайте*, говорит, *Аз победих мир*. Есть, говорит, у тебя тот, кто облегчит печаль твою, кто не попустит тебе погибнуть под бременем искушений, кто при искушении подаст и облегчение и не наведет бедствий сверх силы нашей (см.: 1 Кор. X, 12). Что же ты печалишься? Что скорбишь? Что ропщешь? Что малодушествуешь? Ужели Он оставит нас, если мы сделаем все, что только можем, — если покажем терпение, твердость и благодарность? Ужели обстоятельства, хотя бы они были в самом отчаянном положении, сильнее премудрости нашего Господа? Будем только мы исполнять, что нам должно, будем иметь искреннюю веру и надежду на премудрость Попечителя душ наших. А Он, лучше нашего знающий, что нам полезно, наверное устроит все так, как и Ему прилично, и нам полезно, чтобы нам и получить награду за терпение, и удостоиться Его человеколюбия, благодатью и щедротами Господа Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

Аврам же бяше богат зело скоты, и сребром, и златом. И иде, отнюдуже прииде, в пустыню до Вефиля, до места, идеже бе куща его первее, между Вефилем и между Агге, на место жертвенника, идеже сотвори его первее (Быт. XIII, 2—4)

1. Видя сегодняшнее ваше усердное собрание здесь и расположение к слушанию, хочу отдать вам долг, которым обязан я вашей любви. Знаю, что вы, может быть, и забыли уже (об этом долге), потому что много дней прошло между (прежними и нынешней беседой) и наше собеседование отвлекалось к другим предметам*. Наступление святого праздника пресекло у нас порядок (поучений). Неприлично же было, чтобы в то время, когда мы праздновали кресту Господню, преподавалось у нас учение о других предметах; надлежало на каждый день предлагать и вам сообразную (с ним) трапезу. Поэтому, когда наступил день предания (Христова Иудой), мы, прервав порядок поучений и сообразуясь со временем, обратили слово на предателя и затем предложили вам (поучение) о кресте. Потом, как настал день воскресения, нужно было научить вашу любовь о воскресении Владычнем, а в следующие дни представить вам доказательства воскресения (Христова) в совершившихся после него чудесах, что мы и сделали, когда, взявшись за Деяния апостольские, изготовляли вам оттуда постоянное пиршество, а вновь удостоившимся благодати (крещения) предлагали каждый день обильные увещания. Теперь же надобно напомнить вам о долге и тотчас сделать удовлетворение. Если вы, по

* Святой Иоанн Златоуст, сказав в продолжение святой четыредесятницы, до страстной недели, тридцать две беседы на книгу Бытия, в течение страстной недели, недели Пасхи и следующих дней пятидесятницы, говорил поучения о других предметах, приспособительно к самому времени.

причине развлечения множеством забот, и не знаете, в чем состоит этот долг, потому что имеете заботу и о жене, печетесь и о детях, промышляете и о насущном хлебе, и развлекаетесь множеством других житейских попечений, за то мы, ничем таким не смущаемые, и напоминаем вам о долге, и готовы отдать (его). И не удивляйтесь, что мы выказываем такую готовность (выплатить долг). Свойство этого долга противоположно чувственному богатству. Там должник не так-то скоро покажет такую готовность, зная, что уплата долга у него уменьшит имение, а у получающего увеличит достояние. Но в этом духовном долге нет ничего такого; напротив, здесь и должник, уплатив (долг), становится гораздо богаче, и у получающих увеличивается богатство. Поэтому у тех бывает много неудовольствий (при уплате долга); а здесь для обоих большая прибыль – и для уплачивающего, и для получающих. Это самое внушает блаженный Павел и в отношении к любви, когда говорит: *ни единому ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга* (Рим. XIII, 8), показывая, что этот долг, будучи и всегда уплачиваем, никогда не прекращается. Впрочем, недолжно быть небрежными и вам, когда располагаетесь получить (долг), потому что ваше усердие и нас, уплачивающих долг, сделает более богатыми, и вам доставит больше пользы. Итак, если таково свойство этого долга, что, чем больше мы будем уплачивать (его), тем больше будем умножать собственное достояние, то вот мы покажем, наконец, вам, в чем состоит наш долг, чтобы и вы с большим усердием приняли слова наши и, оценив нашу готовность, вознаградили нас тщательным вниманием к тому, что мы будем говорить. В чем же состоит долг? Вы знаете и помните, что мы изложили следующие обстоятельства в жизни патриарха (Авраама): его путешествие в Египет по причине голода, похищение Сарры фараоном и негодование, которое Бог, промышляя о правед-

нике, показал и над самим фараоном, и над всем домом его, и тем предуготовил патриарху весьма славное возвращение из Египта: *заповеда бо,* сказано, *Фараон мужем о Авраме, проводити его и жену его, и вся, елика быша ею, и Лота с ним. Изыде же Аврам от Египта сам, и жена его, и вся, елика его, и Лот с ним в пустыню* (Быт. XII, 20). Остановив на этом слово, мы обратили его, во все последующие дни, к учению о предметах, соответственных тому времени. Поэтому сегодня надобно восстановить порядок и, как бы в одно тело, соединить то, что будет говорено, с тем, что уже сказано: таким образом и поучение наше будет вам удобовразумительно. Но чтобы слова наши были тем яснее для вас, следует предложить любви вашей и самое начало нынешнего чтения. *Аврам же,* сказано, *бяше богат зело скоты, сребром и златом. И иде, отнюдуже прииде, в пустыню до Вефиля, до места, идеже бе куща его первее, между Вефилем и между Агге, на место жертвенника, идеже сотвори его первее: и призва тамо Аврам имя Господа Бога.* Не пройдем этого чтения без внимания, но постараемся ясно усмотреть точность Божественного Писания, как оно ничего не рассказывает нам ненужного. *Аврам же,* сказано, *бяше богат зело.* Заметь, во-первых, что оно не просто указало не напрасно и не без причины именно теперь называет его (патриарха) богатым. В самом деле, нигде в другом месте оно не упомянуло, что он был богат, но только теперь в первый раз. Отчего это и для чего? Для того, чтобы познал ты благоизобретательность премудрости Божией и необычайную и беспредельную силу промышления, какое Он явил в отношении к праведнику. Тот, кто, по причине сильного голода, не в состоянии был более жить в Ханаане, должен был отправиться в Египет, вдруг стал богат, и не просто богат, но *зело,* и не *скоты* только, но *и сребром, и златом.*

2. Видишь ли, каково промышление Божие? Пошел (Авраам) искать облегчения от голода, — и возвратил-

ся, не только спасшись от голода, но и стяжав великое богатство и несказанную славу, всем показав о себе, кто таков был он. Теперь уже и хананейские жители лучше узнали добродетель праведника, когда увидели, какая внезапная произошла перемена и каким богатством обладает этот странник, который пошел в Египет как беглец и скиталец. Замечай притом, что он и от великого счастья и от избытка богатства не сделался надменнее и беспечнее, но опять спешит в то самое место, где был прежде, до отшествия в Египет. *Иде*, сказано, *в пустыню до места, идеже бе куща его первее, на место жертвенника, идеже сотвори его первее: и призва имя Господа Бога.* Посуди, как он любил тишину и спокойствие, и постоянно прилежал к служению Богу. Он дошел, сказано, до того места, где прежде он создал жертвенник и призывал имя Божие, и (таким образом) задолго прежде и заранее исполнил уже то, что сказано было Давидом: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих* (Пс. XXXIII, 11). Пустыня, ради призвания в ней имени Божия, была для него дороже городов. Он знал, знал, что и величие городов составляет не красота зданий и не многочисленность жителей, но добродетель обитателей. Вот почему и пустыня, украшаемая добродетелью праведника, стала лучше городов и знаменитее обитаемой земли. *И Лоту*, сказано, *ходящу со Аврамом, бяху овцы, и волы, и скоты, и не вмещаше их земля жити вкупе, яко имения их бяху многа, и не можаху жити вкупе* (ст. 5). Не только у самого патриарха умножилось имение, но *и Лоту, бяху овцы, и волы, и скоты.* Может быть, иное сам (патриарх), будучи щедр, подарил племяннику, а иное дали ему и другие из уважения к патриарху. *И не вмещаше их*, сказано, *земля, яко имения их бяху многа* (ст. 6). Смотри, как избыток богатства тотчас становится причиной разделения, производит разрыв, нарушает согласие, расторгает узы родства: *и бысть распря между пастухи скота Аврамля и между пасту-*

хи Лотовыми. Хананеи же и Ферезеи тогда живяху на земли (ст. 7). Смотри, как слуги полагают начало раздору; отсюда-то и всегда возникает зло — от худого нрава служителей: *бысть же,* сказано, *распря между пастухи.* Они-то подают повод к разделению, нарушают согласие, выказывают сильное недоброжелательство (друг к другу). *Хананеи же и Ферезеи тогда живяху на земли.* Для чего заметило это нам Божественное Писание? Так как оно сказало, что *не вмещаше их земля жити вкупе,* то и хочет показать нам причину (этого), — потому, то есть, *не вмещаше их* (земля), что была еще занята этими народами. Но посмотрим на боголюбивое расположение души патриарха, как он своей кротостью погашает готовый уже вспыхнуть пламень. *Рече,* сказано, *Аврам Лоту: да не будет распря между мною и тобою, и между пастухи моими и пастухи твоими, яко братия мы есмы* (ст. 8). Обрати внимание на глубину смирения и высоту любомудрия: старец, человек преклонных лет, называет юношу, племянника своего, братом, ставит его наравне с собой и не усвояет себе никакого преимущества перед ним, но говорит: *да не будет распря между мною и тобою, и между пастухи моими и пастухи твоими;* не прилично, говорит, быть этому, потому что *братия мы есмы.* Видишь, как он исполняет апостольскую заповедь, которая говорит: *уже убо отнюд вам срам есть, яко тяжбы имате между собой. Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишени бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братию* (1 Кор. VI, 7, 8). Все это исполняя на деле, патриарх говорит: *да не будет распря между пастухи моими и пастухи твоими, яко человецы братия мы есмы.* Что может быть миролюбивее этой души? Так не напрасно и не без причины сказал я выше, что (Авраам) по любви к миру и безмятежию ставил пустыню выше обитаемой земли. Смотри, как и теперь он, узнавши точно, что пастухи ссорятся (между собой), тотчас же в самом начале пытается погасить готовый вспыхнуть пламень

и прекращает раздор. Действительно, ему, призванному быть учителем любомудрия для всех, живущих в Палестине, надлежало ни в чем не подавать (им) соблазна или дурного примера, напротив, кротостью своего нрава, сильнее трубы, вразумить всех их и сделать подражателями своей добродетели. *Да не будет,* говорит, *распря между мною и тобою, и между пастухи моими и пастухи твоими, яко человецы братия мы, есмы.* Много скромности в этих словах: *между мною и тобою!*

3. Смотри, — он говорит с ним, как с равным себе, тогда как вся ссора возникла, мне кажется, не из-за чего иного, как из-за того, что пастухи патриарха не позволяли тем (пастухам Лотовым) пользоваться одинаковой с ними свободой. Но праведник все делает с кротостью, желая показать высоту своего любомудрия и научить не только своих современников, но и все последующие роды — никогда (не допускать), чтобы служащие нам ссорились с ближними, потому что их ссоры делают великое бесчестье нам, и происходящее между ними не им вменяется, но обращается в укоризну нам. Итак, прилично ли, чтобы те, которые суть братья между собой, имеют не только одну природу, но и общее родство, и присуждены жить здесь, как странники, чтобы эти люди (Авраам и Лот) впадали в такого рода ссоры, тогда как они должны быть для своих слуг учителями кротости и смирения, и всякого любомудрия? Да слышат это те, которые считают себя свободными от упрека, когда своим домашним, по привязанности к ним, позволяют хищничать, лихоимствовать, делать соседям бесчисленные обиды и в городах, и на полях, отнимать у одного поле, у другого дом, и даже за это выказывают к ним еще больше благоволения. Пусть несправедливость была делом другого, но и ты сделался участником в ней, не потому только, что порадовался этому и думал, что от этого прибавится у тебя имущества и больше будет богатства, но и потому, что не воспрепятствовал

совершению этой несправедливости в самом начале ее. Кто мог остановить обидчика и не сделал этого, тот не меньшему, чем обидчик, подвергнется наказанию.

Не будем же, умоляю, обольщать себя, но как сами будем избегать хищения и любостяжания и умножения своего богатства подобными (средствами), так и своим домашним станем внушать не делать ничего такого. Преступления их не освобождают нас от вины, напротив, подвергают еще большему осуждению, поскольку они отваживаются делать обиду из угождения нам, и, губя собственное спасение, вместе с собой увлекают и нас в погибель. А если мы решимся быть внимательными, то и сами избавимся от такой гибели, и их удержим от злого предприятия. И не говори мне этих слов пустых: что мне за нужда? Ведь не я похитил? Я ничего не знаю: другой сделал, я не участвовал в обиде. Это только отговорка и пустое оправдание. Если хочешь доказать, что ты не был сообщником в обиде и не содействовал, не был виновником хищения, то поправь сделанное, успокой оскорбленного, возврати похищенное. Таким образом ты и себя освободишь от нарекания, и обидчика исправишь, доказав, что не по твоему желанию он сделал зло, и бедному, утешив его, не попустишь погибнуть от печали, какой он подвергся бы из-за потери. *Да не будет,* сказал Авраам, *распря между мною и тобою, и между пастухи моими и пастухи твоими, яко человецы братия мы есмы.* Видишь кротость? Видишь смирение (Авраама)? Послушай, что следует и далее, чтобы узнать все величие его любомудрия. Как он разрешил спор и прекратил распрю? *Не се ли,* говорит, *вся земля перед тобою есть? Отлучися ты от мене: аще ты на лево, аз на десно; аще же ты на десно, аз на лево* (ст. 9). Усматривай здесь любомудрие и глубокое смиренномудрие праведника. А еще прежде того подумай, возлюбленный, какой вред (происходит) от богатства и какое расстройство от великого избытка. Умножились стада, притекло великое

богатство, – и тотчас пресеклось согласие, и там, где был мир и союз любви, (явились) ссоры и вражда. Подлинно, где *мое* и *твое,* там все виды вражды и источник ссор, а где нет этого, там безопасно обитает согласие и мир. И чтобы увериться тебе в этом, послушай, что говорит блаженный Лука о тех, которые в самом начале обратились к вере. *Бе,* говорит, *у всех сердце и душа едина* (Деян. IV, 32): это значит не то, чтобы все они имели одну только душу (как возможно быть одной душе в различных телах?), но показывает нам твердое (между ними) согласие. Если бы и праведник (Авраам) не был весьма великодушен и любомудр, то разгневался бы и сказал бы Лоту: что за дерзость такая? Как твои домашние осмелились открыть и уста против моих домочадцев? И не подумали они, какое расстояние между нами? Откуда явилось у тебя такое богатство? Не от моей ли заботливости? Кто тебя и в люди вывел? Не я ли, который заменил для тебя всех и показывал во всем отеческую о тебе попечительность? Эту ли награду воздаешь ты мне за многие тебе услуги? Этого ли я надеялся, когда водил тебя всюду с собой? Но пусть ты не взял во внимание ничего из сделанного тебе мной: не надлежало ли тебе постыдиться хотя моей старости и уважить седины мои? Но ты позволил своим пастухам оскорбить моих пастухов, не подумав, что как оскорбление, им причиненное, переходит на меня, так и дерзость твоих пастухов падает на тебя.

4. Но праведник не захотел и подумать ничего такого, но, отринув всякий подобный помысл, об одном только и старается, как бы прекратить готовую вспыхнуть ссору и, придумав безобидный способ разлуки, избавить дом свой от всякого беспокойства. *Не се ли,* говорит, *вся земля перед тобою есть, отлучися от мене: аще ти на десно, аз на лево; аще ты на лево, аз на десно.* Смотри на кротость праведника. Показывая Лоту на деле, что он делает это не по своей воле и не по желанию

отделиться от него, но вследствие ссоры и для того, чтобы не было в доме постоянной брани, смотри, как он (Авраам) своими словами укрощает горячность Лота, предоставляет ему полную свободу выбора и предлагает всю землю, говоря: *не се ли вся земля перед тобою?* Какую ты захочешь, ту и бери себе; а я с великим удовольствием возьму ту, которую ты оставишь мне. Велико любомудрие праведника! Ни в чем не хочет он быть в тягость своему племяннику. Так как, говорит он, делается то, чего я не хотел, и так как для прекращения ссоры необходимо нам разлучиться, то я оставляю тебя свободным на выборе и даю тебе полную волю – взять себе ту землю, какую почтешь лучшей, а остальную оставить мне. Сделал ли бы кто и для равного себе по возрасту брата то, что патриарх сделал для племянника? Если бы даже и сам он наперед сделал выбор, и себе взял лучшую часть, а Лоту уступил только остальное, то и в этом случае не великое ли он сделал бы дело? Но он, желая и показать величие своей добродетели, и исполнить желание юноши, чтобы от разлуки их не произошло никакого повода к неудовольствию, предоставляет Лоту полную свободу и говорит: *се вся земля перед тобою, отлучися ты от мене,* и какую (землю) хочешь, возьми. Испытав такую кротость (со стороны Авраама), племянник должен бы был со своей стороны оказать почтение патриарху, и ему, а не себе, предоставить право свободного выбора. Таков ведь обычай у всех нас – людей, что, когда увидим, что наши противники хотят вступить в спор с нами за что-нибудь и усиливаются занять первое место, мы не соглашаемся понести унижение и не уступаем им; а когда увидим, что они уступчивы и ласковыми словами предоставляют нам полную свободу, то, как бы стыдясь великой их кротости, мы и спорить перестаем, и, наоборот, предоставляем им всю власть, хотя бы противник наш, по-видимому, был и ниже (нас). Так следовало бы и Лоту поступить в отно-

шении к патриарху; но, как юноша, притом увлекаемый желанием большего, он спешит занять лучшее, как ему казалось, место, и сам делает выбор. *И возвед*, сказано, *Лот очи свои, виде всю окрестную страну иорданскую, яко вся напояема бяше водою, прежде неже низвратити Богу Содом и Гоморр, яко рай Божий и яко земля египетская, даже приити до Зогора. И избра себе Лот всю окрестную страну иорданскую, и отъиде Лот от востока, и разлучишася кийждо от брата своего* (ст. 10). Видишь необычайно великую добродетель праведника, как он не допустил и дать росток корню зла, но в ту же минуту исторгнул и истребил то, что готово было возникнуть, употребив при этом великую кротость, обнаружив, из любви к добродетели, величайшее презрение ко всему другому, и показав всем, что для него дороже всякого богатства мир и свобода от распри? Чтобы кто не обвинил праведника в несправедливости к Лоту, то есть что, уведя его из (отеческого) дома, приведя в чужую сторону, он отгоняет его теперь от себя, чтобы также не подумал кто, будто (Авраам) делает это по вражде к нему (Лоту), чтобы, напротив, все мы знали, что он поступает так из любви к миру, — для этого он и предоставил выбор Лоту, и, когда тот взял себе лучшее место, не опечалился; отсюда уже все мы можем видеть, как сердце праведника было расположено к добру и к чему стремилась миролюбивая душа его. Впрочем, (в этом событии) предустроялась и некоторая другая тайна, чтобы, то есть, вследствие его совершилось многое, именно: чтобы и Лот узнал на деле, что он незаконно сделал выбор, и жители Содома познали добродетель Лота, и, по воспоследовании разлуки, пришло в исполнение данное патриарху обетование Божие: *тебе и семени твоему дам землю сию;* все это мы, мало-помалу простираясь вперед, увидим по указанию Божественного Писания. *Аврам же,* сказано, *вселися в земли ханаанстей: Лот же вселися во граде окрестных стран, и вселися в Содоме. Человецы же, сущии в Содоме,*

зли и грешни перед Богом зело (ст. 12). Видишь ли, Лот обращает внимание только на свойство земли, а не смотрит на злонравие жителей? Какая польза, скажи мне, в тучной и плодоносной земле, когда ее обитатели злонравны? И что за вред от пустыни и от самой бесплодной земли, когда живущие на ней благонравны? Самое главное благо есть благонравие жителей. Но Лот смотрел только на одно – на плодородие земли. Поэтому-то Писание, желая сделать нам известным злонравие тамошних жителей, говорит: *человецы же, сущии в Содоме, зли и грешни перед Богом зело*; не только, говорит, *зли*, но и *грешни*, и не просто *грешни*, но и *перед Богом*; то есть весьма многочисленны были грехи их и нечестие их чрезмерно – почему, и прибавило (Писание): *перед Богом зело*. Видишь великость нечестия? Видишь, какое зло гнаться за первыми местами, а не смотреть на истинную пользу? Видишь, что значит кротость, уклонение от первенства и смирение? Вот в следующем поучении мы увидим, что тот, кто избрал лучшие места, не получил от этого никакой пользы, а взявший худшие делался со дня на день славнее – и богатство его со всех сторон увеличивалось, и (сам он) стал знаменит у всех.

5. Но чтобы не слишком продолжить поучение, на этом остановим слово, а прочее оставим до следующего дня, попросив вас подражать патриарху, и никогда не восхищать первенства, но следовать блаженному Павлу, который говорит: *честью друг друга больша себе творяще* (Рим. XII, 10), и стараться уничижать себя во всем. Это-то (самоуничижение) и доставляет (нам) первенство, как и Христос сказал: *смиряяй себе вознесетеся* (Лк. XIV, 11). Итак, что может сравняться с тем поведением, когда мы, уступая другим первенство, через это сами достигаем большей чести, и оказывая другим предпочтение, через это сами себя возводим на высшую почесть? Об этом-то, умоляю, будем стараться, чтобы, то

есть, подражать смиренномудрию патриарха и нам, сущим под благодатью, идти по стопам того, кто еще до закона показал такое любомудрие. Подлинно истинное смиренномудрие показал этот чудный муж в отношении к человеку, который был гораздо ниже его не только по добродетели, но и по возрасту, и по всему другому. Подумай только, что старец уступил юноше, дядя племяннику, (человек) заслуживший такое благоволение у Бога — тому, кто не сделал еще ничего великого, патриарх оказал юноше то, что должен бы оказать он, как юноша, старцу и дяде своему. Так и мы будем оказывать уважение не одним только высшим нас, или равным с нами: это не было бы смиренномудрие, потому что когда кто делает необходимо должное, то это уже не смиренномудрие, но долг. Истинное смиренномудрие в том, когда мы уступаем тем, кто, по-видимому, ниже нас, и оказываем предпочтение тем, кто считается хуже нас. Впрочем, если мы будем рассудительны, то не будем никого считать ниже нас, но всем людям станем отдавать преимущество перед собой. И это говорю я не о тех из нас, которые погружены в (бездну) бесчисленных грехов; нет, пусть кто сознает в себе и бесчисленные совершенства, но, если только он не думает о себе, как о последнем между всеми, его совершенства не принесут ему никакой пользы. В том-то ведь и состоит смиренномудрие, когда кто, имея чем превозноситься, уничижает, смиряет и ведет себя скромно. Тогда-то он и восходит на истинную высоту по обетованию Господа, Который говорит: *смиряяй себе вознесется.* Потщимся же все, молю вас, взойти на высоту смиренномудрия, чтобы заслужить одинаковое с праведником благоволение у Владыки, и удостоиться неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Рече же Господь Авраму, повнегда разлучитися Лоту от него: воззрев очима твоима виждь от места, идеже ты ныне еси, к северу и югу, и востоку и морю: яко всю землю, юже ты видиши, тебе дам ю (Быт. XIII, 14—15)

1. Вчера узнали вы, возлюбленные, об изумительном смиренномудрии патриарха, видели его чрезвычайную кротость. В самом деле, немаловажным было делом, что старец, совершивший столько добрых дел, удостоившийся такого благоволения от Владыки всяческих, оказал юноше — племяннику такую со своей стороны честь, что уступил ему даже первые места (при выборе земли), а сам взял худшие, и все сделал, чтобы только прекратить ссору и устранить повод к распре. Ему-то все мы постараемся подражать, и не станем никогда превозноситься над ближними, ни много думать (о себе), но с великим смиренномудрием будем уступать (другим) и поспешим уничижать себя и в поступках, и в словах; не будем враждовать даже против тех, кто оскорбляет нас, хотя бы это были и облагодетельствованные нами (в этом-то и состоит самое высокое любомудрие); не будем также раздражаться обидами, хотя бы досаждающие нам были и хуже нас, но станем укрощать гнев (других) своей кротостью и тихостью. Подлинно нет ничего сильнее ее, нет ничего могущественнее. Она вводит душу нашу в постоянный мир, заставляя ее стремиться к нему, как бы в пристань, и таким образом служит для нас источником всякого успокоения. Потому-то и Христос, предлагая Божественное Свое учение, сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. XI, 29). Действительно, ничто так не доставляет душе спокойствия и тишины, как кротость и смиренномудрие; а для стяжавшего это благо оно дороже всякой

диадемы, полезнее всякого блеска и славы. Что, в самом деле, может быть блаженнее человека, свободного от внутренней брани? Пусть мы вполне пользуемся внешним миром и услужливостью (ближних); но если внутри нас, от возмущения помыслов, возникает шум и буря, то нет никакой пользы от внешнего спокойствия, подобно тому, как нет ничего жалче того города, который хотя и огражден бесчисленными стенами и окопами, но терпит измену от обитающих внутри его. Итак, об этом-то, прошу, позаботимся прежде всего, как бы нам сделать душу свою безмятежной, привести ее в мирное состояние и быть свободными от всякого неприятного чувства, дабы и самим нам наслаждаться совершенным спокойствием, и с ближними нашими быть в согласии. В том-то ведь особенно и заключается отличительное свойство разумного человека, чтоб быть скромным, кротким, снисходительным, смиренным, тихим, не водиться и не увлекаться рабски гневом, или другими страстями, но разумом побеждать внутренние беспорядочные движения, охранять свое высокое достоинство и не унижаться, по беспечности, до зверского состояния бессловесных. А чтобы знать тебе, как велика сила кротости и смиренномудрия, и как эта одна добродетель могла того, кто преуспел в ней совершенно, сделать достойным неизреченных похвал, послушай о прославлении блаженного Моисея, и о венце, который сплетен ему за эту добродетель. *И Моисей,* сказано, *бяше кроток зело паче всех человек, сущих на земли* (Числ. XII, 3). Видишь, какая великая похвала: она поставила его наравне со всем родом человеческим, или — лучше сказать — выше всего рода человеческого. То же говорит Писание и о Давиде: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. CXXXI, 1). Этой-то добродетелью и патриарх (Авраам) стяжал еще большее (против прежнего) благоволение свыше, и, сделав со своей стороны, что мог, удостоился за это

больших (благ) от человеколюбивого Бога. Это вы увидите, когда мы предложим вам продолжение вчерашнего слова и объясним вашей любви, что было уже прочитано (из Писания). Когда (патриарх) с великой кротостью уступил Лоту лучшие места, и, предоставив ему право выбора, охотно взял худшую часть, лишь бы только прекратить распрю, смотри, какую тотчас получает он награду от Бога, и как Бог, по великой щедрости Своей, удостаивает его еще большего воздаяния. Таков наш Владыка: едва Он увидит, что мы пожертвуем чем-нибудь малым, как уже и дает нам со Своей стороны богатое вознаграждение, и такую являет щедрость, которая безмерно превосходит наши (заслуги).

2. И поступает так Он со всеми нашими приношениями. Что, скажи мне, ничтожнее двух лепт? Однако (Бог) сделал то, что вдовица, положившая две лепты, доселе прославляется за это во всей вселенной (см.: Лк. XXI, 3). И что говорю о двух лептах? Если кто подаст (жаждущему) и стакан холодной воды, то и за это (Бог) предназначает великие награды, так как Он творящим добродетель венцы дает всегда, судя по расположению (их) сердца (см.: Мф. X, 42). То же, как всякому известно, делает Он и в отношении к подвигу молитвы. Если Он увидит, что кто-нибудь приближается (к Нему) с усердием, тотчас скажет ему: *еще глаголющу ти, се есмь* (Ис. LXV, 24). А если (человек) покажет продолжительную настоятельность, то (Бог) и прошения его исполняет с великой любовью и горячей ревностью, да и прежде еще (исполнения) прошений похваляет и венчает его. Так именно и сделал он с хананеянкой. Когда увидел Он ее усердие и великое постоянство (в мольбе), то сначала одобрил ее и увенчал, так сказать, похвалами и сделал известной для всей вселенной, а потом уже и прошения (ее) исполнил с великой благостью. Сказав: *о, жено, велия вера твоя,* Он потом прибавил: *буди тебе, якоже хощеши* (Мф. XV, 28). И если бы мы захотели

пересмотреть все подобные примеры в Божественном Писании, то везде увидели бы великую щедродательность Господа. В этом-то совершенно уверенный и зная, что кто уступит меньшее, тот получит большее, патриарх, как вы слышали вчера, уступил Лоту (лучшую часть), а себе взял худшую, чтобы и устранить повод к распре, и показать собственную добродетель, и водворить мир во всем доме своем. Но посмотрим из нынешнего чтения, какие получает он от Господа награды за такую свою кротость. *И рече*, сказано, *Бог Авраму, повнегда разлучитися Лоту от него:* воззрев *очима твоима, виждь от места, идеже ты ныне еси, к северу и югу, и востоку и морю: яко всю землю, юже ты, видиши, тебе дам ю и семени твоему* до века. Смотри, как (близок) промысл Божий, и как скоро воздает (Господь) праведнику. Так как Божественное Писание хочет показать нам, какой награды удостоился патриарх от человеколюбивого Бога за столь великое свое смиренномудрие, то сказав, что Лот отделился (от Авраама) и ушел в землю, которую он выбрал себе, как самую лучшую, оно тотчас прибавило: *и рече Господь Бог Авраму*. Далее, чтобы мы удостоверились, что (Господь) точно говорит это (Аврааму) в награду за его поступок с Лотом, (Писание) прибавило: *и рече Бог Авраму, повнегда отлучитися Лоту от него,* как бы говоря ему прямо такими словами: ты, по великой кротости, уступив племяннику лучшую землю, показал этим крайнее смиренномудрие, и столько позаботился о мире, что решился на все, лишь бы не было между вами никакой ссоры: прими же за это от Меня щедрую награду, — воззрев, говорит, *очима твоима виждь от места, идеже ты ныне еси, к северу и югу, и востоку и морю: яко всю землю, юже ты видиши, тебе дам ю и семени твоему* до века. Видишь ли, что награда гораздо выше заслуги его (Авраама)? И человеколюбивый Господь начинает с тех же слов, в каких патриарх сделал уступку (Лоту). Как он сказал: *не се ли вся земля перед тобой есть? Отлучися от*

мене, — аще ты на десно, аз на лево; аще же ты на лево, аз на десно; так и Господь говорит: воззрев *очима твоима, виждь от места, идеже ты ныне еси: яко всю землю, юже ты видиши, тебе дам ю и семени твоему* до века. Смотри здесь, как необычайно велика щедрость Божия: ты, говорит (Бог Аврааму), предоставив свободу выбора (племяннику), уступил (ему) ту землю, какую он вздумал выбрать, а сам взял остальную; Я же показываю такую щедрость, что всю землю, на которую простираются взоры твои во все стороны, к северу и югу, к востоку и западу, всю эту землю, которую ты видишь, отдам тебе; и не только тебе, но — *и семени твоему* до века. Видишь щедрость, достойную благости Божией? Видишь, сколько (патриарх) уступил, и чего за то удостоился? Поучимся отсюда показывать великую щедрость в милостыне, чтобы, давши немногое, удостоиться великих (наград). В самом деле, скажи мне, какое тут равенство — дать немного денег, и получить оставление грехов? Напитать алчущего — и удостоиться дерзновения в тот страшный день (суда) и услышать слова, стоящие царства: *взалкахся и дасте ми ясти* (Мф. XXV, 35)? Разве Тот, Кто явил тебе такую щедрость, не мог сам удовлетворить требования и этого алчущего? Но Он оставляет его бедствовать в нищете для того, чтобы и он стяжал великую награду за терпение и ты милостыней приобрел себе дерзновение.

3. Видишь человеколюбие Господа, как Он все устрояет к нашему спасению? Итак, когда подумаешь, что (бедный), борясь с нищетой, истаивает от голода ради тебя и твоей пользы, не проходи (мимо его) без сострадания, но будь верным распорядителем того, что тебе вверено от Господа, чтобы, удовлетворив нужде бедного, и сам ты снискал себе свыше великое благоволение. Прославь и Господа Своего за то, что Он ради тебя и твоего спасения попустил этому человеку жить в бедности, чтобы ты мог найти для себя способ и грехи свои очистить, и благим употреблением вверенного тебе от

Господа заслужить те похвалы, которые превосходят всякое слово и понятие, — ведь ты услышишь: *добре, благий рабе и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа твоего* (Мф. XXV, 23). Помышляя об этом, будем смотреть на бедных, как на благодетелей, как на таких людей, которые могут доставить нам средство ко спасению; будем подавать им (милостыню) с щедростью и горячим усердием, никогда не делая неприятного вида при подаянии, но разговаривая с ними весьма кротко и показывая великую снисходительность (к ним). *Приклони,* сказано, *нищему ухо твое, и отвещай ему мирная в кротости* (Сир. IV, 8), чтобы, еще прежде подаяния, ласковыми словами ободрить сокрушенную великой бедностью душу его. *Лучше,* сказано, *слово, паче даяния* (Сир. XVIII, 17). Так-то и слово может ободрить душу и доставить ей великое утешение.

Итак, будем подавать щедрую милостыню, взирая не на принимающего только, но помышляя о Том, Кто относит к Себе все, что ни делается для бедных, Кто обещает награду за подаяние: к Нему-то возводя ум, постараемся давать (милостыню) со всем усердием, и щедро сеять, пока есть время, чтобы получить и щедрую жатву: *сеяй,* сказано, *скудостию, скудостию и пожнет* (2 Кор. IX, 6). Итак, не скупой рукой будем бросать эти добрые семена, чтобы в свое время пожать нам в изобилии. Теперь — время сеяния: не упустим же его, чтобы в день воздаяния за посеянное здесь пожать нам плоды и удостоиться человеколюбия Божия. Никакая другая добродетель не может так угасить греховный наш пламень, как щедрая милостыня. Она и грехи наши уничтожает, и доставляет нам дерзновение (перед Богом), и предуготовляет наслаждение неизреченными благами. Но довольно уже сказано к вашему назиданию и в объяснение того, что, давая немногое, мы удостаиваемся от Господа большего. Уклонилось же слово наше к увещанию о милостыне по случаю того, как мы сказали, что

патриарх, уступив Лоту часть земли и даже предоставив ему самую лучшую землю, а себе взяв худшую, за это удостоился от Бога такой щедрой награды, что ему дано Богом обетование, превышающее всякий ум и понятие. Воззрев, сказано, *очима твоима, виждь от места, идеже ты ныне еси, к северу и югу: яко всю землю, юже ты видиши, тебе дам ю, и семени твоему* до века. Ты, говорит, уступил племяннику часть земли: так вот Я обещаю тебе всю землю; мало этого, Я обещаю дать ее и семени твоему, и притом до века, то есть навсегда. Видишь, как щедр Господь в благодеяниях? Так как знал (Господь), что этого особенно и желал патриарх и ничто так не укрепит его усердия*, то и говорит: Я и это сделаю для тебя, что, то есть, и потомки твои будут пользоваться этой землей и владеть ею всегда. Потом, чтобы (Авраам), смотря только на свою природу и старость, также на неплодство Сарры, не усомнился в обетовании, но положился бы на силу Обетовавшего, (Бог) говорит: *и сотворю семя твое, яко песок земный. Аще кто может исчести песок земный, то и семя твое изочтет.* Поистине, обетование было превыше естества человеческого! Господь обещал не только сделать патриарха отцом, тогда как столько было препятствий к этому, но и дать (ему семя) столь многочисленное, что оно сравняется с (количеством) песка земного и даже будет неисчислимо, — этим сравнением Он хотел показать необычайную великость (обетования).

Смотри, как человеколюбивый Господь мало-помалу упражняет добродетель праведника. Сказав уже прежде: *и семени твоему дам землю сию,* Он теперь опять говорит: *и семени твоему дам* до века *и сотворю е, яко песок земный.* Между тем обетование пока ограничивается только словами, и много проходит времени меж-

---

* Как обетование о том, что и потомки его будут владеть землей, которая дана ему.

ду обетованием и его исполнением, чтобы мы узнали и боголюбивую душу патриарха, и беспредельную силу Божию. (Бог) намеренно медлит и отлагает (исполнение обетований), чтобы получившие обетование, дойдя до глубокой старости, и, так сказать, отчаявшись (в исполнении), по порядку дел человеческих, тогда-то и дознали опытом и собственную немощь, и несказанно великую силу Божию.

4. Посуди же, по продолжительности времени, протекшего между обетованием и его исполнением, о твердости души патриарха, как он, минуя все человеческое, обратил мысль свою к силе Обетовавшего, и не смущался, не колебался. Вы знаете, что если кто раз и два, обещавшись, не привел в исполнение своего обещания, мы как-то уже нелегко верим потом его обещаниям. Так и должно быть в отношении к человеку. Но что касается до Бога, Который с великой премудростью устрояет дела наши, то, когда Он однажды даст нам обетование, хотя бы потом возникло бесчисленное множество препятствий, мы, взирая на величие силы Его, должны быть уверены, иметь твердое убеждение и помнить, что слово Его непременно придет в исполнение. Нет ничего такого, что могло бы когда-либо остановить (исполнение) Его обетования. Он – Бог, для Которого все возможно, и потому направляет обстоятельства, куда хочет, будучи силен найти путь и в местах непроходимых, и после того, как мы уже отчаялись, подавая нам благие надежды, чтобы мы таким образом яснее познавали безмерное величие Его благоустроительной премудрости. *Востав*, сказано, *пройди землю в долготу ее и в широту, яко тебе дам ю* (ст. 17). Смотри, как (Бог) всячески хочет возбудить в праведнике живое упование. *Востав*, говорит, обойди вокруг, осмотри и длину и широту (земли), чтобы узнать тебе обширность земли, которой будешь пользоваться и, прежде еще обладания (ею), утешаться уже надеждой. Сколько ты ни обойдешь

земли, (всю) ее отдам тебе, дабы ты знал, что ты уступил (племяннику) не столько, сколько теперь имеешь получить. Не думай же, будто ты получил худшую часть, когда тот (Лот) завладел, по-видимому, лучшими местами. Скоро увидишь на самом деле, что немного пользы принес ему выбор лучших мест, да и сам он узнает, какое зло — искать лучших мест. А ты теперь же получи награду за смиренномудрие и кротость, которую показал ты в отношении к племяннику, прими обетование и узнай всю ту землю, которой ты — господин и которой скоро овладеешь ты и семя твое навсегда: *и семени твоему*, сказано, до века. Величественно обетование Божие! Велико обилие щедрот у Владыки всех нас! Необычайна награда, какую человеколюбивый и благоутробный (Бог) даровал и тому блаженному и имеющему произойти от него потомству! Услышав это, изумленный несказанной благостью Божией, патриарх, *отселився*, сказано, *пришед вселися у дуба мамврийского в Хевроне* (ст. 18). То есть, получив обетование и расставшись с Лотом, он перенес свою кущу под дуб мамврийский. Смотри на любомудрое расположение души, смотри на высоту духа, как он (патриарх) легко переселяется, и не скорбит, переходя с места на место. Ты не увидишь, чтобы им обладала или связывала его привычка, чему нередко подвергаются даже те, которые, по-видимому, уже любомудрствуют и стали свободными от мирских смятений. Как придет время переселиться и перейти в чужую землю, часто и ради духовной нужды, увидишь, как они скорбят, печалятся и тяготятся перемещением, потому что связаны привычкой. Но не так (поступал) праведник; нет, он с самого начала, с самых ранних лет поступал мудро и, как странник и пришелец, переселялся то оттуда сюда, то отсюда туда и везде старался показать на деле боголюбивое свое расположение. Так, едва поселился он под дубом мамврийским, как тотчас же и устроил там жертвенник Господу. Видишь благодарную

душу? Едва устроил кущу, как тотчас же вознес ко Господу благодарение за дарованное ему обетование. Да и на каждом месте, где ни поселялся он, прежде всего заботился об этом, — устроял жертвенник, возносил молитвы и исполнял апостольскую заповедь, повелевающую *на всяком месте молитися, воздеюще преподобныя руки* (1 Тим. II, 8). Видишь душу, воскрыленную любовью к Богу и за все приносящую благодарность. Он не ждал, пока обетование исполнится; но благодарит за обетование и делает со своей стороны все, чтобы, изъявив благодарность за прежнее, расположить Своего Господа и к исполнению обетования.

5. Этому (праведнику) будем подражать и мы будем твердо полагаться на обетования Божии, — и пусть ни продолжительность времени не ослабляет нашего усердия, ни какие бы то ни было встречающиеся препятствия не колеблют наших помыслов. Напротив, уповая на силу Божию, будем являть такую искреннюю веру, как будто бы мы уже перед глазами у себя имели исполнение обетований. Ведь и нам Господь обетовал великие, чрезвычайные и превосходящие наши понятия (дары): разумею наследие царствия (небесного), участие в неизреченных благах, жительство с ангелами, освобождение от геенны. Однако не будем не верить (этим обетованиям) потому только, что не видим (обещанного) телесными очами; но, помышляя о неложности Обетовавшего и о великом могуществе Его, будем созерцать эти блага очами веры и, судя по тому, что уже даровано нам, будем питать добрые надежды и в отношении к будущему. Для того-то Он и даровал нам многое здесь, чтобы, вразумляемые здешними (благами), мы твердо надеялись и на тамошние. Тот, кто из любви к нам предал Сына Своего, ужели не дарует нам и всего прочего, как и Павел сказал: *Иже Сына своего не пощаде, но за нас всех предал есть его, како не и с ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? Если (Бог) Сына Своего

предал за нас грешных, если удостоил нас дара крещения, если даровал нам оставление прежних грехов, если открыл путь покаяния, если для нашего спасения совершил бесчисленное множество других дел, то явно, что подаст и уготованные нам в будущем (веке) блага. По Своей благости предуготовив эти блага прежде, чем мы явились в мир, ужели Он не даст (нам) и насладиться ими? А (дабы тебе увериться), что Он еще заранее предуготовил эти блага для нас, послушай, что́ Он сам скажет к стоящим одесную (Его на последнем суде): *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие прежде сложения мира* (Мф. XXV, 24). Видишь безмерную благость, по которой Он явил такую любовь к нашему роду, что еще прежде создания мира уготовал нам наслаждение царствием? Не будем же, прошу, непризнательны, не сделаем себя недостойными столь многих даров, но возлюбим, как подобает, Господа нашего и не станем делать ничего такого, что могло бы прекратить Его к нам благоволение. Разве мы предварили это дело? Он, предупредив нас, явил великую и неизреченную любовь к нам. Не странно ли же не любить и нам, сколько можем, Того, Кто так возлюбил (нас)? Он (Господь Иисус Христос), из любви к нам, все претерпел с радостью: изойдя из самых, так сказать, недр отеческих, благоволил принять зрак раба, испытать все человеческие (нужды), потерпеть озлобления и бесчестье от иудеев, наконец, приял крест и поносную смерть, чтобы посредством веры в Него избавить нас, пресмыкавшихся по земле и обремененных бесчисленным множеством тяжких грехов. Помышляя обо всем этом, блаженный Павел, пламенно любивший Христа, обтекший, как бы на крылах, всю вселенную, старавшийся в теле явить (совершенства) бестелесных существ, восклицал так: *любы* Христова *обдержит нас* (2 Кор. V, 14). Смотри, какая признательность; смотри, какая высокая добродетель;

смотри, какая горячая любовь! *Любы,* говорит, Христова *обдержит нас,* то есть возбуждает, нудит, увлекает. Потом, желая пояснить слова свои, он говорит: *суждших сие, яко аще един за всех умре, то убо еси умроша; и за всех умре, да живущии не ктому себе живут, по умершему за них и воскресшему* (ст. 15). Видишь ли, как справедливо сказал он, что *обдержит нас любовъ* Христова? Если, говорит, (Христос) умер за всех нас, то умер для того, чтобы мы, живущие, не для себя уже жили, но для Него, умершего за нас и воскресшего. Примем же апостольское увещание и будем жить не для себя, но для умершего за нас и воскресшего. Но как, скажешь, можем мы жить не для себя? Послушай, опять, того же блаженного (Павла), который говорит: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20). Смотри, как он, ходя по земле и будучи обложен плотью, жил так, как будто бы обитал на небе и обращался с бестелесными силами. Поэтому-то и в другом месте он сказал: *а иже Христовы (суть), плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24). В том-то и состоит жизнь не для себя, а для умершего за нас и воскресшего, когда мы как бы мертвы бываем в отношении к настоящей жизни и не привязываемся ни к чему видимому. Для того и Господь наш претерпел распятие, чтобы мы эту (земную) жизнь променяли на ту (небесную), или — лучше сказать — через эту приобрели себе ту. Ведь настоящая жизнь, если мы бываем бдительны и внимательны, ведет нас к наслаждению вечной жизнью. И мы, если захотим хотя несколько воспрянуть и отверзть око ума, можем всегда питать в себе мысль о тамошнем упокоении, и таким образом проходить и оставлять без внимания видимое и устремлять помысл к будущему и вечно пребывающему, как и блаженный Павел, в наше наставление, говорит: *а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго себе по мне* (Гал. II, 20).

6. Вот — душа пламенеющая, вот — ум воскрыленный, вот — сердце, согретое любовью к Богу! *Еже,* говорит, *ныне живу, верой живу.* Не подумайте, то есть, чтобы я делал что-нибудь ради настоящей жизни: хотя я и облечен плотью и подлежу телесным нуждам, но живу верой во Христа; презирая все настоящее, все оставляя без внимания по надежде на Него, к Нему устремил я свою душу. Потом, чтобы ты узнал всю великость любви его, он говорит: *верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго себе по мне.* Смотри, как безмерно велика его признательность! Что говоришь, блаженный Павел? Немного прежде ты сказал: *иже Сына своего не пощаде, но за нас всех предал есть его;* а теперь говоришь: *возлюбившаго мене,* и присваиваешь себе одному всеобщее благодеяние? Да, говорит. Хотя Им принесена жертва за весь род человеческий, но, по любви моей к Нему, я присвояю себе все, что Им сделано. Так обыкновенно поступали и пророки; и они говорили: *Боже, Боже мой* (Пс. XXI, 1; CXVII, 28; CXLII, 10); хотя (Бог) есть Бог всей вселенной, но любви свойственно относить к себе то, что есть общее достояние. *Сына,* говорит, *Божия возлюбившаго мене.* Что говоришь? Ужели тебя одного возлюбил Он? Нет, говорит; Он возлюбил весь род человеческий, но я так обязан Ему благодарностью, как будто бы один я был возлюблен Им. *И предавшаго себе по мне.* Что же, разве за тебя одного Он распялся? Не сам ли Он говорит: *егда вознесен буду (от земли), вся привлеку к себе* (Ин. XII, 32)? Да и сам ты не сказал ли, что Он предал себя за всех нас (см.: 1 Тим. II, 6)? Точно так, говорит; говоря это, я не противоречу себе, но удовлетворяю любви моей. Но смотри, он и чему-то другому поучает нас словами своими. Выше он сказал, что Отец *за нас всех предал есть его* (Сына Своего); а здесь говорит: (Сын) *предал есть себе.* Там (он сказал так), чтобы показать единомыслие и равночестие Отца и Сына, и сделать указание на домостроительство (спасения нашего),

почему и в другом месте говорит: *послушлив быв даже до смерти* (Флп. II, 8), во всех таких местах проповедуя о домостроительстве (спасения)*. А здесь он употребил выражение: «предал себя», дабы показать, что (Сын) воспринял страдание добровольно, а не по необходимости и не по принуждению; что претерпел Он крест по Своему хотению и по желанию устроить спасение всего рода человеческого. Итак, можем ли мы показать соразмерную любовь к Тому, кто явил столь богатую любовь к нам? Если мы решимся положить и самую жизнь свою за Его закон и для соблюдения данных от Него заповедей,— и тогда не возможем достигнуть той меры любви, какую Он заявил в отношении к нашему роду. Он, будучи Богом, потерпел все это за людей, и, будучи Господом, — за рабов, и не просто за рабов, но еще за неблагодарных, обнаруживших великую и упорную вражду (против Него). Притом, Он сам предварил оказать такое благодеяние недостойным и виновным в бесчисленных грехах. А мы, что ни успеем сделать, ничего не совершим великого, при всех усилиях возблагодарить предупредившего нас столькими благодеяниями. Наши (дела любви к Богу), если только они последуют за Его благодеяниями, составляют уже некую уплату и долг, а то, что Он делает для нас, есть дар и благодеяние, и великая милость. Размышляя обо всем этом, возлюбим Христа, как возлюбил Его Павел, и, не заботясь о настоящем, укореним навсегда любовь к Нему в нашей душе. Тогда мы станем посмеиваться всему в настоящей жизни и на земле будем жить, как на небе, ни счастьем здешним не расслабляясь, ни скорбями не смущаясь, но, минуя все, будем спешить отсюда к возлюбленному Господу нашему; не будем роптать и на медленность (достижения небесных

---

* В котором участвовали и Отец и Сын, — Отец, предавший Сына, и Сын, приявший смерть.

благ), но с блаженным Павлом станем говорить и мы: *еже ныне живем во плоти, верою живем Сына Божия, возлюбившаго* нас *и предавшаго себе* по нас. (Таким образом) и настоящую жизнь проведем беспечально, и удостоимся наслаждения будущими благами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV

Бысть же в царство Амарфафа, царя Сеннаарска: Ариох, царь Аласарск, и Ходологомор, царь Эламск, и Фарфак, царь языческий, сотвориша рать с царем Содомским (Быт. XIV, 1, 2)

1. Великое благо, возлюбленные, чтение Божественного Писания. Оно умудряет душу, оно переносит ум на небо, оно располагает человека к благодарности (перед Богом), оно не допускает его пристраститься к чему-либо настоящему, оно заставляет ум наш постоянно обитать на небесах, побуждает нас делать все в надежде на воздаяние Владыки и стремиться с величайшей ревностью к подвигам добродетели. Здесь-то (в Писании) можно хорошо узнать, как скор на помощь (нам) промысл Божий, (узнать) мужество праведников, благость Владыки и обилие воздаяний. Им-то можно возбудить себя к соревнованию и подражанию любомудрию доблестных мужей и (не дать себе) ослабеть в подвигах добродетели, но твердо полагаться на обетования Божии и прежде их исполнения. Поэтому, прошу, будем заниматься чтением Божественного Писания с наибольшим тщанием. Таким-то образом мы приобретем и знание (его), если будем постоянно обращаться к тому, что в нем содержится. Невозможно, в самом деле, чтобы тот, кто с усердием и всяким усилием занимается

словом Божиим, был когда-нибудь оставлен (Богом) в пренебрежении; напротив, если и нет у нас наставника – человека, то Сам Господь, проникая в сердца наши, просвещает ум, озаряет смысл, открывает нам сокровенное и таким образом бывает для нас наставником в предметах, неведомых нам, лишь бы только мы хотели сделать то, что от нас зависит. *Не нарицайте*, говорит Писание, *учителя на земли* (Мф. XXIII, 8). Так, когда мы возьмем в руки духовную книгу, то, сосредоточив свой ум, собрав мысли и удалив от себя всякий житейский помысл, будем таким образом совершать чтение с великим благоговением, с полным вниманием, чтобы быть достойными руководиться Духом Святым в разумении написанного и получить отсюда великую пользу. Вот и евнух эфиопской царицы*, иноплеменник, даже в то время, когда с таким великолепием несся в колеснице, не пренебрегая чтением (Писания), но держа в руках (книгу) пророка, прилежно читал ее, хотя и не понимал того, что в ней содержится. Но так как он употребил со своей стороны все – старание, усердие, внимание, то и получил руководителя. Подумай же, прошу, как много значило то, что он не пренебрег чтением (Писания) даже во время путешествия и притом сидя на колеснице. Да слышат это те, которые не хотят делать это и дома, но думают, будто чтение Божественного Писания для них излишне, и будто им неудобно заниматься прилежно этим чтением потому, что они ведут и брачную жизнь, и обязаны воинской службой, и лежит на них забота о детях, попечение о слугах и о других вещах. Вот – евнух, человек иноплеменный: того и другого довольно было для того, чтобы ввергнуть (его) в совершенную беспечность; а к этому (еще присоединялась) великая знаменитость, огромное богатство и то, что он был в дороге и несся в колеснице (ведь не совсем удобно,

* Упоминаемый в книге Деяний апостольских, гл. VIII.

напротив, даже очень трудно, совершая таким образом путешествие, заниматься чтением); и однако же доброе расположение и великое усердие победили все эти препятствия и он занимался чтением (Писания), и не говорил того, что ныне многие говорят: я не понимаю того, что там содержится, не могу постигнуть глубины того, что *написано,* зачем же мне попусту и понапрасну предпринимать труд, читать, когда у меня нет (человека), который бы мог руководить мной? Ничего такого не подумал этот невежда языком, но любомудрый умом, — нет, помыслив, что он не будет презрен (Богом), но скоро получит помощь свыше, если только сделает, что от него зависит и что он может (сделать), он усердно занимался чтением. Поэтому и человеколюбивый Владыка, видя доброе его расположение, не презрел его, не оставил без внимания, но немедленно послал ему наставника. Обрати же внимание и на премудрость Божию, как (Бог) попустил сначала ему сделать все, что от него зависело, а потом уже явил ему Свою помощь. Когда евнух сделал со своей стороны все, то тогда уже явился ангел Господень и сказал Филиппу: востав *иди на путь сходящий от Иерусалима в Газу: той есть пуст. И се,* продолжает он, *муж Мурин, евнух силен Кандакии царицы Муринския, иже прииде поклонитися во Иерусалим,* и он возвращался, *седя на колеснице своей, и чтяше Пророка Исаию* (Деян. VIII, 26, 28). Смотри, как обстоятельно рассказал нам (это) писатель книги: сказав, что это эфиоплянин, дабы мы знали, что он был иноплеменник, говорит и о том, что он вельможа, и облечен был важным саном и великолепием: *иже прииде,* говорит, *поклонитися во Иерусалим.* Смотри и на цель его путешествия, которая уже достаточно показывает боголюбивое расположение души его: вот какой совершает он путь для того, чтобы воздать поклонение Господу! Тогда ведь еще думали, что богослужение может быть совершаемо в одном только месте (в Иерусалиме); поэтому там и воз-

носили свои молитвы, совершая для того отдаленные путешествия. Вот почему и этот человек приезжал туда, где был храм и где совершалось иудейское богослужение, чтобы воздать поклонение Господу. И когда он исполнил свое желание, *бе*, говорит Писание, *возвращался и седя на колеснице своей, чтяше.*

2. Потом Филипп, подойдя к нему, говорит: *разумееши ли, яже чтеши* (Деян. VIII, 30)? Видишь заботливую душу, которая, и не разумея содержащегося (в книге), занимается однако чтением и охотно желает найти наставника, который бы вразумил ее? Апостол своим вопросом тотчас пробуждает в нем это желание. А что он был достоин получить руководителя к уразумению содержавшегося (в книге), это видно из самого его ответа. Когда апостол, подойдя к нему в бедной одежде, спросил его: *разумееши ли?* он не огорчился этим, не обнаружил негодования, не думал оскорбляться, что бывает со многими неразумными людьми, которые часто готовы навсегда оставаться в неведении, стыдясь сознаться в своем незнании и поучиться у тех, кто может их наставить. Но этот (человек) не был таков; нет, он отвечает с совершенной кротостью и уважением, обнаруживая тем состояние своей души: *како убо могу*, говорит он, *аще не кто наставит мя* (Деян. VIII, 31)? Мало того, что он отвечал с кротостью; нет, он не поехал далее, но, еще яснее выказывая нам доброту нрава своего, (этот) вельможа, иноплеменник, возимый в колеснице, сказавший те слова, пригласил человека, по виду совершенно бедного, по одежде низкого, взойти (в колесницу) и сесть с ним. Видишь усердие его души? Видишь великое его благоговение? Видишь боголюбивое расположение иноплеменника, с каким он на деле исполнил слово некоего мудреца: *аще узриши разумна, утренюй к нему и степени дверей его да трет нога твоя* (Сир. VI, 36)? Видишь, как справедливо он не был презрен (Богом)? Видишь, как достойно получил помощь свыше? Видишь,

как он ничего не опустил, что следовало сделать ему самому. Поэтому он, получив наконец наставника, в точности узнал смысл слов (пророка) и просветил свой ум. Видите, какое благо — со вниманием и усердием читать Божественное Писание? Я для того и предложил вам рассказ об этом иноплеменнике, чтобы никто из нас не стыдился подражать эфиоплянину, евнуху, который не оставлял читать Писание и во время путешествия. Этот иноплеменник может быть учителем для всех нас — и для тех, которые ведут частную жизнь, и для тех, которые занимаются военной службой и облечены знатностью, и вообще для всех, не только для мужчин, но и для женщин, не только для тех, которые живут в семействах, но и для тех, которые избрали монашескую жизнь; все могут узнать отсюда, что никакое время не может служить препятствием к чтению слова Божия; что не только дома, но и ходя по торжищу, и совершая путешествие, или находясь в многолюдном собрании и занимаясь делами, можно нам упражняться в этом чтении, чтобы, сделав от нас зависящее, тотчас и получить нам и руководителя. Видя наше расположение к духовному (знанию), Владыка наш не презрит нас, но и подаст озарение и свыше и просветит наш ум. Не будем же, прошу, пренебрегать чтением (Писания), но, понимаем ли содержащееся (в нем), или не понимаем, (во всяком случае) будем, как можно чаще, обращаться к нему. Постоянное упражнение в чтении напечатлевает неизгладимо в памяти (прочитанное) и часто, чего сегодня мы не могли понять при чтении, то вдруг понимаем, снова приступив к чтению, завтра, потому что человеколюбивый Бог невидимо просвещает наш ум. Но это мы сказали теперь о постоянном чтении Божественного Писания. А чтобы вы знали, что также обыкновенно Господь поступает и во всем другом, то есть когда мы сделаем, что от нас зависит, то и Он со щедростью подает нам Свою помощь, и,

как поступил Он в отношении к чтению (Писания), послав с великой скоростью наставника иноплеменнику, точно так же поступает и с желающими преуспеть в добродетели, — выслушайте нынешнее чтение. Но чтобы яснее для нас было это слово, не неуместно будет напомнить вам, что было с патриархом, и сегодня повторить сказанное вчера. Из сказанного уже вы знаете, как Авраам за то великое смиренномудрие, какое показал он в отношении к Лоту, уступив ему лучшие места, получил свыше великую награду, приняв обетование, которое во много раз превосходит заслугу его. Посмотрим же, наконец, из нынешнего чтения, снова на добродетель праведника, чтобы, идя таким образом вперед, узнать нам неизреченное Божие о нем попечение. (Бог) каждый раз предоставляет прежде самому патриарху обнаружить боголюбивое расположение души своей, а потом уже и от себя дает ему награду, желая примером его любомудрия вразумить всех нас, чтобы и мы, подражая патриарху, старались прежде сами прилагать усилия к подвигам добродетели, а потом ожидали наград от Бога.

3. Но время уже предложить вам самое нынешнее чтение. Оно почти не требует и объяснения, — но довольно только прочитать (самые слова), чтобы показать высоту добродетели праведника. *Бысть же,* говорит Писание, *в царство Амарфафа, царя Сеннаарска: Ариох царь Елласарск, их Ходоллогомор царь Еламск, и Фаргал царь языческий сотвориша рать с Валлою, царем Содомским и с Варсою царем Гоморрским и с Сеннааром царем Адамы и с Симовором, царем Севоимским, и с царем Валаки: сия есть Сигор. Вси сии совещашася на юдоль сланую: сие есть море сланое.* Посмотри на точность Писания, с какой оно упомянуло имена и царей и народов: это оно сделало не без причины, но для того, чтобы ты из самых названий узнал их варварские свойства. Они, говорит Писание, *рать сотвориша* с царем содомским и с другими

(царями). Потом показывает и самую причину, по которой война была начата. *Дванадесять*, говорит, *лет (тии) работаша Ходоллогомору, царю Еламскому: третияго же надесять лета отступиша. И в четвертое надесять лето прииде Ходоллогомор и цари, иже с ним, и иссекоша исполинов, сущих во Асторофе, и в Карнаиме и языки крепки вкупе с ними, и Оммеов в Сави граде, и Хорреов, иже в горах Сеирских, даже до Теревинфа Фараня, иже есть в пустыни. И возвратившеся, приидоша ко источнику судному, иже есть Кадис: и ссекоша вся князи Амаликовы и Аморреов, живущих во Асасанфамаре.* Не пройдем, возлюбленные, сказанного без внимания в той мысли, будто это повествование совершенно бесполезно. Божественное Писание обстоятельно рассказало нам обо всем с той именно целью, чтобы мы узнали силу этих варваров и какое они оказали мужество, с какой быстротой устремились на брань, так что поразили даже исполинов, то есть людей сильных по телу, и покорили все народы, жившие там. Как сильный поток стремлением своим увлекает и разрушает все, так и эти варвары, напав на все те народы, почти всех их истребили и поразили князей амаликитских и всех прочих. Но, может быть, кто-нибудь скажет: что мне пользы, если я узнаю силу варваров? Не просто и не без цели Писание ввело это обстоятельство в свое повествование, не напрасно и мы предварительно предлагаем вам теперь узнать их мужество, но для того, чтобы, с продолжением поучения, вы познали великую силу Божию и добродетель патриарха. Так против этих-то людей, имевших такую силу и рассеявших столько народов, *изыде*, говорит Писание, *царь Содомский, и Гоморрский, и Адамаский, и Севоимский, и царь Валаки, сия есть Сигор: и ополчишася противу их на брань во юдоли сланой, на Ходоллогомора, и Фаргала, и Амарфала, и Ариоха: четыри цари на пять: юдоль же сланая, кладязи смоляные.* Потом, чтобы мы знали, как эти цари, ужаснувшись мужества и могущества своих, противников, обратились в

бегство, Писание говорит: *и побеже царь Содомский и Гоморрский, и падоша тамо*, где были колодцы: *оставшиийся же бежаша в горняя.* Видишь, какова сила этих людей, как одним видом своим они навели на врагов ужас и обратили их в бегство? Смотри же, как они, по обращении всех в бегство захватили без всяких препятствий все, что у них было, и возвратились домой. *И одержаша*, говорит Писание, *и горняя, взяша же вся конныя Содомские и Гоморрские и вся брашна их, и отъидоша. Взяша же и Лота, сына брата Аврамова, и имение его, и отъидоша: бе бо в Содомех живый.* Вот, о чем я говорил вчера, то ныне и сбылось на деле: Лот нисколько не получил пользы от выбора лучших мест, но самым делом научен был не искать лучших мест. Не только ему не было от этого никакой пользы, но вот еще он сделался пленником и узнал на опыте, что гораздо лучше было бы ему жить вместе с праведником, чем, отделившись от него и живя на свободе, испытать столько бедствий. Вот он отделился от патриарха и думал пользоваться большей свободой, владеть лучшими местами, жить весьма богато — и вдруг сделался пленником, бездомным, лишенным своего крова, чтобы ты знал, какое зло — раздор и какое благо — согласие, и что лучше не гнаться за большим, а любить уничижение. *Взяша же*, говорит Писание, *Лота и имение его.* Во сколько раз лучше было для него жить вместе с патриархом и потерпеть все, лишь бы только не расторгнуть взаимного согласия, чем, отделившись от него и выбрав себе лучшие места, тотчас подвергнуться таким опасностям и подпасть под иго иноплеменников! *Пришед же*, говорит (Писание), *един от уцелевших, возвести Авраму пришельцу, иже живяше у дуба Мамврийскаго, Омора брата Эхоля, и брата Авнаня, иже беша союзницы Аврамовы.* Почему патриарх (сам) не узнал о возникновении такой войны? Вероятно, (между ним и местом битвы) было большое расстояние, поэтому он и не знал. *Пришед же един, возвести Авраму пришельцу*

цу; (Писание говорит так), чтобы напомнить нам, (что эта весть сообщена была Аврааму), переселившемуся из Халдеи. Так как жилище имел он по ту сторону Евфрата, то и назывался пришельцем. Такое наименование дали ему родители еще с самого начала, предзнаменуя тем его переселение оттуда (из Халдеи). Так как ему надлежало перейти* через Евфрат и идти в Палестину, то и назван он Авраамом.

4. Смотри, как родители, даже неверные, и сами не зная, по руководству высочайшей премудрости Божией, дали такое имя своему сыну, как и Ламех Ною. Это дело Божия человеколюбия, что Он часто и посредством неверных за долгое время предвозвещает будущее. *Пришед же един*, сказано, *возвести Авраму пришельцу* о случившемся, о плене его племянника, о великом могуществе царей, о разорении Содома и о постыдном бегстве (побежденных). Он же *живяше у дуба Мамврийскаго, Омора брата Эсхоля, и (брата) Авнаня, иже беша союзницы Авpамовы*, (ст. 14). Иной, может быть, стал бы здесь доискиваться, почему из всех обратившихся в бегство содомлян один только праведный Лот отводится в плен? И это не просто и не без причины, но чтобы Лот на самом деле узнал добродетель патриарха, а через него спаслись бы и прочие (жители Содома), и чтобы (Лот) научился не искать лучших мест, но довольствоваться меньшим. Послушаем же, что было потом, дабы познать и добродетель праведника и несказанное содействие (ему) Божие. Только выслушайте, что вам будет сказано, со вниманием и напрягите ваш ум. Отсюда можно получить много пользы, — и во-первых, из слу-

---

* Говоря так, святитель имеет, очевидно, в виду еврейский глагол «авар» = «переходить» и с ним сближает имя «Аврама», хотя последнее, по еврейскому начертанию, начинается с буквы алеф, а «авар» с аин, вследствие чего имя Аврама производится обыкновенно в настоящее время от еврейских слов: «ав» = «отец» и «рам» = «высокий».

чившегося с Лотом можно научиться не смущаться, если иногда праведные впадают в искушения, а нечестивые и злые избегают их, ни в каком случае не искать первенства, и ничего не считать драгоценнее сожития с праведными, напротив, хотя бы и нужно было жить в рабстве, только бы вместе с добродетельными мужами, почитать эту жизнь полезнее жизни на свободе. А затем можно отсюда узнать крайнее незлобие патриарха, его необыкновенную любовь, великое мужество, презрение к богатству и неизреченную силу Божия содействия. *Слышав же Аврам, яко пленен бысть Лот братаничь его, сочте домочадцы своя триста осмнадесять, и погна вслед их даже до Дана. И нападе на ня нощию сам, и отроцы его: и порази их, даже до Ховала, иже есть ошуюю Дамаска: и возврати вся конныя Содомския, и Лота братанича своего возврати, и вся имения его, и люди, и жены* (ст. 14–15). Подумай здесь, возлюбленный, о доблестном мужестве праведника, как он, положившись на силу Божию, не убоялся могущества врагов, когда узнал о сделанном ими поражении, как, то есть, они сначала восстали против всех народов, одолели амаликитян и всех прочих, потом напали на содомлян, обратили и их в бегство и похитили все их имение. Для того-то Божественное Писание и рассказало нам предварительно все это, сколько, то есть, они успели сделать силой своего мужества, чтобы ты познал, что патриарх поразил их не телесной силой, но верой в Бога, ограждаемый помощью свыше, совершил это не посредством оружия, копьев, стрел и натянутых луков, но с своими только домочадцами.

Но для чего, скажешь, Божественное Писание показало и число домочадцев – триста и восемнадцать? Для того, чтобы ты знал, что он взял не всех, кто только случился, но домочадцев, которые воспитывались вместе с Лотом, дабы они с большим усердием совершили мщение, сражаясь как бы за своего господина. Усмат-

ривай и безмерную силу Божию из того, как легко одержана победа. *Нападе на ня*, сказано, *нощию сам, и отроцы, и порази их, и гони их*. Вышняя десница ему помогала и споборала. А потому и не нужно было ему ни оружия, ни воинских хитростей, но, едва только он явился с своими слугами, как одних (из врагов) поразил, других обратил в бегство, и то и другое совершил с полным успехом: никто не противодействовал ему; возвратил он и конницу царя содомского, и племянника своего Лота, и все имущество, и жен. Видишь, для чего (Господь) попустил одному Лоту быть в плену, тогда как другие спаслись бегством? Для того, именно чтобы и явлена была добродетель патриарха, и ради Лота получили спасение многие другие. И вот возвратился Авраам с великими и славными трофеями, ведя за собой, вместе с Лотом, и конницу, и жен, и прочее имение, громко проповедуя перед всеми и звучнее трубы возглашая, что он сделал нападение и одержал победу не человеческой силой, не телесной крепостью, но всесовершающей вышней десницей. Видишь, как праведник постоянно делается более и более славным, и каждый раз всем показывает Божие о нем попечение. Посмотри, наконец, как он делается учителем благочестия и для содомлян. *Изыде же*, сказано, *царь Содомский* в сретение ему, повнегда возвратитися ему от сеча Ходологоморского, и царей сущих с ним* (ст. 17). Смотри, что значит быть добродетельным и пользоваться Божиим благоволением. Царь выходит навстречу страннику старцу и воздает ему все по чести. Он узнал, что нет ему пользы и в царском достоинстве, когда нет у него вышнего поборника, и что никто не может быть могущественнее того, кому помогает десница Господня. *И Мелхиседек, царь Салимский, изнесе хлеб и вино, бяше же священник Бога вышняго* (ст. 18).

---

* В Лукиановском списке прибавлено: «и царь Гоморры», вопреки еврейскому тексту.

5. Что значит это замечание — *царь Салимский* и *священник Бога вышняго*? Был он, сказано, *царь Салимский*. Его описывает нам и блаженный Павел в послании к уверовавшим евреям (см.: Евр. VII, 1), и обращая внимание на его имя и город, истолковывает значение имени его с помощью словопроизводства, говоря, что Мелхиседек значит — *царь правды*, так как на еврейском языке *мелхи* значит *царство*, а *седек* — *правда*. Потом, перейдя и к имени города, называет Мелхиседека *царем мира*, так как *Салим* значит *мир*. Священник же он был, вероятно, саморукоположенный (таковы тогда были священники), или ближние его предоставили ему (эту) честь по его престарелому возрасту, или сам он заботился о принесении жертв, как Ной, как Авель, как Авраам, которые приносили жертвы. С другой стороны, ему предстояло быть и образом Христа, каковым изображает его и Павел, говоря: *без отца, без матере, без причта рода, ни начала днем, ни животу конца имея: уподоблен же Сыну Божию, пребывает священник выну* (Евр. VII, 3, 4). Но как, скажешь, возможно человеку быть без отца, без матери, и не иметь ни начала дней, ни конца жизни? Ты слышал, что он был образом; итак, не изумляйся и не ищи в образе всего: он не был бы и образом, если бы имел все, что только свойственно самой истине. Что же, однако, значит сказанное об нем? То, что как он, поскольку не помнил своих родителей, называется не имеющим ни отца, ни матери, и поскольку не имел родословной, — безродословным, — так и Христос, поелику не имел ни матери на небесах, ни отца на земле, называется и есть безродословным. Смотри же, как через почесть, оказанную патриарху, внушается нам некоторая тайна. *Изнесе хлеб и вино* (Мелхиседек). Видя образ, помышляй об истине, и дивись силе Божественного Писания, как оно заранее и задолго открыло нам то, чему надлежало быть впоследствии. *И благослови*, сказано, *Аврама и рече: благословен Аврам Богом вышним*,

иже созда небо и землю, и благословен Бог вышний, иже предаде враги твоя под руки тебе (ст. 19). Не только благословил его, но и прославил Бога; сказав: *благословен Аврам Богом вышним, иже созда небо и землю,* он открыл нам в творении могущество Божие, потому что, если Бог есть тот, кто сотворил небо и землю, то уже не боги те, которым поклоняются люди (язычники): *бози,* сказано, *иже небесе и земли не сотвориша, да погибнут* (Иер. X, 11). *Благословен Бог, иже предаде враги твоя под руки тебе.* Замечай, как он не только восхваляет праведника, но и указывает на содействие Божие, потому что без небесной помощи Авраам не мог бы одолеть столь сильных врагов. *Иже предаде,* сказано, *враги твоя:* Он-то совершил все, Он сделал сильных слабыми, Он вооруженных низложил через безоружных, от Него (изошла) помощь, даровавшая им такую славу. *Иже предаде враги твоя под руки тебе.* Видишь, как Писание выражает доброе расположение и любовь Авраама к Лоту, как показывает, что он (врагов Лота) считал своими врагами за то, что они сделали его племяннику? *И даде,* сказано, *ему десятину от всего.* То же самое говорит и святой Павел: *видите же, елик сей, емуже и десятину дал есть Авраам патриарх от избранных* (Евр. VII, 4). То есть из добычи, которую Авраам нес с собой, он уделил Мелхиседеку, именно отделил ему десятую часть всего, что нес, и через это стал для всех наставником в том, чтобы быть благодарными (Богу) и приносить ему в дар начатки от всего, что Он нам дарует. Затем царь содомский, изумленный великодушием патриарха, говорит ему: *даждь ми мужи, а кони возми себе* (ст. 21). Прекрасна признательность царя, но посмотри и на любомудрие праведника. *Рече же Аврам к царю Содомску: воздвигну руку мою ко Господу Богу вышнему, иже сотвори небо и землю: аще от нити до ременя сапожнаго возму от всего твоего, да не induceречеши, яко аз обогатих Аврама* (ст. 22). Велико презрение патриарха к богатству. Для чего же он с клятвой отказывается (от предлагаемого

царем), говоря: *воздвигну руку мою ко Господу Богу вышнему, иже сотвори небо и землю?*

6. Двум вещам он хочет научить царя содомского — тому, что он выше даров его, чем и выказал великое любомудрие, и тому, что он желает быть ему наставником в богопочтении, и как бы так учит его: я ничего не возьму от тебя, и призываю тебе во свидетели Того, Кто сотворил все, чтобы ты познал сущего над всем Бога и не считал богами (вещи), сотворенные руками человеческими. Он — Творец неба и земли, Он даровал успех и этой брани и есть виновник этой победы. Итак, не ожидай, чтобы я решился взять что-либо из твоих даров: я совершил отмщение не из-за награды, но прежде всего по любви к племяннику, а потом по долгу справедливости, (который обязывает) исхищать несправедливо увлеченных в плен из рук их врагов. *От нити*, говорит, *до ременя сапожнаго не возму от всего твоего*, то есть ничего, даже самого малого, самого ничтожного, потому что ремнем обыкновенно называется узкая верхняя часть обуви, которую обыкновенно употребляют грубые народы. Потом представляет и причину, почему он отказывается (от даров): *да не речеши*, говорит, *яко аз обогатих Аврама*. Есть у меня Податель бесчисленных благ; я пользуюсь помощью свыше, и не имею нужды в твоем богатстве, не нуждаюсь в человеческой щедрости, доволен благоволением ко мне Божиим и знаю щедрость Его в дарах. Уступив Лоту малое и незначительное, я удостоился великих и неизреченных обетований, и теперь, не принимая от тебя даров, надеюсь приобрести и большее богатство, и большее благоволение Божие. Для того-то, думаю, он и употребил клятву, сказав: *воздвигну руку мою ко Господу Богу вышнему*, чтобы тот не подумал, будто он только притворяется, как это обыкновенно бывает, но дабы познал ты, что он именно решился — не воспользоваться и малой частью из предлагаемого царем содомским. И исполнил он заповедь,

данную Иисусом Христом ученикам: *туне приясте, туне дадите* (Мф. XIX, 8). Я, говорит, в этой брани не употребил с своей стороны ничего больше, кроме готовности и усердия; а победу, трофеи и все прочее совершил (Господь) Своей силой. Потом, чтобы царь не подумал, будто Авраам не принимает от него даров по гордости и презрению, (патриарх), являя и в этом случае свою кротость и душевное любомудрие, говорит: *кроме сих, яже снедоша отроцы, и части мужей, иже ходиша со мной, Есхол, Авнан, Мамврий: сии да возмут части своя* (ст. 24). Им, говорит, позволю взять некоторую часть, потому что они представили со своей стороны свидетельство великой дружбы. *Сии*, сказано, *быша союзницы Аврамовы*, то есть связаны были с ним узами дружбы, как это видно из того, что они решились разделить с ним опасности. Поэтому, желая наградить их, он позволяет им взять некоторую часть из добычи, и этим опять исполняет апостольский закон, который говорит: *делатель достоин мзды своея* (Мф. X, 10). Но и им не позволяет он взять более, чем нужно: *кроме сих*, говорит он, *яже снедоша отроцы, и части мужей, иже ходиша со мной, Есхол, Авнан, Мамврий: сии да возмут части своя.* Видите совершенство добродетели патриарха, как он показал в отвержении богатства и любомудрие и смиренномудрие, и все сделал так, чтобы не подумали, будто он отверг дары по гордости и презрению, надмеваясь одержанной им победой?

7. Ему-то будем, прошу, и мы подражать, постараемся хранить себя неукоризненными, так, чтобы под предлогом добродетели не навлечь на себя подозрения в гордости, или под предлогом смиренномудрия не пренебречь добродетели; во всем будем соблюдать меру и в основание совершаемых нами дел полагать смирение, чтобы безопасно созидать нам здание добродетели. То и добродетель, когда она соединена бывает со смирением. Положивший в основание своей добродетели

смирение может безопасно воздвигать здание, до какой ему угодно высоты. Оно (смирение) есть величайшее ограждение, стена несокрушимая, крепость непреодолимая; оно поддерживает все здание, не позволяя ему пасть ни от порыва ветров, ни от напора волн, ни от силы бурь, но ставит его выше всех нападений, делает как бы построенным из адаманта и неразрушимым, и на нас низводит щедрые дары от человеколюбивого Бога. Им-то патриарх получил от Бога столь великие обетования. Из последующих поучений вы, если будет угодно Богу, узнаете, как он и теперь за то, что не принял даров от царя содомского, удостоился великих и несказанных даров от Бога. И не он только один, но и все другие праведники прославились через смирение. В этом может удостовериться каждый из вас, любящий упражняться в чтении Священного Писания. Человеколюбивый Владыка наш, когда увидит, что мы не заботимся о настоящих благах, и их дарует нам со щедростью, и наслаждение благами будущими предуготовляет. И так обыкновенно бывает и в отношении к богатству, и в отношении к славе настоящей жизни, и в отношении ко всем временным благам. Итак, презрим настоящее богатство, дабы приобрести богатство истинное; презрим суетную эту славу, чтобы удостоиться той истинной и прочной славы; будем посмеиваться настоящему благополучию, чтобы получить те неизреченные блага; за ничто будем считать настоящее, чтобы быть нам способными воспламениться любовью к будущему. Тому, кто привязан к настоящему, невозможно и питать в себе любовь к тем неизреченным благам: у него пристрастие к настоящему омрачает разум, точно так, как какая-нибудь нечистота залепляет телесные глаза, и не позволяет ему видеть, что нужно. И наоборот, невозможно, чтобы тот, кто питает любовь к тем прочным и неизменным благам, имел пристрастие к благам временным, которые прежде, чем появятся, отлетают

и исчезают. Проникнутый любовью к Богу и питающий сильное желание будущих благ, на настоящую жизнь смотрит другими глазами и знает, что вся настоящая жизнь есть обманчивый призрак и нисколько не отличается от сновидений. Поэтому и блаженный Павел в одном послании своем сказал: *преходит образ мира сего* (1 Кор. VII, 31), показывая, что все человеческое есть только призрак и проходит, как тень, или сон, потому что не имеет в себе ничего истинного и твердого. Не детскому ли же уму свойственно гоняться за тенью, гордиться сновидением и привязываться к тому, что мгновенно исчезает? *Преходит бо*, говорит, *образ мира сего*. Когда ты слышал, что *преходит*, то для чего еще ищешь (благ мира)? Когда ты слышал, что все человеческое есть только призрак, не имеющий истины, то зачем добровольно сам подвергаешь себя обольщению? Почему, размышляя о переменчивости и непрочности (здешних благ), не презираешь их и не устремляешь своего желания к тем благам, постоянным, твердым, прочным и не подлежащим никакой перемене?

8. Чтобы постигнуть тебе мудрость учителя вселенной, посмотри, какое выражение в другом месте он употребил, когда хотел показать, что все, даже и самое славное в настоящей жизни, есть ничто. *Видимая*, — укажешь ли на огромное богатство, на славу, знатность, первенство, господство, на самое царство, на облеченного диадемой, и на высокий трон, — все это видимое, говорит *временно*, является на краткое время и ненадолго доставляет нам наслаждение. Так чего же ты хочешь (заставить) нас искать, если все видимое временно? Тех, говорит, невидимых благ, не этих видимых, но тех, которых не видят телесные очи. Но кто же, скажи, убедит нас пренебречь видимым и искать невидимого? Самая, говорит, природа вещей пусть учит вас тому, что здешние блага, хотя и видимы, но скоро преходят, а тамошние, хотя теперь и невидимы для нас, но вечны,

имеют бытие непрестающее, не знают ни предела, ни конца, ни каких-либо перемен, всегда прочны и непоколебимы. Может быть, я представляюсь уже и тягостным, потому что каждый день предлагаю советы; но что же мне делать? Велика зараза греха, велика сила любостяжания, заметна скудость добродетели. Поэтому хочу я хоть беспрестанными увещаниями одолеть недуг и привести к совершенному здоровью приходящих сюда. Для того и изъяснять Писание стараюсь, и представляю образцы добродетели праведных, и не перестаю часто повторять вам одно и то же, чтобы как-нибудь расположить вас к подражанию праведникам. Подумаем же, хоть и поздно, о нашем спасении, воспользуемся, как следует, данным нам временем настоящей жизни и, пока есть время, поспешим к покаянию и исправлению своих грехопадений, употребим избыток своих стяжаний на пользу своих душ и, что нам не нужно, то отдадим нуждающимся. Для чего, скажи мне, позволяешь ты быть снедаему ржавчиной золоту и серебру, которые следовало бы передать в руки бедных, чтобы, положив их в это безопасное хранилище, в свое время, когда особенно будешь нуждаться в их помощи, мог ты получить от них пособие? Напитанные тобой здесь, они в тот день отверзут тебе двери дерзновения и примут тебя в вечные кровы свои. Не допустим также, чтобы и одежды наши снедаемы были молью, или без употребления тлели в кладовых, когда столь многие нуждаются в одежде и ходят почти нагими. Предпочтем моли наготствующего Христа и оденем Его, неимущего одежды ради нас и нашего спасения, чтобы, удостоившись одеть Его, услышать нам в тот день: *наг бех, и одеясте Мя* (Мф. XXV, 36). Ужели обременительны и тягостны эти заповеди? Эти блага, говорят они (заповеди), гибнущие, сгнивающие, напрасно и без нужды расходуемые, постарайся употребить с пользой, чтобы тебе не потерпеть убытка от их потери, а приобрести от них,

напротив, величайшую прибыль. Крайне и даже безмерно бесчеловечно — тратя столь многое для своего наслаждения, излишнее заключать в сундуки и кладовые, не желать облегчить нужды единокровных, отдавать лучше ненужное нам на съедение моли, или червям, на расхищение ворам, и подвергнуться за это наказанию, чем распорядиться им по-надлежащему и получить за то награду. Не будем, умоляю, простирать до этого нашу беспечность о спасении своих душ, но, уделив излишнее бедным, приобретем себе заблаговременно великое дерзновение, да удостоимся насладиться неизреченными теми благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI

По глаголех же сих, бысть слово Господне ко Авраму в видении нощию, глаголя: не бойся Авраме; аз защищаю тя, мзда твоя многа будет зело (Быт. XV, 1)

1. Добродетель праведных подобна сокровищнице, заключающей в себе многое и несказанное богатство. Как из такой сокровищницы, хотя бы кто и малую часть взял, может устроить для себя немалое благосостояние, так и в добродетели этого патриарха (Авраама) то же всякий найдет. В самом деле вот, почти каждый день предлагая вам наставление из жизни его, и притом сообщая вам это наслаждение в великом обилии, мы доселе еще не могли пересказать даже и малой части его добродетелей. Так обильны его доблести! И как из источника, изливающего обильные потоки, хотя и все черпают, не только не уменьшают вытекающих из него потоков, на чем больше бывает черпающих, тем с боль-

шей силой устремляется течение вод, — так то же самое видим и в этом досточудном праотце. Сколько, начав от его времени и до настоящего, почерпают из источника его совершенств, — и не только не истощили потоков, но совершенства его еще обильнее открываются. Как некую златую цепь, находим мы в Божественном Писании ряд сказаний о нем, в таком порядке, что сперва видим доказательства его собственной мудрости, а потом немедленно за ними следующие воздаяния (ему) от Бога. И чтобы вы убедились, что это именно так, необходимо повторить вам вкратце уже сказанное прежде о нем, и вы увидите как преимущественную силу веры праведника, которую он показал относительно обетований Божиих, так и щедрые ему воздаяния от человеколюбивого Бога. Подлинно, один этот праведник достаточно научает всех нас с ревностью быть готовыми на подвиги добродетели, в надежде на воздаяние свыше, и видя, как щедр в воздаяниях наш Владыка, с благодушием переносить все, что в настоящей жизни кажется тяжко, питаясь надеждой воздаяний. Вникните же, прошу вас, как он (Авраам) в самом начале приготовил себя, помощью только врожденного нашему естеству разума, не имея никакого постороннего наставника, но еще будучи воспитан неверными родителями, приготовил, говорю, себя к тому, что удостоился Божественного откровения. Так как он еще в раннем возрасте ни в чем не последовал заблуждениям отца, но показал ревность к угождению Богу, то еще в земле халдейской удостоился небесного посещения. Об этом весьма ясно свидетельствует блаженный Стефан, говоря: *Бог славы явися отцу нашему Аврааму, сущу в Месопотамии, прежде даже не вселитися ему в Харран* (Деян. VII, 2). Ты знаешь, как это явление возвало его оттуда (из Месопотамии)? Конечно, он, благоугождая Богу, оказывал почтение и к родителям своим; но и (сам) был так много любим отцом своим, что

ради его (и отец) удалился оттуда, и по любви к сыну решился оставить отечество свое и поселиться в чужой стране. Но посмотри со вниманием, как самое это посещение Божие, бывшее ему (Аврааму) за первые его добродетели, соделывает те же его добродетели после того еще более блистательными. Он решился оставить отечественную страну и поселиться в чужой, чтобы исполнить повеление Божие. И готов был, мне кажется, даже без родственников, один сам собой предпринять странствование, но, как я прежде сказал, добродетель этого мужа и его любовь к родителям побуждала и отца сопутствовать ему.

Когда они пришли в Харран, то поставили здесь кущу. А по смерти Фарры (так было имя его отца), Бог снова повелевает ему выйти оттуда. *Изыди,* говорит, *из земли Твоей, и от рода твоего, и иди в землю, юже ти покажу* (Быт. XII, 1). Так как он со всем домом переселился в Харран, то Повелевающий ему оттуда выйти присовокупил: *из земли твоей и от рода твоего,* показывая тем, что Ему (Богу) угодно, чтобы он один только совершал странствие и не брал с собой ни брата, то есть Нахора, и никого другого. *Из земли твоей,* сказал (Бог), — потому что, прожив там немалое время, они устроили себе в той земле жилище, как бы уже в своем отечестве. И хотя он еще оплакивал родителей, хотя странствование тогда было во многом затруднительно и неудобно, однако он со всей ревностью поспешил исполнить повеление Господа, не зная даже, где будет конец его странствованию. В самом деле, Господь не сказал ему: иди в ту или эту землю, но — *юже ти покажу.* И несмотря на то, что так неопределенно было повеление, он, нисколько не исследуя, исполнил повеленное. Он повел с собой племянника (Лота), показав и в этом свою добродетель: взяв его еще юного, он мало-помалу образовал в нем подражателя своей добродетели, и для того не хотел его оставить, но принял его в

участники своего странствия; если отец, рассуждал он (Авраам), будучи неверным, по любви ко мне решился оставить свое отечество, где мы родились и выросли, последовал за мной и кончил жизнь в чужой стране, то тем более я не могу оставить здесь (в прежнем отечестве) сына (моего) брата, юношу, уже с ранних лет обнаруживающего в себе постепенное возрастание в добродетели.

2. Когда, таким образом, во всем показывая свою любовь к Богу, он (Авраам) совершил такое странствие, и наконец пришел в Палестину и вступил в пределы хананейские, Бог, желая укрепить его ревность и простереть к нему руку помощи, явился ему и сказал: *семени твоему дам землю сию* (Быт. XII, 7). Чего он желал и сильно хотел, то есть продолжения своего рода, то ему Бог немедленно и обещает, вознаграждая его за столь великие труды. Так как по естеству (неплодство Сарры) он не имел детей и лета уже не позволяли ему надеяться иметь их, то Бог Своим обетованием ободряет подвижника, соделывает его еще более мужественным и как бы возвращает ему юность для дальнейших подвигов. И смотри, как этот праведник, после такого обетования, предпринимает еще новый подвиг. Когда наступил голод и была великая скудость в земле ханаанской, он поспешил в Египет; но желая там найти средства к утолению голода, подвергся еще большим опасностям. Благообразие и красота жены его Сарры угрожали ему смертью. Поэтому, *егда еще приближися внити во Египет;* он говорит ей: *вем, яко добролична еси* (Быт. XII, 11), знаю красоту лица твоего и опасаюсь невоздержания египтян. Итак, если они увидят тебя и узнают, что я обращаюсь с тобой как с женой, тебя они оставят в живых, чтобы удовлетворить своей безумной страсти, меня же умертвят, чтобы без боязни совершить свое беззаконие, потому что тогда некому будет открыть его. Итак, скажи, что я

брат твой. Замечай адамантовую душу, замечай сердце, крепчайшее железа. Не поколебало его духа предстоящее несчастье; он и не подумал, и не сказал сам себе: для того ли я оставил свое отечество и, показав столь великое послушание, пришел в чуждую страну, чтобы подвергаться таким бедствиям? Не обещано ли было мне незадолго перед тем: *семени твоему дам землю сию?* Вот страх прелюбодеяния и смерти возмущает наши души. Но ничего такого он и помыслить себе не позволил. Одно только имел он в виду при таком опасном приключении, как бы из двух предстоящих ему опасностей избежать по крайней мере одной.

Таким образом и сам он употребил все свое благоразумие и мужество, и жена, показывая любовь к мужу и повиновение, содействовала (ему), поступая так, как было придумано. Но когда они сделали уже все, от них зависящее, и тем не менее, по-человечески, могли потерять всякую надежду, так что беззаконное намерение (египтян) уже почти приведено было в исполнение, тогда показано великое о нем (Аврааме) промышление Божие. Бог не только жену его исхитил от поношения, явил гнев Свой на царя и на весь дом его, но и патриарху помог возвратиться из Египта в Палестину с великой славой. Смотри, как человеколюбивый Господь, подавая подвижнику среди искушений Свою помощь, соделывает его еще более крепким для дальнейших подвигов; никогда не оставляя его без Своей помощи, Он во всем ясно показывает такое промышление, что тот, перенося немногое, вознаграждается многим и весьма многим превосходящим человеческие силы. Видишь терпение праведника? Смотри теперь, по возвращении его из Египта, как велико было его смирение и как много было в нем кротости. Когда он возвратился из Египта с великим богатством, и был не один, а и племянник сопровождал его, то *не вмещаше их,* сказано, *земля жити вкупе* (Быт. XIII, 7), так как у них много было

имения, от чего и произошла ссора между пастухами Лота и Авраама. Тогда праведник, показывая кротость души и высоту любомудрия, призвав Лота, говорит ему: *да не будет распря между мною и тобою, и между пастухи твоими, и между пастухи моими, яко человецы братия мы есмы* (ст. 9). Как бы так он сказал Лоту: нет ничего лучше мира и нет ничего хуже ссоры; итак, чтобы устранить всякий повод к ссоре, избери, какую сам хочешь, часть земли, а мне оставь другую, и мы далеки будем от всякой ссоры и распри. Видишь добродетель мужа? Юноше он уступил выбор лучшей земли, а сам удовольствовался худшей. Посмотри же теперь, сколь великую он получил награду за такой поступок свой. Лишь только совершилось разделение и Лот удалился, Бог говорит Аврааму: *воззрев очима твоима*, осмотри всю эту землю, со всех сторон, *яко всю (землю), юже ты, видиши, тебе дам ю, и семени твоему* до века (Быт. XIII, 14–15). Смотри, какой великой он удостоивается почести за смирение, которое показал в отношении к своему племяннику. Уступив малое, он удостоился гораздо большего; а тот (Лот), избрав лучшую часть, спустя немного, подвергся опасностям, и не только не приобрел ничего от своего выбора, но неожиданно попал в плен, лишился (всего) и остался без крова и жилища, и тогда на самом деле познал высокую добродетель праведника и сам научился впредь никогда так не делать (как сделал). В самом деле, едва Лот устроил себе жилище в Содоме, возгорелась жестокая война: цари соседних народов, напав с великой силой, совершенно опустошили всю ту страну. Избив исполинов и изгнав амаликитян, они и царя Содома и Гоморры заставили обратиться в бегство, овладели всеми высотами и, захватив конницу царя содомского, взяв в плен Лота и жен со всем их имением, удалились.

3. Но смотри опять, как велико промышление Божие. Желая освободить и Лота, прославить и патриарха (Авраама), Бог возбуждает праведника на помощь

племяннику. Узнав о случившемся, праотец с своими домочадцами устремился на тех царей, без труда поразил их и освободил Лота, и жен, и всю конницу царя. Одержав столь славную победу, он всем ясно показал Божие о нем промышление, и то, что столь великое дело он совершил не собственной силой, но укрепляемый вышней помощью. Впрочем, он успел сделаться учителем благочестия для всех живших в Содоме, через свои беседы с царем их. Когда царь, встретившись с ним и воздавая благодарность за сделанное им, обещал уступить ему всю конницу, а себе взять только людей, – примечай здесь опять великую душу праведника, как он в одно и то же время и являет свою мудрость, показывая, что он выше таких даров, и ведет его (царя) к познанию благочестия, – то праотец не просто сказал ему: я не позволю себе взять что-нибудь от тебя, потому что я не имею нужды ни в какой подобной награде, но что? *Воздвигну руку мою к Богу вышнему* (Быт. XIV, 22). Он как бы внушал царю: боги, почитаемые тобой, не суть боги, но камни и дерево; один есть над всеми Бог, Который сотворил небо и землю. *От нити до ремня* не возьму от тебя (ст. 23), чтобы ты не подумал, что я только для этого совершил отмщение за тебя, и чтобы ты не мог сказать, что ты обогатил меня. Тот, Кто мне даровал победу и предоставил торжество, дарует мне и средства к обогащению. Смотри, какую бы пользу царь мог получить от слов патриарха, если бы захотел: он поучал его не надеяться впредь на свою силу, но познавать Виновника всяческих, презирать рукотворенные божества и служить Богу всяческих, Творцу всего и источнику благ. И вообще во всем царь мог видеть добродетель Авраама. Так, чтобы тот не подумал, что он (Авраам) презирает его дары по гордости и высокомерию, он говорит ему: я ничего не возьму, потому что не имею нужды, и не желаю, чтобы богатство мое от других

умножалось, но тем, которые участвовали со мной в опасностях, я позволю взять несколько, чтобы они имели хотя малое вознаграждение за свои труды. Так отвечал праведник царю содомскому.

Но когда Мелхиседек, царь салимский, вынеся хлеб и вино, предложил ему (так как он был, сказано, *священник Бога вышняго*), он (Авраам) принимает от него предложенное, и желая возблагодарить его за полученное от него благословение и за прославление Бога (так как Мелхиседек сказал, как написано: *благословен Аврам Богом вышним, и благословен Бог, иже предаде враги твоя под руки твоя* (Быт. XIV, 20), дает ему десятину от всего, что получил из добычи. Видишь, как во всем открывается благочестие праведника; от царя содомского он не хотел взять ничего — *от нити до ремня,* а предложенное от Мелхиседека взял, взаимно воздав ему и от себя. Этим он научает нас наблюдать большую разборчивость, а не просто без разбора принимать от всех. Царь содомский, хотя дарами выражал свои добрые чувства, но был неверный и имел нужду в назидании. Поэтому (Авраам) дары его отверг, но употребил все старание привести его к истинному богопознанию, и тем самым, что отказал принять дары, и тем, что ему говорил. От Мелхиседека же он принимает (дары) справедливо, потому что Божественное Писание свидетельствует о добродетели этого мужа, говоря: *бяше же священник Бога вышняго.* С другой стороны, это событие было прообразованием Христа, и даже то самое, что было принесено (Мелхиседеком), предзнаменовало нечто таинственное. Потому так и надлежало быть, чтобы и Авраам, приняв (дары) и взаимно вознаградив (Мелхиседека), показал величие своей добродетели. Дал Мелхиседеку десятину, выражая и в этом мысль благочестивую. Может быть, наше слово распространилось слишком много, но не напрасно и не без причины. Мы вкоротке пересказали

с самого начала вплоть до настоящего чтения о мужестве праведника, о его великодушии, о необыкновенной его вере, о мудрости его разума, о величии его смиренномудрия, удивительном презрении к богатству, о непрерывном промышлении и благоволении к нему Божием, и о том, как все бывшие ему посещения (свыше) каждый раз обнаруживали в праведнике более и более величия, более и более прославляли его. Но если вы желаете и не утомляетесь, займемся тем, что было только что читано, и предложив немногое, окончим слово, чтобы вы узнали, какое воздаяние получает он (Авраам) за непринятие даров царя содомского. Что же сказано? *По глаголех же сих бысть слово Господне ко Авраму.* Почему так начато: *по глаголех сих?* После каких глаголов, скажи мне? Не ясно ли, что после тех, которые он говорил царю содомскому, то есть после презрения и отвержения даров его, после назидания, которое он сделал через отвержение даров, направляя его к благочестию и познанию Творца всяческих, — *по глаголех сих,* то есть после того, как дал десятину Мелхиседеку? Когда, говорит Писание, исполнил он все это с своей стороны, тогда-то, *по глаголех сих, бысть слово Господне ко Авраму в видении нощию, глаголя: не бойся, Авраме; аз защищаю тя, мзда твоя многа будет зело.*

4. Примечай человеколюбие Господа, как скоро и немедля Он вознаграждает Своими благодеяниями подвижника Своего, укрепляя таким образом и обновляя силы его. *Бысть слово Господне в видении нощию.* Для чего ночью? Для того, чтобы слова Его (Господа) были приняты в безмолвии. И говорит ему: *не бойся Авраме,* — примечай особенное попечение (Божие). Для чего сказал: *не бойся?* Так как он, мало заботясь о дарах царя (содомского), презрел столь великое богатство, то Бог и говорит ему: *не бойся,* что ты презрел такие дары и не думай, чтобы от того уменьшилось твое стяжание.

Не бойся. И чтобы еще более возбудить его дух, говоря с ним, присовокупляет к слову и его имя: *не бойся, Авраме.* И то ведь немало служит к ободрению, если произносится имя того, кто призывается. Потом говорит: *аз защищаю тя.* И это изречение многозначительно. Я, Который воззвал тебя из земли халдейской, Я, Который привел тебя сюда, Я, Который освободил тебя от опасностей в Египте, Я, Который несколько раз обещал дать тебе и семени твоему эту землю, Я защищаю тебя. Я, Который каждый день более и более прославляю тебя перед всеми, Я защищаю тебя, то есть Я подвизаюсь за тебя, Я побораю по тебе, Я промышляю о тебе и все тяжкое соделываю для тебя легким, *аз защищаю тебя, мзда твоя многа будет зело.* Ты не захотел взять награды за труды, которые понес, подвергая себя столь великим опасностям, но презрел дары царя (содомского), — так Я дам тебе награду не такую, какую ты мог (от царя) получить, но великую, очень великую. *Мзда твоя,* сказано, *многа будет зело.* Видишь щедрость Господа? Видишь многозначительность слов? Видишь, как Он воодушевлял подвижника благочестия? Видишь, как Он укреплял его дух? Ведущий сокровенная сердца видел, что праведник имел нужду в таких утешительных словах. В самом деле, смотри, что́ говорит патриарх, ободренный такими словами: *рече же Аврам: Владыко, что ми даси; аз же отпущаюся безчаден* (Быт. XV, 2). Когда Господь обещал ему награду, и награду великую, очень великую, тогда он, обнаружив скорбь своей души и постоянно томившее его уныние по причине бесчадия, сказал: Господи, что такое Ты мне дашь? Вот я уже достиг глубокой старости, и *отпущаюсь* бесчаден?

Смотри, как еще в древности любомудрствовал праведник, называя исход из здешней жизни *отпущением.* Подлинно те, кто с тщанием подвизается в добродетели, когда переселяются из здешней жизни, то, поистине, как бы отпускаются на свободу от злостраданий и от

уз: для живущих добродетельно смерть именно есть переход от худшего к лучшему, от жизни временной к непрестающей, бессмертной и нескончаемой. *Аз же,* говорит, *отпущаюся безчаден.* И чтобы преклонить Господа к милосердию, он не остановился на этом, но и что еще сказал? *Сын же Мазек домочадицы моея, понеже мне не дал еси семени, сей наследник мой будет* (Быт. XV, 3). Великую скорбь души показывают такие слова; он как бы так говорит Богу: я не удостоился и того, чего удостоен мой раб; я умру бездетным, и безродным, и вот этот раб мой будет наследником и того, что уже мне дано от Тебя, и того, что Ты мне несколько раз обещал, говоря: *семени твоему дам землю сию.* Примечай и здесь добродетель праведного. Имея такие помыслы в душе, он никогда не досадовал, никогда не роптал; нет, и теперь, ободренный словами Божиими, он с упованием приступает к Господу, объявляет ему смущение своих помыслов и показывает рану своей души, — почему и получил скорое врачевание: *и абие,* сказано, *глас Господень бысть к нему* (Быт. XV, 4). Заметь точность Писания: сказано: *абие,* то есть Господь не попустил праведнику и малое время скорбеть, но подает скорое утешение и облегчает беседой с ним тяжесть печали: *и абие,* сказано, *глас Господень бысть к нему глаголющий: не будет сей наследник твой, но иже изъидет из тебе, той будет наследник тебе* (ст. 4). Этого ли, говорит, ты убоялся? Это ли умножает твою скорбь? Итак, знай же, что не этот будет наследник твой, *но иже изъидет из тебе, тот будет наследник тебе.* Не смотри на природу человеческую, не думай ни о своей старости, ни о бесплодности Сарры, но, веруя в силу Того, Кто обещает тебе, перестань унывать, утешься и будь уверен, что будешь иметь наследника, который родится от тебя. Потом, так как обетование было выше естества и превышало человеческий разум (потому что много возмущало дух его препятствие от самого естества, и собственная ста-

рость его, и заматеревшее уже бесплодие Сарры), то Господь еще далее простирает силу Своих обетований, чтобы праведник, видя щедрость обещающего, имел тем более надежды. *Изведе же его вон, и рече ему: воззри на небо и изочти звезды, аще возможеши исчести я. И рече: тако будет семя твое. И верова Аврам Богу, и вменися ему в правду* (Быт. XV, 5–6). Для чего замечено: *изведе его вон?* Так как выше было сказано, что Бог явился ему ночью в видении и беседовал с ним, а теперь он хочет указать ему на бесчисленное множество звезд на небе, то и сказано: *изведе его вон, и рече: воззри на небо и изочти звезды, аще возможеши исчести я. И рече: тако будет семя твое.* Откровение возвышенное, обетование великое! Но если помыслим о силе Обещающего, то оно нам нимало не покажется чрезвычайным. Тот, Кто образовал тело из земли, Кто из несущего произвел все видимое, Тот мог даровать (Аврааму) обетование, превышающее природу.

5. Видишь милосердие Господа? Когда праведник сказал: *отпущаюся безчаден*, и уже находясь как бы при самих дверях смерти и не видя никакой возможности иметь детей, произнес в таком расположении духа слова: *Мазек, сын домочадицы моея, наследник мой будет*, — тогда Господь, желая воскресить его дух и укрепить сердце, освобождает его от подавляющего его страха, возвышает его мысль и обетованием и самым величием дара; указывая на множество звезд и возвещая, что столько же произойдет от него потомства, возвращает ему утешительные надежды. Услышав такое обетование Господа, праведник оставил всякое человеческое рассуждение, и, уже не обращая внимания ни на себя самого, ни на Сарру, представлявшую много препятствий к исполнению обетования, но став выше всего человеческого и зная, что силен Бог даровать и сверхъестественное, поверил сказанным (от Господа) словам, не допустил в себе никакого сомнения и нисколько не поколебался

в вере относительно того, что было ему сказано. Вот признак истинной веры: когда обетования бывают выше человеческого понятия и мы твердо уповаем на силу Обещающего. *Вера есть,* как говорит блаженный Павел, *уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI, 1). И в другом месте: *еже бо видит кто, что и уповает* (Рим. VIII, 24). Итак, вера состоит в том, когда мы верим невидимому, утверждая мысль на непреложной верности Обещающего. Так и сделал этот праведник (Авраам), — показав великую и искреннюю веру касательно обещанного ему, за что и восхваляет его Божественное Писание, так как оно тут же присовокупляет: *и верова Аврам Богу, и вменися ему в правду.* Видишь, как, еще прежде исполнения обетований, он получил соразмерное воздаяние, за то только, что поверил? Ему вменилось в правду то, что он поверил обетованию Божию и не испытывал человеческими рассуждениями сказанного Богом. Итак, научимся и мы от праотца веровать словам Божиим и уповать на Его обетования, не исследовать их по собственным соображениям, а показывать благодушие. Это может нас и праведными сделать, и скорее предуготовить к получению обещанного (от Бога). Аврааму Бог обещал, что от семени его произойдет великое множество (потомства), и обещание это было выше естества и порядка человеческих дел, почему вера и доставила ему (Аврааму) оправдание перед Богом. Но нам, если будем внимательны, обещано гораздо большее, — такое, что может далеко превзойти всякое человеческое понятие; только будем веровать в силу Обещающего, чтобы и оправдание приобрести от веры, и получить обещанные блага. То, что нам в особенности обещано, превышает всякий человеческий разум и превосходит всякое рассуждение. Так велики обетования! В самом деле, не в настоящем только веке нам обещает Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и

разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает (Господь) воскресить их и водворить в большей славе. *Подобает бо,* говорит блаженный Павел, *тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие* (1 Кор. XV, 53). А после воскресения тел, Господь обещает даровать нам наслаждение царствия, общение со святыми, бесконечный покой и те неизреченные блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша.* Итак, видишь ли, сколь велико превосходство обещаний? Видишь ли величие даров?

6. Размышляя об этом и зная неложность обещанного, с тщанием приготовим себя к подвигам добродетели, чтобы можно нам было насладиться обещанными благами; спасению нашему и наслаждению столь великими благами не предпочтем благ временных, не станем рассуждать о трудах добродетели, а будем помышлять о воздаяниях; не станем смотреть на трату денег, когда их нужно бывает давать бедным, а представим себе происходящие отсюда последствия. Для того-то Божественное Писание и уподобило милостыню семени, чтобы мы с радостью и великой охотой ее творили. Если те, которые бросают в землю и рассеивают собранные и хранимые семена, делают это с великой радостью, питаясь благими надеждами и представляя себе колосья, полные зерен, то гораздо более прилично радоваться и восхищаться тем, кто удостаивается сеять духовное, — потому что они, сея на земле, пожнут на небе, бросая деньги, получают прощение грехов и приобретают залог упования, и подавая здесь (милостыню), приготовляют себе вечный покой и сожитие со святыми. А если мы изберем целомудрие, то не станем обращать внимания на то, что эта добродетель соединена с трудом, или что девство требует великого подвига, но помыслим об ожидающем нас наследии; рассуждая всегда об этом, будем обуздывать порывы злых пожеланий, побеждать влечения плоти и облегчать

тяжесть трудов надеждой воздаяний. Подлинно надежда получит какие-либо блага, дает смелость отваживаться и на явные опасности; а тем более она поможет нам мужественно препобедить трудности в добродетели. В самом деле, если размыслишь, что, потрудившись немного и сохранив горящий светильник девства, можешь удостоиться в будущем блаженной жизни, и войти с женихом (в царство небесное), если только будешь иметь светильники возжженные и в них достаточно елея, то есть добрых дел, то как тебе не перенести со всей легкостью все тяжкое (в жизни), припоминая и сказанное блаженным Павлом: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14)? Видишь ли, как апостол соединяет мир с святостью? Чтобы мы разумели, что он требует не только чистоты тела, но и мира, он благовременно упомянул о том и другом, желая утвердить (в нас) то и другое, чтобы мы и помыслы свои удерживали, не допуская в себе никакого возмущения или смятения (душевного), а проводили жизнь спокойную и безмятежную, и чтобы со всеми другими обращались мирно, были тихи, кротки и снисходительны, так чтобы все черты добродетели отражались на нашем лице. Таким образом мы можем презирать и славу настоящей жизни, предпочитая ей славу истинную, а более заботиться о смиренномудрии, и считать за ничто всякое счастье здешней жизни, чтобы насладиться счастьем истинным и прочным и удостоиться узреть Христа. *Блажени*, сказано, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8). Итак, очистим нашу совесть и со тщанием позаботимся благоустроить свою жизнь, чтобы, проведя настоящий век во всякой добродетели, удостоиться за здешние подвиги наград в будущем веке, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Рече же Господь к Авраму: аз есмь Бог, изведый тя от страны халдейския, яко дати тебе землю сию наследствовати ю. Рече: Владыко Господи, по чесому уразумею, яко наследити ю имам (Быт. XV, 7—8)?

1. Велика сила Божественного Писания и велико богатство мыслей, сокрытое в словах его. Поэтому со тщанием внимая ему, мы должны много испытывать его, чтобы получить из него обильную пользу. Вот почему и Христос заповедал: *испытайте писаний* (Ин. V, 39), — чтобы мы не занимались только простым чтением его, но чтобы, исследуя глубину Писания, могли постигнуть истинный его смысл. Таково свойство Писания: в немногих словах его часто можно найти великое множество мыслей. Так как оно есть учение Божественное, а не человеческое, то и можно видеть, что все оно противоположно мудрости человеческой. Я объясню, каким это образом. Там (я говорю о мудрости человеческой) все старание людей бывает обращено на изложение слов; здесь — совсем напротив: (Священное Писание) не имеет в виду красоты слов, или их (искусного) сочетания; оно само в себе имеет Божественную благодать, которая сообщает блеск и красоту словам его. И опять, там (в писаниях человеческих) среди пространного и неизобразимого пустословия едва можно встретить какую-либо мысль; а здесь (в Священном Писании), как вы уже знаете, и краткого изречения часто достаточно было для нас, чтобы составить целое поучение. Вот и вчера, предложив вам прочитанное, мы коснулись только начала, но так как нашли великое богатство мыслей, то и не могли продолжить беседы дальше, чтобы обилием (мыслей) не обременить вашей памяти, и чтобы сказанное уже не могло быть забыто. Поэтому я хочу (сегодня) продолжить в том же порядке беседу, и с тем, что сказано было вчера, совокупить настоящее слово,

чтобы таким образом, окончив изъяснение всего чтения, отпустить вас отсюда. Только прошу вас, с тщанием внимайте тому, что вам говорится, потому что хотя это труд наш, но польза от него ваша, или, лучше сказать — общая. Впрочем, что я говорю — труд наш? Нет, это дар благодати Божией. Итак, со вниманием примем и мы даруемое нам от Бога, чтобы выйти отсюда (из храма) с каким-нибудь приобретением для спасения души. Для того и предлагаем мы вам ежедневно эту духовную трапезу, чтобы непрерывным поучением и упражнением в Божественном Писании оградить себя от всяких наветов злого духа. Когда он увидит, что мы прилагаем большое старание к занятиям духовным, то не только не сделает на нас нападения, но даже не посмеет и взглянуть прямо на нас, зная, что покушения его будут тщетны, и что дерзость его обратится на его же собственную главу. Итак, обращаясь к сказанному вчера, изъясним же по порядку то, что еще остается (изложить). А о чем мы вчера говорили? Мы изложили обетование (Божие) Аврааму, когда Бог повелел ему воззреть на небо и посмотреть на множество звезд. *Изочти звезды,* говорит Он ему, *аще возможеши исчести я. И рече: тако будет семя твое.* Потом Божественное Писание, показывая нам любовь к Богу в душе праотца и то, что он, взирая на Обещающего и помышляя о могуществе Его, поверил сказанному, говорит: *и верова Аврам Богу, и вменися ему в правду.* До сих пор мы беседовали вчера и не могли простираться далее, почему теперь нужно последовать за дальнейшими изречениями (Писания). Что же говорит Писание? *Рече же* Господь к Аврааму: *аз есмь Бог, изведый тя от страны халдейския, яко дати тебе землю сию наследствовати* ю (Быт. XV, 7–8). Примечай снисхождение Божие, как Бог хочет укрепить его (Авраама) веру и убедить, чтобы он имел полную уверенность в получении обещанного, как бы так говоря ему: помни, что Я тебя воззвал из дома. Вот эти сло-

ва Господа к праотцу оказываются согласными с тем, что сказал блаженный Стефан, именно, что и из дому своего, и из самой Халдеи Авраам был вызван повелением Божиим. Следуя намерению его (Авраама), и отец его, как мы прежде сказали, хотя был и неверный, но побуждаемый великой любовью к нему, сопутствовал ему, последовал за ним и вышел (из дома). Итак, в настоящем случае (Господь) напоминает ему (Аврааму), какое попечение Он имел о нем с самого начала, давая ему разуметь и то, что Он повелел ему предпринять такой путь потому, что уготовляет для него нечто великое и хочет исполнить и привести в действие все данные ему обетования. *Аз есмь, изведый тя из страны халдейския, яко дати тебе землю сию, наследствовати ю.* Разве Я без причины воззвал тебя оттуда (из Халдеи)? Разве напрасно и без цели Я вывел тебя оттуда? Для того Я повелел тебе перейти в Палестину, оставить отеческий дом и прийти в эту землю, чтобы ты наследовал ее. Итак, подумай, каким попечением пользовался ты от Меня с тех пор, как оставил Халдею, и до настоящего времени, и как Моим содействием и промышлением о тебе ты прославился и еще более и более становишься славным со дня на день; подумай об этом, и твердо веруй словам Моим. Видишь ли особенное человеколюбие? Видишь ли величайшее снисхождение? Видишь ли, как Бог желает укрепить душу (Авраама), и сделать веру его еще более твердой, чтобы он впредь, не обращая внимания на немощи природы, но помышляя о могуществе Того, Кто дает ему обетования, имел такое дерзновение (упования), как бы обетования эти уже исполнились на деле.

2. Но посмотри опять, как праотец, ободренный такими словами (Господа), требует себе еще большего удостоверения. *Владыко Господи,* говорит он, *по чесому уразумею, яко наследити ю имам* (ст. 8)? Хотя Божественное Писание предварительно уже засвидетельствовало

о нем (Аврааме), что он веровал словам Божиим, почему и вменилось (это) ему в правду, но когда (Авраам) услышал слова: Я для того вывел тебя из земли Халдейской, чтобы дать тебе землю эту в наследие, он говорит: словам Твоим я не могу не верить, но вместе я желал бы узнать и то, каким образом я ее наследую. Вот я сам достиг уже старости и до настоящего времени прохожу эту землю, как странник, а что будет вперед того, не могу человеческим умом постигнуть. Итак, говорит, хотя я уже с самого начала поверил сказанным (Тобой) словам, потому что они сказаны Тобой, а Ты можешь и из небытия приводить в бытие, все творишь и преобразуешь, однако же я вопрошаю Тебя о том, спрашиваю не по неверию; так как Ты снова упомянул о наследии, то я желал бы получить какое-нибудь более осязательное и ясное для меня знамение, которое бы укрепило немощный мой разум. Что же (делает) благой Господь? Снисходя Своему рабу и желая укрепить его душу (так как видел, что он сознает свою немощь и верит обещанию, а желает только получить себе какое-нибудь удостоверение), Он говорит ему: *возми мне юницу трилетну, и козу трилетну, и овна, и горлицу, и голубя* (ст. 9). Смотри, как по-человечески Господь заключает с ним завет. Как мы люди, когда кому-нибудь обещаем что-нибудь и желаем удостоверить в своем обещании, чтобы тот не сомневался в наших словах, даем ему какой-нибудь знак или залог, дабы, смотря на него, он мог быть уверен в непременном исполнении обещания, так и человеколюбивый Господь, когда Авраам сказал: *по чесому уразумею?* — говорит: вот Я и это для тебя сделаю: *возми мне юницу трилетну, и козу трилетну, и овна, и горлицу, и голубя.* Посмотри, до какой простоты всеблагой Владыка намеревается снизойти для удостоверения праотца. Так как у древних был обычай так заключать договоры и так утверждать их (как описывается в Священном Писании завет Бога с Авраамом), то и Он (Бог)

идет тем же путем. *И взя*, сказано, *и раздели* их *на полы* (ст. 10). Надобно заметить, что не напрасно и не без причины Он (Бог) назначил и самый возраст*. Он повелел взять трехлетних, то есть взрослых и совершенных. *И раздели я* (Авраам) *на полы, и положи я противолична едина ко другому, птиц же не раздели* (Быт. XV, 10). И сидя, охранял разделенные части, чтобы не повреждали их прилетающие птицы, и это делал он (Авраам) целый день. *Слетеша же* другие *птицы на телеса растесаная и седе близу их Аврам. Заходящу же солнцу, ужас нападе на Аврама и се страх велий и темен нападе нань* (ст. 11–12). Для чего (это было) при заходе солнца, когда день уже склонялся к вечеру? Все это к тому, чтобы сделать его (Авраама) более внимательным: для того напал на него *и ужас, и страх темен велий*, чтобы все эти явления привели его в чувство к видению Бога. Бог всегда так делает. Вот и впоследствии, когда Он хотел дать Моисею закон и заповеди на горе синайской, был, сказано, мрак и буря, и гора дымящаяся (см.: Исх. XIX, 16–18). Почему Писание и говорит: *прикасаяйся горам, и дымятся* (Пс. CIII, 32). Так как бестелесное же может быть видимо чувственными очами, то Господь и хочет ознаменовать для нас Свое присутствие (особенными явлениями). Итак, когда праведник (Авраам) был поражен, и страх и ужас потряс его душу, ему было сказано: ты говорил: *почему я уразумею* (исполнение обетования), и желал получить знамение, каким образом ты наследуешь эту землю? Вот Я даю тебе знамение: ты должен иметь великую веру, чтобы знать, что Я могу и из самых неблагоприятных обстоятельств привести дела (человеческие) к благим надеждам. *И речено бысть к Авраму: ведый увеси, яко преселно будет семя твое в земли не своей, и поработят я, и озлобят, и смирят лет четыреста. Языку же,*

---

* То есть животных, которых требовал для вступления в завет с Авраамом.

ему же поработают, сужду Аз: по сих же изыдут семо со имением многим (ст. 13–14). Велико это слово, и требует души мужественной и возвышенной, все человеческое оставляющей ниже себя. В самом деле, если бы праотец (Авраам) не имел твердой, мужественной и любомудрствующей души, слова такие могли бы даже смутить его. *Ведий увеси,* сказано, *яко пресельно будет семя твое в земли не своей, и поработят, и озлобят, и смирят я лет четыреста. Языку же, емуже поработают, сужду Аз: по сих же изыдут семо со имением многим.*

3. Не удивляйся, говорит, смотря на себя и свою старость, на бесплодие Сарры и мертвенность ее утробы, и не думай, чтобы Я сказал что-нибудь много, говоря, что *семени твоему дам землю сию.* Не только это тебе предсказываю, но и то, что семя твое переселено будет в чужую землю. Не сказал (Бог): в Египет и не назвал земли по имени, но сказал: в земле *не своей;* там (твои потомки) претерпят рабство и бедность, и озлоблены будут не на краткое время и не на малое число лет, но *лет четыреста.* Но Я сотворю за них отмщение: *языку, емуже поработают, сужду Аз,* и сделаю то, что они возвратятся сюда *со имением многим.* Предсказывая же Аврааму несомненно имеющее быть впоследствии, объявляя ему и о рабстве, и о пришествии в Египет, и о гневе, какой за его потомков должны будут испытать египтяне, и о славном возвращении их (оттуда), Бог показывает ему, что не над ним только совершатся сверхъестественные дела (Божии), и не на нем только все предвозвещенное Богом, после столь великих препятствий, исполнится, но что то же случится и со всем его семенем. А это, говорит он, ныне же Я сказал тебе для того, чтобы ты прежде своего отшествия из этой жизни знал, что ожидает и потомков твоих. Но *ты,* говорит далее, *отыдеши ко отцем твоим препитан в старости добрей.* Не сказал — *умрешь,* но *отыдешь,* как будто ему предстояло пойти в путь и переселиться из одной отчизны в другую. *Оты-*

дешь, говорит, ко *отцем твоим*, разумея не плотских (отцов), потому что как бы это могло быть, когда отец его был неверный? Невозможно было, чтобы верный праотец отошел в одно место (с неверными). *Пропасть велика*, сказано, *между нами и вами* (Лк. XVI, 26). Для чего же Он (Бог) сказал: *отцем твоим*? Он назнаменовал (этим словом) праведников, как то: Авеля, Ноя, Еноха и им подобных. *Препитан в старости добрей*. Может быть, кто-нибудь скажет, какая же добрая старость была у него (Авраама), когда всю жизнь свою он провел в таких скорбях? Не на это смотри человек; а помысли о всегдашней его славе, как он, будучи странником, без отечества, без жилища, был славен и каким во все время пользовался заступлением Божиим.

Итак, не по нынешним понятиям суди о вещах и не думай, что та старость добрая, которая проходит в удовольствиях и роскоши, в обладании богатством, множеством рабов, толпой слуг. Все это не сделало бы старости доброй, напротив, подвергло бы великому осуждению того, кто даже и в старости не хочет образумиться и при последнем издыхании не думает о том, что нужно, но каждый день работает чреву, гоняется за пиршествами, предается пьянству, и кто, немного спустя, за все это должен будет дать отчет. Только тот, кто провел свою жизнь в такой добродетели (как Авраам), тот поистине *препитан в старости добрей* оканчивает жизнь, и за здешние труды находит в будущем (веке) награду и воздаяния. Вот почему и говорит (Господь): так будет с твоими потомками, а сам ты отыдешь, *препитан в старости добрей*. Заметь опять и здесь, что если бы праведник не имел великого мужества и высокого любомудрия, то как и это могло бы смутить его помыслы! Если бы он похож был на многих других, он сказал бы: для чего Ты обещаешь распространить от меня такое великое потомство, если оно должно будет подвергнуться таким великим бедствиям и столько лет терпеть рабство?

Какая мне в том польза? Но ничего такого и не подумал праведник; напротив, как благомыслящий домочадец, все принимал от Бога с любовью, и все Ему угодное ставил выше своих рассуждений. Потом (Бог) определяет ему и время освобождения от рабства. Сказав о числе лет (рабства) — *четыреста*, говорит далее: *в четвертом же роде возвратятся семо* (ст. 16). Здесь кто-нибудь, может быть, придет в недоумение, как это сказано, что они должны рабствовать *четыреста лет*, между тем как они и половины этих лет не провели в Египте. Но потому-то и не сказано, что они проведут четыреста лет *в Египте*, а сказано только: *в земли не своей*, так что к годам, проведенным ими в Египте, можно присовокупить и время жизни самого праотца, в которое ему повелено было выйти из Харрана. С этого-то времени Писание показывает нам и число лет его, говоря, что ему было семьдесят пять лет, когда он вышел из Харрана. И если кто с этого времени будет считать до исшествия из Египта, то найдет полное число лет (четыреста). И то еще можно сказать, что Господь, будучи человеколюбив и всегда соразмеряя наказания с нашей немощью, как скоро увидел, что они истомились от трудов, и что египтяне оказывают им великую жестокость, то прежде определенного времени сотворил отмщение и извел их на свободу. Таково свойство Его (Господа): всячески устроя наше спасение, Он хотя и угрожает наказаниями, но если мы показываем обращение к (Нему), отменяет свой приговор. И наоборот опять, хотя и обещает подать нам какое-либо благо, но если мы со своей стороны не делаем того, что от нас самих зависит, то и Он не исполняет обещанного, чтобы от этого мы не сделались еще хуже. Все это вы сами можете видеть, если только с усердием будете читать Божественное Писание. *В четвертом же роде возвратятся семо: не бо исполнишася греси Аморреов до ныне* (ст. 16). Тогда, говорит, наступит время и тех (потомков Авраама) освободить, и

этих (аморреев) подвергнуть осуждению и изгнанию из своей земли за множество соделанных ими грехов. Итак, то и другое, восстановление одних и истребление других, совершится, таким образом, в надлежащее время. Еще *не иполнишася*, говорит, *греси их.* Как бы так Он сказал: они еще не сделали такого множества преступлений, чтобы им понести такое наказание. Будучи человеколюбив, Господь не только не наводит наказаний больших, чем грехи, а напротив, (посылает) гораздо меньшие. Вот почему и аморреям Он являет великое долготерпение, чтобы они, сами навлекли на себя наказание, после уже не имели никакого оправдания.

4. Видите, как все с точностью Господь открыл праотцу, чтобы всячески укрепить его веру, и чтобы из сказанного он мог убедиться, что все, касавшееся и его самого, и его потомков, непременно сбудется так, как ему было предсказано. Затем, когда Авраам вполне принял пророчество, и получил достаточное знамение того, что с ним случиться, — *егда*, сказано, *бысть солнце на западе, пламень бысть: и се пещь дымящися, и свещи огненны, яже проидоша между растесании* (ст. 17). Пламя, печь и свечи явились для того, чтобы праведник уразумел твердость завета (Божия с ним) и действие (в этом) силы Божией. Потом, когда все это кончилось, когда огонь истребил предложенные части (животных), *завеща*, сказано, *Господь Авраму завет в день той, глаголя: семени твоему дам землю сию, от реки Египетския, даже до реки великие Евфрата: Кенеов, и Кенезеов, и Кедмонеов, и Хеттеов, и Ферезеов, и Рафаинов, и Аморреов, и Хананеов, и Евеов, и Гергесеов, и Иевусеов* (ст. 18–21). Смотри, как опять Господь продолжает подтверждать ему Свое обетование. *Завеща*, сказано, *завет, глаголя: семени твоему дам землю сию.* Потом, чтобы праведник по пространству земли и по обширности пределов мог заключить, как распространится его семя, говорит: *от реки Египетские даже до реки великия Евфрата*, — так велико, говорит, будет семя

твое. Заметь, как во всем Он (Бог) хочет показать ему необычайное множество (потомства его). Сказав прежде, что сделает семя его так бесчисленным, как множество звезд, теперь показывает ему и обширность пределов, чтобы и отсюда он узнал, как далеко распространится будущее его потомство. И не только это (показал), но упоминает раздельно и о тех народах, которых намеревался дать в обладание его семени, чтобы всем этим доставить праведнику полное удостоверение. Но когда уже столь великие обетования даны были, Сарра еще оставалась неплодной и старость (обоих) их увеличивалась; а это для того, чтобы, представив величайшее доказательство своей веры, они при этом познали и немощь человеческого естества, и величие силы Божией.

Но чтобы нам опять не слишком распространить свое поучение, остановимся на этой мысли, и окончим слово, призвав вас быть подражателями праотцу. Помысли, в самом деле, возлюбленный, какой он удостоился награды за те слова, которые сказал содомскому царю, или лучше — за все вообще добродетели, какие показывал в продолжение всей своей жизни, и какое снисхождение являл ему Господь, показывая всем нам в событиях жизни этого праотца и великость своей щедрости, и то, что если мы сделаем с своей стороны хотя бы немногое, Он безотлагательно награждает нас великими дарами, только бы мы показывали в себе искреннюю веру, как этот праведник, и никогда не колебались в помыслах, но имели дух постоянно твердый. Так и Авраам прославился. Послушай, как блаженный Павел прославляет его веру, которую он показал в себе с самого начала: *верой*, говорит он, *зовом Авраам послуша изыти на место, еже хотяше прияти и изыде не ведый камо грядет* (Ер. XI, 8), обращая наше внимание на то, что сказано Богом — *изыди от земли твоей и иди в землю, юже ти покажу*. Видишь ли веру твердую, видишь ли дух чистосердечный? Будем подражать и мы ему, удалимся мыслью

и желанием от дел настоящей жизни и направим путь свой к небу. Ведь мы можем, если только захотим, и здесь живя, быть на пути туда (к небу), когда станем делать достойное небес, когда не будем иметь пристрастия к благам мира, когда не будем искать суетной славы в настоящей жизни, но презирая ее, потщимся достигнуть иной славы, истинной и всегда пребывающей; когда не будем заниматься роскошью одежд и заботиться об украшении тела, но всю эту заботу о внешнем украшении перенесем на попечение о душе, и не потерпим, чтобы она оказалась у нас нагой и лишенной одежд добродетели; когда будем презирать негу, бегать чревоугодия, не будем гоняться за пиршествами и обедами, но будем довольны необходимым, по апостольскому наставлению: *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. VI, 8). И какая польза, скажи мне, в излишестве, в том, чтобы от пресыщения разрывалось чрево, или от неумеренного употребления вина расстраивался рассудок? Не отсюда ли рождается всякое зло и для тела, для души? От чего эти многоразличные болезни и расстройство? Не от того ли, что, преступая меру, мы обременяем чрево слишком тяжелым грузом? От чего также прелюбодеяние, блуд, хищение, любостяжание, убийства, разбои, и всякая порча души? Не от того ли, что мы домогаемся больше надлежащего? Как Па́вел корнем всех зол назвал сребролюбие, так не погрешит тот, кто источником всех зол назовет неумеренность и наше желание во всем перейти за пределы нужды. Действительно, если бы мы захотели и в пище, и в одеждах, и в жилищах, и в других телесных потребностях не искать ничего излишнего, а только необходимого, то от многих зол освободился бы род человеческий.

5. Я не знаю, отчего каждый из нас более или менее подвержен болезни любостяжания и никогда не старается ограничиваться необходимым, но, вопреки апостольскому наставлению: *имеюще пищу и одеяние, сими*

довольни будем, мы все делаем так, как будто не знаем, что за все, превышающее необходимую потребность, должны будем отдать отчет и ответ, как не подлежащим образом употреблявшие то, что нам даровано от Господа. Не на наше ведь только наслаждение мы должны употреблять то, что Он даровал нам, но и на то, чтобы облегчать нужды ближних. Итак, какого прощения достойны могут быть те, которые показывают изнеженность в одеждах, стараются облекаться шелковыми тканями, а что особенно худо, еще гордятся этим, тогда как им следовало бы стыдиться, страшиться и трепетать, что не по нужде и не для пользы облекаются такими одеждами, но для неги и тщеславия, для того, чтобы удивлялись им на торжищах. Человек, имеющий одинаковую с тобой природу, ходит нагой, не имея и грубой одежды, чтобы прикрыться; но тебя и самая природа не влечет к состраданию, ни совесть не побуждает к вспоможению ближнему, ни мысль о том (последнем) страшном дне, ни страх геенны, ни величие обетований, ни то, что общий наш Господь все, оказанное нами ближним, усвояет Себе. Но как будто имея каменное сердце и будучи чужды той же природы, такие люди, облекаясь в дорогие одежды, думают, что становятся уже выше человеческой природы, а не помышляют, сколь великой ответственности подвергают себя, худо распоряжаясь тем, что им вверено от Господа, и охотнее дозволяя моли истреблять свои одежды, нежели (желая) дать какую-нибудь часть из них сорабам, и таким образом уже приготовляют для себя жесточайший огонь геенны. Если бы даже богатые все, что у них есть, разделили бедным, и тогда не избегли бы наказания за то, что делают, роскошествуя в одеждах и пиршествах. Какого, в самом деле, наказания не достойны те, которые всемерно стараются, как можно чаще, облекаться в шелковые и блестящие золотом, или как-либо иначе изукрашенные одежды, и в них гордо выступать на торжища,

а Христа оставляют в пренебрежении, нагого и не имеющего в достатке даже необходимой пищи? Эти слова я особенно обращаю к женщинам. У них мы находим наиболее страсти к украшениям и неумеренности, к тому, чтобы облекаться в золотые одежды, носить золото на голове, на шее и прочих частях тела, и этим тщеславиться. Сколько бедных, скажи мне, могло бы напитаться, и сколько обнаженных тел могло бы прикрыться тем только, что привешивается к ушам (женщин) без всякой нужды и без пользы, а только ко вреду и порче души? Вот почему и учитель вселенной, сказав: *имеюще пищу и одеяние,* также обращает слово к женщинам и говорит: *(жены) да украшают себе не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными* (1 Тим. II, 9). Видишь, как он не хочет, чтобы они украшались такими одеждами, облекались золотом и многоценными камнями, — но чтобы старались об истинном украшении души, добрыми делами возвышали ее красоту, а не показывали ее (при заботах об украшении тела) в нечистоте, в грязи, во вретище, истомленной голодом, изнуренной от холода. Такая забота о теле и такое украшение его свидетельствуют о безобразии души, роскошь тела обнаруживает глад души, богатство его одежд выставляет на вид ее наготу. Невозможно ведь, чтобы тот, кто печется о душе и дорого ценит ее благообразие и красоту, заботился о внешнем украшении, точно так же, как невозможно занятому наружностью, красотой одежды, золотыми украшениями, приложить надлежащее старание о душе. В самом деле, может ли когда-либо возвыситься к познанию своих нужд, или войти в размышление о предметах духовных душа, совершенно предавшая себя земному, пресмыкающаяся, так сказать, по земле, никогда не могущая вознестись мыслью горе, но поникшая долу под собственной тяжестью бесчисленных грехов? А сколько отсюда рождается несчастий, невозможно теперь изобразить словом;

это следует предоставить сознанию самих тех, которые слишком заняты уборами, сколько скорбей они получают отсюда, каждый день. Так, если повреждена будет какая-нибудь золотая вещь, великий шум и смятение обнимает весь дом; слуга ли украдет — на всех (падают) бичи, удары и узы; завистники ли какие, умыслив зло, нечаянно лишают имения — опять великая и несносная печаль; случатся ли несчастья, которые повергнут (богатых) в крайнюю бедность — жизнь для нас становится тяжелее смерти; случится ли другое что-нибудь — все причиняет великую скорбь. И вообще невозможно найти спокойной души в тех, которые занимаются такими вещами. Как волны моря никогда не прекращаются и не могут быть исчислены, так как непрестанно следуют одна за другой, так невозможно перечислить и все рождающиеся отсюда беспокойства. Будем же, умоляю вас, избегать во всем излишества и не переступать пределов наших нужд. Истинное богатство и неоскудеваемое имение состоит в том, чтобы желать только нужного и надлежащим образом употреблять излишнее. Такой (человек) никогда не может опасаться бедности, не будет терпеть скорбей и испытывать беспокойств; он будет безопасен и от клеветы, свободен от злоумышленников и, вообще сказать, будет жить в невозмутимом мире, наслаждаясь спокойствием и тишиной; и что всего важнее и выше всех благ, такой (человек) получит много милостей Божиих, как верный распорядитель имения своего Господа. *Блажен,* сказано, *раб той, егоже, пришед Господь его обрящет творяща тако* (Лк. XII, 43), то есть разделяющего имение между сорабами, не запирающего его за дверями и замками, не оставляющего в пищу червям, но облегчающего нужды бедных, управляющего дарованным от Господа так, как свойственно доброму и верному приставнику. За такое доброе распоряжение мы получим великую награду и удостоимся обетованных благ, благодатью и человеко-

любием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII

Сара же жена Аврамля не раждаше ему: бяше же ей раба египтяныня, ейже имя Агарь (Быт. XVI, 1)

1. Нынешнее чтение опять призывает нас к беседе о том же праотце (Аврааме). Вы не удивляйтесь, если мы, излагая его историю в продолжение столь многих дней, даже и сегодня не сможем ее кончить. Великое обилие добродетелей праведника и величие его совершенств побеждает всякий человеческий язык, потому что кого Сам Бог свыше увенчал и прославил, того может ли достойно восхвалить кто-либо из людей? Однако же, хотя слово наше остается далеко ниже его достоинства, но, по мере своих сил, излагая события его жизни, мы желаем возбудить в вас ревность к подражанию его добродетели. Подлинно, мудрость этого мужа слишком достаточна, чтобы наставить всякого человека и привлечь к пути добродетели (всех), которые захотят быть внимательными. Будьте же, прошу вас, внимательны к нашей беседе, чтобы и из нынешнего чтения научиться любомудрию праведника: отсюда (из нынешнего чтения) могут научиться и мужи, и жены — тому, как жить в совершенном единодушии между собой и сохранять неразрывно союз супружества, — чтобы ни муж не восставал против жены, но оказывал ей, как слабейшему сосуду, всякое снисхождение, ни жена не противилась мужу, но оба наперерыв старались друг друга тяготы носить, и домашний мир предпочитали всему. Но, чтобы для вас яснее было это учение, необходимо выслушать самые слова (Писания). *Сара же,* сказано, *жена Аврамля не раждаше ему: бяше же ей раба египтяныня, ейже имя Агарь.*

Приметь здесь, возлюбленный, неизреченное долготерпение Божие и чрезвычайную веру и благодушие праведника, которые он показал при данных ему обетованиях. В самом деле после того, как Бог столько раз обещал дать семени его землю и так умножить его, что многочисленностью своей оно будет равняться множеству звезд, Авраам, видя, что ни одно из обетований не исполняется, и что обетования все еще остаются на одних словах, не смутился мыслью, не поколебался духом, но пребыл непреклонным, веруя в могущество Обещавшего. Это самое и теперь выражает Божественное Писание, говоря: *Сара же жена Аврамля не раждаше ему,* и тем показывая нам, что после всего случившегося, после заключенного с ним завета, после обетования о рождении от него бесчисленного множества (потомков), он не опечалился и не усомнился, когда видел, что не только ничто из сказанного не исполняется, но еще все выходит напротив. Поэтому-то, после всего, прежде сказанного (о обетованиях Божиих Аврааму), говорит Писание: *Сара же жена* его *не раждаше ему*, дабы ты узнал, что после столь великих обетований ничего особенного с ним не случилось, а между тем бесплодие Сарры и мертвенность ее утробы были таковы, что могли возбуждать в праведнике великое сомнение. Но праотец уже не взирал на препятствия со стороны природы, и зная премудрость Господа, Который, как Творец природы, может открыть пути и в непроходимых местах, Авраам, как благородный домочадец, не исследовал, как это будет, но предоставил неисследимому Его промыслу и веровал Его слову. Потому-то сказано, что *Сара,* и после таких обетований, *не раждаше ему: бяше же ей раба египтяныня, ейже имя Агарь.* И здесь не без причины Божественное Писание упоминает нам о рабыне, но, чтобы мы знали, откуда она (взята), прибавляет: *египтяныня.* Этим Писание возвращает нас к прежней истории, и дает видеть, что рабыня была из числа тех, ко-

торых отдал Сарре фараон, когда подвергся за нее отмщению от Бога всяческих, и что Сарра взяла с собой эту рабыню, возвращаясь (в землю ханаанскую). С такой целью Божественное Писание сделало нам известным и имя, и род ее (рабыни). Примечай же теперь рассудительный ум Сарры, необыкновенную ее скромность, невыразимую кротость и послушание (праотцу). *Рече же Сара ко Авраму* в земле Ханаанской: *се заключи мя Господь, еже не раждати: вниди убо к рабе моей, да чада* сотвориши *от нея* (ст. 2). Смотри, какое благодушие в этой жене: она ничего не сказала подобного тому, что после Рахиль говорила Иакову: *даждь ми чада: аще же ни, умру аз* (Быт. XXX, 1). Но что говорит (Сарра)? *Се заключи мя Господь, еже не раждати.* Так как, говорит, Создатель естества сотворил меня бесплодной и лишил способности рождать детей, то чтобы ты, дожив уже до глубокой старости, по причине моего неплодства, не остался совсем бесчадным, *вниди к рабе моей, да чада сотвориши от нея.* Великая и необыкновенная мудрость жены! Какая жена решилась бы когда-либо это сделась, или посоветовать это мужу, или уступить свое ложе рабе?

2. Видишь, как они далеки были от всякой страсти. У них была одна только цель, чтобы не умереть бездетными. Но и при этом они старались утешить (друг друга) и сохранить неразрывный союз мира. Подумай же теперь о великой воздержности и необычайной кротости праотца. Не возненавидел он своей жены за бесчадие ее, как делают некоторые неразумные, и не уменьшил к ней своей любви. Вы знаете, как это именно (то есть бесчадие) для весьма многих людей бывает причиной их презрения к женам, и напротив, многочадие служит побуждением и к большей любви. Но весьма легкомысленно и безрассудно люди приписывают женам и бесчадие и многочадие, не зная того, что все зависит от Создателя нашего естества, и что ни сожитие, само по себе, ничто другое не может вести

к рождению детей, если не будет содействовать вышняя рука и возбуждать естество к рождению. Хорошо зная это, праведник Авраам не вменял бесчадия в вину жене, а всегда оказывал ей должную честь. Поэтому-то и она, взаимно уважая (своего мужа) и желая показать, сколь великую питает к нему любовь, не думала о себе, а думая только о том, как бы утешить его в бесчадии, собственными руками, так сказать, приводит рабу египтянку на свое ложе. Но и на словах показывая цель, для которой решилась это сделать, она говорит: я оказалась бесполезной и неспособной к чадорождению: *заключи мя Господь, еже не раждати.* Заметь благородную душу, как она не выражает никакого ропота и не сокрушается о своем неплодстве, но только то нам хочет показать (своими словами), что, приписывая свое неплодство Создателю естества и предпочитая угодное Богу собственному желанию, кротко и благодушно переносила (свое бесчадие) и заботилась только о том, как бы утешить своего мужа. *Господь мя заключи,* говорит она, *еже не раждати.* Как и самое изречение это выразительно! Как (сильно) выражает оно Божественное промышление и неизреченную силу Божию! Как бы так говорит (Сарра): как мы заключаем и отверзаем двери дома, так и Господь действует в нашем естестве Своим повелением: заключает, и опять, когда Ему угодно, отверзает, и повелевает естеству исполнять свое (дело). Итак, говорит, поелику *заключи мя Господь, еже не раждати, вниди к рабе моей, да чада сотвориши от нея.* Знаю, что я причиной бесчадия (твоего); поэтому не хочу тебя лишать утешения (иметь детей). А может быть, Сара подозревала, что не в ней одной, но и в муже была причина бесчадия, почему, желая на самом деле в том удостовериться, и узнать, себе ли одной она должна приписывать бесчадие, она уступает свое место рабыне и приводит ее на свое ложе. *Послуша же,* сказано, *Аврам гласа Сарина.* Велика мудрость праведного! Как прежде я го-

ворил это, так и теперь скажу: не он первый захотел этого, хотя был уже в глубокой старости, но, приняв совет от Сарры, он охотно послушался ее, показывая тем, что решился на это не просто по страсти, и не по влечению похоти, но чтобы оставить по себе потомство. *И поимши Сара жена Аврамля Агарь египтяныню рабу свою, по десяти летех* сожития с Авраамом мужем своим *в земли* Хананеи, *даде ю в жену Авраму мужу своему* (ст. 3). Заметь точность Писания. Чтобы показать нам, что он не тотчас же после слов, которые сказала ему Сарра, приступил к исполнению (ее совета), оно говорит: *и* взяла *Сара жена Аврамля египтяныню рабу свою*. Писание как бы то показывает нам, что он решился на это дело только потому, что желал утешить свою жену и исполнить ее совет. А чтобы ты ясно познал целомудрие и чрезвычайное воздержание праотца, говорит (Писание): после того как она прожила десять лет с Авраамом мужем своим в земле ханаанской. Не без причины Писание обозначило время, а для того, чтобы мы могли видеть, сколько лет праведный терпел и благодушно переносил бесчадие, и будучи выше всякой страсти, показывал великое целомудрие. Мало того, эти слова — *по десяти летех* сожития с Авраамом мужем своим *в земли Ханаани* — Писание присовокупляет для того, чтобы мы узнали отсюда и нечто другое. Не все время их сожития (Писание) теперь обозначает нам, а только время, проведенное ими в земле ханаанской. Почему и для чего? Так как тотчас после пришествия Авраама в землю ханаанскую человеколюбивый Господь возвестил ему: *семени твоему дам землю сию*, и после того Господь неоднократно повторял ему Свои обетования, дабы ты знал, возлюбленный, сколько лет Господь медлил и ничего обещанного не приводил в исполнение, а праведник не колебался духом, но почитал слова Божии выше собственных рассуждений, то и сказано: после того, как они десять лет прожили вместе в земле ханаанской.

Видишь ли мужество души? Видишь ли подвиг мудрости? (Видишь ли), как Господь, желая более и более его прославить, медлит и отлагает (исполнение Своих обетований)? Так, когда Он печется о Своих рабах, то не просто хочет оказывать им Свои благодеяния, но вместе хочет и прославить их, и сделать веру их для всех очевидной. Если бы Он, обещав семени его дать землю ту, тотчас разверз ложесна Сары и даровал ему поколение детей, то этим Он не показал бы ни чуда столь великого, ни веры праведника не сделал бы столь явной для всех. Сила Божия, конечно, и тогда была бы очевидна: уже омертвевшие силы естества и сделавшиеся совершенно неспособными к чадорождению Он Своим повелением снова оживотворил бы; но тогда праотец не получил бы себе такого венца, как теперь, когда в продолжение столь многого времени его добродетель была испытываема и с каждым днем делалась славнее.

3. И дабы ты знал, что Бог не только желает благодетельствовать и подавать Свои дары, но и всегда хочет и прославить принимающих эти дары, смотри, как Он сделал это и с хананеянкой, как бы медля и уклоняясь внять ее прошению, но это для того именно, чтобы и ее саму сделать известной во всей вселенной. Когда она пришла, умоляя и говоря: *помилуй мя, Господи, яко дщи моя зле беснуется* (Мф. XV, 22), то благоутробный и человеколюбивый и всегда предваряющий наши прошения (Господь) не удостаивает ее даже ответа. И ученики Его, не зная того, что будет и как Господь Сам печется о жене, не отвечает же ей только потому, что не хочет оставить в неизвестности ее достоинства, ученики, говорю, как бы более имея сострадания, *приступльше молиша его, глаголюще: отпусти ю, яко вопиет вслед нас,* как бы выражая тем, что для них уже несносна стала ее докучливость. *Отпусти ю,* говорят, не потому, что она столь несчастна, или ее прошение дельно, но потому, что *вопиет в след нас.* Что же Господь? Желая открыть посте-

пенно и ее достоинство, и их научить, как мало они постигают Его человеколюбие, дает такой ответ, который мог бы поразить и ее сердце, если бы она не имела твердости духа, пламенного желания и сильной ревности, и их (учеников) ходатайство за нее остановить. *Несмь послан,* говорит Он, *токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. XV, 24). И действительно, ученики после этого уже перестали молить его за жену; но она не предалась унынию, – напротив, стала еще прилежнее (молить Его). Такова-то скорбящая душа и приступающая с горячим усердием: она не обращает внимания на то, что говорят, но об одном только думает, как бы достичь того, о чем она старается. Так именно сделала и эта жена. Услышав те слова (Спасителя), она, как говорит Писание, снова кланялась Ему, говоря: *помилуй мя, Господи* (ст. 25). Она знала благоутробие Господа, потому и употребила такую настойчивость. Посмотри же опять, как премудр Господь, и как дивно устрояет Он ход дела: и теперь Он не преклоняется (на моление жены), но дает ответ еще более резкий и суровый. Он знал твердость духа жены и хотел, чтобы она не тайно получила благодеяние, но чтобы и ученики из этого события узнали причину Его медлительности, и все другие научились, как велика сила неотступной молитвы и как высока добродетель жены той. Потому говорит (Спаситель): *несть добро отъяти хлебы чадом и поврещи псом* (ст. 26). Заметь здесь твердость духа жены, как она, пылая огнем ревности и одушевляясь верой в Бога, терзаясь, так сказать, своею утробой от великой скорби о своей дочери, не отвращается от жестокого слова, но услышав (название) пса, и то сносит и признает себя такой, желая спастись от бессмыслия псов, и сопричислиться к лику сынов*.

* Смысл такой: жена хананейская, сознавая бессмыслие язычества, к которому принадлежала, желала присоединиться к числу последователей Христовых.

Итак, выслушай слова жены, чтобы узнать, какой был плод от того, что Бог медлил исполнить ее прошение. Жестокость слов, сказанных ей, не только не отдалила жену (от Спасителя), но возбудила еще к большей ревности. Услышав эти слова, она говорит: *ей Господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (ст. 27).

Видишь, для чего Господь медлил доселе? Для того, чтобы из слов жены мы узнали всю силу ее веры. Смотри, в самом деле, как Господь тотчас же восхвалил и увенчал ее, говоря: о *жено, велия вера твоя* (ст. 28). С удивлением и похвалами Он отпустил ту, которую в начале не удостоил ответа. *Велия*, говорит, *вера твоя*. Поистине, *велия вера* – видеть, как Господь не один, или два раза, но многократно отвергает прошение, и не прийти в уныние, не отступить, но неослабно призывать (Господа) и преклонять Его к исполнению прошения. Итак, *буди тебе*, говорит, *якоже хощеши*. Видишь ли, как Тот, Кто прежде не удостоил ее ответа, теперь с похвалой подает ей Свои дары? Не просто внял ее прошению, но прославил и увенчал ее. Словом: *о жено*, Он показал, как Сам удивился ее вере, и словами – *велия вера твоя* открыл нам ее (духовное) богатство. Потом говорит: *буди тебе, якоже хощеши*. Сколько хочешь, сколько желаешь, столько и даю тебе; твое неотступное прошение показывает, что ты достойна его исполнения. Видите теперь твердость жены? Видите причину, почему медлил Господь и для чего отлагал (исполнение ее прошения), – для того, то есть, чтобы сделать ее еще более славной? Но возвратимся теперь к прежнему повествованию, чтобы видеть, что не с иной целью, в продолжение стольких лет, Господь не исполнял и данных праотцу (Аврааму) обетований, а с той именно, чтобы исполнить их впоследствии с большей славой и сделать явной для всех веру праведника. Для того сказано: после десяти лет, проведенных ими (Авраамом и Сар-

рой) вместе в земле ханаанской, — чтобы ты знал, сколько прошло времени с тех пор, как он (Авраам) получил обетования. Немедленно ведь по пришествии в землю ханаанскую он услышал: *семени твоему дам землю сию;* и вот, в продолжение стольких лет и сам он оставался бездетным, и неплодство Сарры увеличивалось. *И даде* (Сарра), сказано, *Агаръ в жену Авраму мужу своему* (ст. 3).

4. Смотри, какое еще в древние времена было любомудрие, как и мужи были воздержны и имели великое попечение о целомудрии, и жены далеки были от ревности. Писание с намерением постоянно говорит: *и поимши Сара Агаръ рабу;* и опять: *даде ю в жену,* — чтобы ты видел, как бесстрастно у них происходило это дело, и какое у них было любомудрие. *И вниде,* сказано, *ко Агари и зачат* (ст. 4). Смотри, как Сарра узнает, что не в праведнике (Аврааме) была причина их бесчадия, а в ее собственном неплодстве: вот тотчас же за сожитием последовало зачатие. Но посмотри теперь на неблагородство рабыни и на слабость женского пола, чтобы и отсюда видеть великую кротость праотца. *И виде,* сказано, *яко во чреве имать, и укорена бысть госпожа пред нею.* Таков обычай рабов: получив малое счастье, они не удерживаются в своих пределах, но тотчас забывают о своем звании и увлекаются в безрассудство; так случилось и с этой рабой. Заметив свою беременность и не размышляя ни о дивной мудрости своей госпожи, ни о своем низком состоянии, но возгордившись и возмечтав много о себе, она стала презирать госпожу, которая оказала ей такое покровительство, что возвела ее даже на ложе своего мужа. Что же Сарра? *И рече,* сказано, *ко Авраму: обида ми от тебе: аз дах рабу мою в недро твое: она же видевши, яко во чреве имать, укорена бых перед нею: суди Бог между мною и тобою* (ст. 5). Заметь здесь неизреченное терпение праведника и чувство чести, какое он показал в отношении к Сарре, когда стал просить у нее

прощения при столь неразумном ее обвинении. В самом деле, та, которая своими руками передала мужу рабыню и сказала: *вниди к рабе моей*, та, которая сама добровольно побуждала его к этому житью, теперь, переменив мысли, говорит: *обида ми от тебе*. Но разве сам он хотел соединения с рабой? Разве сам он невоздержанием увлечен был на этот поступок? По твоему, жена, убеждению, по твоему внушению он сделал это. Итак, чем ты обижена от мужа? Вот (говорит она) *я дала рабу мою в недро твое*. Если же ты признаешься, что сама предложила, а не он по своей воле взял ее, зачем обвиняешь его в несправедливости? Так, – говорит; но хотя и я предложила, однако ты, видя ее дерзость, должен был обуздать ее неукротимый нрав. *Видевши, яко во чреве имать, укорена бых перед нею: суди Бог между мною и тобою*. Вот, поистине, женские слова, свойственные немощному полу! Как бы так сказала она Аврааму: желая утешить тебя в бесчадии, я показала такую о тебе заботливость, что свою рабу, и притом собственными руками, передала тебе и убедила к соединению с ней; но ты, видя, как от беременности она стала дерзкой и надменной, должен был укротить ее и наказать за причиненные мне обиды; а ты этого не сделал, но, как бы забыв все прежнее, меня, столько лет жившую с тобой, ты презрел и довел до уничижения перед египтянкой, моей рабой. *Суди Бог между мною и тобою*. Слова – души огорченной! И если бы в праотце не было столько любомудрия, и он не имел великого уважения к Сарре, то он вознегодовал бы и оскорбился бы такими жестокими словами. Но этот достойный удивления муж все ей простил, зная слабость пола. *Суди Бог между мною и тобою*. Помысли, говорит, на какой поступок я решилась для твоего утешения, желая, чтобы, хотя в старости, назвался ты отцом; я возвела рабу мою в мое достоинство (то есть в достоинство жены), а ты, видя ее столь неблагодарной, не наказал ее, и не вознаградил меня за внимание, ка-

кое я показала к тебе. *Суди Бог между мною и тобою.* Тот, Который знает сокровенные помышления каждого, Тот будет судьей между нами, (и рассудит) как я, будучи выше всякого пристрастия, предпочла твое утешение собственному, и возвела на ложе свое рабу; а ты, ничего сделанного мной не приняв во внимание, дозволяешь ей восставать на мою кротость, не укрощаешь дерзкую, не вразумляешь неразумную. Что ж этот адамант, этот мужественный подвижник Божий, который во всяком случае приобретает себе венцы? Показывая и в этом случае свою добродетель, смотри — что он говорит жене: *се раба твоя в руку твоею: твори ей, якоже ти есть угодно* (ст. 6). Велико любомудрие праведника, велика сила его терпения! Не только ведь не вознегодовал он на слова Сарры, но и с великой кротостью дает ей свой ответ, говоря: ты подозреваешь, что я виной (причиненных тебе) обид, и думаешь, будто мне приятен этот поступок рабы, так как она однажды была со мной на ложе; но знай, что и прежде, если б я не захотел только тебя послушаться, я не решился бы на это, да и никогда не дозволил бы себе возвесть рабу на твое ложе; и теперь, чтобы уверить тебя в этом на самом деле, — вот она *в руку твоею:* делай с ней, что тебе угодно. Разве уменьшил кто-либо твою власть, или ты лишилась своих прав над ней? Хотя я и принял ее в общение с собой, но ты имеешь свою власть над ней; она в твоих руках: обличай, вразумляй, наказывай ее; что хочешь и что тебе угодно, то и делай с ней; только не огорчайся, и не приписывай мне ее безрассудных поступков. Не собственной ведь страстью побуждаемый, решился я на сообщение с ней, и не так, чтобы потом, увлекаясь пристрастием, неразумно дать ей предпочтение (перед тобой). Знаю подобающую тебе честь; знаю и неблагодарность рабов. Я и не думаю о ней, и не забочусь. Одна та у меня забота, чтобы ты жила без всякой скорби, в спокойствии, во всякой чести, вдали от всяких огорчений.

5. Вот истинно супружеский союз, вот (истинный) муж, который не много обращает внимания на слова жены, но оказывая снисхождение к немощам пола, об одном заботится, чтобы удалить всякое огорчение и утвердить мир и согласие. Пусть слышат это мужи и пусть подражают кротости праведника, оказывая такую же честь и уважение своим женам, и щадя их, как слабейший сосуд, чтобы тем укрепить союз единомыслия. Подлинно, истинное богатство и самое великое счастье (заключается) в том, когда муж и жена не разногласят между собой, соединены друг с другом, как едина плоть, потому что *два*, сказано, *будут в плоть едину* (Быт. II, 24). Такие (супруги), хотя бы жили в бедности и были незнатны, могут быть всех счастливее, потому что они наслаждаются истинным счастьем и живут во всегдашнем спокойствии. А те, напротив, кто не наслаждается таким (согласием), но страдает ревностью и теряет блага мира, – те, хотя бы были окружены многим богатством, хотя бы имели роскошный стол, жили в славе, проводят свой век всех несчастнее, вымышляя сами для себя каждый день волнения и беспокойства, всегда подозревая друг друга, и не могут иметь никаких удовольствий, потому что внутренняя вражда (их) все приводит в беспорядок, и причиняет им множество неприятностей. Но здесь (обращаясь к истории Авраама) нет ничего такого: праотец своей кротостью утишил гнев госпожи (Сарры) и, дав ей совершенную власть над рабой, водворил в доме своем полный мир. *И озлоби ю Сара: и отбеже от лица ея* (ст. 6). Как только Сарра наказала дерзость рабы, раба обратилась в бегство. Таково свойство рабов: если им не позволяют действовать по-своему, но пресекают их замыслы, они тотчас свергают с себя власть господ и устремляются в бегство. Но посмотри и здесь, каким промышлением свыше пользуется и раба, за честь праведника. Так как она носила в себе семя праведника, то удостаивается даже

видения ангела. *Обрете ю,* говорит Писание, *Ангел Господень у источника воды в пустыни, на пути Сур* (ст. 7). Примечай человеколюбие Господа, как Он никого не презирает, но раб ли то или рабыня, над всеми являет Свое промышление, взирая не на различие званий, а на расположение души. Впрочем, здесь ангел является не по заслугам рабы, но ради чести праведника (Авраама). Как я сказал, ей надлежало удостоиться великого попечения потому, что она удостоилась восприять в себя семя праведника. *И обрете ю Ангел, и рече ей: Агарь, рабо Сарина, откуда идеши и камо грядеши* (ст. 3)? Смотри, как самые слова ангела приводят ей на память собственное ее состояние. Чтобы сделать ее более внимательной, с самого начала называет ее по имени, и говорит: *Агарь,* — так как мы обыкновенно бываем внимательнее к тому, кто называет нас по имени. Потом словами: *рабо Сарина,* ангел напоминает ей о госпоже, и тем дает знать, что, хотя бы она много раз разделяла ложе с своим господином, все же должна признавать Сарру своей госпожой. Но смотри, как ангел испытывает ее, чтобы поставить в необходимость отвечать. Откуда, говорит, пришла ты в эту пустыню, и куда стремишься? А для того между прочим ангел и является ей в пустыне, чтобы вопрошающего она не почла за простого, мимоидущего человека. Там была пустыня и никого другого (кроме явившегося) она (Агарь) не видела. Итак, дабы она знала, что беседующий с ней был не просто случившийся там человек, для того ангел и является ей в пустыне и вопрошает ее. *Она же рече: от лица Сары госпожи моея аз бегу* (ст. 8). Видишь, как она не отрицает власти госпожи своей (Сарры), но во всем искренне сознается. Вопрошающий меня, думает она, не человек, поэтому не могу его обмануть. Он назвал меня по имени прежде, чем я сказала ему свое имя, упомянул и о госпоже; надобно и мне говорить все по правде. *От лица Сары госпожи моея аз бегу.* Смотри, как она вспоминает (о сво-

ей госпоже) без всякой ненависти. Не сказала: она меня оскорбила, меня озлобила, и я, не будучи в силах снести ее ненависти, бежала от нее. Никакой укоризны не высказала она (о Сарре), а только себя саму обвинила в бегстве. Видишь ее честность? Смотри же, что сказал ей ангел: *рече же ей Ангел Господень: возвратися к госпоже своей, и покорися под руку ее* (ст. 9). На слова (Агари): *от лица госпожи моея бегу,* (ангел) отвечает: возвратись, иди назад, не будь неблагодарна к той, которая оказала тебе столько благодеяний. А так как она гордостью и высокомерием возбудила гнев госпожи своей, то (ангел) говорит: *покорися под руку ея*, покорись ей: это будет полезно тебе. Помни (свое) рабство, не забывай господства (Сарры); не думай высоко, и не мечтай о себе более надлежащего: *покорися под руку ее* и окажи ей полное повиновение. Такие слова ангела довольно смягчили ее сердце, смирили ее высокомерие, укротили ее гнев и умиротворили ее мысли.

6. Далее, чтобы она не подумала, что просто и без причины удостоилась такого промышления, а узнала, каким попечением она пользуется ради семени праведника, смотри, как ангел утешает ее, восстановляет ее дух и подает достаточную ей надежду радости словами, которые присовокупляет. *И рече ей Ангел Господень: умножая умножу семя твое и* не *сочтется от множества* (ст. 10). Предсказываю тебе и то, говорит он, что семя твое будет велико, так, что и исчислить его будет невозможно. Итак, не скорби, не ослабевай духом, не смущайся в помыслах, но окажи полное послушание. *Се ты во чреве имаши, и родиши сына, и наречеши имя ему Исмаил.* Для того, говорит, и рождение тебе я предсказываю и самое имя назначаю имеющему родиться от тебя сыну, чтобы ты, получив большее (в словах моих) удостоверение, возвратилась назад и исправила свои проступки. *Яко услыша*, говорит, *Господь смирение твое* (ст. 11).

Научимся отсюда, какой плод бывает от скорбей и какая польза от несчастий. Так, когда Агарь ушла (от Сарры), и несчастье ее увеличилось, когда она подверглась множеству скорбей, оставаясь в одиночестве, в пустыне, в самых тесных обстоятельствах, после такого благоденствия, после того, как она возведена была в достоинство, равное самой госпоже, то по этим-то именно причинам и получила такую скорую помощь. Будет, говорит ей (ангел), то, что я обещаю тебе: ты родишь сына и семя твое будет без числа, *яко услыша Господь смирение твое.* Не будем же и мы нетерпеливы, когда стечение каких-либо обстоятельств стесняет нас. Ничто ведь столько не полезно для нашей природы, как смирять себя, обуздывать свое высокомерие и подавлять надмение духа. Тогда-то наиболее Господь и слышит нас, когда мы призываем Его скорбной душой и сокрушенным сердцем в прилежной молитве: *яко услыша,* говорит, *Господь смирение твое.* Потом (ангел) предсказывает образ жизни имеющего родиться (Агари) сына. *Сей будет,* говорит, *сельный человек: руце его на всех, и руки всех на него, и перед лицем всея братии своея вселится* (ст. 12). Предрекает ей, что это будет человек мужественный, воинственный, и много будет, трудиться в возделывании земли. Итак, из всего, что случилось с рабой, видишь ли славу праотца (Авраама)? Такое промышление о рабе показывает благоволение Господа к этому праведнику. Дав наставление и сообщив благовестие Агари, ангел удалился. Но обрати внимание опять на благоразумие рабы. *И призва**, сказано, *имя Господа, глаголющаго к ней: Ты, Бог, призревый на мя яко рече: ибо предо мной видех явльшегося мне. Сего ради прозва кладязь той: кладязь, идеже предо мной видех между Кадисом и между Варахом*

---

* Имя: *Агарь* у Златоуста не читается, согласно с Александрийским, Коттонианским и Лукиановским списками, равно как с еврейским текстом.

(ст. 13–14). Смотри, как и (новым) наименованием места хочет сохранить навсегда память о нем. *Прозва бо,* говорит Писание, *место: кладязь, идеже видех предо мной.* Видишь, как раба, от постигшей ее скорби, становясь мало-помалу благоразумнее, выражает свою благодарность за оказанное ей благодеяние, и воздает, чем может, за столь великое о ней попечение. *И роди Агарь Аврааму сына, и нарече имя ему, егоже роди ему Агарь, Исмаил* (ст. 13).

7. Отсюда научимся, сколь великое благо — кротость, и какую пользу можно приобресть даже от скорбей. Кротость показал праотец (Авраам) в том, что укротил раздражение Сарры, и дав ей власть над рабой, через то водворил в доме своем мир; а пользу от скорбей можно видеть из обстоятельств рабы (Агари). Когда она, озлобленная своей госпожой, бежала от нее, и потерпев много скорбей, с сокрушенной душой воззвала ко Господу, тотчас удостоилась вышнего посещения. И дабы она знала, что за смирение и страдание удостоена свыше такого попечения, ангел говорит ей: *во чреве имаши, и родиши сына, и наречеши имя ему Исмаил: яко услыша Господь смирение твое.* Итак, возлюбленные, зная, что скорби наиболее приближают нас к Господу, если только мы будем бодры духом, и что тогда мы можем снискать Его милость, когда приступаем к Нему с сокрушенной душой и с горячими слезами, — зная это, не будем унывать в несчастьях; но, размышляя о пользе скорбей, станем благодушно переносить все случающееся с нами; научимся быть тихими и кроткими ко всем вообще, а в особенности к своим супругам; справедливо ли или несправедливо они будут порицать нас, не будем слишком много обращать на то внишания, а более заботиться об одном, чтобы удалять причины неприятностей, и в доме своем сохранять глубокий мир, чтобы *и жена имела обращение свое к мужу* и муж от внешних тревог и бурь мог прибегать к ней, как к пристани, и

находить в ней всякое утешение. Жена ведь дана мужу в помощь, чтобы муж с ее утешением мог переносить все, случающееся с ним в жизни. И если жена будет кроткая и украшена добродетелями, то не только своим сообществом доставит мужу утешение, но и во всем вообще окажет ему великую пользу, все для него облегчая и во всем помогая, не оставляя его в тяжких испытаниях, как внешних (вне дома), так и тех, которые ежедневно случаются в доме; но, как искусный кормчий, она своим благоразумием утишит в нем всякую душевную бурю и своим сожитием доставит ему утешение. Живущих в таком союзе супружества ничто в настоящей жизни не может слишком опечалить, ничто не может нарушить их мирного счастья, потому что где между мужем и женой господствует единодушие, мир и союз любви, там стекаются все блага, и они (муж и жена) бывают безопасны от всяких злых наветов, ограждены как бы великой и несокрушимой стеной — единодушием о Господе. Это делает их тверже адаманта, крепче железа; это умножает их богатство и всякое обилие; это возводит их на высшую степень доброй славы; это и от Бога привлекает на них великое благоволение. Будем же, прошу вас, ценить выше всего единодушие, и все будем делать так и направлять к тому, чтобы в супружестве постоянно сохранялись мир и тишина. Тогда и дети будут подражать добродетелям родителей, и рабы последуют им, и по всему дому процветать будет добродетель, и во всех делах будет благопоспешение. Когда мы угождение Богу будем предпочитать всему, то все доброе как бы рекой потечет к нам, и мы не будем иметь никаких скорбных чувств, потому что благость Божия все будет ниспосылать нам в изобилии. Итак, чтобы и сами мы беспечально проводили настоящую жизнь, и от Господа приобретали более и более милостей, сохраним добродетель, постараемся ввести в наши дома единодушие и мир; позаботимся о добром

воспитании детей, о нравственности рабов, чтобы, за все это получив щедрое воздаяние, удостоиться нам и обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX

Егда же бысть Авраму лет девятьдесять девять, явися ему Бог (Быт. XVII, 1)

1. Видели вы, возлюбленные, как в Божественном Писании ничего не говорится без пользы? Видели, как много пользы получили мы вчера, беседуя об Агари и ее бегстве? Мы узнали великую кротость праотца, высоту его целомудрия, уважение, какое он оказывал Сарре, считая всего драгоценнее согласие с ней. Мы видели, как Бог, по неизреченному человеколюбию Своему, желая почтить праведника, не только возвратил Агарь, блуждавшую в пустыне и бежавшую от страха перед своей госпожой, но и даровал ему (Аврааму) потомство в Измаиле, доставляя таким образом праведнику великое утешение, и даруя ему награду за терпение. А когда родился Измаил, то Божественное Писание, желая указать нам возраст праотца, означило и самое число лет его, сказав: *Аврам же бе лет осмидесяти шести, егда роди Исмаила* (Быт. XVI, 16). Рассмотрим же теперь это и последующие изречения (Священного Писания), и мы опять увидим, как велико было терпение праведника, и как велико и неизреченно человеколюбие Господа. Мы увидим это ясно, если опять обратим внимание на лета жизни праотца и на то, как всеблагой Бог благоустроил его судьбу, постоянно подвергая Своего раба испытаниям, и тем обнаруживая любовь к Богу в душе его. Господь, конечно, Сам ясно провидел добродетель Своего

раба, благообразие его души, и вполне знал цену этому Маргариту; но хотел явить его всем его современникам, чтобы и в последующие роды добродетель праведника привлекала желающих к ревности и подражанию ему. Потому-то Бог постепенно раскрывает богатство души праведника, для того, чтобы и мы научились никогда не терять веры в обетования Божии, и не унывать в случае медленности (их исполнения); а как скоро обещает Господь всяческих, то больше уповали бы на невидимое, чем на видимое и на то, что у нас в руках, и были уверены, что обетования Божии никогда не останутся без исполнения, хотя бы даже в течение долгого времени происходило, по-видимому, противное им; не смущались оттого духом, но помнили благопромыслительную и всемогущую силу Обещавшего, и знали, что когда Он восхощет привести в исполнение Свои судьбы, то все Ему покоряется и повинуется. Как Господь и Создатель естества, Он может даровать нам и то, что выше естества. Итак, смотря на свои немощи, не будем испытывать дел Божиих, и не будем колебаться в мыслях, рассматривая естественный порядок (вещей); но как благоразумные рабы, зная беспредельное всемогущество нашего Господа, будем веровать Его обетованиям, возвысимся над естественной нашею немощью, чтобы и обещанное получить, и Его благоволением насладиться, и всеми силами будем оказывать Ему подобающее почитание. В том-то и состоит истинное с нашей стороны богопочитание, когда мы уповаем на Его всемогущество, хотя бы видимое для плотских очей и казалось противным (Его обетованиям). Что же ты удивляешься, если (я сказал, что) самое великое богопочитание в том именно состоит, чтобы не сомневаться (в Его обетованиях)? И подобные нам люди, когда обещают что-нибудь из этих временных и тленных вещей, и мы не сомневаемся, а смело верим их обещанию, считают это за большую для себя честь, то есть что мы

не сомневаемся, а верим их обещаниям. Если же так бывает у людей, которые и изменяются часто, и, по немощам, не всегда могут исполнять свои намерения, то не гораздо ли больше должны мы веровать в обетования Божии, хотя бы и не скоро они исполнились? Я сказал теперь это не без цели, а для того, чтобы, приступая к началу нынешнего чтения, видеть, как человеколюбивый Бог, желая соделать праотца для всех досточтимым, столько лет медлит (в исполнении своих обетований), и праведник не скорбит, не унывает от замедления, не отчаивается, но, питаясь благими надеждами, во всем обнаруживает свою боголюбивую душу. Мы ясно увидим всю добродетель праотца, когда узнаем, сколько прошло между тем времени. Это показывает нам блаженный Моисей, вдохновляемый Святым Духом. Что же он говорит? Когда (Авраам) внял повелению Божию, и, востав, устремился из Харрана в землю ханаанскую, тогда ему было семьдесят пять лет (см.: Быт. XII, 4). И как только вступил он в землю ханаанскую, (Бог) обещал всю эту землю дать ему и семени его, и так размножить (его потомство), что оно будет бесчисленно, как песок и звезды. Между тем после этого обетования многое случилось с праведником: удаление, по причине голода, в Египет, похищение Сарры, и вслед за тем (открывшееся) промышление (о нем) Божие, потом, по возвращении (из Египта), оскорбление Сарры от царя герарского, и немедленное заступление от Бога праведник, видя все эти события после данного обетования (Божия), не смущался духом, не испытывал, для чего, получив такие обетования, он каждый день подвергается столь многим и столь великим искушениям, и столько времени остается бесчадным; но, как муж благочестивый, не дерзая дела Божии подвергать суду своего немощного разума, был спокоен и с утешением принимал все угодное Богу.

2. Спустя девять лет (после того, как даны были Аврааму обетования о потомстве) получил (Авраам) Измаила от рабыни и думал, что на нем-то исполнятся обетования. *Бе бо*, говорит Писание о праотце, *лет осьмидесяти шести, егда роди Исмаила* (Быт. XVI, 16). Между тем Бог еще тринадцать лет испытывает терпение праведника, и только тогда исполняет Свое обетование. Он хорошо знал, что, как золото, очищаемое через долгое время в горниле, добродетель праведника явится (в искушении) чище и светлее. Когда же, говорится, Аврааму было девяносто девять лет, явился опять ему Бог* (см.: Быт. XVII, 1). Для чего Он медлил столько времени? Для того, чтобы мы узнали не только терпение и великую добродетель праведника, но и беспредельное всемогущество Божие. Когда уже изнемогла природа и стала неспособной к деторождению, потому что тело (Авраама) уже увяло и иссохло от старости, — тогда только, открывая вполне всю добродетель праведника, и являя Свою силу, (Бог) исполняет Свои обетования. Необходимо, впрочем, выслушать самые слова, сказанные Богом Аврааму: когда ему было девяносто девять лет, *явися* ему Бог *и рече ему*. Когда ты слышишь, что Бог явился, не предполагай тут ничего земного, и не думай, (что можно) видеть телесными глазами Божественное и бестелесное естество, но рассуждай обо всем благочестиво. *Явися* ему Бог, то есть его сподобил откровения, и видя его достойным Своего промышления, являет ему особенное снисхождение, и вступает с ним в беседу: *Аз есмь Бог твой: благоугождай предо Мной и буди непорочен; и положу завет Мой между Мной и между тобой, и умножу тя зело. И паде Аврам на лицы своем* (ст. 1 и 2). Велико благочестие праведника, необычайно и благоволение к нему всеблагого Бога! Говорит: *Аз есмь Бог*

* Здесь начальные слова XVII главы переданы у святителя в том же виде, как и в заголовке беседы.

твой. Как бы так сказал: *Аз есмь,* до настоящего времени многоразлично устроявший судьбу твою, *Аз есмь,* воззвавший тебя из дома твоего и приведший сюда; *Аз есмь,* поборавший по тебе и возвеличивший тебя над всеми наветниками твоими. И не сказал просто: *Аз есмь Бог;* но — *Аз есмь Бог твой.* Примечай великую благость; смотри, как и этим прибавлением выражает Он Свое благоволение к праведнику. Бог всей вселенной, Содетель всяческих, Творец неба и земли, говорит: *Аз есмь Бог твой.* Великая почесть праведнику! Так обыкновенно говорят и пророки. Как теперь Сам Он, общий всех Господь, позволяет рабу называть Себя Богом своим, и после, как увидим, Он говорит: *Аз есмь Бог Авраамов, Исааков, Иаковль,* — так и пророки нередко говорили: *Боже, Боже мой,* — не ограничивая собой только господства Его, а показывая свою неизмеримую любовь. Но когда это делают люди, ничего нет удивительного; а когда Сам Бог так делает в отношении к людям, это необычайно и чудно. Впрочем, не будем удивляться, возлюбленные, а послушаем пророка, который говорит: *лучше един творяй волю Господню, нежели тьмы грешников* (Сир. XVI, 3), также блаженного Павла, который говорит: *проидоша в милотех и в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин мир* (Евр. XI, 37). Таким образом пророк выражает, что один, творящий волю Божию, лучше бесчисленного множества беззаконных; а блаженный Павел, учитель вселенной, вспомнив о всех праведниках, проводящих свою жизнь в скорбях и во всякой тесноте, говорит: *ихже не бе достоин мир.* Целому миру он противопоставил этих гонимых и скорбящих, чтобы показать величие добродетели. Потому-то и Содетель всех говорит праотцу: *Аз есмь Бог твой; благоугождай предо Мной, и буди непорочен.* Я не презрю подвигов столь великой твоей добродетели, но *положу завет Мой между Мной и между тобой, и умножу тя зело.* Не просто (говорит) *умножу,* но *умножу зело,* показывая необычайное размножение. Что

прежде выразил Он словами: *якоже песок и звезды*, тоже и теперь означает словом: *зело*. А признательный и благочестивый раб, видя столь великое снисхождение к себе от Бога и такое попечение Его о своем служителе, изумляясь и помышляя о собственном немощном естестве, о благости Божией и бесконечной силе, *паде*, говорит Писание, *на лицы своем*, выражая таким образом свою признательность. Не только не возгордился и не вознесся мыслью от оказанного ему благоволения, но еще более смирил себя: *паде*, сказано, *на лицы*. Такова признательная душа: чем больше пользуется приближением к Богу, тем больше обнаруживает благоговения к Нему: *паде на лицы своем*. И когда праведник, после того (данного ему) дерзновения, смотря на себя и на немощь человеческой природы, не дерзал даже посклонить главы, а преклонившись долу, выражал тем свое глубокое благоговение, — смотри опять, какое неизреченное милосердие являет всеблагой Бог. *Рече ему Бог, глаголя: се Аз, и завет Мой с тобой, и будеши отец множества языков; и не наречется ктому имя твое Аврам, но будет имя твое Авраам, яко отца многих языков положих тя. И возращу тя и положу тя в* народ, *и царие из тебе изыдут* (ст. 3—6).

3. Заметь, возлюбленный, как и теперь (Бог) все ясно предрекает праведнику, и чтобы дать ему еще большее удостоверение, прилагает к имени его новую букву, и говорит: *будеши отец множества языков, не наречется (ктому) имя твое Аврам, но Авраам, яко отца многих языков положих тя*. Прежнее имя его (Авраам) выражало *переселение* (слово *Аврам* на еврейском языке значит: переселенец, как это изъясняют сведущие в том языке); и так как он должен был выйти из своей земли в ханаанскую, то родители и дали ему такое имя. Может быть, кто-нибудь скажет: ведь родители его были неверные; откуда же у них могло быть такое предвидение, что они в самом имени (его) выразили то, что имело быть спустя долгое время? И это есть дело промыслительной

премудрости Божией, которая часто через неверных устрояет такие случаи. Подобное много раз случалось, как мы можем видеть, и с другими; вот и сейчас приходит нам на память наименование Ноя. И ему не просто и не случайно родители дали такое имя, а предзнаменовали в нем через пятьсот лет имеющий быть потоп. А что отец Ноя не потому дал такое имя своему сыну, что был добродетелен, послушай Писание, которое говорит ясно: *Ной един обретеся праведен, совершен в роде своем* (Быт. VI, 9). Не умолчало бы Писание и не сказало бы, что Ной один был праведен, если бы и Ламех, отец его, был ревнителем добродетели этого праведника. Между тем, намереваясь дать своему сыну имя, (Ламех) говорит: *и наречется имя ему Ное; сей упокоит нас от дел наших и от печалей рук наших и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. V, 29). Скажи, пожалуй, откуда у него (у Ламеха) такое знание о том, что должно было случиться через несколько поколений? Наречется, говорит он, имя ему Ное; *сей упокоит нас. Ной* на еврейском языке означает покой. Итак, поелику (Ной) один только мог спастись во время потопа, покрывшего вселенную, и должен был положить начало бытию последующих (после потопа) родов, то он (Ламех) и говорит: *сей упокоит нас*, упокоением называя потоп. Действительно, потоп, покрыв водами всю землю, отягченную грехами тогдашних людей и носившую на себе всякую скверну, и пресек всякое зло беззаконных людей, очистил землю, которая сделалась нечистой от злобы своих жителей, и их самих через наказание упокоил: *смерть бо,* говорит Писание, *мужу покой* (Иов. III, 23). Теперь видишь ли, как нередко и через неверных предзнаменуется будущее по устроению Божию? Таким же образом и этому праотцу (Аврааму) родители дали имя, заранее предзнаменуя то, что он будет пресельником, и перешедши реку (Евфрат), пойдет в чужую землю. Итак, говорит Бог Аврааму, если имя, данное тебе родителями, предзнаме-

новало твое переселение оттуда сюда (из земли отечественной в землю ханаанскую), то прими прибавление (к этому имени) буквы, в предзнаменование того, что ты будешь отцом многих народов. Заметь, какая точность в словах. Не сказал: всех *языков*, а только *многих*. Так как были и иные народы, которым надлежало быть изгнанными оттуда (из земли ханаанской), чтобы семя праведника получило свое наследие, то Бог и говорит: *отца многих языков положих тя*. Зная величие твоей добродетели, Я сделаю тебя наставником многих народов, *и возращу тя, и* умножу тя *зело зело, и положу тя в народы, и царие из теде изыдут*. Не пройдем, возлюбленные, без внимания этих слов. Если мы подумаем о возрасте праотца, — о том, что он услышал это в последней старости, то удивимся вере праведника и беспредельной силе человеколюбца Бога, Который от человека, так сказать, уже умершего, ослабевшего телом и каждый день ожидающего своей кончины, предрекает такое умножение семени, что из него произойдут даже народы; и не только это предрекает, но что и *царие из тебе изыдут*. Видишь ли, как постепенно возвышаются обетования? *Возращу тя*, говорит, *зело зело*. Не без причины повторяет (Бог) это слово, а для того, чтобы показать праведнику необычайное множество (потомства). Затем, через приложение буквы, на самом имени праотца, как бы на каком столпе, начертав неизгладимое знамение (Своего) обетования, Бог говорит далее праотцу: *и поставлю завет Мой между тобою, и между семенем твоим по тебе в роды их, в завет вечен, да буду тебе Бог* (ст. 7). Не только о тебе, говорит, покажу великое попечение, но и о семени твоем после твоей смерти. Смотри, как (Бог) ободряет дух праведника, обещая ему, что будет иметь великое промышление и о семени его. В чем же сила завета? *Да буду*, говорит, *тебе Бог и семени твоему по тебе*. Это будет величайшее из всех благ для тебя и для семени твоего. *И дам тебе и семени твоему по тебе землю, в ней*

же обитаеши всю землю ханааню, во одержание вечное, и буду их *Бог* (ст. 8). За твою добродетель и потомки твои будут пользоваться Моим промышлением, и дам им *землю ханааню в одержание вечное и буду их Бог.* Что значит: *и буду их Бог?* Это значит, что покажу о них великое попечение и промышление, во всем буду являть им Свою помощь; только *ты завет мой соблюдеши — ты и семя твое по тебе в роды их* (ст. 9). Ничего другого не требую от вас, кроме послушания и благодарности; а Я все, что обещал, исполню.

4. Но, желая усвоить Себе потомков (Авраама) и сделать их Своим народом, Бог не хотел, чтобы с течением времени, когда они размножатся, они смешались с теми народами, землю которых должны были наследовать; затем, так как впоследствии, по Его предречению, они должны были еще подвергнуться рабству в Египте, то, чтобы и там они не смешались с египтянами, Бог в качестве знамения заповедует праведнику обрезание и говорит: *сей завет, егоже саблюдеши между Мною и вами, и между семенем твоим по тебе в роды их: обрежется от вас всяк мужеск пол; обрежете плоть крайнюю вашу* (ст. 10, 11). Потом, вразумляя их и всех нас о том, для чего дал такую заповедь, — именно для того, чтобы это было знаком избранного народа Его, Он говорит: *и будет в знамение завета между Мной и вами* (ст. 11). Далее назначает и время, когда должно совершать (обрезание). *Младенец,* говорит, *осьми дней обрежется вам, и домочадец, и купленный* (ст. 12), словом — все вообще, живущие с вами, примут это знамение. И всякий, кто не обрежется в назначенный день, *погубится* за то, что разорил завет Мой, преступил заповедь (ст. 14).

Заметь премудрость Господа, как Он, предвидя в будущем развращение сердец их (евреев — потомков Авраама), полагает на них как бы некую узду, дает им такое знамение — обрезание, чтобы обуздать неукротимые страсти их и не допустить их до смешения с языческими

ми народами. Он знал их похотливость и то, что они не воздержатся от животных стремлений, несмотря ни на какие внушения; поэтому, давая им всегдашнее напоминание в знамении обрезания, Он полагает на них это знамение, как бы некоторые узы, назначает им меру и пределы, которых они не должны были преступать, оставаясь всегда в кругу своего племени, и не позволяя себе никакого смешения с другими народами, и таким образом сохраняя чистым семя своего праотца (Авраама), чтобы и обетования Божии могли на них исполниться. И как иной честный и скромный человек, имея невоздержную рабу, обуздывает ее тем, что дает ей ограничительное правило никогда не выходить за ворота своего дома и не показываться проходящим, а часто еще и ноги ее заключает в узы, чтобы хотя таким образом можно было удержать ее неумеренность, — так и человеколюбец Господь полагает на плоть знамение обрезания, как узы на ноги, чтобы постоянно имея при себе такое напоминание, они (евреи) не нуждались уже в наставлении от других. Но неразумные и бесчувственные иудеи хотят и ныне, вовсе безвременно, хранить обрезание, и обнаруживают (тем) в себе детский смысл. Для чего, в самом деле, скажи мне, хотят они ныне обрезываться? Тогда (в Ветхом Завете) они получили эту заповедь, чтобы не смешиваться с другими нечестивыми народами, а ныне, когда по благодати Божией все (народы) приводятся к свету истины, какая польза в обрезании? Разве отсечение плоти способствует сколько-нибудь свободе души (от страстей)? Не слышали ли они (евреи), как ясно Бог сказал: *и будет в знамение завета*, как бы показывая тем, что (только) по великому своему неразумию они имели нужду в таком знамении? Подобное часто бывает и в делах человеческих. Когда мы не доверяем кому-нибудь, то стараемся получить от него какой-либо знак в виде залога; так и Бог всяческих, зная легкомыслие их (евреев), восхотел потребовать от них

этого знамения – не с тем, чтобы оно осталось навсегда, но чтобы, с окончанием тогдашнего завета, было отменено и употребление этого знамения. Как между людьми, требующими друг от друга какого-либо знака или залога, этот знак тотчас уничтожается, как скоро кончится между ними предпринятое дело, так точно я здесь. Так как это знамение введено было между вами (обращаясь к иудеям) только для того, чтобы народ, происшедший от патриарха, очевидным образом отличался от других (народов), то, как скоро из тех народов, ради которых вы приняли такой знак, одни уже совершенно исчезли, а часть других обратилась к свету истины, следовало уже и вам не носить (на себе) свидетельства своего неразумия, но отменить его и возвратить себе прежнее достоинство. Рассуди, что ведь чудный тот (муж), говорю о праотце, еще прежде, чем получил заповедь об обрезании (а он был уже девяноста девяти лет, когда дана была эта заповедь), был угоден Богу, и тысячекратно прославлен Господом. И только тогда уже, когда приблизилось время исполнения обетований Божиих, когда надлежало родиться Исааку, и роду его размножиться, а самому праотцу преставиться от этой жизни, только тогда он получает заповедь обрезания, и сам обрезывается уже в такой старости, чтобы сделанное праотцом послужило как бы законом и правилом для всех его потомков.

5. А чтобы вы лучше убедились, возлюбленные, что обрезание нисколько не способствует к добродетели душевной, можно рассмотреть самые обстоятельства дела. Для чего (Бог) говорит: *осьми дней младенец обрежется*? Я думаю, что человеколюбец Бог определил такое время с двоякой целью: во-первых, чтобы в незрелом возрасте легче можно было переносить болезнь обрезания; а во-вторых, чтобы из самого дела могли они (евреи) видеть, что (обрезание) само по себе нисколько не приносит пользы душе, а назначено быть только как

знамение. В самом деле, какую пользу (от обрезания) может получить для души несовершеннолетнее дитя, не разумеющее того, что (с ним) делается, не имеющее и смысла? Ведь совершенство души составляет собственно то, что делается по свободному произволению, то есть когда сама душа избирает добро и убегает зла. Так, совершенство души состоит в том, чтобы не только не желать большего, но и то, что есть, раздавать неимущим; совершенство души — не прилепляться к настоящему, напротив — презирать его и постоянно помышлять о будущем. А иметь знак на теле — какое тут совершенство? Но неразумные и бессмысленные иудеи, еще сидящие в сени, когда уже явилась истина, еще приседящие свету светильника, когда уже воссияло Солнце правды и всюду простирает лучи (своего) света, еще питающиеся млеком, когда уже (настало) время крепкой пищи, не хотят и блаженного Павла слушать, который велегласно говорит: *и знамение прият обрезания, печать правды, веры, яже в необрезании* (Рим. V, 11). Смотри, как он (апостол) учит нас здесь и тому и другому, — и тому, что обрезание принял он (Авраам), как знамение, и тому, что, еще не будучи обрезан, он показал уже правду от веры. Чтобы иудей не дерзнул сказать: не обрезание ли доставило ему (Аврааму) оправдание? — для того блаженный (апостол), воспитанный у ног Гамалиила и тщательно наставленный в законе, говорит: не думайте, бесстыдные иудеи, чтобы обрезание само по себе послужило ему к оправданию; еще не будучи обрезан, а показав только в себе веру, он уже был оправдан: *верова Авраам Богу, и вменися ему в правду* (Быт. XV, 6). Итак, уже после того, как он получил оправдание по вере своей в Бога, он принимает знамение обрезания; и сперва (Бог) прилагает к имени его букву, а потом заповедует обрезание, и тем показывает, что только за великую добродетель Он избирает и приближает к Себе праведника, а ради него — и его потомков. И как люди,

приобретающие рабов, часто переменяют и имена и одежду их, и все делают для того, чтоб отличить их от других рабов, чтобы по всему видно было, кто ими владеет, так и Бог всяческих, желая отличить его (Авраама) от других людей, через приложение буквы назнаменовал, что он будет отцом многих народов, а через обрезание – что народ его будет избранный, и что имеющее произойти от него потомство будет отделено от прочих народов. Но если и они (иудеи настоящего времени), по слепоте своей, еще хотят соблюдать обрезание плоти, не слушая слов Павла: *аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует* (Гал. V, 2), – для того ведь явился Господь, чтобы все это уничтожить, и для того весь закон исполнил, чтобы на будущее время отменить соблюдение закона, почему и восклицал блаженный Павел: *иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (Гал. V, 4), – то мы со своей стороны послушаем блаженного Павла, и примем нерукотворное обрезание. О *немже бо,* говорит он, *и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела грехов наго плоти, во обрезании Христове;* и далее, чтобы точнее показать нам, в чем состоит такое обрезание, он присовокупляет: *спогребшеся ему крещением* (Кол. II, 11, 12). Как их (иудеев) знамение обрезания отделяло от прочих народов, и показывало в них народ, избранный Богом, таким же образом и у нас обрезание крещения (обрезание духовное, или крещение, заступившее место обрезания), составляет очевиднейшее различие и разделение верных от неверных. О *немже бо*, говорит (апостол), *и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти.* Как там обрезание совершается в отложение плоти, так здесь крещение – в отложение грехов. Итак, совлекшись однажды греховной плоти и приняв чистую одежду, пребудем, возлюбленные, в чистоте; побеждая страсти плотские, усвоим себе добродетель; находясь под благодатью, поревнуем тому, кто жил под зако-

ном, или даже прежде самого закона, чтобы, направив нашу жизнь по его стопам, удостоиться принятия в его лоно и достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XL

И рече Бог Аврааму: Сара жена твоя не наречется Сара, но Сарра будет имя ей (Быт. XVII, 15)

1. Предложим вам ныне остатки вчерашней трапезы и окончим слово, именно о благословении и обетовании, которое Бог всяческих даровал праотцу. Но слыша об остатках трапезы, не предполагай тут ничего чувственного: остатки духовной трапезы не то, что остатки от яств. Последние, теряя свежесть, уже не имеют никакой приятности для вкушающих; а если будут оставлены еще на один или два дня, то делаются совершенно негодными. Но остатки духовные, хотя бы оставлены были не на один только или два дня, а на самое продолжительное время, приносят всегда одинаковую пользу и не теряют своей приятности, потому что они Божественны и духовны, и от времени не терпят никакого вреда, а напротив, с каждым днем дают чувствовать в себе новую сладость, и желающим вкушать их доставляют великое и полное удовольствие. Если же таково свойство этих остатков, то и вы, конечно, пожелаете насладиться ими, и мы, уверенные в их пользе, предложим их вашей любви. Но чтобы настоящая беседа для вас была яснее, нужно припомнить конец сказанного вчера слова, и в связи с тем приступить к дальнейшему поучению. Мы изложили заповедь Божию об обрезании, именно — слова Божии к праотцу: *обрежется всяк мужеск пол ваш, и будет в знамение завета между Мной и вами.*

И младенец осми дней обрежется, а иже не обрежется, погубится душа та: яко завет Мой разори (Быт. XVII, 10, 14). Здесь, на слове об обрезании, мы окончили поучение, и чтобы не отяготить вашего ума множеством сказанного, не стали продолжать долее (беседы). Мы, ведь, не о том только заботимся, чтобы сказать много и с тем уйти, но желаем соразмерять учение слова с вашей силой, чтобы вы все отходили в свои дома, получив хотя какой-нибудь плод от наших слов. Итак, продолжим, что следует после сказанного вчера, и посмотрим, что после заповеди об обрезании говорит праотцу человеколюбец Бог. *И рече Бог Аврааму: Сара жена твоя не наречется имя ее Сара, но Сарра будет имя ей.* Как тебе, говорит Бог Аврааму, через приложение буквы, Я назнаменовал, что ты будешь отцом многих народов, так подобным образом и к имени Сарры прилагаю букву, дабы ты знал, что теперь наступает время исполниться прежним многим обетованиям. *Будет бо,* говорит, *имя ей Сарра: благословлю же ю, и дам тебе от нея чадо, и благословлю е, и будет* в *язык, и цари языков от него изыдут* (ст. 16). Для этого-то Я делаю прибавление буквы, дабы ты познал, что все, сказанное Мной, непременно сбудется. И не отчаивайся, смотря на немощь естества (твоего), но, взирая на величие силы Моей, твердо уповай на слово Мое. *Благословлю бо ю, и дам ти от нея чадо, и благословлю е, и будет в языки, и цари языков от него изыдут.* Выше естества человеческого было такое обетование, и подобно тому, как если бы кто обещал из камней сотворить людей. Действительно, в рассуждении чадорождения нисколько не отличались от камней – ни праотец, по старости уже бессильный и к деторождению неспособный, ни Сарра, кроме неплодства, бывшая также в преклонных летах и старости. Впрочем, праведник думал, что данное прежде Богом обетование должно исполниться на Измаиле, так как сказано было только: *тебе и семени твоему дам землю сию,* а не показано, что эти слова отно-

сятся к сыну, имеющему родиться от Сарры, и потому-то праотец сам почитал обетование уже исполненным. Теперь же, слыша такие слова от Господа Бога: *благословлю Сарру, и дам тебе от нея чадо, и благословлю е и будет в языки,* и опять: *цари языков от него изыдут,* — праотец не знал, что сказать (на это) (а как муж благочестивый, он не мог не веровать словам Божиим), и смотря на свои преклонные лета и на неплодство Сарры, продолжавшееся до такой глубокой старости, впал в недоумение и, изумленный таким обетованием, *паде,* сказано, *на лице и посмеяся* (ст. 17).

2. Понимая все величие обетования и помышляя о всемогуществе Обещавшего, Авраам *паде на лице (свое) и посмеяся,* то есть возрадовался; но по соображениям ума он мыслил и то, каким образом сделается это (изменение) в порядке человеческого естества, то есть что у столетнего (человека) родится сын и жена неплодная, не рождавшая даже до девяноста лет, внезапно сделается способной к деторождению? Но, размышляя так в уме своем, ничего подобного не дерзнул он высказать на словах, а только, выражая свою признательность, он молил (Бога) о Измаиле, как бы говоря: Господи, Ты довольно утешил меня, и скорбь о бесчадии дарованием Измаила обратил в радость. После того, как он родился, мне никогда уже и на мысль не приходило, и я никогда не думал, что мне будет еще чадо от Сарры; да и сама она этого не ожидала, почему и (рабу) Агарь передала мне, уже оставив всякую надежду на саму себя. Оба мы получили достаточное утешение, когда родился Измаил. Да будет же этот, данный нам от Тебя (сын), жив перед Тобой; и мы будем иметь достаточную отраду, и жизнь его утешит нашу старость. Что же человеколюбивый Господь? Так как Он в продолжение столь долгого времени уже достаточно испытал благочестивую душу праведника и веру Сарры, и видел, что оба они потеряли на себя всякую надежду, — один по старости, а другая

помимо старости еще и по неплодству, – то и говорит: теперь это кажется для вас совершенно невозможным, но для того-то Я так долго медлил (исполнять обетование о рождении сына), чтобы показать, что дар, ниспосылаемый Мной, есть выше человеческого естества, чтобы и вы, и все другие из этих опытов познали, что Я Владыка природы, и что она Моей волей управляется и повинуется Моим повелениям. Если Я из несущего произвел ее, тем более уже существующую и поврежденную могу исправить. А для уверения твоего, слушай, ободрись, и удалив от себя колеблющиеся в уме твоем помыслы, убедись вполне от слов Моих. Вот Сарра, жена твоя, о которой ты думаешь, что по неплодству и по старости она уже не может рождать, – родит тебе сына. И чтобы ты нисколько не сомневался, вот Я скажу тебе наперед и самое имя будущего сына: ты назовешь его Исааком. *С ним бо поставлю завет Мой в завет вечен, и семени его по нем* (ст. 19). Это именно тот, которого Я обещал тебе с самого начала; на нем-то исполнятся Мои обетования. Поэтому Я и говорю тебе наперед не только то, что он родится, но и то, как ты назовешь его, и то, что с ним Я положу завет Мой, и не с ним только, но и с *семенем его по нем* (ст. 19). Потом, всегда щедрый в дарах и исполняющий с преизбытком прошения наши (Господь), возбудив дух праведника, Своими обетованиями сделав этого старца, можно сказать, юным, и как бы уже мертвого оживотворив Своими словами, умножает (ему) Свои благодеяния и говорит: и то, что Я обещал тебе, сделаю, а вместе с тем и прошение твое о Измаиле исполню. Я услышал молитву твою *и благословил его: возращу его и умножу его зело зело: дванадесять языки родит, и дам его в язык велий* (ст. 20). Так как он, говорит (Бог), есть семя твое, то я так *возращу его и умножу зело,* что от него произойдут двенадцать народов. *Завет же Мой поставлю со Исааком, егоже родит тебе Сарра во время сие в лето второе* (ст. 21). Посмотри же теперь, возлюб-

ленный, как праведник в одно мгновение получает награду за все (прежнее) время, и исполняется слово, сказанное от Христа ученикам: *всяк, иже оставит отца или матерь, или дом или братию имене Моего ради, и здесь сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. XIX, 29). В самом деле, подумай, как этот праведник, с готовностью повинуясь повелению Господа, оставил собственное отечество, предпочел чужую сторону родной, как показал он в себе великое терпение и мало-помалу восшел на необычайную высоту добродетели, и за то столько прославлен, что потомство его стало равно множеству звезд. А если рассуждать основательно, то он получил не только во сто раз, но и в десять тысяч раз более. Если же он здесь удостоился столь великих наград, то какое слово может изобразить уготованные ему блага — *там*? Впрочем, сколько возможно, и это в слове покажем. В самом деле, когда слышишь, что все праведники, с того времени доныне и до последних времен, молятся о том, чтобы вселиться в недра этого праотца, то можно ли представить славу больше этой? Видишь ли, как много значит терпение, что значит добродетель, что значит благочестие и великая признательность к благодеяниям Господа? Вот за то, что он жертвовал собой во всякое время, все принимал с благодарностью, и приятное и неприятное, человеколюбивый Бог наконец и даровал ему высшее из всех благ и для самого праведника наиболее вожделенное. Посмотри, как Бог искушал добродетель праведника в продолжение двадцати четырех лет, потому что в то время, как повинуясь повелению Господа, он вышел из Харрана, ему, как сказано, было семьдесят пять лет, а теперь, когда услышал это обетование (об Исааке), ему наступил уже сотый год.

3. Слыша это, возлюбленные, научимся иметь великое терпение, и никогда не ослабевать и не унывать в подвигах добродетели; будем знать, что Владыка наш,

щедрый и многомилостивый, воздает нам за малые труды великими наградами, и что Он не только в будущем веке уготовляет для нас бессмертные блага, но и в настоящей жизни, утешая нас в немощах естества нашего, подает нам многие дары. Вот и этот праотец в продолжение показанного времени потерпел немало скорбей, хотя каждый раз скорбь его соединялась с утешением. Господь всяческих, имея попечение о наших немощах, не всегда ведь попускает терпеть и скорби нам, чтобы они не слишком отягощали немощь нашу; напротив, Сам скоро подает нам Свою помощь, укрепляя наше сердце и ободряя дух; равно и в благополучии не всегда оставляет нас, чтобы мы, сделавшись беспечными, не склонились ко злу. Природа человеческая, когда наслаждается слишком много счастьем, забывает благородство, и не удерживается в своих пределах. Потому-то Он, как любвеобильный Отец, порой снисходит к нам, а порой наказывает нас, чтобы таким образом управить нас ко спасению душевному. Подобно тому как врач, когда лечит больного, не всегда томит его скудной пищей, но не всегда позволяет и наслаждаться обильно яствами, чтобы многоядение не произвело воспаления, и через то не усилило болезни, а с другой стороны, чтобы постоянно скудная пища не ослабила его еще более, но располагает свое врачевание, соображая состояние и силы болящего, и с тщанием употребляя все свое искусство, — так точно и человеколюбец Бог, ведая, что каждому из нас полезно, иногда дозволяет нам наслаждаться благополучием, иногда же подвергает нас искушениям. Если искушаются люди добродетельные, то через искушение они являются еще более славными, и приобретают свыше (еще) большую благодать; если же подобные нам грешники (подвергаются искушениям), то, с благодарностью принимая наведенные на них искушения, они слагают (таким образом) с себя тяжкое

бремя грехов, и получают во многом прощение. Поэтому, умоляю вас, зная благопромыслительную премудрость Врача душ наших, не будем испытывать судеб Его. Если наш разум не может постигнуть их, то тем более будем благоговеть перед Его судьбами, и за все прославлять Его, именно потому, что имеем такого Владыку, которого промысл не может быть объят никакой мыслью, ни вообще разумом человеческим. Притом, мы и сами не так (хорошо) знаем, что для нас полезно, как Он знает, и не столько сами мы заботимся о себе, сколько Он печется о нашем спасении, и все творит и совершает так, чтобы только вести нас к добродетели и исхитить из рук диавола. И когда Он видит, что счастье не может принести нам пользы, тогда, как наилучший врач, — который, заметив, что кто-либо от пресыщения тучнеет, возвращает тому здоровье через воздержание, — (подобно) тому и дивный Врач наших душ, наведением хотя немногих искушений, дает нам чувствовать вред, какой мы потерпели бы от (постоянного) благополучия; а когда видит, что здоровье (душевное) довольно уже восстановлено, тогда собственной помощью избавляет нас и от искушений, и преизобильно являет Свое о нас промышление. Итак, если люди добродетельные впадают в искушения, то пусть не смущаются духом, но пусть тем более питают себя утешительными надеждами, что через искушения уготовляются для них венцы и награды. Если же подвергаются скорбям живущие во грехах, пусть и они не отчаиваются, зная, что искушения во всякое время могут послужить к очищению грехов, если только все, случающееся с нами, мы принимаем с благодарностью. Признательный раб должен благодарить своего Господа не тогда только, когда наслаждается беспечальной жизнью, но показывать то же благодушие и в неприятных обстоятельствах. Так прославился и этот праотец (Авраам), и, достигнув столь великого

дерзновения перед Богом, получил дары, превышающие силу человеческого естества.

4. Но возвратимся к порядку слова, и посмотрим на послушание праведника, как он исполнял повеления Божии, не изыскивая причин их, не требуя отчета в них, как это делают многие неразумные, пытливо исследуя дела Божии, и говоря: для чего то, для чего это, и какая польза от того, или этого? Не так поступал праведник: он, как раб, любящий своего господина, ничего не испытуя, старался исполнять все так, как было ему поведено. А чтобы тебе увериться в этом, слушай далее. После того, как Бог дал ему обетование и окончил Свою беседу с ним, праведник тотчас исполняет повеленное ему, — знамение, заповеданное ему от Бога (говорю об обрезании) налагает на Измаила и на всех домочадцев и рабов, как говорил ему Бог. Обрезывается также и сам. *Девятидесяти бо и девяти лет бяше,* сказано, *егда обреза плоть крайнюю свою. Исмаил же бяше лет трех надесяти* (ст. 24, 25). Не думай, что Писание без цели обозначает нам число лет: это для того, чтобы ты и из этого познал великое послушание праведника, который, будучи уже в крайней старости, терпеливо перенес болезнь (обрезания) ради заповеди Божией. Для того-то в Писании и сделано счисление лет. И не только он, но и Измаил, и все домочадцы (принимают обрезание). Не все ведь равно, возлюбленный, здоровую ли часть тела отрезать, или больную. И врачи отсекают иногда больной член; но в этом случае не такова бывает боль. Здесь отсекается член омертвелый, так сказать, и уже лишившийся жизненной силы. А там человек дряхлый и престарелый (достигший уже ста лет) благодушно переносит боль, стараясь вместе и заповедь Божию исполнить, и возбудить в сыне своем и во всех домочадцах большую ревность к немедленному, поспешному исполнению заповеди Божией. Видишь ли, как велик муж добродетельный, — и имен-

но в том, что и всех рабов своих научает идти по его следам. Что я вчера говорил, то же и теперь повторяю — что с той поры (со времени первоначального обрезания Авраама и его домочадцев) на будущее время Бог заповедал подвергать обрезанию детей в незрелом возрасте, именно для того, чтобы, без сознания претерпевая обрезание плоти, они не испытывали никакой боли.

Но замечай, возлюбленный, и здесь человеколюбие Божие и неизреченное для нас благодеяние. Там (в Ветхом Завете) от обрезания только болезнь и труд и никакой другой пользы, кроме того, что по этому знаку (евреи) распознавались и отделялись от прочих народов, а наше обрезание (я разумею благодать крещения) есть безболезненное врачевание, служит для нас источником бесчисленных благ, исполняет нас благодатью Святого Духа, и не требует (для своего совершения) никакого определенного времени, как там, но всякому и в незрелом возрасте, и в средние годы, и в самой старости дозволяется принимать это нерукотворенное обрезание, которое не трудно перенести, но через которое отлагается бремя грехов и приобретается оставление прегрешений, соделанных во все время жизни. Так человеколюбец Бог, зная великую немощь нашу, и то, что, страдая неисцельно, мы имеем нужду в сильном врачевании и в неизреченном Его человеколюбии, и сообразно тому устрояя наше спасение, даровал нам обновление баней пакибытия, чтобы мы, отложив ветхого человека, то есть злые дела, и облекшись в нового, шествовали путем добродетели. Но не будем, прошу вас, хуже неблагодарных и бесчувственных иудеев. Они, приняв знамение обрезания, имели довольно осторожности, чтобы не смешиваться с язычниками — и именно во внешнем общении с ними; а своим нечестием они, неблагодарные, часто превосходили и самих язычников. Но мы, однажды приняв

обрезание крещения, будем внимательно вести себя. Я не говорю, что нам не должно иметь сношений с язычниками; но будучи тверды в своих добродетелях, мы и в сношениях с ними (язычниками) должны привлекать их к благочестию и назидать их примером своих добрых дел. Для того-то общий, всех Господь и позволил жить вместе и добрым и злым, и благочестивым и нечестивым, чтобы злые получали пользу от добрых, и живущие нечестиво руководились к благочестию. Ни о чем ведь столько не печется Бог, как о спасении наших душ. Не будем же, молю вас, нерадивы ни к себе самим, ни к ближним; о себе будем заботиться, чтобы устроить свою жизнь так, как угодно Богу, о ближних – чтобы светить добродетелью и ею без слов поучать всех, взирающих на нас. Как, пребывая добродетельными, и сами получим всегда много пользы, и принесем пользу неверным, так, напротив, если предадимся беспечности, и сами подвергнемся великому наказанию, и другим дадим повод к соблазну. Как, соблюдая добродетель, мы получаем сугубую награду от Бога – и за то, что сами в добродетели живем, и за то, что ближних привлекаем к добродели, так и в греховных делах наказываемся не за свои только согрешения, но и за то, что соблазняем других. Но пусть не будет этого с кем-либо из собравшихся сюда; напротив, все направим жизнь свою к назиданию других, видящих нас, чтобы могли мы с дерзновением стать перед судилищем Христовым и удостоиться будущих неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLI

Явися же Бог Аврааму у дуба Мамврийска, седящу ему перед дверми сени своея в полудни (Быт. XVIII, 1)

1. Медленно и неохотно приступаю я сегодня к произнесению слова. Когда подумаю, что каждый день мы поучаем, увещеваем, предлагаем вам духовную трапезу, а между тем многие из бывающих здесь и участвующих в этом духовном назидании, в досточудной и страшной трапезе, проводят целые дни на конских ристалищах, и таким образом не получают никакой пользы от нашей попечительности, а как бы уже по привычке, при первом внушении диавола, спешат на эти беззаконные зрелища, и сами себя добровольно ввергают в сети лукавого беса, так что ни наши внушения, ни самая опасность, ни напрасная трата там (на зрелищах) времени, не могут вразумить их, — то с какой, после этого, ревностью стану я предлагать поучение людям, которые вовсе не хотят иметь пользы от наших слов? Не дивись! И земледелец, когда увидит, что земля, после многих его забот и тяжких трудов, остается бесплодной и не вознаграждает достаточно трудов, уже не с такой, как прежде, охотой приступает к сеянию, и не с такой ревностью принимается за возделывание земли. Также и врач, когда увидит, что больной не повинуется его предписаниям, а еще сам своим образом жизни только увеличивает со дня на день свою болезнь, часто допускает такого оставаться в болезни, чтобы самый опыт научил его понимать свою пользу. Равно и преподающие детям науки, когда увидят, что они прежними уроками пренебрегают и не хотят помнить того, что уже им преподано, нередко оставляют их, чтобы (таким образом) исправить их беспечность и побудить их к большему прилежанию. Но земледелец естественно иногда становится менее деятельным, когда он видит, что убытки

его больше и больше увеличиваются, и несмотря на свой труд и издержки, он не получает плодов. И врач не несправедливо оставляет иногда больного: он врачует тело, и потому оставляет (больного) на время, чтобы усиление боли привело больного в чувство болезни, а затем побудило его и принять врачевание. Равным образом и учитель детей, по несовершенству их возраста, нередко с пользой налагает на них наказание. Но мы, превосходя всех этих людей, готовы и сегодня оказать отеческую любовь к падшим, и научить их, что если они останутся в той же беспечности, то это послужит для них к большему осуждению. Земледелец не с прежней охотой иногда бросает семена в той мысли, что напрасно уже и бесполезно делать издержки; а мы далеки от такого отчаяния. Правда, бросая духовное семя, мы иногда не получаем плодов, по беспечности слушателей; тем не менее в будущем нам уготована награда, потому что мы пускаем в оборот вверенное нам серебро, и исполняем поведенное нам от Господа; а слушатели впоследствии дадут отчет Тому, Кто востребует от них с лихвой данное им. Впрочем мы не то имеем в виду, чтобы только нам самим не потерпеть вреда, и чтобы только сделать свое дело. Нет, мы желаем, чтобы и вы употребили в дело переданное вам от нас и не подверглись тому наказанию, которое постигло скрывшего талант, и не только не умножившего, но и закопавшего в землю серебро своего Господа. Таковы – те, кто принимает слово учения (талантом и серебром в Писании называется учение) и не старается принести плод и сделать надлежащее употребление (из поучений). Но, может быть, кто-нибудь скажет, что эта притча о талантах сказана о самих учителях? И я то же скажу. Но если мы тщательно вникнем в притчу, вы увидите, что учителя обязаны только раздавать серебро, а ваш долг – не только хранить данное вам, но и употреблять в дело. А чтобы увериться в этом, надобно изложить

самую притчу. Домовладыка *некий,* сказано, *отходя призва своя рабы, и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един. И по времени возвратившуся ему, приидоша рабы: и приемый пять талант приступи, глаголя: Господи, пять талант ми еси предал, се другие пять талант приобретох ими* (Мф. XXV, 14, 15, 19, 20). Велико и благоразумие раба, щедро и человеколюбие Господа. В самом деле, что Он говорит? *Добре, рабе благий и верный, в мале был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего* (ст. 24). Так как, говорит, ты показал много благоразумия в употреблении того, что было тебе вверено, то заслуживаешь, чтобы поручить тебе еще больше. *Приступи же и два таланта приемый, глаголя: не два ли таланта ми еси предал! Се другие два таланта приобретох ими* (ст. 22). Много заботливости и в этом (рабе) об имении своего господина; поэтому и он удостаивается того же, что получил первый. Но почему принесший два таланта удостаивается равной чести с тем, кто принес пять талантов? Это справедливо, – потому, что большее и меньшее приращение (талантов) сделано не по рачительности одного и беспечности другого, а по количеству вверенных им талантов. А что касается до их усердия, то оба принесли поровну (то есть и тот и другой приобрели вдвое против того, сколько им было вверено); потому и награду получили одинаковую.

2. Но один раб ничего подобного не сделал; а что же? *Приступи, глаголя: ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси: и убояся, шед скрых талант в земли: се имаши твое* (ст. 24, 25). О, злоба рабская! О, крайняя неблагодарность! Он не только ничего не приобрел на данный ему талант, но еще и укорил за талант своего господина. Такова испорченность души: она помрачает разум, и человека, однажды совратившегося с прямого пути, низвергает в бездну. Все это сказано об учителях, чтобы они не скрывали того, что вверено им, но со всем

тщанием передавали учащимся. Но слушай далее, возлюбленный: из негодования господина на этого раба ты увидишь, как и учащиеся могут сделаться виновными, как и от них востребуется не только то, что им дано, но еще и с лихвой. В самом деле, что говорит Господь тому лукавому рабу? *Злый рабе!* Негодование страшное, угроза поразительная! *Аще,* говорит, *ведал еси, яко жну, идеже не сеях, и собираю, идеже не расточих, подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником, и Аз пришед взял бых оное с лихвою* (ст. 26). Серебром он называет драгоценное слово (Божие), а торжниками – вас, принимающих (от нас) это слово. Твое дело, говорит он, было только передать им серебро; а мое – взыскать от них не только то, что им дано, но и то, что они сверх того приобрели бы. Видите, возлюбленные, как много страшного в этих словах! Что же скажут на это те, которые не заботятся даже о сохранении вверенного им (сокровища), когда сверх того потребуется еще от них и приращение его?

Но посмотри, как человеколюбив Господь! С денег вещественных Он воспретил брать рост. Почему и для чего? Потому, что от этого и тот и другой (заимодавец и должник) терпят много вреда. Одного сокрушает бедность, а другой с умножением богатства наживает себе и множество грехов. Поэтому-то от начала Бог дал жестокосердым иудеям такую заповедь; *да не даси брату твоему в лихву (сребра), и ближнему твоему* (Втор. XXIII, 19). Итак, какого извинения могут быть достойны те, которые жестокостью превосходят и самих иудеев, и после благодатного искупления и столь великого человеколюбия Господня, оказываются ниже и хуже людей подзаконных? Между тем в духовных дарах Господь обещает потребовать от нас лихвы. Почему так? Потому, что эта духовная лихва совершенно противоположна вещественному богатству. Там, должник, с которого взыскивается рост, внезапно впадает в крайнюю бедность; а здесь, подвергающийся взысканию лихвы, если он че-

ловек благоразумный, то чем большую принесет лихву, тем большее получит свыше воздаяние. Итак, возлюбленные, когда мы передаем в ваши руки вверенное нам (сокровище), тогда каждый из вас должен усугубить труд и бдительность, как для того, чтобы сберечь данное ему, чтобы оно сохранилось в целости, так и для того, чтобы употребить это в дело, то есть и другим передать, и многих привести на путь добродетели. Таким образом, ваше приобретение вдвойне увеличится — и вашим собственным спасением, и пользой других. Если вы будете так поступать, то и нас сделаете блаженными (*блажен*, сказано, *поведаяй во уши послушающих* (Сир. XXV, 12), и побудите предлагать вам эту духовную трапезу еще в большем обилии. Итак, не оставляйте без попечения братий ваших, и имейте в виду не свою только пользу, но пусть каждый (из вас) старается исхитить ближнего из челюстей диавола, отвлечь от беззаконных зрелищ и привести в церковь, с любовью и кротостью показывая ему, какой великий вред — там, и какие великие блага — здесь. Делайте это не раз только, или два, но постоянно. Пусть он сегодня не послушает твоих слов — убедится после; а если и в другой раз не послушает, то, видя твою настойчивость, когда-нибудь, может быть, и придет в себя, и, тронутый твоей заботливостью, отстанет от гибельных удовольствий. И никогда не говори, что я говорил ему и раз, и два, и три, и много раз, то ничего не успел. Не переставай говорить, — потому что чем дальше будешь продолжать, тем больше умножится и твоя награда. Не видите ли, каким долготерпением пользуемся мы от Бога всяческих, и как, несмотря на то, что мы ежедневно нарушаем Его повеления, Он не оставляет Своего попечения о нас, а еще и доставляет нам от Себя все, воссиявая солнце, подавая дожди и прочее? Подобным образом будем и мы иметь попечение о наших братьях, и будем противостоять лукавому бесу, чтобы сделать тщетными его

ухищрения. Если ведь каждый из приходящих сюда (в церковь) успеет сделать такое добро хотя одному, то подумай, как возрадуется наша Церковь о умножении чад своих, и как посрамится диавол, видя, что напрасно и без успеха он расставлял свои сети. Если будете так делать, то услышите и вы в тот день: *добре, рабе благий и верный, в мале был еси верен, над многими тя поставлю.*

3. Я твердо уверен, что именно так вы и будете поступать. Я вижу ваши лица, и догадываюсь, что вы с удовольствием приняли от нас наставление, а потому надеюсь, что вы исполните со своей стороны должное. Теперь кончим об этом увещание, и предложим вам нашу убогую и скудную трапезу, чтобы вы возвратились, получив обычное назидание. Надобно и сегодня представить вашему вниманию праотца Авраама, чтобы вы знали, какие награды получил он от Бога за свое странноприимство. *Явися же,* сказано, *ему Бог у дуба Мамврийска, седящу ему перед дверми сени своея в полудни.* Исследуем тщательно каждое слово, откроем сокровищницу и рассмотрим все содержащееся там богатство. *Явися же ему Бог,* сказано. Почему (Моисей) так начал: *явися же ему Бог?* Примечай человеколюбие Господа и заметь признательность раба. Господь, явившись ему в предшествовавшее этому время, между прочим, дал ему заповедь об обрезании, а дивный этот муж, всегда готовый исполнять повеления Божии, тотчас, нимало не медля, и сам обрезался, по заповеди Божией, и Измаила обрезал, и всех домочадцев, и тем показал совершенное послушание. Затем Господь опять ему является. Таков Господь наш: как скоро увидит в нас признательность за оказанные от Него благодеяния, то умножает Свои щедроты, и не перестает благодетельствовать, награждая признательность повинующихся Ему. Итак, Авраам повиновался (Богу), и Бог, как сказано, опять явился ему. Вот почему и блаженный Моисей так начал свое повествование: *явися же ему Бог у дуба Мамврийска, седящу*

ему перед дверми сени своея в полудни. Заметь здесь добродетель праведника: *седящу,* сказано, *перед дверми сени.* Так занят был он страннoприимством, что не дозволял никому другому из своих домочадцев созывать странников, но сам, человек уже в преклонных летах и в глубокой старости (так как достиг уже ста лет), имея притом триста восемнадцать домочадцев, — сам сидел у дверей. Так он занят был этим делом, и ни старость не препятствовала ему, ни о своем покое он не заботился, и не возлежал внутри дома на ложе, а сидел у дверей. Между тем, многие другие не только не имеют такого усердия, а напротив, стараются уклоняться от встречи со странниками, чтобы не быть принужденными невольно принять их. Не так поступал праведник: нет, он сидел *перед дверми сени своея в полудни.* И оттого, что он и в полдень занимался гостеприимством, добродетель его еще более получает цены. В самом деле, он знал, что люди, принужденные идти в это время, особенно нуждаются в призрении, а потому это именно время и избирал (Авраам), как самое удобное, и, сидя у дверей, собирал мимоходящих, считая для себя отрадой служить странникам; палимых зноем старался вводить под кров свой, не любопытствуя узнавать что-либо о них, и не разведывая, знакомы они ему, или нет. Действительно страннолюбивому человеку не свойственно разведывать, а свойственно всем прохожим оказывать свое радушие. Когда таким образом распространил он мрежу страннолюбия, то удостоился принять к себе и Господа с ангелами. Потому и Павел сказал: *страннолюбия не забывайте: тем бо не ведяще нецыи странноприяша Ангелы* (Евр. XIII, 2), разумея, очевидно, праотца. Вот почему ж Христос сказал: *иже аще приимет единаго от малых сих во имя Мое, Мене приемлет* (Мф. XVIII, 5). Запомним это, возлюбленные, и намереваясь принять странника, никогда не будем разведывать, кто он и откуда. Если бы и праотец полюбопытствовал узнать об этом, то, может

быть, согрешил бы. Но ты скажешь, что он знал достоинство пришедших. Откуда же это известно? Напротив, если бы в самом деле знал, то чем он заслужил бы удивление? Если бы он любопытствовал узнать их, то не так дивно было бы его странноприимство, как теперь, когда не зная, кто были пришедшие к нему, он с таким усердием и почтением обращался с ними, как раб с господами, обязывая их как узами, своими словами, и умоляя их не отказать ему и тем не лишить его весьма великого одолжения. Он знал, что делал (то есть понимал важность гостеприимства), и потому-то с таким пламенным усердием старался извлечь для себя отсюда всю пользу. Но послушаем слов самого писателя, чтобы увидеть в глубокой старости юношескую бодрость, старца помолодевшего, пришедшего в восторг, и посещение странников считающего приобретением великого сокровища. *Воззрев же,* сказано, *очима, виде, и се трие мужи стояху над ним: и видев притече в сретение им, от дверей сени своея* (ст. 2). Бежит, летит старец: он увидел ловитву, и, не обращая никакого внимания на свои немощи, побежал на лов; не позвал рабов, не приказал слуге, не обнаружил никакой беспечности; нет, он побежал, сам как бы говоря: вот великое сокровище и богатая добыча, и я сам должен приобресть это, чтобы не упустить такой прибыли. И так поступал праведник, предполагая, что принимает (к себе) путников незначительных.

4. Поучимся и станем подражать добродетели праведника. Если мы будем так же поступать, то, конечно, и сами когда-нибудь получим такую же ловитву, а лучше сказать – и всегда можем иметь ее в руках, если захотим. Человеколюбец Господь, (желая), чтобы мы не были медлительны в делах страннолюбия и не разведывали о путниках (кто они и откуда), говорит: *иже аще приимет единаго от малых сих во имя Мое, Мене приемлет.* Итак, не смотри на видимую незначительность путника, и по наружности не унижай его, но подумай, что ты

в нем принимаешь своего Господа. Поэтому, когда ради имени Господа ты окажешь призрение страннику, то получишь такую награду, как если бы принял Самого Господа. И хотя бы тот, кто пользуется твоим гостеприимством, был человек беспечный и ленивый, ты не смотри на это: тебе дана будет полная награда за то, что ты делаешь это ради Господа и подражаешь добродетели праотца. *И видев,* сказано, *притече в сретение им от дверей сени.* Хорошо употреблено здесь и слово *притече,* дабы ты знал, что странники, как незнакомые, шли мимо, и сами собой не подошли бы к куще. Потому-то, чтобы не ушла от него эта духовная ловитва, он, постаревшийся, покрытый сединами столетний старец, подбегает к ним, и бегом выражает свое усердие. *И видев,* сказано, *поклонися до земли, и рече: Господи, аще убо обретох благодать перед тобою, не мини раба твоего. Да принесетея вода, и омыются ноги ваши, и прохладитеся под древом и принесу хлеб, да ясте, и по сем пойдете, егоже ради уклонистеся к рабу вашему* (ст. 3, 4, 5). Много удивительного в этих словах праведника! Не то дивно в его гостеприимстве, что он принимал странников, но то, что он принимал их с такой заботливостью, не обращая внимания ни на свои лета, ни на самих странников (которые, может быть, явились ему юными), и не считал достаточным пригласить их только на словах, но *поклонися,* сказано, *до земли,* как бы умоляя, и выражая усиленную просьбу, дабы не показалось, что он приглашает их просто, из приличия. Потому-то и Божественное Писание, показывая великую и неизреченную добродетель праведника, говорит: *поклонися до земли*, показывая и этим поступком и словами пламенное усердие, глубокое смирение, величайшее страннолюбие, несказанную заботливость. *И поклонившись,* сказано, *рече: Господи, аще убо обретох благодать пред тобою, не мини раба твоего.* Кто может достойно восхвалить этого праведника, или как прославить его, хотя бы даже бесчисленными устами? Сказать:

Господи — это дело обыкновенное; но говорить — *аще убо обретох благодать пред тобой*, это — дивно. Ты, говорит он, мне оказываешь благодеяние, а не принимаешь его от меня. Вот истинное страннолюбие: кто с усердием оказывает его, тот более сам получает, нежели сколько дает (страннику). Но никто из слушающих это не унижай добродетели праведника, предполагая, будто он говорил так потому, что знал, кто были те путники. В таком случае, как я уже много раз говорил, не было бы ничего и великого, если бы он говорил таким образом, зная путников; но то дивно и необычайно, что он говорит такие слова, обращаясь с ними, как с людьми. Не удивляйся и тому, что праведник, принимая трех странников, говорит: *Господи*, обращаясь как бы к одному. Может быть, один из пришедших казался важнее других; к нему поэтому и обращает праведник (свою) просьбу. Но далее он обращает речь свою ко всем вообще, и говорит: *да принесется вода, и да омыются ноги ваши*, и опять: *прохладитеся под древом, и да ясте хлеб, и по сем пойдете в путь, егоже ради уклонитеся к рабу вашему*. Видишь, как он, не зная, кто эти путники, и разговаривая с ними, как с обыкновенными людьми, делает им всем общее приглашение, неоднократно называя себя рабом их? И смотри, как он наперед уже говорит о скудости, а лучше сказать — о богатстве своей трапезы: *да принесется*, говорит, *вода, и да омыются ноги ваши и прохладитеся под древом*. Так как, говорит, вы утомились и много потерпели от зноя, то прошу вас не пройти мимо раба вашего. Не много я могу предложить вам. Я могу только доставить вам воду для омовения, и потом отдохновение от усталости под деревом. Также он дает понятие и о своей трапезе. Не думайте, что я предложу вам что-нибудь роскошное, множество лакомств, или разнообразные яства: вы будете есть хлеб, *и паки пойдете в путь, егоже уклонистеся к рабу вашему*.

5. Видишь ли, как он употребляет различные средства, чтобы убедить путников и завлечь их к себе: и поклоны, и слова, и все способы. Сперва, говорится, он поклонился; потом называет их господами, а себя самого рабом; затем говорит, какое им будет от него угощение, скромно отзываясь о том, и показывая, что не будет ничего важного. Я могу, говорит он, доставить вам простую воду для омовения ног, и хлеб, и тень под дубом. Не пренебрегите же моей кущей, и не презрите моей старости, не отриньте моей просьбы. Я знаю, какой вы понесли труд, представляю себе пламень зноя; поэтому желаю, чтобы вы немного отдохнули. Какой чадолюбивый отец показал бы столько усердия к своим детям, сколько праотец показал людям неизвестным, странникам, дотоле совершенно ему незнакомым? Но так как он обратился к ним с большим усердием и настоянием, то и получил добычу, захватив лов в свои сети. *И рекоша*, сказано: сотворим *тако, якоже рекл еси* (ст. 5). Оживился старец; сокровище, говорит он, у меня в руках; я получил богатство; теперь забуду и свою старость. И смотри, с каким восторгом он принимается за дело, как ликует от радости и восхищается, как будто несет в руках бесчисленные сокровища. *И потщася*, сказано, *Авраам в сень* (ст. 6). Как в то время, когда устремлялся он на ловитву их, Божественное Писание указало на его поспешность и пламенную ревность, сказав: *притече в сретение им*, так и теперь, когда он увидел этих мужей, и достиг того, чего желал, и теперь не оставляет своего усердия, но показывает еще более горячую любовь, и не стал беспечнее оттого, что получил желаемое. Между тем с нами часто случается, что в начале мы иногда показываем много заботливости, а когда войдем в самое дело, то уже не столько прилагаем труда, как прежде. Не так поступил праведник, а как? Опять спешит старец, и, торопливо вбежав в кущу к Сарре, говорит ей: *ускори, и смеси три меры муки чисты* (ст. 6).

Смотри, как он и Сарру делает общницей той же ловитвы, и как научает ее ревновать своей добродетели! Он и ее побуждал немедля приступить к делу: *ускори*, говорит; мы получили великую прибыль; не потеряем же сокровища, но *ускори, и смеси три меры муки чисты*. Зная важность такого доброго дела (гостеприимства), он восхотел принять участницей наград и воздаяний и ту, которая была союзницей его жизни. Иначе, скажи мне, почему он приказал это не рабыне какой-нибудь, а жене своей престарелой? (Ведь ей было уже девяносто лет). И Сарра не отказывается исполнить приказание, но и сама прилагает равное усердие. Да слышат это мужья, да слышат и жены! Мужья – чтобы таким же образом научали своих сожительниц, не через рабов делать, когда в деле представляется какая-либо духовная польза, а все (что нужно) делать самим; жены – чтобы спешили принимать участие в добрых делах своих мужей, чтобы не стыдились страннолюбия, и услужения странникам, а подражали бы Сарре, старице, которая в таких преклонных летах приняла на себя этот труд, и исполняла обязанности рабынь.

Знаю, однако, что наших слов никто не примет. Ныне у нас все идут совершенно иным путем; в женщинах господствует изнеженность, заботливость о нарядах, о золотых уборах, и вообще о внешнем украшении, а о душе нет никакой заботы. Их не убеждает и Павел, когда возглашает: *не в плетениих влас, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными* (Тим. II, 9). Смотри, как эта душа, достигавшая неба, не считала для себя стыдом нисходить в своем слове даже до таких предметов, и увещевать касательно плетения волос. И справедливо, потому что у него все попечение было об исправлении душ. Так как он видел, что такая заботливость о внешности делает великий вред душе, то не отказался сказать все, что только нужно для страждущих этим недугом. Если же ты, говорит он, хочешь украшаться,

украшайся истинным украшением, которое прилично благочестивым женам: украшайся добрыми делами. Вот украшение души, которое не подлежит никакому осуждению от посторонних людей, и никто не может похитить этого украшения: оно навсегда остается без повреждения. От наружных украшений происходит бесчисленное зло: не говорю уже о вреде душевном, о рождающемся отсюда тщеславии, презрении к ближним, надменности духа, растлении души, увлечении недозволенными удовольствиями; говорю только, что это украшение легко может быть потеряно, и от злобы рабов, и от нападения воров, и от наветов клеветников; и можно указать бесчисленное множество происходящих отсюда зол и беспрерывных скорбей. Не такова была Сарра: она стяжала истинное украшение, и была достойна праотца, и как он спешил и бежал в кущу, так и она с тщанием исполнила его приказание, и растворила три меры чистой муки. Так как пришли к нему три странника, то он и приказал растворить три меры, чтобы скорее готовы были хлебы. И, так распорядившись, он опять сам *тече ко кравам* (ст. 7). О, старческая юность! О, сила душевная! Бежит *ко кравам,* а не позволяет идти туда рабам, во всем показывая пришельцам, каким удовольствием исполняло его посещение их, и как высоко ценит он присутствие их (в своей куще), почитая это сокровищем для себя. *И взя,* сказано, *тельца млада и добра* (ст. 7). Он сам выбрал животное, и, взяв самое лучшее из всех бывших у него, отдает рабу, побуждая и его не медлить, но употребить все тщание.

6. Смотри, как все делается со скоростью, с пламенным усердием, с радушием, с радостью и с большим удовольствием. *И ускори,* сказано, раб *приготовити сие* (ст. 8). Но и после этого не успокаивается старец, но опять становится в ряд слуг. *И взяв масло и млеко и тельца, егоже приготова, предложи им* (ст. 8). Сам все делает и предлагает. Он даже не признал себя достойным сесть

вместе с ними, но, когда они ели, он стоял перед ними под деревом. Какое величие страннолюбия! Какая глубина смиренномудрия! Какая возвышенность боголюбивой души! Когда они ели, этот столетний человек стоял перед ними. Мне кажется, что от великой радости и радушия он стал тогда выше своей немощи и как бы получил новые силы. Действительно, часто бывает так, что пламенная ревность души, когда усиливается, побеждает немощь тела. Итак, праотец стоял, как раб, считая для себя величайшей честью, что удостоился послужить посетителям и успокоить их после трудного пути. Видишь ли, как велико было страннолюбие праведника? Не на то только смотри, что он предложил хлебы и тельца, но размысли о том, с каким почтением, с каким смирением исполнял он обязанность гостеприимства, не так как многие другие, которые, хотя и сделают иногда что-нибудь подобное, но тщеславятся перед своими посетителями, а часто и презирают их из-за оказанной им услуги. Это подобно тому, как если бы кто собрал богатство, и имел его уже в руках, а потом вдруг все собранное выбросил из рук. Тот, кто делает что-нибудь с надменностью, и поступает так, как будто он более дает, чем принимает — тот не знает, что делает, а потому и теряет награду за такое дело. Но этот праведник знал, что делал, а потому во всем, что делал, показывал духовную ревность. И так как он сеял дела страннолюбия в обилии и с большим радушием, то вскоре обильной рукой собрал и снопы. Когда он исполнил все, что от него зависело, не пропустив ничего, когда дело страннолюбия окончилось, и обнаружилась вполне добродетель праведника, тогда, чтобы праведник узнал, кого он принял к себе, и какие великие блага приобрел себе своим страннолюбием, пришедший (странник) наконец открывает себя, и мало-помалу показывает праведнику величие своего могущества. Увидев, что он (Авраам) стоит у дуба, и стоянием оказывает

(странникам) особенную честь и готовность к услугам, странник говорит ему: *где Сарра жена твоя* (ст. 9)? И такой вопрос тотчас дал ему разуметь, что пришедший не был какой-нибудь обыкновенный человек, когда знал имя его жены. А он отвечает: *се в сени* (ст. 9). И так как пришедший, как Бог, хотел обетовать ему нечто вышеестественное, то, самым названием Сарры по имени, Он показывал, что вошедший в кущу его выше человека. *Возвращаяся бо,* сказал Он, *прииду к тебе во время сие в часы, и* будет иметь *сына Сарра жена твоя* (ст. 10). Вот плоды страннолюбия, вот награда усиленной ревности, вот воздаяние трудов Сарры! *Она же,* сказано, *услыша перед дверми сени* стоя позади. И услышав это, *разсмеяся в себе, глаголющи: не у было ми убо доселе, господин же мой стар* (ст. 12). Чтоб оправдать Сарру, Божественное Писание предварительно заметило, что Авраам и Сарра *заматоревшая беста во днех своих* (ст. 11); и еще не остановившись на этом, Писание говорит далее: *и престаша Сарре бывати женская* (там же). Иссох, говорит оно, источник, потемнело око, самый организм поврежден. Обращая на это свое внимание, Сарра размышляла сама в себе и о своих преклонных летах, и о старости праотца. Но в то время, как она размышляла так в куще, Ведущий сокровенные помышления, желая показать и величие силы Своей, и то, что ничто сокровенное не утаится от Него, говорит Аврааму: *что яко рассмеяся Сарра в себе глаголющи: еда истинно рожду, аз же состарехся* (ст. 13). Действительно, она так в себе помышляла. Но *еда,* говорит, *изнеможет у Бога слово* (ст. 14)? Таким образом вот Он (пришедший) явно открыл себя. Или вы не знаете, говорит Он, что я, как Господь естества, могу все, что восхощу, и омертвелые ложесна могу оживотворить и сделать их способными (к деторождению)? Ужели, говорит, есть что-нибудь невозможное для Бога? Не Я ли все творю и преобразую? Не Я ли имею власть жизни и смерти? *Еда изнеможет у Бога всяк глагол*

(Лк. I, 37)? Не прежде ли еще Я обещал это, и может ли слово Мое не исполниться? Слушай же: *во время возвращуся к тебе в часы, и будет Сарре сын.* Когда, говорит, я возвращусь в это же самое время, тогда Сарра на самом деле узнает, что ни старость, ни неплодство ее не будут препятствием (к рождению сына); но слово Мое будет непреложно и действительно; рождение сына покажет ей силу Моего слова. Сарра, услышав, что не скрылись от Посетителя и мысли ее, *отречеся глаголющи: не рассмеяхся* (ст. 15). Страх смутил ее ум. Писание, все приписывая ее немощи, говорит: *убояся бо* (там же). Но патриарх говорит ей: *ни, но разсмеялася еси* (там же). Хотя ты, говорит, помыслила об этом только в своем уме, и тайно посмеялась, не думай однако, что можешь скрыться от всемогущества Пришедшего; не отрицайся от того, что было, и не прилагай греха ко греху; мы получим ныне великие блага; а всему этому причиной — наше странноприимство.

7. Будем все подражать ему, и позаботимся побольше о страннолюбии, не для того, чтобы получить в воздаяние только эти скоротечные и тленные блага, но чтобы приготовить себе и в будущей жизни наслаждение бессмертными благами. Если будем так делать, то и мы удостоимся принять здесь Христа, и Он Сам примет нас в обителях, уготованных любящим Его, а мы услышим от Него: *приидите, благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира.* Почему и за что? *Взалкахся бо, и дасте ми ясти, возжадахся, и напоисте мя, странен бех, и введосте мене, в темнице, и посетисте Мене* (Мф. XXV, 34–36). Что может быть легче этого? Но он не повелевает нам с любопытством расспрашивать и разведывать о тех, кому намереваемся оказать свои услуги. Ты, говорит он, делай свое дело, хотя бы странник был и беден, хотя бы по наружности казался человеком презренным, потому что то, что делается для них, усвояю Я себе. Почему и присовокуп-

ляет: *понеже сотворите единому братий моих менших, Мне сотвористе* (Мф. XXV, 40). Итак, не будем пренебрегать столь великой пользой, происходящей от страннопри-имства, но постараемся каждый день производить эту прекрасную куплю, зная, что Господь наш требует он нас избытка усердия, а не множества яств, не трапезы роскошной, но сердца радушного, услуг не на одних только словах, но и любви, происходящей от сердца и чистого намерения. Поэтому, и мудрый сказал: *лучше слово, нежели даяние* (Сир. XVIII, 16). Часто ведь усердное слово утешает нуждающегося больше, чем подаяние. Итак, зная это, никогда не будем негодовать на приходящих к нам; но если можем помочь их нужде, то сделаем это с радостью и радушием, так, как бы больше сами получали от них, чем подавали им. Если же мы не в состоянии помочь им, не будем, по крайней мере, грубо обращаться с ними, окажем им услугу хотя словом, и будем говорить им с кротостью. И для чего обращаться с ним грубо? Разве он принуждает тебя? Разве насильно заставляет делать что-нибудь? Он просит, кланяется, умоляет; а поступающий таким образом не жестокости заслуживает. И что я говорю: просит и умоляет? Он высказывает нам тысячи разных благожеланий, и все это делает ради одного овола. А мы и того ему не хотим дать. И можем ли получить за это прощение (от Бога)? Какое будем иметь оправдание, когда сами каждый день готовим для себя богатую трапезу, часто превосходящую меру нужного, а им (бедным) не хотим дать и малости, и это тогда, как могли бы получить таким образом в будущем бесчисленные блага? О, как велика наша беспечность! Сколько мы от нее теряем пользы для себя! Сколько прибыли упускаем из своих рук! Мы удаляем от себя данное нам от Бога средство к своему спасению, и не помышляем, не воображаем ни малости наших подаяний, ни великих наград за них, а все запираем в сундуки и предоставляем

ржавчине поедать наше золото, или — лучше сказать — бережем его для воров; разнообразные одежды оставляем на порчу от моли, и не хотим распорядиться, как следует, тем, что лежит у нас без пользы, — так, чтобы оно опять сбереглось для нас, и чтобы мы могли через это удостоиться неизреченных благ. Но да сможем получить их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLII

Воставше же* мужие, воззреша на лице Содома и Гоморра (Быт. XVIII, 16)

1. Во вчерашнем чтении мы видели, возлюбленные, великое гостеприимство праведника; сегодня, продолжая далее, узнаем опять о силе любви и сострадательности праотца. Всякая добродетель достигала у этого праведника высшего совершенства; он был не только любвеобилен, не только страннолюбив и сострадателен, но и все другие добродетели являл в себе с избытком. Нужно ли тебе представить пример терпения? Ты найдешь, что он достиг здесь крайней высоты. Или (пример) смирения? Опять увидишь, что и здесь он ни от кого не отстает, но скорее всех превосходит. Нужно ли показать веру? И в этом отношении он опять прославился более, чем кто-либо другой. Его душа в живых образах представляет в себе различные виды добродетели. Какое же найдем мы для себя оправдание, когда

* Читаемое во всех греческих списках *оттуду* опущено у Златоуста потому, что это речение, указывавшее на место богоявления, без особого объяснения было бы непонятно в тексте, которым начинал святитель свою беседу.

один (этот) человек имеет в себе все добродетели, а мы — так пусты сами в себе, что не заботимся ни об одной? Ведь мы бедны добрыми делами не оттого, что не можем, а оттого, что не хотим (делать добро); и ясным этому доказательством служит то, что много из подобных нам по природе людей сияют добродетелями. Да и то самое, что праотец, живший и прежде благодати и прежде закона, сам собой, при помощи одного естественного разума, достиг такой степени добродетели, — это самое лишает нас всякого извинения. Правда, может быть, кто-нибудь скажет, что этот муж пользовался особенным попечением от Бога, и что Господь всяческих являл о нем дивное промышление? Действительно так; и я это признаю. Но если бы со своей стороны он сам предварительно не сделал того, что от него зависело, то не мог бы и от Господа пользоваться таким попечением. Итак, не смотри на это одно (Авраам видел над собой такой дивный промысл Божий), но, в каждом обстоятельстве его жизни, обрати внимание на то, как предварительно сам праотец во всем проявлял собственную добродетель, и затем уже удостаивался благоволения и помощи от Бога. На это я не раз обращал ваше внимание. Так, при переселении его из отечественной земли, не получив от предков никаких семян благочестия, он сам собой показал в себе великую любовь к Богу. И затем, лишь только переселившись из Халдеи и тотчас получив повеление идти из своей земли в чужую, он не поколебался, не стал отлагать (до другого времени), но немедленно исполнил повеление, и не зная даже того, где окончится его странствование, стремился к неизвестному, как к известному, почитая выше всего повеление Божие. Видишь, как с самого начала он сам первый делал с своей стороны то, что было должно, и затем уже следовало каждый раз обильное воздаяние благ от Бога. Таким же образом и мы, возлюбленные, если хотим пользоваться

благоволением свыше, поревнуем праотцу и не будем уклоняться от добродетели, но, усвояя себе каждую из добродетелей, будем подвизаться в ней с таким усердием, чтобы недремлющее свыше Око преклонить к воздаянию награды. А Ведающий сокровенные помышления наши, как скоро видит, что мы являем в себе здравый ум, и усердно подвизаемся в добродетели, немедленно и от Себя подает помощь, облегчая для нас труды, укрепляя немощь нашего естества и подавая нам щедрые награды. Ничего подобного ты не найдешь на олимпийских состязаниях. Там учитель борьбы стоит, оставаясь только зрителем борцов, и ничего другого не может сделать, а только выжидает, на чьей стороне будет победа. Не так – Господь наш: Он Сам помогает нам, и руку Свою простирает, и с нами вместе борется, и как бы Сам, со всех сторон одолевая противника, предает его в наши руки, все делает и устрояет так, чтобы мы могли устоять в борьбе, и одержать победу, а Он – возложить на главу нашу неувядаемый венец. *Венец бо благодатей,* сказано, *приимеши на твоем версе* (Притч. I, 9). Венец, получаемый после победы на олимпийских состязаниях, состоял не в ином чем, как в лавровых листьях, рукоплесканиях и народных кликах, и все это, с наступлением вечера, увядало и погибало. А венец за добродетель и труды ради ее не есть чувственный, не разрушается, как все прочее, в этом мире; это – венец неизменный, бессмертный, пребывающий во все века. Труд – только на короткое время, а воздаяние за труды не имеет конца, не уступает силе времени, не увядает. И чтобы вам убедиться в этом, вот посмотрите: сколько лет и сколько поколений прошло с того времени, как жил праотец (Авраам), и однако венцы его за добродетель блистают так, как будто только вчера, или сегодня начали блистать, и до конца мира он будет служить к назиданию всех благочестивых людей.

2. Итак, имея в лице патриарха такой пример добродетели, будем подражать ему. Вспомним наконец, хотя поздно, свое достоинство и, подражая праотцу, подумаем о своем спасении, приложим всякое старание, чтобы не тело только наше было здорово, но чтобы и душа исцелилась от разнообразных ее недугов. И недуги души нам еще удобнее уврачевать, чем болезни тела, если только мы захотим быть воздержными и бодрствовать. Так, если нас возмущает какая-нибудь страсть, но мы благочестивым умом представим себе будущий день страшного суда, и будем иметь в виду не настоящие удовольствия, но последующие за ними мучения, то страсть тотчас отступит от нашей души и оставит ее. Не будем же беспечны, но, зная, что нам предстоит подвиг и борьба, и что нам нужно быть готовыми на брань, постоянно будем сохранять свой дух крепким и бодрым, чтобы, пользуясь помощью свыше, могли мы стереть главу лукавого зверя, то есть, я разумею, – наветника против нашего спасения. Сам Господь обещал нам это, говоря: *се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию* (Лк. X, 19). Итак, умоляю, будем бодрствовать, чтобы, шествуя в добродетели по следам этого праотца, могли мы удостоиться таких же, как он, венцов, упокоиться в лоне его, и, избегнув вечного огня, удостоиться будущих неизреченных благ. А чтобы придать вам больше ревности и возбудить вас к подражанию этому праведнику, начнем опять беседу к вашей любви о событиях его жизни, какие следуют по порядку. Итак, после того щедрого гостеприимства, ценного не по качеству или количеству яств, но по усердию, Господь, приняв с благоволением радушие праведника, тотчас и воздал ему за страннолюбие. Между тем праотец узнал, Кто был Пришедший и каково Его могущество и, когда странники вознамерились устремиться оттуда на разрушение Содома, последовал за ними, *провождая их*, как сказано (ст. 16).

Посмотри теперь, как человеколюбив Господь, какое Он делает снисхождение праведнику, оказывая ему честь и вместе с тем желая обнаружить всю добродетель, сокрытую в душе его. *Воставше же,* сказано, *мужие, воззреша на лице Содома и Гоморра* (ст. 16). Это сказано об ангелах, потому что здесь, в куще Авраама, явились вместе и ангелы и Господь их. Но потом ангелы, как служители, посланы были на погубление тех городов, а Господь остался беседовать с праведником, как друг беседует с другом, о том, что намерен был сделать. Итак, когда ангелы ушли, *рече* (сказано в Писании) *Господь: не утаю от Авраама, раба моего, яже Аз творю* (ст. 17). Какое великое снисхождение Божие, и как эта почесть, оказанная праведнику, превосходит всякое слово! Смотри, как Он беседует с праведником точно как человек с подобным себе человеком, показывая нам этим, какой чести удостаиваются от Бога люди добродетельные. А чтобы ты не подумал, что столь великая почесть праведнику есть дело единственно благости Божией, смотри, как Божественное Писание научает нас, что праведник и сам собой заслужил такую честь, с полным послушанием исполняя повеления Божии. Именно, Господь, сказав: *не утаю от Авраама, раба моего, яже Аз творю,* не тотчас однако говорит о том, что имело быть; иначе следовало бы Ему прибавить и сказать, что Он намерен предать огню Содом. Впрочем, нужно обратить внимание еще и вот на что (потому что не надобно оставлять без внимания ни одного слова, ни одной черты во всем том, что заключается в Божественном Писании): сколько, думаешь, почести в этих самых словах: *Авраама раба моего?* Какая любовь, какое благоволение! В этих-то особенно словах оказывается все преимущество и вся честь праведника. Потом (как я уже упомянул), сказав: *не утаю,* не тотчас прибавляет и говорит, что будет, а что? Чтобы мы знали, что не без причины и не напрасно Он показывает столь великое попечение

о праотце, Господь говорит: *Авраам же бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии: вем бо, яко заповесть сыном своим, и дому своему по себе, и сохранят пути Господа Бога, творити правду и суд, яко да наведет Господь на Авраама вся, елика глагола к нему* (ст. 18 и 19). О, как велико человеколюбие Господа! Так как после этого Он намерен был сказать и о разрушении Содома, то предварительно ободряет праотца, возвещая ему величайшее благословение, то есть что он *будет в язык велик,* а вместе с тем показывает ему, что такую награду получит он за свое боголюбивое сердце. Подумай же, какова добродетель праотца, когда сам Бог говорит: *вем бо, яко заповесть сыном своим, и сохранят пути Господни.* Вот великое воздаяние за добродетель! Не за то только получает праотец награды, что Сам подвизался в добродетели, но удостаивается щедрого воздаяния и за то, что заповедал те же добродетели своим потомкам. Таким образом он и на будущее время для всех сделался наставником, потому что кто первый полагает начало и начинает дело, тот будет виновником и того, что впоследствии произойдет от этого дела.

3. Видишь благость Господа! Он награждает праведника не только за добродетели, уже совершенные, но и за ожидаемые еще в будущем. *Вем бо*, говорит, *яко заповесть сыном своим.* Я, говорит, наперед знаю намерения этого праведника и предупреждаю его воздаянием. Так Господь знает и сокровеннейшие наши помышления, и когда видит, что мы желаем должного и показываем в себе здравомыслие, то простирает к нам Свою руку, и награждает нас прежде трудов наших, возбуждая нас этим к большей ревности. И это можно видеть в жизни всех праведников. Зная слабость человеческой природы, Он, чтобы мы не упадали духом в тяжких трудах, часто среди трудов подает нам и помощь, и награды, — и труд наш облегчая, и ревность усиливая. *Вем бо*, говорит, *яко заповесть сыном своим, и сохранят пути Господни.*

Не только о нем предсказывает, что *заповесть,* но и о сынах его, разумея Исаака и Иакова, что *сохранят* пути Господни. *Пути Господни,* то есть повеления, заповеди. *Творити,* говорит, *правду и суд,* то есть ничего не предпочитать правде, быть чуждым всякой неправды. Это есть величайщая добродетель, и за это-то должно было совершиться все, что возвестил ему Господь. Думаю, впрочем, что Он имел в виду и другое нечто, когда говорил: *Авраам же бывая будет в язык велик и мног.* Как бы так сказал Он: ты, возлюбивший добродетель, повинующийся всем Моим повелениям, и оказывающий всякое послушание, ты будешь *в язык велик и мног,* а те беззаконные, живущие в стране Содомской, все истребятся, потому что как добродетель служит средством спасения для тех, которые в ней подвизаются, так порок бывает причиной погибели. Теперь, благословением и похвалами возбудив праведника к большему дерзновению (веры), Бог начинает открывать ему Свои судьбы и говорит: *вопль Содомский и Гоморрский умножися по мне, и греси их велицы зело: сошед убо узрю, аще по воплю их, грядущему ко мне, совершаются, аще же ни, да разумею* (ст. 20 и 21). Страшное изречение! *Вопль,* говорит, *Содомский и Гоморрский.* Хотя вместе с этими городами истреблены были и некоторые другие, но так как эти были славнейшие, то Господь об них в особенности и упомянул. *Умножися ко мне, и греси их велицы зело.* Смотри, как возросло там зло! Великое множество не только вопля, но и неправды, потому что слова: *вопль Содомский и Гоморрский умножися,* означают, я думаю, то, что, вместе с известным несказанным и не заслуживающим никакого прощения беззаконием, они оказывали и многие другие неправды: сильнейшие восстали на слабейших, богатые на бедных. Итак, сказано, не только велик вопль их, но и грехи их не обыкновенные какие-нибудь, но *велицы,* и *велицы зело.* Они выдумали неизвестное дотоле беззаконие, изобрели противоестественное не-

потребное смешение, и были так наклонны к злу, что все были исполнены всякого разврата, и уже не показывали впредь никакой возможности исправления, но должны были подвергнуться совершенному истреблению. Страсти их, сделавшись неисцельными, уже не принимали никакого врачевства. Однако, вразумляя весь род человеческий, что хотя бы грехи чьи-либо были и весьма велики и известны, но не надобно произносить над ними приговора прежде, нежели представятся очевидные доказательства, — (Господь) говорит: *сошед узрю, аще по воплю их, грядущему ко мне, совершаются, аще же ни, да разумею.* Что это за приспособление в словах? *Сошед*, говорит, *узрю.* Неужели Бог всяческих переходит с места на место? Нет, да не будет! Не то Он выражает, но, как я уже часто говорил, чувственным образом выражения Он хочет вразумить нас, что надобно иметь великую осторожность, и согрешивших не осуждать только по слуху, не произносить без доказательств приговора. Да слышим это все: ведь не одни только восседающие на судилищах обязаны соблюдать этот закон, но и каждый из нас никогда не должен по одному пустому навету осуждать ближнего. Потому, впоследствии, и блаженный Моисей, вдохновляемый Духом Святым, увещевал, говоря: *слуха суетна да не приимеши* (Исх. XXIII, 1). И блаженный Павел в послании взывал: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? И Христос, давая заповеди ученикам Своим, и поучая народ иудейский, книжников и фарисеев, говорил: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1). Для чего, говорит Он, прежде времени похищаешь достоинство судьи? Для чего предупреждаешь тот (будущий) страшный день? Судьей хочешь быть? Будь судьей над самим собой, и над своими прегрешениями. В этом тебе никто не препятствует, — а между тем ты и грехи свои таким образом исправишь, и не потерпишь от этого никакого вреда. Если же, забывая о себе, ты восседаешь как судья над другими,

то нечувствительно собираешь сам себе только большее бремя грехов. Так и мы, умоляю вас, будем всячески избегать осуждения ближних. Хотя ты и не имеешь судебной власти, а осуждаешь только мыслью, тем не менее делаешься виновным во грехе, когда, не имея никаких доказательств, осуждаешь, как часто случается, по одному подозрению и пустой клевете. Потому-то и блаженный Давид восклицал: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях* (Пс. С, 5).

4. Видишь превосходство добродетели? Не только не принимал Давид того, что наговаривали ему на других, но и отгонял хотевшего клеветать на брата. Итак, если и мы хотим уменьшить свои грехопадения, будем всего более заботиться о том, чтобы не осуждать братий наших, а вымышляющих клевету на них не допускать к себе, или – еще лучше – отгонять их от себя, по примеру пророка, и совершенно от них отвращаться. Это же, думаю, выражает и пророк Моисей, словами: *слуха суетна да не приимеши*. Потому-то и в настоящем случае к пользе душ наших Господь всяческих употребил такой чувственный образ выражения и сказал: *сошед узрю*. Как же иначе? Ужели Он не ведал? Ужели не знал всего множества грехов? Ужели не разумел совершенной неисправимости впавших в грехи? Но Он показывал такое долготерпение, как бы оправдываясь заранее перед теми, которые после захотели бы бесстыдно обвинять Его, (в недостатке долготерпения и правосудия) обличая их легкомыслие и великую скудость в добродетели. А может быть, не для того только (Он поступил так), но и для того еще, чтобы дать праведнику случай показать сострадательность и силу любви (к ближним) в душе его. Итак, ангелы, как прежде сказано, отправились в Содом, а праотец стоял перед Господом (ст. 22). *И приближився*, сказано, *Авраам рече: погубиши ли праведнаго с нечестивым, и будет праведник, яко нечестивый* (ст. 23)? О, дерзновение праведника! Или – лучше – о, сostра-

дательность души! Он, в избытке сострадательности, даже как бы сам не разумеет, что говорит. И Божественное Писание, показывая, что он употребляет ходатайство свое с великим страхом и трепетом, говорит: *приближився Авраам рече: погубиши ли праведнаго с нечестивым?* Что ты делаешь, блаженный праотец? Разве Господь имеет нужду в твоем ходатайстве, чтобы не сделать этого? Но не будем так думать. И на самом деле Авраам не говорит так, как будто бы Господь действительно хотел это сделать; но не дерзая прямо говорить о своем племяннике, он приносит общую мольбу за всех, желая с прочими и его спасти, а с ним и других избавить (от погибели). И вот он начинает ходатайствовать, и говорит: *аще будут пятдесят праведницы во граде, погубиши ли я? Не пощадиши ли всего места пятидесяти ради праведных, аще будут в нем? Никако же сотвориши* глагола сего, *еже убити праведника с нечестивым, и будет праведник, яко нечестивый: никакоже: судяй всей земли, не сотвориши ли суда* (ст. 24 и 25)? Смотри, как и в самом ходатайстве своем он высказывает свой благочестивый дух, исповедует Бога Судьей всей земли и признает справедливым, что праведный не должен гибнуть вместе с нечестивым. И благосердный и человеколюбивый Бог склоняется на его моление и говорит: сделаю так, как ты говоришь, и принимаю твое ходатайство: *аще* обрящутся *пятдесят праведницы во граде*, ради их *оставлю все место* (ст. 26). Пятидесяти, говорит, праведникам, если найдутся, дарую спасение прочих, и прошение твое исполню. Тогда праведник, почувствовав смелость и пользуясь человеколюбием Божиим, идет дальше в своей просьбе и говорит: *ныне начах глаголати ко Господу моему: аз же есмь земля и пепел* (ст. 28). Не суди меня, Господи, говорит он, так, как будто бы я не знаю самого себя, и преступаю границы, позволяя себе столь великое дерзновение: я знаю, что земля есмь и пепел. Но как это я знаю и ясно разумею, так небезызвестно мне и то, что велико Твое человеколюбие, что Ты богат милостью и

хочешь всем человеком спастися. Сотворив (людей) из небытия, ужели Ты захотел бы когда-нибудь погубить их, уже сущих, если бы не велико было множество грехов их? Поэтому опять прошу и молю: *аще умалятся пятдесят праведницы в четыредесять пять, погубиши ли четыредесяти пятих ради весь град? И рече:* аще обрящутся четыредесять пять, не погублю (ст. 28.). Кто по достоянию восхвалит Бога всяческих за такое долготерпение и снихосхождение, или кто довольно ублажит праведника, получившего такое дерзновение? *И приложи,* сказано, *еще глаголати, и рече: аще же обрящутся тамо четыредесять? И рече: не погублю ради четыредесяти* (ст. 29). Потом, как бы страшась далее испытывать неизреченное долготерпение Божие и опасась, чтобы не показаться уже преступающим границы, и не зайти со своим ходатайством далее надлежащего, говорит: *что Господи, аще возглаголю: аще обрящутся тамо тридесять* (ст. 30)? Так как он видел, что Бог преклоняется к милосердию, то уже не понемногу стал уменьшать, и убавив еще не на пять, а на десять, число праведных, продолжает таким образом свое ходатайство и говорит: *аще обрящутся тамо тридесять? И рече: не погублю,* аще обрящу тамо тридесять (там же). Смотри, какая настойчивость в праведнике! Он так усердно заботится о том, чтобы избавить народ содомский от угрожающей ему казни, как будто сам должен был подвергнуться такому же осуждению. *И рече: понеже имам глаголати ко Господу: аще же обрящутся тамо двадесять? И рече: не погублю* ради двадесяти (ст. 31). Выше всякого слова и всякого ума такая благость Господа! Разве кто из нас, живущих среди бесчисленных зол, произнося суд над подобными себе людьми, показал бы такое снисхождение и человеколюбие?

5. Но праведник этот, видя такое богатство человеколюбия Божия, еще не останавливается, а говорит опять: *что Господи, аще возглаголю еще единою* (ст. 32)? Испытав неизреченное долготерпение Божие и опасаясь, как бы далее уже не подвигнуть на гнев против себя

Того, перед Кем ходатайствовал за других, праотец говорит: *что Господи?* Не безрассудно ли я поступаю? Не показываю ли чего бесстыдного? Не сделаю ли дела, достойного осуждения, *аще возглаголю еще единою?* Но по Твоей великой благости прийми от меня еще одно моление: *аще же обрящутся тамо десять? И рече: не погублю десятих ради.* И так как праотец сказал предварительно — *еще единой возглаголю,* то и *отъиде,* сказано, *Господь, яко преста глаголя ко Аврааму, и Авраам возвратися на место свое* (ст. 33). Видите ли все снисхождение Господа? Видите ли горячую любовь праведника? Понимаете ли теперь, какова сила людей, подвизающихся в добродетели? *Аще обрящутся,* говорит (Господь), *десять праведников,* ради их всем дарую прощение грехов. Итак, не правду ли я сказал, что все это происходило с целью — не оставить никакого предлога к нареканию тем, которые стали бы бесстыдно рассуждать (об этих событиях)? Ведь есть много безумцев, имеющих язык необузданный, которые хотят порицать (суд Божий), и говорят: «почему сожжен Содом? Они (жители Содома), может быть, и покаялись бы, если бы им оказано было долготерпение». Поэтому-то Бог и показывает такое умножение зла, и такое оскудение добродетели в таком множестве людей, что нужен был второй такой же потоп, какой прежде покрыл вселенную. Только ввиду обетования Божия, что такое наказание уже не повторится, Бог употребляет теперь другой род казни, вместе и содомлян подвергая наказанию, и всем последующим родам подавая в том всегдашний урок. Они извратили законы естества, вымыслили странное и противозаконное смешение. Поэтому и Бог навел на них необычайный род казни, за беззаконие их и самые недра земли поразив*, и оставив постоянный памятник для последующих поколений, чтобы они не отваживались на

---

* Разумеется бесплодие земли, и мертвенность природы, видимые доселе при берегах Мертвого моря, где Содом и Гоморра находились и потреблены огнем.

подобные дела и той же казни не подвергались. Желающий может посетить эти места, и видеть эту землю, так сказать, вопиющую и являющую на себе следы казни: через столько лет так очевидно открывается на ней гнев (Божий), как будто казнь поразила ее только вчера или сегодня утром. Поэтому, умоляю, вразумимся примером других, видя казнь, их постигшую. Но, может быть, иной скажет: что же это? Если они так наказаны, то разве нет ныне многих, беззаконнующих одинаково с ними, и однако не подвергающихся наказанию? Может быть, но за то еще тем большая казнь ожидает таких беззаконников. Конечно, если мы ни тем, что постигло содомлян, не вразумляемся, ни долготерпения Божия не обращаем в пользу себе, то подумай, во сколько раз сильнее воспламеняем мы сами для себя будущий неугасимый огонь, и сколь лютого готовим себе червя! А с другой стороны, есть и ныне, по благодати Божией, много людей добродетельных, которые, как тогда праотец, могут умилостивлять Господа, и если мы, смотря на самих себя, и видя собственную нашу беспечность, справедливо признаем (в мире) великое оскудение добродетели, то за добродетели этих людей Бог и к прочим показывает долготерпение. А что дерзновение таких людей действительно бывает для нас причиной долготерпения Божия, убедись из того, что в этой самой истории говорит Бог праотцу: *аще обрящу десять праведных, не погублю града.* И что я говорю — десять праведных? В Содоме не нашлось никого свободного от беззакония, кроме одного Лота праведного и двух его дочерей. Жена его, быть может, ради его избежала казни в городе, но за свое нерадение подверглась наказанию впоследствии. Ныне, по неизреченному человеколюбию Божию умножились дела благочестия, и в городах найдется немало людей, могущих умилостивить Бога; другие же скрываются в горах и пещерах. И добродетель этих людей, хотя бы и немногих, может покрыть грехи многих, — потому что велика благость Господа, и Он часто, ради немногих праведных, благово-

лит даровать спасение многим. Но что я говорю — ради немногих праведных? Часто, когда не находит ни одного праведника в настоящей жизни, Он умилостивляется над живущими ради добродетели умерших, и возглашает так: *защищу град сей мене ради, и Давида ради раба моего* (4 Цар. XIX, 34). Хотя они, говорит, и недостойны спасения, и ничем не заслуживают избавления от напасти, но как свойственно Мне оказывать человеколюбие, и как Я всегда готов миловать и избавлять (людей) от бед, то ради Себя Самого и Давида раба Моего сотворю им спасение. Таким образом этот муж (Давид), за столько лет прежде преставившийся из этой жизни, делается виновником спасения для людей, погибавших от собственной беспечности. Видишь ли человеколюбие Господа, как Он чтит мужей, сияющих добродетелью, как предпочитает и противопоставляет их всему множеству прочих людей? Поэтому и Павел сказал: *проидоша в милотех в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин мир* (Евр. XI, 37, 38). Весь этот мир, говорит он, со всей вселенной, не имеет равной цены с теми, которые ради Бога проводят жизнь в скорбях, в озлоблениях, в наготе, в скитальчестве, или в пещерах.

6. Итак, возлюбленный, когда увидишь человека, по наружности одетого в бедную одежду, а внутри облеченного добродетелью, не уничижай его за наружность, но наблюдай душевное его богатство и внутренний свет, и тогда увидишь в нем отовсюду блистающую добродетель. Таков был блаженный Илия: у него была только одна милоть; но в его милоти имел нужду и порфирой облеченный Ахав. Видишь ли отсюда Ахавову бедность и богатство Илии? Смотри же, какое различие и в могуществе их: милоть Илии заключила небо, остановила поток дождей, и одно слово пророка было как бы узами для неба, так что в продолжение трех лет и шести месяцев не было дождя; а облеченный порфирой и диадемой ходил, ища пророка, и не мог получить никакой пользы от своей столь великой власти. Но смотри, как человеко-

любив Господь: как скоро Он увидел, что пророк, подвигнутый ревностью и великим рвением, навел столь великую казнь на всю землю, то, чтобы и сам он не подвергся бедствию от этой казни и не пострадал, подобно нечестивым, говорит ему: востав иди* *в Сарепту Сидонскую,* ибо там повелю *жене вдовице препитати тя.* И востав иде (3 Цар. XVII, 9, 10). Замечай, возлюбленный, благодать Духа. И вчера вся беседа наша ограничилась страннолюбием; вот и сегодня эта страннолюбивая вдова заключит наше слово. И пришел, говорится, к вдовице и нашел ее собирающей дрова и сказал ей: дай мне немного воды *и испию* (ст. 10). Она послушалась. И говорит ей опять: сделай мне опресноки *и ям* (ст. 11). А она затем открывает крайнюю свою бедность, лучше же (сказать) — невыразимое богатство, потому что усиление бедности показало величие богатства. Она сказала: (ничего) нет у рабы твоей, как только *горсть муки и мало елея в чванце; снемы* я и дети *и умрем* (ст. 12). Жалостные слова, способные преклонить и самую каменную душу! Нам не остается уже, говорит она, никакой надежды спасения; смерть при дверях; это только одно (горсть муки и немного елея) и осталось у нас для поддержания жизни; да и то едва ли будет достаточно для меня и для детей моих. Что было возможно, я сделала: воды подала. Но, чтобы мы знали и страннолюбие жены этой, и великую силу (веры) в праведнике, смотри, что случилось. Когда пророк узнал все это, то, чтобы открыть нам добродетель жены (потому что Бог, сказавший, яко *заповедах жене препитати тя,* сам в этом случае действовал через пророка), говорит к ней: *сотвори мне первее; и ям, и тогда чадом твоим* (ст. 13). Слушайте это — вы, жены, окруженные в изобилии богатством: вы истощаете свой избыток на множество вещей бесполезных и, среди всех ваших наслаждений, не хо-

* Событие из истории пророка Илии святитель передает здесь не буквально по тексту книги Царств, а сокращенно, отчасти своими словами, отчасти словами Писания, которые поэтому различены между собой двояким их начертанием.

тите бросить двух оволов нуждающимся, или кому-либо из добродетельных мужей, терпящих бедность ради Бога. А эта жена не имела ничего другого, кроме горсти муки, и ожидала, по своему рассуждению, вскоре видеть смерть своих детей, но услышала от пророка — *мне первее сотвори, и тогда тебе и чадом твоим* — и не огорчилась, не стала медлить, — она тотчас исполнила приказание, научая всех нас предпочитать рабов Божиих собственному успокоению и не оставлять без внимания таких благоприятных случаев, а помнить, что за это будет нам великое воздаяние. Посмотри на эту вдову: она за одну горсть муки и немного елея приобрела себе неистощимую житницу. Ведь, после напитания пророка, ни горсть муки, ни чванец елея не оскудевали у нее, тогда как вся земля гибла от голода. Дивно и поразительно также и то, что она в то время не имела нужды и трудиться, а постоянно имела готовую муку и елей; не нуждалась ни в земледелии, ни в работе волов, и не знала никакой другой заботы; но у ней все очевидно происходило сверхъестественно. И тогда как царь, облеченный диадемой, был в безвыходном положении — под гнетом голода, бедная вдова, сама лишенная всего, стала жить в постоянном изобилии за то, что приняла к себе пророка. Поэтому и Христос сказал: *приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41).Ты видел вчера, каких благ удостоился праотец, показав с великим усердием щедрое гостеприимство. Посмотри и на эту жену сидонскую, которая вдруг приобрела неизреченное богатство, когда слово пророка, державшее во власти своей небо, сделало для нее неистощимыми горсть муки и чванец елея.

7. Будем же подражать ей все мы — и мужи, и жены! Желал бы я возбудить вас к подражанию ревности и добродетели пророка; но это вам покажется выше сил ваших, хотя и он был человек, облеченный подобно нам плотью, и имел одинаковую с нами природу; а удостоился благодати свыше за то, что все, от него зависевшее,

сделал с избытком, и (более всего) возлюбил добродетель. Итак, будем сначала подражать, по крайней мере, этой жене (сарептской); а потом мало-помалу дойдем и до подражания пророку. Будем подражать ее страннолюбию, и никто не ссылайся на свою бедность. Как бы ни был кто беден, не может быть беднее этой жены: она имела пищи только на один день, но и в таком состоянии не усомнилась исполнить просьбу праведника, а показала великое усердие, и за то получила скорую награду. Таковы-то дела Божии: за малое Бог обыкновенно дарует многое. Скажи, пожалуй, что она, и на столько ли пожертвовала, сколько потом получила? Но Господь наш обыкновенно ценит не количество (приносимого), а усердие душевное, при котором и малое становится великим, и наоборот: великое часто уменьшается, когда делается не с радушной готовностью. Таким образом и вдова, упоминаемая в Евангелии, когда многие много полагали в сокровищницу (церковную), положив две лепты, превзошла всех, не потому, чтобы больше других жертвовала, но потому, что показала свое усердие от всей души. Иные, сказано, от избытка своего делали это, а она положила все, что имела. Будем же мы, мужи, подражать по крайней мере женам, и не покажем себя хуже их; будем заботиться не о том только, чтобы все свое достояние тратить на собственные удовольствия, но позаботимся и о призрении нуждающихся, и это будем делать с усердием и удовольствием. Земледелец, бросая в землю семена, делает это не с скорбью, а с радостью и весельем, и с такой уверенностью оставляет в земле свои семена, как будто видит уже самые снопы. Так и ты, возлюбленный, не смотри на то, что получает от тебя бедняк и в какие издержки тебя вводит, но представляй себе, что Иной принимает из твоих рук то, что ты делаешь для бедного, стоящего перед тобой, и этот Иной не простой какой-нибудь человек, но Владыка всяческих, Господь всех, Творец неба и земли. И твои издержки становятся приобретением, и не только не уменьшают

твоего имения, но еще более умножают, если только делаешь ты это с верой и радостным усердием. Скажу о самом высшем благе: кроме других приобретений от таких издержек, подается тебе и отпущение грехов; а что может сравниться с этим благом? Итак, если мы желаем обогатиться истинным богатством, а вместе с богатством получить и прощение грехов, то передадим имущество свое в руки нуждающихся, перешлем его на небо, где ни вор, ни разбойник, ни злодейство раба, ни другое что не в состоянии повредить нашему богатству. Страна та выше всякого подобного зла. Только будем делать это не из тщеславия, но по заповедям Божиим, стараясь не от людей приобретать похвалу, а от общего всех Господа; иначе и издержки понесем, и приобретения лишимся, потому что богатство, переносимое на небо руками бедных, делаясь недоступным для всех других заветов, может быть погублено одним тщеславием. Как здесь моль и червь вредят одежде, так богатству, собранному на небе милостыней, вредит тщеславие. Потому и умоляю: не только будем творить милостыню, но и с осторожностью будем творить ее, чтобы за малое получить великие блага, за тленное – нетленное, за временное – вечное, и чтобы кроме всего этого возмогли мы получить и отпущение грехов, и вечные неизреченные блага, которые да сподобимся наследовать все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIII

Приидоста же два ангела в Содом в вечер (Быт. XIX, 1)

1. Как цветущий луг представляет взорам на себе различные и разнообразные цветы, так Божественное Писание показывает нам добродетели праведных, – не

для того однако, чтобы мы только мимоходом наслаждались благоуханием их, как (наслаждаемся) благоуханием цветов, но для того, чтобы мы постоянно собирали отсюда плоды в свою пользу. Там, лишь только возьмем цветы в руки, они вскоре увядают и теряют свою приятность. А здесь не так: воспринимая слухом добродетели праведных и слагая их в глубине нашего сердца, – мы во всякое время можем, если захотим, наслаждаться их благоуханием. Итак, если таково благоухание (добродетелей) святых, изображаемых в Божественном Писании, то испытаем сегодня благоухание добродетелей Лота, чтобы в точности узнать, как общение с праотцем (Авраамом) возвело этого праведника на крайнюю высоту добродетели, и как (идя) по следам праотца, он сам показывает свое страннолюбие на деле. Но чтобы слово наше было яснее, лучше выслушать самые слова Писания: *приидоста же,* говорит оно, *два ангела в Содом в вечер*. Почему Писание так начинает: *приидоста же два ангела в Содом в вечер?* – После того, как (ангелы) были приняты праотцом и пошли от него, благопопечительный и человеколюбивый Господь, по свойственной Ему благости явившийся тогда в образе человека, остался беседовать с праотцом, как вы вчера слышали, желая всех нас научить о Своем крайнем долготерпении и о пламенной любви праотца. Между тем ангелы устремились к Содому. Итак, Божественное Писание, соблюдая порядок повествования, теперь говорит: *приидоста же два ангела в Содом в вечер* с тем, чтобы исполнить повеление (Божие). Заметь же точность и осмотрительность Божественного Писания, как оно означает нам и самое время, в которое (ангелы) пришли; оно говорит, (что это было) *вечером.* Для чего же обозначено время? И для чего именно они пришли вечером? Для того, чтобы показать нам, как велико было страннолюбие Лота. Как праотец в полуденное время сидя, (у дверей палатки), наблюдал проходящих, так сказать ловил их, подбегал на встречу к путникам и

с великой радостью принимал их, — так и праведный Лот, зная крайнее развращение жителей содомских, не упускал и вечернего времени, а ждал даже до этого времени, не встретится ли ему какое-нибудь сокровище, и нельзя ли ему будет пожать плоды страннолюбия. Поистине, надобно удивляться величию добродетели этого праведника, — как он, находясь среди таких беззаконников, не только не сделался оттого беспечнее, но показал в себе еще тем большую добродетель, и когда все, так сказать, неслись по стремнинам, он один среди такого множества шел ровным путем. Как же теперь иные говорят, что живущему среди города невозможно соблюсти добродетели, но что для этого нужно удалиться от мира и пребывать в горах, и что невозможно быть добродетельным человеку, занятому управлением своего дома, имеющему жену и озабоченному детьми и рабами? Пусть посмотрят на этого праведника с его женой, детьми и рабами, как он, живя в городе, между такими развращенными и беззаконными людьми, как светоч сияет среди моря, и не только не угасает, но еще тем больший издает свет. Не с тем, однако, говорю я это, чтобы препятствовать удалению из городов и возбранять пребывание в горах и пустынях; но чтобы показать, что желающему соблюдать воздержание и бодрствовать ничто не может препятствовать. Как беспечному и нерадивому самая пустыня не может принести никакой пользы, потому что не от места зависит совершенство добродетели, но от расположения души и нравов, так трезвенному и бодрствующему (над собой) не может нисколько повредить и пребывание среди города. Я даже желал бы, чтобы добродетельные люди, подобно этому блаженному (мужу), наиболее жили среди городов; здесь они служили бы для других закваской, и возбуждали бы их к подражанию себе. Но так как это представляется трудным, то пусть будет хоть так, как я прежде сказал (то есть пусть желающие для сохранения добродетели удаляются от мира). *Преходит бо образ мира*

сего (1 Кор. VII, 31) и кратка настоящая жизнь. Если ныне, находясь еще на поприще, мы не совершим подвигов добродетели и не будем избегать сетей зла, то впоследствии, хотя и станем обвинять самих себя, но уже тщетно: тогда раскаяние будет уже бесполезно. Пока мы находимся в настоящей жизни, возможно еще, раскаявшись, получить от того пользу, и очистив прежние согрешения, удостоиться милосердия от Господа. Если же, опустив настоящее время (жизни), будем внезапно (от нее) восхищены, то хотя и будем тогда каяться, но уже не получим от того никакой пользы. А чтобы тебе убедиться в этом, послушай, что говорит пророк: *во аде же кто исповестся Тебе* (Пс. VI, 6)? И еще: *брат не избавит, избавит ли человек* (Пс. XLVIII, 8)? Некому, говорит, будет там избавить человека, погибшего от собственной беспечности, хотя бы тут был брат, или отец, или мать. И что я говорю: брат, отец и мать? И самые праведники, получившие великое дерзновение (перед Богом), тогда не будут в состоянии помочь нам, если мы теперь будем предаваться беспечности. Если, сказано, станет Ной, и Иов, и Даниил, сынов своих и дочерей своих не избавят (см.: Иез. XIV, 18). Заметь силу этой угрозы, – и то, каких праведников (Писание) представило в пример. Именно эти самые праведники в свое время служили для других посредниками спасения: так Ной, когда страшный потоп покрыл вселенную, спас жену свою и сыновей; подобным образом Иов был для других причиной спасения; и Даниил многих избавил от смерти, когда жестокий властелин (Навуходоносор), испытывая некоторые сверхъестественные явления, повелел умертвить халдеев, волхвов и гадателей (см.: Дан. V, 11).

2. Итак, мы не должны думать, что то же будет и в грядущем веке, то есть что добродетельные люди, имеющие дерзновение перед Богом, в состоянии будут освободить от будущих наказаний близких к ним людей, которые живут здесь в беспечности. Поэтому-то Писа-

ние и приводит в пример упомянутых праведников, с целью навести на нас страх и научить нас полагать надежду спасения, после благодати свыше, в собственных добрых делах, но не рассчитывать на добродетели предков, или на что-либо другое, если сами остаемся во зле. Если имеем предков добродетельных, то надо стараться о том, чтобы подражать их добродетелям. А если бы случилось противное и мы происходили бы от порочных предков, то не опасаться от того для себя самих какого-либо вреда, а только самим надобно упражняться в подвигах добродетели; тогда и не будет нам от того никакого вреда. Каждый или увенчивается, или осуждается, смотря по тому, что сам сделал, как и блаженный Павел говорит: *да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла* (2 Кор. V, 10), и опять: *иже воздает коемуждо по делом его* (Рим. II, 6). Зная все это и оставив всякую беспечность, посвятим все свои силы добродетели, пока еще находимся на поприще, пока еще не кончилось зрелище; позаботимся о нашем спасении, чтобы, совершив подвиг добродетели в это краткое время, получить за то награду в бесконечном веке. Вот и праведный (Лот), хотя жил среди такого множества людей порочных, и не имел ни одного подражателя своей добродетели, а напротив, еще видел, что все и насмехаются и издеваются над ним, однако не только не ослабел от того в добродетели, но еще так просиял, что удостоился принять к себе и ангелов, и когда все совершенно погибли, он один с своими дочерьми избежал постигшей город казни. Но возвратимся к порядку слова. *Приидоста же,* сказано, *два ангела в Содом в вечер.* Это указание времени с особенной силой показывает нам добродетель праведника: и с наступлением вечера он не сходил со своего места в ожидании (путников). Он знал, какая польза может произойти для него отсюда, а потому, желая получить такое богатство, употреблял все старание и не уходил (от ворот дома, где ожидал странников) даже по окончании дня. Таково-то свойство души

пламенной и бодрственной: не только никакими препятствиями не удерживается она от обнаружения своей добродетели, но напротив, чем больше препятствий, тем сильнее она возбуждается и тем больший зажигает в себе пламень ревности. *Видев же Лот,* сказано, *воста в сретение им* (ст. 1). Да слышат это люди, которые прогоняют от себя пришельцев, прибегающих к ним с просьбами и с сильными убеждениями, и обнаруживают явное бесчеловечие. Посмотри на этого праведника, как он не дожидался, чтобы к нему подошли, но, подобно праотцу (Аврааму), не зная, кто эти прохожие, а только предполагая, что они какие-нибудь путники, лишь увидел их, вскочил и так обрадовался, как будто искал себе добычи и нашел, чего искал. *Видев*, сказано, *воста в сретение им, и поклонися лицем на землю.* Он благодарил Бога за то, что Он удостоил его принять этих путников. И вот добродетель его души: он признал великим благодеянием Божиим то, что встретил этих мужей, и принятием их исполнил желание собственного сердца. Не говори мне, что это были ангелы; но подумай о том, что праведник не знал еще этого, а принимал их, как людей незнакомых, мимоидущих, и такой мыслью руководился тогда в своих поступках. *И рече: се, господие, уклонитеся в дом раба вашего, и почийте, и омыйте ноги ваша, и обутреневавше отъидете в путь свой* (ст. 2). Довольно этих слов, чтобы видеть сохранявшуюся в душе праведника добродетель. Как не удивиться глубокому его смирению и тому пламенному усердию, какое он показывал в гостеприимстве! *Се, господие,* говорит он, *уклонитеся в дом раба вашего.* Их называет господами, а себя самого — рабом их. С вниманием выслушаем, возлюбленные, эти слова, и научимся сами поступать таким образом. Славный, именитый, живущий в таком богатстве домовладыка называет господами путников, странных, незнакомых, незнатных по виду, прохожих, ни в каком отношении не близких к нему: *уклонитеся в дом раба вашего и почийте,* говорит. Наступил, говорит

он, вечер, послушайте же меня, и облегчите себя от дневного труда, отдохнув в доме раба вашего. Разве, говорит, я обещаю вам что-нибудь особенное? *Омыйте ноги ваша,* утомленные путешествием, *и обутреневавше отыдите в путь свой.* Окажите же мне эту милость, и не отриньте моей просьбы. *И реша,* сказано, *ни, но на стогне почием.* Но праведник, видя, что и после столь усиленной его просьбы они отказываются, не охладел, не отстал от своего намерения и не поступил так, как часто мы делаем. Мы обыкновенно, когда и захотим пригласить кого-нибудь к себе, лишь заметим, что он хотя слегка отказывается, тотчас отстаем; и так бывает у нас оттого, что мы делаем это не с усердием и искренним желанием, а большей частью считаем себя совершенно правыми, если можем сказать, что сделали свое дело.

3. Что ты говоришь: «сделал свое дело»? Ты потерял добычу, упустил сокровище, — и будто сделал свое дело? Тогда сделал бы ты свое дело, если бы не выбросил из рук сокровища, если бы не пробежал мимо своей добычи, если бы показал страннолюбие не на словах только, ради приличия. Не так поступил тот праведник (Лот), а как? Увидев, что странники противятся (его желанию) и хотят остаться на улице (а это делали ангелы для того, чтобы тем более открыть добродетель праведника и всем нам показать, как велико было его страннолюбие), он уже не довольствуется просьбой и убеждением их на словах, а употребляет даже силу. Так и Христос сказал: *нуждницы восхищают царство небесное* (Мф. XI, 12). Конечно, где имеется в виду духовное приобретение, там и настойчивость уместна, и усилие похвально. *И принуди я,* сказано (ст. 3). Мне представляется, что он увлекал их даже насильно. Затем, когда странники увидели, что праведник решился так поступить, и не отстанет, пока не исполнит своего намерения, *уклонишася к нему,* как сказано, *и внидоша в дом его, и сотвори им учреждение, и опресноки испече им, и ядоша перед*

спанием (ст. 3). Видишь ли, что и здесь страннолюбие открывается не в богатстве угощения, но в обилии душевного усердия? Принудив их войти в свой дом, он немедленно стал исполнять дело гостеприимства: сам занят был служением перед ними, предлагал им пищу, оказывал всякую честь и услугу пришедшим, принимая их за обыкновенных путников. *Мужие же града Содомляне обыдоша дом, от юноши даже до старца, весь народ вкупе, и иззываху Лота, и глаголаху к нему: где суть мужие, вшедшии к тебе нощию? Изведи я к нам, да будем с ними* (ст. 4 и 5). Не оставим, возлюбленные, этих слов без внимания; заметим не только все неистовство их (содомлян), не заслуживающее никакого прощения, но размыслим и о том, как праведник, живя среди таких зверей, так просиял и показал столь великое превосходство добродетели, — как он мог переносить их беззаконие, как не бежал из такого города, как терпел какой-либо разговор с ними. Я объясню, как это было. Господь всяческих, предвидя чрезмерное нечестие содомлян, устроил так, что между ними поселился этот праведник, для того, чтобы он, как наилучший врач, мог обуздывать силу их злых болезней. И хотя праведник видел, что они уже заражены неисцельными болезнями, и не хотят принимать никакого врачевания, но все-таки не оставил их. Таково свойство врача: хотя он и видит, что болезнь не поддается его искусству, однако не перестает исполнять свой долг, для того, чтобы показать силу своего искусства, если сумеет со временем восставить (от болезни) страждущего; если же нисколько не успеет, то по крайней мере будет иметь тем больше для себя оправдания в том, что с своей стороны он ничего не оставил, что только мог сделать. Так было и здесь. Праведник, несмотря на то, что жил среди таких людей, остался праведным и сохранял любовь к добру; а они лишились всякого прощения потому, что не только не оставили зла, но более и более умножали его. Смотри, *обыдоша*, сказано, *дом от юноши даже до старца, народ вкупе*. Какое

великое согласие во зле, какое сильное стремление к греху, несказанная чрезмерность беззакония, непростительное намерение! *От юноши,* сказано, *даже до старца:* не только юноши, но и старые летами, и весь народ вкупе, стремились к этим беззакониям. Не устыдились они дерзнуть на это бесстыдное и срамное дело, не подумали о всевышнем Оке, не посовестились и перед праведником, не пощадили и тех, которых признавали за странников, и которые пользовались его гостеприимством; но без стыда, с открытой, так сказать, головой*, произнося беспутные речи, приступили к дому, и вызвав праведника, говорили ему: *где суть мужие вшедшии к вам? Изведи я, да будем с ними.* Из опасения такого-то, думаю, беззаконного их намерения и нечестия праведник и сидел при дверях своего дома до вечера, чтобы не допустить никого из прохожих, не знающих этого, попасть в их сети. С страннолюбием соединяя в себе и высокое целомудрие, праведник заботился о том, чтобы всех мимоидущих принимать к себе, и желал, чтобы никто не укрылся от него; а таким образом он принял и тех (путников), не как ангелов, а как обыкновенных людей. Но беззаконники, не показывая (со своей стороны) ничего подобного, дерзновенно решались только на такие дела, которые превышают всякие другие злодеяния. Итак, (ангелы) хотели остаться на улице, чтобы доставить праведнику случай показать на них свое страннолюбие, и чтобы открыть ему из самых дел содомских жителей, сколь достойно заслуживали ожидавшую их казнь эти люди, преданные столь необычайному беззаконию.

4. Но посмотрим далее на величие добродетели праведника: исшед, сказано, *к ним в преддверие, двери же за-*

* Восточные жители постоянно ходят с покрытой головой; обнажение головы у них значит нескромность. Поэтому святой Златоуст, говоря, что содомляне приступили к дому Лота *с открытою головою,* хочет выразить тем крайнюю степень их дерзости и бесстыдства.

твори, рече же к ним (ст. 6). Смотри, как боится праведник, и (как он) трепещет за безопасность странников. Не без причины и двери затворил он за собой, но потому, что знал неистовство и дерзость содомлян и подозревал злой их умысел. Потом говорит им: *никакоже, братие* (ст. 7). О, долготерпение праведника! О, глубина смирения! Обращаться с такими людьми с такой кротостью — вот истинная добродетель. Без сомнения, желая уврачевать больного, или образумить беснующегося, никто не делает этого с гневом и жестокостью. Смотри же, как он называет братьями хотевших совершить такое преступление, желая устыдить их, пробудить их совесть и отклонить их от гнусного намерения: *никакоже, братие,* говорит он, *не дейте зла.* Не замышляйте, говорит, ничего такого, не затевайте этого постыдного дела, не низвращайте самой природы, не выдумывайте противоестественного смешения. А если уже хотите удовлетворить влечение ваших неистовых страстей, то я доставлю вам к этому средство такое, что ваше преступление будет несколько легче: *суть ми две дщери, яже не познаша мужей* (ст. 8). Они еще не испытали, говорит он, брачного сожития, остаются неприкосновенными, в самом цветущем возрасте, блистают красотой. Я готов отдать их всем вам; делайте с ними, что хотите. Взяв их, говорит, исполните ваше непотребство с ними и удовлетворите ваше нечистое желание; *точию мужем сим никаковыя сотворите обиды, того бо ради внидоша под кров дому моего.* Я принудил их, говорит, войти под кров мой; итак, чтобы безаконный поступок с ними не был приписан мне, чтобы мне не сделаться для них виновником оскорбления, они пусть будут свободны от ваших рук, а вот вместо них я даю вам двух моих дочерей. Какая добродетель в праведнике! Она превосходит всякое страннолюбие! Кто достойно восхвалит такую любовь (к ближним) этого праведника, который даже дочерей своих решился не пощадить, чтобы только оказать уважение странникам и спасти их от беззакония

содомлян? И вот, он даже дочерей своих отдает, чтобы посторонних путников (опять повторю), ни в каком отношении неизвестных ему, избавить от насилия беззаконников. А мы, часто видя братий наших, падающих в самую глубину нечестия и, так сказать, в челюсти диавола, не хотим принять участия в них, ни даже словом, ни посоветовать им что-либо, ни сделать словесного вразумления, и таким образом избавить их от зла и руководить к добродетели. Какое можем мы иметь оправдание, когда этот праведник, в своем попечении о странниках, даже дочерей своих не пощадил, а мы столь немилосердны к нашим (братиям), и нередко произносим эти холодные и полные неразумия слова: «что общего у меня с ним? Мне нет заботы, нет дела до него». Что ты говоришь, человек? Будто не имеешь с ним ничего общего? Он брат твой, имеет одинаковую с тобой природу; вы живете под властью одного Господа, а нередко приобщаетесь одной и той же трапезы, разумею — духовной и страшной, — и ты говоришь: у меня ничего нет с ним общего, и без милосердия бежишь от него прочь, не хочешь подать руки падшему? Иудеям закон повелевал не оставлять без помощи падшего скота, даже принадлежащего врагам их. А ты, видя брата своего, изъязвленного диаволом и падшего не на землю, а в глубину греха, не извлекаешь его оттуда своими наставлениями, не делаешь ему с своей стороны никаких внушений, не заботишься и других, если возможно, взять с собой на помощь, чтобы избавить из челюстей зверя собственный член твой и возвратить ему принадлежащее достоинство, чтобы и сам ты, когда случится тебе пасть в сети лукавого демона (чего не дай Бог!), мог иметь людей, готовых помочь тебе и освободить от рук диавола. Так, Павел, желая возбудить галатов к попечению о своих членах, говорит: *блюдый себе, да не и ты искушен будеши* (Гал. VI, 1). Как бы так говорит он: если ты без сострадания и милосердия будешь проходить мимо брата, то, может быть, когда сам падешь,

другой точно так же пройдет мимо тебя. Если же ты не хочешь быть оставленным без внимания, когда бы случилось тебе пасть, то и сам не пренебрегай падшими, но оказывай им всякую любовь, и почитай за величайшее благо возможность спасти брата. Ни в чем не может быть столько добродетели, как в этом деле. Ведь если только ты подумаешь, что тот, кого ты пренебрегаешь, и оставляешь без внимания, удостоен от Господа твоего такой чести, что для него не отрекся Он излить даже кровь Свою, как и Павел говорит: *и погибнет немощный брат в твоем разуме, егоже ради Христос умре* (1 Кор. VIII, 11), то как после этого не скроешься сам (от стыда) в землю? Если для него Христос излил даже кровь Свою, что же особенного сделаешь ты, когда покажешь к нему свою благосклонность, словесным увещанием восставишь падшего и душу его, потопляемую, а может быть, уже и потонувшую, возведешь из глубины зла, поможешь ей увидеть свет добродетели и не устремляться опять ко мраку греховному?

5. Итак, умоляю, станем подражать этому праведнику, и даже если бы нужно было для спасения ближнего потерпеть что-либо неприятное, не откажемся и от этого. Такое терпение послужит для нас залогом спасения и даст нам великое дерзновение (перед Богом). Посмотри же, возлюбленный, на этого праведника, как он противостал целому народу, который обнаружил такое единодушие во зле, и какое при великой кротости оказалось у него необыкновенное мужество. Правда, он не мог укротить неукротимого их неистовства. И после его слов к ним, исполненных удивительной кротости, когда на словах, как бы собственными руками, он уже отдал им своих дочерей, что они говорят ему? *Отыди отсюду* (ст. 9). О, безмерное опьянение! О, крайнее безумие! Такова-то эта злая и неукротимая похоть: как скоро она возьмет верх над рассудком, то не оставляет в нем никакого чувства благопристойности, а все окутывает тьмой и мраком ночи. *Отыди*, говорит, *отсюду:*

пришел еси обитати, еда ли и суд творити? Ныне убо тя озлобим паче, нежели оных. Смотри, с какой кротостью говорит им праведник, и какую они позволяют себе дерзость! Как бы самим диаволом приведенные в неистовство, и как бы им водимые, они восстают таким образом на праведника и говорят: *пришел еси обитати, еда ли и суд творити?* Мы приняли тебя, говорят, как пришельца; а ты стал и судьею над нами? О, крайняя бессовестность! Надлежало бы устыдиться, тронуться внушением праведника; а они, подобно сумасшедшим, которые покушаются и самого врача поразить, говорят праведнику: *тя озлобим паче, нежели оных.* Если не хочешь, говорят они, замолчать, то знай, что твое ходатайство за них ни к чему более не послужит, кроме того, что они избегнут опасности, а ты ей подвергнешься. *Насильствоваша же Лота зело.* Посмотри, какое мужество оказывает праведник и как усиливается противостоять такому многолюдству. *И приближишася*, сказано, *разбити дверь.* Так как, выходя к ним и предвидя их неистовство, он затворил за собой дверь, то вот эти непотребные, беззаконные люди, не терпя увещания от праведника, *насильствоваша* его, и усиливались даже разломать дверь. Но теперь, когда уже на деле открылись и добродетель праведника, и его попечительность о мнимых странниках, и единодушное стремление всего этого народа ко злу, теперь, наконец, открывают себя и пришельцы. Увидев, что праведник со своей стороны все исполнил (что мог сделать), они являют собственное могущество и подают ему помощь, когда неистовство содомлян подвергло его насилию. *Простерше же*, сказано, *мужие руки, вовлекоша Лота к себе в храмину, и двери храмины заключиша: мужи же, сущие пред дверьми дому, поразиша слепотою от мала даже до велика, и разслабишася, ищуще дверей* (ст. 10 и 11). Видишь ли, как и праведник немедленно получает награду за свое гостеприимство, и беззаконники подвергаются достойному наказанию? *Вовлекоша*, сказано, *Лота в храмину, и двери заключиша,*

мужи же поразиша слепотой от мала даже до велика, и расслабишася, ищуще дверей. Так как повредилось око ума их, то подвергаются они и телесной слепоте, да знают, что нет никакой пользы от телесных очей, как скоро повреждены очи ума. И как все они показывали единодушие во зле, и ни юноши, ни старцы не удерживались от злого умысла, то все, как сказано, и поражены были слепотой, и вместе с тем лишены были и сил телесных. Они расслабели в главнейшей части (своего существа) — душе; потому лишены и крепости телесной. И вот те, которые прежде усиливались разломать дверь и со многими угрозами обращались к праведнику, те внезапно стали расслабленными, не видя даже двери, которая была у них перед глазами. Тогда-то свободно вздохнул праведник, увидев, кто были пришедшие к нему и как велико их могущество. *Реша бо ему,* сказано, *мужие: есть ли тебе зде зять, или сынове, или дщери, или аще кто тебе ин есть во граде* (ст. 12)? Вот как они награждают праведника за страннолюбие, и как хотят даровать ему спасение всех близких к нему. Если, говорят, есть у тебя кто-нибудь в этом городе, если ты принимаешь в ком-нибудь участие, если знаешь кого-либо свободного от беззакония этих людей, то *изведи от места сего* и из земли этой, изведи всех своих родственников, *яко мы погубляем место сие* (ст. 13). Потом они указывают ему и причину этого, объясняя праведнику все с точностью: *понеже возвысися,* говорят, *вопль их перед Господем, и посла нас Господь истребити их.* Это то же, что говорил Бог праотцу (Аврааму): *вопль Содомский и Гоморрский умножися мне* (Быт. XVIII, 20). И здесь сказано: *возвысися вопль их перед Господем.*

6. Слишком велико беззаконие их; и как болезнь их неисцельна и рана не принимает никакого врачевства, то и *посла нас Господь истребите его.* Это самое выражал блаженный Давид словами: *творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный* (Пс. CIII, 4). Мы пришли, говорят они, истребить всю эту страну (за грех обита-

телей и самая земля подвергается казни); итак, выйди ты отсюда. Праведник, услышав это, и узнав причину, по которой пришли эти, по-видимому, обыкновенные люди, а по существу ангелы и служители Бога всяческих, *изшед, глагола зятем своим, поимшим дщери его* (ст. 14). Но прежде он говорил тем беззаконникам: «вот я имею двух дочерей, которые не познали мужей»; как же здесь сказано: *к зятем своим, поимшим дщери его*? Не думай, что эти слова противоречат тому, что прежде сказано праведником. У древних был обычай — за много времени (до брака) совершать обручение, и часто обручившиеся жили вместе с обрученными в доме их родителей, — что и ныне бывает во многих местах. И так как здесь уже было совершено обручение, то вот Писание и называет обручившихся зятьями и говорит: *поимшим дщери его,* потому что в намерении и во взаимном согласии они уже взяли за себя его дочерей. *И рече: востаните и изыдите от места сего, яко погубляет Господь град. Возмнеся же играти перед зятьми своими.* Смотри, как и они были в той же греховной закваске. Потому-то Бог, желая скорее освободить праведника от родства с ними, и не допустил дочерям его вступить в брак с ними; напротив, определил и их погубить вместе с нечестивцами, чтобы праведник избежал родства с ними, удалившись (из города) с дочерьми. Услышав от праведника эту страшную угрозу, они смеялись над ним, и думали, что слова его — шутка. Но праведник исполнил, что ему было повелено, и так как они уже обручились с его дочерями, то он и хотел их избавить от казни; но они и этим не вразумились, а остались при своих мыслях, и уже впоследствии на деле убедились, с каким вредом для себя отвергли совет праведника. *Ею даже,* сказано, *утро бысть, понуждаху ангели Лота глаголюще: востав, поими жену твою, и две дщери твоя, яже имаши, и изыди, да не и ты погибнеши со беззаконми града. И смутишася* (ст. 15 и 16). Не медли, говорят; уже настает время их погибели; спасай же себя, и жену свою, и двух своих

дочерей; а те, которые не захотели послушаться твоего совета, спустя немного погибнут вместе с прочими. Не медли же, чтобы и тебе самому не погибнуть вместе с беззаконниками. И смутились, услышав это, Лот, и жена, и дочери его. *Смутишася*, сказано, то есть устрашились, пришли в великий испуг, обеспокоились от такой угрозы. Тогда ангелы, заботясь о праведнике, *взяша*, сказано, *за руку его* (ст. 16). Теперь Писание не говорит уже о них, как о обыкновенных людях, но, так как они хотели навести казнь (на город), то прямо называет их ангелами, и говорит: *взяша за руку его, и за руку жены его, и за руки двух дщерей его, понеже пощаде и Господь.* Прикосновением руки они ободряли их, укрепляли их дух, чтобы страх не ослаблял их сил. Поэтому Писание и пояснило: *понеже пощаде и Господь.* Так как, говорит оно, Господь признал Лота достойным спасения, то и ангелы, желая укрепить дух их, берут их за руки, и изводя их вон (из города), *реша: спасай твой душу не озирайся вспять, ниже постой во всем пределе, в горе спасайся, да не когда купно ят будеши* (ст. 17). Так как, говорят они, мы освободили тебя от этих беззаконников, то уже и не озирайся назад и не желай видеть того, что постигнет их, но поспешай и уходи далее, чтобы избежать наводимой на них казни. Праведник, опасаясь, что, может быть, не в состоянии будет достигнуть назначенного ангелами места и взойти на гору, говорит: *молюся, Господи, понеже обрете раб твою милость перед Тобою, и возвеличил еси правду твою, юже твориши на мне, еже жити души моей: аз же не возмогу спастися в горе, да не постигнут мя злая и умру. Се град сей близ, еже убежати ми тамо, есть мал, и тамо спасуся и жива будет душа моя Тебе ради* (ст. 18, 19 и 20). Вы решили, говорит он, даровать мне спасение; но мне недостает сил взойти не вершину горы. Поэтому окажите мне еще большее милосердие и облегчите для меня труд: чтобы казнь, наводимая (на этот город), не застигла меня, и я не подвергся одинаковой с ними судьбе, оставьте для

меня этот соседний город. Хотя этот город и беден и мал, но, спасись в нем, я могу впоследствии жить там безопасно. *И рече ему: се удивихся лицу твоему, и о словеси сем, еже не погубити града, о немже глаголал еси* (ст. 21). Я принял, говорит (ангел), моление твое и исполню его; дарую тебе просимое, и для тебя пощажу тот город. *Потщися убо*, и вселися тамо, и спасайся (ст. 22). Я ничего не сделаю до тех пор, пока ты не прибудешь туда: *не возмогу бо*, говорит, *сотворити дела, дондеже внидеши тамо*. Я забочусь, говорит, о твоем спасении и буду ждать твоего прибытия туда, и тогда уже наведу на них (содомлян) казнь. *Солнце взыде на землю; и Лот вниде в Сигор* (ст. 23). Около восхода солнечного он поспел в город, и вслед за тем, как вступил в него, беззаконники подверглись казни: *одожди бо*, сказано, *Господь на Содом и Гоморр жупел и огнь от Господа с небесе. И преврати грады сия, и всю окрестную страну, и вся живущия во градех, и вся прозябающия от земли* (ст. 24 и 25). Да не покажется тебе, возлюбленный, странным, такое сочетание слов; таково свойство Писания, и (оно) часто так безразлично употребляет слова, — что можно видеть и в настоящем случае. Сказано: *одожди Господь жупел и огнь от Господа с небесе*, чтобы показать, что Сам Господь навел эту казнь, и что не только *грады превратил; и всю окрестную страну, и всех живущих*, но что Он истребил и *прозябающая от земли*. Так как люди, населяющие эту землю, принесли много плодов беззакония, то Я, говорит (Господь), и земные плоды делаю негодными к употреблению, чтобы истребление плодов на этой земле служило всегдашним памятником для последующих поколений, и чтобы бесплодие ее всем напоминало о беззаконии обитавших здесь людей. Видишь ли, что значит добродетель и что значит порок, и как праведник спасся, а они получили казнь, достойную своего беззакония? Праведник своей добродетелью спас и дочерей своих, и не допустил до разрушения города (то есть Сигора, в котором Лот испросил себе убежища); а те

(беззаконники), напротив, крайним своим беззаконием, не только сами погубили себя и были истреблены, но и землю свою на будущее время сделали бесплодной. *И озреся*, сказано, *жена его вспять, и бысть столп слан* (ст. 26). Она слышала, как ангелы повелевали праведнику не озираться назад, а бежать со всей поспешностью; но она не повиновалась и не сохранила этой заповеди, а потому и получает наказание за свое нерадение.

7. Мы же, слыша это (повествование), будем иметь великое попечение о своем спасении; будем избегать подражания беззаконию содомлян, напротив, поревнуем страннолюбию этого праведника и его другим добродетелям, чтобы отвратить от себя гнев, движимый свыше. Невозможно, конечно, невозможно, чтобы с усердием преданный добродетели не приобрел оттого себе великого сокровища. Именно таким образом и эти праведники – праотец (Авраам) и Лот – удостоились получить свыше благодать, и думая, что принимают к себе людей, сподобились принять ангелов и даже Господа ангелов. Можем и мы, если захотим, и ныне принять Его, – Он Сам сказал: *иже вас приемлет, мене приемлет* (Мф. X, 40). Итак, будем принимать странников, несмотря никогда на их видимую незнатность. Если с таким расположением души будем оказывать гостеприимство, то, может быть, когда-нибудь и мы удостоимся принять, под видом людей, таких странников, которые обнаружат в себе достоинство ангелов. Только не станем разведывать и любопытствовать о них, чтобы не потерять сокровища. Вот и блаженный Павел, указывая на этих праведников и научая нас, как они удостоились принять таких странников, говорит: *страннолюбия не забывайте; тем бо не ведяще нецыи странноприяша ангелы* (Евр. XIII, 1). То особенно в них велико и чудно, что они оказали странникам услугу, *не ведяще* их. Итак, с верой и благоговением будем совершать это дело, чтобы получить и сокровище (вечных благ), которыми да

сподобимся все мы насладиться, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу, со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIV

Возстав же Авраам заутра, иде на место, идеже стояше пред Богом (Быт. XIX, 27)

1. Вчерашняя беседа* о жене самарянской достаточно показала нам и неизреченное долготерпение Господа, и особенное Его попечение о ней, и ее признательность. Вы видели, как она, придя почерпнуть чувственной воды, напоена Божественными потоками из духовного источника, и таким образом возвратилась домой, исполнив на себе изречение Господа: *вода, даже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (Ин. IV, 14). Сама исполненная этим Божественным и духовным источником, она не удержала потоков внутри себя, но от преизбытка своего, так сказать, излила благодать сообщенного ей дара и на жителей города, и – жена, самарянка, иноплеменница вдруг сделалась проповедницей. Вы видели, как важна душевная признательность, видели и человеколюбие Господа, как Он не презирает никого, но хотя бы в женщине, хотя бы в бедном человеке, в ком только находит бодрственную и пламенеющую душу, немедленно сообщает ему благодать Свою. Поэтому, убеждаю, будем подражать и мы этой жене и с полным вниманием принимать внушения Духа, потому что не нам принадлежит излагаемое нами учение и язык наш не от себя говорит то, что мы говорим, но через нас действует человеколюбие

---

* В предыдущей беседе на книгу Бытия ничего не было говорено о жене самарянской. Надобно думать, что между 43-й и 44-й беседой на книгу Бытия святого Златоуст произносил особую беседу о Самарянине.

Господа для пользы вашей и для созидания Церкви Божией. Итак, возлюбленный, не смотри на меня, говорящего, и на мою скудость, но так как я предлагаю слова Господа, то, устремив ум к Пославшему меня, принимай таким образом слова мои со вниманием. Ведь и в человеческих делах, когда царь, облеченный диадемой, посылает грамоту, то, хотя бы приносящий ее сам по себе не имел никакой важности, был человек незначительный, и иногда такой, который не может насчитать сколько-нибудь (важных) своих предков, сам неизвестный и происхождения неизвестного, – однако те, которые получают грамоту, не обращают на то внимания, а ради царской грамоты, и ему воздают великую честь, и грамоту от него принимают с великим страхом и благоговением. Итак, если приносящий от человека грамоту, и притом простую хартию, от всех принимается таким образом, – тем более по справедливости вам надобно с полным вниманием принимать изречения Духа, передаваемые вам через нас, чтобы получить вам воздаяние за доброе расположение сердца. А Господь всяческих, как увидит готовность вашей души, то и нам ниспошлет обильнейшие дарования для вашего назидания, и вам подаст большее разумение, чтобы вы могли понимать наставления. Благодать Духа обильна и, изливаясь на всех, не терпит оттого никакого в себе уменьшения, а еще более умножается в самом разделении между многими, и чем больше тех, которые приобщаются благодати, тем обильнее становятся и дары ее. Итак, если угодно, обратимся и сегодня к порядку прежних наших бесед и посмотрим, на чем остановили мы слово, и откуда надобно сегодня начать его. До чего же мы прежде довели слово и на чем остановили поучение? Мы беседовали с вами о Лоте и о сожжении Содома, остановили речь на том, как этот праведник спасся в Сигоре. *Солнце взыде на землю*, говорит Писание, *Лот же вниде в Сигор*, и тогда гнев Божий постиг жителей Содома и истребил ту землю, а жена праведника, забыв

сказанное ей ангелами и оглянувшись назад, обратилась в соляный столп и для последующих поколений сделалась навсегда памятником своей невнимательности. Сегодня, продолжая далее, необходимо нам побеседовать с любовью вашей о том, из чего вы опять можете увидеть сострадательность и любовь праотца (Авраама) и Божие к нему благоволение. Когда, при восходе солнца, праведный Лот спасался в Сигоре, а жители Содома подвергались казни, то праотец, вместе сожалея и о их погибели, которой они подверглись за собственные беззакония, и весьма заботясь о праведном (Лоте), рано утром вышел посмотреть случившееся. *Востав же*, говорит Писание, *Авраам заутра иде на место, идеже стояше пред Богом и воззре на лице Содома и Гоморра, и на лице окрестныя страны, и виде: и се восхождаше пламень от земли, аки дым пещный* (ст. 27 и 28). С того места, где он имел беседу с Господом и ходатайствовал о жителях содомских, он увидел следы этой страшной казни и желал узнать что-нибудь о Лоте. Таково свойство святых мужей, что они всегда бывают любвеобильны и сострадательны. И Божественное Писание, чтобы показать нам, как благодать Духа немедленно сообщила ему сведение о том (о чем он желал знать), и освободила праведника от заботы, которую имел он о Лоте, говорит: *егда преврати Господь грады страны тоя, помяну Бог Авраама, и изсла Лота от среды превращения* (ст. 29). Что значит: *помяну Бог Авраама*? Разумеется то ходатайство, которое он выражал словами: *да не погубиши праведнаго с нечестивым* (гл. XVIII, 23). Как же так, спросит кто-нибудь, праведник (Лот) спасен по ходатайству праотца, а не за собственную праведность? Да, и по ходатайству праотца. Когда мы сами заслуживаем, тогда и предстательство праведных приносит нам большую пользу. Напротив, если сами мы нерадим, а всю надежду спасения нашего возлагаем на них одних (праведных), тогда нам не будет от этого лучше, не потому, чтобы праведники

были бессильны, а потому, что мы собственным нерадением губим себя.

2. И чтобы ты знал, что, когда мы сами нерадим, то, хотя бы праведники или пророки были нашими заступниками, нам от того не бывает никакой пользы (их добродетель обнаруживается, конечно, и в этом случае, но нам от того не будет никакой пользы по причине собственной нашей худой жизни), вот — послушай, как Бог всяческих говорит к освященному от чрева (матери) пророку Иеремии: *ты же не молися о людех сих, яко не услышу тя* (Иер. VII, 16). Заметь человеколюбие Господа: Он предупреждает об этом пророка, чтобы тот, не будучи услышан в своих молитвах, не подумал, будто это произошло от собственной его вины. Потому-то и раскрывает ему заранее нечестие народа и запрещает молиться (за него), чтобы и сам пророк знал крайнее их (иудеев) нечестие, да и они научились бы, что пророк нисколько не поможет им, если сами они не хотят делать своего дела. Зная это, возлюбленные, будем, конечно, прибегать к ходатайству святых и просить, чтобы они молились о нас, но не будем надеяться только на их ходатайство, а и сами будем надлежащим образом исполнять наши обязанности и позаботимся о своем исправлении, чтобы ходатайства (святых) за нас не лишались своей силы. Также и в другом месте Господь говорит пророку: *еда не видиши что сии творят*; сожигают тук и делают *опресноки воинству небесному* (Иер. VII, 17, 18); как бы так говорил Бог: за таких ли людей ты молишь Меня, которые не отстают от своего нечестия, которые нисколько не чувствуют одержащей их болезни и живут так беззаботно? Разве не видишь крайнего их нерадения? Не видишь великого безумия их? Как они еще не пресытились нечестием и, как свиньи в болоте, погрязли в своих беззакониях? Если они были расположены к обращению, то не слышали ли постоянных увещаний? Не Я ли взываю к ним через пророков и говорю: *и рекох повнегда прелюбодействовати*

ей, по сих всех ко мне обратися, и не обратися (Иер. III, 7)? Не того ли только и требую Я, чтобы они отстали от лукавства и прекратили зло? Требую ли Я отчета за прежние дела, как скоро вижу, что люди хотят раскаяться в них? Не каждый ли день взываю и говорю: *еда хотением восхощу смерти грешника, а не еже обратитися ему и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23)? Не с той ли целью все Я делаю, чтобы избавить от погибели увлеченных заблуждением? Разве медлю, когда вижу их обращение? Не Я ли сказал: *еще глаголющу ти, реку: се приидох* (Ис. LVIII, 9). Так ли сами они желают себе спасения, как Я пекусь о том, чтобы все люди спаслись и пришли *в разум истины* (1 Тим. II, 4)? Неужели для того Я произвел тебя из небытия, чтобы погубить тебя? Разве напрасно уготовал царство (небесное) и бесчисленные, неизреченные блага? Не для того ли и геенной угрожал, чтобы хотя этим средством побудить всех стремиться к царствию (небесному)? Итак, блаженный пророк, оставь их, и не возноси ко Мне за них молитвы, а заботься только о том, чтобы уврачевать их болезнь, чтобы привести их в чувство своей немощи, и возвратить к здравию; тогда и Я сделаю все, что от Меня зависит. Я не медлю и не отлагаю, когда вижу благорасположенную душу; одного только требую — исповедания согрешений, и после этого уже не подвергаю их суду. Трудно ли и тягостно ли это Мое требование? Если бы Я не знал, что они становятся хуже, именно оттого, что не исповедают своих прежних грехов, то Я и этого не требовал бы. Но Я знаю, что род человеческий весьма склонен к греху; потому и желаю, чтобы они исповедовали прежние грехопадения, чтобы такое исповедание удерживало их от новых падений в те же грехи.

3. Размышляя об этом, возлюбленные, и представляя себе человеколюбие нашего Господа, не будем нерадивы, но прежде всего и более всего позаботимся о самих себе, очистим скверну греховную, и затем уже

обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш, и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько когда мы сами (молим о себе). Обрати внимание на величие благости Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестью, не имеем никакого дерзновения (перед Ним); но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и взывает: *еда падаяй не востает* (Иер. VIII, 4)? Но чтобы из опыта доказать вам, что многим собственными молениями скорее удалось получить желаемое, нежели через прошения других, нужно представить примеры удостоившихся этого. Эти примеры и нас могут возбудить к подражанию и соревнованию. Вот послушаем, как жена хананейская, иноплеменница, страдавшая в скорби душевной, когда увидела Врача душ и Солнце правды, воссиявшее сидящим во тьме, как, с каким усердием, с какой пламенной ревностью приступила к Нему, и ни то обстоятельство, что она была женщина, ни то, что была иноплеменница, не удерживало ее, но, презрев все эти препятствия, она приступила и сказала: *помилуй мя, Господи, дщи моя зле беснуется* (Мф. XV, 22). Но ведущий сокровенные помышления молчит и не отвечает, не удостаивает ее слова и не оказывает сострадания к женской немощи, видя пришедшую к Нему с таким воплем. Он медлит, желая открыть перед всеми сокровенное в ней сокровище. Он видел сокровенную (в ней) драгоценность, и не хотел, чтобы она осталась неизвестной для нас; потому и медлит и не удостаивает ее ответа, чтобы великая твердость этой женщины соделалась уроком для всех последующих родов. И посмотри, как неизреченна благость Божия. *Он же,* говорит Писание, *не отвеща ей* (ст. 23). А ученики, думая быть сострадательнее и человеколю-

бивее Его, не осмеливаются сказать прямо: исполни ее прошение, помилуй ее, сжалься над ней; но что говорят? *Отпусти ю, яко вопиет в след нас* (ст. 23), как бы так говоря: избавь нас от этой докуки, освободи нас от ее криков. Что же Господь? Неужели вы думаете, говорит Он, что Я без причины молчу и не удостоил ее ответа? Послушайте: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (ст. 24). Разве вы не знаете, что эта женщина – иноплеменница? Разве не знаете, что Я и вам повелел не ходить на путь язычников? Для чего же вы без испытания хотите оказать ей такое сострадание? Посмотри на благопромыслительную премудрость Божию: и тогда, как уже благоволил отвечать (на вопли женщины), Он Своим ответом еще сильнее, нежели молчанием, поражает ее, и как бы наносит ей смертельный удар, желая мало-помалу заставить ее высказаться так, чтобы не знавшие ее ученики увидели скрывавшуюся в ней веру. Она не упала духом, не ослабела в усердии и после того, как увидела, что и ученики не больше ее успели (сделать), и не сказала сама себе: если и они не могли преклонить (Господа) своим ходатайством за меня, то для чего же мне употреблять напрасные усилия? Напротив, как бы горящая в огне, с душой воспламененной и сердцем растерзанным, она приступает, кланяясь и говоря: *Господи, помози ми* (ст. 25). Но Он и после того не преклоняется на моление женщины, а дает ответ еще жесточе прежнего: *несть,* говорит, *добро отъяти хлеба чадом и поврещи псом* (ст. 26). Подумай, возлюбленный, и подивись здесь силе этой души и необычайной ее вере: услышав название пса, она не оскорбилась, не отступила, но с великим добросердечием сказала: *ей Господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (ст. 27). Сознаюсь, что я пес; удостой меня, как пса, хоть крупиц от трапезы. Видишь ли веру и благодушие женщины? Она взяла на себя сказанное (Господом), и тотчас получила желаемое,

и притом получила с великой похвалой. Что сказал ей Христос? *О, жено, велия вера твоя: буди тебе, якоже хощеши* (ст. 28). *О, жено* – изречение это выражает удивление и заключает в себе великую похвалу. Великую, говорит, показала ты веру; и будет тебе то, чего желаешь. Посмотри, как обильна милость Господа, и подивись премудрости Его. Не могли ли мы вначале подумать, что Он не сострадателен, когда так отвергал ее, и сначала не удостоил даже ответа эту женщину, а потом первым и вторым ответом Своим как бы только отгонял от Себя и отвергал пришедшую к Нему с таким усердием? Но по концу (дела) суди о благости Божией. Он хотел прославить ту женщину, потому так и медлил исполнить ее прошение. Ведь, если бы Он тотчас внял ей, то мы не узнали бы всей добродетели этой женщины; а так как Он несколько помедлил, то мы и увидели как неизреченное человеколюбие Господа, так и ее дивную веру.

4. Все это повествование мы сочли нужным изложить для того, чтобы вы знали, что мы успеваем получить желаемое не столько через ходатайство других, сколько сами собой, если только приступаем с усердием и усиленным вниманием. Вот эта женщина, имея даже учеников (Господа) ходатаями за себя, не могла получить никакого успеха, пока сама своим терпением не привлекла к себе человеколюбие Господа. Также и известная притча о друге, пришедшем неблаговременно в ночное время и просившем трех хлебов, внушает то же самое. Здесь сказано: *аще и не даст ему востав, зане друг ему есть: но за безочьство его, востав даст ему, елика требует* (Лк. XI, 8). Итак, зная неизреченное человеколюбие Господа нашего, будем обращаться к Нему, обнаруживая и как бы перед собственными глазами представляя каждое порознь из наших прегрешений, вместе с тем испрашивая прощения и за прежние грехи, чтобы, впредь оказывая большее тщание (в добрых делах), нам удостоиться тем большего Его благоволения. Затем

возвратимся, если угодно, к порядку нашего чтения. Взыде *же*, говорит Писание, *Лот от Сигора, и седе в горе, сам и две дщери* с *ним: убояшася* бо *жити в Сигоре: и вселися в пещеру сам и дщери его* с *ним* (ст. 30). Праведник, еще будучи в сильном страхе по случаю казни, постигшей жителей Содома, отходит далеко и поселяется *в горе*, как сказано, с дочерьми своими. Он остался таким образом в совершенной пустыне и уединении только с двумя дочерьми, поселившись на горе. Рече же, говорит Писание, *старейшая к юнейшей: отец наш стар, и никтоже есть на земли, иже внидет к нам, якоже обычно всей земли: гряди убо, упоим отца нашего вином, и преспим с ним, и возставим от отца нашего семя* (ст. 31 и 32). С благоговением и с большим страхом, возлюбленные, будем внимать сказаниям Божественного Писания. В нем ничего не написано без цели и напрасно, но все с пользой и к нашему благу, хотя мы иного и не разумеем, потому что мы не можем знать всего в точности, и хотя пытаемся, сколько можем, излагать причины некоторых (сказаний Писания), однако и затем много еще остается в нем сокровенного, сокровищ, скрытых от нас и неисследимых. Итак, посмотри, как Писание, обо всем повествуя с ясностью и давая нам разуметь намерение дочерей праведника, представляет достаточное оправдание и для них, и для праведника, чтобы никто по случаю такого события не осуждал ни праведника, ни дочерей его, как будто бы такое кровосмешение произошло от невоздержания. Как же Писание оправдывает дочерей праведника? *Рече*, говорит, *старейшая к юнейшей: отец наш стар, и никтоже есть на земли, иже внидет к нам, якоже обычно всей земли*. Обрати внимание на цель, и ты освободишь их от всякого осуждения. Они думали, что в мире все совершенно погибло и уже не осталось никого из людей; притом же видели и старость отца. Итак они говорят: чтобы не прекратился род наш и нам не остаться без имени (а древние более всего заботились

о том, чтобы через преемство поколений продолжить род свой), — чтобы и нам, говорят они, не подвергнуться совершенному уничтожению, так как отец наш уже склоняется к старости, а нам не с кем сочетаться, для распространения своего рода и оставления после нас семени, — *гряди убо*, говорит одна другой, чтобы этого не случилось, *упоим отца нашего вином;* так как отец наш сам никогда не потерпит и слышать об этом*, то употребим обман, посредством вина. *Упоиша же отца своего вином в нощи оной: и вшедши старейшая, преспа со отцем своим тоя нощи: и не поразуме он, егда преспа, и егда воста* (ст. 33). Видишь ли, как Божественное Писание оправдывает и праведника, и притом не однажды, а и в другой раз? Во-первых, тем, что дочери обманули его при помощи вина, оно показывает, что иначе они не могли бы убедить отца склониться на такой поступок; а затем, случившееся, как я думаю, и свыше устроено было так, что по причине глубокого сна и омрачения от вина, он вовсе и не знал случившегося. Таким образом, он не подвергся и осуждению. Только те грехи подвергают нас осуждению и наказанию, которые мы совершаем с сознанием и добровольно, а о праведнике, как видишь, Писание свидетельствует, что он совершенно *не поразуме* случившегося. Но здесь опять возникает другой вопрос, — касательно опьянения. И надобно все исследовать, чтобы неразумным и бесстыдным не оставить никакого предлога (к злоречию). Что же мы скажем и об этом? То, что он подвергся опьянению не столько от невоздержания, сколько от скорби душевной.

5. Итак, никто да не дерзает осуждать праведника или дочерей его. Да и не крайнее ли безрассудство и неразумие было бы — тех, кого Божественное Писание освобождает от всякого осуждения, и даже предлагает

---

* О намерении дочерей, какое открывается из последующих слов Священного Писания.

такое для них оправдание, осуждать нам, обремененным неизмеримой тяжестью прегрешений, не слушая слов апостола Павла, который говорит: *Бог оправдаяй, кто осуждаяй* (Рим. VIII, 33)? А что это случилось не просто и не без причины, но чрезмерная скорбь души, посредством употребления вина, довела его до совершенной бесчувственности, послушай, что далее говорит (Писание): *бысть же наутрие, и рече старейшая к юнейшей: се аз преспах вчера со отцем нашим: упоим его вином и в сию нощь и вшедши преспи с ним, и возставим от отца нашего семя* (ст. 34). Видишь, с какой правой мыслью они это делали? *Упоиша же и в ту нощь отца своего вином: и вшедши юнейшая преспа со отцем своим: и не поразуме он, егда преспа и егда воста* (ст. 35). Посмотри, возлюбленный, как все это происшествие было делом Божественного промышления, подобно тому, как (было) с первозданным человеком. Как тогда, во время его сна, Бог, взяв часть от ребра его, сделал это совершенно нечувствительно для него, и, сотворив из этого ребра жену, привел ее к Адаму, — таким же образом сделалось и на этот раз. И если взятие ребра совершилось нечувствительно (для Адама), так как Бог навел на него исступление, то тем более это могло быть в настоящем случае. И что Божественное Писание внушает там, сказав: *и наложи Бог изступление на Адама, и успе* (Быт. II, 21), то же означает и здесь словами: *и не поразуме он, егда преспа, и егда воста. И зачаша*, говорит далее, *от отца своего. И роди старейшая сына, и нарече имя ему Моав, глаголющи: от отца моего. Сей отец Моавитом. Роди же и юнейшая сына, и нарече имя ему Аммон, глаголющи: сын рода моего. Сей отец Аммонитом* (ст. 36–38). Видишь, что случившееся не было следствием невоздержания? И названия рожденным они дали такие, которые указывали на самое событие, и в именах детей, как бы на памятниках каких, начертали память случившегося, и тогда же предзнаменовали, что от них и от рожденных ими

произойдут народы, и многочисленное потомство. Один, как сказано, будет отцом Моавитян, а другой — отцом Аммонитян.

6. Впрочем, тогда было еще начальное и первобытное время (человечества), и как все хотели через продолжение своего рода сохранить память о себе, то и дочери праведника прилагали к тому столько заботы. Но ныне, когда по благодати Божией состояние веры возвысилось и, по словам блаженного Павла, уже *преходит образ мира сего* (1 Кор. VII, 31), мы должны оставлять память по себе добрыми делами, чтобы и после отшествия нашего отсюда превосходство нашей добродетельной жизни было напоминанием и назиданием для взирающих на нас. Добродетельные и соблюдающие целомудрие не только в здешней жизни могут приносить весьма великую пользу взирающим на них, но и по окончании ее. Чтобы убедиться в этом, посмотри, сколько веков прошло до настоящего времени, и мы, всякий раз, как скоро хотим возбудить в ком-либо ревность к целомудрию, представляем в пример благообразного, прекрасного, юного Иосифа, в самом цветущем возрасте показавшего такую твердость в сохранении целомудрия, — и таким образом стараемся побудить слушателей к подражанию этому праведнику. Можно ли, скажи мне, довольно надивиться этому блаженному (мужу), который, находясь в рабстве, в самом цветущем возрасте, когда наиболее воспламеняется огонь пожеланий, и видя госпожу, на него нападающую в неистовстве страсти, показал такое мужество и так твердо решился на подвиг целомудрия, что убежал от невоздержной женщины, лишившись своих одежд, но сохранив за то одежду целомудрия? И видно было здесь нечто новое и необычайное: агнец впал в когти волка, или, лучше сказать, львицы, и возмог спастись от нее. И как если бы голубь избег погибели от ястреба, так праведник вырвался из рук той женщины. Не столько удиви-

тельно мне кажется то, что три отрока в вавилонской печи явились победителями огня и что тела их нимало не пострадали, сколько дивно и необычайно то, что этот праведник, вверженный в печь более страшную, чем вавилонская, — я говорю о непотребстве египтянки, — остался неприкосновенным и вышел из нее, сохранив чистой одежду целомудрия. Впрочем, и не удивляйся, возлюбленный; так как он со своей стороны употребил на то все силы, то имел и свыше помощь, которая содействовала ему, угашала то пламя, и среди печи даровала ему росу от Духа Святого. Видите, как люди добродетельные, и здесь находясь, и по преставлении отсюда, бывают для нас примерами к пользе нашей? Теперь мы для того и привели в пример этого праведника (Иосифа), чтобы все последовали ему. Итак, будем все соревновать ему, станем выше чувственных обольщений и зная, что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего* (Еф. VI, 12), будем так и вооружать себя. Представляя себе, что мы, облеченные телом, вынуждены бываем бороться с силами бестелесными, будем ограждать себя оружием духовным. Так как мы облечены плотью, но имеем брань с силами невидимыми, то человеколюбец Господь уготовал для нас и оружие невидимое, чтобы силой этого оружия мы могли преодолевать естество противоборников наших. Итак, уповая на силу этого оружия, будем и со своей стороны употреблять все, что нужно: тогда будем в состоянии, ограждаясь этим духовным всеоружием, поразить в самое лице диавола. Он не может сносить молнии, исходящей от такого оружия, и хотя бы усиливался противостать ему, тотчас ослепляется его зрение. Благодать же Духа ниспосылается в обилии там, где соединяются целомудрие, честность и другие добродетели; потому и Павел говорил: *мир имейте со всеми и святыню* (Рим. XII, 18; Евр. XII, 14). Итак, увещеваю, будем

очищать совесть нашу и разум, чтобы, освободившись от всякой нечистой мысли, нам привлечь на себя благодать Духа, победить козни диавола и удостоиться наслаждения вечных, неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLV

И пойде оттуду Авраам на землю полуденную, и вселися между Кадисом и между Суром: и обита в Герарех (Быт. XX, 1)

1. Радуюсь, видя, что вы собираетесь для слушания (слова) и с великим удовольствием принимаете наше поучение. А оттого и сам с большим усердием каждый день стараюсь предлагать вам свою скудную и небогатую трапезу. Ваша усиленная ревность прикрывает скудость трапезы и малому дает вид великого. Подобное можно видеть и в чувственных яствах. Так, кто принимает у себя гостей уже пресыщенных, то хотя бы и предлагал им множество яств, пресыщение гостей уменьшает цену угощения, так что и великое часто кажется не стоящим никакой цены, потому что гости приступают к яствам без удовольствия. Напротив, кто принимает алчущих, имеющих сильное желание угощения, то хотя бы предлагал скудную трапезу, она кажется великой, так как угощаемые с большим удовольствием вкушают предлагаемое. Таким же образом и мы, уверенные в вашей духовной алчбе, не сомневаемся постоянно предлагать любви вашей нашу трапезу, хотя простую и скудную. Так и премудрый сказал: *лучше учреждение от зелий с любовию, нежели представление телцев со враждою* (Притч. XV, 17), выражая тем, что любовь иначе смотрит на предлагаемое, что очам ее и скудное

кажется роскошным и малое – великим. Итак, какое состояние может быть блаженнее нашего, когда мы беседуем среди такого множества слушателей, питающих столь пламенную и деятельную любовь к нам? Ничто так не нужно для говорящего, как расположение слушателей. Когда он видит в слушателях пламенное усердие, то укрепляется и сам, и как бы приобретает великую силу, зная, что чем обильнее предложит он духовную трапезу, тем более и сам для себя получит прибыли. В этом отношении духовное противоположно чувственному. Там обилие трапезы причиняет убыток и уменьшает достояние хозяина, а здесь совершенно напротив, – чем больше участвующих в трапезе, тем более увеличивается наше достояние, потому что мы говорим не свое, но то, что благодать Господа подает нам, по Его человеколюбию и ради вашего назидания. Итак, если вы с таким удовольствием и усердием приступаете к слушанию, то продолжим изъяснение недавно прочитанных мест Писания и извлечем оттуда плоды на пользу себе. Великая заповедь Христова: *испытайте Писаний* (Ин. V, 39) показывает, что в Писаниях заключено и скрывается во глубине их много сокровищ; поэтому и необходимо исследование, чтобы, познав силу, сокрытую во глубине Писаний, мы могли приобрести оттого всю для себя пользу. Для того благодать Духа и благоволила изобразить в Писании добродетели всех праведных, чтобы мы имели постоянное поучение и, по подражанию и примеру праведных, устрояли собственную жизнь. Итак, послушаем, что Божественное Писание и сегодня хочет возвестить нам о праотце (Аврааме). *И пойде,* говорит, *оттуду Авраам на землю полуденную, и вселися между Кадисом и между Суром: и обита в Герарех. И пойде,* говорит Писание, *оттуду*. Откуда он пошел? От того места, где жил в палатке, и где удостоился принять Господа с ангелами. *И пойде оттуду и обита в Герарех.* Посмотри, как прост и неизыскан был образ жизни

праведников, с каким удобством они совершали свои переселения, устрояли свою жизнь, как странники и пришельцы, и то здесь, то там водружая свои палатки, как бы всю жизнь проводили в чужой стране. Не так делаем мы. Живя в чужой стране, как будто в отечестве, мы воздвигаем великолепные дома, с портиками и галереями, приобретаем во владение поместья, строим роскошные бани и еще многое другое без числа. Посмотри же, как у праведника все имущество заключается в домочадцах и в стадах, и как нигде он не имеет постоянного жилища, но то в Вефиле ставить свою палатку, то под дубом мамврийским, то переходит в Египет, а теперь переселяется в Герары, и все это переносит с благодушием и за все воздает искреннее благодарение своему Господу. После столь великих обетований и благовестий, данных ему от Бога, видя себя окруженным такими (тяжкими) обстоятельствами, подвергаясь многим и разнообразным искушениям, он оставался непоколебим, как адамант, постоянно показывал в себе дух благочестивый, и среди всех препятствий нисколько не ослабевал в деятельности. Посмотри и теперь, возлюбленный, какое искушение постигает его в Герарах, и подивись твердости праведника в добродетели. Это искушение, ни для кого невыносимое, так что иной не мог бы и слышать о нем, он перенес без огорчения, не требуя от Господа отчета в случившемся, как делают многие люди, будучи притом сами обременены бесчисленным множеством прегрешений. Они, когда подвергаются каким-нибудь скорбям, тотчас предаются беспокойству и пытливости и спрашивают: для чего случилось то и то? Для чего это попустил Бог? Но не таков был праведник: за то тем большую и получал он помощь свыше. Именно таково свойство истинно благомыслящего раба – не испытывать того, что от Господа бывает, а принимать от Него все в безмолвии и с благодарением.

2. Заметь и то, как в самых искушениях добродетель праведника более и более просиявала, потому что Бог во всех случаях обнаруживал ее. Как прежде, придя в Египет странником, человеком никому неизвестным и незнакомым, праведник вдруг возвратился оттуда с великой честью, — так и теперь, поселившись в Герарах, сначала сам делает, что от него зависело, а потом получает столь великую помощь от Бога, что и царь и все тамошние жители со всем усердием оказывают услуги праведнику. *Рече же,* говорит Писание, *Авраам о Сарре жене своей, яко сестра ми есть: убояся бо рещи, яко жена ми есть, да не когда убиют его мужиеградстии ея ради* (Быт. XX, 2). Посмотри, какие тяжкие чувства стесняли душу праведника, и какой страх поражал его. Прежний, хотя очень сильный, страх потерять жену теперь уступил место страху смерти. И чтобы избежать смерти, он должен был видеть собственными глазами, как сожительница его впала в руки царя. А сколь невыносимо это, о том знают имеющие жен. Потому и премудрый сказал: *исполнена ревности ярость мужа ея; не пощадит в день суда, не изменит ни единою ценою вражды* (Притч. VI, 34, 35). Но это тяжкое и для всякого другого невыносимое обстоятельство, посмотри, как великодушно перенес праведник, по страху смерти. То же обыкновенно бывает и в телесных страданиях. Когда две болезни в одно и то же время поражают наше тело, то усиление одной подавляет другую; мы всецело предаемся чувству сильнейшей боли, и часто даже вовсе не ощущаем другой, потому что чувство сильнейшей боли увлекает нас и не дает чувствовать болезни слабейшей. Точно таким же образом этот праведник, видя угрожающий ему страх смерти, все прочее считал более сносным. Впрочем, слыша это, возлюбленный, не обвиняй праведника в малодушии, за то, что он боялся смерти. Но лучше подивись, какое великое человеколюбие оказал нам Господь в том, что смерть, в то время

страшную для самых праведных и святых, Христос сделал для нас презренной, что над той самой смертью, которой страшились мужи добродетельные, имевшие такое дерзновение перед Богом, теперь смеются юноши и девы. Смерть теперь уже не то, что была прежде, а сон, удаление и переселение из худшего мира в лучший. Смерть Господа даровала нам бессмертие; сойдя во ад, Он сокрушил силы его и разрушил его могущество; и этот ад, прежде страшный и неодолимый, Христос сделал теперь столь презренным, что некоторые люди (не боясь его) стремятся и спешат переселиться отсюда. Так и Павел восклицает, говоря: *разрешитися и со Христом быти много паче лучше* (Флп. I, 23). Но все это только ныне, – после пришествия Христова, после того, как сокрушены врата медные и Солнце правды воссияло по всей вселенной. А в те (древние) времена (смерть) имела еще страшный вид и потрясала душу тогдашних праведных мужей, так что все другое, хотя бы по-видимому и невыносимое, они переносили легко. Таким образом и этот праведник, опасаясь коварства жителей Герарских, выдавал (Сарру) не за жену, а за сестру, и таким образом там жил. И как переселиться в Египет Бог попустил ему с той целью, чтобы тамошние невежественные и бесчувственные (жители) узнали добродетель праведника, так и здесь Господь показывает Свое долготерпение, чтобы и терпение праведника просияло во всем, и Божие к нему благоволение сделалось явно для всех. *Посла же Авимелех, царь Герарский, и взя Сарру* (ст. 2). Представь себе душевную бурю, какую должен был вытерпеть праведник, видя похищение своей жены, и не имея никакой возможности защитить ее. Но он все переносил безмолвно, будучи уверен, что Господь не оставит его, а подаст скорую помощь. Надобно дивиться и великой любви Сарры в том, как она хотела избавить праведника от опасности смерти. Ведь она могла, открыв тай-

ну, избегнуть несомненно угрожавшего ей бесчестья. Но она решилась перенести все великодушно, чтобы спасти праведника. И исполнилось сказанное: *будета два в плоть едину* (Быт. II, 24). Они так заботились о спасении друг друга, как бы составляли одну плоть, и показывали такое единомыслие, как бы имели одно тело и одну душу. Да слышат это мужья, да слышат и жены: жены, для того, чтобы питать такую же любовь к мужьям и ничего не считать важнее их спасения; а мужья — чтобы иметь столь же великое к ним расположение, и поступать во всем так, как бы имели одну душу и составляли одно тело.

3. Вот истинное супружество, когда между супругами царствует такое согласие, когда между ними столь тесный союз, когда они соединены взаимно такой любовью. Как тело никогда не может быть в несогласии само с собой, равно и душа — сама с собой, так и мужу с женой должно не разногласить, но жить в единении. Отсюда может произойти для них бесчисленное множество благ. Все блага стекаются там, где такое единодушие, — там мир, там любовь, там душевное веселье; нет там ни ссоры, ни брани, ни вражды, ни сварливости; все это исчезает, потому что корень всех благ, то есть единомыслие, уничтожает все это. *Посла же Авимелех, царь Герарский, и взя Сарру. И прииде Бог ко Авимелеху нощию во сне, и рече ему: се ты умираеши жены ради сея, юже поял еси: сияже есть сожительствующая мужу* (ст. 2 и 3). Посмотри, как Бог человеколюбив. Зная, что праведник по страху смерти великодушно перенес похищение Сарры и что царь взял ее, как сестру праведника, Бог являет Свое промышление, одновременно и праведника еще более прославляя, и Сарру избавляя от бесчестья, и царя удерживая от преступления. *И прииде Бог ко Авимелеху нощию во сне.* Бог, говорит Писание, желая предохранить царя от преступления, во время сна сообщил душе его ведение и открыл ему сокровенное,

и вместе навел на него великий страх угрозой смерти. *Се ты умираеши*, говорит, *жены ради сея, юже поял еси: сия же есть сожительствующая мужу. Авимелех же не прикоснуся ей* (ст. 3 и 4). А это все сделано для того, чтобы обетование Божие, данное праотцу, пришло в исполнение. Так как незадолго перед тем обещано ему было, что родится от него сын, Исаак, и это время уже приближалось, то чтобы обетование Божие не подверглось какому-либо осквернению, Бог наводит на Авимелеха такой страх, что он, пораженный, не осмелился коснуться Сарры. По этой-то причине Божественное Писание и присовокупило, что *Авимелех не прикоснуся ей*. Но царь еще оправдывается в своем дерзновении и говорит: *Господи, язык праведен* и *неведущий погубиши ли* (ст. 4)? Разве я, говорит, сделал это, зная, что она жена? Разве я хотел обидеть странника? Разве взял ее, как жену его? Я хотел взять ее, как сестру его, думая тем оказать честь и ей и ему. Итак, *язык неведущий и праведен погубиши ли?* Неужели, говорит, погубишь меня, сделавшего это с сознанием правильности? Потом, объясняя слова свои, говорит еще: *не сам ли ми рече: сестра ми есть; и сия ми рече: брат ми есть* (ст. 5). Посмотри, какое у них было единомыслие и согласие: он сам, говорит (Авимелех), сказал мне это, и она подтвердила слова его. *Чистым сердцем и в правде рук сотворих сие* (говорит он), не имея намерения – совершать что-нибудь беззаконное, но сделал это, как дело позволительное, возможное, не имеющее в себе ничего предосудительного. Что же человеколюбивый Господь? *Рече же ему Бог во сне* (ст. 6). Посмотри, какое снисхождение оказывает Господь, во всем являя Свою благость. *И Аз*, говорит, *познах, яко чистым сердцем сотворил еси сие.* Знаю, говорит, что они сами устроили этот замысел, и что ты сделал это, будучи обманут словами их; и потому-то, чтобы обман их не ввел тебя в грех, *пощадех тя, да не согрешиши ко мне.* Велико снисхождение в этих словах, велико человеко-

любие Господа! «Против Меня, говорит, обратился бы этот грех». Как у людей, когда кто-нибудь сделает обиду рабу, пользующемуся большой честью у своего господина, господин относит эту обиду к самому себе, и говорит: ты меня оскорбил тем, что так поступил с моим рабом — что с ним делают, то меня касается, — в том же смысле и благий Господь говорит: *пощадех тя, да не согрешиши ко мне.* Они, говорит, Мои рабы, и Я такое имею о них попечение, что все, случающееся с ними хорошее или худое, отношу к Себе; *сего ради не попустих ти коснутися ея.* Так как Я много пекусь о них, то, зная, что ты по неведению нанес было им это оскорбление, *пощадех тя, да не согрешиши ко мне.* Не смотри на этого мужа просто, как на одного из обыкновенных людей; но знай, что они из числа тех, о которых Я наиболее промышляю и которые имеют ко мне особенную близость. *Ныне же отдаждь жену мужу, яко пророк есть, и помолится о тебя, и жив будеши* (ст. 7). Посмотри, как Бог открывает добродетель праведника, называет его пророком и как бы самого царя располагает просить его о помиловании. *Помолится,* говорит, о *тебе, и жив будеши.* Он, опасаясь от тебя смерти, устроил такой замысел и едва сам не содействовал бесчестью Сарры; но знай, что его молитвы сохранят тебе жизнь. Но чтобы царь, воспламененный страстью и прельщенный красотой Сарры, не пренебрег повелением, Бог наводит на него страх и угрожает подвергнуть его тяжкому наказанию. *Аще не отдаси,* говорит, *веждь, яко умреши ты, и вся твоя.* Не только ты сам, говорит, понесешь наказание за преслушание, но из-за тебя смерть постигнет и весь твой дом. Для того Бог и возвещал ему все это в ночное время, чтобы, приняв внушение в тишине, он с большим страхом исполнил повеление. И *воста рано Авимелех,* говорит Писание, и *призва вся отроки своя, и глагола словеса сия вся во уши их* (ст. 8).

4. Посмотри, как царь сам делается провозвестником добродетели праведника и всем объявляет о нем. Призвав, говорит Писание, всех слуг своих, рассказал им все, открытое ему Богом, чтобы все узнали благоволение к нему Божие, и то попечение, которого он удостаивался от Господа за свою добродетельную жизнь. *Убояшася же еси человецы зело.* Видишь ли, как не напрасно и не без пользы праведник совершал свои переселения? Если бы он оставался на прежнем месте, то откуда все жители герарские могли бы узнать, каким благоволением пользуется от Бога этот праведник? *Убояшася же, еси человецы зело.* Великий страх объял их; все случившееся поразило их. Потом *призва*, говорит Писание, *Авимелех Авраама* (ст. 9). Представь, с какой честью приводится теперь к царю праведник, тот, который незадолго перед тем считался у них не стоящим никакого внимания, как скиталец и странник. Тотчас, как скоро все собрались, приглашается праотец, ничего не знавший об этом, и только уже от самого царя извещенный о том, что Бог ради его сотворил царю. *И рече ему: что сие сотворил еси нам, что согрешихом тебе, яко навел еси на мя и на царство мое грех велик; дело, еже никтоже сотвори, сотворил еси нам. Что умыслив сотворил еси сие* (ст. 9 и 10)? Для чего, говорит царь, ты хотел ввести меня в такой грех? Для чего и с каким намерением ты сделал это? Посмотри, как царь собственными словами изображает угрозу, слышанную им от Бога. Как Бог сказал ему: *аще не отдали, умреши ты и вся твоя,* так, передавая то же самое, Авимелех говорит: *что согрешихом тебе, яко навел еси на мя и на царство мое грех велик*? На меня ли одного должно было пасть наказание? Все царство мое совершенно могло погибнуть от придуманного тобой обмана. С каким умыслом ты сделал это? Но теперь обрати внимание, возлюбленный, на мудрость праведника, с которой он в дело своего оправдания перед ними вводит поучение к ним о богопознании. *Рекох бо,* говорит,

негли несть благочестия на месте сем, и убиют мя жены ради моея (ст. 11); то есть я опасался, что вы, оставаясь еще в заблуждении (относительно богопознания), нисколько не заботитесь о справедливости; и потому я поступил так, щадя вас же, чтобы вы, узнав, что она моя жена, по страсти к ней не покусились умертвить меня. Посмотри, как этими немногими словами он и обличил их, и научил, что человеку, имеющему всегда Бога в уме своем, не должно делать ничего беззаконного, но страшиться неусыпающего ока Его, и под опасением казни от Него заботиться всегда о справедливости. Потом, желая оправдать самого себя, праотец говорит: не подумайте, будто я и в настоящем случае солгал; *ибо истинно сестра ми есть по отцу, а не по матери: бысть же ми в жену* (ст. 2). Я, говорит, и она имеем одного отца; потому я и назвал ее сестрой. Итак, не осуждайте меня; хотя страх смерти и поставил меня в такую необходимость, так как я опасался, чтобы вы из-за нее не умертвили меня, а ее не присвоили себе, однако же и в этом случае я не сказал неправды. Посмотри, как старается праведник доказать, что он и здесь не солгал. Если, говорит, вы хотите знать от меня все в точности, то выслушайте и самое совещание, какое мы имели между собой. *И бысть, егда изведе мя Бог от дому отца моего* (ст. 13). Обрати здесь внимание на великую мудрость праведника, с какой он, в порядке повествования о себе, показывает им, что он с самого начала был одним из избранных Богом, что Сам Бог и из дома воззвал его, и в их страну привел, чтобы царь познал, что он один из людей, имеющих великое дерзновение перед Богом. *Егда*, говорит, *изведе мя Бог из дому отца моего, рех ей: правду сию сотвориши ми, во всяко место, идеже аше приидем, тамо рцы о мне, яко брат ми есть*. Так как выше он сказал: *рекох бо: негли несть благочестия на месте сем,* и ему казалось, что этими словами он слишком уже поразил их, — то, желая смягчить силу этого упрека, он теперь

говорит: не подумайте, будто мы решились поступить так только с вами. Нет, еще тогда, *егда изведе мя Бог от дому отца моего, рех ей: правду сию сотвориши ми, во всяко место, идеже аще приидем.* Я сделал ей, говорит он, такое предостережение относительно всех, живущих на этой земле; и при всем том это намерение не заключает в себе лжи, а прибегнуть к нему принудил нас страх смерти. Сказав это, праведник и гнев их укротил, и собственную добродетель открыл, и преподал им достаточное наставление в богопочтении. После того царь, уважая такую великую кротость праведника, вознаграждает праотца с свойственной царю щедростью. *Взя же,* говорит Писание, *Авимелех тысящу дидрахм, и овцы, и телцы, и рабы, и рабыни, и даде Аврааму, и отдаде ему Сарру жену его* (ст. 14). Видишь ли, возлюбленный, благопромыслительную премудрость Божию? Тот, кто боялся смерти и употреблял все средства, чтобы избегнуть ее, не только избег смерти, но и получил еще великое одобрение и сверх ожидания своего прославился.

5. Таковы дела Божии! Бог не только избавляет от скорбей тех, кто старается великодушно переносить посылаемые на них искушения, но и в самих скорбях доставляет такое утешение, что мы совершенно забываем их и получаем великое множество благ. Посмотри же далее, какие услуги царь оказывает праведнику. Он не только почтил праведника богатыми дарами, но и дает ему позволение жить на своей земле. *Се,* говорит, *земля моя пред тобою: идеже аще тебе угодно есть, вселися* (ст. 15). Когда царь убедился, что ему дарована жизнь ради праведника и по его молитвам, то чужеземцу, страннику и дотоле совершенно неизвестному человеку начинает услуживать, как своему благодетелю и покровителю. *Сарре же* (говорит Писание) *рече: се дах тысячу дидрахм брату твоему* (ст. 16). Посмотри, как он, получив вразумление от праведника и поверив словам его, и сам называет его братом ее. Что, говорит, я дал брату твоему,

будут в честь лица твоего, и во всем истинствуй. Что это значит: *в честь лица твоего, и во всем истинствуй?* За то, что я по неведению покусился ввести в дом свой тебя, жену праведника, только за то одно, что я сделался виновником твоего бесчестья, я дал тысячу дидрахм, желая вознаградить тебя за то, что я сделал тебе. Но *во всем истинствуй.* Что значит: *во всем истинствуй?* Пусть, говорит, узнают от тебя, что с моей стороны не сделано никакого преступления, что ты вышла из дома моего неприкосновенной. Уверь, говорит, мужа твоего, что я не виновен во грехе; пусть он узнает от тебя, что я ничего не сделал с тобой. Для чего же он говорит это? Для того, чтобы праведник, узнав от ней и удостоверившись в этом, вознес за него молитвы к Господу. Действительно, тотчас вслед за его словами: *во всем истинствуй*, то есть скажи мужу твоему все, что как было, Писание прибавляет: *и помолися Авраам Богу, и исцели Бог Авимелеха, и жену его, и рабыни его, и начата раждати: яко заключая заключи Господь от внеуду всяка ложесна в дому Авимелеха, Сарры ради жены Авраамли* (ст. 17 и 18). Посмотри, как Господь, через все такие случаи более и более прославляя праведника, по молитвам праотца дарует спасение царю и всем в доме его. *Помолися же,* говорит Писание, *Авраам Богу, и исцели Бог Авимелеха, и жену его, и рабыни его, и начата раждати: яко заключи Господь от внеуду всяка ложесна в дому Авимелеха.* Хотя царь и удержался от греха, но благой Господь послал на него это наказание для того, чтобы потом, преклонившись на молитвы праведника, даровать царю избавление и таким образом еще более прославить и возвеличить праведника. Так всегда Господь творит и устрояет, и каждое событие так направляет, что верно служащие Ему, как светила, просеивают, и добродетель их делается известной повсюду. Наконец посмотри, возлюбленный, как, после избавления от скорбей, праведник получает венец всех благ, — исполнение обетования,

совершение давно предвозвещенного ему Богом. *И Господь*, говорит Писание, *посети Сарру, якоже рече: и сотвори Господь Сарре, якоже глагола. И зачепши Сарра, роди Аврааму сына в старости, во время, якоже глагола ему Господь* (XX, 2). Что значат выражения: *якоже рече, якоже глагола?* Значат: как обещал Господь тогда, когда в виде странника с ангелами принят был праотцом под дубом мамврийским и когда сказал: *в сие время возвращуся к тебе, и будет Сарре сын* (XVIII, 14); так это и исполнилось. То, чего не могла сделать природа, то увидели они совершившимся, не по обыкновенному порядку человеческих дел, а по благодати Божественной. *И нарече Авраам имя сыну своему, егоже роди ему Сарра, Исаак* (ст. 3). Не без причины Божественное Писание присовокупило: *егоже роди ему Сарра.* Оно не сказало просто: *нарече имя сыну своему,* а прибавило: *егоже роди ему Сарра,* то есть жена, дотоле нерождавшая, бесплодная, престарелая. *И обреза*, говорит Писание, его *в осьмый день, якоже заповеда ему Бог* (ст. 4). Так было повелено (от Бога), чтобы новорожденных обрезывать в восьмой день. Далее, чтобы мы еще более уразумели неизреченную силу Божию, по которой и *невозможная у человек возможна суть у Бога*, Божественное Писание опять указывает нам и самое время (этого события), и сказав о рождении (Исаака), замечает нам: *Авраам же бе ста лет, егда бысть ему Исаак сын его. Рече же Сарра: смех мне сотвори Господь: иже бо аще услышит обрадуется со мною* (ст. 5 и 6). Что значат эти слова: *смех мне сотвори Господь*? Значат: рождение сына есть для меня предмет радости. Впрочем, что же было бы удивительного, если только для меня? Да и все, кто только услышит об этом, будут радоваться вместе со мной, не потому, что я родила, но потому, что родила таким (необычайным) образом. Дивность события всех приведет в изумление и всем доставит тем большее утешение, когда узнают, что я, в моем состоянии, нисколько не лучше мертвых, вдруг сделалась матерью, родила

чадо из заматоревшей утробы, и еще могу питать его сосцами и источать молоко, я, уже не имевшая никакой надежды на деторождение. *И рече: кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отрока Сарра* (ст. 7)? Для того и сообщены ей источники молока, чтобы удостоверять в действительности рождения, чтобы кто-нибудь не стал считать дитя за подложное; потоки молока всем ясно показывали, что событие сверх всякого человеческого ожидания совершилось. *Кто возвестит, яко млеком питает отроча Сарра*, — что я родила сына в старости моей? Что я — престарелая возмогла родить и, в таких летах, могу еще питать сосцами дитя? *И возрасте*, говорит Писание, *отроча и отдоено бысть: и сотвори Авраам учреждение велие, в оньже день отдоися Исаак сын его* (ст. 8).

6. Видишь ли неизреченную премудрость Божию, как Бог, испытав всеми способами терпение праведника, — тогда именно привел в исполнение Свое обетование, когда и сам праотец, и все взиравшие на него, судя по человеческой природе, казалось, не могли уже иметь никакой надежды? Так и мы покажем, возлюбленные, такое же терпение, по примеру праведника, и никогда не будем отчаиваться, а станем питаться благими надеждами, зная, что ни трудность дела, ни что-либо другое человеческое не может слишком препятствовать нам, когда благодать Божия благоволит оказать нам собственную щедрость. Мановению Божию все повинуется и покоряется, и тогда трудное становится легким, и невозможное — возможным. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы Его, становились выше всего человеческого. Тот, Кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели, Тот не дарует ли тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? Именно тогда преимущественно будем мы наслаждаться этими благами в обилии, когда решимся презирать их. Итак, зная это, будем

желать благ постоянных, неизменных и нескончаемых, чтобы и настоящую жизнь провести беспечально, и тех благ достигнуть, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVI

И рече (Сарра): кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отроча Сарра, яко родих сына в старости моей? (Быт. XXI, 7)

1. Будем и сегодня, возлюбленные, продолжать вчерашнюю беседу, и снова предложим вам духовную трапезу, чтобы еще раз увидеть, как вы и вчера слышали, неизреченное промышление и снисхождение благого Бога и, с другой стороны, великое послушание праотца и его душевное расположение. Вы видели, как рождение Исаака обрадовало Сарру. *Рече же,* говорит Писание, *смех мне сотвори Господь: иже бо аще услышит, обрадуется со мною* (ст. 6). Всякий, говорит, кто услышит об этом, примет участие в моей радости. Велик дар, ниспосланный мне от Бога; он превышает человеческую немощь. Кто, говорит она, не изумится, видя, как я питаю молоком от сосцов своих, уже находясь в крайней старости, и до настоящего времени будучи бесплодной? И как бы сама удивляясь и изумляясь этому событию, Сарра присовокупляет: *кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отроча Сарра, яко родих сына в старости моей?* Так как это событие было выше природы, потому Сарра и говорит: кто возвестит? То есть: кто подумает? Кто бы мог представить себе это? Какой ум в состоянии постигнуть это? Какое рассуждение достаточно будет для того, чтобы вполне объяснить случившееся? Не столько удивительно, что из камня в пустыне потекли

источники вод, когда Моисей ударил по нем жезлом, сколько то, что из утробы, уже омертвевшей, родилось чадо и явились потоки молока. Чтобы всем была очевидна действительность рождения, и чтобы всех, как современников, так и потомков, слышащих об этом, уверить в чуде, Сарра сама питает младенца, и принимает на себя труд вскормить его собственным молоком, и говорит: *кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отроча Сарра*? Не новое ли это, удивительное и сверх всякого ожидания дарованное мне утешение, что я родила сына в старости моей? Что значит: *родих сына в старости моей*. Значит: кроме неплодства, самые лета возраста были таковы, что надобно было отказаться от всякой надежды рождения. Но Господь, устранив все эти препятствия, даровал мне и рождение сына и источники молока. Рассмотрим теперь последующие события. Когда окончилось время питания молоком, *видевши Сарра*, говорит Писание, *сына Агари Египтяныни, иже бысть Аврааму, играюща со Исааком сыном своим, и рече Аврааму: измени рабу сию и сына ея: не наследит бо сын рабы сея с сыном моим Исааком. Жесток же явися глагол сей зело пред Авраамом о сыне его* (ст. 9—11). Посмотри здесь, возлюбленный, как Сарра опять не терпит вольностей Измаила, и не может равнодушно переносить, чтобы сын рабыни обращался так с Исааком. И как прежде, желая смирить высокомерие Агари, в сильном негодовании она заставила ее обратиться в бегство, так и теперь, желая в самом начале обуздать притязания Измаила, и не будучи в состоянии равнодушно терпеть, чтобы сын, рожденный по благодати и дарованный Самим Богом, обращался вместе с сыном рабыни — египтянки, она говорит Аврааму: *измени рабу сию и сына ея: не наследит бо сын рабы сея с сыном моим*. Сарра видела, что и сама она находится в глубокой старости, и праотец уже достиг преклонных лет (так как оба уже прожили много лет), и опасалась, чтобы, в случае внезапной их

смерти, Измаил, по праву рождения от семени праотца, не стал домогаться участия в наследии отца и равнять себя с Исааком, поэтому и стала говорить: *измени рабу сию и сына ея.* Пусть, говорит, знает Агарь, что сын рабыни не будет иметь ничего общего с сыном моим Исааком; да и не прилично, чтобы сын рабыни обращался так близко с сыном госпожи. Впрочем, Сарра поступила в этом случае не несправедливо, а очень справедливо, и так справедливо, что и Сам Бог одобрил ее слова. А праотец, будучи любвеобилен и привязан к Измаилу, с неудовольствием принял слова Сарры. *Жесток же,* говорит Писание, *явися глагол сей зело пред Авраамом о сыне его.* Он не об Агари заботился, но имел сострадание к отроку, уже бывшему на возрасте. Заметь же здесь чрезвычайное снисхождение человеколюбца Бога. Он видел, что негодование Сарры на равночестие детей есть чувство обыкновенное, свойственное человеческой природе, но что и Авраам не может равнодушно перенести изгнания Измаила и рабыни (хотя он и не противоречил Сарре по великой своей кротости, однако это казалось ему *жестоко,* то есть тяжело, неприятно и невыносимо). Поэтому Господь, со свойственным Ему человеколюбием, желая укрепить союз их единодушия, говорит Аврааму: *да не будет жестоко пред тобою о отроце и о рабыни: вся, елика аще речет тебе Сарра, слушай гласа ея* (ст. 12). Не принимай, говорит, со скорбью слов ее; но во всем, что ни скажет тебе Сарра, слушай ее.

2. Все то, говорит Бог, что ныне высказывает тебе Сарра касательно Измаила и Агари, прими и послушайся слов ее. Не желай оскорбить ту, которая во все время (сожительства с тобой) показывала столь великую любовь к тебе, которая не один раз, но дважды, чтобы избавить тебя от смерти, жертвовала собой для твоего спасения и стала для тебя виновницей такой славы: и во-первых, сделала то, что ты с таким богатством вы-

шел из Египта; а потом была причиной, что ты удостоился такой чести от Авимелеха. Итак, не позволяй себе предпринимать что-либо вопреки словам ее. Да не иначе и будет впоследствии. *Яко во Исаацe*, рожденном от нее, *наречется тебе семя* (ст. 12), и он будет твоим наследником. *Сына же рабыни сея в язык велик сотворю его, яко семя твое есть* (ст. 13). Поэтому сделай так, как она говорит тебе, и послушайся слов ее. Посмотри же теперь, какой вдруг мир, какое единодушие водворились в сожительстве их, как скоро благость Божия скрепила союз их. *Воста же*, говорит Писание, *Авраам заутра, и взя хлебы, и мех воды, и даде Агари: и возложи на плещи ея отроча, и отпусти ю* (ст. 14). Заметь опять великое благомыслие праведника, и то, как он во всем обнаруживает благочестивое настроение. Когда он услышал слова Сарры: *изжени рабу и сына ея*, это показалось ему неприятно, потому что он питал любовь к Измаилу. Но когда и Господь тоже повелел, он тотчас исполнил повеленное и забыл естественную любовь свою; он рассуждал, что как скоро Бог повелевает, то всякая страсть должна упраздниться, потому что повелевающий есть Господь природы. Итак, рабыня, говорит Писание, взяв хлебы и мех воды, *отошла* с отроком. Но смотри опять, как, по благоволению Божию к праведнику, и она удостаивается попечения свыше. Изгнанная (Авраамом) Агарь блуждала по пустыне, и, оставшись без воды, нигде не находила для себя никакого утешения. *И поверже*, говорит, Писание, *отроча под елию единою* (ст. 15). Сердце ее сокрушалось от скорби и любви к сыну, и вот она *седяще*, сказано, *прямо ему издалече, якоже дострелити из лука: рече бо: да не вижду смерти детища моего: и седе прямо ему издалече: воскричав же отроча, восплакася* (ст. 16). Но милосердый и человеколюбивый Бог, Которого попечение о нас превосходит всякую любовь отца и матери, *услыша глас отрочате от места, идеже бяше* (ст. 17), сжалился над отроком и умилосердился над страданием Агари. Он

попустил ей только почувствовать свое одиночество, и тотчас даровал ей Свою помощь. *И воззва,* говорит Писание, *Ангел Божий Агарь с небесе и рече ей: что есть Агарь; не бойся: услыша бо Бог глас отрочища от места, идеже есть* (ст. 17). *Востани и пойми отроча, и ими рукою твоею его:* в *язык бо велик сотворю его* (ст. 18). О, как человеколюбив Господь! Он не презрел ее, хотя она и рабыня была; но по Своему обетованию праотцу, от семени которого был Измаил, Он удостоивает и Агарь Своего, столь великого, попечения и говорит: *что есть Агарь; не бойся: услыша бо Бог глас отрочища. Востани и пойми отроча, и ими рукою твоею* его; *в язык бо велик сотворю его.* Не скорби, говорит, о том, что ты изгнана из дому, потому что о сыне твоем Я буду иметь такое промышление, что и он получит многочисленное потомство. *И отверзе Бог,* сказано, *очи ея* (ст. 19), не потому, будто она дотоле не имела зрения, а потому, что и открытые глаза не приносили ей пользы без откровения свыше. Поэтому, когда Бог хотел показать ей Свое попечение о ней, *отверзе,* сказано, очи ее, то есть сообщил Свое откровение ей неведущей, воскресил ее дух, указал ей путь, так что она увидела и место, где протекали потоки воды. *И узре,* говорит Писание, *кладязь воды живы, и иде и налия мех воды, и напои отроча* (ст. 19). В непроходимых местах Господь указал ей путь; и когда она находилась в таком беспомощном состоянии, не имея никакой надежды на спасение, Он явил ей Свое милосердие, вместе и ее самое утешив и об отроке показав Свое промышление. Так, хотя бы мы находились в пустыне, хотя бы в самых крайних бедствиях, хотя бы не имели никакой надежды на спасение, но как скоро Богу угодно будет (помочь нам), мы не будем иметь нужды ни в чьей помощи, а одна помощь Божия доставит нам все. Если мы приобретем Его благоволение, то никто не преодолеет нас, и мы будем выше всего. *И бяше,* говорит Писание, *Бог со отрочатем, и возрасте и вселися в пустыни* (ст. 20). Так,

когда мы снискали благоволение Божие, то, хотя бы находились в пустыне, мы будем жить безопаснее живущих в городах, потому что помощь Божия есть величайшая защита и стена неопреодолимая. А чтобы понять, как находящийся в пустыне может быть безопаснее и могущественнее того, кто живет в городах и пользуется большей помощью от людей, вспомним, как Давид, скитаясь из места в место, и проводя жизнь, как странник, был ограждаем вышней десницей. А напротив Саул, который находился среди городов, водил с собой столько войска, и имел копьеносцев и телохранителей, Саул каждый день трепетал и страшился нападения неприятелей. Тот – одинокий, не имея при себе никого другого, не нуждался в человеческом содействии; а этот, будучи облечен в диадему и нося багряницу, имел нужду в его помощи: царь нуждался в пастухе, облеченный в диадему – в незнатном человеке (см.: 1 Цар. XVII).

3. Впрочем, если хотите, начнем слово наше несколько выше, чтобы, вполне представив все это событие, убедиться, что нет ничего сильнее (человека) огражденного высшей помощью, и нет ничего слабее лишенного этой помощи, хотя бы он был окружен бесчисленным множеством войска. Давид был еще очень молод и, по причине несовершеннолетия, жил в доме отца; но как уже наступало время открыться его добродетели, то, получив приказание отца посетить своих братьев, он послушался и отправился к ним. Придя таким образом для свидания с ними, он узнал, что предстоит битва с иноплеменником Голиафом, что весь народ еврейский вместе с Саулом поражен страхом, и сам царь находится в опасности потерять все. Тогда Давид сначала хотел только видеть это новое и странное зрелище, как один человек решился противостать целым тысячам. Но братья, не терпя мужества его духа, стали завидовать ему и говорили: или ты за тем только пришел, чтобы смотреть на сражение (см.: 1 Цар. XVII, 28)?

Итак не для свидания с нами пришел ты? Посмотри на его благоразумие и великую кротость. Он не говорит им ничего дерзкого и грубого, а утишая их пламень и укрощая зависть, отвечает: *несть ли речь* (ст. 29)? Разве вы не видите, что я не взял и оружия и не становлюсь в ряды войска? Я просто хотел только посмотреть и узнать, откуда у этого человека такая безмерная гордость: *яко кто есть иноплеменник необрезанный сей, иже поносит полку Бога живаго* (ст. 26)? Потом, слыша крайне горделивые речи его и видя, как все бывшие с Саулом поражены невыразимым страхом, говорит: *что сотворите мужу, иже убиет иноплеменника онаго* (ст. 26)? И обнаружив такими словами великое мужество души своей, приводит всех в изумление. Саул, узнав об этом, призывает к себе юношу, не знавшего ничего, кроме должности пастушеской, и, видя (малый) возраст его, показывает к нему пренебрежение. Но услышав от него, как он справлялся с медведями, когда они нападали на стада его (не тщеславие побудило этого славного мужа рассказать об этом, но необходимость, чтобы и в Саула вдохнуть мужество, и обратить его внимание не на слабость наружную, а на веру, сокровенную внутри, и на помощь свыше, с которой он — юноша был сильнее мужей, безоружный — вооруженных, пастух — воинов), — узнав, говорю, отсюда мужество духа его, царь хотел облечь его в собственное (царское) оружие; но он, возложив на себя это оружие, не мог даже и снести его. А так случилось для того, чтобы тем яснее открылась сила Божия, которая через него действовала, и чтобы последствия не были приписаны силе оружия. И так как, облеченный в оружие, он чувствовал тягость, то и сложил его, а взял только пастушескую суму и несколько камней, и с этим вышел против той воплощенной башни*. Иноплеменник, со своей стороны, смотря на

* Святитель выражает этим исполинский рост Голиафа.

слабость его возраста, уничижает праведника, и сперва словами нападает на него, как на бессильного отрока. Именно, когда он увидел, что Давид выступает против него с пастушеской сумой и несет с собой одни камни, то начал говорить ему почти так: ты думаешь, видно, что ты опять приставлен к овцам и гоняешь каких-нибудь собак? И ты, как будто на гоньбу за какой-нибудь собакой, решаешься на битву со мной с таким оружием? А вот опыт сейчас докажет тебе, что тебе надобно биться не с обыкновенным человеком. Произнося столь надменные слова, он поспешно наступал, потрясал своими военными доспехами и поднимал оружие. Итак, один выступал на борьбу, уверенный в силе оружия, а другой ограждал себя верой и вышней помощью. И Давид, со своей стороны, прежде всего словами смиряет высокомерие иноплеменника и говорит ему: ты идешь против меня с мечом и копьем, и думаешь победить собственной силой; а я (иду) во имя Господа Бога. Сказав это и взяв из пастушеской сумы один камень, как бы действительно хотел прогнать какую-нибудь собаку, нападающую на стадо, бросил камень пращей; поразив Голиафа в лицо, он сразу поверг его (на землю), и немедленно, схватив меч его, отсек ему голову, принес ее к царю, и таким образом положил конец войне. Итак, через него и царь нашел себе спасение и все войско его вздохнуло свободно. Стоило посмотреть на это дивное и необычайное дело, как вооруженный был поражен безоружным, опытный в воинском деле пал от (руки) человека, не знавшего ничего, кроме жизни пастушеской. Почему же так сделалось? Потому, что Давид был подкрепляем вышней помощью, а Голиаф был лишен ее, и потому впал в руки Давида. Но посмотри затем, какие безрассудные действия производит страсть зависти. Когда царь увидел, что праведник наслаждается великой славой, и что ликующие девы восклицают: *победи Саул с тысящами своими, а Давид со тмами своими*

(1 Цар. XVIII, 7), то не потерпел благодушно таких слов (хотя в самом-то деле ему приписывали более, нежели Давиду), – но был побежден завистью и стал воздавать злом человеку, оказавшему ему добро, и того, кого следовало почитать спасителем и благодетелем, покушался даже умертвить. О, крайнее безумие! О, верх безрассудства! Того, кто сохранил ему жизнь и все войско его освободил от ярости иноплеменника, он стал после того подозревать, как врага, и, нисколько не помня благодеяния, так недавно ему оказанного, подпав страсти, помрачив рассудок свой завистью, как каким-нибудь опьянением, стал смотреть на благодетеля, как на неприятеля.

4. Таково зло от этой страсти: она прежде всего вредит самому тому, в ком зарождается. Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает само дерево, так и зависть прежде всего сокрушает саму душу, породившую ее в себе. А тому, кому завидует, делает не то, чего желала бы ему, а совсем противное. В делах зависти, ты смотри не на начало, а на конец, и прими во внимание то, как самая злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются их зависти, потому что страдающие от зависти преклоняют Бога к себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий, будучи лишен благодати Божией, легко впадает в руки всем. Порабощаемый прежде всяких внешних врагов собственной страстью, он как бы сокрушает сам себя, и как бы пожираемый невидимыми зубами и таким образом истощаясь сам в себе, так сказать, погружается в бездну. Зная это, будем, убеждаю вас, убегать этой пагубной страсти, и всеми силами исторгать ее из души своей. Это гибельнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого диавола. Потому и Премудрый говорит: *завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. II, 24). Что значит: *завистию диаволею смерть*

вниде в мир? Это значит: когда тот злой зверь увидел первозданного человека бессмертным, то по злобе своей увлек его к преступлению заповеди и таким образом сделал то, что человек подвергся наказанию смерти. Итак, зависть произвела обольщение, обольщение – преступление, преступление – смерть. Потому сказано: *завистию диаволею смерть вниде в мир*. Видишь ли, какое зло от этой страсти? Возвеличенного бессмертием она подвергла смерти. Но тогда как враг нашего спасения, побуждаемый собственною завистью, был причиной того, что первый человек, созданный бессмертным, подвергся осуждению смерти, – благопопечительный и человеколюбивый Господь собственной смертью опять даровал нам бессмертие, так что мы приобрели еще больше, нежели сколько потеряли. Диавол лишил нас рая, а Господь возвел на небо; тот был причиной осуждения нашего на смерь, а этот даровал нам бессмертие; тот лишил нас райского блаженства, а этот уготовал нам царствие небесное. Видишь ли премудрость твоего Господа, как Он то самое оружие, которое завистью диавола направлено было против нашего спасения, обратил на его же главу? Притом, Господь не только удостоил нас больших благ (чем в раю), но и самого диавола предал во власть нашу, сказав: *се даю вам власть, наступати на змию и на скорпию* (Лк. X, 19). Итак, размышляя обо всем этом, исторгнем зависть из нашей души и будем стараться о приобретении благоволения Божия. Оно – наше оружие непобедимое; оно – наше самое великое могущество; при его помощи и Измаил, хотя был еще юн и находился в пустыне и в крайне затруднительных обстоятельствах, возвеличился и имел в потомстве многочисленный народ, – потому что *бяше Бог со отрочатем*, говорит Писание (Быт. XXI, 20). Здесь и окончим настоящее наше слово. Итак, будем, умоляю вас, презирать настоящее, а стремиться духом к будущему, благоволение Божие почитать выше всего и

жизнью добродетельной приобретать себе твердость упования, чтобы и настоящую жизнь провести беспечально, и будущих благ достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVII

И бысть по глаголех сих, Бог искушаше Авраама (Быт. XXII, 1)

1. Много полезного для нас заключается в сегодняшнем чтении из Писания и неизреченное сокровище сокрыто в этих кратких словах. Таковы Божественные изречения: не во множестве слов, но в кратких выражениях содержат великое богатство. Итак, исследуем указанные слова Писания и тщательно изучим смысл нынешнего чтения. Здесь мы увидим новые примеры и великой добродетели праотца и дивного человеколюбия Божия. *И бысть*, говорит Писание, *по глаголех сих, Бог искушаше Авраама*. Что означают эти слова: и *бысть по глаголех сих, Бог искушаше Авраама*? Посмотри, как Божественное Писание уже в этих самых словах хочет открыть нам добродетель праведника. Намереваясь поведать нам об искушении, наведенном от Бога на Авраама, Писание предварительно хочет указать нам самое время, в которое праотцу дано было повеление принести (в жертву) Исаака, чтобы ты (полнее) знал великое послушание праотца, и то, как он ничего не позволял себе почитать выше угождения Богу. Что же значит: *бысть по глаголех сих*? После рождения Исаака, Сарра, видя близкое обращение Измаила с Исааком, как мы вчера об этом беседовали с вами, вознегодовала на это и сказала Аврааму: *измени рабу и сына ея: не наследит бо сын рабы с сыном моим*, а праотцу показалось это жесто-

ко. Тогда Бог, желая утешить праведника, сказал ему: послушай Сарру, жену твою, и сделай так, как она говорит тебе, *и да не будет жестоко пред тобою о отроце и о рабыни: яко во Исааце наречется тебе, семя,* но и Измаила *в язык велик сотворю: яко семя твое есть* (Быт. XXI, 10–31). Все данное ему от Бога обетование и благовестие состояло в том, что потомки Исаака размножатся в великий народ. Питаемый этими надеждами, праведник приближался к концу своего поприща, как бы уже получив возмездие за столь великие и непрерывные скорби и искушения, уже достигнув наконец спокойствия; он видел перед глазами своими преемника, который должен был наследовать ему. Таким образом, говорю, жил в мире праведник, вкушая плоды величайших для себя утешений. Но Ведающий сокровенные помышления, желая показать нам всю добродетель праведника и ту великую любовь, какую он имел к Богу, — после столь великих обетований и особенно после нового, недавно бывшего*, которое было еще в свежей памяти, — когда Исаак пришел уже в возраст и находился в самом цвете лет, и любовь к нему отца видимо более и более усиливалась, тогда-то именно, после тех слов обетования, после того, как было сказано: *в Исааке наречется тебе семя,* и он будет твоим наследником, — *по глаголех сих, Бог искушаше Авраама.* Что значит: *искушаше*? Не то, будто Бог это делал по неведению; а Он подверг праотца искушению для того, чтобы и тогдашние современники, и потомки его до настоящего времени научились, подобно праотцу, иметь такую же любовь (к Богу), и оказывать такое же послушание повелениям Господним. *И рече ему* (Бог): *Аврааме, Аврааме: и рече: се аз* (ст. 1). Что значит здесь повторение имени? Это знак великого

* Обетование, что в Исааке наречется Аврааму семя; обетование это дано в последний раз при изгнании Агари и Измаила из дома Авраама.

благоволения Божия к праотцу, и такой зов давал ему разуметь, что Бог хотел повелеть ему нечто особенно важное. Таким образом, усиленным призванием побуждая его усилить свое внимание и тщательно выслушать глагол Божий, Бог говорит ему: *Аврааме, Аврааме: чи рече: се аз. И рече: пойми сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбил еси, Исаака, и иди на землю высоку, и вознеси его тамо во всесожжение, на едину от гор, ихже ти реку* (ст. 2). Повеление слишком тяжкое! Дело, превышающее силы природы человеческой! *Пойми сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбил еси, Исаака.* Посмотри, как самые эти слова только больше воспламеняли и усиливали огонь любви, какую питал праведник к Исааку. *Пойми сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбил еси, Исаака.* Каждое слово само по себе достаточно было к тому, чтобы потрясти душу праведника. Не сказал (Бог) просто: Исаака, но присовокупил: *сына твоего,* – которого ты получил сверх всякого чаяния и родить мог в самой глубокой старости; *возлюбленнаго,* – вожделенного твоего, которого ты так крепко любишь; *Исаака,* – которого чаешь иметь своим наследником, от которого Я обещал размножить потомство твое, и размножить столько, что число его сравняется со множеством звезд и с песком на берегу моря. Итак, этого-то самого сына возьми, *и иди на землю высоку, и вознеси его тамо во всесожжение, на едину от гор, ихже ти реку.* Для меня удивительно и то, как только мог праведник выслушать такие слова. Этого самого сына, говорит Бог, столько для тебя вожделенного, принеси Мне во всесожжение на одной из гор. Что же праведник? Он не смутился духом, не поколебался в мыслях, не пришел в недоумение при столь странном повелении, не стал размышлять или рассуждать сам с собой так: что это значит? Тот, Который сверх всякого ожидания, даровал мне помощника, по Своему человеколюбию оживотворил омертвевшую утробу Сарры, теперь, когда сын мой уже воспитан, возрос и находится в цве-

тущих летах, Он повелевает мне умертвить чадо мое и принести во всесожжение? Тот, Кто недавно сказал мне: *в нем наречется* тебе *семя*, — теперь требует противного? Как же исполнятся данные Им обетования? Как возможно, чтобы от усеченного корня произросли когда-нибудь ветви, или от срубленного дерева произошел плод, или из иссушенного источника проистекли реки? По человеческому суду это быть не может. Впрочем, для воли Божией все возможно.

2. Ничего однако подобного не подумал этот праведник; но, как благодарный домочадец, он оставил всякое человеческое рассуждение и только об одном заботился, чтобы исполнить повеление; он стал как бы чужд человеческой природе, и всякое сострадание и любовь отеческую поставив ниже повелений Божиих, поспешил приступить к исполнению их. *Востав же*, говорит Писание, *Авраам утро, оседла осля свое: поят же с собою два отрочища и Исаака сына своего, и растнив дрова во всесожжение, востав иде, и прииде на место, еже рече ему Бог, в третий день* (ст. 3). Заметь, как человеколюбец Господь самым расстоянием места искушает добродетель праведника. Представь себе, что должен был вытерпеть праведник в течение трех дней, размышляя сам с собой о данном ему повелении, — о том, как он должен собственными руками заклать столь возлюбленного сына, а между тем никому не мог сообщить об этом деле, — и подивись боголюбивой и мудрой душе его. Понимая всю важность этого повеления Божия, он решительно никому не открывает его, ни рабам, ни самому Исааку, но один сам собой совершает этот подвиг и остается несокрушим, как адамант, показав все мужество своего духа, не много размышляя, а с полной готовностью повинуясь мановению Божию. По прибытии к указанному месту, *воззрев*, говорит Писание, *Авраам очима своима, виде место издалече: и рече отроком своим: сядите зде, со ослятем* (ст. 4 и 5). Заметь и здесь великое благоразумие

праведника: он хотел скрыть (свое намерение) даже от слуг своих, во всем показывая пламенное усердие и решительную готовность исполнить волю Божию. Он знал, что это дело было новое и необычайное и что прежде его никто другой не делал ничего подобного, — и потому скрывает его от рабов и, оставляя их с ослом, говорит: *сядите зде; аз же и детищ пойдем до онде, и поклонившеся возвратимся к вам* (ст. 5). Он говорил это, не зная, что будет так; но пророчествовал, вероятно, сам того не зная. А слугам говорил так, конечно, для того, чтобы скрыть от них настоящее дело и заставить остаться на том месте. Затем праотец отошел с сыном. *Взя же Авраам дрова всесожжения, и возложи на Исаака сына своего: взя же в руки огнь, и нож, и идоста оба вкупе* (ст. 6). Какое мужество духа! Какая твердость воли! *И возложи,* говорит Писание, *на Исаака дрова всесожжения*; а сам взял нож и огонь, и пошли оба (с сыном) вместе. Какими глазами смотрел он на своего сына, несшего дрова, на которых он спустя немного должен был принести его во всесожжение? Как руки его могли держать огонь и нож? И между тем как в руках он нес огонь чувственный, внутренний огонь воспламенял его сердце и сокрушал всякие (возникавшие в нем) помыслы, возбуждая в нем решимость — победить (настоящее искушение) любовью к Богу и заставляя размыслить, что Тот, Кто дал ему возможность сделаться отцом, даже сверх сил человеческой природы, может и теперь совершить дело, превышающее разум человеческий. Посмотри, однако, как, еще прежде огня чувственного, мало-помалу воспламенялся в нем огонь внутренний и пожигал душу праведника. *Рече же,* говорит Писание, *Исаак ко Аврааму отцу своему: отче* (ст. 7). Одного этого слова достаточно было для того, чтобы потрясти всю внутренность праведника. *Он же рече: что есть, чадо?* Ты называешь отцом того, кто немного спустя будет уже бесчаден; и я называю своим сыном того, кто скоро должен взой-

ти на жертвенник, кого я сам буду закалать собственными руками. Сын говорит: вот ты несешь огонь, а я дрова; где же жертва, назначенная для принесения (Богу); *гда есть овча еже во всесожжение*? Представь себе здесь всю муку праведника, — как он мог переносить, что слышал, как мог отвечать сыну, как не поколебался духом, как мог скрыть от сына и не обнаружить предстоящего дела? Но с твердой мыслью и с мужеством духа он отвечает сыну: *Бог узрит себе овча во всесожжение, чадо* (ст. 8). Посмотри и здесь, как он опять предвещает будущее, сам того не зная. Таким ответом он думал скрыть от Исаака истину; но сына этими словами он на время успокоил, а сам между тем претерпевал еще большую и сильнейшую скорбь, размышляя об этих самых словах, смотря и на телесную красоту сына, и на благообразие душевное, его послушание, привлекательность и самый возраст его цветущий. *Шедше же оба вкупе, приидоста на место, еже рече ему Бог* (ст. 9). Пришли, говорит Писание, на высокую гору, которую Бог показал ему, *и созда тамо Авраам жертвенник*. Опять я изумляюсь мужеству праведника, как мог он создать жертвенник, как достало у него для этого сил, как не сокрушился духом от внутренних страданий? Но вот он и жертвенник воздвиг, и дрова на него положил, *и связав Исаака сына своего, возложи его на жертвенник. И простре Авраам руку свою, взяти нож, заклати сына своего* (ст. 10).

3. Не оставим, возлюбленные, этого рассказа без внимания, но подумаем, как не покинула тела душа праотца, как достало у него сил собственными руками связать и возложить на дрова возлюбленного, дорогого его сердцу, единородного сына. *И простре*, говорит Писание, *Авраам руку свою, взяти нож, заклати сына своего*. О, душа боголюбивая! О, дух мужественный! О, любовь крепкая! О, разум, побеждающий человеческую природу! Взял нож *заклати сына своего*. Но кому здесь более удивляться и изумляться? Мужественному ли духу

праотца, или покорности сына? Он не убежал, не огорчился поступком отца своего, но повиновался и покорился его намерению и как агнец безмолвно возлежал на жертвеннике, ожидая удара от руки отца. Когда все было уже приготовлено и не оставалось ничего более, то благой Господь, желая показать, что Он дал ему такое повеление не для действительного заклания сына, а для обнаружения всей добродетели праведника, являет наконец и собственное человеколюбие, увенчивая праведника за самое произведение, то есть самую решимость праотца принимая за действительно принесенную жертву. *И воззва и*, говорит Писание, *Ангел Господень с небесе, и рече: Аврааме, Аврааме* (ст. 11). Как скоро Бог увидел, что праведник готов исполнить Его волю и уже приступает к закланию сына, то и взывает к нему с неба: *Аврааме, Аврааме*! Вот и здесь употреблено повторение (имени), чтобы удержать рвение праведника и этим возгласом остановить руку праотца, уже поднятую на заклание сына. *Он же рече: се аз. И рече: да не возложиши руки твоея на отрочища, ниже да сотвориши ему что: ныне бо познах, яко боишися ты Бога, и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго мене ради* (ст. 12). *Да не возложиши*, говорит, *руки твоея на отрочища.* Я дал Свое повеление не для того, чтобы на самом деле оно было исполнено, и Я желаю не того, чтобы ты заклал своего сына, но чтобы для всех сделалось очевидным твое послушание. Итак, *да не сотвориши ему что*; Я довольствуюсь самым произволением твоим, и за него увенчиваю и прославляю тебя. *Ныне, бо познах, яко боишися ты Бога.* Посмотри, какое снисхождение в этих словах. Что же? Разве прежде того Господь не знал добродетели праведника, а только теперь узнал ее? Нет; не то Он говорит, будто сам только теперь узнал, – а что? Ныне, говорит, ты всем показал, насколько искренний имеешь ты страх перед Богом. Я, конечно, знал раба Моего; но дело, ныне тобой совершенное, сделается предметом назидания и

для современников, и для будущих поколений. Ныне ты всем показал, как ты боишься Бога и усердно исполняешь Его повеления. *И не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго мене ради*: столь дорогого для тебя и столь искренне тобой любимого сына ты не пощадил ради Меня, ради требования Моего, ради повеления, данного Мной, но Мое повеление предпочел любви к своему сыну. За то и возьми опять к себе сына твоего. Ведь я обещал тебе умножить потомство от семени твоего. Иди теперь, увенчанный за послушание. Я и одно произведение считаю достойным увенчания и (добрые) намерения награждаю, и пусть на самом деле сбудется то, что ты сказал слугам твоим и Исааку. Ты обещал им: *поклонившеся, возвратимся.* Так и будет. А на вопрос: *где есть овча еже во всесожжение,* ты отвечал: *Бог узрит овча во всесожжение.* Посмотри же кругом себя, и увидишь предсказанное тобой овча; его и принеси во всесожжение вместо сына. *И воззрев Авраам очима своима виде, и се овен един держимый рогами в саде Савек: и иде Авраам, и взя овна и вознесе его во всесожжение вместо Исаака сына своего* (ст. 13). Я видел, говорит Бог, благочестие в сердце твоем: вот и приготовил тебе то, о чем ты предварительно сказал сыну. *И взя* (Авраам овна) *и вознесе его во всесожжение вместо Исаака сына своего.* Видишь ли человеколюбие Божие? И жертва совершена, и праотец показал благочестие души своей, получил венец за одно свое (доброе) намерение и, взяв обратно сына, возвратился с бесчисленными венцами. А все это было преобразованием креста Христова. Потому и Христос говорил иудеям: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день мой: и виде и возрадовася* (Ин. VIII, 56). Как это видел человек, живший за столько лет прежде? В прообразе, в тени. Как здесь овча принесено вместо Исаака, так и словесный Агнец принесен в жертву за весь мир. Истина должна была предызобразиться в тени. Посмотри же, возлюбленный, как действительно все было прообразовано

в тени. Там сын единородный, и здесь Единородный. Там возлюбленный и истинный (сын), и здесь возлюбленный и единосущный Сын, как и говорит Бог Отец: *сей есть Сын мой возлюбленный, о немже благоволих* (Мф. III, 17). Исаак приносим был отцом во всесожжение, и Христа предал Отец, как восклицает Павел, говоря: *иже убо Сына своего не пощаде, но за нас всех предал есть его: како убо не и с ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? Здесь (явилась) тень; а впоследствии открывается истина вещей гораздо превосходнейшая: в жертву за весь мир принесен словесный Агнец. Он очистил всю вселенную. Он освободил людей от заблуждения и привел к истине. Он сделал землю – небом, не природу стихий изменив, а водворив между земными людьми жизнь небесную. Он уничтожил всякое служение демонам. Через Него люди уже не поклоняются более камням и деревьям, и одаренные словом не почитают бесчувственных (истуканов). Уничтожено всякое заблуждение и свет истины просветил вселенную.

4. Видишь превосходство истины? Видишь, что тень и что истина? *И нарече*, говорит Писание, *Авраам имя месту тому: Господь виде: да рекут днесь: на горе Господь явися* (ст. 14). Заметь благочестивые чувства праведника – как он всякий раз дает названия местам по случившимся на них событиям. Желая увековечить в самом названии этого места, как бы на каком медном столбе, бывшее на горе посещение Божие, Авраам нарек имя месту тому, как говорит Писание: *Господь виде.* Достаточно было (кажется) для праведника той награды, что он и возвратил себе Исаака живым, и удостоился великой похвалы в словах (Господа): *ныне познах, яко боишися ты Бога.* Но щедролюбивый Бог, Которого дары и благодеяния всегда превышают наши соображения, осыпает и теперь Своими щедротами праведника, и воздавая ему награды за наградами, говорит опять: *и воззва Ангел Господень Авраама вторицею с небесе, глаголя: мною самем кляхся, гла-*

голет Господь, его же ради сотворил еси глагол сей, и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго мене ради: воистинну благословя благословлю тя, и умножая умножу семя твое, яко звезды небесным, и яко песок в скрай моря: и наследит семя твое грады супостатов: и благословятся о семени твоем вси языцы земнии, занеже послушал еси гласа моего (ст. 15–18). Так как ты исполнил, говорит, повеление Мое и вполне показал свое послушание, то слушай: *мною самем кляхся, глаголет Господь.* Примечай снисхождение Божие: *мною самем,* говорит, *кляхся,* чтобы ты был уверен, что все, сказанное Мной, совершенно исполнится. Как люди, сопровождая свои обещания клятвой, придают им большую твердость и тем успокаивают получающих обещания, так и Господь, применяя человеческое обыкновение, говорит: *мною самем клялся, егоже ради сотворил еси глагол сей и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго мене ради.* Заметь человеколюбие Господа. *Не пощадел еси,* говорит, *сына твоего возлюбленнаго мене ради;* а между тем Сам возвращает его (сына) живым. Не смотри здесь, возлюбленный, на конец события, но вникни в расположение душевное, с каким праотец беспрекословно исполнял повеление. А что касается произволения, то праотец уже обагрил свою руку кровью, уже касался ножом груди сына своего и действительно приносил жертву. Потому и Господь, как бы жертва на самом деле была принесена, воздает за то похвалу праведнику и говорит: *не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго мене ради.* Но если ты не пощадил его ради Моего повеления, то Я пощадил его ради твоего послушания. В награду за такое послушание Я, *благословя благословлю тя и умножая умножу тя.* Заметь обилие благословения, – это значит: Я еще более умножу семя твое. Сын, закланный в намерении твоем, распространит потомство твое до такого множества, что оно сравняется с числом звезд и с песком, и вси *языцы благословятся о семени твоем, занеже послушал еси гласа моего...* Все это, говорит, будет даровано

тебе за твое великое послушание. Не можем ли и мы получить также бесчисленные блага, если будем оказывать послушание Господу, повиноваться Его повелениям, и подобно праотцу не испытывать Его повелений, а, как благомыслящие рабы, только исполнять их, всякое же суждение о поведенном предоставлять Самому Господу? Если так мы приучим сами себя, то и мы будем в состоянии оказывать такое же, как праотец, послушание, и получить такие же венцы. Как же мы окажем свое послушание? Если будем на самом деле исполнять Его заповеди. *Не слышателие бо закона*, говорит Писание, *праведни пред Богом; но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. II, 13). Да и какая нам польза, если мы будем каждый день слышать (о заповедях Божиих), а об исполнении их радеть не станем? Поэтому увещеваю всех, поспешим на добрые дела, – ведь иначе и спастись невозможно, – очистим грехи наши, и таким образом удостоимся милосердия от Самого Владыки, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVIII

Отвещаша же сынове Хеттеовы ко Аврааму: царь от Бога ты еси в нас: во избранных гробех наших погреби мертвеца твоего (Быт. XXIII, 5, 6)

1. Вы видели вчера, возлюбленные, мужество праотца. Видели душу крепче адаманта. (Видели), как он, сколько от него зависело, по любви своей к Богу, сделался жрецом собственного сына, намерением обагрил в крови свою руку и принес жертву; но, по неизреченному человеколюбию Божию, обратно получил сына живым и здоровым, а за свою готовность был прославлен и украшен светлым венцом. Таков был высший его

подвиг, который он совершил; здесь вполне обнаружилась его боголюбивая душа. Посмотрим теперь на силу (отеческой) любви этого праведника, — на то, какое попечение прилагает он о своем сыне. После того необычайного и чудного жертвоприношения, когда он возвратился (с горы), постигла его скорбь о Сарре. Выпросив у сынов Хеттеовых владение одной гробницей и купив место, он погреб там умершую жену свою, — и таким образом, со смертью Сарры, праотец делает первое начало своих приобретений. Божественное Писание, во всем показывая добродетель этого праведника, и то, что он вообще все время проводил как странник и пришелец, заметило также и это (обстоятельство), чтобы мы знали, что, пользуясь такой помощью свыше, сделавшись столь славным и получив обещание столь многочисленного потомства, он не имел даже собственного места (погребения), — не так, как ныне многие делают, заботясь о приобретении полей и сел и всякого другого богатства без меры. Он имел довольно богатства душевного, а о вещественном не прилагал никакой заботы. Да слышат это те, которые вдруг, в одну минуту, хотели бы все захватить в свои руки, которые на все простирают, так сказать, страсть своего корыстолюбия. Пусть они лучше подражают праотцу, который даже не имел места для погребения смертных останков Сарры, и только при этом случае, побуждаемый крайней необходимостью, купил у сынов Хеттеовых поле и пещеру. А что он был в уважении у жителей хананейских, послушай, как говорят ему сыны Хеттеовы: *царь от Бога ты еси в нас: во избранных гробех наших погреби мертвеца твоего; никто же бо от нас возбранит гроба своего от тебе.* Но посмотри, как и их научает праведник самыми делами своими, не прежде соглашаясь взять у них гробницу, как заплатив за нее должную цену. Хотя вы, говорит он, и оказываете мне такую благосклонность, но я не согласен взять у вас гробницу прежде, чем отдам за нее

надлежащую цену. И дав, сказано, деньги, взял гробницу, *и погребе Сарру жену в пещере сельней сугубей, яже есть противу Маврии* (Быт. XXIII, 16, 19). Итак (муж), столь славный и уважаемый, имевший такую близость к Богу и пользовавшийся от всех, живших в том месте, таким вниманием, что сыны Хеттеовы называли его даже царем, — такой муж не владел даже пядью земли. Поэтому и блаженный Павел, прославляя добродетель этого праведника, писал: *верою прииде Авраам на землю обетования, якоже на чужду, в кровы вселися со Исааком и Иаковом, с наследникома обетования тогожде* (Евр. XI, 9). Потом научая нас, как он с верой странствовал, апостол прибавляет: *ждаше бо основания имущаго града, емуже художник и содетель Бог.* В надежде будущего, он презирал настоящее и, ожидая больших (благ), мало заботился о благах жизни настоящей. И так (поступал он) еще прежде закона и прежде благодати. Скажи же мне, какое оправдание иметь будем мы, после столь великих благовестий и обетований неизреченных благ, имея столько пристрастия к благам временным, покупая поля, стараясь всегда и во всем блистать, все это приобретая с жадностью и хищничеством, и на самом деле исполняя то, о чем блаженный пророк, рыдая, говорил: *горе совокупляющим дом к дому, и село к селу приближающим, да ближнему отъимут что* (Ис. V, 8)? Не это ли действительно видим мы каждый день, — не отнимается ли имущество у вдов, не обираются ли сироты, и бессильные не притесняются ли сильными? Но не так (поступал) тот праведник. Желая купить гробницу, хотя и видел он, что те, у кого он просил ее, готовы были ему дать, не прежде однако же согласился взять, как заплатив должную цену. Размышляя об этом, возлюбленные, будем мы, живущие под благодатью, подражать бывшему до закона. Не станем воспламенять в себе страсть к большим и большим приобретениям, и через то приготовлять себе только больший и жесточайший огонь, огонь неугасимый,

пламень нестерпимый. Если мы останемся в таком хищничестве и любостяжании, то услышим сказанное тому богачу: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. XII, 20)? Да и для чего, возлюбленный, ты стараешься собрать столько и таких благ? Спустя немного времени, будучи взят отсюда, ты оставишь их здесь, не только не получив от них никакой пользы, но еще понеся на себе бремя грехов с раскаянием, уже тщетным. Сокровища, которые ты с жадностью собирал, может быть, перейдут в руки твоих врагов, а сам ты подвергнешься за них суду и наказанию. Какое же безумие — трудиться для других, а самому за свои труды терпеть казнь!

2. Но если мы так беспечны были до сих пор, то по крайней мере отныне позаботимся о должном. Постараемся не увеличивать только свое имущество, но и заботиться о справедливости. Дела наши не ограничатся настоящей жизнью, и не всегда мы будем в этой чуждой нам стране; но немного спустя переселимся в отечество наше. Будем же все делать так, чтобы там не терпеть лишения. Конечно, что пользы — в чужой стороне оставить богатства, а в истинном своем отечестве не иметь и необходимо нужного? Итак, умоляю вас, поспешим, пока еще есть время, перенести туда то, что приобрели здесь, в чужой земле. Хотя расстояние мест и велико, но перенести туда отсюда очень удобно, потому что готовы для нас люди, могущее перенести туда, — люди, верным путем идущие туда, и в надежной сокровищнице полагающие все, что только мы захотели бы туда через них послать. Именно руками бедных полагается в небесных хранилищах то, что мы даем им. А если это так удобно и благонадежно, то для чего мы медлим, почему не делаем этого со всей заботливостью, чтобы найти свое имущество там, где оно наиболее будет нам нужно? Потому-то и праотец (Авраам) жил в Хананейской земле, как чужой ему, ожидая того *града, емуже*

художник и содетель есть Бог (Евр. XI, 10). Итак, если бы мы захотели подражать этому праведнику, то и мы достигли бы того града, и скоро водворились бы в недрах праотца, потому что общение дел доставляет нам общение и блаженства. Но возвратимся, если угодно, к продолжению слова, и посмотрим, как после смерти Сарры праведник заботится о сыне — разумею Исаака. Послушаем, как повествует нам об этом Божественное Писание. *Авраам же,* говорит оно, *бяше стар, заматеревший во днех, и Господь благослови Авраама во всех* (Быт. XXIV, 1). Для чего Писание замечает нам это? Так как в то время праотец направлял свои заботы об Исааке к тому, чтобы найти ему супругу, то поэтому (Писание) и означает теперь возраст праотца. Когда, говорит оно, достиг он глубокой старости, то, желая отклонить Исаака от родства с хананеями, чтобы он не взял себе жены из среды их, (праотец) призывает благоразумнейшего из своих домочадцев и, поручая ему это дело, говорит: *положи руку твою под стегно мое* (ст. 2). На греческом языке написано так: *под стегно мое*; а по-еврейски читается: *под чресло.* Почему же так говорит праотец? Таков был обычай у древних; также и потому, что здесь было начало рождения Исаака. А чтобы увериться, что таков действительно был обычай, смотри, как он, повелев рабу положить туда руку, тотчас прибавляет: *и заклену тя Господем Богом небесе и Богом земли* (ст. 3). Заметь, как и раба научает он познавать Творца всяческих, потому что, сказав: *Богом небесе и Богом земли,* он обозначил (этими словами) все творение. Какая же была клятва? *Да не поймеши сыну моему Исааку жены от дщерей Хананейских, с ними же аз живу в них; но токмо на землю мою, идеже родихся, пойдеши, и ко племени моему, и поймеши жену сыну моему Исааку оттуду* (ст. 3 и 4). Видишь, какую заповедь праотец дал своему домочадцу? Не оставь же без внимания этих речей, но размысли о намерении праведника; рассуди, как в древние времена

не заботились о том, чтобы приобретать много денег, богатства, рабов, или столько-то и столько-то пространства земли, но искали одного внешнего благообразия, а искали красоты душевной и чистоты нравов. Праотец, зная развращение жителей Хананеи, зная и то, какое великое благо – иметь единонравную (с мужем) супругу, с клятвой заповедует рабу: привести жену Исааку из родственного ему племени. Не удерживало его при этом ни расстояние мест, ни другие неудобства; но, зная необходимость этого дела, он прилагает (о нем) все старание, и посылает раба. Праотец так поступает по своей заботливости о добродетели душевной и по отвращению к порокам местных жителей. А ныне едва ли кто захочет и помыслить о чем-нибудь подобном. Напротив, хотя бы жена имела тысячи пороков, ныне ищут только одного, – множества денег, а все прочее считается у них делом второстепенным. Но не знают того, что, как скоро развращено сердце, то, хотя бы притекло неизмеримое богатство, человек весьма легко может прийти в крайнее убожество, и что не может быть никакой пользы от богатства, если нет души, способной надлежащим образом употреблять его.

3. Итак, праотец дал рабу точное наставление и связал его клятвой. Посмотрим теперь на благомыслие этого домочадца, как поревновал он боголюбию своего господина. Увидев, что праведник заповедует ему с такой силой, он говорит праотцу: *еда убо не восхощет жена ити со мною,* хочешь ли *сына твоего возвращу в землю, из нея же изшел еси* (ст. 5)? Если встретится, говорит он, какое-нибудь препятствие в этом деле, то, чтобы мне не преступить твоего повеления, я спрашиваю тебя, что мне должно наблюдать в таком случае, и угодно ли тебе, чтобы Исаак сам пошел туда, и, взяв там жену, опять возвратился оттуда, если жена не согласится идти со мной, как ты заповедал? Что же праведник? Он не соглашается на это, и говорит: *внемли себе,*

да не возвратиши сына моего онамо (ст. 6). Да тебе и не будет в том нужды, говорит он, потому что Тот, Кто дал мне обетование и обещал до такого множества распространить семя его (Исаака), — Тот и в этом деле благопоспешит тебе. Итак, *да не возвратиши сына моего онамо. Господь Бог небесе и Бог земли* (ст. 7). Смотри, как и прежде праотец, заклиная раба, поучал его о Творце всяческих, так и теперь, выражая дух молитвенный, повторяет те же слова, — научая таким образом домочадца отправляться в путь с твердым упованием на Бога, и быть уверенным в благополучном окончании дела. Он внушает ему, каким великим благоволением Божиим пользовался он, с самого начала, и что Тот, Кто воззвал его из отечества и до сих пор так благоустроял его дела, и в самой старости даровал ему сына Исаака, — Тот благопоспешит ему и в предстоящем деле. *Господь Бог небесе и земли,* говорит он, *иже поя мя из дому отца моего, и от земли, в ней же родился,* Тот Самый *иже глагола мне: тебе дам землю сию и семени твоему,* — Тот, Который показал столь великое попечение обо мне, *Той послет Ангела своего пред тобою, и поймеши жену сыну моему (Исааку) оттуду* (ст. 7, 8). Иди, говорит он, с уверенностью: я твердо верую, что оказавший мне столько благодеяний к прежним милостям присовокупит и эту (новую), *и послет Ангела своего пред тобою.* Он все предустроит для тебя; Он укажет тебе и жену, и ты, взяв ее, возвратишься. Если же случится (чего да не будет), что жена не согласится идти с тобой, то ты будешь свободен от клятвы. Только *да не возвратиши сына моего онамо.* Но я не сомневаюсь, что Господь благопоспешит тебе. Показывая таким образом, сколько надеется он на силу Божию, (праотец) запрещает рабу отвести туда (Исаака). После же того, как с такою точностью он дал рабу свое повеление, и освободил его от сомнения (так как раб боялся нарушить клятву, не исполнив повеления), *положи,* сказано, *раб руку свою под стегно Авраама, и кляся ему о словеси*

сем (ст. 9), то есть о том, что не отведет туда Исаака. Видишь ли, как с самого начала раб показал господину свое усердие? Смотри же далее, как от наставлений праотца он сделался еще лучше и стал подражать благочестию праведника. Взяв, сказано, десять *велблюд и от всех благ господина своего, и достав иде в Месопотамию, во град Нахоров. И постави велблюды вне града у кладезя воднаго под вечер, егда исходят* (жены) *почерпати воды. И рече: Господи Боже господина моего Авраама* (ст. 10–12). Заметь благомыслие раба: Господа вселенной он называет Богом праотца, говоря: *Господи Боже господина моего Авраама,* — Ты, Который оказал ему столько благодеяний. Что же ты удивляешься, если раб называет его Богом Авраама? И Сам Бог, показывая, как много ценит он добродетель праведников, говорить: *Аз есмъ Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковлъ* (Исх. III, 6). Итак, раб тот говорит: *Господи Боже господина моего Авраама, благоустрой предо мною днесь, и сотвори милость с господином моим Авраамом* (ст. 12). Как бы так говорил он: сотвори, да исполнятся его желания, благоустрой все по его намерению; *сотвори милость с господином моим Авраамом.* Что значит: *сотвори милость*? Значит — исполни его желание. Потом говорит: *се аз стах у кладезя воднаго, дщери же живущих во граде исходят почерпати воды. И будет девица, ей же аз реку: преклони водонос твой, да пию, и речет ми: пий, и велблюды твоя напою, дондеже* все *напиются; сию уготовал еси рабу твоему Исааку, и по сему увем, яко сотворил еси милость с господином моим Авраамом* (ст. 13, 14). Замечай благоразумие раба: он знал страннолюбие праотца, и то, что девице, которую он должен привести к нему, надобно иметь одинаковый с праведником нрав; потому раб не ищет никакого другого знака, а хочет узнать характер девицы по ее гостеприимству, и говорит: если она наклонит мне водонос, когда я попрошу у нее воды, не только исполнит мою просьбу, но и покажет собственное радушие и скажет: *и велблюды твоя напою,* — то,

таким образом, через предложение воды она даст достаточное свидетельство о доброте своего нрава.

4. Рассуди, возлюбленный, как это было важно, что нежная девица, черпавшая воду, не только не отказала (рабу) в просьбе, но и сложила водонос с плеч, и позволила напиться из него просящему, притом чужестранцу и вовсе ей неизвестному, да и не только его, но и всех верблюдов напоила, и таким поступком представила доказательство своего душевного благородства. Или вы не знаете, что и мужи многие часто отказывают в таких просьбах? Да что я говорю о подаянии воды? Иногда люди, держащие в руках зажженные свечи, на просьбы других, подходящих к ним людей — подождать немного и дать им зажечь свою свечу, не хотят и этого сделать, тогда как нисколько не убавится огня, хотя бы и тысячи были желающих зажечь. А здесь — женщина, девица, несущая водонос на плечах, не только не вознегодовала на просьбу, но сделала даже сверх просьбы: и странника напоила, и верблюдов добровольно поспешила напоить. А все это устроил человеколюбец Бог, внявший молитвам праотца и пославший пред ним ангела Своего, чтобы все сделалось так, как просил раб. Таким образом раб на самом деле узнал силу молитв праотца, нашел девицу, какой желал, и видел ее чрезвычайное страннолюбие: *и потщася,* сказано, *и испраздни водонос в поило, и тече на кладязь почерпнуты воды, и влия велблюдом всем* (ст. 20). Смотри, какая усердная услужливость! В том, что она *потщася и испраздни водонос в поило, и тече паки на кладязь* — в том именно и является необычайная услужливость девицы. Она не побежала прочь от раба, как незнакомого, и не отказала в просьбе под видом целомудрия, но с великой кротостью сказала: *пий, господине.* Подумай только: в таком возрасте какая строгость целомудрия, какая великая кротость, какое усердное страннолюбие! Не ценнее ли это всякого богатства? Каким сокровищам не предпочтет этого всякий из нас?

Вот самое лучшее приданое; вот неисчислимое богатство, вот сокровище, никогда не оскудевающее. Итак, благоразумный раб, видя в этом явный промысл Божий, *выразумеваше ю,* как сказано, *и помолчеваше, да уразумевает, аще благоустрои Бог путь ему, или ни* (ст. 21), Что значит: *выразумеваше ю*? Значит, что он наблюдал и самые слова девицы, и взор, поступь, одежду и все прочее, и выжидал случая дознать, *аще благоустрои Бог путь ему, или ни.* Все до сих пор бывшее уже показывало великую и чрезвычайную добродетель девицы. А потому, в вознаграждение за ее послушание и за подаяние воды, раб предложил, как сказано в Писании, *усерязи златы и два запястия;* и затем тщательно испытывая то, что до нее касалось, спросил ее: *чия еси дщерь? Повеждь ми, аще есть у отца твоего место нам витати* (ст. 22, 23)? Заметь и теперь ответ девицы. Как прежде, когда он просил у нее воды, она не только исполнила просьбу, но, дав пить ему, напоила потом и верблюдов, — так и теперь на вопрос раба: есть ли место и чья она дочь, — отвечает девица: *дщерь Вафуилева есмь, сына Мелхина, егоже роди ему Нахору* (ст. 24). Она упоминает об отце и деде, чтобы раб, узнавши их, стал (к ним) благорасположеннее. Заметь же добродушие девицы: на вопрос об отце, она сказывает не только о нем, но и о деде. И когда раб спросил только о том: *аще есть место витати?* — она отвечает: не только место, но и *плевы и стена много у нас* (ст. 25). Раб, услышав это и удивившись столь усердному страннолюбию девицы, узнав также, что он не к незнакомым пришел, а в дом Нахора, который был брат праотцу, — *благословив человек,* сказано, *поклонися Господу* (ст. 26). Обрадованный тем, что узнал, и словами девицы, он *поклонися Господу,* то есть принес благодарение Владыке, оказавшему такое благоволение праотцу и такое попечение о нем самом, и все так счастливо для него устроившему, и сказал: *благословен Господь Бог господина моего Авраама, иже не остави правды своея и истины*

от господина моего (ст. 27). После того, как раб увидел добродушие девицы и все обстоятельно от нее узнал, он наконец и сам открывает девице, кто он, и своим благодарением Богу объясняет ей, что пришел не из чужого дома, но что пославший его есть брат Нахора. Узнав это, девица с великой радостью *побежала,* как говорит Писание. Посмотри, как свое усердие в гостеприимстве она показывает всеми своими поступками – и бегом, и словами, и своим скромным поведением. *И текши,* сказано, *в дом матери своея, поведа по глаголом сим* (ст. 28). Все, что услышала от раба, она пересказала родителям. *И тече Лаван к человеку вон на кладязь* (ст. 29). Вот и этот своим бегом показывает свое усердие. Увидев же человека, стоявшего у колодца с верблюдами, сказал ему: *гряди, вниди, благословен Господь; почто стоиши вне? Аз же уготовах храмину и место велблюдом* (ст. 30). Заметь, как и этот благословляет Господа в присутствии чужестранца, и оказывает ему уже (на словах) большую предупредительность, еще прежде гостеприимства на деле. *Гряди,* говорит он, *вниди;* я уже наперед приготовил храмину и место верблюдам. Потом, когда тот вошел, *разседла,* сказано, *велблюды и даде плевы, и сено велблюдом, и воду умыти нозе его* (ст. 32).

5. Вот как много и заблуждавшиеся еще люди заботились о страннопримстве. *И даде воду умыти нозе его, и ноги мужем, иже бяху с ним; и предложи им хлебы ясти* (ст. 33). Но примечай здесь благоразумие раба. Что говорит он? *Не ям, дондеже возглаголю словеса моя.* Вы, говорит он, сделали свое дело; но я не буду думать о своем покое, пока не объясню вам причины, по которой я послан в такой (далекий) путь, и зачем я пришел сюда из Хананеи, и как был введен в ваш дом, – чтобы, узнав все, и вы оказали свое расположение к моему господину. И начал рассказывать так: *раб Авраамль есмь аз; Господь же благослови господина моего зело и даде ему овцы и тельцы, сребро и злато, рабы и рабыни, велблюды и ослы.*

И роди Сарра, жена господина моего, сына единого господину моему, состаревшемуся ему, и даде ему вся, *елико, имяше* (ст. 33–36). Смотри, с какой тщательностью обо всем он рассказывает им. Я раб, говорит, Авраама, которого вы знаете. Знайте же и то, что он получил благословение от Господа всяческих, и живет в великом богатстве. Потом, показывая обилие этого богатства, говорит, что он имеет *овцы и тельцы, сребро и злато, рабы и рабыни, велблюды и ослы*. Слушайте это вы, богатые, покупающие каждый день по нескольку участков земли, строящие бани и увеселительные места и великолепные здания, – смотрите, в чем состояло имущество праведника. Нет у него нигде поля, нет нигде зданий, и какой-либо излишней роскоши, а только *овцы и тельцы, велблюды и ослы, рабы и рабыни*. И чтобы знать, откуда у него было такое множество рабов, (Писание) говорит в другом месте, что все они были *домочадцы* (то есть рабы не наемные и не купленные, а в доме его родившиеся) (Быт. XIV, 14). Итак, этот господин мой, живущий в таком богатстве и заслуживший великую помощь свыше, уже придя в старость, получил от Сарры сына. Имея одного только этого сына, он и поставил его наследником всего: *даде ему* вся, *елика имяше*. Сказав таким образом о славе своего господина и о рождении Исаака, раб далее говорит и о том повелении, которое получил от своего господина, и по которому пришел в Харран. *И закля мя*, говорит он, *господин мой, глаголя: не поймеши жены сыну моему Исааку от дщерей Хананейских, в них же аз обитаю, но в дом отца моего пойдеши, и в племя мое, и поймеши жену сыну моему оттуду* (ст. 37, 38). Так заповедал он мне. Тогда я, представляя себе неудобства в этом деле, и рассуждая о трудности его, спросил своего господина: что – *егда не восхощет жена со мною ити* (ст. 39)? Он сказал мне на это: *Господь Бог, емуже благоугодих пред ним, он послет Ангела своего с тобою, и благоустроит путь твой; и поймеши жену сыну моему от племене моего и от дому*

отца моего. Если же не согласится жена идти с тобой сюда, *тогда будеши чист от заклинания моего* (ст. 40, 41). Итак, господин мой, говорит (раб), дав мне такое повеление и напутствовав этими молитвами, послал меня; и я, ободренный его молитвами, когда пришел к колодцу, то произнес следующие слова: *Господи, Боже господина моего Авраама, аще ты благоустроивши путь,* им же *аз иду: се аз стах у кладязя воднаго, и дщери граждан* изыдут *почерпати воды; и будет девица, ейже аз реку; напой мя от водоноса твоего мало водою, и речет ми; и ты, пий, и велблюдом твоим влию, сия будет жена, юже уготова Господь рабу своему Исааку, и по сему уразумею, яко сотворил еси милость господину моему Аврааму* (ст. 42— 44). Так-то, говорит он, молился я внутренне и просил Бога; и еще не кончилась моя молитва, как тотчас же она исполнилась, и слово стало делом. *И бысть прежде неже скончати мне глаголющу,* се *Ревекка исхождаще, держащи водонос на раму* своем; *и рекох ей: напой мя, и потщавшися, сня водонос* свой *и рече: пий ты, и велблюды твоя напою* (ст. 45, 46), Усмотрев в этом явное промышление Божие, я спросил ее: чья она дочь? И узнав из ее слов, что пришел не к чужим, а в дом Нахора, брата господина моего, я осмелился предложить ей *усерязи и запястия на руце ея, и благословив поклонихся Господу, и благослових Бога господина моего Авраама, иже благоустрой мя пояти дщерь брата господина моего* (ст. 47). Очевидно, что так устроено Богом, что молитвы господина моего взошли к Нему. Теперь, если вы, с своей стороны, согласны, *сотворите вы милость и правду к господину моему: аще же ни, поведите ми* (ст. 49). Дайте мне знать об этом, говорит он, чтобы я знал, что должно мне делать. Если вы не согласны будете, я пойду в другое место и обращусь *или на десно, или налево* (ст. 49). Но как Сам Бог благоустроял все по молитвам праотца, то отец девицы и брат отвечали (рабу): *от Господа прииде дело сие; не возможем ти противу рещи зло или благо* (ст. 50). Рассказ твой, говорят они, показывает, что все

это произошло смотрением Божиим; итак, не думай, чтобы мы стали противиться воле Божией; этого с нашей стороны и быть не может. Вот, девица перед тобой; *поем ю, иди, и да будет жена сыну господина твоего, якоже глагола Господь* (ст. 51).

6. Видите, как в древние времена заботились о выборе жен для своих сыновей? Как предпочтительно перед богатством искали душевного достоинства? Не было у них ни записей, ни договоров, ни прочего, что бывает ныне; не было разнородных условий, какие вносятся ныне в (брачные) записи, как, например, на тот случай, если муж умрет без детей, если случится то или другое. У древних не было ничего такого, а была запись гораздо важнее и надежнее – нрав невесты. Не было у них также ни музыки, ни плясок. Ты увидишь это, когда узнаешь, как эта девица приведена была к жениху. Раб, услышав слова отца и брата ее, *поклонися до земли Богу* (ст. 52). Вот, как он при всяком случае возносит благодарение Господу всяческих, потому что Сам Господь споспешествовал ему во всем, и, по слову праотца, послал перед ним ангела, все для него устроившего. Наконец раб, убедившись, что цель его стараний достигнута, *изнес сосуды златы и сребряны, и ризы, и даде Ревекке* (ст. 53). Теперь смело он услуживает ей, как уже обрученной на словах Исааку, чтит также дарами и брата и мать, и когда увидел повеление своего господина исполненным, тогда наконец позволяет и себе отдохновение. *И ядоша*, сказано, *и пиша, и той и мужи, иже бяху с ним, и почиша. И востав заутра, рече: отпустите мя, да отыду к господину моему* (ст. 54). Как уже все устроилось для меня так успешно, говорит он, и более ничего не остается (мне делать), да и вам это желательно, – *отпустите мя, да отыду к господину моему. Реша же братия ея и мати: да пребудет девица с нами яко десять дней, и посем пойдете. Он же рече к ним: не держите мя; Господь бо благоустрой путь мой во мне; отпустите мя, да иду к господину моему*

(ст. 55, 56). Для чего, говорит он, отлагать и отсрочивать, когда Бог дал мне во всем такой успех? *Отпустите мя, да иду к господину моему. Они же реша: призовем девицу и вопросим ея. И призваша Ревекку, и реша ей: пойдеши ли с человеком сим? Она же рече: пойду. И отпустиша Ревекку, сестру свою, и имения ея, и раба Авраамля, и иже с ним быша, и благословиша Ревекку, и реша ей; сестра наша еси, буди в тысящи тем, и да наследит семя твое грады супостат* (ст. 57– 59). Посмотри, как эти люди, без собственного ведома, предсказывают девице будущее, – потому что Сам Бог направлял к этому мысли их. Они предвозвещают ей два события: то, что она будет *в тысящи тем*, и то, что семя ее наследит *грады супостат*. Видишь ли, как во всех случаях обнаруживается явное промышление Божие, и как Господь Бог всяческих даже через неверных предзнаменует будущие события? *Возставши же*, сказано, *Ревекка и рабыни ея, вседоша на велблюды* (ст. 61). Вот какую невесту берет праотец! Она ходит за водой, носит водонос на плечах, а теперь всходит на верблюда. Не было там мулов с гривами, разукрашенными серебром, не было толпы слуг, не было той изнеженности, какая видна ныне; у древних женщин была такая крепость, что они и на верблюдов сами восходили и так совершали свои путешествия. *И поидоша*, сказано, *с человеком. И изыде Исаак поглумитися на поле к вечеру, и воззрев очима своима, виде велблюды идущия* (ст. 63). Прогуливаясь, говорит Писание, на поле, Исаак увидел верблюдов. *И воззревши Ревекка, виде Исаака, и изскочи с велблюда, и рече рабу: кто есть человек оный, иже идет по полю в сретение нам* (ст. 64, 65)? Заметь благородство девицы: увидев Исаака, она спрашивает, кто это. И узнав, что это тот самый, который хочет взять ее за себя, она одевается, как замечено в Писании, в летнюю одежду, а раб, подойдя, все тщательно рассказал Исааку. Посмотри, возлюбленный, как нет здесь ничего излишнего и пустого, нет суетной пышности, нет кимвалов, труб и пля-

сок, нет ни непристойных пиршеств, ни злословий, исполненных всякого бесстыдства, но все честно, все мудро, все скромно. *Вниде же,* сказано, *Исаак в дом матере своея, и поя Ревекку, и бысть ему жена,* и *возлюби ю; и утешися Исаак по Сарре, матери своей* (ст. 67). Вот кому пусть подражают жены. Вот кому пусть поревнуют мужи, — пусть позаботятся таким же образом находить себе невест. Ну, скажи мне, для чего ты с самого начала (бракосочетания) дозволяешь наполнять слух девицы срамом бесстыдных песен и неуместного шума? Или не знаешь, как юность легко доступна соблазну. Для чего позоришь досточтимое таинство брака? Все это должно изгонять, а с самого начала приучать девицу к стыдливости. Надо призвать священников, и молитвами и благословениями утвердить в сожительстве единомыслие, чтобы тем и любовь жениха усиливалась, и целомудрие невесты укреплялось, чтобы все способствовало к водворению в их доме добродетели, а диавольские козни уничтожались, и супруги в веселье провели жизнь, соединяемые помощью Божией, которую получить да сподобимся и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIX

И сия бытия Исаака, сына Авраамля (Быт. XXV, 19)

1. Снова хочу вести вас к обычной трапезе, и предложить вам угощение из слов Моисея, а лучше сказать — из слов Духа, потому что не сам от себя Моисей излагает нам свое повествование, но по внушению Святого Духа. Итак, посмотрим и сегодня, чему он поучает нас. Ведь он не без причины и не без цели излагает нам жития праведных, а с тем, чтобы мы подражали

добродетели их, и были последователями их совершенств. В подробности рассказав обстоятельства жизни праотца (Авраама) и описав последний его подвиг, жертвоприношение единородного (сына), показав нам, как праотец принес Богу эту дивную жертву, если и не самым делом, то намерением, – Моисей тем окончил свое повествование о нем. Теперь он излагает нам то, что относится к Исааку, принесенному и не принесенному в жертву, – так это событие походило на притчу. Послушай, в самом деле, что говорит Павел: *верою приведе Авраам Исаака искушаем, и единороднаго приношаше обетования приемый* (Евр. XI, 17). А затем, чтобы мы в точности узнали, как все это праотец верой совершил, и как не смутился духом, видя, что данное ему повеление противно обетованию, апостол говорит: *темже того и в притчи прият* (ст. 19). Что значит: в *притчи прият*? Значит, что, принося сына в жертву и показывая решительное в том намерение, он и сам удостоился венца, и сына получил обратно, а между тем жертва совершена принесением овна. Во всем этом Бог всяческих явил превосходство собственного человеколюбия и показал, что дал (праотцу) такое повеление, не желая смерти Исаака, а только испытывая послушание праведника. Итак, мы видели добродетель праотца, сияющую во всех его делах. Теперь, обозревая сказание об Исааке, также видим, как и он во всех делах обнаруживал свой благочестивый дух. Послушаем, как говорит об этом само Писание. *Сия бытия*, говорит оно, *Исаака, сына Авраамля: Авраам роди Исаака. Бяше же Исаак лет четыредесяти, егда поя Ревекку, дщерь Вафуила Сирина от Месопотамии, сестру Лавана Сирина,* себе *в жену* (ст. 19, 20).

Заметь, возлюбленный, точность Божественного Писания, – как ничего оно не говорит без нужды. Для чего оно означает нам лета жизни Исаака, и говорит: *бяше Исаак лет четыредесяти, егда поя Ревекку*? Не без причины, и не без цели. Но так как далее Писание будет повество-

вать нам о неплодии Ревекки, и о том, что только по молитве праведника она начала рожать детей, то вот оно и хочеть изобразить нам всю силу терпения Исаакова, и с точностью обозначить время, в продолжение которого он был бездетен, чтобы и мы, подражая праведнику, так же неотступны были в молитвах к Богу, когда чего-нибудь у него просим. Этот праведник, столь добродетельный и пользовавшийся таким благоволением от Бога, проявлял столь великое усердие и твердость духа, непрестанно умоляя Бога разрешить неплодство Ревекки. Что же скажем мы, обремененные множеством грехов, и не обнаруживающие в себе ни малейшей доли (добродетелей) праведника? А когда явится у нас ненадолго некоторое усердие, то мы смущаемся и отступаем от подвига, если не будем услышаны тотчас. Поэтому убеждаю вас: поучаясь событиями в жизни этого праведника, никогда не перестанем умолять Бога о снисхождении к нашим прегрешениям; покажем пламенную ревность и не будем нетерпеливы, не обленимся, если не тотчас будем услышаны. Может быть, Господь медлит, научая тем нас неослабному прилежанию (в молитве), и хочет, чтобы мы и за терпение получили награду. Он знает и время, в которое полезно нам получить желаемое. А сами мы не так знаем, что полезно для нас, как знает это Он, ведущий самые тайные помышления каждого. Поэтому не должны мы и много испытывать, много рассуждать о том, что бывает от Бога; а за все выражать Ему нашу признательность, и удивляться добродетелям праведников. Итак, Божественное Писание, сказав, сколько лет было Исааку, говорит далее о Ревекке, жене его, что она была неплодна. Обрати же внимание на благочестие праведника. Как скоро он увидел недостаток природы, то прибегнул к Творцу природы и старался разрешить узы ее силой молитвы. *Моляшеся же,* сказано, *Исаак (Господеви) о Ревекце жене своей, яко неплоды бяше* (ст. 21). Прежде всего здесь

стоит исследовать одно то, почему она была неплодна, тогда как и она сама, и ее муж были — люди удивительной жизни, и оба хранили великое целомудрие? Мы не можем заподозрить их жизни, и сказать, что неплодство их было следствием грехов. И что удивительно, — не Ревекка только была неплодна, но и мать праведника, Сарра; и не только его мать, но и невестка — разумею Рахиль, жену Иакова. Что значит такое собрание неплодных? Все они праведны, все добродетельны, все получили от Бога свидетельство (своей праведности). Ведь о них говорил Бог: *Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль* (Исх. III, 6). И блаженный Павел говорит: *темже не стыдится Бог, Бог нарицатися их* (Евр. XI, 16). Много они восхваляются в Новом Завете, много прославляются и в Ветхом. Во всех отношениях они славны и имениты: и однако все имели жен неплодных, и долгое время были бездетны.

2. Итак, когда увидишь мужа и жену, живущих добродетельно, а между тем бездетных, когда увидишь, что они богобоязненны и заботятся о жизни благочестной, но не имеют детей, не думай, что это есть следствие грехов. Многие намерения Божественного домостроительства неведомы нам, но за все надобно благодарить (Бога), несчастными же считать только тех, которые проводят жизнь в пороках, а не тех, которые не нажили детей. Бог часто многое устраивает в нашу пользу, но мы не знаем причины событий. Поэтому во всяком случае должно удивляться Его премудрости, и прославлять Его неизреченное человеколюбие. Говорится же вам все это для вашей пользы, чтобы вы оказывали всегда признательность к промыслу Божию, а не испытывали Его судеб. Надо однако же раскрыть и причину, по которой те жены были неплодны. Какая же это причина? Та, чтобы ты не впадал в неверие, когда слышишь, что *Дева* рождает общего нашего Владыку. Приучи свой ум, — как бы так говорит Писание, — здесь примером

неплодных, и видя, как устаревшая и бесплодная утроба разверзается благодатью Божией для деторождения, не удивляйся, когда потом слышишь, что родила Дева. Или – лучше – удивляйся, изумляйся, но верь чуду. Итак, когда говорит тебе иудей: каким образом Дева родила, скажи и ты ему: а как родила бесплодная и престарелая? В последнем случае было два препятствия к рождению: несвоевременность возраста и неспособность природы; а для Девы было одно только препятствие – то, что она была непричастна браку. Итак, бесплодная жена предуготовляет путь Деве. Для убеждения же в том, что бесплодные для того прежде являлись, чтобы мы веровали рождению от Девы, выслушай слова Гавриила, сказанные Деве. Когда он пришел к ней и сказал: *зачнеши во чреве, и родиши Сына, и наречеши имя ему Иисус*, она изумилась и в недоумении спросила: *како будет сие, идеже мужа не знаю*? Что ж ангел? *Дух Святый найдет на тя*, говорит он, *и сила Вышняго осенит тя* (Лк. I, 31, 34, 35). Не требуй, говорит, порядка естественного, когда это дело выше естества. Не предполагай скорбей брака, когда образ рождения будет выше брака. *И како будет сие*, говорит она, *идеже мужа не знаю*? Потому-то и совершится это, что ты не знаешь мужа. Если бы ты познала мужа, то не была бы достойна послужить этой тайне. Итак, веруй по той самой причине, по которой не веришь. Не потому однако, чтобы брак был сам по себе худ, а потому, что девство лучше его. Образ же пришествия на землю общего всех Господа долженствовал быть выше нашего, так как то было пришествие царское. В рождении Он должен был иметь нечто общее с нашим рождением, но иметь и отличное от нашего. И то, и другое совершилось; а как, выслушай. То, что он родился от чрева матери, – это у Него общее с нами, а что Он родился без брака – это выше нашего естества. Иметь во чреве – свойственно природе человеческой; но зачатие без совокупле-

ния – выше человеческого естества. Так уразумей отсюда и сходство Его, и превосходство перед тобой. Заметь еще премудрость и в том, что ни превосходство Его не уничтожило подобия и сродства с нами, ни сродство Его с нами не помрачило превосходства. Но и то и другое открывалось в делах Его: одни из них были совершенно общи с нами, а другие – отличны от наших. Для того-то, как я сказал, и неплодны были те жены, чтобы мы веровали рождению от Девы, чтобы и она сама руководилась (их примерами) к вере в данное ей благовестие и обетование. Послушай, что говорит ей ангел: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя.* Таким образом, говорит он, родишь ты, и все совершится по действию Святого Духа; не смотри же на землю; сила эта придет с небес; это есть дело благодати Святого Духа; не ищи тут порядка природы и законов брака. Но так как эти слова были выше ее разумения, то он хочет представить ей и другое доказательство.

3. Смотри же, возлюбленный, как неплодная жена руководит Деву к вере в это рождение. Так как первое доказательство было выше разумения Девы, то послушай, как (ангел) низводит слово свое к простейшим предметам, вразумляя ее осязательными примерами. *И се*, говорит он, *Елизавет, южика твоя, и та зачат сына в старости своей; и сей месяц шестый есть ей, нарицаемый неплоды* (Лк. I, 36). Без сомнения, для удостоверения Девы он указал и на неплодную жену. А иначе, для чего бы он привел ей в пример рождение ее родственницы и для чего присовокупил: *нарицаемый неплоды?* Всем этим он руководит ее к тому, чтобы она уверовала в благовестие; для этого упомянул и о возрасте (Елисаветы), и об изнеможении природы; для этого означил и самое время зачатия. Ангел не тотчас, с самого начала (зачатия Елизаветы) благовестил Деве, но по прошествии шестимесячного времени, чтобы явные доказательства беременности ясно удостоверяли в действи-

тельности зачатия. И заметь мудрость Гавриила: не упомянул он ей ни о Сарре, ни о Ревекке, ни о Рахили. Почему же и для чего? Ведь и они были бесплодны, и престарелы, и над ними совершилось великое чудо? Но все они принадлежат к древней истории, а потому ангел указывает ей на ближайшее событие, чтобы утвердить (в вере) ее мысли.

4. Но возвратимся к прежде начатому слову, и покажем добродетель праведного Исаака, — как он молитвой разрешил неплодие Ревекки, и преодолел узы природы. *Моляшеся же*, говорит Писание, *Исаак о Ревекце жене своей, яко неплоды бяше: и послуша его Бог* (ст. 21). Не подумай, что как скоро здесь написано, так скоро он и получил, чего просил. В продолжение двадцати лет он не переставать просить и умолять Бога — и тогда только получил желаемое. Откуда ж это мы узнаем? Узнаем, если тщательно проследим сказания, заключающиеся в Божественном Писании. Оно не скрыло от нас этого времени, а означило его, хотя и прикровенно, чтобы возбудить наше внимание и побудить нас к исследованию. Как оно показало нам, сколько было Исааку лет, когда он взял Ревекку, так ясно представляет нам и то обстоятельство. *Бяше же*, говорит оно, *Исаак лет четыредесяти, егда поя Ревекку, дщерь Вафуила Сирина* (ст. 20). Заметь тщательно это время. Потом Писание, сказав: *моляшеся же Исаак о жене своей, яко неплоды, бяше* (ст. 21), — чтобы мы узнали число лет, протекшее во все это время, означает и то, сколько лет было Исааку, когда родились у него дети от Ревекки. *Исааку же,* говорит оно, *бе шестьдесят лет, егда роди Ревекка* (ст. 26). Итак, если сорок лет было ему, когда он взял ее, и шестьдесят лет, когда жена родила, то очевидно, что в продолжение двадцати лет он молил Бога, и таким образом возбудил неплодную утробу Ревекки к деторождению. Видите силу молитвы, — как могла она победить и самую природу? Будем же подражать Исааку и все мы; будем также

постоянны в молитвах, с душой бодрственной, с сердцем сокрушенным. Послушаем Павла, увещевающего нас словами: *воздеюще преподобный руки без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8). Постараемся всегда быть чуждыми возмущения душевного, и сохранять ум в мире, особенно же во время молитвы, когда имеем нужду в особенном человеколюбии от Бога. Если Он увидит, что мы совершаем молитву по законам, установленным Им самим, то вскоре подаст нам обилие Своих даров, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА L

И зачат во утробе Ревекка, и играста младенца в ней (Быт. XXV, 21, 22)

1. Хотите ли вы, чтобы мы предложили вашей любви остатки вчерашней нашей беседы? Мы не могли (вчера) докончить всего сказания об Исааке, а остановились на том, что Исаак собственной, неослабной молитвой возбудил утробу Ревекки к чадорождению, и, так сказать, отверз поврежденное естество. Все это вчера мы достаточно разъяснили вам, показав число лет, которое тот блаженный муж провел в молении и прошении о том Бога. Затем, перейдя к слову о неплодных и объяснив вам причину, по которой супруги тех праведников были неплодны, этим мы окончили вчера наше слово. А сегодня надобно изучить и благочестивую душу Ревекки, чтобы не только от добродетели праведного Исаака получить нам пользу, но чтобы и повествованием о Ревекке могли мы возбудить слушающих к соревнованию ей. После того, как услышал Бог молитву праведника, и Ревекка зачала во чреве, — *играста*, говорит

Писание, *младенца в ней,* и оттого она терпела тяжие боли. Она говорила: *аще тако ми хощет быти, почто ми сие?* Не один (младенец) имел родиться, а двух вместе носила она во чреве, и оттого стеснение во чреве причиняло ей много скорби. Но заметь при этом случае благочестие этой жены. Она не прибегла к какой-нибудь человеческой помощи, как делают многие из нынешних жен, живущих беспечно; не обратилась и к тем, которые стали бы судить о подобных событиях своим умом, по каким-нибудь догадкам и наблюдениям; не вверилась обольщению обманщиков и таких, которые обещают то, что выше человеческой природы; нет, она *иде вопрошати Господа.* Заметь и благоразумие ее. Она знала, что Сам Владыка природы разверз ее утробу и неплодное чрево внезапно сделал столь плодоносным; видела также, по величине чрева, что готовится ей нечто великое, — и потому *иде вопрошати Господа.* Что значит: *иде вопрошати Господа?* Значит, что она прибегла к истинному знанию — к священнику, служителю Божию, желая тайно приобрести через него сведение и, рассказав все о себе, узнала все в точности, потому что человеколюбивый Бог устами священника все ясно открыл и через то сделал ее еще ревностнее. И чтобы ты знал, как высоко было тогда священническое достоинство, Писание нигде не говорит, что *священник* отвечал ей, но, сказав: *иде вопрошати Господа,* Писание прибавляет: *и рече Господь ей*, то есть — через священника: два языка во утробе твоей носишь. А в другом месте Божественное Писание называет священника ангелом, показывая этим, что священник провозвещает то, что внушит ему благодать Святого Духа. Итак, Господь сказал ей через священника: *два языка во утробе твоей суть, и двои людие, от утробы твоея разлучатся, и людие людей превзыдут, и больший поработает меншему* (ст. 23). Это пророчество ясно открывало ей будущие события. Младенцы, своими сильными движениями во чреве, уже

предвозвещали все с точностью. И теперь сама жена узнала не только то, что она родит двух младенцев, но и то, что они возрастут в народы, и что меньший будет господствовать над большим. И когда, говорит Писание, настало время рождения, *изыде первенец чермен, аки кожа космат и нарече имя ему Исав; и посем изыде брат его, и рука его придержася пяте Исавове, и нарече имя ему Иаков* (ст. 24—26) Бог в самом начале уже как бы назнаменовал, что, по Его предречению, будет господствовать меньший над большим. Иаков держал, сказано, рукой пяту Исава; а это было знаком, что он преодолевает того, который казался сильным. И заметь, как Божественное Писание наперед уже предзнаменует имеющие совершиться впоследствии события, когда показывает нам занятие каждого из братьев с самого начала: один занимался ловлей зверей, а другой был земледелец, человек простой, постоянно живущий в доме. Оттого Ревекка любила Иакова, а Исаак — Исава: *яко ловитва его,* говорит Писание, *бяше брашно ему* (ст. 28). Посмотри, как сами родители разделяли детей. Мать, видя в Иакове дитя простосердечное, постоянно остающееся дома, оказывала к нему большее расположение. А отец больше любил Исава, и за то, что он был его первенец, и за его добычу (на охоте). Впрочем, они так делали, следуя естественной любви. Но предсказание, что *больший поработает меншему* (ст. 23), мало-помалу приходило в исполнение. Вот смотри сейчас. *Свари*, говорит Писание, *Иаков варение, и прииде Исав с поля изнемог. И рече Исав Иакову: напитай мя варением сочива сего, яко изнемогаю. Сего ради прозвася имя ему Едом. И рече Иаков: отдаждь ми первенство* (ст. 29—31). На это Исав отвечал: что мне пользы от первенства, когда угрожает мне смерть, если не приму пищи? Но Иаков требует и клятвы, через которую уступка ему первенства получила бы свою твердость. *И кляся,* сказано, *Исав* (ст. 33).

2. Вот с этого времени изменился порядок (между братьями) и достоинство первородства перешло к тому, который сиял добродетелью душевной. *И отдаде*, говорит Писание, *Исав первенство*, то есть продал за пищу достоинство, данное ему самой природой. Потому Писание и прибавляет: *и ни во что же вмени себе Исав первенство* (ст. 34): так он стал нечувствителен к преимуществу, предоставленному ему самой природой. А все это сделалось так для того, чтобы открылось его неразумие и исполнилось на самом деле предсказание Божие.

Мы, слыша это, научимся никогда не пренебрегать дарами Божиими, и за малое что-либо и ничтожное не терять великого. Для чего, скажи мне, когда нам уготовано царство небесное и неизреченные блага, для чего мы увлекаемся страстью к богатству, и временное, часто и до вечера у нас не остающееся, предпочитаем нескончаемому и вечному? И что может быть хуже этого безумия, когда, через привязанность к временным благам, мы и будущих лишаемся, да и настоящими не можем беспорочно наслаждаться? Что пользы, скажи мне, в большом имуществе? Или вы не знаете, что умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы? Не видите ли, что те в особенности бывают, так сказать, рабами всего, которые окружены большими благами, и каждый день они самих теней боятся? Отсюда-то происходят коварство, клевета, сильная зависть и тысячи других зол. И часто видишь, что тот, у кого лежат тысячи талантов золота, считает счастливым работника, снискивающего себе пропитание трудами рук. Какое же удовольствие, какая польза, когда и этими благами мы не наслаждаемся, а через пристрастие к ним лишаемся высших благ? И что я говорю: высших благ, — когда, кроме бедствий, постигающих нас здесь, и лишения благ, уготованных там, мы еще посылаемся в самую геенну? Не говорю уже о тысячах грехов, порождаемых

богатством, — обманах, злобе, хищничестве, любостяжании. А хотя бы кто и свободен был от всех таких грехов, что однако трудно, но, если он, имея много богатств, копит деньги и употребляет их для собственного только наслаждения, а не оказывает щедрости нуждающимся, — огонь геенны и его постигнет. Об этом ясно учит нас притча в Евангелии, когда одних представляет одесную, а других ошуюю, и говорит, что первым уготовано царствие небесное, за попечение о нуждающихся: *приидите,* сказано там, *благословеннии отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34). Почему же и за что? *Взалкахся бо, и дасте ми ясти* (ст. 35). А последним уготован вечный огонь. *Идите,* сказано, *от мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (ст. 41). Велика важность этого изречения! Господь и Творец всего говорит: *взалкахся бо, и не дасте ми ясти* (ст. 42). Какую душу не подвигнет это, хотя бы то была душа каменная? Господь твой ходит алчущим, а ты живешь в роскоши! И не это одно страшно, а и то еще, что, живя сам в роскоши, ты дерзаешь презирать Его, притом тогда, как Он просит не многого чего-либо, а только одного хлеба, чтобы утолить голод. Он ходит, цепенея от холода; а ты, одетый в шелковые ткани, не обращаешь на него внимания, не показываешь никакого сострадания, но без всякого милосердия проходишь мимо. Какого извинения может это заслуживать? Будем же заботиться не о том, чтобы собрать, каким бы то ни было образом, богатства больше всех; но будем обращать внимание на то, чтобы и тем, что имеем, хорошо распоряжаться. Облегчим убожество нуждающихся, чтобы не лишиться и тех благ, которые всегда пребывают и не подвержены никаким переменам. Для того-то и сокрыл от нас Господь день смерти нашей, чтобы расположить нас к постоянному трезвению и бодрствованию и таким образом еще более побудить к попечению о добродетели. *Бдите,* го-

ворит Он, *яко не весте ми дне, ни часа* (Мф. XXV, 13). Но мы делаем противное, и постоянно спим сном более крепким, нежели сон естественный. Спящий естественным сном становится неспособным делать ни зла, ни добра, а мы спим другим сном, спим для дел добродетели, и бодрствуем для дел злых; злые дела совершаем неленостно, а в добрых показываем великое нерадение и сонливость. И так мы делаем, видя каждый день, что одни отсюда отходят, а другие и в настоящей жизни подвергаются многим переменам. Однако и это непостоянство жизни не довольно вразумляет нас, не довольно возбуждает в нас стремление к добродетели, располагает к презрению настоящих благ и к желанию будущих, к тому, чтобы теням и сновидениям мы предпочитали истину. Ведь настоящие блага ничем не разнятся от теней и сновидений. Итак, не будем обманывать себя, и гоняться за тенями; но, хоть когда-нибудь, позаботимся и о нашем спасении, а богатство станем издерживать на нуждающихся, чтобы за это удостоиться воздаяния от человеколюбивого Бога, которое и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LI

Бысть же глад на земли, кроме глада, бывшаго прежде во время Авраамле (Быт. XXVI, 1)

1. Опять я хочу предложить вам поучение, из того, что следует после сказанного нами в прошлый раз. А для большей ясности, надобно припомнить любви вашей, где мы в прошлый раз окончили слово, и откуда должны сегодня начать его. Сами вы, развлекаясь многими заботами, может быть, и забыли это. Но мой долг — привести вам на память, чтобы через такое

напоминание яснее стало для вас слово, которое сегодня будет сказано. Вы знаете, что в прошлый раз, повествуя о благочестии Ревекки, и потом дойдя до Исава и Иакова, мы остановились на том, как Исав отдал права первородства Иакову, желая воспользоваться варением его, и, по страсти к известному яству, сам себя лишил первенства. А так сделалось не просто, но для того, чтобы на самом деле оправдалось Божественное предсказание: *Иакова возлюбих, Исава же возненавидех* (Мал. I, 2). Так как Бог предвидел уже будущие события, то и предсказал и добродетель Иакова, и низость духа в Исаве. Что же значит право первородства? Прежде время не позволяло мне сказать об этом вашей любви; но сегодня необходимо объяснить вам это. Первородство почиталось в древности за величайшую честь; а причиной такого уважения к нему было следующее обстоятельство. Когда Бог захотел освободить народ израильский из Египта и избавить его от мучительства фараонова, по обетованию, данному праотцу (Аврааму), а царь египетский сопротивлялся этому, и хотел удержать народ, тогда Господь после различных казней, наведя (на Египет) последнюю казнь, заставил египтян, так сказать, своими руками вывести народ израильский. Именно, Бог определил истребить вдруг всех первенцев египетских, так что в каждом доме видны были слезы и рыдания. Египтяне думали, что этим казнь не ограничится; а ожидали, что смерть, продолжая идти, постигнет и всех. Таким образом когда всех первородных египетских вдруг постигла смерть, а израильтяне, пользуясь покровом свыше, остались невредимы, то Бог, и в этом событии показывал Свое к ним благоволение, повелел, чтобы за истребление первенцев египетских, впредь были посвящаемы Ему первенцы еврейские. Поэтому-то и колено Левиино отделено было для священнослужения, и не только перворожденные от людей были посвящаемы Богу, но и первенцы

бессловесных, и вообще — всего. Было также повеление, — приносить цену как за людей, так и за чистых животных. Правда, этот закон о перворودных установлен впоследствии; но уже и прежде и в самом начале было признаваемо преимущество тех, которые первые разверзали ложесна матери. Итак, эту самую честь, которую Исав получил от природы, он, по своей невоздержанности, передал брату. Таким образом один потерял то, что дано было ему самой природой; а другой приобрел себе то, чего и не имел от природы. И так как это свыше было предопределено ему, то и Ревекка, давая ему имя, назвала его Иаковом, что значит запинание, как и Исав, после благословений, данных Иакову отцом, рыдая, говорил: *праведно наречеся имя ему Иаков; запя бо мя се уже вторицею, и первенство мое взя, и ныне взя благословение мое* (Быт. XXVII, 36). Заметь, какая у древних была проницательность, или — лучше — сколь велика премудрость Божия, которая так устраивала, что и жены не просто, не как случится, давали имена рожденным от них, а заключали в имени дитяти предзнаменование того, что имело быть с ним. И редко найдешь, чтобы дети назывались одними именами с родителями их, или, может быть, и нигде не найдешь этого. Но когда отец намерен был наречь имя дитяти, то давал ему какое-нибудь необычайное, новое прозвание, так чтобы через него предзнаменовать какое-либо будущее событие. Так же поступала и мать. Так Ламех, нарекая своего сына, назвал его Ноем и присовокупил: *сей упокоит нас* (Быт. V, 29). Таким образом, тщательно исследуя каждое имя, непременно найдешь в нем какое-либо предзнаменование, — не так, как делают ныне, нарекая детям имена без цели и как случится, или только по именам их родителей. У древних же всегда целью было то, чтобы в прозвании детей заключить постоянное напоминание о чем-либо. Но посмотрим далее, что, после перемены в первородстве, повествует нам блаженный

Моисей об отце Иакова и Исава, как и он, подобно Аврааму, при наступлении голода, удостаивается великого попечения свыше, сколько за свою собственную добродетель, столько же и по обетованию, которое было дано праотцу. *Бысть же,* говорит Писание, *гладъ на земли, кроме глада, бывшаго прежде во время Авраамле* (XXVI, 1). Чтобы ты не подумал, что Писание говорит о прежнем голоде, оно и поясняет: *кроме, глада, бывшаго во время* праотца, – то есть теперь, при Исааке, другой такой же голод постиг землю, какой был и при его отце. Скудость в необходимых (потребностях) подвергла всех величайшей опасности, принудила переселяться из своих стран в те места, где можно было найти обилие в жизненных потребностях. Таким образом и этот праведник, видя голод, *отъиде,* говорит Писание; *к Авимелеху в Герары.* Сюда и Авраам приходил в другой раз, по возвращении из Египта. Вероятно, и Исаак для того пришел сюда, чтобы отсюда отправиться в Египет. А что это так, послушай, как говорит Писание: *явися ему Бог, и рече: не ходи в Египет* (ст. 2). Не хочу Я, говорит Бог, чтобы ты отправлялся в такой дальний путь; но оставайся здесь. Я не попущу тебе испытать нужду, а исполню обетование, данное Мной твоему отцу; обещанное ему сбудется на тебе; ты получишь исполнение обетовании, бывших к нему. *Не ходи в Египет, вселися же в землю, в нейже ти реку, и обитай в земли той* (ст. 2, 3).

2. Но чтобы праведник не подумал, что Бог дает ему такое повеление, не позволяет идти в Египет, потому, что хочет подвергнуть его испытанию голода, Бог говорит ему: не смущайся, не озабочивайся, а оставайся здесь: *Аз бо с тобою буду.* Имея близ себя Подателя всех благ, не заботься ни о чем; Я, Владыка всего, буду с тобой, и не только буду, но и *благословлю тя,* то есть сделаю тебя славным, и дам тебе Мое благословение. Можно ли быть блаженнее этого праведника, получившего от Бога такое обетование: *буду с тобою и благословлю*

тя? Вот что сделает тебя счастливее всех; вот что поможет тебе жить в великом изобилии; вот для тебя — величайшая слава, несказанное торжество, твердыня, вершина благ, — то именно, что Я *буду с тобою и благословлю тя.* А как благословлю тебя? *Тебе и семени твоему дам землю сию.* Ты считаешь себя странником и пришельцем в этих пределах; знай же, что вся эта земля дана будет тебе и семени твоему. А чтобы ты мог увериться в этом, знай, что ту же клятву, которой Я клялся Аврааму отцу твоему, Я постановлю и с тобой. Примечай снисхождение Божие. Не сказал Бог просто: *завет,* который Я заключил с отцом твоим, или *обетование,* которое дал ему; но что? — *клятву, еюже кляхся.* Клятвой уверил Я его, говорит Он, и должен клятву Мою исполнить и совершить.

Видишь человеколюбие Божие? Он говорит так, не на Свое величие взирая, но снисходя к нашей немощи. Как люди наиболее заботятся об исполнении того, что не просто обещали кому-нибудь, а обещали с клятвой, так и Бог, уверяя праведника, что обещанное ему непременно сбудется, говорит: знай, что клятвой Моей утвержденное должно совершиться. Что же это, скажет кто-нибудь? Бог клялся? И чем Он мог клясться? Видишь, что это сказано было по снисхождению: клятвой Он называл утверждение обетования. *И поставлю,* говорит Он, *клятву мою, еюже кляхся Аврааму отцу твоему.* Потом объясняет ему и то, что обещал, и что подтверждал клятвой. *И умножу,* говорит Он, *семя твое, якоже звезды небесныя* (ст. 4). То же говорил Он и праотцу: семя твое будет так многочисленно, что сделается равным числу звезд и песка. *И дам,* продолжает Он, *семени твоему землю сию, и о семени твоем благословятся вси языцы земнии.* А исполню на тебе обетования, данные Аврааму, потому, что *послуша отец твой Авраам гласа моего, и соблюде повеления моя, и оправдания моя, и законы моя* (ст. 5). Замечай премудрость Божию, как она возбуждает дух

праведника, ободряет его и направляет к тому, чтобы он стал подражателем отцу своему. Если он, говорит Бог, за то, что *послуша гласа моего,* удостоился столь великого обетования, и за его добродетель, Я намерен исполнить это обетование на тебе, сыне его, то подумай, каким ты пользоваться будешь от Меня благоволением, какого удостоишься промышления, если будешь ревностным подражателем его и пойдешь путем его. Тот, кто за добродетель другого может получить благо, гораздо большего удостоится попечения свыше, если и сам будет добродетелен. Что же значит: *послуша гласа моего, и соблюде повеления моя, и заповеди моя, и оправдания моя?* Когда Я сказал ему: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и иди в землю, юже ти покажу* (Быт. XII, 1), то он оставил все, что имел в руках, и устремился к чему-то неизвестному, и не поколебался духом, не замедлил, но со всей готовностью, исполняя повеление Мое, послушал гласа Моего. Затем, Я обещал ему нечто сверхъестественное, когда уже и возраст его не подавал ему на то надежды, и ни он сам, ни мать твоя не имели никакой способности к чадорождению; но слыша от Меня, что семя его так распространится, что наполнит всю землю, — и тогда он не смутился мыслью, но уверовал. И вменилось это ему в правду, потому что, уверовав в силу Мою, уповая на обетования Мои, он стал выше человеческой немощи. И после рождения твоего, когда мать твоя вознегодовала на Измаила, родившегося от рабыни, и хотела изгнать его из дома с Агарью, чтобы он не имел ничего общего с тобой, — праотец, хотя по своей родительской любви имел и к нему некоторое расположение, но услышав от Меня повеление — делать то, что угодно Сарре, забыл естественную любовь, изгнал Измаила с рабыней, и во всем слушал гласа Моего, и хранил заповеди Мои. Наконец, получив от Меня повеление — принести в жертву сына, данного ему в старости, столь

дорогого ему, он не испытывал, что значит повеление, не возмутился духом, не сообщил о том ни матери твоей, ни рабам, не объяснил и тебе самому, что намерен был делать; но с духом мужественным и с совершенной готовностью поспешил исполнить Мое повеление. Поэтому, увенчав такое намерение его, Я не допустил совершиться самому делу. Итак, за оказанное им во всем великое послушание и соблюдение заповедей Моих, тебя, родившегося от него, Я делаю наследником данных ему обетований.

3. Итак, подражай его послушанию, и веруй слову Моему, чтобы тебе удостоиться еще больших наград и за добродетель отца, и за собственное послушание; и не ходи в Египет, а оставайся здесь. Видишь ли человеколюбие Божие, как Бог через напоминание о добродетели отца укрепил дух Исаака? *Вселися же*, говорит Писание, *Исаак в Герарех*. Но посмотри, как и он подвергается почти тем же опасностям, какие испытывал отец его. Когда поселился он в Герарах, *вопросиша*, говорит Писание, *мужие места о Ревекце, жене его, и рече: сестра ми есть* (ст. 7). Он боялся, чтобы не убили его жители, пораженные красотой жены его: *да не когда убиют мужи места того Ревекки ради, понеже бе доброзрачна. Бысть же много время тамо; приникнув же Авимелех, виде Исаака, играюща с Ревеккою, женою своею, и призва его и рече ему: убо жена твоя есть; почто рекл еси, яко сестра ми есть* (ст. 8, 9)? Когда по этим признакам обнаружилась истина, праведник уже не отрицается, но признается и объявляет причину, по которой решился назвать Ревекку сестрой. *Рече бо*, говорит Писание, *да не умру ея ради*. Страх смерти понудил меня так поступить. А может быть, он знал, что и отец его спас себя таким вымыслом, — потому и сам употребил то же средство. Но царь, имея еще в живой памяти то, что потерпел при праотце (Аврааме), когда похитил Сарру, тотчас и теперь понял угрожающее ему наказание, и сказал Исааку: *что сие сотворил*

еси? Вмале не бысть некто от рода моего с женою твоею, и навел бы еси на ны неведение (ст. 7, 10). Такому обману, говорит он, мы уже подвергались при отце твоем, и ныне, если бы вскоре не дознали (обмана), могли бы потерпеть то же, *и навел бы еси на ны неведение.* Тогда мы согрешили по неведению, да и ныне ты едва не ввел нас в грех неведения. *Заповеда же Авимелех людем своим, глаголя: всяк, иже прикоснется мужу сему или жене его, смерти повинен будет* (ст. 11). Примечай промышление Божие, примечай неизреченное попечение! Тот, Кто сказал Исааку: не ходи в Египет, а поселись в земле сей, и Я буду с тобой, – Тот все это устроил, и поставил праведника в такой безопасности. Посмотри, как царь заботится, чтобы Исаак жил в безопасности и был свободен от всякого беспокойства. Царь угрожал, как сказано, смертью всякому, кто коснется его или жены его. Именно этот страх, – разумею, страх смерти, – смущал душу праведника; потому человеколюбец Господь и этот страх удалил от него, так что он мог уже жить там в совершенной безопасности. И вот что дивно и чудно: как попечительный и премудрый Бог, все устрояющий по воле Своей, открывающий путь в местах непроходимых, как Он утверждает безопасность Своих рабов через те самые обстоятельства, которые по-видимому противны и враждебны им. Почему, скажи мне, этот царь оказывает такое попечение о праведнике, объявляет о нем всем, живущим в городе, представляет его человеком славным и достойным величайшей заботливости? Так и Навуходоносор (см.: Дан. III, 28), ввергнув в печь трех отроков и узнав на самом деле добродетель этих пленных юношей, начал прославлять их и превозносить повсюду на собственном языке. В том-то и открывается особенно величие силы Божией, что она заставляет проповедывать о рабах Божиих самих врагов их. И тот, кто в ярости повелел разжечь печь, когда увидел, что добродетель отроков, при помощи

свыше, победила и силу огня, внезапно переменил мысли и воскликнул: *раби Бога вышняго*! Посмотри, как он прославляет не их только, но и Господа всяческих. *Раби Бога вышняго*, говорит он, *изыдите*. Что с тобой сделалось? Не ты ли предал их казни? Не ты ли приказал разжечь печь до такой степени? Да, говорит он; но теперь я вижу дивные и чудные дела. Эта стихия, как бы забыв свою силу, как бы связанная какими-то узами, показала такую покорность им, что не коснулась даже волос их. А отсюда должно разуметь, что это событие — выше сил человеческой природы, что какая-то неизреченная и Божественная сила здесь действует и оказывает столь великое промышление об этих отроках. Видишь ли человеколюбие Божие, — как Бог не оставляя рабов Своих, хотя попустил им быть вверженными в печь, но желая и их еще более прославить, и Свое всемогущество показать, смягчил душу мучителя и явил столь великое долготерпение? Конечно, не столь чудно было бы, если бы Он с самого начала не допустил их быть вверженными в печь, как теперь дивно и чудно то, что Он даже и среди огня не попустил их потерпеть ничего неприятного. Так-то Бог, когда хочет, и находящихся среди тяжких бедствий еще более возвеличивает, и страждущих делает сильнее тех, которые причиняют им страдания. Так было и с апостолами (см.: Деян. IV, 16). Те, которые, захватив их в свою власть, осыпали их угрозами, и как бы скрежеща на них зубами, говорили друг другу: *что сотворим человеком сим?* — те держали их у себя в руках, но ни на что не отваживались. Столь сильна добродетель, и столь бессильна злоба; первая — и среди страданий побеждает, а последняя — и в том, что делает, показывает только собственное бессилие. Зная это, возлюбленные, будем иметь все попечение о добродетели и убегать зла. Таким образом получим и помощь свыше, и достигнем будущих благ, которых да сподобимся

все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LII

Сея же Исаак в земли той, и приобрете в то лето стократный плод ячменя (Быт. XXVI, 12)

1. Сегодня надобно отдать любви вашей останки вчерашней беседы, и припомнив последовательность (библейской) речи, обратить внимание на то, каким пользуется праведный Исаак попечением свыше. Тот, кто воспретил ему путешествие в Египет и сказал: *вселися в земли сей, и буду с тобою,* так прославил его во всех отношениях, что, немного времени спустя, царь герарский стал ему завидовать. Видя, как его имущество со дня на день умножалось, стали бояться поселения там этого мужа и принуждали его переселиться оттуда. Но лучше выслушаем самые слова Божественного Писания, чтобы вполне видеть благоволение, какое Бог оказывает рабам Своим. *Сея же,* сказано, *Исаак в земли той, и приобрете в то лето стократный плод ячменя.* Прошу заметить премудрость Божию: дабы показать праведнику, что Он, Творец природы, может и невозможное делать возможным, что и в начале Он повелением Своим возбудил землю к произращению плодов, (Бог) сделал то, что праведник получил сторичный плод от посеянного им на той земле, чем и его привел в большее благосостояние, так что он ни в чем уже не нуждался, да и тем (жителям Герар) показал самым делом, какою помощью свыше пользуется праведник. Благоискусный и премудрый (Господь) часто одними и теми же делами Своими и избранным Своим благодетельствует, и заблуждающимся еще дает средство познать силу Его промысла. Это Он сделал впоследствии и в Египте, когда

на жителей его наводил казни, а народ израильский сохранял невредимым. (Египтяне) не только в гневе Божием на них, но и в промышлении Божием о тех (израильтянах), научались познавать силу Бога и Творца всяческих. Но и эти, в свою очередь, не только из промышления и попечения Божия о них, но и из самого зрелища казней, каждый день постигавших Египет, уразумевали дивную к ним любовь Божию. Так одними и теми же делами Он и Своим и противникам являл величие Своей силы. И самые стихии оказывают с своей стороны служение и повиновение рабам (Божиим), когда Владыка благоволит к ним. Это можно видеть на опыте в жизни этого праведника (Исаака): чего в другое время природа земли не проявляла, то теперь производит по воле Бога всяческих, и такой приносит плод, что Исаак вдруг становится весьма богатым: *благослови бо его Бог, и возвысися человек, и преуспевая больший бываше, дондеже велик бысть зело* (ст. 13). Так как богатство у праведников состояло тогда в плодоносности земли и в многочисленности стад, то и сказано: *благослови его Бог и возвысися человек,* то есть сделался богат, и не просто богат, но и *больший бываше, дондеже велик бысть зело.* Подумай, как много значило получить сторичный плод от посеянного. Если же это кажется тебе важным, то познай ту еще большую силу человеколюбия Божия, какую впоследствии времени он показал живущим добродетельно, после Его пришествия (на землю). Он обещает им не только здесь воздать сторицей, но и дать наслаждаться вечной жизнью и царством небесным. Видишь ли щедрость Владыки? Видишь ли великость благодеяния? Видишь ли, сколько даровало нам пришествие Единородного? Какую несказанную перемену в делах (жизни нашей) произвело оно? Поэтому каждый, рассуждая об этом сам с собой и видя различие между тем, что обещал (Бог) жившим прежде благодати, и тем, что — после благодати, да прославит хотя этим беспредельное

человеколюбие Божие, и да не приписывает всего только перемене времен. Но следует возвратиться к порядку повествования и рассмотреть то, как жители герарские, заметив богатство праведника, воспылали завистью и решились удалить его оттуда: *позавидеша бо ему*, сказано, *Филистимляне* (ст. 14). Потом Божественное Писание, желая показать, в чем они обнаружили свою зависть, присовокупляет: *и вся кладязи, яже ископаша раби во время отца его, заградиша я и наполниша землею* (ст. 15). Смотри, какая у них злоба: и в воде позавидовали они праведнику; даже царь, имея сам во всем обилие, не в силах был удержаться от зависти, и сказал: *отъиде от нас, яко сильнейший сотворился еси нас зело.* Большое недоброжелательство! За что ты изгоняешь праведника? Разве он повредил чем-нибудь тебе? Разве обидел тебя чем? Но такова зависть: она ничего не делает с рассуждением. Если царь видел, что праведник пользуется такой милостью от Бога всяческих, то должен был еще более уважать его, еще более услуживать ему, чтобы почитанием праведника и самому приобрести благоволение свыше. А он не только не делает этого, но и старается удалить, и говорит: *отъиде от нас, яко сильнейший сотворился еси нас зело* (ст. 16). Такова ненависть: не терпит благодушно счастья других; благоденствие ближнего считает за собственное несчастье, и изнывает, смотря на блага ближнего. Так было и здесь. Царь, имеющий в своей власти весь город, всех держащий под страхом, говорит страннику, пришельцу, переходящему туда и сюда: *отъиди от нас, яко сильнейший сотворился еси нас зело.* И, поистине, он был сильнее их, потому что во всем имел содействие свыше и огражден был десницей Божией. Куда же ты гонишь праведника? Или не знаешь, что куда бы ни случилось ему удалиться, он везде будет под рукой Владыки своего? Не вразумил ли тебя самый опыт, что рука Божия так прославляет праведника? Для чего же

ты удалением праведника показываешь неблагодарность к его Владыке? И великая кротость этого мужа не могла победить твоей зависти, но, побежденный страстью, ты стараешься удовлетворить твоей ненависти, и принуждаешь к новому переселению того, кто тебя ничем не обидел. Или не знаешь, что хотя бы ты принудил его удалиться в самую пустыню, у него есть столь благоискусный Владыка, что и там прославит его еще больше? Нет силы, могущей одолеть того, кто пользуется содействием свыше, как нет ничего бессильнее человека, лишенного вышней помощи.

2. Видишь, возлюбленный, нравственное непотребство и царя герарского и всех тамошних жителей? Посмотри и на великую кротость праведника, как он не возмечтал о себе много, и несмотря на то, что видел на самом деле великую милость Божию к себе, не восстал против царя в надежде на споборающую ему (вышнюю) силу, но как человек беззащитный, ниоткуда не получающий никакой помощи, с великой кротостью, не сопротивляясь царю даже на словах, исполнил его повеление, тотчас вышел оттуда, и своим удалением утишил пламень страсти, показывая и чрезвычайную свою кротость, и вместе укрощая раздражение (царя). *И отъиде оттуду, и обита в дебри герарстей* (ст. 17). И что Христос, придя (на землю), заповедал ученикам Своим словами: *егда гонят вы во граде сем, бегайте в другий* (Мф. X, 23), то самое Исаак уже исполнил на деле. И как Давид, укрощая сильную ненависть Саула, удалялся и отклонял себя от опасности, умеряя его сильное раздражение, таким же образом и тот праведник исполнил слово апостольское: *дадите место гневу* (Рим. XII, 19). Оставив город, он отошел (и поселился) в дебри. Но посмотри, как и там он вел себя с великой кротостью, потому что тем не окончились его скорби, но когда он и здесь был, и хотел ископать колодцы, жители против него стали

восставать. *Ископа*, говорит (Писание), *кладязи, яже* устроиша *раби отца его, и заградиша тыя Филистимляне, и* дал *им имена*, какие дал *отец. И ископаша раби Исааковы, и обретоша кладязь воды живы*, то есть такой, которая снизу бьет вверх ключом. *И пряхуся пастырие герарстии глаголюще: наша есть вода** (ст. 18–20).

Но и здесь праведник не спорит, не противится, а уступает даже пастухам. Это-то и есть истинная кротость, когда кто не от сильнейших себя переносит благодушно обиды, а уступает в случае оскорблений от людей, считающихся низшими его. При этом только всецело открывается кротость обижаемого. А иначе может кто-нибудь сказать, что он обнаруживает кротость потому, что не в силах противиться силе обидящего. Чтобы ты знал, что и в отношении к царю он оказывал кротость не по причине его могущества, а по своему характеру, смотри: он точно так же поступает и с пастухами. И как в то время, когда царь сказал ему: *отыди от нас*, он тотчас удалился, приняв это, как повеление, так и теперь, когда пастухи начали оскорблять его и присвоили себе колодец, он уступает им. А чтобы и для потомства памятна была эта обида, он дает колодцу название от происшедшего здесь случая. Так как (пастухи) причинили ему явную обиду, то он, по свидетельству Писания, *прозва имя кладязю тому*, (или) месту: *обида* (ст. 20). Таким образом самое название места, как бы (начертанное) на медном столбе, послужило для последующих времен памятником и кротости праведника, и несправедливости тех жителей. Всякий, узнавший из имени места причину такого его прозвания, видел добродетель одного, и крайнюю злобу других. И посмотри, как и он сам возвышает свою добродетель, во всем об-

---

* Здесь святитель передает библейское повествование частью словами Писания, частью своими – для краткости.

наруживая свою кротость, да и те, даже против воли своей, самой чрезмерностью своей злобы содействуют его прославлению. Не довольствуясь (одной обидой), они снова восстают на него, когда он ископал другой колодец. *Отшед же,* сказано, *оттуду, ископа кладязь другий; пряхуся же и о том, и прозва имя ему: вражда* (ст. 21). Заметь опять благоразумие праведника! Здесь они не совсем, кажется, отняли у него колодец, а только спорили и, уже ясно увидев свою несправедливость, отступили. Поэтому он и назвал то место *враждою,* так как оно сделалось причиной вражды. Но претерпевая такие оскорбления каждый, так сказать, день от окрестных жителей, не унывал, не показывал малодушия, не помыслил сам в себе или не сказал: вот у меня нет и настолько силы, чтобы пользоваться колодцами, — уж не оставила ли меня помощь свыше, не лишился ли я промышления Господня? Ничего такого он не думал и не помышлял, но все переносил с совершенной кротостью. Зато тем большую имел во всем помощь свыше. Такие случаи были, так сказать, некоторым упражнением для добродетели праведника. *Отшед же,* сказано, *оттуду, ископа кладязь другий; и не пряхуся о том, и прозва имя ему: пространство, глаголя: яко ныне распространи Господь нам и возрасти нас на земли* (ст. 22).

3. Заметь благомыслие праведника. Когда хотели отнять у него первые колодцы, он не огорчался, не противился, а только названием колодцев оставил неизгладимую память о злобе жителей. А теперь, когда уже никто не препятствовал ему, и он с полной свободой наслаждался трудами своими, он все это приписывает Богу. *Прозва,* сказано, *имя ему пространство.* Затем, объясняет это название: потому, говорит, называю я его пространством, что *распространи Господь нам и возрасти нас на земли.* Видишь ли боголюбивую душу, как она, не вспоминая нисколько о прежних неприятностях,

а памятуя только благо, приносит за это благодарение и говорит: *яко распространи Господь нам и возрасти нас на земли?* Ничто так не приятно Богу, как душа признательная и благодарная. Каждый день являя всем нам бесчисленные благодеяния, не взирая на то, желаем ли мы их или не желаем, знаем ли их или не знаем, (Бог) не требует от нас ничего другого, кроме признательности к Нему за все дарованное нам, дабы и за это самое снова дать нам еще большее воздаяние. Для удостоверения в этом, посмотри на того же праведника, как он за свою признательность снова удостаивается явления свыше. Так как он показал достаточный опыт своей добродетели перед жителями герарскими и перед царем, изгонявшим его, и перед пастухами, отнимавшими у него колодцы, то человеколюбивый Господь, желая как бы укрепить его благодушие и одобрить его великую кротость, – в то время, когда он *взыде оттуду ко кладязю клятвенному, явися ему Господь в ту нощь, и рече: Аз есмь Бог Авраама, отца твоего, не бойся; с тобою бо есмь, и благословлю тя, и умножу семя твое, Авраама ради отца твоего* (ст. 23, 24). *Явися ему,* сказано, *Господь в ту нощь.* Заметь попечение о нем Божие! Чтобы укрепить его и ободрить, Бог является ему и говорит: *Аз есмь Бог Авраама, отца твоего,* – Который прославил отца твоего, поставил его на такой степени величия, и его, странника, сделал славнее здешних жителей. Я тот, кто обетовал столь умножить его (потомство) и во всем показывал особенное о нем промышление. *Я есмь. Не бойся.* Что значит: не бойся? Не смущайся тем, что Авимелех изгнал тебя и пастухи обидели. Много такого потерпел и отец твой; но через то явился еще более славным. Итак, это да не устрашает тебя: *с тобою бо есмь.* Я попускаю этому быть, желая, чтобы и ты своей кротостью показал свою добродетель, чтобы и злое расположение тех сделалось всем известным, дабы и за это увенчать тебя.

С тобою бо есмь, поэтому и будешь непреоборим, сильнее всех восстающих (на тебя) и оскорбляющих тебя. Промышление Мое о тебе сделает тебя даже предметом зависти. С *тобою бо есмь, и благословлю тя, и умножу семя твое Авраама рада отца твоего.*

Примечай человеколюбие Божие! Сказав: *Аз есмь Бог Авраама, отца твоего,* Бог тем показывал, как приблизил Он к себе патриарха, благоволив назвать Себя Самого Богом Авраама, – то есть Владыка и Творец вселенной называет Себя Богом одного человека, не в том смысле, как будто бы одним патриархом Он ограничивает владычество Свое, но с той целью, чтобы показать Свое великое к нему благоволение. Я, говорит, так приблизил его к Себе, что предо Мной он является стоящим всех других людей. Потому и *умножу семя твое Авраама ради отца твоего.* Многие награды он должен получить от Меня за свое послушание Мне; итак, ради его умножу семя твое. Таким образом Бог и ободрил праведника, и напоминанием об отце возбудил в нем ревность к проявлению подобной ему добродетели. После же того, как Бог обещал ему столько благ, *созда,* сказано, (Исаак) *тамо жертвенник, и призва имя Господне; и постави тамо скинию свою* (ст. 25). Что значит: *созда тамо жертвенник?* Значит: он принес там благодарственные жертвы Господу за оказанное столь великое о нем попечение. *Ископаша же тамо раби Исааковы кладязь.* Теперь уже праведник в безопасности. Тот, кто сказал ему: *с тобою есмь, и благословлю тя, и умножу семя твое,* вдруг и славу дал ему, и сделал его досточтимым для всех. Вот смотри, как тот самый Авимелех, который решился изгнать его, и говорил: *отъиди от нас,* сам теперь приходит к нему. *И Авимелех,* сказано, *прииде к нему, и невестоводитель его, и воевода сил его. И рече им Исаак: вскую приидосте ко мне? Вы же возненавидесте мене, и отсласте от себе* (ст. 26, 27). Посмотри, сколь велика кротость праведника! Видя, что

те, которые гнали его и обнаруживали такую ненависть к нему, теперь являются к нему в виде просителей, он не возгордился перед ними, не превознесся мыслью, имея еще в свежей памяти сказанные ему от Бога слова, и уповая на силу Господа, он не восстал против царя, но опять показывая обычную кротость, говорит им с большой скромностью: *вскую приидосте ко мне? Вы же возненавидисте мене, и отсласте от себе.* Зачем, говорит, вздумали вы прийти ко мне, человеку изгнанному вами и возненавиденному? *И реша: видевше узрехом, яко бе Господь с тобою, и рехом: буди клятва между нами и между тобою, и завещаем с тобою завет, да не сотвориши с нами зла, якоже не возгнушахомся тобою мы, и якоже сотворихом тебе добро, и отпустихом тя с миром; и ныне благословен ты от Господа* (ст. 28, 29).

4. Смотри, как велика сила кротости, и как велико могущество добродетели! Те, которые прежде изгнали его, теперь приходят к страннику, не имеющему отечества, к пришельцу, и не только извиняются в прежних своих поступках с ним, просят прощения в прегрешениях (своих против него), но и прославляют праведника, обнаруживают объявший их страх, сознаются в собственном бессилии и признают великое могущество праведника. Да и что может быть сильнее того, кто имеет с собой Бога? *Узрехом*, говорят, *яко Господь с тобою.* А откуда вы это знаете? Так, говорят они, самые события послужили для нас уроком. Мы увидели, что ты, изгнанный, стал сильнее изгнавших, обиженный одержал верх над обидевшими, из самого хода событий уразумели, что ты пользуешься великой помощью свыше. Дело Божественного промысла состояло в том, чтобы их ум проникся удивлением к праведнику и чтобы внушено им было такое разумение. Мы познали, говорят они, *яко Господь с тобою: буди убо клятва между нами.*

Смотри, как по побуждению собственной совести спешат они обличить себя самих, тогда как никто другой не принуждает их к тому и не объясняет того, что произошло. Если вы не обидели праведника, то для чего, говорит, просите вы у него союза? Но такова неправда: каждый день мучить совесть, и тогда как обиженный молчит, нанесшие обиду, думая, что им угрожает наказание, ежедневно беспокоятся и как бы сами себе подписывают приговор за преступление. Так и (те жители Герар), зная это, говорят: *буди клятва между нами и между тобою.* Потом объясняют, какой они хотят клятвы. *И завещаем с тобою завет, да не сотвориши с нами зла, якоже не возгнушахомся тобою мы.* Посмотри, как от смущения и терзаний (совести) они сами себе противоречат, когда говорят: *да не сотвориши с нами зла.* Почему вы так боитесь праведника, когда видите, что он и оскорбляющим его оказывает такую кротость? Но неподкупный судья — совесть пробудилась в них и они сознали, какую несправедливость сделали праведнику; от страха и смущения они не замечают, как противоречат сами себе. *Да не сотвориши,* говорят они, *с нами зла, яко не возгнушахомся тобою.* Для чего же вы изгнали его? Впрочем, праведник не требует у них отчета и не изобличает их речей. *И якоже,* говорит Писание, *сотворихом тебе добро, и отпустихом тя с миром, и ныне благословен ты от Господа.* Видишь, что они убоялись наказания свыше? Они видели, что, хотя праведник, по своей кротости, сам не мстит за сделанное ему, но Тот, Кто являл такое промышление о нем, потребует у них отчета за поступки их с праведником. Поэтому они умилостивляют праведника и просят союза, вместе с тем извиняясь в прежних своих делах и ограждая свою безопасность на будущее время. *И сотвори им,* сказано, *пир, и ядоша, и пиша, и воставше заутра, клятся кийждо к ближнему своему, и отпусти я Исаак, и отыдоша от него здравы* (ст. 30, 31). Заметь дружелюбие праведника, как он без

всякого злопамятства беседовал с ними и не только предал забвению поступки их с ним, но еще оказал им великое гостеприимство. *Сотвори*, сказано, *им пир, и ядоша, и пиша.* Таким гостеприимством он хочет доказать им, что нисколько не помнит сделанных ему от них обид. *И отпусти их, и отъидоша от него здравы.* Божественное Писание этими словами дает разуметь, что они пришли к нему с великим страхом, ожидая беды себе, и словом сказать, опасаясь за все, поспешили принести извинение перед праведником. Видишь ли, что нет ничего сильнее и могущественнее добродетели, и нет безопаснее человека, который пользуется помощью свыше? Потом, сказано, *в той день* отшедше *раби Исааковы, ископаша кладязь, и рекоша: не обретохом воды. И прозва его: клятва; сего ради прозва имя граду оному: кладязь клятвенный, даже до днешняго дне* (ст. 32 и 33). Вот и здесь он дает месту имя от события. Копавшие колодец ничего не нашли; но как это было в тот же день, в который они заключили между собой союз, то Исаак и назвал это место колодцем клятвенным, чтобы оставить память о случившемся. Видишь, как праведник, не имевший еще наставлений от закона, не видевший перед собой примера в ком-нибудь другом, а только следуя отцу, и руководимый учителем, находящимся в самой природе человека, то есть в его совести, показывал столь великое любомудрие? Случившиеся с ним события открывали не только кротость праведника, но и то, что он уже самым делом исполнял заповеди Христовы. То, что Христос заповедал ученикам Своим, увещевая их не только любить любящих их, но оказывать любовь и ко врагам, то уже прежде исполнял Исаак, когда оказывал столь великое гостеприимство людям, столько ненавидевшим его, и изгонял из души своей грех злопамятства.

5. Какого же снисхождения достойны будем мы, если уже после явления благодати, после такого учения

и заповедей Спасителя, не сможем дойти даже до степени этого праведника? И что я говорю: до той же степени? Мы не в состоянии и приблизиться к ней. До такой крайности возросла ныне людская злоба, что редко уже любят и любящих. Откуда же будет нам надежда спасения, если мы сделаемся хуже самих мытарей, как говорит Христос: *аще любите любящих вас, что лишше творите? Не и мытари ли тожде творят* (Мф. V, 46)? Христос желает, чтобы мы достигли самого верха добродетели, чтобы были выше мытарей; а мы стараемся быть и их ниже. И что говорю: мытарей? Мы становимся хуже и разбойников, и гробокопателей, и человекоубийц. И из них всякий любит того, кто с любовью относится к нему, а часто и подвергается опасности за любимого им. Что же может быть достойнее сожаления, когда мы, удостоенные столь великого человеколюбия Божия, оказываемся хуже людей, сделавших тысячи зол? Итак, умоляю вас: помышляя о великом наказании, о крайнем посрамлении, которые ожидают нас там, познаем, хотя поздно, свое достоинство, покоримся учению Христову, и не только любящих нас будем любить искренне, изгнав из своего сердца всякую злобу и ненависть, но если бы кто-либо и враждебно расположен был к нам, будем стараться и тех любить. Нам невозможно иначе спастись, если не пойдем таким путем. Постараемся даже более, чем любящих нас, любить тех, как способствующих нам в достижении бесчисленных благ. Таким образом мы сможем и прощение грехов получить, и молитвы к Богу воссылать смиренным умом и сокрушенной душой. Когда душа свободна от всякой вражды и ум наслаждается спокойствием, тогда она с великой бодростью призывает Владыку и привлекает себе свыше великую помощь, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIII

Бяше же Исав лет четыредесяти, и поя жену Иудифу, дщерь Веила Хеттеина, и Васемафу, дщерь Елома Евеова. И быша противящеся Исаакови и Ревекце (Быт. XXVI, 34, 35)

1. Станем и сегодня, если угодно, продолжать по порядку, что следует после сказанного вчера, и сколько нам доступно, изъясним каждое из слов (Писания), чтобы с пользой возвратиться отсюда по домам. Итак, рассмотрим начало прочитанного места. *Бяше же,* говорит Писание, *Исав лет четыредесяти, и поя жену Иудифу, дщерь* Веила *Хеттеина, и Васемафу, дщерь* Елона Евеова. *И быша противящеся Исаакови и Ревекце.* Смотри, как из этих немногих слов многому можно научиться. Для чего (Писание) означило нам число лет Исава? Не без цели, а для того, чтобы отсюда узнали мы старость Исаака. Видно, что он был уже в преклонных летах. Если припомним сказанное прежде, что когда он взял Ревекку, ему было сорок лет, а когда родились у него дети, шестьдесят, то узнаем, что теперь он был в глубочайшей старости, доживши уже до ста лет. Так как (бытописатель) имеет намерение после этого рассказать нам, как от старости у Исаака притупились глаза, то для этого и означил нам число лет Исава, чтобы отсюда мы могли видеть точное число дет жизни Исаака. Поэтому и сказал: *бяше же Исав лет четыредесяти.* Далее, чтобы мы знали безрассудство этого сына, который взял себе жен из племен, из которых не следовало брать, (Писание) показывает нам, что одна из жен его была от племени Хеттеев, а другая — Евеев, хотя он не должен был этого делать, зная то, с какой заботливостью патриарх (Аврам) приказывал своему домочадцу привести жену для Исаака из родственного племени, и — то, что мать их Ревекка прибыла из Харрана. Но Исав, поспешив взять себе таких жен, с самого начала уже показал беспоря-

дочность своих нравов. И чтобы показать дурной нрав самих жен его, Писание говорит: *быша противящеся Исаакови и Ревекце.* Что может быть хуже такой порчи нравов, когда те, которые должны воздавать всякую честь (старшим в доме), не только этого не делают, но еще готовы к распрям? И все это в бытописании не без цели замечается нам, а для того, чтобы, после этого видя Ревекку, оказывающую особенное расположение к Иакову, ты понял, что она делала это не несправедливо. Впрочем, чтобы не предупреждать порядка (событий), будем следовать словам Писания. *Бысть же по внегда состаретися Исаакови, и притупишася очи его, еже видети.* От старости, говорит, он уже не мог видеть; *и призва Исава, сына своего старейшего, и рече к нему: сыне мой, се состарехся, и не вем дне скончания моего. Ныне убо возьми орудие твое, тул же и лук, и изыди на поле, и улови ми лов: и сотвори ми снеди, якоже люблю аз: и принеси ми, да ям, яко да благословит тя душа моя, прежде даже не умру* (Быт. XXVII, 1–4). Заметь здесь, возлюбленный, неизреченную премудрость Божию, и то, как отец дает такое повеление Исаву, проявляя естественную любовь; а премудрый и благоискусный Господь через Ревекку устрояет исполнение Своего предречения, научая нас, как велика сила добродетели и кротости нравов. Тот, и по первородству, и по расположению к нему отца, думавший иметь преимущество, вдруг лишился всего, потому что не хотел делать того, что следовало; а этот, поелику и сам по себе был добродетелен, и имел свыше споборавшую ему помощь, приобретает благословение отца против его воли. Нет сильнее того, кому помогает вышняя десница! Примечай же тщательно все, чтобы познать дивное устроение (Божие), — как одному при помощи свыше все благоприятствует, так что переходит к нему и благословение отца, а другой все теряет, сам себя погубив развращением своих нравов. *Ревекка же,* сказано, *слыша глаголюща Исаака ко Исаву сыну своему:*

изыде же Исав на поле уловити лов отцу своему. Рече же Ревекка к сыну своему меншему (ст. 5 и 6). Для чего здесь прибавлено: *меньшему?* Выше сказано, что *призва Исаак сына своего старейшаго;* поэтому, чтобы знали мы, кому теперь говорит Ревекка, и замечено: *меншему*, то есть Иакову. *Се аз слышах отца твоего беседующа ко Исаву брату твоему, и глаголюща: принеси ми лов, и сотвори ми снеди, да ядый благословлю тя пред Господем, прежде неже умрети ми.* Это, я слышала, говорил отец твой брату твоему Исаву. *Ныне убо, сыне мой, послушай мене, якоже аз заповедаю ти: и шед во овцы, пойми ми оттуду два козлища мягка и добра, и сотворю я снеди отцу твоему, якоже любит; и внесеши отцу твоему, и будет ясти, яко да благословит тя отец твой, прежде* умрети ему (ст. 6– 10).

2. Заметь любовь матери, или – лучше – устроение Божие, потому что Сам Бог подвигнул ее на такое намерение и все так устроил. Видишь ли прекрасное намерение матери? Посмотри же, как и Иаков осторожен и как он в ответе своем показывает кротость своего нрава. *Рече же,* говорит Писание, *к матери своей: Исав брат мой есть муж космат, аз же муж гладкий; да не како осяжет мя отец, и буду пред ним, яко презираяй, и наведу на себе клятву, а не благословение* (ст. 11, 12). Велико было в этом сыне и благородство духа и почтение к отцу! Боюсь, говорит он, чтобы мое старание не привело меня к противному, чтобы не показаться мне противником намерению отца и вместо благословения не навлечь на себя проклятие. Что же Ревекка, эта жена дивная, столько любившая своего сына? Поелику она так делала не по собственной только воле, но и служила орудием к исполнению вышнего предречения, то и употребляет все усилия к тому, чтобы уничтожить страх сына и внушить смелость, так чтобы он привел в исполнение этот совет. Она не обещает ему, что он может обмануть отца и утаиться; но что? *На мне,* говорит, *клятва твоя, чадо, точию послушай гласа моего, и шед принеси мне* (ст. 13).

Если бы, говорит, и случилось что-нибудь такое, ты сам не потерпишь никакого вреда. Поэтому не бойся, но смело *послушай гласа моего,* и сделай то, что я тебе советую. Поистине, в том-то и состоит любовь матери, чтобы быть готовой все перенести за сына. Такими словами она смогла уничтожить страх в сыне. *Шед же взя, и принесе матери* своей, *и сотвори снеди, яко любляше отец его. И веземши Ревекка одежду сына своего старейшаго добрую, яже бысть у нея в дому, облече Иакова, сына своего меншаго. И кожицами козлячими обложи мышцы его, и нагое выи его. И даде снеди и хлебы, яже сотвори, в руце Иакову, сыну своему.* И *внесе отцу своему* (ст. 14–18). Заметь здесь, вместе с любовью, и великую мудрость Ревекки. Выше сказано было, что один (из сыновей ее) был *космат,* а другой *гладкий*; поэтому она и одела Иакова, как говорит Писание, в одежду Исава, обложила кожами, со всех сторон придав ему такой вид, чтобы обман был успешен, дала ему в руки снеди и хлебы, и таким образом приготовила его идти к отцу. Но посмотри опять и здесь, как все это было делом вышней благодати. Когда мы делаем все, что зависит от нас, тогда в обилии получаем и Божию помощь. Для того именно, чтобы мы не ленились и не оставались в бездействии, (Бог) хочет, чтобы и мы привносили что-нибудь от себя, а затем и Он являет Свое содействю. Не все бывает от помощи свыше, а нужно привнести что-нибудь и нам, и не требует от нас всего (Бог), зная крайнюю немощь нашу, а последуя Своему человеколюбию, и желая иметь какой-либо повод к тому, чтобы показать Свою щедрость, Он ожидает посильных трудов и с нашей стороны. Так было и теперь. Как скоро Иаков и Ревекка сделали то, что нужно было с их стороны, Иаков послушал совета матери, а она исполнила все, что от нее зависело, тогда и благий Господь помог им легко совершить то, что было всего труднее, именно, чтобы дело обмана не открылось Исааку. Итак, когда Иаков принес отцу снеди, он

спросил его: *кто еси ты, чадо? И рече Иаков отцу* своему: *аз Исав, первенец твой, сотворих* ти *якоже рекл ми еси: востав, сяди, и яждь от лова моего, яко да благословит мя душа твоя* (ст. 18 и 19). Представь себе, с каким беспокойством произносил эти слова Иаков. Если с самого начала он говорил матери: боюсь, чтобы не навести на себя клятву вместо благословения, то в каком страхе он должен был находиться теперь, выполняя это дело? Но как Бог содействовал этому, то и совершилось все успешно. Что же, скажет кто-нибудь, неужели Бог содействовал и такой лжи? Не просто испытывай, возлюбленный, случившееся; а узнай цель, так как не ради житейской какой-либо выгоды делалось это, а старался (Иаков) получить отеческое благословение. А иначе, если, то есть, будешь просто судить о событиях и не станешь везде искать цели, то смотри, как бы и патриарха не назвать чадоубийцей, и Финееса – человекоубийцей. Но как тот не был чадоубийцей, напротив, был более чадолюбив, чем кто-нибудь другой, так и этот не был человекоубийца, а только необычайный ревнитель. Каждый из них делал угодное Богу; а потому один удостоивается свыше великой награды за послушание, а другой прославляется за ревность. И *ста Финеес,* сказано, *и умилостиви* (Пс. CV, 30). Итак, если убийство и чадозаклание было одобрено в них, потому что совершалось по воле Божией, и мы обращаем внимание не на самые события, а на цель их, и на намерение тех, кто совершал такие дела, – то тем более здесь (в истории Иакова) надобно так рассуждать.

3. Итак, не на то смотри, что сказанное Иаковом было ложь, но помысли о том, что Сам Бог все так устроил, желая привести в исполнение свое предречение. А дабы увериться, что Бог всему этому содействовал и трудное делал легким, посмотри, как праведник не смог заметить обмана, но, поверив словам Иакова и вкусив с удовольствием принесенные яства, награждается его

благословениями. Да и Исав не прежде возвращается с ловли, как уже когда все кончилось, и таким образом все показывает нам, что дело это происходило по намерению Божию. *Рече же,* говорит Писание, *Исаак: что сие, еже скоро обрел еси, о чадо? Он же рече: еже даде Господь Бог твой предо мною* (ст. 20). Еще с боязнью стоял Иаков, и страх его увеличивался; а все так было для того, чтобы познали мы через это, как человеколюбивый Господь не безусловно являет Свое промышление, а когда и с нашей стороны видит много ревности. Не оставь, возлюбленный, без внимания этого смущения (в Иакове), а заметь, что со всех сторон была для него опасность: он боялся и трепетал, чтобы из-за благословения не подпасть проклятью. *Рече же,* сказано далее, *Исаак: приближися ко мне, и осяжу тя, чадо, аще ты еси сын мой Исав, или ни* (ст. 21). Судя по голосу (Иакова), праведник несколько сомневался; но как устроению (Божию) надлежало прийти в исполнение, то Он и не допустил его дознать обман. *Приближися же,* сказано, *Иаков, и осяза его, и рече: глас убо, глас Иаковль: руце же, руце Исавове. И не позна его* (ст. 22). Видишь ли, как (Писание) показывает, что все это было делом благодати Божией, устроившей так, что и Исаак не узнал ничего сделанного, и Иаков получил отеческое благословение? *И не позна его,* говорит (Писание), *бесте бо руце его, яко руце Исава. И рече:* аще *ты еси сын мой Исав* (ст. 24)? Вот опять Божественное Писание показывает, что праведник еще колебался; он говорил: аще *ты еси сын мой Исав,* чтобы из этого мы опять видели, что отец все делал, будучи побежден естественной любовью; а Бог все так устроял, провидя будущее и по добродетельным нравам знаменуя и являя своих избранных. И *рече* (Иаков): *аз.* После того, как (Исаак) спросил: аще *ты еси сын мой Исав* и (Иаков) ответил: *аз,* сказал (Исаак): *принеси ми, и ям от лова твоего, чадо, да благословит тя душа моя* (ст. 25). Едва теперь освободился Иаков от беспокойства и принес отцу снеди, принес

также вино, и (отец) пил, и *рече ему: приближися ко мне, и облобызай мя, чадо.* И *приближився лобыза его, и обоня воню риз его, и благослови его, и рече* (ст. 26 и 27). Заметь осмотрительность Божественного Писания. Когда Исаак спросил: аще *ты еси Исав,* и тот отвечал: *аз,* и отец осязал его, и все еще несколько колебался, приходя в некоторое недоумение и подозрение от его голоса, и опять спросил: аще *ты еси сын мой Исав,* и тот отвечал ему: *аз,* и принес ему (снеди), и он ел, – тогда уже, сказано, *лобыза его и благослови его.* Дабы кто-нибудь не подумал, будто Исаак относил свое благословение к лицу Исава, а не к тому именно, кого он облобызал, для того Божественное Писание и упомянуло, что он и лобызал, и благословил того, кого сам лобызал. *И обоня,* сказано, *воню риз его, и благослови его, и рече: се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь: и да даст тебе Господь от росы небесныя, и от тука земли, и множество пшеницы и вина* (ст. 27 и 28). Да даст, говорит, *тебе,* принесшему снеди, тому, которого я облобызал. *И да поработают тебе языцы.* Заметь, как он испросил ему сначала изобилие необходимого, а потом и господство над языками, предрекая тем и будущее благоденствие его, и умножение потомков его. *И поклонятся тебе князи* (ст. 29). Не языков только покорение испрашивает ему, но и князей. *И буди господин брату твоему.* Смотри, как праведник, сам не зная того, служит намерению Божию. И все это устроилось так для того, чтобы именно достойный по своей добродетели сын получил благословение. *И поклонятся тебе сынове отца твоего.* Сынами Писание называет обыкновенно все потомство; так и здесь слова: *сынове отца твоего* означают то же, как если бы кто сказал: имеющие произойти от семени Исава, потому что Исаак не имел других детей, кроме этих двух. *Проклинаяй тя, проклят; благословляяй же тя, благословен.* Вот венец благословения, вот главное из всех благ, – то, чтобы быть благословенным! Видишь ли

человеколюбие Божие? Тот, кто боялся, чтобы вместо благословения не навлечь на себя проклятия, не только приобретает от отца такое обилие благословений, но за него проклинаются и те, которые покусились бы проклинать его. Научимся отсюда, что если кто захочет располагать свои дела по воле Божией, то получает свыше такое содействие, что чувствует это в самом ходе своих дел. Кто не изумится и не удивится неизреченному промышлению Божию в том, что Исав не прежде пришел с ловли, как уже цель этого умысла была достигнута, и Иаков, получив благословение от отца, уже ушел от него. Это именно внушает нам блаженный Моисей, когда присовокупляет здесь: *и бысть, по еже престати Исааку благословляющу Иакова, сына своего: и бысть, егда изыде Иаков от лица Исаака, отца своего: и Исав, брат его, прииде с ловитвы* (ст. 30).

4. Смотри, как после удаления того, тотчас приходит этот, не просто и не без цели, а для того, чтобы и он, ничего не зная, принес снеди и узнал от самого отца весь ход дела. Если бы он успел застать брата, то, может быть, увлеченный яростью, и убил бы его, если он хотел (сделать) это уже после, тем более сделал бы это во время самого происшествия. Но десница Божия хранила отрока, сделав его достойным благословения, а того (Исава) лишив и благословения, и первенства. Придя же, сказано, *сотвори и той снеди отцу своему, и рече: да востанет отец мой, и да яст от лова сына своего, яко да благословит мя душа твоя* (ст. 31). Смотри, как праведник опять приходит в беспокойство, и как смущается духом. Услышав (слова Исава), он сказал: *кто еси ты? Он же рече: аз есмь сын твой первенец Исав* (ст. 32). Заметь, как он, много думая о (своем) деле, не удовольствовался ответом: *аз есмь Исав;* но еще прибавил: *первенец. Ужасеся же Исаак ужасом велиим зело, и рече: кто убо уловивый ми лов и принесый мне, и ядох от всех, прежде неже приити тебе, и благослових его, и благословен будет* (ст. 33)?

Вот как праведник, придя в затруднение, и рассказывая ему о случившемся, наносит ему жестокую рану присовокуплением слов: *благослових его, и благословен будет.* А сделал это праведник потому, что устами его руководила премудрость Божия, дабы Исав, в точности все узнав, сам уже видел, что ему не может быть уже никакой пользы ни от первородства, ни от настоящей ловли. Услышав же это, говорит Писание, *Исав возопи гласом велиим* зело *и горьким* (ст. 34). Что значит: *гласом велиим зело и горьким?* Этими словами Писание означает досаду и чрезвычайный гнев, каким (Исав) исполнился, узнав случившееся. *И рече: благослови убо и мене, отче. Рече же ему: пришед брат твой с лестию, взя благословение твое* (ст. 35). Брат твой, говорит отец, предупредив тебя, восхитил великое обилие всех благословений. Но дабы ты знал, что благодать свыше содействовала ошибке праведника, вот посмотри, как он сам признает это, говоря: *пришед брат твой с лестию;* он как бы оправдывается перед сыном и объясняет ему, что я-де по неведению излил благословения на того и готов был дать их тебе; но он, придя с обманом, взял благословение твое; он получил то, что было приготовлено тебе; не по моей вине это сделалось. *И рече,* сказано, *Исав: праведно наречеся имя ему Иаков; запя бо мя уже вторицею* сие *и первенство мое взя и ныне взя благословение мое* (ст. 36). Не напрасно, говорит, получил он такое прозвание: имя его значит *запинание,* которое он и сделал мне, лишив меня и первенства, и благословения. Что же далее Исав (говорит) Исааку? *Не оставил ли еси мне благословения, отче?* Исаак ему отвечал (ст. 36): знай, что все благословения я излил на него, если я сделал его господином над тобой. Заметь, как тотчас с этого начинает Исаак, и ничего другого уже не говорит, а только предрекает Исаву рабство и подчинение: *аще господина его соотворих тебе, и всю братию его сотворих рабы ему, пшеницею и вином утвердих его: тебе же что сотворю, чадо* (ст. 37)? Ничего более

не остается. Если я сделал его господином твоим и всех братьев рабами его и я желал ему обилия во всем нужном, то что еще остается? *И рече Исав ко отцу своему: еда едино есть благословение у тебе, отче? Благослови убо и мене* (ст. 38). После того как сказал отец: *и благослових его, и благословен будет,* и изъяснил ему все благословение (данное Иакову), Исав говорит: благослови и меня, отче. Разве у тебя одно только и есть благословение? Разве не можешь ты удостоить своего благословения и меня, столь любимого тобой, первенца, которого послал ты на ловлю? Смутил он отца такими словами: *умилившуся же,* сказано, *Исааку, возопи гласом Исав, и восплакася.* Он увидел, что отец его в недоумении, и не может и не хочет переменить того, что уже сделано; и вот он к крику присоединяет плач, желая привести отца в большее сострадание. Тогда Исаак, сжалившись над ним, *рече ему: се от тука земли будет вселение твое, и от росы небесныя свыше; и мечем твоим жити будеши, и брату твоему поработаеши; будет же, егда низложиши и отрешиши ярем его от выи твоея* (ст. 39, 40). Так как ты сам, говорит, желаешь получить от меня благословение, то знай, что для меня невозможно сделать противное воле Божией; впрочем, и тебе я испрашиваю (от Бога) наслаждение *от росы небесныя;* знай, что ты будешь вести военную жизнь. *Мечем твоим жити будеши, и брату твоему поработаеши.*

5. Но слыша это, никто не должен удивляться, что Иаков после этого, страшась брата, делается странником, и удаляется в чужую (землю); никто, судя по такому началу, не должен думать, что пророчество не сбылось. Если Господь обещает что-нибудь, то, хотя бы мы и видели вначале какие-либо случаи, противные обетованиям, — не будем смущаться: ведь невозможно, чтобы (обетования Божии) совершенно не исполнились. А так бывает для того, чтобы праведники, во всех случаях более и более прославляясь, ясно всем нам показывали обилие силы Божией (в них действующей). И это ты

можешь видеть в жизни каждого праведника, если с тщанием будешь рассматривать все повествования о них; так и теперь случилось. Не на то смотри, что (Иаков) тотчас обратился в бегство, но подумай о последующей его славе, — о том, что, по прошествии некоторого времени, этот самый, сделавшийся для него страшным, брат оказывает ему такое почтение; и после бедствий в чужой стране, он пришел в столь великую славу, что потомство его распространилось до бесчисленного множества и целый народ стал называться его именем. Теперь же Божественное Писание, показывая нам такой гнев брата его, что он замышлял и убийство, говорит: *и враждоваше Исав на Иакова о благословении, имже благослови его отец его* (ст. 41). А что это был не просто временный гнев, (Писание) указывает нам особо великую силу его злобы: *враждоваше*, говорит, то есть постоянно был во вражде, упорствовал в злобе, так что из самых слов его становилось очевидно его намерение, скрываемое в глубине души. *Рече бо*, говорится, *во уме**; *да приближатся дние плача отца моего, да бых убил Иакова, брата моего* (ст. 41). Подлинно, гневный безумствует не меньше самых беснующихся. Посмотри, как этот демон войдя делает безумными, подобно беснующимся, и побуждает их делать все вопреки очевидности; они и не видят ничего здраво и не делают ничего, как следует, но все делают, как люди с поврежденными чувствами, потерявшие и самую способность рассуждать. Так и гневом воспламененные не узнают присутствующих, не помнят ни родства, ни дружбы, ни приличия, ни достоинства, и вообще ничего не принимают в соображение, но совершенно увлекаемые гневом, несутся в бездну. Что может быть жалче их, когда побежденные и порабощенные страстью, они доходят

---

* Слова: *Исав* и *своем*, читаемые обыкновенно в списке, опущены здесь у Златоуста, очевидно, для краткости речи.

даже до убийства? Поэтому блаженный Павел, желая исторгнуть самый корень зла, пишет такое увещание: *всяк гнев, и ярость, и клич да возмется от вас со всякою злобою* (Еф. IV, 31). Не только, говорит, не хочу я, чтоб вы гневались и приходили в ярость, но не хочу и того, чтобы вы говорили что-либо ближнему, с *криком,* понимая здесь тот крик, который происходит от гнева. Когда внутри возбуждается страсть и надмевается сердце, то уже и язык не может произносить слова тихо, а, обнаруживая расположение духа, побуждается говорить ближнему с криком. Итак, этот блаженный, желая, чтобы слушающие его жили в постоянном мире, говорит: *всяк гнев,* то есть всякое огорчение, от какой бы причины оно ни происходило, *и всякая ярость, и* всякий *клич да возмется от вас.* Потом, желая иссушить самый корень зла и сделать его бесплодным, говорит: со *всякою злобою.* Кто живет в таком расположении духа, тот всегда находится в пристани, свободный от земных волнений, не боится ни бури, ни кораблекрушения, но, как бы плавая во время тишины или оставаясь в безопасной пристани, проводит настоящую жизнь вне всякого волнения, и, мало того, он еще приготовляет себе наслаждение бесконечными и неизреченными благами, которых да возможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIV

Призвав же Ревекка сына своего юнейшаго, рече ему (Быт. XXVII, 42)

1. Видели вы вчера и великое благомыслие мытаря, и неизреченное человеколюбие Господа, и крайнюю бесчувственность иудеев? Видели, как блаженный

Матфей своим скорым послушанием (Господу) и столь важной переменой (жизни) научает всех нас, что после вышней благодати наша воля служит причиной добродетели и порока, и что при собственном усердии мы можем сделаться добродетельными, а при нерадении опять низвергаемся в бездну греха*? Тем-то и отличаемся мы от бессловесных, что человеколюбивый Бог почтил нас разумом, и в природу нашу вложил познание добра и зла. Итак, никто не должен оправдывать себя тем, что небрежет о добродетели по неведению, или потому, что не имеет руководителя на пути ее. У нас есть достаточное руководство – совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи. При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать, дабы показав свое благомыслие упражнением в подвигах добродетели в настоящей жизни, как бы в некоторой школе борьбы, получил за добрые подвиги награды, – потрудившись краткое время, удостоился бы венцов в веке нескончаемом, – стяжав добродетель в этой скоропреходящей жизни, наслаждался бы нетленными благами в веках беспредельных и бесконечных. Зная это, возлюбленные, не унизим своего достоинства, не будем неблагодарны за такое благодеяние, и, гоняясь за временными мнимыми удовольствиями, не будем готовить себе вечного мучения. Будем устроять свою жизнь, как постоянно имеющие перед собой недремлющее Око, видящее сокровенные наши помышления; огражденные оружием Духа и показав собственное доброе расположение сердца, мы привлечем помощь свыше, чтобы при ее содействии побе-

* Беседы о мытаре, беспрекословно последовавшем Господу (Матфее), о которой упоминает здесь святой Златоуст, не видно в числе бесед на книгу Бытия. Если нельзя здесь разуметь одну из бесед его на Евангелие от Матфея (гл. 9), то надобно полагать, что особая беседа о мытаре Матфее не сохранилась до нашего времени.

див врага и противника и сделав безвредными его козни, могли мы насладиться теми благами, которые Господь обещал любящим Его. Поэтому никто не должен смотреть на трудность добродетели, но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подъемлет ради нее все труды. Если те, которые занимаются житейскими делами и безумно стремятся собрать богатство, на все с готовностью решаются и, хотя предвидят и опасности на море, и кораблекрушения, и нападения морских разбойников, не становятся оттого недеятельнее, не будучи даже уверены в успешном окончании своих дел, — какое же оправдание будем иметь мы, когда не с полным усердием и ревностью отдаемся подвигам добродетели ради вечных благ? Почему мы так неблагодарны к своему благодетелю? Почему не думаем ни о том, что уже нам дано, ни о том, что обещано, но забыв, так сказать, все, проводим всю жизнь без цели и безрассудно, подобно животным, не прилагая никакого попечения о душе, только чрево наше как бы разрывая (от пресыщения), через то и бедному нашему телу нанося большой вред; между тем как вследствие неумеренности и многоядения мы стараемся приготовить себе множество предметов, душу оставляем томиться в голоде? А ведь душа важнее тела, и когда она исходит из тела, тело остается мертвым. Итак, должны мы и душе доставлять свойственную ей и сообразную (с ее природой) пищу; а не соблюдая меры ни в том, ни в другом отношении, то есть одно (тело) насыщая сверх нужды, а другую (душу) — принуждая гибнуть от голода, мы вредим обоим. То, чем Владыка всяческих, как величайшим гневом, угрожал некогда народу иудейскому, говоря: *дам вам не глад хлеба, ниже жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Ам. VIII, 11), научая нас, что тот голод может ослабить тело, а этот поражает самую душу; то самое, что тогда Господь угрожал навести на них вместо наказания, мы теперь добровольно

привлекаем на себя, и притом тогда, когда Бог показал столь великое попечение о нас, и по Его устроению мы, при чтении Писаний, получаем еще и вразумления от наставников. Поэтому умоляю вашу любовь отложить всякую леность, хотя немного воспрянуть и все старание обратить к спасению души. Таким образом и вы заслужите великое благоволение от Бога, и мы еще ревностнее сделаемся к назиданию вашему, когда увидим, что наши увещания исполняются на деле. И земледелец, когда видит, что земля способна к возделанию и приносит ему много плодов, то и сам с большим усердием выходит на труды земледелия; так точно и мы, когда увидим преспеяние ваше в благочестии, ваше старание исполнять на деле наши поучения, и сами будем прилагать еще более труда к наставлению вашему, зная, что сеем не на камнях, но в тучную и глубокую почву бросаем семена.

2. Для того мы и предлагаем вам каждый день поучения, чтобы и вы выходили отсюда, получив какую-либо пользу, и умножали ваши добрые дела, и мы радовались, видя ваше преспеяние. Разве мы без нужды и без цели хотим беседовать с вами, для того только, чтобы получить от вас похвалу, чтобы вы с рукоплесканием расходились отсюда? Не для этого, — да не будет; а для вашей пользы. Для меня самая великая и достаточная похвала та, если кто от порока обратится к добродетели, если кто, прежде бывший беспечным, сделается старательным от нашего увещания; это принесет и мне величайшую похвалу и утешение, и вам великую пользу и духовное богатство. Но я и не сомневаюсь, что вы окажете великую рачительность, так как знаю, что вы научены Богом, да и других можете назидать. Поэтому, остановив здесь мое увещание об этом, продолжу обычное поучение из слов блаженного Моисея, или — лучше — из слов Святого Духа, через Моисея изреченных нам, и, предложив вашему вниманию хотя немногое,

устрою для вас сегодня угощение. Вы слышали недавно, как Иаков, поступив во всем по совету Ревекки, получил благословение от отца, совершив эту похвальную татьбу, через что приобрел от Бога содействие и его старание достигло успеха. Но после того в Исаве родилась сильная зависть к нему, так что Исав помышлял об убийстве, такова эта пагубная страсть: она не остановится, пока увлеченного ею человека не низвергнет в бездну, пока не доведет его до греха — убийства, потому что корень убийства — зависть. Так и вначале было между Каином и Авелем. И тот, не имея ничего, ни малого, ни великого, в чем бы мог обвинить своего брата, лишь увидел, что Господь благоволит (к Авелю) за принесение даров, а его отверг за собственное его нерадение, тотчас воспылал завистью и, породив в уме корень убийства, вскоре обнаружил и гибельный плод его, и убийство совершил на деле. Так и теперь Исав, увидев, что брат получил благословение от отца, увлекаясь гневом и завистью к убийству, помышлял погубить брата.

Но дивная мать, чувствуя это, опять проявляет свою материнскую любовь к сыну и предлагает совет, могущий исторгнуть его из рук брата. Призвав, говорится, *сына своего юнейшаго, рече ему: се Исав брат твой грозит тебе убити тя: ныне убо послушай моего гласа* (ст. 42, 43). Опыт покажет тебе, говорит она, что я тебе советую полезное; и как ты, послушав слов моих, получил великие благословения от отца, так и теперь послушай меня, чтобы избежать тебе рук брата. Так и себя ты избавишь от опасностей, и меня от печали. В порядке вещей, что он, если отважится на это, подвергнется наказанию; и тогда со всех сторон умножатся у меня тяжкие скорби. Итак, *послушай моего гласа, и востав бежи к брату моему Лавану, в Харран; и поживи* с *ним дни некия, дондеже отвратится ярость и гнев брата твоего от тебе, и забудет, яже ему сотворил еси, и пославши приведу тя оттуду, да не когда*

безчадна буду от обоих вас в день един (ст. 43–45). Пойди, говорит, к брату моему Лавану, и поживи там с ним. Естественно, что и удаление, и продолжение времени произведут лучшее действие: страсть укротится, зависть угаснет, и он забудет о твоем поступке относительно похищения благословения: *и забудет, яже ему сотворил еси*. Естественно, что он гневается, говорит она; поэтому лучше уклониться от его ярости; а когда со временем он это забудет, ты можешь уже безопасно поселиться здесь. И чтобы сын не печалился, будучи вынужден удалиться на чужбину, смотри, как она успокаивает дух юноши; во-первых, говорит: иди *к Лавану брату моему*. Разве я, говорит, к кому-нибудь чужому заставляю тебя идти? *К брату моему, и поживи с ним дни некия*; короткое время, говорит, немного дней поживи, пока утишится гнев. Теперь гнев его в полной силе: как управляемый страстью, он не имеет никакого уважения к отцу, а братской любви и в мыслях не держит, но одним только занят – чтоб удовлетворить своей ярости. *И пославши*, говорит она еще, *приведу тя скоро оттуду*; я возвращу тебя. Поэтому иди смело, так как *пославши, я приведу тебя*. Я всего опасаюсь и боюсь за обоих вас, чтобы не лишиться мне и того и другого. Заметь благоразумие матери, – как она, движимая собственным чувством, а лучше сказать, служа и в настоящем случае (исполнению) Божия предречения, советует сыну то же, что Христос внушал Своим ученикам, когда советовал им не подвергать себя напрасно опасностям, но удалением укрощать неистовство страсти. То же предлагает и она сыну, прежде всего советуя ему и ободряя его дух, чтобы он не скорбел о своем удалении, а потом представляет и благовидный повод для путешествия, чтобы не было ясным, что он удаляется по ненависти к нему брата, чтобы и отец не знал ни истинной причины его удаления, ни негодования на него Исава. И придя Ревекка к Исааку, *рече: стужих си жизнию моею дщерей ради*

сынов хеттейских; аще поймет Иаков жену от дщерей земли тоя, то вскую ми жити (ст. 46).

3. Посмотри, какой нашла она благовидный предлог! Когда нам содействует вышняя десница, и трудное делается удобным, и тяжкое легким. Так как намерения ее согласны были с волей Божиею, то поэтому Бог и вложил в ее ум все, что могло содействовать будущему домостроительству и спасению ее сына. *Стужих,* говорит она, *жизнию моею дщерей ради сынов хеттейских; аще поймет Иаков жену от дщерей земли тоя, то вскую ми жити?* Здесь, мне кажется, она разумеет дурные нравы жен Исавовых, – именно то, что они были для них причиной многих огорчений. Выше Божественное Писание сказывало нам, что Исав взял жен от Хеттеев и Евеев, и *быша противящеся Исаакови и Ревекце.* Желая это самое напомнить Исааку, Ревекка как бы так говорит ему: ты знаешь, сколь горькой сделали мне жизнь жены Исавовы, и как за их злой нрав я теперь неприязненно смотрю на всех дочерей сынов Хеттеевых и возненавидела ради них весь этот народ. А если случится, что и Иаков возьмет из них себе жену, то какая мне останется надежда на спасение? *Вскую ми жити?* Если и тех мы не можем выносить, да еще и Иаков поспешит взять себе жену из дочерей этой земли, то жизнь наша кончена. Исаак, услышав это, и вспомнив оскорбления от жен Исавовых, *призва Иакова, благослови его, и заповеда ему, глаголя: да не поймеши жены от дщерей Хананейских.* Но *востав,* иди *в Месопотамию, в дом отца матере твоея, и поими себе оттуду жену, от дщерей брата матере твоея* (XXVIII, 1, 2). И на этом не остановился, но желая еще более расположить его к путешествию, снова изрекает ему благословение и говорит: *Бог мой благословит тя, и возрастит тя, и умножит тя, и будеши в собрания языков. И да даст тебе благословение Авраама, отца моего, тебе и семени твоему по тебе наследити землю обитания твоего, юже даде Бог Аврааму* (ст. 3, 4). Посмотри, как праведник все

наперед ему провозвещает и дает ему достаточные средства к утешению, предрекая ему и возвращение и наследование земли, и то, что он не только возрастет во множество (потомства), но и сонмы народов произойдут от семени его. Услышав это, сын исполнил повеление отца и пошел в Месопотамию к Лавану, брату матери своей. Но Исав, когда узнал об этом, равно и о том, что Иаков вместе с благословением отца получил от него наказ – не брать жены из дщерей хананских, и отправился в Месопотамию, – как бы желая исправить свою погрешность и умилостивить отца, приложив, сказано, *взя жену к женам своим дщерь Исмаила сына Авраамля* (ст. 9). Видишь, возлюбленный, с каким благоразумием эта любвеобильная мать исторгла Иакова из опасности, представив благовидный предлог к его удалению; при чем и не обнаружила злобы Исава, и не открыла отцу (действительной) причины, а сыну подала совет, сообразный с обстоятельствами, чтобы страхом склонить его к принятию ее слов, и внушила отцу соответственные тому мысли? А потому и праведник согласился с ее речами, и отпустил Иакова, напутствовав его своими благословениями.

Но если вам угодно и вы еще не утомились, посмотрим, как Иаков совершает свое путешествие. Если будем внимательны, то и отсюда можем извлечь немалую для себя пользу, потому что образ действий праведных мужей заключает в себе самое поучительное любомудрие. Посмотри же теперь на этого юношу, воспитанного дома, никогда не испытавшего ни трудностей путешествия, ни житья на чужой стороне, ни других какихлибо беспокойств, – посмотри, как он предпринимает свое путешествие, и поучись высокому любомудрию. *Отыде*, сказано, *Иаков от кладязя клятвеннаго и иде в Харран. И обрете место, и успе тамо, зайде бо солнце; и взя от камения места того, и положи возглавие* себе, *и спа на месте* (ст. 10, 11). Видишь несказанное любомудрие? Видишь,

как древние совершали путешествие? Человек, воспитанный дома (опять скажу то же), пользовавшийся такими услугами, *человек* бо прост *в дому живый,* сказано (Быт. XXV, 27), отправляясь в путь, не потребовал ни вьючных животных, ни свиты, ни дорожных запасов; но вступает в путь как бы уже по апостольскому примеру. Когда зашло солнце, он уснул там, где его застигла ночь. *Взя,* сказано, *камень и положи в возглавие себе.* Заметь мужество юноши: употребил камень вместо возглавия, и уснул на голой земле. За то, как он имел любомудрую душу, ум твердый и чужд был всякой житейской суетности, то и удостоился дивного видения. Таков наш Господь: когда видит благомыслящую душу, немного заботящуюся о настоящем, тогда являет о ней великое промышление.

4. Посмотри же на этого праведника, который лежит на голой земле и созерцает видение, а лучше — удостаивается явления Самого Бога. *И сон виде,* сказано, *и се лествица* бысть *утверждена на земли, ея же глава досязаше до небесе; и Ангели Божии возхождаху и низхождаху по* ней. *Господь же утверждашеся на ней, и рече: аз есмь Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака, не бойся* (ст. 12, 13). Усматривай здесь дивное попечение человеколюбца Бога. Он видел, что Иаков, по совету матери, страшась брата, предпринял это странствование, и совершает путь, как какой-нибудь скиталец, не имея ниоткуда никакого утешения, но во всем полагаясь на помощь свыше; и тотчас, в самом начале пути, желая укрепить его стремление, является ему и говорит: *аз есмь Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака.* Я сделал то, что и патриарх и отец твой достигли столь великой славы; а потому *не бойся,* но веруй, что Я, исполнивший данные им обетования, удостою и тебя Моего промышления. Итак, не бойся, но будь бодр и, отложив всякий страх, верь тому, что Я говорю тебе: ибо *землю, на нейже ты спиши, тебе дам ю и семени твоему, и будет семя твое, яко песок*

морский (ст. 13, 14). Не думай, что если ты теперь идешь в чужую страну, то лишишься той земли, где ты родился, где воспитан и возрос. *Тебе дам ю и семени твоему,* которое умножу, *яко песок морский, и распространится на море, и Ливу, и север, и на востоки, и благословятся о тебе вся колена земная, и о семени твоем* (ст. 14, 15).

Смотри, как Бог уже предрекает ему все, что будет спустя долгое время. Так обыкновенно Господь всяческих творит в отношении к каждому праведнику: дает обетования, но не тотчас приводит их в исполнение, а испытывает послушание и долготерпение праведников, и потом уже обещанное исполняет с великою щедростью. Так как он обещал ему имеющее совершиться впоследствии, а праведник имел нужду в особом утешении именно в тогдашнем его положении, то посмотри, как благой Владыка, вместе с обетованием будущего, обнадеживал его в этом тем самым, что теперь ему возвещает. Не думай, говорит Он, что Я одно будущее обещаю тебе; но и ныне *с тобою есмь, сохраняяй тя на всяком пути аможе аще пойдеши* (ст. 15). Поэтому не думай, что ты одиноко будешь совершать свой путь: ты Меня будешь иметь спутником; Меня будешь иметь на всем пути стражем, который облегчит для тебя все трудности и тяжкое сделает легким. Потом, еще усиливая утешение ему, Он уже предрекает ему и возвращение в свою отчизну. *И возвращу тя,* говорит, *в землю сию.* Не бойся, что ты навсегда останешься в чужой стране; *возвращу тя в землю сию и не имам тебе оставити, дондеже сотворити ми вся, елика глаголах тебе* (ст. 15). Не оставлю тебя, говорит, но все, что Я обещал тебе, приведу в исполнение. Кто достойно может надивиться неизреченному человеколюбию Божию и крайнему снисхождению? Посмотри, какое множество обетований дал Он праведнику, и как ободрил его дух. Но, удивляясь человеколюбию Божию, представь себе и благомыслие этого праведника, — как он, после таких обетований, двадцать лет проведя в

трудах у Лавана, не скорбел, не приходил в уныние от такой продолжительности времени, но все благодушно переносил, ожидал исполнения обетований и зная, что не может не исполниться сказанное Богом, в особенности, если и мы сами с своей стороны стараемся присоединять к тому веру, терпение и совершенную уверенность в несовершившихся обетованиях, как скоро они даны Богом, как уже пришедших в исполнение. В том и состоит истинная вера, чтобы не обращать внимания на видимые события, хотя бы они и противны были обетованию, а уповать на всемогущество обещавшего. Прежде посмотрим на благомыслие праведника. *И воста*, сказано, *Иаков от сна своего, и рече: яко есть Господь на месте сем, аз же не ведех. И убояся, и рече: яко страшно место сие, несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная* (ст. 16 и 17). Пораженный великим человеколюбием Божиим, праведник убоялся и сказал: *несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная*: это место я теперь буду почитать домом Божиим. Удостоившись такого явления и видев самые, так сказать, врата небесные, я по справедливости должен принести здесь должное благодарение Господу. *И воста Иаков и взя камень, его же* име *в возглавие себе, и постави его в столп, и возлия елей верху его. И прозва Иаков имя месту тому: дом Божий* (ст. 18 и 19). Прежде это место называлось иначе. Так как он удостоился видения высоких предметов, то хочет самым названием придать этому месту достопамятность и сделать его знаменательным на дальнейшее время поставив камень вместо столпа, и возлив елей (вероятно, только один елей он и нес с собой, находясь в пути), принес молитву человеколюбивому Богу, исполненную любомудрия.

5. Если хотите, выслушаем и самые слова Писания: помолися бо, сказано, молитвой *глаголя: аще будет Господь Бог со мною, и сохранит мя на пути сем, в он же аз иду* (ст. 20). Так как Господь сказал: Я с тобой и сохраню тебя на пути, в который идешь, то поэтому и он

говорит: если сделаешь мне то, что обещал. Потом присовокупляет и от себя прошение в таких словах: *аще дает ми Господь хлеб и ризы облещися* (ст. 20). Не богатства и не излишнего чего-либо просит, а хлеба и одежды, – одежды для прикрытия тела, а хлеба для необходимого пропитания. Заметь, как этим прошением назнаменовал он нам дух апостольский. Столь великого любомудрия исполнена была душа праведника! То, что Христос говорил: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мф. X, 8), то он уже знал, еще никем не наученный, а сам собой – от учителя, находящегося в природе нашей, и желал получить себе от Господа только *хлеб ясти и ризы облещися.* Если, говорит он, это будет у меня на чужбине, и потом Господь *возвратит мя здрава в дом отца моего,* как обещал, и *будет Господь мне в Бога и камень сей, егоже поставих в столп, будешь ми дом Божий, и от всех, яже ми даси, десятину одесятствую тебе* (ст. 21, 22). Заметь признательность праведника! Когда он выражал свое прошение, то ничего дорогого не хотел просить, а только хлеба и одежды; когда же полагает от себя обет Господу, то, зная щедрость Его в дарах, зная, что воздаяния Его превосходят всякое помышление наше, говорит: *и столп сей будет ми дом Божий,* и от всего, дарованного мне Тобой, *десятину одесятствую.* Видишь ли боголюбивое намерение? Еще ничего он не получил, но уже обещает приносить Богу десятину от всего, что будет ему дано.

Не оставим без внимания, возлюбленные, сказанного, но поревнуем все этому праведнику, поревнуем мы, живущие во (время) благодати, жившему прежде закона, и не будем просить у Господа нашего ничего житейского. Он и не ожидает нашего напоминания, а хотя бы мы и не просили, Сам дарует нам потребное. *Яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45). Послушаем Его, когда Он, убеждая нас, говорит: *ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Видишь ли, что Он Сам

готов даровать нам то (царствие Божие), и обещает, в виде прибавления, даровать это (земные блага)? Итак, не проси, как главного, того, что должен получить в виде прибавления. Не будем извращать порядка, но станем искать прежде то, как Он заповедал, чтобы получить и другое. Поэтому Господь и в словах молитвы, полагая для нас правила и пределы, до которых должны простираться прошения наши о житейских предметах, повелел нам говорить следующие слова, исполненные всякой мудрости: *хлеб наш насущный даждь нам днесь,* — то есть дневную пищу. Об этом самом и тот праведник, хотя и не слышал еще этих слов, молился, говоря: *аще даст ми Господь хлеб ясти, и ризы облещися.* Итак, не будем просить у Него ничего другого житейского. Совершенно недостойно от столь щедрого и обладающего таким всемогуществом просить того, что разрушается вместе с настоящей жизнью и подлежит многим переменам и случайностям. А таково все человеческое: укажешь ли на богатство, или власть, или славу человеческую. Будем просить непреходящего, неоскудевающего, неиспытывающего перемен. И зная благость нашего Господа, не будем думать о настоящем, но все наши усилия и желания обратим к небесному. Если Он *солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя,* то тем более не презрит отвращающихся от зла, убегающих от неправды, но удостоит их особого промышления и во всем покажет Свое попечение. Зная это, возлюбленные, будем веровать обетованиям Божиим, и не станем поступать вопреки Его заповедям. Что касается нынешних наших дел, то в них мы ничем не разнимся от неверующих. Если Он обещает будущее, а мы не хотим стремиться к этому и прилепляемся к настоящему, то какого искать еще другого доказательства неверия, когда самые дела так ясно о том свидетельствуют? И опять, если Он заповедует не просить у Него ничего из временных и житейских благ, а искать иных, мы,

напротив, обращаясь к Нему, ищем того, чего заповедал Он не искать, и не ищем того, что Он повелел искать? И поступая таким образом, столь беспечно располагая свою жизнь, прогневляя кроткого и милосердого Господа, мы как бы забываем то, что сами делаем, и ищем причины гнева Его на нас, — почему Он часто оставляет нас, когда мы впадаем в различные искушения, — а не помышляем о тяжести наших прегрешений, и добровольно вдаемся в самообольщение. Поэтому умоляю: отвергнув все это, не будем ничего предпочитать собственному нашему спасению. *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит* (Мф. XVI, 26)? Излишнее богатство истощим на бедных; во всем покажем многое любомудрие презрением суетной славы, уничижением человеческой гордости, обнаружением взаимной любви друг к другу, чтобы получить и здешние, и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LV

И рече Лаван Иакову: понеже бо брат мой еси ты, не поработаеши мне туне: повеждь ми, что мзда твоя (Быт. XXIX, 15)

1. Достаточно вчера показало нам начало путешествия праведника, как велико было его любомудрие, за которое он удостоился от Бога столь великого обетования. Далее, ободрившись, он прошением и молитвой, которую вознес к Богу всяческих, доставил не малое поучение всем нам, если бы только захотели мы подвигнуться к подражанию добродетели праведника. И подлинно, дивиться надобно, как он, зная всемогущество Обетовавшего и слыша от Него столь великие обетова-

ния, при всем том решился просить не великого и чрезвычайного чего-нибудь, но просил, как вчера вы слышали, только того, что могло быть ему достаточным для насущного пропитания, что могло служить ему для прикрытия тела, дал еще обет посвятить Богу десятую долю всего, что он от Него получит, если Бог дарует ему, как обещал, возвратиться в землю свою! Во всем он выказывает свое благочестие, признает Бога подателем всех благ и научает нас Ему одному воздавать за все благодарение. Праведник, зная преизбыточество неизреченного человеколюбия Божия и рассуждая о том по благодеяниям, оказанным отцу его, был уверен, что и ему Бог подаст многое изобилие; хотя он ничего из этого не просит у Господа и не позволяет себе даже упоминать о том в молитве, однако обещанием посвятить Богу десятую долю всего показал, как твердо уповает он во всем на могущество Обетовавшего. Для того и Сам Бог, беседуя с ним, говорил: *Аз есмъ Бог Авраама, и Исаака отца твоего, не бойся* (Быт. XXVIII, 13). Размысли, говорит, что и патриарх пришел в эту землю странником, никому неведомым, но достиг такой славы, что ныне о нем все говорят. Подумай и об отце твоем, как он, родившись у отца в крайней старости, столько возвеличился, что стал предметом зависти для жителей страны этой. И ты ожидай того же и, отложив всякий страх, всякое беспокойство, продолжай свое путешествие. Рассуждая таким образом, праведник не смотрел на свое тогдашнее положение (потому что он ничего не имел у себя, — да и как мог иметь, будучи одинок и вынужден предпринять далекий путь?), но очами веры уже предусматривая свое будущее благосостояние, он показывает свойственную ему благопризнательность (к Богу). Еще ничего не получив, он уже дает обет Богу, признавая обетование Господне вернее и самого обладания благами: ведь не столько мы должны полагаться на то, что видим и что держим в своих руках, сколько

на обетования Божии, хотя бы они и не в скором времени приходили в исполнение. Итак, праведник, получив величайшее ободрение от того, что было сказано ему Богом, отправился в путь. Да и как было ему не ободриться, когда он слышал такие слова: *се аз есмъ с тобою, сохраняяй тя на всяком пути, аможе аще пойдеши, и умножу семя твое, и возвращу тя паки в землю сию, и не имам тебе оставити,* пока не соизволю исполнить то, что возвещено (Быт. XXVIII, 15)! Но, как я вчера говорил, размысли здесь и о благопромыслительной премудрости Божией, и о великом терпений и благопризнательности праведника. После этих обетовании он восстал и устремился в Харран и опять совершает путь свой, как скиталец и странник; но во всем видит к себе благоволение свыше, потому что человеколюбец Бог все предуготовлял для него на пути, исполняя на деле Свое обетование. Тот, Кто сказал: *се аз есмъ с тобою сохраняяй тя на пути, аможе аще пойдеши.* Тот руководил и привел праведника к колодцу, где туземцы поили свои стада. Расспросив у них о Лаване, брате своей матери, и узнав о нем все, что нужно было, а потом увидев и самую дочь его и стада, равно как и то, что жители того места не в состоянии были сдвинуть камень с колодца и напоить овец, он, подбежав и, при помощи свыше, сделав то, в чем бессильны были те, предупреждает Лавана в благодеяниях, напоив овец, которых пасла Рахиль. Приветствовав девицу, сказав ей о себе, кто он и откуда пришел, он остался на месте. Но так как Бог все предуготовлял для праведника, то Он и девицу возбудил бежать с великой поспешностью и возвестить об Иакове своему отцу, который был брат его матери, рассказать об услуге, оказанной им ей и стадам ее, и о том, что он не чужеземец, не неизвестный человек, но сын сестры.

Посмотри, возлюбленный, с какой тщательностью и как ясно Божественное Писание передает нам все это, изображая нам нравы древних и то усердие, какое ока-

зывали они странноприимству. Чтобы показать усердие девицы, Писание не говорит просто: *она пошла* и рассказала отцу о случившемся, но — *текши*, говорит Писание, выражая тем великую ее радость. Так же потом и о Лаване, отце ее, сказано, что как только услышал он это от дочери, тотчас побежал и сам навстречу Иакову и, с любовью приветствовав его, ввел в дом свой.

2. Лаван, тщательно все узнав от Иакова, сказал ему: от *костей моих и от плоти моея еси ты* (XXIX, 14); ты, говорит, как сын сестры моей, не что иное, как плоть наша, ты брат наш. *И бе с ним*, сказано, *месяц дней*. Как у себя дома жил праведник, в безопасности и без всякой заботы. Между тем Бог, все устрояя к пользе праведника и во всем подавая ему Свою помощь, возбудил расположение к нему в Лаване, который, видя кротость Иакова, сказал ему: *понеже бо брат мой еси ты, не поработаеши мне туне: повеждь ми, что мзда твоя есть* (ст. 15)? Заметь, что он сам ничего не домогался; Лаван единственно сам от себя предлагает это праведнику. Видишь, как все благоуспешно бывает у того, кому помогает десница вышняя. *Не поработаеши мне туне*, говорит, — *повеждь ми, что мзда твоя есть*. Хотя этот блаженный был доволен и тем только, что получал ежедневное пропитание, и за это был ему много благодарен, но так как он обнаруживал особенную кротость, то Лаван вызывается дать ему вознаграждение, какое он сам назначит. Что же праведник? Заметь и в этом случае, как велико было его благоразумие, и как, не имея вовсе желания собирать богатство, он не договаривается с Лаваном, как наемник какой-нибудь, и ничего другого не требует, но помня мать и заповедь отца и показывая свою необычайную скромность, говорит Лавану: *поработаю тебе седмь лет за Рахиль, дщерь твою меншую* (ст. 18); я полюбил ее с первого раза, увидев при колодце. Примечай и благомыслие этого мужа: сам себе назначает он и время работы, и в продолжение этого времени достаточное испытание своей

скромности. Чему же ты дивишься, возлюбленный, слыша, что Иаков обещал работать семь лет за любимую девицу? Чтобы показать, как сильная любовь уменьшала для него и труд и продолжительность времени, Божественное Писание говорит: *и работа Иаков за Рахиль седмъ лет; и быша пред ним яко малы дни, зане любяше ю* (ст. 20). Семь лет показались ему только немногими днями, по чрезвычайной любви его к девице: если кто уязвлен страстью любви, то не смотрит ни на какие трудности, а как бы много ни было опасностей, какого бы рода ни были несчастья, все легко переносит, имея в виду только одно – исполнить свое желание.

Послушаем это мы, беспечные, нерадивые, оказывающие великую неблагодарность перед Господом! Если этот праведник по любви к девице решился работать семь лет, переносить все трудности пастушеской жизни, и не чувствовал ни трудов, ни продолжительности времени, а все оказывалось для него легким и удобным, если он, питаясь надеждой получить желаемое, считал такое долгое время как бы немногими днями, то какое оправдание будем иметь мы, не оказывая и подобной любви к нашему Господу, благодетелю, промыслителю, Который все для нас? Где представляется житейская выгода, там мы охотно решаемся терпеть все, будет ли то тяжелый труд, или другое какое-либо затруднение, будет ли угрожать нам стыд или наказание, временное и даже вечное. А для своего спасения, для того, чтобы приобрести себе благоволение свыше, мы слабы, нерадивы, расслаблены. Какое будет нам снихождение, какое для нас оправдание в такой совершенной беспечности, когда не хотим показать к Богу и такой любви, какую праведник имел к девице, и притом, когда видим столь великие благодеяния, нам оказанные и еще каждодневно ниспосылаемые? Мы так неблагодарны. Но не таков был Павел: он так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей души словами, ска-

зал: *кто ны разлучит от любве Христовы* (Рим. VIII, 35)? Смотри, какая выразительность в этом изречении, какая сила господствующего чувства души, какая пламенная любовь! *Кто ны разлучит,* – то есть может ли быть что-нибудь такое, что лишило бы нас любви к Богу, видимое ли что-нибудь, или невидимое?

3. Желая и в подробности исчислить нам все случаи и показать всю неодолимую силу любви своей к Господу, он присовокупляет еще следующие слова: *скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение, или нагота, или беда, или меч?* О, душа, пламенеющая восторгом, который есть мать смиренномудрия! Какие напасти, говорит, могут удалить нас от любви к Богу? Скорби ли каждодневные? Никак. Тяжелые обстоятельства? Нет. Гонения? Нисколько. Что же? Голод? Нет. Опасности? Но что я говорю о голоде, о наготе, об опасностях? Не меч ли? Но и смерть, говорит он, если бы мне угрожала, не сможет этого сделать: все будет безуспешно, все бессильно. Никто другой не удостоился столько возлюбить Господа, как эта блаженная душа. Он говорит все так, как бы уже отрешился от тела, воспарил, так сказать, к небу и уже не думает, что еще ходит по земле. Стремление к Богу и пламенная любовь к Нему переселили его ум от чувственного к духовному, от настоящего к будущему, от видимого к незримому. Такова-то вера и любовь к Богу! А чтобы видеть на самом деле его благомыслие, посмотри, как он, столько возлюбив Господа и пламенея в стремлении к Нему, в изгнании, в гонениях, бичеваниях, перенося тысячи всяких ужасов, говорил о себе: *в трудах множае, в ранах преболе, в смертех многащи: от Иудей пять краты четыредесять разве единыя приях, трищи палицами биен бых, единою каменми наметан бых, нощь и день во глубине сотворих: в путных шествиих множицею, беды в реках, беды в лжебратии, в труде и подвизе* (2 Кор. XI, 23–27). И терпя все это, он еще радовался и веселился: он знал и вполне

убежден был, что временные труды ведут его к величайшим воздаяниям, что бедствия приготовляют для него венцы. Если Иаков по любви к Рахили считал семь лет за несколько дней, то еще более все почитал за ничто блаженный Павел, однажды навсегда воспламенившись любовью к Богу и претерпевая все за Христа, Которого возлюбил. Постараемся же, умоляю, и мы возлюбить Христа. Ничего другого Христос, по Его же изречению (см.: Мф. XXII, 37), и не требует от тебя, как любви к Нему от всего сердца, и исполнения Его заповедей. Кто любит Его так, как должно любить, тот, конечно, старается уже и заповеди Его соблюдать, — потому что, если кто искренне расположен к кому, то старается все делать, чем может привлечь к себе любовь возлюбленного. Таким образом и мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять и не станем делать ничего такого, что может раздражить Возлюбленного. Удостоиться любить Его искренне и как должно, это — царство небесное, это — вкушение блаженства, в этом — блага неисчислимые. А наша любовь к Нему будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем оказывать любовь и своим ближним, — *в сию бо*, сказал Он (Мф. XXII, 40), *обою заповедию весь закон и пророцы висят*, то есть в том, чтобы возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всей крепостью своей, всей мыслью своей, и своего ближнего, как самого себя. Это — главная из всех добродетелей, это основание всех заповедей Божиих. С любовью к Богу сама собой соединяется и любовь к ближнему, потому что кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, вспоминая о Том, Кто сказал: *сотворивый единому сих братий моих менших, мне сотвори* (Мф. XXV, 40). Помышляя, что услуги, оказанные ближнему, Сам Господь всяческих усвояет Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взи-

рая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе Самому. Не оставим же без внимания, прошу вас, этой пользы душ наших, этого врачевства для язв наших. Это врачевство окажет нам наиболее пользы: оно так закроет раны души нашей, что не останется никакого следа, никакого знака их. По отношению к телесным ранам это невозможно, потому что хотя бы тысячи лекарств, составленных врачами, приложит кто-либо к своей ране, непременно остается на теле рубец; и это так должно быть, поелику тут врачуется тело. Но здесь, когда врачуется душа, то всякий, если окажет собственное доброе расположение, испытывает большую перемену к лучшему, все струпы исчезают, как прах от сильного ветра. Священное Писание преисполнено такими примерами. Так блаженный Павел из гонителя сделался апостолом и тот, кто сперва разрушал Церковь, потом стал ее невестоводителем.

4. Видишь, какая решительная перемена? Видишь, какое необычайное преобразование? Так и разбойник, совершивший бесчисленные убийства, в одно мгновение немногими словами очистил все свои грехи, так что услышал от Господа: *днесь со мною будеши в раи* (Лк. XXIII, 43). Так и мытарь, бивший перси свои и исповедывавший свои согрешения, *сниде оправдан паче фарисея* (Лк. XVIII, 13 и 14). Каждый из этих людей показал в себе доброе расположение души, исповедал прежние свои грехопадения, и таким образом получил прощение. Рассмотрим же значение этой заповеди и то, какую великую силу и имеет щедрая милостыня, чтобы, узнав пользу, проистекающую от нее, мы тем охотнее раздавали ее. Она даже так плодотворна, что не только очищает грехи, но отгоняет и самую смерть. Я скажу, как это. Кто, говоришь ты, раздавая милостыню, стал выше смерти? Мы видим, как все остаются под властью смерти. Не беспокойся, возлюбленный, а узнай из самых

опытов, как сила милостыни побеждала и могущество смерти. Была одна женщина – Тавифа, имя, которое по переводу значит: Серна; она каждый день занималась только тем, что раздавала милостыню, и через то собирала себе богатство; она одевала, как говорит Писание, вдовиц, оказывала им и всякое другое пособие (см.: Деян. IX, 37). Случилось, что, заболев, она умерла. Посмотри же теперь, возлюбленный, как облагодетельствованные ею и ею одетые, в свою очередь, вознаградили свою благотворительницу: они предстали апостолу, показывали ему, как говорит Писание, самые одежды, и все, что делала для них Серна при жизни своей, призывали снова к себе свою кормилицу, проливая слезы, и тем преклоняли апостола к состраданию. Что же блаженный Петр? *Преклонь колена,* сказано (Деян. IX, 40, 41), *помолися: и обращся к телу, рече: Тавифо, востани; она же отверзе очи своя, и видевши Петра, седе. Подав же ей руку, воздвиже ю, и призвав святыя и вдовицы, постави ю живу.* Видишь ли могущество апостола, или – лучше – действующего в нем Господа? Видишь ли, какое было и в настоящем веке воздаяние за благодеяния вдовицам? Да и что сделала она для вдовиц в такой степени, в какой они ей воздали? Она доставляла ими одежду и пропитание, а они возвратили ей жизнь и отогнали от нее смерть, или – точнее – не они, а человеколюбивый наш Господь за попечение о них. Видите силу (духовного) врачевства, возлюбленные? Приготовим же его себе все; оно не дорого, хотя имеет столь великую силу; оно даже очень дешево и не требует больших издержек, потому что важность милостыни ценится не по множеству (раздаваемых) денег, а по усердию подающих. И подавший чашу холодной воды (см.: Мф. X, 42), и положившая две лепты одобрены, дабы мы знали, что Господь всяческих во всяком случае требует только чистого намерения. Часто бывает, что и небогатый показывает великую щедрость в милостыне, когда бывает

полное усердие; и наоборот, много стяжавший оказывается хуже имеющих немногое, по скудости своего расположения. Итак, убеждаю вас, с душевной щедростью отдадим нуждающимся то, что есть, что даровал нам Господь, то самое, что Он нам дал, отдадим Ему обратно, чтобы таким образом снова получить свое с большим приращением. Он так щедродателен, что, принимая от нас Свои же дары, не считает, что получает Свою собственность, но обещает возвратить нам их еще с большей щедростью, если только мы захотим проявить свою готовность и будем так раздавать свое добро бедным, как бы передавали его Самому Богу, зная, что десница Божия возвратит нам не только полученное от нас, но дарует еще в большей мере, — так как она всегда и во всем являет свою щедрость. И что я говорю: воздаст снова еще в большей мере! Рука та воздает не только это, но вместе с этим дарует и царство небесное, прославляет, увенчивает, дает бесчисленные блага, если мы пожертвуем хотя нечто немногое из того, что дано нам ею. Да и тяжкого ли или обременительного чего-нибудь требует от нас Господь? Он хочет, чтобы мы избыток сверх необходимого сделали для себя пригодным, чтобы мы сами хорошо распределили то, что понапрасну и без нужды лежит в наших кладовых, дабы это послужило поводом для Него к дарованию нам светлого венца. Он поспешает Сам и понуждает нас, и все делает и направляет к тому, чтобы удостоить нас обещанных Им Самим благ.

5. Итак, не лишим себя, умоляю, столь великих благ. Если трудящиеся над возделыванием земли истощают свои запасы, бросая семена в землю и прежде собранное рассеивая, и делают это с удовольствием, утешая себя надеждой получить большее и притом зная, как часто обманывают ожидания их и перемена погоды, и бесплодие почвы, и разные другие обстоятельства, или множество саранчи, или нападение зловредной

росы, и однако, питаясь добрыми надеждами, вверяют земле то, что было собрано в житницы, то тем более нам следует рассеивать на пропитание нищих то, что просто лежит у нас; здесь никогда нельзя обмануться в (добром) конце и нельзя опасаться неудачи, бывающей при (возделывании) земли. *Расточи,* сказано, *даде убогим;* а послушай, что далее: *правда его пребывает в век века* (Пс. III, 9). Вот удивительное расточение! Роздал в короткое время – и правда его пребывает в нескончаемые веки. Может ли быть что-нибудь блаженнее этого? Итак, умоляю, будем приобретать себе праведность милостыней, чтобы и о нас достойно могло быть сказано: они расточили, дали убогим – и правда их пребывает во век века. Поелику сказано: *расточи, даде,* то, чтобы ты не подумал, будто расточенное погибает, тотчас и прибавлено: *правда его пребывает в век века,* – то есть после расточения временных сокровищ, остается правда нерасточимая, простирающаяся на всю вечность и никогда не оканчивающаяся. А вместе с милосердием, приложим усердное попечение и о других добродетелях, – укротим страсти плотские, изгоним из души своей всякое пожелание неботребное, всякое злое помышление, гнев, ярость, зависть и украсим всем благообразие души, чтобы, приобретя светлую и блистающую душевную красоту, привлечь к себе Владыку небесного, и Он благоволил сотворить в нас обитель Себе: а Он, где только узрит душу благообразную, немедленно туда приходит. Он Сам сказал: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и смиреннаго, и трепещущаго словес моих* (Ис. LXVI, 2)? Видишь, что Он Сам указывает нам все духовные украшения, могущие сделать светлым душевное благообразие! *На кроткаго,* говорит, *и молчаливаго, и смиреннаго,* а затем присовокупляет и то, отчего все другие добродетели происходят: *и трепещущаго словес моих.* Что это значит: *трепещущаго словес моих?* Значит – такого человека, который в самых делах своих показывает повиновение заповедям Божиим, как и

в другом месте сказано: *блажен муж, иже боится всех за благоговение* (Притч. XXVIII, 14). И мы, когда видим, что слуга наш исполняет наши приказания с великим тщанием, со страхом и трепетом, оказываем ему более благоволения и благорасположения; а гораздо более окажет нам милости благой Господь наш. Поэтому Он и сказал: *воззрю на кроткаго, молчаливаго и трепещущаго словес моих.* Итак, будем трепетать слов Его и со всяким страхом исполнять их. А слова Его — это заповеди, данные нам от Него. Зная, что Ему угодно, что приятно, то и будем делать и постараемся быть такими, оказывать послушание безмолвное, кротость, смирение, с великим благоговением и страхом исполняя все Его заповеди, чтобы Он, Владыка всяческих, приняв доброе расположение наших намерений и будучи доволен нашим послушанием, благоволил призреть на нас. Если Он благоволит сделать это, то приведет нас в состояние совершенной безопасности. *Воззрю,* говорит Он, то есть удостою своего попечения, простру руку, во всем помогу, в изобилии изолью щедроты Свои. Будем же, умоляю, делать все это, чтобы воззрел Владыка и на нас, — чтобы могли мы и настоящую жизнь провести беспечально, и будущих благ достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVI

Рече же Иаков Лавану: даждь ми жену мою, понеже совершишася дние, да вниду к ней (Быт. XXIX, 21)

1. От любви, какую имел Иаков к Рахили, перейдя вчера к любви и великой преданности апостола Павла ко Христу, мы были увлечены как бы некоторым

быстрым потоком и не могли уже возвратиться к последовательному порядку слова. Поэтому ныне, если угодно, обратимся к тому, что следует, и восполним оставшееся (недосказанным), так чтобы и от нынешней беседы получить достаточную пользу и с тем разойтись по домам. Так как уже исполнилось семь лет и столь продолжительное время показалось Иакову *яко малы, дни* (как сказано), потому что он любил Рахиль, – *рече (Иаков) Лавану: даждь ми жену мою, понеже совершившася дние мои, да вниду к ней. Собра же Лаван вся мужи места того, и сотвори брак. И бысть вечер, и поемь Лаван Лию дщерь свою, введе ю ко Иакову* (Быт. XXIX, 21–28).

Видишь ли, с каким благочинием в древности совершались браки? Послушайте вы, пристрастившиеся к сатанинским забавам, и с самого начала позорящие честность брака; были ли тогда свирели, были ли кимвалы, были ли пляски бесовские? Скажи мне: зачем ты тотчас вводишь в дом такой срам и созываешь лицедеев и плясунов? Чтобы этой безвременной роскошью и целомудрие девицы оскорблять и юношу сделать бесстыднее? И без таких распалений трудно этому возрасту спокойно выдерживать бурю страстей. А когда такие предметы через зрение и через слух еще более увеличивают костер и еще больший пламень производят в горниле страстей, как не потонуть тогда юношеской душе! Оттого во всем такое повреждение и растление, что при вступлении в сожительство с самого начала подрывается целомудрие; и часто с самого первого дня, и юноша, смотря (на девицу) невоздержными очами, уже уязвлен в душе своей сатанинской стрелой, и девица через слух и зрение делается пленницей (страсти). И с того же дня раны, более и более увеличиваясь, производят зло. И, во-первых, подрывается единомыслие между супругами и оскудевает их взаимная любовь. Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе и управляемый уже самим диаволом, наполняет свой дом вся-

кой скорбью. А если и жена увлечется подобной же страстью, то все, так сказать, до самого дна перевертывается: скрывая друг от друга, один подозревает жену, другая — мужа; там, где надлежало быть согласию и единению, люди, которые должны быть плоть едина — *будета*, сказано, *оба в плоть едину* (Мф. XIX, 5) — доходят до такого разъединения между собой, как будто бы уже совсем разведены были. Превзошедший к ним диавол производит в них такую пагубу, что у них каждый день — война и сражения, и никогда нет покоя от бед. А что сказать о презрении к ним со стороны слуг, о посмеянии от соседей, о явном позоре? Как если кормчие враждуют между собой, то и плывущие на корабле подвергаются опасностям, и самый корабль вместе с людьми должен потонуть, так равно и здесь, если муж и жена враждуют между собой, то, естественно, и все домашние бедствуют. Поэтому умоляю вас: предвидя все это, не следуйте принятым обычаям. Знаю, что многие, ссылаясь на эти обычаи, не хотят и слушать наших слов; несмотря на то мы обязаны сказать, что полезно и что может избавить от будущих наказаний. Где столь великий вред для души, для чего тут указываешь ты мне на обычай? Вот и я предлагаю тебе обычай, гораздо лучший, соблюдавшийся в древности, когда люди еще не имели таких понятий (как ныне) о благочестии. Не подумай однако же, что я говорю здесь о праведном Иакове, — нет; но представь себе, что Лаван, человек, еще преданный идолопоклонству, не имевший никакого понятия о благочестии, обнаружил в себе такую мудрость. Такое хорошее дело* принадлежало не тому, кто вступал в брак с девицей, но отцу, выдававшему девицу в замужество. Поэтому я и заговорил об этом, направляя свою речь не столько против женихов, сколько

* Святой Златоуст разумеет здесь благочиние при бракосочетании Иакова с Лией.

против родителей жениха и невесты. Не безрассудно ли, что мы, пользующиеся столь великим человеколюбием Божиим, удостоенные страшных и неизреченных таинств, в этом отношении хуже Лавана, еще поклонявшегося идолам? Или не слышишь слов Павла, что брак есть таинство, — есть образ той любви, которую Христос показал к Церкви (см.: Еф. V, 32)? Не будем же срамить самих себя, не будем нарушать досточтимости брака. Если что придумано хорошо и полезно, то, хотя бы и обыкновения не было, пусть делается; а если то, что вами делается, вредно и гибельно, хотя и обычай таков, надобно отвергнуть. Ведь если мы это допустим, тогда и вор, и любодей, и всякий другой злодей будет ссылаться на обычай; но от этого не будет ему никакой пользы, ни прощения, а будет тяжкое осуждение за то, что не мог преодолеть худого обычая.

2. Если захотим трезвиться и иметь большую заботливость о своем спасении, то можем отстать и от худого обычая и обратиться к обычаям добрым: таким образом и потомкам своим мы дадим немалое побуждение подражать нам в этом, да и сами себе за их доброе поведение получим награду. Кто показал начало доброго пути, тот становится виновником и того, что другие делают (но его примеру), и потому получает двойную награду, — и за то, что сам делает, и за то, что других привел к лучшему образу мыслей. Не говорите мне при этом те пустые и смешные слова, будто это есть нечто законное, и потому должно быть соблюдаемо. Не это делает союз супружеский законным, а сожитие, сообразное законам Божиим, целомудренное и честное, когда сожительствующие соединены между собой единодушием. Так понимают это и (внешние гражданские) законы; спроси людей, занимающихся изучением их, и они скажут, что супружество составляет не иное что, как близость или приязнь. Не будем же преступать законов божеских вместе с человеческими и предпочитать

им законы бесовские и такой пагубный обычай, потому что это узаконение того, который всегда радуется нашей погибели. И что может быть нелепее этого обычая, когда муж и жена выслушивают от слуг и ничтожных людей неуместные шутки и разные насмешки, и никто не может запретить этого, когда всякому желающему позволяется без страха говорить все до самого вечера, забрасывать шутками жениха и невесту? Если бы в другое время вздумал кто издеваться, поносить, то его — в суд, с него пеня, ему беда; а тогда, когда особенно должно соблюдать благоговение, особенную благопристойность, скромность, тогда все наполняется бесстыдством, так что можно подумать, что всем этим управляет диавол. Но не огорчайтесь, прошу вас: не без причины я вошел в это рассуждение, а потому, что забочусь о вас, о вашем спасении, о вашем благонравии, и желаю, чтобы вы, показав перемену к лучшему, первые положили начало добрым обычаям. Было бы только положено начало, указан путь: и тогда с доброй, похвальной ревностью один другому будет в этом соревновать, и потом все будут хвалить вас. Не только жители этого города станут подражать этому прекрасному преобразованию, но и живущих вдали вы увлечете своим примером и сделаете их своими усердными подражателями, — и таким образом сугубый венец получите от Бога за то, что по страху Божию и по заповеди Божией попрали такой бесовский обычай. Я твердо уверен, что вы с охотой примете этот совет наш и приведете его в дело. Вижу, с каким удовольствием вы слушаете слова мои, и из ваших рукоплесканий и похвал заключаю, что вы и на самом деле исправитесь. Довольствуясь поэтому сказанным, обращаюсь к продолжению прежнего слова. *И бысть*, сказано, *вечер, и поем Лаван Лию дщерь свою, введе ю ко Иакову* (ст. 23).

Не оставим и этого без внимания. И отсюда многое можно узнать: во-первых, простосердечие Иакова, — как

он, будучи чужд всякого лукавства, был обманут; во-вторых, как тогда все делалось с великим благоприличием: не было нигде ни плясок, ни светильников, ни другого какого-либо освещения сверх нужды, почему и совершился обман Лавана. Впрочем, можно заметить здесь и любовь Лавана к Иакову, потому что он придумал это для того, чтобы долее удержать при себе праведника. Лаван знал, что Иаков пламенел любовью к другой, и что, если бы получил ту, которую желал, то не оставался бы еще служить и жить с ними ради Лии. Поэтому Лаван, замечая добрые свойства этого мужа и понимая, что иначе нельзя склонить и убедить его к тому, употребил такой обман и дал ему Лию, вместе с Зельфой, рабой. А потом, когда праведник требовал у него объяснения, почему он так обманул его, Лаван высказал благовидное оправдание. Когда Иаков сказал: *что сие сотворил ми еси; не Рахили ли ради работах у тебе; вскую же обидел мя еси,* — тогда что ему отвечал Лаван? — *Несть тако в нашем месте, вдати меншую прежде старейшия. Скончай убо и сея седмины, и дам ти и сию за дело, еже делаеши у мене еще седмь лет* (ст. 25—27). Видишь, что это именно было целью, для которой он все так устроил. Зная любовь Иакова к девице, он говорит: не подумай, что ты обижен; я поступил так потому, что у нас есть закон сперва старшую дочь выдавать в замужество; но ты можешь взять за себя и ту, которую любишь, если и за нее будешь столько же лет работать. Выслушав это, праведник с готовностью согласился на все; и после других семи лет *даде ему*, сказано, *Лаван Рахиль дщерь свою в жену* (ст. 28).

3. Здесь видишь опять, что дела брачные совершались в древности со всяким благоприличием. Но когда слышишь, что Иаков взял за себя старшую, а потом и младшую, не смущайся, и не суди о тогдашних делах по нынешним обстоятельствам. Тогда, как времена были еще первобытные, начальные, дозволялось сочетаваться с двумя, тремя женами, и еще более, для распростра-

нения человеческого рода; ныне же, по благодати Божией, и род человеческий уже распространился в великом множестве, и преспеяние в добродетели возросло. Христос, придя на землю и насадив между людьми добродетель, сделав из людей, так сказать, ангелов, искоренил все подобные обычаи древности. Видишь, как не следует основываться на обычае, а везде изыскивать полезное. Вот этот обычай (многоженства) был не хорош; он искоренен, и теперь уже никому не позволительно ссылаться на него. Поэтому ни в чем не смотри на обычай, а изыскивай всегда полезное, не душевредное. Если что оказывается хорошим, хотя бы не было в обычае, пусть будет у нас; а если что пагубно, хотя бы и в обычае было, будем избегать и отвращаться того. *И даде*, сказано (ст. 29), *Иакову Рихиль с Валлою рабынею.* Видишь, какое благоразумие! Были ли тут толпы слуг? Были ли записи, договоры, смешные условия такие: «если то-то будет, если то-то случится?» Еще прежде супружества, не зная, доживут ли (вступающие в брак) до вечера, немедленно договариваются в записях о том, что будет спустя долгое время, как то: «если, говорят, умрет бездетен, если оставит после себя детей», и тому подобное. Но там (в древности) ничего такого не было: отец дал каждой дочери по одной служанке, и с тем выдал в замужество своих дочерей. *Возлюби же*, сказано далее, *Рахиль паче, неже Лию: и работа ему седмь лет другия* (ст. 30). Так как с самого начала Иаков сильно возлюбил Рахиль, за красоту ее, а между тем с трудом успел достигнуть желаемого, то и любил ее, как сказано, более, нежели Лию. Итак, красота Рахили возбудила в нем любовь к ней. Но заметь и здесь неизреченное человеколюбие Господа, как мало-помалу Он приводит в исполнение обетования Свои. Он сказал: *буду с тобою, сохраняяй тя на всяком пути, аможе аще пойдеши, и возращу тя, и умножу* (XXVIII, 15); и теперь все так и устрояет. Чтобы убедиться в этом, послушай, как ясно говорит

об этом само Божественное Писание: *видев же Господь Бог* (ст. 31 и 32), *яко ненавидима бяше Лиа, отверзе ложесна ея: Рахиль же бяше неплоды. И зачат Лиа, и роди сына Иакову.* Замечай благопромыслительную премудрость Божию. Так как одна привлекала к себе благорасположение мужа красотой, а другая, лишенная красоты, казалась нелюбимой, то Бог этой последней подает чадородие, а в той заключает утробу: то и другое устрояя по свойственному Ему человеколюбию, чтобы одна имела некоторое утешение от рождаемых ею детей, привлекая к себе любовь мужа, а другая, по причине красоты и благообразия, не восставала против сестры. *И отверзе*, сказано, *ложесна ея.* Научись из этого, возлюбленный, что Творец всего есть и правитель всего, и естество возбуждает Он к чадорождению, и что сожитие остается бесплодным, как скоро нет помощи свыше. Для того и сказано: *отверзе ложесна ея*, чтобы мы знали, что Сам Господь благоволил даровать Лии силу чадородия, для утешения ее в скорби. Он Сам образует и животворит плод во чреве матери, как и Давид сказал: *восприял мя еси из чрева матере моея* (Пс. CXXXVIII, 13). И заметь, как Божественное Писание показывает нам, что Творец природы производит собственной силой и то и другое и возбуждает у одной способность чадородия, а у Рахили удерживает. Он есть Владыка естества, и потому беспрепятственно совершает все. *И зачат*, сказано, *Лиа, и роди сына Иакову: нарече же имя ему Рувим, глаголя: яко призре Господь на мое смирение: ныне возлюбит мя муж мой* (ст. 32). Посмотри, как признательна эта жена! Господь, говорит она, видя смирение мое, даровал мне чадо, чтобы ради его я могла быть любима (мужем). Заметь же, с какой щедростью человелюбивый Бог вознаграждает ее, желая и потомство праведника умножить, вместе и Лию сделать более любезной для Иакова: *и зачат*, сказано (ст. 33), *паки и роди сына втораго Иакову, и рече: зане услыша Господь, яко ненавидима есмь, и придаде ми и*

сего; и нарече имя ему Симеон. Смотри, как за каждое чадо благодарит она Господа, и как признательна за благодеяния: услышал Господь, говорит она, что я ненавидима, и дал мне еще чадо! И потому *нарече имя ему Симеон.*

4. Видишь, что она даже и имена нарекает рождающимся не просто и как случилось; она назвала сына *Симеоном* потому, что услышал ее Господь. Имя это на еврейском языке значит: *услышан. И зачат еще, и роди сына, и рече: в нынешнее время у мене будет муж мой, родих бо ему три сыны: и нарече имя ему Левий* (ст. 34). Из слов этих можно, мне кажется, догадываться, что и рождением двух сынов Лия еще не могла привлечь к себе расположения мужа, что он все еще был вполне привязан к Рахили. Потому Лия и говорит: *в нынешнее время у меня будет муж мой,* — то есть рождение третьего сына, может быть, пробудит в муже расположение ко мне, так как вот я родила ему уже трех сынов. *И заченши еще, роди сына, и рече: ныне еще сие исповем Господу: сего ради нарече имя ему Иуда* (ст. 35). Что значит: *сие исповем Господу? Исповем,* то есть возблагодарю и прославлю Господа за то, что Он дал мне еще четвертого сына, что даровал мне столь великое богатство: насколько неблагообразие телесное могло вредить мне в расположении мужа, настолько рождение детей, дарованных мне человеколюбием Божиим, вознаграждает меня, рассеивает мою чрезмерную скорбь, утешая меня ненавидимую за недостаток красоты, и нелюбовь (мужа) обращая к сестре моей. Но родив Иуду, говорится далее, Лия *преста раждати. Видев же Рахиль, яко не роди Иакову, поревнова сестре своей, и рече Иакову: даждь ми чада, аще же ни, умру аз* (XXX, 1). Неразумное требование, свойственное жене и душе, терзаемой ревностью! *Даждь ми чада!* Да разве не слышала ты, что не сожитие с мужем принесло чадородие сестре твоей, а Господь Бог, видев, *яко ненавидима есть, отверзе ложесна ея* (XXIX, 31)? Почему же ты требуешь от мужа того, что выше природы, и, забывая

Владыку естества, обвиняешь мужа, который не может нисколько в этом помочь тебе? *Даждь ми чада: аще же ни, умру аз.* Ужасное зло — ревность! Она впадает даже в безумие, как испытала это и Рахиль. Смотря на кучу детей у сестры, и думая о своем одиночестве, Рахиль не выносила этого позора, не могла удержать смущавших ее помыслов — и произносит полные безумия слова. *Даждь ми,* говорит, *чада: аще же ни, умру аз.* Может быть, она заметила в муже любовь к сестре, и думая, что по этой самой причине она имела столь много детей, а она еще не родила ни одного, говорит мужу: *даждь ми чада*; потом, желая устрашить его, прибавляет: *аще же ни, умру аз.* Что же на это благочестивый Иаков? *Разгневався,* сказано (ст. 2), на слова сии, *и рече ей: еда вместо Бога аз есмь, иже лиши тя плода утробнаго?* Что ты, говорит, забыв Владыку естества, укоряешь меня? Он лишил тебя плода чрева; почему ты не просишь Того, Кто может открыть производительность природы и дать чреву способность чадорождения? Знай, что Он лишил плода чрево твое и, сестре твоей даровал такую плодовитость. Итак, не требуй от меня того, чего я не могу дать и в чем я не властен. Если бы это от меня зависело, я, конечно, предпочел бы тебя сестре, имея к тебе больше благорасположения. Но так как я нисколько не могу помочь тебе в этом, хотя бы еще в тысячу раз более был расположен, то прибегни с прошением к Тому, Кто неплодству подвергает, но и разрешить его может. Смотри, как рассудителен праведник: даже в гнев приведенный словами жены, он дает ей ответ с великой мудростью; тщательно поучает ее, объясняя ей причину (неплодства), дабы она, оставив Господа, не требовала от другого кого-либо того, что только Он один может даровать. Узнав таким образом, что она от Бога лишена чадородия, и видя сестру, гордящуюся детьми, желая получить хотя малое утешение, говорит Иакову: ты вразумил меня теперь, что не по твоей вине я остаюсь

бесчадной; и так возьми хотя рабу мою, и дай мне от нее детей, чтобы я хотя малое утешение для себя могла найти в усыновлении рожденных от рабы. *И даде ему*, сказано (ст. 4—6), *Валлу рабу свою ему в жену: и вниде к ней: и зача, и роди Иакову сына. И рече Рахиль: суди ми Бог и послуша гласа моего, и даде ми сына; сего ради прозва имя ему Дан.* Так она получила некоторую отраду, когда родила рабыня; поэтому и дает сама имя дитяти, и благодарит Господа за его рождение. *И зачат*, сказано далее (ст. 7 и 8), *еще Валла, и роди, и рече Рахиль: подя мя Бог, и сравнился с сестрою моею, и возмогох: и прозва имя его Неффалим.* Наконец из (примера) рабыни она ясно уразумела, что не Иаков был виной ее бесчадия; поэтому и воспитывает рожденных от рабы, как своих собственных детей; сама дает им и имена, находя в этом величайшее для себя самой утешение. Видев *же Лиа, яко преста раждати, и* та рабу Зельфу *даде Иакову в жену: и зачат и роди. И рече Лиа:* я получила, то есть, я достигла своей цели, *и нарече имя ему Гад* (ст. 9—11). Она нарекла его именем Гада по тому самому, что исполнилось ее желание. *И зачат еще и роди* другого: *и рече Лиа: блаженна аз, яко ублажат мя жены: и прозва имя ему Асир* (ст. 12 и 13).

5. Видишь, что и Лия усвояла себе детей, рожденных от рабыни, и даже называла себя блаженной и достойной ублажения, по причине рождения их. Но посмотри, что затем последовало, и далее, как страсть ревности переходит то на ту, то на другую сторону, и мучит то одну, то другую (жену Иакова). *Иде же,* сказано (ст. 14 и 15), *Рувим* во днех *жатвы пшеницы: и обрете яблока мандрагорова на поли, и принесе я матери своей. И рече Рахиль к Лии: даждь ми от мандрагоров сына твоего. Рече же Лии:* не *довольно ли тебе, яко взяла еси мужа моего; еда и мандрагоры сына моего возмеши?* Видишь ли, как ясно она обнаруживает этими словами душевную страсть? Не довольно ли, говорит, тебе, что ты взяла мужа моего? Неужели возьмешь и мандрагоры сына моего? *Рече же*

Рахиль: не тако: да будет сея нощи с тобою за мандрагоры сына твоего, — дай, говорит, мне мандрагоров — и возьми сегодня мужа. Видишь, Иаков оказывается совершенно преданным любви к Рахили? Хотя Лия и родила ему так много детей, но сердце его расположено было к Рахили; а если бы не было того, то как бы Лия могла терпеть жизнь вместе с сестрой? Как имеющая полную власть над мужем, она уступает мужа за мандрагоры и говорит: *да будет ныне с тобою за мандрагоры.* Исполни, говорит, желание мое, относительно мандрагоров, и возьми мужа. Когда пришел Иаков, Лия, выйдя навстречу, сказала: ко *мне внидеши днесь: ныне бо тя днесь за мандрагоры сына моего. И бысть,* сказано, *с нею нощи тоя. И послуша Бог Лии: и зачenша роди пятаго сына. И рече Лии: даде ми Бог мзду мою, зане дах рабу мою мужу моему: и прозва имя ему Иссахар, еже есть мзда* (ст. 16—18). *Послуша,* сказано, *Бог Лии.* Поелику Бог видел, что Лия удручена скорбью и не пользуется расположением, то услышал ее, и она родила и сказала: я получила воздаяние за то, что отдала мужу свою рабу; поэтому и назвала сына Иссахаром. *И зачат еще, и роди сына шестаго. И рече Лиа: дарова ми Бог дар добр: в нынешнее время возлюбит мя муж мой, родих бо ему шесть сынов: и прозва имя ему Завулон* (ст. 19 и 20). Наконец и я, говорит она, буду любезна мужу, потому что родила шесть сынов. Поэтому дала имя сыну — Завулон. *Роди же и дщерь, и прозва имя ей Дина. Помяну же Бог,* сказано далее (ст. 21—24), *Рахиль, и услыша ю, и отверзе утробу ея: и зачат и роди Иакову сына. И рече Рахиль: отъя Бог укоризну мою. И нарече имя ему Иосиф, глаголющи: придаде ми Бог сына другаго.* Избавил меня Бог, говорит она, от поношения; разрешил мое неплодство; умилостивился, дал силу чадородия чреву моему и освободил меня от бесчестья. *И нарече имя ему Иосиф, глаголющи: придаде ми Бог сына другаго.* Видишь, как мало-помалу исполнялись обещания Божии? Вот какую большую семью детей имел теперь

праведный по Божию о нем промышлению! Так как он показал великое терпение, с любовью перенося четырнадцатилетнее рабство, то Бог, вознаграждая благочестие праведника, помог ему до такой степени возвеличиться, что впоследствии он стал предметом зависти, как это мы увидим из последующих сказаний (Священного Писания), которые я хотел бы ныне же обозреть.

6. Но чтобы продолжительностью слова не отяготить слишком любви вашей, сбережем, если угодно, остальное на будущий раз, а теперь кончим беседу. Только убеждаю любовь вашу помнить сказанное, подражать древним в добродетелях — в бракосочетании сыновей, в выдаче дочерей в замужество, и своими добродетелями преклонять к себе благоволение Божие. Если Бог будет благоволить нам, то, хотя бы мы были на чужой стороне, хотя бы лишены были всего и никому не были известны, — будем славнее всех. Нет блаженнее человека, вспомоществуемого вышней рукой. Блаженный Иаков, пользуясь ее содействием, мало-помалу возвеличился до такой славы, что те самые, которые принимали его к себе, как странника, стали ему завидовать. Позаботимся же и мы о том, чтобы удостоиться помощи свыше, и не будем прибегать к человеческому могуществу, искать защиты у него. Ничто так мало ненадежно, как эта защита, — что довольно показывают нам опыты дел человеческих. Каждый день мы видим быстрые перемены; видим, как все превращается, и тот, кто недавно был наверху благоденствия, внезапно ниспадает в крайние бедствия, и часто терпит участь осужденных. Каким же безумием было бы искать покровительства людей, которые сами находятся в такой неизвестности о своей судьбе и не могут располагать с уверенностью даже своими собственными делами! Поэтому устраним себя от всякого человеческого покровительства, вспомнив и слова пророка: *проклят человек, иже надеется на человека* (Иер. XVII, 5). Видишь,

что не только безрассуден такой человек, но проклят за то, что, оставив Господа всяческих, обратился к подобному себе рабу, который и сам для себя не довольно силен. Будем избегать этого проклятия, умоляю вас, и всю надежду возложим на Бога. Это — надежда твердая, непоколебимая, не подвергающаяся изменению, как надежда на людей. Здесь или смерть пресекает покровительство и прибегающих к нему оставляет нагими и лишенными всего, или и прежде смерти происшедшая в обстоятельствах перемена делает все безуспешным и с той и с другой стороны. Такими примерами наполнена вся настоящая жизнь. Поэтому и недостойны прощения люди, которые после стольких опытов все еще полагаются на человеческое покровительство, а часто и от своих мнимых покровителей терпят тысячи скорбей. До такой степени возросла злоба, что часто и за услуги платят не тем, чем следует. Только у Бога всяческих все вопреки этому: Он постоянно благотворит нам, даже когда мы бываем неблагодарными; Он не лишает Своего покрова, несмотря на неблагодарность нашу, и всегда действует только по собственному человеколюбию, которого да будем достойны все мы, благодати Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVII

Бысть же, яко роди Рахиль Иосифа, рече Иаков Лавану: отпусти мя, да иду на место мое и в землю мою (Быт. XXX, 25)

1. Сегодня надобно передать любви вашей остатки вчерашней беседы, дабы, и из сообщаемого ныне познав и попечение Божие об Иакове, и собственное благочестие праведника, мы поревновали его добродетели. Не без цели благодать Святого Духа сохранила для нас

письменно все эти повествования, — но для того, чтобы побудить нас к соревнованию и подражанию добродетельным мужам. И действительно, когда мы слышим о терпении одного, о смиренномудрии другого, о страннолюбии третьего, и о великой добродетели каждого из них, слышим то, как все они прославились и возвеличились, — то возбуждаемся к соревнованию в этом. Итак, изложим сегодня остальное повествование об этом праведнике и тем заключим нашу беседу. *Бысть* же, сказано, *яко роди Рахиль Иосифа, рече Иаков Лавану: отпусти мя, да иду на место мое и в землю мою. Отдаждь ми жены и дети моя, их же ради работах тебе* (XXX, 25, 26). Смотри, какое благомыслие в этом праведном муже: видя явное благоволение Божие к себе, он не возгордился перед Лаваном; но с великой кротостью говорит: *отпусти мя, да иду*. Поистине, ничего нет сильнее кротости, ничего нет ее могущественнее. Вот смотри: как Иаков сам сначала показал кротость, то и Лавана заставил отвечать себе с добрым расположением сердца. *Рече же ему* (ст. 27 и 28) *Лаван: аще обретох благодать пред тобою: усмотрих бо, яко благослови мя Бог пришествием твоим, определи мзду свою у мене, и дам.* Не могу не признать, говорит, что после твоего прибытия я пользовался великим благоволением Божиим; итак как я чувствую благодеяния, полученные мной ради прибытия твоего, то предложи, какую хочешь, награду себе, и я дам с готовностью. Заметь же, что значит кротость, и не оставим без внимания этого сказания. Обрати внимание на то, что тогда как праведник не напоминал и не искал награды за труды, а сказал только: *отдаждь ми жены и дети моя, их же ради работах у тебе, да иду*, Лаван, уважая великую кротость праведника, сам говорит: скажи, какую хочешь получить от меня награду, и я дам ее охотно. Да разве жены и дети Иакова не были с ним? Для чего же он говорил: *отдаждь ми жены и дети* моя? (Иаков говорил так), воздавая ему надлежащую честь, во всем

обнаруживая собственный свой нрав и желая мирно расстаться с Лаваном. И вот видишь, как этими словами он расположил к себе Лавана, так что он обещал дать ему награду и выбор ее предоставил ему самому. Что же праведник? Посмотри опять на великую его кротость, как он и при этом не хочет быть неприятным и неучтивым к Лавану. Что же он делает? Он снова призывает его самого во свидетели своего к нему расположения и оказанной ему преданности во все время служения. *Ты веси,* говорит, *яже работах тебе, и колико бе скота твоего у мене. Мало бо бе, елико твоего у мене, и возрасте во множество: и благослови тя Господь пришествием моим: ныне убо когда сотворю и аз себе дом* (ст. 29 и 30)? Тебя, говорит, призываю во свидетели моих трудов; ты сам знаешь, с каким усердием я делал все с своей стороны: приняв от тебя стадо немногочисленное, я своим старанием и неусыпной заботливостью увеличил его до множества. Потом, обнаруживая благочестие свое, продолжает: *и благослови тя Господь пришествием моим: ныне убо когда сотворю и аз себе дом?* Знаешь и сам, что, с пришествием моим к тебе, благодать свыше умножила достояние твое; и так как и я с своей стороны делал для тебя все с полным усердием, исполняя службу, и Божия помощь явно оказана тебе, то теперь по справедливости надобно мне и для себя устроить дом. Что значит: *сотворю и аз себе дом*? Значит — жить на свободе и заняться своими собственными делами. Выслушав это, Лаван сказал ему: *что ти дам* (ст. 31); или: скажи, что хочешь ты получить от меня? Я и сам сознаю это, и не отрицаю; знаю, как много мне дано от Бога и что с пришествием твоим благословил меня Бог. *Рече же ему,* сказано (ст. 31), *Иаков: не даси ми ничтоже: аще же сотвориши ми глагол сей, паки пасти имам овцы твоя.* Ничего, говорит, я не хочу получать от тебя в виде платы; но дай мне только то, что скажу, и я опять буду пасти овец твоих. Вот чего именно я хочу. Посмотри, какое предложение

делает праведник Лавану, уверенный в Божией помощи: *да мимо идут*, говорит, *овцы твоя ныне, и разлучи оттуду всякую овцу пелесую во овцах, и всяку беловатую и пеструю в козах, будет ми мзда: и послушает мене правда моя пред тобою во утрешний день, яко есть мзда моя пред тобою: все, еже аще не будет пестро и беловатое в козах, и пелесо во овцах, за украденное будет мною* (ст. 32 и 33).

2. Заметь благоразумие праведника! Зная, сколь велико к нему благоволение свыше, он просит у Лавана того, что, по естественному порядку вещей, казалось или трудным или и вовсе невозможным (потому что редко бывает, чтобы рождались животные с разнообразным цветом шерсти); а Лаван по этой самой причине не замедлил согласиться на требование Иакова и сказал: *буди по словеси твоему* (ст. 34). *И разлучи в той день козлы пестрыя и беловатыя, и вся козы пестрыя и беловатыя, и все, еже бяше белое в них, и все, еже бе пелесо во овцах, и даде в руце сыном своим. И разстави путем трех дней между ими и между Иаковом* (ст. 35 и 36). Разделив, то есть, свои стада по предложению Иакова, он (одну часть) поручил своим сыновьям. *Иаков же пасяше овцы Ливановы оставшияся* (ст. 36). Какие же это? Именно те, которые не имели никакой пестроты в цвете шерсти... А все это делалось для того, чтобы и праведник на самом опыте узнал величие Божия попечения о себе, и Лаван увидел, какою помощью свыше пользуется Иаков. *Взя же себе Иаков*, сказано, *жезл стиракинов зеленый, и орехов, и яворовый: и острога я Иаков пестрением белым, сострогал кору: являшеся же на жезлах белое, еже острога, пестро. И положи жезлы, яже острога, в поильных корытех воды: да егда приидут овцы пити, пред жезлы пришедшим им пити, зачнут овцы, по жезлом. И зачинаху овцы по жезлом, и раждаху овцы беловатыя, и пестрыя, и пепеловидныя пестрыя* (ст. 37–39). Так поступает праведник не по собственному своему побуждению, но так благодать свыше внушала разуму его, потому что совершавшееся происходило не по

обыкновенному порядку природы, а было много дивного и превышающего естественный порядок вещей. *И агнцы разлучи и поставив прямо овцам овна беловатаго, и всякое пестрое во агнцах, и разлучи себе стадо по себе, и не смеси сих со овцами Ливановыми* (ст. 40). Поелику рождавшиеся животные были все именно такие, какие он предназначил (для себя), то он и отделял их и таким образом составил для себя особое стадо. *Бысть же во время, в неже зачинаху овцы во чреве приемлюще, положи Иаков жезлы пред овцами еже зачинати им по жезлом. Егда же раждаху овцы, не полагаше: быша же неназнаменанныя Ливановы, а знаменанныя Иаковли. И разбогате человек зело зело* (ст. 41–43). Что значит повторение этого последнего слова? Оно выражает великое изобилие, – то, что Иаков не только значительно, но и весьма разбогател. *Быша бо,* сказано, *ему скоти мнози, и волове, и раби и рабыни* (ст. 43). Но посмотри, как это опять возродило зависть к праведнику. *Слыша же словеса сынов Лавановых: взя Иаков вся, яже отца нашего и от сущих отца нашего сотвори всю славу сию* (XXXI, 1). Заметь, как зависть доводит их до неблагодарности, да и не их только, но и самого Лавана: *виде,* сказано, *Иаков лице Лаване, и се не бяше к* нему, *яко вчера и третияго дне* (ст. 2). Слова сыновей встревожили дух Лавана, и заставили забыть то, что он прежде сказал Иакову, в беседе с ним: *благослови мя Бог пришествием твоим* (Быт. XXX, 30). Человек, благодаривший Господа за то, что с приходом праведника Он благоволил умножить его богатство теперь, переменив под влиянием детей свои мысли, воспламенился завистью и, видя праведника в великом изобилии, не хотел более обращаться с ним по-прежнему. *Виде же,* сказано, *Иаков лице Лаване, и се не бяше к нему, яко вчера и третияго дне.* Видишь ли, как велика кротость праведника и сколько неблагодарности у тех; как они, не думая подавить в себе зависть, смутили и дух отца? Посмотри же далее, как неизреченно попечение Божие,

какое снисхождение являет Он, когда видит, что мы с своей стороны делаем все возможное. Бог, видя ненависть их к праведнику, говорит Иакову: *возвратися в землю отца твоего, и в род твой, и буду с тобою* (ст. 3). Довольно, говорит, пожил ты на чужой стороне; Я хочу теперь исполнить то, что обещал тебе прежде, когда говорил: *возвращу тя в землю твою.* Итак, возвращайся без всякого страха, потому что Я с тобой буду. Для того именно, чтобы праведник не медлил своим возвращением, но смело предпринимал обратный путь, для того Господь и говорит: Я с тобой буду. Я, доселе благоустроявший жизнь твою и умноживший семя твое, Я и впредь буду с тобой. Праведник, услышав это от Бога, уже не медлил, но стал приготовляться к путешествию. *Послав же,* сказано, *призва Рахиль и Лию на поле, идеже* пасяше *стада: и рече им.* Он хочет сообщить женам свое намерение касательно путешествия, объявить Божие повеление и (сказать) о ненависти к нему отца. *И рече им: вижду аз лице отца вашего, яко несть ко мне, якоже вчера и третияго дне: Бог же отца моего бе со мною.* Сами же *весте, яко всею силою моею работах отцу вашему: отец же ваш обиде мя, и измени мзду мою десяти агнцев: но не даде ему Бог зла сотворити мне. Аще бо еще речет: пестрыя будет твоя мзда: и родятся вся овцы пестрыя. Аще же речет: белыя будет твоя мзда: и родятся вся овцы белыя. И отъя Бог вся скоты отца вашего, и даде я мне* (ст. 4–9).

3. Смотри, как он объявляет им и неблагодарность к нему отца, и свое усердие, какое сам оказывал в служении ему: вы знаете, говорит, что я всеми силами служил вашему отцу. Вместе с тем он изображает им попечение о нем Божие, показывая, что все делала вышняя помощь, и богатство Лаваново передала ему. *Отъя Бог*, говорит он, *вся скоты отца вашего, и даде я мне. Бысть же, егда зачинаху овцы, и видех очима моима во сне: и се козлы и овны восходяще бяху на овцы и козы, беловатые, и пестрые, и пепеловидные пестрые. И рече ми Ангел Божий*

во сне: Иакове. Аз же рех: что есть; И рече: воззри, очима твоима, и виждь козлы и овны восходящим на овцы, и козы, белые, и пестрые, и пепеловидные пестрые: видех бо, елика тебе Лаван творит (ст. 10–12).

Видишь ли, что сила вышняя творила все это, вознаграждая праведника за труды? Поелику тот был неблагодарен к нему, то щедролюбивый Господь обильно награждает праведника: *видех бо*, говорит, *елика тебе Лаван творит.* Научимся отсюда, что, если мы кротко и терпеливо будем переносить обиды от кого бы то ни было, то тем более великой и щедрой помощи удостоимся свыше. Поэтому не будем противоборствовать старающимся вредить нам; а будем великодушно переносить, зная, что Господь всяческих не презрит нас, если только мы с своей стороны окажем благомыслие: *Мне*, говорит Он, *отмщение: аз воздам, глаголет Господь* (Рим. XII, 19). По этой причине и Иаков сказал: *не даде ему Бог зла сотворити мне.* Тогда как Лаван хотел лишить меня, говорит, награды за труды, Господь в таком обилии явил нам Свою милость, что все достояние его передал нам. Видя, что я исполнял работу добросовестно, а тот поступал со мной ненадлежащим образом, Господь и показал такое промышление о нас. А что я говорю это не без причины, и не напрасно хочу обвинить Лавана, имею Бога свидетелем всех поступков отца вашего со мной. *Видех бо*, говорит Он, *елика тебе Лаван творит*, потому что не только лишил тебя воздаяния, но и не так расположен теперь к тебе, как прежде, и изменился в своих намерениях. *Аз есмь Бог твой, явивыйся тебе на месте Божии, идеже помазал ми еси тамо столп* (ст. 13). Господь хочет таким образом привести на память Иакову то, что обещал Ему тогда, сказав: весьма размножу тебя и буду хранить тебя до земли твоей (см.: Быт. XXVIII, 14, 15). Я, говорит, Тот, который явился тебе и дал тебе свои обетования; Я и ныне, поелику настало время, привожу в исполнение обещанное тебе

тогда и повелеваю тебе возвратиться без опасения, потому что Я буду с тобой. *Аз есмь Бог явивыйся тебе на месте, идеже помазал ми еси столп, и обетовал ми еси обет* (ст. 13). Господь напоминает Иакову его молитву и сделанное им обещание. В чем же состояла молитва? *В том, что яже ми даси, одесятствую та тебе* (Быт. XXVIII, 22). Так как Иаков дал этот обет в то время, когда ничего не имел с собой и странствовал, как беглец, то Господь и говорит ему теперь: когда Я явился тебе, ты дал Мне обет, сказав: *от тех, яже ми даси, десятину одесятствую тебе*, этой молитвой и обетом исповедуя Мое всемогущество и очами веры прозревая будущее свое благосостояние; ныне, когда должны совершиться изреченные Мной обетования, настало время и тебе исполнить обет свой. Итак, возвратись *ныне, возстани и изыди*, сказано, *от земли сея, и иди в землю рождения твоего, и буду с тобою* (ст. 13). Я везде буду соприсутствовать тебе, благоустроять для тебя путь твой, и ты ни от кого не потерпишь никакого вреда, так как десница Моя будет для тебя повсюду покровом. Услышав это, Рахиль и Лия сказали ему: *еда есть нам часть или наследие в дому отца нашего? Не яко ли чужия вменихомся ему; продаде бо нас, и снеде снедию сребро наше. И все богатство и славу, юже отъя Бог от отца нашего*, тебе даде. *Ныне елика тебя рече Бог твой, твори* (ст. 14–16). Вот и они повинуются воле Божией и еще представляют неоспоримое рассуждение. Что у нас есть еще общего, говорят они, с отцом нашим? Однажды навсегда он отдал нас тебе. *А богатство и славу, юже отъя Бог от отца нашего* и дал тебе, мы будем иметь и чада наши. Не медли же, не откладывай, а делай, что повелел тебе Бог. *Ныне убо, елика тебе рече Бог твой, твори*. Выслушав это, *Иаков, востав, взя жены своя и дети*, и посади их *на велблюды: и забра вся имения своя, и стяжание, еже притяжа в Месопотамии, и вся своя, еже отъити ко Исааку отцу своему* (ст. 17–18).

4. Заметь, какое мужество духа имел праведник и как, отбросив всякий страх и опасение, повиновался

повелению Господа. Видя уже нечистоту совести в Лаване, он не стал теперь, как прежде, рассуждать с ним, а только исполнял повеление Господне, и, взяв жен и детей, отправился в путь. *Лаван же*, сказано, *отъиде острищи овцы своя: украде же Рахиль идолы отца своего* (ст. 19). Не без цели и это замечено, а с целью — показать, что (дочери) еще держались отеческого обычая и имели большое уважение к идолам. Рассуди, в самом деле, с какой заботливостью она это сделала, — не унесла у отца другое что-либо, а одних только идолов, притом сделала это тайно и от мужа, потому что он, конечно, не позволил бы этого сделать. *И утаи*, сказано, *Иаков от Лавана Сирина не поведати ему, яко уходит. И отбеже сам, и вся, яже его, и прейде реку, и взыде на гору Галаад* (ст. 20 и 21). Прошу заметить и здесь великий промысл Божий — именно в том, что Бог не попустил Лавану узнать об удалении Иакова до тех пор, когда праведник был уже далеко. По прошествии трех дней, сказано, сделалось это известным Лавану. *И поим* всю братию свою *с собою, гна в след его путем семь дней: и достиже его на горе Галаад* (ст. 22 и 23). Вот и опять видно неизреченное попечение Божие. Тот, Кто сказал: *возвратися в землю твою, и буду с тобою*, — Сам и теперь являет Свое промышление. Видя, что Лаван с сильным негодованием преследует праведника и хочет взыскать с него, так сказать, пеню за побег, Бог является Лавану ночью во сне. *Прииде же*, сказано, *Бог к Лавану Сирину нощию, и рече ему* (ст. 24). Посмотри, как Бог в попечении Своем о праведнике, снисходит до того, что беседует даже с Лаваном, дабы, потряся его душу, удержать его от нападения (на Иакова). *Блюди себе, да не когда возглаголеши* с Иаковом *зла* (ст. 24). Велика благость Господа! Он видел, что Лаван спешит на битву, хочет напасть на праведника: поэтому Бог словом Своим останавливаем его намерение и говорит: *блюди себе, да не когда возглаголеши* с Иаковом *зла*. Не покушайся, говорит, опечалить Иакова даже слова-

ми; берегись; удержись от своего злого намерения, укроти гнев, обуздай свой раздраженный дух, и не позволяй себе даже словом опечалить Иакова. И заметь человеколюбие Господа: Он не повелел Лавану возвратиться в свой дом, а только повелел ему не говорить праведнику ничего тяжелого, ничего оскорбительного. Почему же это и для чего? Для того, чтобы праведник на самом деле, из опыта видел, сколь великого попечения удостаивает его Бог. Если бы Лаван возвратился, то откуда узнал бы это Иаков, или его жены? И для того Бог дозволяет Лавану идти и своими устами пересказать Иакову то, что было сказано ему от Бога, дабы и сам праведник с большей поспешностью и смелостью продолжал путешествие, и его жены, узнав, какого попечения удостаивается Иаков от Бога всяческих, отвергли отеческое заблуждение, подражали праведнику и получили отсюда достаточное назидание к богопознанию. Для них не столь, конечно, достоверны были слова Иакова, сколько слова Лавана, еще преданного идолопоклонству, потому что свидетельства (о вере) неверующих и врагов благочестия всегда имеют особенную важность; — и это есть дело благоискусной премудрости Божией, когда она и врагов истины делает свидетелями истины и заставляет их собственными устами подтверждать ее. *И постиже Лаван Иакова. Иаков же постави кущу свою на горе: Лаван же разстави братию свою на горе Галаад. И рече Лаван Иакову: что* сие *сотворил еси* (ст. 25 и 26)? Смотри, как повеление Божие укротило его пыл, обуздало ярость! Поэтому он с кротостью обращает речь свою, как бы оправдываясь и выказывая отеческую любовь к нему. Так, когда мы пользуемся попечением свыше, то не только можем избегать наветов злых людей, но если и лютые звери нападут на нас, мы не подвергнемся никакой беде. Владыка всяческих, по преизбыточеству силы Своей, изменяет и естество зверей и влагает в них кротость овчую, не отнимая

у них природной лютости, но, оставляя при той же природе, заставляет проявлять свойства овец. И это можно видеть не на одних только зверях, но даже и на стихиях. Когда Он хочет, то и самые стихии забывают свойственную им силу и огонь не обнаруживает свойств огня. Всякий может убедиться в этом из примера трех отроков и Даниила. Даниил, окруженный львами, не потерпел никакого вреда, находясь как бы среди овец, потому что вышняя сила удерживала свирепость первых. А что они действительно остались зверями, не проявляя только своих звериных свойств, это на самом деле узнали те, которые были свирепее бессловесных зверей.

5. И это было для большего обличения последних, потому что они, будучи почтены разумом, превзошли однако жестокостью и неразумных зверей. И они узнали на деле, что по действию промысла Божия и лютые звери убоялись праведника и не дерзнули коснуться тела его; а сами они хотели поступить с ним хуже, чем звери. А чтобы они не сочли такого явления только каким-либо призраком, пример вслед за тем брошенных в ров уверил их, что только в отношении к праведнику они обнаружили кротость овец и забыли свою природу; а над брошенными после того показали свойства лютости. Подобное же произошло и в печи огненной. Стихия эта устрашилась тех, которые были в печи, среди огня, и не оказала над ними обыкновенных действий огня: сила ее, будучи как бы связана, невредимыми сохранила тела этих отроков, не коснулась даже волос их, как будто чье-либо повеление воспрепятствовало стихии обнаружить свойственное действие, а между тем находившихся вне печи она истребила, в том и другом проявляя величие силы Божией: как в том, что бывшие внутри печи остались невредимыми, так и в том, что находившиеся вне ее погибли. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то не только избав-

ляемся от наветов людей, враждующим против нас, но если подвергнемся нападению и самых зверей, и тогда не потерпим никакого вреда, потому что рука Божия могущественнее всего, она отовсюду ограждает нашу безопасность и делает нас необоримыми. Так случилось и с Иаковом. Тот, кто с таким раздражением хотел настигнуть праведника и наказать его за побег, не только не говорит ему ничего грубого и неприятного, но, как отец в беседе с сыном, кротко обращает речь к нему и говорит: *что* сие *сотворил еси: вскую тайно ушел еси* (ст. 26)? Смотри, какая перемена! Смотри, как тот, который неистовствовал подобно зверю, подражает теперь кротости овец! *Вскую тайно ушел еси, и окрал еси мя, и отвел дщери моя, яко пленницы оружием?* Зачем, говорит, ты это сделал? Что тебе это вздумалось? Для чего так скрытно устроил свой уход? *Аще бы ми поведал еси, отпустил бых тя* со многою честью и *с веселием* (ст. 27). Если бы я знал об этом, говорит, я проводил бы тебя с *мусикиею, и тимпаны, и гуслъми. И не сподобихся целовати дщерей моих: ныже же несмысленно сотворил еси* (ст. 28). Посмотри, как он сам себя обличает и собственными устами сознается, что он приготовлялся худо поступить с праведником; но промысл Божий воспрепятствовал его намерению: *рука моя,* говорит, *может озлобити тя: но Бог отца твоего вчера рече ко мне, глаголя: блюди себе, да не когда возглаголеши ко Иакову зла* (ст. 29). Представь себе, каким утешением слова эти были для праведника, и посмотри, как Лаван открыл ему и свои намерения, и цель, с какой хотел его настигнуть, и то, что страх Божий удержал его от исполнения своих злых намерений: *Бог отца твоего,* говорит. Видишь, что и сам Лаван приобрел отсюда немалую пользу, получив из того, что сказано было ему (Богом), величайшее свидетельство о Божием всемогуществе. Но так как и ты, продолжает он, этого захотел, и Бог являет столь великое о тебе попечение: *ныне убо отшел еси: желанием бо возжелал еси*

отъити в дом отца твоего: то *вскую украл еси боги моя* (ст. 30)? Пусть так, говорит; тебе это вздумалось, ты решился возвратиться в дом отца твоего: но зачем же украл богов моих? О, крайнее несмыслие! Таковы-то твои боги, что их и украсть можно? Не стыдно тебе говорить: *вскую украл еси боги моя*! Посмотри, какое крайнее было заблуждение, что люди, украшенные разумом, поклонялись деревьям и камням. Так боги твои, Лаван, не в силах были защитить себя и тогда, как их захотели украсть! Да и как могли это, когда были сделаны из камня? А Бог праведника удержал твою ярость, даже без его ведома. И ты не думаешь о том, как велико твое ослепление, а еще обвиняешь праведника в похищении! Да для чего праведник решился бы похитить твоих богов, которых он гнушался, даже более, о которых он знал, что они – камни бесчувственные? Но Иаков, выслушав слова Лавана с великой кротостью, сперва оправдывается в высказанных против него обвинениях, а потом предлагает сделать розыск о богах. *Рех бо*, говорит он, *да не како отъимеши дщери твоя от мене и вся моя* (ст. 31). Поелику я видел, что ты ко мне не хорошо расположен, то я стал беспокоиться, чтобы ты не вздумал отнять у меня своих дочерей и все, что у меня есть, – лишить меня моей собственности, как ты уже делал. Эта причина и страх побудили меня тайно уйти от тебя. Но *у него же еще обрящеши боги твоя, да не будет жив пред братиею нашею* (ст. 32). Видишь, что Иаков не знал о похищении, сделанном Рахилью, смотри, какое строгое наказание определяет он сделавшему кражу: *у него же еще* обрящутся, говорит он, *да не будет жив пред братиею нашею.* Не за то только, говорит, что украл, но и за то, что таким похищением он дает явное доказательство собственного заблуждения (приверженности к идолопоклонству). *Узнавай, что есть твоего у мене, и возми* (ст. 32). Обыщи, то есть, действительно ли похитил я что-нибудь не принадлежащее мне. Ты не можешь об-

винить меня ни в чем, кроме того, что я скрытно ушел от тебя, и на это я решился не по своей воле, а предвидя обиду, и боясь, чтобы ты, узнав об этом, не вздумал отнять у меня своих дочерей и все другое, что я имею. *И не позна*, сказано, *у него ничтоже: не ведяше же Иаков, яко Рахиль жена его украде я. Вшед же Лаван, обыска кущу Лиину, и не обрете: вниде же и в кущу Рахилину. Рахиль же взя идолы и положи оныя под седло велблюже, и седе на них. И рече отцу своему: не имей себе тяжко, господине* мой, *не могу востати пред тобою, яко обычная женская ми суть. Иска же Лаван* по всей *кущи* ея, *и не обрете* (ст. 32–35).

6. Много было ума у Рахили, что успела она перехитрить Лавана. Пусть слышат люди, доселе еще преданные заблуждению и дорожащие идолослужением: *положи оныя*, сказано, *под седло велблюже, и седе на них.* Что смешнее этого? Люди, разумом украшенные, удостоенные столь великих преимуществ от человеколюбия Божия, хотят чтить бесчувственные камни, и не скрываются, не подумают, как это нелепо, но, как животные, руководятся только привычкой. Поэтому и Павел пишет так: *весте, яко егда неверни бысте, ко идолом безгласным, аки ведомы, ведостеся* (1 Кор. XII, 2). И хорошо сказал он: *безгласным.* А вы, говорит он, имеющие голос, наделенные слухом и словом, вы, как бессловесные, стремитесь к тому, что не имеет никакого чувства. И какое снисхождение может быть оказано таким людям! Но посмотрим, что говорит праведник, ободренный признанием Лавана, равно и тем, что Лаван не нашел никакой благовидной причины к порицанию его. *Разгневася же*, сказано, *Иаков, и пряшеся с Лаваном, и рече.* Заметь, как и в самом споре обнаруживает добродетель своей души: *кая*, говорит он, *неправда моя; и кий грех мой, яко погнал еси вслед мене* (ст. 36)? Из-за чего, то есть, ты с такой стремительностью погнался за мной? В какой несправедливости можешь меня обвинить? В каком проступке? Мало того, ты нанес нам еще и ту обиду, что

обыскал все имение мое! *Что обрел еси от всех сосудов дому твоего; положи зде пред братиею твоею и братиею моею, и да разсудят между обема нама* (ст. 37). То есть, сделав такой обыск, мог ли ты найти что-нибудь, не принадлежащее мне, или что-либо твое? Если нашел, вынеси на середину; и пусть все, находящиеся при мне и прибывшие с тобой, рассудят между нами. Так как он видел, что ни в чем не виновен, то с большим дерзновением он напоминает преданность, с какой служил ему во все время, и говорит: *се двадесять лет* (ст. 38). После трудов стольких лет, заслуживаю ли я такую обиду? *Се двадесять лет.* До настоящего времени я полных двадцать лет жил в твоем доме. *Овцы твоя, и козы твоя не быша без плода: овнов овец твоих не поядох.* Звероловли *не принесох к тебе: аз воздаях от мене самого татбины денныя, и татбины нощныя. Бых во дни жегом зноем, и студению в нощи, и отхождате сон от очию моею* (ст. 38—40). Или ты забыл труды мои, какие понес я во время пасения овец и коз твоих? Можешь ли обвинить меня даже в том, что когда-нибудь овцы или козы твои были неплодны? Смотри, как он указывает на благоволение Божие, бывшее к дому Лавана вследствие его пребывания в нем; это то же, что он и прежде говорил: *благослови тя Господь пришествием моим* (XXX, 30), так как никто не может требовать этого от пастуха и не от присмотра пастушеского это зависит, а есть дело природы. Поэтому Иаков прежде всего на это указывает Лавану, давая ему понять, что о его стадах было особенное промышление свыше. *Овнов овец твоих не поядох.* Можешь ли ты сказать, чтобы я когда-нибудь съел барана из твоих овец, как это обыкновенно делают многие пастухи? Звероловли *не принесох тебе.* Ни сам я, то есть, никогда не съел, ни зверь не мог у меня когда-либо похитить. Приносил ли я тебе когда-нибудь растерзанное зверем? А не каждый ли день ты видишь, как другие, пасущие стада, приносят хозяевам звероядину? Но меня ты ни в чем таком не можешь обвинить,

или указать на подобный случай со мной в продолжение двадцати лет. Да и что говорить о растерзанном зверями? Если когда и была пропажа, какая всегда может случиться, я не доводил ее до сведения твоего, а от себя вознаграждал украденное, было ли то днем или ночью. И постоянно с терпением переносил я и знойный жар, и ночной холод, только бы сберечь в целости стада твои. Мало того: и сон даже бежал от меня вследствие большой заботы.

Видишь ли неусыпность пастыря? Видишь ли напряженное старание? Какое оправдание могут иметь те, которым вверены паствы словесные и которые оказывают нерадение и каждодневно, по слову пророка (см.: Иез. XXXIV, 3, 4), одних овец закалают, а других оставляют без всякого попечения, хотя и видят, что их то пожирают звери, то похищают чужие люди, хотя здесь труда меньше и забота легче, так как (здесь) руководствуется душа, а там много труда и для тела и для души.

7. Послушай, что говорит: *бых во дни жегом зноем, и студению в нощи, и отхождаше сон от мене.* А может ли кто ныне сказать, что для спасения своих пасомых он подверг себя опасностям и бедствиям? Из нынешних (пастырей) никто не может отважиться на то, чтобы сказать это. Один только Павел, учитель вселенной, мог с дерзновением говорить это, и даже больше этого. Но где же, скажет кто-нибудь, потерпел Павел такие труды? Послушай, что он говорит: *кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29). Вот пастырская любовь! Падения других, говорит он, усиливают мои собственные страдания; соблазны других усиливают мою скорбь. Ему должны поревновать все, которым вверено водительство словесных овец; и пусть они не будут хуже того, который показал такую неусыпную заботливость о бессловесных, и притом в течение стольких лет! Там, если бы и была небрежность какая-либо, — не было бы беды; а здесь, если

и одна словесная овца погибнет, или будет похищена зверем, — большая потеря, величайший вред, неизобразимое наказание! Если Господь наш не отрекся пролить за нее собственную кровь, то будет ли заслуживать какого-нибудь снисхождения нерадеющий о том, который так почтен от Самого Господа, и не исполняющий своего долга в попечении об овце? Но возвратимся к продолжению (библейского) повествования. *Се мне двадесять лет,* говорит Иаков, *аз есмь в дому твоем. Работах тебе четыренадесять лет двух ради дщерей твоих: и шесть лет за овцы твоя, и преобидел еси мзду мою десять агнцев. Аще не бы Бог отца моего Авраама, и Бог Исаака был со мною, ныне тща отпустил бы мя еси: смирение мое и труд руку моею увиде Бог, и обличи тя вчера* (ст. 41 и 42). Смотри, как ободрило праведника признание Лаваново, и с какой смелостью он продолжает свое обличение! Ты знаешь, говорит он, что я служил тебе в продолжение двадцати лет, — четырнадцать лет за дочерей твоих, а в остальные пас твоих овец; однако, ты хотел лишить меня награды; и все-таки я не жаловался на это. А из того, что ты сам сказал, я вижу, что если бы Бог Авраама и Исаака не был мне помощником, теперь ты отпустил бы меня совершенно ни с чем; ты отнял бы у меня все и привел бы в исполнение обиду, какую предположил сделать. Но Бог, видевший *смирение мое и труд руку моею...* Что это значит: *смирение мое и труд руку моею*? Значит: так как Богу известно, с каким великим усердием исполнял у тебя службу и какие труды переносил я, пася овец твоих, в заботах проводя день и ночь, то, призирая на это, Он, как Господь человеколюбивый, вчера обличил тебя, отвратил от меня несправедливые и неразумные покушения с твоей стороны. Своим оправданием Иаков достаточно подействовал на Лавана, обличая несправедливость к нему и исчисляя свои благодеяния, ему оказанные; поэтому тот, пристыженный его словами, уже впадает в страх и желает заключить союз с правед-

ником. Вот что значит попечение Божие! Тот, кто сам так устроил и с такой горячностью преследовал праведника, впадает в такую боязнь, что ищет у него союза. *Отвещав же Лаван, рече к Иакову: дщери твоя — дщери моя: и сынове твои — сынове мои, и скоти* твои — *скоти мои, и вся, елика ты видиши, моя суть и дщерей моих: что сотворю им днесь или чадом их* рожденным) (ст. 43)? Я знаю, говорит, что и дочери — это мои, и все, что у тебя есть, перешло к тебе от моего достояния; что же я могу сделать им или их детям? *Ныне гряди, завещаем завет аз и ты: и будет во свидетельство между мною и тобою* (ст. 44). Заключим, говорит, договор, и он *будет между мною и тобою во свидетельство,* — то есть будет служить уликой, доказательством. *Рече же ему:* если кто решится нарушить постановленное нами теперь, то *се никтоже се нами, но Бог свидетель между мною и тобою.*

8. Замечай, как мало-помалу Лаван приводится и к богопознанию. Тот, кто недавно обвинял праведника в похищении своих богов и делал из-за них такой обыск, теперь говорит ему: так как нет с нами никого, кто мог бы, в случае нужды, засвидетельствовать настоящий наш договор, то *Бог свидетель между мною и тобою*: Он присутствует здесь, Он — всевидящий, от Которого ничто не может скрыться, Он, ведающий намерение каждого. *Взем же*, говорит, *Иаков постави столп, и сотвори холм, и ядоша на холме.* Затем *рече ему Лаван: холм сей свидетельствует между мною и тобою* (ст. 45 и 46). Что значит: *холм сей*? Значит: слова, сказанные здесь, на этом холме, да будут для нас всегда памятны. *И прозва* имя места: *холм свидетельства* (ст. 47); потом говорит: *да видит Бог между мною и тобою* (ст. 49). Смотри, как Лаван опять призывает суд Божий. Он говорит: *да видит Бог между мною и тобою, яко отыдем друг от друга,* — теперь, говорит, мы разойдемся, ты отправляйся в свою землю, а я возвращусь в дом свой. *Аще смириши дщери моя, аще поймеши жены над дщери моя, виждь, никтоже с нами есть*

видяй: Бог свидетель (ст. 50). Заметь, как и раз, и два, и много раз Лаван призывает Бога во свидетеля. Промышление Божие об Иакове вразумило Лавана относительно того, как велика сила Господа и как невозможно укрыться от недремлющего Ока. Поэтому он и говорит: хотя мы и разойдемся, хотя и нет никакого другого свидетеля, но свидетелем будет Сам вездесущий; таким образом он каждым словом выражает то, что есть Господь вселенной. *И рече (Лаван) се столп сей* свидетельствует (ст. 51). Потом опять говорит Лаван: *аще бо аз не прейду к тебе, ниже ты да прейдеши ко мне холма сего и столпа сего со злобою. Бог Авраамль, и Бог Нахоров да судит между нама* (ст. 52 и 53). Заметь, как после отца он присоединил и имя деда, который был брат патриарха, а его дед. *Бог Авраамль, и Бог Нахоров да судит между нама. И кляся Иаков страхом отца своего Исаака, и пожре жертву на горе, и воззва братию свою, и ядоша, и пиша, и спаша на горе* (ст. 54). *Пожре жертву на горе,* — то есть возблагодарил Бога за то, что совершилось. *И ядоша, и пиша, и спаша на горе. Востав же Лаван заутра, лобыза сыны* своя *и дщери своя, и благослови их: и возвратився Лаван, отыде в* дом свой (ст. 55). Видишь, возлюбленный, как велика премудрость Божия, как в одном и том же деле Господь показал и об Иакове промышление Свое, и Лавана удержал от несправедливости к праведнику, и тем самым, через что внушил ему не говорить Иакову худого, привел мало-помалу на путь богопознания, и тот, кто набежал, как зверь, намереваясь схватить и растерзать, возвратился домой, принеся оправдание и облобызав дочерей своих и детей их. Может быть, мы продлили свое слово уже слишком долго; но нас поставил в эту необходимость порядок самого повествования.

Итак, оканчивая здесь слово, просим любовь вашу так делать и располагать все дела свои, чтобы удостоиться благоволения свыше. Если будет благоволить к нам Бог, — тогда все будет для нас удобно и легко, и

ничто не сможет опечалить нас в настоящей жизни, хотя бы и казалось что-нибудь прискорбным. Таков преизбыток Его могущества, что Он, когда благоволит, обращает и самые печали в радости. Так и Павел, среди скорбей, радовался и веселился, окрыляемый ожиданием уготованных ему наград. Потому и пророк сказал: *в скорби распространил мя еси* (Пс. IV, 2), вразумляя нас, что Бог и в самых бедствиях даровал ему наслаждаться безопасностью и спокойствием. Такого имея Владыку, столь могущественного, столь благопромыслительного и премудрого, столь человеколюбивого, приложим свое усердие и будем иметь великое попечение о добродетели, чтобы получить и настоящие и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, и Святому Духу, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVIII

И воззрев Иаков виде полк Божий воополчившийся: и сретоша его ангели Божии. Рече же Иаков, егда виде их: полк Божий сей; и прозва имя место тому: Полки (Быт. XXXII, 1, 2).

1. Знаю, что вчера продлившаяся долго беседа наша утомила вас. Но будьте добры; труд ваш не напрасный; он совершается ради Господа, Который и кратковременный труд удостаивает великих наград. Если тело и утомилось, то тем более укрепилась душа. Я и сам хотел было сократить поучение; но видя сильное ваше желание и возбужденную ревность, не решился прекратить слово прежде окончания (начатого повествования), зная, что этим я доставлю вам большее удовольствие. Продолжительная беседа с особенной ясностью показала великое ваше усердие и ненасытимую жажду слушать. Поэтому и я сам, замечая ежедневно

возрастающую вашу ревность, с большей готовностью приступаю к произнесению вам поучения. Итак, и сегодня, продолжив по мере сил то, что следует после сказанного вчера, предложим любви вашей обычную трапезу, и посмотрим, как праведник (Иаков) по удалении Лавана предпринимает путешествие. Из того, что изложено в Божественном Писании, ничего не сказано напрасно, но все, что совершается праведниками, имеет величайшую для нас пользу. Так как Господь всяческих непрестанно сопутствовал им и облегчал для них труды странствия, то и из одного простого описания путешествия их можно извлечь великую пользу. Когда Лаван, сказано, отправился в дом свой, *Иаков иде в путь свой, и воззрев, виде полк Божий вооположившийся: и сретоша его ангели Божии.* Поелику прекратился и уже миновал страх его перед Лаваном, а место его заступил страх перед братом, то человеколюбец Господь, желая ободрить праведника и рассеять всю его боязнь, даровал ему узреть полк ангелов. *Сретоша его,* сказано, *ангели Божии* и *рече Иаков: полк Божий сей, и прозва имя месту тому: Полки* (ст. 2), чтобы это наименование служило постоянным напоминанием о бывшем ему там видении. После же видения, *посла,* сказано, *пред собою послы ко Исаву брату своему, и заповеда, глаголя: тако рцыте господину моему Исаву* (ст. 3, 4). Посмотри, какой был страх у праведника и после видения. Он страшился раздражения брата, беспокоился о том, не возбудит ли (брата) память о прежних его поступках к нападению на него. *Рцыте,* говорит, *господину моему Исаву: тако глаголет раб твой Иаков: у Лавана обитал и умедлих даже доныне. И быша ми волове, и ослы, и овцы, и раби, и рабыни: и послах господину моему Исаву, дабы обрел раб твой благодать пред тобою* (ст. 4, 5). Смотри, как он боялся брата, и потому, желая расположить его к себе, предварительно посылает к нему с известием о своем возвращении, и о бывшем у него имуществе, и о том, где он провел все

прошедшее время, чтобы таким образом смягчить гнев его и сделать его кротким. Это и произошло, потому что Бог умирил его сердце, угасил гнев его и внушил ему кротость. Если Лавана привели в такой страх слова, сказанные ему (Богом), Лавана, который так стремительно преследовал Иакова, то тем более нужно было расположить брата к кротости в отнощении к праведнику. Обратишася же *глаголюще: ходихом к брату твоему, и идет во сретение тебе, и четыриста мужей с ним* (ст. 6). Вот и это самое еще увеличивало страх праведника. Ведь он не знал в точности намерения брата, и узнав о множестве людей, находившихся с ним, испугался, подозревая, не к войне ли с ним приготовившись, он хочет сделать такую встречу. *Убояся же Иаков, и в недоумении бе* (ст. 7). Страх возмущал его душу; он не знал, что делать и был в большом затруднении. Поэтому, как объятый совершенно страхом и видя перед глазами смерть, он разделяет *на два полка весь бывший с ним народ, сказав: аще приидет на един полк, и изсечет и будет вторый во спасение* (ст. 7, 8). Вот что внушил ему страх и сильное спасение. Видя себя как бы впавшим в сети, он прибегает к непреоборимому Господу и просит Бога всяческих об исполнении данных ему обетований, как бы так говоря: ныне настало время, когда, и ради добродетелей предков и данного Тобой обетования, да буду удостоен получить всю (Твою) помощь. *Рече бо Иаков: Бог отца моего Авраама, и Бог отца моего Исаака,* Ты, говорит, *Боже, рекий ми: иди в землю рождения твоего* (ст. 9). Ты, говорит, вызвавший меня из страны чужой и повелевший мне возвратиться к отцу своему, в землю рождения моего: *довлеет ми от всея правды, и от истины, тоже сотворил еси рабу твоему* (ст. 10). Яви, говорит, помощь, соответствующую настоящему времени; оказывавший доныне мне столь великое попечение, Ты силен и теперь исторгнуть меня из угрожающих мне опасностей. Я помню, что *с жезлом сим преидох Иордан сей: ныне же,*

по Твоему о мне промышлению, я, некогда имевший один жезл, при отправлении в страну чужую, *ныне* я пришел *с двумя полками* (ст. 10). Итак, Ты, Господи, даровавший мне такое благопоспешение, столько умноживший достояние мое, Ты *изми мя ныне от руки брата моего Исава: яко боюся аз его, да не когда убиет мя и матерь с чады. Ты рекл еси: благо тебе сотворю, и положу семя твое, яко песок морский, и не изочтется от множества* (ст. 11–13).

2. Заметь боголюбивое чувство и глубокую признательность праведника в том, как он ничего другого не просит у Господа, кроме исполнения собственных Его обетовании. Воздавая Богу благодарение за прежние Его милости, и исповедуя, что Он из наготы и нищеты привел его в такое благосостояние, ныне молит (Бога) избавить его от опасности. *Ты* бо *рекл еси*, говорит, *положу семя твое, яко песок морский, иже не сочтется.* Обращаясь к Господу с таким прошением и, вознося к Нему такое моление, употребляет и со своей стороны нужные меры. *И взявши,* сказано, *дары из того, что имел при себе, послал брату,* разделив посылаемое и дав наставление о том, как и самими словами расположить брата и известить его о своем прибытии. *Рцыте*, говорит, *се раб твой идет за нами* (ст. 20), чтобы, то есть, сперва расположить к себе (брата), а потом уже лично встретиться с ним. *По сем*, говорит, *узрю лице его: негли бо приимет, лице мое. И предидяху дары, пред лицем его* (ст. 20, 21). Здесь опять примечай неизреченное человеколюбие Божие и то, как, всегда сообразно с обстоятельствами, Он являет Свое промышление. Так относительно Лавана, когда праведник еще ничего и не подозревал, и не знал, что Лаван, в отмщение праведнику за тайное его удаление, намеревается с яростью напасть на него, – тогда Бог, явившись Лавану, обуздывает порыв гнева его, и повелевает ему ничем, даже словом, не оскорблять Иакова. *Да не возглаголеши*, говорит, *Иакову зла*; и это сделал известным праведнику через того самого (Лавана), что-

бы, узнав столь великое о себе промышление, имел тем более бодрости духа. А теперь, когда брат успокоился вследствие продолжительности времени и перестал питать гнев и негодование на Иакова, а между тем этот беспокоился, страшась и трепеща встречи с братом, — благой Господь уже не дает особенных повелений Исаву, потому что Он не имел никаких умыслов против брата, а только утешает праведника. После того, как отправил посланных с дарами, он, преспав и востав, сказано, в ту ночь, перевел обеих жен и детей бродом Иавока. *И взя их, и прейде поток. Остася же Иаков един, и боряшеся с ним человек* (ст. 21—24). Велико человеколюбие Господне! Так как намеревался идти навстречу брату, то дабы он самым делом удостоверился, что не подвергнется никакой неприятности, (Господь) в образе человека вступает в борьбу с праведником, затем, видя себя побеждаемым, крепко взял, сказано, за *широту стегна его* (ст. 25). А все это делалось по снисхождению, чтобы изгнать из души праведника страх и побудить его идти навстречу брату без всякого опасения. Когда Он крепко взял, сказано, за *широту стегна, отерпе широта стегна Иаковля, егда боряшеся с ним.* Потом, чтобы праведник узнал силу Того, Кто видимо боролся с ним, Тот говорит ему: *отпусти мя: взыде бо заря* (ст. 26). Праведник, чувствуя величие силы изрекшего эти слова, говорит Ему: *не пущу тебе, аще не благословиши мене* (ст. 26). Великого, говорит, удостоился я, и превышающего мое достоинство поэтому не отпущу Тебя, пока не получу Твоего благословения. Потом спрашивает: *что имя* твое *есть* (ст. 27)? Заметь опять снисхождение. Неужели Он не знал имени праведника, если бы не спросил его? Конечно, знал; но через такой вопрос хотел только утвердить его в вере и показать, кто беседует с ним. Когда же (праведник) отвечал: *Иаков,* то (явившийся) сказал: *не прозовется ктому имя твое Иаков, но Исраиль будет имя твое: понеже укрепился еси с Богом, и с человеки силен будеши*

(ст. 28). Видишь, как (явившийся) показал всецело причину, по которой он оказал праведнику такое снисхождение; вместе с этим Он научает праведника, через приложение ему имени, и тому, кто — Тот, Кого он видел перед собой и удостоился осязать. *Не прозовется ктому*, говорит, *Иаков имя твое, но Исраиль*; слово же *Исраиль* значит: видящий Бога. Поелику ты удостоился видеть Бога, сколько возможно видеть человеку, то поэтому Я приложил тебе это наименование, чтобы все последующие роды знали, какого великого удостоился ты видения; и присовокупил: *понеже укрепился еси с Богом, и с человеки силен будеши*. Итак, ничего не бойся, и не ожидай никакого вреда себе от кого бы то ни было: получив силу такую, что и с Богом мог бороться, ты тем более будешь одолевать людей и сделаешься непобедимым.

3. Слыша это и пораженный величием Того, Кто беседовал с ним, праведник сказал: *повеждь ми имя твое. И рече: вскую вопрошаеши имени моего? И благослови* его (ст. 29). Держись, говорит, в назначенных тебе пределах и не преступай меры. Ты хочешь получить от Меня благословение? Вот Я даю тебе благословение. *И благослови его. И прозва Иаков имя месту тому: вид Божий. Видех бо Бога лицем к лицу, и спасеся душа моя* (ст. 30). Видишь, какое дерзновение получил он от бывшего (ему) видения. *Спасеся*, говорит, *душа моя*, почти как бы умиравшая от страха. Поелику удостоился видеть Бога лицом к лицу, то *спасеся душа моя. Возсия же ему солнце, егда прейде вид Божий* (ст. 31). Видишь ли, как Господь, снисходя к немощи человеческой, все творит и устрояет так, чтобы явить свое человеколюбие? И не дивись, возлюбленный, великости такого снисхождения: вспомни, что и праведному патриарху, когда он сидел у дуба, (Бог) явился в человеческом образе, в виде странника, с ангелами, предвозвещая нам изначала, что некогда Он действительно примет образ человека и через то, освобо-

див от власти диавола все человеческое естество, приведет его ко спасению.

Но тогда (во времена патриархальные), поелику было время начинания и предуготовления, Он являлся каждому (из праотцов) в видимом образе, и как Сам говорит через пророка: *аз видения умножих и в руках пророческих уподобился* (Ос. XII, 10). А когда благоволил Он принять зрак раба и сделаться нашим начатком, то облекся в плоть не в видении, не в образе, но поистине. Для того Он восхотел перейти через все наши состояния, — и родиться от жены, и быть младенцем, и обвиваться пеленами, и питаться молоком, и все прочее испытать, чтобы утвердить истину домостроительства и заградить уста еретиков. Для того Он и спит на корабле, и путешествует, и утомляется, и терпит все человеческое, чтобы самым делом всех удостоверить (в своем вочеловечении). Для того Он предстоит суду, и распинается на кресте, и подвергается самой позорной смерти, и полагается во гроб, чтобы дело домостроительства было явно для всех. А если Он не по истине принял нашу плоть, то и распят не был, и не умер, и не был погребен, и не воскрес; если же не воскрес, то все учение о домостроительстве ниспровергается. Видишь ли, в какую нелепость впадают люди, не хотящие следовать учению Божественного Писания, а все предоставляющие собственному разумению? Но как здесь очевидна действительность (воплощения), так праведнику тому (Иакову) (открыт) был только некоторый образ, через который надлежало его удостоверить в том, каким пользуется он промышлением свыше, и как будет он неодолим для всех, кто вздумает строить ему козни. А чтобы и от потомков не утаилось бывшее ему видение, *хромаше*, сказано, *стегном своим. Сего ради не ядят сынове Исраилевы жилы, яже отерпе, яже есть в широте стегна, даже до дне сего: понеже прикоснуся широте стегна Иаковля, еже и отерпе* (ст. 31 и 32). Так как праведник,

по исполнении времени своей жизни, должен был переселиться от сего мира, а Божие о нем попечение и столь великое снисхождение должно было сделаться известно всему роду человеческому, то поэтому и сказано: *не ядят сынове, Исраилевы жилы в широте стегна, яже отерпе.* Зная крайнюю неблагодарность их (евреев), зная, как легко забывают они благодеяния Божии, заботясь поэтому о том, чтобы они постоянно помнили оказанные им благодеяния, Он устроил так, чтобы они сохраняли память (о них) через такие установления (или – обычаи); это можно найти во всем Писании. Причиной большей части установлений служит особенно то намерение, чтобы последующие поколения непрестанно размышляли о Божиих благодеяниях и чтобы через забвение о них не возвращались снова к своим заблуждениям, что было очень обыкновенно в народе иудейском. Этот народ, так часто показывавший свою неблагодарность за самые благодеяния, тем скорее, без таких установлений, мог выкинуть из своего ума все, что сделано для него Богом. Но посмотрим однако, как происходила встреча Иакова с братом его. Так как он из совершившихся событий почерпнул довольно утешения и получил обетование, что будет силен и крепок с людьми, то, *воззрев,* сказано, *виде: и се Исав брат его, и четыреста мужей с ним: и раздели Иаков дети Лии и Рахили и двум рабыням. И поставив обе рабыни и сыны их в первых. Лию же и дети ея позади: а Рахиль и Иосифа в последних. Сам же изыде первее пред ними: и поклонися до земли седмижды, дондеже приближися к брату своему* (XXXIII, 1–4). Смотри, как, сделав разделение, он сам прежде всех идет на встречу. *И поклонися до земли седмижды, дондеже приближися к брату своему,* привлекая благосклонность к себе брата и видом и поклонением. Так и случилось; притекши бо, сказано, *Исав и объем его облобыза и припаде на выю его: и плакастася оба* (ст. 4).

4. Посмотри, какое промышление Божие! Что я вчера говорил, и теперь то скажу: когда Владыка всяческих хочет явить Свое о нас попечение, то и неприязненных к нам людей делает кротчайшими овец. Заметь, какую перемену обнаруживает в себе Исав. *Притече*, сказано, *во сретение ему, и, объемъ... облобыза: и плакастася оба.* Наконец-то праведник свободно вздохнул, бросил свой страх, и, освободившись от опасений, сделался смелее. *И воззрев Исав, виде жены и дети и рече: что сии тебе суть* (ст. 5)? Видя многочисленность братнего семейства, он удивился и изумился, а потому и захотел спросить. Что же праведник? *Это дети*, говорит, *ими же помилова Бог раба твоего* (ст. 5). Смотри, как велика была сила в его кротости, и как смирением в самых словах он смягчал гнев брата. *И приступиша рабыни и дети их, и поклонишася: и Лия и Рахиль... И рече: что сия тебе суть, полцы сии еси, яже сретох? Он же рече: да обрящет раб твой благодать пред тобою* (ст. 7 и 8).

Обрати внимание на то, как силой смиренномудрия покорил он брата, и в том, кто, по его мнению, питал к нему враждебные чувства, нашел столько кротости, что тот с своей стороны готов был оказать ему всякую услугу. Он сказал: *суть мне многа, брате: да будут тебе твоя* (ст. 9). Однако Иаков не остановился на этом, но желая показать, как много заботится о его расположении к себе, говорит: *аще обретох благодать пред тобою, прими дары от руку моею: сего ради видех лице твое, яко бы аще кто видел лице Божие* (ст. 10). Прими, говорит, приносимые тебе от меня дары, потому что с такой радостью увидел я лицо твое, как если бы увидел кто лицо Божие. Праведник сказал это из особенного угождения, чтобы смягчить его и расположить к братской любви. *И возблаговолиши о мне,* то есть сделаешь угодное мне. *Приими же благословение, еже принесох тебе: яко помилова мя Бог, и суть ми вся* (ст. 11). Не откажись, говорит, принять это; все это даровано мне Богом; Он — податель

всего, что имею. Через это Иаков незаметно давал ему понять, какого удостаивается он Божественного промышления, и располагал его к тому, чтобы он оказывал ему большое уважение. *И принуди его и взя.* Видишь, какая последовала перемена. *И рече Исав: воставше пойдем прямо* (ст. 12), то есть будем совершать путешествие вместе. Но (Иаков), найдя благовидный предлог, просит: *господин мой,* говорит, *весть, яко дети мои юны, овцы же и говяда бременны: аще убо пожену я един день, измрет весь скот* (ст. 13); я не могу, говорит, спешить в путешествии; я принужден идти тихо и понемногу ради детей и стад, чтобы большим трудом не причинить им вреда. Итак, иди ты, говорит; а я, разделив на части труд детей и стад, настигну тебя в Сиире. Выслушав это, брат сказал: если хочешь, *я оставлю с тобою от людей сущих со мною* (ст. 15), — показывая этим свое уважение и услужливость. Но (Иаков) и этого не принял. *Довлеет мне,* говорит, яко совершенно *обретох благодать пред тобою.* Я об одном всего более заботился, чтобы приобрести твою благосклонность; когда я достиг этого, то ни в чем более не нуждаюсь. *И востав,* сказано, *Иаков, постави себе храмины, и скоту своему сотвори кущи: сего ради нарече имя месту тому: Кущи* (ст. 17).

5. Слыша это, будем подражать этому праведнику и оказывать такое же смиренномудрие. И если кто будет находиться в неприятных к нам отношениях, не станем еще более воспламенять его нерасположения, а кротостью и смирением в словах и делах будем умирять вражду и таким образом врачевать озлобленную душу. Смотри, какова была мудрость этого праведника, — как он сильным действием слов своих до того смягчил сердце Исава, что тот готов был оказывать ему услуги и исполнить все для чести его. И поистине то составляет величайшую добродетель, когда не тех только мы любим и не тем только всячески угождаем, которые искренне к нам расположены, но когда и людей, желающих вре-

дить нам, к себе привлекаем ласковостью. Нет ничего могущественнее кротости. Как вылитая вода гасит сильно горящее пламя, так и слово, сказанное с кротостью, утишает гнев, воспламененный сильнее огня в печи» — вследствие чего происходит двоякая для нас польза: этим и сами мы обнаруживаем в себе кротость, и успокоив раздраженный дух брата, спасаем от потрясения его рассудок. Да и скажи, пожалуй: не порицаешь ли ты, не осуждаешь ли гневающегося, враждебно к тебе расположенного брата? Почему же не стараешься сам поступать иначе, а еще более раздражаешься? Ведь огонь нельзя погасить огнем: это неестественно. Также и гнева ни в каком случае невозможно укротить гневом. Что для огня — вода, то для гнева кротость и ласковость. Поэтому-то и Христос сказал ученикам: *аще любите любящия вас, кую мзду имате* (Мф. V, 46)? И желая убедить примером и подействовать на людей беспечных, присовокупил: *не и мытари ли тожде творят?* То есть и из беспечных кого ни возьми, не то же ли они делают? Не то же ли делают с усердием и самые мытари? Что хуже мытаря? Однако ты найдешь, что и у мытарей это совершенно исполняется; да и невозможно, чтобы и любимый не любил (любящего его). А я, желая, чтобы вы были выше и имели нечто большее, не это только внушаю вам, но хочу, чтобы вы любили и врагов. Так и этот блаженный (Иаков, живший) прежде закона, прежде всякого наставления от других, по внутреннему движению, чрезвычайной своей кротостью сперва победил Лавана, а теперь и брата. Если он пользовался и помощью свыше, то наперед однако показал и собственное усилие. Так и мы должны быть уверены, что, сколько бы ни усиливались, никогда и ничего не можем совершить, если не будем пользоваться содействием свыше. Но как, без высшей помощи, мы не в силах сделать ничего, как должно, так, с другой стороны, без прилежания от себя собственных усилий,

не можем удостоиться и вышней помощи. Поэтому будем и со своей стороны прилагать старание и приобретать вышнее попечение, чтобы и нашим старанием, и человеколюбием Божиим, добродетели наши со дня на день умножались, и мы приобретали таким образом благоволение свыше, чего да возможем достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIX

И прииде Иаков в Салим, град Сикимск, и купи часть села у Еммора, отца Сихемля, стома агнцы. И постави тамо жертвенник, и призва Бога Исраилева (Быт. XXXIII, 18—20)

1. Вчера видели вы и безмерное человеколюбие общего всех Господа, и любомудрие учеников, и неразумие иудеев; видели, с каким незлобием обуздал Он бесстыдную дерзость их, оправдывая Своих учеников, и показал, что сами они, думая защитить закон, не знают и цели закона и, когда уже воссияла истина, хотят еще сидеть в тени; видели, как Он с самого начала старался уничтожить законнические притязания*, вразумляя иудеев, что, по явлению солнца правды, уже не может иметь силы сияние светильника, потому что блеск сол-

* Это указание святого Златоуста не относится к предыдущей беседе на книгу Бытия, имеющей совсем иное содержание; потому надобно разуметь здесь особую беседу, отдельно им произнесенную. Предметом этой беседы, не дошедшей до настоящего времени по замечанию издателей Патрологии Миня (Series gr. t. LIV, p. 513), служило, как можно думать, объяснение евангельского повествования об апостолах, срывавших колосья в субботний день и обвинявшихся фарисеями в нарушении закона (Мф. XII; Лк. VI).

нечного света закрывает его и делает ненужным. Вы понимаете, как можно всегда праздновать и быть свободным от наблюдения времен. Для того и пришел Господь наш, чтобы освободить нас от необходимости (соблюдать) известные времена и направить нас к высшим стремлениям, чтобы мы имели отечество на небе, будучи людьми, подражали жизни ангелов и презирали все дела человеческие. Но теперь, если угодно, возвратимся к продолжению прежде прочитанного из слов блаженного Моисея, и из этого предложим вам трапезу. Помните, что мы остановили беседу на том, как Иаков, прибыв из Месопотамии и встретившись со своим братом, потом отделившись от него, когда Исав направился в Сиир, поставил кущи на том месте, которое по этому случаю назвал Кущами. Обращаясь затем к дальнейшим событиям, мы должны, по мере сил наших, преподать вам духовное назидание. Достигнув наконец безопасности и освободившись от всякого беспокойства, *прииде,* сказано, *во град Сикимск, и купи часть села у Еммора, отца Сихемля, стома агнцы. И постави тамо жертвенник, и призва Бога Исраилева.* Не пройдем без внимания того, что заключено в этом Божественном Писании. Если люди, выкапывающие из земли частицы золота, переносят всякий труд и преодолевают всякие трудности, чтобы отделить золото от земли, тем более нужно нам углубляться в изречения Духа, и, извлекая из них пользу, выходить отсюда. Итак, прошу, размысли о любомудрии этого дивного мужа, как он, пользуясь столь великой помощью свыше и видя возрастание своего имущества, то есть стад, имея такое число детей, не стал заниматься строением красивых зданий, покупкой полей и селений, которых было бы довольно для раздела детям. А за этим и тому подобным как гоняются наши современники! Иной, имея и одного сына, старается собрать тысячи талантов золота, покупает земли, строит великолепные здания. И пусть бы такое богатство

собирал праведными трудами, без обиды для других. Но тяжело и особенно ужасно то, что присваивают себе чужое имущество, похищая у других, обманывая, заводя тяжбы. Если кто спросит, для чего эта безумная страсть к деньгам, то укажет тотчас на сына: все это делается, скажет, из попечения о нем. Но этот, хотя напрасно и тщетно, успокаивает свою совесть, по крайней мере, указанием на сына; а есть и такие, которые, не имея детей, неистово стремятся собирать деньги, и тысячи раз лучше согласились бы вытерпеть невыносимые бедствия, чем уделить хотя один овол нуждающемуся. Напротив, этот праведник (Иаков) не имел в виду ничего подобного и не думал о том. Даже когда нужно было ему приобрести небольшое поле, он купил часть поля у Еммора, отца Сихемова, за сто агнцев. И заметь благочестие этого мужа, и ради чего он старался приобрести поле. *И постави тамо*, сказано, *жертвенник, и призва Бога Израилева.* Часть поля купил он не для чего иного, а для того, чтобы вознести там благодарственные жертвы общему всех Господу. Этому праведнику, жившему прежде закона, должны бы подражать и живущие под благодатью, а не бесноваться так в собирании богатства. Для чего, скажи мне, ты и себе собираешь такое бремя терний, и своим детям, сам не замечая того, оставляешь и предмет и повод к всякому злу? Или не знаешь, что (Господь) больше, о чем ты, печется о твоем сыне; а ты, думая иметь о нем наибольшее попечение, стараешься между тем устроить для него повод к тому, чтобы погубить его душу?

Или не знаешь, что юность и сама по себе слаба и удобопреклонна к злу; а когда получит еще большое богатство, то еще стремительнее увлекается ко всему худому? Как огонь, найдя горючее вещество, производит сильнейшее пламя, так и юность, получив кучу денег, как удобовозгораемое вещество, возжигает такое пламя, что вся душа юноши воспламеняется. Такой юноша

может ли думать о целомудрии, убегать невоздержания, предпринимать какие-либо подвиги добродетели, или что-либо другое духовное?

2. Не слышишь ли, что говорит Христос: *печаль века сего и лесть богатства подавляет слово, и без плода бывает* (Мф. XIII, 22), – что и назвал Он тернием? Сказав, что одно семя пало в терние, и изъясняя ученикам, что такое терние, Господь говорит: *печаль века сего и лесть богатства подавляет слово, и без плода бывает.* И хорошо заботы века сего уподобил Он тернию: как терние не позволяет всходить семени, но своей густотой заглушает посев, так и житейские заботы не позволяют приносить плод духовному семени, когда оно положено в душу, а, подобно тернию, заглушают и истребляют его, не позволяя прозябать духовному сеянию. *И лесть богатства,* говорит: хорошо приписывает Он и богатству обольщение, потому что оно в самом деле обман. Что пользы в таком множестве талантов, в таком избытке денег? «Да приобретение их, говорят, доставляет много удовольствия»! Какое же удовольствие? Что говорит об удовольствии? Не производит ли это особенно безвременные скорби и разнообразные неприятности? Не говорю уже об угрожающем за это наказании; и в настоящей жизни это дело (любостяжание) не может доставить никакого удовольствия, а сопровождается ежедневными тревогами и неприятностями. Не так море вздымается волнами, как такая душа обуревается помыслами и страстями, и ко всем, своим и чужим, питает неприязнь. А если кто лишится хотя некоторой части своего богатства (а много бывает разных случаев, много коварства рабов и притеснения людей властных), вот тогда-то именно увидишь, что жизнь для них становится невыносимой. Каких же слез достойны такие люди, которые стараются все делать вопреки своей пользе и хотят собирать это ко вреду своей души! Но, если угодно, оставим их и, возвратившись

к повествованию о праведнике, посмотрим, что последовало далее. *Постави*, сказано, *жертвенник* на части поля, *и призва Бога Исраилева*; а затем он хотел устроить в Сихеме жилище. Но посмотри опять, как праведник и здесь выказал свою кротость. Что случилось? *Изыде Дина, дщи Лиина, позлати дщери обитателей. И видев ю Сихем, сын Еморов, бысть с нею; и возлюби девицу, и глагола к ней по мысли девицы* (XXXIV, 1–3). Видишь, какое зло юность, когда ее не обуздывает благочестивый ум? Лишь увидел, говорит, девицу и, от одного взгляда весь объятый страстью любви, привел в исполнение свое вожделение. *И глагола к ней по мысли девицы.* Что это значит? Так как девица была молода, то он говорил ей то, что могло увлечь и уловить ее. И говорит своему отцу: *пойми мне отроковицу сию в жену* (ст. 4). Иаков услышал о случившемся, и пока с кротостью переносил это, ожидая прихода братьев Дины, которые пасли стада. *Премолча же*, сказано, *Иаков, дондеже приити им* (ст. 5). Когда же пришел Емор к Иакову, – пришли и братья Дины, и, услышав о случившемся с сестрой их, *смутишася* (ст. 7). Что значит: *смутишася*! Были опечалены, им казалось это нестерпимым, совершенно непереносимым, и было причиной их скорби. *Жалостно бо им бысть зело, яко нелепо сотвори во Исраили* (Сихем), *быв со дщерию Иаковлею* (ст. 7). Видишь целомудрие детей (Иакова)? Они считали это дело величайшим оскорблением. Видишь, как праведник воспитывал своих детей для добродетели; а сын Емора, исполнив свое вожделение, стал причиной гибели своего отца и всего города? Но прежде выслушаем, что говорил им Емор; а потом вы узнаете о хитрости братьев Дины, как они старались отомстить за бесчестье сестры своей. *И рече им Емор, глаголя: Сихем, сын мой, избра душею дщерь вашу* (ст. 8). Заметь, как он сам уже предвещает ожидающую его погибель. *Избра душею*, говорит он, то есть отдал душу свою за дочь вашу. Он говорил так, выражая любовь сына своего

к девице, но вскоре убедился, что эта любовь будет причиной гибели и его самого и всех живших там. Так как Сихем пламенеет любовью к девице, то *дадите ю*, говорит, *в жену ему. И сосватайтеся с нами: дщери ваша дадите нам, и дщери наша поймите сыновом своим. И у нас населитеся: и се земля пространна пред вами: населитеся и куплю дейте на ней и притяжите на ней* (ст. 9, 10). Смотри, какую благосклонность отец, по любви к сыну, оказывает пришельцам, как старается привлечь их к себе, отдавая во власть их свою землю. Так поступал отец. А сын, видя такую заботливость о себе отца, видя, что он все готов сделать, чтобы исполнить желание сына, присоединяет нечто и от себя, и говорит Иакову и братьям девицы: *да обрящу благодать пред вами: и еже аще речете, дадим. Умножите вено, и дам, якоже речете ми: и даст ми отроковицу сию в жену* (ст. 11, 12). Видишь ли, как и отец, по заботливости о сыне, употребляет усильные убеждения, и юноша с готовностью решается на все, чтобы только получить отроковицу?

3. Эта-то пагубная страсть побуждает человека, порабощенного ею, решаться на все, пока низведет его до дна адова. И заметь: старец Иаков, слыша это (вышеприведенные слова Емора и Сихема), молчит, по своей обычной кротости ничего не говорит и терпеливо переносит сделанное его дочери насилие. Но сыны Иакова отвечали Сихему и Емору, отцу его, *с лестию*, как сказано в Писании, *и глаголаша к ним, яко оскверниша сестру их* (ст. 13). Смотри, как через невоздержание одного подвергаются бедам все жители того города. Как в то время, когда пылает пламя, подвергаются и находящиеся вблизи опасности, потому что огонь все пожирает, — так и теперь невоздержание юности губит не только отца, но и всех жителей города. Что же дети Иакова? Они отвечают с хитростью. Это стоит внимания; вы увидите, как болезновали они о сестре. *Рекоста им*, сказано, *Симеон и Левий, братия Динины,*

сынове Лии: не возможем сотворити глагола сего, дати сестру нашу человеку, иже имать крайнюю плоть необрезанну. Итак, если обрежете крайнюю плоть вашу, *дадим дщери наши вам, и от дщерей ваших поймем, и будем, яко един род* (ст. 14–16). Такое предложение было благовидно и сообразно, но оно было сделано *с лестию,* как говорит Писание; и если не хотите, сказано, этого сделать, *поимше дщерь нашу, отыдем* (ст. 17). Это предлагали Симеон и Левий, замышляя убить всех жителей того места. А те, имея в виду предмета своего домогательства, желая получить девицу, приняли сказанное и согласились на это предложение. *И угодна быша словеса пред* ними, *и не промедли юноша сотворити глагол сей: любяше бо дщерь Иаковлю* (ст. 18, 19), то есть он весь отдался страсти к девице. Прийдя к воротам (своего города), он и отец стали говорить жителям его и советовать им всем принять обрезание по предложению сынов Иакова, и принять их к себе в сожительство (ст. 20). Жители немедленно исполнили слова Емора и Сихема, и все вдруг положили на теле своем знак обрезания. А Симеон и Левий, узнав об этом, решились привести в дело свой замысел против них. *И взявши,* сказано, *кийждо свой меч, внидоша во град безопасно* (ст. 25). Что значит: *безопасно?* То, что хотя они вдвоем выступили против такого множества, но большую безопасность им доставляло то, что все они лежали, как раненые. Чтобы объяснить нам это, Божественное Писание замечает: *бысть же в третий день, егда бяху в болезни.* Это обстоятельство давало безопасность Симеону и Левию, и их двоих делало сильнее многих. *И изсекоша весь мужеск пол,* то есть всех мужей, лежавших в болезни обрезания и, так сказать, уже приготовленных к убиению. Между другими напали и на юношу, который оскорбил сестру их; но не удовольствовавшись таким мщением, захватили и овец и весь скот их, и всех детей и, вместе с людьми истребив город, возвратились. Видишь, возлюбленный, какое зло произвело безрассудство одного юно-

ши? Видишь, какую гибель принесло оно всем жителям города? Зная это, будем удерживать порывы наших детей, и то страхом, то убеждениями будем обуздывать юность. Будем заботиться о целомудрии их; все будем делать и устроять так, чтобы юношеский возраст мог избегнуть неуместных пожеланий. Для того общий всех Господь, зная немощь человеческого естества, и установил брак, чтобы удалить нас от беззаконного смешения.

Итак, не будем оставлять юношей без попечения; но, зная горящий в них огонь, позаботимся сочетать их браком, по закону Божию, прежде, чем они предадутся невоздержанию; пусть и чувства целомудрия у них сохранятся и не потерпят они вреда от необузданности, имея достаточное утешение и будучи в состоянии обуздывать плотские похоти и избегать наказания. Но посмотрим, как подействовал на старца поступок сынов его. *Рече же Иаков*: вы, Симеон и Левий, *ненавистна мя сотвористе, яко злу мне быти живущим на земли* (ст. 30). Для чего, говорит, совершили вы такое мщение? Поступок ваш возбудит против меня величайшую ненависть всех жителей этой земли. Потом, обнаруживая страх, в который он приведен был, прибавляет: *аз же мал есмь числом. И собравшеся на мя, изсекут мя, и истреблен буду* (ст. 30). Как бы так говорил: разве не знаете, что нас немного и мы сами легко можем потерпеть то же самое, что решились вы сделать им. И как Сихем стал причиной такой гибели для отца и для всех жителей города, так и вы — для меня. Из-за вас и я сделаюсь ненавистным, и ничто не помешает им за вашу дерзость убить и меня. *Они же рекоша: аки блудницу ли возъмеют сестру нашу* (ст. 31)? Итак, сыны Иакова совершили мщение по чувству целомудрия; они оправдываются перед отцом, и говорят: жители посрамили нас; они поступили с сестрой нашей, можно сказать, как с блудницей. Мы вынуждены были поступить так для того, чтобы и другим впредь был урок — не позволять себе такой дерзости.

4. Но обрати внимание и здесь на неизреченное попечение Божие о праведнике. Видя, что вследствие поступка сыновей он боится оставаться здесь, *рече Бог: востав, взыди на место Вефиль: и живи тамо* (XXXV, 1). Ты боишься живущих здесь; удались отсюда, и живи в Вефиле, *и сотвори тамо жертвенник* Господу, *явльшемуся тебе, егда бежал еси от лица Исава, брата твоего.* И сказал *Иаков дому своему, и всем иже с ним: поверзите боги чуждыя от среды вас, и очиститеся, и измените ризы своя. И воставше взыдем в Вефиль, и сотворим тамо жертвенник* Господу, *послушавшему мене в день скорби, иже бе со мною и спасе мя на пути, в оньже ходих* (ст. 2, 3). Заметь и послушание и благочестие праведника. Лишь только услышал он: *взыди в Вефиль, сотвори жертвенник,* — тотчас, созвав всех своих домашних, говорит им: *поверзите боги.* Каких же богов, спросит кто-нибудь? Ведь никогда не видно было, чтобы у него были какие-либо боги: праведник искони, с самого начала, был благочестив. Но, может быть, он разумел богов Лавановых, взятых Рахилью, и потому сказал: так как мы должны принести благодарственные жертвы Богу истинному, всегда являющему мне Свое заступление, то бросьте идолов, если какие есть у вас; *очиститеся и измените ризы своя,* и так направимся к городу; очистив себя совне и внутри, так пойдете; показывая чистоту не светлыми только одеждами, но, очистив помыслы душевные уничтожением идолов, мы взойдем к Вефилю. *И вдаша,* сказано, *Иакову боги чуждыя* (так как не были их) *и усерязи, яже во ушесах их*; может быть, и это были какие-нибудь знаки (символы) идольские, а потому и их вместе с идолами принесли к Иакову. *И скры я под теревинфом, иже в Сикимех: и погуби я до днешняго дне* (ст. 4). Скрыл их, сказано, и истребил, чтобы и сами рабы заблуждения избегли заблуждения, и никто другой не получил от них вреда. Сделав все это, праведник *воздвижеся от Сикимов* и направился к Вефилю. Но посмотри опять, какое было о нем попечение Божие, и как ясно все это раскрывает нам Писание. Когда праведник вышел из Сихе-

ма, *бысть*, сказано, *страх Божий на градех, иже окрест их; и не гнаша вслед сынов Исраилевых* (ст. 5). Видишь, какое промышление, и как очевидна была помощь Божия? Напал на жителей страх и они не преследовали их. Так как этого именно опасался праведник и говорил: *аз есмь мал числом и истреблен буду*, то и напал на жителей страх, как замечает Писание, *и не гнаша вслед их*. Так, когда Бог благоволит оказать Свою помощь, то и слабых делает крепче сильных, и малочисленных сильнее многочисленных, и нет блаженнее человека, приобревшего помощь свыше. И отыде *Иаков в Лузу, иже есть в земли Хананстей, иже есть Вефиль*, и *вси людие, иже бяху с ним* (ст. 6). *И созда тамо жертвенник, и прозва имя месту Вефиль: тамо бо явися ему Бог, егда бежаше он от лица брата своего Исава* (ст. 7). Прибыв, сказано, в Вефиль, он сделал то, что было повелено: построив жертвенник, назвал имя этого места *Вефиль. Умре же Деворра, доилица Ревеккина, и погребоша ю ниже Вефиля, под дубом: и прозва* Иаков *имя ему дуб плача* (ст. 8). Видишь, что он всегда давал местам имена по случившимся на них событиям, чтобы память о них постоянно сохранялась. Но каким образом, спросит кто-нибудь, кормилица Ревекки могла находиться с Иаковом, когда он только что возвратился из Месопотамии, и еще не встречался с отцом? На это можем отвечать так, что она, вероятно, пожелала сопутствовать Иакову, при удалении его от Лавана, чтобы увидеть Ревекку после долговременной разлуки; однако, еще не увидев ее, кончила там свою жизнь.

5. Здесь, если хотите, и мы окончим свое слово, удовольствовавшись тем, что сказано. Но убеждаем любовь вашу позаботиться и о собственной вашей добродетели, и о целомудрии юношей. Отсюда-то рождается, можно сказать, всякое зло. Худые навыки, усиливаясь с течением времени, производят такой вред, что люди, однажды предавшись разврату, уже не могут покориться никакому убеждению, и как пленники влекутся туда, куда направляет их диавол. Он, наконец, управляет ими,

и делает те гибельные внушения, которым юноши с удовольствием следуют, имея в виду только настоящее услаждение, и не думая о скорбях в будущем. Итак, умоляю вас, подавайте руку (помощи) детям, чтобы за их поступки и нам самим не подвергнуться наказанию. Разве не знаете, что потерпел старец Илий, не исправлявший надлежащим образом недостатки своих детей (см.: 1 Цар. IV, 18)? Когда болезнь требует разреза, а врач хочет излечить ее какой-нибудь мазью, то болезнь может сделаться неизлечимой, потому что не употреблено соответствующего врачевства. Подобным образом и тот старец, вместо того, чтобы действовать на своих детей мерами, соответственными их проступкам, допускал излишнюю кротость; потому и сам вместе с ними подвергся наказанию. Бойтесь этого примера, прошу вас; имея детей, будем заботиться о воспитании их. Вообще, пусть каждый из живущих вместе прилагает попечение о пользе ближнего и почитает ее величайшим приобретением для себя самого, чтобы всякий, руководимый к добродетели, мог и искушения зла избегнуть, и достигнув добродетели, приобретать великое благоволение свыше, которого да возможем достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, и Святому Духу, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LX

И создав жертвенник, прозва имя месту — Вефиль: тамо бо явися ему Бог, егда бежаше он от лица Исава брата своего (Быт. XXXV, 7)

1. Если угодно, и сегодня обратившись к продолжению прежде нам прочитанного, предложим вам поучение из последующего повествования (Писания). История об Иакове и сегодня может достаточно показать то,

сколь велико было о нем промышление Божие, и как укреплял его Бог Своими обетованиями, вознаграждая его благомыслие. В предыдущем сказании (Божественное Писание) повествовало нам, как Иаков, по повелению Божию, оставив Сихем, по поводу поступка своих сыновей, удалился в Лузу. И *создав,* продолжает Писание, *жертвенник, прозва имя месту — Вефиль: тамо бо явися ему Бог, егда бежаше он от лица Исава брата своего.* Повелев это праведнику и избавив его от страха, в каком он находился по случаю умерщвления сихемлян, — Бог, как сказано, навел на жителей тех городов такой страх, что они не стали преследовать Иакова. Посмотри же, как велико было о нем промышление Божие, и какое попечение о нем имел Бог! Бог поразил страхом души жителей тех городов, чтобы они не погнались вслед его. Вероятно, они хотели отомстить за сихемлян. Но так как это совершилось без воли праведника, и Симеон и Левий поступили так, мстя за оскорбленное целомудрие своей сестры, то (Бог) не только самого Иакова и сыновей его избавляет от мучений страха, но, и на жителей страны наведя страх, удержал их от преследования. Видите ли, как много значит пользоваться благоволением свыше! Когда Бог являет Свое благоволение к нам, тогда всякая печаль исчезает. Как праведнику Он дал смелость, так на тех навел страх. Как Владыка всего, Он все направляет, к чему хочет, и во всем являет Свою благоискусную премудрость. Нет сильнее человека, стяжавшего вышнюю помощь, как нет слабее человека, лишенного этой помощи. Вот этот праведник был немногочислен и весьма мал; но как он был охраняем Божественной десницей, то и дерзновение получил и козней (врагов) избежал. А жители городов тех и в большом множестве собирались, и обнаруживали единодушие в своих замыслах; но не имели сил ни одного из своих намерений исполнить на деле. *Бысть,* сказано, *страх Божий на градех, иже окрест их* (ст. 5). Итак, когда

праведник освободился и от своего страха и от туземцев, вот опять Бог являет, в отношении к нему, Свое преизбыточествующее человеколюбие. *Явися*, сказано, ему *Бог еще сущу в Лузе* (ст. 9). Почему прибавлено: *еще*? Не просто, а потому, что Он уже прежде являлся ему в этом месте, когда он, бежав от брата, направлял свой путь в Месопотамию. Поэтому и сказано теперь: как тогда Бог явился ему, при его отшествии отсюда, так и ныне является ему в том же месте, по возвращении его, и подтверждает обетования, какие давал ему при его отбытии, предрасполагая праведника к тому, чтобы он твердо веровал обетованиям и не поколебался духом, до времени их исполнения. И *благослови его и рече ему: имя твое не прозовется ктому Иаков, но Исраиль будет имя тебе* (ст. 10). Хотя уже прежде (Бог) дал ему такое прозвание, когда праведник переходил через Иавок, однако и теперь, желая внушить праведнику еще большую уверенность (в Своих обетованиях), преподает ему то же благословение и говорит: *Исраиль прозовется имя твое: и расти и множися, и языцы и собрания языков будут от тебе, и царие из чресл твоих изыдут* (ст. 10, 11). Обрати внимание на величие благословения! (Бог) говорит, что не только он возрастет во множестве, но что от него произойдет славное потомство: *царие из чресл твоих изыдут*, говорит, предвещая этим самым величие имеющих произойти от него. *И землю*, говорит еще, *юже дах Аврааму и Исааку, тебе дах ю, и семени твоему по тебе дам землю сию* (ст. 12). Так как Иаков, по случаю известного поступка Симеона и Левия, говорил: *мал есмь числом, и собравшеся на мя изсекут мя, и истреблен буду аз и дом мой* (Быт. XXXIV, 30), и во всем показывал малодушие и великий страх, овладевший им, поэтому человеколюбивый Господь и говорит ему теперь: ты сказал: *мал есмь числом*; но знай, что семя твое умножится и распространится и так славно будет, что собрание народов и цари произойдут из него,

и не только не будешь ты истреблен, но ты и семя твое всю *землю сию* наследите. Дав ему такие обещания, *взыде*, сказано, *Бог от него, от места, идеже глагола с ним* (ст. 13). Посмотри, как Божественное Писание снисходит к нам (в образе выражений). *Взыде*, говорит оно, *Бог от него;* не для того (так говорит), чтобы мы представляли себе Божество ограниченным в каком-либо месте, но чтобы и в этом мы познали неизреченное человеколюбие Божие. И в таком образе повествования благодать Духа снисходит к человеческой немощи. Слова *взыде и сниде* недостойны Бога, но как употребление таких чувственных речений для нашего научения служит особенно свидетельством неизреченного Его человеколюбия, то (Божественное Писание) и употребляет человеческие выражения. Иначе невозможно было бы человеческому слуху вместить высоту слова, если бы нам говорено было соответственно величию Господа.

2. Имея это в мыслях, не будем останавливаться на простоте выражений; но подивимся неизреченной благости Господа и в той, что Он не отрекается оказывать такое снисхождение вследствие немощи естества нашего. Но посмотри, как праведник выражает собственную признательность. *И постави*, сказано, *Иаков столп каменный на месте, идеже глагола с ним Бог, и пожре на нем жертву, и возлия елей, и прозва имя месту тому, идеже глагола с ним, Вефиль* (ст. 14, 15). Смотри, как всегда этот праведник названиями мест увековечивает память (событий), чтобы и последующим родам известно было бывшее здесь праведнику видение. И *востав Иаков постави кущу свою далее столба Гадир* (ст. 16). Праведник снова отходит далее, чтобы мало-помалу дойти до места, где жил Исаак. Потом, *егда приближися приити в Евфрафу, Рахиль возбедствова в рождении. И бысть внегда жестоко ей родити, рече ей баба: дерзай, ибо сей тебе есть сын* (ст. 16, 17). Не унывай, говорит, ты родишь сына; хотя

и мучат тебя боли, но все-таки будешь иметь сына. *Бысть же, егда оставляйте ю душа, умираше бо, и прозва имя ему: сын болезни моея; отец же* его *прозва* его *Вениамин* (ст. 18). Мать дает младенцу имя по случившемуся с ней событию; а отец назвал его Вениамином. Рахиль после того, как родила сына, *умре*, сказано, *и погребоша ю на пути Евфрафы: сия есть Вифлеем. И постави Иаков столб на гробе* (ст. 19, 20). Скорбь о кончине Рахили облегчал новорожденный и располагал праведника благодушно переносить потерю Рахили. Но затем открывается безрассудство Рувима. *Иде*, сказано, *Рувим и спа с Валлою, наложницею отца своего. И слыша Исраиль, и зло явися пред ним* (ст. 22). Это было весьма преступное дело. Потому и впоследствии законодатель Моисей воспретил сыну и отцу иметь сожитие с одной и той же женщиной. Чтобы впоследствии не ввели этого в обычай, законодатель удерживает от него, объявляя такого повинным казни. Впрочем, теперь и это кротко перенес Иаков, побеждаемый естественною любовью. Впоследствии же, отходя от настоящей жизни, укорял сына, ясно изобразив преступление его и предав его проклятию, дабы через постигшую Рувима судьбу и прочие уцеломудрились. Далее блаженный Моисей исчисляет нам сынов Иакова, и своим повествованием снова поучает нас добродетелям праведника. Чтобы ты не подумал, будто Иаков без особенной причины, случайно, был в супружестве с Рахилью, Лией и двумя рабынями, Моисей показывает, что, повинуясь некоторому промышлению, имел сожительство с ними, чтобы именно произошли от него двенадцать колен. Поэтому Писание уже не упоминает о каком-либо другом, еще родившемся от него сыне, дабы показать, что не просто и не без цели так случилось. *Беша же*, сказано, *сынове Иаковли дванадесять*. Писание отделяет сынов Лии и сынов Рахили, а потом исчисляет и рожденных от рабынь, и говорит: *сии сынове Иаковли, иже родиша-*

ся ему в Месопотамии (ст. 26). Однако Вениамин родился тогда, когда (Иаков) спешил в Вифлеем: почему же Писание говорит так: *иже родишася ему в Месопотамии?* Может быть, Рахиль зачала его еще прежде удаления из Месопотамии. *И прииде Иаков к Исааку, отцу своему* (ст. 27). Посмотри и здесь, как человеколюбивый Бог хотел во всем удовлетворить праведных. Когда Иаков, после стольких лет разлуки, пришел к отцу, и когда было обоим великое утешение, и сыну от свидания с отцом, и отцу – от того, что видел такое во всем изобилие у сына и много детей; то тогда уже, говорит Писание, *умре Исаак стар и исполнь дней* (ст. 29). Если и в то время, когда Иаков похитил благословение, притуплено было, говорит, зрение очей его, почему он вдался в обман, то подумай, как он должен был состариться, спустя столько лет после того. *И погребоста его Исав и Иаков.* Но после погребения отца, *Исав, поя жены своя и сыны своя, и всех своих и вся, елика притяжа в земли Ханаанстей, и отыде. Не можаше* бо, сказано, *земля обитания вместити их от множества имений. И вселися* потом в горе *Огир* (Быт. XXXVI, 6–8). Рассказав нам о родившихся от Исава и о происшедших от него народах, Божественное Писание говорит: *вселися же Иаков в земли, идеже обита отец его в земли Ханаани* (XXXVII, 1). А отсюда начинается уже другое повествование о чудном Иосифе.

3. Здесь, если хотите, и окончим слово; историю же о сыне Иакова отложим до другой беседы. О том только попросим любовь вашу, чтобы вы тщательно внимали тому, о чем говорится, чтобы из всего, изложенного в Божественном Писании, извлекали наибольшую пользу, и ничего не оставляли без внимания. Слово Божие есть духовное сокровище. И как получивший из вещественного сокровища и один камень часто приобретает великое богатство, так и здесь добродетели праведных, если мы захотим быть внимательными, могут принести

столь великую нам пользу, что и в нас возбудится ревность к подражанию им. А таким образом, и мы можем удостоиться такого же, как и праведники, благоволения Божия. *Не на лица бо зрит Бог, но во всяком языце бояйся Его и делаяй правду приятен Ему есть* (Деян. X, 34), так что если захотим, ничто не воспрепятствует и нам получить такую же, или еще и большую, помощь свыше. Если Он увидит, что мы со своей стороны прилагаем все возможное старание и угодное Ему предпочитаем человеческому, то покажет и Сам такое о нас попечение, что мы сделаемся во всем непреоборимыми. Мы имеем врага постоянного, имеющего непримиримую к нам ненависть; потому мы должны быть неусыпны, чтобы побеждать козни его и стать выше стрел его. А победить мы не иначе можем, как если добродетельной жизнью приобретем себе содействие свыше. Лучший же образ жизни есть жизнь чистая. Это есть основание и корень добродетели. Кто твердо положит такое основание, тот уже легко препобедит все прочее: не одолеет его ни страсть к богатству, ни любовь к славе, ни зависть, ни какая-либо иная страсть. Как же это – скажу. У кого совесть чиста и свободна от всякого порока, в том будет обитать Сам Господь всяческих: *блажени*, сказано, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8). Когда же кто удостоится иметь Его в себе, будет находиться в таком состоянии, как только лишь облеченный телом, и ко всему человеческому будет показывать совершенное презрение. Все видимое явится такому человеку тенью и сном; как бы уже на небе имея пребывание, он не захочет ничего в настоящей жизни. Таков был Павел, учитель вселенной, почему восклицал он, говоря: или *искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (2 Кор. XIII, 3). И еще: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20). И еще: *а еже ныне живу во плоти, верою живу*. Видишь ли здесь мужа, облеченного телом, но о всем говорящего так, как будто имел жребий бесплотного существа?

4. Ему все поревнуем, будем умерщвлять члены плоти и сделаем их бездейственными для греха. Таким образом мы можем представить их Богу как благоугодную жертву. Ты видишь нечто новое и странное в такой жертве? Когда члены (плоти) становятся мертвыми, тогда наиболее они делаются удобоприемлемы для жертвы. Почему же и для чего? Потому что это жертва духовная и ничего чувственного не имеет. В жертве чувственной не только все мертвое отвергается, но даже и живое, как скоро имеет какую-нибудь порчу, никогда не может быть приятной жертвой. Так было узаконено изначала, и не просто, а для того, чтобы мы через такое наблюдение над бессловесными мало-помалу приводимы были к тому, чтобы приносить с таким же вниманием жертву духовную и разумную. Там — в чувственных жертвах — порча состоит, например, в отсутствии уха или хвоста (у животного); здесь (в жертве духовной) — в лукавстве, похоти, роскоши, сребролюбии и всяком грехе. Там — (от жертвенного животного требовалось) здоровое и чуждое всякой порчи состояние; здесь надобно сделаться мертвым для мира и таким образом приготовлять самого себя в духовную жертву. Не оставим этого без внимания, но, утвердив это в своей мысли, постараемся оказаться не хуже иудеев, показавших такую наблюдательность, когда они служили сени. Они, еще сидя при светильнике, имели такую осмотрительность в рассуждении своих жертв; мы, сподобившись озариться Солнцем правды и от сени будучи уже приведены к истине, покажем подобную же тщательность в отношении к жертве духовной. Не будем оставлять без внимания даже грехов, почитаемых малыми; но каждый день будем требовать от самих себя отчета и в словах и во взглядах, и подвергать себя наказанию, дабы избавиться наказания в будущем веке. Поэтому и Павел говорит: *аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждены были* (1 Кор. XI, 31), — так

что, если здесь будем судить самих себя в повседневных прегрешениях наших, то избавимся от строгости будущего суда. Если же нерадим, то *судими*, говорит Павел, *от Господа наказуемся*. Итак, наперед будем судить сами себя с полной искренностью, войдем в судилище совести, где нас никто не видит; так станем испытывать свои помыслы и произносить над собой суд правый, чтобы наш ум, страшась будущего суда, воздерживался от увлечений, обуздывал бы свои порывы и, представляя себе то недремлющее Око, заграждал вход к себе диаволу. Что мы страдаем от собственного нерадения, это очевидно показывает опыт. Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все его (диавола) козни; так, когда падаем (в грех), не от насилия его (диавола) терпим это, а от собственной беспечности. Он одолевает нас не силой и принуждением, а только обольщением. А в нашей власти – не увлекаться обольщением, если хотим только немного бодрствовать и трезвиться, не потому однако, чтобы мы сами по себе имели такую силу, но потому, что в таком случае мы удостаиваемся и помощи свыше. Когда мы со своей стороны покажем старание, тогда и от Господа все последует. Будем же, прошу, трезвиться, и, зная ухищрения лукавого, будем постоянно бодрствовать и молить Бога, чтобы Он подал нам Свою помощь в борьбе с диаволом. Таким образом мы сделаемся неодолимы, и избежим его ухищрений, и будем пользоваться помощью Божией, и вечных благ достигнем, что и да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXI

Сии же роди Иаковли: Иосиф бяше седминадесяти лет, пасый овцы (отца своего) с братиею своею (Быт. XXXVII, 2)

1. Опять хочу вести вас к обычной трапезе и, по порядку продолжая прежде сказанное, предложить вам духовную пищу из ныне читанного Писания. А прочитанного сегодня достаточно для того, чтобы научить всех нас, как вредна зависть и как эта пагубная страсть показала всю свою силу, простершись даже на родство. Но, чтобы наша беседа шла по порядку, надобно коснуться самого начала чтения. *Сии же*, говорит Писание, *роди Иаковли*. Посмотри, как дивный пророк (Моисей), обещав рассказать нам родословие Иакова, вдруг перешел к истории его сына. Сказав: *сии роди Иаковли* и оставив, как следовало бы по порядку, повествование о детях, рожденных от Иакова и потом далее происшедших от детей его (как это сделал и относительно Исава), он тотчас поспешил к Иосифу, юноше, почти последнему из всех братьев, и говорит: *Иосиф седминадесяти лет бе, пасый с братиею своею овцы*. Для чего он означает нам и число лет? Дабы научить тебя, что юность нисколько не может быть препятствием к добродетели, – чтобы вполне показать тебе и повиновение юноши отцу, и расположение к братьям, и их жестокость в том, как, несмотря все его расположение к ним и самый возраст его, способный возбуждать сочувствие к себе, они не сохранили братской любви, но с самого начала, замечая в нем наклонность к добродетели и любовь к нему отца, начали ему завидовать. *Принесоша же*, сказано, *на Иосифа злу клевету ко Исраилю отцу своему*. Смотри, какая злоба! Они замышляют и любовь отца поколебать, и на брата выдумывают то, чего не было, и этим сделали только то, что обнаружили свою зависть. Чтобы убедиться в том, что достигли только

обнаружения их скрытого намерения, посмотри: отец и после их клеветы любит сына и даже предпочитает всем его братьям. *Иаков же,* говорит Писание, *любляше Иосифа паче всех сынов своих, яко сын в старости ему бысть; и сотвори ему ризу пестру* (ст. 3). Что значит: *любляше Иосифа паче всех сынов своих, яко сын в старости ему бысть?* Так как Иосиф родился у него уже под конец и в самой старости, поэтому он и любил его более других. В самом деле, как под старость дети бывают вожделеннее, то более и привлекают к себе любовь родительскую. Но чтобы мы знали, что не это одно привлекало отца и побуждало предпочитать его братьям, Божественное Писание показывает нам, замечая, что после Иосифа родился еще другой сын. Если бы любовь следовала только естественному порядку (в каком родились сыновья), то последний сын был бы еще любезнее ему, потому что он подлинно был уже сын старости и родился тогда, когда праведник достиг уже последнего возраста жизни. Итак, что же сказать? То, что особенная благодать свыше делала юного сына возлюбленным отцу, и за душевные добродетели его возвышала перед всеми (братьями). А что он любил его потому, что был у него сын старости, эта причина указана в Писании для того, чтобы не вызвать явной зависти братьев*.

Это — опасная страсть; когда она овладевает душой, то не прежде оставляет ее, как доведет уже до последней степени безрассудства; уязвляя душу, в которой родилась, она представляет того, на кого обращена зависть, иначе, чем хочет; она еще более возвышает его

---

* Смысл такой: Иаков любил Иосифа преимущественно перед другими детьми за его добрые душевные свойства; но не открывал этой причины, а делал вид, что любит Иосифа более других детей потому, что Иосиф — сын его старости. В самом же деле Иаков опасался, чтобы еще более не возбудить зависти в братьях Иосифа, если бы явно показал, что Иосиф лучше их по душе, и потому лично заслуживает большей, чем они, любви.

славу, знатность и известность; а это еще новый, тягчайший удар завистнику. Посмотри здесь, как этот дивный юноша, ничего не зная о происходящем между братьями, обращается с ними, как с братьями, и, притом, как с единоутробными; он доверяет им во всем и говорит с большой простотой; а они, увлекаемые завистью, доходят и до ненависти к нему. *Видевше же,* сказано, *братия его, яко любит отец его паче всех сынов своих, возненавидеша его и не можаху глаголати к нему ничтоже мирно* (ст. 4). Смотри, до какой степени они начинают ненавидеть его, ничем их не оскорбившего. *И ничтоже можаху глаголати к нему мирно.* Что значит: *ничтоже можаху глаголати к нему мирно*? Так как страсть овладела ими, и ненависть с каждым днем возрастала, то они, как плененные и порабощенные этой страстью, начали с ним обращаться коварно, так что ничего не могли и говорить с ним спокойно. И заметь, что (Писание) указало и самый источник ненависти в том, что она произошла от зависти. *Видевше же,* сказано, *братия, яко отец любит его паче всех сынов своих.* Любовь отца возбудила зависть к Иосифу; но эту любовь привлекала к юноше добродетель его. Им надлежало бы соревновать брату, подражать его нраву, чтобы и самим снискать любовь отца; но, это им и на ум не приходило, – напротив, они все обнаруживали общую ненависть к брату, любимому отцом. И как враги, питая скрытую внутри злобу, не могли даже говорить с ним мирно, а обращались с ним коварно. Но этот чудный (юноша), сохраняя братскую любовь к ним, и не подозревая ничего, доверялся им, как братьям, и делал для них все что мог.

2. Эта именно страсть (зависть) в самом начале довела Каина до братоубийства. Как Иосифовы братья, за любовь, какую оказывал ему отец, стали его ненавидеть, умышлять против него зло и каждый день готовы были его убить, так и Каин, за то, что дары брата были более благоугодны Богу (чем дары его), решился убить брата,

и говорит ему: *пойдем на поле* (Быт. IV, 8). Видишь, что и этот (Авель) без всякого подозрения, во всем доверяя брату, идет с ним, и сверх всякого ожидания делается жертвой преступной руки. Также и дивный Иосиф, не зная о злоумышлении братьев, обходился с ними, как с братьями, и рассказывал им свои сны, в которых открывал ему Бог будущее величие его и подчинение ему братьев. *Видев же,* говорит Писание, *сон, поведа братии своей. И рече им: послушайте моего сна сего. Мнех* нас, *вяжущих снопы среди поля; и воста мой сноп, и ста прямо; ваши же снопы обратившеся поклонишася моему снопу. Реша же ему братия его: еда царствуя царствовати будеши над нами, или господствуя господствовати будеши над нами? И приложиша еще ненавидети его, снов ради его и ради слов его* (ст. 5–8). Что еще прежде явилась ненависть к нему, Писание предварительно объяснило нам для того, чтобы мы не подумали, что только отсюда началась их вражда к нему. *Приложиша еще ненавидети его,* то есть в них еще более возросла ненависть и вражда к нему. И посмотри, какое крайнее ослепление! Они сами истолковали сон его. Нельзя сказать, чтобы они в неведении о будущем стали ненавидеть брата; напротив, по тому самому и усилилась в них ненависть, что из сновидений они узнавали будущее. Великое безумие! Узнав это, они тем более должны были оказывать ему расположение, исторгнуть в себе корень ненависти и совершенно истребить в себе чувство зависти. Но смысл их помрачился — и они стали питать еще большую ненависть к нему, не замечая, что все делают сами против себя. Для чего же вы, жалкие, несчастные, обнаруживаете такую ненависть, когда знаете и характер его, и то, что откровение во сне показывает очевидное благоволение Божие к нему? Не думайте, будто можно изменить то, что предвозвещено ему Самим Богом. Как вы сами истолковали сон, так и сбудется через непродолжительное время, — хотя бы вы придумали тысячи (препятствий). Благоискусный

и премудрый Владыка всего, являя могущество силы Своей, часто попускает многоразличные затруднения в делах для того, чтобы, приведя в исполнение Свои намерения, открыть величие Своего всемогущества. Но такова зависть: она не может нисколько размыслить об этом; будучи совершенно, так сказать, пленен ею, человек все делает против своего спасения. И эти вследствие толкования сна еще более стали ненавидеть. А чудный Иосиф, увидев и другой сон, рассказал его не только братьям, но и отцу. *Аки бы солнце,* говорил он, *и луна и единонадесять звезд покланяхуся мне. И запрети ему отец и рече ему: что сон сей, егоже ты видел? Еда пришедше приидем аз, и мати твоя, и братия твоя поклонитися тебе до земли? Позавидеша же братия его: отец же соблюде слово сие* (ст. 10–11). Отец, зная, что братья питают к нему зависть, сделал упрек сыну; но сам, постигая значение сна, и догадываясь, что это было откровение Божие, обратил внимание на сказанное. Но не так поступили братья. Что же? Они еще более стали завидовать. Что вы беснуетесь? Что вы поступаете, как исступленные? Разве вы не видите, что повторение сна произошло не случайно и не напрасно, а для убеждения вас в том, что предзнаменования вполне сбудутся, чтобы вы оставили свои порывы к убийству (брата), и подумали о том, что вы замышляете невозможное? Вам надлежало, усвоив себе свойства и мысли брата, почитать будущее величие его за собственную вашу славу. А если уже вы не хотели об этом подумать, по крайней мере вам следовало рассудить, что ваша вражда относится не к брату, но к Самому Господу, уже открывшему будущую главу его. Но они, как я уже сказал, не стыдясь самой природы, и не обращая внимания на благоволение к нему свыше, со дня на день только усиливали свою ненависть и в тайне у себя возжигали пламя. Между тем ни отец, ни юноша ничего не подозревали и не предполагали, чтобы они могли дойти до такого

неистовства. Поэтому, когда братья отправились к стадам, отец сказал Иосифу: *еда братия твоя не пасут в Сихеме: гряди, да послю тя к ним. Рече же ему: се аз* (ст. 13). Видишь, как отец любил детей? Видишь, как сын послушен? *Рече же ему Исраиль: шед, виждь, аще здравствуют братия твоя и овцы, и повеждь ми* (ст. 14).

3. Все это произошло для того, чтобы обнаружилось и расположение Иосифа к братьям и убийственное намерение их против него. Имелся при этом в виду и образ будущего: в этих событиях, как на тени, предызображались события (евангельской) истины. Как Иосиф пришел посетить братьев, а они, не уважив ни братства, ни причины его посещения, сперва хотели было убить его, а потом продали иноземцам, — так и Господь наш, по человеколюбию Своему, пришел посетить человеческий род, приняв нам свойственную плоть и благоволив стать вашим братом. Об этом и восклицает Павел, говоря: *не от Ангел когда приемлет, но от Семене Авраамова, от отнюдуже должен бе по всему подобитися братии* (Евр. II, 16). Но неблагодарные иудеи замыслили умертвить Врача душ и телес, Который ежедневно совершал бесчисленные чудеса, и привели в исполнение свой убийственный замысел, и распяли Того, Кто ради нашего спасения благоволил принять знак раба. Но эти, предав Господа распятию, исполнили свое намерение, а братья Иосифа, хотя и имели замысел, но не привели его в дело. Образу надлежало заключать в себе менее истины (прообразуемой); иначе это не было бы образом будущего. Поэтому здесь (будущее) предначертано было только как бы в тени. Но заметь чудное дело. Они не убили, а продали и принесли отцу его одежду, вымарав ее кровью козла, желая убедить (отца), что юноша растерзан. Видишь ли, что все это происходило так, чтобы как в тени был один образ вещей и сохранялась истина? Но возвратимся к порядку повествования. *И посла его,* сказано, отец его *и прииде в Сихем. И обрете*

его человек заблуждающа на поли; вопроси же его человек, глаголя: чесого ищеши? Он же рече: братии моея ищу, повеждь мне, где пасут (ст. 14–16). Посмотри, с какой заботливостью он отыскивает своих братьев, – трудится, разведывает, делает все, чтобы их увидеть. *Рече же ему: слышах их глаголющих: пойдем в Дофаим. И иде Иосиф и обрете я. Предъузреша же его издалече, прежде приближения его: и зле умыслиша убити его* (ст. 17, 18). Размысли при этом о благопромыслительной премудрости Божией: они имели намерение умертвить его; а Тот, Кто все устрояет и всем располагает, попускает явиться всякого рода препятствиям к тому, чтобы, еще более прославив своего подвижника, привести в исполнение его сновидения. *Предъузреша*, сказано, *его и зле умыслиша убити его. Рече же кийждо к брату своему: се сновидец оный идет. Ныне убо приидите, убием его, и ввержем его в ров и речем: зверь лют снеде его: и узрим, что будут сновидения его* (ст. 18–20).

Видишь ли, они решились убить его, опасаясь исполнения его снов? Но они должны были научиться, что предвозвещенное Самим Богом не может не совершиться. Они совещаются между собой, составляют замысел, обнаруживая свою злобу; а премудрый и благопромыслительный Бог устрояет так, что сами же злоумышленники невольно содействуют совершению будущих событий. Когда они соглашались на убийство, и в своем намерении уже совершили преступление, *слышав*, сказано, *Рувим, отъя его из рук их и рече: не убием его на души, не пролийте крове; ввeрзите его в* ров сей, *иже в пустыне; руки же не возложите на него: яко да изъимет его от рук их, и отдаст его отцу своему* (ст. 21, 22). Смотри: даже этот не осмеливается открыто исторгнуть брата (из рук их); но, желая пока удержать порыв их к убийству, говорит: *не пролийте крове, но ввeрзите его в ров*. Желая объяснить нам и намерение Рувима, Божественное Писание говорит: это он сделал, *да изъимет его и отдаст отцу*

своему. В то время, когда у них происходило такое совещание, Иосифа еще не было с ними; после окончания их разговора, *прииде*, сказано, *Иосиф к братии своей*. Им надлежало бы поспешить к брату, обнять его, узнать, что велел им отец; а они бросаются, как лютые звери, увидев агнца. *И совлекоша со Иосифа ризу пеструю, и, поемши его, ввергоша в ров. Ров же тощ, воды не имяше*. Как советовал Рувим, так они и сделали. Бросив его, *седоша ясти хлеб* (ст. 23–25). О, жестокость! О, бесчеловечие! Он прошел такой долгий путь, с такой заботливостью искал их, чтобы увидеть их и возвестить отцу об них; а они, как какие-нибудь варвары и дикари, слушаясь совета Рувима не проливать братней крови, решились умертвить его голодом. Но человеколюбивый Бог в скором времени избавил его от неистовства братьев. Сев, говорит Писание, *ясти хлеб, видеша* путников исмаильтян, идущих в Египет, и *рече Иуда: кая польза, аще убием брата нашего и скрыем кровь его? Грядите, продадим его Исмаильтяном сим; руце же наши да не будут на нем, яко брат наш и плоть наша есть* (ст. 25–27).

4. Заметь, как и прежде Рувим меньшим злом предотвратил большее, и теперь Иуда советует продать брата, чтобы спасти его от смерти. А все так было для того, чтобы, и против воли их, исполнились Божественные предречения, и чтобы (братья Иосифа) послужили промышлению Божию. Приняв совет Иуды и выведя его *из рова, продаша* его *Исмаильтяном на двадесять златников* (ст. 27–28). Какой преступный обмен! Какая гибельная корысть! Какая беззаконная продажа! Вы решились продать того, кто связан с вами узами кровными, кого так любит отец, кто пришел на свидание с вами, кто ни много, ни мало никогда не обижал вас, и продать его варварам, отправляющимся в Египет? Какое это безумие! Какая ненависть! Какая зависть! Если вы это делаете, испугавшись сновидений его, в том убеждении, что они исполнятся, то для чего же вы стремитесь

к невозможному, и своими поступками начинаете борьбу с Богом, предвозвестившим ему это? А если вы не приписываете снам никакого значения и считаете их вздором, то для чего предпринимаете то, что подвергает вас вечному постоянному позору, отцу же принесет непрестанную скорбь? Но, о, сила страсти или — лучше — запятнанной кровью решимости! Когда кто отдается беззаконному делу и погружается в беззаконные помыслы, то уже не видит перед собой неусыпного Ока, не стыдится самой природы и ничего другого, что может возбудить в нем сострадание, как это случилось и с этими. Они не подумали ни о том, что он брат их, ни о том, что так молод, что так дорог отцу, ни о том, что он, никогда не испытывавший житья на чужой стороне, среди иноземцев, должен идти в такую страну и жить с варварами: оставив всякое здравое рассуждение, они думали только об одном, чтобы удовлетворить, как задумали, своей зависти. И в намерении они сделались братоубийцами; а страдалец все терпел великодушно.

Вышняя же десница хранила его и все скорби делала для него сносными и легкими. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то, хотя бы мы находились среди варваров, в чужой земле, — можем проводить жизнь лучше тех, которые живут дома и наслаждаются всякого рода услугами; и напротив, хотя бы жили и в своем доме и по-видимому наслаждались полным покоем, но, будучи лишены помощи свыше, мы несчастнее всех. Велика сила добродетели и бессилие порока: и это особенно ясно показывает настоящее повествование. Кого, скажи мне, считаешь ты жалким и достойным многих слез, — тех ли, которые делали брату столько зла, или того, кто отдан был в рабство иноземцам? Конечно, тех. Представь же себе, как этот дивный юноша, воспитанный среди множества слуг, постоянно бывший в объятиях отца, внезапно принужден нести тяжкое рабство, и притом у людей диких, которые не

лучше самых зверей. Но Владыка всяческих и людей этих сделал кроткими, и ему дал великое терпение. Продав брата, братья Иосифа находились в состоянии людей, достигших своей цели, потому что удалили от себя ненавистного им брата. *Возвратися же,* говорит Писание, *Рувим к рову, не узре Иосифа и растерза ризы своя. И* обратился *к братии своей, и рече: отрочища несть, аз же камо иду ктому* (ст. 29, 30)? Божественное Писание выше показало нам, что Рувим дал совет бросить Иосифа в ров с тем намерением, чтобы избавить его от братоубийственных рук и возвратить отцу. Теперь, когда Рувим увидел, сказано, что не достиг своей цели, он разорвал свои одежды и сказал: *отрочища несть, аз же камо иду ктому?* Что мы, то есть, скажем (отцу) в свое оправдание, и особенно я, считающийся старшим из вас? Он думал, что Иосиф убит. Но как желание их уже исполнилось, и, отправив в чужую землю ненавистного брата, они удовлетворили своей страсти, то вот теперь они стали придумывать все способы, как бы обмануть отца и скрыть от него свое преступное соумышление. Заколов, сказано, *козлище от коз,* и помазав одежду (Иосифа) кровью, *принесоша ко отцу своему, и рекоша: познавай, аще риза сына твоего есть, или ни* (ст. 31, 32). Что вы, безумные, обманываете самих себя? Хотя бы и успели вы обмануть отца, но не скроетесь от того неусыпного Ока, которого более всего надлежало бы вам страшиться. Но такова природа человеческая, особенно же такова беспечность многих людей! Они за важное почитают только страх и стыд перед людьми в настоящей жизни, а не думают о будущем страшном суде и вечных невыносимых муках; они заботятся лишь о том, как бы избежать укоризны от людей. Так думали и эти и решились обмануть отца. *И позна,* сказано, отец одежду *и рече: риза сына моего есть, зверь лют снеде его; зверь восхити Иосифа* (ст. 33). И подлинно, он жестоко пострадал от них, как от зверей. *И растерза Иаков ризы своя, и возложи вретище на*

чресла своя, и плакашеся сына своего дни многи (ст. 34). А каких слез заслуживали эти не потому только, что продали брата чужестранцам, но и отца, уже в глубокой старости, повергли в такую горесть! *Собрашася же сынове его и дщери утешити его; и не хотяше утешитися, глаголя: яко сниду к сыну моему сетуя во ад* (ст. 35).

5. Думаю, что и это для них было новым ударом. Видя, какую сильную любовь выражает отец к тому, которого уже нет, который считался растерзанным зверями, братья еще более снедались завистью. Но они за свою жестокость к брату и к отцу не заслуживают никакого снисхождения. Что же касается мадиамских купцов, то и они в свою очередь делаются орудием промышления Божия, и перепродают Иосифа Пентефрию, архимагиру* фараона. Видишь ли, как Иосиф мало-помалу идет вперед, во всем обнаруживает свою добродетель и терпение, чтобы подобно борцу, мужественно подвизавшемуся, увенчаться венцом царским, и чтобы исполнение сновидений самым делом показало тем, которые его продали, что им нисколько не принесло пользы все их коварство. Такова сила добродетели, что и через самые гонения она достигает большей славы. Подлинно, нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, — не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и вышней помощью. А с такой помощью и с таким содействием, он сильнее всех; он непобедим; он неуловим не только для наветов людских, но и козней бесовских. Зная это, будем избегать не злостраданий, а злодеяний. Злые дела и составляют действительное злострадание. Кто умышляет сделать зло ближнему, тот ему нисколько не вредит; а если и вредит сколько-нибудь, то в настоящей только жизни, а себе готовит

---

* *Начальнику телохранителей*, или по Иерониму — *начальнику воинов*.

казни нескончаемые, муки невыносимые. И нам нельзя избежать их иначе, как если будем располагать себя к готовности переносить зло, и, по учению Господа; будем молиться за тех, кто делает нам зло. Это приготовит нам великую награду и сделает достойными царства небесного, которое да наследуем все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXII

И виде Иуда дщерь человека Хананейска, ейже имя Сава, и поят ю, и вниде к ней. И зачении роди сына, и нарече имя ему Ир (Быт. XXXVIII, 2, 3).

1. В прошлый раз повествование об Иосифе довольно поучило нас, как гибельна зависть и как эта пагубная страсть портит прежде всего душу, в которой она зарождается. Вы видели также, как порабощенные этой страстью братья Иосифа забыли и самое родство, и брату своему, ничем их не обидевшему, оказали жестокость диких зверей, и, обнаружив тем собственную злобу, не столько повредили брату, сколько себя покрыли бесчестьем. Хотя они продали его чужестранцам, а эти перепродали архимагиру фараона, но как Иосиф имел во всем помощь свыше, то для него все оказывалось сносным и легким. Я хотел и сегодня продолжать то же повествование и почерпнуть из него снова наставление для вас. Но в него входит еще иное некоторое сказание, которого нельзя оставить без внимания; объяснив по возможности это, мы возвратимся опять к истории Иосифа. Какое же входит сюда сказание? Это — об Иуде. Он, взяв себе в жены дочь хананеянина — Саву, и имев от нее трех сыновей, *поя,* сказано в Писании, *первенцу Иру Фамарь жену* (ст. 6). Но Ир оказался *злым пред Госпо-*

дом – и Бог поразил его. И заповедал Авнану, взявшему жену брата, восстановить семя брату. Так именно повелевал закон, чтобы по смерти брата, не оставившего детей, другой брат взял его жену и восстановил семя брата (см.: Втор. XXV, 5). Но и Авнан оказался злым; Бог поразил смертью и его. Иуда, увидев внезапную смерть двух сыновей своих, пришел в страх и, чтобы утешить Фамарь, обещал дать ей третьего своего сына; но, опасаясь, чтобы и этот, подобно братьям, не подвергся наказанию, не исполнил обещания. Между тем Фамарь, утешаясь обещанием, оставалась *в доме отца своего,* ожидая исполнения обещанного свекром. Хотя она и замечала, что Иуда не хочет исполнить обещания, однако благодушно терпела, не желая вступить в супружество с другим, а переносила вдовство, ожидая благоприятного времени, потому что надеялась родить детей от самого свекра своего. И когда она узнала, что свекровь ее умерла, а Иуда пошел в Фамну стричь овец, то Фамарь решилась обманом разделить ложе со свекром и от него родить детей, – не ради похоти плотской, – нет, а для того, чтобы не остаться без имени (без потомства). Впрочем, в этом деле было и промышление (Божие), почему намерение ее и исполнилось на самом деле. *Свергши,* сказано, *ризы вдовства* своего, и облекшись *в ризу летнюю, и* украсившись *седе пред враты* (ст. 14). Потом, как бы в извинение ее, Божественное Писание говорит: *ведяше бо, яко велик бяше Силом* (третий сын Иуды)*; сей же не даде ея ему в жену,* поэтому она и решилась на такой обман. Иуда подумал, что это блудница (потому что она закрыла лицо, чтобы не могла быть узнана), *и уклонися к ней. Она же рече: что ми даси* (ст. 16)? Он обещал прислать ей *козлище от коз* (ст. 17). *Она же рече: аще даси ми залог, дондеже пришлеши* (ст. 17). *И даде* перстень и гривну и жезл, *и вниде к ней: и зача во утробе от него* (ст. 18).

Но никто, слыша это, да не осуждает Фамарь: как я уже сказал, она служила в этом случае орудием

промысла, – почему и она не подверглась какому-либо порицанию, и Иуда не предан осуждению. Отсюда простираясь далее, увидишь, что от детей, родившихся у него, ведет род Иисус Христос. Кроме того, два сына, рожденные Иудой, прообразовали два народа, и были перед изображением жизни иудейской и духовной. Но теперь посмотрим, как, после удаления Иуды, в скором времени дело объяснилось, и Иуда сам обвиняет себя, а Фамарь оправдывает. Она, как скоро достигла того, чего желала, опять, переменивши одежды, возвратилась оттуда и пришла в свой дом. А Иуда, об этом ничего не зная, исполнил свое обещание – послал к Фамари козла, чтобы взять назад данный ей залог; но посланный, не найдя нигде этой женщины, возвратился и объявил Иуде, что не мог нигде найти ее. Тогда Иуда сказал: как бы не осудили нас за то, что мы оказались неблагодарными (ст. 23), – он еще не знал, что случилось. Но когда прошло три месяца, и бремя чрева обнаруживало зачатие, а между тем никто не знал о тайном совокуплении, – тогда Иуде возвестили, что Фамарь во *утробе иматъ от блуда;* а он, узнав об этом, *рече: изведите ю и да сожгут ю* (ст. 24). Велико негодование! Ужасная казнь, потому что грех казался великим. Что же Фамарь? Отослав Иуде вещи, которые получила от него в залог, она сказала: *егоже сия суть,* от того получила я плод чрева.

2. Заметь, как молчаливая (доселе) приводит самых достоверных свидетелей, могущих подать голос, и достаточно показать ее невиновность. Так как обвиняемой в таком деле надлежало представить трех свидетелей, то она и посылает три вещи, отданные ей в залог, могущие ясно свидетельствовать в ее пользу: перстень, гривну и жезл, и оставаясь дома и не говоря ни слова, она одержала победу. Иуда, узнав эти вещи, сказал: *оправдася паче мене, яко не дах ея Силому сыну моему* (ст. 26). Что значит: *оправдася паче мене?* Значит: она невиновна, а я сам себя подвергаю осуждению и открываю свое

преступление, хотя никто не обличает меня; или — лучше сказать — у меня есть сильный обличитель: залог, который я дал ей. Потом, опять извиняя Фамарь, говорит: *яко не дах ея Силому сыну моему.* Может быть, так сделалось и по особой причине, о которой я вам скажу. Именно: Иуда думал, что Фамарь была причиной поражения Ира и Авнана смертью, и, опасаясь того же относительно Силома, он не дал ей этого сына, хотя и обещал. Чтобы он уверился на самом опыте, что не она была причиной смерти детей его, а сами они понесли наказание за свое злонравие (так как сказано: *уби его* Бог; и опять — о другом сыне: *умертви и сего),* для этого он, по неведению, впадает в кровосмешение со своей невесткой, и тогда самым делом убеждается, что не по ее вине, а за свой злой нрав наказаны его сыновья. Сознав свой грех и освободив от наказания Фамарь, Иуда *не приложи,* сказано, *ктому познати ю* (ст. 26); тем он показал, что и прежде не совокупился бы с ней, если бы узнал ее. Наконец, после столь обстоятельного повествования об обмане Фамари, Божественное Писание показывает нам и то, какие дети родились от нее. *Бысть же, егда раждаше,* сказано, *и беста ей близнята во утробе ея. Бысть же в рождении ея един произнесе руку: веземши же баба, навяза на руку его червлень, глаголющи: сей изыдет первый.* Заметь здесь тайну и предвозвещение будущих событий. После того как повивальная бабка перевязала младенцу руку красной нитью, чтобы тем отметить его, он *вовлече руку и изыде брат его* (ст. 29), — то есть он допустил брата вперед выйти (из чрева матери); и таким образом тот, кого считали последним, вышел первым, а кого считали первым, явился после того. *И рече* баба: *что пресечеся тебе ради преграждение? И прозва имя ему Фарес* (ст. 29), потому что это имя значит — *пресечение,* можно также сказать: *разделение. И* после него *изыде брат его,* с приметой на правой руке; *и прозва имя ему Зара* (ст. 30), что значит — *восток.*

И что произошло это не просто, но было образом будущего, самое дело показывает: это произошло не по естественному порядку. Как можно было, чтобы рука, перевязанная красной нитью, опять скрылась и оставила проход другому, если бы Божественная сила не устроила того и как бы в тени не предуказала, что с самого начала показался Зара, то есть восток (он есть образ Церкви); а когда он немного выступил и отступил, началось соблюдение закона (обозначаемое Фаресом), после того как оно имело силу долгое время, – опять явился тот, который первоначально отступил, то есть Зара, и весь иудейский порядок уступил место Церкви? Но, быть может, надобно снова пересказать вам это в кратких и более ясных словах. Подобно тому, как Зара первый простер руку, Ной и Авраам, и прежде Ноя Авель и Енох начали много заботиться о благоугождении Богу. Потом, когда люди, размножившись, собрали на себя множество грехов, они имели нужду в некотором малом увещании; как некоторая тень, дан закон, не так, чтобы он мог изглаживать грехи, но чтобы он указывал их и делал их очевидными для людей, которые, как малые дети, питаемые молоком, могли таким образом прийти в совершенный возраст. Но когда они и этого не употребили в свою пользу, и несмотря на то, что закон указывал на множество грехов, продолжали ими растлевать себя, тогда явился на земле общий всех Господь, и даровал роду человеческому духовное и совершенное устройство, образ которого представлял Зара. Поэтому и евангелист упоминает о Фамари и родившихся от нее детей, и говорит: *Иуда же роди Фареса и Зару от Фамари* (Мф. I, 3).

3. Итак, не будем оставлять без внимания того, что содержится в Божественном Писании, или поверхностно останавливаться на его изречениях; но, проникая в глубину его и дознавая заключающееся там богатство, будем славить нашего Господа, Который все устрояет с

такой великой мудростью. Если мы не захотим испытывать и причины и цели каждого описанного здесь события, то не только ее (Фамарь) осудим за кровосмешение со свекром, но и Аврааму поставим в вину то, что он в намерении сделался детоубийцей — и Финееса, что он в один раз совершил два убийства. А если будем тщательно изучать дело каждого из них, то и их не станем порицать, и сами еще получим отсюда великую пользу. Но что касается этой истории (из жизни Иуды и Фамари), мы, по возможности, раскрыли любви вашей.

Теперь, если вы не утомились и еще желаете (слушать), мы коснемся и последующих событий, и снова обратимся к повествованию о чудном Иосифе, чтобы и из сказанного сегодня вы увидели, сколько терпел этот мужественный борец после тех снов, которые предвозвещали ему господство и начальство над братьями, как он переходил от одной борьбы к другой, как постигали его искушения за искушениями, следовали кораблекрушения одно за другим, а кормчий не утопал, и, когда наступила самая сильная буря, он управлял своим кораблем, как бы сидя у руля. Но дослушаем самого повествования, чтобы дознать все в точности. *Иосиф,* говорит Писание, *приведен бысть во Египет, и купи его архимагир Фараонов от руки Исмаильтян* (XXXIX, 1). Так как купившие его у братьев были, по своим нравам, люди дикие и грубые и они перепродали его египтянину архимагиру фараона и таким образом сын, воспитанный в объятиях отца, переходил от одних господ к другим, то, чтобы нам не было непонятным, как он, еще юный, не привыкнув к такому тяжкому образу жизни, воспитанный дома со всей отеческой любовью, переносил это жестокое рабство, — Божественное Писание присовокупляет: *и бяше Господь со Иосифом, и бяше муж благополучен* (ст. 2). Что значит — *бяше Господь со Иосифом?* То, что благодать свыше сопутствовала ему и все трудности

делала для него легкими. Она устрояла все, что касалось его. Она и купцов сделала кроткими и расположила продать его архимагиру, чтобы он, мало-помалу идя вперед по этому пути и подвергаясь таким искушениям, мог приблизиться к царскому престолу. И ты, возлюбленный, слыша, что он терпел рабство у купцов, а потом перешел в рабство к архимагиру, подумай о том, как он не смущался духом, не предавался сомнениям в рассуждении себя самого, и не говорил: «как лживы те сны, которые предвещали мне славу! Вот после этих снов рабство, и рабство тяжное; господа у меня переменяются, и я перехожу от того к другому, от другого к иному, и принужден приспосабливаться к их диким нравам. Уж не оставлены ли мы? Не лишены ли помощи Вышнего? Ничего подобного он не сказал и не подумал; но все переносил с кротостью и благодушием. *Бяше бо Господь со Иосифом, и бяше муж благополучен.* Что значит — *благополучен?* То, что все у него шло успешно; повсюду предшествовала ему благодать свыше, и так ясно проявлялась на нем, что заметил это и господин его, архимагир. *Ведяше же,* говорит Писание, *господин его, яко Господь бе с ним, и вся, елика творит, Господь благоустрояет в руку его. Обрете же Иосиф благодать пред господином своим: и постави его над домом своим, и вся, елика быша ему, даде в руки Иосифовы* (ст. 3, 4). Видишь ли, что значит иметь помощь от десницы вышней? Вот он — и юноша и странник, и пленник и раб, и однако получает от господина весь дом. *Вся,* сказано, *даде в руку его.* Почему? Потому что с высшей помощью он привнес собственный (добрый) нрав. *Благоугоди ему* (господину), сказано, то есть все делал для него с большим усердием. Затем, человеколюбец Бог, желая привести его еще к большему благополучию, не освобождал еще его от рабства, и не давал ему свободы. Так всегда угодно Богу — не удалять от опасностей людей добродетельных и не освобождать их от искушений, а в самих искушениях являть им такую

Свою помощь, что и самые искушения делаются поводом к торжеству. Поэтому и блаженный Давид говорил: *в скорби распространил мя еси* (Пс. IV, 1). Ты, говорит, не отдалил скорби, не дал мне покоя, освободив от нее, но — что дивно и необычайно — среди самых скорбей привел в безопасность. То же и здесь творит человеколюбец Господь. *Благослови* бо *дом египтянина Иосифа ради* (ст. 5). Уже и чужеземец убедился, что мнимый раб — один из тех, которые угодны Богу. *И предаде*, сказано, вся, *елика быша ему, в руки Иосифовы, и не ведяше ничтоже кроме хлеба, егоже ядяше* (ст. 6). Почти господином поставил его над всем своим домом. Итак, раб, пленник, имел в своих руках все достояние своего господина. Такова добродетель! Где бы она ни явилась, она везде все побеждает и над всем господствует. Как исчезает тьма при появлении света (солнечного), так удаляется всякое зло, как скоро является добродетель.

4. Но лютый зверь, диавол, видя, что праведник успевает, и что через самые скорбные, по-видимому, обстоятельства делается только более славным, — скрежетал зубами и неистовствовал, и, будучи не в силах видеть праведника день ото дня приобретающим большую славу, роет для него глубокую пропасть, приготовляет стремнину, с которой думает низвергнуть его в совершенную погибель, воздвигает бурю, могущую подвергнуть его страшному кораблекрушению. Вскоре однако он убедился, что идет против рожна и все замышляет только на свою голову. *И бяше Иосиф*, сказано, *добр образом и красен взором* (ст. 6). Для чего сказано о красоте телесной? Чтобы мы знали, что он не только имел благообразие душевное, но и телесное. Он был в цвет юности; имел хороший вид и прекрасное лицо. А предварительно об этом говорит Божественное Писание для того, чтобы объяснить нам, как плененная красотой юноши египтянка склоняла его к беззаконному общению с ней. *И бысть*, сказано, по *сих* (ст. 7). Что такое

по сих? То есть – по вручении ему власти над всем домом и после удостаивания его такой чести от господина. *Возложи жена господина его очи своя на Иосифа* (ст. 7). Какое бесстыдство необузданной женщины! Она не взяла во внимание ни того, что она считается госпожой в доме, ни того, что он раб; но, пленившись его красотой и предавшись сатанинскому огню, она покушается напасть на юношу и, имея в мысли это порочное намерение, изыскивает только время и уединение, в котором ей можно было бы привести в исполнение свой преступный замысел. Но Иосиф, сказано, не хотел этого; не повиновался, не слушал ее речей: он знал, что это дело принесет ему погибель, – и не только о себе думал, но старался, насколько возможно, удержать и ту от такого безумия и преступного пожелания. Он внушает ей мысли, могущие и пристыдить ее и довести до сознания собственной ее пользы. *И рече*, сказано, *жене господина своего* (госпожа получает совет от раба!): *аще господин мой*, говорит, *не весть мене ради ничтоже в дому своем*, но *вся, елика суть ему, вдаде в руце мои* (ст. 8)... Какая благопризнательность человека! Смотри, как он исчисляет благодеяния своего господина, чтобы показать, какую неблагодарность оказывает она своему супругу. Я, говорит он, раб чужестранец, пленник, пользуюсь у него такой доверенностью, что все в моих руках, и он ничего не исключил из моей власти, кроме только тебя; над всеми здесь я начальствую, а только тебе одной подчинен и только ты находишься вне моей власти. Потом, чтобы нанести ей решительный удар, он напоминает ей о любви к ней мужа, убеждает не быть неблагодарной супругу, и говорит: ты потому не в моей власти, *понеже ты жена ему еси*. А если ты его жена, то как *сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом* (ст. 9)? Так как она искала случая быть с ним наедине и выжидала времени, стараясь утаиться от мужа и от всех домашних слуг, то он говорит: как я возмогу сделать это зло и согрешу

перед Богом? Что ты думаешь? Хотя бы мы и от всех людей могли укрыться, но не можем утаиться от Ока всевидящего. Его одного нужно бояться, страшиться и трепетать, чтобы перед Его взором не сделать чего-либо преступного. И дабы мы знали все превосходство добродели этого праведника, и то, что он не однажды и не дважды, а много раз выдерживал эту борьбу, выслушивал такие речи и не переставал увещевать, Божественное Писание говорит: *егда же глаголаше день от дне и не послушаше ея* (ст. 10)... Наблюдая за домашними делами, она, как зверь, скрежещащий зубами, напала на этого юношу и, схватив за одежды, удерживала его. Не оставим этого без внимания, но подумаем о том, какую борьбу должен был выдержать праведник. Не так чудно было, кажется мне, трем отрокам среди вавилонской печи остаться без вреда и ничего не потерпеть от огня, как чудно и необычайно то, что этот дивный юноша, будучи удержан за одежду этой бесчестной и необузданной женщиной, не предался ей, но бежал, оставив даже и одежды в ее руках. И как те три отрока, за свою добродетель получив свыше помощь, явились победителями огня, так и этот за то, что употреблял со своей стороны все усилия и оказывал великое постоянство в подвигах целомудрия, получил и свыше великую помощь, чтобы при содействии десницы Божией одержать эту победу и избежать сетей распутной жены. Можно было видеть после того, как дивный юноша вышел обнаженным от одежд, но облеченным в одеяние целомудрия, и как он бежал, как бы от огня и пламени, не потерпев никакого вреда и не только не будучи опален, но став еще более чистым и светлым.

5. Но обрати внимание на то, что после такой победы, после такого мужества, за что ему надлежало быть увенчанным, надлежало быть прославленным, — он опять, как виновный, подвергается тысяче бед. Эта египтянка, не вынося срама и бесчестья, которым сама

подвергла себя, замыслив дело невозможное, прежде всего созвав домашних, обвиняет юношу и, свое безумное желание приписывая ему, старается таким образом обмануть всех. Так обыкновенно действует порок: всегда враждуя против добродетели, он свои преступления старается ей приписывать. Так поступила и эта женщина: она клеветала на юношу, как распутного, а себя прикрывала личиной целомудрия и говорила, что по тому самому он и одежды свои оставил, а она удержала их. А человеколюбец Бог по долготерпению Своему попустил это для того, чтобы тем более прославить Своего раба. Когда пришел муж, она все это рассказала с большим коварством и, обвиняя юношу, говорила: *вниде ко мне отрок Евреин, его же привел еси к нам, наругатися мне* (ст. 17). Несчастная и жалкая! Не он вошел к тебе, чтобы обесчестить тебя; но тобой руководил диавол, чтобы ты не только сделалась прелюбодейкой, но, если тебе нужно, и совершила бы убийство. В подтверждение своих слов она показала одежды юноши.

Подумай при этом, как человеколюбив общий всех людей Господь. Как прежде Он избавил Иосифа от желавших убить его братьев, и устроил так, что прежде, по совету Рувима, он был брошен в ров, а потом, по совету Иуды, продан купцам, дабы исполнение сновидений убедило праведника, что не напрасно и не без цели это было ему открыто, так и теперь рука Вышнего удержала чужеземца, и не допустила его тотчас устремиться на убийство юноши. В самом деле, что препятствовало ему это сделать, когда он узнал, что юноша покусился даже обесчестить его ложе? Но благопромыслительный Бог так устроил, что господин оказал такую кротость, чтобы, будучи брошен в темницу и здесь опять показав свою добродетель, Иосиф достиг таким образом управления (египетским) царством. *Разгневася* бо, сказано, *господин его и вверже его в темницу, идеже узники царевы*

держатся (ст. 19, 20). Однако, если он не верил, то не следовало заключать его в темницу; а если поверил тому, что слова египтянки правдивы, то Иосиф заслуживал уже не заключения в темницу, а смертной казни и самого высшего наказания. Но когда вышняя десница являет свое промышление, тогда все делается легким и сносным, и люди жестокие оказываются кротчайшими. А помощь свыше приходит с щедростью тогда, когда и мы покажем много добродетели. Так как этот (праведник) много подвизался, то много получил воздаяния. И после такого мужественного подвига, он отведен был в темницу и все переносил безмолвно. Вы знаете, как люди, не знающие за собой ничего худого, подвергаясь осуждению, как виновные, сохраняют всю твердость духа, говорят свободно, и выступают с сознанием своего достоинства против тех, которые возводят на них невиновных обвинение. Но этот не так; он молчит и все принимает с кротостью, и ожидает с великим терпением помощи Божией. И посмотри, как и в самой темнице он опять получил всю власть от темничного стража; и справедливо, потому что, говорит Писание, *бяше Господь со Иосифом и возлил на него милость* (ст. 21). Что значит — *возлия на него милость!* Значит: Господь преклонил к состраданию начальника темницы и расположил оказывать ему большое благоволение. *Даде* бо *ему благодать* перед ним. Подлинно, нет блаженнее человека, пользующегося благоволением свыше. *И вдаде,* сказано, *старейшина стражей темницу в руце Иосифу* (ст. 22). Вот как темничный страж уступает (свои права), дает ему самостоятельность и всем заключенным в темнице повелевает быть под его властью. *И старейшина стражей темничных ничтоже бе ведый: вся бо быша в руках Иосифовых, занеже Господь бяше с ним: и елика той творяше, Господь благопоспешаше в руку его* (ст. 23). Замечай, как всегда была с ним благодать Божия, и как все, что он ни делал, было исполнено благодати.

Будем и мы заботиться, чтобы всегда иметь с собой Господа и чтобы Он всегда благопоспешал делам нашим. Кто удостоился этой помощи, тот и среди бед посмеется им и не поставит их ни во что, потому что Господь все творит для него и благоустрояет, во всем споспешествует ему и тяжкое делает легким. Как же можем мы всегда иметь с собой Господа и получать от Него благопоспешение во всем? Если мы будем всегда трезвиться и бодрствовать, — будем подражать целомудрию этого юноши и другим его добродетелям, твердости его духа, — будем помнить, что все должно делать с таким тщанием, чтобы никогда не подвергнуться осуждению от Господа, — что никому невозможно укрыться от Его неусыпного Ока, и что грешник непременно должен подвергнуться наказаниям. Не будем страха человеческого предпочитать гневу Божию; но будем всегда памятовать слова Иосифа: *како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом?* Если какой-нибудь помысл смущает нас, то приведем себе на мысль это изречение, — и всякое непозволительное пожелание тотчас исчезнет. Если бы кто-нибудь увлекался пожеланием плотским или страстью к деньгам или другим каким-либо безрассудным удовольствиям, то пусть тотчас представит себе, что есть у нас Судья, от Которого не могут укрыться и тайные пожелания. (Поступая таким образом), мы совершенно избегнем козней диавола и получим свыше великую помощь, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIII

Старейшина же стражей темничных ничтоже бе ведый ради Иосифа (Быт. XXXIX, 23)

1. Сегодня мы хотим сообщить вашей любви остальное из сказанного нами вчера и опять коснуться повествования об Иосифе. Вы знаете, что вчера в очень продолжительной нашей беседе мы не могли подвинуться далее, а остановились на том, как Иосиф, по клевете египтянки, ввергнут был архимагиром в темницу. Сегодня любви вашей нужно показать, что с ним случилось в темнице. Будучи заключен в темницу и поручен начальнику темничных стражей, он и там получил столь великую помощь от Бога, что главный страж вверил ему полное начальство над темницей. *И старейшина стражей темничных,* сказано, *ничтоже бе ведый ради* Иосифа. Видишь, что он среди самых скорбей не имел никакого чувства горести; а благопромыслительная премудрость Божия изменила все неприятное (в приятное). Как перл, хотя бы брошен был в тину, показывает свою красоту, так и добродетель, куда бы ты ее ни свергнул, проявляет свою силу – и в рабстве, и в темнице, и в бедствии, и в счастье. Так как заключенный в темницу расположил к себе темничного начальника, и получил от него начальство над всеми, в ней находившимися, то отсюда мы должны видеть, как открывалась в нем сила присущей ему благодати. *Бысть же,* сказано, *по словесех сих* (XL, 1). Каких словесех? То есть после рассказанных обстоятельств оклеветания Иосифа и осуждения его на темничное заключение; также после того, как мы узнали, что Господь был с ним и что начальник темницы доверил ему управление всей темницей. *Бысть же по словесех сих,* когда он был ввержен в темницу, что главный виночерпий и главный хлебодар учинили преступление и были осуждены царем на заключение в ту же темницу. Приняв их, начальник

стражей поручил их Иосифу. Он обходился с ним уже не как с узником, но как с участником в его заботах, или — лучше — как с таким, который способен был облегчать тяжкую участь заключенных. *И предста им*, сказано (ст. 4). Что значит: *предста им*? То есть он утешал их, укреплял их дух, ободрял их, и не допускал их впадать в уныние. Долго они были в темнице, и в одну ночь оба, и виночерпий и хлебодар, видели сон. Но этот дивный (Иосиф), заботясь об утешении их и заметив, что сновидения привели их в смущение и недоумение, говорит им: *что яко лица ваша уныла днесь* (ст. 7), — так как лица их обнаруживали внутреннюю тревогу. Да и Премудрый сказал: *сердцу веселящуся лице цветет, в печалех же сущу сетует* (Притч. XV, 13). Итак, видя их в унынии от сновидений, он хотел узнать причину и спрашивал их. Смотри, как и в темнице он показывал свою добродетель и старался облегчать скорби других! Что же они? *Сон*, говорят, *видехом, и разсуждаяй его несть* (ст. 8). Они не знали мудрости говорившего с ними; они смотрели на него, как на одного из многих; потому не рассказывают и сна, а говорят только, что видели сон, и некому объяснить его. Но этот дивный муж говорит им: *еда не Богом изъявление их есть? Поведите убо мне* (ст. 8). От себя могу ли я обещать вам какое-нибудь изъяснение? Бог сообщает откровения. *Поведите убо мне*. Смотри, какая мудрость и какое необычайное смиренномудрие! Не говорит он: я вам изъясню, я вам покажу значение снов; а что? *Поведите мне*. Один Бог сообщает такие откровения. *И поведа старейшина винарск*. Выслушав его, Иосиф говорит: *сие разсуждение сему: три лето расли три дни суть: еще три дни, и помянет Фараон* старейшинство твое винарско, *и паки поставит тя; и подаси чашу Фараону в руку его, по сану твоему первому, якоже был еси виночерпий. Но помяни мя тобою, егда благо ти будет; и сотвориши надо мною милость; и да помянеши о мне Фараону, и изведеши мя от твердыни сея: яко татьбою украден бых из земли Еврей-*

ския, и зде ничтоже сотворих, и *ввергоша мя в ров сей* (ст. 9, 12–14). Так как Иосиф предсказывал виночерпию в будущем благополучие и помилование от царя, то и говорит: *помяни мя тобою,* то есть когда ты снова будешь счастлив, вспомни того, кто тебе это предсказал, и окажи мне милость.

2. Слыша это, возлюбленный, не обвиняй праведника в малодушии; а лучше подивись тому, что он, среди таких скорбей, мужественно и благодушно переносил заключение в темнице. Хотя от начальника темницы часто получал он власть, но все же его тяготило заключение и пребывание с людьми павшими и неопрятными. Заметь его любомудрую душу и в том, как он все переносил с твердостью духа, во всем показывая глубокое смиренномудрие. *И сотвориши,* говорит, *со мною милость, и помянеши о мне пред Фараоном, и изведеши мя от твердыни сея.* Обрати здесь внимание на то, что он ничего не говорит касательно той гнусной блудницы, не обвиняет и своего господина, не упоминает о бесчеловечии к нему своих братьев; но, скрывая все это, говорит: вспомни меня и постарайся о том, чтоб меня вывели из этой темницы. *Яко татьбою украден бых из земли Еврейския. И зде ничтоже сотворих, но ввергоша мя в ров сей.* Не оставим этого без внимания; но размыслим о любомудрии его души, — о том, как он, найдя такой случай и зная, что виночерпий, в счастливых обстоятельствах, может все, что его касается, сообщить царю, он не обвиняет египтянки (опять это скажу), не касается ни господина, ни своих братьев; не высказывает причины, по какой осужден на заключение в темницу, и не старается доказать несправедливость, ему оказанную; не о том заботится, чтобы обвинить других, а чтобы сказать то, что его касается. Он оставил в тени поступки с ним братьев, сказав только: *украден бых из земли Еврейския,* а о поступке непотребной египтянки и вовсе не упоминает, также и о несправедливом гневе на него

господина. Что он говорит? *Зде ничтоже сотворих, но ввергоша мя в ров сей.* Слыша это, научимся и мы, когда подвергнемся чему-либо подобному, не стараться поносить тех (которые обидели нас), не изощрять языка на обвинение других, но тихо и кротко доказывать свою невинность и подражать этому чудному мужу, который даже и в бедствии не решился ни одним словом огласить бесстыдство египтянки. Известно, что многие, действительно виновные в преступлениях, с бесстыдством стараются сложить свои вины на других. А этот, будучи светлее солнца и имея возможность рассказать все правдиво и показать безумие той (женщины) и себя прославить, ничего из этого не разглашает. Он не искал славы у людей, а довольствовался благоволением свыше, и похвалу за свои дела хотел иметь только от Всевидящего. Поэтому, хотя он молчал, и старался все скрыть, — человеколюбец Господь, видя, что подвижник так хорошо подвизается, возвел его на такую степень величия. Впрочем, и из последующих событий мы узнаем терпение этого мужа, увидим, как он не скорбел от промедления и не унывал, но с великим благодушием все переносил и благодарил Господа, попустившего это. Между тем главный хлебодар, услышав это и думая, что и его сон предвещает ему что-нибудь доброе, рассказывает ему свое сновидение. Но Иосиф, выслушав и получив от вышнего откровения объяснение и этого сна, предсказывает хлебодару угрожающую погибель и говорит: *еще три дние, и отъмет Фараон главу твою от тебе, и повесит тя на древе, и изъядят птицы небесныя плоть твою от тебе* (ст. 19). Для того, говорит он, я предварительно заметил вам, что я не от себя провещаю вам, но по откровению Божию, чтобы, доброе ли или худое будут означать сны ваши, вы не приписывали этого мне самому. Я не свое говорю вам; но объявляю только то, что открывает благодать свыше. Когда наступил предназначенный день, слова Иосифа оправдались

самым делом: с обоими произошло так, как он предсказывал; один снова возвратился к прежнему благоденствию, другой подвергся казни. Однако виночерпий, столь утешенный Иосифом, *не помяну Иосифа, но забы его* (ст. 23). И посмотри опять на праведника, как он подвизается, будто в училище борьбы или палестре, и представляет доказательства своей доблести, не испытывая никакого смущения, страха и раздражения. Если бы это был другой кто-нибудь из обыкновенных людей, то, может быть, сказал бы сам себе: что же это? Виночерпий, сообразно с тем как истолковал я ему сон, так скоро возвратил себе прежнее благополучие и уже не вспомнил обо мне, предсказавшем ему это. Вот он в таком счастье; а я, не сделавший ничего худого, в заключении, вместе с убийцами, ворами, разбойниками, с людьми, наделавшими тысячи зол. Ничего подобного он не сказал и не подумал: он знал, что его поприще для того так и продолжительно, чтобы, надлежащим образом потрудившись, он получил светлый венец.

3. Заметь, что по восстановлении виночерпия прошло, как сказано, два года. Ему нужно было ожидать благоприятного времени, чтобы выйти оттуда со славой. Если бы виночерпий, вспомнив о нем прежде сновидений фараона, своим ходатайством освободил его из темницы, то его добродетель для многих, быть может, осталась бы неизвестной. А теперь благопромыслительный и премудрый Господь, как искусный художник, зная, на сколько времени золото должно оставаться в огне, и когда его нужно вынимать оттуда, попускает виночерпию забыть об Иосифе в продолжение двух лет, для того, чтобы настало время и для сновидений фараона, и по требованию самой нужды праведник сделался известным по всему царству фараона. *По двою лету*, сказано, *виде фараон* сны. *И бысть заутра, и возмутися душа его: и послав, созва вся сказатели Египетския, и вся мудрыя его; и поведа им фараон сон; и не бяше сказуяй того фараону*

(XLI, 1–8). Посмотри, как (здесь) многообразно устроение Божие! Сперва Бог попускает ему испытать всех считавшихся там мудрецами для того, чтобы – когда обнаружится их неведение – выступил на середину этот узник, пленник, раб, еврей, и открыв то, что скрыто было от многих, через то всем показал озаряющую его благодать свыше. Когда все собранные мудрецы не могли ничего сказать, даже и уст открыть не имели сил, тогда виночерпий, вспомнив, пересказывает фараону случившееся с ним, и говорит: *грех мой воспоминаю днесь* (ст. 9). И затем рассказывает, как он в то время, когда был ввергнут в темницу вместе с хлебодаром, видел сон и получил объяснение Иосифа, и как, по его предсказанию, все сбылось с ними на самом деле. Царь, услышав это, послал за Иосифом; *и изведоша его из твердыни, и остригоша его, и измениша ризы ему: и вниде к фараону* (ст. 14). Смотри, какая вдруг, с самого начала, честь! Уже хорошо очищенный терпением, блистающий, как золото, он выходит из темницы и приводится к фараону. Видишь ли, что значит иметь помощь свыше? Замечай, как устроялось к тому, чтобы исполнилось то, что касается Иосифа. Так как он совершил величайший подвиг целомудрия, избежав сетей непотребной египтянки, и ввергнут был в темницу, то соизволено было, что в то же время заключены были там же виночерпий и хлебодар фараона, и через объяснение снов они узнали мудрость этого мужа, дабы теперь своевременно вспомнивший о нем сделал его всем известным. *Рече же фараон Иосифу: сон видех и сказуяй его несть; аз же слышах о тебе глаголющих, яко, слышав сны, разсуждаеши тыя* (ст. 15). Вот как фараон от стыда не говорит прямо, что никто из моих мудрецов не мог истолковать снов; а что (говорит)? *Сон видех и сказуяй его несть; аз же слышах о тебе глаголющих, яко, слышав сны, разсуждаеши тыя.* Обрати внимание на то, сколько здесь у Иосифа мудрости и благочестия в том, как отвечает он фараону. Не думай,

говорит он, что я от себя что-нибудь говорю или по человеческой мудрости изъясняю это. Без откровения свыше нельзя приобрести такого ведения. Итак, знай, что без Бога я не могу отвечать тебе. *Без Бога,* говорит, *не отвещается спасение Фараона* (ст. 16). А зная, что Владыка всего открывает это, не спрашивай у людей о том, что открывать, говорит, свойственно одному Богу.

Смотри, как своим ответом Иосиф научает фараона понимать и бессилие бывших при нем мудрецов, и всемогущество Господа. Теперь, как ты узнал, что я не по человеческой премудрости и не по своим соображениям объясняю это, скажи, что тебе Бог открыл. Выслушав это, фараон рассказывает свои сны, первый и второй, и говорит: *рех сказателем и не бысть поведали мне* (ст. 24). Но не слышал ли ты от меня, говорит (Иосиф), что человеческой мудрости не свойственно знать это? Поэтому ты и не обвиняй мудрецов; они не могли никогда постигнуть того, что требует откровения свыше. *И рече Иосиф: сон Фараонов един есть* (ст. 25). А чтобы ты уверился, что открытое тебе Богом действительно сбудется и что Бог ускорит совершить это, дано тебе увидеть в другой раз тот же сон (ст. 32). Повторение служит подтверждением показанного (в сновидениях) и удостоверением в совершенном исполнении этого. Затем он объяснил седмеричное число волов и колосьев, сказав, что будет сначала великое во всем изобилие, а за ним последует жестокий голод, в заключение предложил фараону и наилучший совет. Поставь, говорит, над Египтом человека, который, собрав в семь плодородных лет плоды, устроил бы так, чтобы во время голода можно было найти утешение и не было совершенного оскудения. Понравилось, сказано, это фараону и всем рабам его (ст. 37). И вот фараон служит орудием исполнения снов Иосифа, виденных тогда, когда он еще жил с отцом своим. Итак, он толковал сны фараона; а фара-

он приводил к концу исполнение его снов, и сам того не зная. Выслушав это, сказано, *рече рабом своим: еда обрящет, человека сицеваго, иже имать Духа Божия в себе* (ст. 38)?

4. Видишь, как и сам (фараон) понял, что ему (Иосифу) сделалось это ясным по особому откровению свыше. Кого найдем мы, говорит, такого, который бы удостоен был благодати – иметь в себе Духа Божия? *И рече Иосифу: понеже показа Бог тебе вся сия, несть человека мудрейша паче тебе* (ст. 39).

Примечай здесь то, как никакие случайности не могут быть препятствием, когда благопромыслительному Господу угодно привести в исполнение Свои намерения. Вот (Иосиф) подвергся почти, можно сказать, убийству со стороны братьев, потом был продан, подпал клевете, которая угрожала ему крайней опасностью, и столько времени оставался в заключении, – и после всего этого возведен почти на царский престол. *Понеже показа Бог тебе вся сия, несть человека мудрейша и смысленнейша паче тебе. Ты* убо *буди в дому моем, и уст твоих да послушают вси людие, разве престолом аз более тебе буду* (ст. 39, 40). Вот как узник внезапно становится царем всего Египта; тот, кто архимагиром был заключен в темницу, теперь царем возводится на самую высшую степень почестей; прежний господин его сверх всякого чаяния видит, что человек, которого он, как прелюбодея, ввергнул в темницу, теперь получил власть над всем Египтом. Видишь ли, что значит благодушно переносить искушения? Поэтому и Павел говорит: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. V, 4). И вот смотри: скорби (Иосиф) переносил с терпением; терпение сделало его испытанным; а сделавшись испытанным, он стал тверд в уповании, и упование не посрамило. *Рече же* ему: *се поставляю тя днесь над всею землею египет-*

скою. И снем Фараон перстень с руки своея, возложи его на руку Иосифу, и облече его в ризу червлену, и возложи гривну злату на выю его, и всади его на колесницу свою вторую, и проповеда пред ним проповедник: и постави его над всею землею египетскою (XLI, 42). Так как он имел Бога с собой, то Господь все это предустроил и возвел его на такую степень величия. *Рече же Фараон: без тебе никтоже* да *воздвигнет руку свою во всей земле Египетстей* (ст. 44). *И нарече Фараон имя Иосифу Псомфомфаних* (ст. 45), желая этим наименованием увековечить память о присущей ему мудрости. А имя это значит: знающий сокровенное. Так как он объяснил то, что было никому неведомо, то, указывая на это, фараон и дал ему это прозвище. Возвышая его честь, дает ему в супружество дочь Петефрия. Но как этим же именем назывался и бывший господин его, то и прибавлено (в Писании): Петефрия, *жреца Илиопольскаго* (ст. 45). Далее, чтобы нам известно было и то, в каком возрасте этот чудный совершил такие подвиги и удостоился такого воздаяния, Писание говорит: *Иосиф же бяше лет тридесяти, егда предста Фараону* (ст. 46). Не подумаем, что число лет здесь показано без цели; это – для нашего вразумления в том, что ни для кого не может быть извинительным нерадение о добродетели, что никому нельзя ссылаться на юность там, где должно показать добродетель. Вот Иосиф был не только юн, но и благообразен и красив лицом. Случается, что и юность бывает лишена телесной красоты. А он с юностью соединял и красоту лица и благообразие и, будучи почти в самом цветущем возрасте, сделался рабом и пленником, – так как сказано, что семнадцати лет он был отведен в Египет. Потом в самом пылу его юношеского возраста нападает на него непотребная египтянка, ставшая его госпожой; но и при этом она не преодолела твердости праведника. Далее – темница и в ней столь долговременное страдание. Но он

пребыл тверд, как адамант, не только не ослабевая, но еще более и более приобретая силы, потому что он имел укреплявшую его благодать свыше. И так как он сам с своей стороны исполнил свой долг, то и вызван из темницы для управления всем Египтом.

5. Слыша это, никогда не будем унывать в скорбях и, увлекаясь своими помыслами, не будем предаваться отчаянию; но, имея большое терпение, будем питаться надеждой, зная благое о нас промышление Господа, Который не потому попускает нам испытывать скорби, что оставляет нас, но потому, что желает за подвиги увенчать нас светлым венцом. Так достигли славы все святые. Поэтому и апостолы говорили: *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. XIV, 22). И Сам Христос сказал ученикам: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). Не будем же слишком сетовать о скорбях, но послушаем Павла, который говорит, что *хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. III, 12). Не будем ни смущаться духом, ни унывать; но будем переносить с твердостью и терпением все напасти, обращая внимание не на скорби, а на пользу, отсюда происходящую, потому что тут есть духовное благоприобретение. Как желающие собрать богатство, занятые житейскими выгодами, не иначе могут умножить свое достояние, как испытывая множество опасностей на суше и на море (неизбежно подвергаясь козням и нападениям воров и разбойников), и однако охотно готовы бывают переносить все это, в ожидании прибыли, вовсе не чувствуя ничего тяжелого, так и мы должны радоваться и веселиться, помышляя о собираемом таким путем богатстве и духовном приобретении и – смотреть не на видимое, а на невидимое, как это внушает Павел, говоря: *не смотряющим нам видимых* (2 Кор. IV, 18). Вера в том и состоит, когда мы не довольствуемся только тем, что видим телесными глаза-

ми, но очами ума созерцаем невидимое. И это мы должны считать более достоверным, нежели то, что видим телесными глазами. Так благоугождал (Богу) патриарх, поверив обетованию Божию и став выше естества и всех человеческих помыслов; и это — *вменися ему в правду* (Рим. IV, 3). Знай, что *правда* и состоит в веровании словам Божиим. Когда Он изрекает Свои обетования, то не испытуй их, прошу, по человеческим соображениям; но, становясь выше обыкновенных помыслов, твердо уповай на всемогущество Давшего обетование. Так благоугождал каждый из мужей праведных. Так и дивный этот Иосиф, когда после его сновидений возникли столь великие для него искушения, не смущался, не предавался страху; но с твердостью духа все переносил мужественно, зная, что невозможно Божественному намерению остаться без исполнения. Зато после рабства, после темницы и после такой жестокой клеветы, он получил власть над всем Египтом. Размышляя обо всем этом, будем благодушно встречать напасти, за все благодаря человеколюбца Бога и от Него ожидая помощи, которой и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIV

Изыде же Иосиф от лица Фараоня и пройде всю землю Египетскую. И сотвори земля в седми летех обильну жатву, и собра пшеницу, яко песок морский (Быт. XLI, 46—49)

1. Хотите ли, чтобы и сегодня мы продолжили повествование об Иосифе и рассмотрели то, как этот дивный муж, получив начальство над всем Египтом, свой-

ственным ему благоразумием успокоил всех жителей его? *Изыде же,* сказано, *от лица Фараоня и пройде всю землю Египетскую. И сотвори земля в седми летех обильну жатву, и собра пшеницу яко песок морский.* Получив от царя полную власть, он собирал полевые плоды и слагал их в городах, приготовляя таким образом достаточное обеспечение на время наступавшего голода. Видишь ли, какое воздаяние за свое благодушие, терпение и другие добродетели еще здесь получил этот праведник, из темницы перейдя в царские чертоги. Было же у него, сказано, два сына прежде наступления годов голода; и *нарече имя* первого *Манассия, глаголя: яко забыти мне сотвори Бог вся болезни моя, и яже отца моего* (ст. 51). Заметь благочестие этого мужа и в том, что в имени сына он полагает воспоминание о всем, чтобы благодарность свою (Богу) сделать постоянной, чтобы и сын из собственного своего имени мог знать об искушениях и терпениях, через которое праведник достиг столь великой славы. *Яко забыти мне, сотвори вся болезни моя и яже отца моего.* Что значит: *вся болезни моя?* Здесь, мне думается, разумеет он двукратное свое рабство и страдание в темнице. *И вся яже отца моего,* то есть испытанное им разлучение с отцом, когда он был удален от объятий отеческих и еще в незрелом возрасте, воспитанный с таким попечением, перешел из свободного состояния в неволю. И *имя второму нарече Ефраим: яко возрасти мя Бог в земли смирения моего* (ст. 52). Смотри, имя и этого сына выражает полную благодарность. Не только, говорит, я забыл прежнее горе, но и размножился на этой земле, в которой потерпел такое унижение, что находился в крайности и подвергался опасности за самую жизнь. Но следует выслушать и дальнейшее повествование. После семи лет изобильных наступили годы голода, как предсказывал Иосиф. События показали всем мудрость этого мужа, и всех заставили подчиниться ему.

Он наперед устроил так, что, когда должен был наступить сильный голод, египтяне не чувствовали нужды. *Во всей земли Египетстей,* сказано, *быша хлебы* (ст. 54). Но когда скудость увеличилась, то народ возопил к фараону, не вынося тяжкой нужды; вынуждаемые голодом прибегли к царю. Но обрати внимание на его признательность. *Рече же Фараон Египтяном: идите ко Иосифу, и еже речет вам, сотворите* (ст. 55). Он как бы так говорит: чего вы пришли ко мне? Разве не видите, что я только ношу одежду (царскую), а он виновник нашего общего спасения? Не бегите же ко мне, оставляя его, а идите к нему, *и еже речет вам, сотворите. Отверзе же Иосиф житницы, и продаяше Египтяном* (ст. 56). И как голод охватил всех, то *все страны, прихождаху во Египет куповати пшеницу, обдержаше бо гладъ всю землю* (ст. 57). Смотри, как мало-помалу начинают сбываться Иосифовы сновидения. Когда голод усилился и распространился на Ханаан, где жил отец его Иаков, то узнав, что есть продажа пшеницы в Египте, *рече сыном своим: почто нерадите; се слышах, яко есть пшеница во Египте; идите купити нам мало пищи, да* живем *и не умрем* (XLII, 1, 2). Что, говорит, вы здесь сидите? Отправляйтесь в Египет и принесите нам, что нужно для пропитания. А все происходило так для того, чтобы братья Иосифа увидели все своими глазами и сами привели в исполнение то толкование сна, которое они высказали, когда слушали рассказ Иосифа о том, что он видел во сне. *И пошли,* сказано, *десять братьев,* а Вениамина, который был от одной матери с Иосифом, не взяли с собой, потому что отец сказал: *да не когда случится ему зло* (ст. 4). Он жалел отрока, по незрелости его лет. *Пришедше же, поклонишася* Иосифу, как начальнику Египта, *лицем до земли* (ст. 6). Теперь все это они делают в неведении, потому что прошло немало времени с тех пор; не признали брата даже по чертам лица; может быть, зрелость возраста произвела некото-

рую перемену в лице его. Все это, думаю, произошло и по устроению Бога всяческих, так что они не могли узнать брата ни из разговора, ни по лицу. Да и как могло им прийти это на мысль? Ведь они думали, что он, сделавшись рабом исмаильтян, и дотоле еще оставался в рабстве у варваров. Так они, не будучи в силах представить себе ничего такого, не узнали Иосифа; а он узнал их, едва только увидел, но постарался скрыть и решился обращаться с ними, как с чужими. *Отчуждашеся бо их,* сказано, *и глаголаше им жестоко. И рече: откуду приидосте* (ст. 7). Он прикрывает себя совершенным незнанием, чтобы тем лучше узнать от них все в подробности: он желал, узнать касательно своего отца и брата (Вениамина).

2. И прежде всего он спрашивает их, из какой они страны; они отвечают, что из земли Ханаанской, — пришли купить хлеба. Голодная нужда, говорят, заставила нас предпринять это путешествие; и по этой причине, оставив свои (семейства), мы пришли сюда. *И помяну Иосиф сны, яже виде он* (ст. 9). Припомнив сны и увидев, что они сбываются на самом деле, он хотел разведать обо всем обстоятельно. Поэтому он с большой строгостью тотчас отвечает и говорит: *соглядатаи есте, соглядати путей* земли *приидосте* (ст. 9). Не с добрым намерением, говорит, пришли вы. Как видно, вы пришли сюда с какою-то хитростью и злым умыслом. Они, придя в замешательство, отвечают: *ни, господине* (ст. 10). И о чем старался узнать Иосиф, то они сами собой объясняют ему. *Раби твои,* говорят они, *приидохом купити пищи. Вси есмы сынове единаго человека: мирницы есмы, не суть раби твои соглядатаи* (ст. 11). Защищая только самих себя и будучи в душе волнуемы страхом, они не высказывают еще того, что хотел узнать Иосиф. Поэтому он снова повторяет им: *ни, но пути земли приидосте видети* (ст. 12). Напрасно вы это говорите мне;

самый вид ваш показывает, что вы прибыли сюда с каким-нибудь злым умыслом. Вынуждаемые необходимостью и желая преклонить его на милость, они говорят: *дванадесять есмы братия раби твои* (ст. 13). Какой обман в словах! И того, кого сами продали купцам, включают в число. Да и не говорят: *нас было двенадцать*, а *дванадесять есмы. И се меншии со отцем нашим.* Именно о том и хотел Иосиф узнать, не сделали ли они и с меньшим его братом того же (что с ним). *Се меншии со отцем нашим, а другаго несть* (ст. 13). Не указывают ясно причины (отсутствия), а только: *несть*. Из такого ответа возымев подозрение, не сделали ли они и Вениамину чего-нибудь подобного, говорит: *сие есть, еже рекох вам, яко соглядатаи есте. Не бо изыдите отсюду*, дондеже *брат ваш меншии приидет семо* (ст. 14, 15). Я его хочу видеть; желаю посмотреть на брата единоутробного, потому что из ваших поступков со мной подозреваю в вас братоненавистный дух. Итак, если хотите, *послите от себе единаго и приведите его;* а пока он не придет, вы останетесь в темнице. С прибытием его объяснится, правду ли вы говорите, и тогда вы будете свободны от всякого подозрения. А если этого не будет, то ясно, что вы соглядатаи и затем пришли сюда. Сказав это, он *даде я под стражу* (ст. 17). Вот как он испытывает их чувства и тем, что он с ними делает, показывает свою любовь к брату. Спустя три дня он призвал их к себе и сказал: *сие сотворите и живи будете: Бога бо аз боюся. Аще мирницы есте, брат ваш да удержится един под стражею: сами же идите и отвезите купленную пшеницу вашу: и брата вашего меншаго приведите ко мне, и верна будут словеса ваша: аще же ни умрете* (ст. 18–20).

Примечай благоразумие. Желая и им оказать расположение, и нуждам отца помочь, и о брате узнать точную правду, он повелел одного из братьев задержать, а прочим позволил возвратиться. Но посмотри,

как теперь восстает неподкупный судья – совесть, хотя и никто их не обличает и не приводит на суд, и как они обвиняют сами себя. *Рече* бо, сказано, *кийждо к брату своему: ей: во гресех бо есмы брата ради нашего, яко презрехом скорбение души его, егда моляшеся нам, и не послушахом его. И сего* убо *ради прииде на ны скорбение сие* (ст. 21). Таков грех. Когда он уже совершен на самом деле, тогда и обнаруживает величайшее свое безрассудство. Как пьющий, когда упивается крепким вином, нисколько не чувствует вреда от вина, а уже после самим опытом дознает, как оно губительно, так и грех: пока еще не сделан, он помрачает рассудок, и подобно густому облаку потемняет смысл, а потом восстает совесть и сильнее всякого обличителя терзает мысль, обнаруживая гнусность поступка. Вот и эти теперь приходят в чувство, и когда увидели решительно угрожающую им опасность, тогда сознают, что ими сделано, и говорят: *ей, во гресех бо есмы брата ради нашего, яко презрехом скорбение души его.* Не случайно и не напрасно мы терпим это, говорят они, а справедливо и очень справедливо. Это нам наказание за бесчеловечие и жестокость, какую мы оказали брату: *яко презрехом скорбение души его; егда моляшеся нам и не послушахом его.* Так как были немилосерды и оказали великую жестокость, то зато теперь и испытываем то же самое: сего бо *ради прииде на ны скорбение сие.*

3. Так они говорили между собой, думая, что Иосиф ничего этого не слышит. Он, как будто не зная и не понимая их языка, употреблял в сношениях с ними толмача, который его слова передавал им, а их слова объяснял ему. Слыша это, Рувим сказал им: *не рех ли вам, глаголя: не преобидите детища, и не послушасте мене; и се кровь его взыскуется* (ст. 22). Не советовал ли я, говорит он, тогда вам, не упрашивал ли вас не делать ему никакой несправедливости? Поэтому теперь кровь его *взыскуется,* так

как в намерении вы уже умертвили его. Хотя вы не пронзили мечом выи его, но, продав его варварам, придумали для него рабство, тягчайшее самой смерти. За это теперь взыскивается кровь его. Подумай, каково чувствовать укоризны совести, постоянно иметь при себе этого обличителя, который вопиет и напоминает преступление. Иосиф слышал это. А они не знали (этого), потому что стоял между ними толмач (ст. 23). Но далее он уже не мог переносить, потому что естество братнее и сочувствие выдавали его. *И отвратився от них,* чтобы не обнаружиться перед ними, *проплакася* (ст. 24). *И паки прииде к ним и рече им; и поя Симеона и связя его пред ними.* Смотри, как он все делает для того, чтобы привести их в страх, чтобы они, увидев узы Симеона, ясно проявили себя в том отношении, имеют ли какое-нибудь сожаление о брате. Все это он делает, испытывая их мысли, желая узнать, не были ли они такими же и с Вениамином (как с ним). Поэтому он приказывает связать в глазах их и Симеона, чтобы вполне испытать их и увидеть, окажут ли они сколько-нибудь любви к нему. Сожалея о Симеоне, они должны были ускорить прибытие Вениамина, чего и хотел Иосиф, чтобы свиданием с братом совершенно успокоиться. *И повеле,* сказано, *наполнити сосуды их, пшеницы и возвратити сребро комуждо во вретище свое, и дати им брашно на путь: и возложивше на ослы своя отыдоша* (ст. 25, 26). Смотри, какую щедрость показывает он. Он благодетельствует им, вопреки их намерению, дав не только пшеницы, но и деньги. *Отрешив же един* из них *вретище свое,* яко *дати пищу ослом,* видит серебро *и рече братии своей:* о сем *ужасеся сердце их: и возмятошася друг ко другу глаголюще: что сие сотвори нам Бог* (ст. 27, 28). Они опять встревожились, подозревая, не послужит ли и это к большему обвинению их; обличаемые совестью, они все приписывали греху, сделанному ими

против Иосифа. Возвратившись к отцу, и передав ему все в подробности, они рассказали и о негодовании, выказанном против них со стороны начальника египетского, и о том, что он заключал их в темницу, как соглядатаев. *Рехом же ему*, говорили они, *мирницы есмы и дванадесять братия есмы и единаго несть, а менший со отцем нашим. Рече же нам: по сему* явитеся, *яко мирницы есте: брата единаго оставите зде, и приведите брата вашего меншаго: и увем, яко не соглядатаи есте* (ст. 31–34). Это опять возбудило скорби праведника. А после этого печального рассказа, когда они опорожняли свои влагалища, нашли каждый свое серебро и устрашились они и отец их. И вот при этом старец опять проливает слезы. Что он говорит им? *Мене безчадна сотвористе: Иосифа несть, Симеона несть и Вениамина ли поймете; на мя быша вся сия* (ст. 36). Мало, говорит, у меня было слез об Иосифе, вы присоединили к нему и Симеона. Да и на этом еще не остановились скорби мои. Вы хотите отнять у меня и Вениамина. *На мя быша вся сия.* Слова эти достаточно показывают, как терзалось сердце отца. Как терял он всякую надежду относительно Иосифа (думая, что он съеден зверями), так он предавался унынию и относительно Симеона, а наконец трепетал и за Вениамина. Но он пока еще противился и не отдавал отрока. *Рече же* ему *Рувим*, первенец его: *двоих сынов моих убий, аще не приведу его к тебе: даждь его в руце мои, и аз приведу его к тебе* (ст. 37). Вверь, говорит, его мне, мне дай, я возвращу его тебе.

4. Рувим так поступал в той мысли, что без Вениамина им нельзя снова прийти в Египет и купить там, что было нужно для пропитания; но отец не отдает его и говорит: *не пойдет сын мой с вами*. Высказывает и причину на это, как бы оправдываясь перед детьми: *яко брат его умре, и той един оста, и случится ему*, как совершенно юному, *зло на пути, и сведете старость мою с печалию во ад*

(ст. 38). Боюсь, говорит, за его детский возраст; опасаюсь, чтобы мне не лишиться и этого утешения, и не окончить жизни в горести. А пока он остается при мне, я имею хотя малое некоторое утешение; присутствие его облегчает мою скорбь об его брате. Итак, любовь к Вениамину не позволяет отцу отпустить его. Между тем голод еще более усилился и у них оказался недостаток в пище. И говорит отец: пойдите опять и принесите немного пищи. *Рече же ему Иуда: клятвою засвидетельствова нам муж, глаголя: не узрите лица моего, аще брат ваш менший не приидет с вами. Аще убо послеши брата нашего, пойдем и купим тебе пищи: аще же не послеши, не пойдем: муж бо рече нам: не узрите лица моего, аще брат ваш менший не приидет с вами* (XLIII, 2, 3). Не думай, говорит, что нам можно отправиться туда без брата. А если хочешь, чтобы мы сходили туда без всякой пользы и чтобы все подверглись опасности, то пойдем. Но знай, что тот человек заклял нас, что мы не увидим его лица, если не придет с нами младший брат. Со всех сторон стеснен был Иаков. Поэтому, проливая слезы, он говорит им: *почто зло сотвористе ми, поведавше мужу, яко есть вам брат* (ст. 6). Для чего же вы, говорит, сделали мне это зло? Для чего вы причинили мне столько бед? Если бы вы не сказали того, и Симеона я не лишился бы, и этого он не стал бы требовать. *Они же реша: вопроси нас муж, аще еще отец ваш жив есть, и аще есть вам брат, и поведахом ему: еда видехом, яко речет нам: приведите брата вашего* (ст. 7); не думай, говорят, что мы сами добровольно рассказали тому человеку о нашем семействе. Он, приняв нас за соглядатаев, задержал нас, и подробно расспрашивал о наших обстоятельствах; поэтому мы и сказали ему это, желая объяснить ему все по справедливости. *Рече же* паки *Иуда ко отцу своему: отпусти отрочища со мною: и воставше пойдем, да живи будем и не умрем* (ст. 8). Мне, говорит, поручи его,

чтобы нам отправиться в путь; (иначе) нам уже не останется никакой надежды спасения, так как пища издержана, а в другом месте мы нигде не найдем продовольствия. *Аз же* приемлю *его* от тебя; *аще не приведу его и поставлю пред тобою, грешен буду к тебе вся дни. Аще бо быхом не умедлили, уже возвратилися бы дважды* (ст. 9, 10). Сострадание твое, говорит, к сыну готовит всем нам гибель. Скоро все мы погибнем от голода, если не захочешь отпустить его с нами. И смотри здесь, возлюбленный, как наконец крайность голода победила отеческую любовь. Видя, что они не находят никакого другого средства к пропитанию, а голод усиливается, он говорит им: если так, и если уже непременно надобно тому быть и вам нельзя без него отправиться, то надобно и дары принести тому мужу. Отнесите назад и серебро, которое вы нашли в своих влагалищах, а для купли хлеба возьмите другое серебро. *И брата своего поймите, и воставше, идите к мужу. Бог же мой да даст вам благодать пред мужем, и отпустит брата вашего единого и Вениамина. Аз бо, яко же обезчадех, обезчадех* (ст. 13, 14). Смотри, какую выказывает невыразимую любовь свою к Иосифу. Чтобы кто-нибудь не подумал, что в словах: *аз якоже обезчадех, обезчадех,* он говорит о Вениамине или Симеоне, для этого он наперед сказал: Бог *же мой да даст вам благодать и отпустит брата вашего единаго и Вениамина.* Хотя, говорит, они и останутся живы, но я, как бездетный, бездетный. Подумай, как всецело сердцем он предан был Иосифу. Видя себя окруженным таким множеством детей, он считал себя бездетным потому, что лишился Иосифа. *Вземше же,* сказано, *мужие дары, и сребро сугубое, и Вениамина, приидоша во Египет, и сташа пред Иосифом. Виде же их Иосиф и Вениамина брата своего* (ст. 15, 16). Он увидел, чего так желал, увидел столь вожделенного ему. Он видел теперь исполнение желания своего. *И рече строителю дому своего: введи мужи в дом; и заколи от скота:*

со мною бо ясти имут мужие. Видевше же, яко введоша их в дом Иосифов, реша: сребра ради возвращеннаго во вретищах наших первее вводят ны, еже бы оклеветати нас, и нанести на ны, да поймут нас в рабы, и нас *и ослы наши* (ст. 16, 18). Иосиф так все устроил, показывая свое расположение к ним; а они и при этом беспокоятся, подозревая, не хотят ли истязать их за серебро, как поступивших и в этом отношении бесчестно. Поэтому, придя (в дом Иосифа), они объясняют причину своего смущения управителю дома, — рассказывают, как они нашли серебро в своих влагалищах, и присовокупляют: вот мы теперь принесли с собой серебра вдвое больше, чтобы и прежнее возвратить, и купить себе продовольствие.

5. Смотри, как несчастья укротили их дух и сделали их смиренными. *Рече же им* (правитель дома): *мир вам, не бойтеся. Бог ваш и Бог отца вашего даде вам сокровища во вретищах ваших: а сребро ваше за приятое имею* (ст. 23). Не бойтесь, говорит, и не беспокойтесь об этом. Никто не станет обвинять вас по этому делу. Серебра у нас слишком много. А вы и то признавайте делом Божиим, что в ваших влагалищах оказались сокровища. Сказав это, *изведе Симеона и принесе воду омыти нозе их, и даде пажити ослом их* (ст. 23, 24). Вот как молитва отца благопоспешала им во всем, и как он молился о них, когда говорил: *Бог отца моего да даст вам благодать,* так все и сделалось. Правитель дома, и до прихода Иосифа, оказывал им полную благосклонность. *Уготоваша же дары* Иосифу и, когда он пришел, *принесоша и поклонишася ему до земли* (ст. 26). Опять он спрашивает их: *здрав ли есть отец ваш старец, его же рекосте; еще ли жив; они же рекоша: здрав есть раб твой отец наш. И рече: благословен человек оный Богу, и приникше поклонишася. Виде же брата своего единоматерня, и рече: сей ли есть брат ваш юнейший, его же рекосте ко мне при-*

вести; и рече: Бог да помилует тя, чадо (ст. 27—29). Смотри, какую еще твердость показывает он, и еще прикрывает себя незнанием, чтобы через последующее испытать их намерения относительно того, как они расположены к Вениамину. Но природа брала верх: *подвижеся*, сказано, *утроба его, и искаше плакати. Вшед же в ложницу, плакася тамо. И умыв лице, изшед* (ст. 30). Потом, выражая им свою благосклонность, говорит: *предложите хлебы. И предложиша ему единому*, как бы царю и начальнику всего Египта, *и оным особно; и Египтяном, иже с ним ядяху, особно; не можаху бо Египтяне ясти хлеба с Евреи: мерзость бо есть Египтяном. Седе же прямо ему первый по старейшинству своему, и менший по меншеству* (ст. 31—33). Это приводило их в изумление, и они недоумевали, откуда он знал разность их возраста. Затем, каждому дав часть (снеди), Вениамину дал в пять раз больше. Они не понимали, что это значит, и думали, что просто по некоторой случайности сделано им, как бывает в отношении к малолетним. Когда окончилось угощение, Иосиф призвал своего домоправителя и *заповеда ему глаголя: наполни вретища мужем пищи, елико могут понести, и сребро* также каждого во вретище его, *и чашу сребряную вложи во вретище меншаго* (XLIV, 1, 2). Вот опять, какой способ он изобретает, чтобы точнее узнать расположение братьев к Вениамину. Когда это было сделано, он отпустил их. А когда они отправились в путь, *рече*, сказано, *домостроителю своему, гони вслед* их *и рцы: что яко воздасте злая за благая; вскую украдосте чашу мою сребряну; не сия ли есть, из нея же пиет господин мой; он же и волхвует в ней: злая совершися, яже сотвористе* (ст. 4, 5). Домоправитель, настигнув их, говорил им: для чего вы благодетелю отплатили злом? Для чего лукавство свое простерли даже на того, который оказал вам столь великую благосклонность? Почему вы не постыдились великодушия этого мужа к вам? Какое злодейство?

Какое безумие вы сделали! Или не знаете, что это тот самый сосуд, над которым волхвует господин мой? Худо ваше дело, гибельно намерение; непростителен умысел, велика дерзость, превосходящая всякую злобу. *Они же реша ему: вскую глаголет господин словеса сия* (ст. 7). Для чего, говорят, взводишь на нас вину, в которой мы вовсе невиновны? *Не буди рабом твоим сотворити по словеси сему;* никогда мы этого не дозволим себе. Принеся с собой двойное количество серебра, как мы могли похитить серебро или золото (ст. 8)? А если ты так думаешь, то у *него же аще* обрящется сосуд, которого ты ищешь, тот *да умрет,* как решившийся на такую дерзость, *и мы раби будем* (ст. 9). Убеждение совести побуждало их говорить с такою смелостью. *Он же рече: и ныне, яко же глаголете, тако будет: у него же аще обрящется чаша,* тот один *будет мой раб,* а вы отпущены будете (ст. 10). Сказав это, они позволили ему сделать обыск и *изыска от старейшаго зачен, дондеже прииде* до Вениамина. И открыв влагалище его, находит у него чашу (ст. 12). Это помрачило их ум. *И растерзаша ризы своя и, возложиша* опять вретища своя *и возвратишася во град.* Войдя *же Иуда и братия его к Иосифу, падоша пред ним на землю* (ст. 13, 14). Замечай, сколько они делают поклонов. Рече же им Иосиф: что это вы сделали? Разве не знаете, что я волхвованием волхвую на ней (на чаше). *Рече же Иуда: что отвещаем, или что возглаголем господину, или чим оправдимся; Бог же обрете неправду рабов твоих.* Опять они приводят себе на память поступки свои с Иосифом. *Се мы есмы раби господину нашему, и мы, и у него же обретеся чаша* (ст. 16). Вот теперь они показывают в себе доброе расположение духа и сами себя вместе с братом (Вениамином) отдают в рабство. *Рече же Иосиф: не буди ми сие сотворити. Муж, у него же обретеся чаша, той будет ми раб; вы же пойдите в целости ко отцу своему* (ст. 17).

6. Вот, чего опасался отец, то и случилось с ними; они пришли в страх и смущение, и не знают, что и делать. *Приступив же Иуда, рече.* Так как он взял его от отца и говорил: *аще не приведу его к тебе, грешен буду к тебе вся дни,* то поэтому теперь, приблизившись (к Иосифу), он рассказывает ему обо всем подробно, чтобы возбудить в нем сострадание и расположить к освобождению отрока. *Приступив* бо *к нему Иуда, рече: молю тя, господине, да речет раб твой* (ст. 18). Замечай, что он говорит совершенно так, как раб с господином; припомни же теперь те сновидения о снопах, которые усилили (в братьях) ненависть к нему, и подивись благопромыслительной Божией премудрости, которая все привела в исполнение, несмотря на столько препятствий. *Да речет,* говорит, *раб твой пред тобою, и не прогневайся на раба твоего, господине. Ты вопрошал еси рабов твоих, глаголя: аще имате отца или брата? И рехом господину: есть нам отец стар, и отрочищ старости менший ему, а брат его умре* (ст. 18–20). Представь себе, что было с Иосифом, когда он слушал это. *Он же един остася у матере своея, отец же возлюби его.* Для чего он и здесь лжет, говоря: *брат его умре,* тогда как они продали его купцам? Это потому, что они уверили отца в том, что он (Иосиф) умерщвлен и пожран зверями; а кроме того, они думали, что он не вынес рабства у варваров и уже умер; поэтому и говорит: *а брат его умре. Ты же рекл еси рабом твоим: приведите его ко мне,* и призрю *его. И рекл еси: аще не приидет брат ваш с вами, не приложите видети лица моего. Бысть же, егда приидохом к рабу твоему, отцу нашему, поведахом ему словеса господина. Рече же нам отец наш: идите паки, купите нам мало пищи. Мы же рекохом ему: не возможем ити,* если брат наш не пойдет с нами. *Рече же раб твой отец наш: вы весте, яко двоих роди мне жена: и отыде един от мене, и рекосте: яко зверем съеден бысть* (ст. 21, 23–28). Смотри, как из защитительной речи Иуды Иосиф обстоятельно

узнает обо всем, что произошло в доме (отца), после того, как он был продан, и как настроили отца и что они сказали об нем. Ныне *аще убо поймете и сего, и случится ему зло на пути, сведете старость мою с печалию во ад* (ст. 29). А если отец наш так любит этого отрока, то как нам явиться к нему без отрока? *Душа бо его связана с душею* сего, *и сведут раби твои старость раба твоего, отца нашего, с печалию во ад. Раб бо твой от отца взя отрочища, глаголя: аще не приведу его к тебе, грешен буду* пред тобою, *вся дни* (ст. 30–32). Такое обещание отцу дал я, чтобы привести отрока и выполнить твою волю, и тем доказать, что мы говорили тебе правду и что в наших словах не было нисколько лжи. *Ныне убо пребуду раб вместо отрочища, раб господину; отрочищ же да идет с братиею. Како бо пойдем ко отцу, отрочищу не сущу с нами? Да не вижду злых, яже обрящут отца моего* (ст. 33, 34). Эти слова тронули Иосифа и достаточно уже показали ему и почтение братьев его к отцу и любовь к брату. *И* уже *не можаше* переносить, ни *удержатися предстоящих ему,* но, удалив всех и оставшись один с ними, *испустив глас с плачем познавашеся братии.* И это сделалось известным во всем царстве *и в дому Фараонове.* И сказал он братьям: *аз есмь Иосиф: еще ли отец мой жив* (XLV, 1–3)? Нужно, по-моему, удивляться здесь и твердости этого блаженного мужа, тому, что он до сих пор мог притворяться и не обнаружить себя, а еще более удивляться тем, как они могли устоять и открыть наконец уста, как не вылетела из них душа, как не поколебался их рассудок, как они не провалились в землю. *И не могоша братия его отвещати ему: смутишася бо.* Справедливо. Представляя себе, как они с ним поступили, и как он вел себя по отношению к ним, размышляя о величии, в котором он тогда находился, они тревожились, можно сказать, за саму жизнь. Поэтому, желая их ободрить, говорит: *приближитеся ко мне*

(ст. 4). Не отдаляйтесь, говорит, не думайте, что вы сами по себе так поступили со мной. Это было делом не столько вашей злобы, сколько Божией премудрости и неизреченного человеколюбия, именно для того, чтобы, прибыв сюда, теперь, вовремя, я мог и вам и всей этой стране доставить все нужное для пропитания. *И рече: аз есмь Иосиф брат ваш, его же продаете во Египет. Ныне убо не скорбите* (ст. 4, 5). Пусть это не смущает и не представляется вам жестоким случившееся, потому что это произошло по устроению Божию. *На жизнь посла мя Бог пред вами. Сие бо второе лето глад на земли и еще пять лет, в них же не будет орания, ни жатвы. Посла бо мя Бог пред вами оставити вам останок на земли. Ныне убо не вы посласте мя семо, но Бог* (ст. 5—8).

7. Смотри, как раз и другой и третий он утешает их, говоря, что не им приписывает причину своего прибытия в Египет, но Богу, Который устроил это так, что он достиг такого величия. *Бог посла мя и сотвори мя, яко отца Фараону, и господина всему дому его, и князя всей земли Египетстей* (ст. 8). Мое рабство, говорит, доставило мне эту власть; продажа привела меня к такому величию; мое несчастье послужило поводом к такому благополучию; зависть приготовила мне эту славу. Это не слушать только будем, но и подражать и подобным образом извинять обидевших нас, не вменяя им того, что они сделали нам, но все перенося благодушно, подобно дивному Иосифу. Итак, говорит, будьте уверены, что я не вам приписываю случившееся со мной, и не обвиняю вас в преступлениях, но все отношу к Богу, все так устроившему, чтобы привести меня к настоящей славе. *Потщавшеся убо взыдите ко отцу моему, и рцыте ему: сия глаголет сын твой Иосиф: сотвори мя Бог господина всей земли Египетстей: сниди убо ко мне, и не умедли и вселишися в земли Гесемли, и будеши близ мене ты, и сынове твои, и сынове сынов твоих, и овцы, и волове и елика суть твоя.*

И препитаю тя (еще бо пять лет глад), да не погибнеши ты, и сынове твои, и вся имения твоя. Се очи ваши видят, и очи Вениамина, брата моего, яко уста моя глаголющая к вам. Возвестите отцу моему всю славу мою сущую во Египте, и елика видите, и ускоривше приведите его (ст. 9—13). Сказав все это, достаточно успокоив их и приказав им сказать о себе отцу и немедля привести его, он, *напад на выю Вениамина, плакася* (ст. 14) (так как он был от одной матери), и Вениамин *также плакася на выи его, и облобызал всю братию свою и плакася над ними* (ст. 15). И после такой речи, слез и данного им совета, (братья) едва могли говорить с ним. *И по сих,* сказано, *глаголаша к нему. И сие пронесеся до дома Фараона, и возрадовася* он и все в доме (ст. 16). Свидание Иосифа с братьями обрадовало всех. *И рече* царь *ко Иосифу: рцы братии своей, сие сотворите; наполните сосуды ваша пшеницы, и идите; и земше отца вашего, приидите ко мне, и дам вам от всех благ египетских. Ты же заповеждь сия: взяти им колесницы детем и женам* (ст. 17—19). Смотри, как и царь заботится о прибытии Иакова. *И поимше,* говорит, *отца вашего, приидите. И не пощадите очима сосудов ваших: вся бо благая египетская вам будут. Сотвориша же тако сынове Исраилевы: даде же им Иосиф колесницы по повелению царя. И всем даде сугубы ризы: Вениамину же даде триста златниц, и пятеры ризы пременныя. И отцу своему посла* подобно *и десять ослов, везущих от благ египетских, и десять мсков везущих хлебы на путь отцу его.* Дав все это, *отпусти братию свою, и отыдоша, и рече им: не гневайтеся на пути* (ст. 19—24). Посмотри, какая любомудрая душа. Не только сам оставил всякий гнев на них и освободил их от вины, но и им внушает не предаваться гневу в пути и не обвинять друг друга в том, что случилось. В самом деле, если недавно еще, представляясь Иосифу, они говорили между собой: *ей во гресех есмы Иосифа ради брата нашего, яко презрехом скорбение его,* — и тогда Рувим говорил: *не рех ли вам, не*

преобидите детища, и не послушасте мене (XLII, 21), то тем более могло случиться, что теперь он будет обвинять их. Поэтому, предотвращая их гнев и взаимную ссору, говорит: *не гневайтеся на пути;* но размышляя о том, что я ваших поступков со мной не поставил вам в вину, будьте и вы благорасположены друг к другу.

Можно ли довольно надивиться добродетели этого праведника, который с большим тщанием выполнял учение мудрости, открытой в Новом Завете. Что Христос заповедал апостолам: *любите враги ваша, молитеся за творящих вам напасть* (Мф. V, 44), то самое, и еще больше того, сделал Иосиф. Он не только показал столь великую любовь к тем, которые с своей стороны готовы были убить его, но еще всячески старается уверить их, что они нисколько не согрешили против него. Какая высокая мудрость! Какое крепкое благодушие! Какая великая любовь к Богу! Не вы, говорит он, мне это сделали, но попустил промысл Божий, пекущийся о мне, чтобы и сновидения мои сбылись и для вас я мог послужить орудием спасения. Итак, скорби или искушения служат свидетельством великого промышления и попечения о нас человеколюбца Бога. И потому мы не должны домогаться всеми мерами только жизни спокойной и беспечальной; но и в благополучии и в скорбях равно должны воссылать благодарение Господу, чтобы Он, видя наше благомыслие, явил еще большее попечение о нас, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXV

Изыдоша же (братья Иосифовы) из Египта, и приидоша в землю Ханааню ко Иакову отцу своему, и поведаша ему, глаголюще: яко сын твой Иосиф жив есть, и он владеет над всею землею египетскою, и ужасеся в мысли Иаков: не вероваше бо им (Быт. XLV, 25 и 26)

1. Из вчерашней беседы нашей вы видели любомудрие Иосифа и невыразимое незлобие, какое он оказал своим братьям; он не только не напомнил им об их поступках в отношении к нему, но и их самих, при возвращении к отцу, убеждал и советовал не обвинять друг друга в том, что они сделали против него, но, отложив всякий гнев, совершать путь в единодушии. Теперь рассмотрим дальнейшие события, чтобы нам видеть возвращение братьев Иосифовых к отцу и переселение Иакова в Египет, и то, как он, узнав об Иосифе, снова расцвел и сделался, так сказать, юношею из старца. Кто может выразить словами ту радость, какая была у Иакова, когда он узнал, что Иосиф жив, и достиг такой великой знатности? Вы знаете, что неожиданное счастье производит особенно большую радость. Узнав, что тот, кого он уже столько лет считал добычей зверей, теперь начальствует над всем Египтом, как он от столь великой радости не лишился ума? Ведь сильная радость часто сопровождается такими же последствиями, какими и чрезмерная скорбь. Можно видеть, как многие и слезы проливают от излишней радости; а другие нередко приходят в беспамятство, когда видят то, чего не ожидали, и когда нечаянно встречают живыми тех, кого считали умершими. Но, чтобы яснее была наша речь, снова выслушаем прочитанные места (Священного Писания). *Изыдоша же,* сказано, *из Египта, и приидоша в землю Ханааню ко Иакову отцу своему, и поведаша ему, глаго-*

люще: яко сын твой Иосиф жив есть, и он владеет над всею землею египетскою, и ужасеся в мысли Иаков: не вероваше бо им. Видишь, как я говорил, Иакову невероятным казалось известие об Иосифе, так что мысли его волновались и он рассказ братьев считал обманом. В самом деле, они сами прежде принесли одежду Иосифа, обагренную в крови козла, и уверяли отца, что сын его сделался добычей зверей, а теперь говорят, что он жив и начальствует над всем Египтом. Смутившись духом, Иаков размышлял сам с собой: что бы это значило? Если справедливо прежнее, то невероятно настоящее; а если настоящее верно и справедливо, то ложно прежнее. Смущало его особенно то, что прежде он слышал от своих детей одно, а теперь узнает от них другое. Но они, видя смущение отца, и желая уверить его в справедливости своих слов, *глаголаша ему вся реченная от Иосифа, елика рече им* (ст. 27); а после слов представили колесницы и дары, присланные от Иосифа, – и едва могли убедить отца, что рассказы их не ложь. Видя посланные колесницы, чтобы отправиться ему в Египет, – *оживе*, сказано (ст. 27). Старый, преклонный летами, согбенный, Иаков вдруг помолодел духом, сказано: *оживе*. Что значит: *оживе*? Как огонь в лампаде, когда оскудевает елей, начинает угасать; но лишь только прибавит кто-нибудь хотя немного елея в лампаду, огонь, уже готовый погаснуть, тотчас издает яснейший свет, – так и этот старец, уже готовый угаснуть от скорби (*не хотяше бо*, сказано, *утешитися, глаголя, яко сниду к сыну моему сетуя во ад* (Быт. XXXVII, 35)), теперь, узнав, что Иосиф жив и начальствует над Египтом, увидев и колесницы, *ожил* духом, из старца стал юношей, рассеял облако грусти, утишил бурю помыслов, и наконец успокоился. А все это устроил Богу, дабы праведник после таких страданий обрел наконец утешение, и сделался участником благоденствия своего сына; а с другой

стороны, чтобы исполнились и сновидения, которые он сам же истолковал, сказав: *еда пришедше приидем аз и мати твоя, и братия твоя поклонитися тебе до земли* (Быт. XLVII, 10). Поверив виденному и слышанному, Иаков воскликнул: *велико ми есть сие, аще еще Иосиф сын мой жив есть: шед узрю его, прежде неже умрети ми* (ст. 38). Это весьма важно, говорит, превышает всякое разумение, и затмевает всякую человеческую радость, если еще жив сын мой Иосиф. *Шед узрю его.* Итак, поспешим, чтобы мне иметь свидание с ним, прежде нежели умру я; весть эта воскресила дух мой, прогнала немощи старости, укрепила мой рассудок. Если мне придется увидеться, то я умру, насладившись совершенной радостью. Итак, нимало не медля, праведник отправился в путь; он ускорял, спешил посмотреть на своего возлюбленного сына, увидеть царем Египта того, кого он считал уже давно умершим и добычей зверей. Придя к колодцу клятвенному, он вознес благодарственную молитву Господу, и *пожре жертву Богу отца своего Исаака* (Быт. XLVI, 1).

2. Слыша это, научимся тому, чтобы когда предпринимаем ли что-нибудь, беремся ли за какое-либо дело, или отправляемся в путешествие, – прежде всего возносить молитвенную жертву Господу, и не иначе, как испросив Его помощь, начинать предпринимаемое дело, и таким образом подражать благочестию древних праведников. *Пожре*, сказано, *жертву Богу отца своего Исаака*, – чтобы видно было, что он шел по следам отца своего, и это обнаруживал в служении Богу, подобно Исааку. И как он сам предварительно благодарственной молитвой показал свою признательность к Богу, то тотчас же последовали и знамения вышнего благоволения. Предусматривая дальность пути и смотря на свою старость, он боялся, чтобы внезапная смерть не лишила его радости видеть сына, и поэтому молил Господа

продолжить его жизнь, чтобы он мог насладиться совершенной радостью. И смотри, как благой Бог обнадеживает праведника. *Рече Бог Израилю в видении нощию, глаголя: Иакове, Иакове! Аз есмь Бог отцев твоих. Не убойся изыти во Египет, в язык бо велий сотворю тя тамо, и Аз сниду с тобою во Египет, и Аз возведу тя до конца, и Иосиф возложит руки своя на очи твои.* Вот как Господь обещает праведнику то, чего он желал, и даже еще больше. Щедрость Его часто превышает наши желания, по свойственному Ему человеколюбию. *Не убойся*, говорит, *изыти во Египет.* Так как (Израиля) устрашала дальность пути, то и говорит ему Бог: ты не смотри на немощь старости: *в язык велий сотворю тя тамо, и Аз сниду с тобою в Египет.* Я сам буду сопутствовать тебе, и все благоустрою для тебя. Заметь (Божественное) снисхождение в словах: *Аз сниду с тобою в Египет.* Что может быть блаженнее того, чтобы иметь Самого Бога спутником? А затем последовало и утешение, в котором особенно имел нужду старец: *Иосиф возложит руки своя на очи твои.* Он, возлюбленный твой, он сам приготовит тело твое к погребению и возложит руки свои на очи твои. Итак, с радостью и без всякого опасения предпринимай путь. Теперь представь себе, с каким благодушием праведник совершал путешествие, получив из Божественного обетования такое удостоверение. *Воста же*, сказано, *Иаков, и сынове его, и взяша все стяжание свое, и внидоша во Египет* (ст. 5 и 6). В шестидесяти шести душах сошел Иаков в Египет; и Иосиф с сыновьями своими, бывшими у него, был девятым, так что вместе с Иосифом всех душ было семьдесят пять (ст. 26 и 27). Для чего Божественное Писание с такою точностью показало нам число лиц? Для того, чтобы мы могли видеть, как исполнилось пророчение Божие Иакову: *в язык велий сотворю тя тамо.* От этих седмидесяти пяти душ потомство Израиля распространилось до шестисот

тысяч. Видишь, как не напрасно и не без цели Писание показало нам число переселившихся в Египет, но чтобы мы видели, от какого малого числа какое великое число (душ) произошло, и чтобы, смотря на это, всегда веровали обетованиям Божественным. Когда подумаешь, как после смерти Иакова и Иосифа царь египетский употреблял все усилия, чтобы уменьшить их потомство и не дать ему размножиться, однако не успел в этом, а (род Иакова) более и более прибавлялся и увеличивался, то удивись и изумись промышлению Божию и (знай), что не может не исполниться определенное Им, хотя бы кто придумывал тысячи препятствий. Но рассмотрим все по порядку, чтобы знать, как произошло свидание Иакова с сыном. Когда Иаков приблизился к земле египетской, то *посла*, сказано, *Иуду пред собою ко Иосифу срести его*, чтобы известить его о прибытии отца. Узнав это и запрягши колесницы, Иосиф *изыде во сретение отцу своему, и явився ему, нападе на выю его, и плакася плачем великим* (ст. 28 и 29). Произошло то, о чем я вначале говорил вам, — что нередко и чрезвычайная радость заставляет проливать слезы. *Нападе на выю его и плакася*, и не просто, а *плачем великим*. Тотчас пришло ему на ум, сколько он сам выстрадал, и сколько вытерпел из-за него отец; представил себе и то, сколько времени прошло после их разлуки, и как, сверх всякого ожидания, и он видит отца, и отец видит сына, и он испускал потоки слез, и показывая этим величайшую радость, и благодаря Господа за совершившееся. *И рече*, сказано, *Израиль ко Иосифу: да умру отныне, понеже видех лице твое: еще бо ты еси жив* (ст. 30). Я насладился, говорит, тем, чего желал; достиг того, чего уже никогда и не ожидал. Со мной случилось то, чего я никогда не надеялся. Наконец, довольно уже мне жить. Я увидел моего вожделенного; и для полного моего утешения достаточно видеть, что

ты еще жив, – ты, которого я давно уже считал умершим и добычей зверей. Отеческий голос, полный любви и вполне обнаруживающий душевное состояние. *Рече же Иосиф к братии своей, шед повем Фараону и реку ему: братия моя приидоша. Они же суть мужи пастуси: мужие бо скотопитателие* суть: *и скоты, и волы приведоша. Аще убо призовет вас Фараон, и речет: что дело ваше есть? Рцыте,* яко *мужие скотопитатели есмы... мерзость бо есть Египтяном всяк пастух овчий* (ст. 31, 32, 33 и 34).

3. Заметь разумность, с какой дает совет братьям, не просто и не случайно внушая им это, а желая поставить их в большей безопасности, и не допустить их до смешения с египтянами. Так как египтяне гнушались людьми, ведущими пастушескую жизнь, и презирали их, а между тем братья Иосифа не имели египетского образования, то поэтому Иосиф и советует им наперед выставлять свои занятия, чтобы под этим благовидным предлогом можно было отделить лучшую для них землю, где бы они могли жить безопасно. Таким образом Иосиф *от братий своих поя пять мужей, и постави их пред Фараоном. И рече* им *Фараон: что дело ваше?* И *реша:* мы скотопитатели *есмы, ныне убо да вселимся в земли Гесем. И рече Фараон глаголя: да вселятся, аще же веси, яко суть в них мужие силнии, постави их старейшины, скотом моим* (XLVII, ст. 1–6). Как советовал Иосиф, так и ответили братья его фараону, и таким образом получили позволение жить на земле Гесем. Но фараон, по своему благоволению к Иосифу, говорит еще: *аще веси, яко суть в них мужие силнии, постави их старейшины скотом моим.* Затем ввел Иосиф и отца своего Иакова к Фараону. *Рече же фараон ко Иакову: колико лет дней жития твоего* (ст. 7 и 8)? Так как Фараон видел перед собой старца в самой глубокой старости, то и спрашивает его о числе лет. *И рече Иаков Фараону; дние лет жития моего, яже*

обитаю (ст. 9). Вот как все праведники проводили настоящую жизнь, как бы на чужой стороне, и так в ней располагались. Послушай, как и Давид говорил: *преселник аз есмь у тебе и пришлец* (Пс. XXXVIII, 13). Так и Иаков говорит: *дние лет жития моего, яже обитаю.* Поэтому и Павел сказал о древних праведниках, что они сознавали, *яко страннии и пришельцы суть на земли* (Евр. XI, 13). *Дние лет жития моего,* говорит Иаков, *яже обитаю, сто тридесять лет: малы и злы быша дние лет жития моего; не достигоша во дни лет жития отец моих* (ст. 9). Дни, говорит, которые я прожил, и малочисленны и бедственны. Здесь он разумеет годы рабства, какое он терпел у Лавана после бегства, учиненного им из-за брата; потом, после возвращения оттуда, — скорбь, столь долговременную, о (предполагаемой) смерти Иосифа, и еще многие другие бедствия, им испытанные. Представь себе, в каком страхе он был, когда Симеон и Левий, в отмщение за свою сестру, истребили целый город и взяли в плен всех жителей Сихема. Он сказал тогда, обнаруживая беспокойство, в каком находился: *ненавистна мя сотвористе, яко злу мне быти живущим на земли: аз же мал есмь числом, и собравшеся на мя, изсекут мя, и истреблен буду аз и дом мой.* Поэтому и говорит теперь он фараону: *малы и злы быша дние лет жития моего. И всели Иосиф отца своего, и братию свою, и даде им обдержание в земли Египетстей на лучшей земли Рамессийстей, якоже повеле Фараон. И деляше Иосиф пшеницу отцу своему и братии своей, и всему дому отца своего* по числу тел (ст. 11 и 12). Так оправдалось то, что говорил он братьям: *посла мя Бог пред вами оставити вам останок на земли* (Быт. XLV, 7), *и на жизнь посла мя Бог пред вами* (ст. 5). *Деляше,* сказано, *хлеб* по числу тел.

Что значит: по числу тел? Значит, сколько потребно было для каждого. В Писании обыкновенно называется весь человек — иногда душой, иногда — телом. И как

выше было сказано: в семидесяти пяти душах сошел Иаков в Египет, вместо того, чтобы сказать: семдесят пять *мужей и жен,* – так и здесь говорится: по числу *тел,* то есть на каждого человека. Таким образом, в то время, когда весь Египет и земля ханаанская страдали от голода, дом Иакова благоденствовал, имея продовольствие, как бы из источников каких-либо текущее. *Пшеницы,* говорит Писание, *не бяше во всей земли: одоле бо глад зело: скончавашеся же земля египетская и земля ханааня от глада* (ст. 13).

4. Примечай неизреченное промышление Господа. Прежде, нежели усилился голод, Он ввел праведника в Египет, чтобы он нисколько не испытал бедствия, угрожавшего земле Ханаанской. И, когда все туда стекались, *собра,* сказано, *Иосиф все сребро* от живших в Египте и в Ханаане, и так раздавал им хлеб. *И оскуде* наконец *сребро. Внесе* бо все *в дом фараонов.* Придя же *еси* египтяне, сказали: *даждь нам хлебы, и вскую умираем пред тобою, скончася бо сребро* (ст. 14 и 15). У нас, говорят, нет уже денег, чтобы купить, потому мы погибаем от голода. Не отвергни же нас, которым угрожает смерть; дай нам хлеба, чтобы нам можно было жить и не умереть. *Рече же им Иосиф: пригоните скоты ваша, и дам вам хлебы* (ст. 16). Если нет у вас денег, говорит, я приму от вас стада. Ежели серебро ваше все истощено, приведите ваших домашних животных, и получите хлеб. *Пригнаша же скоты своя ко Иосифу: и даде им* закони, и за овцы, и за волы, и за ослы: и прекорми их за скоты их. Приидоша* же *к нему во второе лето, и рекоша ему: да не како погибнем,* не имея ни серебра, ни скота, так как все у тебя, господина нашего, ничего другого *не остася, точию едино тело и земля наша. Да не умрем,*

* Здесь и далее святитель кратко передает библейское повествование, опуская некоторые речения или заменяя их своими словами.

купи нас и землю нашу хлебами: и будем мы и земля наша раби Фараону, даждь семя, да посеем, и живи будем, и не умрем, и земля не опустеет (ст. 17–19). Себя сами они отдали в рабство, отдали и землю, чтобы только прокормиться: так силен был голод. *И купи Иосиф землю Египетскую Фараону* (ст. 20). Египтяне отдали ее, будучи принуждены к тому голодом. *И бысть земля Фараону. И люди поработи ему в рабы, от края предел Египетских даже до краев, кроме земли жреческия:* им *бо даде хлеб Фараон, и ядяху, сего ради не продаша земли своея* (ст. 20–22). Вот какое благоразумие и какую мудрость имел Иосиф: он не оставил их томиться голодом и всю землю приобрел Фараону вместе с обращением в рабство всех египтян. Но заметь здесь и ту чрезвычайную попечительность, какую оказывал им. *Рече Египтяном: се купих вас и землю вашу днесь Фараону: возмите себе семена, и сейте на земли. И* аще *будут плоды ея. дасте пятую часть Фараону: четыри же части будут вам самим в семена земли, и на препитание вам, и всем сущим в домех ваших* (ст. 23 и 24). Какая щедрость, какая предусмотрительность, какая необычайная заботливость! Поэтому и те, чувствуя благодеяние, говорят Иосифу: *оживил ны еси, обретохом благодать пред господином нашим, и будем раби Фараону* (ст. 25). Видишь ли щедрость (Иосифа)? Зная, как египтяне отягощены нуждой, зная, сколько труда и усилий они должны были перенести при обрабатывании земли, он говорит им: семена я вам буду доставлять, а обо всем прочем вы сами употребите ваше старание, и если будут плоды, отдавайте одну часть, а четыре части будут оставаться у вас, и в награду за труды и в запас для пропитания вашего. *И* сию *устави им заповедь, пятую часть даяти Фараону, кроме земли жреческия* (ст. 26).

Да слышат нынешние люди, какие преимущества в древности давались служителям идолов, и да научатся

хотя такую же честь оказывать тем, кому вверено служение Богу всяческих. Если древние, заблуждаясь и совершая служение идолам, думали, что они воздают особенное почтение идолам, когда такой чести удостаивают служителей их, то какого осуждения заслуживают те, которые ныне не имеют попечения о служителях Божиих? Разве не знаете, что эта честь переходит к Господу всяческих? Итак, не смотри на того, кто принимает честь. Не ради его самого ты должен делать то, что требуется от тебя, но ради Того, Кому он служит, — чтобы ты мог получить от Него щедрое воздаяние. Поэтому-то и сказал Господь: сделавший единому из сих — для Меня сделал, и: *приемляй пророка во имя пророче мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41). Разве Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния соразмерно с достоинством или слабостью служителей Своих? Он награждает тебя или осуждает сообразно с твоим расположением. И как честь, воздаваемая через них (служителей Божиих), подает нам великое дерзновение (потому что Он усвояет Себе то, что делается для Его служителей), так и презрение их низведет свыше великое наказание. Господь усвояет Себе как воздаваемую (Его служителям) честь, так и презрение. Зная это, никогда не будем пренебрегать попечением об иереях Божиих. Говорю это я, не столько о них заботясь, сколько о вашей любви, желая, чтобы вы через все приобретали себе благо. Даешь ли ты столько, сколько получаешь от Господа? Какое ты служение оказываешь? Однако и за это, незначительное и ограничивающееся настоящей жизнью служение, ты можешь получить нетленные награды и неизреченные блага.

5. Размышляя об этом, будем внимательны к этим служениям, рассчитывая не издержки, но ту пользу и прибыль, какую можем через это приобрести. Если мы, видя кого-нибудь близкого к человеку, облеченному

мирским величием, стараемся оказывать ему всевозможные услуги, зная, что честь, воздаваемая ему, переходит к его покровителю, и что он, сделав это известным своему покровителю, может таким образом еще более расположить его в нашу пользу, то тем более так будет у Господа всяческих. Если кто окажет какое-либо человеколюбие и сострадание прохожему человеку, или поверженному на распутии, то Господь, усвояя Себе это, обещает ввести сделавших им что-либо доброе в царство небесное и изречь: *приидите благословеннии Отца моего, взалкахся бо и дасте ми ясти* (Мф. XXV, 34 и 36). Тем более тот, кто оказывает свои услуги подвизающимся ради Господа и облеченным священным саном, получит не только такое же воздаяние, но и гораздо большее, так как человеколюбивый Господь всегда с большим избытком вознаграждает за сделанное нами. Итак, не будем хуже неверных, которые, еще находясь в заблуждении относительно идолов, оказывали такое попечение об их служителям. Но сколь великое различие находится между заблуждением и истиной, между служителями идолов и служителями Божиими, такое же различие покажем и в самом почтении, дабы получить свыше тем большее воздаяние. *Вселися же Израиль в земли Египетстей: и возрастоша и умножишася зело* (ст. 27). Таково было обетование Божие Иакову; *в язык велий сотворю тя тамо.* И *поживе Иаков седмънадесять лет и быша дние Иаковли лет сто четыредесять семь* (ст. 28). Бог определил столько времени для жизни Иакова, чтобы он оставил эту жизнь, получив достаточное утешение за те бедствия, которые претерпевал во все продолжение жизни.

Но, если хотите, чтобы не отяготить вашей памяти множеством сказанного, остальное оставим до другого времени и на этом окончим нашу беседу. При этом убеждаем любовь вашу тщательно внимать тому, что

говорится, постоянно сохранять это в памяти и непрестанно содержать в уме, — размышляя о подвигах терпения праведников, о великодушии, о вере их в Божественные обетования, когда они не колебались умом вследствие того, что происходило после обетований, но, твердо уповая на всемогущество Обетовавшего им, кротко переносили все и через это возвеличивались. Вот и этот праведник, столько лет оплакивавший Иосифа, как умершего, наконец увидел его управляющим египетским царством; и досточудный Иосиф после рабства, после заключения в темнице, после всех других страданий, им претерпенных, получил начальство над целой страной. И, если мы проследим все заключающиеся в Писании повествования, то найдем, что все добродетельные мужи шествовали путем искушений, и только таким образом получали свыше великую помощь. Поэтому если и мы хотим удостоиться благоволения Божия, не будем нетерпеливы в искушениях, не будем унывать, когда они постигают нас; но лучше будем радоваться и веселиться, укрепляя себя верой и зная, что тем большим будем наслаждаться промышлением Божиим, если решимся все переносить с благодарением. Да будет же всем нам дано и настоящую жизнь провести в добродетели, и будущих достигнуть благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVI

Приближишася же, сказано, дние Исраилю еже умрети, и призва сына своего Иосифа и рече ему: аще обретох благодать пред тобою, положи руку твою под стегно мое, и сотвориши надо мною милость и истину, еже не погребсти мене во Египте: но да почию со отцы моими: и изнесеши мя из Египта и погребеши мя во гробе их. Он же рече: аз сотворю по словеси твоему. Рече же: кленися мне: и клятся ему. И поклонися Исраиль на конец жезла его (Быт. XLVII, 29, 30, 31)

1. Сегодня мы окончим повествование об Иакове, и посмотрим, какие делает он распоряжения, приближаясь к смерти. Но никто, смотря на настоящий порядок дел, не должен требовать от праведников тех времен такого же любомудрия, какое ныне свойственно верным; а пусть судит о делах сообразно времени. Я с намерением заметил это предварительно, имея в виду последующие слова Иакова, сказанные Иосифу. А что он сказал, послушаем. *Приближишася же,* сказано, *дние Исраилю еже умрети, и призва сына своего Иосифа и рече ему: аще обретох благодать пред тобою, положи руку твою под стегно мое и сотвориши надо мною милость и истину, еже не погребсти мене во Египте: но да почию со отцы моими: и изнесеши мя из Египта и погребеши мя во гробе их. Он же рече: аз сотворю по словеси твоему. Рече же: кленися мне: и клятся ему. И поклонися Исраиль на конец жезла его.*

Многие малодушные люди, когда мы убеждаем их немного заботиться о погребении и не считать делом стоящим особенного попечения — перенесение останков умерших из чужой стороны в отечество, противопоставляют нам эту историю, и говорят, что и патриарх имел такую заботливость об этом деле. Но, как я уже заметил, надобно обратить внимание, во-первых, на то,

что тогда не требовалось такого любомудрия, какое ныне, а далее — на то, что праведник этого желал не без цели, но внушая своим сынам благие надежды, что они некогда, хотя не скоро, возвратятся в землю обетования. И что по этой причине делает он такое распоряжение, в том яснее убеждает нас сын его, когда также говорит: *посещением посетит вас Бог, совознесите кости моя отсюду* (Быт. L, 24). И что очами веры они предусматривали будущее, вот послушай, как он и самую смерть называет упокоением: *почию,* говорит, *со отцы моими.* Поэтому и Павел сказал: *по вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевше я и целовавше* (Евр. XI, 13). Каким образом? Очами веры. Итак, никто не должен думать, что это распоряжение* было делом малодушия; но пусть и обстоятельствами времени и предведением имеющего быть исшествия их освободит праведника от всякого осуждения. Ныне, когда с пришествием Христовым любомудрие возвысилось, всякий по справедливости осудил бы заботящегося о подобных делах.

И пусть (никто) не считает жалким окончившего жизнь свою на чужбине, преставившегося от этого мира в пустыне. Не он достоин сожаления, а тот, кто умирает во грехах, хотя бы он кончил жизнь на своем ложе, в собственном доме, хотя бы в присутствии своих друзей. И никто не говори мне этих пустых, достойных смеха и безрассудных речей: такой-то умер бесчестнее пса — при нем не было никого из знакомых; не сделано ему и приличного погребения, а на сложенное от разных лиц иждивение устроено то, что нужно для погребения. Не значит это, о, человек, умереть бесчестнее пса, потому что какой от того вред потерпел такой человек? То только худо, если он не имел для своего

---

* Имеется в виду распоряжение Иакова о месте его погребения.

прикрытия одежды добродетели. Что все другое не причиняет никакого вреда добродетельному, убедись из того, что большая часть праведников, разумею пророков и апостолов, за исключением немногих, неизвестно, где и погребены: одни были усечены в главу, другие, будучи побиты камнями, таким образом окончили жизнь, иные, предав себя самих бесчисленным и разнообразным наказаниям, все пострадали за Христа. Но никто не дерзнет сказать о них, что смерть их была бесчестна, а скажет вслед за Божественным Писанием: *честна пред Господем смерть преподобных его* (Пс. CXV, 15). И как называет оно смерть преподобных *честною,* так, послушай, называет оно смерть грешников *лютою: смерть,* говорит, *грешников люта* (Пс. XXXIII, 22). Хотя бы кто расстался с жизнью в своем доме, в присутствии жены и детей, в собрании родственников и знакомых, но, если не имел добродетели, *люта* смерть его. Напротив, стяжавший добродетель, хотя бы умер на чужбине, поверженный на землю, — да и что я говорю: на чужбине или на земле? — хотя бы впал в руки разбойников, хотя бы сделался добычей зверей, *честна* будет смерть его. Скажи мне: сын Захарии не во главу ли был усечен? А Стефан, первый украсившийся венцом мученичества, не скончался ли, будучи побит камнями?

А Павел и Петр не преставились ли от настоящей жизни, первый будучи усечен, второй — противоположным Господу образом приняв крестное мучение? И не за то ли особенно они и прославляются и воспеваются по всей вселенной?

2. Соображая все это, не будем считать жалкими умирающих на чужбине, ни ублажать разлучающихся с жизнью в собственном доме; но, последуя правилу Божественного Писания, поживших в добродетели

и так преставившихся будем ублажать, а умирающих во грехах признавать несчастными. Как добродетельный преставляется в лучшую жизнь, получая возмездие за свои труды, так не имеющий добродетели, умирая, уже испытывает начатки мучений, и отдавая отчет в делах своих, подвергается невыносимым страданиям.

При мысли об этом нужно поэтому заботиться о добродетели, и в настоящей жизни, как на ристалище, подвизаться так, чтобы, по окончании зрелища, украситься светлым венцом, и напрасно не раскаиваться. Пока еще продолжается время подвигов, можно, если захотим, отложить леность и преуспеть в добродетели, дабы получить предлежащие венцы. Но, если угодно, обратимся к продолжению повествования. После того, как Иаков заповедал сыну касательно погребения, и Иосиф отвечал: *аз сотворю по словеси твоему*, — Иаков сказал: *кленися мне: и клятся ему. И поклонися Исраиль на конец жезла его.* Посмотри на этого старца, человека уже преклонных лет, патриарха, поклонением выражающего уважение к Иосифу, и самым делом показывающего теперь исполнение сновидения. Когда Иосиф рассказывал ему свое сновидение, он сказал, говорит Писание: *еда пришедше приидем аз и мати твоя поклонитися тебе до земли* (Быт. XXXVII, 10)? Но, может быть, кто-нибудь скажет: как же исполнилось сновидение, когда мать Иосифа прежде умерла и не поклонилась сыну? Но Писание обыкновенно главнейшим означает все. Так как *глава жене муж* (1 Кор. XI, 3), и притом сказано: *будета два в плоть едину* (Быт. II, 24), то, как скоро преклонилась глава, очевидно уже и все тело последует главе. Если отец это сделал, тем более сделала бы это мать, если бы не похищена была от жизни (смертью). *И поклонися на конец жезла его.* Поэтому и Павел сказал: *верою*

Иаков, умирая, коегождо сына Иосифова благослови. И поклонися наверх жезла его (Евр. XI, 21). Видишь ли, что и это самое Иаков сделал по вере, предвидя, что Имевший родиться от семени его будет царского рода? Затем, когда Иаков заповедал сыну то, что хотел, немного после, говорит Писание, Иосиф, узнав, что изнемогает отец его, что он при дверях гроба, и уже приближается время кончины его, — *поимъ два сыны своя прииде ко Иакову. Поведаша же* сие *Иакову, и укрепився Исраиль седе на одре* (Быт. XLVIII, 1, 2). Посмотри, как любовь к сыну укрепляла старца, и как сила духа побеждала немощь. Услышав о прибытии сына, он, как говорит Писание, *седе на одре.* Увидев его, он показывает отеческую любовь к нему и так как готовился к смерти, то своим благословением ограждает детей, оставляя им это величайшее достояние и богатство, никогда не могущее истощиться. Вот как он начинает. Сначала повествует о Божием к нему благоволении, и потом уже преподает благословение детям. *Бог мой,* говорит он, *явися мне в Лузе, в земли Ханаани, и благослови мя и рече ми: се Аз возращу тя, и умножу тя, и сотворю тя в собрания языков: и дам ти землю сию и семени твоему по тебе во одержание вечное* (XLVIII, 3 и 4). Возвестил мне, говорит, Бог, явившись мне в Лузе, что Он умножит семя мое так, что из него произойдут собрания языков, и землю ту обещал дать мне и семени моему. *Ныне* сии *два сыны твоя, иже быша тебе в* Египте, *мои суть: Ефрем и Манассия, аки Рувим и Симеон, будут мне* (ст. 5). Этих (сынов твоих), говорит, которых ты имел прежде прибытия моего, я включаю в число моих детей, и они наравне с родившимися от меня получат мое благословение. *Сыны же* после сего, *яже аще родиши по сих, тебе будут: во имя братии своея призовутся* в *жребиях оных.* Ведай же, что и мать твоя Рахиль, когда я приблизился к Вифле-

ему, умерла *и погребох ю на пути Ипподрома.* И *видев Исраиль сыны Иосифовы, рече: что тебе сии?* И *рече: сынове мои яже ми даде Бог. И рече Иаков, приведи ми я, да благословлю их. И приближи их к нему: и лобза их и объят я* (ст. 6, 7, 8, 9 и 10). Смотри на этого старца, как он спешит, торопится благословить детей Иосифа. Иосиф приблизил их к нему, и он облобызал и обнял их, и сказал Иосифу: *се лица твоего не лишихся, и се показа ми Бог исемя твое* (ст. 21). Много, говорит, даровала мне милость Божия, и еще больше, нежели я ожидал, а лучше сказать – чего я вовсе не ожидал. Не только я не лишился лицезрения твоего, но вот увидел и родившихся от тебя детей. *И отведе их Иосиф от колен его, и поклонишася ему лицем до земли* (от 12). Посмотри, как и детей прежде всего учил он воздавать подобающую честь старцу. Взяв, сказано, Иосиф подвел, по преимуществу первородства, сначала Манассию, а потом Ефрема.

3. Здесь заметь, что праведник, у которого от старости ослабело телесное зрение (*тяжко* бо *видеста очи* его *от старости, и не можаше видети*), очи душевные имел еще крепкие, и верой провидел даже будущее. Не следуя указанию Иосифа, но переложив руки во время благословения, он отдал преимущество младшему сыну его, и предпочел Манассии Ефрема. И сказал: *Бог, емуже благоугодиша отцы мои* (ст. 15). Смотри, какое было смирение у патриарха, какая душа благочестивая! Не дерзнул сказать: Бог, Которому благоугодил *я,* но что сказал? Которому благоугодили *отцы мои.* Видишь ли душу благомыслящую? Хотя незадолго перед этим во время рассказа он говорил: в Лузе явился мне Бог и обещал дать мне и семени моему всю ту землю, и во множество языков сотворить семя мое, и таким образом имел очевидные доказательства Божьего к себе благоволения, одна-

ко сохранял еще уничиженный дух, — и говорит: Бог *емуже благоугодиша отцы мои пред ним, Авраам и Исаак.* Потом: Бог, *иже питает мя измлада.* Опять и в этом заметь великое его благомыслие. Не говорит о своей добродетели, а указывает на то, что было явлено ему от Бога, и говорит: *иже питает мя измлада даже до дне сего.* Именно Он есть благоустроивший жизнь мою от начала до настоящего времени. Так еще и прежде говорил он: *с жезлом сим преидох Иордан; ныне же бех в два полка* (XXXII, 10). И теперь то же самое говорит, только другими словами: *иже питает мя измлада даже до дне сего, Ангел, иже избавляет мя от всех зол* (XLVIII, 16). Слова души благопризнательной, сердца благочестивого, сохраняющего в свежей памяти благодеяния Божии! Он, говорит, — Которому благоугодили отцы мои, Который питал меня от юности до настоящего времени, Который изначала избавлял меня от всех зол и показал столь великое попечение о мне, Он — *благословит детища сия, и прозовется в них имя мое, и имя отец моих, Авраама и Исаака, и да умножатся во множество многое на земли* (XLVIII, 16). Видишь ли вместе и разумение и смиренномудрие, — разумение в том, что, провидя очами веры, предпочел Манассии Ефрема, — смиренномудрие в том, что нисколько не упомянул о своей добродетели, а (вознес) молитву и преподал им благословение в силу благоугождения отцов и бывших ему (от Бога) благодеяний? Но тогда как Иаков, предвидя будущее, преподавал им такое благословение, — Иосиф, видя, что младший предпочтен первородному и считая это несправедливым, *рече,* сказано, *сей первенец: возложи руку десную твою на главу его. И не хотяше, но рече: вем, чадо, вем: и сей будет в люди, и сей вознесется: но брат его менший болий его будет, и семя его будет во множество языков* (ст. 17, 18 и 19). Не думай, говорит, что я просто,

или случайно, или по незнанию сделал это; я знаю, и, предвидя имеющее быть впоследствии, так благословил его. Хотя Манассия имеет преимущество по естеству, но меньший будет больше его, и потомство меньшего будет во множество народов. А все так было потому, что здесь предуказывалось царство. Поэтому уже и в самом совершении благословения Иаков предвозвещал будущее. *И благослови я, глаголя: в вас благословится Исраиль, глаголюще: да сотворит тя Бог, якоже Ефрема и Манассию: и постави Ефрема вышше Манассии* (ст. 20). Таким образом будут они, говорит, оба славны, так что все будут молиться о том, чтобы достигнуть их славы; однако Ефрем будет первенствовать перед Манассией. Видишь ли, как благодать Божия предуказывала ему будущее, и он, движимый пророческим духом, благословляет детей Иосифа, созерцая имевшее произойти спустя столь много времени, как настоящее и видимое братьями? Таково пророчество.

И как телесные глаза не могут созерцать ничего, кроме видимого, так очи веры взирают не на видимое, а созерцают то, что должно совершиться впоследствии через много родов. Это вы еще точнее увидите из тех благословений, которые он преподает собственным детям. Но чтобы не сделать свое слово слишком продолжительным, и не причинить вам большого труда, мы удовольствуемся теперь сказанным, а благословение детям отложим до следующей беседы. Убеждаем только любовь вашу поревновать праведнику этому, и оставлять своим детям такое же наследство, которое никогда ни от чего не может потерпеть вреда. Наследство, состоящее в богатстве, часто бывает для получивших его причиной гибели, разных наветов и многих опасностей. Здесь же нельзя опасаться ничего подобного. Это — сокровище, не могущее истощиться,

сокровище не гибнущее, не могущее уменьшиться ни от козней человеческих, ни от нападения разбойников, ни от злоумышления рабов, ни от чего-либо другого подобного; оно сохраняется постоянно. Оно — духовное, и не уступает силе человеческих наветов. А если получившие его будут бодрствовать над ним, то оно сопутствует им и в жизнь будущую, и предуготовляет вечные обители.

4. Итак, не будем заботиться о том, чтобы собирать богатство, и оставить его детям; будем научать их добродетели и испрашивать им благословение от Бога; вот это, именно это — величайшее сокровище, неизреченное, неоскудевающее богатство, с каждым днем приносящее все большее богатство. Нет ничего равного добродетели, нет ничего могущественнее ее. Хотя бы ты указал мне на царство и на облеченного диадемой, но если только он не имеет добродетели, он будет несчастнее убогого, одетого в рубище. Какую может принести ему пользу диадема или порфира, когда его губит собственная беспечность? Разве Господь взирает на различие внешних достоинств? Или преклоняется перед знаменитостью лиц? Одно здесь требуется — подвигами добродетели отверзать двери дерзновения к Нему, так что не стяжавший этим путем дерзновения будет оставаться среди отверженных и лишенных всякой надежды (спасения).

Будем все иметь это в виду и так наставлять наших детей, чтобы предпочитали добродетель всему другому, а обилие богатства считали за ничто. Оно, оно-то часто и бывает препятствием к добродетели, когда юноша не умеет надлежащим образом пользоваться богатством. Как малые дети, когда берут в руки ножи или мечи, часто, по неумению надлежащим образом пользоваться, подвергают самих себя явной опасности, почему

матери и не позволяют им безбоязненно касаться их, — так и молодые люди, когда получат большое богатство, вследствие того, что не хотят надлежащим образом пользоваться им, сами себя низвергают в явную опасность, собирая себе через это богатство бремя грехов. Отсюда рождаются роскошь, неуместные удовольствия и бесчисленное множество зол. Не говорю, что это происходит прямо от богатства, а от неумения получивших его пользоваться им, как должно. Потому-то и премудрый сказал: *добро есть богатство, в нем же несть греха* (Сир. XIII, 30). Хотя и Авраам был богат и Иов был богат, однако они не только не потерпели никакого вреда от своего богатства, но еще более прославились, Ради чего и почему? Потому, что не для своего только наслаждения пользовались богатством, но для утешения других, помогая бедным в их нуждах и отверзая свой дом для всякого странника. Вот послушай, что говорит один из них: *аще же и* изыде кто из дома моего *тщим недром* (Иов. XXXI, 34)? И *немощнии же, аще когда чесого требоваху, не неполучиша* (ст. 16). Да и не только оказывали пособие неимущим из своего богатства, но и заботились о них через свое покровительство. Аз бо *бех*, говорит, *нога хромым, око же слепым*... и *от среды же зубов изъях грабление* (Иов. XXIX, 15 и 17). Видишь ли, что он и об обиженных заботится, и служит всем вместо увечных членов? Этому праведнику всем нужно подражать, — праведнику, прежде закона и прежде благодати показавшему столь великое любомудрие, и притом не имевшему ни наставника, ни добродетельных предков, а собственными усилиями и здравым смыслом пришедшему к такой доброй жизни. Каждый из нас имеет лежащее в самой природе познание о добродетели; и если кто не хочет по небрежности погубить благородство своей природы, то никогда не лишится этого. Дай Бог, чтобы

все мы, избрав добродетель и ревностно подвизаясь в ней, сподобились благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVII

Рече же Исраиль Иосифу: се аз умираю: и будет Бог с вами, и возвратит вас Бог от земли сея на землю отец ваших. Аз же даю ти Сикиму избранную пред братии твоея, юже взях мечем моим и луком (Быт. XLVIII, 21—22)

1. Мы обещали докончить беседу об Иакове в прошлый раз, но, как слово наше уже слишком распространилось, то мы не могли вполне выполнить обещания. Поэтому я хочу сегодня предложить оставшееся от прежних бесед, дабы хотя ныне, если Бог даст, достигнуть конца. Но прежде нужно напомнить вашей любви, на чем мы в прошлый раз остановили наше слово, чем заключили поучение. Вы, конечно, знаете и помните, что, когда праведник, намереваясь благословить детей Иосифа, предпочел Ефрема Манассии и когда отец был этим огорчен, — то сказал ему: *вем, чадо. И сей будет в люди, и сей вознесется; но брат его менший болт его будет, и семя его будет во множество языков. И благослови я в том дни, глаголя: в вас благословится Исраиль, глаголюще: да сотворит тя Бог, якоже Ефрема, и яко Манассию: и постави Ефрема вышше Манассии* (ст. 19, 20). До этого места доведя слово, мы, чтобы множеством сказанного не обременить вашей памяти, здесь и прекратили поучение. Итак, сегодня, если угодно, мы рассмотрим последующее. *Рече же,* сказано в Писании, *Исраиль ко Иосифу: се аз умираю: и будет Бог с вами, и возвратит вас* Бог *от земли сея на*

землю отец ваших. Аз же даю ти Сикиму избранную свыше братии твоея, юже взях мечем моим и луком. Когда благословлял он сыновей (Иосифа) и, предвидя будущее, предпочел младшего старшему, то, желая убедить Иосифа, что он сделал это не просто и не напрасно, но предсказывая будущее, предуказывает ему и собственную свою кончину, и то, что (потомки его) возвратятся из чужой земли в Ханаан, в землю отцов своих, и тем поддерживает в них отрадные надежды, дабы они ободрялись ожиданием. Ведь надежда будущих благ всегда уменьшает трудности настоящей жизни. Показывая и в самое время кончины своей любовь к Иосифу, говорит ему: *аз даю ти Сикиму избранную свыше братии твоея,* этим как бы объясняя, что совершенно это сбудется: сообразно с моим предсказанием, — вы возвратитесь и наследуете землю отцов ваших, даже и город Сихем я даю тебе в наследство, преимущественно перед братьями твоими, — город, который я взял из рук Аммореев *мечем моим и луком.* Что это значит? Здесь Иаков приписывает себе то, что Симеоном и Левием сделано было с сихемлянами, и потому говорит: *юже взях мечем моим и луком.* Но здесь, кстати, кто-нибудь может спросить: почему он приписывает себе это дело, а потом, делая завещание, он, как написано (Быт. XLIX, 5—7), укоряет их (в этом же самом поступке)? Не противоречит сам себе праведник, но обнаруживает кротость своей души, и то, что это сделалось без его ведома. Он не только не был доволен случившимся, но даже порицал, когда так случилось. Итак, желая показать свою любовь к Иосифу, уступает ему Сихем и говорит: *юже взях мечем моим и луком.* Хотя, то есть, это они (Симеон и Левий) сделали, но теперь это в моей власти. Если отец — владыка своих детей, то тем более владыка того, что приобретено ими. Если же он владыка, то он может разделять стяжания, как хочет.

Итак, желая показать Иосифу свое расположение, Иаков высказал это не только благословением Ефрема и Манассии, но и через оставление избранного Сихема в наследство сыну. *И призва Иаков сыны своя и рече им: соберитеся, да возвещу вам, что срящет вас в последния дни. Соберитеся и послушайте Исраиля, отца вашего* (XLIX, 1–2). Заметь благоразумие праведника: предузнав время своей кончины, он призывает к себе детей, и говорит: *соберитеся, да возвещу вам, что срящет вас в последния дни.* Придите, говорит, и узнайте от меня не настоящее и не то, что будет в скором времени, но то, что будет в самые отдаленные дни. И это я возвещаю вам не от себя, но по вдохновению от Духа; поэтому я и буду провозвещать события, имеющие быть потом через многие поколения. Готовясь оставить эту жизнь, я хочу в каждом из вас напечатлеть память событий, как на медном столпе. Теперь смотри, как праведник, в собрании детей, сохраняя порядок их рождения, дает каждому из них соответствующее каждому или проклятие или благословение, показывая и этим превосходство своей добродетели. Начинает с первенца. *Рувим*, говорит, *первенец... крепость моя и начало чад моих жесток терпети и жесток упорник* (ст. 3). Смотри, как велика мудрость праведника! Желая еще более усилить тяжкое, падающее на Рувима, осуждение, говорит сначала о преимуществах, принадлежащих ему по рождению, о первенстве, которое имел он, будучи начатком детей и наслаждаясь достоинством сына первородного, затем, как бы на медном столпе, начертывает его самопроизвольные преступления, показывая тем, что нет никакой пользы от преимуществ природы, если они не сопровождаются совершенствами воли, так как только качества воли привлекают или похвалу или укоризну. *Жесток*, говорит, *терпети и жесток упорник.* Ты, говорит, по собственной опрометчивости,

потерял достоинство, данное тебе от природы. Затем описывает и самый род преступления, дабы произнесенное на него осуждение послужило величайшим и для потомков уроком — не отваживаться на подобные дела. *Досадил еси яко вода, да не воскипиши: возшел бо еси на ложе отца твоего, тогда осквернил еси постелю, идеже возшел еси* (ст. 4). Здесь он намекает на сожитие Рувима с Валлой.

2. Вот как (Иаков) разумением, дарованным ему от Духа, предупреждая последующее узаконение Моисея, именно, что непозволительно отцу и сыну вступать в сожительство с одной и той же женой, запрещает уже, произнося через это осуждение своему сыну. Ты осквернил, говорит, постель, взойдя на ложе отца твоего: ты совершил дело беззаконное. За то, что ты так оскорбил меня, ты, *яко вода, да не воскипиши*. Бесплодно для тебя будет это покушение, потому что ты, даже к отцу своему не имея никакого уважения, дерзнул осквернить ложе. А дабы последующие поколения избегали подобных дел, по устроению Духа Святого это осуждение заключено в письмена, так что все слышащие это вразумляются и видят ясно, что нет никакой пользы в преимуществах, даруемых от природы, если они не сопровождаются соответственными делами воли. Затем, достаточно уже обличив этот гнусный поступок, переходит к Симеону и Левию. *Симеон и Левий совершиста обиду от воли своея* (ст. 5). Ревность, которую они выказали за сестру свою, увлекла их в несправедливость. Потом объясняя, что они привели намерение свое в исполнение без его ведома, говорит: *в совет их да не приидет душа моя, и к собранию их не прилепятся внутренняя моя* (ст. 6). Да не будет, говорит, того, чтоб я принимал участие в их намерении, или чтобы я соглашался на такой несправедливый их поступок: *яко во гневе своем избиста человека* (ст. 6). Безрассудно было их раздраже-

ние. Хотя и погрешил Сихем, но при всем том не должно было всех подвергать такому убийству. *И в похоти своей пререзаста жилы юнца,* — здесь Иаков разумеет сына Еммора, называя его *юнцем,* по его цветущему возрасту. Наконец, упомянув о делах Симеона и Левия, Иаков присовокупляет и проклятие и говорит: *проклята ярость их, яко упорна, и гнев их, яко ожесточися* (ст. 7). Он разумеет здесь коварство, которое они употребили против сихемлян, обманув их и коварно напав на них: ярость их, говорит, дерзка, опрометчива, безрассудна. *И гнев их, яко ожесточися.* Тогда как сихемляне думали показать им свое расположение, они выказали ожесточенную злобу, и поступили с ними, как с врагами. Сказав о сделанном ими преступлении, Иаков предвозвещает и наказание, которое ожидало их за это: *разделю их во Иакове и разсею их во Исраили* (ст. 7). Они, говорит, будут повсюду рассеяны, дабы всем было известно, что они потерпели это в наказание за свой дерзкий поступок. *Иудо, тебе* да *похвалят братия твоя* (ст. 8). Благословение, данное Иуде, таинственно: оно предзнаменовало все то, что относится ко Христу. *Иудо,* говорит, *тебе да похвалят братия твоя.* Так как, по устроению Божию, Он (Христос) имел произойти из этого колена, то поэтому движимый Духом Святым, в словах, обращенных к Иуде, предвещает не только нисшествие Господа к людям, но и таинство (воплощения), и крест, и погребение, и воскресение, словом сказать: все. *Иудо,* говорит, *тебе да похвалят братия твоя: руце твои на плещу враг твоих: поклонятся тебе сынове отца твоего,* указывая на покорность, какую они окажут. *Скимен львов Иуда: от леторасли, сыне мой, возшел еси;* предрекает о царстве Его, потому что в Священном Писании под образом этого животного (льва) изображается обыкновенно царское самодержавие.

Возлег уснул еси, яко лев и яко скимен: кто возбудит его (ст. 9)? Здесь разумеет крест и погребение Его. *Кто возбудит его?* Как спящего льва или скимена никто не осмелится разбудить, так, говорит, *возлег уснул еси, яко лев и яко скимен. Кто возбудит Его?* Сам Он сказал: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю* (Ин. X, 18). Потом Иаков ясно указывает и время, в какое, по устроению Божию, имел явиться Христос. *Не оскудеет*, говорит, *князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидет* Тот, Которому отложено: *и той чаяние языков* (ст. 10). Дотоле, говорит, иудейские установления и князья из иудеев будут продолжаться, пока придет Он. И хорошо Иаков сказал: *дондеже приидет* Тот, Которому отложено, то есть Которому предуготовано царство. Поэтому Он есть *чаяние языков.* Смотри, как он уже говорит о будущем спасении язычников. *И той*, говорит, *чаяние языков:* пришествия Его ожидают язычники. *Привязуяй к лозе жребя свое и к винничию жребца осляте своего* (ст. 11), под образом осляти опять предвозвещает приведение язычников. Так как осел считался нечистым животным, то Иаков и говорит, что эти нечистые языческие народы Он приведет с такой же легкостью, как если бы кто-нибудь привязал осленка к виноградной ветви, – выражая этим и величие власти и великое послушание народов. То знак большой кротости осла, что он не противится, когда его привязывают к виноградной ветви. А виноградной лозе (Христос Сам) уподоблял Свое учение: *Аз есмь*, говорит Он, *лоза истинная, и Отец мой делатель есть* (Ин. XV, 1). Виноградными же ветвями назвал кротость заповедей (Христовых) и легкость закона, и тем предвозвещал, что язычники будут удобопреклоннее к вере, нежели те (иудеи). *Исперет вином одежду свою, и кровию гроздия одеяние свое.*

3. Смотри, как здесь Он назнаменовал все таинство. Посвященные в таинства знают, что значат эти слова: *исперет вином одежду свою.* Под одеждой, я думаю, разумеется тело, которое для совершения спасения удостоил носить (Христос). Потом, чтобы в точности показать, что он назвал *вином,* Иаков присовокупляет: *и в крови гроздия одеяние свое.* Смотри, как он наименованием крови означил заклание, и крест, и все строение тайн. *Радостотворны очи его паче вина, и белы зубы его паче млека* (ст. 12). Здесь под образом вина и очей он хочет показать нам Его прославление. *И белы зубы его паче млека;* показывает праведность и славу Судьи. Под образом зубов и молока не что другое хотел означить, как то, что суд будет также чист и светел, каково свойство молока и зубов. *Завулон*, говорит, *при мори вселится и той на пристанищи кораблей, и прострется даже до Сидона* (ст. 13). Смотри, как и этому предвозвещает место поселения и то, что он распространится даже до Сидона. *Иссахар доброе возжела, почивая посреде пределов* (ст. 14). *И видев покой, яко добр, и землю, яко тучна, подложи рамы свои на труд, и бысть муж земледелец* (ст. 15). Этого похваляет за то, что он избрал земледелие и труд над землей предпочел всему. *Дан судити имать люди своя, яко и едино племя во Исраили* (ст. 16). *И да будет Дан змий, на пути, седяй на распутии, угрызая пяту конску* (ст. 17). *И падет конник вспять, спасения ждый Господня* (ст. 18). Дивиться и изумляться надобно, как этот праведник, провидя все очами духа, предсказывал сынам своим, что с каждым из них случится. Он предвозвещает то, что будет уже чрез долгое время. *Гад, искушение искусит его: он же искусит того при ногах* (ст. 19). *Асир, тучен его хлеб: и той даст пищу князем* (ст. 20). *Неффалим стебль распущающаяся, издали во отрасли доброту* (ст. 21). Вкратце коснувшись этих сынов, Иаков переходить затем к Иосифу и говорит:

Иосиф, сын возращенный, ревностный; Иосиф, сын возращенный, *сын мой юнейший* (ст. 22). Ты с самого начала сделался предметом зависти: на него *же советующе укоряху,* – разумеет соумышление против него братьев. Так как выше сказано было, что они принесли отцу злую хулу на Иосифа, то (Иаков) и говорит здесь: *на него же советующе укоряху, и налящаху нянь господие стреляний* (ст. 23), – указывая на их смертоубийственный замысл. *И сотрошася с крепостию луки их.* Смотри, как, сказав о покушениях их против Иосифа, говорит теперь о том, что после с ними самими случилось: *сотрошася с крепостию луки их, и разслабеша жилы мышцей рук их.* Они покушались убить его и, сколько могли, приводили в исполнение свой замысел; но луки их сокрушились и мышцы их ослабели. Не действительно ли это с ними и случилось, когда они услышали слова Иосифа: *аз есмь брат ваш Иосиф, егоже вы продаете во Египет* (Быт. XLV, 4)? Тогда особенно, тогда ослабели их мышцы рукой крепкого *Иакова* (ст. 24). *Оттуду укрепися Исраиль от Бога отца твоего, и поможе тебе Бог мой.* Тот, Кто ослабил мышцы их, говорит он, всемогущ. Сам Бог мой помог тебе. Посмотри на эту искреннюю любовь праведника к Господу, по которой он Господа вселенной называет только своим Богом, не ограничивая тем Его владычества и не отвергая Его власти над вселенной, но выражая собственную свою сильную любовь к Нему. *И благослови тя благословением небесным свыше.* Не только, говорит, помог тебе, но и благословил тебя *благословением земли имущия вся, благословения ради сосцев и ложесн, благословения отца твоего и матере твоея: преодоле паче благословения гор пребывающих и* вождения *холмов вечных.* Здесь он разумеет славу, знаменитость и владычество Иосифа над Египтом, под образом гор и холмов означая величие и силу его, так как он

возведен был на самую высочайшую степень власти. Благословения эти, говорит, *будут на главе Иосифове и на версе братий, имиже обладаше* (ст. 26). Эти благословения, говорит, пребудут на главе твоей. *Вениамин волк хищник, рано ясть еще, и на вечер дает пищу* (ст. 27). И здесь Иаков предвозвещает имеющее быть спустя долгое время, именно, что Вениамин, как волк, будет нападать, похищать, истреблять и делать тысячи зол. Так как Иаков всем сынам возвестил соответствующие каждому благословения, то и сказано: *и благослови их, коегождо по благословению его благослови их* (ст. 28). То есть каждому предвозвестил то, что следовало, и предрек будущие события в каждом колене. Наконец, сделав внушенные ему Духом распоряжения, говорит им: *аз прилагался к людем моим: погребите мя со отцы моими* (ст. 29).

4. Заметь, какое утешение он подает им через это завещание. Они могли понимать, что праведник этого не завещал бы, если бы верно не знал о будущем возвращении их и об освобождении от рабства египетского. Затем он указывает и место (погребения); *в пещере,* говорит, *яже есть в селе Ефрона хеттеанина* (ст. 29). Сказав это, *преста Иаков, завещая сыном своим: и возложив Иаков нозе свои на одр, преста и преложися к людем своим* (ст. 30). Посмотри и на кончину праведника, как она была чудесна. Сделав распоряжение относительно своих детей, он положил ноги свои на одр, как бы с удовольствием встречал свою смерть. После всех распоряжений он, *возложив нозе,* то есть выпрямив или протянув их, *преста,* то есть кончил жизнь свою, и *приложися к людем своим. И припад Иосиф на лице отца своего,* и *плакася о нем, и облобыза его* (Быт. L, 1). Видишь ли нежную любовь сына? Видишь ли любовь пламенную? И, по отлучении души, *припад Иосиф на лице отца своего, и облобызав его, плакася над ним.* После того Иосиф

позаботился привести в исполнение завещание отца. *И повеле Иосиф рабом своим погребателем погребсти отца своего* (ст. 2). А сам он оплакивал его сорок дней, дней погребения, а Египет *седмъдесят дней* (ст. 3). Когда было сделано все установленное, Иосиф извещает фараона и бывших при нем о завещании своего отца и говорит: *закля мя отец мой, глаголя: во гробе, егоже ископах себе в земли Ханаани, тамо мя погреби. Ныне убо возшед, погребу отца своего и возвращуся* (ст. 5). Надлежит, говорит, мне исполнить заповеданное мне отцом моим. Сделав по его воле, я возвращусь. Фараон, выслушав это, дал свое позволение. *И взыде Иосиф погребсти отца своего; и совзыдоша* с *ним вси раби Фараони.* И сродство; *и волы* и овцы *оставиша* (ст. 8). *И совзыдоша с ним колесницы, и бысть полк велик зело* (ст. 9). Посмотри, какое усердие выказывают египтяне из почтения к Иосифу. Они отправляются вместе с Иосифом, так что составляют *полк велик зело.* Придя на некое место, *рыдаша его рыданием велиим и крепким зело; и сотвори плачь отцу своему седмь дней* (ст. 10). *И видеша жители земли Ханаанския плач, и реша: плач велик Египтяном, сего ради наречеся имя месту тому: плач Египетск, еже есть об он пол Иордана* (ст. 11).

Ты, возлюбленный, слушая это, не оставляй без внимания, но сообрази время, в которое все это происходило, и не подвергай Иосифа никакому осуждению. Тогда еще не были сокрушены врата ада, не были расторгнуты узы смерти, и смерть еще не почиталась успением. Поэтому люди и поступали так, страшась смерти. А ныне, по благодати Божией, смерть стала сном, кончина — успением, ныне мы имеем многое уверение в воскресении, так что, переходя от жизни в жизнь, мы радуемся и веселимся. И что я говорю: от жизни в жизнь? Из худшей в лучшую, из временной в вечную, из

земной в небесную. Наконец Иосиф, исполнив все, *возвратися во Египет сам и братия его и вси совозшедшии* с ним (ст. 14). Но затем посмотри, в какой боязни были братья Иосифовы и какой страх потрясал их душу. *Видевше же братия Иосифовы, яко умре отец их, реша: да не когда воспомянет злобу нашу Иосиф и воздаянием воздаст нам за вся злая, яже показахом ему* (ст. 15). Страх сильно смущал ум их, и, угрызаемые совестью, они не знали, что делать. Поэтому, говорится, видя кончину отца и опасаясь, чтобы Иосиф за поступки их против него не подверг их заслуженному наказанию, *пришедше* к нему *рекоша: отец твой закля прежде кончины своея, глаголя: тако рцыте Иосифу: остави им неправду и грех их* (ст. 17). Смотри опять, как они становятся обвинителями самих себя; замечай, как велика обличительная сила совести. Вы вполне знаете, что вы сделали неправду и грех, что причинили зло. *И ныне приими неправду рабов Бога отца твоего* (ст. 17). Вот как, не будучи никем принуждаемы, они обвиняют сами себя, и говорят: отец твой сказал: *остави им, яко лукавая тебе показаша, и приими неправду рабов Бога отца твоего.* Но этот дивный, всеми добродетелями украшенный, муж так был далек даже от памятования их поступков, что был смущен словами их. *И плакася Иосиф, глаголющим им к нему. И пришедше к нему, рекоша: се мы тебе раби* (ст. 18). Посмотри, что значит добродетель, как она сильна и непреоборима, и как бессильно зло. Вот человек, столько пострадавший, теперь господствует, а те, которые так поступали с братом, сами просят быть рабами того, кого сами же они продали в рабство.

5. Но выслушай еще, как незлопамятен был Иосиф в отношении к своим братьям, как он желает всеми способами утешить их и убедить, что они нисколько не согрешили против него. Он говорит им: *не бойтеся: Бо-*

жий бо есмь аз. Вы совращаете на мя злая, Бог же совеща о мне во благая, дабы было, якоже днесь, и препиталися бы людие мнози (ст. 20). Не бойтесь, говорит, и не беспокойтесь; я человек Божий; я следую Господу моему и стараюсь вознаграждать благодеяниями тех, которые нестерпимое зло сделали мне: *Божий бо есмь аз.* Потом, показав, сколь великим благоволением от Бога он пользуется, говорит: вы поступили со мной со злым намерением, но Бог все это обратил мне во благо. Так и Павел говорил: *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. VIII, 26). *Вся*, говорит. Что же это – вся? То есть все неприятности, кажущиеся огорчения Он обращает во благо. Это самое сбылось и над дивным Иосифом. То самое, что сделали ему братья, то наиболее и доставило ему царство, при содействии благопромыслительной премудрости Божией, прелагающей злое во благое. *Дабы препиталися людие мнози.* Не только для вас Бог обратил это во благо, но и для того, чтобы весь этот народ мог пропитаться. *И рече им: не бойтеся, аз препитаю вас и домы ваши; и утеши их, и глагола им по сердцу их* (ст. 21). Итак, чего вы боитесь? Я доставлю вам и всем, находящимся с вами, все, что нужно для пропитания. *И утаим их и глагола им по сердцу их.* Не просто утешал их, но имел такую о них заботливость, что всю скорбь их уничтожил. *И вселися Иосиф во Египте сам и братия его, и весь дом отца его* (ст. 22). *И виде Иосиф Ефремли дети до третияго рода* (ст. 23). *И рече Иосиф братии своей, глаголя: аз умираю, посещением же посетит вас Бог* (ст. 24). И *совознесите кости моя отсюду* (ст. 25). Вот как и он, подобно отцу своему, заботится о том, чтобы кости его перенесены были. И заметь, как он, желая укрепить дух братье в и обнадежить их касательно возвращения, сперва предвозвещает им, что они возвратятся, а потом говорит: *совознесите*, при исходе, *и мои*

кости. Это делал он не без причины и не напрасно, но имел в виду двоякую цель: первое, — чтобы египтяне, памятуя о стольких его благодеяниях и легко людей провозглашая богами, не имели в теле праведника предлога к такому нечестию; второе, — чтобы (израильтяне) вполне были уверены, что непременно возвратятся. Если бы это не было достоверно, то он не завещал бы им вынести с собой его кости. И нечто необычайное и дивное открывалось в том, что питавший всего Израиля в Египте делается предводителем при исшествии его, и вводит его в землю обетованную. *И скончася Иосиф, сый лет ста десяти* (ст. 26). Для чего означены здесь и его лета? Для того, чтобы знать, сколько лет он имел в своих руках управление Египта. Семнадцати лет он прибыл в Египет; тридцати лет явился к фараону и истолковал сны; в продолжение восьмидесяти лет держал власть над всем Египтом. Видишь, как награды превышают труды и как многообразны воздаяния? В продолжение тринадцати лет он боролся с искушениями, перенося рабство, беззаконное обвинение и злострадание в темнице. Но как он перенес все мужественно, с благодарностью, то и в настоящей жизни получил щедрое воздаяние. Обрати внимание на то, что за краткое время терпения в рабстве и заключении он управлял царством в продолжение восьмидесяти лет. А что он все делал по вере и по этому (побуждению) завещал перенести свои кости, выслушай слова Павла: *верою Иосиф, умирая, о исхождении сынов Исраилевых памятствова*; и этим не ограничился; но чтобы показать, по какому побуждению Иосиф заботился о перенесении своих костей, апостол еще говорит: *и о костех своих завеща* (Евр. XI, 22).

Может быть, сегодня мы говорим слишком много, но простите. Приближаясь к концу книги, мы хотим

сегодня окончить ее изложение, и таким образом заключить свои поучения. Присоединим только обычное увещание, чтобы вы помнили сказанное, и подражали добродетелям древних праведников: их незлобию к обидящим, их долготерпению к наветующим, их высокому смирению. Такими добродетелями и этот праведник (Иосиф) привлек столь великое от Бога благоволение. Если и мы желаем иметь свыше помощь, то будем заботиться о добродетели. Таким образом и мы привлечем благодать Духа, — и настоящую жизнь проведем беспечально, и будущие наследуем блага; чего и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

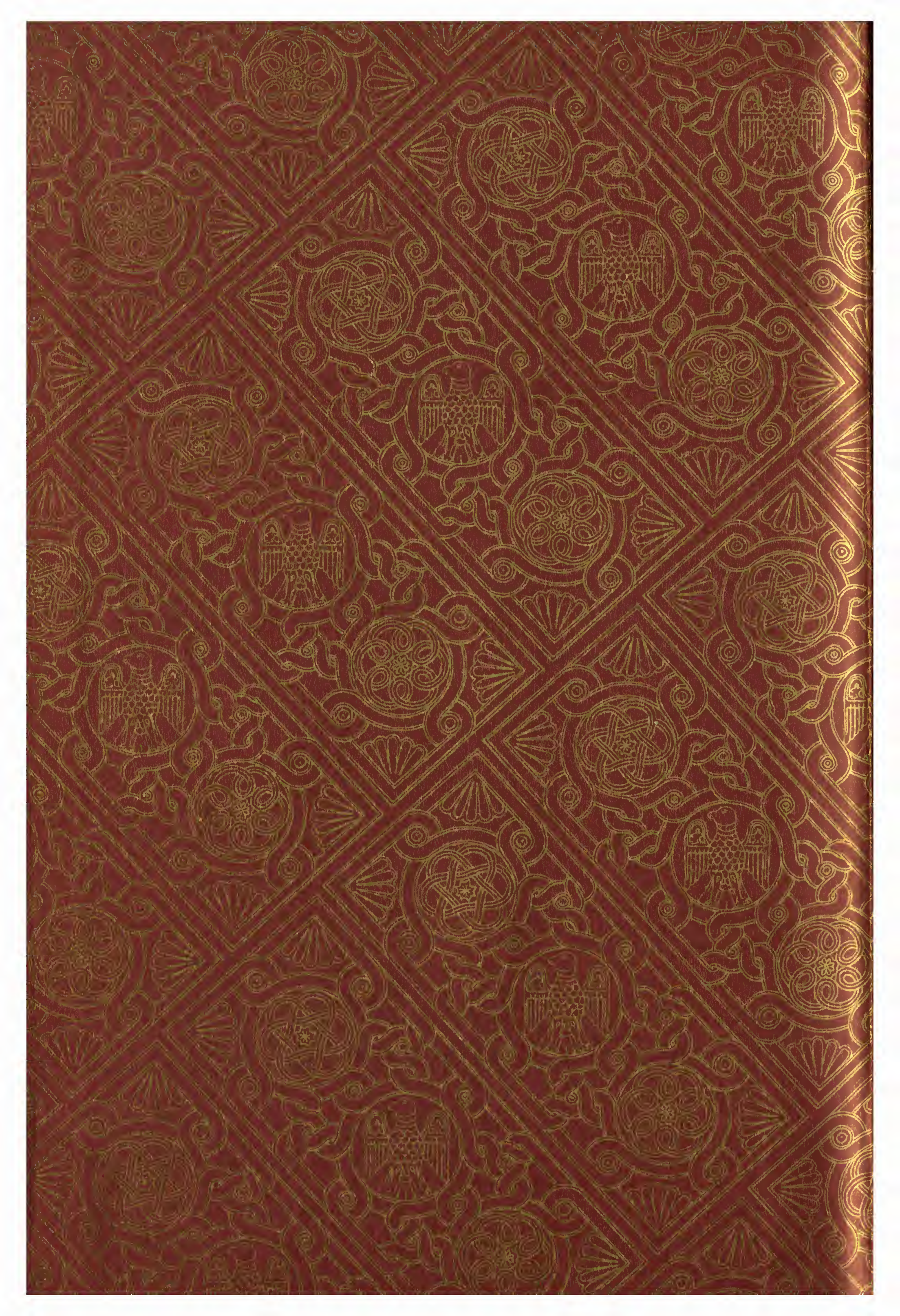
Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 57,0 п. л. Усл. печ. л. 36,76.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2574.

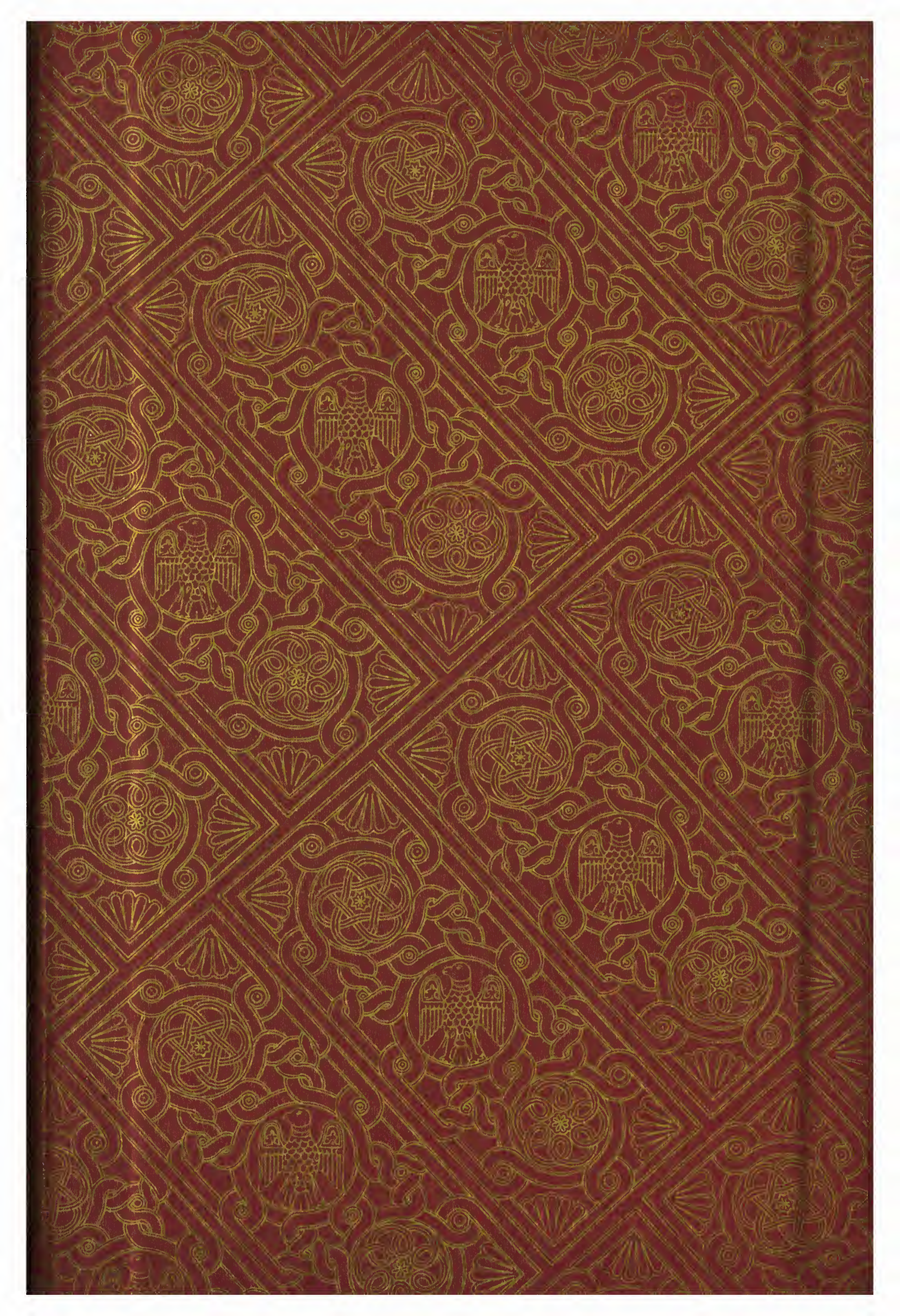
Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

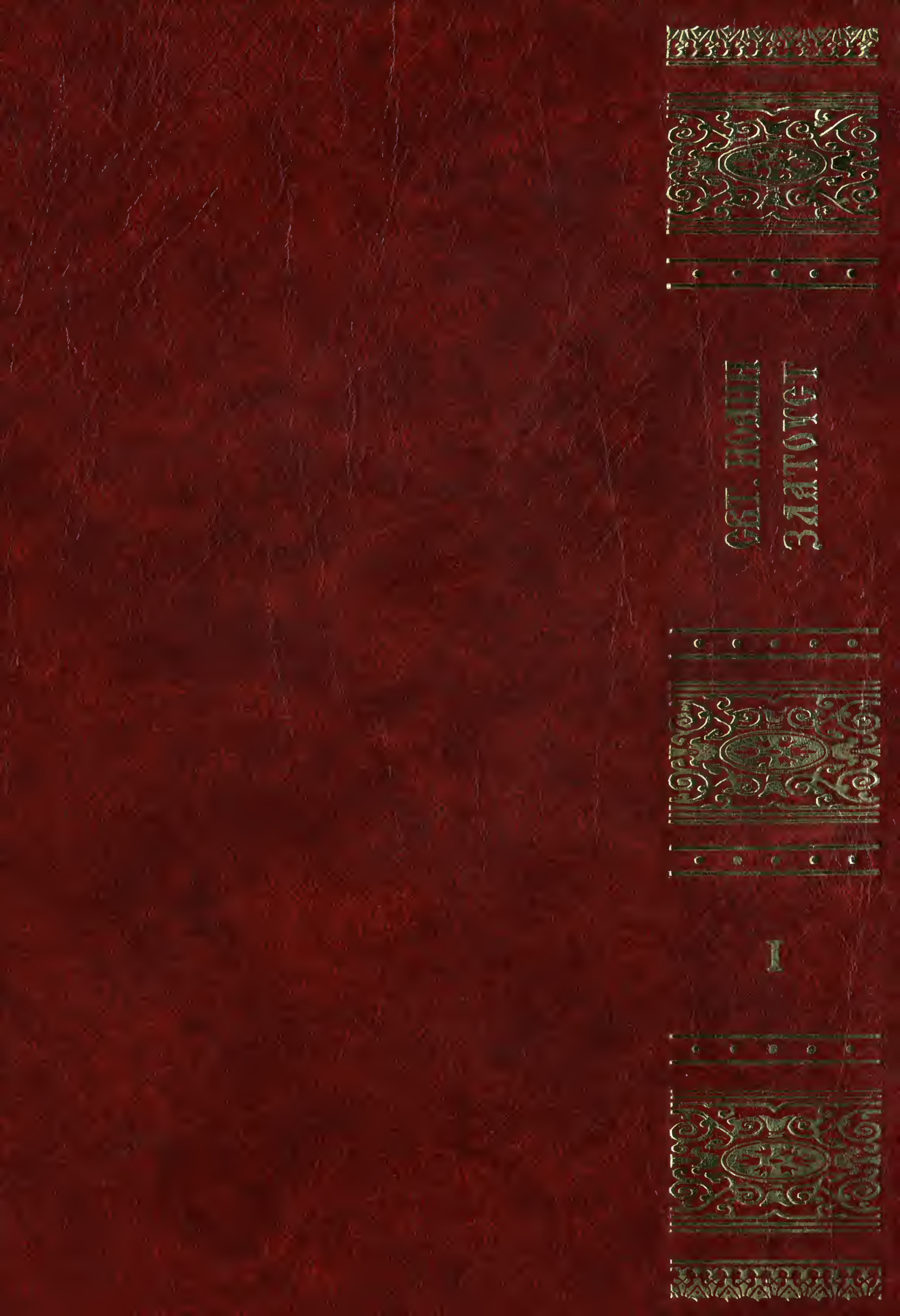
Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.






СВТ. ЙОАН
ЗЛАТОУСТ
I